

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 1 000 000 ЭКЗЕМПЛАРОВ

ГЕН АТАЛАНТИДЫ

А. ДЖ.
РИДДЛ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ЗЕРО

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 2 000 000 ЭКЗЕМПЛАРОВ

ЧУМА АТАЛАНТИДЫ

А. ДЖ.
РИДДЛ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ЗЕРО

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 3 000 000 ЭКЗЕМПЛАРОВ

ЗОВ АТАЛАНТИДЫ

А. ДЖ.
РИДДЛ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ЗЕРО

Annotation

ГЕН АТЛАНТИДЫ. Люди, называющие себя Иммари, живая память о тысячелетиях существования человечества. Нет племени древнее их. Все эти тысячелетия они хранили тайну происхождения своего рода, не открывая ее никому. И все это время искали следы своего древнего заклятого врага, противостояние с которым некогда чуть не уничтожило всех людей на планете, атлантов, внезапно исчезнувших давным-давно. Но сейчас эти поиски закончились. А вместе с ними подошел к концу и очередной виток человеческой истории грозя будущему небывалым катаклизмом. Ибо то, что обнаружили Иммари наследие атлантов, они хотят обратить на уничтожение всех слабых и неполноценных, неготовых к новому этапу эволюции. Останутся жить лишь те немногие, в ком есть уникальный ген, способный уберечь своего носителя от жуткой смерти и возвысить его над обычными людьми, ген Атлантиды... ЧУМА АТЛАНТИДЫ. Человеческий род на грани исчезновения. Безжалостная пандемия, прозванная Чумой Атлантиды, охватила весь земной шар и унесла уже почти миллиард жизней. А тех немногих, кого Чума не убивает, она меняет на генетическом уровне. Только им избранным обладателям гена Атлантиды суждено выжить в апокалиптическом аду и образовать новую расу модифицированных сверхлюдей. Так задумали те, кто спровоцировал эту глобальную чистку планеты, используя древние технологии атлантов Спасти миллиарды обреченных может лишь чудо, над которым бьются лучшие ученые мира, в том числе и доктор Кейт Уорнер. Она подозревает, что ключ к разгадке таится где-то в темных глубинах истории человечества. И тогда перед Кейт открывается неумолимая истина, что все наши представления об эволюции Homo Sapiens ничтожны. И что спасение от генетической чумы потребует таких жертв, каких она и представить себе не могла... ЗОВ АТЛАНТИДЫ, Землю постигла чудовищная катастрофа. В результате использования технологий древней цивилизации атлантов человечество поразил страшный вирус – Чума Атлантиды. Прежде чем утихнуть, вирус унес несколько миллиардов жизней. К катастрофе причастна группа людей, называющих себя Иммари и направляемых атлантом по имени Арес. Их цель – оставить лишь избранных для

основания новой цивилизации. Впрочем, самому Аресу нет никакого дела до людей – он решает свои задачи, крайне далекие от судеб Земли. Атлант мечтает возродить свою расу, давным-давно почти полностью уничтоженную инопланетными захватчиками. Но на его пути стоит человек, переживший чуму и постигший древние знания Атлантиды. Кейт Уорнер – последняя надежда землян...

•

А. Дж. Риддл
Ген Атлантиды

Посвящается Анне

Роман является вымыслом, не считая тех мест, где все взаправду.

Пролог

Исследовательское судно «Ледопад»
Атлантический океан
В 88 милях от побережья Антарктиды

Опершись о фальшборт, Карл Зелиг поглядел в бинокль на массивный айсберг. Отколовшись, рухнул в море очередной кусок льда, открыв взору еще один фрагмент длинного черного объекта, выглядевшего почти как... подводная лодка. Вот только откуда здесь взяться подводной лодке?

– Эй, Стив, иди, погляди-ка на это.

Стив Купер, друг Карла со старших классов, отвязал буюк и присоединился к Карлу на другом борту. Взяв бинокль, быстро оглядел айсберг и вдруг оцепенел.

– Ничего себе. Что это? Подлодка?

– Возможно.

– А что это под ней?

Карл перехватил у него бинокль.

– Под ней... – Он опустил взгляд к участку под субмариной.

Там было что-то еще. Подлодка – если это подлодка – торчала из другого металлического объекта – серого и куда большего. В отличие от судна серый объект не отражал света; он выглядел скорее как волны, этаким мерцанием у самого горизонта над раскаленным шоссе или длинным отрезком пустыни. Впрочем, жарой здесь и не пахло – во всяком случае, лед вокруг него не таял. Над самой конструкцией Карл разглядел на субмарине какие-то надписи:

U-977

и

Kriegsmarine

[1]

. Фашистская подлодка. Торчащая из... какой-то конструкции.

Карл опустил бинокль к боку.

– Поднимай Наоми и приготовься причалить к лодке. Надо ее осмотреть.

Стив устремился на нижнюю палубу, и Карл услышал, как он будит Наоми, спящую в одной из двух тесных каюток судна. Корпоративный спонсор Карла настоял, чтобы тот взял с собой Наоми. Карл кивнул на совещании, понадеявшись, что она не будет путаться под ногами. И не был разочарован. Когда они выходили в море пять недель назад в Кейптауне, что в Южной Африке, Наоми принесла на борт две смены одежды, три любовных романа и столько водки, что хватило бы прикончить целую армию русских. С той поры они ее почти и не видели.

Должно быть, ей тут жутко скучно

, подумал Карл. Для него же это главный шанс жизни.

Подняв бинокль, он снова поглядел на массивный кусок льда, отколовшийся от антарктического ледника почти месяц назад. Без малого девяносто процентов айсберга находится под водой, но площадь поверхности все равно достигает сорока семи квадратных миль – в полтора раза больше Манхэттена.

Докторская диссертация Карла посвящена влиянию новообразовавшихся айсбергов на глобальные морские течения по мере таяния. Последние четыре недели они со Стивом запускали вокруг ледяной горы высокотехнологичные буйки, замеряющие температуру и соленость воды, а также периодически снимали сонаром видоизменяющуюся форму айсберга с целью больше узнать о том, как те разрушаются, покинув Антарктику. Последняя содержит девяносто процентов мирового льда, и если он растает в ближайшие пару столетий, это радикально преобразит планету. Карл надеялся, что его исследования прольют свет на то, как именно.

Он позвонил Стиву в ту же минуту, когда узнал, что его исследования профинансируют. «Ты должен пойти со мной... Нет, поверь мне». Стив неохотно согласился; но затем, к восторгу Карла, его старый друг проникся интересом к экспедиции, делая с ним вместе замеры днем и каждый вечер обсуждая предварительные результаты. До путешествия академическая карьера Стива апатично дрейфовала – как айсберг, который они преследуют, – пока он перепархивал от одной темы диссертации к другой. Карл и остальные их друзья уже начали опасаться, что он вообще забросит докторантуру.

Данные исследований оказались интригующими, а теперь они нашли кое-что еще, нечто замечательное. Появятся заголовки. Но что они будут гласить? «В Антарктике найдена субмарина нацистов»? Не так уж невообразимо.

Карл знал, что нацисты были одержимы Антарктидой. В 1938-м и 1939-м они засылали туда экспедиции и даже объявили часть этого континента новой германской провинцией Нойшвабеланд. Во время Второй мировой войны нескольких фашистских субмарин недосчитались, и сведений об их затоплении не поступало. Адепты теорий заговоров утверждали, что одна нацистская подлодка покинула Германию как раз накануне падения Третьего рейха, увозя верхушку нацистского руководства и всю сокровищницу, включая и награбленные бесценные артефакты, и совершенно секретные технологии.

В глубине сознания Карла всплыла новая мысль: а вознаграждение? Если на борту этой подлодки есть нацистские сокровища, они стоят громадных денег. Ему больше никогда не придется тревожиться о финансировании своих исследований.

Непосредственной проблемой стала попытка причалить судно к айсбергу. Море было беспокойным, и потребовалось три захода, но в конце концов они ухитрились причалить в паре миль от подлодки и странной конструкции под ней.

Закутавшись потеплее, Карл и Стив надели альпинистское снаряжение. Карл отдал Наоми ряд основных указаний, в двух словах сводившихся к «ничего не трогай», а затем они со Стивом спустились на лед у борта и тронулись в путь.

За следующие сорок пять минут ни один из них не обмолвился ни словом, с трудом пробираясь по голой ледяной горе. Дальше от края лед был очень неровным, и продвижение замедлилось – у Стива сильнее, чем у Карла.

– Надо поднажать, Стив.

Тот попытался нагнать его.

– Извини. За месяц на борту я совсем потерял форму.

Карл бросил взгляд на солнце. Когда оно сядет, температура начнет стремительно понижаться, и они могут замерзнуть насмерть. Дни здесь долгие. Солнце встает в 2.30 дня и заходит после 10 вечера, но в запасе у них всего два-три часа. Карл еще чуть прибавил шагу.

За спиной у себя он слышал шарканье снегоступов Стива, отчаянно старавшегося нагнать друга. От льда доносились странные звуки: сначала низкий гул, затем drobный перестук, словно лед атакует целая тысяча дятлов. Остановившись, Карл прислушался. Обернулся к Стиву, и они встретились глазами в тот самый миг, когда паутина тоненьких трещин разбежалась по льду прямо под ногами у Стива. Тот в ужасе поглядел вниз, а потом во весь дух ринулся к Карлу и нетронутому льду.

Карлу эта сцена показалась какой-то сюрреалистической, разворачивающейся чуть ли не в замедленном воспроизведении. Почувствовал, что бежит к другу, на ходу срывая с пояса веревку и бросая ему. Стив поймал веревку за долю секунды до того, как в воздухе раскатился громкий треск и лед под ногами у него рухнул, образуя гигантскую расселину.

Веревка рывком натянулась, сдернув Карла с ног и крепко шлепнув животом на лед. Так он последует в ледяную пропасть прямиком за Стивом. Карл мучительно пытался встать на ноги, но тяга от веревки была чересчур сильна. Он ослабил хватку, веревка

заскользила между ладоней, и движение вперед замедлилось. Выставил ноги перед собой, и надетые на ботинки «кошки» впились в лед, швырнув осколки льда ему в лицо, но зато остановив скольжение. Карл сжал веревку, натянувшуюся, издавая странный вибрирующий звук, будто контрабас.

– Стив! Держись! Я тебя вытащу...

– Не надо! – крикнул в ответ Стив.

– Что?! Ты с ума...

– Тут внизу что-то есть. Опустим меня, только медленно.

Карл мгновение поразмыслил.

– Что это?

– Смахивает на тоннель или пещеру. В нем серый металл. Какой-то размытый.

– Ладно, держись. Сейчас немного отпущу... – Карл вытравил футов десять веревки и, не услышав отклика Стива, еще футов десять.

– Стоп! – крикнул Стив.

Карл почувствовал рывки веревки. Может, он раскачивается? Веревка ослабла.

– Я внутри! – сообщил Стив.

– Что это?

– Толком не знаю. – Голос друга звучал приглушенно.

Ползком подобравшись к краю расщелины, Карл выглянул.

Стив высунул голову из устья пещеры.

– По-моему, это какой-то собор. Громадный. На стенах письмена. Символы... Ничего подобного я еще не видел. Пойду огляжусь.

– Стив, не...

Стив снова скрылся. Прошло несколько минут. Неужели снова легкая вибрация? Карл насторожил уши. Ничего не услышал, но ощутил вибрацию всем телом. Теперь лед пульсировал быстрее. Встав, Карл сделал шаг от края. Лед позади него растрескался, а затем трещины появились повсюду – и начали стремительно распространяться. Он очертя голову устремился к расширяющейся расселине. Прыгнул – и не долетел до той стороны самую малость. Вцепившись ладонями в закраину, он долгую секунду болтался над пропастью. Вибрации льда становились интенсивнее с каждой секундой. Карл видел, как лед вокруг него крошится и падает, а потом осколок, державший его, откололся и Карл рухнул в бездну.

На судне Наоми смотрела, как солнце заходит за айсберг. Взяв спутниковый телефон, она набрала номер, который ей дали.

– Вы сказали звонить, если мы найдем что-нибудь интересное.

– Ничего не говорите. Не кладите трубку. Мы определим ваше местоположение за пару минут. Мы к вам прибудем.

Пристроив телефон на столе, она вернулась к плите и продолжила помешивать бобы в кастрюле.

Человек на другом конце спутниковой линии поднял голову, когда на экране вспыхнули координаты GPS. Скопировал местоположение в буфер и провел поиск по базе данных разведывательных спутников – не найдется ли ведущий наблюдение в данный момент. Один положительный результат.

Человек открыл поток и пропанорамировал картинку до центра айсберга, где обнаружились темные пятна. Несколько раз он делал наезд, и когда изображение навелось на резкость, он, выронив чашку с кофе на пол, вылетел из кабинета, опрометью ринувшись по коридору в кабинет директора. Ворвался туда, прервав седовласого человека, стоя говорившего что-то, подняв обе руки кверху.

– Мы его нашли!

Часть I

Джакарта в огне

Глава 1

Центр исследования аутизма (ЦИА)

Джакарта, Индонезия

Наши дни

Доктор Кейт Уорнер проснулась с ужасающим чувством: в комнате кто-то есть. Она пыталась открыть глаза, но не могла. Голова кружилась, словно ее накачали наркотиками. Воздух пропах плесенью... подземельем. Кейт слегка повернулась, и ее прошила боль. Кровать под ней оказалась твердой – наверное, кушетка; уж

наверняка не кровать в ее кондоминиуме на девятнадцатом этаже в центре Джакарты.

Где я?

Она услышала очередной тихий шаг, словно в теннисных туфлях по ковру.

– Кейт, – шепнул мужчина, проверяя, не пробудилась ли она.

Ей удалось чуточку приоткрыть глаза. Над ней сквозь металлические жалюзи, прикрывающие низкие широкие окна, пробивались лучи солнца. Стробоскопический свет в углу каждые пару секунд озарял комнату, будто вспышка камеры, неустанно делающей фотоснимки.

Сделав глубокий вдох, Кейт быстро села, впервые увидев этого мужчину. Он шарахнулся, выронив что-то, зазвеневшее на полу, расплескивая по полу коричневую жидкость.

Это оказался Бен Адельсон, ее лаборант.

– Господи, Кейт. Прошу прощения. Я думал... если ты пришла в себя, то можешь захотеть кофе. – Он наклонился, чтобы собрать осколки разбитой кофейной чашки, и когда пригляделся к Кейт повнимательнее, заметил: – Без обид, Кейт, но вид у тебя ужасный. – Посмотрел на нее долгим взглядом. – Пожалуйста, объясни мне, что происходит.

Доктор Уорнер протерла глаза, и голова вроде бы чуточку прояснилась, как только она сообразила, где находится. В последние пять суток она трудилась в лаборатории день и ночь, практически безостановочно с тех самых пор, когда позвонил спонсор ее исследований: выдай результаты сейчас же, хоть какие, или финансирование прекратится. На сей раз никаких отговорок. Никому из своего штата исследователей аутизма она не обмолвилась об этом и словом. Нет причин их тревожить. Она либо добьется каких-то результатов и можно будет продолжить, либо не добьется и они отправятся по домам.

– Кофе – это было бы замечательно, Бен. Спасибо.

Выбравшись из фургона, мужчина натянул на лицо черную маску.

– Внутри пользуйся ножом. Стрельба привлечет внимание.

Кивнув, его помощница тоже натянула маску.

Мужчина протянул облаченную в перчатку руку к двери, но заколебался.

– Ты уверена, что сигнализация отключена?

– Ага. Ну, я перерезала наружную линию, но внутри она, наверное, сработает.

– Что? – Он покачал головой. – Господи, да они могут сразу же и позвонить... Давай поторопимся.

И, распахнув дверь, ринулся внутрь.

Табличка над дверью гласила:

Центр исследования аутизма

Служебный вход

Бен вернулся со свежей чашкой кофе, и Кейт его поблагодарила. Он плюхнулся в кресло напротив ее стола.

– Эдак ты заработаешься до смерти. Я знаю, что последние четыре дня ты ночевала прямо здесь. А еще эта секретность – повыгоняла всех из лаборатории, громоздишь заметки, не говоришь о ЦИА-247... Это тревожит не только меня.

Кейт прихлебывала кофе. Джакарта – трудное местечко для проведения клинических исследований, но работа на острове Ява имеет свои светлые стороны. И кофе – одна из них.

Она не могла сказать Бену,
что

делает в лаборатории – во всяком случае пока. Это может обернуться пшиком, и более чем вероятно, что все они лишатся работы так или эдак. А привлекая его, Кейт лишь сделает его соучастником возможного преступления.

– А что это за стробоскоп? – кивнула она на мигающее приспособление в углу комнаты.

Бен бросил взгляд через плечо.

– Толком не знаю. По-моему, сигнализация...

– Пожар?

– Нет. По пути сюда я делал обход, это не пожар. Я как раз собирался провести тщательную проверку, когда заметил, что твоя дверь чуть приоткрыта. – Бен сунул руку в одну из дюжины картонных

коробок, загромождающих кабинет Кейт, и перелистал несколько дипломов в рамках. – А почему ты их не повесила?

– Не вижу смысла.

Развешивать дипломы не в духе Кейт, и даже будь у нее такое желание – на кого они тут могут произвести впечатление? Кейт – единственный врач-исследователь, и весь научный персонал знает ее резюме. Они не принимают посетителей, и, кроме нее, кабинет видели только две дюжины членов штата, ухаживающие за детьми-аутистами, которые служат объектами проводимых исследований. Служащие просто подумают, что Стэнфорд и Джонс Хопкинс – это такие люди, быть может, давно почившие родственники, а дипломы – наверное, их свидетельства о рождении.

– Я

бы их повесил, будь у меня степень доктора медицины из Джонса Хопкинса. – Бен аккуратно положил диплом обратно в коробку и принялся копаться в поисках других.

Кейт допила остатки кофе.

– Ага? – протянула пустую чашку. – Я бы уступила тебе его еще за чашечку кофе.

– Значит ли это, что теперь я могу тебе приказывать?

– Не увлекайся, – сказала Кейт вслед Бену, выходящему из комнаты.

Встав, она повернула твердый пластиковый стержень, управляющий жалюзи, которые открыли вид на забор из рабицы, опоясывающий здание, а за ним – на многолюдные улицы Джакарты. Утренний час пик был в самом разгаре. Автобусы и автомобили передвигались буквально ползком, а в тесных промежутках между ними мотоциклы петляли. Велосипеды и пешеходы заполняли каждый квадратный дюйм тротуаров. А она-то думала, что в Сан-Франциско жуткое уличное движение!

Дело не только в нем; Джакарта по-прежнему кажется Кейт ужасно чуждой. Она не чувствует себя дома. А может, никогда и не почувствует. Четыре года назад Кейт отправилась бы в любой уголок планеты, в любое место, только бы подальше от Сан-Франциско. Мартин Грей, ее приемный отец, сказал: «Джакарта была бы

замечательным местом для продолжения твоих исследований... и... чтобы начать с чистого листа». Еще он говорил какие-то слова, дескать, время лечит любые раны. Но сейчас время у нее на исходе.

Она обернулась обратно к столу и начала убирать фотографии, которые вынул Бен. Выцветший снимок большого танцевального зала с паркетными полами заставил ее задержаться. Как это он затесался среди ее рабочих материалов? Это единственное сохранившееся у нее фото дома в Западном Берлине неподалеку от Тиргартенштрассе, где прошло ее детство. Кейт уже с трудом представляла массивный трехэтажный особняк. В ее памяти он воспринимался скорее как иностранное посольство или роскошное поместье иной эпохи. Замок. Пустующий замок. Мать Кейт умерла при родах, а отец, хотя и был любящим и заботливым, дома бывал редко. Кейт пыталась увидеть его мысленным взором, но не могла. Всплыло лишь смутное воспоминание о холодном декабрьском дне, когда он взял ее на прогулку. Она помнила ощущение своей крохотной ладошки в его ладони, помнила, насколько безопасно себя чувствовала. Они прошагали всю Тиргартенштрассе, до самой Берлинской стены. Зрелище было мрачное: семьи возлагали к ней венки и фотографии, надеясь и молясь, чтобы стена рухнула и их близкие вернулись. Остальные воспоминания представлялись проблесками – как он уезжает и возвращается, всякий раз с какой-нибудь безделушкой, привезенной издалека. Прислуга в лепешку расшибалась, чтобы заполнить лакуну. Слуги были заботливы, но, пожалуй, чуточку холодноваты. Как там звали экономку? Или гувернантку, жившую вместе с ней и остальной прислугой на верхнем этаже? Она учила Кейт немецкому языку. Немецким Кейт владеет по сей день, а вот имени этой женщины припомнить не может.

Чуть ли не единственное отчетливое воспоминание о первых шести годах ее жизни – это вечер, когда Мартин вошел в ее танцзал, выключил музыку и сообщил, что отец домой не вернется – больше никогда, а она теперь будет жить с Марином.

Кейт хотелось бы стереть это воспоминание, да и тринадцать последующих лет заодно. С Марином она переехала в Америку, но города так и мельтешили, сливаясь в неясную полосу, пока он мотался из экспедиции в экспедицию, а ее перебрасывали из одной школы-интерната в другую. И уж больше нигде она не чувствовала себя дома.

Ее научно-исследовательская лаборатория ближе всего подошла для нее к представлению о настоящем доме. Кейт проводит здесь каждую минутку бодрствования. После Сан-Франциско они погрузилась в работу с головой, и то, что начиналось как защитный механизм, переросло в повседневность, стало образом жизни. Научная команда стала для нее семьей, а объекты исследований – ее детьми.

И вот всему этому приходит конец.

Ей нужно сосредоточиться. И еще кофе. Кейт спихнула стопку фотографий с письменного стола в коробку под ним. Куда это Бен запропастился?

Выйдя в коридор, Кейт направилась в кухню для персонала. Никого. Проверила кофейник. Пусто. Здесь мигающие огни тоже сработали.

Стряслось что-то неладное.

– Бен! – позвала Кейт.

До подхода остальных сотрудников еще целые часы. У них причудливый график, но работают они на совесть. А Кейт больше всего волнует как раз работа.

Она рискнула выйти в исследовательское крыло, состоящее из ряда кладовых и кабинетов, окружающих большую стерильную лабораторию, где Кейт и ее команда конструируют генно-терапевтические ретровирусы, которые, как они уповают, будут лечить аутизм. Заглянула сквозь стекло. Бена в лаборатории не оказалось.

В этот утренний час в здании было жутковато. Царило запустение, безмолвие и не то чтобы тьма, но и не то чтобы свет. Из окон комнат в коридор били столбы солнечного света, будто прожекторы, выискивающие малейшие признаки жизни.

Шаги Кейт отдавались гулким эхом, пока она шла через сумрачное исследовательское крыло, заглядывая в каждую комнату, щурясь от яркого джакартского солнца. Везде запустение. Осталась лишь жилая секция – спальные блоки, кухни и вспомогательные помещения для проведения исследований примерно над сотней детей, страдающих аутизмом.

Вдали послышались другие шаги, более частые, чем шаги Кейт – топот бегущих ног. Она зашагала быстрее в их направлении, и едва успела свернуть за угол, как Бен схватил ее за руку.

– Кейт! Пойдем скорей!

Глава 2

Железнодорожный вокзал Манггараи Джакарта, Индонезия

Дэвид Вэйл отступил в тень кассы железнодорожного вокзала и, покупая в киоске «Нью-Йорк таймс», украдкой разглядывал этого человека. Уплатив торговцу, прошел мимо урны, не выбросив туда газету. Это не контактное лицо.

По ту сторону киоска на вокзал неспешно вползал пригородный поезд, по самую крышу набитый индонезийскими рабочими, приезжающими в столицу из окрестных городов и весел на работу. Пассажиры гроздьями свисали из всех раздвижных дверей – по большей части мужчины среднего возраста. На крышах вагонов сидели подростки и молодежь, по-турецки и на корточках, потягиваясь, читая газеты, манипулируя смартфонами и разговаривая. Этот битком набитый пригородный поезд олицетворяет самое Джакарту – город, лопающийся по швам от растущего населения в стараниях осовремениться. Массовые перевозки – один из наиболее явных признаков отчаянных попыток столицы вместить в черте метрополиса двадцать восемь миллионов человек.

Приехавшие тотчас начали поспешно покидать поезд, наводнив вокзал, будто покупатели – супермаркеты в Черную пятницу в Америке. Воцарился хаос. Рабочие толкались, работали локтями и орали, бегом устремляясь из дверей вокзала, пока другие пробивались им навстречу. Такое происходит здесь и на других пригородных вокзалах по всему городу что ни день. Идеальное место для встречи.

Дэвид не сводил глаз с газетного киоска. Наушник с треском пробудился:

– Часовая Мастерская – Сборщику. Уведомляем, прибытие в час ноль плюс двадцать.

Контакт запаздывает. Команда начинает нервничать. Невысказанный вопрос: не отменяется ли миссия?

Дэвид поднес мобильный телефон к губам.

– Вас понял, Часовая Мастерская. Трейдер, Брокер, доложите.

Со своего наблюдательного пункта Дэвид видел обоих других оперативников. Один сидел на скамейке посреди бурлящей толпы.

Другой занимался электропроводкой возле туалетов. Оба доложили, что пока не заметили никаких признаков появления их анонимного информатора – человека, утверждающего, что располагает подробностями предстоящего террористического акта под названием «Протокол Тоба».

Оперативники хорошие – двое лучших из Джакартского отделения; Дэвид с трудом мог отличить их в толпе. Озирая остальную территорию вокзала, он ощутил какое-то смутное беспокойство.

Наушник снова затрещал. На связь вышел Говард Киган – директор «Часовой башни», контртеррористической организации, на которую работает Дэвид.

– Сборщик, Оценщик, похоже, продавцу сегодняшней рынок не по вкусу.

Дэвид – начальник Джакартского отделения, а Киган – его босс и наставник. Старик явно не хочет наступать Дэвиду на пальцы, отменяя операцию, но смысл послания очевиден. Киган прибыл из самого Лондона в надежде на прорыв. Это большой риск, учитывая прочие текущие операции «Часовой башни».

– Согласен, – отозвался Дэвид. – Давайте закругляться.

Оба оперативника как ни в чем не бывало покинули свои позиции, затерявшись в полчищах торопящихся индонезийцев.

Дэвид бросил последний взгляд на киоск прессы, где высокий мужчина в красной ветровке расплачивался за что-то. Газета. «Нью-Йорк таймс».

– Трейдер и Брокер, приготовиться. У нас покупатель, разглядывающий товар, – проговорил Дэвид.

Отойдя от прилавка, мужчина поднял газету, помедлив несколько секунд, чтобы пробежать взглядом первую полосу. Не оглядываясь, сложил газету, швырнул ее в урну и быстро зашагал к набитому поезду, отъезжающему от перрона.

– Контакт. Иду на связь.

Дэвид из тени ринулся в толпу. Мысли его неслись галопом. Почему тот опоздал? И вид у него – какой-то... неправильный. Бросающаяся в глаза красная ветровка, осанка (выправка то ли военного, то ли оперативника), походка.

Мужчина втиснулся в поезд и начал, извиваясь, продираться сквозь плотную толпу стоящих мужчин и сидящих женщин. Ростом он

превосходил почти всех пассажиров поезда, и Дэвид все еще видел его голову. Втиснувшись в поезд за ним, Дэвид остановился. Почему контакт удирает? Заметил что-нибудь? Его спугнули?

А затем это случилось. Тот обернулся, бросив взгляд на Дэвида, и выражение его глаз сказало все без утайки.

Развернувшись, Дэвид спихнул четверых мужчин, стоявших в дверях, на перрон. Толкнул их прочь от поезда, а тем временем самые нетерпеливые пассажиры хлынули в образованную им брешь. Дэвид уже хотел было крикнуть, когда поезд содрогнулся от взрыва, осыпая вокзал осколками стекла и металла. Ударная волна швырнула Дэвида на бетон перрона, вогнав его между тел – частью уже мертвых, частью извивающихся от боли. Воздух наполнился криками. Сквозь дым сыпались обломки и зола, будто снегопад. Дэвид не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Голова у него запрокинулась, и он едва не потерял сознание.

На миг он вдруг снова перенесся в Нью-Йорк, удирая от рушащегося здания, а потом оказался под ним – в западне, в ожидании. Невидимые руки схватили и вытащили его. «Мы добрались до тебя, приятель», – сказал кто-то. Под завывание сирен грузовиков с эмблемами пожарной охраны и департамента полиции Нью-Йорка солнечный свет ударил ему прямо в лицо.

Но на сей раз за ним пришла не «скорая», а черный фургон курьерской службы, стоявший перед железнодорожным вокзалом. И люди были не нью-йоркскими пожарными, а двумя оперативниками – Трейдером и Брокером. Забросив Дэвида в фургон, они рванули прочь, мимо автомобилей джакартской полиции и пожарных, запрудивших все улицы.

Глава 3

Центр исследования аутизма (ЦИА)

Джакарта, Индонезия

Четвертая комната для игр так и бурлила активностью. Сцена знакомая: повсюду разбросаны игрушки, а по комнате рассеяны с дюжину детей – каждый играет в полном одиночестве. В углу восьмилетний паренек по имени Ади, раскачиваясь взад-вперед, без

труда собирал головоломку. Едва положив последний фрагмент, он поднял взгляд на Бена с гордой улыбкой на губах.

Кейт не могла поверить собственным глазам.

Мальчик только что решил головоломку, которую ее команда использует для выявления гипермнетиков – индивидуумов, страдающих аутизмом и обладающих особыми когнитивными способностями. Чтобы собрать головоломку, требуется коэффициент интеллекта в пределах от 140 до 180. Сама Кейт собрать ее не могла, и единственный ребенок из подопытных, кому это удалось, – Сатъя.

На глазах у Кейт ребенок быстро нашел решение, разбросал детали и собрал снова. Встав, Ади уселся на скамью рядом с Сурьей – подопытным семилеткой. Младший мальчик взялся за головоломку и решил ее с такой же легкостью.

– Можешь поверить? – повернулся Бен к Кейт. – Как по-твоему, они делают это по памяти? Посмотрев, как это делает Сатъя?

– Нет. А может, и да. Сомневаюсь, – отозвалась Кейт. Мысли учинили в голове настоящую чехарду. Ей требуется время, чтобы обдумать это. Ей нужна уверенность.

– Мы ведь над этим и трудились, не так ли? – поинтересовался Бен.

– Да, – рассеянно проронила Кейт.

Не может этого быть. Это не должно сработать настолько быстро. Вчера эти дети демонстрировали классические признаки аутизма – если таковые вообще существуют. Все больше и больше исследователей и врачей начинают признавать аутизм как целый спектр расстройств с широким рядом симптомов. В основе болезни находятся функциональные нарушения в общении и социальном взаимодействии. Большинство детей, страдающих аутизмом, избегают визуального контакта и общения, другие не реагируют на собственные имена, а в самых тяжелых случаях дети вообще не переносят никаких контактов. Вчера ни Ади, ни Сурья не могли решить головоломку, не могли смотреть на других людей, не могли даже играть по очереди.

Нужно сообщить Мартину. Он уж позаботится, чтобы финансирование не прекратили.

– Что ты хочешь делать? – спросил явно взволнованный Бен.

– Отведи их во вторую наблюдательную. Мне нужно позвонить. – В рассудке Кейт схлестнулись недоверие, изнеможение и радость. – И... э-э... надо провести диагностику. ADI-R. Нет, ADOS 2

[2]

, займет меньше времени. И давай снимем это на видео.

Кейт с улыбкой ухватила Бена за плечо. Ей хотелось сказать что-нибудь проникновенное, многозначительное, знаменующее этот момент, слова, которые, по ее представлениям, изрекают блестящие будущие знаменитые ученые в переломный момент, но не выдавила ни слова, только утомленно улыбнулась.

Кивнув, Бен взял детей за руки. Кейт распахнула дверь, и они вчетвером вышли в коридор, где их ожидали двое людей. Нет, не людей – монстров, облаченных от макушки до пят в военное снаряжение – каски поверх тканевых масок, темные очки наподобие горнолыжных, бронежилеты и черные резиновые перчатки.

Застыв, Кейт и Бен недоверчиво переглянулись и тут же отодвинули детей, заслонив их собой. Откашлявшись, Кейт произнесла:

– Это научно-исследовательская лаборатория, денег у нас тут нет, но оборудование берите, берите, что хотите. Мы не...

– Заткнись! – Голос у мужчины был грубый, словно он всю жизнь только и делал, что пил и курил. Повернувшись к малорослому сообщнику – явно женщине, он приказал: – Бери их!

Женщина шагнула к детям. Не задумываясь, Кейт заступила ей дорогу.

– Не надо! Берите что угодно! Возьмите меня вместо...

Выхватив пистолет, мужчина нацелил оружие на нее.

– В сторонку, доктор Уорнер! Я не хочу причинять вам вред, но это меня не остановит.

Ему известно, кто я такая.

Уголкем глаза Кейт заметила, как Бен подбирается ближе, нацелившись на промежуток между ней и вооруженным монстром.

Ади попытался убежать, но женщина схватила его за шиворот.

Бен ступил рядом с Кейт, затем перед ней, а затем оба ринулись на вооруженного чужака. Повалили его в тот самый миг, когда пистолет грохнул. Кейт увидела, как Бен скатился с человека в черном. Кровь была повсюду.

Она попыталась подняться, но противник ее опередил. Он был слишком силен. Пригвоздил ее к земле, и Кейт услышала громкий треск...

Глава 4

Конспиративная квартира «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

Через тридцать минут после взрыва поезда Дэвид сидел за дешевым раздвижным столом на конспиративной квартире, терпеливо снося хлопоты санитара и пытаясь связать концы с концами по поводу теракта.

– Ой, – скривился Дэвид, отшатываясь от спиртового тампона, которым санитар протирал ему лицо. – Правда, спасибо, но давайте отложим это на потом. Я в порядке. Отделался царапинами и ссадинами.

В другом конце комнаты Говард Киган встал от шеренги компьютерных дисплеев и подошел к нему.

– Это была западня, Дэвид.

– Зачем? Это лишено всякого смысла...

– Не лишено. Тебе надо это видеть. Я получил это перед самым взрывом. – И Киган вручил ему листок бумаги.

<<< ТОЛЬКО ДЛЯ ГЛАЗ >>>

<<< ЧАСОВОЙ БАШНИ >>>

<<< ЦЕНТРКОМ >>>

«Часовая башня» атакована.

Отделения в Кейптауне и Мар-дель-Плате уничтожены.

Карачи, Дели, Даха и Лахор понесли потери.

Рекомендуется инициировать Файрволл.

Просьба уведомить.

<<< КОНЕЦ БЮЛЛЕТЕНЯ >>>

Киган сунул листок в карман пиджака.

– Он солгал о нашей проблеме с безопасностью.

Дэвид потер виски. Кошмарный сценарий. В голове до сих пор пульсировало после взрыва бомбы. Надо подумать.

– Он не лгал...

– Самое меньшее недооценивал, а скорее, это была ложь через умолчание с целью парализовать и отвлечь нас ради этой крупной атаки на «Часовую башню».

– Атака на «Часовую башню» не означает, что террористическая угроза вымышлена. Это могло быть прелюдией...

– Возможно. Но наверняка нам известно лишь то, что «Часовую башню» приперли к стене. Ваш первый долг – обезопасить свое отделение. У вас тут крупнейший филиал в Юго-Восточной Азии. Может статься, ваша штаб-квартира в данный момент уже атакована. – Киган подхватил свою сумку. – Я возвращаюсь обратно в Лондон, чтобы попытаться управлять происходящим оттуда. Удачи, Дэвид.

Они обменялись рукопожатием, и тот проводил Кигана из квартиры.

На улице к Дэвиду подбежал парнишка, несший стопку газет. Размахивания ими в воздухе, он кричал:

– Вы слышали? Джакарта подверглась нападению!

Дэвид оттолкнул его, но мальчишка сунул свернутую газету ему в руку и опрометью бросился за угол.

Дэвид хотел было отшвырнуть газету прочь, но... слишком уж она оказалась тяжелой. И в нее что-то завернуто. Он развернул бумагу – и оттуда выпала круглая черная трубка длиной около фута. Самодельная трубчатая бомба.

Центр исследования аутизма (ЦИА)

Джакарта, Индонезия

Шеф полиции Западной Джакарты Эдди Куснади, утирая пот, направился на место преступления – какую-то научную лабораторию на западной окраине города. Один из соседей сообщил о стрельбе. Это хороший район – того рода, где жители располагают политическими связями, так что придется проверить. Очевидно, какое-то медицинское учреждение, хотя некоторые комнаты выглядят почти как детский сад.

Паку, один из лучших офицеров в штатском, жестом пригласил его в комнату в глубине здания, где несколько полицейских обступили женщину, без сознания распростершуюся на полу, и мужчину, лежащего рядом с ней в луже собственной крови.

– Ссора любовников?

– Мы так не думаем, – ответил Паку.

Где-то на заднем плане шеф слышал плач нескольких детишек. В комнату вошла коренная индонезийка и, едва увидев тела, заголосила.

– Уберите эту дамочку отсюда, – распорядился шеф. Двое офицеров вывели ее из комнаты. – Кто они? – спросил он у Паку, единственного оставшегося полицейского.

– Женщина – доктор Катерина Уорнер.

– Доктор? Так это медицинская клиника?

– Нет. Научно-исследовательское учреждение. Уорнер – его глава. Женщина, которую вы только что видели, – одна из нянек, они ведут исследования детей-инвалидов.

– Непохоже, чтобы это было очень уж прибыльно. А парень кто? – осведомился шеф.

– Один из лаборантов. Няня говорит, что другой лаборант предложил присмотреть за детьми, так что она отправилась домой. Она утверждает, что двоих детей не хватает.

– Удрали?

– Она так не думает, говорит, в здании есть сигнализация, – сообщил Паку.

– Видеокамеры на здании?

– Нет. Какие-то камеры наблюдения в комнатах с детьми. Мы просматриваем видеоматериалы.

Наклонившись, шеф осмотрел женщину. Тощая, но не костлявая. Это ему понравилось. Пощупав пульс, он повернул ее голову набок, чтобы посмотреть, нет ли у нее травмы головы. Заметил небольшие синяки на запястьях, но в остальном она выглядела невредимой.

– Что за бардак! Узнайте, были ли у нее деньги. Если да, везите ее в участок. Если нет, отправляйте в больницу.

Глава 6

Научно-исследовательский комплекс корпорации «Иммари»

Окрестности Буранга, Китай

Тибетский автономный район

Войдя в кабинет доктора Шэня Чанга, руководитель проекта швырнул папку ему на стол.

– У нас есть новая терапия.

Схватив папку, доктор Чанг принялся перелистывать страницы.

Руководитель расхаживал по комнате взад-вперед.

– Очень многообещающая. Воспроизведем ее по-быстрому. Я хочу, чтобы машина была готова и подопытные прошли новую терапию в течение четырех часов.

Опустив папку, Чанг поднял глаза, открыл было рот, но руководитель только отмахнулся:

– И слышать не хочу. Инцидент может произойти в любой момент – сегодня, завтра, да уже мог с равным успехом произойти. Некогда нам осторожничать.

Чанг было заговорил, но руководитель снова его оборвал:

– И не говорите, что вам нужно больше времени. Время у вас было. Нам нужны результаты. А теперь поведайте, что вы намерены предпринять.

Чанг рухнул в свое кресло.

– Последние испытания перегрузили местную энергосистему; мы превысили локальную установленную мощность. Мы считаем, что устранили проблему, но наши действия могут вызвать у регионального энергетического ведомства подозрения. Более существенное осложнение заключается в том, что у нас кончаются приматы...

– Мы не будем проводить испытания на приматах. Я хочу, чтобы к испытаниям приготовили партию из пятидесяти субъектов.

Резко выпрямившись, Чанг с большим напором заявил:

– Даже если отбросить нравственные соображения – чего я призываю вас не делать, – нам просто требуется больше данных, чтобы начать испытания на людях, нам потребуется...

– У вас они есть, доктор. Все они в папке. И прямо сейчас мы собираем дополнительные данные. И это еще не все. У нас имеется два субъекта с устойчивой активацией атлантического гена.

Чанг вытаращил глаза.

– Вы... два... как...

– Загляните в папку, доктор, всё там, – указал тот на папку быстрым, как бросок кобры, движением. – И скоро они будут здесь. Так что лучше приготовьтесь. Вам всего-то и потребуется, что воспроизвести генную терапию.

Чанг перелистывал страницы, читая и что-то бормоча себе под нос. Потом поднял голову.

– Субъекты – дети?

– Да. А что, разве это проблема?

– Э-э, нет. Ну, может быть... А может, и нет.

– Правильный ответ: «Может, и нет». Позвоните мне, если понадобится, доктор. Четыре часа. Не мне вам говорить, что поставлено на кон.

Но доктор Чанг уже не слышал его, с головой уйдя в записки доктора Катерины Уорнер.

Глава 7

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

Дэвид смотрел на черную трубку через узкое окошко взрывозащитного экрана. На отворачивание колпачка трубки манипулятором, управляемым вручную, ушла целая вечность. Но надо заглянуть внутрь. Дело в весе – трубка слишком легкая для бомбы. Гвозди, картечь и шарики от подшипников весили бы куда больше.

Наконец колпачок отвалился, и Дэвид наклонил трубку. Оттуда выскользнула свернутая в трубку бумага. Толстый глянцевый листок. Фотография.

Дэвид развернул ее. Там оказалось спутниковое фото айсберга, плывущего по темно-синему морю. В центре айсберга – какой-то продолговатый черный объект. Подводная лодка, торчащая изо льда. Надпись на обороте снимка гласила:

Протокол Тоба существует.

$12+4+47 = 4/5$; Джонс

$22+7+47 = 3/8$; Андерсон

$4+10+47 = 5/4$; Эймс

Сунув снимок в картонную папку, Дэвид перешел в комнату внешнего наблюдения. Один из двоих инженеров обернулся от шеренги экранов.

– От него пока ни слуху ни духу.

– Есть что-нибудь из аэропортов? – осведомился Дэвид.

Постучав по клавишам, инженер поднял голову.

– Да, пару минут назад он приземлился в Сукарно-Хатте. Хотите, организуем, чтобы его там задержали?

– Нет. Он нужен мне здесь. Просто позаботьтесь, чтобы его не заметили на экранах видеонаблюдения этажом выше. Дальнейшее беру на себя.

Глава 8

Мировая сводка Би-би-си,
телеграфный выпуск

Потенциальные террористические акты в жилых районах Мардель-Платы, Аргентина, и Кейптауна, Южная Африка.

*** Экстренные новости: Также сообщают о взрывах в Карачи, Пакистане и Джакарте, Индонезия. По мере поступления подробностей мы будем вас информировать. ***

Кейптаун, Южная Африка // Сегодня безмятежность раннего утра в Кейптауне нарушил треск автоматных очередей и взрывы гранат, когда группа ориентировочно из двадцати вооруженных боевиков ворвалась в многоквартирный дом, убив четырнадцать человек.

Полиция от официальных комментариев по подводу этого нападения пока воздерживается.

Как утверждают очевидцы событий, атака походила на спецоперацию. Репортер Би-би-си получил на месте происшествия такое признание очевидца: «Ага, я видел это, смахивало на танк или типа того, знаете, один из этих бронетранспортеров, вкатил он, значит, на поребрик, а там мужики посыпались с него, как ниндзи, робосолдаты или типа того, двигаясь этак механически, а потом вроде как весь дом взлетел на воздух, стекла сыпались повсюду, ну, я оттудова и рванул. В смысле, райончик там не из спокойных, но, чувак, такого я еще не видал. Сперва-то я подумал, что это типа налет на наркоточку. Чё бы оно там ни было, все это пошло очень скверно».

Другой свидетель, также высказавшийся на условиях анонимности, подтвердил, что никаких официальных опознавательных знаков ни на транспортном средстве этой группы, ни на форме ее участников не было.

Репортер Рейтер, ненадолго получивший доступ на место событий, прежде чем полиция выдворила его, описывает его следующим образом: «Мне это показалось больше похожим на явочную квартиру – может, ЦРУ или МИ-6. Требуется очень хорошее финансирование, чтобы располагать такой техникой – ситуационный центр с компьютерными дисплеями от стены до стены, громадная серверная. И трупы повсюду. Примерно половина в штатском; на остальных черные бронежилеты вроде тех, которые были надеты на нападавших, как утверждают свидетели».

Пока неясно, понесли ли нападавшие какой-либо урон, вынуждены ли они были покинуть кого-либо на месте, или тела принадлежат исключительно лицам, державшим оборону. Би-би-си пыталась получить по этому поводу комментарии как от ЦРУ, так и от МИ-6, но оба агентства от каких-либо высказываний воздержались.

Неизвестно, связан ли этот инцидент каким-либо образом с аналогичным, произошедшим сегодня ранее в Мар-дель-Плате, Аргентина, где чудовищный взрыв в бедных кварталах послужил

причиной гибели двенадцати человек приблизительно в два часа ночи по местному времени. Очевидцы утверждают, что взрыв последовал за налетом тяжеловооруженной группы, опознать которую не удалось.

Как и в случае нападения в Кейптауне, ни одна из террористических группировок ответственность за атаку в Мар-дель-Плате на себя не взяла.

«Мы весьма озабочены тем, что не представляем, кто в этом замешан, – заявил Ричард Букмейер, профессор Американского университета. – Исходя из первоначальных сообщений, если либо жертвы, либо преступники входят в какую-либо из террористических группировок... это означало бы уровень оснащенности, который до сих пор считался недостижимым ни для каких террористических организаций. Это либо новое действующее лицо, либо значительный эволюционный скачок одной из уже существующих группировок. Оба сценария потребуют переосмысления того, что мы считали известным о глобальной картине терроризма».

По мере поступления подробностей мы намерены публиковать дополнительные сведения.

Глава 9

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

Дэвид занимался изучением карты Джакарты, указывающей расположение конспиративных квартир «Часовой башни» по городу, когда к нему вошел один из инженеров видеонаблюдения.

– Он здесь.

Дэвид сложил карту.

– Отлично.

Джош Коэн шагнул к невзрачному многоквартирному дому, где располагалась штаб-квартира Джакартского отделения «Часовой башни». Окружающие здания по большей части заброшены – мешанина провалившихся проектов жилой застройки и полуразрушенных складских помещений.

Табличка на доме гласила: «Охранное предприятие «Часовая башня», инкорпорейтед», и для окружающего мира «Охранное

предприятие «Часовая башня» – просто одна из все более многочисленных частных охранных фирм. Официально охранный бизнес «Часовая башня» обеспечивает личную охрану и защиту руководителям корпораций и высокопоставленным иностранцам, посещающим Джакарту, а также услуги по частному сыску, когда местные правоохранительные органы «отнюдь не склонны к сотрудничеству». Идеальное прикрытие.

Войдя в здание, Джош прошел по длинному коридору, открыл тяжелую стальную дверь и приблизился к сверкающим серебристым дверям лифта. Панель рядом с дверью отъехала в сторону, и он, приложив ладонь к зеркальной поверхности, произнес:

– Джош Коэн. Оpozнание по голосу.

Открылась вторая панель, уже на уровне лица, и красный луч пробежал по его лицу вверх и вниз, сканируя его, пока он держал глаза распахнутыми, а голову – неподвижно.

Динькнув, лифт впустил Джоша и понес его на средний этаж здания. Подъем происходил совершенно беззвучно, но Джош знал, что где-то в глубине здания инженеры видеонаблюдения в этот момент просматривают полный скан его тела, проверяя, нет ли на нем «жучков», бомб или каких-либо иных сомнительных предметов. И если что-нибудь обнаружится, лифт наполнится газом, лишенным цвета и запаха, и очнется Джош уже в камере. Ее стены будут последними, которые он узрит в этой жизни. Если же он выдержит проверку, лифт доставит его на четвертый этаж, последние три года служащий домом и ему, и джакартской штаб-квартире «Часовой башни».

«Часовая башня» – тайный ответ мира на терроризм без границ: контртеррористическое агентство, лишенное государственной принадлежности. Никакой канцелярщины. Никакой бюрократии. Только хорошие парни, убивающие плохих парней. Конечно, все не настолько просто, но «Часовая башня» подошла к этому ближе некуда.

«Часовая башня» независима, аполитична, антидогматична и, самое главное, предельно эффективна. И именно по этим причинам разведывательные службы наций всей планеты поддерживают «Часовую башню», хоть и не знают о ней ровным счетом ничего. Никто не знает, когда она возникла, кто ею командует, как она финансируется или где ее штаб-квартира. Когда Джош вступил в

«Часовую башню» три года назад, он предполагал, что, став здесь своим, получит ответы на эти вопросы. Он заблуждался. Джош быстро поднялся по служебной лестнице, став начальником отдела анализа разведывательных данных Джакартского отделения, но по-прежнему знает о «Часовой башне» не больше, чем в тот день, когда его перевербовали из Управления анализа терроризма ЦРУ. Похоже, именно так и задумано.

Внутри «Часовой башни» информация строжайшим образом сегментирована между независимыми ячейками. Все они делятся разведанными с Централью, все получают разведанные из Централю, но ни одна ячейка не обладает целостной картиной или сведениями о глобальных действиях. Именно поэтому Джош испытал шок, шесть дней назад получив приглашение на своего рода «встречу в верхах» для главных аналитиков каждой ячейки «Часовой башни». Явившись к Дэвиду Вэйлу – начальнику Джакартского отделения, – он даже спросил, не розыгрыш ли это. Тот ответил, что нет и что все начальники о совещании знают.

Но шок Джоша от приглашения быстро померк перед откровениями, прозвучавшими на совещании. Первым сюрпризом стало число присутствующих – двести тридцать восемь человек. Джош предполагал, что «Часовая башня» относительно мала – скажем, ячеек пятьдесят или около того в горячих точках планеты, – но представлен оказался весь мир. Если исходить из предположения, что каждая ячейка размером с Джакартское отделение – около пятидесяти агентов, – суммарная численность работников ячеек должна превышать десять тысяч человек плюс центральная организация, где должна быть по меньшей мере тысяча человек только для того, чтобы коррелировать и анализировать поступающие разведанные, не говоря уж о координации деятельности ячеек.

Масштабы организации просто ошеломляют – размерами она почти не уступает ЦРУ, где в общей сложности было около двадцати тысяч служащих, когда Джош там работал. И многие из этих двадцати тысяч занимались анализом в Лэнгли, штат Вирджиния, а вовсе не в поле. «Башня» же поджара, напроць лишена бюрократии и организационного жирка ЦРУ.

Пожалуй, возможности «Часовой башни» по части проведения спецопераций затмевают потенциал любого правительства на земле. В

каждой ячейке имеется три группы. Треть штата составляют оперативные сотрудники наподобие иностранной резидентуры ЦРУ; они работают под прикрытием в самих террористических организациях, картелях и прочих группировках негодяев, или в местах, где могут наработать источники: местных правительствах, банках и департаментах полиции. Целью их являются агентурная разведка (АР) – разведанные из первых рук.

Вторая треть каждой ячейки занимается анализом. Аналитики подавляющую часть времени посвящают двум видам деятельности: взлому и догадкам. Они взламывают всё и вся – телефонные звонки, электронную почту, тексты, – затем комбинируют эту разведку источников электромагнитных сигналов, или РИЭС, с АР и всеми прочими местными разведанными, и передают результат в Централь. Главная обязанность Джоша – позаботиться, чтобы Джакартское отделение максимизировало сбор данных и сделало из них выводы. Извлечение выводов звучит лучше, чем догадки, но, по сути, его работа сводится к догадкам и выработке рекомендаций начальнику отделения. Далее начальник отделения, посоветовавшись с Централью, санкционирует местные операции, проводимые группой тайных операций ячейки – последней третью штата.

Джакартская группа тайных операций заслужила репутацию одной из лучших ударных групп «Часовой башни». Это реноме обеспечило Джошу на конференции нечто вроде статуса знаменитости. Ячейка Джоша де-факто является лидером по всему Азиатско-Тихоокеанскому региону, и все хотели знать секреты их мастерства.

Но пиететом к Джошу прониклись не все. Он с радостью встретился на конференции со многими из своих старых друзей – людей, с которыми бок о бок работал в ЦРУ или поддерживал связь в других государственных структурах. Просто невероятно; он общался с людьми, которых знал не один год. «Часовая башня» строго придерживается правила давать каждому новому члену новое имя, стирая его прошлое, и за рамками ячейки ему даже нельзя открывать свою личность. Голос при телефонных звонках вонне видоизменяется при помощи компьютера. Личные контакты строго возбраняются.

И встреча лицом к лицу – с каждым главным аналитиком каждой ячейки – сорвала завесу секретности. Это противоречило всем действующим протоколам «Часовой башни». Джош понимал, что для

такого риска должна иметься причина – нечто крайне веское и крайне срочное, – но даже самые смелые его догадки и близко не подошли бы к тайне, которую Централь открыла на конференции. Он до сих пор не в силах был поверить ей до конца. И теперь должен поведать ее Дэвиду Вэйлу, и незамедлительно.

Пройдя в переднюю часть лифта, Джош стал перед самыми дверьми, наготове кратчайшим путем устремиться в кабинет начальника отделения. Сейчас девять утра, и работа в Джакартском отделении должна быть в полном разгаре. В закутке аналитиков, должно быть, царит суматоха, как на торговых площадках Нью-Йоркской фондовой биржи, аналитики толпятся вокруг шеренг мониторов, указывая на экраны и отчаянно споря между собой. Напротив дверь группы подготовки полевых операций широко распахнута, и комната, наверное, битком набита оперативниками, готовящимися к трудовому дню. Подоспевшие последними стоят перед своими шкафчиками, торопливо надевая бронежилеты и рассовывая по всем карманам запасные магазины. Ранние пташки тем временем обычно сидят поблизости на деревянных скамейках, беседуя перед утренним брифингом о спорте и оружии, и товарищеские разговоры лишь изредка прерываются обычными для раздевалок розыгрышами и дурачествами.

Это фактически дом родной, и Джош не мог не признаться себе, что скучал по нему, хотя конференция оказалась благотворной в совершенно неожиданном отношении. При мысли, что он принадлежит к большой когорте главных аналитиков – людей, обладающих тем же жизненным опытом, что и он, сталкивающихся с теми же проблемами и страхами, – Джош ощутил удивительный душевный подъем. В Джакарте он глава аналитического отдела, на него работает целая команда, он отчитывается только перед начальником отделения; но равных ему рядом нет, даже поговорить толком не с кем. Разведывательная деятельность – профессия одиночек, особенно для тех, кто стоит у руля. Это определенно наложило отпечаток на некоторых из его старых друзей. Многие постарели не по годам. Другие ожесточились и замкнулись в себе. Повидавшись с ними, Джош задумался, не кончит ли он тем же. За все приходится платить, но он верит в дело, которым они все заняты. Идеальных работ не бывает.

Наконец выбросив мысли о конференции из головы, он вдруг сообразил, что пора бы уже дверям лифта распахнуться. Когда Джош повернул голову, чтобы оглядеться, огоньки лифта размазались перед глазами, как при замедленном воспроизведении видео. Тело налилось тяжестью, каждый вздох давался с трудом. Джош протянул руку, чтобы схватиться за перила лифта, но пальцы не слушались; ладонь соскользнула, и стальной пол ринулся ему навстречу.

Глава 10

Комната для допросов С

Следственный изолятор полиции Западной Джакарты

Джакарта, Индонезия

Голова болела прямо-таки убийственно. Все тело ныло. А полиция отнюдь не жаждала прийти на помощь. Кейт очнулась на заднем сиденье полицейской машины, и водитель отказывался ей что-либо объяснить. А когда доехали до полицейского участка, дела пошли еще хуже.

– Почему вы меня не слушаете? Почему вы не занимаетесь поиском этих двух детей? – Встав и опершись о металлический стол, Кейт Уорнер воззрилась на самодовольного мелкотравчатого следователя, уже растратившего попусту двадцать минут ее времени.

– Мы пытаемся их найти. Вот потому мы задаем вам эти вопросы, мисс Уорнер.

– Я уже вам сказала, что ничего не знаю.

– Может, да, а может, и нет, – произнося эти слова, недомерок покачал головой из стороны в сторону.

– Жопа моя может. Я сама их найду! – Она направилась к стальной двери.

– Эта дверь заперта, мисс Уорнер.

– Так отойдите.

– Невозможно. Пока подозреваемого допрашивают, она должна быть запертая.

– Подозреваемого? Мне нужен адвокат, и сейчас же!

– Вы в Джакарте, мисс Уорнер. Никакого адвоката, никакого звонка в американское посольство. – Тот продолжал смотреть вниз, сковыривая грязь со своих ботинок. – У нас тут много иностранцев,

много посетителей, много людей, которые приезжают сюда и не уважают нашу страну, наш народ. Вот раньше как было? Мы боялись американского консульства, давали вам адвоката, и вам всегда удавалось отвертеться. Но мы учимся. Индонезийцы не так глупы, как вы думаете, мисс Уорнер. Вот потому вы работаете здесь, не правда ли? Вы думаете, мы чересчур глупые, чтобы разобраться, что вы затеваете?

– Ничего я
не
затеваю. Я пытаюсь излечить аутизм.

– Так почему не делать это в вашей собственной стране, мисс Уорнер?

Кейт никогда, хоть миллион лет пройди, не сказала бы этому человеку, почему покинула Америку. Вместо этого она заявила:

– Америка – самое дорогое место на свете для проведения клинических исследований.

– А так дело в затратах, да? Здесь, в Индонезии, вы можете покупать младенцев для своих опытов?

– Я не покупала никаких младенцев!

– Но ваш эксперимент имеет право собственности на этих детей, не правда ли? – Он развернул папку и указал на документы.

Кейт взглядом проследила за его пальцем.

– Мисс Уорнер, ваш эксперимент является официальным опекуном обоих этих детей – общим числом сто три, не правда ли?

– Официальное опекунство – отнюдь не право собственности.

– Вы используете другие слова. Так делала Голландская Ост-Индская компания. Вы об этом знаете? Я уверен, знаете. Они использовали слово «колония», но владели Индонезией больше двести лет. Корпорация владела моей страной и моим народом, и они относились к нам, как к своей собственности, и брали, что им хотелось. В тысяча девятьсот сорок седьмом году мы наконец получаем нашу независимость. Но память моего народа еще свежа. Жюри присяжных будет видеть это так же. Вы взяли этих детей, не правда ли? Вы сказали себе, что вы за них не платили. И я не вижу

записей их родителей. Они не давали согласия на опеку. Они хотя бы знают, что их дети у вас?

Кейт устремила на него испепеляющий взгляд.

– Я так и думал. Теперь мы куда-то движемся. Лучше быть честной. Одна последняя вещь, мисс Уорнер. Я вижу, что ваши исследования финансируются научно-исследовательским отделом «Иммари Джакарта». Вероятно, это только совпадения... но, к большому сожалению, «Иммари Холдингс» приобрел многие активы голландцев, когда их прогнали шестьдесят пять лет назад... так что деньги для вашей работы пришли от...

Сунув листки в папку, он встал, словно этакий индонезийский Перри Мейсон, возглашающий свою заключительную речь.

– Вы можете видеть, как может видеть это жюри присяжных, мисс Уорнер. Ваши люди уходят, но возвращаются с новым именем и продолжают эксплуатировать нас. Вместо сахарного тростника и зерен кофе, как в девятисотых годах, теперь вы хотите новых лекарств, вам нужны новые морские свинки для экспериментов. Вы берете наших детей, проводите опыты, которые вы не можете проводить в своей собственной стране, потому что вы не будете делать это со своими собственными детьми, а когда что-то идет нехорошо – может, ребенок болеет или вы думаете, что власти узнают, – вы избавляетесь от этих детей. Но что-то идет неправильно. Может, один из ваших санитаров не может убить этих детей. Он знает, что это неправильно. Он оказывает сопротивление, и он убит в борьбе. Вы знаете, что полиция придет, так что вы придумываете эту историю про похищение? Да. Вы можете это признать; это будет лучше. Индонезия – милосердное место.

– Это неправда.

– Это самая логичная история, мисс Уорнер. Вы не даете нам альтернативы. Вы просите своего адвоката. Вы настаиваете, чтобы мы освободили вас. Подумайте про то, как это выглядит.

Кейт уставилась на него.

Встав, человек двинулся к двери.

– Очень хорошо, мисс Уорнер. Я должен вас предупредить: то, что последует, не будет приятно. Лучше всего сотрудничать, но, конечно, вы, умные американцы, всегда знаете лучше.

Глава 11

Научно-исследовательский комплекс корпорации «Иммари»

Окрестности Буранга, Китай

Тибетский автономный район

– Проснись, Цзинь, выкликают твой номер.

Цзинь попытался открыть глаза, но свет просто-таки слепил. Товарищ по комнате скорчился над ним, шепча что-то ему на ухо, но Цзинь не мог разобрать ни слова. На заднем плане гулкий голос вещал через громкоговоритель: «204394, явиться немедленно. 204394, явиться немедленно. 204394. 204394. Явиться».

Цзинь соскочил с узкой койки. Давно ли его вызывают? Он стрельнул глазами влево-вправо, взглядом обшаривая клетушку размером три на три метра, которую делит с Веем. Где его штаны и рубаха? Только не это – если он опоздает и забудет свое обмундирование, его наверняка выгонят. Да где же они?! Где?.. Товарищ по комнате, сидя на своей койке, протягивал ему белые хлопчатобумажные штаны и рубаху. Схватив вещи, Цзинь торопливо их натянул, едва не порвав штаны.

– Извини, Цзинь, я тоже спал, – уставившись в пол, пробормотал Вей. – Я не слышал.

Цзинь хотел что-то сказать, но времени на это не было. Выбежав из комнаты, он помчался по коридору. Несколько каморок пустовали, а в большинстве было лишь по одному обитателю. Санитар у дверей пристройки распорядился:

– Руку!

Цзинь протянул руку:

– Двести четыре триста девяносто четыре.

– Спокойно, – велел медик. Помахал ручным прибором с экранчиком над предплечьем Цзиня. Тот пискнул, и санитар, повернув голову, гаркнул: – Есть! – И распахнул Цзиню дверь. – Ступай.

Цзинь присоединился к примерно пятидесяти другим «жильцам». Трое санитаров отконвоировали их в большую комнату с длинными рядами кресел. Высокие перегородки делили ряды на подобие отсеков. Рядом с каждым креслом, напоминающим пляжный шезлонг, высилась серебристая стойка с тремя мешками прозрачной жидкости, каждый с тянущейся от него трубкой. По другую сторону каждого кресла стоял

аппарат с уймой циферблатов – больше, чем на приборной доске автомобиля, – и свисающим снизу жгутом проводов, привязанным к правому подлокотнику кресла.

Цзинь еще ни разу в жизни не видел ничего этакого. Такого просто не бывало. С той поры, когда он прибыл в заведение шесть месяцев назад, повседневная рутина почти никогда не менялась: завтрак, обед и ужин точно в одно и то же время, и блюда всегда одни и те же; каждый раз после еды брали кровь из штучки вроде клапана, которую ему вживили в правое предплечье; да порой еще приходилось делать днем упражнения с электродами на груди. Все остальное время они были ограничены стенами своих каморок три на три метра с двумя койками и туалетом. Каждые два-три дня делали его фотографию большой машиной, издающей басовитое жужжание. И всегда велели ему лежать неподвижно.

Мылись они раз в неделю – в большом общем душе. Это покамест было самое худшее – пытаться сдержать при мытье беса. В первый месяц его пребывания одну парочку поймали на баловстве. Больше их не видели.

В последний месяц Цзинь пытался в банный день остаться в каморке, но его на этом подловили. Надсмотрщик влетел в его комнатку, как оглашенный. «Еще раз ослушаешься, и мы тебя вышвырнем», – сказал он. Цзинь перепугался до смерти. Они тут платят состояние, целое состояние. А у него и выбора-то нет.

Его семья в прошлом году потеряла свою ферму. Налоги на маленькую ферму нынче никому не по карману; может, на большую еще куда ни шло. Цены на землю взлетели до небес, население по всему Китаю растет. Так что его семья поступила, как многие крестьянские семьи: отправила старших в город на заработки, а родители и младшие дети остались, чтобы как-то перебиться.

Старший брат нашел работу на заводе, делающем электронику. Цзинь с родителями навестил его через месяц, как он приступил. Условия там куда хуже, чем здесь, и работа уже начала взимать свою дань – вместо сильного, энергичного двадцатиоднолетнего парня, покинувшего родительскую ферму, они увидели человека лет на двадцать старше. Бледный, волосы поредели, плечи сгорбились. А еще он все время кашлял. Сказал, что на заводе инфекция и все в бараке ее подцепили, но Цзинь ему не поверил. Брат дал родителям немножко

денег, сэкономленных с жалованья. «Только подумайте, лет через пятьдесят у меня будет довольно, чтобы купить нам новую ферму. Я вернусь домой, и мы начнем сызнова». Все были взволнованы, и родители сказали, что очень им гордятся.

По пути домой отец Цзиня сказал, что завтра же пойдет и найдет работу получше. При его-то умении он уж, конечно, может стать где-нибудь бригадиром. Он будет зарабатывать хорошие деньги. Цзинь с матерью просто кивнули.

В ту ночь Цзинь слышал, как плачет мать, а вскоре за тем – крик отца. Они никогда не ругались.

На следующую ночь Цзинь выскользнул из своей комнаты, написал им записку и отправился в Чунцин – ближайший большой город. В городе было полным-полно людей, искавших работу.

В первых семи местах, куда сунулся Цзинь, ему дали от ворот поворот. А вот в восьмом вышло иначе. Не задавали никаких вопросов. Сунули ватную палочку ему в рот и заставили ждать в приемной целый час. Потом большинство пришедших отослали. А еще через час назвали его номер – 204394 – и сказали, что могут нанять его в медицинское исследовательское учреждение. И сказали зарплату. Он подписывал бумаги так быстро, что аж рука заболела.

Цзинь прямо не мог поверить своему везению. Решил, что условия будут суровые, но попал пальцем в небо – тут чуть ли не курорт. А теперь он все испортил. Уж, конечно, его шибанут. Назвали же его номер.

Может, у него уже набралось на новую ферму. Да разве найдешь тут другое научное место? Он слышал, что большие фабрики в Китае обмениваются списками плохих рабочих. Эти люди не могут найти работу нигде. Это хуже смерти.

– Чего ждете?! – крикнул фельдшер. – Найдите себе места!

Цзинь и остальные человек пятьдесят босоногих «рабочих» в белых одеждах заспешили рассесться, суется, пихаясь локтями; несколько человек споткнулись. Места нашли себе все, кроме Цзиня. Стоило ему добраться до кресла, как кто-то в последний миг туда плюхался. Что, если он не найдет кресла? Может, это проверка. Может, надо...

– Эй, ты! Спокойно, спокойно. Поосторожней с аппаратурой, – приказал медик. – Просто сядь в ближайшее кресло.

Переведя дух, Цзинь прошел в следующий ряд. Полон. Но в последнем ряду место нашлось.

Пришла другая группа медработников в длинных белых халатах, с планшетными компьютерами в руках. Подошедшая к Цзиню молоденькая женщина подсоединила мешки к клапану на его руке и прикрепила к телу круглые датчики. Выстучав что-то на своем экране, она перешла к следующему креслу.

Может, это только новая проверка, подумал он.

Его вдруг потянуло в сон. Цзинь откинул голову на подголовник и...

Проснулся Цзинь в том же кресле. Мешки отстегнули, но датчики были подключены по-прежнему. Голова кружилась, тело затекло, будто он подцепил грипп. Попытался поднять голову. Ужасно тяжелая. Подошел «белый халат», осветил фонариком ему в глаза, потом отцепил датчики и велел ему пойти и встать с остальными у двери.

Когда Цзинь вставал, ноги едва не подкосились. Удержавшись за подлокотник, он выпрямился и заковылял к группе. Все выглядели сонливыми. Всего осталось человек двадцать пять – примерно половина вошедшей группы. А где остальные? Он что, опять проспал? И это наказание? Ему скажут, за что? Через пару минут к ним присоединился еще один мужчина; он выглядел даже хуже, чем Цзинь и остальные.

Санитары провели их по другому длинному коридору в громадное помещение, которого Цзинь еще ни разу не видел, – совершенно пустое, с очень гладкими стенами. У него сложилось впечатление, что это подвал или навроде того.

Прошло несколько минут. Цзинь боролся с позывом усесться на пол. Ему не сказали, что можно сесть. Так он и стоял, понутив свою тяжелую голову.

Дверь открылась, и ввели двоих детей – не старше лет семи-восьми. Впустив их к группе, стражники с грохотом захлопнули за собой дверь.

Дети одурманены не были – во всяком случае, так Цзиню показалось. Вполне себе бодренькие. Они быстро пробирались через толпу народа. Смуглые. Не китайцы. Они переходили от человека к

человеку в надежде найти знакомое лицо. Цзинь подумал, что они вот-вот расплачутся.

В дальнем конце помещения послышался механический лязг, навряд ли лебедки. Через пару секунд до Цзиня дошло, что что-то там спускают. Ох, какая ж у него тяжелая голова! Он тужился поднять ее. Едва сумел разглядеть машину. Что-то вроде массивной железной пешки с плоской макушкой – а может, колокол с гладкими прямыми боками. Метра четыре в высоту – и, должно быть, тяжеленный: четыре троса, на которых его опускали, были просто великанские – наверное, с четверть метра в обхвате. Метрах в шести над землей штукovina остановилась, и два троса пошли вниз по стене по полозьям, которых Цзинь прежде не заметил. Остановились примерно наравне с громадиной и вроде как натянулись, заякорив ее с обеих сторон. С верха машины спускался еще один трос – даже толще, чем те, что по бокам. Но, в отличие от остальных, он был не металлический и даже не жесткий. Сплетенные в жгуты охапки проводов или компьютерных кабелей, будто этакая электронная пуповина.

Дети остановились посреди толпы. Все взрослые силились поднять головы.

Глаза уже приспособились, и Цзинь с трудом различил значок, выгравированный на машине сбоку. Навряд ли фашистского символа, этого, как там его... запомнил. Как же хочется спать!

Машина была темная, но Цзиню казалось, что он слышит негромкий пульсирующий звук, будто кто-то ритмично бьет по толстой двери –

донн-донн-донн

. А может, на манер звука снимающего аппарата. Может, это просто другой снимающий аппарат? Делает групповой снимок?

Донн-донн-донн

с каждой секундой становилось громче, и на макушке здоровенной пешки появился огонь – наверное, в ее голове есть небольшие окошки. С каждой пульсацией звона вспыхивал желто-оранжевый огонь, придавая машине сходство с маяком.

Цзинь был так зачарован звуком и световыми вспышками машины, что даже не заметил, как люди вокруг него валяются с ног. Что-

то происходило. И с ним тоже. Ноги стали еще тяжелее. Он услышал звук вроде сгибающегося металла – машина рвалась с удерживающих ее с обеих сторон тросов вверх.

Что ни секунда, пол тянул к себе все сильнее. Цзинь огляделся, но детей не увидел. Почувствовал, как кто-то схватил его за плечо. Обернувшись, увидел незнакомца, опирающегося на него. Лицо у того покрывали глубокие морщины, из носа хлестала кровь. Цзинь сообразил, что с его ладоней облезает кожа, марая одежду Цзиня. И не только кожа. Кровь незнакомца тоже начала расползаться по рубашке Цзиня. Человек повалился на него, и они вдвоем рухнули на пол. Цзинь слышал, как

донн-донн-донн

машины сливается в один непрерывный набатный гул и сплошной свет, чувствуя, как хлынувшая носом кровь заливает лицо. А потом свет и звук внезапно оборвались.

В аппаратной доктор Чанг и его команда стоя смотрели, как неподвижные валяются грудой сморщенных, окровавленных тел.

Чанг без сил рухнул в кресло.

– Ладно, все, выключайте. – Сняв очки, он швырнул их на стол, ущипнул себя за переносицу и испустил вздох. – Придется доложить об этом директору.

Тот будет очень недоволен.

Поднявшись, Чанг направился к двери.

– И начинайте уборку; не утруждайтесь вскрытием.

Результаты все равно будут те же, что и в предыдущие двадцать пять раз.

Двое уборщиков, раскачав, швырнули тело в пластиковый контейнер на колесиках. Там уже лежит с десяток трупов. Сегодня, наверное, придется гонять к мусоросжигателю трижды – может, дважды, если навалить их с горкой.

Им доводилось убирать еще и не такое; тут хотя бы трупы целехонькие. Вот ежели они в ошметках, тут надобна целая вечность.

В костюмах химзащиты работенка нелегкая, но уж лучше это, чем альтернатива.

Они подняли следующий труп, раскатали, затем...

Кто-то в груди закопошился.

Двое пацанов барахтались под телами, тужась выползти. Перепачканные кровью с головы до ног.

Один из уборщиков принялся оттаскивать трупы от них. А второй, обернувшись к камерам, замахал руками.

– Эй! У нас тут двое живых!

Глава 12

Карцер

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

– Джош, ты меня слышишь?

Джош Коэн попытался открыть глаза, но свет был чересчур ярким. В голове стучало.

– Ну-ка, дайте мне еще одну.

Джош с трудом различал размытый силуэт человека, сидящего рядом с ним на жестком ложе. Где это он? Смахивает на одну из конвойных камер отделения. Тот поднес к носу Джоша ампулу и с громким щелчком разломил ее. Он вдохнул худший запах на свете – резкую, ошеломительную вонь аммиака, ворвавшегося в дыхательные пути, наполнившего легкие и буквально швырнувшего Джоша назад с такой силой, что затылок стукнулся о стену. Непрекращавшийся стук сменился острой болью. Зажмурившись, Джош потер затылок.

– Ладно, ладно, успокойся! – Голос принадлежал начальнику отделения Дэвиду Вэйлу.

– Что происходит? – осведомился Джош.

Теперь он был в состоянии открыть глаза, и заметил, что Дэвид облачен в полную индивидуальную бронезащиту, и с ним еще двое полевых сотрудников, стоящих у дверей камеры.

Джош сел.

– Должно быть, кто-то подсунул «жучка»...

– Расслабься, дело не в «жучке». Можешь встать? – перебил его Дэвид.

– Пожалуй, да. – Джош не без труда поднялся на ноги. Голова еще шла кругом от газа, отключившего его в лифте.

– Хорошо, следуй за мной.

Джош направился вслед за Дэвидом и обоими оперативниками прочь из комнаты предварительного задержания с конвойными помещениями и вдоль по длинному коридору, ведущему в серверную. У дверей серверной Дэвид обернулся к двоим бойцам.

– Ждите здесь. Радируйте мне, если кто-нибудь войдет в коридор.

Внутри серверной Дэвид снова стремительно зашагал вперед, и Джошу пришлось припустить чуть ли не рысцой, чтобы не отставать. При росте чуть побольше шести футов начальник отделения мускулист – не такой амбал, как некоторые из оперов, смахивающие на полузащитников, но достаточно крупный, чтобы любой налакавшийся забияка в баре прикусил язык.

Они пробирались через загроможденную серверную, огибая одну за другой аппаратные стойки с металлическими ящиками, играющими зелеными, желтыми и красными мигающими огоньками. В помещении царила прохлада, и неустанный гул машин малость выбивал из колеи. Группа из трех айтишников постоянно работает с серверами – подключая, отключая и заменяя аппаратное обеспечение, а попутно превращая помещение в свинарник. Джош споткнулся о кабель, но прежде чем он грохнулся на пол, Дэвид обернулся, подхватив его и снова поставив на ноги.

– Ты в порядке?

– Ага, – кивнул Джош. – Просто здесь бардак.

Дэвид промолчал, но остаток пути до высокого металлического картотечного шкафа в глубине серверной шел чуть помедленнее. Придя, отодвинул шкаф в сторону, открыв взору серебристую дверь и панель возле нее. Красный свет сканера ладони обшарил его руку, открылась вторая панель, осуществившая сканирование лица и сетчатки. Когда с этим было покончено, стена разверзлась, обнаружив темную металлическую дверь, будто доставленную сюда с какого-нибудь линкора.

Дэвид открыл и эту дверь, пройдя процедуру сканирования ладони второй раз, и ввел Джоша в помещение размером, наверное, с половину школьного спортзала. Их шаги гулко отдавались эхом от бетонных стен рукотворной пещеры, когда они направились к центру комнаты, где с потолка на толстых витых металлических шнурах свисал небольшой стеклянный ящик размером приблизительно

двенадцать на двенадцать футов. Свет в ящике был пригашен, и Джош не видел, что там внутри, но и так знал, что это.

Он подозревал, что ячейка имеет такую комнату, но своими глазами ни разу ее не видел. Это тихая комната. Вся штаб-квартира Джакартского отделения – своего рода тихая комната, защищенная от подслушивающих устройств любого рода. В стенах отделения нет нужды в дальнейших предосторожностях – если только не хочешь, чтобы тебя не услышал больше никто из членов ячейки.

Несомненно, существуют протоколы, предписывающие ее наличие. Джош подозревал, что в этой комнате шеф говорит с другими начальниками отделений по телефону и видео. Может, даже с Централью.

Как только они приблизились к комнатке, из нее спустилась короткая стеклянная лестница, тут же убравшаяся, как только они вскарабкались внутрь. Стеклянная дверь за ними закрылась. На дальней стене висел ряд компьютерных дисплеев, но в остальном, мысленно отметил Джош, комната обставлена на удивление скудно: простой раздвижной стол с четырьмя стульями, два телефона, аппарат конференц-связи и старый стальной картотечный шкаф. Мебель дешевая и малость неуместная, вроде той, какую можно увидеть в вагончике прораба на строительной площадке.

– Садись, – пригласил Дэвид, а сам прошел к шкафу, чтобы достать несколько папок.

– Я должен доложить. Это важно...

– Полагаю, будет лучше, если ты дашь начать мне. – Дэвид присоединился к Джошу, положив папки на стол между ними.

– При всем моем уважении, то, что я должен доложить, может изменить все твое восприятие. Может привести к серьезному пересмотру. Пересмотру всех активных операций Джакартского отделения и даже того, как мы анализируем каждый...

Дэвид поднял ладонь.

– Я уже знаю то, что ты собираешься мне сказать.

– Знаешь?

– Знаю. Ты собираешься мне поведать, что огромное большинство террористических угроз, которые мы отслеживаем, включая и

операции в развитых странах, которые мы пока не понимаем, – не работа дюжины

отдельных

террористических и фундаменталистских группировок, как мы подозревали.

Джош не отозвался ни словом, и Дэвид продолжал:

– Ты собираешься сообщить мне, что сейчас «Часовая башня» полагает, что эти группировки – просто разные фасады одной глобальной супергруппировки, организации, своими масштабами превосходящей самые безумные прогнозы.

– Тебе уже сказали?

– Да. Но не только что. Я начал складывать фрагменты мозаики еще до того, как вступил в «Часовую башню». Официально же мне было это сказано, когда меня сделали начальником отделения.

Джош отвел взгляд в сторону. Это не совсем предательство, но мысль, что нечто столь значительное замалчивали от него, главы отдела анализа, – все равно что кулак под дых. И в то же время он ломал голову, не должен ли был сам все сопоставить, не разочарован ли в нем Дэвид, что он не догадался об этом самостоятельно.

Дэвид ощутил его досаду.

– Как бы то ни было, я хотел сказать тебе уже давненько, но приходилось руководствоваться принципом служебной необходимости. И тебе нужно знать кое-что еще. Из примерно 240 участников конференции аналитиков 142 по домам не вернулись.

– Что? Не понимаю. Они...

– Они не выдержали испытания.

– Испытания...

– Конференция была испытанием. С той минуты, как ты прибыл, и пока не вышел, ты находился под видео– и аудионаблюдением. Как и у подозреваемых, которых мы тут допрашиваем, организаторы конференции анализировали стрессовые напряжения голоса, расширение зрачков, движения глаз и дюжину прочих маркеров. Короче говоря, наблюдали за реакциями аналитиков на протяжении всей конференции.

– Чтобы проверить, не замалчиваем ли мы информацию?

– До, но куда важнее было посмотреть, кто уже знает о том, что излагают; в частности, кто из аналитиков уже знал о существовании закулисной супертеррористической группировки. Конференция была охотой на «кротов» в масштабах всей «Часовой башни».

В этот момент стеклянные стены вокруг Джоша словно растворились. Он слышал слова Дэвида, но звучащие где-то на заднем плане, фоном к его собственным раздумьям. Конференция – идеальное прикрытие для западни. Все агенты «Часовой башни», даже аналитики, обучены стандартным методам контрразведки. Обман детектора лжи входит в стандартную программу обучения. Но выдать ложь за правду куда легче, чем сфальсифицировать эмоциональный отклик на нечто удивительное и поддерживать эту реакцию с достоверными показателями организма на протяжении трех дней; такое попросту невозможно. Однако проверить

каждого

главного аналитика?.. Напрашивается вывод...

– Джош, ты меня слышишь?

Джош вскинул голову.

– Нет, извини, как-то разом все навалилось... «Часовая башня» подрита.

– Да, и сейчас мне нужно, чтобы ты сосредоточился. Все разыгрывается очень быстро, и мне нужна твоя помощь. Проверка аналитиков была первым этапом «Протокола Файрволл» «Часовой башни». Прямо сейчас по всему миру главные аналитики, вернувшиеся с конференции, встречаются со своими начальниками отделений в тихих комнатах, точь-в-точь как эта, пытаясь вычислить, насколько надежны их ячейки.

– Думаешь, Джакартское отделение скомпрометировано?

– Я был бы шокирован, если нет. Более того. Чистка аналитиков запустила целую вереницу событий. План, «Протокол Файрволл», призван был отфильтровать «кротов» среди аналитиков, а оставшиеся главные аналитики и начальники отделений должны вместе выявить всех, кто может быть двойным агентом.

– Разумно.

– Было бы, но мы недооценили масштабы прорыва. Мне нужно рассказать тебе немного о том, как организована «Часовая башня». Тебе известно, сколько в ней ячеек – в заданный момент времени от 200 до 250. Тебе следует знать, что мы уже разоблачили некоторых главных аналитиков как «кротов» – человек шестьдесят. Они на конференцию даже не попали.

– Тогда кто же...

– Актеры. По большей части полевые агенты, раньше успевшие поработать аналитиками, это кто угодно может разыграть. Нам пришлось. Некоторые из аналитиков уже знали приблизительное число ячеек «Часовой башни», а актеры обеспечили еще и оперативное преимущество – обеспечивали трехдневное детектирование лжи, задавая целенаправленные вопросы, вытягивая ответы, провоцируя реакции.

– Невероятно... Как же под нас смогли подкопаться настолько глубоко?

– Это один из вопросов, на которые мы должны дать ответы. Есть и другие. Не все ячейки подобны Джакартскому отделению. Огромное большинство представляют собой немногим больше, чем посты перехвата информации; распоряжаются небольшими группами оперативных сотрудников резидентуры и отправляют Централы собранные АР и РИЭС. Проваленный пост перехвата – дело скверное, это означает, что глобальный враг, кем бы он там ни был, мог использовать эти ячейки для сбора разведанных, а может, и для вброса нам дезы.

– Мы могли быть по сути совершенно слепы, – вставил Джош.

– Это верно. Наш оптимистический сценарий сводится к тому, что этот враг заимствовал собранные нами данные в подготовке масштабной атаки. Сейчас нам известно, что это лишь половина дела. Несколько ведущих ячеек тоже скомпрометированы. То есть ячеек, аналогичных Джакартскому отделению, располагающих ресурсами для сбора информации

и

ведения серьезных тайных операций. Мы – одна из двадцати ведущих ячеек. Эти ячейки – последняя линия обороны, тонкая красная черта, отделяющая мир от того, что замышляет этот враг.

– Сколько ячеек скомпрометировано?

– Мы не знаем. Но три ведущие ячейки уже пали – Карачи, Кейптаун и Мар-дель-Плата рапортовали, что их же собственные спецсилы прошли по их штаб-квартирам, убив большинство аналитиков и начальников отделений. Вести от них не поступали уже много часов. Спутники наблюдения над Аргентиной подтверждают уничтожение Мар-дель-Платской штаб-квартиры. Кейптаунским инсургентам помогали внешние силы. В это самое время, пока мы разговариваем, в Сеуле, Дели, Дакке и Лахоре идут перестрелки. Эти отделения могут выстоять, но нам следует исходить из предположения, что они тоже будут утрачены. Наши собственные силы спецназначения могут прямо сейчас готовиться захватить Джакартское отделение; может, захват уже происходит сию секунду за стенами этой комнаты, хотя сомневаюсь.

– Почему?

– Полагаю, они дождутся твоего возвращения. Учитывая все, что тебе известно, ты для них помеха. Когда бы они ни атаковали, ты непременно окажешься в первых строках списка мишеней. Идеальным моментом для удара был бы утренний брифинг; наверное, его-то они и ждут.

Джош почувствовал, что во рту пересохло.

– Так вот почему ты выдернул меня из лифта. – Он немного поразмыслил. – И что теперь, хочешь, чтобы я выявил угрозы среди штата до брифинга? Предпримем упреждающий удар?

– Нет, – покачал Дэвид головой. – Таков был первоначальный план, но теперь уже не до него. Исходим из того, что Джакартское отделение падет. Если мы скомпрометированы столь же сильно, как и прочие ведущие ячейки, это лишь вопрос времени. Надо взглянуть на более обширную картину и постараться предугадать конечную цель нашего противника. Следует предположить, что одна или более ячеек уцелеет и что им удастся воспользоваться тем, к чему мы придем. Если нет – может, это пригодится одному из национальных агентств. Но один вопрос, причем чрезвычайно важный, ты еще не задал.

Джош на секунду задумался.

– Почему сейчас? И почему начали с аналитиков? Почему не убрать сперва полевых сотрудников?

– Очень хорошо, – Дэвид распахнул папку. – Двенадцать дней назад со мной связался анонимный источник, сообщивший две вещи. Первое, что надвигается террористическая атака – в невиданных прежде масштабах. И второе, что «Часовая башня» скомпрометирована. – Дэвид разложил несколько страничек. – Приложил список шестидесяти аналитиков, по его утверждениям, проверенных. Мы последили за ними несколько дней и убедились, что они делают закладки и осуществляют несанкционированные контакты. Все сходилось. Источник сообщал, что таких может быть и больше. Остальное тебе известно: мы с остальными начальниками отделений организовали конференцию аналитиков. Мы допросили и подвергли скомпрометированных аналитиков изоляции, заменив их на конференции актерами. Кем бы ни был этот источник, он либо не знал о полевых агентах, либо не стал их разоблачать по собственным соображениям. От встречи источник отказался, и никаких других сообщений я от него не получал. Мы провели конференцию, а потом... чистку. Источник хранил радиомолчание. Затем, вчера поздно ночью, связался со мной снова. Сказал, что хочет доставить вторую половину обещанных сведений – подробности массивной атаки под кодовым обозначением «Протокол Тоба». Предполагалось, что мы встретимся сегодня утром на вокзале Манггарай, но он не объявился. Зато объявился субъект с бомбой. Но мне кажется, он хотел прийти. Сразу же после теракта парнишка дал мне газету с этим сообщением. – Дэвид подвинул через стол листок.

Протокол Тоба существует.

$12+4+47 = 4/5$; Джонс

$22+7+47 = 3/8$; Андерсон

$4+10+47 = 5/4$; Эймс

– Какой-то шифр, – заметил Джош.

– Да, что странно. Остальные сообщения были без затей. Но теперь это обрело смысл.

– Не понимаю.

– Каким бы ни был шифр, это настоящее сообщение – то, ради чего все затевается. Источник ждал чистки рядов аналитиков, чтобы прислать свое зашифрованное сообщение в подходящий момент, чтобы быть в полной уверенности, что человек, который займется расшифровкой – а именно ты, – не двойной агент. Он хотел, чтобы мы сосредоточились на чистке рядов аналитиков и отложили фейерверки до поры, пока он не сможет послать это сообщение. Знай мы, насколько глубоко погрязли, мы бы сначала устроили карантин оперативникам и полную заморозку деятельности «Часовой башни». И наша с тобой беседа не состоялась бы.

– Ага, но к чему утруждаться с шифром? Почему не послать сообщение открытым текстом, как предыдущие?

– Хороший вопрос. Должно быть, он тоже под наблюдением. Должно быть, передача этой информации открытым текстом чревата последствиями – возможно, повлекла бы его гибель или подстегнула эту террористическую атаку. Так что тот, кто за ним наблюдает, полагает, что содержание послания нам пока неизвестно. Может, как раз поэтому они и не уничтожают остальные ячейки – все еще думают, что могут сдержать «Часовую башню».

– Логично.

– Да, но один вопрос продолжает меня донимать: почему я?

Джош пораскинул умом.

– Верно, почему не директор «Часовой башни», не другие начальники отделений; наконец, почему бы просто не известить все разведывательные агентства мира? У них куда более обширные возможности по предотвращению атаки. Может, наводка для них ускорила бы атаку – как и отправка сообщения открытым текстом. Или... возможно, ты занимаешь уникальное положение, которое позволит предотвратить нападение... – Джош поднял глаза. – Или тебе что-то известно.

– Очень хорошо. Раньше я упоминал, что напал на след этой супертеррористической группировки еще до вступления в «Часовую башню». – Встав, Дэвид подошел к картотечному шкафу, чтобы достать еще две папки. – Я покажу тебе то, над чем работал более десяти лет, то, чего не показывал больше никому, даже в «Башне».

Комната для допросов С

Следственный изолятор полиции Западной Джакарты

Джакарта, Индонезия

Откинувшись на спинку стула, балансирующего на задних ножках, Кейт мысленно перебирала имеющиеся варианты. Придется сказать следователю, с чего начались исследования. Даже если он и не поверит, надо, чтобы это было записано в документах на случай, если ее решат судить.

– Стойте, – сказала она.

Тот помедлил у порога.

Опустив ножки стула на пол, Кейт положила ладони на стол.

– Есть очень веская причина тому, почему мое учреждение приняло опеку над этими детьми. Вам следует кое-что понять. Приехав в Джакарту, я думала, что буду вести исследования точно так же, как любые другие в Америке. Это была моя первая ошибка. Мы потерпели провал... и мы... изменили подход.

Вернувшись от двери, маломерок сел и принялся внимательно слушать рассказ Кейт о том, как она потратила не одну неделю на подготовку вербовки пациентов.

Для проведения исследования организация Кейт наняла контрактную исследовательскую организацию (КИО) – в точности, как сделала бы в США. В Штатах фармацевтические компании фокусируются на разработке нового лекарства или терапии, и когда намечается нечто многообещающее, они часто передают проведение клинических испытаний на аутсорсинг сторонним КИО. Те находят медицинские клиники с врачами, заинтересованными в проведении испытаний. Далее клиники – или пункты – записывают пациентов, желающих принять участие в испытаниях, проводят лечение, а затем периодически осматривают их для выявления проблем со здоровьем – побочных явлений. КИО внимательно следит за каждым пунктом, докладывая о результатах спонсорской/исследовательской организации, а та в свою очередь отчитывается перед Управлением по контролю пищевых продуктов и лекарственных средств или его аналогами в других странах. Конечной целью испытаний является получение желаемого терапевтического эффекта без негативных

побочных эффектов. Путь неблизкий, и до аптечных полок доходит менее 1 % лекарственных средств, разработанных лабораториями.

Вот тут и всплыла проблема: ни в Джакарте, ни в Индонезии в целом нет ни одной клиники для аутистов, нарушениями развития занимается лишь горстка специализированных учреждений. Но эти клиники в проведении клинических исследований не искушены – ситуация для пациентов опасная. Фармацевтическая индустрия в Индонезии пребывает на зачаточном уровне – прежде всего потому, что рынок очень мал (Индонезия импортирует по большей части непатентованные медикаменты), так что по поводу клинических испытаний обращались к крайне немногим врачам.

КИО выступила с новаторской идеей: связаться с родителями напрямую, а для проведения терапии организовать клинику. Кейт и руководитель исследований – доктор Джон Хелмс – наконец встретились с КИО в попытках отыскать какие-либо альтернативы. Не нашли ни одной. Кейт убеждала доктора Хелмса поддержать план, и в конечном счете он согласился.

Они составили список семей в радиусе сотни миль от Джакарты, где есть дети с проявлениями аутизма. Кейт сняла аудиторию в одном из лучших отелей города и пригласила семьи на презентацию.

Буклет, посвященный испытаниям, она писала и переписывала не один день. В конце концов Бен, ворвавшись к ней в кабинет, заявил, что уволится с испытаний, если она не уgomонится. Кейт уступила, и буклет отправился в комитет по этике, затем в типографию, и они приготoвились к презентации.

И когда этот день пришел, Кейт стояла у двери, чтобы лично поприветствовать каждую пришедшую семью. Она отчаянно хотела, чтобы ладони перестали потеть, то и дело вытирая их о брюки. Первые впечатления решают все. Уверенность, доверие, компетентность.

Она ждала. Хватит ли буклетов? На руках всего тысяча экземпляров, и хотя они разослали лишь шестьсот приглашений, прийти могут оба родителя. Могут явиться и другие семьи – надежной базы данных или реестра семей аутистов в Индонезии нет. Что они будут делать? Кейт велела Бену приготoвиться на всякий случай воспользоваться копиrom отеля; пока она будет выступать, он сможет размножить тезисы.

Миновало пятнадцать минут сверх назначенного часа. Явились первые две матери. Кейт снова вытерла ладони, прежде чем обменяться с ними рукопожатием, и говорила чуточку громче, чем следовало бы.

– Замечательно, что вы здесь... спасибо, что пришли... нет, как раз по адресу... садитесь, мы вот-вот начнем...

Миновало тридцать минут.

Час.

Она кружила среди шести матерей, стараясь поддерживать непринужденную беседу.

– Не знаю, что случилось... какого числа вам доставили приглашение?.. Нет, мы приглашали и других... По-моему, это какие-то проблемы с почтой...

Наконец, Кейт провела шестерых пришедших в небольшой конференц-зал отеля, чтобы всем было не так неуютно, как в большом зале. Провела коротенькую презентацию, а матери тем временем одна за другой удалялись под разными предлогами – дескать, надо забрать детей, вернуться на работу и тому подобное.

Тем временем доктор Хелмс в баре отеля напился пьян, как фортепьян. Когда Кейт присоединилась к нему, седовласый ученый наклонился к ней поближе и проговорил:

– Я же
говорил,

что это не сработает. Нам никого не набрать в этом городе, Кейт. Почему... эге-гей, бармен, ага, сюда, еще один, угу, то же самое, молодца... чего я там говорил? Ах да, нужно сворачиваться, и побыстрому. Мне поступило предложение из Оксфорда. Боже, как же я скучаю по Оксфорду, тут так безбожно сыро, все время будто в парной. И должен признаться, лучшие свои работы я сделал там. А говоря о...
– Он склонился еще ближе. – Не хочу сглазить, говоря слова Но. Бе. Лев. Ская. Но... я

слыхал

, что меня номинировали... это мог бы быть мой год, Кейт. Не могу дождаться, когда забуду об этом фиаско. И когда я поумнею? Наверное, как только доходит до благих дел, мое нежное сердце дает себя знать...

Кейт хотела указать, что у его нежного сердца очень жесткие запросы – зарплата втрое больше, чем у нее, и его имя идет первым на всех публикациях и патентах, несмотря на то, что все исследования построены на ее же постдокторских исследованиях, – но прикусила язык и допила остатки своего шардоне.

В тот же вечер она позвонила Мартину.

– Я не могу...

– Не продолжай, Кейт. Ты можешь все, на что настроишься. Ты всегда могла. В Индонезии двести миллионов человек и почти семь миллиардов человек на этой маленькой планетке. И целых полпроцента из них имеют те или иные проявления аутизма, а это тридцать пять миллионов человек – население Техаса. Ты отправила письма шестистам семьям. Не сдавайся. Я тебе не позволю. Завтра же утром позвоню финдиректору «Иммари Рисеч»; они продолжают тебя финансировать – будет этот халявщик Джон Хелмс участвовать в исследованиях или нет.

Этот звонок напомнил Кейт вечер, когда она позвонила ему из Сан-Франциско, и Мартин заверил ее, что Джакарта будет прекрасным местом, чтобы начать с чистого листа, продолжив исследования. Может, он все-таки окажется прав.

Назавтра утром, едва переступив порог лаборатории, Кейт велела Бену заказать намного больше буклетов об исследовании. И найти переводчиков. Они пойдут по деревням. Будут раскидывать более широкую сеть – и не станут дожидаться, когда семьи к ним придут. КИО она выставила за дверь, пропустив протесты доктора Хелмса мимо ушей.

Две недели спустя они усадили в три фургона четверых исследователей, восьмерых переводчиков и погрузили ящик за ящиком проспекты исследований, напечатанные на пяти языках – индонезийском (малайском), яванском, сунданском, мадурском и бетави. Даже выбор языков дался Кейт нелегкой ценой – по всей Индонезии говорят на более чем семистах различных языках и диалектах, но в конечном счете она выбрала пять наиболее распространенных в Джакарте и на острове Ява. Шутки шутками, а позволить проблемам коммуникации сорвать ее клинические исследования лечения аутизма Кейт не могла.

Как и в отеле в центре Джакарты, вся ее старательная подготовка оказалась напрасной тратой сил. В первой же деревне Кейт и ее команду ждал сюрприз: там не оказалось детей с аутизмом. Буклеты крестьян не интересовали. Переводчики сообщили ей, что здесь никто ни разу не видел детей с подобными проблемами.

Бессмыслица какая-то. В каждой деревне должны обнаружиться хотя бы два-три потенциальных участника программы, а то и более.

В следующей деревне Кейт заметила, что один из переводчиков – пожилой мужчина – стоит, прислонившись к фургону, пока команда с остальными переводчиками ходит от двери к двери.

– Эй, а вы почему не работаете? – осведомилась Кейт.

– Потому что это все равно ничего не даст, – пожал тот плечами.

– Черта лысого не даст! Ну-ка, лучше...

Тот вскинул руки в успокоительном жесте.

– Не обижайтесь, мэ, я только хотел сказать, что вы задаете не те вопросы. Вы спрашиваете не тех людей.

Кейт взглянула на него более пристальным взглядом.

– Ладно. Кого бы вы спрашивали? И о чем?

Оттолкнувшись от фургона, тот жестом пригласил Кейт следовать за ним и зашагал дальше в деревню, даже не задерживаясь возле хороших домов. На окраине он постучался в первую же дверь, и как только ее открыла низкорослая женщина, быстро заговорил с резкими интонациями, время от времени указывая на Кейт. Почувствовав от этой сцены неловкость, она невольно принялась комкать одной рукой на груди лацканы своего белого халата. Над одеждой она тоже немало ломала голову, в конце концов решив, что повестка дня требует производить впечатление строгости и уверенности в своих силах. Теперь же ей оставалось лишь гадать, как она выглядит в глазах сельчан, по большей части облаченных в лохмотья, сшитые из лоскутков, унесенных из потогонных швейных цехов или переделанных из старого рванья с чужого плеча.

Сообразив, что женщина скрылась, Кейт шагнула было вперед, чтобы расспросить переводчика, но тот остановил ее, подняв руку, потому что женщина вернулась к двери, подталкивая перед собой троих детей, жавшихся к ее ногам. Уставившись в землю, они встали неподвижно, как статуи. Переходя от ребенка к ребенку, переводчик озирает их с головы до пят. Кейт переминалась с ноги на ногу,

прикидывая, как быть. Дети явно здоровы; ни один не выказывает ни малейших признаков аутизма. Возле последнего ребенка мужчина наклонился и снова закричал. Мать торопливо что-то проговорила, но он снова на нее строго прикрикнул, и женщина прикусила язык. Ребенок нервно произнес три слова. Переводчик что-то сказал, и ребенок повторил его слова. Кейт гадала, не имена ли это. А может, места?

Встав, переводчик начал снова указывать, покрикивая на женщину. Она яростно затрясла головой, повторяя одну и ту же фразу снова и снова. Но после нескольких минут попреков переводчика потупилась, заговорив чуть слышно, и указала на другую хижину. Тут голос переводчика впервые смягчился, и женщина, вроде бы испытав облегчение от его слов, поспешно загнала детей обратно в дом, в спешке едва не прихлопнув последнего дверью.

Сцена возле второй лачуги разыгрывалась практически по тому же сценарию, что и первая: переводчик стращал и указывал, Кейт неуклюже переминалась с ноги на ногу, а оробевшая крестьянка представила своих четырех детей и замерла в ожидании с затаенной в глазах тревогой. На сей раз, когда переводчик задал одному из детей свои вопросы, ребенок произнес пять слов – имена, как заключила Кейт. Мать запротестовала, но переводчик, не обращая на нее внимания, продолжал давить на ребенка. Когда тот ответил, мужчина подскочил на ноги, отпихнул мать с детьми в сторону и ворвался в дверь. Кейт это застало совершенно врасплох, но когда мать и дети увязались за переводчиком, она последовала их примеру.

В хибаре, поделенной на три комнаты, было тесно. Пробираясь по ней, Кейт обо что-то споткнулась и едва не упала. В глубине дома она застала переводчика и женщину, споривших с пеной у рта. У ее ног маленькое костлявое дитя было привязано к деревянному подкосу, поддерживающему крышу. Во рту у него был кляп, но Кейт слышала ритмичное причитание, раздающееся изо рта ребенка, который раскачивался вперед-назад, ударяясь головой о подкос.

– Что это?! – схватила Кейт переводчика за руку. – Извольте объяснить, что здесь происходит.

Тот переводил взгляд с Кейт на мать и обратно, оказавшись между своей госпожой и крестьянкой, с каждой секундой тараторившей все громче и истеричнее, как между молотом и наковальней. Изо всех сил

стиснув его руку, Кейт рывком поставила его перед собой, и мужчина перешел к объяснениям:

– Она говорит, что она не виновата. Он непослушный ребенок. Не ест свою еду. Не делает, как она говорит. Не играет с детьми. Она говорит, что он даже не отзывается на собственное имя.

Классические симптомы аутизма, все до единого, причем в тяжелой форме. Кейт поглядела на ребенка.

– Она настаивает, что это не ее вина, – добавил переводчик. – Говорит, что держит его дольше, чем другие, но она не может...

– Какие другие?

Поговорив с женщиной нормальным тоном, переводчик снова повернулся к Кейт.

– За деревней. Там есть место, куда они отводят детей, которые не уважают родителей, которые никогда не слушаются, которые не хотят быть частью семьи.

– Отведите меня туда.

Вытянув из женщины еще какие-то сведения, переводчик указал на дверь – дескать, пора уходить. Женщина его окликнула. Он повернулся к Кейт.

– Она хочет знать, заберем ли мы его.

– Скажите ей, что да, и что пусть отвяжет его, и что мы вернемся.

Переводчик повел Кейт в безлюдный лес к югу от деревни. Потратив целый час, они так ничего и не нашли, но продолжили поиски. Время от времени Кейт слышала шорохи и шелест животных, пробирающихся среди листвы кустов и деревьев. Близился закат, и она уже начала задумываться, каким лес будет в сумерках. Индонезия целиком расположена в тропиках; температура днем и ночью круглый год напролет почти не меняется. Яванские джунгли – опасные, дикие места, пристанище множества видов змей, крупных кошачьих и насекомых. Ребенку в них не место.

Вдруг вдаль послышался крики, и переводчик окликнул ее:

– Доктор Уорнер, идите быстрее!

Она очертя голову ринулась через густой лес, один раз споткнувшись и с трудом пробиваясь через подлесок. И увидела, что переводчик держит ребенка – даже более истощенного, чем мальчуган в лачуге. Несмотря на темно-коричневую кожу, было видно, что его

чумазое лицо перепачкано грязью. Он рвался из рук переводчика, как дикий зверек.

– Другие есть? – спросила Кейт.

Затем она увидела ярдах в пятидесяти навес, обеспечивающий подобие укрытия от непогоды. Может, ребенок прятался там? Кейт устремилась к навесу.

– Не ходите туда, доктор Уорнер, – переводчик ухватил ребенка покрепче. – Там нет других... которых можно забрать. Пожалуйста, помогите мне.

Кейт взяла мальчика за другую руку, и они вместе отвели его к фургонам. Созвали научную команду, потом забрали ребенка, который был привязан к подкосу, заодно узнав, что его зовут Ади. У мальчишки из леса имени не было, и они поняли, что никогда не найдут ни его родителей, ни тех, кто хоть звуком обмолвится о том, как с ним поступили. Кейт нарекла его Сурьей

[3]

Когда научная команда собралась у фургона, Кейт приперла переводчика к стенке.

– А теперь я хочу, чтобы вы поведали мне, что вы там сделали – что именно сказали.

– Я думал, может, вам лучше не знать, доктор...

– Я думаю, я определенно хочу знать. А теперь выкладывайте.

Тот тяжело вздохнул.

– Я сказал, что вы из гуманитарной организации, занимающейся благосостоянием детей...

– Что?

Переводчик расправил плечи.

– Они все равно так думают, так что никакой разницы. Они не знают, что такое клинические испытания. Они никогда ни о чем подобном не слыхали. Оглянитесь вокруг; эти люди живут точь-в-точь так же, как тысячу лет назад. Я сказал им, что вы должны посмотреть их детей и поможете каждому ребенку, нуждающемуся в помощи. И все равно они нам не верят. Некоторые считают, что попадут в беду, но многие просто тревожатся, что об этом узнают. Здесь опасно иметь

детей с проблемами; их держат подальше от глаз людских. Если весть разойдется, другие дети не смогут жениться – им будут говорить: «Может, у тебя будет ребенок с такой же проблемой, как у брата его отца». Будут говорить: «Одна кровь». Но дети говорят правду, когда я велю им назвать имена своих братьев и сестер. Дети еще не умеют врать об этом.

Кейт обдумала рассказ переводчика. Этот метод определенно работает. Она повернулась к команде:

– Ладно. Таким и будет наш новый подход.

– Я этого не сделаю! – Доктор Хелмс шагнул вперед, заступив дорогу Кейт и переводчику. – Ложь родителям, чтобы записать ребенка на клинические испытания, попирает основы медицинской этики и попросту безнравственна. – Он выдержал эффектную паузу. – Независимо от их жизненных обстоятельств или социальных норм общества.

И свысока воззрился на Кейт, а затем на остальных членов команды.

– Как вам будет угодно, – прервала Кейт его самолюбование. – Можете подождать в фургоне, как и всякий, кто хочет обречь этих детишек на смерть.

Доктор развернулся к ней, чтобы дать еще залп из всех орудий, но его перебил Бен:

– Что ж, я за. Ненавижу ждать в фургоне. И убивать детей, если уж на то пошло. – Демонстративно повернувшись, он начал собирать снаряжение, прервавшись лишь затем, чтобы попросить помощи у остальных.

Трое других лаборантов неохотно взялись ему помогать, и лишь тогда до Кейт дошло, что все они заняли выжидательную позицию. Она сделала мысленную пометку, что надо поблагодарить Бена, но за свистопляской событий, вскоре пошедших полным ходом, как-то позабыла.

В следующей деревне команда выбросила буклеты, но когда сельчане начали их собирать, буклеты принялись раздавать – в качестве теплоизоляции для их лачуг. Этот акт доброй воли подкрепил байку о благотворительной миссии, и Кейт порадовало, что буклеты, в которые она вложила столько трудов, нашли достойное применение.

Доктор Хелмс продолжал протестовать, но остальные члены группы его игнорировали. По мере заполнения фургонов детьми его протесты пошли на убыль, и к концу дня стало ясно, что он раскаивается в своих действиях.

По возвращении в Джакарту доктор Хелмс наведился к Кейт в кабинет, как только все остальные члены команды удалились.

– Послушайте, Кейт, я хотел с вами поговорить. После, гм, некоторых размышлений... и, честно говоря, увидев некоторые из последствий этой работы с... э-э... детьми... должен сказать, что я решил, что мы действуем вполне в рамках норм медицинской этики и моей личной зоны комфорта, и, таким образом, я, ну, вполне спокойно возглавлю эти клинические испытания. – Он вознамерился сесть.

Кейт даже не подняла головы от документов.

– Не утруждайтесь садиться, Джон. Я тоже собиралась вам кое-что поведать. Там, в полевых условиях, вы поставили свою безопасность – свою личную репутацию – превыше жизней этих детей. Это неприемлемо. Нам обоим известно, что я не могу вас уволить. Но я просто не могу работать с вами в клинических испытаниях, где на кону детские жизни. Если с одним из них что-нибудь случится, если вы подвергнете их опасности, я не смогу с этим жить. Я уведомила спонсора испытаний – «Иммари Рисеч» – о своем намерении уйти, и произошла презабавная штука. – Она подняла взгляд. – Они сказали, что без меня испытания финансировать не будут. Так что либо уйдете вы, либо я, и в этом случае вы лишитесь финансирования, а я просто начну те же испытания под другим названием. Ах да, кстати: перевозчики мебели завтра вывозят всё из вашего кабинета, так что каким бы ни было ваше решение, вам придется подыскать другое помещение в аренду.

И с этими она покинула кабинет, подведя черту на сегодня. А назавтра Хелмс отряс прах Джакарты со своих ног, и Кейт стала в этом проекте единственным исследователем. Она попросила Мартина сделать пару-тройку телефонных звонков, пойти на какие-то одолжения услуга за услугу – и научно-исследовательская организация стала опекуном всех привлеченных детей.

Когда Кейт закончила свой рассказ, следователь встал и сказал:

– Вы думаете, я должен этому поверить? Мы не дикари, мисс Уорнер. Желаю удачи в рассказе вашей басни перед жюри в Джакарте.
– И удалился из комнатухи прежде, чем Кейт успела хотя бы рот открыть.

А за пределами комнаты для допросов коротышка подошел к дородному шефу полиции. Обняв его потной ручищей, тот поинтересовался:

- Как прошло, Паку?
- Думаю, она готова, босс.

Глава 14

Комната сверхсекретной связи
Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Глядя из стеклянной комнаты на бетонные стены за ее пределами, Джош старался переварить все, что Дэвид только что поведал ему. «Часовая башня» скомпрометирована. Несколько ведущих ячеек уже сражаются за выживание. Джакартское отделение вот-вот будет атаковано, да сверх того неминуема террористическая атака в глобальных масштабах.

И чтобы остановить ее, Дэвиду требуется, чтобы Джош взломал шифр.

Никакого давления.

Вернувшись от картотечного шкафчика, Дэвид снова сел за стол.

– Я работал над теорией, которую сформулировал десять лет назад, почти сразу после одиннадцатого сентября.

– Ты считаешь, что эта атака связана с «девять-одиннадцать»? – уточнил Джош.

– Да.

– Думаешь, это операция «Аль-Каиды»?

– Не обязательно. Я полагаю, «Аль-Каида» только провела атаки одиннадцатого сентября. И считаю, что на самом деле теракты спланировала, финансировала и получала от них выгоду другая группировка – глобальная корпорация под названием «Иммари Интернейшнл». По моему мнению, это ширма для различных

археологических раскопок, которые «Иммари» проводила в Афганистане и Ираке, и весьма хитроумного хищения. Грабежа.

Джош потупил взгляд в стол. Неужто у Дэвида поехала крыша? Эти теории заговоров типа 11 сентября – кормежка для интернет-форумов, а не для серьезной контрразведывательной деятельности.

Похоже, Дэвид понял причину сомнений Джоша.

– Послушай, я знаю, что это кажется притянутым за уши, но выслушай меня. После одиннадцатого сентября я почти год провалялся в больнице, а затем – в центре реабилитации. У меня была уйма времени на размышления. Многие вещи в этом теракте казались мне бессмысленными. К чему первым делом атаковать Нью-Йорк? Почему бы не ударить по Белому дому, Конгрессу, ЦРУ и АНБ одновременно? Эти четыре крушения самолетов парализовали бы страну, особенно наши оборонные ресурсы. Это повергло бы нас в полнейший хаос. И почему использовали лишь четыре самолета? Уж наверняка они могли обучить больше летчиков. Они могли угнать тем утром тридцать самолетов, если бы просто сели на рейсы в международном аэропорту Даллеса и на рейсы внутренних авиалиний в округе Колумбия, в Балтиморе и, скажем, в Ричмонде. До Атланты рукой подать; Хартсфилд-Джексон – самый оживленный аэропорт на планете. Кто знает, в тот день они, наверное, могли бы разбить сотню самолетов, прежде чем пассажиры начали бы давать отпор. А они не могли не понимать, что крушение самолетов – одноразовая тактика, так что должны были бы максимизировать удар.

– Интересный вопрос, – кивнул Джош, все еще не избавившись от скепсиса.

– Есть и другие. Зачем наносить удар в тот день, когда наверняка знаешь, что президента в городе нет, что он в начальной школе во Флориде? Ясное дело, цель лишить нас боеспособности не стояла – ну да, конечно, удар по Пентагону нанесли, и многие доблестные американцы погибли, но в конечном счете Пентагон и вооруженные силы очень и очень рассвирепели – да и вся страна, коли уж на то пошло. После одиннадцатого сентября у Америки разыгрался такой аппетит к войне, какого доселе не бывало. Имел место и еще один поразительный результат – фондовый рынок рухнул, потерпев историческое крушение. Нью-Йорк – финансовая столица мира; удар

по ней имеет смысл, если ты хочешь одного: крушения фондовых рынков. Теракты на диво удачно осуществили две вещи: гарантировали развязывание войны –

и

крахнули фондовый рынок.

– Никогда не рассматривал это в таком аспекте, – заметил Джош.

– Когда торчишь в больнице целый год, днем учась ходить, а по ночам снова и снова задаваясь вопросом, почему все выглядит совершенно иначе... Проводить какие-либо исследования по терроризму на больничной койке я не мог, так что сфокусировался на финансовом аспекте. Начал выяснять, кто больше всех выиграл от финансового коллапса. Кто ставил против американских акций. Какие компании шортили рынок, кому принадлежали пут-опционы, кто нажил состояние. Список получился длинный. Потом я начал смотреть, кому на руку войны, особенно из числа частных подрядчиков в сфере безопасности, а также заинтересованных в нефтегазовой отрасли. Список стал короче. Помимо прочего, меня интриговала еще одна вещь: эти теракты практически гарантировали войну в Афганистане. Может, там находилось то, чего хотелось этой группировке, и требовался предлог, чтобы отправиться туда и поискать это. А может, в Ираке. А может, и там, и там. Я понимал, что должен выйти в поле, чтобы найти реальные ответы.

Переведя дыхание, Дэвид продолжал:

– К две тысячи четвертому году я снова встал на ноги. В тот же год подал заявление в ЦРУ, но получил отказ. Потренировавшись еще годик, в пятом году был отвергнут снова и потренировался еще. Подумывал завербоваться в армию, но понимал, что получить настоящие ответы смогу лишь в том случае, если буду причастен к тайным операциям.

Не поднимая головы, Джош обдумывал услышанное, увидев Дэвида в совершенно новом свете. Он с самого начала считал начальника своего отделения таким непобедимым суперсолдатом и думал, что таким Дэвид был всегда. Мысль о том, что тот пролежал изувеченным на больничной койке целый год, что его

забраковали

как полевого сотрудника – причем дважды, – слегка выбила его из колеи.

– Что? – осведомился Дэвид.

– Ничего... просто... я думал, ты профессиональный оперативник. Что одиннадцатого сентября ты уже работал в Конторе.

По губам Дэвида скользнула улыбка, словно это его позабавило.

– Нет, даже рядом не стоял. Вообще-то я был аспирантом. В Колумбийском, хочешь верь, хочешь не верь. Может, потому-то ЦРУ упорно отвергало меня – не хотело избытка мозгов в полевых подразделениях. Но, очевидно, Бог троицу любит, и в шестом году меня таки взяли. Может, потеряли многовато оперативников, а может, многовато перешли в частные компании; в чем бы ни состояла причина, но я обрадовался назначению в Афганистан. Я нашел свои ответы. Все три компании из моего короткого списка оказались дочерними одной – «Иммари Интернейшнл». Их деятельность координировало подразделение безопасности «Иммари Секьюрити», но средства от одиннадцатого сентября разошлись по нескольким их компаниям-ширмам. И я выяснил кое-что еще. План новой атаки под кодовым названием «Протокол Тоба», – Дэвид указал на папку. – Это досье – все, что у меня есть по этой атаке. Всего ничего.

Джош открыл папку.

– Так ты поэтому вступил в «Часовую башню» – чтобы распатронить «Иммари» и «Протокол Тоба»?

– Отчасти. «Часовая башня» для меня – идеальная платформа. Я еще тогда знал, что за одиннадцатым сентября стоит «Иммари», что они заработали на теракте целое состояние и активно разыскивают что-то в горах Восточного Афганистана и Пакистана. Но они достали меня прежде, чем я успел составить представление о ситуации в целом. В Северном Пакистане меня едва не прикончили. Меня официально внесли в списки погибших в бою. Возможность уйти была идеальная. Мне требовалась новая легенда и место, чтобы продолжить работу. О «Часовой башне» я даже не слышал, пока не оказался на театре военных действий в Афганистане, но здесь я нашел убежище. Оно просто идеально. Все мы приходим в «Часовую башню» по собственным основаниям; в то время это было ключевым фактором моего выживания и инструментом, необходимым мне, чтобы наконец

узнать правду об «Иммари» и «Тобе». О своих истинных мотивах я никому и словом не обмолвился, кроме директора. Он принял меня и помог организовать Джакартское отделение четыре года назад. Особого прогресса в вопросе «Иммари» я не добился, пока источник не связался со мной неделю назад.

– И как раз поэтому источник выбрал тебя.

– Очевидно. Ему известно о моем расследовании. Он знал, что у меня должно иметься это досье. Оно может содержать ключ к расшифровке кода. Мне точно известно, что корпорация «Иммари» имеет какое-то отношение к «девять-одиннадцать», а может, и к другим терактам, совершенным до и после того, и что она заваривает нечто несоизмеримо большее – «Протокол Тоба». Вот почему я выбрал Джакарту – город, расположенный к горе Тоба ближе всех. По-моему, это намек на то, где атака начнется.

– Логичное умозаключение. Что нам известно о «Протоколе Тоба»? – поинтересовался Джош.

– Немного. Помимо нескольких упоминаний, есть один письменный документ о нем. Это доклад об урбанизации, транспортной инфраструктуре и возможном сокращении глобального народонаселения. Что бы ни представляла собой «Тоба», полагаю, это и есть цель – резко снизить человеческое народонаселение.

– Это несколько сужает круг возможностей. Террористическая атака, способная уменьшить население планеты, должна быть биологической; может, радикальные изменения в окружающей среде или разжигание новой мировой войны. Речь идет не о террористах-смертниках, тут нечто большее.

– Куда большее, – кивнул Дэвид, – и, вероятно, такое, чего мы нипочем не ожидаем. Джакарта – идеальное место для начала этой атаки: плотность населения высокая и экспатриантов пруд пруди. Стоит атаке начаться, и богатые иностранцы устремятся из Джакарты в аэропорт, а оттуда – почти во все страны мира.

– Компьютеры у тебя за спиной, – он указал на ряд дисплеев позади Джоша. – Подключены к Централи, к нашим собственным серверам и к остальным ячейкам. В них содержится все, что мы знаем о событиях по всему миру, о различных террористических группировках и организациях, как нам известно, служащих ширмой «Иммари Интернейшнл». Это немного. Начни оттуда, набирай

обороты, а потом быстренько переходи к свежайшим местным разведанным. Если что-то происходит у нас в Джакарте, мы обязаны расследовать это в первую очередь. Нам нужно передать все, что нам известно, на случай, если Джакартское отделение падет. Отбрось стереотипы, мысли неортодоксально. В рамки нормы происходящее наверняка не укладывается. Высматривай все, что на первый взгляд не вызывает подозрений – наподобие саудовских граждан, берущих уроки летного дела в Германии, а затем переезжающих в США; наподобие человека, покупающего где-нибудь в Оклахоме тонны удобрений, не имея к земледелию ни малейшего отношения.

– А что в остальных папках? – спросил Джош.

– Эта, – пододвинул Дэвид папку через стол, – содержит остальные сведения об «Иммари», которые я собрал до приема в «Часовую башню».

– Этого в компьютере нет?

– Нет. «Часовой башне» я их тоже не передавал. Увидишь, почему. В другом конверте лежит письмо – от меня к тебе. Ты должен будешь вскрыть его в случае моей смерти. Оно предоставит тебе инструкции.

Джош хотел было что-то сказать, но Дэвид перебил его:

– И последнее.

Встав, он принес небольшой чемоданчик, стоявший в углу комнаты, и положил его на стол.

– Эта комната и внешняя камера обеспечат тебе некоторую защиту и, надеюсь, достаточно времени, чтобы выяснить что-нибудь и расшифровать послание. Штаб-квартира «Часовой башни» – последнее место, где тебя будут искать. Тем не менее сомневаюсь, что времени у нас так уж много. Перешли все, что выяснишь, на мой мобильник. Верхний правый монитор показывает сигнал с камеры. Это камера над дверью, выходящей в серверную, так что ты будешь знать, если кто-нибудь попытается сюда проникнуть. Как тебе известно, в основных помещениях штаб-квартиры камер наблюдения по соображениям безопасности нет, так что особого упреждения у тебя не будет. – Открыв чемоданчик, он извлек пистолет, вогнал магазин в рукоятку и положил оружие на стол перед Джошем. – Умеешь этим пользоваться?

Поглядев на пистолет, аналитик откинулся на спинку стула.

– Э-э, да. Вообще говоря, поступив в Контору двенадцать лет назад, я прошел курс базового обучения, но с тех пор оружием не пользовался. Так что... нет, вообще-то нет.

Он хотел спросить: «Если в эту комнату ворвутся опера, какие ж тут у меня могут быть шансы?» – но не стал, понимая, что Дэвид показал пистолет, чтобы внушить ему уверенность. Чтобы иметь ясный ум и сделать свою работу, нужно избавиться от страха, но Джош догадывался, что это лишь часть мотивов шефа.

– Если понадобится им воспользоваться, оттяни затвор назад – это дошлет патрон в патронник. Когда все расстреляешь, нажми здесь – магазин выскочит. Вставишь другой и нажмешь на эту кнопку – затвор вернется, досылая первый патрон из нового магазина. Но если дверь будет взломана, ты должен сделать кое-что до того, как пускать в ход пистолет.

– Стереть память компьютеров?

– Именно. И сжечь эту папку вместе с письмом. – Указав на металлическую корзинку для мусора, Дэвид вручил ему небольшую бутановую горелку, лежавшую в футляре вместе с пистолетом.

– Что там еще в ящичке? – Джош полагал, что знает, но все равно спросил.

Помедлив секунду-другую, начальник Джакартского отделения достал из футляра крохотную капсулу.

– Надо проглотить?

– Нет. Если момент придет, просто раскуси. Цианид работает довольно быстро – секунды три-четыре. – Дэвид отдал капсулу Джошу. – Держи ее при себе. Надеюсь, она тебе не понадобится. Пробриться в эту комнату очень трудно.

Дэвид положил пистолет обратно в футляр.

– Дай мне знать, как только что-нибудь раскопаешь, – повернулся и направился к двери.

– Что ты собираешься делать? – поинтересовался Джош, вставая.

– Выиграть немного времени.

Глава 15

Комната для допросов С

Следственный изолятор полиции Западной Джакарты

Джакарта, Индонезия

Дверь комнаты для допросов снова открылась. Подняв голову, Кейт увидела на пороге потного толстяка. Неся папку в одной руке, вторую он протягивал ей для пожатия.

– Доктор Уорнер, я шеф полиции Эдди Куснади. Наде...

– Я прождала здесь не один час. Ваши люди выпытывали у меня бесполезные подробности моих клинических испытаний, грозя засадить меня за решетку. Я хочу знать, что вы предприняли, чтобы разыскать этих похищенных детей.

– Доктор, вы не понимаете нашу здешнюю ситуацию. У нас маленький департамент.

– Тогда звоните в национальную полицию. Или...

– У национальной полиции есть свои проблемы, доктор, и поиска недоразвитых детей в их числе нет.

– Не называйте их недоразвитыми!

– Они не недоразвитые? – Он взмахом руки распахнул папку. – Наши записи говорят, что ваша клиника испытывает новое лекарство для умственно отсталых...

– Они не умственно отсталые. Их мозг функционирует не так, как у других людей. Как, к примеру, метаболизм моего организма не такой, как у вашего.

Корпулентный шеф окинул взглядом свои телеса, словно пытаясь высмотреть свой метаболизм, чтобы изучить его и сравнить с метаболизмом Кейт.

– Либо приступайте к поискам этих детей, либо отпустите меня, чтобы я сама этим занялась.

– Мы не можем вас отпустить, – заявил Куснади.

– Почему нет?

– Мы не исключили вас из числа подозреваемых.

– Это абсурд...

– Знаю, доктор, знаю, верьте мне. Но что вы хотите меня сделать? Я не могу говорить моим следователям, кто есть подозреваемый, а кто не есть. Это было бы негодно. Однако я убедил их держать вас в этой камере содержания. Они настаивали, чтобы я перевел вас в зону общего содержания. Она совместная и, боюсь, нехорошо наблюдаемая. – Выдержав паузу, он снова открыл папку. – Но я думаю, я могу хотя бы задержать это на время. А покамест у меня имеются для вас мои

собственные вопросы. Наши записи говорят, что вы купили кондоминиум здесь, в Джакарте. Заплатили наличными эквивалент семьсот тысяч американских долларов. – Поднял глаза на нее, но не дождавшись в ответ ни слова, продолжал: – Наш банковский контакт говорит, вы держите чековый счет со средним балансом в триста тысяч эквивалента американских долларов. Этот счет получает периодические переводы из банка на Каймановых островах.

– Мой банковский счет тут совершенно ни при чем.

– Я уверен, так оно и есть. Но вы можете видеть, как это выглядит для моих следователей. Как вы получили так много денег, если разрешите спросить?

– Унаследовала.

Приподняв брови, шеф так и просветлел.

– А от ваших прародителей?

– Нет, от своего отца. Слушайте, мы попусту теряем время.

– Что он делал?

– Кто?

– Ваш отец.

– По-моему, занимался банковским делом или инвестициями. Не знаю, я была совсем маленькая.

– Понимаю, – кивнул шеф. – Я полагаю, мы можем помочь друг другу, доктор. Мы можем убедить моих следователей, что вы не замешаны в похищении детей и дадите моему департаменту средства, в которых он отчаянно нуждается, чтобы найти этих недо... э... беспомощных детей.

Кейт уставилась на него. Теперь все начало обретать смысл.

– Я слушаю.

– Я вам верю, доктор Уорнер. Но как я говорю, мои следователи, они смотрят на улики и они знают, что подумает жюри, и между нами, доктор Уорнер, я думаю, может быть, они чуточку не любят иностранцев, может быть, особенно американцев. Я полагаю, единственный способ по-настоящему гарантировать вашу безопасность и получить то, что мы оба хотим, – это найти этих детей. Это очистит ваше имя.

– Так чего же вы ждете?

– Как я сказал прежде, доктор Уорнер, мы маленький департамент. Найти этих детей... Мне бы потребовалось больше ресурсов, людей за

пределами моего департамента. Но, как мне прискорбно сообщить, подобное следствие стоило бы дорого, наверное, два миллиона долларов. Э-э, американских долларов. Но если я выпрошу некоторые одолжения, я думаю, мы можем обойтись один целый пять десятых миллиона. Но время имеет существенную важность, мой дорогой доктор. Дети уже могут быть где угодно. Я могу только надеяться, что они еще живы.

– Одна целая пять десятых миллиона долларов.

Шеф кивнул.

– Вы их получите. Но сперва отпустите меня.

– Я бы ничего не хотел больше этого, доктор, поверьте мне. Но обещания, данные подозреваемыми в комнате для допросов... – Он воздел руки горе.

– Отлично, дайте мне телефон и реквизиты вашего... банковского счета. И достаньте мне машину.

– Сию секунду, доктор.

Улыбнувшись, он встал и удалился, оставив Кейт в комнате для допросов в одиночестве. Она снова села за стол, поставив одну ногу на сиденье, и пятерней провела по своим белокурым волосам. Женщина, отразившаяся в зеркальной стене напротив, ничуть не походила на ту полную надежд научную сотрудницу, приехавшую в Джакарту четыре года назад.

Шеф закрыл дверь комнаты для допросов. Полтора миллиона! Он сможет уйти в отставку. Вся его семья бросит работу. Полтора миллиона... Смог бы он выудить больше – скажем, два или два с половиной? Три миллиона? Может, у нее есть больше. Намного больше. На полтора она согласилась, глазом не моргнув. Может, вернуться и сказать, что надо нанять больше людей? Это будет стоить четыре миллиона. Он бы согласился и на двести пятьдесят тысяч; рассчитывал на меньшее. Остановившись перед комнатой для допросов, шеф ломал голову, как быть.

Сразу же он обратно не пойдет. Можно размягчить ее еще больше. Пару часиков в вырезителе с выключенными камерами. Тут надо проявлять осмотрительность – негоже, чтобы она сразу после этого ринулась в посольство США, – но если действовать аккуратно, можно сделать реальные деньги прямо сегодня.

Глава 16

Комната сверхсекретной связи
Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Джош бросил взгляд на красные точки на координатном дисплее. В течение часа со времени ухода Дэвида двадцать четыре красные точки, обозначающие всех полевых сотрудников Джакартского отделения, передвигались от штаб-квартиры отделения к различным местам по всему городу. Теперь карта показывала четыре группы по шесть точек в каждой.

Три из пунктов назначения Джош хорошо знал – это конспиративные квартиры Джакартского отделения. Должно быть, восемнадцать агентов в этих пунктах значатся в списке подозреваемых Дэвида. Точки на конспиративных квартирах медленно перемещались туда-сюда, поворачивая обратно, когда доходили до стен, ограничивающих передвижения, будто осужденные, выходящие по камерам в ожидании свершения своей участи.

Стратегия вполне обоснованная: Дэвид разделил потенциально враждебные силы, попутно выиграв время на обнаружение их приближения, если они вздумают перейти в наступление.

Когда решат перейти в наступление. Вид этих точек на карте внушал Джошу какой-то подспудный ужас, делая угрозу реальной. Это уже происходит. Сражение за Джакартское отделение – лишь вопрос времени. В какой-то момент точки вырвутся из конспиративных квартир, обрушатся на группу Дэвида из шестерых бойцов, а затем устрелятся обратно в штаб, чтобы позаботиться о Джоше.

Дэвид просто выиграл время. Время, позволяющее Джошу просеять актуальные местные разведданные и поработать над шифром – словом, выяснить хоть что-нибудь. А он сомневается, что справится.

Джош снова просмотрел спутниковое видео. Это все, что есть в его распоряжении. Что, если он заблуждается?

Он прочесал волосы пятерней. Это определенно выходит за рамки. Но если это ерунда...

Разведывательная деятельность зачастую сводится к инстинкту. Фургон, вся эта операция – что-то в них не то.

Набрав номер Дэвида, он сообщил:

– По-моему, есть кое-что.

– Выкладывай, – отозвался тот.

– Похищение двух детей из медицинской клиники. Сообщение поступило в джакартский департамент полиции несколько часов назад. «Часовая башня» классифицировала это как низкоприоритетный местный инцидент. Но фургон – легкий коммерческий автомобиль, зарегистрированный на базирующуюся в Гонконге липовую корпорацию, известную, как ширма «Иммари». И откровенно говоря, это не похоже на местных; похищение было проведено профессионально. В обычных обстоятельствах мы отнесли бы это в разряд похищений ради выкупа, но «Иммари» не станет марать руки ради такой мелочи. Я продолжаю копать, но на девяносто девять процентов уверен, что это операция «Иммари», причем высокоприоритетная, учитывая, насколько в открытую она проведена – умыкнули детей среди бела дня, да еще и на фургоне, который мы наверняка отследим... Не понимать этого они не могли. Это означает, что и ждать они тоже не могли.

– И что же отсюда следует?

– Пока толком не знаю. Странность в том, что клинику вроде бы финансирует очередная «дочка» «Иммари» – «Иммари Рисеч». Деньги на строительство и покрытие ежемесячных расходов выплачивал базирующийся в Джакарте холдинг корпорации – «Иммари Джакарта». В твоём досье есть несколько ссылок на него. История компании уходит в прошлое почти на двести лет. В эпоху колониализма она была «дочкой» Голландской Ост-Индской компании. Возможно, она – крупнейший оперативный центр «Иммари» в Юго-Восточной Азии.

– Бессмыслица какая-то. Зачем одно подразделение «Иммари» похищает детей у другого? Может, внутренние распри? Что нам известно о штате клиники?

– Немного. Их можно по пальцам перечислить. Парочка лаборантов, один из них в ходе инцидента убит. Сменный штат нянек для детей. По большей части местные, не имеющие к происшествию

никакого отношения. А ведущий исследователь, – Джош пододвинул личное дела доктора Катерины Уорнер, – была там во время инцидента и, возможно, выведена из строя. Свыше часа оттуда никто не выходил. Сейчас местная полиция держит ее в одном из джакартских участков.

– Они забили межведомственную тревогу по поводу пропажи детей?

– Нет.

– Какие-либо либо публичные ориентировки?

– Не-а. Но у меня есть гипотеза. У нас есть источник в полиции Западной Джакарты. Пятнадцать минут назад он передал рапорт, утверждающий, что шеф полиции вымогает деньги у американской гражданки. Как я понимаю, это и есть доктор Уорнер.

– Гмм. А чем занимается клиника?

– Вообще-то это научно-исследовательское учреждение. Генетические исследования. Они проверяют новые методы терапии детей, страдающих аутизмом, прежде всего с нарушениями развития.

– Как-то не очень похоже на международный терроризм.

– Согласен.

– И какова же у нас рабочая гипотеза? Что мы ищем?

– Честно говоря, понятия не имею. Я не слишком углублялся в дебри, но в глаза бросается одно: патентов пока не подавали.

– Почему же это настолько важно? Думаешь, они не занимаются исследованиями?

– Нет, я весьма уверен, что занимаются, исходя хотя из того, какое оборудование они импортировали и как все обустроили. Но это не ради денег. Если бы они хотели коммерциализировать то, что испытывают, то первым делом подали бы на патент. Это стандартная процедура для клинических испытаний. Создаешь вещество в лаборатории, патентуешь его, затем испытываешь. Патент призван помешать конкурентам похитить испытываемый образец и запатентовать его первыми, тем самым убрав тебя с рынка. Без патента испытывают только то, что хотят утаить от мира. И Джакарта – самое подходящее место для этого. Испытания, проводимые в США хоть с одним пациентом, по закону должны быть заявлены в Управление по контролю пищевых продуктов и лекарственных средств с описанием проверяемой терапии.

– Значит, они разрабатывают биологическое оружие?

– Возможно. Но до сегодняшнего дня никаких инцидентов в клинике не было. Они не регистрировали никаких смертных случаев, так что если и испытывают что-то на детях, то это самое неэффективное биологическое оружие всех времен. Исходя из того, что я вижу, исследования вполне легитимны. Да притом проводятся из лучших побуждений. Фактически говоря, если они добьются поставленной цели, это станет грандиозным революционным скачком в медицине.

– Что также является отличным прикрытием. Но вопрос, зачем красть у самих себя, остается. Если «Иммари» финансирует клинику и управляет ею, зачем нужно посылать собственных людей красть этих детей? Может, у исследовательницы сердце в пятки ушло из-за оружия, которое они создают? – предположил Дэвид.

– Не исключено.

– Располагает ли источник в джакартской полиции полномочиями, чтобы отпустить доктора?

– Нет, очевидно, он сидит на тотемном столбе низковато.

– У нас есть досье на шефа?

– Минуточку, – Джош провел поиск по базе данных «Часовой башни», и как только данные на шефа появились, откинулся на спинку стула. – Ага, есть досье... Ничего себе!

– Зашли его мне в мобильный командный пункт. Ты прошерстил уже все местные данные?

– Ага, на поверхность всплыло только это. Но есть и кое-что еще.

– Джош терзался сомнениями, упоминать ли об этом, но, как и в видео похищения, в этом ощущался какой-то подвох. – Ни одна другая ячейка не доложила о нападении, и Централь не публиковала никаких коммюнике. В новостях тоже ничего – ни слова с момента боестолкновений в Карачи, Кейптауне и Мар-дель-Плате. Все ячейки спокойны, передают обычные рапорты как ни в чем не бывало.

– Предположения? – осведомился Дэвид.

– Две возможности: либо они чего-то выжидают – скажем, нашего следующего хода, либо...

– Остальные ячейки пали без боя.

– Ага. Может статья, мы последняя крупная ячейка, – подтвердил Джош.

– Давай-ка ты поработай над шифром – и как можно быстрее.

Глава 17

Научно-исследовательский комплекс корпорации «Иммари»

Окрестности Буранга, Китай

Тибетский автономный район

Перед началом видеоконференции доктор Шэнь Чанг попытался избавиться от напряжения.

Когда собеседник появился на экране, Чанг, сглотнув ком в горле, проговорил:

– Руководитель проекта приказал мне связаться с вами, доктор Грей. Мы следовали протоколу и предписанным исследованиям до буквы... Я не знаю, что...

– Ничуть не сомневаюсь, доктор Чанг. Но результат весьма удивителен. Почему выжили дети, а взрослые нет?

– Мы пока не знаем. Мы провели тесты на детях. Они демонстрируют устойчивую активацию гена Атлантиды.

– Возможно, терапия на взрослых не работает?

– Да, возможно. Терапия осуществляется ретровирусом, внедряющим ген в генетический код субъекта. Это незначительное генетическое изменение, но оно обладает каскадным эффектом на эпигенетическом уровне, включая и выключая ряды других, уже имеющихся генов носителя. Никаких физиологических последствий – во всяком случае, поддающихся обнаружению, – но наблюдаются обширные изменения в мозге. Ген по сути перезаписывает мозг субъекта. Нейропластичность, способность мозга перестраиваться или адаптироваться, с возрастом снижается – именно поэтому в зрелом возрасте трудно научиться чему-то новому. Мы исследовали идею, что взрослые не реагируют на терапию, потому что активация гена не может запустить изменения в мозгу – на самом деле вирус генетической терапии пытается перекоммутировать мозг, но его «печатные платы» уже запаяны крепко-накрепко. Вскоре по окончании детского возраста.

– Быть может, у взрослых субъектов не было предковых генов, запускающих изменения в мозге?

– Нет, все взрослые субъекты каскадными генами обладали. Как вам известно, мы знаем об этих генах уже в течение некоторого

времени, и в своем рекрутинговом учреждении в Китае проверяли каждого субъекта. Взрослые должны были пережить тест.

– Быть может, эта терапия работает только на мозгах, страдающих аутизмом?

Эту возможность Чанг не рассматривал. Доктор Грей – биолог-эволюционист, проявляющий интерес к палеобиологии, и он начальник начальника Чанга, оседлавший вершину пищевой пирамиды «Иммари». Чанг не предполагал, что этот разговор будет фокусироваться на науке, ожидая от этого супербосса разноса за провал, и с радостью ухватился за возможность поговорить о гипотезе Грея.

– Да, это определено возможно. Аутизм по существу является нарушением мозговых связей, особенно в областях, управляющих общением и взаимопониманием. Затронуты и другие области. Некоторые из пораженных им индивидуумов имеют мощный интеллект и особые способности; другие находятся на совершенно противоположном конце спектра – даже не в состоянии самостоятельно выжить. На самом деле аутизм – всеохватная категория, включающая в себя разнообразнейшие нарушения мозговых связей. Нам надо это рассмотреть, и потребуются какое-то время. Вероятно, понадобятся новые подопытные.

– Времени у нас нет, но добыть еще детей мы, пожалуй, сумеем. Хотя эти субъекты – единственные из известных нам с активированным геном Атлантиды. Предоставьте позаботиться об этом мне. Есть еще что-нибудь, чего вы не сказали? Какие-нибудь другие гипотезы? На данном этапе плохих идей нет, доктор Чанг.

У Чанга другая идея имелась, хотя озвучивать ее перед остальной командой он не стал.

– Я лично не уверен, что взрослые и дети прошли одну и ту же терапию.

– Проблемы с воспроизведением методики доктора Уорнер?

– Нет. Как я сказал, мы следовали ее протоколу буквально, на этом я настаиваю. Я вот все думаю, может, доктор Уорнер... подвергла этих детей воздействию чего-то другого, чего-то, не попавшего в ее официальные записи или протокол испытаний.

Грей явно призадумался над идеей Чанга.

– Очень интересно.

- Нельзя ли переговорить с доктором Уорнер?
- Не уверен... давайте я свяжусь с вами по этому поводу позже. Высказывал ли эту озабоченность кто-либо еще из членов команды?
- Насколько мне известно, нет.
- Я бы хотел, чтобы покамест вы придержали свои подозрения по поводу доктора Уорнер при себе и с любыми новостями связывались непосредственно со мной. Надо придерживаться это под спудом. Я уведомяю руководителя проекта, что вы работаете непосредственно со мной. Он будет поддерживать ваши действия, не задавая лишних вопросов.
- Понимаю, – кивнул доктор Чанг, хотя на самом деле ничего не понял. Этот разговор породил целый ряд вопросов, и теперь он был уверен лишь в одном: они применили неправильную терапию.

Глава 18

Следственный изолятор полиции Западной Джакарты Джакарта, Индонезия

Шеф Куснади хотел было наведаться в комнату для допросов, когда путь ему преградил какой-то человек – то ли американец, то ли европеец, определенно какой-то военный. Уж такая конституция... и взгляд.

- Вы кто будете? – спросил его Куснади.
- Это неважно. Я приехал забрать доктора Катерину Уорнер.
- Ах, забавный человек! Скажите мне, кто вы, пока я не бросил вас в камеру.

Тот вручил ему плотный конверт, бросив:

- Гляньте. Вряд ли вы тут увидите что-нибудь новое для себя.
- Вскрыв конверт, шеф полиции посмотрел первые несколько снимков. И не мог поверить собственным глазам. Как?! Как они?..
- Если вы не выпустите ее сию же минуту, то увидите это далеко не в последний раз.
 - Я хочу оригиналы.
 - А что, разве это похоже на переговоры? Выпускайте ее на свободу, или моя организация выпустит на свободу содержимое этого конверта.

Взгляд Куснади потупился, потом метнулся из стороны в сторону, как у загнанного в угол зверя, решающего, куда бежать.

– И просто на случай, если вы подумываете, не швырнуть ли меня за решетку, то если я не позвоню своим людям через три минуты, они выпустят это досье по-любому. Теперь вы работаете на меня. Хотите вы быть шефом полиции или нет?

Куснади задумался. Окинул взглядом департамент. Кто мог такое сделать?

– Время вышло, – прищелец повернулся, чтобы уйти.

– Подождите! – Шеф полиции открыл дверь комнаты для допросов и жестом пригласил женщину выйти. – Этот человек вас отведет.

Женщина замешкалась на пороге, бросив взгляд на Куснади, прежде чем оглядеть военного с головы до ног.

– Все в порядке, вас берет этот человек.

Обхватив ее за талию, тот сказал:

– Следуйте за мной, доктор Уорнер. Мы уходим отсюда.

Куснади оставалось лишь смотреть, как они выходят из участка.

За стенами полицейского участка Кейт остановилась, обернувшись к своему спасителю. Одет в черный бронежилет и смутно походит на человека, похитившего ее детей. Равно как его люди – теперь она их заметила – целых пятеро, стоят перед большим черным пикапом, вроде курьерского пикапа-переростка, и черным же внедорожником с тонированными стеклами.

– Кто вы? Я хочу знать...

– Подождите секундочку, – остановил он ее.

Подойдя к следователю-недомерку, обвинявшему Кейт в покупке детей, военный отдал ему папку и сказал:

– Я слышал, вас ждет повышение.

– Я только делаю, что велено, – пожав плечами, робко отозвался тот.

– Ваш оперативный сотрудник резидентуры говорит, что вы надежный источник. Если вы достаточно умны, чтобы сообразить, как поступить с этим, может быть, из вас получится шеф полиции получше прежнего.

– Как прикажете, босс, – кивнул следователь.

Вернувшись к Кейт, военный указал на большой черный курьерский фургон.

– Будьте добры, сядьте в фургон.

– Никуда я не пойду, пока вы не поведаете мне, кто вы и что происходит.

– Я вам объясню, но прямо сейчас нам надо доставить вас в безопасное место.

– Нет, вы...

– Вот вам намек. Хорошие ребята приглашают вас сесть в фургон. Плохие надевают вам черный мешок на голову и зашвыривают в фургон. Я прошу. Смотрите сами, можете оставаться здесь или ехать со мной. Вам решать.

Направившись к фургону, он распахнул двустворчатые задние двери.

– Подождите! Я еду.

Глава 19

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

Пока штат отделения тянулся в главный конференц-зал, глава оперативного отдела джакартской «Часовой башни» Винсент Тареа массировал мышцы рук. Руки и ноги до сих пор болели после нападения двух полоумных в клинике и брыканий этих диких детей. А дальше вообще все покатило под откос. Но он способен вернуть все на свои рельсы. Надо только убедить пару-тройку ребят из джакартской братии поддержать атаку; остальные уже и так на зарплате у «Иммари».

Тареа поднял руки, призывая собрание к тишине. Собрался уже весь штаб «Часовой башни» – все аналитики, все оперативные сотрудники резидентуры и все полевые сотрудники; не хватает только Дэвида Вэйла и пятерых оперов из его команды. Глава отдела анализа Джош Коэн тоже в отлучке, но его они скоро разыщут. Большие экраны на стенах конференц-зала показывают три битком набитые комнаты, где томятся полевые сотрудники, загнанные в конспиративные квартиры в разных районах города.

– Лады, народ, слушай сюда. Всем я доступен по видеосвязи?

Головы закивали в ответ, слышались «ага» и «доступен».

– По-простому такое и не скажешь, но я скажу напрямик: «Часовая башня» скомпрометирована.

Упади в этот миг в зале булавка – и звон ее показался бы оглушительным.

– И мы атакованы. Ранее сегодня я получил донесения, что несколько ячеек, включая Кейптаун, Мар-дель-Плату и Карачи, были полностью уничтожены. Несколько других отделений сражаются не на жизнь, а на смерть, пока мы тут болтаем.

Собравшиеся начали перешептываться. Некоторые стали выкрикивать вопросы.

– Погодите, народ. Дальше хуже. Боюсь, враг, с которым мы сражаемся, в наших собственных рядах. Вот что нам известно на данный момент: несколько дней назад Дэвид Вэйл вкупе с несколькими другими начальниками отделений организовал встречу всех главных аналитиков. Это явное попрание протокола. Мы полагаем, что они сообщили аналитикам о существовании якобы какой-то новой угрозы. Теперь нам известно, что более половины аналитиков с этой конференции не вернулись. Весь этот цирк оказался массовой казнью, как мы полагаем, призванной парализовать наш анализ разведывательной информации накануне этой массивной атаки. Аналитики, вернувшиеся в свои ячейки, сейчас активно работают против «Часовой башни».

Тареа оглядел лица, полные сомнения, по всему залу.

– Слушайте, я знаю, что в это трудно поверить, и, как и вы, не хочу верить этому. Правду говоря, я и не верил – до сегодняшнего утра, когда Дэвид рассеял наших полевых сотрудников по всему городу. Вдумайтесь: он разгоняет нас, чтобы мы не смогли противостоять нападению. Он готовит захват Джакартского отделения. Это лишь вопрос времени.

– Зачем? – сказал кто-то.

– Он на такое не способен! – подхватил другой.

– Я задавал тот же вопрос, говорил те же слова, – не спасовал Тареа. – Он сам меня завербовал, я служил с ним, я знаю его. Но многое о Дэвиде Вэйле нам неизвестно. Мы все пришли в «Часовую башню» по собственным причинам. Как мы смогли установить, Дэвид серьезно пострадал во время атак одиннадцатого сентября. Я этого не

знал до сегодняшнего дня. С той поры он носится с теорией заговора насчет «девять-одиннадцать», какими-то безумными идеями насчет того, что военные подрядчики подстрекали к атаке ради собственной выгоды. Может, он даже сам стал жертвой лжи. Кто-то мог его использовать. Так или иначе, он болен, он переметнулся. И вовлек в заговор уйму других людей. Мы считаем, что Джош Коэн вернулся с конференции аналитиков и работает с шефом.

Все примолкли, переваривая новости.

– А что за операция? Чтобы захватить его? – поинтересовался с видеозащиты боец с одной из конспиративных квартир.

– Это может оказаться невозможно. Он будет биться до последнего. Приоритет – минимизировать сопутствующий ущерб. И нам помогут. «Иммари Секьюрити» предложила одолжить своих людей. Им известно о ситуации, и они хотят локализовать ее не меньше нашего. Похоже, мишенью своей вендетты Дэвид избрал «Иммари». Нам известно, что он захватил в плен ученую, работающую над проектом, финансируемым «Иммари». Она может быть соучастницей заговора – или же являться жертвой его планов, мы пока не знаем. План заключается в том, что нужно вернуть эту женщину – доктора Катерину Уорнер – и нейтрализовать шефа.

Глава 20

Комната сверхсекретной связи

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

Джош в тревоге ждал, когда же выяснится, правильна ли его гипотеза по поводу зашифрованного сообщения, которое передал ему Дэвид. Это была лучшая из идей Джоша. А вообще-то, единственная.

Он старался не пялиться на главный дисплей на длинной стене стеклянной комнаты. В течение последних тридцати минут экран сообщал одно и то же:

Поиск...

Джош бросил взгляд на два экрана рядом, показывающие видеотрансляцию от наружной двери и карту города с двадцатью

четырьмя красными точками, обозначающими полевых сотрудников джакартской «Часовой башни». Он даже не знал, какой экран нервирует его больше других. С равным успехом они могли бы быть цифровыми табло, отсчитывающими секунды, оставшиеся до его смерти и некой ужасающей, неведомой катастрофы... А главный экран по-прежнему сообщал просто «Поиск...».

Неужто поиск может отнимать столько времени? Что, если он теряет время попусту?

Но на этом его поводы для тревоги не исчерпывались. Джош бросил взгляд на полевой чемоданчик, оставленный Дэвидом на столе. Встав, он схватил чемоданчик, но когда поднимал его, нижняя крышка отвалилась. Пистолет и ампулы с цианидом вывалились на стол, нарушив тишину стуком и дребезгом. Этот звук перекатывался по комнате, казалось, часами. Наконец, Джош схватил пистолет и две ампулы. Руки его тряслись.

Гудок, донесшийся от стены, отвлек его от переживаний. Большой дисплей сообщал:

5 результатов.

Пять результатов!

Усевшись за стол, Джош начал манипулировать беспроводной клавиатурой и мышью. Три результата из «Нью-Йорк таймс», один из лондонской «Дейли мейл» и один из «Бостон глоуб».

Может, он и прав. Едва увидев имена и даты, Джош первым же делом подумал: некрологи. Некрологи и колонки объявлений – шпионская классика: оперативники после Второй мировой войны обычно использовали их для передачи сообщений по шпионским сетям на всей планете. Это старая школа, но будь сообщение передано в 1947 году, метод был бы вполне приемлем. Если сие правда, этой террористической сети свыше шестидесяти пяти лет. Напрашивающиеся выводы Джош пока отодвинул на задний план.

Он посмотрел на зашифрованное сообщение, переданное ему Дэвидом:

Протокол Тоба существует.

$12+4+47 = 4/5$; Джонс

$22+7+47 = 3/8$; Андерсон

$4+10+47 = 5/4$; Эймс

И переключился на результаты поиска. Скорее всего, террористы используют одну газету – ту самую, которая доступна в городах по всему миру. И «Нью-Йорк таймс» – наиболее вероятный кандидат. Даже в 1947 году можно было подойти к газетному киоску в Париже, Лондоне, Шанхае, Барселоне или Бостоне и купить сегодняшний экземпляр «Нью-Йорк таймс» вкуче с платными некрологами.

Если некрологи – шифрованные сообщения, они должны быть как-то маркированы. Джош увидел это в ту же секунду – каждый из некрологов в «Таймс» включал слова «часы» и «башня». Он откинулся на спинку стула. Возможно ли, чтобы «Часовая башня» была настолько старой? ЦРУ официально основали лишь после принятия Закона о национальной безопасности 1947 года, хотя предшествовавшая ей организация – Управление стратегических служб – была создана во время Второй мировой войны, в июне 1942 года.

К чему террористам упоминать «Часовую башню»? Может, они сражались с нею уже тогда – в 1947 году, шестьдесят шесть лет назад?

Нужно сосредоточиться на некрологах. Должен же быть способ их расшифровать. Идеальная шифровальная система опирается на вариативный шифр: единого ключа, позволяющего расшифровать любое сообщение, просто нет. Каждое сообщение содержит собственный ключ – что-то простое.

Джош открыл первый некролог, датированный 12/4/1947:

Адам Джонс, часовщик-новатор, умер в возрасте 77 лет, работая над башенным шедевром

Адам Джонс, покинув Гибралтар, скончался. Работы этого мастера британцы считают выдающимися. Его нашли почившим в мастерской. Бренные останки будут преданы земле возле незабвенной усопшей жены. Выбор участка они осуществили вместе. Ждем

желающих проститься. По поводу указаний пути обращайтесь письменно.

Сообщение где-то здесь. Каков же ключ? Открыв другие некрологи, Джош пробежал их взглядом в надежде наткнуться на какую-нибудь подсказку. В каждом некрологе указывалось местоположение, причем в самом начале текста. Он проверил несколько возможностей, переставил несколько слов, а потом сел и задумался. Некрологи написаны коряво, будто слова высосаны из пальца. Или втиснуты, словно автору

приходилось

использовать эти слова. Порядок, интервалы... И тут он увидел. Имена и были шифром – длина имен. Это вторая часть кода.

$12+4+47 = 4/5$; Джонс

Некролог от 12/4/1947 посвящен Адаму Джонсу. 4/5. Имя состоит из четырех букв; фамилия – из пяти. Если взять четвертое слово некролога, а затем отсчитать пять слов, следующих за ним, и повторить процедуру, это даст предложение.

Джош изучил некролог заново:

Адам Джонс, часовщик-новатор, умер в возрасте 77 лет, работая над башенным шедевром

Адам Джонс, покинув

Гибралтар

, скончался. Работы этого мастера

британцы

считают выдающимися. Его

нашли

почившим в мастерской. Бренные

останки

будут преданы земле

возле

незабвенной усопшей жены. Выбор

участка

они осуществили вместе.

Ждем

желающих проститься. По поводу

указаний

пути обращайтесь письменно.

Вкупе сообщение гласило:

Гибралтар, британцы нашли останки возле участка. Ждем указаний.

Джош несколько секунд созерцал сообщение, не видя, что из него следует. И не представляя, что оно означает. Проведя поиск в Интернете, нашел несколько результатов. Очевидно, британцы нашли останки в Гибралтаре в 1940-х, в природной морской пещере под названием пещера Горхема. Но кости принадлежали не человеку, а неандертальцу – и радикально изменили представления ученых о неандертальцах. Наши доисторические собратья на самом деле были отнюдь не просто архаичными пещерными жителями. Они строили жилища. И разводили огромное пламя в каменных очагах, готовили овощи, владели устной речью, создали пещерную живопись, погребали своих усопших с цветами и изготавливали совершенные каменные орудия и посуду. Кости в Гибралтаре также изменили представление о хронологии неандертальцев. До гибралтарской находки неандертальцев считали вымершими около сорока тысяч лет назад. Неандертальцы в Гибралтаре жили приблизительно двадцать три тысяч лет назад – куда позже, чем считалось ранее. Вероятно, это место стало последним оплотом неандертальцев.

Какое отношение может иметь древняя неандертальская цитадель к глобальной террористической атаке? Возможно, другие сообщения смогут пролить на это какой-то свет. Открыв второй некролог, Джош расшифровал и его.

Антарктика, субмарина не найдена, сообщите, санкционированы ли дальнейшие поиски.

Любопытно. Джош провел еще парочку поисков. 1947 год выдался для Антарктики хлопотливым. 12 декабря 1946 года ВМС США отправили в Антарктику огромную армаду, включавшую тринадцать кораблей с почти пятью тысячами человек на борту. Эта миссия под кодовым названием «Операция Хайджамп», то есть «высокий прыжок», основала антарктическую исследовательскую станцию «Литл-Америка IV». Ходили теории заговора и домыслы по поводу того, что США разыскивают в Антарктиде секретные нацистские базы и технологии. Означает ли сообщение, что они ничего не нашли?

Перевернув толстый глянцевый лист, Джош принялся изучать фотографию. В синем море плавал обломок льда, и в его центре из льда торчала черная подводная лодка. Надпись на подлодке была чересчур мелкой, чтобы прочесть, но субмарина наверняка нацистская. Исходя из предполагаемых размеров подлодки, площадь айсберга составляет где-то десять квадратных миль. Достаточно крупный, чтобы происходить из Антарктики. Означает ли это, что подлодку недавно нашли? Не стало ли это открытие толчком, запустившим цепочку дальнейших событий?

Джош перешел к последнему сообщению в надежде, что оно послужит подсказкой. В расшифрованном виде оно гласило:

Розуэлл, метеозонд соответствует гибралтарской технологии, мы должны встретиться.

Все вместе три сообщения выглядели так:

Гибралтар, британцы нашли останки возле участка. Ждем указаний.

Антарктика, субмарина не найдена, сообщите, санкционированы ли дальнейшие поиски.

Розуэлл, метеозонд соответствует гибралтарской технологии, мы должны встретиться.

Что это означает? Участок в Гибралтаре, субмарина в Антарктике, а уж последнее – что это за метеозонд в Розуэлле, соответствующий технологии из Гибралтара?

И более существенный вопрос: зачем? Зачем раскрывать эти сообщения шестидесятипятилетней давности? Какое отношение они имеют к тому, что происходит сейчас, – к сражению за «Часовую башню» и надвигающейся террористической атаке?

Джош принялся вышагивать из угла в угол, погрузившись в раздумья.

Будь я «кротом» в террористической организации, пытающимся позвать на помощь, – что бы я предпринял?

Пытающимся позвать на помощь... источник должен был оставить способ связаться с ним. Другой шифр? Нет, возможно, он демонстрировал метод – как с ним связаться. Некрологи. Но этот способ неэффективен, газетные некрологи появляются минимум через сутки, даже в онлайн-версиях. Онлайн. Каким же будет современный эквивалент? Где можно опубликовать некролог?

Джош прокрутил в голове несколько идей. С газетными некрологами просто – нужно просмотреть всего лишь пару-тройку страниц. Обработка всех этих материалов из прошлого отняла какое-то время, но зато у Джоша появилось одно ключевое преимущество: он знает, где искать. Это сообщение может быть в онлайн-версии где угодно. Должна иметься еще какая-то подсказка.

Что между этими тремя сообщениями общего? Местоположение. Чем они различаются? В Антарктиде нет людей, нет объявлений, нет... чего? В чем заключается отличие от Розуэлла и Гибралтара? В обоих есть газеты. Что можно сделать в одном месте и нельзя сделать в другом? Опубликовать что-либо... источник указывает ему на систему публикаций, столь же повсеместную сегодня, как был «Нью-Йорк таймс» в 1947 году.

Крейгслист

[4]

. Должно быть, он. Джош проверил. В Гибралтаре Крейгслиста нет, но зато есть доска объявлений для Розуэлла/Карлсбада, Нью-

Мексико. Открыв его, Джош начал читать объявление за объявлением. Их обнаружили тысячи – в десятках категорий: продажа, жилье, общение по интересам, работа, резюме. И каждый день сотни новых постингов.

Как же тут найти сообщение источника – да и есть ли оно там вообще? Можно воспользоваться технологией веб-классификации, чтобы собрать контент сайта – сервер «Часовой башни» «проползет» по сайту, как пауки «Гугла» и «Бинга», которые индексируют веб-сайты, извлекая контент и подготавливая его для поисковых операций. Потом можно прогнать программу-дешифратор, чтобы посмотреть, не выдадут ли какие-нибудь постинги внятный результат. На это уйдет всего пара часов.

Но у него нет пары часов.

Для начала нужно выбрать место. Логичным выбором были бы некрологи, но в Крейгслисте их нет. Какая же категория к этому ближе всего? Может быть... объявления о знакомстве? Он пробежал взглядом заголовки:

строго платонические

женщины ищут женщин

женщины ищут мужчин

мужчины ищут женщин

мужчины ищут мужчин

разная романтика

случайные встречи

не могу забыть

рву и мечу

Где же начать? Не ищет ли он вчерашний снег? Терять время сейчас – непозволительная роскошь. Разве что еще пару минут, одну группку сообщений.

«Не могу забыть» – любопытная категория. Идея в том, что когда ты хочешь встретиться с человеком, которого не можешь найти, то помещаешь объявление здесь. Раздел популярен у парней, которые пока что не могут набраться духу, чтобы пригласить симпатичную официантку на свидание. Джош даже сам несколько раз там «постился». Если этот человек увидел сообщение и ответил, то все в ажуре, никакого насилия. Если же нет... значит, не суждено.

Открыв раздел, Джош пробежал взглядом несколько постингов.

<Тема> Зеленое платье на собрании волонтеров

Сообщение: Боже мой, ты была сногшибательна! Ты безупречна, и у меня совсем отнялся язык. Хотел бы с тобой поговорить. Чиркни мне по мылу.

<Тема> Отель «Хэмптон»

Сообщение: Мы вместе брали воду у прилавка и вместе сели в лифт. Я не знал, не хочешь ли ты встретиться, чтобы малость поупражняться вместе. Скажи, на каком этаже я сошел. Я видел твое обручальное кольцо. Можно все строить и деликатно.

Джош прочел еще несколько. Если сообщение следует методике, оно будет длинным – сообщение внутри сообщения, декодируемое по длине имени и фамилии, служащих ключом к шифру. Крейгслист анонимен. Имя должно быть адресом электронной почты.

На следующей странице первый же постинг гласил:

<Тема> Мы встретились в ресторане Башни Америк, где нас усадили за один столик, потому что мы попали в часы пик

Многообещающе...

Часы

и

Башня

в теме сообщения. Открыв постинг, Джош быстро прочел его. Явно длиннее остальных. Почтовый адрес andy@gmail.com. Джош быстро выписал из постинга каждое четвертое и каждое пятое слово. Расшифрованный постинг сообщал:

Ситуация изменилась. «Часовая башня» падет. Отвечайте, если еще живы. Никому не верьте.

Джош оцепенел.

Отвечайте, если еще живы.

Надо ответить. Дэвид должен ответить.

Схватив спутниковый телефон, Джош набрал номер Дэвида, но тот был недоступен. Надо было позвонить ему раньше. Дело не в комнате и не в телефоне. Что могло...

И тут он увидел. Видеосигнал с камеры над внешней дверью. Присмотрелся. Огоньки на серверах горят непрерывно. Но так не бывает – они всегда помигивают, сигнализируя о доступе к жестким дискам, о передаче и приеме сетевыми картами пакетов данных. Это не видеосигнал, это статическая картинка – картинка, транслируемая тем, кто пытается вломиться в комнату.

Глава 21

Главный оперативный пункт

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

В оперативном пункте царила суматоха. Специалисты-техники барабанили по клавишам, аналитики прочесывали частым гребнем входящие и исходящие донесения, а Винсент Тареа выхаживал взад-вперед, следя за экранами на стенах.

– Мы уверены, что Вэйл получает липовую обзорную карту?

– Да, сэр, – отозвался один из техников.

– Отдайте конспиративным квартирам приказ выдвигаться.

Тареа смотрел на экраны, показывающие, как в конспиративных квартирах бойцы направляются к дверям и распахивают их.

При звуке взрывов все головы в большом оперативном пункте повернулись к мониторам, теперь показывающим лишь рябящую белыми помехами черноту.

Один из техников застучал по клавиатуре.

– Переключаюсь на наружное видео. Сэр, у нас массиванная детонация в...

– Знаю! Явочные квартиры, оставаться на местах! – заорал Тареа.

Из динамиков не донеслось ни звука. Обзорная карта совершенно почернела в тех местах, где были красные точки, разбросанные по конспиративным квартирам. Единственные оставшиеся точки обозначали эскорт Дэвида и небольшую группку оставшихся в штабе.

Техник развернулся на стуле.

– Он заминировал конспиративные квартиры.

– Спасибо, Капитан Очевидность, – Тареа потер переносицу. – Мы уже проникли в эту тихую комнату? Джоша нашли?

– Нет, как раз собираются приступить.

Покинув оперативный пункт, Тареа прошел в свой личный кабинет, снял трубку телефона и набрал номер своего коллеги в «Иммари Секьюрити».

– У нас проблема. Он убрал моих людей.

Минутку послушал.

– Нет, слушай, я их убедил, но он... а, неважно, все равно они покойники. И точка.

Снова пауза.

– Нет, ну, будь я на твоём месте, я бы уж постарался прикончить его с первого захода, сколько бы людей у тебя ни было. В поле его сдержать невероятно трудно.

Хотел было положить трубку, но в последний момент нетерпеливо понес к уху снова.

– Что? Нет, мы смотрим. Нам кажется, он здесь. Я тебе сообщу. Что? Хорошо, подъеду, но могу взять с собой только двоих, и мы будем держаться сзади – на случай, если запахнет керосином.

Глава 22

Мобильный оперативный центр «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Кейт вслед за военным забралась в большой черный фургон. Внутри он ни капельки не напоминал курьерский фургон, которым выглядел снаружи – отчасти раздевалка с оружием и снаряжением, которого она еще ни разу не видела, отчасти кабинет с дисплеями и компьютерами, а отчасти автобус с рядами комфортабельных кресел с обеих сторон.

В салоне были три больших экрана. Один показывал точки на карте – по-видимому, Джакарты. На втором – картинки видеокамер наблюдения спереди, сзади и с обеих сторон фургона. В верхней правой картинке – черный внедорожник, ведущий фургон по забитым улицам Джакарты. Последний экран был пуст, не считая единственного слова: «

Соединение...».

– Я Дэвид Вэйл.

– Я хочу знать, куда вы меня везете, – требовательно заявила Кейт.

– На конспиративную квартиру. – Дэвид возился с каким-то планшетным компьютером. Похоже, тот был связан с одним из экранов на стене. Дэвид поглядел на него, словно ожидая появления чего-то. Не дождавшись, он нажал еще на несколько кнопок.

– Значит, вы работаете на американское правительство? – поинтересовалась Кейт, пытаясь привлечь его внимание.

– Не совсем. – Он опустил взгляд, продолжая манипулировать планшетом.

– Но вы
хотя бы
американец?

– Типа того.

– Вы не могли бы сосредоточиться и поговорить со мной?

– Я пытаюсь связаться с коллегой. – Теперь на его лице появилась тревога. Он огляделся, словно в глубокой задумчивости.

– Проблемы?

– Ага. Возможно. – Он отложил планшет. – Мне надо задать вам кое-какие вопросы по поводу похищения детей.

– Вы разыскиваете этих детей?

– Мы все еще пытаемся разобраться в происходящем.

– Кто это «мы»?

– Вы все равно о таких не слыхали.

– Послушайте... – Кейт провела ладонью по волосам. – У меня выдался очень скверный день. На самом деле мне и дела нет, кто вы такие и откуда. Кто-то сегодня похитил двоих детей из моей клиники, и покуда никто не жаждет их отыскать. И вы в том числе.

– Я не говорил, что не помогу вам.

– Однако и не говорили, что поможете.

– Это правда, – согласился Дэвид, – но в данный момент у меня собственных проблем выше крыши, причем крайне серьезных. Проблем, которые могут повлечь гибель множества невинных людей. Многие уже погибли, и я полагаю, ваши исследования как-то с этим связаны. Пока не знаю, как именно. Послушайте, если вы ответите мне на ряд вопросов, я обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы помочь вам.

– Ладно, это справедливо, – Кейт подалась в кресле вперед.

– Много ли вам известно об «Иммари Джакарта»?

– Да толком ничего. Они финансируют мои исследования. Мой приемный отец Мартин Грей – глава «Иммари Рисеч». Они осуществляют инвестиции в широкий ряд научных и технических исследований.

– Вы разрабатываете для них биологическое оружие?

Вопрос потряс Кейт, как пощечина.

– Что?! – отпрянула она. – Боже, нет! Вы с ума сошли?! Я пытаюсь излечить аутизм.

– Почему же забрали двоих этих детей?

– Понятия не имею.

– Я вам не верю. Что в этих двоих такого особенного? В клинике свыше сотни детей. Занимайся похитители торговлей людьми, они захватили бы всех. Этих двоих они взяли не без причины. И ради этого пошли на большой риск, засветив себя. Так что спрашиваю еще раз: почему этих двоих?

Уставившись в пол, Кейт задумалась. И высказала первый же всплывший в голове вопрос:

– Моих детей захватила «Иммари Рисеч»?

Этот вопрос будто застал Дэвида врасплох.

– Э-э, нет, «Иммари Секьюрити». Это другое подразделение, но та же шайка негодяев.

– Не может быть!

– Смотрите сами.

Он вручил Кейт папку, и она принялась перелистывать спутниковые фотографии фургона возле клиники, двоих похитителей в черном, волокущих детей в фургон, и регистрационные данные фургона, выдающие его принадлежность «Иммари Интернейшнл», Гонконгское подразделение службы безопасности.

Кейт задумалась над предъявленными уликами. С какой стати «Иммари» забирать детей? Они могли просто попросить ее саму. Но ее беспокоило и кое-что еще.

– А почему вы подумали, что я разрабатываю биологическое оружие?

– Это единственное разумное объяснение, исходя из свидетельств.

– Каких свидетельств?

– Вам доводилось слышать о «Протоколе Тоба»?

– Нет.

Дэвид вручил ей другую папку.

– Это практически все, что у нас на него есть. Немного, но суть сводится к тому, что «Иммари Интернейшнл» разрабатывает план по радикальному сокращению народонаселения земного шара.

Кейт прочитала папку.

– Как катастрофическое извержение Тоба.

– Что? Я не в курсе.

– Неудивительно. – Она закрыла папку. – Эта гипотеза не является общепринятой, но популярна в кругах биологов-эволюционистов.

– Популярная гипотеза чего?

– Большого Скачка Вперед. – Увидев замешательство Дэвида, Кейт продолжала, не дав ему раскрыть рта. – Большой Скачок Вперед – пожалуй, предмет самых жарких дискуссий в эволюционной генетике. На самом деле это загадка. Нам известно, что около пятидесяти-шестидесяти тысяч лет назад человеческий интеллект претерпел своего рода Большой Взрыв. Мы стали намного умнее, причем очень быстро. Мы только не знаем, как именно. Полагаем, что благодаря неким изменениям в связях мозга. Люди впервые начали

пользоваться сложной речью, создавать произведения искусства, делать совершенные орудия, решать проблемы...

Уставившись в стену, Дэвид перерабатывал эту информацию.

– Я не вижу...

Кейт откинула волосы со лба.

– Ладно, давайте начну с начала. Человеческому роду около двухсот тысяч лет, но мы являемся так называемыми поведенчески современными

людьми – очень-очень умным видом, захватившим всю планету всего около пятидесяти тысяч лет назад. А пятьдесят тысяч лет назад, как нам известно, было как минимум еще три других вида гоминидов: неандертальцы, *Homo Floresiensis*...

– Хомо флор...

– Они не слишком известны. Мы обнаружили их только недавно. Они были мельче, вроде хоббитов. Так что для простоты будем звать их хоббитами. Итак, пятьдесят тысяч лет назад были мы, неандертальцы, хоббиты и денисовцы

[5]

. На самом деле, вероятно, существовала еще пара видов гоминидов, но суть тут в том, что в общей сложности имелось пять или шесть подвидов людей. А затем наша ветвь дерева человечества разрастается, а остальные виды вымирают. На протяжении пятидесяти тысяч лет мы от нескольких тысяч размножаемся до семи миллиардов человек, а остальные человеческие подвиды вымирают. Мы завоевываем планету, а они умирают в пещерах. Это величайшая загадка всех времен, и ученые бьются над ней испокон веков. И религия тоже. В основе лежит вопрос о том, как мы выжили. Что дало нам такое грандиозное эволюционное преимущество? Мы называем эту трансформацию Большим Скачком Вперед, а гипотеза катастрофического извержения Тоба предлагает объяснение, как мог произойти этот грандиозный скачок; как мы стали такими умными, в то время как наши собратья, прочие гоминиды – неандертальцы, хоббиты и так далее – остались поголовно пещерными людьми. Около семидесяти тысяч лет назад, утверждает гипотеза, произошло

извержение супервулкана Тоба, находящегося здесь, в Индонезии. Пепел извержения застал солнце над большей частью Земли, вызвав наступление вулканической зимы, продлившейся много лет. Это стремительное изменение климата разительно сократило численность человеческой популяции – возможно, тысяч до десяти, а то и меньше.

– Погодите, все человечество сократилось до десяти тысяч человек?

– Так мы полагаем. Ну, эти оценки на точность не претендуют, но нам известно, что популяция чудовищно сократилась, причем у нашего подвида особенно. Мы полагаем, что неандертальцев и некоторых других гоминидов, живших в то время, это могло затронуть в меньшей степени. Хоббиты находились по ветру от Тобы, а неандертальцы были сосредоточены в Европе. Всю тяжесть последствий извержения Тобы приняли на себя Африка, Ближний Восток и Южная Азия, а как раз там-то мы и были сосредоточены в то время. Кроме того, неандертальцы были сильнее нас, и мозг у них был крупнее; это могло обеспечить им дополнительные преимущества в борьбе за выживание, но с этим мы пока до конца не разобрались. Нам известно, что по человечеству супервулкан Тоба ударил очень сильно. Мы были на грани вымирания. Это вызвало то, что популяционные генетики называют «эффектом бутылочного горлышка». Некоторые исследователи полагают, что бутылочное горлышко заставило небольшую группу людей эволюционировать, выживая благодаря мутациям. Эти мутации могли привести к взрывному развитию интеллекта. Существуют генетические свидетельства этого. Нам известно, что каждое человеческое существо на планете является прямым потомком одного человека, жившего в Африке около шестидесяти тысяч лет назад, – индивидуума, которого мы, генетики, называем Y-хромосомным Адамом. Фактически все за пределами Африки – потомки небольшой группы людей, быть может, из каких-то ста человек, покинувшей Африку около пятидесяти тысяч лет назад. По сути, все мы члены маленького племени, вышедшего из Африки после Тобы и распространившегося по планете. Это племя было существенно разумнее любых других гоминидов в истории. Это то,

что

произошло, но мы не знаем,
как

это произошло. Правда в том, что фактически мы даже не знаем, как наш подвид пережил Тобу и как он стал настолько разумнее остальных человеческих подвидов, живших в то же время. Должно быть, дело в каком-то изменении связей в мозге, но никто не знает, как этот Большой Скачок Вперед произошел. Возможно, спонтанная мутация из-за изменений в диете. А может, это произошло постепенно. Гипотеза катастрофического извержения Тобы и последующего популяционного бутылочного горлышка – только одна из возможностей, но число ее приверженцев растет.

Дэвид смотрел в пол, словно раздумывая об этом.

– Я удивлена, что это не всплыло в вашем расследовании. – Не услышав ответа, Кейт добавила: – Вот... как по-вашему, что стоит за «Тобой»? В смысле, я могу заблуждаться...

– Нет, вы правы. Я это знаю. Но это лишь ссылка на воздействие катастрофического извержения Тобы в прошлом, на то, как оно изменило человечество. Такова их цель – создать очередное популяционное бутылочное горлышко, спровоцировав Второй Большой Скачок Вперед. Они хотят вызвать следующий этап человеческой эволюции. Это объясняет мне, зачем; прежде мы этого не знали. Мы думали, «Тоба» – упоминание о месте, где операция начнется. Юго-Восточная Азия, особенно Индонезия, вполне подходящее место. Это одна из причин, по которой я развернул деятельность в Джакарте, в шестидесяти милях от горы Тоба.

– Верно. Что ж, история порой приходит на выручку. Как и книги. Может, ничуть не меньше, чем оружие.

– Для протокола: я много читаю. Я люблю историю. Но вы говорите о событиях, разыгравшихся около семидесяти тысяч лет назад. Это не история, это доисторическое прошлое. Кроме того, без оружия тоже никак; мир не столь цивилизован, как выглядит.

Вскинув руки, Кейт устроилась в кресле поудобнее.

– Эй, я просто хочу помочь! Кстати, о помощи. Вы сказали, что поможете мне найти этих детей.

– А вы сказали, что ответите на мои вопросы.

– Я и ответила.

– Не ответили. Вам известно, почему забрали двоих этих детей, или вы хотя бы догадываетесь. Так скажите.

Кейт на минутку задумалась. Можно ли ему доверять?

– Мне нужны какие-то гарантии. – Подождала, но собеседник пристально уставился на другой экран, сплошь покрытый точками. – Эй, вы меня слушаете? – Теперь он начал встревожено озираться. – Что стряслось?

– Точки не движутся.

– А должны?

– Ага. Мы определенно движемся, – он указал на ремни безопасности. – Пристегнитесь.

То, как Дэвид это произнес, напугало Кейт. Он напомнил ей отца, только что осознавшего, что его ребенок в опасности. Он сосредоточился до предела. Даже не мигая, он перешел к стремительным действиям, крепя все незафиксированные предметы в фургоне и схватив рацию.

– Мобильный-один, здесь командир «Часовой башни». Меняйте курс, новый пункт назначения штаб «Часовой башни», как поняли?

– Вас понял, командир «Часовой башни», Мобильный-один, меняю курс.

Кейт почувствовала, как фургон поворачивает.

Мужчина опустил рацию.

Вспышку Кейт заметила на экране за секунду до того, как услышала – и ощутила – грохот.

На экране большой внедорожник перед ними взорвался, взмыл с земли и рухнул грудой пылающего металла.

Послышались автоматные очереди, и фургон вильнул с дороги, словно за рулем никого не было.

Вторая ракета врезалась в дорогу рядом с фургоном, пролетев на волосок от него. Ударная волна едва не опрокинула машину и словно совершенно высосала из него воздух. Уши заложило. Ремень безопасности болезненно врезался в живот. Происходящее напоминало сенсорную депривацию. Все вокруг словно замедлилось. Кейт

ощутила, как фургон снова упал на землю, подпрыгнув на амортизаторах.

Чувствуя звон в ушах, она огляделась. Военный недвижно распростерся на полу фургона.

Глава 23

Комната сверхсекретной связи
Штаб-квартира отделения «Часовой башни»
Джакарта, Индонезия

Джошу надо было подумать. Тот, кто подменил прямую трансляцию от дверей тихой комнаты, несомненно, сейчас снаружи и пытается войти. Стеклянная комната в исполинском бетонном саркофаге теперь показалась ужасно хрупкой, вися там будто в ожидании удара, чтобы расколоться, как стеклянная пиньята. А он – трофей внутри нее.

Что там на двери? Оранжевая точка? Подойдя к стене стеклянной комнаты, Джош пригляделся попристальнее. Действительно, крохотная точка, становящаяся ярче, как нагревательный элемент. От этого металл словно размягчался... да, становился жидким и стекал по двери. И в этот миг из верхнего правого угла двери брызнули искры. Веер искр пополз вниз, оставляя за собой узкую темную борозду.

Они собираются войти – с помощью газового резака. Ну конечно! Попытка вышибить дверь с помощью взрывчатых веществ погубит серверную. Это еще одна мера безопасности, призванная дать находящемуся внутри побольше времени.

Джош бросился обратно к столу. Что сделать сперва? Источник, сообщение на Крейгслисте. Надо ответить. Его электронный адрес andy@gmail.com – явная липа: этот адрес был доступен в течение целых двух секунд после запуска Gmail. Источник знал, что Джошу это будет понятно, знал, что он сразу же увидит его в истинном свете: это лишь очередное имя нужной длины, чтобы расшифровать сообщение с помощью кода. Код... придется сфабриковать сообщение и имя, задающее код.

Он оглянулся. Газовый резак прошел уже полпути вниз по правой стороне двери. Искры сыпались на пол, как бикфордов шнур, подбирающийся к запалу бомбы.

На фиг, на это нет времени. Щелкнув по кнопке постинга, он написал сообщение:

<Тема> Человеку из Башни Америк

Сообщение: Мне бы хотелось встретиться, но нет времени. Боюсь, я опять в цейтноте. Мой друг переслал мне ваши сообщения. Я по-прежнему не понимаю. Извините за такую прямолинейность. У меня и вправду нет времени играть в игры с перепутанными сообщениями. Не могу дозвониться до своего друга, но может быть, вы сможете связаться с ним в этой доске. Пожалуйста, ответьте любыми сведениями, которые могут ему помочь. Спасибо и удачи.

Джош нажал «Отправить». Почему невозможно связаться с Дэвидом? Интернет-доступ еще есть. Должно быть, это совершенно отдельное подключение, о котором оперативникам «Часовой башни» неизвестно. Вполне логичная мера для секретных телефонных звонков и видеоконференций. С камерой над дверью все просто: ее шнур могли перерезать, подключив к другому источнику видеосигнала или просто поставив перед камерой фотографию зала и позволив ей работать дальше.

Уголкем глаза Джош заметил, как дисплей с красными точками стремительно меняется: точки в конспиративных квартирах начали собираться перед дверями. Переходят к действиям.

А затем исчезли. Погибли.

Взгляд Джоша вернулся к двери. Резак набирал скорость. Джош освежил страницу Крейгслиста в надежде, что контакт откликнется.

Глава 24

Мобильный оперативный центр «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

Открыв глаза, Дэвид увидел, что женщина – доктор Уорнер – склонилась над ним.

– Вы ранены? – спросила она.

Отстранив ее, он поднялся на ноги. Мониторы показывали сцену снаружи: внедорожник с тремя его полевыми сотрудниками был

раскидан обугленными, искореженными обломками по опустевшей улице. Двоих сидевших в кабине фургона он не видел. Должно быть, второй взрыв их достал. Или снайпер.

Дэвид тряхнул головой, чтобы прояснить сознание, а затем заковылял к оружейным шкафчикам. Извлек две дымовых шашки, выдернул из обеих чеки и подошел к двустворчатым дверцам в задней части фургона. Медленно приоткрыл одну из них, затем быстро бросил одну шашку, а вторую катнул подальше. Услышал негромкое шипение дыма, вырывающегося из цилиндрических банок, засакавших по мостовой. Пока он осторожно прикрывал дверь, в салон пробился язычок серо-белого дыма.

Открывая дверь, он ожидал минимум одного выстрела наугад, но его не последовало. Должно быть, девушка нужна им живой.

Вернувшись к оружейному шкафчику, Дэвид принялся вооружаться. Повесил на плечо автомат и рассовал по карманам брюк магазины и пистолет. Надел черную каску и снова застегнул бронежилет.

– Эй, что вы делаете? Что происходит?

– Оставайтесь здесь и держите двери закрытыми. Я вернусь, когда будет безопасно, – бросил Дэвид, направляясь к двери.

– Что?! Вы собираетесь выйти?!

– Да...

– Вы

с ума сошли?!

– Послушайте, здесь мы, как мишени в тире; когда они до нас доберутся – лишь вопрос времени. Мне надо дать бой на открытой местности, найти укрытие и отыскать способ выбраться. Я вернусь.

– Ну... ну... а... Можно и мне пистолет, или как?

Дэвид обернулся к Кейт. Явно напугана, но надо воздать ей должное – она не из робкого десятка.

– Нет, вам пистолет нельзя.

– Почему?

– Потому что вы единственная, кого вы можете ранить. А теперь закройте за мной дверь.

Он опустил очки с каски, защищая глаза; слитным, плавным движением распахнул дверь и выпрыгнул в тучу дыма.

Три секунды спринта, и пули градом посыпались на него. Грохот винтовок и автоматов открыл ему все, что требовалась знать: снайперы засели на крышах зданий слева.

Дэвид метнулся через улицу в переулок, нацелил автомат на крышу и открыл огонь. Попал по ближайшему снайперу, увидел, как тот свалился, и дал две короткие очереди по двоим оставшимся. Оба скрылись за кирпичной надстройкой на крыше старого здания.

Пуля свистнула у самой головы. Другая впилась в цементную штукатурку здания, осыпав его каску и бронежилет осколками кирпича и цемента. Дэвид развернулся на звук: четверо пешеходов, бегут к нему. «Иммари Секьюрити». Не его подчиненные.

Дал по ним три короткие очереди. Они рассыпались, двое упали.

Едва отпустив спусковой крючок, Дэвид услышал характерный свист рассекаемого воздуха. Рыбкой нырнул на другую сторону переулка, и реактивная граната разорвалась в десяти футах от места, где он находился секунду назад.

Надо было сперва убить снайперов. Или хотя бы покинуть их сектор обстрела.

Вокруг посыпались обломки. В воздухе за клубился дым.

Дэвид с мучительным усилием втянул воздух в легкие.

На улице воцарилась тишина. Он перекатился.

Послышались приближающиеся шаги.

Подскочив на ноги, Дэвид бросился в переулок, отшвырнув автомат. Надо занять позицию, пригодную для обороны. Пули зарикошетили от стен переулка, и он, на ходу обернувшись, выхватил пистолет и сделал пару выстрелов, вынудив двоих преследователей прервать погоню и укрыться в дверных проемах переулка.

Впереди переулок выходил на старую пыльную улочку, тянущуюся вдоль одной из тридцати семи рек Джакарты. Возле реки раскинулся рынок с прилавками, пирамидами глиняной посуды и всякого рода торговцами. Все они разбежались, вопя, указывая пальцами, торопливо сгребая дневную выручку и спеша убраться подальше от перестрелки.

Едва Дэвид выскочил из переулка, как снова оказался в гуще стрельбы. Одна пуля ударила его прямо в центр груди, яростно

швырнув на землю и выбив весь воздух из легких.

У его головы в землю впивались все новые автоматные очереди; преследователи из переулка стремительно настигали.

Он откатился к стене переулка, прочь от выстрелов, изо всех сил цедя воздух.

Это ловушка: люди из переулка загоняют его в угол.

Дэвид вытащил две гранаты. Выдернул чеки, выждал секунду и швырнул одну назад в переулок, а вторую за угол, в сторону засады.

И очертя голову рванул к реке, на бегу стреляя по засаде.

Сзади донесся приглушенный грохот взрыва в переулке, а сразу за ним – более громкий разрыв в засаде.

Уже у самого берега реки Дэвида настиг еще один взрыв – куда ближе, в каких-то футах восьми позади. Ударная волна сшибла его с ног, швырнув прямо в реку.

Запертая в бронированном фургоне Кейт снова села. Потом встала. Снаружи разыгрывалась прямо Третья мировая война: взрывы, автоматные очереди, барабаниющие по стенкам фургона осколки...

Она подошла к шкафчику с оружием и бронежилетами. Снова стрельба. Может, стоит надеть какую-нибудь защиту? Кейт взяла один из черных костюмов. Тот оказался тяжелым, куда тяжелей, чем она думала. Оглядела свои помятые, несвежие вещи, в которых спала в кабинете. Что за чудовищный день!

Послышался стук в дверь, а затем:

– Доктор Уорнер?

Кейт выронила бронежилет.

Это не

его

голос, не голос человека, вытащившего ее из полиции. Это не Дэвид.

Ей нужен пистолет!

– Доктор Уорнер, мы входим.

Дверь открылась.

Трое в черных бронежилетах, как люди, захватившие детей, направились к ней.

– Мы рады, что вы целы, доктор Уорнер. Мы прибыли спасти вас.

– Кто вы такие? Где он, мужчина, который был здесь? – Она попятилась на шаг.

Стрельба снова стихла. Затем громыхнули два – нет, три взрыва вдали.

Пришельцы медленно приближались. Кейт попятилась еще на шаг. Она могла бы взять пистолет. Сможет ли она из него стрелять?

– Все в порядке, доктор Уорнер. Просто выходите оттуда. Мы отвезем вас к Мартину. Это он нас послал.

– Что?! Я хочу с ним поговорить. Я никуда не пойду, пока не поговорю с ним.

– Хорошо, это...

– Нет, я хочу, чтобы вы сейчас же отсюда убрались, – заявила Кейт.

Протиснувшись мимо двоих других, задний попутно бросил:

– Говорил же я тебе, Ларс, с тебя пятьдесят баксов.

Кейт узнала это голос – грубый, скрипучий голос человека, похитившего ее детей. Это он. Кейт оцепенела от накатившего страха.

Подобравшись к ней, негодяй бесцеремонно сграбастал Кейт за руку и развернул вокруг оси, другой рукой обхватив за талию. Сцапал вторую ее руку и, удерживая оба ее запястья вместе одной лапищей, окольцевал их кабельной стяжкой.

Кейт попыталась вырваться, но тонкий пластик впился в кожу, послав по рукам укол пронизывающей боли.

Дернув ее назад за длинные белокурые волосы, головорез натянул Кейт на голову черный мешок, погрузив ее в непроглядную темень.

Глава 25

Комната сверхсекретной связи

Штаб-квартира отделения «Часовой башни»

Джакарта, Индонезия

Джош увидел, как красные точки с экрана будто ветром сдуло. Это люди на конспиративных квартирах; подошли к дверям, а затем исчезли – погибли. Пару минут спустя он увидел, как кортеж Дэвида остановили на улице, – а затем их тоже не стало, за исключением

шефа. Увидел, как точка Дэвида быстро перемещается. Последний спринт.

А потом и она погасла.

Тяжело вздохнув, Джош без сил опустился на стул. Уставился сквозь стеклянные стены на наружную дверь. Факел резака уже двинулся вверх по другому краю двери, напоминая зеркальную букву J. Скоро она превратится в полноценную U, а там и в O, а затем они ворвутся, и его час пробьет. Осталось две, от силы три минуты.

Письмо! Повернувшись, он принялся рыться в груде папок и нашел его – письмо Дэвида с грифом «Вскрыть в случае моей смерти». Пару часов назад Джош думал, что необходимость вскрыть его никогда не придет. Как же много иллюзий развеяно сегодня: что «Часовая башня» не может быть скомпрометирована, что она не может пасть, что Дэвида невозможно убить, что хорошие парни всегда побеждают...

Он вспорол конверт.

Дорогой Джош,

Не огорчайся. Мы были далеко позади с самого начала. Мне остается лишь предположить, что Джакартское отделение пало или вот-вот падет.

Помни нашу цель: мы должны предотвратить осуществление планов «Иммари». Перешли все, что выяснил, директору «Часовой башни». Его зовут Говард Киган. Ему ты можешь доверять.

На сервере ClockServer1 есть программа ClockConnect.exe. Она откроет частный канал Централы, куда ты можешь загрузить данные без риска.

И последнее. За годы я подкопил немного денег, главным образом изъятых у негодяев, которых мы вывели из игры. На ClockServer1 есть еще одна программа – distribute.bat. Она распределит деньги по моим счетам.

Надеюсь, до этой комнаты не добрались и ты читаешь это письмо в безопасном месте.

Служить с тобой было честью для меня.

Дэвид

Джош опустил письмо.

Принялся лихорадочно стучать по клавишам – сперва выгружая свои данные в Централь «Часовой башни», потом выполняя банковские транзакции. «Немного денег» оказалось сильным преуменьшением. У Джоша на глазах прошли пять транзакций, по пять миллионов долларов каждая – сначала Красному Кресту, затем ЮНИСЕФ и, наконец, трем другим организациям, осуществляющим помощь при массовых бедствиях. Это было логично. Но последняя была лишена всякого смысла. Депозит в пять миллионов долларов на банковский счет в «Джей-Пи Морган» в Америке – нью-йоркское отделение. Скопировав имена держателей счета, Джош провел поиск. Мужчина шестидесяти двух лет и его пятидесятидевятiletняя жена. Родители Дэвида? О них нашлась заметка в новостях лонг-айлендской газеты. Эта супружеская пара лишилась в результате терактов 11 сентября единственной дочери. Во время теракта та была инвестиционным аналитиком в «Кантор Фицджеральд»

[6]

, только-только закончив Йель, и была обручена с Эндрю Ридом, аспирантом Колумбийского университета.

И тут Джош услышал... вернее, перестал слышать. Горелка погасла. Круг завершён, и скоро начнут вышибать дверь, как только металл чуточку остынет.

Собрав бумаги в охапку, он подбежал к корзинке и поджег их. Затем бросился к столу и запустил программу, стирающую память компьютера. На это уйдет больше пяти минут. Может, они не успеют ее обнаружить. А может, он сумеет выиграть немного времени... Джош поглядел на ящичек с пистолетом.

Что-то еще – на экране с обзорной картой. Джошу показалось, что там мелькнула вспышка, красная точка. Но теперь исчезла. Он посмотрел снова.

Вздрыгнув от раздавшегося ритмичного грохота в дверь, Джош едва не свалился со стула. Нападающие били в дверь, как в боевой барабан, в усилиях стронуть толстый металл с места. Стук пульсировал в унисон с сердцем Джоша, отчаянно заколотившимся в груди.

Экран компьютера отображал ход процесса стирания: завершено двенадцать процентов.

Загоревшись снова, на сей раз точка не погасла: Д. Вэйл. Она медленно дрейфовала по реке. Жизненные показатели слабые, но он жив. В его бронежилет встроены датчики; должно быть, они повреждены.

Надо передать Дэвиду, что удалось выяснить, и способ связи с источником. Какие есть варианты? При нормальных обстоятельствах Джош устроил бы онлайн-закладку на публичном веб-сайте, где они обмениваются зашифрованными сообщениями. Как правило, «Часовая башня» пользуется аукционами «И-бэй», внедряя зашифрованные сообщения или файлы, которые алгоритм «Часовой башни» может декодировать, в фотографии выставленных на продажу продуктов. Невооруженному глазу снимок представляется совершенно нормальным, но мизерные изменения, внесенные в пиксели, образуют сложный файл, который «Часовая башня» способна прочесть.

Но они с Дэвидом никакой системы не выработали. Позвонить невозможно. Электронное письмо равнозначно смертному приговору: «Часовая башня» будет мониторить любые электронные адреса, и когда Дэвид его откроет, «Башня» отследит IP компьютера, которым он воспользовался. IP даст им физический адрес или хотя бы примерное местонахождение. Сигналы камер внешнего наблюдения довершат остальное, и его схватят через считанные минуты. IP...

У Джоша возникла идея. Вот только сработает ли?

Стирание... 37 % завершено

Надо торопиться, пока компьютер не прекратил функционировать.

Джош открыл VPN-соединение

[7]

с частным сервером, которым пользовался главным образом как пересылочным пунктом и временным хранилищем для онлайн-операций, трансформируя и перебрасывая зашифрованные рапорты туда-сюда по Интернету, прежде чем доставить их в Централь. Это лишь дополнительная мера безопасности, гарантирующая, что выгрузки Джакартского отделения в Централь не будут перехвачены. Он нигде не засвечен, никто о нем не знает. Да притом на нем несколько протоколов безопасности, написанных самим Джошем. Идеальное место.

Но у сервера нет веб-адреса – адрес ему и не нужен – только IP: 50.31.14.76. Веб-адреса наподобие www.google.com или www.apple.com на самом деле переводятся в IP. Когда вводишь в окне браузера адрес, группа серверов под названием серверы доменных имен (DNS) подбирают к этому адресу IP из своей базы данных и отправляют тебя туда, куда требовалось. Если же в адресной строке браузера напечатать просто IP, то попадешь на самом деле в точности туда же, но без маршрутизации: 74.125.139.100 открывает Google.com, 17.149.160.49 открывает Apple.com и так далее.

Джош закончил выгружать данные на сервер. Компьютер работал уже явно медленнее, выскочило несколько сообщений об ошибках.

Стирание... 48 % завершено

Грохот в дверь смолк, и в ход снова пошел резак. В центре двери образовался округлый пузырь напряженного металла.

Надо отправить Дэвиду IP. Ни звонить, ни посылать его текстовым сообщением нельзя. «Часовая башня» будет отслеживать все источники и всех оперативных сотрудников резидентуры, и потом, все равно неизвестно, куда Дэвида занесет. Нужно такое место, куда Дэвид заглянет непременно. Нужен способ заслать цифры IP-адреса. Что-то такое, о чем знал только Джош...

Банковский счет Дэвида! Это может сработать.

У Джоша тоже имелся личный банковский счет – как, наверное, и у всякого, занимающегося подобной деятельностью.

Стон изгибающегося металла наполнил бетонный бункер, будто смертный вопль кита. Вот-вот ворвутся.

Открыв браузер, Джош вошел в свой банковский счет. Быстро ввел код банка и номер счета Дэвида. А затем сделал ряд денежных переводов:

11.09

50.00

31.00

14.00

76.00

11.09

На межбанковский перевод уйдут сутки, но даже после этого Дэвид узнает об переводах, лишь проверив счет. Поймет ли он, что это IP-адрес? Оперативные сотрудники по части техники не очень подкованы. Это выстрел наудачу.

Дверь рухнула, и в отверстие хлынули солдаты в полной боевой экипировке.

Стирание... 65 % завершено

Недостаточно. Что-нибудь да найдут.

Ящичек, капсула. От трех до четырех секунд. Времени мало.

Джош бросился к ящичку на столе, нечаянно сшиб его. Ящичек грохнулся на стеклянный пол, Джош метнулся следом. Сунул трясущуюся руку внутрь, схватил пистолет. Как там? Затвор, стреляй, нажми сюда? Боже! Они у порога стеклянной комнаты. Трое.

Он поднял пистолет. Рука дрожала. Поддержал ее другой и нажал на спусковой крючок. Пуля прошила компьютер. Надо попасть в жесткий диск. Выстрелил снова. Грохот в тесной комнатке просто оглушительный.

А потом звук окружил его со всех сторон. Стекло было повсюду – крохотные осколки. Джоша отбросило к стеклянной стене. Стекла

падали со всех сторон – вокруг него, на него, впиваясь в него. Опустив взгляд, Джош увидел в своей груди дыры от пуль. Почувствовал, как кровь изо рта течет по подбородку на грудь, соединяясь с расплзающимся там алым пятном. Повернув голову, он увидел, как последние огоньки компьютера погасли.

Глава 26

Река Песанггаган

Джакарта, Индонезия

Рыбаки на лодке гребли вниз по реке, направляясь к Яванскому морю. Последние несколько дней улов был на славу, и они прихватили еще сетей – правду говоря, все, какие есть. Лодка осела под их тяжестью куда глубже, чем обычно. Если все пойдет хорошо, они вернутся на закате, волоча за лодкой сети, полные рыбы, которой хватит не только их небольшой семье, но и для продажи на рынке.

Посмотрев на сына Эко, гребущего на носу лодки, Харто ощутил прилив гордости. Скоро Харто можно будет уйти от дела, а рыбу будет ловить Эко. А потом, со временем, Эко возьмет с собой сына, точно так же, как в свое время отец учил рыбной ловле Харто.

Он надеялся, что будет так. В последнее время Харто начал тревожиться, что может сложиться и по-иному. Каждый год все больше лодок – и все меньше рыбы. С каждым днем они рыбачат дольше, а сети все равно приносят меньше. Харто выбросил эту мысль из головы. Хорошая удача приходит и уходит, точь-в-точь как море, уж так ведется на свете.

Негоже мне тревожиться о том, что мне неподвластно.

Сын перестал грести. Лодку начало разворачивать.

– Эко, – прикрикнул на него Харто, – если грести неодинаково, лодка будет поворачиваться. Будь повнимательнее!

– Там что-то в воде, отец.

Харто поглядел. И правда... что-то черное плавает. Человек.

– Греби быстрее, Эко!

Подогнав лодку к нему, Харто наклонился, схватил человека и попытался втащить в узкую лодку, нагруженную сетями. Уж больно

тяжел. На нем какие-то доспехи... Но плавающие. Какой-то специальный материал. Харто перевернул человека. Шлем и очки – они закрыли ему нос и не дали захлебнуться.

– Это водолаз, отец?

– Нет, он... полицейский, по-моему. – Харто снова попытался втащить человека в лодку, но едва не опрокинул ее. – Ну-ка, Эко, помоги мне!

Вместе отец и сын втащили мокрого до нитки человека в лодку, но едва тот оказался внутри, как в лодку начала набираться вода.

– Мы тонем, отец! – тревожно поглядел Эко.

Вода хлынула в лодку через борт. Что же выкинуть? Человека? Река течет в море; там он погибнет вернее верного. Так они его далеко не увезут. Вода набирается все быстрее.

Харто окинул взглядом сети – единственный другой груз в лодке. Но это наследство Эко – единственное достояние его семьи, единственное средство их выживания, доставляющее пропитание им на стол.

– Выбрасывай сети, Эко!

Подросток повиновался приказу отца без вопросов, швыряя сети за борт одну за другой, скармливая свою отчину неспешному течению реки.

Когда изрядной части сетей не стало, вода перестала врываться в лодку, и Харто без сил опустился вниз, уставившись на чужака невидящим взором.

– В чем дело, отец?

Не услышав от отца в ответ ни слова, Эко подобрался поближе к нему и к спасенному.

– Он что, помер? Оте...

– Надо отвезти его домой. Помоги мне грести, сынок. Наверное, он попал в беду.

Повернув лодку, они принялись грести вверх по реке, против течения, к жене и дочери Харто; те готовятся чистить и закладывать на хранение рыбу, которую они привезут. Сегодня рыбы не будет.

Глава 27

Ассошиэйтед пресс

Телеграфный выпуск – Экстренное сообщение

Индонезийская столица Джакарта сотрясается от взрывов и перестрелок

Джакарта, Индонезия (АП) // «Ассошиэтед пресс» получает множество сообщений о взрывах и перестрелках по всей Джакарте. Хотя ответственность не приняла на себя ни одна из террористических группировок, источники в индонезийском правительстве на условиях анонимности сообщают, что атаки, по их мнению, являются скоординированными. На данный момент неясно, кто был объектом или объектами нападения.

Примерно в час дня по местному времени три бомбовых взрыва сотрясли высотные здания в бедных кварталах по всему городу. Наблюдатели сообщают, что как минимум два из этих зданий считались покинутыми.

Через считанные минуты после этих взрывов последовали взрывы и автоматные очереди на улицах рыночного района. Цифры потерь пока неизвестны, а полиция воздерживается от комментариев.

По мере поступления подробностей мы намерены опубликовать дополнительные сообщения.

«Джакарта пост»

Шеф полиции Западной Джакарты арестован

Сегодня Индонезийская национальная полиция подтвердила, что произведен арест шефа полиции Западной Джакарты Эдди Куснади по обвинению в распространении детской порнографии. Новый начальник участка Паку Курния сделал такое заявление: «Это прискорбный и постыдный день для Джакартской муниципальной полиции и полицейского участка Западной Джакарты, но наша готовность противостоять пагубе в собственных рядах в конечном счете сделает нас сильнее и упрочит веру общественности в нас».

Глава 28

Головной офис «Иммари Джакарта»

Джакарта, Индонезия

Кейт сидела в кресле с руками, связанными за спиной, по-прежнему с черным мешком на голове. Поездка выдалась не из комфортных. Последние тридцать минут солдаты швыряли ее, как тряпичную куклу, перебрасывая из фургона в фургон, конвоируя по веренице коридоров и в конце концов толкнув в кресло и захлопнув дверь. От ощущения движения в полнейшей темноте под горло подкатывала тошнота. Руки саднило от пластиковых пут, а сквозь черный капюшон не просачивалось ни лучика света. Абсолютная тьма и тишина сбивали с толку, как сенсорная депривация. Сколько она здесь пробыла?

Потом услышала приближение кого-то: шаги в коридоре или большом помещении. С каждой секундой они звучали все громче.

– Снимите этот мешок с ее головы!

Голос Мартина Грея. Мартин – от звука голоса приемного отца по телу Кейт пробежала волна облегчения. Тьма уже не казалась такой темной, а боль в связанных кабельными стяжками руках стала не такой мучительной. Она в безопасности. Мартин поможет ей найти детей.

Она почувствовала, как мешок стаскивают с ее головы. Свет ослепил ее, и Кейт прищурилась, скривившись и отвернув голову.

– И развяжите ей руки! Кто это с ней сделал?!

– Я сэр. Она сопротивлялась.

Кейт по-прежнему не видела их, но голос узнала – он, тот самый, кто забрал ее из фургона, кто забрал детей из клиники. Убийца Бена Адельсона.

– Должно быть, она насмерть вас перепугала, – ледяным тоном повелительно бросил Мартин. Кейт ни разу не слыхала, чтобы он разговаривал подобным тоном с кем бы то ни было.

Послышалось насмешливое хмыканье еще двух человек, а потом ее пленитель ответил:

– Жалуйтесь сколько угодно, Грей. Я перед вами не отчитываюсь. А раньше вы были нашей работой вроде как довольны.

Что он хочет этим сказать?

Голос Мартина чуточку изменился, словно это его позабавило.

– Знаете, складывается впечатление, что вы чуть ли не даете отпор, мистер Тареа. Ну-ка, давайте я вам покажу, что будет, когда вы посмеете.

Теперь Кейт уже видела Мартина. С каменным лицом он воззрился на того, потом обернулся к двоим другим – солдатам, должно быть, сопровождавшим Мартина.

– В камеру его. Мешок на голову и свяжите руки. Чем туже, тем лучше.

Те двое схватили похитителя, нахлобучив ему на голову мешок, только что снятый с Кейт, и поволокли прочь из комнаты.

– Ты в порядке? – наклонившись к Кейт, справился Мартин.

Растирая запястья, та подалась вперед.

– Мартин, у меня из лаборатории похитили двоих детей. Этот человек – похититель. Мы должны выяснить...

– Знаю, – вскинул Мартин ладонь. – Я все объясню. Но прямо сейчас мне нужно, чтобы ты сообщила мне, что сделала с этими детьми. Это очень важно, Кейт.

Женщина открыла было рот, чтобы ответить, но не знала, с чего начать. Вопросы в голове так и роились.

И прежде чем она успела проронить хоть звук, в просторную комнату вошли еще двое, обратившиеся прямо к Мартину:

– Сэр, директор Слоун хотел бы с вами поговорить.

– Я перезвоню ему, – раздраженно поднял голову Мартин, – это может...

– Сэр, он здесь.

– В Джакарте?

– В здании, сэр. Нам приказано сопроводить вас к нему. Извините, сэр.

Мартин медленно встал, на лицо его набежала тревожная тень.

– Отведите ее вниз, на смотровую площадку раскопок. И... охраняйте дверь. Я скоро подойду.

Люди Мартина вывели Кейт, деликатно держась в отдалении, но приглядывая за ней ястребиным взглядом. Она заметила, что уводящие Мартина относились к нему точь-в-точь так же.

Глава 29

Река Песанггаган

Джакарта, Индонезия

Харто смотрел, как таинственный человек приподнялся на локтях, сорвал свой шлем с очками и в недоумении огляделся. Затем бросил свой головной убор за борт и, полежав еще пару минут, принялся возиться с ремнями своего одеяния. Наконец сумел расстегнуть их и швырнул громоздкий жилет тоже за борт. Харто заметил большущую дырищу на жилете в районе груди. Наверное, испорчен. Человек потер грудь, тяжело дыша.

Американец, а может, европеец. Это удивило Харто. Он знал, что человек белый, – видел часть его лица, когда втаскивал в лодку, – но думал, что тот японец, а может, китаец. Как мог вооруженный европеец оказаться здесь, в реке? Наверное, он не полицейский. Наверное, он преступник, террорист или солдат наркокартеля. Не навлечет ли помощь этому человеку опасность на него самого? Он принялся грести быстрее. Заметив, что лодка начала разворачиваться, Эко тоже прибавил темп. Мальчик схватывает все прямо на лету.

Когда дыхание человека чуточку успокоилось, он сел и заговорил по-английски.

Эко оглянулся. Харто не знал, что сказать. Солдат говорил медленно. Харто произнес единственное, что знал по-английски:

– Моя жена говорить английски. Она помочь тебе.

Тот снова повалился на спину, устремив взгляд в небо и потирая грудь, пока Харто и Эко продолжали грести.

Дэвид заключил, что пуля, попавшая в грудь, прикончила биомонитор в бронежилете. Во всяком случае, уж самого-то Дэвида она приложила на совесть. Треккер в шлеме, по-видимому, еще действует, но он уже на дне реки.

Благослови Господь джакартских рыбаков. Они спасли его, но куда везут? Может, «Иммари» объявила вознаграждение за его голову и эти двое просто вытащили выигрышный билетик. Если они собираются его сдать, Дэвиду нужно бежать, но он едва в состоянии дышать. Ладно, там видно будет. Надо отдохнуть. С минуту он созерцал реку, а потом прикрыл глаза.

Дэвид ощутил под собой комфорт мягкой постели. Индонезийская женщина среднего возраста держала у его лба мокрую тряпку.

– Вы меня слышать? – Увидев, что его глаза открыты, она повернулась и что-то закричала на своем языке.

Дэвид схватил ее за руку. Она поглядела на него с испугом.

– Я не причиню вам вреда. Где я? – спросил он, тут же сообразив, что чувствует себя намного лучше. Он снова в состоянии дышать, но боль в груди еще не прошла. Сев, он отпустил руку женщины.

Та назвала ему адрес, но он оказался Дэвиду неизвестен. Прежде чем тот успел задать другой вопрос, она попятилась из комнаты, не сводя с него настороженного взгляда, чуть склонив голову к плечу.

Дэвид потер ушиб на груди.

Думай.

Если они пошли на риск открыто напасть на его кортеж, значит, штаб Джакартского отделения уже захвачен.

Джош... Очередной павший солдат.

Если я не остановлю «Протокол Тоба», будет куда больше жертв. Причем гражданских, как тогда...

Сосредоточься.

Текущая угроза. Что отсюда следует?

Они захватили Уорнер. Она им нужна.

Она в это как-то впутана.

Но Дэвиду в это не верилось. Кейт Уорнер держалась искренне, чистосердечно. Она верит в исследования, которыми занимается. В «Тоба» она не замешана. Им требуются ее

исследования

; они намерены их использовать. И заставят ее все выложить. Она станет очередной невинной жертвой. Надо сосредоточиться на том, как вытащить ее оттуда. Она – его главная путеводная ниточка.

Встав, Дэвид обошел дом. Несколько комнат, разгороженных тонкими, как бумага, стенами, украшенными росписями явно собственной работы, по большей части изображающими рыбаков.

Открыв расхлябанную сетчатую дверь, он вышел на террасу. Дом оказался на третьем или четвертом уровне «здания» из множества сходных домишек – все с белыми оштукатуренными стенами, грязными сетчатыми дверями и террасами, нагроможденными одна поверх другой, как ступени, ведущие к берегу реки вниз. Дэвид поглядел вдаль. Куда ни кинь глаз – нагромождение таких же домов на нагромождении, будто один штабель картонных коробок на другом. Перед каждым домом на веревках сушились вещи, там и тут женщины выбивали ковры, и пыль вздымалась в свете солнца огненными клубами, будто демоны, удирающие с земли.

Дэвид оглядел реку. Рыбачьи лодки приходят и уходят. У некоторых имеются моторы, но большинство ходят на веслах. Взгляд Дэвида обшаривал дома сверху. Возможно, они уже здесь, высматривают его.

А затем увидел их – двое из «Иммари Секьюрити» вышли на второй этаж под ним. Дэвид попятился в тень балкона, глядя, как те заходят в следующий дом. Сколько у него времени в запасе? Минут пять, может, десять?

Вернувшись в дом, он увидел, что вся семья сгрудилась в комнатушке, с натяжкой сходящей за гостиную, хотя в ней заодно стоят две кровати. Родители ограждали собой мальчика и девочку, словно вид Дэвида мог причинить им вред.

При росте в шесть футов три дюйма
[8]

Вэйл почти на две головы возвышается над мужчиной и женщиной, и его мускулистое тело почти целиком заполняет узкий дверной проем, заслоняя собой последние лучи заходящего солнца. Должно быть, им он кажется чудовищем или инопланетянином, представителем совершенно иного биологического вида.

Дэвид обратил взгляд на женщину.

– Я не собираюсь причинять вам вред. Вы говорите по-английски?

– Да. Немножко. Я продавать рыбы на рынке.

– Хорошо. Мне нужна помощь. Это очень важно. Женщина и два ребенка в опасности. Пожалуйста, спросите своего мужа, не поможет ли он мне.

Глава 30

Головной офис «Иммари Джакарта»

Джакарта, Индонезия

Мартин Грей вошел в комнату с осторожностью, взирая на Дориана Слоуна, словно тот – привидение. Директор «Иммари Секьюрити» стоял в дальнем конце углового кабинета Мартина на шестьдесят шестом этаже головного офиса «Иммари Джакарта». Устремив взгляд на Яванское море, Слоун смотрел на снующие туда-сюда лодки. Мартин думал, что младший коллега не заметил его прихода, и вздрогнул, когда тот вдруг заговорил:

– Мое появление тебя удивило?

Мартин понял, что Слоун видел, как он входит, по отражению в стекле. Теперь и сам разглядел там глаза Слоуна – холодные, расчетливые, бдительные... будто взгляд хищника, следящего за жертвой, подгадывая момент для удара. Остальную часть лица неполное отражение скрывало. Руки он сцепил за спиной. Его длинный черный плащ выглядел совершенно неуместно в Джакарте, где жара и влажность вынуждают даже банкиров одеваться не слишком официально. Кутаются только телохранители и те, кому есть что скрывать.

Тужась выглядеть непринужденно, Мартин неторопливо прошагал к своему дубовому столу посреди циклопического кабинета.

– Вообще-то да. Боюсь, ты застал меня в неудачный момент...

– Вовсе нет. Я знаю все, Мартин, – процедил Слоун, медленно разворачиваясь, и, не сводя глаз с Мартина по ту сторону стола, зашагал к нему. – Я знаю о твоей небольшой ледовой экспедиции в Антарктике. Ты путаешься в дела на Тибете. Ребятишки. Похищение.

Мартин переместился, стремясь оказаться за столом, загородиться им, но Слоун поменял вектор движения, зайдя к нему сбоку. Мартин не сдал позиции ни на дюйм. Он бы не пошел на попятную, даже если бы этот brutальный субъект перерезал ему горло прямо здесь, в кабинете.

Мартин выдержал взгляд Слоуна, не спасовав. Годы нелегкой жизни оставили на худощавом, мускулистом лице Слоуна своей отпечаток. Это лицо человека, изведавшего боль.

Слоун прервал свой вальяжный марш, не доходя трех футов до Мартина. Чуть усмехнулся, будто знал нечто неведомое хозяину кабинета; будто некая мышеловка уже захлопнулась и теперь он просто ждет.

– Я узнал бы и раньше, но был весьма занят ситуацией с этой «Часовой башней». Впрочем, полагаю, об этом тебе уже известно.

– Несомненно, я видел сообщения. Куда как плачевно и несвоевременно. Как ты упомянул, у меня тоже был хлопот полон рот. – Руки Мартина слегка задрожали, и он сунул их в карманы. – Я планировал донести до сведения об этих недавних подвижках – Антарктика, Китай...

– Поосторожнее, Мартин. Следующая ложь может стать для тебя последней.

Сглотнув, Мартин в задумчивости уставился в пол.

– У меня только один вопрос, старина. Зачем? Я собрал все сплетенные тобой ниточки воедино, но так и не могу вычислить твою конечную цель.

– Я не изменял присяге. Моя цель –
наша
цель: предотвратить войну, выиграть которую, как нам обоим известно, нам не дано.

– Вот и договорились. Час пробил. «Протокол Тоба» вступает в силу.

– Нет, Дориан, есть и другой путь. Это правда, я держал эти... подвижки при себе, но по весьма весомой причине. Это было бы преждевременно, я не знал, сработает ли это.

– И не сработало. Я читал рапорты из Китая, все взрослые перемерли. Время у нас вышло.

– Это правда, испытание провалилось, но лишь потому, что мы прибегли к неправильной терапии. Кейт воспользовалась чем-то еще; тогда мы этого не знали, но она мне скажет. Завтра к этому времени мы могли бы уже ступить под своды гробниц – и наконец познать истину.

Это был выстрел наудачу, и Мартин чуть ли не удивился, когда Слоун вдруг отвел свой немигающий взгляд. Посмотрел в сторону, потом потупился. Помедлив мгновение, наконец развернулся, зашагал

обратно к окнам и занял первоначальную позицию на том же месте, где застал его Мартин, когда переступил порог помещения.

– Истина нам уже известна. Что же до Кейт и новой терапии... ты забрал ее детей. Она не скажет.

– Мне – скажет.

– По-моему, я ее знаю лучше, чем ты.

Мартин почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

– Вы еще не открыли подлодку? – негромко поинтересовался Слоун.

Вопрос изумил Мартина. Неужто его проверяют? Или Слоун думает...

– Нет, – сообщил он. – Мы следуем более пространному карантинному протоколу, просто чтобы подстраховаться. Мне сказали, участок почти безопасен.

– Я хочу быть там, когда ее откроют.

– Она была закупорена более семидесяти лет, ничего не могло...

– Я хочу быть там.

– Конечно. Я уведомяю участок.

Мартин потянулся к телефону, не в силах поверить в такую потачку – надежда показалась сладостной, как глоток свежего воздуха после пребывания под водой на три минуты дольше, чем следовало, – и быстро набрал номер.

– Можешь сразу сообщить им, когда мы туда прибудем.

– Ничего не желал бы более...

Слоун отвернулся от окон. Кровожадный взгляд снова был тут как тут. Его глаза прямо-таки прожигали в Мартине дыры.

– Я не спрашиваю. Мы откроем эту подлодку вместе. Я не спущу с тебя глаз, пока все это не будет позади.

Мартин положил трубку.

– Прекрасно, но сперва я должен поговорить с Кейт. – Порывисто передохнув, он расправил плечи. – И сейчас

я

не спрашиваю. Я тебе нужен, мы оба это знаем.

Слоун снова смотрел на Мартина через отражение в окне, и хозяину кабинета показалось, что на губах его промелькнула чуть

заметная улыбка.

– Даю вам с ней десять минут. И
когда
ты потерпишь фиаско, мы вылетим в Антарктику, а ее я передам
людям, у которых она разговорится.

Глава 31

Речная трущобная деревня
Джакарта, Индонезия

Дэвид увидел, как спецназовцы «Иммари Секьюрити» развернулись и рванули в пятикомнатный оштукатуренный дом в углу ряда. Этот дом он выбрал специально из-за его планировки.

Они прочесали комнаты, совершая стремительные механические перемещения, входя в каждую комнату с пистолетами в вытянутых руках, резко поворачиваясь влево, затем вправо.

Дэвид из укрытия слушал, как те рапортуют: «Чисто. Чисто. Чисто. Чисто». Услышал, как шаги их замедляются, ведь они выходят из уже «безопасного» жилища.

Когда мимо прошел второй, Дэвид беззвучно скользнул ему за спину, зажав рот наемнику влажной тряпкой и дожидаясь, когда хлороформ наполнит его рот и ноздри. Солдат задергался, отчаянно пытаясь схватить Дэвида, но теряя контроль над собственными конечностями с каждой секундой. А Дэвид изо всех сил зажимал ему рот. Не раздалось ни звука. Солдат рухнул на пол, и Вэйл хотел было переключиться на его напарника, когда услышал в соседней комнате треск включившейся рации.

– Разведгруппа «Иммари»-пять, примите к сведению: «Часовая башня» доносит, что в вашем районе был осуществлен доступ к полевому контейнеру. Полагают, что объект находится в непосредственной близости и может располагать оружием и взрывчаткой из контейнера. Проявляйте бдительность. Высылаем подкрепление.

– Коул! Ты это слышал?

Дэвид присел на корточки над человеком, которого только что вывел из строя – очевидно, Коулом.

– Коул! – окликнул второй из соседней комнаты. Дэвид слышал, как песок хрустит под ботинками спецназовца. Теперь он передвигался медленно, словно человек, пробирающийся по минному полю, где любой шаг может стать последним.

Едва Дэвид поднялся на ноги, как противник ворвался в дверь, нацелив пистолет беглецу в грудь. Вэйл ринулся на него. Рухнув на землю, оба принялись бороться за оружие. Дэвид припечатал руки противника к земляному полу, и пистолет заскакал к стене.

Отпихнув Дэвида, спецназовец пополз за оружием, но Вэйл снова наскочил на него, не дав ему далеко уйти, и сжал его шею в сгибе локтя удушающим захватом, упираясь основанием ладони в его же плечо для большего рычага. Почувствовал, как дыхательные пути жертвы перекрылись. Теперь недолго.

Тот задергался взад-вперед, когтя руку, сжавшую ему шею. Потянулся вниз, пытаюсь ухватить... что? Карман? А затем дотянулся – до ножа, спрятанного за голенищем. Ударил назад, попав Дэвиду в бок. Вэйл услышал, как его одежда рвется, увидел кровь на клинке, снова приближающемся к нему. Уклонился в сторону, едва разминувшись со вторым ударом. Переместил ладонь со спины на затылок противника и, накрест перехватив руку, удерживающую шею, резко дернул. Раздался громкий хруст, и спецназовец рухнул на пол.

Скатившись с мертвого наемника, Дэвид уставился в потолок, где друг за другом гонялись две мухи.

Глава 32

Головной офис «Иммари Джакарта»

Джакарта, Индонезия

Люди Мартина отвезли Кейт куда-то глубоко под землю, потом отконвоировали по длинному коридору, который вывел их в подобие громадного аквариума. Высота стеклянного окна составляла никак не менее пятнадцати футов, а в ширину – добрых шестьдесят.

Открывшееся зрелище повергло Кейт в полнейшее недоумение. За стеклом явно дно Джакартского залива, но двигавшиеся там существа поставили ее в тупик. Поначалу она приняла их за каких-то светящихся глубоководных тварей, вроде медуз, опускающихся на дно, а потом возносящихся обратно к поверхности. Но с огнями было что-

то не то. Она подошла ближе к стеклу. Да, это роботы. Почти как механические крабы с огоньками, поворачивающимися, будто крабы глаза, и четырьмя руками с тремя металлическими пальцами на каждой. Закапываясь в грунт, они вновь появлялись оттуда уже с предметами в механических руках. Кейт напрягала зрение, пытаясь разобрать, что это за предметы.

– Наши методы ведения раскопок – грандиозный шаг вперед.

Обернувшись, Кейт увидела Мартина. Выражение его лица вызвало у нее тревогу и замешательство. Он выглядел усталым, удрученным, отчаявшимся.

– Мартин, умоляю, объясни мне, что происходит. Где дети, которых забрали из моей лаборатории?

– Пока что в безопасном месте. У нас не так уж много времени, Кейт. Мне нужно задать тебе кое-какие вопросы. Очень важно, чтобы ты сообщила мне, чем лечила этих детей. Мы знаем, что не ЦИА-247.

Откуда он знает? И какая ему разница, как она их лечила? Кейт пыталась собраться с мыслями. Что-то здесь не то. Что будет, если сказать ему? Может, этот военный – Дэвид – прав?

В последние четыре года Мартин был единственным человеком, единственной живой душой, кому Кейт могла позволить себе полностью доверять. Он всегда был где-то далеко, с головой в своей работе, – скорее официальный опекун, нежели приемный отец. Но всякий раз оказывался рядом, когда она в нем нуждалась. Он просто не может быть замешан в похищении. Однако... что-то тут не так...

– Я расскажу тебе о терапии, но сначала пусть мне вернут детей, – заявила она.

Подойдя, Мартин встал рядом с ней перед стеклянной стеной.

– Боюсь, это невозможно, но даю тебе слово: я их защищу. Ты должна верить мне, Кейт. На кону множество жизней.

От чего он их защитит?

– Я хочу, в конце концов, знать, что здесь происходит, Мартин.

Повернувшись, Грей пошел прочь от нее словно в глубоком раздумье.

– Что, если бы я сказал, что где-то на планете есть оружие, куда более могущественное, чем любое из того, какое тебе под силу

вообразить? Оружие, способное стереть с лица земли весь род людской. И то, чем ты лечила этих детей, – наш единственный шанс на выживание, наше единственное средство противостоять этому оружию?

– Я бы сказала, что все это притянуто за уши.

– В самом деле? Тебе известно об эволюции достаточно, чтобы знать, что это не так. Человеческий род далеко не в такой безопасности, как нам кажется, – он указал на стену-аквариум, на плывущего вниз робота. – Как по-твоему, что там происходит?

– Выкапывание сокровищ? Может, затонувший купеческий корабль?

– Разве тебе это кажется похожим на охоту за сокровищами? – Не дождавшись ответа Кейт, Мартин продолжал: – Что, если бы я сказал, что там был прибрежный город? Притом лишь один из множества по всему миру. Около тринадцати тысяч лет назад изрядная часть Европы находилась под двухмильной толщей льда. Нью-Йорк был покрыт милей льда. В течение нескольких сот лет ледники растаяли и уровень моря поднялся почти на четыреста футов, стирая с лица планеты все прибрежные поселения. Даже сегодня почти половина человеческого населения проживает в пределах сотни миль от побережья. Вообрази, сколько людей жили по берегам тогда, когда рыба была самым надежным источником пропитания, а моря были самым простым торговым путем. Подумай о поселениях и древних городах, которые были утрачены вовеки, истории которых нам уже не воскресить. Единственное дошедшее до нас свидетельство этих событий – предание о Великом Потопе. Люди, пережившие наводнение от ледников, стремились предупредить грядущие поколения. Рассказ о Потопе – исторический факт, подтвержденный геологической летописью, и это повествование вошло в Библию и все прочие дошедшие до нас тексты, предшествовавшие ей и обнаруженные впоследствии. Клинописные таблички из Аккада, шумерские тексты, древние цивилизации американских индейцев – все они повествуют о Потопе, но никому не ведомо, что было до него.

– Ну и к чему это все? Поиски утраченных прибрежных городов – это что, Атлантида?

– Атлантида – вовсе не то, что ты думаешь. Я веду к тому, что под поверхностью скрыто слишком многое, слишком большой кусок

нашей собственной истории нам неизвестен. Подумай о том, что еще было утрачено во время Потопа. Ты знаешь генетическую историю. Нам известно, что к моменту Потопа уцелело никак не менее двух человеческих видов – а может, и три. Может, и больше. Недавно мы нашли в Гибралтаре кости неандертальцев, возраст которых составляет двадцать три тысячи лет. Могли найти и более недавние. Мы также нашли кости, которым исполнилось всего около двенадцати тысяч лет, – датируемые приблизительно временем Потопа – менее чем в сотне миль от места, где сейчас стоим, на главном острове Явы – острове Флорес. Мы считаем, что эти похожие на хоббитов люди ходили по земле почти триста тысяч лет. Затем внезапно, двенадцать тысяч лет назад, они вымерли. Неандертальцы возникли шестьсот тысяч лет назад – они населяли Землю примерно втрое дольше, чем мы, когда вымерли и они. История тебе известна.

– Ты же знаешь, что да, и я не вижу, какое это имеет отношение к похищению моих детей.

– Как по-твоему, почему вымерли неандертальцы и хоббиты? Они уже давненько были здесь, прежде чем на сцену выступили люди.

– Мы их перебили.

– Вот именно. Род человеческий – величайший массовый убийца всех времен. Только вдумайся: мы жестко запрограммированы на выживание. Даже наши древнейшие предки, движимые данными побуждениями, осознавали этот импульс достаточно остро, чтобы понять: неандертальцы и хоббиты – опасные враги. Мы вырезали десятки человеческих подвидов. И это наследие, как ни постыдно, живо и поныне. Мы атакуем всякую инакость, все, чего не понимаем, все, что может изменить наш мир, нашу среду обитания, снизить наши шансы на выживание. Расизм, классовая вражда, сексизм, Восток и Запад, Север и Юг, капитализм и коммунизм, демократия и диктатура, ислам и христианство, Израиль и Палестина – все это разные лица одной и той же войны: войны за гомогенность человеческого рода, за искоренение наших различий. Это война, которую мы затеяли уже давно, и с тех пор не прекращавшаяся ни на миг. Война, воздействующая на каждый человеческий ум на подсознательном уровне, как компьютерная программа, постоянно работающая в фоновом режиме, подталкивающая нас к некой возможности.

Кейт не знала, что сказать, не могла уяснить, как это может касаться ее исследований и ее детей.

– Ты рассчитываешь, что я поверю, будто эти два ребенка замешаны в древнюю вселенскую схватку за род человеческий?

– Да. Помысли о войне между неандертальцами и людьми. О битвах между хоббитами и людьми. Почему мы победили? Мозги неандертальцев были больше наших, и сами они определенно были крупнее и сильнее. Но наши мозги устроены иначе. Наши умы настроены на создание совершенных орудий, решение проблем и предвидение будущего. Наше интеллектуальное программное обеспечение дало нам преимущество, но мы до сих пор не знаем, как его получили. Пятьдесят тысяч лет назад мы были животными, в точности как и они. Но некий Большой Скачок Вперед дал нам преимущество, постичь которое мы по-прежнему не способны. Единственное, что нам известно наверняка, это то, что дело в изменении структур мозга, возможно, в способе применения языка и общения. Внезапное изменение. Ты все это знаешь. Но... что, если назревает очередное изменение? Связи в мозгах этих детей не такие, как у нас. Тебе известно, как протекает эволюция. Она никогда не идет по прямой. Она действует методом проб и ошибок. Мозги этих детей могут быть просто следующей версией операционной системы для человеческого разума – как новая версия Windows или Mac OS, более новая, более быстрая... с преимуществами перед предыдущим релизом – нами. Что, если эти дети – или другие им подобные – первые побеги новой ветви, возрастающей на генетическом древе человечества? Новый подвид. Что, если где-то на этой планете некая группа уже располагает новым релизом программного обеспечения? Как, по-твоему, они обойдутся с нами, старыми людьми? Быть может, так же, как мы обошлись с последними людьми, не такими умными, как мы – неандертальцами и хоббитами...

– Это абсурд; эти дети для нас не угроза.

Кейт внимательно пригляделась к Мартину. Он преобразился... и это совершенно незнакомое выражение глаз, словно перед ней чужак. А уж то, что он вещает, все эти речи насчет генетики и эволюционной истории – повторяет то, что ей и так известно... но зачем?

– Может, с виду этого и не скажешь, но откуда нам знать? – продолжал Мартин. – Судя по тому, что нам известно из прошлого,

каждое более совершенное человеческое племя истребляло все, в чем видело угрозу. В последний раз хищником были мы, но в следующий окажемся добычей.

– Тогда будем считать цыплят по осени.

– Да там не цыплята, а целые куры, просто мы этого пока не знаем. Такова природа Проблемы Точки Отсчета – в сложном окружении мы просто не ведаем последствий собственных поступков, какими бы благими те ни казались в момент свершения. Форд думал, что создает массовое средство передвижения, но заодно преподнес миру средство уничтожения окружающей среды.

– Да ты сам послушай, что городишь, Мартин, – тряхнула головой Кейт. – Это же бред, безумие какое-то!

– Когда твой отец произнес передо мной эту же речь, я сказал то же самое, – улыбнулся Грей.

Кейт поразмыслила над заявлением Мартина. Ложь, никак не иначе. Или, по меньшей мере, отвлекающий маневр, игра на ее доверии, попытка напомнить, что он удочерил ее. И посмотрела на него свысока.

– Ты хочешь сказать мне, что похитил этих детей, чтобы предотвратить эволюцию?

– Не совсем... Я не могу объяснить всего, Кейт. Я искренне хотел бы иметь такую возможность. Могу лишь сказать, что эти дети – ключ к предотвращению войны, которая сотрет племя людское с лица земли. Войны, надвигавшейся с тех самых пор, когда наши праотцы покинули Африку от шестидесяти до семидесяти тысяч лет назад. Ты

должна

мне поверить. Мне нужно знать, что ты сделала.

– Что такое «Протокол Тоба»?

Мартин впал в замешательство. Или испугался?

– Где... ты об этом слышала?

– От военного, забравшего меня из полицейского участка. Ты замешан в этом – в Тобе?

– «Тоба»... это запасной план.

– Так ты замешан? – Голос ее не дрогнул, но ответа она страшилась.

– Да, но... «Тоба» может не потребоваться –
если
ты поговоришь со мной, Кейт.

Через боковую дверь, которой доктор Уорнер прежде не заметила, вошли четверо вооруженных людей.

– Я не закончил с ней говорить! – обернулся к ним Мартин.

Двое охранников схватили Кейт за руки, увлекая прочь из комнаты и обратно по тому же длинному коридору, по которому она пришла на встречу с Греем.

Вдали еще слышался голос Мартина, спорившего с двумя оставшимися головорезами.

– Директор Слоун велел сказать вам, что ваше время истекло. Она не заговорит, тем более что и так уже слишком много знает. Он ждет вас на вертолетной площадке, – невозмутимо пресек спор незнакомый голос.

Глава 33

Речная трущобная деревня

Джакарта, Индонезия

Дэвид снова дал Коулу пощечину, и тот наконец очнулся. На вид ему лет двадцать пять, не больше. Парнишка разлепил сонные веки, тут же широко распахнувшиеся при виде Дэвида.

Он попытался отстраниться, но Дэвид его удержал.

– Как тебя зовут?

Тот огляделся – в поисках то ли помощи, то ли выхода.

– Уильям Андерс, – наемник обыскивал себя в поисках оружия, но ничего не нашел.

– На меня смотри! Видишь мой бронежилет? Узнаешь? – Дэвид встал, позволив парнишке обозреть с головы до ног надетое на нем боевое снаряжение «Иммари». – Следуй за мной.

Все еще толком не пришедший в чувство паренек на заплетающихся ногах доковылял до соседней комнаты, где валялся труп его напарника с неестественно вывернутой шеей.

– Он тоже мне врал. Повторяю вопрос только раз: как тебя зовут?

Сглотнув, тот оперся в дверном проеме о притолоку.

– Коул. Звать Коул Брайант.

– Вот так-то лучше! Откуда ты, Коул Брайант?

– Элитные войска Джакартского подразделения «Иммари Секьюрити».

– Нет, откуда ты родом?

– Чего? – Вопрос поверг молодого наемника в полнейшее недоумение.

– Где ты вырос?

– Колорадо. Форт-Коллинс.

Дэвид увидел, что в голове у Коула понемногу проясняется. Скоро он будет опасен. Нужно узнать, вписывается ли Коул Брайант в схему.

– У тебя там семья?

– Не-а, – попятился Коул на пару шагов.

Явная ложь. Очень многообещающе. Теперь Дэвиду нужно заставить его поверить.

– В Форт-Коллинсе устраивают «сласти или страсти»?

– Чего? – Коул бочком пробирался к двери.

– Стой где стоишь! – В голосе Дэвида прорезались жесткие нотки.

– Ощущение в спине, этакая скованность. Чувствуешь?

Парнишка потрогал себя за поясницу, пытаясь подсунуть руку под бронежилет. На лицо его набежала оторопь.

Подойдя к дорожной сумке в углу комнаты, Дэвид откинул клапан, открыв взглядам несколько квадратных и прямоугольных брусков, напоминающих пластилин, завернутый в пищевую пленку.

– Знаешь, что это?

Коул кивнул.

– Я поместил полоску этой взрывчатки вдоль твоего позвоночника. Детонатор с беспроводным взрывателем. – Дэвид поднял левую руку, демонстрируя Коулу цилиндрик размером с две пальчиковых батарейки, составленных торцами. Наверху виднелась круглая красная кнопка, прижатая большим пальцем Дэвида. – Знаешь, что это?

Коул оцепенел.

– Детонатор смертника.

– Очень хорошо, Коул. Это

действительно

детонатор смертника. – Встав, Дэвид закинул лямку дорожной сумки на плечо. – Если мой палец соскользнет с этой кнопки, взрывчатка сработает, превратив твои внутренности в липкое месиво. Имей в виду, взрывчатки маловато, чтобы причинить вред мне или хотя бы пробить твой бронежилет. Я могу стоять рядом с тобой, и если меня подстрелят или причинят мне какой-либо иной вред, взрыв взболтает твои внутренности, не тронув наружную оболочку, как яйцо всмятку. Любишь яйца всмятку? – Дэвид видел, что парнишка уже перепуган не на шутку.

Коул едва заметно покачал головой из стороны в сторону.

– Правда? А я в детстве их обожал. Обожал их на Пасху. Мамуля даже готовила их для меня на Хэллоуин, когда я возвращался, обожравшись после «сластей или страстей». Прямо не мог дожидаться, когда приду домой и сковырну скорлупу на макушечке. Крепкая размалеванная скорлупа, желтая жижа внутри... – Дэвид возвел очи горе, будто мысленно наслаждаясь вкусом, и снова бросил взгляд на парня. – Но ты же не хочешь стать яйцом всмятку, а, Коул?

Глава 34

Головной офис «Иммари Джакарта»

Джакарта, Индонезия

Мартин вышел из лифта на вертолетную площадку. Солнце почти скрылось за побагровевшим горизонтом. Ветер на макушке восьмидесятиэтажного здания дул с моря, донося ароматы соленой воды. Впереди он увидел Дориана Слоуна, дожидającego его вместе с троицей своих людей. Едва завидев Мартина, Дориан повернулся и дал знак пилоту вертолета инициировать процедуру взлета. Двигатель взревел, и лопасти винтов пришли в движение.

– Я же сказал, что она будет играть в молчанку, – изрек Слоун.

– Ей нужно время.

– Это не поможет.

– Я знаю ее куда лучше твоего... – Мартин принял горделивую осанку.

– А вот это спорно.

– Скажешь еще хоть слово – и горько пожалеешь, – осадил Мартин Слоуна, теперь крича почти во всю глотку, чтобы перекрыть рев вертолета. – Ей требуется время, Дориан. Она заговорит. Настоятельно убеждаю тебя не делать этого.

– Это ты породил данную ситуацию, Мартин. Я только подчищаю за тобой.

– У нас есть время.

– Нам обоим известно, что нет – ты же сам мне это сказал. А еще меня весьма позабавили и другие твои высказывания. Как я понимаю, ты ненавидишь меня за мои методы и планы.

– Я ненавижу тебя за то, что ты сделал с ней...

– Что не составляет и десятой доли того, что она причинила моей семье.

– Она не имеет ни малейшего отношения к этому...

– Позволь не согласиться, Мартин. И давай сосредоточимся на более насущных вещах.

Стиснув его руку, Дориан потащил его подальше от вертолета, где проще было говорить. И, подумал Мартин, где люди Слоуна их не услышат.

– Слушай, Мартин, предлагаю тебе сделку. Я отложу «Протокол Тоба» до поры, пока мы не узнаем, подействует ли это. Ты дашь нам поработать над девкой, и мы добудем нужное через час, от силы через два. Если вылетим в Антарктику сейчас, то к моменту посадки уже будем располагать сведениями. Мы могли бы испытать истинный ретровирус гена Атлантиды в течение восьми часов. И да, я знаю, что ты ищешь выход. – Мартин открыл было рот заговорить, но Дориан лишь отмахнулся. – Не трудись возражать, Мартин. У меня свой человек в команде. Не пройдет и суток, как ты да я сможем пройти через врата катакомб рука об руку. Никакого «Протокола Тобы». Это наш единственный свободный ход. И мы оба это знаем.

– Я хочу, чтобы ты дал слово, что ей не причинят вреда... необратимого вреда.

– Мартин, я же не чудовище. Нам всего лишь нужно знать то, что известно ей; я бы ни за что не причинил ей
необратимого
вреда.

– Сойдемся на том, что по этому пункту мы не сходимся. – Мартин потупился. – Пора вылетать. Добраться до антарктического участка довольно трудно.

Уже шагая к вертолету, Слоун увлек одного из телохранителей в сторонку:

– Вытащи Тареа из-за решетки и вели ему выяснить, что Уорнер вытворила с этими шпингалетами.

Глава 35

Перед головным офисом «Иммари Джакарта»
Джакарта, Индонезия

Они ехали в молчании почти десять минут, когда Дэвид вдруг поинтересовался:

– Поведай-ка, Коул, как мальчуган из Форт-Коллинса мог угодить в «Иммари Секьюрити»?

Пленный смотрел строго перед собой, сосредоточившись на управлении автомобилем.

– Вы это сказали так, будто я чего дурного натворил.

– Ты даже не представляешь, насколько.

– И это говорит тип, что уколошил моего напарника и приторочил бомбу к моей хребтине.

Не в бровь, а в глаз. Но пускаться в объяснения Дэвид не мог – это лишило бы его рычагов воздействия. Порой ради спасения добропорядочных граждан приходится прикидываться злодеем.

Дальше они ехали в молчании, пока не добрались до территории «Иммари Джакарта» – комплекса из шести зданий в окружении забора из рабицы, увенчанного колючей проволокой. Каждый въезд преграждал шлагбаум, тянувшийся от караульного помещения. Надев каску и очки, Дэвид сунул Коулу удостоверение убитого.

У ворот вышедший из будки охранник расхлябанной походкой приблизился к машине.

– Документы?

Коул сунул ему две карточки «Иммари».

– Брайант и Стивенс.

Охранник проверил удостоверения.

– Вот уж спасибо, говнюк! Я едва-едва сорок лет, как научившись читать.

– Я только хотел помочь по-свойски, – вскинул ладонь Коул.

– Сымай шлем, – склонившись к окну, велел охранник Дэвиду.

Дэвид стащил каску, продолжая смотреть прямо перед собой, потом повернул голову в надежде, что вид в профиль сойдет, а обостренная бдительность – просто профессиональный выпендрей.

Изучив удостоверение, охранник с прищуром поглядел на Дэвида. И так несколько раз подряд.

– Минуточку, – и заспешил в будку.

– Это нормально? – осведомился Дэвид у Коула.

– На моей памяти в первый раз.

Охранник поднес трубку к уху. И начал набирать номер, не спуская глаз с них двоих.

Дэвид выхватил пистолет и протянул руку через машину одним слитным движением. Выронив трубку, охранник потянулся к своему пистолету. Дэвид сделал единственный выстрел, попав ему в левое плечо чуть ниже проймы жилета. Охранник рухнул. Жить будет, но характер у него вряд ли изменится к лучшему.

Бросив взгляд на Дэвида, Коул погнал машину к главному зданию головного офиса «Иммари».

– Припаркуйся у заднего входа, возле причала, – сунув руку на заднее сиденье, Вэйл схватил рюкзачок, набитый взрывчаткой. Дорожную сумку с оставшимися зарядами он опорожнил на пол.

Вдали послышалось завывание сирен по всеми периметру административного комплекса.

В здание они проникли через неохраняемый загрузочный люк. На стене рядом с люком Дэвид разместил заряд. Набрал на детонаторе код, и тот запыкал. Сделать это одной рукой было трудновато, но ради благополучия Коула приходилось держать большой палец на кнопке спуска.

Они двинулись по коридору, где Дэвид размещал дополнительные заряды через каждые футов двадцать.

Вэйл предпочел не открывать ничего Коулу до прибытия: либо его пленник мог бы изыскать способ передать информацию в штаб «Иммари», либо их перехватили бы. Куда ни кинь – всюду клин. Теперь настало время объясниться.

– Слушай, Коул. Где-то в здании удерживают женщину против ее воли. Доктора Кейт Уорнер. Нам надо ее найти.

Мгновение поколебавшись, Коул сообщил:

– Камеры предварительного содержания и комнаты для допросов в середине здания, на сорок седьмом этаже... Но даже если она там и вы вытащите ее из камеры, вам нипочем не выйти из здания. Охрана уже спешит сюда, а в одном только этом здании десятки охранников. Плюс вернувшиеся оперативные сотрудники. – Коул указал на детонатор смертника в левой руке Дэвида. – Что будет со мной, если вы...

Вэйл пораскинул умом.

– В этом здании есть снаряжение для полевых сотрудников?

– Ага, главный арсенал на третьем, но большинства оружия и защиты нету. Всю оперативную бригаду нынче отрядили, чтобы вас прикончить.

– Это до лампочки; того, что надо мне, они все равно не взяли. Когда девушка будет у нас, твой детонатор я отдам тебе. Даю тебе слово, Коул. А там уж сам как-нибудь выпутаюсь.

Кивнув, парень сообщил:

– Есть служебная лестница без камер.

– И еще одно, пока не тронулись...

Открыв кладовку, Дэвид разжег огонь. Через считанные секунды пламя лизнуло полки, потянувшись к детектору дыма на потолке.

Вокруг затрезвонила пожарная тревога, замельтешили огоньки светодиодов, и воцарилась сущая неразбериха. Двери распахивались, люди выбегали из комнат слева и справа; разбрызгиватели заработали, и вода щедро оросила удирающую публику.

– Теперь можно идти.

Глава 36

Головной офис «Иммари Джакарта»

Джакарта, Индонезия

В лифте Кейт попыталась вырваться из рук охранников, сжавших ее, будто в тисках. Они же приперли ее к стене и удерживали там, пока двери лифта не распахнулись, а потом выволокли ее в комнату с подобием зубоврачебного кресла. Швырнув ее туда и закрепив ремнями, головорезы ослабились:

– Доктор сейчас подойдет, – и с гоготом удалились.

Теперь оставалось только ждать. Первоначальное облегчение, испытанное при виде Мартина, ушло в прошлое на миллион лет. И теперь нахлынул страх. Широкие ремни впивались в руки чуть выше места, где кабельные стяжки оставили борозды на запястьях. Стены комнаты сверкали белизной, и кроме кресла единственным предметом мебели в комнате был столик из нержавеющей стали с круглым свертком на нем. Из откинутого кресла его почти не было видно, что вынудило Кейт обратить взор к гудящим люминесцентным лампам.

Дверь открылась, и Кейт вывернула голову, чтобы посмотреть на вошедшего. Он – тот самый, кто похитил детей. Кто забрал ее из фургона военного. Губы его растянулись в широкой улыбке – подлой, говорившей: «Уж теперь-то ты в моих руках».

Он остановился в паре футов от лица Кейт.

– Ты причинила мне сегодня много бед, девочка. Но в жизни главное – второй шанс. – Подойдя к столику, он развернул сверток. Уголком глаза Кейт заметила блеск стальных инструментов, длинных и острых. Негодяй посмотрел на нее через плечо волком. – Ой, да кого я обманываю? Как показывает мой опыт, в жизни главное – расплата. – Он извлек одно из орудий пытки – миниатюрную версию шампура. – Ты мне скажешь все, что мне надо знать, и надеюсь, это затянется надолго, насколько это физически возможно.

Вошел еще один человек в белом халате, несший что-то, чего Кейт разглядеть не могла, – возможно, шприц.

– Что вы делаете? – спросил он у палача.

– Приступаю. А вы что делаете?

– Это не по плану. Сначала мы используем лекарственные средства. Таков приказ.

– Мне такого приказа не отдавали.

Кейт лежала там совершенно беспомощная, пока эти двое мерились взглядами – палач, сжимая серебряное стрекало, а человек в белом халате – сжимая шприц.

Наконец, псевдодоктор бросил:

– А без разницы. Я вколю ей это, а потом делайте что вздумается.

– Что это?

– Новенький препарат, которым мы пользуемся в Пакистане. По сути, превращает мозги в кисель; человек выкладывает все, что знает.

– Действие необратимо? – любопытно спросил палач.

– Порой. Встречается уйма разных побочных эффектов. Мы все еще работаем над ним.

Вонзив здоровенный шприц Кейт в руку, он медленно надавил на поршень. Она почувствовала, как холодная жидкость вливается ей в вены. Забилась в пугах, но они были затянуты чересчур туго.

– Сколько времени на это уйдет?

– Минут десять-пятнадцать.

– А помнить она будет?

– Наверное, нет.

Отложив серебристое орудие, палач подошел к Кейт, провел ладонью по ее груди и ногам.

– Такой симпомпончик. И такая строптивая. Может, когда они получат свои ответы, то позволят мне тебя поиметь.

Глава 37

Кейт не знала, сколько это продолжалось; не знала, спит она или уже пришла в сознание. Тело не болело. Она не чувствовала ремней, вообще ничего не чувствовала. Только чудовищную жажду. Свет слепил. Она повернула голову набок, облизала губы. Как же хочется пить!

Перед самым ее лицом – какой-то урод. Схватив ее за подбородок, он рывком повернул ее обратно к свету. Кейт сощурилась. Лицо такое мерзкое. Злобное.

– Я сказал, что мы почти готовы к первому свиданию, принцесса.

И вытащил что-то из кармана. Листок бумаги?

– Но сперва надо разобраться с кое-какой канцелярщиной. Всего пара вопросиков. Вопрос номер один: что ты дала этим детям? – Он указал на листок. – А да у нас тут есть сноска: «Мы знаем, что это было не Ц-И-А 2-4 – 7», уж не знаю, чего оно за штука. Они знают, что это не оно, так что даже не пытайся дурить мне голову. Итак, что это было? Окончательный ответ, пожалуйста.

Кейт пыталась подавить желание ответить. Покачала головой из стороны в сторону, но мысленным взором видела себя в лаборатории, готовящей препарат, тревожащейся, что он не подействует или

причинит вред их мозгам, превратит их в... кисель... наркотик, который ей дали... Она должна...

– Что это было? Открой нам.

– Я дала... своим деткам...

Он склонился над ней.

– Говори же, принцесса. Мы тебя не слышим. Операторы тут наготове, чтобы записать твои ответы.

– Я дала... не могла... дала моим деткам...

– Да, вот именно, что ты дала своим деткам?

– Дала моим деткам...

Он сел.

– Господи, парни, вы это слышите? Она спеклась. – Он закрыл дверь. – Пора перейти к плану Б.

Он принялся делать что-то в углу комнаты.

Кейт никак не могла сосредоточиться.

Потом затрезвонило – и с потолка хлынула вода. Свет замигал – даже ярче, чем прежде. Кейт зажмурилась. Сколько времени прошло? Громкий звук, множество громких звуков. Стрельба. Дверь слетела с петель.

Урод упал, весь в крови. Ее отвязали, но стоять Кейт не могла. Съехала с кресла на пол, будто ребенок с горки в аквапарке.

Она увидела его – военного из фургона. Дэвида. На нем рюкзак. Он отдал другому человеку какой-то приборчик. Второй был напуган; он нажал большим пальцем на приборчик. Голоса их звучали глухо, будто под водой.

Солдат взял ее лицо в ладони. Ласковый взгляд карих глаз встретился с ее взглядом.

– Гейт? Дык имя мыши? Гейт?

Руки у него теплые. Вода холодная. Кейт облизнула губы. Надо попить хоть капельку. Все еще ужасно хочется пить.

Он подскочил, снова автоматная стрельба. Он вышел. Он вернулся.

– Дык вожжи ограбить имя о камни? – Он взял ее за руки, но она не могла даже пальцем шелохнуть; руки безжизненно упали на пол. Они сделаны из бетона.

Он метнулся обратно к двери и бросил что-то. Подхватил ее обеими руками, сильными руками. Побежал. Перед ними взорвалась

стена из стекла и стали. Осколки ударили по ней, но ни капельки не больно.

Они летят. Нет, падают. Он крепко держит ее, теперь одной рукой. Другой потянулся назад, пытаюсь что-то ухватить.

Потом их дернуло назад, словно они зацепились за что-то. Кейт полетела, выскальзывая из его рук, но он удержал ее за руку. Она болталась, а он парил наверху, вися на веревочках под белым облаком. Его рука заскользила – она слишком мокрая, вся ее одежда мокрая. Она упала.

Он поймал ее ногами, обхватив за ребра, его рука потянула ее вверх за руку, и наконец он крепко стиснул ее ногами. Ее лицо обращено вниз, и теперь она их увидела.

Люди, стрельба, внизу – здание и причалы так и кишат ими. Все больше людей выбегают из здания и начинают стрелять. Попискивание наверху. Низ здания взрывается, швыряя осколки и клочья солдат на парковку.

Треск рвущейся ткани наверху; теперь они падают быстрее. Мужчина извивается, и Кейт чувствует, как они улетают прочь, дальше в залив.

Все больше звуков внизу – заводящиеся моторы и новые автоматные очереди. Они разворачиваются, и Кейт видит, как гавань оживляется. Быстрое попискивание наверху. Машина на стоянке вдруг исчезает, посылая стену огня и дыма на сотни футов вокруг, поглощающую все и вся. Стрельба прекращается.

Стало тихо и мирно. Кейт увидела, как последние лучи солнца угасли за Яванским морем, и наступили сумерки. Какое-то время они висели в сгущающейся тьме. Кейт не знала, долго ли.

Сверху снова послышался треск рвущейся ткани, и они камнем устремились к черному морю внизу. Кейт почувствовала, как Дэвид трепыхается, пытаюсь дотянуться до чего-то. Державшие ее ноги соскользнули, наконец выпустив ее, и Кейт полетела быстрее уже сама по себе. Секунды потянулись в замедленном движении. Падая, она перевернулась и увидела Дэвида, парящего над ней, уплывая прочь.

Услышала, но не почувствовала громкий всплеск, и вода поглотила ее, охватывая, увлекая все вниз и вниз. Вода, холодная соленая вода хлынула ей в рот и в нос, не давая дышать, и Кейт поневоле втянула в легкие воду, опалившую их пламенем. Темень была

почти непроглядной – лишь мерцание на поверхности там, где луна целовала море.

Кейт отдалась морю, зависнув в толще воды с руками, вытянутыми вдоль туловища, распахнутыми глазами, ожидая.

Ожидая. Удерживаясь, чтобы снова не вдохнуть воду. Рассудок опустел. Никаких мыслей. Только холодная вода со всех сторон и пылание в легких.

Вспышка, падающая горящая палочка, слишком далеко от нее. И что-то плывущее на поверхности, будто крохотная козявка, слишком далеко. Снова фальшфейер, ближе, но все еще слишком далеко. Существо погрузило голову, поплыло, потом вернулось за воздухом. И третий фальшфейер, и фигура, ныряющая вниз, к ней. Существо схватило Кейт и, яростно лягаясь ногами, потащило ее к поверхности. Им нипочем не добраться. Кейт набрала в легкие еще воды, не могла удержаться, отчаянно нуждаясь в воздухе. Вода наполнила ее, будто в рот хлынул холодный цемент. И всей своей тяжестью потянула вниз, не позволяя Кейт подняться туда, где луна, а потом все поглотил мрак.

Затем она ощутила воздух, ветер и капельки дождя, услышала плеск. Плеск все продолжался и продолжался, и чья-то рука обнимала ее, удерживая на поверхности, удерживая ее голову над водой.

А потом громкий звук, огромное судно с огнями. Оно врежется в них. Идет прямо на них. Кейт увидела, как ее спаситель замахал руками, утаскивая ее с пути судна.

Другой человек, руки, тянущие ее вверх, и вот она на спине. Ее спаситель над ней, давит ей на грудь, зажимает ее нос и... целует ее. Его дыхание такое жаркое; оно наполняет ее рот и врывается в легкие. Сначала она сопротивляется, но потом целует его в ответ. Она так давно этого не делала. Она силилась поднять руки, но не могла, поднатужилась снова – и, да, справилась, попыталась удержать его. Он оттолкнул ее руки, прижал их к палубе. Она лежала там недвижно, и вдруг грудь ее взорвалась. Он перекатил Кейт на бок, и вода хлынула изо рта и из носа, и все вырывалась мучительными спазмами, пока Кейт, давясь и кашляя, изрыгала ее. Живот скрутило судорогой, и она цедила воздух отчаянными вдохами.

Он держал Кейт, пока ее дыхание не замедлилось. Каждый вдох палил огнем, легкие все никак не могли наполниться, каждый вдох получался поверхностным.

Он заорал на второго: «Швед! Швед!», провел ладонью режущим движение поперек горла. Ничего не произошло.

Подскочив, он ушел прочь. Через секунду свет погас, и они начали двигаться – очень быстро. Дождь хлестал Кейт по лицу, но она просто лежала там, не находя сил шелохнуться.

Он снова подхватил ее – точно так же, как выносил из высокой башни, – отнес в трюм и уложил на узкую койку в тесной комнатухе.

Кейт услышала голоса. Увидела, как он указывает другому человеку: «Арто, стоп, стоп!» Указал снова.

Потом пришел за ней, подхватил своими сильными руками, и они покинули судно, снова оказавшись на земле. Прошли вдоль пляжа к каким-то развалинам, будто оставшимся после бомбежки еще со Второй мировой войны. Оказались в каком-то коттедже, где горел свет. Кейт так устала, что не могла бодрствовать больше ни секунды. Он уложил ее на ложе из цветов – нет, стеганое одеяло с цветочным орнаментом. Смежив глаза, Кейт почти уснула, но ощутила его у своих ног, ощутила, что он стаскивает с нее штаны. Улыбнулась. Он взялся за ее блузку. Паника. Он увидит шрам. Его руки взялись за блузку, но Кейт вцепилась в них, стараясь не дать ему снять блузку.

– Гейт, дык ложна приладиться в законе.

– Нет, – она затрясла головой и повернулась на бок.

– Дык ложна...

Она едва его слышала.

Он потянул за блузку.

– Не надо, пожалуйста, – промямлила она. – Не надо, пожалуйста...

А затем он отпустил ее, вес на кровати переместился, и он удалился.

Заработал двигатель – небольшой. И теплый воздух окружил ее, укутал своим уютом. Она повернулась, и он согрел ей живот, волосы. Согрел все тело.

Глава 38

Головной офис «Иммари Джакарта»
Джакарта, Индонезия

Коул лежал на животе в ожидании. Он ждал почти час, пока сапер возился с его жилетом. Коул изо всех сил старался не дергаться, не терять контроль над мочевым пузырем, не кричать. Одна и та же мысль кружила у него в голове снова и снова: Больше мне родных не увидеть. Не надо было соглашаться на эту работу, сколько бы там ни посулили. Они скопили почти достаточно – 150 тысяч долларов из 250, необходимых, чтобы открыть «Джиффи Луб»

[9]

. С его контрактными деньгами за два срока в морской пехоте с участием в боевых действиях вполне бы хватило. Но ему хотелось подкопить «чуток сверху» – просто на случай, ежели бизнес не заладится в первые пару лет. Вербовщик «Иммари» ему втюхивал: «Парень, да ты там нужен больше для фасону, чтобы наши клиенты чувствовали себя в безопасности. Как ты и просил, мы назначим тебя в безопасный регион, уж определенно не на Ближний Восток и даже не в Южную Америку. В Европу нужны парни со стажем. В Юго-Восточной Азии же очень спокойно. Погода в Джакарте придется тебе по душе». А теперь в дверь его жене постучится какой-нибудь другой «пиджак» из «Иммари»: «Мэм, ваш муж погиб в результате несчастного случая с яйцами всмятку. Наши глубочайшие соболезнования. Что? О нет, мэм, обычно такого не случается. Вот его останки всмятку». Коул издал резкий, почти безумный смешок. Крыша уже поехала.

– Держись, Коул. Почти добрались, – сказал сапер из-за своего толстого выпуклого взрывозащитного щита. Не снимая своего громоздкого шлема, он вглядывался сквозь прозрачное окошко в верхней части щита. Руки его были просунуты сквозь щит в два серебристых гофрированных металлических рукава, смахивающие на руки робота из телесериала 60-х «Затерянные в космосе».

Сапер осторожно перерезал ремни жилета Коула. Чуть приподняв жилет, склонился ближе к окошку в щите, чтобы лучше видеть.

Пот каплями сбегал по мокрому лицу Коула.

– Элементов неизвлекаемости нет, – сообщил сапер, дюйм за дюймом удаляя жилет. – Ну-ка, поглядим, что тут у нас.

Коул едва не подскочил, услышав, как тот откинул жилет до конца. Там что, таймер? Ловушка? Парень почувствовал, как руки

сапера быстро что-то делают у него вдоль хребта. А потом ощутил, как затянутые в ладони перчатки будто обмякли. Услышал скрежет металла по металлу – это сапер с натугой отодвинул взрывозащитный щит. И принялся работать голыми руками.

Коул почувствовал, как он снимает бомбу с хребта.

– Можешь подниматься, Коул.

Коул обернулся, затаив дыхание.

Сапер поглядел на него с пренебрежением.

– Вот твоя бомба, Коул. Ты уж теперь поосторожнее, вдруг у тебя аллергия на синтетику, – и он вручил Коулу скатанную в рулон футболку.

Тот не мог поверить собственным глазам. Почувствовал смущение, но в первую голову – облегчение.

Развернул футболку. На ней большими буквами черным водостойким маркером было написано: «БАХ!» А ниже – помельче: «Извини...».

Глава 39

Гавань Батавия

Джакарта, Индонезия

Харто обнял одной рукой жену, а второй привлек к себе сына и дочь. Все они стояли на деревянном причале в гавани, где Харто взял катер, про который ему сказал военный. Они вчетвером смотрели на судно, ни говоря ни слова. Оно так и сверкало. Харто все это до сих пор казалось сном. Такой красоты он не видал с тех самых пор, когда родился его младший ребенок.

– Он наш, – проговорил он.

– Как это, Харто?

– Этот военный солдат отдал его мне.

Жена погладила катер ладонью – может, чтобы удостовериться, что он настоящий.

– Такой красивый, что даже жалко рыбачить с него.

Это не просто катер, это шикарная небольшая яхта. При длине в шестьдесят футов он запросто может путешествовать между островками вокруг Явы. Может вместить до тридцати человек на верхней палубе и до восьми – внизу, в хозяйской каюте, гостевой

каюте левого борта и кормовой гостевой каюте. А вид с верхней палубы и ходового мостика открывается – просто дух захватывает.

– А мы и не будем на нем рыбачить, – решительно заявил Харто. – Будем возить на рыбалку других. Живущих здесь иностранцев и туристов. Они платят за такое большущие деньжищи – чтобы выйти на рыбалку в открытое море. И за другое – дайвинг и туры по островам.

Жена перевела взгляд с Харто на катер, потом обратно, словно пытаясь прикинуть, удастся ли это, а может, сколько тут работы найдется для нее.

– Ты наконец-то выучишь английский, Харто?

– Придется. Рыбы в море маловато, чтобы накормить всех джакартских рыбаков. Будущее за индустрией развлечений.

Часть II

Тибетский гобелен

Глава 40

Где-то в районе Яванского моря

Кейт очнулась от самой страшной головной боли, какая только случалась в ее жизни. Больно было даже шевельнуться. Она минутку полежала в постели, несколько раз сглотнув. Открывать глаза больно. Солнечный свет ранит. Отвернулась прочь от окна. Окно. Кровать. Где она?

Кейт приподнялась на руках, и каждый дюйм давался ей мучительной болью, прошивающей все тело. Ныла каждая мышца, каждый сустав, но не так, как после физической нагрузки – ее будто избили с головы до ног деревянными ложками. Ее мутило и ломало.

Что со мной стряслось?

Комната наконец вошла в фокус. Какой-то коттедж или пляжный домик. Комната небольшая, с одной двуспальной кроватью и деревянной сельской мебелью. За окном виднелась большая веранда с видом на пустынный пляж. Не такой девственно-чистый, содержащийся в порядке, как на курортах, а такой, какой может быть на настоящем необитаемом острове – дикий, неопрятный, заваленный

кокосовыми орехами, валежником, поросший тропическими растениями, где там и тут на глаза попадалась дохлая рыба, вынесенная на берег неистовой ночной грозой и приливом.

Сбросив одеяло, Кейт медленно спустила ноги с кровати. Ее охватило новое ощущение – тошнота. Она выждала в надежде, что это пройдет, но дурнота лишь усугубилась. Кейт почувствовала, как под глотку набегают слюна.

Бегом бросилась в ванную, едва поспев вовремя. Рухнув на колени, склонилась над унитазом, сотрясаемая сухими рвотными корчами. Раз, другой, третий. Каждая конвульсия посылала по всему ее и без того истерзанному телу волны боли. Дурнота отступила, и Кейт, съехав набок, села, опираясь локтем на унитаз и подперев лоб ладонью.

– Ну, тебе хотя бы не надо тащиться с похмелью домой.

Кейт подняла голову. Человек из фургона – военный. Дэвид.

– Что вы... где мы...

– В курс введу чуть позже. Выпей это.

– Нет. Меня только что стошнило.

Наклонившись, он поднес ей стакан с апельсиновой жижой.

– А ты попробуй.

Придержал ее ладонью за затылок, и Кейт сообразила, что пьет, прежде чем успела запротестовать снова. Сладкое питье мягко обволакивало саднящее горло. Кейт выпила все до капли, и Дэвид помог ей подняться на ноги.

Что-то она должна сделать. Вот только что? Что-то она должна достать. В голове до сих пор будто молотом бухало.

Дэвид подвел ее к кровати, но тут Кейт остановилась.

– Погодите, я что-то должна сделать.

– Дойдем и до этого. Сейчас тебе надо отдохнуть.

И, не тратя слов, уложил ее в постель. Кейт вдруг потянуло в сон, словно она только что приняла снотворное. Сладкий апельсиновый эликсир.

Глава 41

Корпоративный самолет «Иммари»
Где-то над Южной Атлантикой

Склонившись к иллюминатору, Мартин Грей посмотрел на гигантский айсберг под крылом самолета. Нацистская подлодка торчала из ледяной горы близ центра плавучего острова, покрывающего почти сорок семь квадратных миль – примерно как Диснейленд. Вокруг вмерзшей в лед субмарины копошились рабочие и трудилась тяжелая техника, отыскивая вход в подлодку. В крайнем случае можно прорезать корпус, но до этого дойдет, лишь если не удастся в ближайшее время добраться до люка.

Руины под подлодкой даже более загадочны; команды все еще работают над гипотезами. У Мартина есть и своя собственная – идея, которую он унесет в могилу, если понадобится.

– Когда вы ее нашли?

Голос Дориана Слоуна напугал Мартина, и, обернувшись, он увидел, что тот остановился над ним, глядя из другого иллюминатора самолета.

Мартин открыл было рот ответить, но Слоун перебил его:

– Без обмана, Мартин.

Грей осел в кресле, продолжая с прищуром смотреть в иллюминатор.

– Двенадцать дней назад.

– Это его?

– Маркировка та самая. Радиоуглеродный метод подтверждает возраст.

– Я хочу войти первым.

– Я бы не советовал, – обернулся к нему Мартин. – Руины, по-видимому, нестабильны. Неизвестно, что там внутри. Может быть...

– И ты пойдешь со мной.

– Ни в коем случае.

– Ну-ну, Мартин, где же тот неустрашимый исследователь, которого я знал в юности?

– Это дело для роботов. Они могут войти туда, куда мы не сможем. Они могут выносить холод, а там

будет

холодно, настолько холодно, что ты и представить себе не можешь. И заменить их проще.

– Да, это будет опасно. Даже опаснее, полагаю, если я пойду один, скажем, оставив тебя снаружи.

– Ты подразумеваешь, что я такой же нравственный банкрот, как и ты.

– Я не похищаю детей и не замалчиваю секреты. – Слоун устроился в кресле напротив Мартина, готовясь к словесной баталии.

Но тут в салон вошел стюард, обратившийся к Слоуну:

– Сэр, вам звонок. Срочный.

Дориан снял висящую на стене трубку.

– Слоун. – Послушав, он устремил на Мартина удивленный взгляд. – Как? – Пауза. – Вы, наверное, шутите... – Несколько раз кивнул. – Нет, послушайте, должно быть, он уплыл на лодке. Общитесь окружающие острова, далеко уйти они не могли. Бросьте на это всех, берите войска из местной «Иммари Секьюрити» и зачищенных ячеек «Часовой башни», если придется. – Снова послушал. – Отлично, как угодно, воспользуйтесь СМИ, чтобы загнать их в угол. Его убейте, а ее возьмите в плен. Перезвоните мне, как только она будет у вас.

Повесив трубку, Слоун, зорко вглядываясь в Мартина, сообщил:

– Девица улизнула. Ей помог агент «Часовой башни».

Мартин продолжал озирать участок под крылом самолета.

Поставив локти на стол, Слоун подался вперед настолько, что едва не уткнулся в Мартина носом.

– Полсотни моих людей погибли, а три этажа здания «Иммари Джакарта» разнесены вдребезги, не говоря уж о пристани. Похоже, тебя это не удивляет, Мартин.

– Я как раз смотрю на восьмидесятилетнюю нацистскую подлодку и то, что может быть инопланетным космическим кораблем, торчащим из айсберга у побережья Антарктиды. В последнее время меня трудновато удивить, Дориан.

– Нам обоим известно, что это вовсе не инопланетный космический корабль. – Слоун откинулся на спинку кресла.

– Ой ли?

– Скоро увидим.

Глава 42

Где-то в районе Яванского моря

Какое-то время Дэвид, прислонившись к дверному косяку спальни, смотрел на спящую Кейт, ожидая, не проснется ли она снова. Головорезы «Иммари» буквально пропустили ее через мясорубку, да и его спасательная операция прошла отнюдь не гладко.

Вид девушки, спящей под шелест прибора в комнате, продуваемой морским бризом, как-то умиротворил его, чего Дэвид уяснить как-то не мог. Падение Джакартского отделения перед лицом неизбежной террористической угрозы, исходящей от тех самых людей, борьбе с которыми он посвятил свою жизнь, – сценарий просто кошмарный. Нет,

тот самый

кошмар. Но спасение Кейт как-то повлияло на Дэвида. Окружающий мир стал менее пугающим, более приемлемым. Впервые с той самой поры он ощутил... надежду. Чуть ли не счастье. Почувствовал себя безопаснее. Нет, это неправильно. Быть может... то ли окружающие люди в большей безопасности, то ли он почувствовал уверенность. Уверенность, что сумеет защитить людей, которых он...

Ладно, самоанализ обождет. Впереди уйма дел.

Как только стало ясно, что в ближайшее время Кейт не проснется, Дэвид удалился из комнаты, возобновив работу в потайной комнате под коттеджем.

Подрядчикам он сказал, что ему требуется бомбоубежище. Они не обмолвились ни словом, но переглянулись с видом, сказавшим все красноречивей слов.

Чувак совсем чокнутый, но о ценах не спорит, так что за работу.

Они выполнили комнату в откровенно постапокалиптическом стиле «а-ля конец света»: сплошь бетонные стены, утилитарный встроенный металлический стол и ровно столько места, чтобы уместилась узкая койка и кое-какие припасы. В его ситуации – как раз то, что нужно.

Следующий шаг жизненно важен. Он потратил большую часть утра на раздумья о том, что же делать дальше. Первым рефлексивным побуждением было связаться с Централью «Часовой башни». Ее

директор Говард Киган – его наставник и друг. Ему Дэвид доверяет. Говард сделает все, чтобы обезопасить «Часовую башню», и уж наверняка нуждается в помощи Дэвида.

Вопрос в том, как выйти на связь. Никакими закулисными каналами связи «Часовая башня» не располагает, есть только официальная VPN и протоколы. Все это, несомненно, мониторится, и пытаться выйти на связь – все равно что наклеить мишень себе на лоб.

Побарабанив пальцами по металлическому столу, Дэвид откинулся на спинку стула и уставился на лампочку, висящую под потолком.

Открыв веб-браузер, прочесал местные и национальные новости. Он только тянет время. Там ничего такого, что могло бы ему помочь. Нашел срочный выпуск о женщине и мужчине, разыскиваемых в связи с террористическим заговором и возможной причастностью к незаконной торговле детьми. Это может ему помешать. Фотороботы к статье не прилагались, но вскоре последуют и они, и их обоих примутся высматривать все пограничные службы Юго-Восточной Азии.

Несколько комплектов документов у Дэвида на конспиративной квартире имеется, но наличных всего ничего.

Он открыл свой банковский счет. Баланс почти нулевой. Правда, Джош сделал ряд переводов. Жив ли он? Дэвид заключил, что штаб Джакартского отделения был атакован, когда сам он был на улице. Тут что-то другое. Переводов несколько, сплошь мелкие, меньше тысячи долларов. И все суммы странные... Это код, но какого рода? GPS?

11.09

50.00

31.00

14.00

76.00

11.09

11.09 – должно быть, начало и конец кода. Остальное – 50.31.14.76. IP-адрес. Джош отправил ему сообщение.

Открыв веб-браузер, Дэвид ввел IP. Страница оказалась письмом от Джоша.

Дэвид,

они уже у двери. Долго она не выдержит.

Я расшифровал сообщения. Чтобы прочесть их, нажми сюда. Я не мог понять, что они означают. Извини.

Я вышел на контакт, во всяком случае, в онлайн. Для передачи сообщений он пользуется розуэллской доской Крейгслиста. Чтобы перейти туда, нажми здесь. Надеюсь, он отправит еще сообщение, и ты остановишь атаку.

Искренне сожалею, что больше ничем не смог помочь.

Джош

PS.

Я прочел твое письмо и сделал переводы (само собой). Я думал, ты погиб – датчик на твоём жилете не показывал жизнедеятельности. Надеюсь, я тебе не навредил.

Тяжело вздохнув, Дэвид отвел взгляд от экрана на долгую минуту. Потом открыл файл с расшифрованными сообщениями – некрологами из «Нью-Йорк таймс» за 1947 год. Джош проделал великолепную работу. И погиб с мыслью, что потерпел фиаско.

Дэвид открыл сайт розуэллского Крейгслиста, и новое сообщение от контакта тут же бросилось ему в глаза.

<Тема> Сбегая по часам на башне лжи

Сообщение: Моему анонимному поклоннику

Боюсь, мои нынешние отношения несколько осложнились. Я не могу с вами встретиться или вступить в какой бы то ни было контакт. Сожалею. Дело не во мне, а в вас. Вы слишком опасны для меня.

Я могу выдать вам 30 резонов и 88 предлогов не встречаться с вами. У меня в голове крутится 81 ложь и 86 историй.

Я твержу себе, что встречу с вами.

Даже дата назначена. 12-03 – 2013

И время – 10:45:00

Но правда в том, что вы на данный момент № 44 в списке моих приоритетов. А этого недостаточно, чтобы уделять вам внимание. Может, будь вы 33... Или 23... А то и 15. А этого просто недостаточно.

Мне придется вырубить питание ради спасения своих детей.

Это единственный ответственный шаг.

Дэвид почесал в затылке. И что же это означает? Ясное дело, какой-то шифр. Сейчас бы помощь Джоша очень пригодилась.

Взяв блокнот, Дэвид попытался сосредоточиться. Мозги у него не приспособлены для таких штук. Где же начать? Первая часть довольно прямолинейна: контакт пребывает под давлением. Не может ни встретиться, ни передавать дальнейших сообщений. Потрясающие новости. Остальное – это ряд цифр, а окружающие их слова – белиберда. Они выглядят осмысленными только в этой доске объявлений «Не могу забыть», но ровным счетом ничего не значат и ничего не добавляют к сообщению. Числа. Вот они-то должны что-то означать.

Дэвид принялся выписывать в блокнот цифры из сообщения. По порядку идут так:

30,88. 81,86.

12-03 – 2013

10:45:00

№ 44

33-23 – 15

Первая часть:

30,88. 81,86.

GPS-координаты. Дэвид проверил. Западный Китай, прямо на границе с Непалом и Индией. Спутниковые снимки ничего там не показывают... вот только что это? Брошенное здание. Старый железнодорожный вокзал.

Далее:

12-03 – 2013 и 10:45:00.

Дата и время. Контакт утверждает, что не может встретиться, тогда что же может находиться на брошенном железнодорожном вокзале? Ловушка? Очередная подсказка? Если Джош прочел письмо – и последующие инструкции, – то отправил все, что узнал, в Централь «Часовой башни». Если Централь скомпрометирована, в «Иммари» уже знают о некрологах и доске Крейгслиста. Сообщение может быть и от «Иммари». Может статья, там, в Китае, уже затаилось спецподразделение, поджидающее, когда Дэвид появится в перекрестье.

Выбросив эту мысль из головы, Дэвид сосредоточился на последнем наборе цифр в сообщении:

№ 44 и 33-23 – 15.

Должно быть, ячейка на железнодорожном вокзале. А может, поезд номер 44 или вагон? Дэвид потер переносицу и перечитал постинг еще раз.

Предложения после чисел... Это какое-то другое сообщение. Инструкции?

«Мне придется вырубить питание ради спасения своих детей.
Это единственный ответственный шаг».

«Придется вырубить питание». «Ради спасения детей». Дэвид вертел эти фразы в голове снова и снова.

И принял решение: надо прибыть по координатам в указанные день и час и посмотреть, что там такое на самом деле. Кейт лучше оставить здесь, так она будет в безопасности. Ей что-то известно, только он не знает, куда это вписывается.

Здесь она в безопасности.

Это для него важно.

И тут он услышал, как наверху кто-то расхаживает по коттеджу.

Глава 43

Аль-Джазира – Телеграфный выпуск

Индонезийские власти опознали двух американцев, имеющих отношение к террористическим актам и незаконной торговле детьми

Джакарта, Индонезия // Вереница террористических актов, потрясших вчера индонезийскую столицу Джакарту, привела к массовой облаве на суше, море и в воздухе. Индонезийская национальная полиция откомандировала половину из двенадцати тысяч человек своего морского подразделения в Яванское море и призвала войска со всей страны для поисков в Джакарте и на окружающих ее островах. Правительства соседних стран также подключились к поискам, переведя свои пограничные войска и службы безопасности аэропортов на повышенную боеготовность. По поводу причин терактов власти пока отмалчиваются, зато выпустили фотороботы подозреваемых.

Женщина – доктор Катерина Уорнер, являющаяся ученой-генетиком, проводила противозаконные эксперименты на неимущих детях из деревень под Джакартой. «Мы все еще собираем фрагменты воедино, – поведал главный инспектор полиции Накула Панг. – Нам известно, что клиника доктора Уорнер была законным опекуном

свыше 100 индонезийских детей, взятых у родителей без их согласия. Нам также известно, что доктор Уорнер проводила большие суммы денег через счета на Каймановых островах, известных как финансовое убежище для наркоторговцев, работоторговцев и прочих международных преступников. В данный момент мы полагаем, что клиника была ширмой для торговли детьми и, насколько можно судить, прибыль могла пойти на финансирование вчерашних терактов».

В число терактов входили три отдельных взрыва в жилых районах, яростная перестрелка в рыночном районе и ряд чудовищных взрывов на пристани, стоивших жизни 50 работникам «Иммари Джакарта». Пресс-атташе «Иммари Джакарта» Адам Линч опубликовал следующее заявление: «Мы оплакиваем вчерашние утраты, а сегодня просто ищем ответы. Индонезийская полиция подтвердила наши подозрения, что нападение осуществил Дэвид Вэйл, бывший оперативный сотрудник ЦРУ, ранее имевший столкновения с «Иммари Секьюрити» – другим подразделением «Иммари Интернейшнл». Мы полагаем, что эти нападения – часть личной вендетты и что мистер Вэйл продолжит свои атаки на сотрудников и подразделения «Иммари». Он очень опасный человек. Возможно, он страдает от ПТСР

[10]

или иного психического расстройства. Это весьма прискорбная ситуация для всех вовлеченных в нее лиц. Мы предлагаем свою помощь, в том числе со стороны «Иммари Секьюрити», индонезийским властям и правительствам прилегающих стран. Мы хотим положить этому кошмару конец. Мы хотим при первой же возможности сказать своим людям, что отныне они в безопасности».

Глава 44

Где-то в районе Яванского моря

Пробудившись во второй раз, Кейт почувствовала себя намного лучше. Голова уже не так разламывалась, тело почти не болело, а главное – она была в состоянии мыслить.

Оглядела комнату. Почти сумерки. Сколько же она проспала? Солнце за окнами уже опускалось в море. Этот прекрасный вид на

минутку целиком поглотил ее внимание. Теплое дыхание бриза доносило ароматы соленой воды. На террасе потрепанный веревочный гамак покачивался на ветру, поскрипывая ржавыми цепями. Ощущение полнейшего запустения.

Встав, Кейт вышла из спальни в просторную гостиную с дверями, ведущими в кухню и на террасу. Неужели она тут одна? Нет, был еще мужчина, но...

– Спящая Красавица проснулась, – мужчина появился будто из-под земли. Как там его зовут? Дэвид.

Кейт мгновение поколебалась, не зная, что сказать.

– Вы меня опоили.

– Да, но в свою защиту могу сказать, что не для того, чтобы допытывать вас вопросами или вытворять всякие ужасы с вашими ребятишками.

И тут воспоминания разом нахлынули на нее – Мартин, наркотик, допрос. Но что случилось после? Как она попала сюда? Впрочем, неважно.

– Мы должны найти этих детей.

–

Мы

никому ничего не должны. А вот что мы действительно должны: вы – отдохнуть, а я – сделать дело.

– Послушайте...

– И прежде вам надо поесть. – Дэвид продемонстрировал что-то вроде концентратов для похудения, только более невзыскательное – наподобие солдатского пайка.

Кейт склонилась поближе. Овощное рагу с говядиной и крекерами. Или что-то, претендующее на роль овощного рагу с говядиной. Она хотела отвернуться, но от вида и аромата горячей пищи в желудке заурчало – Кейт проголодалась как волк. Не ела вчера весь день. Взяв судок, она села и сняла пластик с тонкой упаковки. От нее вознеслось облачко пара. Откусив кусок говядины, Кейт едва не выплюнула ее.

– Боже, это ужасно!

– Ага, насчет этого прошу простить; срок хранения малость истек, а вкус с самого начала был аховый. И ничего другого у меня нету. Уж

извините.

Кейт откусила еще кусочек и проглотила, почти не жуя.

– Где мы?

Дэвид уселся за стол напротив нее.

– На брошенном участке застройки неподалеку от побережья Джакарты. Я купил здесь площадку, когда застройщик разорился; решил, что получится хорошая нигде не числящаяся конспиративная квартира на случай, если придется покинуть Джакарту впопыхах.

– Этого я почти не помню, – Кейт попробовала овощи. От них не так тошнило – то ли они получше на вкус, чем говядина, то ли она уже привыкла к омерзительности блюда в целом. – Надо обратиться к властям.

– Хотелось бы мне иметь такую возможность. – Дэвид подвинул Кейт распечатку бюллетеня «Аль-Джазиры», описывающего облаву на них.

Чуть не подавившись овощами, женщина воскликнула почти в полный голос:

– Это абсурд! Это...

Дэвид забрал страницу.

– Скоро это не будет играть никакой роли. Что бы они там ни планировали, это уже происходит. Они ищут нас и располагают связями в правительстве. Здесь наши возможности крайне ограничены. У меня есть ниточка, и ее надо проверить. Вы здесь будете в безопасности. Мне нужно, чтобы вы мне сказали...

– Тут я не останусь ни в коем случае, – тряхнула головой Кейт. – Ни за что.

– Я знаю, что вы этого не помните, но вытащить вас из лап «Иммари» было не так-то просто. Очень скверная публика. Это совсем не так, как в кино, где герой с девушкой очертя голову бросаются в грандиозное приключение ради красивого сюжета. Вот что мы сделаем: вы поведаете мне все, что знаете, и я дам вам слово сделать все, что в моих силах, ради спасения этих двоих детей. А вы останетесь здесь и будете следить за веб-сайтом, не появятся ли новые сообщения.

– Не пойдет.

– Послушайте, я вовсе не предлагаю вам сделку, я вам говорю...

– Я на это не пойду. Я вам нужна. И я здесь не останусь. – Проглотив последний кусок блюда, она бросила пластиковую вилку в пустой лоток. – И потом, по-моему, безопаснее всего мне рядом с вами.

– Мило. Очень милый заход – польстить моему эго, но увы, у меня на капельку, на капельюшечку многовато ума, чтобы попасться на крючок.

– Вы бросаете меня здесь, потому что думаете, что я буду путаться у вас под ногами.

– Я лишь забочусь о вашей безопасности.

– Она меня сейчас заботит отнюдь не в первую очередь.

Дэвид открыл было рот, чтобы ответить, потом осекся, резко повернув голову в сторону.

– Что...

– Тихо! – поднял он ладонь.

Кейт заерзала. И тут увидела причину его тревоги – прожектор, обшаривающий пляж. И различила чуть слышный стрекот вертолета. Как он это услышал?

Подскочив, Дэвид схватил Кейт за руку и чуть не волоком потащил к платяному шкафу возле входа в дом. Крепко толкнул заднюю стенку, и та повернулась внутрь, открыв взгляду бетонную лестницу.

– Что это... – воззрилась на него Кейт.

– Быстро вниз! Я – следом.

– Куда вы? – спросила Кейт, но его уже и след простыл.

Кейт бросилась обратно в дом. Дэвид собирал их вещи – остатки трапезы и свою куртку. Вбежав в спальню, Кейт расправила покрывала, потом быстренько протерла ванную. Вертолет тархтел все еще где-то вдалеке, но явно приближался. Уже совсем стемнело, и Кейт почти ничего не видела. Слабенький свет едва-едва озарял пляж.

Заглянув в комнату, Дэвид поднял глаза на Кейт.

– Отличная работа, а теперь пошли!

Они бегом устремились обратно к платяному шкафу, по лесенке и в крохотную комнатку, смахивающую на бомбоубежище. Там был

стол с компьютером, одинокая лампочка, свисающая с потолка, и узкая койка – явно рассчитанная на одного.

Чуть ли не силком усадив Кейт на единственную кровать, Дэвид поднес указательный палец к губам. Потом дернул за шнурок выключателя лампочки, погрузив их в полную темноту.

И через какое-то время Кейт услышала шаги по полу над головой.

Глава 45

База «Иммари Рисеч», остров Снежный
96 миль от побережья Антарктиды

Мартин Грей смотрел, как роботы поворачивают штурвал люка субмарины. Он едва мог пошевелиться в скафандре – настоящем космическом скафандре, неделю назад впопыхах купленном у Китайского национального космического управления. Это единственное облачение, способное выдержать антарктические температуры, защитить их от возможной радиации и в достатке обеспечить кислородом в случае, если их шланги окажутся перерезаны. Несмотря на защиту скафандра, вход в нацистскую подлодку по-прежнему пугал Мартина до смерти. А стоящий рядом другой человек в скафандре – Дориан Слоун – только усугублял тревоги Мартина. Слоун взрывается и без запала, а уж от того, что им предстоит найти, определенно сдетонирует. А в подлодке малейший взрыв равнозначен гибели.

Люк испустил громкий стон, скрежет металла о металл. Но все равно не стронулся ни на волосок. Манипуляторы робота разжались, переместились, ухватились вновь, снова повернули, а затем – ТАРАРАХ! – люк откинулся, будто крышка табакерки с чертиком. Робота грохнуло о подлодку, разметав по снегу обломки металла и пластика, а изнутри с шипением вырвался воздух.

В наушниках шлема Мартин услышал бесплотный голос Дориана Слоуна. Гулкий механический отзвук радио придал ему даже более угрожающие интонации, чем обычно.

– Только после тебя, Мартин.

Поглядев в его холодные глаза, Грей снова повернулся к люку.

– Ой, а видео у тебя есть?

– Вас понял, доктор Грей, у нас видео в обоих скафандрах.

– Ладно. Тогда входим.

Мартин заковылял к трехфутовому круглому входу на вершине ледяной горки. Добравшись до люка, развернулся, присел на корточки и поставил ногу на первую перекладину лесенки. Снял висящую на боку светодиодную осветительную палочку и бросил ее в шахту. Она пролетела футов пятнадцать-двадцать, а потом по ледяной гробнице эхом раскатился удар пластика о металл, и свет озарил пространство внизу, показав коридор справа.

Мартин сделал еще шаг. Металлические ступеньки обледенели. Еще шаг; теперь он держался за лестницу обеими руками, но почувствовал, что одна подошва съезжает. Попытался ухватиться крепче – и нога соскользнула с перекладины. Ударившись о внутреннюю часть люка, он полетел вниз – его охватил свет, потом тьма – и приземлился, подняв тучу пыли. Изоляция скафандра спасла его. Но... если скафандр порвался, мороз ворвется внутрь и заморозит его насмерть за считанные секунды. Мартин вскинул руки к шлему, лихорадочно ощупывая его. Потом сквозь шахту лениво пролетела новая световая палочка, приземлившись Мартину на живот и озарив все вокруг. Он оглядел скафандр. С виду тот не пострадал.

Над ним показался Слоун, заслонив солнечный свет.

– Похоже, засиделся ты на кабинетной работе, старина.

– Я же говорил, что мне нечего здесь делать.

– Просто уберись с дороги.

Перекатившись на живот, Мартин отполз из-под лестницы в тот самый миг, когда Слоун съехал по ней, держась руками и ногами за боковины и даже не касаясь перекладин.

– Я изучил чертежи, Мартин. Мостик прямо впереди.

Включив фонари на шлемах, они заковыляли по коридору.

Подлодка, а если точнее, подводный крейсер, сохранилась в идеальном состоянии – она была загерметизирована и заморожена и сейчас выглядела точно так же, как восемьдесят лет назад, покидая родной порт в Северной Германии. Или как музейный экспонат.

Проход был тесноват, особенно для неуклюжих скафандров, да вдобавок обоим приходилось периодически подтягивать воздушные шланги по мере углубления в недра реликта. Коридор вывел их в более просторное помещение. Остановившись, Слоун и Мартин начали поворачивать шлемы с фонарями влево-вправо, выхватывая интерьер

вспышками, будто маяк, прорезающий ночную тьму лучами света. Помещение явно было мостиком или каким-то командным центром. Каждые две-три секунды Мартину бросалось в глаза что-нибудь ужасное: распростершийся в кресле изувеченный человек с кожей, сползшей с лица; другой, в залитой кровью одежде, привалился к переборке; целая группа лежащих ничком в глыбе смерзшейся крови. Их словно сунули в гигантскую микроволновку, а потом тут же подвергли мгновенной заморозке.

Мартин услышал щелчок включившегося радио.

– Похоже это на радиацию Колокола?

– Трудно сказать, но да, довольно похоже, – откликнулся Мартин.

Несколько минут оба трудились в молчании, обшаривая мостик и осматривая каждый труп.

– Нам надо разделиться, – заметил Мартин.

– Я знаю, где его каюта, – бросил Слоун, поворачиваясь и направляясь к заднему коридору, ведущему прочь от мостика.

Мартин побрел за ним. Он-то надеялся отвлечь внимание, добраться до жилых помещений прежде Слоуна.

Теперь передвигаться в скафандре стало почти невозможно, но Слоун, похоже, справлялся с этой задачей куда лучше Мартина.

Наконец, старик нагнал Дориана, когда тот протискивался через люк в каюту. Слоун швырнул внутрь несколько ламп, залив помещение светом.

Озирая комнату, Мартин затаил дыхание. Пусто. Выпустил воздух из легких. Был бы он счастливее, если бы увидел труп? Возможно.

Пройдя к столу, Слоун пролистал бумаги, открыл пару подпружиненных выдвижных ящичков. Свет его фонаря озарил черно-белую фотографию человека в немецком мундире – не нацистском, а более древнем, эпохи даже до Первой мировой войны. По правую руку от него стояла женщина – жена, а по левую – двое сыновей, оба очень похожие на отца. Слоун смотрел на фото добрую минуту, а потом сунул его в карман скафандра.

В этот момент Мартин ощутил чуть ли не жалость к нему.

– Дориан, он не мог выжить...

– Что ты рассчитывал тут найти, Мартин?

– Я мог бы задать тебе тот же вопрос.

– Я спросил первым. – Слоун продолжил обыскивать стол.

– Карты. А если повезет, и гобелен.

– Гобелен? – Слоун повернул голову в шлеме, ослепив Мартина налобным фонарем.

Грей вскинул ладонь, чтобы загородиться от света.

– Да, большой ковер со сценой...

– Мартин, я знаю, что такое гобелен, – Слоун снова обратил взгляд к столу, копаясь в книгах. – Знаешь, может, я и заблуждался на твой счет. Ты не угроза, ты просто выживший из ума старикан. Ты слишком долго варился в собственном соку. Нет, вы только полюбуйтесь на него – гоняется за гобеленами и суеверными легендами! – Слоун швырнул на замороженный стол стопку бумаг и книг. – Тут ничего, только какие-то дневники.

Дневники!

Это

может быть и дневником.

– Я их возьму, – старательно разыгрывая невозмутимость, заявил Мартин. – Там может найтись что-нибудь полезное для нас.

Выпрямившись, Слоун встретился с Мартином взглядом, потом снова поглядел на стопку тонких книжечек.

– Нет, пожалуй, сперва погляжу я. И передам тебе, если попадется что-нибудь...

научное

.

Дориана уже тошнило от скафандра. Он провел в нем добрых шесть часов – три в подлодке и три в санобработке. Мартин и его яйцеголовые ученые дотошны. Осторожничают. Перестраховщики. Канительщики.

Теперь он сидел напротив Мартина в чистой комнате, дожидаясь результатов анализа крови, когда дадут отмашку – дескать, «все чисто». Чего они так долго возятся?

Время от времени Мартин бросал взгляд на дневники. В них явно что-то есть. Что-то такое, что он хочет увидеть сам, а Слоуну не показывать. Дориан подвинул стопку книжек поближе к себе.

Подлодка обернулась самым большим разочарованием в жизни Слоуна. Сейчас ему сорок два, а с тех пор, как ему исполнилось лет семь, и дня не проходило, чтобы он не мечтал отыскать эту подлодку. Но теперь день настал, – а он ничего нашел. Или почти ничего: шесть поджаренных трупов и субмарину, будто только-только сошедшую со стапелей.

– И что теперь, Мартин? – поинтересовался Дориан.

– То же, что всегда. Продолжим раскопки.

– Мне бы поконкретнее. Я знаю, что вы ведете раскопки под субмариной, рядом с сооружением.

– Которое мы считаем другим кораблем, – быстро вставил Мартин.

– Согласен не соглашаться. Что вы нашли?

– Кости.

– Сколько? – Дориан прислонился спиной к стене. Под ложечкой у него мучительно засосало, будто в предчувствии момента, когда тележка на американских горках вот-вот обрушится вниз. Ответ его страшил.

– Пока что наберется на дюжину человек. Но мы считаем, что будет больше, – устало проронил Мартин. Пребывание в скафандре явно далось ему дорогой ценой.

– Там внизу есть Колокол, не так ли?

– Я предполагаю, что да. Район вокруг подлодки обрушился, когда двое исследователей приблизились к ней. Одного испепелило – на манер того, что мы видели в подлодке. Второй погиб, когда лед провалился. Предполагаю найти остатки экипажа там.

Дориан слишком устал, чтобы спорить, но эта мысль пугала его до чертиков. Ее окончательность и бесповоротность.

– Что вам известно о сооружении?

– На данный момент немного. Оно древнее. По меньшей мере, не моложе руин в Гибралтаре. Сто тысяч лет, может, больше.

С самого прибытия Дориану не давало покоя отсутствие прогресса с раскопками. Хоть люди Мартина и нашли участок всего двенадцать дней назад, со своими ресурсами они уже должны были нашинковать этот айсберг, как рождественскую индейку. Здесь же штат почти минимальный, словно главное действие разыгрывается где-то в другом месте.

- Это ведь не главный участок, а?
- У нас есть ресурсы... занятые кое-где еще...

Занятые кое-где еще.

Дориан вертел эту мысль в голове так и эдак. Что же может быть крупнее этого? Сооружения, на поиски которого они потратили тысячи лет. Столько жертв. Что же крупнее?

Крупнее. Более крупное сооружение. Или... главное сооружение.

– Это лишь фрагмент, не так ли? – подался вперед Дориан. – Вы ищите более крупное сооружение. Эта часть просто отломилась от некоего основного сооружения. – Дориан все еще не был уверен, что это правда, но если вдруг...

Грей кивнул – медленно, избегая встречаться со Слоуном взглядом.

– Боже мой, Мартин... – Встав, Дориан заходил по комнате. – Это может случиться с минуты на минуту. На нас могут обрушиться через считанные дни, а то и часы. А ты ставишь все под угрозу. И ведь ты знал об этом уже двенадцать дней! Ты что, из ума выжил?

– Мы думали, это первостепенная...

– Думали, хотели, надеялись – забудь об этом. Действовать надо! Как только нас выпустят из этой пластиковой клетки, я возвращаюсь, чтобы закрыть китайский проект и стартовать «Протокол Тоба»... не трудись протестовать, ты же знаешь, что час пробил. Я хочу, чтобы ты связался со мной, когда вы найдете большое сооружение. И еще, Мартин, я отрядил сюда несколько подразделений агентов. Они помогут, если тебе будет

затруднительно

воспользоваться спутниковым телефоном.

Уперев локти в колени, Мартин уставился в пол.

Дверь комнаты временного содержания с шипением отъехала, и волна свежего воздуха ворвалась перед женщиной лет двадцати с небольшим, вооруженной планшетом. Наряд на ней был почти в обтяжку – должно быть, выбрала одежду размера на три меньше своего.

– Джентльмены, вам обоим дано добро на выполнение своих обязанностей, – женщина повернулась к Дориану. – Ну, я могу еще чем-нибудь вам помочь? – Опустив планшет к поясу, она сцепила руки сзади, чуть выгнув спину.

– Как тебя зовут? – спросил Дориан.

– Наоми. Но вы можете звать меня, как захочется.

Глава 46

Где-то в районе Яванского моря

Кейт не могла понять, бодрствует она или спит. На какое-то время женщина просто зависла в непроглядной тьме и мертвой тишине. Единственным ощущением было что-то мягкое под спиной. Повернувшись на бок, она услышала скрип дешевого матраса. Должно быть, уснула на узкой койке в бомбоубежище. Она потеряла счет времени, пока они с Дэвидом сидели в ожидании, а преследователи расхаживали взад-вперед у них над головами, обыскивая коттедж. Казалось прошел не один час.

Безопасно ли вставать?

Теперь у Кейт возникло новое ощущение – голод. Сколько она проспала?

Спустив ноги с узкой кровати, она поставила их на...

– О-о-о, Господи! – Голос Дэвида зазвенел в тесном пространстве, когда он, подскочив, толкнул ее ноги, затем скорчился и заворочался на полу.

Кейт переместила вес обратно на койку, нащупывая пальцами ног пол для твердой опоры, чтобы снова не наступить на Дэвида. Наконец нашла куда встать, выпрямилась и замахала руками в воздухе в поисках шнура, включающего единственную лампочку под потолком. Найдя, ухватилась за него и дернула, озарив тесное пространство желтым светом. Прищурившись, замерла на одной ноге. Когда глаза наконец привыкли к свету, Кейт пробралась в угол комнатки, подальше от Дэвида, продолжавшего лежать посреди пола, свернувшись калачиком.

Она попала ему прямо
туда

. Боже! Почему он на полу?

– Мы же уже не школьники, знаете ли. Вы могли лечь в кровать вместе со мной.

Дэвид с кряхтением наконец перекатился на четвереньки.

– Очевидно, рыцарство уже не в цене.

– Я не...

– Ерунда, выбросьте из головы. Надо выбираться отсюда, – сказал Дэвид, садясь.

– А люди?..

– Нет, они ушли девяносто минут назад, но могут поджидать снаружи.

– Здесь небезопасно. Я собираюсь...

– Да знаю, знаю, – поднял ладонь Дэвид, переводя дух. – Но при одном условии, и торг здесь неуместен.

Кейт уставилась на него.

– Вы делаете, что я скажу и когда я скажу. Никаких вопросов, никаких дискуссий.

– Я умею выполнять приказы, – выпрямилась Кейт.

– Ага, поверю, когда увижу. Когда мы выйдем туда, счет может идти на секунды. Если я велю бросить меня или бежать, так и делайте. Вы можете быть напуганы и дезориентированы, но должны будете сосредоточиться на том, что я велю делать.

– Я не напугана, – соврала Кейт.

– Что ж, значит, боюсь только я, – Дэвид открыл двустворчатые стальные двери в бетонной стене. – И еще одно.

– Слушаю, – настороженно отозвалась Кейт.

Дэвид оглядел ее с головы до ног.

– В таком виде вам ходить нельзя. Вид у вас почти как у бездомной. – Дэвид бросил ей какие-то вещи. – Могут быть чуть великоваты.

Кейт осмотрела новый наряд: старые синие джинсы и футболка с треугольным вырезом.

Дэвид бросил ей серый свитер.

– Он вам тоже понадобится. Там, куда мы направляемся, будет холодновато.

– А именно?

– Объясню по пути.

Кейт начала было стаскивать блузку, но остановилась.

– Не могли бы вы, гм...

– Мы же не школьники, – улыбнулся Дэвид.

Кейт повернула голову, пытаясь сообразить, что сказать.

Дэвид вроде бы что-то вспомнил.

– Ах да, шрам! – Развернувшись, он присел на корточки и принялся разбирать какие-то коробки на дне шкафа.

– Как вы?..

Дэвид вытащил пистолет и пару коробок патронов.

– Наркотики.

Кейт зарделась. Что она наговорила? Или натворила? Почему-то эта мысль ее ужаснула, и доктор отчаянно пожалела, что ничего не помнит.

– А я или мы?..

– Расслабьтесь. Помимо вашей неспровоцированной агрессии, вечер выдался вполне на «двенадцать плюс». Это как, детишкам можно?

Кейт натянула футболку.

– Ох уж эти мне инфантильные военные!

Дэвид пропустил укол мимо ушей. Встав, протянул ей коробку – очередной полуфабрикат. Кейт прочла надпись. ИРП: индивидуальный рацион питания.

– Проголодались?

Кейт осмотрела коробку: жареная курица с черной фасолью и картофелем.

– Ну, не настолько.

– Как вам угодно. – Сорвав тонкую пластиковую пленку, Дэвид плюхнул лоток на металлический стол и начал поглощать его холодным с помощью прилегающей вилки. Должно быть, вчера он разогрел блюдо только ради нее.

Усевшись на койку напротив него, Кейт принялась натягивать кроссовки, которые он для нее приготовил.

– Эй, не знаю, говорила ли я это прежде, но я хотела... сказать вам спасибо за...

Дэвид прекратил листать бумаги и с натугой проглотил кусок, который пережевывал.

– Не стоит благодарности. Просто делал свое дело. – На Кейт он даже не оглянулся.

Она завязала шнурки. Просто делал свое дело. Почему же его ответ показался таким... неудовлетворительным?

Сунув последние листы в папку, Дэвид передал ее Кейт.

– Это все, что у меня есть на людей, захвативших ваших детей. Почитать успеете по пути.

Открыв папку, Кейт начала читать бумаги. Страниц пятьдесят.

– По пути куда?

Дэвид жадно проглотил еще пару кусков.

– Посмотрите на верхней странице. Это последнее зашифрованное послание от инсайдерского источника из «Иммари». Человека, с которым я обмениваюсь сведениями уже почти две недели.

30,88. 81,86.

03-12 – 2013. 10:45:00

№ 44. 33-23 – 15

Вырубить питание. Ради спасения детей.

Кейт убрала листок в папку.

– Не понимаю.

– Первая часть – набор GPS-координат; с виду это брошенный железнодорожный вокзал в Западном Китае. Вторая часть – очевидно, время; возможно, время отправления поезда. Насчет средней части не уверен, но предполагаю, что это ячейка на вокзале и комбинация. Подразумеваю, что контакт что-то оставил в ячейке для нас – что-то необходимое нам, возможно, очередное сообщение. Непонятно, то ли дети будут на этом железнодорожном вокзале, то ли это очередная зацепка. А может, я все неправильно истолковал. Может, это другой шифр, или цифры означают вообще что-то иное. У меня был напарник, расшифровавший предыдущие послания.

– А вы не можете с ним проконсультроваться?

Подобрав последние кусочки пиццы, Дэвид швырнул вилку в лоток и собрал вещи, вытащенные из шкафа.

– Увы, не могу.

Кейт закрыла папку.

– Западный Китай? А как мы туда доберемся?

– Я как раз к этому подхожу. Не будем бежать впереди паровоза. Сперва выясним, не оставили ли наверху засады. Вы готовы?

Кивнув, Кейт последовала за ним вверх по лестнице, где Дэвид велел ей обождать, пока сам прочесывал коттедж.

– Чисто. Хочется надеяться, они двинулись дальше. Держитесь рядом.

Они бегом покинули коттедж, нырнув в редкий подлесок вдоль грунтовой дороги, которой явно давно не пользовались. Дорога окончилась в тупике из четырех больших голубых складских зданий, тоже, по-видимому, брошенных не один год назад. Дэвид повел Кейт ко второму складу, где оттянул край гофрированной жестяной стены, открыв треугольное отверстие в самую пору, чтобы Кейт могла протиснуться.

– Заползайте.

Кейт хотела было запротестовать, но, вспомнив его единственное условие, подчинилась, даже не пикнув. Почему-то – сама не понимая почему – она не хотела опускать колени в грязь, но протиснуться не могла. Будто ощутив ее колебания, Дэвид потянул закраину металла изо всех сил, дав Кейт достаточно простора, чтобы протиснуться с удобством.

Последовав за ней внутрь, Дэвид отпер и откатил ворота строения, открыв взгляду спрятанное на складе «сокровище».

Это оказался самолет, хоть и вписывающийся в эту категорию со скрипом. Причем странный – гидроплан вроде тех, которыми, по представлениям Кейт, добирались до какой-нибудь глухомани на Аляске... в 1950-х. Может, самолет и не

настолько

стар, но стар уж точно. Внутри было четыре сиденья, а на каждом крыле по два больших пропеллера. Наверное, ей придется проворачивать один из них вручную, как Амелии Эрхарт

[11]

. Если он вообще повернется – и если Дэвид сумеет управлять этим драндулетом. Она смотрела, как военный стаскивает брезент с

хвоста и выбивает колодки из-под колес.

В коттедже он строго-настрого заявил: «никаких вопросов», но удержаться Кейт не могла.

– Вы
сможете
управлять этой штуковиной, правда?

Остановившись, Дэвид чуть пожал плечами и поглядел на нее, словно пойманный на горячем.

– Ну, в общем...

– В общем?

Глава 47

Корпоративный самолет «Иммари»

Где-то над Южной Атлантикой

Дориан смотрел, как Наоми, допив остатки мартини, растянулась на длинной кушетке у противоположного борта самолета. Белый махровый халат распахнулся, обнажив ее грудь, вздымавшуюся и опадавшую все более лениво, будто у довольной кошки, только что попиравшей какой-то добычей. Она слизнула с пальцев последние капли мартини и приподнялась на локте.

– Ты уже готов?

Она просто ненасытна. А уж если такое говорит он, то это что-то. Дориан снял трубку телефона.

– Еще нет.

Чуть надув губки, Наоми плюхнулась обратно на кушетку.

В трубке Дориан услышал голос бортрадиста:

– Да, сэр?

– Соедините меня с китайским комплексом.

– «Иммари Шанхай»?

– Нет, с новым – на Тибете. Мне надо поговорить с доктором Чейзом.

Дориан услышал зазвучавшие фоном щелчки мышью.

– С доктором Чангом?

– Нет, с Чейзом. Ядерный отдел.

– Минуточку.

Дориан смотрел, как Наоми чешется под халатом, комом сбившимся вокруг нее на кушетке. Любопытно, сколько она продержится.

Телефон щелкнул.

– Чейз, – рассеянно сообщили с того конца.

– Это Слоун. Как там у нас с ядерными?

Кашлянув, собеседник проговорил еще медленнее:

– Мистер Слоун. У нас имеется, я полагаю, пятьдесят или сорок девять работоспособных единиц.

– Сколько всего?

– Это все, что у нас есть, сэр. Мы пытаемся раздобыть еще, но ни индийцы, ни пакистанцы больше не хотят продать нам ни одной единицы.

– Цена роли не играет, сколько бы они ни запрос...

– Мы пытались, сэр, но они не хотят продавать ни за какие деньги безо всяких объяснений, зачем; а у нас нет ничего более путного, нежели резервные запасы для нашего ядерного реактора.

– А вы можете работать с вооружениями советского блока?

– Да, но на это уйдет больше времени. Вероятно, это устаревшие устройства; их необходимо будет проверить и конвертировать. И тротильный эквивалент у них, по всей видимости, поменьше.

– Отлично. Я посмотрю, что смогу повернуть. Будьте готовы к новой поставке. И раз уж речь зашла о конверсии, мне нужно, чтобы вы сделали две бомбы портативными... что-нибудь такое, что щедушный человек или... кто-то...

усталый

сможет нести без труда.

– На это потребуется определенное время.

– Сколько именно? – Дориан в сердцах перевел дыхание. Как же тяжело иметь дело с этими чудиками!

– Это как поглядеть. Каков предел веса?

– Веса? Не знаю. Скажем, фунтов тридцать или сорок. Погодите, это чересчур уж много. Скажем... пятнадцать фунтов. Предположим,

пятнадцать или около того, справитесь?

– Это снизит радиус.

– Сделать сможете? – нетерпеливо огрызнулся Дориан.

– Да.

– Когда?

Ученый тяжело вздохнул.

– День, ну два.

– Мне она нужна через двенадцать часов, и никаких оправданий, доктор Чейз.

Долгая пауза. Потом:

– Да, сэр.

Дориан повесил трубку.

Наоми наконец сломалась. Налила себе еще бокал мартини и с вопросительным видом наклонила бутылку в его сторону.

– Не сейчас! – За работой Дориан никогда не пил.

Минутку поразмыслив, он снова снял трубку.

– Дайте мне тибетский комплекс еще раз. Доктора Чанга.

– Чейза?

– Чанга, рифмуется с «дам по чайнику».

Щелчки последовали в более бодром темпе.

– Чанг слушает, мистер Слоун.

– Доктор, я тут собираюсь навестись в ваше заведение, и нам нужно сделать кое-какие приготовления. Сколько там у вас пациентов?

– По-моему... – начал Чанг. Дориан услышал шуршание бумаг, щелчки клавиш, и доктор снова схватил трубку. – Триста восемьдесят два примата, сто девятнадцать человек.

– Всего сто девятнадцать человек?! Я думал, вербовка развернута куда шире. Проект рассчитан на тысячи. – Дориан уставился в иллюминатор. Сто девятнадцать трупов будет маловато.

– Да, это так, но... ну... в связи с отсутствием результатов мы приостановили вербовку людей. Сосредоточились в первую очередь на экспериментах над грызунами и приматами. Может, начать снова? Есть новая терапия?

– Нет. Есть новый план. Придется работать с тем, что у вас есть. Я хочу, чтобы вы попользовали всех людей последним средством – трудами доктора Уорнер.

– Сэр, эта терапия была неэффективна...

– Была
, доктор. Мне известно кое-что такое, чего вы не знаете. Вы должны мне доверять.

– Да, сэр, мы их подготовим. Дайте нам три дня...

– Сегодня же, доктор Чанг. Время – единственное, чем мы не располагаем.

– У нас ни штата, ни ресурсов...

– А вы расстарайтесь. – Дориан послушал. – Алло!

– Я здесь, мистер Слоун. Мы расстараемся.

– И еще одно. На сей раз трупы не сжигайте.

– Но риск...

– Я уверен, что вы изыщете способ обойтись с ними как-нибудь безопасно. У вас ведь есть карантинные помещения, не так ли? – Дориан подождал, но ученый не обмолвился ни словом. – Хорошо. Ой, чуть не забыл. Как по-вашему, какой вес смогут нести двое детей – каждый?

Вопрос Чанга то ли озадачил, то ли он думал о чем-то другом или тревожился из-за последнего приказа не уничтожать трупы.

– Э-э, вы имеете в виду... вес, как...

– В рюкзаке, если бы они его несли.

– Я не уверен...

Ох уж эти ученые, сущий бич для Дориана. Перестраховщики, трусы, канительщики.

–

На глазок

, доктор. Точность мне не нужна.

– Я полагаю, приблизительно от десяти до пятнадцати фунтов, вероятно. Это зависит от того, насколько далеко им придется его нести и...

– Хорошо, хорошо. Я скоро прибуду. Лучше будьте наготове. – Дориан повесил трубку.

Шанса снять ее снова Наоми ему не дала. Опрокинув в себя остатки мартини, вальяжной походкой приблизилась к нему, поставила бокал на стол и оседлала его, сбросив халат на пол. Взялась за его

молнию, но Дориан, схватив ее за руки, прижал их к бокам, затем поднял Наоми и отшвырнул на кушетку позади себя. И нажал на кнопку вызова у себя за спиной.

Пять секунд спустя стюардесса открыла дверь, но, увидев эту сцену, попятилась.

– Стоп. Останьтесь, – приказал Дориан. – Присоединяйтесь к нам.

Лицо девушки озарилось пониманием. Она тихонько прикрыла дверь, будто подросток, собравшаяся улизнуть из своей спальни ночью.

Восстав с кушетки, Наоми охватила лицо девушки ладонями, поцеловала ее, стянула с нее шарфик и наконец принялась возиться с пуговицами синего блейзера, надетого поверх белой блузки. Не успел поцелуй закончиться, как та уже была обнажена по пояс, и Наоми закончила дело, спихнув ее юбку на пол.

Глава 48

Снежный лагерь «Альфа»

Скважина № 4

Восточная Антарктика

Закрыв дверь своего мобильного жилого отсека, Роберт Хант взял микрофон рации.

– Добыча, здесь Снежный Король. Мы дошли до отметки семь-пять-ноль-ноль футов, повторяю, отметка семь-пять-ноль-ноль футов. Статус не изменился. Не встретили ничего, кроме льда.

– Снежный король, это Добыча. Вас поняли. Глубина семь тысяч пятьсот футов. Ждите.

Положив микрофон на откидной столик, Роберт откинулся на спинку хлипкого стульчика. Скорей бы покинуть эту замороженную адскую дыру. Он бурил на нефть в самых суровых краях планеты – в Северной Канаде, Сибири, на Аляске и в Северном море за Полярным кругом. Ничего даже отдаленно похожего на Антарктику.

Он оглядел отсек, служащий ему домом последние семь дней. Точь-в-точь такой же, как последние три отсека и последние три буровых площадки: комнатенка десять на пятнадцать с тремя койками, большущим шумным обогревателем, четыре сундука с инструментом

и продуктами и столик с радиостанцией. Холодильника нет; уж с чем с чем, а с охлаждением тут никаких проблем.

Рация с треском включилась.

– Снежный Король, здесь Добыча. Вам приказано следующее: снять буровую, закрыть скважину и следовать на новое место. Пожалуйста, подтвердите приказ, когда будете готовы принять новые GPS-координаты.

Роберт подтвердил приказ, записал новые координаты и дал отбой. Посидел минутку, думая о работе. Три буровых площадки, все на семь тысяч пятьсот футов в глубину, везде один и тот же результат: ничего, кроме льда. А все оборудование белое и покрыто громадными белыми тентами наподобие парашютов. Что бы они ни делали, работодатель явно не хочет, чтобы кто-нибудь заметил это с воздуха.

Роберт предполагал, что они бурят на нефть или какие-то драгоценные металлы. Скрытное бурение – отнюдь не такая уж диковинка. Приходишь, буришь, находишь золотую жилу, маскируешь, а потом берешь исключительное право на землю. Но в Антарктиде права на буровые работы никто не даст, да сверх того существуют куда более доступные – куда более дешевые – места, где можно отыскать нефть и сырьевые материалы. С точки зрения экономики эта затея – бессмыслица какая-то. Но деньги вроде бы никого не смущают. Каждая буровая располагает оборудованием миллионов на тридцать долларов – и владельцам типа наплевать, что с ним может произойти. Ему заплатят два миллиона долларов, как они утверждают, за два месяца – от силы – бурения. Он подписал соглашение о неразглашении. И здрассте-пожалуйста.

Два миллиона долларов, бури, где мы скажем, держи рот на замке. Именно так Роберт и намерен поступить. Два миллиона долларов вытащат его из неприятностей, в которые он впутался, и может быть, останется еще достаточно, чтобы распроститься с буровыми навсегда. Может, он даже уладит собственные проблемы, в первую голову и загнавшие его в эту дыру. Но, наверное, это уже самообольщение, шансов на это не больше, чем наткнуться на нефть в Антарктиде.

Глава 49

Где-то над горами Западного Китая

Они сделали три захода на посадку в маленьком озерце, и больше Кейт снести этого не могла.

– Мне казалось, вы сказали, что умеете летать на этой штуковине.

Дэвид все внимание сосредоточил на управлении.

– Приземлиться куда труднее, чем летать.

В представлении Кейт что летать, что приземляться было одно и то же, но она решила не углубляться. Только в сотый раз проверила пряжку привязного ремня.

Дэвид стер конденсат с пары старинных приборов и попытался выровнять самолет для очередного захода.

Тут Кейт услышала перебои в работе двигателя и почувствовала, как ее сторона самолета опустилась.

– Это вы сделали?

Дэвид постучал по приборной доске – сперва легонько, потом сильнее.

– Горючее кончилось.

– Я думала, вы сказали...

– Должно быть, указатель уровня сломался. – Дэвид указал головой. – Перебирайтесь назад.

Кейт переползла через него на задний ряд сидений, на сей раз подчинившись без споров и жалоб. Пристегнулась. Эта попытка сестры будет последней.

Второй двигатель чихнул, добирая последние капли горючего, и смолк. Самолет выровнялся, планируя в зловещей тишине.

Кейт поглядела вниз, на густой зеленый лес, обступивший синее озерцо. Вид красивый, похожий на девственные леса Канады. Кейт знала, что внизу холодно; должно быть, они где-то в Северной Индии или Западном Китае.

Б

о

ольшую часть пути они проделали над морем, идя на бреющем полете над самой водой, чтобы не попасть на экраны радаров. И почти всю дорогу на север; солнце висело высоко в небе справа от Кейт, пока они не пересекли береговую черту где-то в низменных муссонных краях – вероятно, в Бангладеш. Вопросов Кейт не задавала – да и не смогла бы, даже при желании, из-за оглушительного рева теперь

смолкших спаренных двигателей. Куда бы их ни занесло, край это явно отдаленный и не тронутый цивилизацией. Если они пострадают – хоть как-то – при посадке, результат, скорее всего, будет летальным.

Теперь озеро летело им навстречу все быстрее. Дэвид выровнял машину. Или попытался – очевидно, управлять самолетом без помощи двигателей гораздо труднее.

В голове Кейт проносились разнообразные сценарии гибели. А что, если врежутся носом в озеро? Вокруг горы. Озеро может быть невероятно глубоким – и холодным. Самолет утянет их вниз. В ледяной пучине им нипочем не выжить. А что, если удастся выровняться? Как они остановятся? Они врежутся в деревья на полном ходу. Ей представилось, как сучья наделают в них дырок, будто булавки в кукле вуду. Или горючее – пары в баках – взорвется от малейшей искры; это быстро их прикончит.

Поплавки неровно заскакали по воде, и самолет закачало из стороны в сторону.

Один из поплавков может отвалиться. Тогда самолет порвет в куски – вместе с ними.

Кейт затянула ремень на поясе. Может, надо расстегнуть? Он может разрезать ее пополам.

Поплавки снова коснулись воды, прежде чем снова вспорхнуть в воздух, трясясь и разваливаясь.

Наклонившись вперед, Кейт почему-то обняла Дэвида за шею, крепко прижав его к сиденью и сама прижимаясь к его спинке. Голову она уперла в основание его шеи. Не могла смотреть. Ощутила, как самолет вспахивает воду все более яростно. Пол непрерывно трясся. Турбулентность распространялась на тонкие металлические стены, слышался прерывистый треск, и Кейт швырнуло обратно на сиденье, почти напрочь вышибив дух. Открыв глаза, она начала впивать воздух легкими. Остановились. Ветки! В кокпите. Голова Дэвида безвольно повисла.

Кейт бросилась вперед, но привязной ремень чуть не переломил ее пополам. Потянулась к Дэvidу, не обращая внимания на ремень. Ощупала его грудь. Не проткнуло ли его веткой? Ничего не могла нашарить.

Он летаргично приподнял голову.

– Эй, дамочка, вы хотя бы сперва выпивкой угостите.

Повалившись обратно в свое кресло, Кейт ткнула его кулачком в плечо, радуясь, что он жива. И что он жив, но притом сказала:

– Видела я посадки и получше.

– На воду? – оглянулся он на нее.

– Как выясняется, это мое первое приводнение, так что нет.

– Ага, и мое первое приводнение. – Отстегнувшись, Дэвид выбрался через пассажирскую дверцу. Пристроился на ступеньке и опустил пассажирское сиденье, чтобы Кейт могла вылезти.

– Вы это серьезно, правда? Ни разу не сажали самолет на воду? Вы что, из ума выжили?

– Нет, просто пошутил. Я все время приводняюсь.

– И всякий раз без бензина?

Дэвид принялся выгружать припасы из гидроплана.

– Бензин? – Он поднял голову, будто что-то припоминая. – Бензин у нас не кончился, я просто выключил двигатели для вящего эффекта. Знаете ли, просто в надежде, что вы потянетесь сзади с объятьями.

– Очень смешно. – Кейт взялась наводить порядок среди припасов, словно они проделывали это изо дня в день годами. Потом поглядела на Дэвида. – Вы... э-э... определенно более...

поживее,

чем в Джакарте. – Она не хотела ничего говорить, но все думала...

– В смысле, я не жалуясь...

– Ну, знаете ли, избежав верной гибели, я всегда прихожу в хорошее настроение. Кстати, раз уж об этом речь, – он сунул ей край большого зеленого брезента. – Помогите мне накинуть это на самолет.

Поднырнув под самолет, Кейт ухватилась за край брезента, брошенного Дэвидом сверху, потом снова присоединилась к нему возле горки припасов, озираясь на укрытый гидроплан.

– Мы же не собираемся... мы же не полетим на...

– Нет, – улыбнулся ей Дэвид, – я бы сказал, это был его последний рейс. И потом, горючее все равно кончилось. – Он поднял три рациона питания, развернув их веером, как игральные карты. – Ну, продолжаете свою голодовку или желаете отведать один из этих изысканных деликатесов?

Надув губы, Кейт наклонилась поближе, словно изучая коричневые упаковки.

– Гмм. Что у нас в меню нынче утром?

Дэвид перевернул коробки.

– Так, поглядим... Для ваших гастрономических радостей у нас имеются: мясной рулет, бефстроганов и куриный суп-лапша.

У Кейт маковой росинки во рту не было со вчерашнего дня, когда она поела под вечер, прежде чем они скрылись в бомбоубежище под коттеджем.

– Ну, я и в самом деле не настолько

голодна, но «куриный суп-лапша» звучит просто неотразимо.

Перевернув упаковку, Дэвид вспорол ее.

– Превосходный выбор, мэм. Пожалуйста, подождите минуточку, пока ваше первое блюдо разогреется.

– Незачем разогревать, – ступила к нему Кейт.

– Чепуха, это не составит трудов.

Кейт поглядела на брезент, скрывающий самолет.

– А разве огонь не выдаст наше местонахождение... не подвергнет риску?..

– Мой дорогой доктор, – покачал головой Дэвид, – я признаю

, что сегодня мы терпим некоторые лишения, но мы ведь живем не в каменном веке, готовя пищу на каменных очагах, как неандертальцы. – Он извлек из рюкзака нечто вроде тонкого фонарика, откинул колпачок, и оттуда вырвалось пламя, напоминающее факел газового резака. Дэвид принялся водить им туда-сюда под лотком с блюдом Кейт.

Присев на корточки, доктор смотрела, как «куриный суп» закипает прямо на глазах. Несомненно, мясо соевое или какой-нибудь другой заменитель курятины.

– Ну, хотя бы никакие животные не пострадали.

Дэвид наблюдал за пламенем и лотком сосредоточенно, словно был занят ремонтом сложного электронного прибора.

– О, по-моему, мясо настоящее. За последние пару лет эти штуки сделали грандиозный прогресс. В Афганистане я едал такое, что вообще не годится для человеческого пищеварения. Или для питания гоминидов, полагаю, сказали бы вы.

– Весьма впечатляюще – да, мы гоминиды. Гоминины, если точнее. Единственные уцелевшие
[12]

– Я тут освежил свою эволюционную историю. – Дэвид отдал ей подогретый куриный суп, затем вскрыл другую упаковку – мясной рулет – и принялся есть его холодным.

Кейт помешала суп вилокложкой и осторожно пару раз отхлебнула. Не так уж скверно. Или просто уже начала привыкать к ужасному вкусу этих блюд? А неважно. И принялась хлебать суп. Оба ели в молчании. Озеро хранило полнейшую безмятежность, а окружающий их плотный зеленый лес покачивался на ветру, чуть поскрипывая, да время от времени невидимые существа перескакивали с ветки на ветку. Если бы не вчерашние трагические события, можно было бы подумать, что они туристы, выбравшиеся в девственную глушь; на минутку именно так Кейт и показалось. Она доела через минуту после Дэвида, и он, забрав у нее лоток, объявил:

– Пора трогаться, у нас Т минус тридцать до времени встречи с контактом.

И тут же покоя и невинности природного окружения как не бывало. Закинув тяжелый рюкзак на плечи, Дэвид спрятал оставленный ими мусор под брезент и двинулся через горный лес в таком энергичном темпе, что Кейт поспевала за ним не без труда, скрывая тяжелое дыхание. Дэвид в куда лучшей форме, чем она. Время от времени он останавливался, все так же дыша через нос, пока Кейт, отвернувшись, дышала широко открытым ртом.

На третьем привале Вэйл, прислонившись к дереву, сказал:

– Я понимаю, что вы не готовы поговорить о своих исследованиях, но поведайте мне вот что: как по-вашему, почему

«Иммари» похитила этих ребяташек?

– На самом деле я порядком раздумывала об этом с самой Джакарты, – наклонившись, Кейт уперлась ладонями в колени. – Кое-что из сказанного мне Мартином, когда он допрашивал меня, представляется полнейшей бессмыслицей.

– А именно?

– Он намекал, что есть оружие – какое-то супероружие, которое может стереть человечество с лица земли...

– Он сказал?.. – оттолкнулся Дэвид от дерева.

– Нет, больше он ничего не сказал. Какие-то бредовые речи. Отчасти тирада о потерянных городах, о генетике и... о чем же еще? – Кейт тряхнула головой. – Он утверждал, что дети с аутизмом могут представлять угрозу, что они – следующая ступень человеческой эволюции.

– А это возможно? Насчет эволюции?

– Не знаю. Быть может. Нам известно, что последний крупный эволюционный скачок был связан с изменением связей мозга. Если взглянуть на геном людей сто тысяч лет назад и пятьдесят тысяч лет назад, генетические изменения окажутся минимальными, но мы знаем, что гены, осуществившие изменения, оказали грандиозное влияние – главным образом на то, как мы мыслим. Люди начали пользоваться языком и мыслить абстрактно, решая проблемы, а не повинаясь инстинктам. По сути, мозг начал действовать скорее как компьютер, а не центр обработки импульсов. Это спорно, но имеются свидетельства, что происходит очередной сдвиг в связях мозга. Аутизм по сути являет собой изменение связей в мозге, а темпы проявления расстройств аутистического спектра, или РАС, стремительно нарастают. В Америке они за последние двадцать лет подскочили на пятьсот процентов. Каждый восемьдесят восьмой американец попадает в пределы спектра. Часть возрастания объясняется улучшением методов диагностики, но нет сомнений, что РАС на подъеме – в каждой стране по всему миру. И похоже, что по развитым странам это ударило сильнее всего.

– Я что-то не улавливаю. Какое отношение РАС имеет к эволюционной генетике?

– Нам известно, что почти все состояния аутистического спектра имеют сильный генетический компонент. Все они вызваны разницей в связях мозга, контролируемых небольшой группой генов. В центре моих исследований вопрос о том, как эти гены влияют на связи мозга – и что более важно, как генная терапия может включать и выключать гены, увеличивающие их социализацию и улучшающие качество их жизни. Огромное множество людей, вписывающихся в аутистический спектр, ведут полноценную, радостную жизнь. Например, индивидуумы, у которых диагностирован синдром Аспергера, просто с большим трудом ведут общественную жизнь и обычно интенсивно фокусируются на сфере своих интересов – компьютерах, комиксах, финансах – да чем угодно. Но это не всегда выступает ограничением. На самом деле специализация в наши дни – ключ к успеху. Вы только взгляните на список Форбса – если бы вы проверили индивидуумов, сделавших свои состояния на компьютерах, биотехнологиях и финансах, я вам гарантирую, что большинство угодило бы куда-нибудь в аутистический спектр. Но им повезло – они выиграли в генетическую лотерею. Их мозги работают так, что позволяют им решать сложные проблемы

и

располагать достаточной социальной адаптацией, чтобы вращаться в обществе. Именно это я и пыталась сделать – дать моим детишкам достойный шанс в жизни. – Кейт наконец отдышалась, но головы не подняла.

– Не говорите так – словно все кончено. Давайте двигаться. У нас Т минус пятнадцать.

Они зашагали дальше, и на этот раз Кейт поспежала. За пять минут до назначенного времени лес расступился и впереди показался циклопический железнодорожный вокзал.

– Он явно не брошенный, – заметила Кейт.

Люди на вокзале перед ними так и роились – одетые в белые халаты, в форму охранников и другие униформы. Дэвид и Кейт будут выделяться среди заполнивших вокзал толп, как бельмо на глазу.

– Поторопимся, пока не увидели, как мы выходим из-за деревьев.

Научно-исследовательский комплекс корпорации «Иммари»
Окрестности Буранга, Китай
Тибетский автономный район

Дориан следил за мониторами, когда ученые вывели из комнаты десятка два китайских подопытных. Терапия явно прошла по ним, как паровой каток, – некоторые едва передвигали ноги.

В комнате наблюдения имелась большая стена с экранами, отслеживающими каждый дюйм исследовательского комплекса, и несколько рядов компьютеров, за которыми яйцеголовые молотили по клавишам день-деньской, занимаясь бог знает чем.

В другом конце комнаты Наоми с откровенно скучающим видом прислонилась к стене. Вид у нее в одежде странный. Дориан жестом велел ей подойти. Слушать отчет ученого она не уполномочена.

– Хочешь смотаться отсюда? – спросила Наоми.

– Уже скоро. Ступай, познакомься пока с заведением. Мне надо еще поработать. Я скоро за тобой приду.

– Осмотрю местные дарования.

– Не делай ничего такого, чего я бы не стал.

Она удалилась из комнаты без единого слова.

Дориан обернулся к нервному ученому, старавшемуся не попадаться на глаза, но хвостом таскавшемуся за Дорианом с самого его прибытия.

– Доктор Чанг?

– Да, сэр? – выступил тот вперед.

– Что это я вижу?

– Это третья партия. Мы работаем быстрее некуда, мистер Слоун.

– Не услышав от Дориана в ответ ни слова, Чанг продолжал: – А э, доктор Грей к нам присоединится?

– Нет. С этого момента вы связываетесь по поводу этого проекта только со мной. Ясно?

– Э, да, сэр. А... э-э?..

– Доктор Грей работает над новым проектом. Я бы хотел, чтобы вы ввели меня в курс.

Чанг открыл рот, чтобы заговорить.

– И покороче, – нетерпеливо воззрился на него Дориан.

– Конечно, сэр. – Чанг потер ладони, словно грел их у костра. – Что ж, как вам известно, проект восходит к тридцатым годам двадцатого века, но существенного прогресса нам удалось добиться только в последние пару лет – и все это благодаря ряду открытий в генетике, в частности, быстрому секвенированию... определению последовательности генома.

– Я думал, человеческий геном секвенировали еще в девяностых.

– А это галим... э, ошибочный термин, если хотите.

Одного

человеческого генома не существует.

Первый

человеческий геном был секвенирован в девяностых, а черновую последовательность опубликовали в феврале 2001 года – э-э, это было

г

е
ном доктора Крейга Вентера. Но геном имеет каждый из нас, и у каждого он свой. Отчасти в этом и заключается сложность и увлекательность задачи.

– Что-то я не ухватываю.

– Да, извините, мне нечасто доводится говорить о проекте, – доктор нервно хихикнул. – Ах, и по очевидным обстоятельствам! И уж тем более не с людьми вашего положения. Да, с чего же начать? Может, капельку истории... Э-э, в тридцатых... тогдашние исследования были... радикальными, но дали на-гора кое-какие интересные результаты, несмотря на методы. – Чанг огляделся, словно гадая, не оскорбил ли он Дориана. – Э-э, ну, мы потратили десятки лет, изучая, как Колокол фактически действует на жертв. Как вам известно, это разновидность радиации, которую мы не до конца понимаем, но воздействие...

– Не надо читать мне лекцию о ее воздействии, доктор. Никому на свете не известно о нем больше, чем мне. Поведайте мне, что знаете. И побыстрее.

Чанг потупился. Несколько раз сжал руки в кулаки и разжал их, потом попытался вытереть ладони о штаны.

– Конечно же знаете, я только хотел подчеркнуть контраст наших прошлых исследований с... Да, сегодня, генетика, мы секвенируем... Мы... Это... открытие поставило наши исследования с ног на голову – вместо того чтобы исследовать воздействие аппарата, мы сфокусировались на способах пережить его. Нам еще с тридцатых известно, что некоторые субъекты переносят его лучше других, но поскольку все они в конечном счете умирают... – Подняв глаза, Чанг обнаружил, что Дориан смотрит на него волком, втянул голову в плечи, но, несмотря на испуг, повел дальше. – Мы, наша теория заключается в том, что если бы мы могли изолировать гены, обеспечивающие невосприимчивость к аппарату, то сумели бы разработать генную терапию, защищающую нас от его воздействия. Для доставки этого гена, который зовется у нас «г

е

ном Атлантидским», мы бы воспользовались ретровирусом.

– Так почему же вы его не нашли?

– Пару лет назад мы думали, что близки к успеху, но полной невосприимчивостью не обладает никто. Как вам известно, мы предположили, что существует группа человеческих особей, которые в какой-то момент смогли выдержать воздействие аппарата, и что их ДНК рассеяна по всей земле – по сути, мы устроили глобальную генетическую охоту за сокровищами. Но, откровенно говоря, после такой уймы экспериментов, сколько провели мы, учитывая размер нашей выборки, мы начинаем верить, что гена Атлантиды не существует, что его никогда не было в генофонде человечества.

Дориан поднял ладонь, и доктор остановился, чтобы перевести дыхание. Если сказанное Чангом – правда, это потребует пересмотра всего, во что они верили. И это оправдывает его методы. Ну, более или менее. Но так ли это? Парочка проблем все же осталась.

– А как выжили дети? – поинтересовался Дориан.

– К сожалению, мы не знаем. Мы даже не уверены, что они проходили курс...

– Это я знаю. Скажите мне, что вам известно.

– Нам известно, что терапия, которую они прошли, была чем-то революционным. Возможно, нечто настолько новое, что нам даже сравнить не с чем. Но у нас есть ряд гипотез. Недавно в генетике было

сделано еще одно открытие, которое мы называем эпигенетикой. Идея в том, что наш геном не столько статический проект, а скорее похож на рояль. Клавиши представляют собой геном. У каждого из нас разные клавиши, не меняющиеся на протяжении всей нашей жизни, – мы умираем с теми же самыми клавишами, или геномом, с которым родились. А меняется только партитура – эпигеном. Эта партитура определяет, какие мелодии исполняются – какие гены экспрессируют, и эти гены определяют наши характерные черты – все, от коэффициента интеллекта до цвета волос. Идея в том, что экспрессией генов управляет комплексное взаимодействие между нашим геномом и эпигеномом, определяющее, какими мы становимся.

Что любопытно, мы можем приложить руку к написанию этой музыки, к управлению своим собственным эпигеномом. Равно как наши родители и даже окружающая среда. Если определенный ген экспрессирует в ваших родителях и прародителях, он более чем вероятно проявится и в вас. По сути, наши действия, действия наших родителей и окружающая нас среда оказывают влияние на то, какие гены могут быть активированы. Наши гены способны управлять возможностями, а эпигенетика определяет нашу участь. Это поразительное открытие. Мы понимали, что порой работает нечто большее, чем чисто статическая генетика. Об этом говорили наши исследования близнецов в тридцатых и сороковых. Одни близнецы выживали в аппарате дольше, чем другие, несмотря на в точности идентичный геном. Эпигенетика и есть это недостающее звено.

– Какое это имеет отношение к пацанам?

– Моя личная гипотеза заключается в том, что некая терапия нового типа ввела детям новые гены, и эти гены оказали каскадный эффект, возможно, работая еще и на эпигенетическом уровне. Мы считаем, что способность пережить Колокол определяется наличием правильных генов,

и

включение этого «Атлантического гена» – ключ ко всему. Странно, эта терапия сработала почти как мутация.

– Мутация?

– Да, мутация – просто случайное изменение генетического кода, генетическая рулетка, если хотите. Порой она срывает большой куш, внося новое эволюционное преимущество, а порой... вы получаете шесть пальцев или четыре! Но эта сформировала иммунитет к Колоколу. Это так

захватывающе!

Мне бы хотелось переговорить с доктором Уорнер. Это было бы невероятно целесообразно...

– Забудьте о докторе Уорнер. – Дориан потер висок. Генетика, эпигенетика, мутации... Все это сводится к одному и тому же: провал исследований, никакой действенной терапии, вырабатывающей невосприимчивость к Колоколу, а время уже на исходе. – Сколько подопытных может вместить ваш Колокольный зал?

– Э-э, мы обычно ограничиваем каждый опыт пятьюдесятью особями, но может быть и сто, а может быть, и чуть больше, если набить их поплотнее.

Дориан бросил взгляд на мониторы. Дружина яйцеголовых в белых халатах рассовывала новую партию подопытных по шезлонгам, а затем подключала их к пластиковым мешкам смерти.

– Сколько времени требуется на прогон?

– Немного. Каждый подопытный выдерживает пять-десять минут.

– Пять-десять минут, – чуть ли не шепотом проронил Слоун и откинулся на спинку кресла, вертя идею в голове так и эдак. А затем встал и шагнул к двери. – Приступайте к прогону всех оставшихся подопытных через Колокол – и как можно быстрее.

Доктор Чанг бросился вперед с протестами, но Дориан был уже на полпути к двери.

– Ах да, и помните: трупы не уничтожать. Они нам понадобятся. Я буду в ядерном отделе, доктор.

Глава 51

Поезд корпорации «Иммари»
Окрестности Буранга, Китай
Тибетский автономный район

Сидя в молчании, Кейт смотрела, как мимо на скорости девяносто миль в час проносятся зеленые пейзажи. Напротив нее Дэвид чуть поерзал на боку в запертом купе поезда.

Как он может спать в такое время? Он же шею потянет, если будет так спать.

Подавшись вперед, доктор Уорнер чуть подвинула его голову.

Даже если бы нервы у нее не разгулялись, ноги Кейт слишком болели, чтобы их хозяйка уснула. Аукнулся энергичный темп, заданный Дэвидом в походе от «посадочной площадки» до железнодорожного вокзала, а за ним еще и спринт к камерам хранения, к ячейке номер сорок четыре, ставшей их спасением.

В ячейке лежали два комплекта одежды – комбинезон охранника для Дэвида и белый халат для Кейт. Там же были и бэйджики – Кейт теперь стала доктором Эммой Уэст, научным сотрудником «Колокол, головной: Отдел генетики», уж бог весть, что это такое; а Дэвид превратился в Коннера Андерсона. Снимки на бэйджах не подходили, но им надо было только провести их через считыватель, как в метро или банкомате, чтобы успеть на поезд в 10.45 – очевидно, последний за утро.

– И что теперь? – уже садясь в поезд, обернулась Кейт к Дэvidу.

Развернув ее обратно, Дэвид бросил лишь:

– Без разговоров, нас могут прослушивать. Следуем плану.

«План» – слишком сильно сказано. Ее задача – найти детей и вернуться на поезд; а Дэвид тем временем отключит электричество и присоединится к ней. Это даже на половинку плана не тянет. Их, небось, схватят, даже не дав сойти с поезда. А он тут дрыхнет.

Но... наверное, вчера ночью он почти глаз не сомкнул. Бодрствовал, чтобы знать, если те, кто обыскивал коттедж, найдут вход в бомбоубежище. Сколько же он пролежал на бетонном полу? А затем еще бог весть сколько часов в этой убийственной архаичной таратайке, выдающей себя за самолет. Свернув в ком кое-какие вещи из своей сумки, Кейт подложила их между головой и стенкой.

Прошло еще тридцать минут, и она почувствовала, что поезд замедляет ход. В коридоре люди начали выстраиваться в очередь.

Дэвид схватил Кейт за руку. Когда он проснулся? Женщина поглядела на него с паническим выражением на лице.

– Спокойно, – проговорил он. – Помните, вы здесь работаете. Вы берете детишек для опыта. Приказ директора.

– Какого директора?! – прошипела Кейт.

– Если спросят, просто скажите, что знать им это не по чину, и идите дальше.

Она попыталась задать еще вопрос, но Дэвид отдернул дверь купе в сторону и втокнул Кейт в шаркающую мимо очередь. Когда она успела оглянуться, он уже был в нескольких человеках от нее и двигался в противоположном направлении, увеличивая разрыв. Кейт осталась одна. Резко повернув голову вперед, несколько раз сглотнула. Она справится.

Она продвигалась вперед с потоком людей, стараясь выглядеть непринужденно. Рабочие были по большей части азиатами, но изредка на глаза попадались и европейцы – возможно, американцы. Она здесь хоть и из меньшинств, но в глаза не бросается.

В гигантском здании было несколько входов, и к каждому по три очереди. Усмотрев вход, окруженный наибольшим числом белых халатов, Кейт направилась туда. Встала в очередь, ожидая возможности провести своей карточкой через считыватель, а заодно пытаясь разглядеть бэйджики окружающих. «Колокол, обслуживание: Вольеры приматов». Оглянулась на стоящего позади. «Колокол, управление: АХО». Кто она там? Колокол чего-то там. По поводу генетики. Она чудовищно боялась, что если опустит взгляд к своему липовому бэйджику, кто-нибудь непременно укажет на нее пальцем с криком: «Мошенница! Ату ее!», как ребяташки на детской площадке, когда кто-нибудь сделает пи-пи в штанишки.

Впереди белые халаты неуклонно маршировали вперед, сканируя свои карточки, как автоматы. Очередь продвигалась быстро, как и на железнодорожном вокзале. Теперь Кейт увидела и кое-что новое – шестерых вооруженных охранников. Трое стояли у турникетов, по одному у каждого, зорко вглядываясь в лицо каждого входящего. Трое других слонялись за забором из рабицы, попивая кофе и тараторя, хохмя друг с другом, как офисный планктон возле кулера. У каждого на плече болтался автомат – небрежно, будто курьерская сумка, битком набитая официальной перепиской.

Надо сосредоточиться. Бэйджик. Сдернув карточку, Кейт украдкой бросила нее взгляд: «Колокол, головной: Отдел генетики». В соседней

очереди она заметила высокого блондина лет сорока с хвостиком, держащего карточку того же отдела, только поотставшего от нее на несколько человек. Надо подождать, когда он войдет, а потом увязаться за ним.

– Мэм...

Обращаются к ней!

– Мэм, – охранник указывал на толстый столбик со считывателем магнитных карт на макушке. Вокруг нее люди шваркали карточками через щели и спешили пройти.

Проводя карточкой через считыватель, Кейт изо всех сил сдерживала руку, чтобы не тряслась. Другой звук. Красный огонек.

Рядом двое людей провели своими карточками. Зеленые огоньки, никаких звуков.

Охранник вскинул голову и сделал шаг к ней.

Теперь ее руки уже явственно тряслись.

Держись как ни в чем не бывало.

Она снова провела карточкой через считыватель, уже помедленнее. Красный огонек. Скверный писк.

Охранники за оградой прервали разговор. Уставились на нее. Охранник в очереди оглянулся на остальных.

Кейт нацелила карточку для очередной попытки, но кто-то перехватил ее руку.

– Задом наперед, красавица.

Кейт подняла глаза. Блондин. Думать она была не в состоянии. Что он сказал?

– Я здесь работаю, – торопливо проговорила Кейт, озираясь. Все уставились на них. Они перегородили две из трех очередей.

– Искренне надеюсь, – мужчина взял ее карточку. – Должно быть, вы новенькая, – он поглядел на снимок. – Не видел вас преж... Эй, да вы совсем не похожи!

Кейт выхватила карточку.

– Не... не смотрите на фото. Я э-э, новенькая здесь. – Она провела рукой по волосам. Ее схватят, она так и знала. Мужчина по-прежнему смотрел на нее. Кейт лихорадочно пыталась что-нибудь придумать. – Просто взяли старое фото. Я... сбросила вес.

– И очевидно, перекрасились, – скептически заметил он.

– Да, ну... – Кейт вздохнула. – Надеюсь, вы сохраните мой секрет. У блондинок жизнь куда интереснее. – Она попыталась улыбнуться, но, наверное, выглядела скорее напуганной, нежели самоуверенной.

– Да, пожалуй, – кивнув, улыбнулся мужчина.

– Эй, Казанова, шуры-муры разводи в нерабочее время! – крикнул кто-то сзади очереди. Повсюду послышались смешки.

– Так как там? – улыбнулась Кейт. Снова провела карточкой. Красный, писк. Подняла глаза.

Схватив ее за руку, мужчина перевернул карточку и провел через считыватель снова. Зеленый. Потом вернулся в свою очередь и провел своей карточкой. Зеленый. Он осторожно проскользнул мимо шестерых охранников, и Кейт припустила за ним.

– Спасибо вам, доктор...

– Прендергаст. Барнаби Прендергаст.

Они свернули за очередной угол.

– Барнаби Прендергаст. Вообще-то я должна была догадаться [13]

– Что ж, в наглости вам не откажешь. – Он оглядел ее. – Вы весьма находчивы для человека, не умеющего пользоваться карт-считывателем.

Он что, знал? Кейт попыталась изобразить смущение; впрочем, для этого ей и усилий прикладывать не пришлось.

– При виде оружия мне не по себе.

– Тогда вам здесь придется не по нраву. Похоже, тут каждый, у кого нет белого халата, затарился пушкой. – Последние два слова он произнес с американским акцентом, затем провел карточкой через считыватель и распахнул широкие двери, которые были бы вполне к месту между отделениям больницы. – Наверное, будут наготове, если деревьям вздумается на нас напасть. – Фыркнув, он добавил под нос: – Идиоты чертовы.

Впереди несколько мужчин, страдающих избыточным весом, толкали поперек их пути металлические клетки на колесиках. Кейт уставилась на них во все глаза. Клетки были битком набиты шимпанзе.

Когда они прошли, Кейт сообразила, что осталась в коридоре одна. Припустив рысцой по коридору, заметила Барнабуса – или как там его – и поддала ходу, чтобы догнать.

Он остановился у считывателя очередных дверей.

– Куда вы сказали, направляетесь, доктор Уэст?

– Я... не говорила, – Кейт попыталась сделать глазки, чувствуя себя круглой дурой. – А куда... идете вы?

– Э-э, в свою лабораторию в вирусном. С кем вы тут работаете? – Он поглядел на нее озадаченно. Или настороженно?

Кейт запаниковала. Все оказалось намного сложнее, чем ей казалось в поезде. Она-то думала, надо просто войти в детское отделение и сказать: «Я пришла забрать двоих индонезийских ребятишек». Совет Дэвида:

Просто скажите, что знать им это не по чину,

– теперь выглядел крайне упрощенческим, совершенно не по делу. Теперь-то стало очевидно, что он сказал это просто, чтобы успокоить ее, заставить покинуть поезд и перейти к действиям. Но в голове зияла полнейшая пустота.

– Вам это знать не по чину, – выпалила она.

Барнаби, уже поднесший карточку к считывателю, застыл.

– Простите? – Оглянулся на нее, потом поглядел по сторонам, будто пытаясь определить, откуда это донеслось.

Кейт подмывало броситься бежать отсюда во всю прыть, но она даже не представляла, в каком направлении. Нужно выяснить, где они держат детей.

– Я занимаюсь исследованиями аутизма.

Опустив карточку, Барнаби обернулся лицом к Кейт.

– В самом деле? Я и не знал ни о каких исследованиях аутизма.

– С доктором Греем.

– С доктором Греем? – Барнаби задумчиво закатил глаза. – Не слыхал о таком... – Скептическое выражение мало-помалу покинуло его лицо, и он зашаркал к белому телефону на стене у двери. И протянул руку к трубке. – Наверное, я должен... э-э... оказать вам помощь в поисках пути.

– Нет!

Восклицание Кейт заставило его остановиться на полушаге.

– Не надо, я не заблудилась. Я работаю... с двумя детьми.

Барнаби опустил руку к боку.

– А это правда. До нас доходили слухи, но все это окружено такой секретностью, прямо заговор рыцарей плаща и кинжала.

Он не знал о детях. И что же это означает? Кейт требовалось выиграть побольше времени, подумать.

– Э-э, да. Извините, что не могу больше ничего сказать.

– Что ж, я уверен, что знать это мне не по чину, как вы и сказали.

– Он проворчал что-то еще, вроде «будто вам ведомо, что мне полагается по чину». – Впрочем, если честно, должен сказать, что вам делать с детишками в подобном месте? Мы говорим о нулевом коэффициенте выживаемости.

Ноль процентов

. Наверное, ваш чин это оправдывает. Так, да?

Эта новая мысль потрясла Кейт, ужас, которого она в учет не принимала: нулевой коэффициент выживаемости. Дети могут быть уже мертвы.

– Вы меня слышите?

Но ответить Кейт не могла. Просто стояла, окаменев от ужаса.

Он разглядел страх в ее глазах. Склонил голову к плечу.

– Знаете, в вас есть что-то эдакое. Что-то сюда не вписывающееся.

– Ученый протянул руку. Снял трубку.

Кейт метнулась к Барнаби, выхватив трубку у него из руки.

Он вытаращил глаза с видом
да как ты смеешь!

Кейт огляделась. Слова Дэвида –
нас могут прослушивать —

эхом прозвучали у нее в голове. Быть может, уже слишком поздно.
Повесив трубку, она обняла Барнаби, шепча ему на ухо:

– Послушайте меня. Двоих детей держат здесь. Они в опасности.
Я здесь, чтобы спасти их.

– Что? – оттолкнул ее Барнаби. – Вы с ума сошли?!

Он выглядел в точности как Кейт два дня назад в том фургоне, когда Дэвид расспрашивал ее.

– Умоляю, – она снова подалась вперед. – Вы должны мне поверить. Мне нужна ваша помощь. Мне нужно найти этих детей.

Барнаби вгляделся Кейт в лицо испытующим взглядом. Сморщил губы, будто отведал что-то гадкое, но выплюнуть не может.

– Послушайте, я не знаю, что за игру вы тут затеяли, учения службы безопасности или какое-то безрассудство, но я вам сказал, что ничего не знаю об этих детях – даже не знаю, существуют ли они. До меня доходили только слухи.

– Где их держат?

– Понятия не имею. Даже ни разу в глаза их не видел. У меня доступ только к лабораториям.

– Подумайте. Умоляю, мне нужна ваша помощь.

– Не знаю... наверное, в жилом корпусе.

– Отведите меня туда.

– Алло! – помахал он перед ней карточкой. – У меня нет доступа. Я вам только что сказал, у меня доступ только в лаборатории.

– Держу пари, что у меня есть, – Кейт поглядела на свою карточку.

Охранник смотрел, как женщина пристает к мужчине, потом отбирает у него телефонную трубку, потом, облапив его, что-то шепчет ему на ухо – возможно, угрозы. Мужчина явно выглядит напуганным. У них как раз прошел очередной семинар по сексуальным домогательствам, хотя там главным образом шла речь о том, что именно мужчины добиваются секса от женщин. Впрочем, может, тут и что другое. Охранник снял трубку.

– Ага, это пост семь. По-моему, у нас тут проблема в Колоколе головном.

Глава 52

Научно-исследовательский комплекс корпорации «Иммари»
Окрестности Буранга, Китай
Тибетский автономный район

Дэвид дожидался в очереди, пропускавшей внутрь работников охраны. Строение громадное, превосходит все, что он только мог себе вообразить. Три циклопических градирни, попирающих своими размерами остальные здания, возносятся до небес, изрыгая белые клубы пара прямо в облака.

Должно быть, в комплекс, помимо медицинских объектов, входит электростанция. По другим путям прибывали все новые поезда. Должно быть, весь персонал приезжает сюда издалека; вокруг участка чрезвычайно широкая карантинная зона – возможно, достигающая сотни миль в радиусе. Зачем? Затраты, должно быть, ошеломительные. Подобное сооружение посреди нигде да вдобавок доставка снабжения и персонала что ни день?

– Сэр!

Дэвид поднял глаза. Его очередь. Провел карточкой. Красный писк. Поглядел. Пустил карточку задом наперед. Перевернул и получил зеленый писк.

Углубился в здание. Теперь самое трудное: куда идти?

И тут в глубине сознания проскользнула другая мысль: а Кейт? Она явно пытается прыгнуть выше головы. Нужно закончить свое дело и отыскать ее – и побыстрее.

Он взглядом отыскал карту на стене: пути эвакуации. Реакторного зала на этаже нет. Фактически говоря, исходя из того, где расположены рекуператоры, реактор вряд ли в этом здании.

Вслед за большинством он последовал из главного коридора в просторное помещение с рядами шкафчиков. Большинство охранников либо трепались между собой, либо хватали оружие и рации и шли на выход.

Дэвид услышал, как пара охранников толкуют об электростанции, и последовал за ними, перед уходом схватив с полки рацию и пистолет. Задний выход небольшого караульного здания открывался во дворик, за которым Дэвид углядел еще три здания: грандиозную электростанцию, здание почти без окон – вероятно, медицинское учреждение – и здание поменьше, совсем без окон, с развевающимся над крышей флагом корпорации «Иммари» – должно быть, административный центр.

Шедшие впереди были настолько поглощены беседой, что ничего не замечали вокруг.

Закинув руку за спину, Дэвид пощупал рюкзак, гадая, хватит ли ему взрывчатки. Вряд ли. Эта контора куда больше, чем он рассчитывал.

У входа в электростанцию на барном табурете сидел тучный охранник, проверявший пропуска и сверявшийся с печатной страничкой, лежащей на пюпитре перед ним. Ни слова не говоря, он простер к Дэвиду пальцы, смахивающие на сардельки.

Вэйл сунул ему карточку. Стоя в очереди после поезда, он почти целиком соскреб ее – просто из предосторожности.

– Чё такое с твоим пропуском?

– Собака.

Невразумительно хрюкнув, тот принялся просматривать список. Физиономию его своротило на сторону, словно список составлен на каком-то неведомом ему языке.

– Чё-то на седня ты у меня не числишься.

– Именно это я и сказал, когда меня растолкали сегодня утром. Ну, раз вы так говорите, то я уматываю отсюда. – Дэвид протянул руку к карточке.

– Не, погодь пока, – вскинул сардельную ладонь держатель списка. Опять уткнулся в листок, выудив ручку из-за уха. Переводя взгляд с пропуска на листок и обратно каждые пару секунд, нацарапал внизу страницы «Коннер Андерсон» детскими печатными буквами. Вернул пропуск Дэвиду, и гроздь сарделек поманила следующего в очереди.

Следующая комната оказалась чем-то вроде вестибюля с дежурной за столом и двумя беседующими между собой охранниками. Бросив взгляд на Дэвида, когда он проходил мимо, они тут же вернулись к разговору. Отыскав следующую табличку с путями эвакуации, Вэйл продолжил путь к реактору.

К его облегчению, карточка срабатывала на каждой встречной двери. Он почти добрался до реакторного зала.

– Эй, стой!

Дэвид обернулся. Это был один из охранников из вестибюля.

– Ты кто таков?

– Коннер Андерсон.

С недоумением поглядев на него, охранник выхватил оружие.

– Вот уж нет. Не шевелись.

Глава 53

На лице у Барнаби отражался такой же страх, какой Кейт чувствовала в душе. Почему-то это придало ей уверенности, словно она главарь заговора.

При виде тощего азиата, несущего вахту перед двустворчатыми дверьми жилого корпуса, читая комиксы, ее новообретенная уверенность несколько пошла на убыль. Завидев их, страж отшвырнул брошюрку на стол и уставился на них в ожидании, когда они подойдут к считывателю карт на стене.

Кейт провела своей карточкой. Зеленый.

Распахнув дверь, шагнула внутрь. Барнаби следовал за ней, едва не наступая на пятки.

– Нет! Вы – вы сканировать тоже! – охранник указал на Барнаби, выпучившего глаза и попятившегося, будто ему грозит расстрел.

– Вы сканировать, – охранник ткнул пальцем в сторону считывателя.

Барнаби прижал бэйджик к груди, потом провел им через щель. Красный.

Охранник поднялся.

– Пропуск, – протянул он руку к Барнаби.

Белокурый ученый попятился к стене, выронив пропуск.

– Это она меня заставила! Она сумасшедшая!

– Ничего страшного, Барнаби, – ступила между ними Кейт. Подняв упавший пропуск, сунула его британцу в руки. – Я хотела, чтобы он проводил меня до работы, но и так сойдет, – положив ладонь Прендергасту на поясницу, она подтолкнула его прочь. – Ничего страшного. Увидимся позже, Барнаби. – Повернувшись обратно к охраннику, подняла свой пропуск и провела им через считыватель снова. – Видите – зеленый.

И, толкнув дверь плечом, вошла.

Выждала секунду.

Дверь оставалась закрытой; хочется надеяться, теперь опасность позади. Кейт зашагала дальше по коридору. Через каждые футов двадцать встречались большие двери – очевидно, выходящие в коридоры, ведущие куда-то еще. Сколько видел глаз, везде одно и то

же – двери и симметричные коридоры. И тишина – тревожная, неуютная тишина.

Чиркнув карточкой у ближайшей двери, Кейт вошла внутрь. Какой-то барак или... общежитие – первое, что приходит на ум. Она оказалась в большой общей комнате, в которую выходили шесть комнат поменьше, каждая с двухъярусной кроватью. Нет, не совсем, как общежитие... слишком спартанская обстановка – скорее, как камеры в тюрьме. И все пусты. Наверное, покинуты. В камерах царил беспорядок – одеяла и вещи разбросаны по полу, личные пожитки раскиданы по крохотным умывальникам возле коек. Вид такой, словно обитателям пришлось убираться впопыхах.

Ретировавшись из комнаты, Кейт возобновила путь по главному коридору. Ее теннисные туфли громко взвизгивали на каждом шагу. Вдали послышался разговор. Надо идти в его сторону, хотя в душе Кейт противилась этой необходимости. Здесь, в пустых безлюдных комнатах, куда безопаснее.

На следующем «перекрестке» она свернула, направляясь прямо к разговаривающим. Теперь она увидела их – двух или трех женщин за высокой стойкой с лежащими на ней стопками папок, напоминающей пост дежурной сестры в больнице.

Теперь послышался и другой звук, уже с другой стороны – громкий ритмичный топот ботинок, эхом раскатывающийся по пустому коридору. Все ближе и ближе. Кейт тихонько двинулась в сторону сестер. Голоса их звучали уже вполне внятно: «Они им нужны сейчас же». – «Знаю». – «Я так и сказала». – «Найти смысл в том, что они вытворяют, нечего и думать». – «Они даже не лечат...»

Кейт резко обернулась – топот прямо позади. Шестеро охранников бегут к ней с автоматами наизготовку.

– Стой где стоишь!

Она могла бы броситься в бегство и, может статься, добежала бы до поста медсестер. Охранники стремительно приближались – уже в каких-то двадцати футах от нее. Кейт сделала шаг, другой, но они уже налетели, окружили, нацелили на нее автоматы.

Кейт подняла руки.

Дэвид поднял руки.

Нацелив на него пистолет, охранник подобрался поближе.

– Ты не Коннер Андерсон.

– Кроме шуток? – буркнул Дэвид под нос. – А теперь убери пушку и заткнись; нас могут прослушивать.

Охранник оцепенел. Озадаченно посмотрел в пол.

– Чего?

– Он просил меня выйти вместо него.

– Чего?

– Слушай, мы с ним ночью оттянулись по полной. Он сказал, что его турнут, если я не выйду, – напирал Дэвид.

– Ты кто?

– Его друг. А ты, должно быть, его вправду смысленый друг на работе.

– Чего?

– А других слов ты не знаешь? Слушай, убери пушку и веди себя естественно.

– Коннер сегодня выходной.

– Ага, я уже понял, гений. Это его спьяну черт за язык дернул – как в воду пернул. Я его прикончу, если вы, болваны, не прикончите меня прежде. – Дэвид покивал ладонями поднятых рук и головой, как бы говоря:

Ну так что, ты туда или сюда

? Охранник все молчал. – Мужик, ты уж или пристрели меня, или отпусти.

Тот неохотно убрал пистолет в кобуру, по-прежнему с крайне недовольным видом.

– Куда идешь?

Дэвид направился к нему.

– Сматываюсь отсюда; каким путем короче?

Повернувшись, тот указал рукой, но не издал ни звука. Дэвид отключил его резким ударом по основанию черепа.

Теперь надо действовать быстро. Он побежал вглубь здания. Остался еще один вопрос, который Вэйл загонял в глубину сознания, занятого более насущной проблемой выживания. Но теперь пора подумать,

как

вырубить электричество. По его замыслу, лучше не атаковать сами ядерные реакторы – они изолированы и имеют надежную защиту, даже если предположить, что удастся к ним подобраться. Тем более что их целых три. Его лучшая ставка – на линии электропередач. Если взорвать ЛЭП, это напрочь отрежет весь комплекс от электроснабжения, в том числе и поставляемого реакторами. Но тут он как карась на суше. Что, если силовые кабели проходят под землей или недостижимы по каким-то иным причинам? Или проходят через тщательно охраняемое здание перед АЭС? Поймет ли он, что это кабели, даже когда увидит? Такая уйма «что, если»...

Найдя на стене очередную план-схему, Дэвид быстро пробежался взглядом по зонам. Реактор 1, Реактор 2, Реактор 3, Турбина, Пульс управления, Главная трансформаторная...

Трансформаторная —

пожалуй, это сгодится. Она расположена напротив реакторов, и, похоже, провода от каждого реактора тянутся туда.

Он отвернулся от схемы в тот самый момент, когда два охранника, выйдя из-за угла, зашагали напрямик к нему. Кивнув, Дэвид направился к трансформаторной. Приближаясь к ней, он услышал низкий рокот машин и гудение высокого напряжения, доносящиеся словно прямо сквозь стены и пол. Пол не вибрировал, но стоило Дэвиду просканировать свой бэйдж и ступить в помещение, как пульс могучих машины буквально прошел все тело сотрясениями.

Внутри помещение оказалось циклопическим – и загроможденным. Трубы и металлические кабель-каналы змеились во всех направлениях, гудя и время от времени потрескивая. У Дэвида возникло ощущение, будто его уменьшили и телепортировали в материнскую плату компьютера.

Углубившись в помещение, Дэвид разместил заряды на самых крупных кабелепроводах в местах, где они входили в помещение. Тут же обнаружилось несколько металлических «гардеробов», за неимением лучшего определения. Дэвид разместил заряды и на них. Взрывчатки осталось всего ничего. Хватит ли этого? А сколько ставить времени? Он поставил детонатор на пять минут и спрятал на дне шкафа. Где же разместить последние заряды?

Поверх гула оборудования послышались другие шумы. А может, только послышались. Достав заряд, Дэвид сунул его между двумя линиями поменьше. Задержался там буквально на секунду, медленно отводя руку, словно желая убедиться, что заряд никуда не денется.

Уголкем глаза он заметил троих охранников, стремительно надвигающихся на него. Уж от этих не отболтаешься.

Глава 55

Шестеро охранников обступили Кейт со всех сторон.

Один сообщил по рации:

– Она у нас. Слонялась по второму коридору.

– Что вы себе позволяете?! – запротестовала женщина.

– Пойдемте с нами, – сказал человек с рацией.

Двое охранников ухватили ее за локти и повели прочь от беседующих у поста медсестер.

– Стоять!

Обернувшись, Кейт увидела женщину, припустившую к ним бегом – молодую, наверное, чуть за двадцать. И одета так... неправильно, провокационно, что ли, будто кролик из «Плейбоя». Здесь она выглядела явно не к месту.

– Я ее забираю, – безапелляционно заявила женщина охране.

– Вы кто?

– Наоми. Я работаю на мистера Слоуна.

– Ни разу об таком не слыхал, – охранник, явно выступающий тут за командира, указал другому. – Эту тоже берем.

– Только посмейте, и горько пожалеете, – изрекла Наоми. – Вызывайте. Я подожду. Попросите своего босса позвонить мистеру Слоуну.

Охранники переглянулись.

Наоми сграбастала одну из раций.

– Я сама, – щелкнула кнопкой. – Это Наоми, мне нужно поговорить с мистером Слоуном.

– Минуточку.

– Слоун.

– Это Наоми. Я веду к вам девицу, а тут шайка охранников до нас домогается.

– погоди, – голос Слоуна, отдалившись от микрофона, произнес:

– Вели своим шутам гороховым прекратить донимать моих людей.

На связь тотчас же вышел другой голос.

– Здесь капитан Чжао. Кто это?

Наоми попыталась сунуть рацию обратно в руки охранника, но тот попятился, шарахнувшись, будто от прокаженной. Наоми швырнула аппарат командиру.

– Удачи. – И схватив Кейт, вполголоса проговорила: – Тихо, следуй за мной.

Она повела Кейт прочь от охранников, отчаянно пытавшихся попросить прощения у человека из рации.

Они свернули направо, потом налево, прошли по очередному пустующему коридору. Оказавшись перед двустворчатыми дверьми, Наоми попросила у Кейт бэйджик.

– Кто ты? – спросила та.

– Это неважно. Я здесь, чтобы помочь тебе вытащить детей.

– Кто тебя послал?

– Тот же, кто послал вам пропуска.

– Спасибо, – только и сказала Кейт.

Женщина кивнула, открыла дверь, и Кейт услышала голоса Ади и Сурьи, разговаривающих внутри. Сердце у нее замерло. Дверь распахнулась – и она увидела обоих сидящими за столом в комнате с белыми стенами. Вбежав, доктор Уорнер присела на корточки – и они без единого слова бросились к ней в объятия, едва не сбив с ног. Они живы. Она сумеет добиться своего. Сумеет их спасти...

И тут Кейт почувствовала, как крепкая рука поднимает ее на ноги.

– Извини, но времени нет. Надо торопиться, – бросила Наоми.

Начальник службы безопасности вернул рацию Дориану.

– Они больше не причинят неприятностей вашей девушке. Прошу за это прощения, мистер Слоун. Столько новых лиц, мы не справляемся...

– Избавь меня от этого. – Дориан обернулся к ученому-ядерщику, доктору Чейзу. – Продолжайте.

– По поводу поставок, полученных с севера... Я не уверен, что мы можем их использовать.

– Почему это?

– В бомбах из Беларуси явно кто-то поковырялся. Будь у нас время, мы, наверное, смогли бы их демонтировать и разобрать.

– И что у нас в остатке? – осведомился Дориан.

– Украинские и российские устройства выглядят нормально, только староваты. А поставки из Китая как с иголки, совсем свежесобранные. Как вам?..

– Это несущественно. Сколько?

– Давайте посмотрим, – Чейз взглядом пробежал распечатку. – В общей сложности сто двадцать шесть боеголовок. И большинство крайне большой мощности. Не помешало бы знать мишень, а помимо этого, я не могу сказать...

– Что с нашими портативными ядерными зарядами?

– Ах да, они уже готовы.

Доктор Чейз сделал знак ассистенту в другом конце комнаты. Молодой человек удалился и вскоре вернулся с огромным серебристым яйцом в руках размером чуть меньше магазинной тележки. Обхватить его ассистенту удавалось едва-едва, и потому он нес скользкое яйцо будто охапку дров, откинувшись назад, чтобы оно не выкатилось из его подставленных рук. Дошагав до стола, он поставил яйцо и отступил, но оно, немного покачавшись, покатило к краю. Бросившись вперед, ассистент удержал его ладонью.

Сунув руки в карманы, доктор Чейз кивнул разок Дориану и выжидательно улыбнулся.

Дориан воззрился на яйцо, будто хотел испепелить его взглядом, а потом снова на доктора Чейза.

– Это еще что за чертовщина?

Вытащив руки из карманов, ученый шагнул к яйцу, указывая на него.

– Это портативное устройство, которое вы заказывали. Оно весит семь целых четыре десятых килограмма, или около шестнадцати фунтов. Больше убавить мы не могли, – покачал он головой, – зато уложились раньше времени.

Дориан откинулся на спинку кресла, переводя взгляд с яйца на ученого и обратно.

Ядерщик подошел поближе к устройству, разглядывая его изучающим взором.

– А что, разве что-то не так? У нас есть другое...

– Портативность. Мне нужны две портативных бомбы.

– О так это она и есть! Вы же видели, как Харви ее нес. Ну да, малость громоздкая, но...

– Учитывая расстояние, да в рюкзаке – это отнюдь не то золотое яйцо, которое может снести гусыня. Сколько вам потребуется времени, чтобы сделать его поменьше, скажем, такое, чтобы вполне уместилось – тут ключевое слово, доктор – в

дипломат

?

– Гмм, ну... вы же не говорили... – Яйцеголовый оглядел яйцо.

– Сколько? – с напором повторил Дориан.

– Пару дней, если...

– Мистер Слоун, у нас проблема на электростанции. Вы должны увидеть это.

Дориан развернул кресло, чтобы взять планшет, протянутый начальником службы безопасности. У себя за спиной он услышал шаги ученого, расхаживающего взад-вперед и жалующегося Харви:

– Это вовсе не так, как в кино, где «подсоедини зеленый провод», суй в рюкзак и отправляйся на Эверест; я имею в виду, мы должны...

Дориан перестал слушать причитания ученого, сосредоточившись на видео на экране планшета: мужчина, пробирающийся через какой-то машинный зал.

– Где это?

– Главная трансформаторная возле реакторов. И это еще не всё...

Начальник службы безопасности перемотал видео.

Дориан смотрел, как тот устанавливает одну мину за другой. Что-то в нем есть настораживающее. Дориан стукнул пальцем по планшету, поставив видео на паузу, и сделал наезд на лицо... Не может быть!

– Вы его узнаете, сэр?

Разглядывая это лицо, Слоун мысленно перенесся в горную деревушку в Северном Пакистане, увидел пламя, рвущееся из каждой хижины, бегущих женщин и детей, мужчин, валяющихся перед горящими домами... и мужчину, стреляющего в него. Он помнил, что стрелял в ответ бог весть сколько раз. И закончил дело.

– Да, я его знаю. Его зовут Эндрю Рид. Бывший полевой сотрудник ЦРУ. Вам нужно куда больше людей, чтобы его задержать.

– Стрелять на поражение?

Дориан рассеянно отвел взгляд. Где-то на заднем плане слышался треск радио и голос сотрудника охраны, выкрикивающий приказы. Рид здесь, пытается вырубить энергию. Вряд ли он тут один. Где же он был последние четыре года, если не погиб? Почему энергию?

Начальник службы безопасности подался вперед.

– У нас заряды и таймер. Мы несем их в здание. Мы отсматривали видеозаписи камер безопасности с самого момента его проникновения – это единственная угроза. Мы его окружили. Хотите, чтобы мы...

– Не убивайте его. Где он сейчас? – справился Дориан.

Начальник безопасности приподнял планшет, указывая место.

Дориан стукнул по другой точке на карте.

– Это что за помещение?

– Один из реакторных залов, просто переход между реакторами один и два.

Дориан указал на две больших двери в противоположных концах.

– Кроме этих двух дверей, больше никаких входов и выходов нет?

– Нет. К тому же помещение окружено со всех сторон десятифутовыми бетонными стенами.

– Отлично. Загоните его туда и закройте дверь, – приказал Дориан. Что же он прозевал? Он выждал, пока начальник службы безопасности пообщается по радио. Дети! – Каков статус детей?

Вопрос начальника озадачил.

– В камерах содержания.

– Покажи!

Начальник застучал пальцами по планшету. И удивленно поднял глаза.

– Найти их, – приказал Дориан.

Начальник заорал в свою рацию. Пришлось подождать пару секунд, рация чирикнула раза два-три, и начальник, настучав что-то на планшете, вручил его Дориану в тот самый миг, когда начало прокручиваться очередное видео: Наоми, – а с ней Кейт Уорнер и дети. Неужто худшая новость всех времен – или лучшая новость на свете?

Начальник орал в рацию, держа ее в другой руке.

Дориан задумался. Может ли быть, чтобы их было только двое?

– Мы вот-вот их схватим, сэр. Я не знаю, как...

Слоун поднял ладонь, не глядя на него.

– Хватит болтать!

Что делать? Яснее ясного, что имеется нарушение безопасности, да притом серьезное. И подозреваемых по пальцам перечесать. Дориан жестом подозвал одного из штатников, которых привел с собой.

– Логан, пошли сообщение Совету Иммари: «Китайский комплекс атакован. Пытаемся обеспечить безопасность, но предполагаем, что все исследовательские мощности будут уничтожены. В связи с чем приступайте к «Протоколу Тоба» как можно скорее. Дальнейшие сообщения по мере развития событий». Приложи видео человека на электростанции и обеих девиц, пытающихся вытащить детей. Я хочу знать в ту же минуту, как кто-либо отреагирует.

Начальник приподнялся на носках и качнулся на пятки.

– Они у нас, сэр.

– Отличная работа, право слово, – пренебрежительно бросил Дориан.

– А нужно было... – сглотнув, пролепетал начальник.

– Тащите обеих девиц в Колокол, поставьте со всеми готовыми особями, но проследите, чтобы они вошли. Я хочу, чтобы они стояли в первом ряду. А потом щелкайте выключателем, как только будет можно – и скажите Чангу, чтобы без отговорок... – Дориан помолчал. Кейт Уорнер в Колокольном зале – какая сладостная-пресладостная справедливость! И уж тут Мартин ничего не напишет. Скоро никто уже ничего не напишет. На самом деле все складывается даже лучше, чем он планировал. Дориан жестом поманил доктора Чейза. – Все бомбы погружены в вагоны?

– Да, кроме белорусских устройств и... портативных...

– Хорошо, – Дориан снова обернулся к начальнику. – Посадите детей в вагон с бомбами и гоните его отсюда сию же минуту. – Развернулся к доктору Чейзу. – Я рассчитываю, что вы тоже будете в этом поезде, и пока он дойдет до побережья, либо эти яйца будут влезать в рюкзак, либо вы. Ясно?

Кивнув, доктор Чейз отвел глаза.

Начальник охраны послушал рацию и опустил ее вдоль бока.

– Диверсант заперт в реакторном зале номер два.

– Ладно. Позаботьтесь, чтобы больше ни один оставшийся вагон не уехал. Нам они потребуются для перевозки кое-чего другого.

Слоун подошел к Дмитрию Козлову – собственному заместителю Дориана в его личном подразделении безопасности «Иммари Секьюрити».

– Когда Колокол закончит, грузите трупы в эти вагоны и отправляйте, – распорядился он. – Нужно организовать зону перегрузки – пожалуй, где-нибудь в Северной Индии, что-нибудь эдакое с доступом к аэропортам.

– А как быть с остальным здешним персоналом?

– Я как раз об этом думаю... – Дориан отвел Дмитрия в сторонку от остальных. – Они обуза. Мы определенно не можем позволить никому покинуть территорию – во всяком случае, пока «Тоба» не наберет ход. У нас тут другая проблема. У нас тут на месте всего сто девятнадцать человеческих особей.

Козлов ухватил его мысль на лету.

– Трупов маловато.

– Не то слово. По-моему, мы можем решить оба вопроса одним махом, хотя это будет и непросто.

Кивнув, Дмитрий оглянулся на ученых, слоняющихся по лаборатории.

– Прогнать персонал через Колокол? Согласен. Потребуется, чтобы команда Чанга задействовала аппаратуру... против своих же. Осуществимо, но может пойти грязновато. На месте не меньше сотни работников охраны. Тихо они не пойдут, даже если мы разделим их и обставим это, как учения.

– Что тебе потребуется? – напрямую спросил Дориан.

– Человек пятьдесят, а то и шестьдесят. В идеале «Иммари Секьюрити» или опера из «Часовой башни». «Иммари Секьюрити» как раз проводит зачистку «Часовой башни» в Нью-Дели. Мы могли бы подтянуть оставшихся полевых сотрудников.

– Да будет так, – резюмировал Дориан, ступая прочь.

– Ты сам-то где будешь?

– Кто-то же в «Иммари» работал с Ридом. Вот я и собираюсь выяснить, кто именно.

Глава 57

Кейт закричала, когда охранники вырвали детей у нее из рук, а ее саму пригнули к земле. Она царапала им лица и лягалась. Нельзя позволить им отобрать мальчиков снова. Надо драться.

– Нет, этих на поезд, – сказал один из охранников. Мальчики извивались, пытаюсь вывернуться у него из рук.

Кейт протянула к ним руки, но бандит в форме стиснул их. Другой бросился к ней, и последнее, что Кейт увидела, – это приближающийся к лицу приклад винтовки.

В комнате было темно и тесно. Люди стискивали Кейт со всех сторон. Она принялась толкать локтями людей слева и справа, но никто не отреагировал – они были буквально стоячими трупами. И попадали бы, если бы не были стиснуты как сельди в бочке.

Над головой раскатился громкий удар. С потолка спускался большущий металлический аппарат. Теперь загорелись огни, вспыхивающие на его верхушке в такт с пульсациями. Кейт ощутила эти пульсации в собственной груди и в телах зомби, сгрудившихся вокруг.

Где же здесь дети? Она обвела комнату взглядом. Не увидела никого, только отупевшие, сонные лица. Потом – Наоми. Решительная женщина, пришедшая ей на выручку, теперь выглядела напуганной.

Донн-донн-донн

над головой стало оглушительным, свет – ослепительным. Кейт почувствовала, как тела вокруг охватывает жар. Подняла руку, чтобы

стереть пот со лба, но рука уже была совсем мокрой, покрытой чем-то густым и липким – кровью.

Глава 58

Бетонные двери реакторного зала сомкнулись с громким хлопком, но звук его почти потонул в рокоте грандиозных реакторов. Дэвид углубился в помещение, озирая свой последний оплот. Может, Кейт удалось выбраться.

Он вынул магазин из пистолета. Два патрона. Может, приберечь последний? Наркотик они тогда впрыснули Кейт очень серьезный. Кто знает, на что они способны. Ему известны ценные сведения. Это альтруистическая причина, но есть и другие. Дэвид выбросил эту мысль из головы. Нечего бежать впереди паровоза.

Вэйл прошелся по залу – проход между двумя высоченными реакторами. Напоминает школьный спортзал с высоким потолком, под которым подвешен металлический помост. По форме смахивает на песочные часы: почти прямоугольный, но посередине два округлых выступа – толстые бетонные стены двух реакторов. Два входа, оба с бетонными дверями, раздвигающимися по вертикали – одна спереди, другая сзади. Высокие гладкие стены рядом с дверями испещрены кабелепроводами и трубами – по большей части серебристыми, но среди них затесались несколько красных и синих, создавая впечатление варикозных вен, проступающих на сером лбу над устами двери.

– Привет, Эндрю, – прогрохотал голос из громкоговорителя – несомненно, предназначенного для передачи предупреждений об эвакуации. Голос знакомый, принадлежит кому-то знакомому по временам еще до «Часовой башни», вот только Дэвид никак не мог сообразить, кому именно.

Ему требовалось выиграть время. Это единственное, чем он может помочь Кейт.

– Меня так больше не зовут.

Он услышал, как реакторы с обеих сторон с ревом проснулись. Интересно, слышит ли его «голос» поверх такого шума.

Сколько времени прошло? Мины должны вот-вот сработать. Отключение электричества предрешит его участь, зато поможет Кейт.

– Девка у нас. И мы нашли твои бомбы. Не слишком изобретательно. Уж от тебя-то я ожидал чего-то большего.

Дэвид огляделся. Не лжет ли голос? Зачем говорить ему об этом? Что он может сделать? Прострелить реакторы? Маразматическая идея – тут толстенные бетонные стены. Выстрелить наудачу в один из кабелепроводов в надежде на успех? Маловероятно. Потолок? Бесполезно.

Голос от него чего-то хочет, иначе зачем бы его расспрашивать? Может, голос лжет. Может, Кейт ждет его на поезде. Может, они не смогли ее схватить.

– Чего тебе надо? – гаркнул Дэвид.

– Кто послал тебя сюда? – прогрохотал голос.

– Отпусти ее, и я скажу.

– Разумеется, по рукам, – рассмеялся голос.

– Отлично, спускайся сюда, и я сделаю официальное заявление.

Даже картинку тебе нарисую. У меня и электронный адрес его есть.

– Если мне придется туда спускаться, я выбью это из тебя. У меня времени в обрез. Некогда возиться с наркотой.

Реакторы взревели громче. Должны ли они так звучать?

– У тебя тут нет выбора, Эндрю, – продолжал голос. – Мы оба это знаем. А ты все упорствуешь. В том-то и заключается твоя проблема – твоя слабость. Ты ведешься, как младенец, на безнадежно проигранное дело. Оно апеллирует к твоим мечтаниям о героическом спасении. Пакистанские пейзажи, джакартские шкеты – вечно ты вляпываешься. Потому что сочувствуешь жертвам, мыслишь, как жертва, – уж такой у тебя менталитет. Думаешь, что если поквитаешься с людьми, причинившими тебе зло, то восстановишь свою целостность. Но не тут-то было. Все кончено. Ты же знаешь, что это правда. Слушай мой голос. Ты знаешь, кто я. Я всегда держу свое слово. Я устрою девчонке быструю смерть, обещаю. Это лучшее, чего ты можешь тут добиться. Скажи мне, кто это. Это твой финальный выход.

Стандартная процедура допроса: сломай субъекта, заяви о своем превосходстве и убеди, что откровенность – единственный возможный выбор. Вообще говоря, на этот раз

действительно

получилось довольно убедительно. Дэвид понимал, что они могли бы просто выкурить его, пустив газ, швырнув внутрь гранату или бросив на штурм нескольких охранников. У него же выбора нет. Но теперь он наконец сообразил, кто держит микрофон – Дориан Слоун, полевой командир «Иммари» в Афганистане и Пакистане. Нужно было сообразить, что Слоун уже заправляет всем регионом через «Иммари Секьюрити». Он безжалостен, толков... и тщеславен. Нельзя ли воспользоваться этим? Это главный шанс выиграть время на случай, если что-нибудь произойдет. Или если Слоун врет и Кейт все-таки улизнула.

– Чё я тебе скажу, Слоун; сдаётся мне, прошляпил ты свое призвание. Психоанализ... просто изумительный. Ты вправду заставил меня усомниться во всей собственной жизни. Не дашь ли мне минутку поразмыслить над глубокими проблемами, которые ты затронул? Я имею в виду...

– Хватит переливать из пустого в порожнее, Эндрю. Это не поможет ни тебе, ни ей. Слышишь, как эти реакторы набирают обороты? Это звук энергии, вливающейся в аппарат, убивающий Кейт в эту самую секунду. Так что остался только ты. А «Часовая башня» пала пару часов назад. А теперь поведай мне...

– В таком случае это ты переливаешь из пустого в порожнее. Мне сказать нечего, – скрипнув зубами, Дэвид бросил пистолет на пол. Тот проскользил по инерции все дорогу до дальней двери. – Если хочешь выбить это из меня, тогда спускайся сюда и покажи, на что способен. Я не вооружен. Крохотный шансик у тебя есть.

И встал посередине комнаты в форме песочных часов, переводя взгляд с одной двери на другую, гадая, которая из них откроется первой... и успеет ли он, когда это произойдет.

Реактор взвыл еще громче, и Дэвид ощутил пышущий от него жар. Он что, неисправен? Позади Вэйла бетонная дверь с рокотом ожила, поднимаясь из двухфутового углубления в полу. Пистолет остался у противоположной двери.

Дэвид ринулся к открывающейся двери. Сорок футов. Тридцать. Это единственный шанс: проскользнуть под ней и драться врукопашную, а потом попытаться прорвать установленный ими кордон. Двадцать футов.

Поднырнув под дверь, Слоун выскочил, как черт из табакерки, вслед за пистолетом в правой руке. Сделал три быстрых выстрела. Первый попал Дэвиду в плечо, мгновенно сразив его и бросив на бетонный пол. Размазывая кровь, Вэйл перекатился, пытаясь подняться на ноги, но Слоун его опередил, дав ему подсечку.

– Кто тебе сказал об этом месте?

Голос его был едва слышен за ревом реакторов. В плече у Дэвида пульсировала мучительная боль. Рана казалась и не раной даже: из него словно выдрали кусок плоти. Левой руки он совсем не чувствовал.

Слоун нацелил пистолет на левую ногу Дэвида.

– Ну, хотя бы умри достойно, Эндрю. Скажи, и я покончу с этим.

Дэвид пытался соображать.

Нужно выиграть немного времени

– Имени я не знаю.

Слоун приблизил пистолет к ноге Дэвида.

– Но... у меня есть IP-адрес. Так я с ним общаюсь.

Слоун отступил, обдумывая услышанное.

Дэвид сделал пару порывистых вдохов.

– Он в моем левом кармане; тебе придется самому его достать, – указал он рукой.

Наклонившись к нему, Слоун нажал на спусковой крючок, вогнав пулю Дэвиду в ногу. Тот забился на земле, вопя от боли. Дориан начал огибать его по дуге.

– Хватит. Мне. Врать.

Не услышав от Дэвида ни слова, Слоун занес ногу и двинул упавшего каблуком в лоб, заставив крепко приложиться затылком к бетонному полу. Перед глазами у Вэйла заплясали темные пятна. Сознание вот-вот покинет его. Реакторы над ним снова изменили тональность, зазвучав как-то иначе. Слоун задрал голову кверху. Сирена взвыла практически перед самым взрывом, всколыхнувшим зал и метнувшим во все стороны осколки бетона и куски металла. Из труб и стен с шипением забил пар, затянувший помещение непроглядной пеленой.

Перекатившись на живот, Дэвид пополз, отталкиваясь здоровой рукой и одной ногой, волоча за собой отнявшуюся руку и неподвижную ногу и едва не теряя сознание от боли. Ему пришлось остановиться, чтобы сглотнуть и перевести дыхание. Потом Дэвид одолел еще пару футов, стараясь не вдыхать пыль и грязь, покрывающие пол. Он понимал, что они все равно набьются в раны на ноге и плече, но это несущественно, главное убраться отсюда. Он видел, как Слоун мечется по залу, размахивая руками в попытке разогнать туман.

Еще взрыв.

Второй реактор?

Туман сгустился настолько, что перекрыл всякую видимость.

– Сэр, мы должны эвакуироваться, возникла проблема... – слышалось в отдалении.

– Отлично. Дай мне свой автомат!

Выстрелы – повсюду. Пули зарикошетили от стен, от пола. Дэвид оцепенел, прижавшись к полу, прислушиваясь. В паре дюймов над полом еще оставалась полоска относительно прозрачного воздуха, и были видны тела, падающие там и тут – Слоун косил собственных людей направо и налево в последней отчаянной попытке всадить в Дэвида еще хоть пулю.

– Сэр, мы должны...

– Ладно уж!

Дэвид слышал вокруг топот бегущих ног. Попытался оттолкнуться здоровой рукой, но не смог. Слишком ослаб. Слишком замерз. Он смотрел, как его дыхание вздымает с пола белую пыль. Каждый выдох поднимал несколько частичек белого порошка. Вокруг него алое пожирало белизну. Это что-то напомнило Дэвиду – то ли мысль, то ли воспоминание, только что именно? Бритье. Как кровь из пореза пропитывает белую салфетку. Он смотрел, как алое ползет по белой пыли к его лицу, и слушал заунывный вой сирен.

Глава 59

Кейт думала, что набитые в комнату люди падают, но тут она с ужасом осознала, что они рассыпаются, обращаются во прах от пола вверх. В том конце комнаты вспыхивали огни, и Кейт разглядела

волны, бегущие сквозь толпу, будто неистовый прибой, несущий смерть по одному всплеску за раз.

Но теперь набат изменился. И свет – вспышки – стали более тусклыми, не такими ослепительными. Теперь она смогла разглядеть источник – аппарат, подвешенный к стенам, формой напоминающий то ли колокол, то ли громадную пешку с окошками в головке. Прищурившись, Кейт разглядела кое-что еще. Эта штукавина... таяла. Срываясь, железные слезы накрывали тех, кому не повезло оказаться под колоколом, расплавленным одеялом смерти.

Все больше людей падали, но по комнате еще были рассеяны уцелевшие; некоторые выглядели растерянными, словно ожидая, когда и до них дойдет очередь в губительной лотерее, другие бежали – большей частью по углам, – а трое или четверо колотили в дверь.

Поглядев вниз, Кейт увидела собственное тело впервые с той поры, как очнулась. Кровь покрывала ее с головы до ног, – но чужая. Если не считать пульсаций в голове, она невредима. Нужно помочь этим людям. Опустившись на корточки, доктор Уорнер осмотрела человека у своих ног – вернее, то, что от него осталось. Вид такой, словно кровь у него вскипела, разрывая сосуды изнутри таким обширным кровоизлиянием, что кожа лопнула, и кровь хлынула из глаз и из-под ногтей.

Колокол изменился: свет вспыхнул снова – ярко, как никогда. Приставив ладонь козырьком ко лбу, чтобы защитить глаза, Кейт отвернулась и увидела перед собой Наоми – должно быть, пробирающуюся через трупы к двери. Кейт поползла к ней.

Удары теперь слились в непрерывный низкий гул, будто звон гонга, все не кончающийся и не кончающийся. Перенапряженная сталь?

Запрокинув голову Наоми, Кейт отвела волосы с ее лица. Мертва. Красивая. До лица кровь не добралась.

Тела копошились вокруг Кейт – живые. Сгрудились у двери, колотя в нее и вопя. Доктор Уорнер попыталась встать на ноги, но не могла; они все навалились на нее, размахивая руками в воздухе и толкаясь.

Взрыв оглушил Кейт и приплюснул толпу, припечатав половину людей к ней. Она силилась вздохнуть, но никак не могла. Тела раздавливали ее, покоясь на ней удушающим бременем. Она билась,

извивалась, толкая головой. Нет – сыплются обломки. А потом вода – целый потоп в комнате, и она вдруг освободилась, уносимая грандиозной приливной волной, хлынувшей через рушащиеся стены комнаты смерти.

Кейт резко передохнула. В груди засаднило, но со вздохом накатило безмерное облегчение. В этот момент у нее было лишь две мысли:

Я жива.

Должно быть, Дэвид меня спас.

Глава 60

Дориан Слоун жестом велел доктору Чангу надеть одну из пар наушников вертолета.

Под ними комплекс потряс очередной взрыв, заставивший вертолет содрогнуться и чуть увалиться в сторону.

Едва наушники коснулись ушей Чанга, как Дориан выпалил:

– Что, черт возьми, стряслось?

– Это Колокол, какая-то проблема.

– Диверсия?

– Нет... или, во всяком случае, я так не думаю. Все было нормально: энергия, радиационный выход... Но он... вышел из строя.

– Это невозможно!

– Послушайте, мы до сих пор не вполне понимаем, как он работает, а он, знаете ли, старый, ему свыше ста тысяч лет, а мы использовали его безостановочно примерно восемьдесят лет...

– Оставьте оправдания, доктор. Нужно, чтобы вы разобрались, что случилось...

Тут в разговор вклинился еще один голос.

– Сэр, тут вызов с комплекса. Начальник службы безопасности; говорит, это срочно.

Сорвав наушники, Дориан схватил спутниковый телефон.

– Что?

– Мистер Слоун, у нас еще проблема.

– Не зови меня так и говори, что у нас за проблема. Совершенно очевидно, что у нас проблемы. Выкладывай, что стряслось, и хватит отнимать у меня время.

– Само собой, извините...

– Что? Да говори же!

– Колокольный зал. Он взорвался. Мы думаем, радиация могла вырваться.

Мысли Дориана понеслись галопом. Если трупы – или хотя бы радиация – покинули Колокольный зал, «Протокол Тоба» все еще можно спасти. Надо только втюхать это тем, кто на земле.

– Сэр? – осторожно осведомился начальник службы безопасности.

– Я иницирую карантин согласно инструкциям, я только хотел подтверж...

– Нет. Никакого карантина не надо...

– Но мои приказы...

– Изменились. Как и ситуация. Нам нужно спасти своих людей, шеф. Я хочу, чтобы вы бросили все свои ресурсы на погрузку всех в поезд и вывоз с комплекса. Трупы тоже грузите. Их семьи заслуживают права достойно похоронить их.

– Но не последует ли вспышка...

– Пусть у тебя голова болит о людях на поездах. А уж об остальном позабочусь я. Есть факторы, насчет которых ты не в курсе. Звони, когда отправишь последний поезд. «Иммари» – это семья. Мы никого не бросаем. Ты меня понял?

– Да, сэр, мы не покинем ни одной живой души...

Дав отбой, Дориан снова надел наушники. И обернулся к Дмитрию Козлову – офицеру «Иммари Секьюрити», сидящему напротив.

– Чейз выбрался с бомбами и детьми?

– Да, они на пути к побережью.

– Хорошо. – Дориан на минутку задумался. Трупы из Колокола у них все-таки будут – это хорошие новости. Но взрывы на комплексе привлекут внимание. Если мир узнает, что было на этом месте... Пять тысяч лет трудов, тщательно оберегаемых секретов – все будет погублено, как и Иммари. – Запускайте беспилотники из Афганистана. Как только уйдет последний поезд, уничтожьте комплекс.

Глава 61

Дэвид почувствовал, как его поднимают и несут, будто тряпичную куклу. Вокруг был прямо район боевых действий: сирены надрывались, белая пыль сеялась с высоты, как снег, огонь изрыгал черный дым, слышались крики по-китайски. Он видел все это сквозь полуприкрытые веки, будто во сне.

Из громкоговорителя снова и снова записанный голос повторял:

– Авария активной зоны реактора. Эвакуация. Evacuate. Evacuer. Evakuieren... – Голос стих, и Дэвид ощутил на лице солнечный свет. Почувствовал тряску, когда несшие его пошли по неровной земле.

– Стойте! Дайте взглянуть, – склонился к его лицу мужчина. В белом халате. Блондин, лет около сорока. Британец. Защищнул лицо Дэвида, оттянул ему веки, осмотрел его с ног до головы, исследуя ранения. – Нет, не выживет. Положите его, – указал он на землю и провел ладонью поперек горла. – Вытаскивайте других. – Он ткнул пальцем в сторону здания.

Китайские рабочие бросили Вэйла, как мешок гнилой картошки, и побежали обратно к зданию.

С земли Дэвид смотрел, как врач подбегает к другой группе, держащей тело, вытасченное из завала. Мельком осмотрел его.

– Да, эта сдюжит, – махнул он рукой в сторону поезда, и рабочие пронесли женщину оставшиеся двадцать футов, зашвырнув ее в вагон, где их товарищи втащили ее внутрь.

Белый халат обернулся к очередной группе.

– Припасы? В поезд. Быстрее.

Поезд. Двадцать футов до свободы. Но Дэвид не мог даже пошевелиться.

Глава 62

Кейт подросла, когда пассажирский поезд уже тронулся. Бросилась следом за ним, чувствуя жжение в мышцах ног, и все прибавляла, пока не закружилась голова, а поезд был уже в половине футбольного поля впереди.

Остановившись, она наклонилась, опираясь ладонями о колени, тяжело дыша, пока ритмичное «чух-чух-чух» поезда утихало в

бескрайнем зеленом лесу.

Дети на этом поезде. Она знала это, как-то где-то чувствуя это, хоть и не могла понять, где и как. Они вне досягаемости. А она сама в беде по уши. Аппарат, это заведение... В этот момент она чувствовала себя потерпевшей полное поражение.

Кейт огляделась по сторонам. Другого поезда нет. Сюда поезд шел почти час сквозь густой лес. Пешком ей не выбраться, да и другая проблема более насущна: заметно похолодало. Требуется найти укрытие, но сколько можно будет прятаться, прежде чем охрана «Иммари» отыщет ее?

И тут же в голове тревожным огоньком вспыхнула другая мысль: Дэвид. Не будет ли он ее искать? Его взрывы порядком потрепали здания. Он, наверное, на том поезде в полной уверенности, что и она тоже. Может, он сейчас обыскивает каждый вагон, рассчитывая найти ее там сидящей вместе с детьми? Что он сделает, не найдя ее? Что сделает «Иммари», если сумеет захватить ее, она знает.

Кейт оглянулась на горящий комплекс «Иммари». Это ее единственный шанс.

Новый гудок поезда. Кейт резко обернулась, отыскивая взглядом источник звука. Где же он? Она завертела головой, отчаянно пытаясь определить направление. Должно быть, по ту сторону территории. Она бросилась бежать, чувствуя, как пылают легкие и от холода, и от воздействия Колокольного зала.

Кейт добежала до медицинского корпуса как раз в тот момент, когда поезд дал новый гудок. Пригнув голову, бросилась сквозь царящий в здании хаос. Задняя дверь корпуса вывела ее во двор, ведущий к электростанции, явно понесшей самый тяжелый ущерб, превратившись в дымящиеся, исковерканные развалины. Две огромных трубы в форме вазы рухнули полностью. Гудок раздался снова – по ту сторону здания. Кейт побежала, собрав все оставшиеся силы. На электростанции прогрехотал очередной взрыв, едва не сбивший ее с ног. Кое-как удержавшись, Кейт продолжила путь.

Огибая АЭС, она увидела товарный поезд на путях возле здания. Рабочие швыряли внутрь сквозь широкие откатывающиеся двери припасы и тела в поезд, медленно кативший мимо них, позволяя распределять груз по вагонам.

Вид бойни перед электростанцией навел Кейт на другую мысль: а что, если Дэвид не выбрался? Может, он еще внутри. Или на поезде. Она видела людей в товарных вагонах, склонившихся над телами. Дэвид может находиться среди них. Нужно обыскать поезд, пока он не ушел, потом электростанцию. Без Дэвида она не уедет.

Позади себя Кейт услышала знакомый голос. Британский доктор. Как там бишь, Барнаби Прендергаст? Она бросилась к нему.

– Барнаби, вы не видели... – Но тот сосредоточенно обследовал следующую жертву. Не обращая внимания на Кейт, он закричал на группу китайских охранников, стоявших неподалеку. Схватив его за лацканы перепачканного белого халата, Кейт развернула британца. – Барнаби, я ищу человека, охранника, блондина, лет тридцати...

– Ты! – Барнаби попытался отпрянуть, но доктор Уорнер держала его крепко. Едва окинув Кейт взглядом, увидев ее пропитанную кровью одежду при видимом отсутствии ранений, он попятился, пытаясь отцепиться от нее. – Это

ты

сделала! Помогите! – замахал он охранникам. – Эта женщина самозванка, террористка, это она это сделала, кто-нибудь, помогите мне!

Побросав свои занятия, все оглянулись. Несколько работников охраны направились к Кейт.

Отпустив Барнаби, женщина огляделась.

– Он лжет! Я не...

Но охранники все приближались. Надо убираться отсюда. Она обшаривала взглядом платформу в поисках какого-нибудь выхода, какого-нибудь...

И тогда увидела Дэвида – лежащего, не шевелясь, с закрытыми глазами, в неудобной позе на заваленной обломками платформе. Одинокого. Умирающего. Или мертвого?

Бросившись к нему, Кейт осмотрела его ранения. Огнестрельные. Два – в плечо и в ногу. Что с ним случилось? Ранения скверные, но куда больше Кейт встревожило другое – они почти перестали кровоточить. Ее морозом продрало по коже, в груди словно все оборвалось.

Надо уходить. Она закончила осмотр Дэвида. Одежда превратилась в лохмотья, ноги и туловище испещрили многочисленные ожоги и поверхностные ранения от осколков, но ни одного столь же серьезного, как пулевые. Нужно...

Кейт ощутила руку на своем плече – охранник, потом другой, за ним третий набросился на нее. Увидев Дэвида, она позабыла обо всем на свете. Схватив ее за руки, мужчины заставили Кейт встать. Барнаби у них за спинами указывал пальцем и науськивал на нее толпу:

– Я пытался ее остановить!

Кейт попробовала вырваться из хватки охранников, но те держали крепко. Рука Кейт оказалась у бока одного из них, рядом с пистолетом в кобуре. Кейт схватила его за рукоятку, но оружие не поддавалось. Снова вывернула его изо всех сил, что-то лопнуло, и пистолет оказался в ее руке. Но ее по-прежнему держали слишком крепко – все трое, навалившись, старались повалить ее на землю. Нацелив ствол в воздух, Кейт нажала на спусковой крючок. Пистолет едва не вылетел у нее из рук, зато все бросились врассыпную, а Барнаби дал стрекача, испуганно оглянувшись, после чего очертя голову рванул прочь.

Держа пистолет перед собой на вытянутой руке, Кейт размахивала им направо и налево, а охрана и рабочие, подняв руки, пятились от нее. Правая рука у Кейт отчаянно тряслась, так что ей пришлось придержать запястье левой. Оглянувшись, Кейт увидела лишь хвост поезда. Последние люди на платформе бегом устремились в последние три вагона, еще тянущиеся вдоль платформы.

– Положите его в поезд! – скомандовала она охранникам. Те лишь продолжали пятиться. Кейт указала пистолетом на Дэвида, потом на поезд. – Туда. Живо!

И попятилась от Вэйла, давая им подойти. Те, подхватив тело, поднесли его к вагону и положили у самого края. Продолжая целить в них из пистолета, Кейт бочком подобралась к груде медикаментов, разбросанных по земле – наверняка брошенных перепуганными рабочими. Что требуется первым делом? Антибиотики. Что-нибудь для очистки ран и перевязки. Спасти его вряд ли удастся, но попытаться следует – хотя бы ради себя самой.

Здание всколыхнул очередной взрыв, вслед за которым в рациях охранников сразу же послышалась сердитая китайская брань. Решив, что в свете происходящего у них хватает более важных забот, чем

пытаться обуздать чокнутую дамочку, ворующую медикаменты, они ретировались, и вдруг Кейт обнаружила, что осталась совершенно одна.

Позади нее поезд пошел быстрее, покидая платформу. Кейт хотела было сунуть пистолет за пояс, но, опомнившись, посмотрела на него. А он на предохранителе? Курок взведен. Эдак она отстрелит собственную ногу. Осторожно положив оружие на землю, Кейт нагребла в охапку столько медикаментов и перевязочных материалов, сколько могла унести, и бросилась за поездом. Пара коробок упала на землю, но Кейт даже не сбавила шага, едва поспевая за поездом. Забросила припасы внутрь; часть, ударившись о порог вагона, отлетела обратно. Ухватившись за рукоятку двери, доктор Уорнер прыгнула, приземлившись на живот с болтающимися в воздухе ногами. Подтянувшись, забралась в вагон и проводила взглядом сперва платформу, а там и электростанцию.

Затем подползла к Дэvidу.

– Дэвид? Ты меня слышишь? Ты поправишься.

И принялась сортировать жалкую кучку наугад схваченных медикаментов.

Глава 63

Дэвид в ужасе обернулся, когда здание рухнуло, накрывая его волной пыли и обломков бетона вперемешку с металлом. Почувствовал, как крошево решетит его, впивается в раны. Вдохнул пыль и сажу, слыша вопли – одни ближе, другие дальше. И замер в ожидании. Не ведая, сколько времени прошло. Но потом наконец пришли люди, вытащившие его из-под обломков.

– Мы с тобой. Не пытайся шевелиться, приятель.

Пожарные Нью-Йорка. Они растаскивали завалы и копали вокруг него. Вызвали носилки, пристегнули его к ним и понесли по неровному грунту. Солнечный свет омыл его лицо.

Приподняв его веки, доктор посветил в них фонариком, а потом чем-то обвязал ему на ногу.

– Вы меня слышите? – Он еще повозился с ногой, потом вернулся к лицу Дэвида. – Нога у вас раздроблена, а на спине длинная рваная рана, но вы поправитесь. Вы меня поняли?

Кейт перевязала раны на ноге и плече Дэвида, хотя проку от этого было чуть – крови осталось настолько мало, что и останавливать-то нечего. Он уже начал остывать.

Она твердила себе, что дело всего лишь в холодном ветре, врывающимся сквозь дверь вагона. Поезд уже набрал ход и шел куда быстрее, чем сюда. Солнце опускалось за горизонт, и температура падала. Встав, Кейт попыталась задвинуть откатывающуюся дверь, но на такой скорости просто не смогла.

Без сил опустившись на пол, она взяла Дэвида за руку и потащила в угол, как можно дальше от двери. Впрыснула ему антибиотики, а затем очистила и перевязала раны как можно тщательнее. Больше ничего не поделаешь. Откинувшись к стене, Кейт подтянула Дэвида себе на колени и обхватила его ногами, чтобы хоть как-нибудь согреть. Его голова недвижно покоилась у нее на животе, и Кейт гладила пальцами его короткие волосы. Дэвид все больше остывал.

Глава 64

За окнами вертолета солнце садилось за Тибетское нагорье. Дориан пытался взглядом отыскать комплекс в просторах зеленых лесов. Теперь виднелся лишь одинокий столб серого дыма, словно костер в девственной чаще.

– Последний поезд отошел, – доложил Дмитрий.

– А беспилотники? – Слоун не отрывал глаз от столба дыма за иллюминатором.

– В тридцати минутах. – Не услышав от Дориана ни слова в ответ, Дмитрий поинтересовался: – Теперь что?

– Остановить поезда. Составить поголовные списки, включая и трупы. Позаботься, чтобы наши люди были в полном защитном обмундировании.

Глава 65

Кейт смотрела в черную ночь. Тоненький серпик луны играл бледными бликами на верхушках деревьев, проносящихся мимо.

Вернее, пронесившихся. Поезд сбавил ход. Но снаружи по-прежнему не было ничего, кроме деревьев.

Спустив голову Дэвида с коленей, Кейт подошла к двери. Опершись на притолоку, посмотрела по ходу поезда, потом назад. Они в последнем вагоне, а на рельсах позади них – пустота. Кейт повернулась, чтобы вернуться на место, и тут сквозь противоположную дверь увидела другой поезд, недвижно застывший без единого огонька, почти невидимый в ночи. И кое-что еще – темные силуэты на крышах вагонов. Чего они ждут?

Поезд остановился, и почти в ту же секунду послышался грохот подошв, приземлившихся на крышу вагона. Кейт отстранилась в сумрак вагона в тот самый миг, когда в дверь влетели солдаты, будто гимнасты, совершающие переворот на перекладине. Они быстро распределились по вагону, светя фонарями ей в лицо и во все уголки. Протянули трос навесной переправы между поездами и подергали его, проверяя надежность.

Один из них, схватив Кейт, пристегнул ее к тросу и толкнул из двери к другому поезду. Кейт оглянулась. А Дэвид?! Но его тоже подхватили; другой солдат прямо позади нее держал раненого у груди одной рукой, будто спящего ребенка.

Солдат, захвативший Кейт, отвел ее в вагон-ресторан и втолкнул в кабинку, бросив по-английски с китайским акцентом:

– Ждать здесь, – прежде чем удалиться.

Второй внес Дэвида и пристроил его на кушетке. Кейт бросилась ему. Хуже не стало, но что с того? Долго он не протянет.

Женщина бросилась к двери, которую солдат уже закрывал за собой. Ухватившись за дверь, остановила его.

– Эй, нам нужна помощь!

Он уставился на нее, потом снова стал закрывать дверь.

– Стойте! Нам нужен госпиталь. Медикаменты. Кровь. – Он, что, не понял ни слова из того, что она сказала? – Аптечка, – в отчаянии добавила она, пытаясь хоть как-то достучаться до его сознания.

Упершись ладонью ей в грудь, солдат оттолкнул Кейт обратно в вагон и захлопнул дверь.

Доктор Уорнер направилась обратно к Дэвиду. Обе пули – и в плечо, и в ногу – прошли навывлет. Кейт тщательно перевязала обе

раны. Надо бы очистить их получше, но инфекция на данный момент представляет отнюдь не самую большую опасность для его жизни. Ему нужна кровь – и немедленно. Кейт могла бы дать ему свою – у нее первая отрицательная, она универсальный донор

[14]

. Если бы... если бы удалось как-то влить ее Дэвиду в жилы...

Поезд дернулся, сбив Кейт с ног. Они тронулись. Женщина снова поднялась на ноги, пока поезд дергался вперед, пыхтя и шипя сжатым воздухом и набирая ход. Товарный поезд, на котором они прибыли, из окна виден не был. Теперь их увозят в противоположном направлении. Кто же эти люди? Кейт выбросила этот вопрос из головы. Сейчас для нее важно лишь одно: спасти Дэвида.

Она огляделась по сторонам. Может, удастся чем-нибудь воспользоваться. В длину вагон-ресторан футов сорок, по большей части разбит на кабинки, но в дальнем конце есть небольшой бар с автоматом с безалкогольными напитками, бокалами и алкоголем. Может, взять соломинки...

Дверь снова распахнулась, и в нее шаткой походкой протиснулся другой солдат, старательно удерживая равновесие в разгоняющемся поезде. И поставил на пол оливковый чемоданчик с намалеванным на боку красным крестом.

Кейт бросилась к нему.

Солдат же поспешно ретировался, и когда Кейт добралась до аптечки, уже захлопнул дверь. Открыв чемоданчик, она начала лихорадочно перебирать содержимое. И увидев его, испытала громадное облегчение.

Пятнадцать минут спустя трубка тянулась от руки Кейт к руке Дэвида. Она работала кулаком, кровь бежала. Как же она проголодалась... И хочется спать. Но она наконец-то что-то смогла сделать для него, и эта мысль согревала ее.

Глава 66

Кейт пробудил благовест, вливающийся через большое витражное окно над альковом, приютившим ее небольшую односпальную

кровать. Прохладный, свежий, чистый горный ветер колыхал белые полотняные занавеси над кроватью, почти касавшиеся ее лица.

Кейт протянула руку, чтобы коснуться ткани, но тут же отдернула ее от боли. В сгибе локтя виднелся чудовищный кровоподтек. Черные и темно-лиловые пятна расплзлись по предплечью и плечу почти до середины бицепса.

Дэвид!

Она оглядела комнату – наверное, какой-то класс. Комната длинная и широкая, с деревянным дощатым полом, белыми оштукатуренными стенами и деревянными балками через каждые десять футов.

Кейт почти не помнила, как покидала поезд. Это произошло уже поздно ночью. Ее несли по нескончаемым лестницам в какую-то горную крепость. Теперь она вспомнила... то ли храм, то ли монастырь.

Хотела было выбраться из постели, но что-то спугнуло ее – какое-то движение в комнате, поднимающийся с пола силуэт. Человек сидел настолько неподвижно, что прежде Кейт его не заметила. Он подошел ближе, и Кейт увидела, что это молодой парень, совсем подросток. И с виду почти как юный далай-лама – бритоголовый, одетый в толстую малиновую рясу, скрепленную застежкой на одном плече и достигающую почти до его кожаных сандалий.

– Доброе утро, доктор Уорнер! – улыбнувшись ей, с энтузиазмом проговорил он.

Кейт спустила ноги на пол.

– Извини, ты меня напугал. – Голова у нее кружилась.

Он отвесил поясной поклон, опустив одну руку к земле.

– Я не намеревался тревожить мадам. Я Мил

о

, к вашим услугам, – он выговаривал каждое слово очень старательно.

– Э-э, спасибо, – она потерла лоб, пытаясь сосредоточиться. – Со мной был мужчина.

– Ах да, мистер Рид.

Рид?

– Я могу отвести вас к нему, – подойдя к столу у кровати, Мило подхватил обеими руками большую керамическую миску и снова направился к Кейт, протягивая миску. – Но сперва завтрак! – При этих словах он приподнял брови.

Кейт протянула руку, чтобы оттолкнуть миску, но вставая, почувствовала такую слабость, что плюхнулась обратно на кровать, на минутку потеряв ориентацию.

– Завтрак сделает доктору Уорнер хорошо. – Мило с улыбкой протянул миску снова.

Наклонившись ближе, Кейт учуяла аромат каши и, неохотно взяв ложку, попробовала. Пальчики оближешь. А может, просто изголодалась, а пайки были совсем несъедобны? Прикончив миску за считанные секунды, Кейт утерла рот тыльной стороной ладони. Мило вернул посуду на стол и протянул ей толстую ткань вместо салфетки. Смущенно улыбнувшись, Кейт промокнула губы.

– А теперь я хотела бы видеть...

– Мистера Рида. Конечно. Прошу сюда. – Мило повел ее из комнаты по длинной крытой галерее, связывающей несколько строений.

Вид с нее открывался такой, что просто дух захватывало. Перед ними раскинулось зеленое плоскогорье, протянувшееся до самого горизонта, изредка перемежаемое горными грядами, увенчанными снегом. Ниже на плоскогорье виднелись несколько деревушек с вьющимся над трубами дымком. Вдали на склонах других гор что-то пестрело – другие монастыри, построенные прямо на крутых склонах, взбирающихся к вечным снегам.

Кейт с трудом подавила желание остановиться, чтобы полюбоваться пейзажем. Мило придержал шаг, чтобы она сумела нагнать его.

Они свернули за очередной угол. Внизу показался большой квадратный дощатый помост с видом на доли и горы. Человек двадцать-тридцать, все с бритыми головами, облаченные в малиновые рясы, сидели скрестив ноги, совершенно недвижно, устремив взоры вдаль.

– Утренняя медитация, – обернулся Мило к Кейт. – Не хотите ли присоединиться?

– Мм, не сегодня, – пробормотала она, неохотно отводя взгляд от этого зрелища.

Мило ввел ее в другую комнату, где Кейт увидела Дэвида, лежащего на постели в алькове наподобие того, в котором сегодня очнулась она. Бросившись к нему, доктор Уорнер опустилась рядом с кроватью на колени и быстро осмотрела его. Дэвид был в сознании, но оставался совершенно индифферентен. Нужны еще антибиотики, и немало, чтобы он справился с инфекцией. Если ее не подавить, она прикончит его наверняка. Необходимо продезинфицировать пулевые ранения и как следует перевязать их, и чем скорее, тем лучше.

Впрочем, все по порядку. Антибиотики она оставила в поезде. «Оставила», когда была похищена. Или спасена? Пока что слишком много загадок.

– Мило, мне нужны какие-нибудь медикаменты, антибиотики...

Юноша указал ей на точно такой же стол, как накрытый в ее комнате для завтрака.

– Мы так и предполагали, доктор Уорнер. Я подготовил ряд лечебных средств для вашего употребления.

Он взмахнул рукой над несколькими кучками перепачканных землей корешков, горкой оранжевого порошка и гроздью грибов. И с улыбкой вытянул шею, будто говоря:

Просто великолепно, а?

– Мил

о

, – Кейт уперла руки в бока, – это... э-э... очень мило, спасибо, но я э-э... боюсь, состояние его крайне серьезно... э-э, требуются какие-нибудь меди...

Мило ступил назад, расплывшись в ухмылке, как Чеширский Кот, указывая на нее пальцем.

– А-а-а, я хорошо вас поймал, доктор Уорнер! – Он распахнул дверцы высокого, от пола до потолка деревянного шкафа, продемонстрировав уйму современных лекарств и медицинских принадлежностей.

Кейт бросилась к шкафу, осматривая полку за полкой. Есть всего понемножку – антибиотики, обезболивающее, противогрибковые средства, перевязочные материалы. С чего начать? Тряхнув головой, Кейт тепло улыбнулась юноше, перебирая упаковки антибиотиков.

– Да, ты хорошо меня поймал, Мило. – Она прочла несколько этикеток. Определенно выпущены в Европе, а может, в Канаде. Некоторые просрочены, но есть и вполне пригодные для использования. – Твой английский превосходен. Где ты ему учился?

– По Розеттскому камню

[15]

.

Кейт поглядела на него со скепсисом.

Улыбка Мило погасла, сменившись серьезным выражением. Он устремил взгляд на долину за окном.

– Его нашли в пещере у подножия этой горы. Тридцать дней и тридцать ночей сотня монахов разбирала камни, пока не остался лишь узкий проход. Внутрь послали меня – я был единственный, кто мог пролезть. Там, глубоко в пещере, желтый свет озарял каменный стол, и там я нашел эту табличку. Я вынес ее оттуда и в ту же ночь заслужил свои одеяния. – Закончив рассказ, он глубоко вздохнул.

Кейт застыла с антибиотиками в руках, не зная, что сказать.

Мило прыжком обернулся к ней, указывая не нее пальцем.

– А-а-а, я опять вас поймал, доктор Уорнер! – Он запрокинул голову, всем телом сотрясаясь от хохота.

Покачав головой, Кейт вернулась к постели Дэвида.

– Что ж, ты весьма полон собой, не так ли? – Она вскрыла пузырек с антибиотиками.

– Мило полон жизни, доктор Уорнер, и я счастлив развлекать гостей.

Гостей? Мило совершенно недвусмысленно рассматривает это как возможность завести нового друга. Кейт улыбнулась ему:

– Зови меня Кейт.

– Да, конечно буду, доктор Кейт.

– Так в самом деле, как ты выучил здесь английский?

– По Розеттскому камню...

Кейт бросила не него лукавый взгляд, но юноша просто кивнул.

– Это правда. Я получил его по почте от анонимного благодетеля – очень, очень таинственного. И очень удачно для Мило. У нас не слишком много посетителей. И когда они спрашивают, вы говорите по-английски, это должен быть Мило, больше никто не говорит по-английски, не так хорошо, как Мило. Я учился для забавы, но поглядите на мою удачу!

Взяв со стола чашку с водой, Кейт помогла Дэвиду проглотить несколько таблеток антибиотика. Она выбрала препарат широкого спектра действия в надежде, что тот сделает свое дело. В идеале надо бы дать антибиотики через капельницу в больничной обстановке. Заодно прибавила большую таблетку обезболивающего. Когда он очнется от горячки, боль будет невыносимой, и Кейт хотелось опередить ее.

Что дальше? И тут вдруг до нее дошло. «Розеттский камень»!

– Мило, у вас есть компьютер?

– Конечно; так мы вас и нашли, – он по-заговорщицки приподнял брови. – Криптографическое электронное письмо.

– Электронное письмо? – подскочила Кейт. – Я могу воспользоваться?..

– Нет, сожалею, доктор Кейт, – поклонился Мило. – Цянь хочет видеть вас. Он говорит, сразу, как вы дадите лекарство мистеру Риду, я должен привести вас к нему. Он очень серьезный человек, не веселый, как Мило. Он говорит, у него есть что-то для вас.

Глава 67

Главный актовый зал

Штаб-квартира «Индо-Иммари»

Нью-Дели, Индия

Ропот бесед смолк, и двести пар глаз собравшихся в зале сфокусировались на нем в ожидании объяснения причин, по которым их вытащили из постелей в шесть утра. Выйдя на середину сцены, Дориан оглядел толпу. Большинство – работники «Иммари Секьюрити». Пара дюжин человек из прочих «дочек» «Иммари»: «Иммари Рисеч», «Иммари Лоджистикс», «Иммари Коммьюникейшнз» и «Иммари Кэпитал». Все они будут играть в

предстоящей операции свою роль. А еще оперативники «Часовой башни».

Начальник отделения Нью-Дели божился, что устранил всех, кто может причинить неприятности. «Иммари Секьюрити» помогла с чисткой, но в КПЗ еще сидит горстка аналитиков и полевых сотрудников – в ожидании «итоговой аттестации». До сей поры подробности «Протокола Тоба» и детали того, что предстоит сделать, знали только начальник отделения и подразделение Дориана в «Иммари Секьюрити». Слоуну требовалось, чтобы все так и оставалось, но, с другой стороны, он нуждался в помощи, уйме помощи – от каждого присутствующего. Отсюда и необходимость произнести речь, склонить их на свою сторону – к чему Дориан как-то не привык. Он отдает приказы и ждет их исполнения. Он не просит; он говорит, а его подчиненные вопросов не задают. Но эти люди будут – они привыкли к анализу и независимому мышлению. А на это нет времени.

– Вы гадаете, зачем вас собрали здесь в этот час, в зале, где так много новых лиц, – начал Дориан. – Если вы стоите в этом зале – значит, вы избранный.

Избранный

в члены оперативной группы, весьма специфической рабочей группы – элитной команды, на которую корпорация «Иммари» и все предшествовавшие ей организации возлагают свои надежды. То, что я собираюсь вам поведать, не должно покинуть этих стен. Вы унесете все, что я скажу здесь сегодня, в могилу. Кое-чему из этого будет трудно поверить. А кое-что из того, что вас попросят сделать, будет даже труднее, поскольку сути вам пока не постичь. Должен вам сказать, что не могу дать вам все ответы. Я не могу избавить вас от угрызений совести, во всяком случае прямо сейчас. Когда все будет позади, сделанное сразу обретет смысл. Вы будете знать, какую ключевую роль сыграли в истории, узнают и другие. Но вы заслуживаете

некоторых

ответов, некоторых оснований для ужасных вещей, которых вас попросят сделать.

Замолчав, Дориан прошелся по сцене, озирая лица.

– Вот что я могу вам сказать. Корпорация «Иммари» – наследница, современная инкарнация людского племени, покинувшего эти края – мы полагаем, где-то в Индии, Пакистане, а может, даже Тибете – около двенадцати тысяч лет назад, вскоре после последнего ледникового периода, когда воды потопа подняли уровень моря на сотни футов, уничтожая прибрежные поселения всего мира. У этой группы была одна цель: раскрыть истинное происхождение и историю рода людского. Это были люди великой веры, и мы считаем, что они создали религию в своем стремлении отыскать ответы. Но с ходом времени и прогресса человечества возник новый способ исследований – наука. Она-то и остается ядром нашей работы по сегодняшний день. Некоторые из вас видели небольшие кусочки этого грандиозного предприятия – археологические раскопки, научно-исследовательские проекты, генетические эксперименты. Это наша великая работа. Но то, что мы обнаружили, мы даже вообразить не могли.

Я исчерпал то, что могу поведать вам, но вы должны знать следующее: много лет назад мы обнаружили явную и непосредственную угрозу роду человеческому. Опасность, превосходящую всякое вероятие. Нам почти сто лет было известно, что придет день, когда нам придется дать сражение этому врагу. И этот день настал. Каждый из вас – солдат воинства, которое остановит надвигающийся апокалипсис. В ближайшие два дня и последующие за ними будет трудно. Я говорю вовсе не о перестрелках местного значения где-нибудь в захолустной стране. Грядет битва за весь род людской, за само наше право на выживание. У нас одна цель – выживание человечества.

Дориан отступил в центр сцены, давая аудитории возможность усвоить услышанное. Не обошлось без недоуменных взглядов, но возникла и солидарность, головы закивали.

– Вам на ум приходят вопросы. Почему мы не можем заявить об этом публично? Почему бы не заручиться помощью правительств всей планеты? Хотелось бы мне иметь такую возможность, честное слово. Это сняло бы бремя с моей совести по поводу того, что надлежит сделать. На самом же деле ваша собственная совесть – еще один враг, с которым вам предстоит сражаться в ближайшие дни. А ведь обращение к общественности избавило бы и от другого бремени –

пресловутой тяжести мира на наших плечах, дав понимание, что мы не последний рубеж обороны, что помощь на подходе, что с неприятелем бьемся не мы одни, что у нас есть право потерпеть поражение. Но у нас нет права на поражение, в точности так же, как мы не можем обнародовать подробности этой угрозы. По той же причине я не могу открыть вам подробности, не могу объяснить, почему не могу просто сидеть здесь, и оправдать всё до последнего, что собираюсь попросить вас сделать, как бы мне этого ни хотелось. Если же мы предадим это гласности, результатом станет массовая паника, истерия, распад общества в то самое время, когда целостность требуется нам, как никогда.

На этой планете семь миллиардов человек. Вообразите, что было бы, узнай они, что мы стоим перед лицом вымирания. Наша цель – спасти как можно больше жизней. Их будет немного, но если мы все сыграем свою роль, то сможем гарантировать выживание человечества. Такова ставка. И мы не просто стоим перед лицом грандиозной опасности. Есть и другие, более мелкие препоны – правительства, СМИ, разведывательные агентства. Нам их не одолеть, но мы в состоянии сдерживать их достаточно долго, чтобы наш план заработал. И именно к этому мы и должны приступить сию же секунду. Пакеты, раздаваемые моими людьми, – ваши назначения: подгруппы, обязанности, ваши командировочные предписания. Меры радикальные, но и наша ситуация тоже.

Дориан расправил грудь.

– Я солдат. Я рожден для этого. Я посвятил этому делу всю свою жизнь. Мой отец отдал жизнь за это дело.

Наше

дело. Но я знаю, что вы не солдаты. Вы пришли по найму. Однако я не прошу вас делать то, на что вы не способны. Это было бы жестоко, а я вовсе не жестокий человек. «Иммари» – не жестокая организация. Если вы в любой момент сочтете, что не в состоянии участвовать в дальнейшей операции, то можете просто уведомить одного из сотрудников «Иммари Секьюрити» в моем личном подразделении. В этом нет ничего постыдного. Мы все – звенья цепи. Если одно звено разорвется, разлетится вся цепь, и тогда катастрофа неизбежна. А ведь все затевается как раз ради предотвращения

катастрофы, как бы это ни выглядело со стороны. Благодарю вас и желаю вам удачи.

– Отличная речь, босс, – поздравил сотрудник «Иммари Секьюрити» Дориана, покидающего сцену.

– Нечего меня опекать. Твое дело зорко приглядывать за этими людьми. Любой из них может сорвать всю операцию. Что там у нас с основной оперативной группой?

– Собираются в штаб-квартире отделения «Часовой башни».

– Хорошо. Дай каждому тридцать минут на сбор своих разведанных, затем созывайте группу. Что у нас с поездами?

– Реестр живых и мертвых будет в течение часа.

– Подгони. Он нужен мне к собранию.

Глава 68

Тибетский автономный район

Мило перенес фонарь за спину, осветив каменные ступени.

– Уже недалеко, доктор Кейт.

Они спускались по каменной спиральной лестнице, казалось, уже целый час. Женщине пришло в голову, что они уже где-то в сердце горы или на милю ниже монастыря. Мило скакал вниз по ступенькам, размахивая фонарем, как сорванец мешочком сладостей в вечер Хэллоуина, не уставая, ни разу не приостановившись для отдыха. Мышцы ног Кейт уже пылали. Она еще не восстановилась после вчерашних нагрузок и с ужасом думала о возвращении вверх по этой лестнице.

Мило впереди остановился снова, поджидая ее, но на сей раз он стоял на ровной поверхности – большой круглой площадке у основания лестницы. Наконец-то! Отступив назад, он поднял фонарь повыше, осветив деревянную дверь в форме надгробного камня с закругленным верхом.

Кейт остановилась на секундочку, решив, что он снова ее поджидает.

– Пожалуйста, входите, доктор Кейт. Он вас ждет.

Кивнув, доктор Уорнер открыла дверь, за которой обнаружилась тесная круглая комнатка. Стены покрывали карты и полки со

стеклянными бутылками, статуэтками и металлическими поделками. Вид у комнаты был... средневековый, будто древняя лаборатория в башне замка, где мог бы работать какой-нибудь Мерлин. И чародей в комнате находился – во всяком случае по виду. За ветхим деревянным столом, читая, сидел старик. Он медленно повернул голову, словно у него болела шея. Азиат, лишившийся волос в незапамятные времена, а такого количества морщин на одном лице Кейт не видела еще ни разу в жизни. Ему запросто может быть больше ста лет от роду.

– Доктор Уорнер. – Голос его прошелестел, как шепот. Встав, он заковылял к Кейт, тяжело опираясь на свой деревянный посох.

– Мистер...

– Здесь нет мистеров, доктор Уорнер. – Старик помолчал. Задача ходить и говорить одновременно была почти непосильна для него. Он спокойно смотрел в каменный пол, ожидая, когда удастся отдышаться. – Зовите меня Цянем. У меня есть нечто для вас. Я семьдесят пять лет ждал, чтобы отдать это вам. Но сперва я должен показать вам нечто. Вы можете помочь мне с дверью? – указал он на деревянную дверцу не более четырех футов в высоту, которую Кейт прежде не заметила.

Открыв ее, доктор Уорнер с облегчением увидела, что коридор за ней куда выше, чем дверной проем. И ждала у двери, пока Цянь проследует мимо нее, останавливаясь каждые пару футов. Сколько же времени уйдет, прежде чем он доведет ее до места?

Выглянув в коридор, Кейт не без удивления обнаружила, что он освещен современными светильниками – короткий, не более пятнадцати футов в длину, упирающийся в каменную стену. Цяню потребовалось несколько минут, чтобы добраться до двери, где он указал на кнопку на стене.

Кейт нажала на кнопку, и каменная стена начала подниматься. Женщина почувствовала, как по ногам в ту сторону потянуло сквозняком. Должно быть, помещение было плотно запечатано.

Она вслед за Цянем вступила в комнату, оказавшуюся удивительно просторной – примерно сорок на сорок футов – и совершенно пустой, не считая большого квадратного ковра в центре пола. В ковре футов тридцать, никак не менее. Поглядев на потолок, Кейт увидела тонкий ажурный полог, накрывающий всю площадь комнаты. Над пологом виднелся еще один такой же, над ним еще – и так далее, сколько видел глаз, будто слои противомоскитной сетки,

уходящие к вершине горы. Способ поглощения влаги? Возможно. Но тут Кейт разглядела кое-что еще – крохотные комочки земли и камешки, пойманные тканью.

– Мы защищаем здесь это сокровище, – кивком указал Цянь на ковер. – Наше наследие. Мы заплатили за него дорогой ценой. – Откашлявшись, он продолжил медленно вещать: – Когда я был юн, в мою деревню пришли люди. На них были военные мундиры. В то время я этого не знал, но это была нацистская форма. Эти люди искали группу монахов, живших в горах за моей деревней. Никто не хотел говорить об этих монахах. Я был глуп и невежественен. Эти люди заплатили мне и некоторым другим отрокам за то, чтобы мы отвели их туда. Монахи не испугались этих людей, хотя должны были. Эти люди, в нашей деревне представлявшие добрыми, в горах обернулись беспощадными. Они обыскивали монастырь, пытали монахов и в конце концов подожгли гору.

Цянь снова помолчал, чтобы перевести дух.

– Мои друзья погибли, и солдаты обшаривали монастырь, разыскивая меня. А затем разыскали. Один из солдат поднял меня на руки и понес через монастырь в тоннель. Там ждали три монаха. Тот человек сказал им, что я единственный выживший. Он дал мне дневник и сказал, чтобы я оберегал его, пока не придет время. Те три монаха ушли в ту ночь только со мной, в чем были, унося сей гобелен. – Цянь опустил взгляд на грандиозное произведение искусства – какой-то библейский сюжет с богами, героями, чудовищами, небесами, светом, кровью, огнем и водой.

Кейт стояла молча, гадая, какое все это имеет к ней отношение и борясь с желанием сказать: «Выглядит прекрасно, а теперь можно воспользоваться вашим компьютером?»

– И теперь вы гадаете, какое это имеет к вам отношение.

Залившись краской, Кейт дернула головой к плечу.

– Нет, то есть он красивый... – Она отнюдь не кривила душой. Яркостью и живостью цветов гобелен ничуть не уступал фрескам католических церквей, а переплетение нитей придавало изображению объем. – Но человек, с которым я прибыла сюда, – мы с ним в опасности.

– Не только вы с Эндрю.

Прежде чем Кейт успела раскрыть рот, Цянь продолжил неожиданно сильным и звучным голосом:

– Ваш враг – та же самая группа, которая сожгла тот монастырь семьдесят пять лет назад, и та же, что весьма скоро выпустит на свободу немыслимое зло. Это то, что запечатлел гобелен. Чтобы остановить их, нужно понимать это и располагать дневником. Я семьдесят пять лет цеплялся за жизнь, выжидая, уповая, что приспееет день, когда я исполню предначертанное. И вчера, узнав о случившемся в Китае, я понял, что он настал.

Пошарив в рясе, Цянь протянул Кейт хрупкую руку с небольшой книжкой в кожаном переплете.

– Что ты видишь, дитя мое? – указал он на гобелен.

Кейт взгляделась в красочные образы. Ангелы, боги, огонь, вода, кровь, свет, солнце.

– Какое-то религиозное изображение?

– Религия – наша отчаянная попытка постичь собственный мир. И собственное прошлое. Мы живем во тьме, окруженные тайнами. Откуда мы пришли? Каково наше предназначение? Что будет с нами после смерти? Религия также дает нам нечто большее – нравственный кодекс, представления о том, что хорошо и что плохо, руководство по добропорядочности. Как и любое другое орудие, она может быть использована не по назначению. Но сей документ был создан задолго до того, как человек отыскивал утешение в своих религиях.

– Как?

– Мы полагаем, что он создан по изустным преданиям.

– Легендам?

– Возможно. Но мы считаем, что это документ, запечатлевший и историю, и пророчество. Образ событий до пробуждения человека и грядущих трагедий. Мы зовем его эпосом четырех потоков. – Цянь указал на левый верхний угол гобелена.

Взглянув в указанном его пальцем направлении, Кейт увидела нагих животных – не людей – в редколесье или африканской саванне, бегущих, спасаясь от тьмы, нисходящей с небес – пелены пепла, душающего их и убивающего растительную жизнь. Чуть пониже они уже в голой, мертвой пустыне. А потом появляется свет, ведущий их оттуда, и предстатель глаголет дикарям, вручая им чашу, полную крови.

Цянь откашлялся.

– Первая сцена изображает Огненный Потоп. Наводнение, почти погубившее мир, почти похоронившее человека под пеплом и отнявшее у мира все пропитание.

– Миф о Творении, – шепнула Кейт. Все важнейшие религии в том или ином виде повествуют миф о Творении – историю о том, как Бог создал человека по собственному образу и подобию.

– Сие не есть миф. Сие есть исторический документ, – мягким увещающим тоном, будто наставник или родитель, поведал Цянь. – Заметьте, что люди существовали уже до Огненного Потопа, живя в лесу, как звери. Потоп погубил бы их, но спаситель их оградил. Но он не может всегда быть рядом, чтобы спасти их. И он дает им величайший дар из всех – собственную кровь. Дар, который уберезет их.

В голове у Кейт пронеслось: катастрофическое извержение Тоба и Большой Скачок Вперед. Кровь. Генетическая мутация – изменение связей в мозгу, давшая человечеству эволюционное преимущество, которое позволило ему не дрогнуть перед морем пепла, выброшенного супервулканом Тоба семьдесят тысяч лет назад. Огненный Потоп. Может, это он и есть?

Кейт переместила взгляд ниже по гобелену. Следующая сцена выглядела странно. Люди из леса будто преобразились в ниндзя или духов. Облачились в одежды и начали избиение животных. Сцена стала кровавой, ужасы нарастали с каждым дюймом гобелена. Рабство, убийства, войны...

– Сей дар сделал человека умным и сильным, уберез его от вымирания, однако человек заплатил за него огромную цену. Впервые он узрел мир таким, каков тот есть, и узрел окружающие его опасности – исходящие от зверей лесных и от собратьев-людей. Будучи зверем, он жил в блаженном неведении, повинаясь инстинктам, думая только когда приходилось, никогда не видел себя в истинном свете, не тревожился о своей нравственности, никогда не пытался обмануть смерть. Но теперь им стали править его мысли и страхи. Он впервые постиг зло. Ваш Сигизмунд Фрейд очень близко подошел к описанию этих концепций со своим идом и эго. Человек преобразился в доктора Джекила и мистера Хайда. Он сражался со своим животным рассудком, своими инстинктами зверя. Страсть, ярость – как бы сильно

мы ни эволюционировали, избавиться от этих инстинктов, нашего животного наследия нам не дано. Мы можем лишь уповать обуздать зверя в себе. А еще человек воцелился постичь собственный пробудившийся рассудок с его страхами, мечтами и вопросами о том, откуда он пришел или каково его предназначение. А более всего он мечтал обмануть смерть. Он строил селения на берегу и вершил несметные злодеяния, дабы заручиться безопасностью, и искал бессмертия в своих деяниях или через посредство какой-нибудь магии или алхимии. Побережье – естественное место для человека; так мы пережили Огненный Потоп. Когда земля была опалена, нашим источником пропитания стала морская живность. Но правление человека оказалось недолговечным.

Кейт оглядела нижний левый угол гобелена: грандиозная стена воды чуть позади колесницы на море, которая вывезла приносящего чашу спасителя из огненного потопа.

– Спаситель возвращается и говорит своим народам, что грядет великое наводнение, и велит подготовиться.

– Что-то знакомое, – заметила Кейт.

– Да. Миф о потопе есть в каждой религии, древней и юной, по всему свету. И потоп – это факт. Около двенадцати тысяч лет назад окончился последний ледниковый период. Ледники таяли. Ось планеты сместилась. Уровень моря поднялся почти на четыреста футов за все это время, порой повышаясь постепенно, а порой вздымаясь разрушительными волнами и цунами.

Кейт изучала образы – города, поглощаемые волнами, тонущие толпы людей, правители и богатеи, стоящие и улыбающиеся водам, а в самом конце – небольшая кучка людей, облаченных в рубища, бредет вглубь суши, к горам, неся какой-то сундук.

Цянь дал Кейт на созерцание гобелена долгую минуту, после чего продолжал:

– Люди пропустили предупреждение о потопе мимо ушей. Человек возобладали над миром – то есть так им казалось. Они были заносчивы и испорчены. Они показывали грядущей катастрофе нос, цепляясь за свои пороки. Некоторые говорят, что Бог наказывает людей за смертоубийство своих братьев и сестер. Одно племя, вняв предостережению, строит ковчег и отступает от моря в горы. Пришедший потоп уничтожает города вдоль моря, оставив только

первобытные деревни в глубине суши и рассеянные племена кочевников. Расходится слух, что Бог умер, что человек теперь бог на земле. Что земля принадлежит ему и он может творить что заблагорассудится. Но одно племя сохранило веру. Оно придерживалось лишь одного убеждения – что человек ущербен, что человек не Бог, что дабы стать человеком воистину, надо познать смирение.

– Этим племенем были вы.

– Да. Мы вняли предостережению спасителя и сделали, как он повелел. Мы отнесли Ковчег в горы.

– И этот гобелен был в Ковчеге? – спросила Кейт.

– Нет. Даже мне неизвестно, что было в Ковчеге. Но он должен быть реальным; предания о нем живы и по сей день. И предание сие весьма могущественно. Оно невероятно сильно влечет всякого, кто его слышит. Это одно из преданий, корнящихся в душе человеческой. Мы видим, что это правда, как узнаем и различные версии мифа о творении. Эти предания были всегда и всегда будут в наших собственных умах.

– Что случилось с этим племенем?

– Его члены посвятили себя отысканию истины гобелена, постижению допотопного – то есть существовавшего до потопа – мира, открытию, что же произошло. Одна группа думала, что ответы лежат в человеческом сознании, в понимании нашего существования через созерцание и самопостижение. Они стали горными монахами – Иммару, сиречь Светом. Я – последний из Иммару. Но некоторые монахи потеряли терпение. Они искали ответов в миру. Как и мы, они были группой верующих – по крайней мере поначалу. С ходом времени и странствий они мало-помалу утратили веру – в буквальном смысле, обратившись к новому чаянию ответов – науке. Они устали от мифов и аллегорий. Они жаждали доказательств. И начали отыскивать их, но заплатили за это высокую цену. Науке недостает кое-чего очень важного, чем наделяет нас религия – нравственного кодекса. Выживание наиболее приспособленных – научный факт, но это этика жестокости; это образ жизни зверей, а не цивилизованного общества. Законы могут довести нас лишь до определенной черты, и они должны строиться на чем-то – общем нравственном кодексе, возникающем из

чего-то. И когда этот нравственный фундамент рушится, рушатся и ценности общества.

– Я не думаю, что нужно быть верующим, чтобы блюсти высокую нравственность. Я ученый, и я не... так уж религиозна... но я – во всяком случае, мне так кажется – человек нравственный.

– Вы также куда умнее и куда чутче, чем огромное большинство людей. Но когда-нибудь они до вас дорастут, и планета будет жить в мире, не нуждаясь в аллегориях или уроках нравственности. Боюсь, день этот куда дальше от нас, нежели все полагают. Я говорю о состоянии дела на сегодня, о массах, а не о меньшинстве. Впрочем, мне не следовало об этом говорить; я проповедую то, что меня интересует, как заведено у стариков, особенно одиноких. Вы, несомненно, угадали, кто были эти монахи, отколовшиеся от Иммару невесть когда.

– «Иммари».

Цянь кивнул.

– Мы полагаем, что примерно в эпоху греков раскольники поменяли свое название на Иммари. Быть может, так поступили, чтобы звучало более по-гречески, дабы их восприняли греческие ученые, совершившие столь много переворотов в нарождающейся сфере науки. Летопись истинной трагедии и истины о том, как эта секта преобразилась навеки, находится в дневнике. Вот почему вы должны прочесть его.

– А как же остальная часть гобелена – два других потопа?

– Эти события только грядут.

Кейт разглядывала вторую половину гобелена. Море, поглотившее мир в Водном Потопе, вливаясь в нижний правый угол гобелена, из синего обратилось в алое море крови. Над морем крови группа сверхлюдей истребляла простой люд. Мир обратился в пустыню; тьма снизошла на землю, и кровь каждого мужчины, женщины и ребенка стекала в алое озеро. Кровавый Потоп. А над сечей герой сражается с чудовищем, убивая его и возносясь в небеса, где дает волю Потопу Света, омывающему мир и освобождающему его. Если окинуть весь гобелен одним взглядом, от черных и серых тонов Огненного Потопа он переходит к синеве и зелени Водного Потопа, потом к алым и малиновым оттенкам Кровавого Потопа и наконец – к белизне и желтизне Потопа Света. Он прекрасен. Пленителен.

– Теперь мне надо отдохнуть, – прервал ее раздумья Цянь. – А вы должны выполнить свое домашнее задание, доктор Уорнер.

Глава 69

Главный конференц-зал
Штаб-квартира «Часовой башни»
Нью-Дели, Индия

Дориан поднял руку, чтобы остановить аналитика.

– Что еще за «Свидетельство Барнаби Прендергаста»?

Все тридцать с чем-то человек посмотрели на него озадаченно.

– Это свидетельство Барнаби Прендергаста.

Дориан обвел взглядом собравшийся в конференц-зале персонал «Часовой башни» и «Иммари Секьюрити». Объединившийся штат все еще обживает с новообретенным тождеством «Иммари» с «Часовой башней», так что совещание шло со скрипом из-за разграничения ролей и юрисдикций.

– Кто-нибудь будет любезен мне растолковать, что значит Барнаби Прендергаст?

– А это его имя – Барнаби Прендергаст, – пояснил аналитик.

– Серьезно?! Это мы его так окрестили... Вообще-то не надо, не говорите, мне плевать. И что он сказал? С начала.

Аналитик перелистнул несколько скрепленных страниц.

– Прендергаст – один из примерно двадцати служащих, остающихся на участке.

–

Остававшихся
на участке, – поправил его Дориан.

– Ну, в техническом смысле он и остается, – вскинул голову аналитик. – В виде трупа.

– Боже правый, да просто дайте же мне отчет.

Аналитик сглотнул ком в горле.

– Верно... Ну, перед налетом беспилотников он – Прендергаст – сказал, что неопознанная женщина «домогалась его перед дверями его лаборатории, принудив помогать ей в якобы спасении каких-то детей». – Аналитик перевернул страницу. – Далее он утверждал, что «пытался

остановить ее» и что «уверен, что она использовала поддельный или похищенный пропуск». А вот и изюминка: он утверждает, что она выбежала после взрывов, цитата: «вся в крови, но без единой царапинки» и что она «напала на него снова, помешав ему спасти рабочих», а затем, «выхватив пистолет у работника охраны, пыталась застрелить его», Прендергаста то есть, а затем проникла в товарный поезд со своим умирающим сообщником, который, как заявляет Прендергаст, получил множество пулевых ранений.

Откинувшись на спинку кресла, Дориан устремил на шеренгу экранов отсутствующий взор. Кейт Уорнер пережила Колокол. Каким образом? Рид скорее всего мертв; Дориан практически превратил этого придурка в кусок швейцарского сыра.

– Сэр, может, спустить на тормозах? – деликатно кашлянув, осведомился аналитик. – Думаете, это вздор? Может, парень просто пытался покрасоваться перед объективами?

– Нет, я так не думаю. – Дориан принялся грызть ноготь. – Слишком уж затейливо, чтобы такое выдумать. Минутку – почему вы сказали «покрасоваться перед объективами»?

– Прендергаст позвонил в Би-би-си прямо перед налетом; так мы и получили это свидетельство. Мы отслеживали всю входящую и исходящую связь комплекса с момента... инцидента. Он у нас значится в списке на дискредитацию; его сообщение ставит под удар предшествовавший ему пресс-релиз «Иммари» о промышленной аварии. Так что...

– Ладно, стоп. Остановитесь на этом. По одной вещи за раз. Давайте сосредоточимся на этом. – Дориан развернулся вместе с креслом лицом к доктору Чангу, сидевшему на углу стола, уставившись на дешевое ковровое покрытие конференц-зала. – Чанг, повнимательней!

Доктор испуганно выпрямился, будто ученик, которого вызвали к доске. С момента взрыва в Китае вид у него был измотанный и рассеянный.

– Да. Я здесь.

– Пока что да, доктор, но если вы не разберетесь, как Кейт Уорнер пережила Колокол, вас здесь не будет.

– Я... даже не знаю, где начать... – развел Чанг руками.

– А вы просто
начните
. Как она могла выжить?

Поднеся сжатую в кулак руку ко рту, Чанг откашлялся.

– Что ж, гм, давайте посмотрим... она могла подвергнуться воздействию того, чем лечила детей. Может, проверяла безопасность препарата на себе.

– Любопытно, – кивнул Дориан. – Другие возможности?

– Нету. Ну, разве что очевидная: она могла иметь врожденный иммунитет – ген Атлантиды.

Дориан вгрызся в ноготь еще сильнее. Это очень интересно.
Очень

.
– Ладно, это вроде бы легко проверить...

– Моя лаборатория уничтожена, – тряхнул головой Чанг, – а мы даже не знаем, с чего начать...

– Добудьте новую лабораторию. – Дориан повернулся к одному из подчиненных: – Найдите доктору Чангу новую лабораторию, – и снова переключился на Чанга. – Я не ученый, но начал бы с секвенирования ее генома и выявления любых отклонений от нормы.

– Да, конечно, это нетрудно, – кивнул Чанг, – но участок в таком состоянии, что мы вряд ли найдем хоть какую-то ДНК...

– Бога ради, да выйдите же за рамки шаблона! – вскинул подбородок Дориан. – У нее кондоминиум в Джакарте, и наверняка вам хватит мозгов, чтобы найти расческу или использованный тампон, доктор.

– Да, это может удасться, – покраснел Чанг.

– Некоторые женщины смывают тампоны... – подала голос женщина-аналитик «Часовой башни».

– Да забудьте о тампонах! – Зажмурившись, Дориан воздел руки горе. – В Джакарте должны быть тонны ДНК Кейт Уорнер. Ступайте что-нибудь разыщите. А еще лучше разыщите

ее

. Если она улизнула, то должна быть на одном из поездов. – Дориан обернулся к Дмитрию Козлову, полевому командиру «Иммари Секьюрити», покинувшему Китай вместе с ним.

Тот покачал головой.

– Я только что получил список. Мы сличили его с реестром сотрудников. Ее нет ни на одном из поездов. Равно как и Рида. У нас уйма пострадавших и погибших, есть несколько человек, получивших ранения при взрывах, но с огнестрелом ни одного.

– Шутишь?! Общайте поезда снова...

– Это задержит «Тоба», – возразил Дмитрий.

– Выполняй!

– Она могла спрыгнуть, – встрял аналитик с отчетом Прендергаста.

– Она не прыгала. – Дориан потер виски.

– Откуда вам знать... – покачал головой аналитик.

– Потому что с нею был Рид.

– Она могла столкнуть его.

– Могла бы, но не стала.

– Откуда вам известно? – озадаченно посмотрел на него аналитик.

– Оттуда, что она не так глупа, как вы, по-видимому. В ней пять футов восемь дюймов и сто двадцать фунтов. А в Риде больше шести футов и ста восьмидесяти фунтов. Уорнер не смогла бы пуститься в пеший поход по Тибету и в одиночку, а уж волоча сто восемьдесят фунта мертвого груза – и подавно. И уж поверьте, если Рид и жив, ходить он не в состоянии.

– Она могла его бросить.

– Она бы его не бросила.

– Откуда вы знаете?

– Оттуда, что знаю ее. Так, давайте закругляться и сматывайтесь отсюда. – Встав, Дориан замахал руками на людей, гоня их из переполненного помещения.

– А как быть со свидетельством Барнаби Прендергаста? – поинтересовался аналитик.

– А что с ним быть?

– Следует ли опровергнуть...

– Нет, черт возьми! Подтвердите. СМИ все равно его растреляют, раз там есть словечко «террорист». И это правда: террорист атаковал наше заведение в Китае. Это нам прямо само в руки просится. А в подтверждение обнародуйте кадры, где Рид устанавливает бомбы. Скажите прессе, что эта диверсия последовала за предыдущей диверсией тех же самых людей в Джакарте. Подкиньте туда же и видео с Уорнер. – Дориан на миг задумался. Это может сработать на славу, а то и выиграть толику времени, попутно обеспечив прикрытие. – Давайте скажем, что сейчас ведем расследование, не применила ли там доктор Уорнер биологическое оружие, и потребуем организации строжайшего карантина участка. – Дориан выждал, озирая подчиненных. – Лады, народ, тик-так, пора за дело! А ты останься, – указал он на Дмитрия.

Как только зал опустел, высокий солдат протопал к Дориану.

– Кто-то снял их с поезда.

– Согласен, – Дориан прошел обратно к столу. – Должно быть, они.

– Невозможно. Мы обшаривали эти горы с одиннадцатого сентября чуть ли не круглосуточно, но их там нет. Их всех перебили в тридцать восьмом. А может, они вообще миф. Может, Иммару никогда на свете и не было.

– У тебя есть идея получше? – отрезал Дориан. И не дождавшись ответа Дмитрия, продолжал: – Мне нужны поисковые команды в этих горах.

– Извините, сэр, личного состава нет. Зачистка «Часовой башни» плюс подавление крупных боестолкновений в Афганистане – наши силы в регионе и без того на минимуме. Все, кто на месте, заняты в «Тоба». Если нужны поисковые команды, придется их снимать.

– Нет. «Тоба» в первую очередь. А как насчет спутниковой разведки? Можем мы их отследить, определить, где они?

– У нас нет глаз в небе над Западным Китаем, да и ни у кого нет, – тряхнул головой Дмитрий. – Это как раз одна из причин, по которым «Иммари Рисеч» выбрала это место – там хоть шаром покати, так что и смотреть нечего. Не то что городов, там даже деревень и дорог раз, два и обчелся. Мы можем перевести спутники на новые орбиты, но на это требуется время.

– Так и сделайте. И запусти остальные беспилотники из Афганистана.

– Ско...

– Все. Пусть обыщут каждый дюйм плато – в первую голову фокусируясь на монастырях. И перекомандируй двух человек – это мы можем себе позволить. Тоба важен, но и поиски Уорнер тоже. Она пережила Колокол. Мы должны знать, каким образом. Пусть эти двое отследят пути следования каждого отошедшего поезда, расспросят крестьян, каждого, кто мог что-нибудь видеть. Пусть надавят. Я хочу, чтобы ее нашли.

Глава 70

Монастырь Иммару

Тибетский автономный район

Когда Кейт вернулась в его комнату, Дэвид еще спал. Сев у него в ногах на односпальной кровати в алькове, она некоторое время смотрела в окно. Такой безмятежности женщина не видела еще ни разу в жизни. Оглянулась на Дэвида. Он выглядел почти таким же умиротворенным, как зеленая долина и белоснежные вершины. Прислонившись спиной к стене алькова, Кейт вытянула ноги рядом с ногами Дэвида.

Открыла дневник, и оттуда выпало письмо. Бумага на ощупь была старая, хрупкая, как Цянь. Буквы были жирно выписаны черными чернилами, и Кейт чувствовала их выпуклости на обороте страницы, будто брайлевский шрифт. И начала читать вслух в надежде, что Дэвид услышит, и голос его успокоит.

Для Иммару

Я стал слугой секты, известной вам как Иммари. Я стыжусь вещей, которые натворил, и страшусь за мир – из-за того, что они планируют, как я узнал. В данный момент, в 1938 году, кажется, что их не остановить. Возношу молитвы, чтобы это оказалось моим заблуждением. На случай, если я все же прав, шлю вам этот дневник. Надеюсь, вы сможете воспользоваться им, чтобы предотвратить Армагеддон Иммари.

Патрик Пирс

15–11 – 38

15 апреля 1917 года

Союзнический госпиталь

Гибралтар

Когда меня месяц назад вытащили из тоннеля на Западном фронте и доставили в этот полевой госпиталь, я думал, что спасен. Но это место пожирает меня, как рак, подтачивая изнутри – поначалу безмолвно, без моего ведома, а затем накинулось на меня врасплох, погрузив меня в сумрачный недуг, избежать коего я не могу.

В этот час в госпитале почти тихо, и в это-то время и страшнее всего. Священники приходят каждым утром и вечером, выслушивая исповеди и читая при свете свечей. Нынче они все ушли, равно как большинство сестер милосердия и врачей.

Я слышу их за стенами своей палаты – в широком общем покое с рядами коек. Люди вопят – большинство от боли, некоторые от дурных сновидений; прочие кричат, разговаривают, играют в карты при лунном свете и смеются, будто полдюжины человек не скончаются еще до восхода солнца.

Мне дали отдельную палату, поместили сюда. Я этого не просил. Но дверь закрывается, отрезая крики и смех, и я рад этому. Мне не по душе ни то, ни другое.

Я хватаю бутылку настойки опия и пью, пока он не начинает сбегать по подбородку, а потом уплываю в ночь.

К жизни меня возвращает шлепок, и я вижу неровный частокол гнилых зубов, оскаленных в порочной ухмылке на небритой грязной физиономии.

– Ён оклемавшись!

От гнилостного смрада алкоголя и болезни у меня кружится голова и крутит желудок.

Двое других выволакивают меня из постели, и я кричу от боли, когда моя нога ударяется об пол. Я извиваюсь на полу, изо всех сил стараясь не лишиться чувств, а они хохочут. Я хочу быть в сознании, когда меня убьют.

Дверь распахивается, и слышится голос сестры милосердия:

– Что здесь проис...

Ее хватают и захлопывают дверь.

– Токмо малёк развлекаемся с сенаторским сынком, мэм, но, мож стацца, ты сгодисся получше евойного. – Он обхватывает сестричку рукой и заходит к ней сзади. – Мож, мы начнем с тя, мамзель.

Он срывает ее платье и белье с левого плеча до самого пояса. Ее груди обнажаются, и она вскидывает руку, чтобы прикрыться, но негодяй перехватывает ее запястье и заворачивает ей руку за спину.

Вид ее нагого тела будто придает пьяным мерзавцам сил.

Я силюсь встать, и стоит мне подняться на ноги, как ближайший бросается на меня. Он держит нож у моего горла, смотрит мне прямо в глаза и заплетающимся языком выговаривает:

– Плохой папуля сенатор пославши ево воювать, пославши нас усех, но больше ему тя не выручить.

Обезумевший подлец волком таращится на меня, и лезвие впивается мне в шею. Другой подонок держит санитарку сзади, вытягивая шею и все пытаюсь поцеловать, но она все отворачивается. Последний из них тем временем раздевается.

Стоит опереться на ногу, и все тело прошивает волна боли – настолько мучительной, что меня мутит, голова идет кругом. Я скоро потеряю сознание. Боль невыносима, даже несмотря на опий. Он в таких местах дороже золота.

Пытаясь заставить его отвести взгляд, я указываю на столик:

– Там на столе настойка опия, целая бутылка.

Он на долю секунды отвлекается, и нож уже у меня. Разворачивая противника вокруг оси, я клинком рассекаю ему горло, отталкиваю его прочь и с ножом бросаюсь на обнаженного подонка, вогнав ему клинок в живот по самую рукоять. Приземлившись поверх него, выдергиваю нож и вонзаю ему в грудь. Он трепыхает руками, а кровь с бульканьем вырывается у него изо рта.

Боль от броска накрывает меня с головой, у меня не остается ни капли сил на последнего – насильника сестрички милосердия, но он, вытаращив глаза, выпускает ее и улепетывает из палаты. И тут я теряю сознание.

– 2 дня спустя –

Я прихожу в себя в другом месте, похожем на загородный коттедж – судя по ароматам и тому, как солнце вливается в распахнутое окно. Это светлая спальня, декорированная, как это сделала бы женщина – с безделушками и пустячками, которые так нравятся женщинам и которые мужчины нипочем не замечают, разве что в подобные моменты.

А вот и она сама – читает в уголке, тихо покачиваясь в ожидании. Будто шестым чувством она мгновенно узнает, что я пробудился. Бережно, будто фарфоровую вещь, кладет книгу и подходит к постели.

– Здравствуйте, майор. – Она бросает тревожный взгляд на мою ногу. – Вас снова пришлось оперировать.

Теперь я замечаю свою ногу. Она перевязана, стала толстенной, вдвое против обычного. Когда меня вытащили, то грозились вовсе отнять ее. «Вы еще поблагодарите нас впоследствии. Вы должны верить нам, старина. Представляется ужасно, но оно к лучшему. На родине вы не будете одиноки, я уж вам гарантирую; толпы юнцов, вернувшихся с войны, будут разгуливать туда-сюда на жестяных ногах, попадаясь на каждом шагу, толкую я вам...»

Я пытаюсь наклониться вперед, чтобы взглянуть, но боль перехватывает меня на подъеме, снова швыряя навзничь.

– Она на месте. Я настояла, чтобы вашу волю почтили. Но пришлось убрать немало тканей. Сказали, они были инфицированы и никогда бы не исцелились. Госпиталь – рассадник микробов, и потом... – Она сглатывает ком в горле. – Сказали, что вы проведете в постели два месяца.

– А те люди?

– Полагают, что дезертиры. Будет расследование, но... чисто формальное, как я разумею.

Теперь я вижу на столе белую бутылку – точь-в-точь как в госпитале. Но мешкаю, понимая, что она меня видит.

– Можете забрать ее отсюда.

Если я начну снова, то уж никогда не остановлюсь. Я знаю, куда ведет эта дорожка.

Ступив вперед, девушка поспешно хватается за бутылку, будто та вот-вот свалится со стола.

Как же ее зовут? Боже, последний месяц слился для меня в размытую пелену, навеянные опиумом и алкоголем сновидения, кошмар. Барнс? Барретт? Барнетт?

– Вы голодны? – Она стоит, прижимая бутылку к груди одной рукой, а другой оправляя платье. Может, дело в наркотике, а может, я так давно был без пищи, что не испытываю ни малейшего желания поесть.

– Голоден как волк, – говорю я.

– Всего минуточку, – она уже на полпути к двери.

– Сестра... это...

Остановившись, она оглядывается – быть может, чуточку огорченно.

– Бартон. Хелена Бартон.

Двадцать минут спустя я обоняю кукурузный хлеб, фасоль пинто и деревенскую ветчину. Такого дивного аромата я не вдыхал ни разу в жизни. К собственному изумлению, за вечер съедаю три тарелки. Все-таки я был голоден.

Глава 71

Главный конференц-зал

Штаб-квартира «Часовой башни»

Нью-Дели, Индия

Дориан перечитывал список живых и мертвых с обоих поездов.

– Я хочу отправить побольше трупов в США. С Европой, по-моему, и так порядок, – он почесал в затылке. – По-моему, партия в Японию тоже достаточная. Плотность населения поможет.

Ему хотелось бы проконсультироваться с Чангом или еще с кем-нибудь из ученых, но надо ограничить доступ к этой информации.

– Перекинуть-то мы можем, – Дмитрий изучал список, – но откуда нам их взять?

– Из Африки и Китая. Думаю, они оборачиваются медленнее, чем мы считаем. Китай склонен игнорировать или замалчивать кризисы в здравоохранении, а в Африке попросту нет инфраструктуры, чтобы принять меры против вспышки.

– Или распространить ее. Именно поэтому в том числе мы заложили...

– Развитые страны – вот где настоящая угроза. И не стоит недооценивать Центр по контролю и профилактике заболеваний. Когда грянет, они поворачиваются будь здоров. И мы всегда можем поработать с Африкой, когда уже начнется.

Глава 72

Монастырь Иммару

Тибетский автономный район

Кейт поддерживала голову Дэвида, пока он глотал антибиотики с водой из керамической чаши. Остатки воды пролились ему на грудь, и доктор Уорнер вытерла ее своей блузкой. Он все утро то и дело ненадолго терял сознание.

Кейт открыла дневник снова.

Я веду своих людей через тоннель, держа перед собой свечу. Мы почти пришли, но я останавливаюсь, подняв руки кверху, и подначальные, спотыкаясь, наталкиваются на меня сзади. Послышалось или на самом деле? Я втыкаю свой камертон в землю и наблюдаю за ним, ожидая вердикта. Если он завибрирует – немцы ведут подкоп где-то поблизости. Мы уже бросили два прохода из страха наткнуться на них. Второй мы подорвали под ними – хочется уповать, остановив их продвижение.

Камертон не реагирует. Я сую его обратно в свой инструментальный пояс, и мы бредем дальше во тьму, отбрасывая в свете свечи призрачные тени на земляные и каменные стены. На головы нам сыплется пыль и камешки.

А потом непрерывный дождь грязи прекращается. Задрвав голову, я поднимаю свечу, пытаюсь разобрать, в чем дело. Оборачиваюсь и кричу: «Назад!» – в тот самый миг, когда потолок проваливается, и в дыру вторгается сущий ад, задув слабенький огонек свечи. Меня швыряет на землю, упавший валун сокрушает мне ногу, и я почти теряю сознание.

Немцы приземляются на ноги, едва ли не мне на голову, и тут же открывают стрельбу, прикончив двоих моих подчиненных на месте. Дульные вспышки их пулеметов и вопли умирающих – единственное, что позволяет мне ориентироваться в этой бойне.

Выхватив пистолет, я стреляю по ним в упор, убив первых двоих – то ли подумавших, что я убит, то ли не заметивших меня в темноте. В дыру врывается все больше людей, и я стреляю и по ним тоже. Пять, шесть, семь из них мертвы, но их веренице нет конца, целый полк готов ворваться через тоннель в тыл союзнических войск. Предстоит резня. Патроны у меня кончились. Отбросив пустой пистолет в сторону, я выхватываю гранату. Выдергиваю чеку зубами и швыряю изо всех сил в немецкий тоннель наверху, под ноги новой волне солдат. Тянутся две долгие секунды, пока они спрыгивают, с ходу стреляя в меня, а потом их сотрясает взрывом, обрушивая оба тоннеля вокруг меня. Меня придавило. Я не могу подняться, мне ни за что не выбраться, обломки душат меня, но внезапно я чувствую чьи-то руки...

Сестра милосердия утирает пот с моего лба, поддерживая мою голову.

– Они нас подстерегали... подобрались к нашему туннелю ночью... не было ни шанса... – говорю я, пытаюсь объяснить.

– Все позади. Это просто дурной сон.

Я тянусь к ноге, словно прикосновение к ней прекратит колотящуюся боль. Кошмар не кончился. И не кончится никогда.

Испарина и боль усугубляются что ни ночь; она не может не заметить этого. И заметила. Белая бутылка у нее в руке, и я говорю:

– Только капельку. Я должен от этого избавиться.

Я делаю глоток, и чудище отползает в свою нору. А я наконец могу поспать по-настоящему.

Когда я пробуждаюсь, она рядом – вяжет в уголке на спицах. На столике около меня три стопочки с темно-коричневой жидкостью – дневной рацион насыщенного опиумом зелья, снабжающего меня морфином и кодеином, в которых я отчаянно нуждаюсь. Благодарение Господу. Испарина вернулась, и боль приходит вместе с ней.

– Я буду дома до заката.

Кивнув, я принимаю первую стопку.

Две стопки каждый день.

Она читает мне каждый вечер после работы и обеда.

А я лежу, время от времени вставляя глубокомысленные комментарии и остроумные реплики. Она смеется, а если я чуточку переступаю черту, она шутливо меня укоряет.

Боль почти терпима.

Одна стопка в день. Свобода!

Почти. Но боль не отступает.

Я все еще не в состоянии ходить.

Я всю жизнь провел в шахтах, в темных тесных пространствах. Но это мне несносно. Может, дело в свете или свежем воздухе, или в том, что я лежу в постели день за днем, ночь за ночью. Прошел уже месяц.

Каждый день, когда стрелки подходят к трем часам, я считаю минуты до ее возвращения домой. Мужчина, ожидающийся, когда женщина придет домой. Что наводит на вопрос о предпосылках этого утверждения.

Я настаивал, чтобы она бросила работу в госпитале. Микробы. Бомбы. Шовинисты. Я испытал все это. Она и слушать не хочет. Мне ее не переспорить. На ногу я встать не могу. Не могу даже просто поставить стопу на пол. А сверх того я потихоньку теряю рассудок, отпуская неуклюжие шутки о себе себе же самому.

Из окна я вижу, как она идет по дорожке. Который нынче час? Два тридцать. Она рано. И – с ней мужчина. За месяц, что я здесь, она ни разу не привела кавалера домой. Эта мысль еще ни разу не приходила мне в голову, и теперь сказывается на мне шиворот-навыворот. Я силюсь получше разглядеть их через окно, но не вижу. Они уже в доме.

Я лихорадочно расправляю постель и отталкиваюсь, преодолевая тупую боль, чтобы сесть в постели и выглядеть сильнее, чем на самом деле. Беру книгу и начинаю читать ее, держа вверх ногами. Поднимаю глаза и успеваю перевернуть книгу как надо, прежде чем Хелена переступает порог. За ней по пятам – усатый хлыщ с моноклем, облаченный в костюм-тройку, будто алчный пес на охоте.

– Ах, вы добрались до книжек. Что вы выбрали? – Она чуть подается ко мне, читает заголовок и чуть вскидывает подбородок. – Гмм, «Гордость и предубеждение». Одна из моих любимых.

Захлопнув книгу, я швыряю ее на столик, будто Хелена только что поведала мне, что та заражена чумой.

– Да, ну, такие вещи поддерживают человека. И я люблю... классику.

Мужчина с моноклем смотрит на нее с нетерпением. Готов продолжить визит – подальше от калеки в гостевой спальне.

– Патрик, это Дэмьен Уэбстер. Он прибыл из Америки повидать вас. И не говорит мне, по какому поводу, – она заговощицки приподнимает брови.

– Рад познакомиться, мистер Пирс. Я знал вашего отца.

Он вовсе не ухаживает за ней... Минуточку, он знал моего отца.

Похоже, Уэбстер понимает, что я в замешательстве.

– Мы телеграфировали в госпиталь. Вы не получили депешу?

Мой отец умер, но он пришел не из-за этого. Из-за чего же?

– Майор Пирс пробыл здесь месяц, – встречает Хелена, прежде чем я успеваю открыть рот. – Госпиталь каждый день получает огромное множество каблограмм. С чем вы пришли, мистер Уэбстер?
– Ее тон становится строгим.

Уэбстер бросает на нее злобный взгляд. Вероятно, он не привык, чтобы женщина разговаривала с ним в подобном тоне. Пожалуй, ему не повредит еще толика подобного обхождения.

– По нескольким вопросам. И первый – имение вашего батюшки...

За окном птица садится на фонтан. Суетится, макает голову, поднимается и отряхивается от воды.

– Как он умер? – спрашиваю я, все не сводя глаз с птицы.

– Автокатастрофа, – говорит Уэбстер поспешно, будто торопясь разделаться с ненужной помехой. – Оба – и он, и ваша матушка – скончались мгновенно. Опасные машины, говорю я. Это было быстро. Они не мучились, уверяю вас. Итак...

Я ощущаю боль иного рода, сокрушительное чувство одиночества, пустоты, будто во мне разверзлась бездна, которую уже никогда не заполнить. Моей матери больше нет. Уже похоронена. Больше нам никогда не свидеться.

– Это приемлемо, мистер Пирс?

– Что?

– Счет в Первом национальном банке в Чарльстоне. Ваш отец был весьма рачителен. На счету почти двести тысяч долларов.

Рачителен до безобразия.

Явственно раздосадованный Уэбстер ведет свое в надежде на отклик.

– Счет на ваше имя. Завещания нет, но поскольку у вас нет ни братьев, ни сестер, проблем не будет. – Он выжидает еще секунду. – Мы можем перевести деньги в здешний банк. – Он переводит взгляд на Хелену. – Или в Англию, буде предпочтете...

– В Западно-Вирджинский детский дом. Он в Элкинсе. Проследите, чтобы они получили баланс счета. И чтобы знали, что дар поступил от моего отца.

– Э-э, да, это... возможно. Дозволено мне осведомиться, почему?

Правдивый ответ звучал бы «потому что он не хотел бы, чтобы они достались мне», а точнее, «потому что ему не нравился человек, которым я стал». Но я не говорю ни того, ни другого – быть может, оттого, что Хелена находится в комнате, а может, потому что не считаю этого крючкотвора заслуживающим честного ответа. Вместо того я мямлю нечто вроде: «Он бы так хотел».

Он смотрит на мою ногу, подыскивая подходящие слова.

– Все это распрекрасно, но военные пенсии... довольно скудны, даже майорские. Я бы полагал, вы можете пожелать удержать немного денег – скажем, сто тысяч долларов?

– Почему бы вам не сказать открыто, с какой целью вы явились? – смотрю я на него в упор. – Сомневаюсь, что из-за двухсоттысячного достояния моего отца.

Это застаёт его врасплох.

– Ну конечно, мистер Пирс. Я лишь пытаюсь поделиться рекомендацией... в ваших же собственных интересах. В самом деле, именно ради этого я и прибыл. Я доставил сообщение от Генри Друри Хэтфилда, губернатора великого штата Западная Вирджиния. Его превосходительство желает, чтобы вы... ну, прежде всего он выражает свои глубочайшие соболезнования в связи с вашей утратой, фактически от имени штата и нашей великой нации. Кроме того, он хотел бы, чтобы вы ведали, что он готов назначить вас на место отца в Сенате США силою полномочий, только что предоставленных ему законодательной властью штата.

Я начинаю понимать, почему Маккой так ненавидели этих змеев в человеческом облике

[16]

. Генри Хэтфилд – племянник Дьявола Хэтфилда, предводителя пресловутого клана Хэтфилдов. Второй срок губернатору не светит. Он сам посягал на это кресло в Сенате США два года назад, но за год до того штаты ратифицировали Семнадцатую поправку, позволяющую прямые выборы сенаторов США и отнявшую бразды у коррумпированных законодательных собраний штатов и махинаторов вроде Хэтфилда. Мой отец был в первой плеяде сенаторов США, избранных народом. Его смерть и речи о деньгах теперь обрели куда больше смысла. Но не назначение.

Уэбстер не в силах хранить тайну слишком долго. Прислонившись к изножью кровати, он переходит на запанибратский тон.

– Разумеется, ваш статус героя войны сделает вас народным избранником. Состоится внеочередные выборы. Как вам известно, отныне сенаторов выбирает народ, – он кивает, – как сему и надлежит быть. Губернатор готов назначить вас на пост вашего отца при условии, что вы выступите за него на внеочередных выборах и в кампании в его поддержку. Взамен он желает и дальше поддерживать вашу карьеру. Предположим, как кандидата в Конгресс. Конгрессмен Патрик Пирс – по-моему, звучит недурно. – Оттолкнувшись от спинки кровати, он озаряет меня улыбкой. – Итак, значит, я могу принести губернатору добрую весть?

Я одариваю его испепеляющим взглядом. Еще ни разу в жизни мне так не хотелось стоять на собственных двоих, чтобы отконвоировать этого демона к двери дома и вышвырнуть за порог.

– Я понимаю, что обстоятельства далеки от идеальных, но всем нам приходится подниматься до высоты положения. – Уэбстер кивает на мою ногу. – А уж с вашими... ограничениями это может прийтись в самый раз. Вы вряд ли найдете работу получше...

– Вон!

– Ну-ну, мистер Пирс, я понимаю...

– Вы меня слышали. И не возвращайтесь. Вы получили единственный ответ, другого не будет. Скажите этому бандиту Хэтфилду, чтобы сделал свое грязное дело – а может, поручил его одному из кузенов. Я слышал, они в этом поднаторели.

Он делает шаг ко мне, но Хелена хватает его за руку.

– Сюда, мистер Уэбстер.

После его ухода она возвращается.

– Искренне сожалею о ваших родителях.

– Как и я. Моя матушка была очень доброй и любящей. – Я понимаю, что сейчас она видит мое горе, но сдерживаться больше не могу.

– Может, вам что-нибудь нужно?

Я вижу, что это непреднамеренно, но она бросает взгляд туда, где раньше у постели стояла бутылка.

– Да. Врач. Для моей ноги.

Глава 73

Ситуационный центр

Штаб-квартира «Часовой башни»

Нью-Дели, Индия

Дориан мешкал у двери, озирая оперативный пункт. С виду прямо центр управления полетами НАСА. Несколько рядов аналитиков говорят в микрофоны гарнитур и работают на компьютерах, управляющих беспилотниками. Мозаика экранов на стене показывает данные телеметрии летательных аппаратов – горные и лесные пейзажи.

Координирует поиски Дмитрий. Вид у дюжего русского такой, будто тот не спал с самого взрыва в Китае. Протолкавшись сквозь толпы аналитиков, он присоединился к Дориану в глубине зала.

– Пока ничего. Слишком большую площадь надо покрыть.

– А как насчет спутникового наблюдения?

– Все еще ждем.

– Почему? Что так долго?

– Смена орбиты требует времени, а площадь надо охватить очень большую.

Дориан с минуту наблюдал за экранами.

– Начинайте трясти кусты.

– Трясти?

– Жечь, – отрезал Дориан, поворачиваясь и ведя Дмитрия к двери, подальше от ушей аналитиков. – Чтобы посмотреть, кто выскочит. По моим догадкам, Уорнер в одном из этих монастырей. Что у нас с «Тоба»?

– Трупы на самолетах, вылетающих в Европу, Северную Америку, Австралию и Китай. Живые будут размещены в местных больницах в Индии и, – он бросил взгляд на часы, – Бангладеш через час.

– Рапорты?

– Покамест ничего.

Ну хоть какие-то хорошие новости.

Глава 74

Монастырь Иммару

Тибетский автономный район

Назавтра утром Мило поджидал Кейт точь-в-точь как накануне. «И давно он тут сидит, ожидая, когда я проснусь?» – гадала она.

Встав, Кейт обнаружила очередную миску с кашей на завтрак на том же месте. Они с Мило обменялись утренними любезностями, и он снова повел ее в комнату Дэвида.

Дневник лежал на столике у кровати, но Кейт, не обращая на него внимания, сразу устремилась к Вэйлу. Дала антибиотики и осмотрела раны на плече и ноге. За ночь багровые кольца вокруг них расплзлись, охватив грудь и верхнюю часть бедра. Покусывая щеку изнутри, Кейт с отсутствующим видом посмотрела в окно.

– Мило, мне нужна твоя помощь. Это очень важно.

– Как я и сказал при первой встрече, мадам, – он снова отвесил поклон. – Мило к вашим услугам.

– Тебя не тошнит при виде крови?

Несколько часов спустя Кейт закрепила последнюю повязку на плече Дэвида. Груда окровавленной марли лежала в луже крови и гноя в тазу на столе. Мило зарекомендовал себя восхитительно – до операционной сестры квалификацией не дотянул, но его чань-самообладание

[17]

оказалось весьма на руку, особенно когда у Кейт нервы начали пошаливать.

Покончив с перевязками, доктор Уорнер провела ладонью Дэвиду по груди и перевела дух. Теперь остается только ждать. Прислонившись к стене алькова, она смотрела, как грудь раненого вздымается и опадает почти незаметным для глаз движением.

А через пару минут открыла дневник и взялась за чтение.

3 июня 1917 года

– А сейчас? – спрашивается доктор Карлайл, ткнув пером чернильной ручки мне в ногу.

– Ага, – цежу я сквозь стиснутые зубы.

Он передвигает перо и тычет снова.

– А здесь?

– Чертовски.

Выпрямившись, он созерцает плоды своих тыканий.

Прежде чем осмотреть ногу, он не пожалел времени, собирая «анамнез». Приятное разнообразие после полевых хирургов, глядящих на ранение, а не на человека, и обычно кромсающих без единого слова. Я сказал ему, что мне двадцать шесть лет, в остальном здоровье хорошее, не имею «зависимостей» и получил ранение на Западном фронте, в рухнувшем тоннеле. Он кивнул и провел тщательный осмотр, отметив, что ранение не так уж и отличается от тех, что ему довелось повидать за свою практику у шахтеров и спортсменов.

Я жду его вердикта, гадая, следует ли мне что-нибудь сказать.

Городской доктор чешет в затылке и присаживается у постели.

– Должен признаться, я согласен с тем, что сказали вам армейские хирурги. Я бы лучше отнял ее еще тогда – вероятно, чуть ниже колена, или, по крайней мере, начал бы там.

– А что теперь? – я страшусь ответа.

– Теперь... даже не знаю. Вам уже никогда не ходить на ней – по крайней мере нормально. По большей части это зависит от того, насколько больно вам будет. Несомненно, нервы получили большие повреждения. Я бы рекомендовал вам попытаться ходить, уж как сумеете, в ближайший месяц-два. Если боль будет несносной –

каковой, подозреваю, она и будет, – мы отнимем ее под коленом. Большая часть ощущений идет от стопы; там больше нервов. Сие даст вам некоторое облегчение. – И будто предвосхищая мое отчаяние, добавляет: – Мы здесь боремся не только с болью. Тщеславие тоже нельзя сбрасывать со счетов. Ни один человек не хочет лишиться половины ноги, но это не делает его человеком в меньшей степени. Лучше быть прагматичным. Вы же сами будете благодарны. И полагаю, последним фактором выступает та работа, которой вы станете заниматься, капитан... нет, майор, не так ли? Ни разу не видел майора вашего возраста.

– Когда вокруг гибнут один за другим, чины приходят быстро, – отвечаю я, оттягивая время перед другим вопросом, от которого отгораживался с того самого момента, когда рухнул тоннель. Горное дело – единственное, что я умею. – Я пока не знаю, что буду делать, когда... когда встану на ноги. – Это выражение как-то само собой приходит на язык.

– Кабинетная работа будет... э-э... благоприятна для вашей диспозиции, если вы сумеете сыскать таковую. – Кивнув, он встает. – Что ж, тогда все, позвоните мне или напишите через месяц. – И он вручает мне карточку со своим адресом в Лондоне.

– Спасибо вам, доктор, искреннее спасибо.

– Ну, мне было как-то несподручно отклонить просьбу лорда Бартона. Мы припомнили наши деньки в Итоне, а когда он мне сказал, что вы герой войны и что его малышка очень настаивает, и он опасается, что если я не посмотрю, это совсем разобьет ей сердце, я сел на поезд на следующий же день.

В коридоре слышится грохот, будто кто-то сшиб что-то с полки. Мы с доктором Карлайлом оба смотрим в направлении шума, но ни один из нас не говорит ни слова. Он собирает свой черный саквояж и встает.

– Я оставлю Хелене наставление о том, как перевязывать ногу. Удачи вам, майор.

5 августа 1917 года

Минуло два месяца, и я уже месяц как «хожу». По большей части ковыляю. В удачные дни с помощью трости – просто хромаю.

Карлайл приезжал на прошлой неделе полюбоваться моими колченогими подвигами. Стоя рядом с Хеленой, он радовался, как гордый владелец на собачьей выставке.

Несправедливый попрек. И вовсе не заслуженный человеком, который был так добр ко мне.

Пилюли. Они притупляют боль – да и все остальное, в том числе и мои мысли. Они делают меня бесчувственным, когда действуют, и злым, как осиное гнездо, когда действие их кончается. Вести сражения в собственном рассудке – странная пытка. Пожалуй, я предпочел бы стрелять по людям кайзера; там я хотя бы знал, на чем стою, и мог получить передышку, когда покидал фронт. Недели ходьбы, глотания таблеток и новых усилий посеяли в моей душе новый страх: что я никогда не избавлюсь от присосавшейся ко мне твари, неустанно подзуживающей меня утолять боль. Мне нужны пилюли, без них я не могу и не хочу. Я обменял дьявола – настойку опиума – на пару костылей: один под мышкой, а второй в кармане.

Карлайл говорит, что моя походка станет улучшаться по мере того, как я буду «знакомиться с ногой» и определю минимальную приемлемую дозу пилюль от боли. Говорить легко.

Но не к пилюлям я пристрастился более всего за месяцы, прошедшие с той поры, как покинул госпиталь. Таких, как она, я еще не встречал. Одна лишь мысль съехать от нее, сказать «прости» повергает меня в ужас. Я знаю, что хотел бы сделать: взять ее за руку, сесть на корабль и отплыть прочь из Гибралтара, прочь от войны, прочь от прошлого, и начать сызнова – где-нибудь в безопасном месте, где наши дети могли бы расти, не зная горя.

Уже почти три, а я не принял за весь день ни пилюли. Хочу иметь ясную голову, когда буду говорить с ней. Не хочу упустить ни малейшего нюанса, несмотря на боль – будь то в ноге или сердце.

Мне потребуется весь мой ум. Может быть, дело в ее британском воспитании с его стоицизмом и суховатым юмором, а может, в двух годах работы в полевом госпитале, где эмоции так же заразны и опасны, как инфекции, с которыми там борются, но вникнуть в мысли этой женщины почти невозможно. Она смеется, она улыбается, она полна жизни, но никогда не теряет самообладания, никогда лишнего слова не скажет, ничем не выдаст свои мысли. Я бы отдал вторую ногу,

только бы знать, что она на самом деле чувствует по отношению ко мне.

Я обдумал свои возможности и предпринял все приготовления, какие мог. Через день после визита этого демона Дэмьена Уэбстера я написал три письма. Первое отправилось в Первый национальный банк в Чарльстоне с уведомлением, что баланс счета моего отца надлежит перевести на счет Западно-Вирджинского детского дома в Элкинсе. Второе я послал детскому дому, извещая, чтобы ожидали взноса, и в случае, если посмертный дар не придет

[18]

к ним напрямую, связались с мистером Дэмьеном Уэбстером по сему вопросу, как с последним лицом, каковое располагало доступом к сказанному счету. Искренне надеюсь, что они получают эти средства.

Последнее письмо я написал в Городской банк Чарльстона, где держу собственные средства. Полторы недели назад пришел ответ, известивший меня, что на моем счету в общем итоге 5752 доллара 34 цента, за перевод каковых банковским чеком в Гибралтар полагается мзда. Я заранее предполагал, что меня обжулят, едва я нацелюсь за порог, как это в заводе у банков, и посему отвечал незамедлительно, поблагодарив их и потребовав, чтобы они выслали банковский чек с наивозможной поспешностью. И как раз вчера курьер с ним прибыл.

Я также получил остаток своего мизерного армейского жалованья, большую часть которого армия приберегает для тебя, пока ты воюешь. На прошлой неделе я был с почетом демобилизован, так что это последнее денежное поступление.

В общем и целом у меня имеется 6382 доллара 79 центов, коих крайне мало, чтобы содержать жену и где-либо обустроиться. Мне придется найти какую-либо сидячую работу, вероятнее всего, где-нибудь в банке или на бирже, возможно, в знакомой мне сфере – горном деле или, скажем, военной индустрии. Но такая работа подходит лишь людям определенного склада, располагающим нужными связями и соответствующим образованием. Будь у меня собственный капитал, можно было пустить его в ход и при толике везения наткнуться на жилу – уголь, золото, алмазы, медь или серебро

– и не знать недостатка в деньгах. Я установил себе цель в двадцать пять тысяч долларов. Это почти не оставляет мне права на ошибку.

Я слышу, как Хелена открывает дверь, и выхожу в тесную переднюю, чтобы поприветствовать ее. Ее одеяние сестры милосердия запятнано кровью, являя диковинный контраст с доброй улыбкой, озаряющей ее лицо при виде меня. Я бы отдал все на свете, только бы знать, какая искра ее воспламенила – жалость или искренняя радость.

– Вы встали. Не обращайтесь внимания на мой вид; я как раз собираюсь переодеться, – говорит она, устремляясь прочь.

– Наденьте что-нибудь элегантное, – окликаю ее. – Я хочу пригласить вас на прогулку, а потом на обед.

Она высовывает голову из-за двери своей спальни.

– В самом деле? – Улыбка становится шире, в ней сквозит намек на изумление. – Не приготовить ли ваш мундир?

– Нет. Благодарю вас, но с ношением мундира для меня покончено. Сегодня речь пойдет о будущем.

Глава 75

Ситуационный центр

Штаб-квартира «Часовой башни»

Нью-Дели, Индия

Дориан расхаживал по комнате, дожидаясь телеметрии от беспилотников. Экраны загорались один за другим, показывая монастырь, угнездившийся на склоне горы.

– Может, сделать пару заходов, чтобы найти оптимальную мишень? – обернулся к нему техник.

– Не надо, не трудитесь. Просто ударьте чуть правой основой, точность не нужна. Мы хотим главным образом вызвать там пожар. Пусть второй беспилотник идет следом и снимает, что будет после, – бросил Дориан.

Минуту спустя он увидел, как ракеты, выпущенные беспилотником, врезаются в склон, и застыл в ожидании, искренне надеясь увидеть, как из горящего здания выбежит Кейт Уорнер.

Глава 76

Монастырь Иммару
Тибетский автономный район

Отложив дневник, Кейт взгляделась вдаль, пытаясь понять, что там происходит. Звук прямо как взрывы. Камнепад? Землетрясение? За самой дальней горной грядой в небо потянулся дым – сперва белый, потом черный.

Не ищут ли их Иммари?

А что она может поделать, если и ищут? Дав Дэвиду его дневную дозу антибиотиков, она продолжила читать ему дневник.

5 августа 1917 года

Мы с Хеленой идем вдоль булыжного причала, наслаждаясь бризом с моря и слушая гудки пароходов, входящих в гавань и швартующихся в порту. Рядом с зубчатой громадой Гибралтарской скалы деревянные постройки порта кажутся миниатюрными, как кучка зубочисток. Я сую руки в карманы, и Хелена, пропустив свою ручку мне под локоть, прижимается поближе, подстраивая свои шаги под мою поступь. Я воспринимаю это как добрый знак. Мало-помалу вдоль улицы загораются огни, по мере того как лавочники встают от своих сиест в испанском духе и возвращаются в предвкушении наплыва желающих отобедать и вечерних покупателей.

Каждый шаг вонзается мне в ногу ножом – вернее, такое ощущение вызывает у меня ходьба. Я чувствую, как на лбу у меня от тупой муки проступает испарина, но не осмеливаюсь поднять руку, чтобы утереть ее, из страха, что Хелена отпустит мой локоть.

Хелена останавливается. Она заметила.

– Патрик, вам больно?

– Нет, конечно, нет. – Я утираю лоб рукавом. – Просто не привык к жаре. Находясь в помещении под вентиляторами, так и не успел приспособиться. А ведь я к тому же вырос в Западной Вирджинии.

– В пещерах прохладнее, – кивает она в сторону скалы. – И там есть обезьяны. Вы их видели?

Я спрашиваю, не шутит ли она, и Хелена уверяет, что нет. Я говорю, что время до обеда у нас есть, и позволяю ей увлечь меня туда – главным образом потому, что она снова берет меня под руку, я готов идти хоть на край света.

Британский сержант персонально устраивает нам экскурсию вдоль вольер, где держат обезьян, глубоко в недрах пещеры Св. Михаила. Наши голоса раскатываются по пещере эхом. Этих обезьян называют магрибскими макаками, и они подобны макакам, только без хвоста. Очевидно, эти магрибские макаки в Гибралтаре – единственные во всей Европе приматы, живущие на воле. Ну, не считая людей, если верить теории эволюции, а я что-то в ней сомневаюсь.

Когда мы уже удаляемся, дабы отобедать, я спрашиваю Хелену, откуда ей известно об обезьянах.

– Больных обезьян лечат в британском военно-морском госпитале, – поясняет она.

– Вы шутите?

– Ничуть.

– А это безопасно? Лечить обезьян и людей в такой близости друг от друга?

– Полагаю, да. Не могу представить, какая болезнь может передаться от обезьян людям.

– А к чему утруждать?

– Легенда гласит, что до тех пор, пока макаки живут в Гибралтаре, править им будут британцы.

– Ваш народ весьма суеверен.

– А может, мы лишь жаждем заботиться обо всех, до кого нам есть дело.

Некоторое время мы шагаем в молчании. Я гадаю, не представляю ли ей таким домашним питомцем, подопечным или лицом, которому она нечто задолжала за спасение в госпитале.

Боль начинает ускользать из-под моего контроля, и Хелена без единого слова останавливается и, не выпуская моей руки, разворачивается вместе со мной снова лицом к скале и солнцу, садящемуся по ту сторону бухты.

– Есть еще одна легенда о скале. Греки говорят, что это один из Геркулесовых столбов, и туннели и пещеры под ней уходят глубоко в землю, вплоть до самых врат Гадеса.

– Врат преисподней.

– Вы считаете, что она там? – Хелена лукаво приподнимает брови.

– Нет, скорее сомневаюсь. Я практически уверен, что пекло находится в тысяче миль отсюда, в траншеях Западного фронта.

На лицо Хелены тенью ложится серьезность, и она опускает взор.

Она шутила, я пытался отпустить остроту, но лишь напомнил нам о войне, погубив настроение. Как же мне хочется вернуться назад и отыграть все заново!

Чуть просветлев, она тянет меня за рукав.

– Что ж, лично я рада, что вы далеко оттуда... и не вернетесь.

Я разеваю рот, но она не дает мне вставить слова, вероятно, в уповании не дать мне сказать что-нибудь чудовищное:

– Вы голодны?

Приносят вино, и я быстро выпиваю два бокала подряд, в качестве лекарства. Хелена выпивает полбокала – наверное, из вежливости. Мне бы хотелось, чтобы она выпила побольше – мне бы хотелось, чтобы эта маска сдвинулась хоть на миг и я мог бы постичь, что она думает, что чувствует.

Но приносят блюда, и мы оба обоняем их, и говорим, как аппетитно они выглядят.

– Хелена, я намеревался поговорить с вами кое о чем... – Выходит чересчур уж серьезно. Я чаял держаться небрежно, обезоружить ее.

Положив вилку, она жует крохотный кусочек, почти не двигая челюстью.

– Было очень любезно с вашей стороны приютить меня, – не унимаюсь я. – Не помню, говорил ли я вам «спасибо», но я вам искренне благодарен.

– Это не составило ни малейшего труда.

– Это составило уйму труда.

– Мне он был вовсе не в тягость.

– Тем не менее, полагаю, мне надо найти место для постоя, раз моя... реабилитация закончилась.

– Было бы осмотрительнее обождать. Ваша нога могла не вполне выздороветь. Доктор Карлайл сказал, что когда вы начнете ходить больше, возможны повторные травмы. – Она гоняет кусочки еды туда-сюда по тарелке.

– Нога меня не тревожит. Может пойти молва. Неженатые мужчина и женщина в одном доме...

– Люди всегда болтают. Молву не унять.

– Я бы не хотел, чтобы они болтали о вас. Я найду новое место постоя, а заодно и работу. Мне нужно привести дела в порядок.

– Казалось бы... разумнее... подождать, пока вы не узнаете, где будете работать, прежде чем принимать какие-либо меры.

– Это верно.

Хелена немного просветлела.

– Кстати, кое-кто хотел бы поговорить с вами насчет работы. Кое-кто из друзей моего отца.

К собственному огорчению, я не в состоянии скрыть гнев в голосе:

– Это вы попросили его найти мне работу!

– Нет, уверяю вас! Я понимала, что вы почувствовали бы, поступи я так, хоть мне этого и хотелось. Он позвонил мне с неделю назад, и они жаждали встретиться с вами. Я откладывала разговор, потому что не знала ваших намерений.

– Встреча с ними не повредит, – отзываюсь я. И более сугубой ошибки совершить не мог.

Распахивая дверь их совместной однокомнатной квартиры, Дэвид услышал ее чтение – или еще чье-то чтение. Подняв на него глаза, Эллисон прошла к стереосистеме и нажала на кнопку паузы.

– Ты рано. – Улыбнувшись, она принялась мыть руки под кухонным краном.

– Не мог учиться. – Он указал на стереосистему. – Очередная книга на пленке?

– Ага, с ними стряпать не так скучно. – Она привернула огонь.

– Я мог бы придумать что-нибудь повеселее стряпни...

Он привлек ее к себе и поцеловал в губы. Прижав мокрые ладони к его груди, она принялась отбиваться от объятий.

– Я не могу, эй, ну же, брось, меня переводят в другой кабинет завтра, надо прийти пораньше.

– О-о-о, неужели великой инвестиционной банкирше наконец предоставили кабинет с окном?!

– Да где там! Я буду на 104-м этаже. Пройдет, наверное, лет двадцать, прежде чем мне дадут там кабинет с окном. Скорее, пока что кубышка рядом с туалетом.

– До этого стоит дожить.

Он подхватил Эллисон на руки и бросил на кровать. Снова поцеловал и провел ладонями по ее телу. Дыхание ее участилось.

– Во сколько там у тебя занятия? Что у нас завтра? Вторник, одиннадцатое?

Он стащил с нее свитер.

– Не знаю, мне плевать.

Глава 77

Пресс-релиз

Центр по контролю и профилактике заболеваний

Клифтон-роуд, 1600

Атланта, GA 30333, США

Для немедленной публикации

Контакты: Подразделение новостей и электронных медиа,
Управление связи

(404) 639 – 3286

В деревнях Северной Индии обнаружен новый штамм гриппа

Индийское Министерство здравоохранения и семейного благополучия сообщает о новом штамме вируса гриппа, получившем название NII.4 Буранг. Пока неизвестно, является ли этот штамм мутацией существующих штаммов гриппа или является собой совершенно новый вирус. Центр профилактики и контроля заболеваемости США командировал полевую группу в помощь индийским работникам здравоохранения для анализа нового штамма.

Впервые вспышка этого заболевания отмечена среди сельских жителей в окрестностях города Дхарчула, Индия.

Тяжесть протекания заболевания и уровень смертности от нового штамма на данный момент пока также неизвестны.

ЦПКЗ рекомендовал Госдепартаменту опубликовать рекомендацию воздержаться от поездок в эти районы.

По мере получения ЦПКЗ новых сведений о НИ.4 Буранг будут публиковаться дальнейшие пресс-релизы.

Глава 78

Монастырь Иммару

Тибетский автономный район

На следующее утро Мило не ждал Кейт, но миска с утренней кашей стояла на столе, как и прежде. Малость простыла, но в целом была восхитительна.

Кейт вышла из комнаты с деревянными полами в коридор.

– Доктор Кейт! – воскликнул подбежавший к ней Мило. Остановился, чуть не добежав, и упер ладони в колени, пыхтя в попытке отдышаться. – Извините, доктор Кейт. Я был... мне нужно было поработать над специальным проектом.

– Специальным проектом? Мило, ты вовсе не обязан встречать меня каждое утро.

– Я знаю. Я сам хотел, – сказал подросток, наконец отдышавшись.

Они вместе пошли по крытым деревянным галереям к комнате Дэвида.

– Над чем ты трудишься, Мило?

– Не могу сказать, доктор Кейт, – покачал он головой.

Кейт задумалась, не очередной ли это розыгрыш. Когда они дошли до комнаты Вэйла, Мило с поклоном удалился, бегом припустив в том же направлении, откуда пришел.

Состояние Дэвида почти не изменилось, хотя Кейт показалось, что кожа его чуточку порозовела.

Дав ему утреннюю порцию антибиотиков и обезболивающих, она снова открыла дневник.

7 августа 1917 года

Я встаю, чтобы поприветствовать двух человек, которых Хелена вводит в тесный солярий. На моем лице не отражается ни малейшего

намека на боль. Я сегодня принял три больших белых пилюли от боли, чтобы выглядеть готовым к любой работе.

Вот-вот пробьет полдень, и солнце стоит высоко в небе, заливая ярким светом белую плетеную мебель и растения, расставленные по солярию.

Более высокий из двоих ступает вперед, опередив Хелену и заговорив, даже не дав ей времени представить нас друг другу.

– Итак, вы наконец решили повидаться с нами. – Немец, военный. Взгляд его холоден и пристален.

Прежде чем я успеваю заговорить, из-за спины великана выскакивает второй, протягивая руку.

– Мэллори Крейг, мистер Пирс. Рад знакомству. – Ирландец, да притом смахивает на грызуна.

Немец расстегивает свой китель и садится, не спрашивая приглашения.

– А я Конрад Канн.

Торопливо обогнув кушетку, Крейг присаживается рядом с Канном, который, сморщив нос, оглядывается и отодвигается.

– Вы немец, – говорю я, будто обвиняя его в убийстве – пожалуй, вполне справедливо. Вероятно, я мог бы скрыть интонации, если бы не лекарства, но я рад, что это вырвалось наружу.

– Ммм. Родился в Бонне, но должен сказать, интерес к политике я на данный момент утратил, – лениво, будто я спросил его, ладит ли он с лошадьми, отвечает Канн, закрыв глаза на тот факт, что его компатриоты травят газом и убивают солдат союзников миллионами. Он приподнимает подбородок. – Я имею в виду, кому нужна политика, когда на свете масса куда более интересных вещей?

– Вот именно, – кивает Крейг.

Хелена ставит между нами поднос с кофе и чаем, и Канн заговаривает, не дав мне вставить и словечка, будто это он должен развлекать меня.

– Ах, благодарю вас, леди Бартон.

– Оставайтесь, – прошу я ее, указывая на стул, по-моему, только затем, чтобы продемонстрировать Канну, кто тут главный. Похоже, это его раздосадовало, и мне становится чуточку лучше.

– Я слышал, вам нужна работа, – пригубив кофе, замечает Канн.

– Я ищу работу.

– У нас имеется работа специального рода. Нам нужен для ее выполнения человек определенного склада. Умеющий держать язык за зубами и думать на ходу.

В этот момент я думаю: разведывательная деятельность – в пользу немцев. Надеюсь, что так. У меня в прикроватном столике до сих пор хранится мой армейский пистолет. Я мысленно вижу, как беру его и возвращаюсь в соларий.

– А какого рода работа? – нарушает молчание Хелена.

– Археология. Раскопки.

Канн не сводит с меня взгляда, ожидая моей реакции. Крейг же по большей части наблюдает за Канном. Он и не пискнул с поры своего «вот именно», и я сомневаюсь, что он скажет еще хоть слово.

– Я ищу местную работу, – отвечаю я.

– Тогда вы не будете разочарованы. Участок находится под Гибралтарской бухтой. Весьма глубоко под ней. Мы ведем раскопки уже давненько. Фактически говоря, сорок пять лет. – Канн наблюдает за моей реакцией, но я храню невозмутимость. Он делает медленный глоток кофе, не отрывая от меня глаз ни на миг. – Мы только что начали находить... добились реального прогресса, но война поставила нас в затруднительное положение. Мы все еще уповаем, что она скоро закончится, но до той поры вынуждены принимать другие меры. Итак, мы здесь и делаем это предложение вам, – Канн отводит взгляд.

– Это опасно? – интересуется Хелена.

– Нет. Не более опасно, чем, скажем, на Западном фронте. – Выждав, когда она сдвинет брови, Канн протягивает руку, чтобы похлопать ее по колену. – О нет, просто шутка, моя дорогая девочка. – Он с улыбкой поворачивается ко мне. – Мы не станем подвергать нашего юного героя войны никакой опасности.

– Что случилось с вашей последней бригадой? – осведомляюсь я.

– У нас была немецкая команда проходчиков, крайне искусная, но очевидно, что война и контроль британцев над Гибралтаром осложнили для нас ситуацию.

Тогда я задаю вопрос, с которого следовало начать:

– Скольких человек вы потеряли?

– Потеряли?

– Погибшими.

– Ни одного, – пренебрежительно пожимает плечами Канн. Выражение лица Крейга говорит мне, что это ложь, и я гадаю, понимает ли это Хелена.

– А что вы раскапываете? – Он соврет, но мне интересно, к какой увертке он прибегнет.

– Исторические объекты. Артефакты. – Канн сплевывает слова, как жевательный табак.

– Не сомневаюсь. – По моим догадкам, это охота за сокровищами, скажем, затонувшим пиратским или купеческим судном на дне бухты. Там должно быть нечто весьма существенное, чтобы потратить на раскопки сорок пять лет, особенно под водой. Опасное занятие. Я справляюсь: – Компенсация?

– Пятьдесят бумажных марок в неделю.

Пятьдесят чего угодно было бы шуткой, но бумажные марки – для меня как пощечина. С равным успехом мне могли бы платить кошачьим золотом

[19]

. Учитывая, как складывается война для Германии, через год-другой бумажные марки даже на растопку не сгодятся. Немецкие семьи будут возить их в булочную тачками, чтобы только купить буханку хлеба.

– Я предпочитаю жалованье в американских долларах.

– У нас есть доллары, – небрежно замечает Канн.

– И много. Я хочу пять тысяч долларов вперед – только чтобы взглянуть на ваши тоннели. – Я смотрю на Хелену. – Если они плохо прорыты, если крепь шаткая или гнилая, я уйду с авансом в пять тысяч долларов.

– Они сработаны очень хорошо, мистер Пирс. Их рыли немцы.

– И я хочу тысячу в неделю.

– Абсурд. Вы просите королевский выкуп за крестьянский труд.

– Вздор; я слышал, что короли, кайзеры и цари уже не так ценятся, как доселе. Но четкая субординация должна наличествовать. Она может сохранить людям жизнь, особенно в опасных местах наподобие подводных выработок. Если я приму эту работу, то, находясь в шахте, я

во главе, и никаких исключений. Я не доверю свою жизнь в руки дурака. Таковы мои условия; принимайте их или уходите.

Фыркнув, Канн отставляет свою чашку кофе.

Откинувшись на спинку стула, я говорю:

– Разумеется, вы всегда можете дождаться окончания войны. Я согласен, оно не за горами. Тогда вы сможете привезти немецкую команду, если, конечно, кто-то из немцев уцелеет, но... Я уж наверняка не поставил бы на это.

– А я не приму ваших условий.

Встав, Канн кивает Хелене и удаляется, покинув растерявшегося Крейга. Невзрачный человечек встает, мгновение колеблется, стремительно вертя головой между мной и своим ретирующимся хозяином, а затем рысцой припускает за Канном.

Когда дверь закрывается, Хелена, откинувшись на спинку стула, проводит рукой по волосам.

– Боже, я была напугана до смерти, что вы собираетесь взяться за эту работу. – Она на несколько секунд устремляет взгляд в потолок. – Они сказали, что вы нужны им для какого-то научно-исследовательского проекта. Я сказала, что вы весьма умны и будете хорошим кандидатом. Знай я, что у них на уме, я бы этих прохвостов и на порог не пустила.

Назавтра, пока Хелена на работе, является Мэллори Крейг. Стоит на веранде, прижимая свою плоскую шляпу к груди.

– Примите извинения за вчерашнюю непристойную сцену, мистер Пирс. Мистер Канн пребывает под большим давлением, что ж тут... В общем, я... э-э... пришел сказать, что мы весьма сожалеем, и вручить вам это.

Он протягивает чек. Пять тысяч долларов США со счета «Иммари Гибралтар».

– Мы почтем за честь, если вы возглавите раскопки, мистер Пирс. Разумеется, на ваших условиях.

Я сказал ему, что ничуть не удивлен вчерашней беседой и что свяжусь с ним так или эдак.

Остаток дня я провожу сидя и предаваясь раздумьям – делая две вещи, в которых никогда не был силен до ухода на войну, но с тех пор весьма поднаторел. Я представлял, как схожу в этот шахтный ствол,

как свет дня сменяется свечным, а воздух становится холодным и сырым. Мне доводилось видеть, как люди, только что пережившие завал или иную травму – люди сильные – ломались, как скорлупа яйца при ударе о край сковородки, как только свет исчезал. А я? Я пытаюсь вообразить это, но не узнаю, пока сам не пройду по тоннелю.

Я раздумываю, чем еще могу заработать на пропитание – мои варианты. Могу найти работу горного инженера – во всяком случае, пока не кончилась война. После этого, вероятно, горнорабочих будет много, как никогда – некоторые из освоивших это дело на войне, но гораздо больше вернувшихся с нее бывших шахтеров. Однако чтобы найти горные разработки, нуждающиеся в человеке вроде меня, придется покинуть Гибралтар – тут уж ничего не попишешь. Другой вопрос, на котором я надолго не задерживаюсь, что было бы дико добраться до Америки или Южной Африки лишь затем, чтобы отпраздновать труса в шахте и поспешно удрать.

Я смотрю на чек. Пять тысяч долларов откроют мне широкий выбор, а экскурсия по их раскопкам могла бы оказаться... поучительной... в личном плане.

Я «только погляжу», решаю я. Я всегда могу уйти или – смотря как поведет себя мой кишечник – убежать.

Я твержу себе, что, наверное, откажусь от работы, так что говорить Хелене и нужды нет. Незачем ее тревожить. Работа сестры милосердия в полевом госпитале и без того слишком напряженная.

В оперативном пункте штаб-квартиры «Часовой башни» в Нью-Дели, Индия, Слоун потер виски и бросил взгляд на стену компьютерных дисплеев.

– Мы получили спутниковый материал, – сообщил инженер.

– И? – отреагировал Дориан.

Взъерошенный специалист подался вперед, изучая компьютерный экран.

– Несколько мишеней.

– Шлите беспилотники.

Монастыри – как иголки в гигантском тибетском стоге сена, но наконец и они оказались как на ладони. Теперь уж скоро.

Внимательно осмотрев рану Дэвида, Кейт сменила повязку. Дело явно пошло на поправку. Скоро он встанет. У нее проснулась надежда. Кейт снова взялась за дневник.

9 августа 1917 года

Во время вчерашнего визита Крейг сказал мне, что «Иммари Гибралтар» просто небольшой местный концерн. И поспешно добавил: «Впрочем, мы часть более крупной организации с другими активами здесь, на материке, и за морем». Небольшие местные концерны не владеют половиной порта и не распространяют свое влияние за полдюжины фронтов.

Экскурсия по участку – первый признак, что «Иммари» – вовсе не то, чем кажется. Придя по адресу, указанному на карточке Мэллори, я обнаруживаю затрапезное трехэтажное здание в сердце портового района. Все вывески на зданиях заканчиваются на какую-либо вариацию из разряда «Импортно-экспортная компания», «Грузоперевозки и морской фрахт» или «Судостроение и переоснащение». Длинные названия, оживление и свежесть красок зданий резко контрастируют с тускло освещенным, с виду заброшенным бетонным строением с надписью «Иммари Гибралтар», выведенной черными печатными буквами прямо над дверью.

Внутри же ко мне сразу подсказывает грациозная секретарша:

– Доброе утро, мистер Пирс. Мистер Крейг ждет вас.

Либо узнала меня по хромоте, либо с посетителями у них не густо.

Шагая через контору, я тут же вспоминаю штаб батальона, поспешно устроенный в городе, только что оказавшемся в осаде, – место, которое поспешно бросят, как только будет отвоевана какая-то территория или в случае внезапного отступления. Место, где никто не собирается задерживаться надолго.

Крейг любезен, вещает мне, как он счастлив, что я решил принять их предложение. Как я и подозревал, Канна не видно и не слышно, зато присутствует другой человек – помоложе, лет под тридцать, то бишь примерно моего возраста, и поразительно похожий на Канна – особенно снисходительной усмешкой на губах. Крейг подтверждает мои подозрения.

– Патрик Пирс, это Рутгер Канн. С его отцом вы знакомы. Я попросил его составить нам компанию во время экскурсии, ибо вам предстоит работать рука об руку.

Мы обмениваемся рукопожатием. Ладонь у него сильная и пожатие крепкое, он чуть не раздавливает мне руку. Месяцы в постели подорвали мои силы, и я отдергиваю руку.

Канн-младший выглядит довольным.

– Рад, что вы наконец пришли, Пирс. Я донимаю папу просьбами найти мне нового горного инженера уже не первый месяц; эта чертова война сильно меня задержала. – Он садится, закинув ногу на ногу. – Гертруда! – Как только секретарша появляется на пороге, он оглядывается. – Принесите кофе. Вы употребляете кофе, Пирс?

Я игнорирую его, обратив свое бесстрастное заявление напрямую к Крейгу.

– Мои условия были недвусмысленными: я во главе выработки – если приму работу.

Крейг вскидывает обе руки, не дав Рутгеру высказаться, и торопливо говорит, в надежде задобрить нас обоих.

– Ничего не изменилось, мистер Пирс. Рутгер проработал над проектом уже десятилетие, практически вырос в этих шахтах! Вы, вероятно, имеете много общего, полагаю, судя по... а-а... тому, что я слышал. Нет, вы все будете работать вместе. Он будет предлагать бесценные советы, и с его познаниями и вашим опытом горных работы мы и оглянуться не успеем, как добьемся результата или стремительного прогресса. – Он останавливает секретаршу, тихонько подбирающуюся с подносом. – Ах, Гертруда, не могли бы вы перелить кофе в термос? Мы возьмем его с собой. Э-э, и чаю для мистера Пирса.

Вход в шахту находится почти в миле от конторы «Иммари» – внутри складского здания у пристани, неподалеку от Скалы. Правильнее сказать, двух складов с двумя отдельными фасадами, придающими им вид самостоятельных строений при взгляде с улицы, но соединенных внутри. Такой большущий склад бросался бы в глаза и возбуждал бы любопытство. Зато фасады двух складов обычного размера могут запросто ускользнуть от внимания.

Внутри грандиозного склада нас ожидают четверо светлокожих негров. Я бы сказал, марокканцев. Завидев нас, все

четверо молча принимаются снимать брезент с сооружения посреди склада. Но когда он снят, я понимаю, что это вовсе не сооружение – это вход в шахту. Гигантское устье широко простирается в обе стороны. Я-то ожидал увидеть вертикальный ствол, но это наименьший из поджидающих меня сюрпризов.

Нас ждет вагонетка на электрическом ходу. И два широких рельса, уходящих в шахту. Ясное дело, им приходится извлекать уйму породы.

Крейг указывает на пустую вагонетку, а потом – в сторону гавани и моря за дверью склада.

– Мы ведем земляные работы днем, а выгрузку – ночью, мистер Пирс.

– Вы вываливаете грунт...

– В бухту, если можем. При полной луне приходится увозить морем подальше, – подхватывает Крейг.

Разумно. Это единственный способ избавиться от такой уймы грунта.

Подойдя поближе, я осматриваю шахтный ствол. Свод подпирает большой крепежный лесоматериал, в точности как в наших шахтах в Западной Вирджинии, но от стойки к стойке тянется толстый черный шнур, уходящий вдаль, сколько видит глаз. Вообще-то два шнура – по одному с каждой стороны ствола. В дальнем конце устья шахты левый шнур подходит к... телефону. Правый просто уходит в ящик, прикрепленный к стойке. У него металлический рычаг наподобие рубильника. Электричество? Уж конечно, нет.

Когда марокканцы заканчивают отбрасывать брезент, Рутгер широкими шагами подходит к ним и распекает их по-немецки. Я немножко понимаю, особенно одно слово: «feuer». Огонь. При его звуке у меня по коже бегут мурашки. Он указывает на вагонетку, потом на рельсы. Люди выглядят смущенными. Несомненно, это представление разыгрывается ради меня, и я отворачиваюсь, отказываясь лицезреть их унижение. Я слышу, как Рутгер извлекает нечто, слышится звон этого предмета о рельс. Обернувшись, я вижу, как он поджигает фитиль внутри круглого бумажного фонарика на верхушке миниатюрной – размером не более тарелки – вагонетки. Рутгер устанавливает ее на один рельс, и пара марокканцев помогают ему с устройством наподобие рогатки, стремительно запускающем

тарелку с огоньком в темноту шахты. Бумага защищает огонек, чтобы его не задуло в ту же секунду.

Минуту спустя мы слышим отдаленных хлопок взрыва. Рудничный газ. Вероятно, метановый карман. Рутгер знаком велит марокканцам отправить следующий запал, и они бросаются к рельсу с очередной тарелочной вагонеткой с бумажным фонариком, несущим пламя. Я впечатлен. В Западной Вирджинии, сообщая с прискорбием, наши методы далеко не столь совершенны. Наткнуться на метановый карман – все равно что найти снаряженную гранату: взрыв происходит мгновенно и всеохватно. Если тебя не погубит пламя, то обрушение – уж наверняка.

Это опасная шахта.

Мы слышим хлопок следующего разрыва – на сей раз глубже.

Марокканцы заряжают и запускают третью мини-вагонетку.

Мы ждем какое-то время, и когда не доносится ни звука, Рутгер перебрасывает рычаг рубильника и усаживается на место водителя вагонетки. Крейг хлопает меня по спине.

– Мы готовы, мистер Пирс.

Он занимает сиденье рядом с водителем, а я усаживаюсь на скамейку позади. Рутгер очертя голову пускает вагонетку в шахту, едва не слетев с рельс у входа, но в последний момент вагонетка сворачивает, уцепившись за них, а затем выравнивается, и мы катим в земные недра, будто герои какого-нибудь романа Жюль Верна. Скажем, «Путешествие к центру Земли».

В тоннеле царит непроглядная тьма, не считая тусклых фар вагонетки, едва озаряющей путь на десяток футов вперед. Мы мчимся на огромной скорости, кажется, целый час, и я храню полнейшее молчание, хотя, впрочем, при таком грохоте в тоннеле никто бы все равно не расслышал ни слова. Масштабы выработки ошеломляют, не поддаются воображению. Тоннели широкие, высокие и – к немалой моей досаде – сработаны весьма и весьма тщательно. Это не норы охотников за сокровищами; это подземные дороги, выстроенные на века.

Первые несколько минут в шахте идет непрерывный разворот. Должно быть, мы движемся по спиральному тоннелю, штопором вгрызающемуся глубоко в землю – достаточно глубоко, чтобы уйти под дно бухты.

Спираль выводит нас в более обширную перевалочную зону – несомненно, служащую для сортировки и хранения припасов. Я едва успеваю бросить взгляд на коробки и ящики, прежде чем Рутгер разгоняет вагонетку снова, мча по прямолинейному тоннелю еще быстрее, нежели прежде. Мы идем под уклон под неизменным углом, и я почти чувствую, как воздух с каждой секундой становится все влажнее. В тоннеле несколько развилок, но ничто не может заставить Рутгера сбросить скорость. Он ведет, как безумец, сворачивая налево и направо, едва вписываясь в повороты. Я хватаюсь за сиденье. Наклонившись, Крейг касается руки молодого человека, но я не слышу его голоса за оглушительным шумом двигателя вагонетки. Что бы он ни сказал, Рутгер пропускает это мимо ушей. Сбросив руку Крейга, он устремляется вниз еще упрямее. Машина верещит, и стены тоннеля сливаются в сплошную пелену.

Рутгер затеял этот головокружительный аттракцион, чтобы доказать, что знает туннели в темноте, что это его территория, что моя жизнь в его руках. Хочет меня запугать. И ему это удастся.

Такой грандиозной шахты я еще не видел, а ведь в горах Западной Вирджинии хватает громадных выработок.

Наконец тоннель выходит в огромное округлое пространство – словно место, где проходчики искали дорогу, несколько раз пускаясь в ложных направлениях. С потолка свисают электрические лампы, освещающие пространство, показывающие шпурь и скважины вдоль стен, где взрывы наметили новые туннели, впоследствии брошенные. Я вижу еще бухту черного шнура, лежащую у стола с другим телефоном – несомненно, связанным с аппаратом на поверхности.

Рельсовый путь тоже кончается здесь. Все три мини-вагонетки стоят в рядок в тупике линии в конце зала. Верхние части двух из них разнесены взрывами в клочья. Третья тихо стоит перед другими двумя; пламя ее дико пляшет, цепляясь за блуждающие завихрения кислорода в сыром пространстве.

Выключив машину, Рутгер выпрыгивает и задувает огонь. Последовавший за ним Крейг обращается ко мне:

– Итак, что скажете, Пирс?

– Ничего себе тоннель. – Я озираюсь, разглядывая диковинную выработку.

– Не жеманничайте, Пирс, – присоединяется к нам Рутгер. – Вы ведь ничего подобного не видели.

– Я и не говорил, что видел. – Следующие слова я адресую Крейгу: – У вас проблемы с метаном.

– Да, возникли не так давно. Мы начали наткаться на карманы только в прошлом году. Очевидно, мы были не совсем готовы. Мы предполагали, что главную опасность при этих раскопках будет представлять вода.

– Разумное предположение. – Метан – неизменная опасность многих угольных шахт. Я ни в коем случае не ожидал бы встретить его здесь – в месте, где вроде бы нет ни угля, ни нефти, ни иных месторождений природного топлива.

Крейг указывает вверх.

– Вы, несомненно, заметили, что ствол идет под неизменным углом – около девяти градусов. При этом вам надлежит знать, что дно моря над нами опускается с уклоном приблизительно одиннадцать градусов. Оно над нами примерно в восьмидесяти ярдах... как мы полагаем.

Мгновенно сообразив, что из этого следует, я не могу скрыть изумления.

– Вы считаете, что это метан со дна моря?

– Да, боюсь, что так.

Рутгер ухмыляется, будто мы две сплетничающих пожилых тетушки.

Я озираю остальную часть выработки. Крейг вручает мне каску и небольшой ранец. Потом щелкает рычажком сбоку, и на каске вспыхивает огонь. Я мгновение удивленно разглядываю его, но потом просто надеваю, решив сперва разобраться с более серьезной загадкой.

Скальные породы потолка сухи. Это добрый знак. Невысказанная угроза заключается в том, что если метановый карман взорвется и если этот карман достаточно велик, чтобы простираться до морского дна, произойдет чудовищный взрыв, а следом хлынет потоп, который почти мгновенно обрушит весь свод выработки. Тут уж либо сгоришь, либо захлебнешься, либо будешь раздавлен насмерть. А может, всё разом. Одна-единственная искра – от кирки, от упавшего камня, от трения колес вагонетки о рельсы – может поднять на воздух все вокруг.

– Если газ над нами, между этим штреком и морем, иного выбора я не вижу. Я бы рекомендовал закрыть его и найти другой путь, – заявляю я.

– Говорил же я вам, Мэллори, – презрительно бросает Рутгер. – Он непригоден. Мы только попусту время теряем с этим колченогим американским трусом.

– Минуточку, Рутгер, – вскидывает ладонь Крейг. – Мы оплатили мистеру Пирсу приход сюда; так давайте же выслушаем, что он хочет сказать.

– И что бы вы сделали, мистер Пирс?

– Ничего. Я бы бросил проект. Добыча не оправдывает затрат – ни человеческих, ни капитальных.

Возведя очи горе, Рутгер начинает разгуливать по выработке, игнорируя нас с Крейгом.

– Боюсь, мы не в состоянии так поступить, – вещает Крейг.

– Вы ищите сокровища.

Сцепив руки за спиной, Крейг идет вглубь зала.

– Вы же видите размеры выработки. Вам известно, что мы не охотники за сокровищами. В 1861 году мы утопили в Гибралтарской бухте корабль – «Утопию». Небольшая шутка для посвященных. Мы потратили пять лет на погружения к месту кораблекрушения, служившего ширмой для наших поисков внизу, где мы обнаружили сооружение приблизительно в миле от побережья Гибралтара. Но мы решили, что не в состоянии добраться до сооружения со дна моря – оно погребено слишком глубоко, а наши методы подводных работ пока просто слишком примитивны, и на быстрое их усовершенствование рассчитывать не приходится. Притом мы боялись привлечь внимание. Мы и так слишком уж подзадержались на месте затопления купеческого судна.

– Сооружение?

– Да. Какой-то город или храмовый комплекс.

Подойдя к нам, Рутгер становится спиной ко мне и лицом к Крейгу.

– Ему незачем это знать. Он захочет большей платы, если подумает, что мы откапываем нечто ценное. Американцы почти так же жадны, как евреи.

– Спокойно, Рутгер! – возвышает Крейг голос.

Проще было проигнорировать этого молокососа. Я заинтригован.

– А откуда вы знали, где затопить корабль, где копать? – интересуюсь я.

– Мы... имели общее представление.

– Откуда?

– Из исторических документов.

– А как вы узнали, что находитесь под местом погружения?

– Воспользовались компасом и рассчитали расстояние, принимая в расчет уклон тоннеля. Мы сейчас прямо под нужным участком. И располагаем доказательством.

Подойдя к стене, Крейг хватает камень – нет, потрепанную черную ткань, которую я принимал за породу. Сдергивает покрывало на пол, открыв взору... проход, будто люк в переборке массивного корабля.

Подойдя поближе, я свечу своей лампочкой в это странное пространство. Стены черные, явно металлические, но отблеск у них какой-то не такой, неопиcуемый; почти складывается впечатление, будто они реагируют на мой свет, как водяное зеркало. А наверху и внизу прохода мерцают огоньки. Заглянув за поворот, я вижу, что туннель ведет к какой-то двери или порталу.

– Что это? – шепчу я.

Крейг склоняется над моим плечом.

– Мы считаем, что это Атлантида. Город, описанный Платоном. Местонахождение совпадает. Платон утверждал, что Атлантида возносилась из Атлантического океана, будучи островом, расположенным прямо перед стремнинами Геркулесовых столбов.

– Геркулесовых столбов...

– Того, что мы называем Геркулесовыми столбами. Гибралтарская скала – один из Геркулесовых столбов. Платон утверждает, что Атлантида правила всей Европой, Африкой и Азией и служила путем на другие материки. Но она погибла. Говоря словами Платона: «Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину»

[20]

Крейг зашагал прочь от странного сооружения.

– Это она. Мы нашли ее. Теперь вы видите, почему мы не можем все здесь бросить, мистер Пирс. Мы очень, очень близки к цели. Вы к нам присоединитесь? Вы нам нужны.

– Вы попусту теряете время, Мэллори, – смеется Рутгер. – Он напуган до смерти, я по глазам вижу.

Крейг сосредоточенно смотрит на меня.

– Не обращайтесь на него внимания. Я знаю, что это опасно. Мы можем платить вам больше тысячи долларов в неделю. Скажите лишь, сколько это стоит.

Я заглядываю в тоннель, потом снова осматриваю потолок. Потолок сух.

– Позвольте поразмыслить.

Глава 80

Снежный лагерь «Альфа»

Скважина № 5

Восточная Антарктика

– Что у нас с глубиной? – поинтересовался Роберт Хант у буровика.

– Только что прошли шесть тысяч футов, сэр. Остановиться?

– Нет. Продолжайте. Я доложусь. Дерните меня, когда будет шесть с половиной.

Пройдя свыше мили, они не обнаружили ничего, кроме льда – точь-в-точь как на последних четырех буровых участках.

Запахнув парку поплотнее, Роберт направился от массивного бурового полка к своей полевой палатке. Миновал по пути еще одного рабочего. Хотел что-то ему сказать, но не мог вспомнить, как его зовут. Два человека, которых ему выделили, всё помалкивают; ни один почти ничего не поведал о себе, но оба трудолюбивы и совсем не пьют – лучших буровиков в экстремальных условиях и пожелать нельзя. Наверное, работодатель скоро опустит руки. Скважина номер пять выглядит совсем как четыре до нее – ничего, кроме льда. Но весь этот материк – циклопическая ледяная глыба. Роберт вспомнил, как где-то

читал, что Антарктика хранит девяносто процентов мировых запасов льда и семьдесят процентов запасов пресной воды. Если взять всю воду на свете – из каждого озера, пруда, ручейка и даже из всех облаков, не наберется и половины того, что заморожено в Антарктиде. Если весь лед растает, мир неузнаваемо преобразится. Море поднимется на двести футов, целые государства погибнут – а точнее, уйдут под воду, утонут; низменные страны наподобие Индонезии исчезнут с карты. Нью-Йорк, Нового Орлеана, Лос-Анджелеса и большей части Флориды тоже не станет.

Похоже, лед – единственное, чего в Антарктиде в достатке. Что они могут тут искать? Логичным ответом представляется нефть. В конце концов, Роберт – нефтяник. Но оборудование для нефтедобычи совершенно не годится. Не тот диаметр коронки. Для нефти нужен трубопровод. А эти долота делают такие дырищи, что грузовик проедет. Вернее, опустится. Что может быть там внизу? Минералы? Что-то научное – к примеру, окаменелости? Может, это какой-то хитроумный план, чтобы заявить права на землю? Антарктида огромна – семнадцать и пять десятых миллиона квадратных километров. Будь она страной, занимала бы второе место в мире. Антарктида всего на двадцать тысяч квадратных километров меньше России, другой адской дыры, где Роберту доводилось бурить, – но с куда большим успехом. Когда-то, добрых два миллиона лет назад, Антарктида была райским уголком, бурлящим жизнью. Вполне логично предположить, что под ее поверхностью таятся невообразимые запасы нефти и бог знает чего еще...

Сзади Роберта послышался грохот.

Пилон, торчащий из грунта, бешено закрутился – бур не встречает сопротивления. Должно быть, наткнулся на воздушный карман. Роберт ожидал этого: команды изыскателей недавно обнаружили большие каверны и расселины во льду, а возможно, и подледные фьорды там, где лед лежит на горных хребтах.

– Вырубай! – гаркнул Роберт.

Буровик на платформе его не услышал. Хант провел ладонью поперек горла, но тот лишь очумело вытаращился. Схватив рацию, Роберт проорал:

– Глуши машину!

На полке длинная труба, торчащая из скважины, заходила ходуном, будто волчок, начинающий терять равновесие.

Отшвырнув рацию, Роберт что есть духу побежал к полку, оттолкнув буровика с дороги и бросившись к пульту, чтобы остановить бур. Потом сграбастал растерянного рабочего и вместе с ним побежал от полка. Они успели добежать почти до жилых отсеков, когда услышали, как полок вздрогнул, покосился и опрокинулся. Буровая вышка переломилась, бешено завертевшись в воздухе. Даже с расстояния в двести футов шум был оглушителен, будто реактивный двигатель на полной тяге. Полок ушел в снег, бурильная труба выскочила, вгрызаясь в лед, как торнадо на равнинах Канзаса.

Роберт и бурильщик бросились ничком в снег, пережидая град обломков льда, пока установка наконец не замерла.

Роберт оглядел место происшествия. Работодатель будет недоволен.

– Ничего не трогай, – велел он бурильщику.

В жилом отсеке Хант взял микрофон рации.

– Добыча, здесь Снежный Король. У меня изменение ситуации, – проговорил он, ломая голову, что докладывать.

Буровая наткнулась не на воздушный карман. Это что-то другое. Долото прогрызло бы любую скальную породу или грунт, даже замороженный. Что бы там ни было, оно напрочь срезало бур. Есть только одна возможность...

– Вас понял, Снежный Король. Докладывайте.

Лучше меньше, да лучше. Он не станет пускаться в домыслы.

– Мы на что-то наткнулись, – сказал Роберт.

Когда вошел техник «Иммари», доктор Мартин Грей смотрел из окна модульного штаба и даже не повернул головы. Что-то в этих бескрайних снежных просторах вселяло в его душу покой.

– Сэр, буровая бригада номер три только что доложила. Мы думаем, они наткнулись на сооружение.

– Вход?

– Нет, сэр.

Мартин пересек комнату и указал на огромный экран, показывающий карту Антарктиды.

– Покажите, где именно.

Глава 81

Монастырь Иммару
Тибетский автономный район

Когда Кейт пришла на следующее утро, Дэвид был в сознании. И в гневе.

– Вы должны уходить. Парнишка сказал мне, что вы тут уже три дня.

– Я рада, что вам лучше, – жизнерадостным тоном отозвалась она.

Достала его антибиотики, обезболивающее и чашку воды. Дэвид выглядел даже более отощавшим, чем вчера; надо дать ему заодно чего-нибудь поесть. Кейт хотелось коснуться его лица, его обострившихся скул, но теперь – бодрствующий – он стал более устрашающим.

– Не игнорируйте меня, – буркнул Дэвид.

– Поговорим, как только вы примете свои таблетки. – Она протянула ему ладонь с двумя пилюлями.

– Что это?

– Антибиотик, – указала Кейт. – Обезболивающее.

Проглотив антибиотик, Дэвид запил его водой.

Кейт поднесла ладонь с обезболивающим поближе к его лицу.

– Вам нужно...

– Я не стану ее принимать.

– Когда вы спали, то были более послушным пациентом.

– Я уже выспался. – Дэвид откинулся на подушку. – Вы должны уходить отсюда, Кейт.

– Никуда я не пойду...

– Не надо. Не надо так поступать. Помните, что вы мне обещали? В коттедже у моря. Вы сказали, что будете слушаться моих приказов. Это было моим единственным условием. И теперь я велю вам уходить отсюда.

– Ну-ну... Это медицинское решение, а не... как там у вас называется? «Решение командира»?

– Не надо играть словами. Поглядите на меня. Вы же знаете, что я не могу уйти отсюда, а я знаю, как долго придется идти. Я уже делал это прежде...

– Кстати, раз об этом речь, кто такой Эндрю Рид?

– Неважно, – покачал головой Дэвид. – Он мертв.

– Но они называли ва...

– Он убит в горах Пакистана, недалеко отсюда, в бою с Иммари.

Они поднаторели убивать людей в этих горах. Это не игра, Кейт. – Он взял ее за руку, притянув на кровать. – Прислушайтесь. Слышите это басовитое жужжание, будто шмель вдали?

Кейт кинула.

– Это беспилотники – дроны-агрессоры. Они ищут нас, и когда найдут, бежать нам будет некуда. Вы должны уходить.

– Знаю. Но не сегодня.

– Я не...

– Я уйду завтра же, обещаю. – Схватив Дэвида за руку, Кейт горячо пожалала ее. – Дайте мне еще только денек.

– Уходите, едва рассветет, или я спрыгну с горы...

– Не надо мне угрожать.

– Это перестанет быть угрозой, если вы только послушаетесь.

Кейт отпустила его руку.

– Значит, ухожу завтра.

И, встав, она покинула комнату.

Вернулась Кейт с двумя мисками густой каши.

– Я подумала, что вы могли проголодаться.

Кивнув, Дэвид принялся за еду – поначалу торопливо, но после нескольких ложек сбавив темп.

– Я вам читала, – она продемонстрировала дневник. – Вы не против?

– Что читали?

– Дневник. Тот старик... внизу... это он дал его мне.

– А он... Цянь. – Дэвид проглотил еще две ложки короткой очередью. – И о чем он?

Сев на кровать, Кейт вытянула ноги вдоль ног Дэвида, как поступала, когда он был без сознания.

– О горном деле.

– О горном деле? – Дэвид поднял голову от миски.

– А может, о войне... нет, вообще-то я толком не знаю. Все происходит в Гибралтаре...

– В Гибралтаре?

– Да. Это важно?

– Возможно. Шифровка. – Дэвид принялся обшаривать карманы, будто в поисках ключей или бумажника. – Вообще-то, она была у Джоша...

– Кто такой Джош? Что у него было?

– Он... я работал вместе с ним. Мы получили шифровку от источника – того самого человека, который сообщил нам о китайском комплексе; кстати, я хотел об этом поговорить. Одним словом, там была фотография айсберга с торчащей из него посередине субмариной. На обороте – шифровка. Шифр указывал на некрологи в «Нью-Йорк таймс» за сорок седьмой год. Их было три. – Дэвид опустил взгляд, пытаюсь припомнить. – В первом упоминался Гибралтар и найденные британцами останки возле участка.

– Участок может быть шахтой. Иммари пытались нанять американского горного инженера, бывшего военного, для раскопок сооружения в нескольких милях под Гибралтарской бухтой. Они думали, что это затерянный город Атлантиды.

– Любопытно, – в глубокой задумчивости проронил Дэвид.

Не успел он добавить ни слова, как Кейт раскрыла дневник и начала читать.

9 августа 1917 года

Домой я прихожу уже поздно и застаю Хелену за кухонным столиком. Поставив локти на стол, она сжимает лицо обеими ладонями, словно стоит ей убрать руки, и оно рухнет не землю. Слез нет, но глаза у нее покраснели, будто она уже выплакалась и больше не может. Она выглядит точь-в-точь как женщины, которых я видел покидающими госпиталь в сопровождении двух санитаров с носилками, накрытыми белой простыней.

У Хелены трое братьев – двое служат, а один еще слишком юн для призыва, но, может, он только что записался волонтером. Это первое, что приходит мне в голову: сколько братьев у нее сейчас осталось?

Услышав хлопок двери, она подскакивает и смотрит на меня безумным взором.

– Что стряслось? – спрашиваю я.

Она обнимает меня.

– Я думала, вы это сделали – приняли эту работу или ушли навсегда.

Я обнимаю ее за плечи, и Хелена прячет лицо у меня на груди. Когда рыдания утихают, она поднимает на меня свои большие карие глаза, вопрошающие о чем-то, но расшифровать их вопрос я не в силах. Я целую ее в уста. Это голодный, отчаянный поцелуй – будто зверь впивается в добычу, за которой охотился весь день, пытаюсь поддержать свои силы, впитывая жизненные соки, без которых ему погибель. Она такая хрупкая в моих объятьях, я тяну пальцы к ее блузке, нащупывая пуговицы, но она бьет меня по руке и делает шаг назад.

– Патрик, я не могу. Я еще... старомодна, во многих отношениях.

– Я могу подождать.

– Дело не в этом. Тут... ну... я бы хотела, чтобы вы познакомились с моим отцом. Со всей моей семьей.

– Я бы тоже очень этого хотел – познакомиться с ним, со всеми ними.

– Хорошо. До следующей недели я свободна от госпиталя. Я позвоню ему утром. Если это их устроит, мы можем отправиться дневным поездом.

– Давайте перенесем это на послезавтра. Мне нужно... Мне нужно кое-что получить.

– Очень хорошо.

– И еще одно, – я мучительно подыскиваю слова. Мне нужна работа, жалование хотя бы за пару-тройку недель, и тогда у меня все устроено. – Насчет работы... я вообще-то посмотрел, и она, гм, может оказаться не столь уж и опасной...

Выражение ее черт стремительно меняется, изобразив нечто среднее между тревогой и негодованием, будто я дал ей пощечину.

– Я не могу. Я не буду. Ждать каждый день, гадая, вернетесь ли вы домой. Я не смогу так жить.

– Это все, что у меня есть, Хелена. Я искушен лишь в этом. Больше я ничего не умею.

– Не поверю этому ни на секунду. Мужчины начинают сызнова то и дело.

– И я начну, клянусь вам. Шесть недель – вот и все, что мне нужно, и я выброшу полотенце на ринг. Война к тому времени может

закончиться, и сюда привезут новую бригаду, а вы отбудете отсюда, и мне нужно будет... Мне нужны деньги для... для того, чтобы сделать приуготовления.

– Приуготовления можно сделать без денег. У меня есть...

– Не может быть и речи.

– Если вы погибнете в этой шахте, мне нипочем этого не пережить. Сможете вы с этим мириться?

– Горное дело куда менее опасно, когда люди не бросают бомбы друг другу на головы.

– А если над головой у вас целый океан? Целая Гибралтарская бухта у вас над головой. И вся эта вода постоянно давит на эти тоннели. Как вы вообще выберетесь, если они обрушатся? Это самоубийство.

– Наступление моря можно увидеть.

– Как?

– Скалы потеют, – поясняю я.

– Извините, Патрик, я не могу. – Выражение ее глаз говорит, что это не притворство.

Некоторые решения принимать легко.

– Тогда решено. Я скажу им «нет».

Мы снова целуемся, и я крепко обнимаю ее.

– Так, значит, это вы читали? – Дэвид положил ладонь на руку Кейт. – «Унесенные ветром» времен Первой мировой?

– Нет! – Она сбросила его ладонь. – То есть до сих не было ничего похожего, но... и вообще, капелька романтики в вашей литературной диете не повредит. Смягчит ваше каменное сердце солдата.

– Там видно будет. Может, мы как-нибудь проскочим слащавые места и перейдем прямо к тем, где говорится про бомбы или расположенные там секретные лаборатории?

– Мы не станем ничего пропускать. Это может быть важно.

– Что ж, раз вам это так нравится, то я уж потерплю, – сцепив руки на животе, он стойчески уставился в потолок.

– Вечный мученик, – улыбнулась Кейт.

Штаб-квартира «Часовой башни»

Нью-Дели, Индия

– Сэр?

Дориан поднял глаза на служащего «Иммари Секьюрити», нервно переминающегося с ноги на ногу на пороге его кабинета.

– Что?

– Вы просили держать вас в курсе операции...

– Докладывайте.

Тот сглотнул.

– Пакеты для Америки и Европы прибыли.

– Беспилотники?

– Захватили очередную цель.

Глава 83

Монастырь Иммару

Тибетский автономный район

Кейт показалось, что отдаленное жужжание разыскивающего их шмеля стало громче, но она проигнорировала этот факт. Дэвид тоже ничего не сказал.

Они сидели вместе в тесном алькове с видом на долину, и Кейт продолжала чтение, прервавшись лишь ради второго завтрака и чтобы дать Дэвиду антибиотики.

10 августа 1917 года

Процентщик смотрит на меня, будто сидящая на дереве хищная птица, пока я озираю стеклянные витрины в передней части ломбарда. В них не счесть перстней – сплошь сверкающих, сплошь прекрасных. Я-то думал, на выбор будет три-четыре образчика и все сложится довольно просто. Как же тут быть?..

– Молодой человек ищет обручальное кольцо – ничто не может согреть моего сердца более сего, тем паче в эти темные времена.

Ростовщик стоит над витриной с гордой, сентиментальной улыбкой. Я даже не слышал, как он пересек помещение. Должно быть, передвигается, аки тать в нощи.

– Да, я... не думал, что их будет так много... – Я продолжаю обегать взором содержимое витрины, ожидая, когда что-нибудь

бросится в глаза.

– Колец много, потому что у нас в Гибралтаре много вдов. Королевство воюет вот уж четыре года, а бедных женщин война лишает и мужей, и источников дохода. Они продают свои кольца, дабы купить хлеба. Хлеб в желудке куда дороже, нежели камень на пальце или воспоминания в сердце. Мы платим им пенсы за фунт. – Открыв витрину, он извлекает бархатный лоток с самыми большими перстнями. Поставив лоток на витрину, шейлок простирает над ним ладони, словно престижитатор, показывающий кунштюк. – Но для вас, друг мой, их нужда может обернуться выгодой. Только полюбуйтесь на цены. Вас ждет сюрприз.

Я невольно делаю шаг назад, даже не заметив того. Перевожу взгляд с колец на этого лихоимца, указывающего на них с алчной ухмылкой.

– Все в порядке, вы можете их потрогать...

Будто во сне, я бросаюсь за порог и снова оказываюсь на улицах Гибралтара, прежде чем успеваю осознать, что случилось. Я шагаю быстро, во всю прыть, какую позволяют мне мои полторы ноги. Не знаю почему, но я иду прочь от делового района к Скале. Уже на подходе к ней я пересекаю Гибралтар, покинув западную, современную часть города, обращенную к Гибралтарской бухте. Вхожу в старую деревушку, приткнувшуюся на восточном склоне Скалы возле Каталан-Бэй и обращенную к Средиземному морю.

Какое-то время я шагаю, погрузившись в раздумья. Нога болит как сумасшедшая. Не предполагая столько ходить, я не захватил с собой ни пилюли. Зато взял пятьсот из почти одиннадцати тысяч скопленных долларов.

Я долго прикидывал, сколько потратить. Думал потратить больше, может, целую тысячу долларов, но две вещи убедили меня не делать этого. Первая – то, что мне нужен капитал, чтобы начать новую жизнь. Одиннадцати тысяч долларов вряд ли хватит, но я как-нибудь выкручусь. Я определенно не возьмусь за работу «Иммари», так что наличный капитал – все, чем я располагаю. Второй и более важный резон – сомневаюсь, что Хелена захотела бы этого. Она улыбнется и с радостью примет вычурное кольцо, но без энтузиазма. Она выросла в мире, где роскошные драгоценности, шелковые платья и громадные особняки в порядке вещей. По-моему, все это утратило для нее свой

лоск. Она жаждет подлинности – и в вещах, и в людях. Чаще всего мы добиваемся того, чего были лишены в детстве. Слишком опекаемые дети становятся сорвиголовами. Голодающие – амбициозными. А некоторые дети, подобно Хелене выросшие в холе и неге, никогда ничего не хотят, окруженные людьми, не видевшими реального мира, попивающими свое бренди каждый вечер и сплетничающими об отпрысках того или иного рода... Порой они хотят лишь видеть реальный мир, жить в нем и сделать его лучше. Познать искренние отношения, видеть, что живут не даром.

Улица впереди окончилась, упершись в Скалу. Мне нужно где-нибудь присесть, дать ноге роздых. Остановившись, я озираюсь. В тени белой скалы, возносящейся справа, прикорнула простая католическая церковь. Сводчатая деревянная дверь распаивается, и пастор среднего возраста ступает под знойное гибралтарское солнце. Ни слова не говоря, он указывает рукой в темный проем, и я поднимаюсь по ступеням в небольшой храм.

Свет просачивается сквозь витражные окна. Церковь красивая, с темными деревянными стропилами и невероятными фресками на стенах.

– Добро пожаловать в храм Богоматери Скорбящей, сын мой, – говорит пастор, закрывая тяжелую деревянную дверь. – Ты пришел исповедаться?

Я начинаю подумывать, не пойти ли на попятную, но красота церкви притягивает меня, и я захожу глубже.

– Мм, нет, отец, – рассеянно роняю я.

– Чего же ты ищешь? – Он шагает позади меня, сцепив руки перед собой наподобие стремени.

– Ищу? Ничего... или... я был на рынке, чтобы купить кольцо и...

– Ты поступил мудро, придя сюда. Мы живем в странные времена. Наш приход был в последнее время весьма удачлив. Мы получили множество посмертных даров от прихожан, отошедших из мира живых. Фермы, картины, ювелирные украшения, а в последние годы и множество колец. – Он выводит меня из нефа в тесную комнатку с письменным столом и книжными шкафами от потолка до пола, набитыми книгами в кожаных переплетах. – Храм сберегает сии предметы, продавая, когда удастся, и используя средства на поддержание тех, кто еще пребывает среди живущих.

Я киваю, не зная толком, что сказать.

– Я ищу... нечто особенное...

Нахмурившись, тот усаживается за стол.

– Боюсь, наш выбор не столь изыскан, как ты мог бы найти где-либо еще.

– Мне нужен не выбор... А кольцо... с историей.

– Каждое кольцо повествует историю, сын мой.

– Тогда какую-нибудь со счастливым концом.

– В сию темную годину счастливые концы – большая редкость, – откидывается тот на спинку кресла. – Но... возможно, мне известно такое кольцо. Поведай мне о счастливой юной леди, которая его получит.

– Она спасла мне жизнь. – Отвечать на вопрос мне неловко, и для начала ничего другого мне в голову не приходит.

– Ты был ранен на войне.

– Да. – Не заметить мою хромоту было бы затруднительно. – Но не только это. Она изменила меня.

Это выглядит неуклюжей сводкой того, что она сделала для меня – женщина, вернувшая мне волю к жизни, – но пастор просто кивает.

– Несколько лет здесь поселилась доживать свой век очаровательная пара. Она работала на миссии в Южной Африке. Ты бывал в Южной Африке?

– Нет.

– Неудивительно. До недавнего времени ею никто не интересовался. Примерно с 1650 года она была лишь перевалочной базой на торговых путях на Восток. Голландская Ост-Индская компания построила Кейптаун как полустанок на морском пути вокруг мыса Доброй Надежды. Построила руками рабов из Индонезии, Мадагаскара и Индии. И таким он и был – торговым полустанком у моря, по меньшей мере до 1800-х, когда нашли золото и алмазы, и это место превратилось в сущий ад на земле. Голландцы веками истребляли местное африканское население в ряде пограничных войн, но затем пришли британцы, принесли туда современную войну. Такую, какую могут вести лишь европейские страны, но, думается мне, тебе сие ведомо. Войну с неисчислимыми жертвами, голодом, болезнями и концентрационными лагерями.

Один воин сражался в Южноафриканской войне на стороне британцев. А поелику военные трофеи достаются победителям, по окончании сего конфликта несколько лет назад у него скопилась весьма кругленькая сумма. Эти деньги он вложил в копи. Наткнувшись на жилу, обогатился, однако был постигнут хворостью. Воительница Армии спасения – испанка, во время войны работавшая в госпитале, – выходила его. И смягчила его сердце. Она поведала ему, что выйдет за него при одном условии: что он навсегда распротится с копиями и откажет половину своих богатств госпиталю.

Онный согласился, и они отплыли из Южной Африки раз и навсегда. И поселились здесь, в Гибралтаре, в старом городе на берегу Средиземного моря. Но уход от дел пришелся сказанному человеку не по душе. Он был воином и шахтером всю свою жизнь. Кое-кто мог бы сказать, что он знал лишь тьму, боль и борьбу; что свет Гибралтара сиял слишком ярко для его сердца, преисполненного тьмой, что беззаботная жизнь понудила его задуматься о собственных грехах, каковые преследовали его, изводили его денно и нощно. Но в чем бы ни состояла причина, скончался он год спустя. А сия женщина последовала за ним несколькими месяцами позже.

Я жду, гадая, окончен ли рассказ. И наконец говорю:

– Отче, у нас очень разные представления о том, что являет собой счастливый конец.

Лицо пастыря озаряется улыбкой, словно он услышал, как дитя сказало нечто забавное.

– Сия история счастливее, чем ты думаешь – ежели веруешь тому, чему учит Церковь. Для нас смерть – лишь переход, да притом радостный для праведника. Сие есть начало, а не конец. Видишь ли, сей человек раскаялся, предпочтя проститься со своей жизнью угнетения и алчности. Он заплатил за свои грехи – во всем, что имеет значение. Он был спасен, как и многие мужчины, доброй женщиной. Но иные жизни трудней, нежели прочие, и иные грехи допекают нас, какой бы ценой мы ни расплатились за них и как бы далеко от них ни уплыли. Быть может, сие и постигло сказанного человека, а может, и нет. Быть может, уход от дел негод трудлюбивому. Возможно, отдых не несет утешения трудящемуся не покладая рук.

А есть и иная возможность. Сей человек искал в Южной Африке войны и мощны. Он жаждал власти, уверенности, знания, что

пребывает в безопасности в опасном мире. Но отрекся от всего сего, повстречав эту женщину. Может статься, что он желал лишь быть любимым и не знать мук. И когда обрел это, когда наконец нашел любовь после целой жизни без нее, то умер счастливым. А сия женщина желала лишь знать, что способна переменить мир, и ежели ей удалось переменить сердце темнейшего из людей – значит, надежда жива для всего рода людского.

Пастор примолкает, чтобы перевести дыхание, вглядываясь в меня.

– А может, их единственной оплошностью был уход от дел, оседлая жизнь там, где прошлое смогло их настичь, – пусть лишь в сновидениях ночных. Каковы бы ни были причины их смертей, участь их не вызывает сомнений: Царство Небесное – удел раскаявшихся, и я верю, что сей мужчина и сия женщина живы там по сей день.

Пока я размышляю над рассказом пастыря, он поднимается из-за стола.

– Не желаешь ли взглянуть на это кольцо?

– Мне незачем на него глядеть. – Отсчитав пять сто долларовых серебряных сертификатов, я кладу их на стол.

Глаща священника изумленно распахиваются.

– Мы с радостью принимаем любые пожертвования, каковые наши дарители сочтут уместными, но должен предупредить тебя, дабы ты не почувствовал себя обманутым, что пятьсот долларов – много более, нежели сие кольцо стоит... в нынешней... на рынке.

– Для меня оно стоит всех этих денег до последнего цента, отче.

По пути обратно к коттеджу я почти не замечаю боли в ноге. Мне видится, как мы с Хеленой путешествуем по миру, нигде не задерживаясь более чем на пару лет. В этом видении она работает в госпиталях, а я вкладываю средства в горные разработки, используя свои знания, чтобы отыскивать смысленных промышленников и многообещающие участки, предприятия, платящие шахтерам по справедливости и обеспечивающие им хорошие условия. Поначалу это будет не слишком прибыльно, но мы привлечем лучших, а в горном деле, как и во всяком другом, все решают лучшие. Мы выведем конкурентов из игры и воспользуемся деньгами, чтобы сделать мир лучше. И никогда не уйдем от дел, никогда не позволим миру настичь нас.

Закрыв дневник, Кейт наклонилась вперед, чтобы осмотреть повязку у Дэвида на груди. Потом одернула и разгладила бинты по краям.

– Что-то не так?

– Ничего, но мне кажется, одна из ран еще немного кровоточит. Скоро я сменю бинты.

– Это у меня сердце кровью обливается, – театрально вздохнул Дэвид.

– Значит, еще не все потеряно, – улыбнулась Кейт.

Глава 84

13 августа 1917 года

Дом, где прошло детство Хелены, куда более грандиозен, нежели я воображал поначалу – главным образом потому, что я ни разу не видел ничего подобного. Он расположился прямо у обширного озера, угнездившись среди густых английских лесов и волнистых холмов. Это шедевр из камня и дерева, будто некий средневековый замок в современном декоре. Шумное бензиновое авто везет нас с железнодорожного вокзала к дому по обсаженной деревьями гравийной дороге, утопающей в густом тумане.

Ее отец, мать и брат уже ждут нас, стоя во фрунт, словно мы прибыли к ним с высочайшим визитом. Они благосклонно приветствуют нас. За нашими спинами челядь, выгрузив наш багаж из автомобиля, удаляется с ним в дом.

Отец ее высок и грузен – не тучен, но и уж определенно не худ. Пожимая руку, он с прищуром вглядывается мне в глаза, будто что-то изучая. Быть может, мою душу.

Следующие два-три часа проносятся как в тумане. Обед, светская болтовня в гостиной, экскурсия по дому. Я же тем временем только и думаю, что о том моменте, когда попрошу руки его дочери. Я то и дело бросаю на него взгляды, пытаюсь выудить еще хоть крупицу сведений, что-нибудь такое, что поведаст мне, каков его нрав и что он может мне ответить.

После обеда Хелена увлекает мать прочь из комнаты вопросом о каком-то предмете мебели, а ее младший брат Эдуард, к моему

восторгу, испрашивает у отца соизволения удалиться.

Наконец-то мы одни в обшитой деревянными панелями гостиной, и нервы у меня совсем разыгрываются. Нынче я был аккуратен с пилюлями, приняв лишь одну. В последнее время боль уже не так донимает меня – а может, я просто «знакомлюсь с ногой», как сулил мне доктор Карлайл. Но все-таки донимает, впиваясь в меня из-за волнения. Однако же я продолжаю стоять, дожидаясь, когда он сядет.

– Что вы предпочитаете, мистер Пирс? Бренди, скотч, бурбон?

– Бурбон меня вполне устроит.

Он наполняет бокал почти до краев, не утруждаясь добавить лед, и вручает его мне.

– Мне ведомо, что вы собираетесь меня спросить, и мой ответ «нет», так что давайте избавим себя от сего неприятного момента, дабы насладиться вечером. Канн сообщает, что вы объявились на гибралтарских раскопках; говорит, Крейг устроил вам ознакомительную экскурсию по нашему небольшому предприятию. – Он одаривает меня притворно застенчивой улыбкой. – Теперь я хотел бы послушать ваше впечатление о нем – как профессионала горного дела. Выдержит ли оно, пока мы не пробьемся?

Я несколько раз открываю рот, но не могу выдать ни слова. В голове проносятся злобные мысли. Он отмахнулся от меня, как от торговца вразнос. Он из «Иммари» – змей под стать Канну. Я делаю презрительный глоток из бокала и говорю как могу бесстрастно:

– Я бы хотел знать, почему.

– Давайте обойдемся без грубостей, мистер Пирс.

– Она любит меня.

– Ничуть не сомневаюсь. Война – время сильных чувств. Но война закончится, и чувства угаснут. Вновь воцарится реальный мир, она вернется в Англию и выйдет замуж за человека, способного обеспечить ей такую жизнь, какой она хочет на самом деле – жизнь цивилизованную и утонченную. Жизнь, ощутить наслаждение от которой невозможно, пока не повидал варварство окружающего мира. Вот что ей предназначено. Я уже сделал приготовления, – закинув ногу на ногу, он отхлебывает бренди. – Знаете, когда Хелена была еще девочкой, она принимала участие в каждой блохастой, паршивой, больной, раненой или полумертвой по какой другой причине твари, забредавшей к нам в поместье. И не отступалась, пока та либо не

подыхала, либо не исцелялась. У нее доброе сердце. Но повзрослев, она утратила всякий интерес к спасению животных. Каждый проходит в жизни подобные этапы, особенно девочки. А теперь я выслушаю ваше мнение о наших туннелях в Гибралтаре.

– Да мне наплевать на эти тоннели и на то, что там внизу. Это опасная шахта, я не буду в ней работать. А что я сделаю, так это женюсь на вашей дочери без вашего позволения. Я не раненое животное, а она больше не маленькая девочка. – Я ставлю бокал на стеклянный столик, едва не разбив его и расплескав коричневую жидкость по всей комнате. – Спасибо за угощение.

Я встаю, чтобы уйти, но он тоже ставит бокал и уводит меня от двери.

– Всего одну минуту. Вы, должно быть, шутите. Вы же видели, что там, внизу. И вы отвернетесь от этого?

– Я нашел то, что интересует меня куда больше, чем затерянные города.

– Я вам сказал. Я уже нашел Хелене достойную пару. Это решено. Давайте отодвинем это в сторону. Что же до раскопок, мы можем платить вам. Между прочим, как раз в этом заключается моя роль. Я распоряжаюсь кошельком – казной «Иммари». Канн управляет экспедициями и многим другим, как вы наверняка уже заключили. Мэллори – наш повелитель шпионов. Не стоит недооценивать Крейга, он весьма хорош в своем деле. Так сколько же потребуется? Мы можем удвоить ставку. Две тысячи долларов в неделю. Через пару месяцев вы сможете устроиться, как вам заблагорассудится.

– Я не стану вести эту разработку ни за какие деньги.

– Почему нет? Безопасность? Вы можете ее исправить, я уверен. Армейские нам говорили, что вы весьма умны. Лучший, сказали они.

– Я сказал ей, что не стану работать в шахте. Дал обещание. И не стану делать ее вдовой.

– Вы предполагаете, что женитесь на ней. Она же не выйдет замуж без моего соизволения. – Вздохнув, лорд Бартон наблюдает за моей реакцией, довольный тем, что загнал меня в угол.

– Вы недооцениваете ее.

– Это вы ее переоцениваете. Но если это ваша цена, можете получить ее и две тысячи долларов в неделю. Но согласитесь здесь же

и сейчас же, что будете работать на раскопках до самого конца. И незамедлительно получите мое благословение.

– Вы отдадите свое одобрение ради того, что там погребено?

– Без труда. Я человек практичный. И ответственный. Быть может, и вы когда-нибудь таким станете. Что такое будущее моей дочери пред лицом участи всего рода людского?

Я чуть не рассмеялся, но он устремляет на меня абсолютно серьезный взгляд. Потирая лицо, я пытаюсь думать. Я не ожидал, что он начнет торговаться, а уж по поводу этого дела в Гибралтаре – в последнюю очередь. Я понимаю, что делаю ошибку, но просто не вижу выбора.

– Я получу ваше позволение сейчас, а не после раскопок.

Бартон отводит взгляд.

– Сколько времени потребуется, чтобы проникнуть в строение?

– Я не знаю...

– Недели, месяцы, годы?

– Полагаю, месяцы. Кто зна...

– Отлично, отлично. Вы его получили. Объявим нынче же вечером, а если вы не выполните своего обязательства в Гибралтаре, я сделаю ее вдовой.

Глава 85

Ассошиэйтед Пресс —

Экстренный онлайн-выпуск новостей

Клиники по всей территории США и Западной Европы сообщают о вспышке нового гриппа

Нью-Йорк (АП) // Отделения скорой помощи и клиники неотложной помощи по всем США и Западной Европе сообщают о поступлении новых заболевших гриппом, выражая опасения, что это может быть эпидемией не встречавшейся ранее разновидности гриппа.

Глава 86

Монастырь Иммару

Тибетский автономный район

Опершись затылком о деревянную стену алькова, Кейт смотрела на солнце, от всей души желая, чтобы оно остановило свой ход по небу. Периферией зрения она заметила, что Дэвид открыл глаза и смотрит на нее. Но прежде чем он успел сказать хоть слово, она распахнула дневник и продолжила чтение.

20 декабря 1917 года

Марокканские проходчики съезживаются, когда вокруг них начинают падать камни. Пространство заполняется дымом, и мы отступаем обратно в ствол. Ждем, прислушиваясь в готовности попрыгать в вагонетку, раскорячившуюся на рельсах и готовую помчаться прочь из шахты при первых признаках беды – огня или, в данном случае, воды.

Безмолвие нарушает первая трель канарейки, и мы один за другим переводим дыхание и возвращаемся в огромный зал, чтобы поглядеть, что выбросила нам рулетка на сей раз.

Мы близко. Но пока не добрались.

– Говорил же, глубже надо было бурить, – бурчит Рутгер.

Я не помню, чтобы он что-то говорил. Правду говоря, я практически уверен, что он сидел сложа руки, даже не осмотрев шурф, прежде чем мы набили его химической взрывчаткой. Он подходит к участку производства работ, чтобы разглядеть получше, по пути проведя ладонью по прутьям одной из канареечных клеток, всполошив бедную птицу.

– Не трогайте клетки, – осаживаю его я.

– Вы дадите им удушиться рудничным газом, чтобы выиграть для себя пару минут, но не позволяете их и пальцем тронуть?

– Эти птицы могут спасти жизнь всем нам. Я не хочу, чтобы вы мучили их ради собственной потехи.

Рутгер вымещает гнев, адресованный мне, на марокканском десятнике. Орет на бедолагу по-французски, и дюжина работников принимаются растаскивать наваленные взрывом обломки.

Прошло уже почти четыре месяца с той поры, как я впервые посетил выработку, как я впервые ступил в этот странный зал. В первые пару месяцев раскопок стало ясно, что найденная нами часть сооружения – входной тоннель в нижнюю часть строения. Он привел к

двери, запечатанной с помощью такой техники, что нам нечего и думать пробиться сквозь нее. А ведь мы перепробовали всё – огонь, лед, взрывчатку, химикалии. Берберы из рабочей бригады даже проделали диковинный племенной ритуал – возможно, дабы потешить себя. Но вскоре стало ясно, что через дверь нам не войти. Мы предположили, что это какой-то дренажный тоннель или путь аварийной эвакуации, запечатанный невесть сколько тысяч лет назад.

После некоторых дебатов Совет «Иммари» – то бишь Канн, Крейг и лорд Бартон, мой новоиспеченный тесть – решил, что нам надобно двинуться вверх по сооружению, в район, где находятся карманы метана. Он замедлил наше продвижение, но в последние несколько недель появились признаки, что мы приближаемся к какого-то рода входу. Гладкая поверхность сооружения – какой-то металл тверже стали, почти не издающий звука, если по нему ударить – начал отклоняться от вертикали. А неделю назад мы нашли ступеньки.

Пыль рассеивается, и я вижу еще отрезок лестницы. Рутгер орет на проходчиков, чтобы пошевеливались, словно эта штукovina может сбежать.

Сквозь пылевую завесу у меня за спиной доносится топот, и ко мне подбегает мой помощник.

– Мистер Пирс! Ваша жена у вас в кабинете. Хочет видеть вас.

– Рутгер! – гаркаю я. Он оборачивается. – Я беру вагонетку. Никаких взрывов, пока я не вернусь.

– Черта лысого! Мы совсем рядом, Пирс.

Схватив коробку с капсулями, я бросаюсь к вагонетке.

– Гони на поверхность, – приказываю я помощнику.

Позади Рутгер изрыгает тираду по поводу моей трусости.

На поверхности я быстро переодеваюсь и мою руки. Но не успеваю направиться в контору, как на складе звонит телефон и входит управляющий.

– Извините, мистер Пирс, она ушла.

– Что ей сказали?

– Извините, сэр, не знаю.

– Она больна? Она идет в больницу?

– Я... – Тот с виноватым видом разводит руками. – Прошу прощения, сэр, я не спрашивал...

Не успевает он договорить, как я выбегаю из дверей и сажусь в машину, гоня в больницу, но там ее нет, там она и не показывалась. Из больницы телефонистка соединяет меня с телефоном, только что установленным в нашем особняке. Он звонит десять раз кряду.

– Извините, сэр, никто не отвечает... – встречается телефонистка.

– Пусть звонит. Я подожду.

Еще пять звонков. Еще три, и трубку берет наш дворецкий Десмонд.

– Резиденция Пирсов, говорит Десмонд.

– Десмонд, миссис Пирс дома?

– Да, сэр.

Я жду.

– Ну же, тогда пригласи ее к аппарату, – не выдерживаю, не в силах скрыть свою нервозность, как ни стараюсь.

– Разумеется, сэр! – смущенно отзывается дворецкий. Он не привык к телефону. Вероятно, как раз поэтому он так долго и не отвечал.

Проходит три минуты, а затем трубку снова берет Десмонд.

– Она у себя в комнате, сэр. Не следует ли мне послать Миртл, чтобы та вошла и узнала...

– Нет. Я сейчас приеду.

Дав отбой, я выбегаю из больницы и снова запрыгиваю в авто. Понукаю помощника гнать все быстрее и быстрее. Мы очертя голову проносимся по улицам Гибралтара, заставив несколько экипажей свернуть в сторону и распугивая на каждом повороте покупателей и туристов.

Прибыв домой, я выпрыгиваю, взбегаю по ступеням, распахиваю двери и вихрем проношусь через фойе. Каждый шаг пронзает ногу болью, я обливаюсь потом, но мчусь вперед, подгоняемый страхом. Вскарабкавшись по парадной лестнице на второй этаж, по прямой устремляюсь к нашей спальне и вхожу без стука.

Хелена оборачивается. Мое появление явно ее изумило. Да и мой вид тоже – пот каплет со лба, тяжелое дыхание, лицо искажено гримасой боли.

– Патрик?

– Ты в порядке? – выдыхаю я, усаживаясь к ней на кровать, и, откинув толстые покрывала, провожу ладонью по ее округлившемуся

животу.

Она садится в кровати.

– Я могла бы спросить тебя о том же. Конечно же, я в порядке; что может со мной случиться?

– Я думал, потому что ты... или возникла проблема... – Я выдыхаю, и тревога покидает меня. Я смотрю на нее с укоризной. – Доктор сказал, что ты должна оставаться в постели.

Она откидывается на подушки.

– А ты бы попробовал лежать в постели целый месяц...

Я улыбаюсь Хелене, когда до нее доходит, что она только что сказала.

– Извини, но, насколько я припоминаю, ты тоже был в этом не так уж хорош.

– Да, ты права, не был. Извини, что разминулся с тобой; так в чем дело?

– Какое?

– Ты приходила ко мне в контору?

– Ах да. Хотела узнать, не вырвешься ли ты на ленч, но мне сказали, что ты ушел.

– Да. Э-э... проблема в порту, – уже в сотый раз вру я Хелене. Легче ничуть не стало, но альтернатива куда хуже.

– Риск работы пароходного магната, – улыбается она. – Что ж, может, в другой раз.

– Может, через пару недель, когда сможем пойти на ленч втроем.

– Вот уж действительно, втроем. А может, и вчетвером; я чувствую себя ужасно большой.

– Но ты так не выглядишь.

– Ты блестящий врунишка, – говорит она.

Блестящий врунишка – грандиозное преуменьшение.

Наше веселье прерывает какой-то стук в соседней комнате. Я поворачиваю голову.

– Обмеряют гостиную и салон внизу, – поясняет Хелена.

Мы уже провели перестройку, устроив детскую и расширив три спальни для детей. Я купил большой городской дом с отдельным флигелем для прислуги, и даже вообразить не могу, что же еще может быть нам нужно.

– Я думала, мы могли бы устроить танцевальную залу с паркетными полами, как в доме у моих родителей.

У каждого свои пределы. Хелена может делать с домом, что пожелает; это не проблема.

– А если у нас будет сын? – спрашиваю я.

– Не тревожься, – она похлопывает меня по руке. – Я не стану подвергать твоего сильного американского сына унылым хитросплетениям танцев английского света. Но у нас будет девочка.

– Откуда ты знаешь? – поднимаю я брови.

– У меня есть предчувствие.

– Тогда нам нужна танцевальная зала, – с улыбкой резюмирую я.

– Кстати, о танцах: сегодня курьер доставил приглашение. Ежегодное собрание и рождественский бал «Иммари» в этом году состоится в Гибралтаре. То-то будет празднование! Я звонила маме. Они с отцом там будут. Я бы хотела пойти. Уверяю тебя, я не буду утруждаться.

– Разумеется. Добро.

Глава 87

Кейт прищурилась, пытаюсь продолжать чтение. Солнце опускалось за горы, и под ложечкой у Кейт тревожно засосало. Она бросила взгляд на Дэвида. Лицо его хранило непроницаемое, почти бесстрастное выражение. А может, мрачное.

Будто прочитав ее мысли, Мило вошел в большую комнату с деревянными полами, неся керосиновую лампу. Запах от нее Кейт понравился, как-то успокоив ее.

Поставив лампу на столик у кровати, где она могла бы освещать дневник, Мило сказал:

– Добрый вечер, доктор Кейт. – Увидев, что Дэвид тоже бодрствует, он просветлел. – И еще раз здравствуйте, мистер Ри...

– Теперь пусть будет Дэвид Вэйл. Приятно видеть тебя снова, Мило. Ты сильно подрос.

– И это не все, мистер Дэвид. Мило изучил древнее искусство общения, известное вам как... английский.

– И выучил его хорошо, – рассмеялся Дэвид. – Я тогда гадал, выбросят они «Розеттский камень» или все-таки отдадут тебе.

– Ах, мой таинственный благодетель явил себя! – Мило снова отвесил поклон. – Благодарю вас за дар вашего языка. А теперь я могу отплатить за дар, по крайней мере частично, – он по-заговорщицки пошевелил бровями, – вечерней трапезой?

– Будь любезен, – засмеялась Кейт.

Дэвид бросил взгляд из окна. Последний лучик солнца угас за за горой, как дотлевший фитиль свечи.

– Вам следует отдохнуть, Кейт. Дорога очень долгая.

– Отдохну, когда закончим. Для меня чтение – это отдых.

И она снова открыла книжку.

23 декабря 1917 года

Пыль оседает, и я вглядываюсь сквозь нее. Потом прищуриваюсь, не веря собственным глазам. Мы обнажили новые ступени, но и что-то еще – отверстие наподобие прорехи в металле.

– Вошли! – вопит Рутгер, бросаясь вперед, во тьму и клубы пыли.

Я хватаю его, но он вырывается. Моя нога несколько поправилась – настолько, что я каждый день принимаю лишь одну пилюлю от боли, от силы две, – но за ним мне нипочем не угнаться.

– Хотите, чтобы мы отправились за ним? – спрашивает марокканский десятник.

– Нет, – отвечаю. Я не пожертвую ради спасения Рутгера ни одним из них. – Дайте мне одну из птиц.

Я беру канареечную клетку, включаю налобный фонарь и ковыляю в темное отверстие.

Рванный проход – явно результат взрыва или удара. Но его сделали не мы. Мы просто нашли его. Толщина металлических стен достигает почти пяти футов. Входя в сооружение, до которого «Иммари» пыталась добраться почти шестьдесят лет – сначала со дна морского, потом из-под дна, – я наконец ощущаю прилив благоговения. Первый участок представляет собой коридор в десять футов шириной и тридцать длиной. Он выходит в круглый зал с такими чудесами, что и не опишешь. Первое, что бросается мне в глаза – это выемка в стене с четырьмя большими трубами наподобие гигантских пробирок или удлиненных стеклянных банок для консервирования, вытянувшихся от пола до потолка. Они пусты, не считая призрачного белого света и тумана, клубящихся у дна. Подальше еще две трубы. Одна, по-моему,

повреждена: стекло треснуло и тумана внутри нет. Но другая, рядом... там внутри что-то есть. Рутгер видит это одновременно со мной, и он уже у трубы, будто чувствующей наше присутствие. При нашем приближении туман рассеивается, будто занавес, распахнувшийся, чтобы явить свой секрет.

Это человек. Нет, обезьяна. Или нечто среднее.

Рутгер оглядывается на меня, но впервые на его лице написано не высокомерие или презрение. Он озадачен. Возможно, напуган. Я-то уж наверняка.

Я кладу руку ему на плечо и вновь начинаю озирать комнату.

– Ничего не трогай, Рутгер.

Глава 88

24 декабря 1917 года

Хелена в платье так и сияет. Портниха потратила на него неделю, а я – небольшое состояние, но оно окупает и ожидание, и каждый потраченный мною шиллинг. Она лучезарна. Мы танцуем, вдвоем игнорируя ее обещание не утруждаться. Я не могу ей отказать. По большей части я стою столбом, но с болью можно совладать, и наверное, единственный раз в жизни мы в равном положении на танцевальной площадке. Музыка замедляется, она кладет голову мне на плечо, и я забываю об обезьяночеловеке в трубе. Мир снова кажется нормальным – впервые с той поры, как взорвался тоннель на Западном фронте.

Потом, как туман в трубе, все проходит. Музыка умолкает, и лорд Бартон держит речь, подняв бокал. Он возглашает тост за меня – нового главу пароходства «Иммари», мужа его дочери и героя войны. По всему залу кивающие головы. Звучит шутка о современном Лазаре, воскресшем из мертвых. Смех. Я улыбаюсь. Хелена обнимает меня покрепче. Бартон наконец договорил, и празднующие по всему залу пьют шампанское и кивают мне. Я отвешиваю глупый полупоклон и сопровождаю Хелену обратно к нашему столику.

В этот момент по какой-то неведомой мне причине я могу думать лишь о времени, когда последний раз виделся с отцом – за день перед отправкой на фронт. В тот вечер он был пьян как сапожник и потерял самообладание – в первый, последний и единственный раз на моей

памяти. В тот вечер он рассказал мне о своем детстве, и я понял его – или так мне казалось. Насколько вообще можно понять хоть какого-то человека?

Мы жили в скромном доме в центре Чарльстона, Западная Вирджиния, стоявшем обок домов людей, работавших на моего отца. Его ровня – прочие владельцы производств, коммерсанты и банкиры – жили в другом конце города, и отцу это нравилось.

Он вышагивал по гостиной и говорил, говорил, брызжа слюной. Я сидел там в своем новехоньком бежевом мундире с единственной бронзовой шпалой второго лейтенанта на воротнике.

– Ты выглядишь так же глупо, как другой знакомый мне человек, пошедший в армию. Он был почти вне себя от счастья, когда прибежал обратно в хижину. Размахивал письмом в воздухе, будто его написал сам король. Зачитал его нам, но тогда я не все понял. «Мы перебираемся в Америку – в место под названием Вирджиния...» Война между штатами вспыхнула года за два до того. Не помню в точности, когда именно, но к тому времени она стала довольно кровавой. Обеим сторонам не хватало людей – свеженького пушечного мяса. Но если ты был достаточно богат, идти тебе было не обязательно. Ты мог послать замену. Какой-то богатый южный плантатор нанял твоего деда вместо себя. Заместителем. Подумать только, нанять другого человека, чтобы тот погиб на войне вместо тебя – всего лишь потому, что у тебя есть деньги... Когда возобновят воинскую повинность на этот раз, я уж прослежу в Сенате, чтобы никто не мог отправить вместо себя заместителя.

– Призыв не потребуется. Тысячи отважных людей идут добровольцами...

Рассмеявшись, отец налил себе еще порцию.

– Тысячи отважных людей. Вагон и маленькая тележка дураков – вступающих в армию, потому что думают, что их ждет слава, а может, известность и приключения. Им неведома цена войны. Цена, которую приходится платить... – Тряхнув головой, он сделал еще изрядный глоток, почти опустошив бокал. – Весть скоро разлетится, и придется объявить призыв, в точности как штатам во время Гражданской войны. Они сделали это не сразу, через годы после начала бойни, когда люди уже были сыты ею по горло, тогда-то и ввели воинскую повинность, и богачи стали подписывать бедняков вроде моего отца. Но почта до

канадской границы идет долго, особенно если ты дровосек, живущий далеко от города. Пока мы добрались до Вирджинии, этот плантатор уже нанял другого заместителя; он сказал, что от твоего деда не было вестей, а он боялся, что придется явиться лично, не приведи Господи. Но мы были в Вирджинии, а мой отец чертовски твердо вознамерился воевать за состояние – до тысячи долларов, вот сколько платили заместителям, а это было состояние, если ты сможешь его забрать. Ну, а он не смог. Он нашел другого плантатора с тем же прицелом, и надел этот разнесчастный серый мундир, и погиб в нем. Когда Юг проиграл, общество рухнуло, и огромный участок земли, обещанный твоему деду в качестве платы, купил какой-то северный коммивояжер на крыльце окружного суда по центу за доллар. – Он наконец сел. Бокал его был пуст.

– Но это наименьший из ужасов Перестройки. Я видел, как мой единственный брат умирает от тифа, пока оккупанты из Союза выедают нас из дому – если можно назвать домом полуразвалившуюся хибару на плантации. Новый владелец вышвырнул нас, но моя мать пошла на сделку – будет работать в полях, если нам позволят остаться. И работала. Заездила себя на этих полях до смерти. Мне было двенадцать, когда я ушел с плантации и наострил лыжи в Западную Вирджинию. Получить работу в шахтах было нелегко, но им нужны были мальчишки – чем меньше, тем лучше, чтобы проползать в узких местах. Такова цена войны. Теперь ты знаешь. Ну, хотя бы у тебя нет семьи. Но жди только этого – смерти и страданий. Если ты когда-нибудь задумывался, почему я так строг с тобой, так скареден, так требователен, – то как раз поэтому. Жизнь трудна для каждого, но становится сущим адом на земле, если ты глуп или слаб. Ты не глуп и не слаб, об этом я позаботился, и вот как ты мне отплатил.

– Это другая война...

– Война всегда одна и та же. Меняются только имена погибших. Речь всегда идет об одном: какая группа богачей поделит трофеи. Ее нарекли «Великой войной» – ушлая реклама. Это Европейская гражданская война; вопрос лишь в том, какие короли и королевы поделят континент, когда она закончится. Америке там нечего делать, вот почему я голосовал против этого. Европейцам хватило здравого смысла держаться в стороне от нашей гражданской войны, так что, думается, мы могли бы поступить точно так же. Вся эта затея –

практически семейная распря между королевскими династиями, они все двоюродные братья и сестры.

– Они и наши двоюродные братья. Наша отчизна приперта к стене. Если нам будет грозить уничтожение, они придут к нам на помощь.

– Мы не задолжали им ровным счетом ничего. Америка наша. Мы заплатили за эту землю собственной кровью, потом и слезами – единственной валютой, имеющей значение.

– Они отчаянно нуждаются в горных инженерах. Тоннельная война может окончить боевые действия досрочно. Ты хочешь удержать меня дома? Я могу спасти множество жизней.

– Ты не можешь спасти ни одной жизни, – он поглядел на меня с отвращением. – Ты не понял ни слова из того, что я тебе сказал, да? Убирайся отсюда. И даже если вернешься с войны, сюда не возвращайся. Но за все, что я тебе дал, сделай мне одно одолжение. Когда поймешь, что воюешь за кого-то другого, просто уйди прочь. И не заводи семью, пока не снимешь этот мундир. Не будь так же жесток и жаден, как твой дед. Мы прошли через разоренный Север, чтобы добраться до той плантации в Вирджинии. Он знал, во что ввязывается, и рвался вперед. Когда ты увидишь войну, тогда узнаешь. Делай более грамотный выбор, чем сегодня.

Он вышел из комнаты, и больше я его не видел...

Я настолько ушел в воспоминания, что едва замечаю толпы людей, тянувшихся мимо нас и касающихся живота Хелены. Мы сидим там, как королевская чета на некоем официальном приеме. Присутствуют десятки ученых – несомненно, приехавших в город, чтобы изучить комнату, которую мы недавно открыли. Меня знакомят с главами заморских подразделений «Иммари». Эта организация огромна. К нам марширует Конрад Канн. Руки и ноги у него будто окостенели, спина прямая и негнушаяся, словно сквозь него пропущен некий невидимый щуп. Он представляет женщину, с которой пришел, – свою жену. Улыбка ее тепла, а интонации полны добра, что застает меня врасплох. Я чуточку смущен своим грубым обхождением. Из-за спины у нее выбегает маленький мальчик и запрыгивает Хелене на колени, врезавшись ей в живот. Схватив его за руку, я резко сдергиваю его на пол. Мое лицо искажено гневом, а у мальчика вид такой, будто

он вот-вот расплечется. Конрад схлестывается со мной взглядом, но мать отрока обнимает его, выговаривая с легким упреком:

– Будь осторожен, Дитер. Хелена беременна.

Выпрямившись на стуле, моя жена протягивает руки к мальчику.

– Ничего страшного. Дай мне свою руку, Дитер. – Взяв мальчика за запястье, она притягивает его к себе, положив его ладонь себе на живот. – Чувствуешь?

Поглядев на Хелену, мальчик кивает. Хелена ему улыбается.

– Я помню, когда ты был в животе у своей мамы. Я помню день, когда ты родился.

Лорд Бартон ступает между Конрадом и мной.

– Пора. – Смотрит на женщину и ребенка, трогаящего округлившийся живот Хелены. – Леди, просим у вас прощения.

Бартон ведет нас через зал в большую комнату для совещаний.

Там нас уже дожидаются другие апостолы апокалипсиса – Рутгер, Мэллори Крейг и плеяда других людей, по большей части ученых и исследователей. Нас наспех представляют друг другу. Эти люди не испытывают особого пиетета ко мне. Проходит очередной быстрый раунд поздравлений и гипербол, будто мы одолели чуму; затем они переходят к делу.

– Когда мы пробьемся до конца – до верха лестницы? – спрашивает Конрад.

Я знаю, что хочу сказать, но любопытство берет надо мной верх.

– Что за устройства мы нашли в этом помещении?

– Мы еще изучаем их. Это какая-то камера приостановки жизнедеятельности, – отзывается один из ученых.

Я так и предполагал, но из уст ученого это звучит не так безумно.

– Так это помещение – какая-то лаборатория?

– Да, – кивает ученый. – Мы полагаем, это здание служило научным целям, возможно, являя собой одну гигантскую лабораторию.

– А что, если это не здание?

– А что ж еще это может быть? – озадачен ученый.

– Корабль, – заявляю я.

Разразившись смехом, Бартон весело изрекает:

– Шикарно, Пэтти! Почему бы тебе не сосредоточиться на раскопках и не предоставить науку этим людям? – кивает он на ученых. – Как я понимаю, они разбираются в этом лучше твоего.

Что ж, Рутгер поведал нам, что ты тревожишься из-за воды и газа над лестницей. Каков же твой план?

– Стены внутри сооружения выглядят, как переборки корабля, – стою я на своем.

– Да, действительно, – поколебавшись, соглашается ведущий ученый. – Но они слишком толстые, почти пять футов. Ни одному кораблю не нужны такие толстые стены, и он не будет плавать. Кроме того, оно чересчур велико для корабля. Это город, мы в этом довольно уверены. Опять же, лестницы. Лестницы на корабле – вещь прекурьезная.

– Разберемся с этими загадками, когда окажемся внутри, – поднимает руку Бартон. – Можешь дать нам оценку, Пирс?

– Не могу.

– Почему?

На одно мимолетное мгновение я вновь уношусь мыслями в тот вечер в Западной Вирджинии, а потом снова оказываюсь в комнате перед Советом «Иммари» и учеными.

– Потому что я закончил с раскопками, – заявляю я. – Найдите кого-нибудь еще.

– Ну-ка, послушай, мой мальчик, это не какой-нибудь светский клуб, некая фривольная затея, к которой ты присоединяешься по произволу и уходишь, когда обязанности становятся чересчур в тягость. Ты закончишь работу и сдержишь свое слово, – возражает лорд Бартон.

– Я сказал, что доведу вас до входа – и довел. Это не моя война. Теперь у меня семья.

Бартон вскакивает, собираясь поднять крик, но Канн хватает его за руку и впервые вступает в дискуссию.

– Война. Любопытный выбор сравнений. Поведайте мне, мистер Пирс, что, по-вашему, находится в той последней трубе?

– Не знаю, да и знать не хочу.

– А должны бы, – парирует Канн. – Это не человек, и его кости не соответствуют никаким костям из тех, что мы когда-либо находили. – Он ждет моей реакции. – Позвольте мне соединить точки за вас, раз вы то ли не способны, то ли не жаждете этого сделать. Некто выстроил это сооружение – самый совершенный образчик техники на планете. И выстроил его тысячи лет назад, а то и сотни тысяч лет назад. Этот

замороженный обезьяночеловек пробыл там Бог ведает сколько тысяч лет. В ожидании.

– В ожидании чего?

– Мы не знаем, но могу вас уверить, что когда он и остальные люди, выстроившие сооружение, проснутся, с родом людским на этой планете будет покончено. Вот вы говорите, что это не ваша война, но это не так. Вам не обогнать эту войну, вы не сможете воздержаться или уехать от нее, потому что враг будет преследовать нас до самых отдаленных уголков мира и истребит нас под корень.

– Вы подразумеваете, что они враждебны, потому что враждебны вы сами. Истребление, война и власть господствуют у вас в мыслях, и вы распространяете то же самое и на них.

– Единственное, что мы знаем наверняка, это лишь то, что найденное существо – какая-то разновидность человека. Мои допущения весомы. И практичны. Их истребление гарантирует наше выживание. А сведение с ними дружбы – отнюдь.

Я размышляю над тем, что он сказал, и, к стыду своему, признаю, что это не лишено смысла.

Канн словно угадывает мои колебания.

– Вы же знаете, что это правда, Пирс. Они умнее нас, невероятно умнее. Если они позволят нам жить, мы для них будем не более чем домашними зверюшками. Быть может, они займутся нашим племенным разведением, чтобы сделать нас кроткими и дружелюбными, подкармливая нас у своего пресловутого костра, искореня агрессивных, точно так же, как много тысяч лет назад мы перековали диких волков в собак. Они сделают нас настолько цивилизованными, что мы не сможем и помыслить дать отпор, не сможем охотиться и не сможем прокормить себя сами. Может, это уже происходит, а мы даже не догадываемся. А может, они вовсе не сочтут нас настолько симпатичными. Мы можем стать их рабами. Полагаю, вы знакомы с этим понятием. Группа жестоких, но разумных людей с совершенными орудиями подчиняют менее развитую группу. Но на сей раз это будет до скончания веков; мы больше никогда не разовьемся и не будем эволюционировать дальше. Подумайте об этом. Но мы можем предотвратить этот рок. Войти и убить их во сне кажется жестоким, но подумайте об альтернативе. Когда истории станет

известна правда, нас будут чувствовать, как героев. Мы – освободители рода людского, избавители...

– Нет. Что бы дальше ни произошло, это произойдет без меня. – Я не могу выбросить из головы образ Хелены, желание поддержать наше дитя, состариться вместе где-нибудь у озера, а летом учить наших внуков удить рыбу. Для планов «Иммари» я роли не играю. Они найдут другого горного инженера. Может, это и задержит их на пару месяцев, но то, что внизу, может и обождать.

Встав, я долгий момент смотрю на Канна и Бартона.

– Джентльмены, прошу простить. Моя жена беременна, и мне надо отвезти ее домой. – Я сосредоточиваюсь на Бартоне. – Мы ожидаем нашего первенца. Желая вам всего наилучшего с проектом. Как вам известно, я был военным. А военные умеют хранить секреты. Почти так же хорошо, как сражаться. Но, надеюсь, дни сражений для меня позади.

– Я знаю, что они делают, – сел Дэвид в постели.

– Кто?

– «Иммари». «Протокол Тоба». Теперь это обретает смысл. Они создают армию. Готов биться об заклад. Они думают, что человечество столкнулось с высокоразвитым врагом. «Протокол Тоба», снизив глобальное население, вызовет генетическое бутылочное горлышко и второй Большой Скачок Вперед – они это делают, чтобы создать расу суперсолдат, совершенных людей, которые смогут сражаться с теми, кто построил эту штуку в Гибралтаре.

– Может быть. Есть кое-что еще. В Китае у них был прибор. Я думаю, он имеет какое-то отношение ко всему этому, – ответила Кейт.

Она рассказала Дэvidу об испытанном в Китае, о колоколообразном объекте, истребившем подопытных и начавшем плавиться, а потом взорвавшемся.

– Думаю, я знаю, что это такое, – кивнул Дэвид, когда она закончила.

– Правда?

– Ага. Возможно. Читайте дальше.

18 января 1918 года

Когда дворецкий врывается сквозь двери моего кабинета, первая моя мысль о Хелене: Наверное, отошли воды... или она упала, или...

– Мистер Пирс, ваша контора на проводе. Говорят, это важно, срочно. По поводу порта, внутри склада.

Пройдя в фойе, я беру трубку телефона. Мэллори Крейг начинает говорить, прежде чем я успеваю хоть слово молвить:

– Патрик. Произошел несчастный случай. Рутгер не позволил вам звонить, но я подумал, что вам следует знать. Он слишком гнал. Ушел слишком далеко и слишком быстро. Говорят, часть марокканских рабочих в западне...

Я бросаюсь из дверей, не дожидаясь, когда он договорит. Еду на авто до склада и запрыгиваю в электрическую вагонетку вместе со своим бывшим помощником. Мы гоним так же безоглядно, как Рутгер в первый день, когда показывал мне тоннель. Этот дурак своего добился – торопился и вызвал обрушение свода. Я боюсь это видеть, но все равно понукаю помощника гнать быстрее и быстрее.

Когда тоннель выводит нас в громадный каменный зал, где я проработал последние четыре месяца, я замечаю, что электрический свет погашен, но в комнате не темно: дюжина лучей света от фонарей на касках проходчиков пересекает зал в разных направлениях. Один из них – десятник – хватается меня за руку.

– Рутгер вызывает вас по телеку, мистер Пирс.

– По телефону, – поправляю я, пробираясь сквозь обширное темное пространство. Потом останавливаюсь. У меня на лбу вода. Может, пот? Нет, вот еще капля с потолка – он потеет.

Я хватаю трубку телефона.

– Рутгер, мне сказали, был несчастный случай, ты где?

– В безопасном месте.

– Не играй в игры. Где несчастный случай?

– О ты как раз на нужном месте, – отзывается Рутгер игривым, уверенным – довольным – тоном.

Я озираю зал. Проходчики озадаченно толкуются туда-сюда, не зная, куда себя деть. Почему не горит свет? Я кладу трубку и подхожу к электрической линии. Она подключена к новому кабелю. Я свечу на него своим фонарем, отслеживая его путь по залу. Он уходит вверх по стене... к потолку, оттуда к лестнице и...

– Уходите! – во всю глотку ору я, ковыляю по неровному грунту в заднюю часть зала и пытаюсь согнать проходчиков вместе, но они лишь натываются друг на друга в бурном море пляшущих огней и теней.

Сверху по всему пространству раскатывается взрыв, и начинают валиться камни. Выработку заполняет пыль, в точности как в туннелях на Западном фронте. Мне их не спасти. Я даже не вижу их. Я хромаю назад, в тоннель – коридор к лаборатории. Пыль следует за мной, и я слышу, как камни заваливают вход. Вопли стихают, будто отрезанные закрывающейся дверью, и я оказываюсь в полнейшей темноте, нарушаемой лишь призрачным белым свечением и туманом в трубах.

Не знаю, сколько времени прошло, но я уже проголодался. Очень проголодался. Мой налобный фонарь давным-давно погас, и я сижу в тишине и темноте, прислонившись к стене в глубоком раздумье. Хелена, должно быть, с ума сходит от тревоги. Узнает ли она наконец мой секрет? Простит ли меня? Разумеется, все это предполагает, что я выберусь отсюда.

С другой стороны скалы слышатся шаги. И голоса. И те, и другие звучат приглушенно, но между камнями довольно свободного пространства, чтобы они все-таки пробились.

– Э-Э-Э-Эй-Й-Й!

Мне приходится тщательно выбирать слова.

– Ступайте к телеку и позвоните лорду Бартону. Скажите ему, что Патрика Пирса завалило в тоннеле.

Я слышу смех. Рутгер.

– Ты умеешь выживать, Пирс, надо воздать тебе должное. И ты блестящий горный инженер. Но когда речь заходит о людях, ты так же твердолоб, как стены этого сооружения.

– Бартон снимет с тебя голову за мою гибель.

– Бартон? А кто, по-твоему, отдал приказ? Думаешь, я мог бы вот так запросто тебя шандарахнуть? Будь оно так, я бы избавился от тебя давным-давно. Нет. Бартон и отец задумали поженить нас с Хеленой задолго до нашего рождения. Но она была не в восторге от этой идеи; может, как раз потому-то она и запрыгнула на первый же поезд до Гибралтара, как только грянула война. Но от судьбы не уйдешь. Раскопки привели меня сюда же, и жизнь уже было начала вставать на

свои рельсы, пока утечка рудничного газа не перебила моих рабочих и не явился ты. Бартон пошел на сделку, но обещал папе, что ее можно отыграть обратно. Беременность стала последней соломинкой, но не тревожся, я об этом позабочусь. Такая уйма детей помирают сразу после рождения от разнообразных загадочных болезней... Не волнуйся, я буду рядом, чтобы утешить ее. Мы знаем друг друга сызмальства.

– Я выберусь отсюда, Рутгер. И когда выберусь, я тебя прикончу. Ты меня понял?

– Тихо там, Пэтти, мальчишечка. Тут люди работают.

Он удаляется от заваленного камнями входа в коридор. Кричит что-то по-немецки, и я слышу топот ног по всему залу.

Следующие несколько часов – не знаю, сколько именно – я провожу тщательный обыск таинственной лаборатории. Ничего такого, чем бы я мог воспользоваться. Все двери запечатаны. Она станет моей гробницей. Но должен же быть какой-нибудь путь отсюда. Наконец, я снова сажусь, уставившись на стены, ожидая, наблюдая, как они мерцают, будто стекло, почти, но не совсем отражая свет от труб. Это тусклое, размытое отражение наподобие того, какое дает крацованная сталь.

У меня над головой время от времени слышится звук бурения и ударов кирок о камни. Пытаются доделать дело. Должно быть, добрались уже к самой верхушке лестницы. Внезапно все шумы смолкают, и я слышу вопли:

– Wasser! Wasser!

Сиречь вода – должно быть, наткнулись – а затем оглушительный грохот. Звук падающих камней, который ни с каким другим не спутаешь.

Подбежав ко входу, я прислушиваюсь. Вопли, рев врывающейся воды. Что-то еще. Барабанный бой. Или пульсирующая вибрация. Громче с каждой секундой. Снова вопли. Топот бегущих ног. Вагонетка заводится и с ревом уносится прочь.

Я напрягаю слух, но не слышу больше ни звука. И как только тишина обрушивается на меня, я осознаю, что стою в воде, поднявшейся на два фута. Она просачивается через рыхлый завал, да притом быстро.

Я с плеском пробираюсь обратно в коридор. Должна же там быть дверь в лабораторию. Я стучу по стенам со всех сторон, но всё втуне. Вода уже в лаборатории; она накроет меня через считанные минуты.

Труба! Одна из четырех труб открыта. А есть ли у меня выбор? Я бреду по воде к ней и вваливаюсь внутрь. Туман окутывает меня, и дверь закрывается.

Глава 90

Снежный лагерь «Альфа»

Скважина № 6

Восточная Антарктика

Роберт Хант сидел в своем жилом отсеке, грея руки о чашку свежесваренного жженого кофе. После предыдущей скважины, где дело едва не кончилось катастрофой, он был рад, что уже прошли отметку семь тысяч футов, даже не икнув. Никаких карманов воздуха, воды или осадочных пород. Может, следующий участок будет таким же, как первые четыре – ничего, кроме льда. Он отхлебнул кофе, ломая голову, что же могло послужить причиной инцидента на последней скважине.

За дверью отсека вдруг послышался тонкий визг – несомненный признак того, что коронка практически не встречает сопротивления.

Выбежав из отсека, Роберт встретился взглядом с буровиком и резко провел ладонью поперек горла. Тот опрометью бросился к пульту и дернул рубильник вниз. Слава богу, он учится на ошибках.

Роберт бегом припустил к полку.

– Включить реверс? – обернулся к нему буровик.

– Нет, – Роберт проверил глубину, составившую 7309 футов. – Опустить коронку. Поглядим, насколько глубокий карман нам попался.

Машинист начал опускать бур, и Роберт следил за ростом показаний глубины: 7400... 7450... 7500... 7550... 7600. И остановился на отметке 7624.

В голове Роберта роились варианты. Каверна в полутора милях подо льдом. Может быть, что-то на поверхности грунта. Но что? Каверна или карман, чем бы оно ни было, в высоту целых триста футов. Потолок почти в расстоянии футбольного поля от дна. Закон

всемирного тяготения работает не так. Какая сила может удержать полторы мили льда?

– Начать бурение снова? – обернувшись к Роберту, осведомился буровик.

Роберт, все еще в глубокой задумчивости, махнул рукой в сторону пульта, пробормотав:

– Нет. Гм, нет, ничего не делай. Нужно об этом сообщить.

Вернувшись в отсек, он включил рацию:

– Добыча, здесь Снежный Король. У меня изменение ситуации.

Прошло несколько секунд, прежде чем в динамике затрещало и раздался ответ:

– Говорите, Снежный Король.

– Мы наткнулись на карман на глубине семь-три-ноль-девять, повторяю, семь-три-ноль-девять футов. Карман кончается на отметке семь-шесть-два-четыре, повторяю, семь-шесть-два-четыре фута. Запрашиваю инструкций. Прием.

– Ждите, Снежный Король.

Роберт принялся готовить очередной кувшин кофе. Наверное, бригаде он потребуется.

– Снежный Король, каково состояние бура, прием?

– Добыча, бур все еще в скважине на максимальной глубине, прием.

– Вас понял, Снежный Король. Инструкции следующие: извлечь бур, законсервировать скважину и следовать на участок номер семь. Ждите GPS-координаты.

Как и прежде, Роберт записал координаты и вытерпел излишнее предупреждение о локальном давлении. Сложив листок с GPS-координатами, сунул его в карман, затем встал, взял две чашки свежесваренного кофе и выбрался из отсека.

Они включили реверс, вытащили бур и без труда подготовили скважину к консервации. Все трое работали эффективно, почти механически, и молча. С воздуха они, наверное, напоминали троих оловянных солдатиков-эскимосов, разъезжающих на гусеничном транспортере, поднимающих и складывающих ящики, открывающих большие белые зонты, чтобы прикрыть мелкие предметы, и вбивающих мощные металлические шесты для огромного купола,

покрывающего буровую. Покончив с этим, двое буровиков уселись в свои снегоходы и принялись ждать, когда Роберт возглавит поход.

Положив ладонь на пластиковый сундук с камерами, Хант оглядел буровую. Два миллиона долларов – большие деньги.

Оба подчиненных оглянулись на него. Они уже завели свои снегоходы, но один снова выключил двигатель.

Смахнув снег с сундука, Роберт открыл один замок. Звук очнувшегося радио напугал его.

– Снежный Король, это Добыча. Доложите обстановку.

Нажав на тангенту микрофона, Роберт мгновение поколебался.

– Добыча, здесь Снежный Король, – поглядел на буровиков. – Мы уже покидаем участок.

Защелкнув замок, он минутку постоял. Какой-то во всем этом чувствуется подвох. Радиомолчание, вся эта секретность... Но ему-то что за дело? Ему платят за бурение. Может, они ничего дурного не делают, может, просто не хотят, чтобы пресса раструбила об их деле всему свету. Ничего дурного в этом нет. Получить под зад коленкой за чрезмерное любопытство – это было бы что-то. Он не настолько глуп. Роберт представил, как говорит сыну: «Извини, с колледжем придется обождать. Сейчас он мне просто не по карману; да, я мог бы, но терпеть тайны было свыше моих сил».

С другой стороны... если тут происходит нечто противозаконное, а он соучастник... «Сынок, ты не можешь пойти в колледж, потому что твой папа международный преступник, и постскриптум: он был настолько глуп, что даже не знал об этом».

Второй буровик тоже остановил двигатель своего снегохода. Оба уставились на него.

Роберт прошел к запасу маскировочных материалов. Выбрал закрытый восьмифутовый белый зонт, привязал к своему снегоходу, завел двигатель и повел машину к следующему участку. Подчиненные следовали за ним по пятам.

После получаса езды Роберт заметил большой скальный козырек, нависший над снегом – недостаточно глубокий, чтобы образовать пещеру, но уходящий футов на двадцать или тридцать в гору, отбрасывающую глубокую тень. Подправив курс так, чтобы проехать поближе к козырьку, Роберт в последний момент нырнул в тень. Хотя буровики ехали почти в упор за ним, оба мгновенно повторили его

маневр, поставив свои машины рядом с его. Роберт продолжал сидеть. Ни один не покинул седла.

– Я кое-что забыл на участке. Сейчас вернусь. Это недолго. Ждите здесь и, э-э, не покидайте укрытия. – Ни один из них не отозвался ни словом. Роберт ощутил, что нервы все больше разыгрываются. Врун из него никудышный. Он продолжал, надеясь придать своим приказам вид легитимности: – Нас просили минимизировать видимость с воздуха.

Затем открыл белой зонт, поставив его рядом с собой и закрепив на снегоходе, как рыцарь на ристалище, пристраивающий копье, прежде чем послать коня вперед. Дал на снегоходе задний ход и вернулся на буровую тем же путем, каким приехал.

Глава 91

Монастырь Иммару

Тибетский автономный район

Зевнув, Кейт перевернула страницу. В комнате похолодало, и они с Дэвидом завернулись в толстое одеяло.

– Дочитаете по пути, – пробормотал Вэйл, с трудом приподнимая слипающиеся веки. – Вам придется делать много привалов.

– Ладно, только хочу найти подходящее место, чтобы прерваться, – отозвалась Кейт.

– Вы в детстве читали ночи напролет, правда ведь?

– Почти каждую ночь. А вы?

– Видеоигры.

– Так я и думала.

– А порой «Лего». – Дэвид снова зевнул. – Сколько там еще страниц?

Кейт пролистала оставшуюся часть дневника.

– Вообще-то немного. Еще парочку, и всё. Я могу не спать, если вы можете.

– Как я уже сказал, я спал более чем достаточно. И меня завтра не ждет поход.

Я прихожу в себя от негромкого шипения воздуха, уходящего вверх по трубе, когда та открывается. Поначалу воздух кажется

слишком плотным, будто наполняющая легкие вода, но после пары глубоких вдохов волглого холодного воздуха дыхание нормализуется, и я критически оцениваю свое положение. В помещении по-прежнему темно, а из коридора в лабораторию пробивается тонкий лучик света.

Я выхожу из трубы и иду к коридору, по пути озирая помещение. Ни одна другая труба не занята, не считая той, где находится обезьяночеловек, очевидно, проспавший наводнение без инцидентов. Я гадаю, сколько же всего на свете он проспал.

В коридоре по-прежнему около фута воды. Достаточно, чтобы обратить внимание, но недостаточно, чтобы замедлить мое продвижение. Я хлюпаю к рваной дыре. Камней, заперших меня внутри, почти не осталось – несомненно, смыло прочь. Сверху сияет неяркий оранжевый свет, заливающий оставшиеся камни, которые я отталкиваю, выходя из лаборатории.

Источник странного сияния висит в тридцати футах надо мной, у вершины лестницы. Он выглядит, как колокол – или пешка – с окошками наверху. Я окидываю его взглядом, пытаюсь постичь, что это такое. Он словно тоже смотрит на меня, медленно пульсируя огнями, будто львиное сердце, бьющееся после того, как он пожрал жертву в Серенгети.

Я замираю без движения, гадая, не нападет ли он на меня, но ничего не происходит. Мое зрение мало-помалу приспособливается, и с каждой секундой я все лучше различаю зал. Пол представляет собой кошмарную кашу из воды, золы, грязи и крови. На самом дне я вижу трупы марокканских рабочих, погребенные под завалом. Над ними простерлись тела европейцев, порванные в клочья, некоторые обугленные, все до единого изувеченные оружием, которое я даже вообразить не в силах. Это не взрыв, не огнестрельное оружие и не клинок. И умерли они не только что. Раны выглядят давними. Сколько же я тут пробыл?

Я осматриваю трупы один за другим, надеясь увидеть один конкретный. Но Рутгера тут нет.

Я тру лицо. Надо сосредоточиться. Надо добраться домой. К Хелене.

Электрической вагонетки нету. Я ослабел, устал и голоден, и в этот момент даже не знаю, доведется ли мне снова увидеть дневной свет, но я переставляю одну ногу за другой, начиная изнурительный

путь из выработки. Я заставляю свои ноги работать изо всех сил, на какие они способны, и готовлюсь терпеть боль, но она так и не приходит. Меня буквально несет из этого места сила и пламень, которых я за собой и не подозревал.

Тоннели проносятся мимо в единый миг, и одолевая последний виток спирали, я вижу свет. Вход в тоннель закрыли каким-то белым пологом.

Я отвожу занавес, и меня окружают солдаты в противогазах и странных гуттаперчевых костюмах. Они валят меня на пол и удерживают там. Снизу я вижу, как к нам стремительно шагает высокий военный. Несмотря на громоздкий резиновый костюм, я узнаю его с первого же взгляда. Это Конрад Канн.

– Он просто вышел оттуда, сэр, – поглядев на него, приглушенно говорит сквозь противогаз один из схвативших меня солдат.

– Ведите его, – бросает Канн глубоким, бесплотным голосом.

Те волокут меня в глубину склада, к ряду из шести белых палаток, напоминающих мне полевой госпиталь. В первой палатке стоят шеренги коек, все до единой накрыты белыми простынями. В следующей я слышу крики. Это Хелена.

Я пытаюсь вырваться из удерживающих меня рук, но я слишком слаб – от голода, от долгой ходьбы, от того, что сотворила со мной труба. Меня держат крепко, но я продолжаю биться.

Теперь я слышу ее совсем отчетливо – в конце палатки, за белым занавесом. Я бросаюсь к ней, но солдаты дергают меня обратно, конвоируя по ряду, так что я успеваю хорошо приглядеться к мертвым людям на узких койках. Меня охватывает ужас. Здесь Лорд Бартон и леди Бартон. Рутгер. Жена Канна. Все мертвы. А есть и другие – люди, которых я не знаю. Ученые. Солдаты. Медсестры. Мы проходим мимо одра, на котором простерся сын Канна. Дитрих? Дитер?

Я слышу, как врачи разговаривают с Хеленой, и как только мы проходим за занавес, я вижу, как они роятся вокруг нее, впрыскивая ей что-то и удерживая на ложе.

Я все пытаюсь вырваться.

– Я хочу, чтобы вы видели это, Пирс, – оборачивается ко мне Канн. – Вы можете наблюдать за ее смертью, как я наблюдал за смертью Рутгера и Марии.

Меня подтаскивают ближе.

– Что стряслось? – лепечу я.

– Вы выпустили на волю все силы ада, Пирс. Вы могли помочь нам. То, что было там внизу, убило Рутгера и половину его людей. Те, кто сумели выбраться на поверхность, были больны. Такой моровой язвы мы и вообразить не могли. Она опустошила Гибралтар и распространяется по Испании, – он отдергивает занавеску, открыв взгляду всю сцену – Хелена мечется по постели в окружении лихорадочно работающих троих мужчин и двух женщин.

Я отталкиваю стражников, и Канн поднимает ладонь, давая им знак не преследовать меня. Подбежав к ней, я отвожу волосы с ее лба, целую ее в щеку, потом в губы. Она просто пылает. Ощущение жара, которым пышет ее кожа, повергает меня в ужас – должно быть, отразившийся у меня на лице. Протянув руку, Хелена ласкает мое лицо.

– Ничего страшного, Патрик. Это всего лишь инфлюэнца. Испанка. Она пройдет.

Я поднимаю глаза на доктора. Тот отводит взгляд, уперев его в землю.

Слезы переполняют мои глаза и медленно сбегают по щекам. Хелена стирает их ладонью.

– Я так рада, что ты жив и здоров. Мне сказали, что ты погиб при аварии в шахте, пытаюсь спасти марокканцев, работавших на тебя, – она держит мое лицо в ладонях. – Ты такой храбрец...

Она прижимает ладонь к устам, пытаюсь сдержать кашель, сотрясающий все ее тело, заставляя метаться по всей госпитальной койке. Другой рукой придерживает свой раздутый живот, чтобы не удариться им о перила по бокам койки. Кашель не стихает, кажется, целую вечность. Звук такой, будто легкие ее рвутся на части.

Я придерживаю ее за плечи.

– Хелена...

– Я прощаю тебя. За то, что не сказал. Я знаю, что ты сделал это ради меня.

– Не прощай меня, умоляю, не надо...

Ее настигает очередной приступ кашля, и доктора отталкивают меня прочь. Они дают ей кислород, но он, кажется, не помогает.

Я смотрю. И плачу. А Канн наблюдает за мной. Она мечется, бьется, борется – а когда тело ее, обмякнув, замирает без движения, я

оборачиваюсь к Канну, и голос мой звучит монотонно, безжизненно, почти как его голос, раздающийся из-под маски. И там и тогда, в импровизированном госпитале «Иммари», я заключаю сделку с дьяволом.

Слезы заструились по лицу Кейт. Закрыв глаза, она из кровати с Дэвидом на Тибете мысленно перенеслась в Сан-Франциско, в ту холодную ночь пять лет назад, оказавшись на каталке. Ее поспешно везли из машины «скорой помощи» в больницу. Врачи и медсестры кричали вокруг, а она кричала на них, но они ее не слушали. Она схватила врача за руку.

– Спасите ребенка, если речь идет о том, я или он, спасите...

Отстранившись от нее, врач рявкнул на дородного санитаря, толкающего каталку:

– Во вторую операционную. Живо!

Ее покатали быстрее, накрыв рот и нос маской, а она все цеплялась за сознание.

Очнулась Кейт в просторной, пустой больничной палате. Болело все тело. К руке тянулось несколько трубок. Кейт поспешно поднесла руку к животу, но все поняла, прежде чем коснулась его. Задрав сорочку, увидела длинный, уродливый шрам. Спрятав лицо в ладонях, она плакала долго-долго, потеряв всякий счет времени.

– Доктор Уорнер?

Кейт испуганно подняла глаза. С надеждой. Перед ней стояла смущенная медсестра.

– А мой ребенок? – надломившимся голосом спросила Кейт.

Сестра отвела взгляд, устремив его на ноги пациентки.

Кейт снова уронила голову на подушку. Слезы теперь накатывали волнами.

– Мэм, мы не были уверены, в истории болезни нет записи на случай экстренных ситуаций, не должны ли мы... Может, позвонить кому-нибудь? Скажем... отцу?

Вспышка гнева осушила слезы. Семимесячный роман, обеды, шарм. Интернет-предприниматель, наделенный всем-всем-всем, так хорош, что прямо не верится. Явная промашка с предохранением. Его магическое исчезновение. Ее решение сохранить ребенка.

– Нет, звонить некому.

Крепко обняв ее, Дэвид утер слезы с ее глаз.

– Обычно я не эмоциональна, – всхлипывая, пробормотала Кейт. – Просто я... когда я была в...

Словно рухнула плотина; чувства и мысли, которые Кейт держала под спудом, хлынули на поверхность. Она ощутила, как складываются слова, чтобы излиться в рассказ, которым она впервые готова поделиться хоть с кем-то, а тем более с мужчиной, что всего пару дней назад казалось чем-то невообразимым. С ним так безопасно. И более того – она ему

верит

.

– Я знаю, – он утер с ее щеки новую волну слез. – Шрам. Все в порядке. – Вынул дневник из ее руки. – На сегодня чтения хватит. Давай отдохнем.

Притянул ее к себе, и оба погрузились в сон.

Глава 92

Оперативный пункт

Штаб-квартира «Часовой башни»

Нью-Дели, Индия

– Сэр, мы практически уверены, что нашли их, – доложил специалист.

– Насколько уверены? – уточнил Дориан.

– Наземной команде из двух человек местные сказали, что в этом районе проходил поезд, – техник обвел лазерной указкой район гор и лесов на огромном экране. – Предполагается, что пути брошены, так что это не мог быть товарняк. А беспилотники обнаружили неподалеку оттуда монастырь.

– Насколько далеко сейчас беспилотники оттуда?

Техник нажал несколько клавиш на ноутбуке.

– В паре часов...

– Как?! Господи, да мы чуть ли не у них над головой!

– Извините, сэр, им нужно дозаправиться. Они смогут снова подняться в воздух через час. Однако сейчас темно. Спутниковое изображение получено раньше. Получается где-то...

– Инфракрасные камеры на беспилотниках есть?

Техник постучал по клавишам.

– Нет. Что нам...

– Хоть на

каких-нибудь

беспилотниках поблизости есть ИК? – оборвал его Дориан.

– Минуточку. – В очках техника отразились компьютерные изображения. – Да, чуть дальше, но до цели дотянут.

– Запускайте.

В командный пункт вбежал другой специалист.

– Мы только что получили конфиденциальное сообщение из Антарктиды. Они нашли вход.

– Подтверждено? – Дориан откинулся на спинку кресла.

– Сейчас проверяют, но глубина и размеры соответствуют.

– Портативные ядерные заряды готовы? – осведомился Дориан.

– Да. Доктор Чейз докладывает, что они модифицированы так, чтобы поместиться в рюкзаке. – Тощий техник приподнял стопку печатных листов, слишком толстую для степлера. – Вообще-то Чейз прислал довольно подробный отчет...

– В шреддер его.

Тот сунул отчет обратно под мышку.

– А еще звонил доктор Грей. Хочет поговорить с вами о мерах предосторожности на участке.

– Вот уж не сомневаюсь. Скажите, поговорим, когда я туда доберусь. Я вылетаю сейчас же. – Дориан встал, чтобы покинуть комнату.

– Это еще не всё, сэр. Уровни заболеваемости в Юго-Восточной Азии, Австралии и Америке растут.

– Кто-нибудь уже этим занялся?

– Нет, навряд ли. Они думают, это просто новый штамм вируса гриппа.

Глава 93

Монастырь Иммару

Тибетский автономный район

Открыв слипающиеся со сна глаза, Кейт оглядела альков. Уже не ночь, но еще и не утро. Первые лучи солнца только-только заглянули в альков сквозь большое окно, и Кейт отвернулась от них, отгораживаясь, игнорируя приход утра. Пристроила голову поближе к щеке Дэвида и закрыла глаза.

– Я знаю, что ты не спишь, – проговорил он.

– Нет, я сплю. – Пристроив голову поудобнее, она замерла.

– Ты же со мной разговариваешь, – рассмеялся Дэвид.

– Я разговариваю во сне.

Дэвид сел в узкой кровати. Долгим взглядом посмотрел на Кейт, а потом отвел волосы с ее лица. Открыв глаза, женщина встретилась с ним взглядом, надеясь, что он наклонится к ней и...

– Кейт, тебе надо уходить.

Она отвернулась, терзаясь нерешительностью, страшась спора, но не желая идти на компромисс. Она его не покинет. Но прежде чем успела высказать возражения, явился Мило, материализовавшись будто из воздуха. Лицо его лучилось своеобразным жизнерадостным выражением, но и оно, и осанка недвусмысленно говорили о сильном утомлении.

– Доброе утро, доктор Кейт, мистер Дэвид. Вы должны идти с Мило.

– Дай нам минуточку, Мило, – обернулся к нему Дэвид.

– Минутки у нас нет, мистер Дэвид, – юноша подступил еще ближе. – Цянь говорит, пора.

– Что пора? – не понял Дэвид.

Кейт села.

– Пора идти. Пора, – Мило поиграл бровями, – для плана эвакуации. Проект Мило.

– Плана эвакуации? – вскинул голову Дэвид.

Увидев в этом возможность альтернативы или, самое малое, отсрочки предстоящего спора с Дэвидом, Кейт тут же ухватилась за нее. Подбежав к шкафу, она собрала пузырьки с антибиотиками и обезболивающими. Мило подставил висевший у него на боку

холщовый кошель, и Кейт ссыпала пузырьки туда вместе с дневником в кожаном переплете. Хотела было отойти от шкафа, но, спохватившись, набрала в охапку марли, бинтов и пластыря – просто на всякий случай.

– Спасибо, Мило.

Кейт услышала, как у нее за спиной Дэвид спустил ноги на пол, вставая, и почти тотчас же повалился. Кейт поспела как раз вовремя, чтобы не дать ему упасть. Сунув руку в кошель, она выудила обезболивающее и антибиотик и сунула таблетки Дэвиду в рот, прежде чем Вэйл успел запротестовать. Он проглотил таблетки, не запиная, пока Кейт практически волоком вывела его из комнаты на открытую деревянную галерею.

Солнце уже поднялось довольно высоко, и в конце дощатого настила галереи Кейт увидела зависшие над склоном горы парашюты. Нет, не парашюты – монгольфьеры. Целых три. Кейт вытянула шею, чтобы лучше видеть первый шар. Сверху оболочка зелено-коричневая, как камуфляж. Это... деревья, лес. Курьезно.

И тут послышался звук. Жужжание. Близко.

– Беспилотники, – повернулся к ней Дэвид и оттолкнул Кейт, поддерживавшую его, закинув его руку себе на плечи. – Беги к шару.

– Дэвид... – начала было Кейт.

– Нет. Беги. – Он схватил Мило за руку. – Мое оружие – то, с которым я пришел в первый раз – еще у вас?

– Мы храним все ваши вещи, – кивнул Мило.

– Принеси его, и побыстрее. Мне надо подняться повыше. Встретимся на смотровой площадке.

Кейт думала, что он может оглянуться на нее один-единственный распоследний разок и... но он уже скрылся, ковыляя через монастырь, а потом взбираясь по каменной лестнице, вырубленной в склоне горы.

Доктор Уорнер бросила взгляд на шары, потом снова на Дэвида, но его уже и след простыл. Лестница была пуста.

Кейт поспешила вперед по галерее, окончившейся спиральной деревянной лестницей. У основания лестницы показались гигантские монгольфьеры. Пятеро монахов на нижнем помосте дожидались ее, маша ей руками.

Завидев Кейт, двое монахов запрыгнули в корзину первого шара, отвязали веревку и оттолкнулись от платформы. Шар поплыл прочь от

склона горы, а монахи начали жестаами призывать ее к вниманию. Затем принялись работать шнурами и горелкой, показывая Кейт, как им управлять. Кивнув ей, один дернул за веревку, освободившую один из мешков сбоку корзины, и монгольфьер стремительно вознесся в небо, отплыв дальше от горы. Зрелище было просто прекрасное – безмятежность полета, цвета – красный и желтый с голубыми и зелеными вставками. Шар поплыл над плоскогорьем, будто циклопическая бабочка, расправившая крылья.

Двое других монахов забрались во второй шар-бабочку, приготовившись к взлету, но пока не отдали швартовы, будто поджидая Кейт. Пятый монах жестом призывал ее забираться в корзину третьего шара – с лесными мотивами наверху. Кейт сообразила, что нижняя часть окрашена в голубой и белый цвета, изображая облака. Снизу с соответствующего расстояния беспилотник обнаружит над собой только небо. Если же он пролетит над шаром, то увидит только лес. Очень остроумно.

Кейт забралась в корзину облачно-лесного монгольфьера. Второй шар-бабочка отчалил прямо перед ней, а последний монах, оставшийся стоять на помосте, потянул две веревки ее корзины, сбросив мешки и послав шар в воздух. Монгольфьер возносился в безмолвии, будто в фантастическом сне. Обернувшись, Кейт по ту сторону плоскогорья увидела десятки – нет, сотни – монгольфьеров, развернувшихся в дивную по своему многокрасочному великолепию панораму, поднимающихся к небесам в лучах восходящего солнца. Должно быть, шары выпустили все монастыри без исключения.

Теперь шар Кейт поднимался быстрее, оставив деревянный стартовый помост и монастырь позади.

А Дэвид?

Кейт схватилась за шнуры, управляющие полетом, и в этот момент шар тряхнуло взрывной волной. Часть горного склона словно исчезла в мгновение ока. Монгольфьер дернулся, во все стороны полетели обломки дерева и камни. Дым, пламя и пепел заполнили воздух между Кейт и монастырем.

Пелена застлала все от взора, не позволяя разглядеть ровным счетом ничего. Но шар вроде бы не пострадал; ракета с беспилотника врезалась в гору ниже него по ту сторону от монастыря. Кейт принялась лихорадочно манипулировать шнурами. Подъем ускорился.

Слишком ускорился. А потом послышался другой звук. Винтовочный выстрел – сверху.

Глава 94

Промах! Беспилотник выпустил одну из двух своих ракет за секунду до того, как Дэвид нажал на спусковой крючок. Потеряв часть веса, беспилотник полетел чуточку быстрее, разминувшись с пулей, вылетевшей из снайперской винтовки Дэвида.

Вогнав в патронник новый патрон, он попытался снова отыскать беспилотник взглядом. Теперь дым повалил клубами. Пламя охватило монастырь почти целиком, и деревья ниже него тоже занялись. Вэйл встал, скривившись, но ноги повиновались. Обезболивающее работает. Надо найти более выгодную позицию. Обернувшись, Дэвид был шокирован, увидев Мило, сидящего в углу деревянной смотровой площадки, скрестив ноги и закрыв глаза. Дыхание юноши было неглубоким и ритмичным.

– Что ты делаешь? – схватил его за плечо Дэвид.

– Ищу внутренний покой, мистер...

Вздернув Мило на ноги, Дэвид толкнул его на склон.

– Ищи его на вершине горы, – указал он, а когда юноша повернулся обратно, развернул его и снова толкнул к склону. – Карбкайся и карбкайся, Мило, что бы ни произошло. Вперед! Я серьезно.

Мило неохотно ухватился ладонью за узкую расселину в склоне и принялся взбираться вверх по скальной стене.

Проводив его взглядом, Дэвид снова обратил взор к смотровой площадке. Подошел к краю площадки и замер в ожидании. И дождался разрыва в дыму. Опустившись на колени, посмотрел в прицел и тут же, как по заказу, поймал в перекрестье беспилотник – другой, по-прежнему несущий полный комплект из двух ракет. Сколько ж их еще? Дэвид не колебался. Втянув воздух сквозь зубы, медленно надавил на спусковой крючок. Взорвавшись, беспилотник устремился к земле, потянув за собой тонкую струйку дыма.

Дэвид взглядом обыскивал небо в поисках второго дрона, но не видел его. Встав, он заковылял по деревянному настилу. Вдруг из дыма, раздвигая черные клубы, вознеслось нечто красочное – пейзаж,

изображающий деревья и небо. Монгольфьер. Кейт. Взгляды их встретились, и в этот миг гора под ним взорвалась. Половина площадки моментально исчезла, сбив его с ног. Винтовка, выпав из рук, с громким лязгом ударилась о камни. Монастырь рушился. Первый беспилотник выпустил последнюю ракету, нанеся смертельный удар.

Шар заколыхался, но остался на месте – футах в пяти или десяти ниже него. Остатки платформы разваливались прямо на глазах.

Вскарабкавшись на ноги, Дэвид подбежал к краю площадки и прыгнул. Ударился грудью о корзину, почти отшибшую ему дух. Попытался схватиться за край, но руки соскользнули – и тут он ощутил пальцы Кейт у себя на запястье, крепко стиснувшие его и удерживающие изо всех сил. Падение Дэвида прекратилось, но он повис, как тряпка. Потянулся к краю, но боль от раны была просто нестерпима.

Почувствовал под собой жар, мало-помалу охватывающий ноги и туловище, приближающийся с каждой секундой. Он утаскивает шар прямо в пекло. Кейт должна отпустить его. С такой высоты смерть будет мгновенной.

– Кейт, мне не взобраться! – Несмотря на обезболивающее, боль от раны в плече была всеохватной. – Ты должна отпустить...

– Не отпущу! – крикнула женщина.

Упершись ногой в край корзины, она потащила Дэвида кверху, надрывая силы. Ему удалось ухватиться за край и повиснуть на нем. Отпустив его, Кейт скрылась.

Дэвид ждал, чувствуя, как сила утекает из рук, а жар охватывает все сильнее. Снизу донесся звук падения одного, другого, потом третьего мешка с песком. Дэвид почувствовал, как потная ладонь скользит, выпуская край корзины. И когда уже начал съезжать вниз, в охваченный пожаром монастырь, руки Кейт снова схватили его за запястья и перетаскили через край внутрь, в корзину.

Женщина насквозь взмокла от изнеможения, а с него ручьем лило от палящего пламени пожара. Лицо его было всего четырех дюймах от лица Кейт, и он смотрел ей прямо в глаза, ощущая ее дыхание у себя на лице. Наклонился, приблизив свои губы к ее губам.

Но прежде чем они соприкоснулись, Кейт столкнула его, перекатив на спину.

– Извини... – Дэвид закрыл глаза.

– Нет, не в этом дело, я просто почувствовала. Ты истекаешь кровью. Твои повязки порвались. – И распахнув его рубашку, Кейт поспешно занялась раной.

Тяжело дыша, Дэвид смотрел на облака на шаре, уповая, что где-то там внизу Мило сидит на вершине горы целым и невредимым и когда-нибудь где-нибудь все-таки отыщет внутренний покой.

Часть III

В катакомбах Атлантиды

Глава 95

Тибетский автономный район

Закончив возиться с перевязкой Дэвида, Кейт отползла к другой стенке корзины и привалилась к ней. Долгое время оба просто плыли по воздуху, чувствуя дыхание ветерка на лицах, глядя на увенчанные снегом вершины гор и зеленое плоскогорье внизу, и не говоря ни слова. Мышцы Кейт, надсаженные, когда она втягивала Дэвида в корзину, до сих пор пекло как огнем.

– Кейт! – наконец нарушил молчание Дэвид.

– Я хочу дочитать дневник. – Она извлекла из кошелька с медикаментами маленькую книжицу в кожаном переплете. – А уж тогда можно будет строить планы. Лады?

Кивнув, Дэвид прислонил голову к плетеной стенке корзины и слушал, как Кейт дочитывает несколько последних страниц.

4 февраля 1919 года

Год спустя после того, как я очнулся в трубе...

Мир умирает. И его убили мы.

Я сижу за столом с Канном и Крейгом, слушая статистику, будто это расклад ставок на бегах. Испанская инфлюэнца (так мы преподнесли это миру, так окрестили эту пандемию) добралась почти до каждого уголка на планете, обойдя стороной лишь несколько островов. К текущему моменту она убила несметные миллионы

человек. В отличие от прочих эпидемий инфлюэнцы, она убивает сильных, не трогая слабых.

Наконец слово берет Крейг, высказываясь куда велеречивее, нежели заслуживают эти сведения. В двух словах все сводится к тому, что никто не нашел вакцины, и конечно же, Иммари на такое и не рассчитывали. Но считают, что по-прежнему могут подавать это как инфлюэнцу. Это «хорошая новость», возглашает Крейг.

И это еще не всё. В общем и целом настроение и оценки склоняются к оптимизму: племя людское выживет, но потери будут огромны. Как ожидается, от выпущенного нами морового поветрия погибнет от двух до пяти процентов всего народонаселения планеты, где-то от тридцати шести до девяноста миллионов человек. Заражены будут миллиард человек. По оценкам, нынешнее население планеты составляет одну целую восемь десятых миллиарда человек, так что «встряска недурная», по словам Крейга. Острова сулят хорошую защиту, но на деле люди напуганы, и весь мир забился по норам, избегая всякого, кто может оказаться носителем заразы. По оценкам, война унесла около десяти миллионов жизней. Чума – а вернее, испанка – убьет в четыре-десять раз больше народу, чем война. Конечно, скрыть такое проблематично. Война и мор, вместе взятые, унесут примерно от пятидесяти до ста миллионов человек.

Но я думаю только об одном человеке. Я ломаю голову, почему она умерла, а я остался жить. Я пуст, от меня осталась одна скорлупа. Но я держусь по одной причине.

Канн смотрит на меня холодным, злобным взором, и я смотрю на него в ответ. Он требует моего рапорта, и я говорю медленно, безжизненным, отсутствующим тоном.

Я докладываю, что мы раскопали участок вокруг артефакта.

– Оружия, – поправляет он.

Я игнорирую его. Я высказываю свое мнение: как только мы его отсоединим, то сможем проникнуть в сооружение. Они задают вопросы, и я отвечаю механически, как автомат.

Говорят об окончании войны, о том, что пресса фокусируется на пандемии, но конечно, планы есть и на сей счет.

Говорят, доктора в Америке изучают вирус, говорят, что могут распознать в нем нечто иное. Крейг, как всегда, играет роль миротворца. Он крепко держит ситуацию в руках, уверяет он каждого.

Клянется, что вирус вроде бы уже выдыхается, как лесной пожар, пожирающий сам себя. А за угасанием пандемии, полагает он, последует и интерес к ее исследованиям.

Рабочая гипотеза заключается в том, что этот мор судного дня при передаче от человека к человеку утрачивает силу. Люди в выработке погибли мгновенно. Люди, нашедшие их, заболели и вскоре последовали за ними. Каждый из заразившихся на данный момент, вероятно, получил уже пятое или шестое поколение вируса из Гибралтара – отсюда и растущий коэффициент выживаемости. Были две последовательные вспышки инфлюэнцы. Мы считаем, что обе были вызваны телами первых заразившихся из Гибралтара или Испании, попавшими в густонаселенные районы.

Я доказываю, что мы должны обнародовать это, отследить каждого, кто покинул Гибралтар. Канн не согласен.

– Все умирают, Пирс. Уж наверняка не мне вам об этом напоминать. Их смерти служат высокой цели. С каждой новой волной инфекции мы узнаем все больше.

Мы кричим друг на друга до хрипоты. Я даже не помню, что говорил. Да и неважно. Организацией заправляет Канн. И я не могу себе позволить перечить ему.

Закрыв дневник, Кейт подняла голову.

– Там грузили трупы на поезда, идущие в Китай.

Дэвид какое-то время молча смотрел за борт корзины.

– Давай-ка сперва соберем все факты воедино. Сколько там еще записей?

– Всего одна.

12 октября 1938 года

Со времени моей последней записи прошло почти двадцать лет. Перерыв долгий, но вовсе не оттого, что я не считал события заслуживающими запечатления. Постарайтесь меня понять.

Начиная этот дневник, я искал в нем убежища от черной безысходности раненого, обреченного на пребывание там, где надеяться уже не на что. Он помогал мне разобраться в собственном отчаянии, был способом самосозерцания. Потом он стал документальным свидетельством того, что я считал неким заговором.

Но когда на твоих глазах умирает существо, которое ты любишь больше всего на свете, павшее жертвой некоей напасти, по неведению выпущенной в мир твоей же рукой, порождения сделки, на которую ты пошел ради ее руки, и итог всей твоей жизни сводится к пылающему у тебя на ладони угольку... как-то трудно взять перо и писать о собственной жизни, которую ты сам считаешь более ненужной.

И обо всех деяниях, которых ты стыдишься. Вот что последовало за тем днем в медицинской палатке.

Но дело зашло достаточно далеко. Слишком уж далеко. Для меня это конец пути. Я не могу участвовать в геноциде, но и остановить его не в силах. Надеюсь, это удастся вам. Надежда – единственное, что мне осталось.

Со времени моей последней записи выяснилось следующее:

Аппарат:

Мы называем его Колоколом, а Канн и его немецкие дружки – die Glocke. Канн убежден, что это сверхоружие, и оно либо истребит весь род человеческий, либо вызовет сублимацию, оставив только генетически превосходящих и истребив всех, кто может представлять угрозу для этой избранной расы. Он стал одержим своими расовыми теориями, гонкой за своей расой господ, которая переживет грядущий апокалипсис – аппарат. Само собой разумеется, он верит, что сам принадлежит к этой высшей расе. Усилия исследователей сосредоточены на том, как создать эту господствующую расу контролируемым образом, до наступления предполагаемой атаки из Атлантиды. С той поры как Колокол извлекли на поверхность, меня отодвинули в сторону, но кое-какие сведения доходят до меня и по сей день. Канн увез Колокол в Германию, чтобы проводить эксперименты под Дахау. Положение в его Фатерлянде отчаянное – острая нехватка всего необходимого и опасно высокий уровень безработицы. Манипулировать тамошним правительством совсем нетрудно. И он пользуется этим в полной мере.

Иммару:

Я многое узнал об истории Иммари и родственной ей секте – Иммару. До какого-то момента в античности Иммари и Иммару были одной группой – предположительно, еще во времена шумеров, от

которых до нас дошли первые письменные документы. В переводе с шумерского Иммару означает «свет». Канн считает, что Иммару знали об этом аппарате и фатуме рода человеческого за тысячи лет до нас, еще до Потопа. Согласно его теории, Иммари – его группировка – были раскольниками из числа Иммару, которые верили, что человечество можно спасти, но не могли убедить своих собратьев, представителей этой высшей расы. Согласно Канновской версии истории, его предки-Иммари пренебрегли собственной безопасностью, дабы совершить переход с арийской родины в Европу, где, как они считали, сумеют отыскать руины Атлантиды, о которой писал Платон, – а вместе с ней и ключ к спасению человечества.

Когда он огласил эту ревизионистскую историю, я спросил его напрямую, почему это не было явлено Иммари раньше; в конце концов, это представляется полезными историческими сведениями. Он же снисходительно прочел мне рацею, что-то наподобие «тяжек венец для носящего его» и «знание, что мы одни стоим на пути поголовного истребления человечества, могло бы раздавить нас. Наши предки были мудры. Они разрешили нас от непосильного бремени собственных поступков, дабы мы могли сосредоточиться на поисках истины и спасении мира».

Трудно спорить с маньяком, с каждым днем обретающим все больший вес.

Экспедиции Канна:

Канн отправил экспедиции во все регионы азиатских нагорий – в Тибет, Непал и Северную Индию. Он убежден, что Иммару скрываются где-то там, сидя на секретах, которые могли бы избавить нас от грядущего конца света.

Он настаивает, что эти Иммару обитают в холодном климате, в высокогорье, указывая, что нордические народы Европы давно господствуют на континенте как раз потому, что ведут свою родословную от первоначальных Иммару, процветающих в холодных, снежных условиях. От моих упоминаний о процветании высокоразвитых цивилизаций римлян и греков в благодатном южноевропейском климате он отмахивается. «Артефакты генетических даров, ниспосланные Иммари, проявили себя по пути на север, в поисках Атлантиды и своей природной, предпочтительной

среды обитания», – твердит он. И настаивает, что этот «ген Атлантиды», которому человечество обязано всеми своими дарами – генетическое наследие, в наиболее концентрированном виде проявившееся в Иммари, – должен быть связан с холодами. Отсюда он постулирует, что остальная часть расы атлантов должна пребывать где-то в морозной спячке, ожидая шанса вновь захватить планету.

В результате Канн просто-таки одержим Антарктикой. Он послал экспедицию и туда, но пока от нее никаких вестей. Он планирует последовать за ней лично в суперсубмарине, которую строит на верфях Северной Германии. Я отчаянно пытался выяснить ее местонахождение в уповании, что смогу заложить в нее бомбу. Но я слышал, что подлодка близка к завершению и скоро отплывет на Дальний Восток, чтобы разделаться с Иммару раз и навсегда, прежде чем повернуть к югу, чтобы отыскать в Антарктиде столицу Атлантиды. План, мягко говоря, амбициозный.

Я надеялся, что отсутствие Канна даст мне шанс захватить контроль над Иммари за время его отлучки, но он позаботился и об этом. Если я прав, то скоро меня уберут со сцены – более или менее радикально. Так что я подготовил иные планы.

Я уверен, что один из солдат экспедиции доставит этот дневник вам, подразумевая, что Канну все-таки удастся отыскать Иммару и что солдат сдержит свое обещание. Если он попадетсся с дневником, это будет означать для него гибель (как и для меня).

Кунсткамера:

И еще одну вещь хочу поведать вам напоследок. Я кое-что нашел. Некую камеру глубоко в руинах Гибралтара. Я считаю, что она несет ключ к пониманию назначения сооружения, а может быть, и атлантов. Техника там весьма совершенна – и опасна в порочных руках. Я пустился во все тяжкие, только бы уберечь ее от Канна. Прилагаю карту, указывающую, как добраться до этой камеры, которую я скрыл за фальшивой стеной. Торопитесь.

Бережно развернув тонкий желтый листок с картой, Кейт несколько секунд разглядывала его, а потом передала Дэвиду.

– В Китае был тот самый аппарат – Колокол. Они воздействовали им на меня – и на сотни человек. Вот что они делали – пытались найти

генетический ключ, дающий иммунитет к воздействию аппарата. Все мои исследования, все исследования Иммари в области генетики сводились к одному – поискам гена Атлантиды. Вся ложь Мартина, вся моя жизнь... меня использовали.

Вернув ей карту, Дэвид устремил взгляд на горы и леса, проплывающие под ними.

– Что ж, я рад, что они это сделали.

Кейт воззрилась на него.

Вэйл посмотрел ей прямо в глаза.

– Это мог быть кто-то другой. Кто-то, не такой сильный. Или не такой умный. Ты способна разобраться во всем этом и остановить их.

– Я не понимаю...

– Давай-ка просто пройдемся по тому, что нам известно. Давай просто сложим фрагменты головоломки и поглядим, как их они стыкуются. Годится? – Кейт кивнула, и Дэвид продолжал: – Там в монастыре я сказал, что знаю, что такое Колокол. Это легенда Второй мировой войны. Адепты теории заговоров до сих пор судачат о нем – die Glocke, то бишь о Колоколе. Утверждают, что это был высокотехнологичный нацистский проект оружия возмездия, а может, революционный источник энергии. Дальше пускаются в самые дикие домыслы. Что угодно – от антигравитации до путешествий во времени. Но если он вызвал испанскую инфлюэнцу в восемнадцатом году, а трупы из Китая попадут...

– Будет очередная пандемия, на сей раз куда более страшная, чем испанка.

– Я хочу спросить, возможно ли это? – проронил Дэвид. – Правильна ли вообще статистика Иммари? Как может быть, чтобы у нас не нашлось вакцины против того, что убило от двух до пяти процентов населения планеты?

– В медицинской школе мы проходили испанский грипп, или пандемию инфлюэнцы восемнадцатого года, как ее еще называют. Их статистика правильна или близка к тому. Мы считаем, что испанский грипп погубил от пятидесяти до ста миллионов человек – то есть около четырех процентов глобального народонаселения.

– Это составит что-то вроде... двухсот восьмидесяти миллионов смертей на сегодня – все население Соединенных Штатов. Вакцина

наверняка есть. И потом, как Иммари могли это скрыть – или выдать это за грипп?

– Поначалу врачи не считали, что это грипп. На первых порах ставили ошибочные диагнозы, объявляя, что это лихорадка денге, холера или тиф – прежде всего потому, что симптомы очень... явно не походили на грипп. У пациентов открывались кровотечения из слизистых оболочек, особенно носовой полости и желудочно-кишечного тракта, кровь шла даже из кожи и ушей. – Кейт вспомнила темную комнату, где Колокол висел над съезжившейся толпой, обокровавленных трупов, и тряхнула головой, чтобы отогнать воспоминание. Надо сосредоточиться. – В общем, из всех штаммов вируса гриппа на планете это наименее понятный – и наиболее смертоносный. Вакцины не существует. Испанский грипп по сути толкает организм к саморазрушению; он убивает с помощью цитокинового шторма – организм разрушает его собственная иммунная система. Большинство штаммов вируса губительны для людей с ослабленным иммунитетом – детей и стариков. Вот почему мы проводим вакцинации – чтобы подстегнуть иммунитет. Испанский грипп радикально отличается от них. Он убивал людей с

сильным

иммунитетом. Чем крепче иммунная система человека, тем сильнее цитокиновый шторм. Он был смертоносен для людей в возрасте от двадцати пяти до тридцати четырех лет.

– Прямо как истребление всех, кто мог представлять угрозу. Неудивительно, что Иммари сочли его оружием, – заметил Дэвид. – Но к чему выпускать его? У мира не будет ни шанса. В восемнадцатом году, в конце Первой мировой войны, границы повсюду были на замке, весь мир со скрежетом остановился. Ты подумай, как тесно мы связаны сегодня; аналогичная вспышка болезни сотрет нас с лица земли за считанные дни. Если то, что ты говоришь, правда, то зараза уже покинула пределы Китая и в это самое время бушует на планете. Зачем они это сделали?

– Может, у них не было выбора.

– Выбор есть всег...

– У них в головах, – пояснила Кейт. – Просто исходя из написанного в дневнике, я уже сформировала пару гипотез. По-моему, Иммери искали ген Атлантиды, чтобы получить возможность пережить воздействие аппарата. Вот почему они были заинтересованы в моих исследованиях, вот почему похитили детей. Должно быть, они в цейтноте.

– Кстати, на спутниковом фото с шифром на обороте посередине была подлодка.

– Подлодка Канна, – подхватила Кейт.

– Готов спорить. А под ней какое-то сооружение. Нам известно, что они искали подлодку с сорок седьмого года – расшифровка некролога в «Нью-Йорк таймс» гласила: «Антарктика, субмарина не найдена, сообщите, санкционированы ли дальнейшие поиски». Так что они наконец отыскали подлодку, а под ней другую Атлантиду – угрозу, – покачал головой Дэвид. – Но я по-прежнему не ухватываю сути, к чему затевать очередную пандемию?

– По-моему, убитые Колоколом
и есть

«Протокол Тоба». Похоже, прямой контакт с Колоколом наиболее смертоносен, но есть – или был – лишь один Колокол. Может, они собираются распространить трупы по планете. Результирующая эпидемия радикально сократит мировое народонаселение лишь до тех, кто способен пережить Колокол, до обладателей гена Атлантиды.

– Да, но почему? Неужели нет способов получше? Разве они не могли – ну, не знаю – секвенировать пачку геномов или своровать какие-нибудь данные и найти этих людей?

– Нет... хотя, может, и могли. Вероятно, выявить людей с геном Атлантиды можно, но есть еще недостающее звено – эпигенетика и активация генов.

– Эпи...

– Тут малость сложновато, но в конечном счете все сводится к тому, что важно не только, какие гены у тебя есть, но и какие из них активированы, а также как эти гены взаимодействуют между собой. Предположительно мор вызовет второй Большой Скачок Вперед, активировав ген Атлантиды у всех, кто им обладает. А может, дело в

чем-то совершенно другом; быть может, мор сократит население и вынудит нас мутировать или эволюционировать, точь-в-точь как это сделало катастрофическое извержение Тоба... – Кейт потеряла виски. Есть ведь еще что-то, какой-то фрагмент, ускользающий из-под пальцев. В памяти у нее пронесся разговор с Цянем: гобелен, огненный потоп, гибнущая группка людей, съезжившихся под пеленой пепла... спаситель, протягивающий чашу собственной крови, и твари лесные, преображающиеся в современных людей. – По-моему, мы что-то упускаем из виду.

– Ты думаешь...

– Что, если первый Большой Скачок Вперед был вовсе не природным явлением? Что, если эволюция тут вовсе ни при чем? Что, если человечество было на грани вымирания и атланты пришли нам на выручку? Что, если атланты дали этому умирающему человеческому племени что-то такое, что помогло им пережить Тоба? Ген, генетическое преимущество, сделавшее их достаточно умными, чтобы выжить. Изменение структуры мозга. Что, если они и дали нам ген Атлантиды?

Глава 96

Дэвид огляделся, словно в надежде подыскать слова. Наконец, открыл рот, чтобы заговорить, но Кейт остановила его поднятой ладонью.

– Я понимаю, что это кажется безумием, ну и ладно, только выслушай меня, дай мне проговорить это вслух. Вряд ли нам придется куда-нибудь торопиться в ближайшее время. – Она широким жестом обвела корзину и монгольфьер над ней.

– Что ж, справедливо, но предупреждаю, тут я ни в зуб ногой. Даже не знаю, смогу ли быть чем-нибудь тебе полезен.

– Просто скажи мне, когда все начнет звучать чересчур безумно.

– А обратную силу это имеет? А то сказанное тобой только что...

– Ладно, вообще-то, сначала просто послушай какое-то время, а уж после приводи меня в сознание. Вот тебе факты. Около семидесяти тысяч лет назад произошло извержение супервулкана Тоба. Наступила глобальная вулканическая зима, продлившаяся от шести до десяти лет, а возможно, и привела к похолоданию на тысячу лет. Пепел накрыл

всю Южную Азию и Африку. Численность человеческой популяции стремительно сокращается где-то до трех-десяти тысяч, может, даже до одной тысячи жизнеспособных семейных пар.

– Ладно, это правда, я могу подтвердить, что это не умопомешательство.

– Потому что я же и рассказала тебе о катастрофе Тоба в Джакарте.

– Эй, я просто стараюсь быть полезным, – загородился ладонями Вэйл.

Кейт вспомнила свою собственную реакцию и слова, сказанные Дэвиду в фургоне всего несколько дней назад, хотя с тех пор пролетел будто целый век.

– Очень забавно. В общем, сокращение населения спровоцировало примерно в то время возникновение генетического бутылочного горлышка. Нам известно, что каждый человек на планете – потомок крайне малой популяции, от одной до десяти тысяч племенных пар, существовавших на планете около семидесяти тысяч лет назад. Каждый человек за пределами Африки ведет родословную от крохотного племени численностью всего в сотню человек, покинувшего ее около пятидесяти тысяч лет назад. Фактически говоря, все ныне живущие люди – прямые потомки одного человека, жившего в Африке шестьдесят тысяч лет назад.

– Адама?

– Вообще-то мы называем его Y-хромосомным Адамом, ведь мы ученые. Ева тоже есть – Митохондриальная Ева, но она жила куда раньше; мы полагаем, сто девяносто – двести тысяч лет назад.

– Путешествия во времени? Не пора ли мне трубить об умопомешательстве?

– Да никакие не путешествия, спасибо тебе от всей души. Это генетические обозначения людей, прямыми потомками которых являются все жители Земли. Тут несколько сложновато, но в двух словах Адам имел огромное преимущество – его отпрыски были куда более развитыми, чем любые другие соплеменники.

– У них был ген Атлантиды.

– Пока что будем придерживаться только фактов. У них было какое-то

преимущество, в чем бы оно ни состояло. Примерно пятьдесят тысяч лет назад род человеческий начал вести себя иначе. Сложные модели поведения нарастают лавинообразно – язык, изготовление орудий, настенная живопись. Этот грандиозный прогресс мы называем Большим Скачком Вперед. Если взглянуть на человеческие окаменелости до него и после, разницы не будет ни на йоту. Да и в геноме разницы тоже почти никакой. То, что нам известно, можно практически свести к двум словам: какое-то ничтожное генетическое изменение привело к изменению образа мышления, а возможно, и к изменению структуры мозга.

– Ген Атлантиды.

– Что бы это ни было, это изменение связей мозга оказалось величайшим генетическим джекпотом всех времен. Человечество перешло от грани вымирания – менее десяти тысяч человек, занимавшихся охотой и собирательством, – к господству над планетой, достигнув численности свыше семи миллиардов человек на протяжении всего пятидесяти тысяч лет. В контексте эволюции это мгновение ока. Экстраординарный расцвет, почти невероятный с точки зрения генетики. В том смысле, что двенадцать процентов всех людей, живших когда-либо, живут сегодня

. Мы возникли всего лишь около двухсот тысяч лет назад. Нас до сих несет грибовидное облако последствий Большого Скачка Вперед, а мы даже не представляем, как это случилось и к чему приведет.

– Ага, но почему мы? С какой такой радости на нас обрушилось подобное везение? Были ведь и другие человеческие виды, правильно? Неандертальцы, эти... не помню, как вы их называете – эльфы, что ли; с ними-то как? Если атланты пришли на выручку к нам, так почему бы не помочь и остальным?

– У меня есть гипотеза. Нам известно, что пятьдесят тысяч лет назад было по меньшей мере четыре подвида людей: мы, или анатомически современные люди, неандертальцы, денисовцы и Номо

floresiensis, или хоббиты. Вероятно, были и другие, которых мы не нашли, но эти четыре подвида...

– Подвида? – переспросил Дэвид.

– Да. Технически это подвиды; все они люди. Мы определяем вид как группу организмов, способных к интербридингу и производству фертильного потомства, а все эти четыре группы людей могли скрещиваться. Фактически у нас есть генетические доказательства, что интербридинг происходил на самом деле. Когда пару лет назад мы секвенировали неандертальский геном, то обнаружили, что все за пределами Африки имеют от одного до четырех процентов неандертальской ДНК. Наиболее ярко выражено это в Европе – на родине неандертальцев. То же самое выяснилось и при секвенировании денисовского генома. Некоторые люди в Меланезии, а особенно в Папуа – Новой Гвинее имеют до шести процентов генов, общих с денисовцами.

– Интересно. Значит, мы все гибриды?

– Да, в техническом смысле.

– Значит, мы поглотили другие подвиды, образовав комбинированный человеческий род?

– Нет. Ну, может быть, небольшой процент, но археологические находки свидетельствуют, что все четыре группы выжили, как отдельные подвиды. Мне кажется, другие подвиды не получили гена Атлантиды, потому что не нуждались в нем.

– Они...

– Не были на грани вымирания, – растолковала Кейт. – Мы полагаем, неандертальцы появились в Европе еще от шестисот до трехсот пятидесяти тысяч лет назад. Все остальные подвиды также старше нас; вероятно, их популяции были значительно больше. Они находились вне радиуса поражения Тоба: неандертальцы населяли Европу, денисовцы находились на территории современной России, а хоббиты – в Юго-Восточной Азии, дальше от Тоба с наветренной стороны.

– Значит, у них все сложилось лучше, чем у нас, а мы почти вымерли. А потом

мы

сорвали генетический джекпот, а вымерли на самом деле

они

– у нас на руках.

– Да. И вымерли быстро. Мы знаем, что неандертальцы были сильнее нас, мозги у них были больше наших, и жили они в Европе сотни тысяч лет до нас. А потом за десять-двадцать тысяч лет вымерли.

– Может, это часть генерального плана Иммари, – предположил Дэвид. – Может, «Протокол Тоба» не сводится к одним лишь поискам гена Атлантиды. Что, если Иммари считают, будто эти высокоразвитые люди, эти атланты, пребывают в спячке, но когда вернутся, то устранят всех конкурирующих людей, всех, кто может представлять угрозу, – точь-в-точь как мы поступали последние пятьдесят тысяч лет после того, как получили этот ген Атлантиды? Ты читала речь Канна: они думают, что война с атлантами неминуема.

Размышляя над гипотезой Дэвида, Кейт мысленно вернулась к разговору с Мартином. К его голословным утверждениям, будто любая высокоразвитая раса истребит любых грозящих ей людей более низкого уровня развития; по его теории, человечество подобно компьютерному алгоритму, добивающемуся одной цели – гомогенности человеческого рода. Это стало последним фрагментом головоломки.

– Ты прав. «Тоба» не ограничивается одними лишь поисками гена Атлантиды. Он затеян ради

создания

атлантов, ради преобразования рода людского путем его усовершенствования. Они пытаются синхронизировать человечество с атлантами – создать одну расу, чтобы в случае возвращения атлантов те не считали нас угрозой. Мартин сказал, что «Протокол Тоба» – «запасной план». Они считают, что если атланты пробудятся и увидят семь миллиардов дикарей, то перебьют нас. Но если они выйдут и найдут небольшую группку людей, генетически весьма им подобных, то позволят им выжить – воспримут их как часть собственного племени или расы.

– Да, но я думаю, это лишь половина плана, – сказал Дэвид. – Это научный фундамент, генетический аспект, резервный план. Иммари думают, что пребывают в состоянии войны. Они мыслят, как солдаты. Я уже говорил, что, по-моему, они создают войско, и по-прежнему так считаю. Я думаю, они проводили эксперименты с Колоколом над людьми с вполне конкретной целью.

– Чтобы пережить его воздействие.

– Пережить – это да, но более конкретно: чтобы обрести способность пройти под ним. В Гибралтаре им пришлось окопать его со всех сторон и извлечь. Я думаю, свой Колокол может иметься в каждом сооружении атлантов, играя роль такого охранного устройства, не подпускающего никого; но на нас оно дало сбой, потому что на самом деле мы гибриды людей и атлантов. Если бы Иммари нашли способ активировать ген Атлантиды, они могли бы послать внутрь армию, чтобы перебить атлантов. А «Протокол Тоба» задуман на самый крайний случай – если они не преуспеют, то атланты пробудятся, а вокруг остались лишь члены их собственной расы.

– Они перебили бы тех самых людей, которые спасли нас от вымирания, быть может, единственных, кто помог бы нам справиться с чумой от Колокола, – кивнула Кейт. Помолчав, тяжело вздохнула и добавила: – Но это лишь гипотезы и домыслы. Мы можем и заблуждаться.

– Давай придерживаться того, что знаем наверняка. Мы знаем, что трупы вывезли из Китая и что погибшие от Колокола в прошлый раз вызвали пандемию.

– Может, уведомить органы здравоохранения?

– Ты же читала дневник, – покачал головой Дэвид. – Они знают, как втирать очки общественности. А теперь, наверное, еще больше в этом поднаторели, ведь они готовились к запуску «Протокола Тоба» очень долго. Нужно выяснить, верны ли наши предположения, а еще нам требуется какое-нибудь преимущество – способ связаться с атлантами или остановить Иммари.

– Гибралтар.

– Это наш лучший шанс. Камера, которую отыскал Патрик Пирс.

Кейт бросила взгляд на шар, начавший терять высоту, а мешков с песком для сброса балласта осталось всего ничего.

– Сомневаюсь, что мы доберемся в такую даль.

Улыбнувшись, Дэвид оглядел корзину, будто высматривая, что бы им могло пригодиться. В углу лежал небольшой тюк.

– Это ты принесла?

Кейт заметила тюк впервые.

– Нет.

Передвинувшись к тюку, Вэйл развернул его. Под слоями грубой домотканой холстины он обнаружил индийские рупии, по смене одежды для них обоих и сложенную бумажную карту Северной Индии, над которой они в это самое время наверняка пролетают. Дэвид развернул карту, и оттуда выпала небольшая записка. Отложив карту в сторону, он прочел записку и передал ее Кейт.

Простите нам наше недеяние.

Война не в нашей природе.

– Цянь.

Положив записку, Кейт внимательно поглядела на шар.

– Сомневаюсь, что мы долго тут продержимся.

– Согласен. У меня есть идея. Впрочем, рискованная.

Глава 97

В 1,5 милях от скважины № 6

Восточная Антарктика

Роберту Ханту пришлось сбросить скорость, потому что гигантский зонт дважды едва не стащил его со снегохода. Наконец, он отыскал удобную скорость, на которой мог держаться, но даже на такой скорости рев двигателя в сочетании с хлопками зонта был просто оглушитель. Сквозь грохот ему послышался необычный шум. Роберт оглянулся. Неужели подчиненные отправились за ним? Он остановил снегоход. Это не двигатель. Это голос.

Распахнув куртку, он начал нашаривать рацию. Индикатор сигнала горит – его вызывают. Роберт выключил зажигание, но сигнал пропал. Роберт подождал. Вдали порыв ветра сорвал снежную пыль с округлой вершины холма.

– Здесь Снежный Король, – нажав на тангенту, произнес Роберт.

Сделал глубокий вдох. Внезапный ответ и резкий тон радиста заставили его вздрогнуть:

– Снежный Король, почему не отвечаете на вызов?

Пораскинув умом, Роберт нажал тангенту:

– Мы в пути. Рации не слышно, – проговорил он как можно более ровным голосом.

– В пути? Где вы находитесь?

Роберт сглотнул. Прежде его никогда не спрашивали о местонахождении и не связывались с ними по пути с точки на точку. Что же тут сказать... Видят ли его с воздуха?

– Снежный Король! Как слышите?

Поерзав на сиденье, Роберт снова поднес рацию к губам.

– Добыча, здесь Снежный Король. Примерно в трех км от пункта семь. – Отпустив тангенту, он опустил рацию к снегоходу. Сделал вдох. – Мы столкнулись... У нас проблемы с одним из снегоходов. Ремонтируемся.

– Минуточку, Снежный Король.

Потянулись секунды. Несмотря на трескучий мороз, единственное, что чувствовал Роберт, это биение собственного сердца где-то в горле.

– Снежный Король. Вам требуется помощь?

– Никак нет, Добыча, справимся сами, – моментально ответил он. Выждал секунду и добавил: – Следует ли нам изменить пункт назначения?

– Никак нет, Снежный Король. Продвигайтесь с максимальной скоростью, соблюдая местный режим секретности.

– Вас понял, Добыча.

Роберт опустил рацию на сиденье. Голова вдруг стала тяжелой, как наковальня. Уровень адреналина в крови мало-помалу снизился, и тогда Роберт осознал, что правую руку так и ломит. Удерживание зонта взяло свою дань. Он едва мог сжать кулак, а плечо при каждом микронном перемещении прошивала боль. Скрипнув зубами, он переставил зонт на другую сторону снегохода.

Сквозь холод и боль до него донесся вопль внутреннего голоса:

Возвращайся сейчас же!

Роберт задумался, с какой стати его вызывали. Есть только две возможности: а) его накрыли; б) хотели убедиться, что он далеко от буровой. Если его засекли, то он спекся так или эдак. А если не хотят,

чтобы он видел, что они делают на точке, то он влетел по полной программе.

Трогаясь обратно, он твердил себе, что если попадетсЯ, то просто скажет, что оставил на буровой что-то нужное. Ничего особенного. А зонт?

Просто соблюдаю местный режим секретности.

Но радиопереговоры порушили эту легенду. Если он попадетсЯ теперь, то в лучшем случае лишится работы, а если они преступники, занятые чем-то противозаконным... дело обернется для него куда хуже.

Пораскинув умом, Роберт решил пойти на компромисс с самим собой: он доедет до вершины ближайшего снежного холма, оглядится и поедет обратно. Никто не скажет, что он не пытался.

Теперь Роберту пришлось ехать медленнее, держа зонт в сгибе левого локтя и прижимая его к туловищу. Потребовался почти час, чтобы добраться до вершины холма. Вынув бинокль, Хант оглядел далекий горизонт, отыскивая буровую.

И не поверил собственным глазам.

Над буровой возвышались такие громадные машины, каких он не видел ни разу в жизни – хотя уж кто-кто, а он навидался тяжелой техники на своем веку. Буровая, выглядящая так, будто по ней пронесся торнадо, в их присутствии показалась совсем крохотной. Буровая вышка валялась в снегу, будто опрокинутый микроскоп в детской песочнице рядом со строительными машинками. Вот только это не песочница, а гусеницы на этих «игрушечных» тягачах футов пятидесяти в высоту как минимум. Главный транспорт, похожий на сороконожку, в длину добрых четыреста-пятсот футов с небольшой «головой» – несомненно, тягачом, приводящим его в движение. Тело сороконожки, огибающее участок полукругом, составляет ряд белых сегментов, формой смахивающих на цистерны.

Рядом с сороконожкой белый автокран раз в десять больше обычного промышленного строительного крана, вознесший стрелу высоко в воздух. Он, что, что-то поднимает? Нет, скорее опускает.

Роберт прибавил увеличение. Но прежде чем он успел навести резкость на трос крана, перед глазами мелькнуло что-то – или абрис

чего-то – перед сороконожкой. Он пропанорамировал влево, но при таком увеличении совершенно промахнулся мимо участка. Сделав отъезд, снова поймал участок и увеличил изображение снова, сфокусировавшись на середине сороконожки.

Люди это или роботы? Кто бы это ни был, одеты они в белые костюмы наподобие химзащиты, только более громоздкие. И передвигаются медлительно, будто с трудом, видом своим более всего напоминая Зефирного Человека из «Охотников за привидениями» или надувного человечка Бибендума компании «Мишлен». Если судить по росту, то люди. Роберт проследил в бинокль за одним, заковылявшим к скважине. Кран, вытащивший что-то из скважины, начал поворачиваться к сороконожке. В поле зрения появился другой «зефирный человек», принявшийся помогать товарищу отцепить от крюка трофей и опустить его на землю. С виду находка походила на дискотечный зеркальный шар, только черный. Позади них в последней секции белой сороконожки открылась дверь, скользнув снизу-вверх. В ее проеме стал виден интерьер, освещенный желтоватым светом, с рядом компьютерных экранов. И большой белый ящик, который два человека в костюмах столкнули вниз по пандусу. На земле двое других присоединились к ним, принявшись отделять белые боковые панели. Те отсоединились без труда, оказавшись то ли эластичными, то ли сделанными из ткани.

Роберт навел бинокль на резкость. Ящик оказался клеткой с двумя обезьянами – возможно, шимпанзе; во всяком случае, довольно мелкими. Они скакали по клетке и льнули друг к дружке, избегая прикасаться к прутьям. Должно быть, окоченели до смерти. Один из людей, поспешно опустившись на колени, принялся выстукивать пальцами на чем-то – должно быть, панели управления в основании клетки. Бледно-оранжевый огонек у нее наверху ало зардел, и обезьяны немного успокоились.

Другой человек махнул рукой крановщику, и тот подвел крюк к клетке. Бригада подцепила к крюку клетку, а затем черный шар.

Рабочие расступились, и кран, подняв клетку, перенес ее к скважине и начал спуск. Два человека, зайдя за кран, появились оттуда верхом на двух машинах, напоминающих крабов. Подвели их к скважине и сцепили. Вместе две машины накрыли все устье, кроме небольшого отверстия – в самый раз, чтобы пропустить трос.

Все четыре человека поспешили в сороконожку, и дверь за ними скользнула вниз, закрывая вход.

Несколько минут ничего не происходило. Рука Роберта с биноклем начала уставать, и он задумался, сколько еще придется ждать. Теперь стало совершенно очевидно, что бурят они не на нефть. Так чем же тогда они заняты? И почему им для этого нужны «зефирные» костюмы? Почему такой костюм не нужен был ему – да и обезьянам, раз уж на то пошло?

Возможно, ответ уже на подходе. «Зефирчики» выбрались из сороконожки, направляясь к скважине. Пустили машины, закрывающие дыру, задним ходом, и клетка буквально вылетела из скважины, раскачиваясь на тросе из стороны в сторону. Наконец, ее колебания почти угасли, и она зависла в нескольких футах над землей. Задержав ее на месте, рабочие рывком распахнули дверцу.

Обезьян словно припорошили чем-то серым или белым... может, снегом? Обе недвижно застыли на дне клетки. Когда рабочие их вытащили, это белое к ним прилипло – значит, не снег. Сунув каждую обезьяну в отдельный мешок для трупов, они бегом припустили с ними ко входу во вторую секцию сороконожки. И когда ее дверь открылась, Роберт мельком заметил двух детей, сидящих на лавке в стеклянной клетке, будто в ожидании своей очереди.

Глава 98

Нью-Дели, Индия

– Жди здесь. Если я не выйду через пятнадцать минут, разыщи полицейского и скажи, что в магазине идет ограбление, – сказал Дэвид.

Кейт окинула взглядом улицу и фасад магазина – «Торговая хронометрическая компания». Улица весьма оживленная, забитая старыми автомобилями и индийцами, проносящимися мимо на велосипедах. Дэвид сказал ей, что магазин представляет собой один из ряда тайных форпостов «Часовой башни» – нечто вроде закулисного канала связи, где местные источники и агенты могут пересылать сообщения в Централь. По его предположению, он мог быть активирован, если «Часовая башня» еще действует. Большущее
если

. Если же «Часовая башня» пала – целиком, – то Иммери будут держать эти форпосты под наблюдением, а скорее, посадят там своих людей в уповании убрать всех мятежных агентов и болтающиеся концы.

Кейт кивнул, и Дэвид через улицу заковылял к магазину; не прошло и пары секунд, как он скрылся внутри. Закусив губу, доктор Уорнер замерла в ожидании.

Внутри магазин был буквально загроможден товаром. Все часы находились в стеклянных витринах – во всяком случае те, что не стояли на полу. Каждый предмет выглядел чрезвычайно хрупким, чрезвычайно хитроумно сработанным, чрезвычайно ломким. Протискиваясь между двумя стеклянными стеллажами, Дэвид чувствовал себя, как пресловутый слон в посудной лавке, пытаюсь заставить раненную ногу слушаться.

Снаружи сияло солнце, а в магазине царил полумрак, и он почти ничего не видел. Задел витрину, буквально забитую старинными карманными часами сродни тем, которые могли бы носить люди с моноклями и парчовыми жилетами. Витрина затряслась, и хронометры забренчали, сталкиваясь между собой и дребезжа мелкими деталями. Дэвид ухватился за стеклянный ящик, стараясь удержать его, балансируя на здоровой ноге. Казалось, один неверный шаг, и все здесь разобьется вдребезги.

– Добро пожаловать, сэр! – донесся голос из глубины магазина. – Чем могу я послужить вам сегодня?

Дэвид обыскал комнату взглядом раз, другой, и наконец углядел обладателя голоса за высокой стойкой в задней части магазина. И заковылял к нему, стараясь избегать встреч со стеклянными колоннами.

– Я ищу особые часы.

– Вы пришли по адресу, сэр. Какого рода часы?

– «Часовая башня».

– Необычная просьба, – внимательно поглядел на него продавец. – Но вам повезло. За годы мы отыскивали для клиентов несколько часовых башен. Могу я узнать побольше о том, что именно вы разыскиваете? Возраст, форма, размер? Пригодилась бы любая информация.

Дэвид попытался припомнить точные слова. Он-то и не думал, что когда-либо придется воспользоваться ими.

– Которые сообщают не только время. Выкованные из стали, которую не сломишь.

– Возможно, мне известно такое изделие. Мне нужно сделать телефонный звонок. – Голос его изменился. – Оставайтесь здесь, – произнес он бесстрастным тоном.

Не успел Дэвид и рта раскрыть, как тот уже исчез за плотным занавесом в дверном проеме.

Вэйл пытался что-тонибудь увидеть или расслышать, но из-за толстого занавеса не доносилось ни звука. Дэвид бросил взгляд на настенные часы. Он пробыл здесь почти десять минут. Сдержит ли Кейт обещание?

Продавец вернулся.

– Хозяин хотел бы переговорить с вами, – с бесстрастным, непроницаемым лицом сообщил он и замер в ожидании.

Сейчас бы Дэвид дорого дал, чтобы иметь пистолет. Молча кивнув, он ступил за прилавок. Отодвинув занавес, продавец толкнул Дэвида во тьму. Он почувствовал, как рука продавца тянется к его спине, ближе к голове, но прежде чем Вэйл успел оглянуться, рука продавца стремительно дернулась вниз, к его груди.

Глава 99

Дэвид обернулся в тот самый миг, когда рука продавца опустилась.

Вспыхнул свет. Наверху покачивалась туда-сюда одинокая лампочка. Клерк держал в руке шнурок ее выключателя.

– Телефон вон там, – указал он на столик в углу.

Трубка телефона была изготовлена из толстого термореактивного пластика, в точности, как в телефонных будках в восьмидесятых. Такой можно забить человека до смерти. Телефон оказался трубке под стать – с дисковым номернабирателем.

Подойдя к столику, Дэвид снял трубку и развернулся лицом к продавцу. Тот сделал шаг в его сторону.

В трубке царило гробовое молчание, словно линия не подключена.

– Централь? – спросил Дэвид.

– Представьтесь, – потребовал голос.

– Вэйл, Дэвид Патрик.

– Отделение?

– Джакарта, – проговорил Дэвид. Он точно не помнил, но знал, что обычно процедура иная.

– Минуточку. – В трубке снова воцарилось молчание. – Код доступа?

Код доступа? Нет никакого кода доступа. Это же не секретное убежище бойскаутов. У них должен быть его голосовой отпечаток, идентифицировавший его в ту же секунду, когда он назвал свое имя. Если только они не тянут время. Окружая здание. Держа трубку возле уха, Дэвид вглядывался в лицо продавца, пытаясь проникнуть в его мысли. Сколько он уже внутри? Наверное, без малого пятнадцать минут?

– Я... у меня нет кода доступа...

– Не кладите трубку, – голос зазвучал вроде бы более встревоженно. – Настоящее имя?

Дэвид поразмыслил над требованием. А собственно, что ему терять?

– Рид. Эндрю Майкл.

– Минуточку, перевожу на директора, – мгновенно откликнулись на том конце.

Прошло две секунды, а потом в трубке зазвучал голос Говарда Кигана, полный отеческих интонаций:

– Дэвид, боже мой, мы везде тебя ищем. Ты в порядке? Какова твоя ситуация?

– Линия засекречена?

– Нет. Но, откровенно говоря, мой мальчик, у нас сейчас есть проблемы посерьезнее.

– «Часовая башня»?

– Пала. Но не сломлена. Я организую контрудар. Есть и другая проблема. На планете разыгралась смертельная эпидемия. Тут мы мчимся наперегонки со временем.

– По-моему, у меня есть фрагмент головоломки.

– Что это?

– Я пока не уверен. Мне нужна переброска.

- Место назначения?
- Гибралтар.
- Гибралтар? – озадаченно переспросил Киган.
- А это проблема?

– Нет. Это лучшая новость, какую я слышал за последнее время. На самом деле я как раз сейчас в Гибралтаре – последние агенты и я планируем контратаку по здешней штаб-квартире «Иммари». Продавец может организовать твою переброску, но прежде чем повесишь трубку, есть... мне нужно сказать тебе еще кое-что, Дэвид. Я хочу, чтобы ты это знал – просто на случай, если ты сюда не доберешься или... если меня здесь не будет, когда доберешься. Расследованием по поводу «Иммари» занимался не ты один. Раскрытие их заговора было работой всей моей жизни, но когда я оказался в жестком цейтноте... Я знал, что ты – мой лучший шанс остановить их. Твоим источником был я. Я использовал все свои контакты внутри «Иммари», чтобы помочь тебе, но этого оказалось недостаточно. В тактических ошибках виноват я один...

– И они остались в прошлом. У меня есть новая информация, которой, возможно, вам удастся воспользоваться. Еще не все потеряно. Увидимся в Гибралтаре.

Глава 100

База «Призма» «Иммари Рисеч» Восточная Антарктика

Надо воздать Мартину Грею должное, подумал Дориан: в технике тот компетентен. От организации исследовательских работ на участке в Антарктиде прямо дух захватывает. За последние полчаса Мартин провел Дориана по всем секциям гигантской лаборатории, похожей на многоножку – лаборатория приматов с двумя трупами, центр управления бурением, жилые помещения для персонала, конференц-залы и главный центр управления, где они сейчас и сидят.

– Дориан, мы тут как на ладони. Надо принять меры предосторожности. В Антарктиде расположено несколько научно-исследовательских станций. Одна из них может наткнуться на нас...

– И что она сделает? – усмехнулся Дориан. – Кому позвонит?

– Начать хотя бы с того, что их финансирует Организация Объединенных Наций...

– Скоро этим нациям не будет дела ни до чего, кроме пандемии. Несанкционированные исследования на глыбе льда на краю света не заставит их забить тревогу, уж поверь. Давай перестанем терять время попусту и перейдем к делу. Расскажи мне, что вы нашли на месте субмарины.

– Примерно то, что и ожидали.

– Его?

– Нет. Генерала Канна, – говоря это, Мартин будто слегка поморщился, – не было среди тел, которые мы иден...

– Значит, он внутри. – В голосе Дориана прозвенела надежда, нарушившая его обычную стоическую невозмутимость.

– Не обязательно. Есть и другие возможности.

– Сомневаюсь...

– Он мог погибнуть во время рейда на Тибете, – гнул свое Мартин. – Или по пути. Путешествие было долгим. Или...

– Он внутри. Я знаю.

– Если так, это поднимает ряд вопросов. В частности, почему он не вышел. И почему мы не получили от него вестей. Опять же, остаются реалии хронологии. Канн отправился в Антарктику в тридцать восьмом году, семьдесят пять лет назад. Если он

действительно

внутри, ему уже свыше ста двадцати лет. Он давно покойник.

– Может, он пытался связаться с нами. Розуэлл. Предупреждение. Мартин поразмыслил над этим.

– Любопытно. Но даже в таком случае твоя одержимость Канном, попытки его отыскать подвергают опасности всех нас. Тебе нужна ясная голова, если ты хочешь руководить этой операцией...

– Моя голова ясна, Мартин. – Дориан встал. – Признаю, что я одержим идеей отыскать Конрада Канна, но ты бы тоже был одержим, если бы пропал твой отец.

Не выключая двигатель снегохода, Роберт Хант спешился и пошел к скальному козырьку, под которым оставил обоих буровиков. Их и

след простыл. Но один снегоход остался на месте. Может, они отправились на следующую точку? Доложили о нем? Или последовали за ним к предыдущей буровой? Тогда это то же самое, что настучать на него.

Выбежав в открытое ледяное поле, он извлек бинокль и осмотрел местность во всех направлениях.

Ничего.

Прошел обратно в пещеру. Внутри холодно. Смертельно холодно. Попытался завести брошенный снегоход, но в том кончился бензин. Каким образом? Они, что, поехали за ним и едва сумели вернуться? Нет, следы давние. Он работал прямо здесь, в пещере. Зачем? Чтобы согреться? Да, наверное. Они ждали, сколько могли, пока он, высосав все горючее, не заглох. А потом забрались на последний снегоход и уехали вместе. Вот только куда?

Глава 101

– Умоляю тебя не делать этого, Дориан! – Загородив дверь собственным телом, Грей раскинул руки в стороны.

– Будь же рассудителен, Мартин. Ты же знаешь, что час пробил.

– Нам неизвестно, что...

– Зато нам известно, что это огромный отломившийся кусок их города. И что один из их Колоколов был активирован почти семьдесят пять лет назад – и трупы с подлодки тому доказательство. Хочешь пойти на риск? Нам обоим известно, что скоро они выйдут из анабиоза, если еще не вышли. У нас нет времени вести исследования и дебаты. Если они выйдут оттуда, с человечеством покончено.

– Ты подразумеваешь...

– Я знаю. И ты знаешь. Мы видели, на что способен Колокол. А ведь это только фонарь над крыльцом – дверь в город, подобного которому нам не выстроить еще тысячи лет... Разумеется, если мы вообще будем в состоянии изобрести технику подобных масштабов. Только вообрази, какое у них там может быть оружие. Колокол – просто электромухобойка, чтобы не позволять всяким тварям тревожить их сон. И тому, что они не хотят никого пускать внутрь, есть причина. Я лишь забочусь о нашем собственном выживании. Иного пути нет.

– Отважиться на деяние такого размаха, исходя лишь из сомнительных домыслов...

– Великие лидеры выковываются в горниле трудных решений, – отрезал Дориан. – А теперь отойди-ка в сторонку.

Войдя в отсек, Слоун присел на корточки, чтобы оказаться с обоими индонезийскими детьми лицом к лицу. Они сидели на белой скамье прямо перед лабораторией приматов, болтая ногами, не достающими до пола на пару дюймов.

– Готов поспорить, вы двое рады, что избавились от этих костюмов, правда ведь?

Мальчики просто смотрели на него без всякого выражения.

– Меня зовут Дориан Слоун. А как зовут вас?

Пустые взгляды мальчиков медленно опустились с Дориана на пол.

– Ничего страшного, чтобы сыграть в эту игру, знать ваши имена вовсе необязательно. Да и вообще, игра в имена скучная. Мы сыграем в игру получше, в очень веселую игру. Вы когда-нибудь играли в прятки? В детстве я очень любил эту игру. Я в ней очень хорош. – Он обернулся к своему помощнику. – Принеси рюкзаки доктора Чейза.

Дориан посмотрел на мальчиков в упор.

– Мы пустим вас в лабиринт, огромный лабиринт. Ваше дело – найти одну комнату, – Дориан продемонстрировал рисунок. – Видите это? Это комната с множеством стеклянных труб. Трубы такие большие, что человек поместится! Можете поверить? Если вы сумеете найти эту комнату и спрятаться в ней, то выиграете приз. – Дориан положил им на колени глянцевый отпечаток – компьютерный рендеринг того, как, по представлениям Иммари, должен выглядеть большой трубный зал.

Оба мальчика внимательно разглядывали изображение.

– Какой приз? – спросил один из них.

– Я бы тоже об этом спросил! – развел Дориан руками. – Ух, ты умный, очень-очень умный.

И огляделся. Вот уж действительно, какой приз? Он и не думал, что они спросят. Он ощутил к этим огольцам почти такую же неприязнь, как и к их вопросам.

– Вообще-то у нас есть несколько призов. Что... какой приз вы хотели бы получить?

– Кейт, – проговорил второй мальчик, отложив распечатку на скамейку.

– Вы хотите видеть Кейт? – уточнил Дориан.

Оба мальчика дружно кивнули в такт с раскачиванием ног.

– Что ж, вот что я вам скажу. Если вы найдете эту комнату, спрячетесь там и подождете, Кейт придет туда и найдет вас. – Увидев, как мальчики вытаращили глаза, Дориан кивнул. – Вот именно. Я знаю Кейт. Вообще-то, мы старые друзья. – Дориан усмехнулся себе под нос этой шутке для собственного употребления, но ухмылка принесла желаемый результат. Мальчики в восторге начали сидя припрыгивать на скамье.

Тут вошел лаборант с рюкзаками.

– Вот они, сэр. – Он помог Дориану надеть рюкзаки на детей. – Застежка активирует боеголовки. Мы из кожи вон лезли, делая защиту от взлома. Если застежку расстегнут, боеголовки сдетонируют. Как вы и просили, после активации никакая ручная или дистанционная дезактивация уже невозможна. Мы установили таймер на четыре часа.

– Отличная работа. – Дориан защелкнул нагрудные ремешки и придержал обоих мальчиков за плечи. – А теперь очень важная часть игры. Снимать эти рюкзаки нельзя. Если снимете, игра окончена. Никаких призов. Никакой Кейт. Я знаю, что они тяжеловаты. Если потребуется, можете остановиться, чтобы передохнуть, но помните: если вы их снимете, Кейт не ждите. И последнее...

Вынув конверт, Дориан пришпилил его к груди более рослого ребенка. На нем большими печатными буквами было написано «Папе». Слоун закрепил конверт еще несколькими булавками, чтобы тот не двигался.

– Если увидите там человека, пожилого человека в военном мундире, то вы победили в игре – если отдадите ему конверт. Так что если вы его увидите, бегите прямо к нему и скажите, что вас послал Дитер. Запомните?

Оба мальчика кивнули.

Пятнадцать минут спустя Дориан наблюдал из командного центра, как два ребенка заковыляли к Колоколу почти в двух милях ниже лаборатории.

Смертоносный аппарат даже не мигнул. Гигантские врата перед ними начали открываться слой за слоем. Как глаз рептилии, подумал Дориан.

Он повернулся к двум мониторам, показывающим видеотрансляцию с камер, встроенных в костюмы мальчиков. Обе картинки пропаноромировали вверх – мальчики задрали головы к Колоколу в нескольких сотнях ярдов над их головами, висящему под массивным ледяным куполом.

Дориан нажал на кнопку микрофона.

– Он вам не повредит. Просто входите. Помните о комнате с трубами. – Отпустив кнопку, он повернулся к дежурному инженеру командного центра. – Можете передать компьютерное изображение труб на дисплей в их костюмах? Хорошо. – Он снова включил связь с костюмами мальчиков. – Вот она. Заходите и найдите эти трубы.

Устроившись в кресле поудобнее, Дориан смотрел, как дети входят через врата. Как только врата закрылись, сигнал от их камер сменился шумом помех. На других экранах в центре управления Дориан видел наружный зал с Колоколом. Куполообразный вход был недвижим. Мертвая тишина.

На стене экранов цифровая индикация вела обратный отсчет секунда за секундой: 03:23:57, 03:23:56, 03:23:55.

Глава 102

Стенограмма

Пресс-брифинг в Белом доме по поводу вспышки «молниеносного гриппа»

Адам Райс (пресс-секретарь Белого дома):

Доброго всем утра. Я намерен огласить краткое заявление, а затем готов ответить на несколько вопросов. «Президент и его администрация принимают меры по оценке и искоренению заболевания, именуемого в средствах массовой информации молниеносным гриппом. Сегодня ранее президент отдал распоряжение Центру профилактики и контроля заболеваемости бросить все имеющиеся ресурсы на оценку степени представляемой им угрозы. На основании этой оценки Белый дом может предпринять дальнейшие

шаги по обеспечению безопасности жизни и здоровья каждого американца».

[Райс кладет заявление и указывает на первого журналиста.]

Журналист

: Установил ли президент график закрытия границ?

[Райс со вздохом смотрит куда-то в сторону.]

Райс

: Президент неоднократно говорил, что закрытие границ – последнее средство. Нам известно, какой удар оно нанесет предприятиям американского бизнеса – и большого и малого. Послушайте, мы понимаем, что речь идет о здоровье нации. Однако существует и экономическая угроза. Закрытие границ приведет к весьма реальному риску для американской экономики. Грипп может затронуть многих американцев, но закрытие границ наверняка приведет к немедленной рецессии, которая подвергнет опасности куда большее число американцев, чем эпидемия гриппа. Мы здесь демонстрируем сбалансированный подход. Президент не намерен подвергать риску кого бы то ни было – будь то со стороны гриппа или экономической рецессии.

Журналист

: Какова ваша официальная реакция на сообщения из Азии, с Ближнего Востока и Европы?

Райс

: Мы воспринимаем их со всей серьезностью, но также проводим тщательное, взвешенное рассмотрение сведений. Мы все еще работаем в условиях дефицита информации и, откровенно говоря, сомневаемся, что вся она надежна.

Журналист

: Вы имеете в виду рассказы очевидцев, видеоматериалы...

[Райс поднимает ладонь.]

Райс

: Что касается видеороликов в Интернете, то это то самое место, где на виду все самое худшее. Никто не станет выкладывать на YouTube видео о том, как он сидит дома живой и здоровый и ест овсяные хлопья или делает аэробику. Эти ролики снимают, когда наклеивается нечто сенсационное. В настоящее время мы все их видим, и таких роликов будет больше. Если строить свою жизнь на том, что видишь по YouTube, то будешь принимать очень непродуманные решения, а как раз этого мы и стремимся избежать. Неизвестно даже, не сфабрикованы ли эти видеоролики, а если они и настоящие, то могут касаться целого ряда различных острых заболеваний.

[Райс поднимает обе руки.]

Райс

: Ладно, на сегодня все, благодарю всех присутствующих.

Глава 103

Конспиративная квартира «Часовой башни»

Гибралтар

От заката над Гибралтарской бухтой прямо захватывало дух. Пастельные оттенки алого, оранжевого и розового встречались с темно-синей водой Атлантического океана вдалеке. Примерно сотней ярдов дальше гавань упиралась в скалу, возносящуюся и из моря, и с земли. Ее серые и черные тона схлестывались с пылающими лучами солнца, уходящего за ее склон.

Потянув за ручку стеклянной двери, Кейт вышла на выстеленную кафелем террасу в четырех ярусах выше порта. Внизу перед большим домом вышагивала вооруженная охрана, патрулирующая вход. Теплый средиземноморский воздух окутал ее, и Кейт прислонилась к перилам.

Сзади из-за стола вдруг донесся громкий смех. Оглянувшись, Кейт встретила глазами с Дэвидом. Он выглядит тут таким счастливым, сидя в кругу дюжины других начальников и агентов

отделений «Часовой башни», переживших ее падение и теперь ставших «Сопротивлением». Если бы она не знала, что происходит на самом деле, то, глядя отсюда, могла бы подумать, что это встреча однокашников, не видевшихся с колледжа и теперь шутящих, обменивающихся байками и планирующих завтрашние экскапады – небольшое возлияние и большой футбольный матч. Но Кейт знала, что они строят планы нападения на штаб-квартиру «Иммари Гибралтар». Беседа переходила от технических дискуссий по тактике к дебатам о планировке здания и вопросах о том, надежны ли добытые ими поэтажные планы и прочие разведданные. Покинув их, Кейт в одиночестве удалилась на террасу, будто новая подружка одного из членов стержневой группы, к которой она явно не принадлежит.

Во время авиаперелета из Индии они с Дэвидом поговорили по душам, впервые ничего не замалчивая и не испытывая колебаний. Она рассказала, как потеряла ребенка; как встретила мужчину, который будто сквозь землю провалился, стоило ей только забеременеть. Она уехала из Сан-Франциско в Джакарту через неделю после выкидыша, в последующие годы с головой ринувшись в работу по исследованиям аутизма.

Дэвид был не менее откровенен. Поведал Кейт, как его невеста погибла во время терактов 11 сентября, а сам он тяжело пострадал, был почти полностью парализован; потом о своем выздоровлении и решении посвятить себя поискам тех, кто был в этом повинен. Еще неделю назад Кейт отмахнулась бы от его предположений на предмет Иммари и глобального заговора, но на борту самолета только согласно кивала. Она не знала, как эти фрагменты согласуются друг с другом, но поверила ему безоговорочно.

После разговора они поспали, будто излив душу, испытали облегчение. Но сама Кейт спала беспокойно, то погружаясь в дрему, то вновь пробуждаясь – главным образом из-за шума самолета и отчасти оттого, что спать в кресле было неудобно. И всякий раз, когда она открывала глаза, Дэвид неизменно спал. Она воображала, как он делает то же самое, глядя на нее, когда снова погружается в сон. Ей еще так много надо ему сказать! Когда она пробудилась в последний раз, самолет уже делал последний заход на гибралтарский аэродром. Дэвид смотрел в иллюминатор и, увидев, что Кейт проснулась, сказал: «Помни, ни слова ни о дневнике, ни о Тибете, ни о китайском

комплексе, пока нам не будет известно больше. Я все еще ни в чем не уверен».

Едва самолет приземлился, как салон наводнили агенты «Часовой башни», умыкнувшие их в этот дом. С тех пор Кейт с Дэвидом не перекинулись почти ни словом.

Услышав, что дверь у нее за спиной скользнула в сторону, открываясь, Кейт быстро обернулась с полной надежды улыбкой на губах. Но при виде Говарда Кигана, директора «Часовой башни», ее улыбка тотчас же угасла. Осталось уповать, что он этого не заметил. Выйдя на террасу, мужчина закрыл дверь.

– Позвольте к вам присоединиться, доктор Уорнер?

– Милости прошу. И зовите меня просто Кейт.

Киган встал рядом с ней у перил, не опираясь на них и не глядя на Кейт. Взгляд его был устремлен в темнеющую бухту. Ему уже явно за шестьдесят, но он по-прежнему в форме, силен и крепок.

– Как идет планирование? – наконец прервала Кейт несколько затянувшееся неловкое молчание.

– Хорошо. Хотя роли оно не сыграет, – бесстрастно, без намека на эмоции отозвался Киган.

На Кейт будто морозом пахнуло.

– Вы настолько увере... – попыталась она развеять обстановку.

– Да. Исход завтрашней схватки планировался уже не один год, – он указал на улицы и охрану внизу. – Это не агенты «Часовой башни». Это «Иммари Секьюрити». Как и охрана внутри здания. Завтра последние агенты «Часовой башни», не присоединившиеся к Иммери, погибнут, и Дэвид в том числе.

Оттолкнувшись от перил, Кейт оглянулась на стол, собравшиеся за которым по-прежнему смеялись и размахивали руками.

– Я не пони...

– Не оборачивайтесь. Я здесь, чтобы сделать вам предложение, – чуть слышным шепотом прошелестел Киган.

– Какое?

– Его жизнь. В обмен на вашу. Вы уйдете отсюда сегодня ночью, через пару часов, когда все отключатся. Они лягут рано – штурм будет на рассвете.

– Вы лжете.

– Да? Я не хочу его гибели. Я искренне его люблю. Просто мы на разных сторонах монеты. Шанс. Но вы нам отчаянно нужны.

– Почему?

– Потому что вы пережили Колокол. Это ключ ко всему, ради чего мы трудились. Мы должны понять это. Не стану лгать: вас будут допрашивать, потом обследовать, но его не тронут. Рассмотрите имеющиеся у вас варианты. Мы могли бы просто убить этих агентов в доме прямо сейчас. Здесь, в жилом квартале, это будет куда грязнее, но приемлемо. Мы и так не подводили черту под этой операцией слишком уж долго, ожидая, чтобы посмотреть, кто явится, уповая, что он позвонит. Но это еще не все. Если вы поведете переговоры с умом, то, может статься, сумеете освободить детей, а может, отдать себя в обмен на них. Их держат в том же месте. Итак, каков же ваш ответ? – Киган посмотрел Кейт в глаза.

– Ладно, – сглотнув ком в горле, выдавила она.

– И еще одно. Судя по записям в самолете, вы с Вэйлом упоминали какой-то дневник. Он нам нужен. Мы искали его очень-очень долго.

Глава 104

Снежный лагерь «Альфа»

Скважина № 7

Восточная Антарктика

При виде снегохода, стоящего перед маленькими жилыми отсеками буровой номер семь, Роберт Хант испытал безмерное облегчение. Поставив свой снегоход рядом, он побежал внутрь. Буровики грелись, сидя у настенного обогревателя. Когда он вошел, оба встали.

– Мы пытались дождаться, но промерзли до костей. И больше оставаться не могли.

– Я знаю. Ничего страшного, – сказал Роберт, окидывая комнату взглядом. В точности такая же, как и предыдущие шесть. Посмотрел на рацию. – Не вызывали?

– Трижды за час. Спрашивали вас. Они уже теряют терпение.

Роберт ломал голову, что же сказать.

– Что вы им сказали? – Ответ подскажет ему, как из всего этого выпутаться.

– На первый вызов мы не ответили. Во второй раз они сказали, что высылают подмогу. Мы сказали, что вы возитесь с буровой машиной, но помощь нам не нужна. И чего вы там видели?

От этого вопроса мысли Роберта понеслись галопом.

Что, если они меня проверяют? Что, если они поговорили с работодателем, и им приказано меня убить? Могу ли я им доверять?

– Я не...

– Послушайте, я не гений, блин, я даже в старших классах не доучился, но я проработал на нефтяных платформах в Мексиканском заливе всю свою жизнь, и я вижу, что они бурят не на нефть, так почему бы вам не сказать, чего вы видели?

Роберт уселся за столик с рацией, вдруг ощутив чудовищную усталость. И голод. Стащил капюшон, затем перчатки.

– Да толком и не знаю. Там были обезьяны. Их чем-то убили. А потом я видел детишек в стеклянной клетке.

Глава 105

Конспиративная квартира «Часовой башни»

Гибралтар

Кейт попыталась на глазок прикинуть расстояние между балконами. Четыре фута? Пять? Сумеет ли она его преодолеть? Внизу послышались шаги часового, и она украдкой шмыгнула обратно в комнату. Прислушалась. Хруст мелкого щебня под подошвами ботинок охранника понемногу стих вдали. Кейт вернулась на балкон.

Подобравшись к краю, она перекинула ногу через перила, оседлав их, затем вторую. И застыла на узеньком карнизике снаружи перил, вцепившись в них за спиной обеими руками. По силам ли ей такое?

Вытянула ногу, держась за перила одной рукой, словно балерина, совершающая прыжковое па во время сильной доли в музыке. Вытянулась, насколько сумела, чувствуя, как рука соскальзывает, и едва не упала. Отпрянула назад в последний момент, врезавшись в

перила. Чуть не сломала себе шею. До другого балкона не дотянуться – каких-то жалких два фута.

Облокотившись с выгнутой спиной на перила, она уже готова была прыгнуть – и будь что будет, когда дверь другого балкона вдруг скользнула в сторону, и оттуда вышел Дэвид. Увидев ее, он чуть отшатнулся, но потом, узнав, подошел к перилам и улыбнулся.

– Как романтично! – Он протянул здоровую руку. – Прыгай. Я тебя подхватю. Тогда будем квиты.

Кейт посмотрела вниз, чувствуя, как руки покрываются липкой пленкой пота. Дэвид протянул руку над перилами. До него всего несколько футов. Ей хотелось прыгнуть к нему, но по силам ли ей такой прыжок? Если она упадет, охрана налетит со всех сторон, и Киган узнает обо всем без промедления. Сделка будет расторгнута. Сможет ли Дэвид ее подхватить? Сумеет ли вытащить обоих из этой передраги? Конечно, она ему безоговорочно доверяет, но все-таки...

Она прыгнула, и Дэвид, поймав ее, перетащил через перила прямо к себе в объятия. А потом все разыгралось быстро, как во сне. Дэвид увлек ее в комнату, не потрудившись закрыть дверь. Толкнул на кровать и накрыл своим телом. Сорвав с себя рубашку, гладил волосы Кейт, жадно целуя ее в губы, стаскивая с нее блузку и оторвавшись от поцелуя ровно настолько, чтобы убрать от лица мешающую одежду.

Надо ему сказать! Надо остановить это. Но сопротивляться Кейт не могла. Она сама хотела этого. Его прикосновения обжигали ее, как электрический ток, воспламеняя давным-давно угасшие уголки души и тела. Дэвид словно пробудил в ней нечто, какую-то сверхъестественную силу, подхватившую Кейт в головокружительный полет, заслонив собой все на свете. Думать она была просто не в состоянии.

Лифчик долой, а за ним и трусики.

Ах, как же хорошо! Наконец-то свобода. Поговорить можно и после.

Кейт смотрела, как грудь Дэвида вздымается и опадает. Он глубоко спал. Она приняла решение.

Кейт лежала в постели на спине, глядя в белый потолок, раздумывая, пытаясь понять, что чувствует. Она чувствует себя... снова живой, цельной... и в безопасности, даже несмотря на угрозы

Кигана. Отчасти ей хотелось разбудить Дэвида, поведать ему, что они в опасности, что нужно выбираться отсюда. Но что он может поделать? Пулевые ранения в его ноге и плече не зажили еще и наполовину. Она лишь толкнет его на смерть.

Одевшись, Кейт потихоньку выскользнула из его комнаты, аккуратно прикрыв дверь.

– Я высказался недвусмысленно.

Услышав этот голос, она чуть не подскочила. Обернулась: Киган стоял буквально у нее за спиной с написанным на лице выражением... печали, огорчения, сожаления?

– Я ему не сказала.

– Сомневаюсь...

– Это правда, – Кейт чуть приоткрыла дверь, сквозь щелочку показав Дэвида, лежащего на спине, прикрытого простыней лишь до пояса. И снова бережно прикрыла дверь. – Мы вообще не разговаривали. – Она потупилась. – Это было прощание.

Тридцать минут спустя Кейт смотрела на огни Северной Африки из иллюминатора самолета, летящего на юг, к Антарктиде.

Глава 106

– Дэвид, проснись!

Вэйл открыл глаза. Он по-прежнему был в чем мать родила, лежал на том же месте, где уснул. Он пощупал постель рядом с собой. Пустая. Холодная. От Кейт и след простыл.

– Дэвид! – Над ним стоял Говард Киган.

– Что такое? Который час? – Вэйл сел в постели.

Его бывший наставник сунул ему сложенный листок.

– Около двух часов ночи. Мы нашли эту записку в комнате Кейт. Она ушла.

Дэвид развернул листок.

Дорогой Дэвид,

Не вини меня. Я вынуждена пойти на сделку ради детей. Я знаю, что вы штурмуете головной офис «Иммари» сегодня утром. Надеюсь, вас ждет успех. Я знаю, что они отняли у тебя.

Удачи,

Кейт

В голове Вэйла началась лихорадочная скачка мыслей. Могла ли Кейт так поступить? Что-то тут не сходится.

– Мы считаем, что она ушла несколько часов назад. Я подумал, ты должен знать. Сожалею, Дэвид. – Говард направился к двери.

Вэйл попытался проанализировать тактическую ситуацию, стараясь сохранять объективность.

Что я упускаю?

Воспоминаниями он то и дело возвращался к Кейт; видения прошлой ночи проносились перед его мысленным взором, словно слайд-шоу, остановить которое он был не в силах. Она была в полной безопасности, а теперь вдруг отдалась в руки врага.

Почему?

Это его худший кошмар.

Киган взялся за ручку двери.

– Погодите! – Дэвид в раздумье поглядел на него. Какие у него есть варианты? – Я знаю, куда она отправилась.

Обернувшись, Говард бросил на него скептический взгляд.

– На Тибете нам дали дневник, – рассказывая, Дэвид поспешно одевался. – В нем была карта тоннелей под Скалой; там есть что-то нужное им.

– Что именно?

– Не знаю. Но, думаю, она отправилась за этим – чтобы использовать при переговорах. Какова наша ситуация?

– Все снаряжаются. Мы почти готовы к штурму.

– Мне надо с ними поговорить.

Тридцать минут спустя Дэвид вел последних в мире двадцать трех агентов «Часовой башни» через тоннели под Гибралтарской скалой. Он сказал им, что должен идти, что должен отыскать Кейт и что может припоздниться с участием в штурме. Да и потом, по большей части ему уготована роль парадного генерала. Его ранения, особенно ног

и

, делают его непригодным для активного участия в штурме. Ему придется сидеть за столом, следя за экранами и показаниями датчиков, координируя действия во время операции.

Его коллеги-агенты согласились единодушно: они будут держаться вместе, сперва обследуют тоннели, вернут Кейт, а уж потом возобновят первоначальный план. Содержимое этой камеры может обернуться неким тактическим преимуществом во время предстоящей главной операции.

Склад они рассчитывали взять почти без сопротивления и не были разочарованы в своих упованиях. Склады даже не охранялись. И даже не были заперты, хотя должны бы. Команда «Часовой башни» нашла обычный кодовый замок, вроде тех, что используют для запираания шкафчиков в школах – лежащий на земле с дужкой, сломанной пополам. Явно работа Кейт. Очевидно, Иммари забросили участок давным-давно, считая его не заслуживающим внимания. Однако отсутствие охраны еще больше разбередило подозрительность Дэвида.

Вход в тоннели выглядел точь-в-точь, как описано в дневнике – и пребывал почти в том же состоянии. Устье было накрыто черным брезентом, и свет на входе в шахту горел. Внутри тоннелей обнаружилась одна перемена – для обеспечения быстрого, безопасного перемещения по тоннелям добавили электропоезд наподобие монорельсовой системы с отдельными вагончиками, каждый на двух пассажиров, и вся команда расселась в дюжину вагончиков, а Говард и Дэвид заняли головной. После головокружительной спирали вниз в шахту туннель выпрямился и пошли развилки. Этого Дэвид не предвидел; он-то думал, Иммари запечатали все тупики. Карта в дневнике показывала только внутренности сооружения атлантов, так что теперь Дэвид даже смутно не догадывался, куда сворачивать на развилках. Выбора не было. Говард начал делить их силы, а рельсы, к сожалению, все раздваивались и раздваивались, пока Дэвид и Говард не остались в одиночестве. Оставалось лишь уповать, что едут они по правильному пути.

Постановили встретиться у входа через час – тогда еще будет время для предрассветного штурма «Иммари Гибралтар».

Дэвид смотрел прямо перед собой, пока огни тоннеля однообразно проносились мимо, сливаясь в своем бесконечном однообразии. Что же он упустил? Пультом манипулировал Говард, ухитряясь поддерживать скорость вагонетки. И вдруг где-то вдали в быстрой последовательности прозвучали три хлопка короткой очереди. Дэвид обернулся к Говарду, и они обменялись понимающими взглядами. Киган сбросил скорость, и они принялись прислушиваться, ожидая новых звуков в надежде определить направление.

– Мы можем дать задний ход, – негромко проронил Говард.

Они ждали. В туннелях царило безмолвие. Что же делать? Это явно была автоматная очередь, но Дэвид драться не в состоянии, а Киган, хоть и служил в разведке, администратор, а не солдат. Ни тот ни другой не способны оказать реальное сопротивление. Строго говоря, они скорее будут путаться у всех под ногами.

– Нет, поехали дальше, – решил Дэвид.

Минут через пять послышалась очередная перестрелка, но они уже не останавливались. А еще пять минут спустя выехали в зал, ведущий к сооружению атлантов. Полностью расчищенная лестница доходила до самой середины зала. Справа виднелось рваное отверстие, описанное в дневнике. Дэвид видел и остальную часть строения, но она в основном представляла собой гладкий черный металл. По всему залу вверх возносились массивные стальные двутавровые балки, сдерживающие напор скальных пород и моря.

Дэвид запрокинул голову, разглядывая участок над лестницей. Там виднелся циклопический купол и место, где свес сооружения был срезан сверху.

– Что это? – поинтересовался Говард.

– Здесь извлекли Колокол, – прокомментировал Дэвид чуть ли не для себя самого.

Подойдя к лестнице, Киган поставил ногу на первую ступеньку и оглянулся на Вэйла. Тот без единого слова захромал вперед и двинулся вверх по лестнице, тяжело опираясь на трость. И пока он, морщась от боли, карабкался по ступеням, на него вдруг накатило ошеломительное ощущение дежавю. Проходчика тоннеля Патрика Пирса тоже заманили сюда под предлогом спасения кого-то – лишь затем, чтобы захлопнуть западню за ним самим. Дэвид переступил порог, с Говардом, едва не наступающим ему на пятки. Остановившись, он взгляделся в глаза

своего наставника. Неужели что-то прозевал? А если и так, что теперь поделаешь?

Внутри сооружение освещали светодиодные ленты, тянущиеся вдоль пола и потолка. Высота коридоров футов восемь – не тесно, но и не так уж просторно. И форма не совсем прямоугольная – углы несколько скруглены, делая ее чем-то средним между овалом и прямоугольником. В общем и целом создается впечатление, что это коридоры корабля – из сериала «Звездный путь».

Дэвид повел Говарда по коридорам, ориентируясь по мысленному образу виденной карты. Запоминание карт и шифров – один из фундаментальнейших инструментов шпионского ремесла, и Вэйл в нем поднаторел.

Сооружение просто подавляло воображение. Двери многих комнат были открыты, и проходя мимо, Дэвид видел ряд импровизированных лабораторий, сродни тому, что можно увидеть за стеклом музейной витрины, где кураторы тщательно изучают или реставрируют исторические артефакты. Очевидно, за последние сто лет Имтари разобрали каждый дюйм сооружения буквально по винтику.

Просто фантастика какая-то. Рассказу проходчика Дэвид верил лишь отчасти, думал, что это просто выдумка. Но вот оно все – на самом деле.

До фальшивой стены было уже рукой подать – за следующим поворотом. И когда она показалась, Дэвид поймал себя на том, что затаил дыхание. Камера... оказалась вскрытой.

А Кейт? Может, внутри?

– Кейт! – позвал Дэвид. Терять все равно нечего. Если внутри кто-то есть, цоканье его трости по металлическому полу слышно было за милю, так что на элемент внезапности рассчитывать не приходится.

Никакого ответа.

Говард пристроился позади него.

Подкравшись к краю входа в камеру, Дэвид заглянул внутрь. Помещение напоминает какой-то центр управления. Или мостик с креслами, выстроившимися вдоль гладких поверхностей – компьютеры? Или нечто более совершенное?

Дэвид двинулся в комнату с предельной осторожностью. Совершил полный оборот, опираясь на трость, как на ось, и зорко

озирая в комнате каждый дюйм.

– Ее здесь нет, – резюмировал он. – Но дневник, вся эта история была правдой.

Ступив в комнату, Говард нажал на клавишу выключателя позади себя. Дверь комнаты с шипением закрылась, скользнув справа налево.

– О да, чистойшей правдой.

– Вы читали его? – взгляделся в него Дэвид, смыкая пальцы на рукоятке пистолета, заткнутого за пояс.

Лицо Говарда преобразилось. Обычного доброжелательного выражения как не бывало. Он был доволен, прямо-таки лучился блаженством. И самоуверенностью.

– Да, я читал его. Но не из праздного любопытства. Я знал, о чем там говорится, потому что был там. Я видел все это собственными глазами.

Я

нанял Патрика Пирса разыскать это место. Я – Мэллори Крейг.

Глава 107

База «Призма» «Иммари Рисеч»

Восточная Антарктика

Сидя на узкой пластиковой скамейке, Кейт разглядывала белые стены. Она в какой-то лаборатории или научно-исследовательском комплексе, вот только не догадывается, где именно. Она потеряла виски. Боже, как же кружится голова, перед глазами все так и плывет. Где-то над океаном в салон вошел человек и предложил ей бутылку воды. Она отказалась, и тогда он схватил ее, зажав ей рот белой тканью, отчего она почти тотчас впала в беспамятство. Чего ж еще ей было ждать?

Встав, Кейт принялась расхаживать по комнате. В белой двери обнаружилось узкое окошко, но за ним виднелся лишь наружный коридор еще с парой дверей – точь-в-точь таких же, как в ее комнате.

В одну из стен комнаты врезано прямоугольное зеркало, утопленное в стену на пару дюймов. Несомненно, это комната наблюдения – такая же, как имеющиеся в ее лаборатории в Джакарте,

только безмерно более жуткая. Кейт взгляделась в зеркало. Есть ли там кто-то, наблюдающий за ней в эту самую секунду?

Развернувшись всем телом к зеркалу, Кейт устремила туда пронзительный взгляд, словно видя таинственного наблюдателя по ту сторону – своего тюремщика.

– Я свое обязательство выполнила. Я здесь. Я хочу видеть своих детей.

– Сообщите нам, чем вы их лечили, – раздался из громкоговорителя голос, приглушенный и искаженный компьютерной обработкой.

Кейт задумалась. Выложив сейчас все, что знает, она напрочь лишится рычагов воздействия.

– Сначала я хочу увидеть их, потом вы их освободите, а уж потом я вам все скажу.

– Вы не в том положении, чтобы торговаться, Кейт.

– Я не согласна. Вам нужно то, что известно мне. Так что показывайте мне детей, или говорить нам не о чем.

Почти минуту ничего не происходило, потом на зеркале сбоку засветился экран. По-видимому, эта часть зеркала представляет собой нечто вроде компьютерного дисплея. На экране крутился видеоролик, показывающий детей, идущих по темному коридору, держась за руки. Кейт подошла ближе к зеркалу, протягивая руку. Перед детьми распахнулись титанические ворота, явившие взору лишь бездонную тьму внутри. Дети вошли в них, и видеоролик застыл на паузе, как только ворота начали закрываться.

– Вы же читали дневник тоннелепроходчика. Вам известно о сооружении в Гибралтаре. Тут аналогичное сооружение в двадцать раз больше. Оно просуществовало здесь, под двумя милями льда, несметное число тысяч лет. Дети внутри него.

Экран в зеркале переключился на крупные планы детей перед тем, как они ступили в ворота. Камера сделала наезд на рюкзаки, висящие у детей на плечах. На них виднелись простые светодиодные цифровые индикаторы, как на будильниках, показывающие ряд цифр. Обратный отсчет.

– В этих рюкзаках дети несут ядерные боеголовки, Кейт. У них осталось менее тридцати минут. Мы можем дезактивировать их дистанционно, но вы должны поведать нам, что вы сделали.

Кейт отступила от зеркала. Это какое-то безумие. Да что за человек мог так поступить с двумя невинными детьми? Доверять этим людям нельзя ни в коем случае. Она ничего им не скажет. Они непременно причинят детям вред, тут уж и сомневаться нечего. Надо подумать.

– Мне нужно время, – пробормотала она.

Изображение рюкзаков исчезло с зеркала.

Прошло пару секунд, и дверь распахнулась. Через порог, как робот, ступил человек в длинном черном плаще и...

Кейт узнала его.

Как такое может быть? Перед глазами пронеслись воспоминания о дорогих обедах, ее смехе, когда он очаровывал ее, озаренные сиянием свечей апартаменты в Сан-Франциско. И день, когда она сказала ему, что беременна – последний раз, когда она его видела... до этой минуты, здесь.

– Ты... – только и смогла выдавить Кейт. И попятилась, когда он промаршировал в комнату. Почувствовала, как уперлась спиной в стену.

– Пора поговорить, Кейт. И зови меня Дорианом Слоуном. А вообще-то давай-ка отбросим эти псевдонимы. Так что Дитер. Дитер Канн.

Глава 108

Туннели Иммари

Гибралтар

Дэвид сопровождал взглядом человека, вышагивающего по комнате – человека, известного ему как Говард Киган, директор «Часовой башни», а теперь объявившего себя Мэллори Крейгом.

– Вы лжете. Крейг нанял Пирса почти сотню лет назад.

– Это правда, так оно и было. И мы искали его дневник почти столько же лет. Пирс был чрезвычайно умен. Мы знали, что он переправил дневник Иммару в тридцать восьмом, но не были уверены, что тот попал по назначению. Мне было любопытно, что там говорится, сколько секретов он раскроет. Когда ты читал его, разве не было тебе любопытно, на какую сделку он пошел с нами? Почему мы остались, трудясь во благо Иммари почти двадцать лет спустя после

того, как испанская инфлюэнца убила его жену и нерожденное дитя? Как там он это назвал? Своей «делкой с дьяволом», – расхохотался тот.

Дэвид вытащил пистолет из-за пояса. Надо заставить его говорить еще хоть чуточку подольше.

– В толк не возьму, какое это имеет отношение к вам.

– Правда? А почему же, по-твоему, Пирс согласился работать с нами?

– Иначе вы бы его прикончили.

– Да, но смерти он не боялся. Ты же читал концовку дневника. Он бы принял гибель с распростертыми объятьями, поубивал бы нас всех во блеске славы. Мы отняли у него всё, что он любил. Но его любовь к собственному дитяте была могущественнее, нежели его ненависть. Как я сказал, Патрик Пирс был чрезвычайно умен. Едва выйдя из трубы, он тотчас понял, что это такое. Трубы анабиоза, камеры приостановленной жизнедеятельности... В этом импровизированном госпитале, на складе у нас над головами он пошел на сделку. Он поместит мертвое тело Хелены в одну трубу, а Канн – Дитера, своего умирающего сына, – в другую. Оба стали одержимы медицинскими исследованиями. Оба мечтали о дне, когда смогут открыть трубы и спасти своих возлюбленных. Разумеется, идеи Канна были более радикальными, более расистскими. Он посвятил себя отысканию способа пережить воздействие Колокола. Перевез его в Германию и... об экспериментах ты уже знаешь. Нам было известно, что Пирс работает против нас, что-то затевает. В тридцать восьмом году, накануне своей экспедиции, Канн приказал своим штурмовикам схватить Пирса и поместить его в трубу.

– А не проще ли было прикончить его на месте?

– Нам бы этого хотелось, но, как я уже говорил, мы знали, что он вел дневник и разрабатывал еще какие-то планы против нас. Мы предполагали, что эти планы будут приведены в исполнение после его смерти, так что оказались в затруднительном положении. Убивать его было по-прежнему слишком рискованно. И все-таки я посмеялся от души, когда Пирс отбивался изо всех сил, пока бойцы не нейтрализовали его и не швырнули в трубу. Затем, к вящему моему изумлению и ужасу, Канн приказал сунуть в другую трубу меня. Он не

доверял мне – и это после стольких лет моей службы верой и правдой. Канн пообещал вытащить меня, когда вернется. Он даже и не помышлял, что

не

вернется, но, конечно же, именно так и вышло. Мы нашли его субмарину всего пару недель назад в Антарктике.

Мы с Пирсом очнулись уже в семьдесят восьмом году – в совершенно ином мире. Наша организация – «Иммари» – практически самоликвидировалась, остались только костяки наших корпораций и определенные зарубежные активы. Вторая мировая война выкосила наши ряды. Многие из наших активов присвоили нацисты, и Колокол в том числе. Верхушка Иммари, имевшаяся на тот момент, просто волосы на себе рвала, пребывая в таком отчаянии, что вытаскила на свет божий старичков, тех самых, кто в первую голову и создал «Иммари Интернейшнл». По крайней мере, им хватило ума хотя бы на это. Но всей истории они, конечно же, не знали. Нас с Патриком Пирсом пробудили одновременно, и наше противостояние возобновилось практически с того же места, где мы прервались. Я занялся переустройством «Иммари», а Патрик снова взялся за свое, вставляя мне палки в колеса. Я начал с того, что возродил организацию, которую основал, – мое подразделение Иммари, первую в мире глобальную разведывательную организацию. Ты с ней знаком. Это «Часовая башня». Разведывательное подразделение Иммари.

– Вы лжете.

– Отнюдь. И ты это знаешь. Ты видел сообщения, которые мы слали в сорок седьмом, – те самые, внедренные в некрологи «Нью-Йорк таймс». С какой бы еще стати помечать сообщения Иммари словами «часы» и «башня»? Ты должен был понять это еще тогда, когда увидел расшифрованные сообщения, а то и прежде. Где-то в закоулках своего рассудка ты знал, что такое «Часовая башня», с той самой секунды, когда услышал, сколько агентов находятся под контролем Иммари. Ты знал это, когда отделения сдавались одно за другим. Поразмысли об этом. Иммари вовсе не подрывали деятельность «Часовой башни». Она и была подразделением Иммари – команда, призванная завоевать доверие мировых разведывательных служб, внедриться в них сверху донизу и позаботиться, чтобы, когда

придет день и мы спустим с цепи чуму Атлантиды, они были бы бессильны и совершенно слепы. «Часовая башня» служит и еще одной цели: собирать и удерживать под контролем всех, кто напал на след генерального плана Иммари – людей вроде тебя. Все то время, что ты пребывал в «Часовой башне», мы пристально следили за тобой, пытаюсь установить, сколько тебе известно и кому еще ты это сообщил. Иного решения попросту не существует. Люди вроде тебя на допросах не ломаются. Но есть и еще одно преимущество. Мы обнаружили, что с годами, узнав истину во всей ее полноте, большинство агентов присоединяются к нам. Ты тоже присоединишься. Вот почему ты здесь.

– Чтобы пройти индоктринацию? Думаете, я переметнусь, послушав ваши умопостроения?

– Все обстоит не так, как выглядит...

– Я слышал уже достаточно.

И, подняв пистолет, Дэвид нажал на спусковой крючок.

Глава 109

База «Призма» «Иммари Рисеч»

Восточная Антарктика

Кейт тряхнула головой. Откуда он здесь взялся? Горло у нее перехватило. Только и смогла, что выдать предательски сорвавшимся голосом:

– Почему?

Мина Дориана изменилась, словно он вспомнил о каком-то ненужном пустяке, забытом в бакалейном магазине.

– Ах, это! Просто рассчитывался за один старый должок. Но это ерунда по сравнению с тем, что я сделаю с тобой, если ты не скажешь, чем лечила этих детей, – он подступил ближе, загоня Кейт в угол.

Она

захотела

открыться ему сейчас же, чтобы увидеть выражение его лица.

– Пуповинной кровью.

– Что? – Дориан на шаг попятился от нее.

– Я потеряла ребенка. Но за месяц до того извлекла из пуповины стволовые клетки – просто на случай, если у ребенка вдруг разовьется состояние, которое потребует стволовых клеток.

– Ты лжешь!

– Ни на йоту. Я подвергла этих детей экспериментальному лечению с помощью стволовых клеток, взяв клетки зародыша нашего мертвого ребенка. И израсходовала все до капельки. Не осталось больше ничего.

Глава 110

Туннели Иммари

Гибралтар

Дэвид нажал на спусковой крючок снова. Опять щелчок.

– Я извлек ударник, – сообщил Крейг. – Я понимал, что разряженный пистолет ты по весу сразу отличишь.

– И чего вы от меня хотите?

– Я уже сказал. Я здесь, чтобы завербовать тебя. Когда мы закончим беседу, ты будешь знать истину и наконец...

– Нет. Можете убить меня прямо сейчас.

– Я бы предпочел воздержаться от этого. Найти хороших людей не так-то просто. Есть и другая причина: ты знаешь больше, чем любой другой. Ты находишься в уникальном положении, чтобы...

– Вы же знаете, почему я пошел в «Часовую башню»,
что

Иммари отняли у меня. Что отняли у меня

вы

.

– Не я. Дориан. Дитер Канн. Разумеется, я использовал «Часовую башню», чтобы заручиться гарантией, что ни одно разведывательное агентство не проведает о заговоре, но одиннадцатое сентября планировал

он

. Это порождение его рассудка. Он был одержим поисками отца в этих горах и отчаянно нуждался в каком-нибудь благовидном предлоге.

И это не единственная причина. Как я уже говорил, когда я пришел в себя в семьдесят восьмом, от нашей организации остались жалкие развалины, и к две тысячи первому мы еще до конца не оправились. Мы нуждались в деньгах и глобальной ширме, чтобы возобновить свою работу.

– Так Дориан Слоун и есть Дитер Канн?

– Это правда. Очнувшись в семьдесят восьмом, я приказал открыть его трубу, и он вышел оттуда в полном здравии. Должно быть, труба попутно является каким-то лечебным аппаратом, медицинской капсулой. Но ее возможности ограничены лечением живущих. На моих глазах Патрик Пирс, который был невозмутим, как судья, на протяжении последних двадцати лет, был сломлен, когда из трубы вынули мертвое тело Хелены. Он пережил ее смерть заново. Впрочем, нам удалось спасти дитя, находившееся в ее утробе.

– Его ребенка?

– Дочь. Но ты уже с ней знаком. Это Кейт Уорнер.

Глава 111

База «Призма» «Иммари Рисеч»

Восточная Антарктика

Кейт вглядывалась в лицо Дориана. Отыщется ли в нем хоть намек на замешательство? Недоверие? Сожаление? Он в раздумье устался в угол между стеной и полом. А потом перевел взгляд на нее, изогнув губы в злобной, жестокой ухмылке.

– Очень умно, Кейт. Ну конечно, ты очень умна – когда речь идет о науке. Но когда доходит до людей, тут ты полнейший профан. – Отвернувшись от нее, он зашагал к двери. – В этом ты вылитый отец. Незаурядный, но дурак.

Что он такое городит? Ее отец умер двадцать восемь лет назад. Дориан – или Дитер – или как там его... просто сумасшедший.

– Единственный дурак здесь ты, – отрезала Кейт.

– Ой ли? Все это вина твоего отца. Это он выпустил этот бич на волю. Он убил мою мать и брата и вынудил моего отца предпринять

рискованную миссию ради спасения мира – миссию, с которой он так и не вернулся. Вот

почему,

Кейт, я всю свою жизнь посвятил завершению отцовской работы, чтобы искупить то зло, которое твой отец причинил моей семье; а сегодня ты дала мне ключ к окончательному завершению.

Прежде чем Кейт успела отреагировать, раздалась пронзительная трель звонка тревоги.

В дверь ворвался охранник или какой-то солдат.

– Сэр, нас атакуют!

Глава 112

Туннели Иммари

Гибралтар

В мыслях у Дэвида творилась кутерьма. И он высказал их вслух – вернее, пролепетал:

– Кейт Уорнер – дочь Патрика Пирса? Как...

– Я-то думал, новые имена в порядке вещей. Если бы кто-нибудь связал нас с событиями во время и после Первой мировой войны, это... осложнило бы нам жизнь. Пирс взял себе имя Том Уорнер, а новорожденную дочь нарек Катериной. Сказал ей, что мать умерла при родах, что фактически соответствовало истине. Дитер стал Дорианом Слоуном и помешался на прошлом и наследии отца. Он был злобным ребенком, ведь он повидал столько боли и остался один как перст в веке, постичь который не мог. Ты только вообрази – семилетний мальчонка уснул в восемнадцатом году с инфлюэнцей, когда его родители и брат были живы, а проснулся шестьдесят лет спустя, в семьдесят восьмом году, здоровый и один-одинешенек в чужом мире. Я пытался играть для него роль отца, но он был крайне неуравновешен, крайне замкнут. Как и ты, он посвятил свою жизнь тому, чтобы нанести ответный удар людям, которые отняли у него всех, кого он любил, убийству людей, переживших его и погубивших его жизнь. Для него их олицетворяли Том Уорнер и атланты.

К сожалению для всех нас, Дориан весьма даровит. И пользуется поддержкой в рамках организации Иммари. Для них он – наследник и

вернувшийся спаситель, живое доказательство того, что чуму и Колокол можно одолеть, что человечество способно выжить. Все это ударило Дориану в голову. Он превратился в чудовище. Он намеревается сократить человечество до горстки избранных носителей генетического превосходства, которую он считает своим племенем. Он уже спустил чуму с цепи. Апокалипсис разыгрывается в этот самый миг, пока мы тут беседуем. Но мы способны его остановить. Ты можешь убить его, и тогда я один возглавлю организацию Иммари, а ты будешь моей правой рукой.

Крейг внимательно наблюдал за Дэвидом в надежде различить хоть какие-нибудь признаки его реакции на свое предложение.

– Я возьму тебя под арест. Я его знаю. Он захочет поглумиться, допросить и подвергнуть тебя пыткам собственноручно. Я дам тебе средства и возможность убить его, когда вы с ним останетесь наедине.

– Так вот чего вы хотите? – Дэвид покачал головой. – Весь этот фарс ради... Хотите, чтобы я прикончил Слоуна, дабы возвести вас на трон?

– А ты не хочешь? Это он повинен в одиннадцатом сентября. Он твой враг. А еще ты можешь спасти Кейт. Сейчас она у него в руках. Он

наверняка

причинит ей вред. Однажды он уже сделал ей больно в Сан-Франциско. Это был его ребенок.

– Как?..

– Такова была его месть. Раз Тома Уорнера не стало, он перенес все на его дочь. Дориан не раздумывал. Ему хотелось, чтобы Кейт ощутила ту же боль, что и он, чтобы она пробудилась с осознанием, что семью у нее безжалостно отняли. Он чудовище. Убить ее не давал ему только Мартин, но теперь Мартину Дориана не остановить. А

ты

можешь. Ты способен спасти ее. Больше никто ей на выручку не придет.

Крейг выдержал длинную паузу, давая Дэвиду возможность вникнуть в сказанное, а затем повернулся и принялся расхаживать по комнате.

– Ты только подумай, Дэвид. Тебе известно, что вам не победить. Вы не можете дать нам бой. Помнишь автоматные очереди в тоннелях? Это мои агенты «Иммари Секьюрити» убивали последних лоялистов «Часовой башни». Все они уже мертвы. Ты здесь один-одинешенек. Тебе не одолеть Иммари. И вообще никому. Мир уже сражается с чумой. Тебе не предотвратить катастрофу. Но мы можем поменять ход вещей, действуя изнутри Иммари. Мы можем формировать облик мира грядущего.

Дэвид поразмыслил над предложением – своей собственной сделкой с дьяволом. А потом оглядел комнату в поисках какого-нибудь оружия. И наткнулся взглядом на древко копья, торчащего в одной из стен. Деревянное копье с железным наконечником выглядело настолько не к месту в диковинной комнате из стекла и металла, созданной с помощью технологий, которые Дэвиду даже вообразить не под силу.

В другом конце комнаты вдруг вспыхнула голограмма, будто некое объемное видео.

– Что...

– Мы толком не знаем, – пожал Крейг плечами, подходя ближе к тому месту, где формировалась голограмма. – Какой-то видеоматериал, голограммы, поставленные на повтор. Они воспроизводятся каждые несколько минут. По-моему, они показывают прошлое – то, что здесь случилось. Это еще одна причина, по которой я привел тебя сюда, в эту комнату. Секреты, которые она таит. Мы полагаем, Патрик Пирс еще не открыл их, когда переправил дневник в тридцать восьмом. Впрочем, есть и другое предположение: он нашел эту комнату, но ничего не работало, пока он не вышел из трубы в семьдесят восьмом. Мы все еще занимается сортировкой, но, как ты сам увидишь, мы считаем, он увидел их спустя лет семь с момента, когда вернулся к своей деятельности как Том Уорнер. Мы еще не знаем, что они означают, но он из кожи вон лез, только бы не допустить нас до них. Мы думаем, это какое-то послание.

База «Призма» «Иммари Рисеч»
Восточная Антарктика

При звуке второго взрыва Кейт вскинула голову. Снова подергала дверь. Все еще заперто. И вроде бы потянуло дымом. У нее в голове проносились безумные инсинуации Дориана и видеокадры с детьми, входящими в это циклопическое сооружение... с тяжелыми рюкзаками за плечами.

Дверь вдруг распахнулась, и в комнату поспешно вбежал Мартин Грей. Схватил Кейт за руку и потащил в коридор.

– Мартин... – начала было Кейт, но Грей ее перебил.

– Тихо! Надо спешить, – бросил он, увлекая Кейт вдоль по коридору с белыми стенами.

Они завернули за угол, и коридор уперся в некое подобие воздушного шлюза космической станции. Они прошли через шлюз и с вырвавшимся следом порывом ветра оказались в большом помещении по ту сторону – какой-то ангар или склад с высоким, сводчатым потолком. Стиснув ее руку, Мартин повел Кейт к штабелю крепких пластиковых ящиков, где они присели на корточки и молча замерли в ожидании. Кейт слышала мужские голоса в дальнем конце помещения и звук работы тяжелого оборудования – возможно, вилочных подъемников.

– Оставайся здесь, – распорядился Грей.

– Мартин...

– Я через минутку, – шепнул он, поднимаясь на ноги, и решительно зашагал туда.

Кейт услышала, как звук его шагов внезапно оборвался, когда он подошел к тем людям. В голосе его зазвенела такая властность и сила, какой Кейт за своим приемным отцом и не подозревала.

– Что вы тут делаете?!

– Разгружаем...

– Слоун вызвал весь персонал к Северному входу.

– Что? Нам сказали...

– Станция атакована. Если ее захватят, то, что вы делаете, уже не потребуется. Он вас вызывает. Можете остаться здесь, если хотите. Тут вас и похоронят.

Снова слышались шаги – теперь приближающиеся к Кейт; миновав ее, они направились к другому шлюзу. Остался звук лишь одной пары ног – Мартина. Он прошел еще дальше в ангар, и его голос раздался снова:

– Он вызывал всех.

– А кто будет контролировать участок?

– А как по-вашему, джентльмены, для чего здесь я?

Снова топот бегущих ног, звук открывания и закрывания шлюза, а затем Мартин вернулся.

– Кейт, пошли быстрее.

Он провел ее мимо рядов ящиков и какого-то импровизированного центра управления с рядом компьютеров и стеной дисплеев. Они показывали длинный коридор во льду и ворота, через которые некоторое время назад вошли дети.

– Мартин, прошу, объясни мне, что происходит.

В теплом взгляде Грея светилось сочувствие.

– Натягивай этот скафандр. Я расскажу тебе все, что успею за оставшиеся у нас секунды.

Он указал на белый раздутый костюм на стене рядом с рядом шкафчиков. Кейт принялась одеваться, а Мартин, отведя взгляд, заговорил:

– Я ужасно сожалею, Кейт. Это я вынуждал тебя добиваться результата. И когда тебе это удалось... я приказал похитить детей. Я вынужден был так поступить, потому что они были нам нужны...

– Из-за Колокола...

– Да, чтобы пройти мимо Колокола, войти в эти катакомбы – в сооружение под двумя милями льда в Антарктиде. С той поры, как мы занялись изучением Колокола, мы знали, что некоторые люди могут противостоять ему дольше других. Все они умирали, но пару лет назад мы выявили набор генов, отвечающих за этот иммунитет. Мы назвали их геном Атлантиды. Он в значительной мере сказывается на структуре связей головного мозга. Мы полагаем, именно этот ген обуславливает все продвинутое когнитивные способности: решение сложных задач, абстрактное мышление, речь, творческие способности. Мы, то есть Homo sapiens sapiens

[21]

, им обладаем, в отличие от всех прочих подвидов человека – ни у одного из открытых нами его нет. Вот чем мы отличаемся от них. Согласно моей гипотезе, именно атланты наделили нас им около шестидесяти тысяч лет назад – примерно в момент катастрофического извержения Тоба. Именно он дал нам возможность выжить. Но мы были не совсем готовы к нему. Мы еще слишком походили на своих троюродных братьев – крупных приматов, повинуюсь инстинктам, живя, как дикие животные. Странность в том, что он, по нашему мнению, активируется некоей нейропроцедурой выживания – центром головного мозга, отвечающим за адаптационную реакцию переактивации, реакцию борьбы или бегства. Этот механизм активирует ген Атлантиды, мобилизующий и интеллект, и организм. Возможно, именно поэтому наше племя ищет острых ощущений и потому так склонно к насилию. Это крайне любопытно.

Мартин тряхнул головой в попытке сосредоточиться.

– Так или иначе, мы до сих пор пытаемся разобраться, как он работает. Ген Атлантиды – или хотя бы некоторые его генетические компоненты – есть у каждого, а вот его активация является проблемой. У некоторых интеллектов – гениев – активация происходит чаще. Мы полагаем, пресловутые моменты гениальности – озарения или вспышки прозорливости – подобны включению и выключению лампочки в буквальном смысле: это активируется ген Атлантиды, и в течение мимолетных мгновений мы становимся способны задействовать свой интеллект на полную мощность. Эти люди способны активировать ген Атлантиды, обходясь без рубильника реакции переактивации. Мы начали фокусировать свои исследования на умах, владеющих устойчивой активацией подобного рода. Мы наблюдали такую активацию у некоторых представителей аутистического спектра – у лиц с синдромом саванта. Вот почему мы финансировали твои исследования. Вот почему Совет Иммари простил Дориану выходку с тобой – он направлял тебя в русло интересов Иммари. И когда ты добилась успеха, когда дети продемонстрировали устойчивую активацию гена Атлантиды, я забрал детей, пока он не успел проведать об этом. Чтобы ему некогда было глядеть по сторонам, я предпринял другой отвлекающий маневр, с «Часовой башней».

– Так это

ты

был источником. Ты посылал информацию Дэвиду.

– Да. Это была отчаянная попытка остановить «Протокол Тоба». Я знал, что Дэвид занимается расследованием заговора Иммари. Я отправил ему сообщение, разоблачающее двойных агентов Иммари, работающих аналитиками «Часовой башни», и пытался сообщить ему, что сама «Часовая башня» и

есть

разведывательная служба Иммари, чтобы предупредить его о том, кому можно доверять. Я надеялся, что он сумеет узнать правду вовремя. Однако мне приходилось проявлять крайнюю осторожность: некоторые сведения были известны только на высочайшем уровне, а я и так уже был под подозрением. Я уповал, что война за «Часовую башню» по меньшей мере поглотит силы Иммари, оттянет исполнение «Протокола Тоба»...

– Что

именно

представляет собой «Протокол Тоба»?

– Тоба – план Слоуна использовать Чуму от Колокола, чтобы завершить генетическую трансформацию человечества.

– Зачем?

– Чтобы синхронизировать нас – генетически, то есть – с атлантами. Во всяком случае, эту байку Слоун с Киганом скормили организации. Но это лишь полуправда. Его истинная конечная цель – создание армии для упреждающего удара. Слоун с Киганом хотят войти в сооружение, находящееся у нас под ногами, и убить атлантов.

– Это безумие!

– Да. Но в их время, в тысяча девятьсот восемнадцатом году, вспышка болезни погубила десятки миллионов человек по всему миру, включая мать и отца Слоуна. Они считают, что те, кто находится в этом сооружении, хотят нам вреда, и, пробудившись, займутся истреблением людского племени. Для них спасение горстки

избранных, обладающих генетическим превосходством, лучше, чем полное истребление.

В голове Кейт, пытавшейся усвоить откровения Мартина, так и зароились вопросы.

– Почему же ты мне не сказал? Почему не попросил моей помощи? – спросила она, почти не задумываясь.

– Ради твоей защиты, – вздохнул Мартин. – К тому же дети нужны были мне в экстренном порядке. У меня не было времени на объяснения, да вдобавок, сделав это, я втянул бы тебя в заговор Имари. Я старался исполнить обещание, данное давным-давно, – держать тебя в стороне от всего этого. Но потерпел крах. Команда оперативников должна была тихонько забрать детей из твоей лаборатории. Тебя там даже не должно было быть в этот час. Узнав, что твоего помощника убили, я ужаснулся. И наделал других ошибок. Я недооценил скорость реакции Дориана. Я пытался давать тебе намеки о том, что происходит, когда мы виделись в Джакарте, во время моей театральной тирады в комнате наблюдения. Я не был уверен, что ты сумеешь связать концы с концами. Затем тебя захватили люди Дориана, и... вся ситуация вырвалась из-под контроля. После того как я увиделся с тобой в Джакарте, меня увезли сюда, в Антарктиду. Агенты Дориана следили за мной. Я почти ничем не мог помочь тебе. Но у меня был здесь собственный агент – Наоми. Я рискнул отправить Дэвиду очередное зашифрованное послание, рассказавшее ему о китайском комплексе, а Наоми отыскала способ отправиться туда в компании Дориана.

– Так это она позаботилась об электронных пропусках на железнодорожном вокзале?

– Да. Я надеялся, что втроем – она, ты и Дэвид – вы сумеете спасти детей и вывести из строя электростанцию, поставив на «Протоколе Тоба» крест. Попытка отчаянная, без особых шансов на успех. Но учитывая,

что

поставлено на кон – буквально миллиарды жизней, – самый мизерный шанс был лучше, чем никакого.

Кейт закончила натягивать объемистый скафандр.

– А мальчики... Ты...

– Пытался вступить в контакт. Я вхожу в небольшую фракцию в рамках Иммари, отдающую предпочтение иному пути. Мы ставили себе цель найти терапию, активирующую ген Атлантиды, которая позволила бы нам войти в катакомбы и поприветствовать атлантов, когда они пробудятся, – войти не как убийцы, а как их собственные дети, попросить у них помощи в решении множества проблем человечества. Просить их помощи в исправлении гена Атлантиды. Мы нашли некоторые другие... интересные аспекты этого гена, загадки, которых мы еще не постигли. Объяснять некогда, но нам нужна их помощь. Вот что ты должна сделать, Кейт. Ты можешь пройти в катакомбы. Ты видела, в чем состоит план Дориана – использовать детей, чтобы уничтожить атлантов. Ты должна торопиться. Твой отец отдал жизнь за это дело и пожертвовал ради тебя очень многим. И отчаянно пытался спасти твою мать.

– Мою мать?.. – пыталась понять Кейт.

– Ну конечно, я же тебе не сказал, – покачал Мартин головой. – Этот дневник принадлежал твоему отцу.

– Не может быть... – Кейт вглядывалась Мартину в лицо. Неужели ее мать – Хелена Бартон? А Патрик Пирс – ее отец? Как такое возможно?

– Это правда. Патрик стал членом Иммари поневоле. Он пошел на это, чтобы спасти тебя. Он поместил тебя в трубу во чреве твоей матери в тот день в полевом госпитале в Гибралтаре. Выйдя в семьдесят восьмом году, он взял имя Том Уорнер. Я уже был штатным ученым Иммари, но пребывал в нерешительности... по поводу методов, всей этой жестокости. Я нашел в нем союзника, человека внутри организации, желавшего остановить это безумие, предпочитавшего диалог геноциду. Но он так и не проникся ко мне полным доверием. – Мартин уставился в пол. – Я в лепешку расшибался, чтобы обеспечить твою безопасность, исполнить данное ему обещание, но потерпел такой сокрушительный провал...

Позади них здание содрогнулось от очередного взрыва. Мартин схватил шлем от скафандра.

– Ты должна поторопиться. Я тебя спущу. Когда войдешь, ты должна сначала отыскать детей и вывести их оттуда. Что бы ты ни делала, позаботься, чтобы они вышли. Потом найди атлантов. Времени

осталось в обрез – до детонации бомб, которые несут мальчики, осталось меньше тридцати минут. – Он повел Кейт в другой воздушный шлюз в конце склада. – Когда выйдешь отсюда, забирайся в корзину. Я буду управлять ею отсюда. Когда она дойдет до дна скважины во льду, беги через портал, в точности как дети.

Не успела Кейт и слова сказать в ответ, как Мартин закрепил шлем на месте и вытолкнул ее из шлюза.

Когда наружная дверь открылась, Кейт увидела стальную корзину, свисающую со стрелы крана на толстом металлическом тросе, слегка покачиваясь на антарктическом ветру, продувающим ее насквозь, почти не встречая сопротивления от металлической сетки по бокам корзины.

Кейт не без труда заковыляла к ней, и когда подошла к цели, ветер едва не свалил ее с ног. Манипулировать рукояткой в перчатках было трудновато, но Кейт удалось забраться внутрь. И едва она закрыла дверь, как корзина, поскрипывая, плавно пошла вниз по круглому стволу шахты.

Над головой у Кейт круглое светлое отверстие уменьшалось с каждой секундой, напомнив ей окончание мультфильма, где сцена уходит в диафрагму, из круга превращающуюся в булавочный прокол и наконец исчезающую, сменившись полной чернотой. Поскрипывание корзины выступало таким нервирующим саундтреком ко все более сумрачному нисхождению.

Через пару минут корзина пошла быстрее, и последний проблеск света сверху угас. От скорости и дезориентирующей тьмы Кейт замутило, и она оперлась о край корзины, твердя себе, что осталось недолго, хотя не имела ни малейшего понятия, сколько еще продлится спуск. Как ни крути, а глубина шахты две мили.

А потом замаячил свет – россыпь блеклых искорок внизу, будто звезды в ясную ночь. С минуту Кейт смотрела на них вниз, восхищаясь их красотой и не задумываясь о том, что же это такое на самом деле.

Звезды,

просто думала она. А потом ее ум ученого медленно, но верно начал перебирать различные возможности, прежде чем остановиться на самом вероятном кандидате – крохотные светодиодные фонарики, сброшенные, чтобы освещать дно скважины. Они легли как попало,

озаряя тьму вокруг себя, будто путеводное созвездие, задающее Кейт направление в космическом путешествии к некой неведомой планете. Они были почти... чарующими...

Вдруг по шахте эхом прокатился громкий звук – взрыв, и Кейт ощутила, что корзина падает быстрее. И быстрее. Толстый трос, прикрепленный к верху корзины, обвис, изгибаясь над ней волнами. Она падает. Это свободное падение. Трос перерезали.

Глава 114

Туннели Иммари

Гибралтар

Голограмма начала проявляться, и Крейг подошел ближе к Дэvidу.

Дэвид смотрел во все глаза. Играя яркими цветами, голограмма заполнила почти всю комнату. Он будто перенесся на место действия. Увидел могучий корабль, поднимающийся из океана. Показалась Гибралтарская скала, и Дэвид вдруг осознал масштабы конструкции. Рядом с ней Скала казалась не крупнее булыжника. И что-то еще тут не то – расположена Скала совсем не на своем месте. Она на суше, а не на берегу, и суша простирается позади и справа от Скалы вплоть до самой Африки. Европа и Африка связаны сухопутным мостом.

– Боже мой... – прошептал Дэвид.

Крейг подошел еще ближе к Вэйлу.

– В точности как описывал Платон – громадный остров, возносящийся из моря. Мы все еще пытаемся уточнить временной период, но полагаем, голофильм снят в районе от двенадцати до пятнадцати тысяч лет назад. Это определенно какой-то момент до окончания последнего ледникового периода. Мы узнаем точнее, как только определим уровень моря. Согласно Платону, остров затонул двенадцать с половиной тысяч лет назад, так что примерно правильно. А ты обратил внимание на размеры судна?

– Невероятные. Вы нашли лишь обломок.

– Да, и притом мелкий. Мы полагаем, площадь сооружения свыше шестидесяти квадратных миль – то есть подразумевая, что сегодня скала тех же размеров, что и пятнадцать тысяч лет назад. Площадь сооружения, или обломка, как ты выразился, где мы сейчас стоим,

меньше одной квадратной мили. Судно в Антарктиде намного больше – около двухсот пятидесяти квадратных миль, – Крейг кивком указал на голограмму. – Следующий фрагмент показывает, что представляет собой это судно – то есть, так мы думаем.

Дэвид смотрел, как могучий корабль, приблизившись к берегу, останавливается. Голограмма мигнула, будто кто-то сменил катушку в античном кинопроекторе. Корабль стоял на прежнем месте, но уровень воды несколько повысился. А чуть позади корабля, на берегу, виднелся город, если можно это так назвать. От корабля полукругами расходились примитивные каменные монументы, будто ряд стоунхенджей. Там и тут виднелись хижины с соломенными крышами. Посреди каменных построек полыхал громадный костер, и голограмма совершила наезд на него. Группа людей в толстых шкурах волокла к нему другого человека – нет, обезьяну. Или нечто среднее. Высокий нагой примат яростно отбивался от захвативших его в плен людей, крепко держащих его с обеих сторон. Подтащив его к огню, люди поклонились.

С корабля запустили два летающих объекта, напоминающие колесницы или «Сигвеи» космической эры. Летя в паре футов над землей, они стремительно приближались к костру. И когда достигли его, люди попятились, кланяясь и не поднимая глаз от земли.

Покинув свои повозки, атланты схватили дикаря и впрыснули ему что-то. На них было надето нечто вроде доспехов и шлемов, почти целиком покрытых зеркальным стеклом, кроме затылочных частей. Бросив обезьяночеловека в повозку, они устремились обратно к кораблю.

Голограмма снова мигнула, и место действия перенеслось внутрь корабля. Обезьяночеловек лежал на полу. Атланты были все в тех же доспехах, и Дэвид не мог толком определить, но складывалось впечатление, что они о чем-то переговариваются... деликатный язык тела, несколько сдержанных жестов рук.

Крейг кашлянул.

– Мы все еще пытаемся понять, что здесь происходит. Имей в виду, мы увидели их всего пару часов назад, когда получили карту из дневника и проникли в помещение, но мы думаем, это видео показывает, как атланты прервали ритуальное жертвоприношение. Человек этот – неандерталец. Мы полагаем, что наши предки считали

своим долгом травить каждого человека, не созданного по образу и подобию Бога, и приносить его в жертву. Некое подобие допотопных расовых чисток.

– Этот тот самый первобытный человек, которого Пирс видел в трубе?

– Да, как ты и сам увидишь.

– И что с ним случилось?

Фыркнув, Крейг потрянул головой.

– Канн оттаял его в начале тридцатых, в ту же секунду, как сумел заставить Колокол заработать. Нам пришлось порядком повозиться с его энергоснабжением. За несколько лет они провели ряд экспериментов. Пытались даже воссоздать обезьяночеловека путем скрещивания людей с шимпанзе – его безумный проект «челошимп». Но, не добившись никакого прогресса, Канн в конце концов утратил к нему всякий интерес. И в тридцать четвертом скормил его Колоколу.

– Он не выжил?

– Нет, даже проведя в трубе невесть сколько тысяч лет. Так что, разумеется, мы были потрясены, когда Кейт Уорнер вышла целой и невредимой. Нам кажется, это имеет какое-то отношение к трубам, но то, что они делают, воздействует только на наш подвид. Должно быть, трубы каким-то образом активируют ген Атлантиды. То, чем она лечила этих детей, должно быть как-то связано с трубами. Мы предполагаем, что ген Атлантиды есть у каждого человека, но активируется он лишь спорадически и у горстки избранных. Неандертальцы же его генетического предшественника не имеют... О, а вот и кульминационный момент, как говорится. – Крейг кивком указал на голограмму.

Изображение снова переместилось из лаборатории под открытое небо. Позади корабля в небо вздымалась циклопическая волна цунами – на сотню футов выше корабля, который и сам по себе достигал добрых двухсот футов в высоту, если исходить из относительных размеров Гибралтарской скалы. Накрыв корабль, волна хлынула в примитивный город, сметая его с лица земли одним яростным взмахом.

Корабль остался на плаву, и волна понесла его в город, по пути сокрушая каменные монументы и хижины. Затем воды схлынули, утаскивая в море корабль, все еще более чем наполовину погруженный

под воду. Вдоль днища корабля, скребущего по морскому дну, замельтешили искры. Затем голограмма полыхнула красно-белой вспышкой чудовищного взрыва, громыхнувшего под кораблем, раскалывая его на две, три, а там и на четыре части.

– Мы думаем, дело в гигантском метановом кармане на морском дне. Он взорвался с силой дюжины ядерных боеголовок.

Вода неслась поверх расколотого корабля обратно, и картинка вернулась в лабораторию к атлантам. Одного из них швырнуло о переборку, и тело его обмякло. Погиб? Уцелевший атлант подхватил неандертальца, будто тряпичную куклу, и втолкнул его в трубу, демонстрируя просто-таки поразительную силу. «Интересно, это его природная сила или дело в костюме?» – подумал Дэвид.

Повернувшись к своему товарищу, атлант поднял его. Они покинули комнату, и изображение мигнуло. Голограмма последовала за атлантом, бегущим по кораблю. Его швыряло туда-сюда – несомненно, от волн, раскачивающих корабль, безжизненно погружающийся на дно морское. Потом он появился в том же помещении, где сейчас стояли Крейг и Дэвид. Некоторое время поманипулировал с панелями. На самом деле он, держа товарища на плече, ничего не касался, просто его пальцы порхали над панелями.

Компьютеры выключались один за другим.

– Мы думаем, здесь он активизирует Колокол. Устройство, препятствующее проникновению животных вроде нас. Вполне здравая мысль. Затем он выключает компьютеры. А вот по поводу следующей части мы до сих пор чешем в затылке.

В голограмме комната почти полностью потемнела, не считая тусклого свечения аварийного освещения. Отступив в глубину комнаты, атлант коснулся чего-то на предплечье. Перед ним, скользнув в сторону, открылась дверь. Дэвид проследил за ней взглядом – дверь все на том же месте, но теперь в ней торчит копьё. Оглядевшись, атлант помедлил и вышел. Дверь за ним закрылась – без какого-либо копьё.

Дэвид оглянулся на дверь.

– Не утруждайся, – покачал головой Крейг. – Мы пытались. И не один час.

– Что это в двери? – Дэвид подошел ближе.

– Не знаем. Пара ученых думают, что это Копье Судьбы, но мы не уверены. Мы думаем, что его вонзил туда Патрик, а вернее, Том Уорнер, пытаюсь пробить отверстие в двери или что-нибудь еще.

– Копье Судьбы? – Дэвид подобрался еще ближе. Он-то знает, что это такое, но нужно выиграть время и отвлечь Крейга.

– Да. Ты о нем не знаешь?

Дэвид покачал головой.

– Канн был одержим этим копьём, и Гитлер вслед за ним. Легенда гласит, что этим копьём пронзили грудь Иисуса Христа, висевшего на кресте, чтобы убить его. Древние верили, что любое войско, обладающее этим копьём, будет непобедимым. Когда Гитлер аннексировал Австрию, он забрал копьё, но лишился его всего за пару недель до того, как Германия капитулировала. Это один из множества артефактов, которые мы собрали за многие годы в надежде, что он или что-нибудь другое из древностей поведаст нам об атлантах хоть что-то.

– Интересно, – проговорил Дэвид, хватая конец копья. Потянув за него, ощутил, как дверь чуть сдвинулась. Рванул сильнее, и копьё вышло, а дверь открылась. Бросив трость, Дэвид метнулся сквозь дверь в тот самый миг, когда Крейг, выхватив пистолет, открыл стрельбу.

Глава 115

База «Призма» «Иммари Рисеч»

Восточная Антарктика

– Нет, не стрелять по ним! – рявкнул Дориан по радио, но слишком поздно. У него на глазах второй получил две пули в грудь, а третий упал от ранений в плечо и живот. – Прекратить огонь! Я лично застрелю следующего идиота, который нажмет на спуск!

Автоматные очереди смолкли, и Дориан вышел на открытое пространство, к последнему оставшемуся в живых. При виде Слоуна тот пополз к своему пистолету, оставляя за собой дорожку из вязкой крови.

Подбежав к пистолету, Дориан пинком послал его к стене лаборатории.

– Стой. Я не хочу причинять тебе вред. Вообще-то я даже окажу тебе некоторую помощь. Я только хочу знать, кто тебя послал.

– Послал? Меня? – Тот закашлялся, и кровь изо рта хлынула ему на подбородок.

– Да... – В наушнике Дориана раздался треск, и он отвел взгляд от умирающего.

– Сэр, мы опознали этих людей, – доложил один из техников станции. – Это наши – одна из буровых бригад.

– Буровых бригад?!

– Да. Вообще-то это та самая команда, которая нашла вход.

– Кто вас послал? – обернулся Дориан к буровику.

Тот выглядел растерянным.

– Никто... нас не посылал...

– Я тебе не верю.

– Я видел...

Он терял все больше крови. Ранение в живот скоро его доконает.

– Видел что? – напирал Дориан.

– Детей.

– Ой, да боже мой, – проворчал Дориан. И куда только катится мир? В эти дни каждый буровик корчит из себя доброго самаритянина. Подняв пистолет, Слоун прикончил его выстрелом в голову и снова повернулся к команде «Иммари Секьюрители». – Уберите это...

– Сэр, что-то происходит на пульте управления порталом, – поднял голову один из бойцов. – Кто-то только что запустил корзину.

Взгляд Дориана пропутешествовал к двери, потом метнулся туда и обратно.

– Это Мартин. Пошлите команду – захватить этот пульт управления. Помещение никому не покидать. – И тут у него в голове пронеслась мысль: корзину спускают. Кто там? Кейт? – Сколько осталось времени?

– До чего?

– До срабатывания бомб у детей.

Взяв планшет, сотрудник службы безопасности принялся выстукивать на нем команды.

– Менее пятнадцати минут.

Она еще может успеть до них добраться.

– Перерезать трос корзины, – приказал Слоун. Вполне подходящий конец. Кейт Уорнер – дочь Патрика Пирса – погибнет в холодном темном тоннеле, точь-в-точь, как брат Дориана Рутгер.

Глава 116

Услышав, как пули зарикоштели от закрывающейся позади него двери, Дэвид бросился на пол. Перекатился, поднялся на корточки и занес копьё над плечом, будто какой-нибудь доисторический охотник, готовый пронзить свою жертву, когда та покажется из-за отъехавшей двери.

Но дверь не открылась, и Дэвид со вздохом облегчения снова уселся на пол, давая отдых раненой ноге. Непонятно, и как это Патрик Пирс умудрялся столько здесь расхаживать.

Как только боль утихла, Вэйл поднялся на ноги и огляделся. Помещение оказалось похожим на только что покинутое – металлические серые стены точно такие же, как и освещение, идущее по их верху и низу. Но в целом помещение производит впечатление какого-то вестибюля: в него выходит в общей сложности семь дверей, развернувшихся полукругом, почти как ряд дверей лифтов.

Кроме семи овальных отодвигающихся дверей, в помещении совершенно ничего, не считая столика высотой по грудь напротив ряда дверей. Пульт управления? Поверхность покрыта темным пластиком или стеклом – таким же, как пульта управления в предыдущей комнате.

Подойдя к столику, Дэвид прислонил копьё к нему сбоку, чтобы пользоваться здоровой рукой. Поднес ее к поверхности, как делал этот атлант в голограмме. Вокруг его ладони закружились язычки белого и голубого тумана и света, вызывая легкое электрическое покалывание и пощипывание. Вэйл пошевелил пальцами, и свет и туман радикально переменялись: покалывание и чуть уловимые электрические импульсы побежали по пальцам.

Дэвид отдернул руку. Вот и говори, что ты не в своей стихии. Он отчасти ожидал – а скорее надеялся, – что выскочит какое-нибудь меню помощи.

Снова взял копьё.

Придерживайся того, что знаешь, – своего образа действий охотника и собирателя

, сказал он себе. Обратил внимание на еще одну дверь, находящуюся осторонь, ближе к пульта управления. Выход? Дэвид подошел к ней, и она скользнула в сторону, явив взору новые коридоры а-ля «Звездный путь», ведущие в секретную кунсткамеру проходчика тоннелей. Теперь глаза Дэвида окончательно приспособились к тусклому светодиодному освещению вдоль пола и потолка.

Если атланты побежали в это помещение, когда корабль взорвался от двенадцати до пятнадцати тысяч лет назад, вполне логично предположить, что это какая-то спасательная капсула, а может, укрепленная секция в середине корабля. Тут в голову Дэвида пришла другая мысль: если они направились сюда – значит, некоторые из них могут до сих пор находиться здесь. Может, они пребывают здесь в анабиозе в других трубах.

Дэвид огляделся по сторонам. Явно ни малейших признаков жизни.

Дверь лифтового холла открылась в Т-образный коридор, оба конца которого оканчивались очередными овальными дверьми. Выбрав кратчайший путь, Дэвид заковылял вперед, используя копьё вместо посоха. Это чрезвычайно помогало.

Дверь в конце коридора открылась автоматически, и Вэйл переступил порог.

– Стоять, не двигаться! – вдруг раздался мужской голос – хриплый, словно им давненько не пользовались.

Дэвид услышал шаги у себя за спиной. Судя по звуку эха, человек (или атлант) примерно его роста. Дэвид поднял руки, не выпуская, однако, копья.

– Я здесь не затем, чтобы причинить вам вред.

– Я сказал, не двигаться! – Голос прозвучал уже почти рядом.

Дэвид стремительно обернулся, мельком уловив силуэт, образ человека – или кто он там – и тут же в него ткнулся электрошокер, заставивший его в беспмятстве рухнуть на землю.

Глава 117

В двух милях под базой «Призма»
«Иммари Рисеч»

Восточная Антарктика

Стальная корзина затряслась, мечась по ледяному стволу туда-сюда. Отлетела в сторону, врезавшись в гладкую ледяную стену и осыпав скафандр и забрало шлема Кейт градом ледяных осколков. Она вскинула руки к шлему, и как раз в эту секунду корзину дернуло назад, едва не вышвырнув ее прочь. Тяжелый трос, наваливающийся на корзину сверху, перевесил и полетел вниз. Корзина на секунду выровнялась, а затем быстрым движением опрокинулась, врезавшись дном в одну стену ствола шахты, а верхушкой – в противоположную. Ухватившись за перекладину над корзиной, Кейт уперла широко расставленные ноги в сетчатый пол, расклинившись в корзине, как астронавт в тренажере, вертящемся во всех плоскостях, – на случай, если вдруг корзина начнет кувыркаться или раскачиваться. Закрыв глаза и упираясь из последних сил, Кейт ждала. Ее снова и снова осыпало осколками льда, высекаемого корзиной, бьющейся о стенки тоннеля. Зато удары замедляли падение. А затем стены вдруг исчезли, потянулись две долгих секунды и... хруст. Корзина врезалась в рыхлую грудку льда, метнув Кейт оземь с такой силой, что отшибло дух.

Кейт мучительно цедила воздух из скафандра в опустевшие легкие – задача ничуть не более простая, чем дышать через соломинку для коктейля. Наконец отдышавшись, она перекатилась на живот и попыталась оценить ситуацию.

Корзина врезалась на несколько футов в грудку льда, осыпавшегося, когда бур пробил потолок пещеры. Должно быть, ее дополнили и осколки, осыпавшиеся при подъеме бура на поверхность и высеченные корзиной при падении. Этот ледяной сугроб спас ей жизнь.

Сейчас грудка напоминала сувенирный снежный шар, сияя яркими огнями, погребенными где-то в ее недрах. Несколько долгих секунд Кейт смотрела на них. С виду огни почти как стайка светлячков, но несомненно, это светодиодные светильники, сброшенные для освещения огромной каверны внизу. Их зас

ы

пало осколками льда, но они продолжали озарять часть огромного пространства. А заодно пролили свет на положение Кейт.

Корзину наполовину погребло среди рыхлых ледяных осколков, и сверху оказалась как раз сетчатая часть. В ней Кейт как в клетке, но небольшое отверстие есть – не настолько крупное, чтобы проползти... но... его можно увеличить, если хорошенько подрываться.

Кейт принялась копать руками, будто пес, пытающийся пролезть под оградой из рабицы. Корзина несколько взрыхлила слежавшееся мелкое крошево, но все же дело шло туго. Наконец, сочтя, что отверстие уже достаточно велико, Кейт сунула туда голову. Голова и руки прошли, но объемистый скафандр застрял, зацепившись об острый проволочный обломок сетки. Кейт попыталась его сдернуть, и острый металл вспорол скафандр, но так и не отпустил. В прореху хлынул ледяной воздух, обжигая спину, пока Кейт извиваясь, старалась освободиться. Изо всех сил прижавшись животом ко льду, она толкалась обеими руками и наконец протиснулась обратно в клетку.

От холода, забирающегося со спины и оттуда растекающегося во все стороны, все тело начало мало-помалу коченеть. С каждой секундой он захватывал все новые рубежи. Руки Кейт охватила дрожь. Скафандр давал куда больше тепла, чем она подозревала. Тут царит лютый мороз. Если не предпринять что-нибудь в ближайшее время, она тут замерзнет до смерти.

Кейт принялась отгребать лед обеими руками, лихорадочно стараясь увеличить лаз. Почувствовала, что ноги уже немеют, и не без труда удержала равновесие, отбрасывая в корзину очередную горсть ледяной крошки. Лаз почти готов.

Теперь студеный воздух уже обжигал легкие, и дыхание клубилось ледяным туманом перед прозрачным стеклом шлема. Скоро мороз скует ее легкие, и она умрет от удушья, не успев замерзнуть. Стекло шлема совсем заволокло инеем. Кейт протерла его ладонью. Безрезультатно. Как был, так и есть. Протерла снова. Иней остался. Почему он не стирается? Ну конечно – он же внутри шлема. И она это знает. Так зачем же вообще пытаться стереть его снаружи? Что такое с ней происходит? Это холод. Организм прекращает свою жизнедеятельность. Она почти не в состоянии мыслить. Что она делала до тумана? Теперь пелена изморози в шлеме превратилась в сплошную корку льда, совсем перекрыв обзор. Кейт завертелась,

пытаясь хоть как-то сориентироваться. На четвереньках, будто собака в клетке, улавливающая направление на звук непроглядной ночью.

Собака. Клетка. Лаз. Да-да, она же копала, чтобы выбраться. Надо выбраться. Где же яма? Кейт принялась лихорадочно ощупывать лед под собой. Заметалась по клетке. Повсюду, куда ни сунься, только сетка. Где же яма? А затем ее ладони на что-то наткнулись – да, это подкоп. Но рыть Кейт была уже не в состоянии, совершенно не чувствуя пальцев.

Нырнув в лаз головой вперед, она принялась толкаться ногами. Почувствовала острые концы проволок у себя на спине, но, не обращая внимания, толкалась ногами еще сильнее. Теперь сетка заскребла сзади по ногам. Значит, она все-таки продвигается. Кейт вонзила локти в лед и принялась подтягиваться, локоть за локтем, будто солдат, ползущий по-пластунски под заграждением из колючей проволоки. Сколько она уже проползла? Кейт лягнула ногой. Та была свободна.

Перекатившись, женщина поднялась на ноги. Лед внутри шлема совсем ослепил ее. С какой стороны сооружение? Кейт бросилась бежать, но ноги не повиновались, будто налитые свинцом. В скафандре, да еще с окостеневшими ногами, ей нипочем не справиться. Никуда не добраться. В каком направлении идти? Везде одно и то же – лед, а за ним призрачное сияние огней.

Внезапно земля ринулась на нее. Кейт ощутила, что лежит, перекатилась. Лед коснулся ее спины, послав в организм новую волну холода, встряхнувшую его до основания. Выгнув спину дугой, Кейт широко распахнула глаза. Со свистом втянула воздух сквозь зубы и встала на четвереньки, тяжело дыша.

Надо сообразить. Она поднялась на ноги и медленно повернулась вокруг оси. Огни. В одном направлении ярче, чем в прочих. Сводчатый зал огромен. Огни – снежный шар, светлячки внутри... там, где вышел бур... огни в противоположном направлении от входа.

Повернувшись, Кейт поплелась прочь от света. Как же она замерзла! Потом раздался грохот. Скрежет металла о металл. Где-то впереди, но чуточку правее. Кейт подправила направление движения, продолжая упорно переставлять ноги. Снова упала, но поднялась, уперлась обеими ладонями в одно колено и подтащила вторую ногу. Она больше не чувствовала собственных конечностей, просто переставляя их в надежде на капельку везения.

Скрип и хруст льда под ногами вдруг прекратился. Шаги стали тише, но холод все не отпускал. Голова у Кейт закружилась. Она сделала еще шаг, потом еще один. И продолжала идти.

Позади металл лязгнул о металл. Ворота закрылись?

И по-прежнему ужасно холодно. Кейт упала на колени, а затем на землю – ничком.

Глава 118

База «Призма» «Иммари Рисеч»

Восточная Антарктика

Дориан увидел, как Кейт упала, затем встала и добрела до гигантских ворот. Колокол над ними хранил безмолвие. Дориан бросил взгляд на таймер: 00:01:32.

Меньше двух минут. Он был уверен, что ее убьет падение, но ядерный взрыв в катакомбах ничуть не хуже. Конечный результат тот же.

– Отпусти меня, Дориан.

Повернувшись, Слоун окинул взглядом Мартина Грея. Седовласый ученый дергался в руках сотрудников «Иммари Секьюрити», крепко держащих его с обеих сторон. Дориану так приспичило посмотреть, как Кейт умрет, что он напрочь позабыл, что старый хрыч еще в центре управления.

– Так это был ты, – обернувшись к Мартину, ухмыльнулся Слоун. – Вся эта дурацкая возня с «Часовой башней»... потом натравил их на китайский комплекс в чайнии, что они сумеют спасти детей и помешают мне исполнить «Протокол Тоба»... – Он на секунду задумался. – И ты же помог им сбежать. Это ведь ты, не так ли? Ты связался с Иммару, а те спасли их после того, как Колокол взорвался. Откуда ты знал? Каким образом ты их нашел?

– Ты бредишь, Дориан. Отпусти меня, и хватит ставить себя в дурацкое положение.

– Ты очень умен, Мартин, но тут тебе не отболтаться. Ты просто помог Кейт бежать.

– Я этого и не отрицаю. Я никогда не скрывал своей любви к ней. Защитить ее было моим первейшим приоритетом. Я бы спалил этот комплекс дотла, если бы пришлось.

– Значит, ты сознаешься, – усмехнулся Слоун, – что буровая бригада, напавшая на нас, действовала по твоему приказу.

– Ни в коем случае, – презрительно покачал головой Мартин. – Да ты сам вдумайся, Дориан. У меня даже не было возможности как-либо связаться с ними. Я ни одного из них даже в глаза не видел.

– Ладно, это несущественно. Я во всем разобрался, – Дориан взгляделся в старика, ожидая его реакции. – А ты? Да, держу пари, ты разобрался. Дети пережили Колокол, потому что прошли лечение стволовыми клетками Кейт и моего ребенка. Нас обоих спасли трубы – Кейт как нерожденного зародыша в материнской утробе, а меня как ребенка, страдающего от чумы Атлантиды, или испанской инфлюэнцы, если тебе так больше нравится. Откуда следует, что я тоже могу пройти через портал. Но я все же обожду пару минут.

Он указал на гигантский компьютерный дисплей, отсчитывающий вспять последние секунды. Последняя секунда истекла, и на экране замигали красные цифры 00:00:00.

Дориан ожидал какого-нибудь сотрясения на поверхности от взрыва, но не ощутил ровным счетом ничего. Должно быть, у сооружения невероятно толстые стены, да и две мили льда обеспечили дополнительную изоляцию.

– Две ядерные боеголовки только что сработали там, внизу, – осклабился Дориан. – Кейт до пацанов не добралась, за это я ручаюсь. У нее было меньше двух минут, чтобы отыскать их, а для состязаний в ходьбе она, по-моему, была не в форме. Ты сам видел. Она ужасно страдала, Мартин. Она могла замерзнуть в костюме до смерти. Или, самое меньше, напроць отморозить пальцы на руках и ногах – как раз перед тем, как померла.

Слоун ждал, но Мартин не обмолвился ни словом. Дориан кивнул одному из сотрудников службы безопасности, подошедшему к шкафчикам и принявшемуся готовить космический скафандр.

– Скоро я собираюсь спуститься и проведать, как она там, как только наладят оборудование, чтобы меня спустить. Я дам тебе знать, если найду хоть какие-то останки. Хотя сомневаюсь. Но прежде чем я пойду, хочу поделиться с тобой кое-чем еще. Я разгадал и другую загадку. – Слоун принялся выхаживать перед ним. – Хочешь послушать?

– Это твое шоу уродов, Дориан.

– Не надо меня оскорблять. Я держу твою жизнь в своих руках.

– И свою собственную. Ни одному члену Совета не позволительно убивать другого...

– Насчет этого мы еще посмотрим. Мэллори Крейг запретил мне убивать тебя несколько дней назад, но теперь развернулся на сто восемьдесят градусов – это он прислал ко мне Кейт. На сей раз Мэллори не станет объявлять вето на казнь. Впрочем, о чем я говорил? Взрыв в Китае? Дети просто прошли терапию геном Атлантиды. Радиация Колокола не повредила им, но действовала иначе, а когда в контакт с ним вступила Кейт, Колокол заглох. Вот что случилось в Китае. Колокол распознал ее как атлантку – одну из своих – и заглох, вызвав в нашей энергосистеме чудовищный бросок мощности, уничтоживший ядерные реакторы и все прочие системы во всем комплексе. Ты понимаешь, что отсюда вытекает, Мартин?

Грей смотрел куда-то в пространство.

– Я уверен, что ты как раз собираешься мне поведать.

– Ну зачем же грубить... Тебе захочется это услышать. Это означает, что наш ребенок – отпрыск двух атлантов, первый из нового человеческого племени, возможность человеческой эволюции. Его геном содержит ключ к пониманию того, как мы изменились пятьдесят тысяч лет назад, как мы можем продолжить развиваться.

– Мог содержать
, Дориан. Твой собственный...

– Я не смог этого сделать, – Слоун отвернулся от Мартина. – Как ни сильна была моя ненависть к Кейт за то, что ее отец учинил над моей семьей, я не мог заставить себя убить собственного ребенка. Он в лаборатории, в одной из атлантских труб в Сан-Франциско. Вот что я хотел поведать тебе, Мартин. Все твои козни ни к чему не привели. Я победил. Сейчас научная команда извлекает зародыш для исследований. И очень скоро у нас будет действующая вакцина атлантов – быть может, через пару недель или месяцев. И мы будем использовать ее избирательно...

– Мы готовы, сэр, – перебил Дориана техник.

– Мне пора, Мартин.

– На твоём месте я бы этого не делал, – воззрился на него Грей.

– Не сомневаюсь, ты бы...

– Я знаю, зачем ты туда спускаешься.

– Ты зна...

– Дело в записке, – сказал Мартин, – которую ты пришили к этим детям. Я знаю, что в ней говорится. Это письмо на немецком от полного надежд маленького мальчика, говорящего своему «папе», что дети несут бомбы, и ему надо как можно быстрее бежать к выходу. Ты слепец, Дориан. Взгляни на факты. И на трупы этих приматов в лаборатории номер три. Когда мы прибыли, Колокол там, внизу, был работоспособен. Как и тот, на айсберге с подлодкой несколько недель назад. Он убил людей из нашей исследовательской команды. Мы нашли под ним останки. Твой отец никогда не спал в трубе. Он был человеком, да таким человечн...

– Он был богом. И он не умер. Я не видел его останков, – с вызовом перебил его Дориан.

– Покамест. Но мы хо...

– Он там, внизу! – стоял на своем Дориан.

– Даже если он и там, в чем я лично сомневаюсь, ему уже исполнилось сто двадцать семь лет.

– Тогда я увижу его останки или что там сумею найти, но зато буду знать. А еще увижу другие останки – женские, чуть за тридцать. И тогда я свершу то, что мне предназначено. Я устраню угрозу атлантов раз и навсегда. – Дориан жестом подозвал охранников. – Проследите, чтобы он отсюда не выбрался. Строжайшая охрана. А если он не нужен для исследований зародыша... – Повернувшись, он посмотрел Мартину в глаза. – Тогда убейте его.

Непроницаемое лицо Грея не выдало ни намека на эмоции.

Тут к Дориану подошел один из инженеров и, отведя его в сторонку, торопливо заговорил:

– Сэр, насчет спуска туда, это самое... мы считаем, что вам следует обождать.

– Зачем? Вы же сказали, скафандр защитит меня от радиации...

– Да, это правда, но там могут быть и другие последствия взрыва. Пожар. Возможны структурные разрушения. Насколько мы понимаем, вся эта штукавина может обрушиться. Мы как раз получаем данные по сооружению в Гибралтаре – директор Крейг нашел там какие-то архивные видеоматериалы. На самом деле конструкция была

разрушена взрывом метана, аналогичным по силе отправленным нами ядерным боеприпасам... ну, вообще-то более мощным... но теперь нам известно, что эти конструкции не нерушимы...

– И что вы предлагаете?

– Выждать пару дней.

– Не может быть и речи. Я выжду от силы пару часов.

Инженер кивнул.

– Это еще не все. Когда я войду в катакомбы, спустите в эту скважину три боеголовки. Если оттуда выйдет кто-нибудь, кроме меня и моего отца – человек, атлант или еще кто-нибудь, – взрывайте их. Распределите оставшиеся ядерные боеприпасы по остальным скважинам и настройте на одновременное срабатывание.

– Но взрывы расплавят лед...

– Эти взрывы спасут человечество. Выполняйте.

Глава 119

Открыв глаза, Дэвид огляделся. Он лежал на узкой койке с матрасом наподобие гелевого, идеально повторяющим контуры его тела. Подался вперед, и гель отреагировал, помогая ему подняться. Обоняния коснулся какой-то запах, вроде чеснока, смешанного с лакрицей. А вообще-то, даже хуже. Дэвид поднял руку, чтобы зажать нос, но запах только усугубился. И тут Дэвид понял, что запах исходит от него самого – от черной мази на плече и ноге. Боже, как же она смердит, но... раны уже не так мучают. Мазь проела его рубашку, но зато исцеляет раны. Дэвид встал, но тут же повалился обратно на гелевую койку. Не совсем сто процентов.

– Успокойтесь, полежите, – раздался голос человека, отключившего его с помощью электрошокера.

Дэвид оглядел комнату на предмет оружия. Копье пропало.

– Расслабьтесь, я не причиню вам вреда. Сначала я подумал, что вас послали убить меня, но когда увидел ваши раны... то решил, что уж они-то послали бы кого-нибудь... более здорового.

Дэвид попристальнее взгляделся в этого человека, – а это действительно

человек, теперь Дэвид видел это ясно: лет под пятьдесят, может, чуть старше, лицо изможденное, словно он давненько недоедает и недосыпает. Но это еще не все... Черты жесткие, суровые. Он военный – быть может, солдат удачи.

– Кто вы такой? – Ноздри Дэвида наполнило новое дуновение зловония черной дряни на плече, и он отвернул голову, тщетно пытаясь избежать его. – И что же вы со мной сделали?

– Откровенно говоря, толком не знаю. Это какой-то лечебный линимент. Он вроде бы способен заживить что угодно. Я не знаю, как он действует, но факт налицо. Я себя поранил, не мог подняться на ноги и уже думал, что мне конец. И тогда компьютер открыл панель с тарелкой этого вонючего состава, а потом показал мне кино, как я его наношу, причем весьма реалистичное. Так я и сделал, и мне стало лучше, и весьма быстро. Скоро вы будете как огурчик. Возможно, уже через два-три часа.

– Правда? – Дэвид пригляделся к своим ранам.

– Может, и раньше. Впрочем, вы все равно никуда не спешите. А теперь поведайте мне, кто вы такой.

– Дэвид Вэйл.

– Организация?

– «Часовая башня», Джакартское отделение, – автоматически отрапортовал Дэвид.

Шагнув к Дэвиду, незнакомец выхватил пистолет.

Дэвид тут же сообразил, что такое он только что сказал.

– Нет-нет, я работал против Иммари, и лишь сейчас узнал, что «Часовая башня» была их организацией.

– Не надо мне лгать. Как вы меня нашли?

– Я и не находил. Я вовсе не искал вас. Послушайте, я даже не знаю, кто вы такой.

– Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали?

– Через тоннели под Гибралтаром. Я нашел комнату с копьем...

– Как?

– С помощью дневника. – Дэвид покачал головой, пытаясь привести мысли в порядок. Из-за этой мази, как от насморка, соображать было трудновато. – Я получил его на Тибете от одного монаха. Вы что-нибудь о нем знаете?

– Разумеется. Это я его написал.

Глава 120

Вокруг Кейт послышалось шипение воздуха. Она по-прежнему не чувствовала собственного тела, но воздух был теплым – поначалу чуть-чуть, но становился теплее с каждой секундой. Кейт попыталась оттолкнуться руками от пола, но опять упала ничком. Она слишком устала. И позволила себе безвольно простереться в жестком скафандре.

Мало-помалу тепло наполнило весь скафандр, и чувства начали возвращаться к телу. Неведомые спасители повышали температуру ее организма. Изморозь на забрале шлема обратилась в капельки воды, которые начали сбегать ручейками, и вид пола постепенно проступал полосочками, будто картинку, порезанную шреддером, собирали заново, одна узенькая полоска за другой. Это металлическая решетка, вот только... сквозь нее ничего не видно. Нет, это сплошной металл с ямочками.

Перевернувшись на спину, Кейт уставилась в гладкий металлический потолок. Туман от дыхания становился все прозрачнее. По-прежнему было холодно, но по сравнению с убийственным морозом в наружном ледяном соборе – просто райское тепло. Где же она? В какой-то камере обеззараживания?

Кейт села. Она снова чувствовала пальцы и владела ими и принялась возиться с застежками на запястьях. Не без усилия, но перчатки все-таки удалось снять, и Кейт взялась за шлем. Десять минут спустя она окончательно выпуталась из скафандра, оставшись в тех вещах, в которых покинула Гибралтар. Осмотрела помещение. Оно хорошо освещено, футов сорок шириной и где-то вдвое длиннее. Позади себя она увидела циклопические ворота, через которые вошла – намного больше, чем дверь в другом конце. Кейт зашагала вглубь помещения, и меньшая дверь открылась. Женщина переступила порог, и возле потолка и пола вспыхнули огни. Каждый огонек по отдельности был очень слабым, но все вместе они проливали в серый коридор более чем достаточно света, напоминая цепочку бегущих огней в полу лимузина.

Кейт оказалась в гигантском Т-образном коридоре. В какую сторону пойти? Но прежде чем она успела принять решение, услышала приближающийся звук. Шаги.

Глава 121

Дэвид пытался разложить по полочкам сказанное этим человеком. Сознание мутилось от этой наномази, излечивающей раны на его плече и ноге и терзающей его обоняние омерзительным амбре.

Тот утверждает, что он – Патрик Пирс/Том Уорнер, отец Кейт и автор дневника. Он же американский военный, проложивший туннели для Иммари в обмен на соизволение жениться на дочери одного из их предводителей. Но этого просто не может быть, хронологически это полный нонсенс. Хотя... он ведь провел какое-то время в этих атлантских трубах приостановленной жизнедеятельности... Может, все-таки факты сходятся? Быть может, он в самом деле говорит правду?

Дэвид попытался сопоставить все, что ему известно.

С 1917 по 1918 год Патрик Пирс проходит реабилитацию после ранений Первой мировой и открывает сооружение атлантов под Гибралтаром, обнаруживает Колокол и провоцирует гибельную пандемию, преподнесенную миру как «испанская инфлюэнца». Умирает от пятидесяти до ста миллионов человек. В общей сложности на всех материках инфицировано до миллиарда человек.

В 1918 году Пирс помещает свою жену Хелену и своего нерожденного ребенка в трубу.

С 1918 по 1938 год Пирс против собственной воли становится членом руководящей верхушки Иммари, чтобы защитить свою жену и нерожденного ребенка. Завершает свои раскопки в Гибралтаре, но его тоже помещают в трубу, когда Конрад Канн отправляется в свою экспедицию – сперва на Тибет, чтобы добыть артефакты и вырезать Иммару, а затем в Антарктику, чтобы найти находящуюся там, по его мнению, столицу Атлантиды. Оттуда Канн уже не возвращается.

В 1978 году, сорок лет спустя, Мэллори Крейга, Патрика Пирса и Дитера Канна пробуждают, извлекая из труб. Жена Пирса по-прежнему мертва, но ребенок появляется на свет. Пирс нарекает ее Катериной Уорнер. Остальные берут новые имена: Патрик Пирс становится

Томом Уорнером, Мэллори Крейг – Говардом Киганом, а Дитер Канн – Дорианом Слоуном.

В 1985 году Том Уорнер (он же Патрик Пирс) пропадает без вести – возможно, погибнув в ходе научного эксперимента.

Так правда это или нет? Мог ли Патрик Пирс/Том Уорнер скрываться здесь с 1985 года?

Если принять, что во время Первой мировой Пирсу было в районе четверти века, как говорится в дневнике, ему должно было быть около сорока пяти в 1938-м, когда он отправился в трубу... Получается, что к 1985-му ему около пятидесяти двух и... восьмидесяти сегодня. А человек перед ним куда моложе – вероятно, не старше пятидесяти.

Дэвид уже почувствовал себя лучше от мази. Он встал, и незнакомец поднял пистолет.

– Оставайтесь на месте. Вы же мне не поверили, так ведь?

Трудновато спорить, когда ты ранен, а у твоего противника в руках пистолет

, подумал Дэвид. И со смущенным видом развел руками.

– Я вам верю.

– Не ловчите. И хватит мне лгать.

– Послушайте, я лишь пытаюсь сопоставить факты, дневник велся... с семнадцатого по тридцать шестой год...

– Я знаю хронологию дневника; как вы помните, я же его и написал. А теперь подробно изложите мне, как вы сюда попали.

Дэвид сел на кровать.

– Меня заманили в ловушку. Это сделал Мэллори Крейг, директор «Часовой»...

– Я знаю, чем он руководит. Что послужило приманкой? – Тот говорил быстро, пытаясь загнать Дэвида в угол в надежде, что тот совершит ошибку, заврется и попадет на лжи.

– Кейт Уорнер. Крейг сказал мне, что она спустилась в катакомбы. Я отправился ее искать. Около недели назад Иммари похитили двоих детей из ее лаборатории в Джакарте. Она подвергла их новой терапии от аутизма...

– Да что за несусветную чушь вы тут городите?

– Я не совсем уверен, она мне не сказала...

– Кейт Уорнер – шестилетняя девочка. У нее нет лаборатории ни в Джакарте, ни где-либо еще.

Дэвид взгляделся в черты собеседника. Он явно верит в то, что говорит.

– Кейт Уорнер – ученый-генетик. И ей определенно не шесть лет от роду.

Опустив пистолет и потупившись, тот посмотрел куда-то в сторону.

– Не может быть, – пробормотал он под нос.

– Почему?

– Я здесь всего месяц.

Глава 122

Кейт не могла поверить собственным глазам. Ади и Сурья выбежали из-за угла и, завидев Кейт, ринулись к ней во весь дух. Доктор Уорнер наклонился, чтобы обнять их, но мальчики не хотели задерживаться, таща ее за обе руки следом за собой.

– Пойдем, Кейт, надо идти. Они приближаются.

Отстегнув оранжевую страховочную обвязку, Дориан пролетел последние три фута до льда. Фонарь на его шлеме осветил исковерканную корзину, наполовину закопанную в груды ледяной крошки, будто ловушка для крабов на дне океана. Рядом рыхлой беспорядочной бухтой валялся стальной трос. Он свалился на Кейт сверху, но корзина защитила ее от удара. Жаль.

Выпрямившись, будто аршин проглотил, Дориан зашагал к воротам, печатая шаг. И остановился прямо под Колоколом, висящим высоко над головой, у самой вершины купола. Луч света от прожектора шлема несколько раз скользнул по нему, и Слоун усмехнулся. Колокол не издал ни звука, ни проблеска. Губительный прибор, убивший его брата на месте, а мать – чуть погодя, чумой, которую напустил на выживших... теперь он умолк.

Врата разверзлись, будто признавая, что судьбоносный час пробил. И Дориан ступил в них.

Глава 123

Дэвид лихорадочно соображал.

– Послушайте, я даже не знаю, что тут сказать. Сейчас две тысячи тринадцатый год.

– Не может быть! – Продолжая держать Дэвида на мушке, собеседник подошел к шкафчику, сунул руку внутрь, достал блестящий золотой браслет и швырнул его Вэйлу.

Это оказались наручные часы. Перевернув их, Дэвид прочел дату и время: СЕНТ 19, 1985.

– Ага. Гм. У меня вообще-то нет золотых часов с неправильной датой, но... – Он потянулся к карману.

Патрик вскинул пистолет.

Дэвид оцепенел.

– Полегче! У меня есть собственная капсула времени. Фотка в моем кармане. Достаньте и посмотрите.

Подойдя, тот достал глянцевый снимок из кармана Дэвида. И принялся разглядывать фотографию айсберга с торчащей из него подлодкой

[22]

.

– Подозреваю, в восемьдесят пятом у Иммари не было возможности делать спутниковые фотографии.

Покачивая головой, тот смотрел куда-то в пространство, будто складывая мысленную картину.

– Это субмарина Канна, не так ли?

Дэвид кивнул.

– Мы думаем, ее нашли пару недель назад. Послушайте, я в таком же недоумении, как и вы. Давайте просто поговорим, попытаемся вместе разобраться, что к чему. Как вы сюда попали?

– Я работал в потайной камере. Я разобрался, как управлять их машинами.

– Так это вы запустили видео на повтор?

– Видео? Ах да, это я, на случай, если не вернусь и кто-нибудь найдет комнату. – Он уселся на койку, уставившись на носки своих туфель, будто сортируя мысли. – Я же вонзил копье в дверь. Я

проверял разные артефакты из хранилища Иммари в надежде наткнуться на какой-нибудь способ привести в действие большинство машин.

Мне удалось открыть дверь, но на том я и застрял; в той комнате я больше ничего не смог обнаружить. Предположив, что в следующем помещении найдется другой пульт управления, я вошел в дверь, попытавшись удержать ее открытой с помощью копья. Жаль, что это не сработало. Выйти обратно через эту дверь я уже не мог. Здесь машины несколько иные. Большинство из них отключены. Есть и несколько других загадок... но за последний месяц я не очень продвинулся – точнее, подвижки начались перед самым вашим появлением. Впечатление такое, будто все это место пробуждается, работает все больше машин, открываются двери, прежде не трогавшиеся ни в какую. Я как раз занимался обследованием, когда услышал, что дверь открылась, и нашел вас.

– Давайте вернемся к разнице во времени. Я знаю, что вы не Патрик Пирс – или, как бишь там, Том Уорнер. Ему сейчас было бы под восемьдесят. Просто скажите мне, кто вы такой...

– Я Патрик Пирс, – тот подался вперед. – Здесь время идет медленнее. Должно быть... здешний день соответствует году снаружи.

– Как?

– Не знаю. Но мы считаем, это имеет какое-то отношение к Колоколу. Он может сочетать две функции. Это сторожевое устройство, чтобы не пускать неатлантов внутрь, но это лишь половина. Когда мы только начали изучать этот аппарат, то вообще сочли его машиной времени. Он создает вокруг себя поле, нечто вроде пузыря растяжения времени. Как я сказал, возле Колокола время течет медленнее. Мы думали, это как-то связано с гравитационным смещением – искривлением пространства-времени вокруг него. Мы даже думали, он может быть генератором кротовых нор.

– Чего-чего?

– Не забивайте себе голову жаргоном. Идеи основываются на эйнштейновской общей теории относительности. Не сомневаюсь, что сейчас она усовершенствована или даже опровергнута. Довольно будет сказать, что в те годы, когда мы извлекли Колокол в Гибралтаре, мы заметили, что он вроде бы замедляет время в окружающем пространстве. Считалось, что он таким образом генерирует энергию.

Мы сумели по сути запустить аппарат на реверс, подавая на него энергию и минимизировав гравитационные воздействия.

– Это все интересно, но остается одна проблемка. Колокол из Гибралтара забрали почти сотню лет назад.

– Я знаю. Я же его и извлекал. У меня есть другая гипотеза. По моему, когда корабль в Гибралтаре взорвался, атланты оказались в ловушке в отломившейся секции. Я думаю, дверь, через которую они прошли, не была переходом в другое помещение корабля. Мне кажется, это какой-то портал, ведущий на другой корабль. Я сомневаюсь, что мы сейчас в Гибралтаре.

Глава 124

За следующим поворотом Кейт наконец заставила мальчиков остановиться.

– Скажите мне, что происходит, – взмолилась она.

– Мы должны спрятаться, Кейт, – сообщил Ади.

– От кого?

– У нас нет времени, – добавил Сурья.

Время

– это слово эхом всколыхнул память Кейт, и ее охватил другой страх. Развернув мальчиков, она отыскивала цифровой дисплей.

02:51:37. Осталось почти три часа. Мартин сказал, что до взрыва меньше тридцати минут. Почему? Впрочем, неважно – часы продолжают тикать. Надо подумать.

Мальчики снова принялись тащить ее за собой, а позади них распахнулась двустворчатая дверь.

Наконец выпутавшись из скафандра, Дориан оглядел помещение – какая-то дезактивационная камера – и зашагал к меньшей двери. Шаги разносились в высоком металлическом помещении гулким эхом. При его приближении дверь открылась, и Дориан ступил в коридор – в точности такой же, как в Гибралтаре. Значит, все это правда. Это еще один город атлантов.

Поверху и низу коридора вспыхнуло освещение. Все вокруг выглядело девственно-чистым и нетронутым. Ядерный взрыв этого места явно не коснулся. Почему? Неужели дети углубились куда дальше в катакомбы? Или атланты их поймали? Дезактивировали бомбы?

Где-то впереди послышались шаги – лязг кованых сапог по металлическому полу целой группы, марширующей в ногу. Выхватив пистолет, Дориан отступил в сторону, под прикрытие опорной балки.

Глава 125

Встав, Кейт заглянула в помещение.

Там виднелась дюжина гигантских стеклянных труб, поставленных стоймя, точь-в-точь, как описывал с своим дневнике Патрик Пирс – ее отец. И как и те трубы, каждая вмещала обезьяну, человека или нечто среднее. Кейт ступила в помещение, изумленно разглядывая трубы. Просто невероятно: зал забытых предков. Все недостающие звенья человеческой эволюции, аккуратно собранные и каталогизированные в этом овальном помещении, в двух милях подо льдами Антарктиды, как ребенок мог бы посадить бабочек в стеклянные банки. Пара-тройка особей были ниже Кейт – не более четырех футов от пяток до макушки, большинство же были ростом примерно с нее, а еще пара – куда крупнее. И всех цветов – одни черные, другие бурые, третьи почти белые. Ученый мог бы провести в этом зале целую жизнь. Многие из них уже потратили всю жизнь, откапывая древние останки и отчаянно пытаясь найти хотя бы фрагменты скелета пралюдей, зависших здесь в целостности и сохранности в примерно двенадцати стеклянных трубах.

Мальчишки вошли в зал вслед за ней, и двустворчатые двери за ними закрылись.

Кейт оглядела зал. Ничего, кроме труб, не считая стойки высотой по грудь со стеклянной столешницей. Кейт направилась был к ней, но замерла в полушаге, потому что двери зала снова начали отворяться.

Глава 126

Не снимая ладони с рукоятки пистолета, Патрик Пирс смотрел на человека, назвавшегося Дэвидом Вэйлом. Он позволил этому молодому человеку идти первым. История его правдоподобна, но Патрик по-прежнему не питает к нему доверия.

А может, я просто не хочу в это верить.

Они шли по одному длинному коридору за другим, и мысли Патрика обратились к Хелене, к тому дню семь лет назад, когда стеклянная труба с шипением открылась...

Белый туман рассеялся, и он протянул руку, чтобы коснуться ее. И ощутив холод ее кожи, думал, что его рука обратится в песок, рассыплется и прахом полетит по ветру. Он упал на колени, и слезы заливали ему лицо. Мэллори Крейг обнял его за плечи, а Патрик сбил его на землю и врезал ему в лицо дважды, трижды, четырежды, пока двое сотрудников безопасности Иммари не оттащили его. Крейг – правая рука дьявола, человек, заманивший его в западню, которая должна была стать его могилой. Напуганный мальчонка – Дитер Канн – съежился в углу. Крейг поднялся на ноги, пытаясь утереть струящуюся по лицу кровь, а потом подхватил Дитера и ретировался из зала.

Патрик хотел похоронить Хелену рядом с ее родными в Англии, но Крейг не позволил этого. «Нам нужны новые имена, Пирс. Все связи с прошлым надо стереть». Новые имена. Катерина. Кейт, как этот человек – Вэйл – назвал ее.

Патрик попытался вообразить, каково ей пришлось. Он был отцом, пропадавшим без вести, а когда и объявлялся, то был в лучшем случае неуклюжим отцом. С того самого момента, когда впервые взял Катерину на руки, он посвятил свою жизнь устранению угрозы Иммари и разгадыванию тайн Гибралтара и Колокола – чтобы сделать мир безопаснее для нее. Это было лучшее, что он мог для нее сделать. И потерпел крах. Если сказанное Вэйлом – правда, то Иммари сильны, как никогда. А Кейт... он прозевал всю ее жизнь. Хуже того, ее воспитал чужак. И будто этого мало – ее еще и втянули в заговор Иммари. Просто кошмар. Он попытался выбросить эти мысли из головы, но они упорно всплывали на поверхность сразу за каждым поворотом, словно восставая из-под пола каждого нового коридора, как признак, не желающий уходить прочь.

Патрик бросил взгляд на человека, ковыляющего впереди. Найдутся ли у Вэйла ответы? И будут ли они вообще правдивы? Патрик кашлянул.

– А какая она?

– Кто? А Кейт? – Оглянувшись, Дэвид улыбнулся. – Она... удивительная. Невероятно умная... и крайне волевая.

– Ничуть в этом не сомневаюсь. – Слышать эти слова было сюрреалистично, но они каким-то образом помогли Патрику примириться с фактом, что его дочь выросла без него. Ему хотелось что-нибудь сказать, но он не знал, что именно. И чуточку помедлив, проронил: – Странно говорить об этом, Вэйл. Для меня прошло всего несколько недель с тех пор, как я попрощался с нею в Западном Берлине. Как-то... неловко понимать, что твоя собственная дочь росла без отца.

– Зато выросла на славу, уж вы мне поверьте. – Дэвид мгновение помолчал, а затем продолжил: – Таких, как она, я еще не встречал. Она прекра...

– Ладно, это, э-э, этого довольно. Давайте, э-э... сохранять сосредоточенность, Вэйл.

Патрик прибавил шаг. Очевидно, существует предел скорости для откровений... определенного рода. Опередив Дэвида, Патрик пошел первым. У него преимущество перед Вэйлом буквально в целую руку и ногу, да к тому же тот не вооружен, так что вряд ли представляет особую угрозу. Да к тому же последний ответ Вэйла убедил Патрика, что тот говорит совершенно искренне.

Дэвиду пришлось поднажать, чтобы не отставать.

– Верно, – выдохнул он.

Они шагали по коридорам в полном молчании, и через какое-то время Патрик остановился, чтобы дать Вэйлу отдышаться.

– Извините, – проговорил он. – Я знаю, что слизь подтачивает силы. – Он приподнял брови. – Сам пару раз напоролся за последний месяц, занимаясь изысканиями.

– Ничего, сдюжу, – пропыхтел Дэвид между двумя вдохами.

– Не сомневаюсь. Не забывайте, с кем вы говорите. Я ковылял по этим тоннелям за сотню лет до вас. Вам бы лучше не напрягаться.

– Кстати, – поглядел на него Дэвид, – теперь вы отличный ходок.

– Да. Хотя отдал бы это, только бы вернуться обратно. Причина в трубе. Я вышел из нее тогда же, в восемнадцатом. Пара дней в трубе полностью меня исцелила. В дневнике я этого не отметил, в то время я был в состоянии думать лишь о том, что происходит вокруг. Хелена... испанская инфлюэнца... – Патрик добрую минуту смотрел в стену. – По-моему, трубы сделали что-то еще. Когда я вышел в семьдесят восьмом, я уже мог работать с этими машинами. Думаю, потому-то я и смог пройти через портал в Гибралтаре. – Патрик смерил взглядом Дэвида. – Но я все равно не понимаю, как это удалось

вам

. Вы ведь не провели в трубе ни секунды.

– Это правда. Признаюсь, я и сам этого не понимаю.

– Иммари лечили вас чем-нибудь?

– Нет. Вернее, не думаю. Но на самом деле я получил лечение...

Переливание крови от человека, побывавшего в трубах – от Кейт. На Тибете я был ранен. Потерял много крови, и она... она спасла мне жизнь.

Кивнув, Патрик принялся расхаживать по коридору.

– Это интересно. – Он бросил взгляд на покрытые мазью раны на плече и ноге Дэвида. – Раны были очищены, но по-моему, это огнестрельные ранения. Как вы их получили?

– По милости Дориана Слоуна.

– Значит, он присоединился к Иммари и продолжил семейное дело... В семьдесят пятом этот дьяволенок становился ожесточеннее с каждым днем. Тогда ему было пятнадцать.

– Он ничуть не сбавил темп. – Дэвид выпрямился. – Спасибо за отдых, я готов.

Патрик снова пошел первым, задав энергичный, но более медленный темп. При их приближении двустворчатая дверь впереди, ни разу не открывавшаяся перед ним, дернулась и разошлась в стороны.

– Какое волнующее чувство – открывать переходы, которые еще вчера были заперты. Послушать меня, я точь-в-точь как те дураки, что наняли меня во время войны.

– Войны... – покачал головой Дэвид.

– Что?

– Ничего. Просто странно слышать слово «война» без уточнений по отношению к Первой мировой. В наши дни это означает войну в Афганистане.

– Советы?! – Патрик застыл как вкопанный. – Мы воюем...

– О нет, они ушли оттуда еще в восемьдесят девятом. На самом деле Советского Союза больше не существует.

– А кто же тогда?

– «Аль-Каида», а точнее, сейчас это «Талибан»... вроде как радикальное исламское племя.

– Америка воюет с афганским племенем...

– Ага, это, гм, долгая история...

Свет в коридоре мигнул, а затем погас. Оба оцепенели.

– Здесь такое когда-нибудь случилось? – шепотом поинтересовался Дэвид.

– Нет.

Патрик извлек светодиодный блок и щелкнул выключателем, озарив окружающий коридор и чувствуя себя этаким Индианой Джонсом, зажигающим факел, озаривший некий античный коридор. Хотел было упомянуть об этом вслух, но решил, что Дэвид вряд ли знает, кто такой Индиана Джонс. «В поисках утраченного ковчега», наверное, уже старое кино – больше тридцати лет прошло, а юное поколение, наверное, старое кино уже вообще не смотрит.

Подняв здоровую руку, чтобы прикрыть глаза, Дэвид зажмурился. Патрик двинулся вперед, делая каждый шаг с осторожностью. Освещение в коридоре снова мигнуло, почти включившись, прежде чем опять погаснуть. Дверь в конце коридора при их приближении не стала открываться автоматически. Патрик протянул руку к стеклянной панели рядом с ней. Оттуда воспарили лишь скудные язычки тумана, и покалывание в ладони было менее интенсивным. Что происходит?

– Думаю, проблема с электроснабжением или что-то вроде, – прокомментировал Патрик, подумав, что, наверное, смог бы заставить дверь повиноваться. Поманипулировал системой управления, и дверь медленно отъехала.

Он поднял светодиодный блок в попытке осветить огромное пространство. Такого большого зала ему видеть еще не доводилось – ни здесь, ни где-либо еще. Казалось, он простирается на целые мили и в длину, и в ширину.

Ряды длинных стеклянных труб возносились под потолок, затерявшийся где-то в высоте и недостижимый для взора, и уходили вдаль на целые мили, далеко-далеко во тьму. Трубы такого же типа, что он видел в Гибралтаре много-много лет назад, но с двумя существенными отличиями: эти трубы были полны тел... и белый туман в них менялся. Прояснялся. Рассеивающиеся облака внутри труб позволяли лишь мельком разглядеть находящихся внутри людей. Если это вообще люди. Они больше походили на людей, чем обезьяночеловек в Гибралтаре. Может, это и есть атланты? А если нет, то кто? И что с ними происходит? Неужели они пробуждаются?

Патрик зачарованно разглядывал трубы, пока его не вывел из этого состояния звук, раздавшийся где-то в глубине зала – шаги.

Глава 127

Двустворчатые двери зала скользнули в стороны, и Кейт не без труда скрыла изумление, когда порог переступил высокий мужчина среднего возраста в нацистском военном мундире. При виде их мужчина остановился и буквально одеревенел, будто аршин проглотил. Его взгляд медленно пропутешествовал по Кейт и перешел на детей.

Бессознательно сделав шаг вперед, доктор Уорнер заступила собой детей. Уголки его рта чуть изогнулись, словно ее непроизвольное движение что-то поведало, поведав ему некий секрет. Быть может, этот шаг и выдал ее, но и его улыбка привела к тому же для него – Кейт узнала этот холодный изгиб губ. И тотчас поняла, кто это такой.

– Здравствуйте, герр Канн, – проговорила Кейт по-немецки. – Мы очень долго вас искали.

Глава 128

Патрик услышал, как шаги где-то во тьме остановились. Они с Дэвидом оба оцепенели, переглянувшись в ожидании.

– Что это за место? – прошептал Дэвид.

– Толком не знаю.

– Вы ни разу здесь не бывали?

– Нет. Но я думаю, быть может... У меня есть догадка, – сказал Патрик, глядя на трубы. В зале царил мрак; единственным источником света были сами трубы, гроздьями висящие на металлических кронштейнах, будто бананы на пальме. Возможно ли это? Не были ли Иммари правы с самого начала? – По-моему, это гигантское анабиозное судно. Дверь в Гибралтаре – это портал, ведущий в другое место. Вероятно, в сооружение в Антарктиде. И это сооружение... И есть то, что они думали.

– Кто?

– Канн, Иммари... Они предполагали, что это сооружение в Гибралтаре – лишь маленький форпост родины атлантов, каковую они считали расположенной подо льдами Антарктиды. Они считали, что атланты – пребывающие в холодной спячке сверхлюди, ожидающие шанса вновь захватить Землю.

В этот момент шаги вдали возобновились.

Патрик бросил взгляд на посох Дэвида – копье. Выражение его лица ясно говорило, о чем он думает: если пойти навстречу шагам, идущий непременно услышит и узнает об их приближении.

– Я могу обождать здесь, – предложил Вэйл. – А можно окликнуть их.

– Нет, – поспешно шепнул Патрик. – Если Иммари нашли вход в Антарктиде... шаги могут принадлежать... недружественным людям. Или... – Он бросил взгляд на трубы. – Так или эдак, лучше обождать.

Отступив за ближайшую гроздь труб, оба затаились в тени, слушая, как приближающиеся шаги раскатываются по катакомбам громким эхом.

Глава 129

Дориан увидел, как нацистские солдаты маршируют мимо него по тускло освещенному коридору. Значит, это правда. Некоторые из них живы. Его отец может быть жив.

– Ich heiÙe Dieter Kann

[23]

, – выступив из тени и расправив плечи, властно проговорил он.

Резко развернувшись, два солдата направили на него свои пистолеты-пулеметы.

– Halt!

[24]

– рывкнул один из них.

– Да как ты смеешь! – осадил его Дориан. – Я единственный выживший сын Конрада Канна. Опустите оружие и отведите меня к нему сию же минуту.

Конрад Канн подкрадывался к Кейт, будто крупная кошка, разглядывающая добычу, прикидывая, стоит ли с ней связываться и когда совершить прыжок.

– Кто вы такая?

Кейт лихорадочно соображала. Нужна какая-нибудь правдоподобная ложь.

– Я доктор Каролина Кнапп, научный руководитель специального исследовательского проекта Иммари, направленная сюда разыскать вас, сэр.

Канн внимательно посмотрел на нее, потом на детей.

– Не может быть. Я пробыл здесь менее трех месяцев. Подготовка следующей экспедиции заняла бы куда больше времени.

Кейт раздумывала, не вызовет ли подозрений ее акцент. Говорить по-немецки ей не доводилось очень давно. Так что чем короче ответ, тем лучше.

– Вы пробыли здесь куда дольше, чем несколько месяцев, сэр. Но я боюсь, что время нас поджимает. Надо идти. Мне нужно снять с детей эти рюкзаки и...

Тут в зал вбежал нацистский солдат, быстро выпаливший по-немецки:

– Мы нашли кое-что, и еще людей. – Договорив, он, отдуваясь, выжидательно уставился на Канна.

Тот перевел взгляд с него на Кейт.

– Я скоро вернусь, – он снова смерил ее взглядом с головы до ног, – доктор. – Потом наклонился, чтобы оказаться глаза в глаза с детьми

и, к изумлению Кейт, заговорил по-английски: – Мальчики, мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, пойдете со мной.

Подхватил их на руки и покинул зал, прежде чем Кейт успела хотя бы пикнуть.

Глава 130

Пятнадцать минут дискуссии с этими болванами не продвинули Дориана ни на шаг. Когда он скажет об этом отцу, головы так и покатаются. Надо же, держать его на мушке, будто какого-нибудь домушника, попавшегося на горячем!.. В конце концов он испустил тяжкий вздох и просто стоял в ожидании, покачиваясь с пяток на носки.

Каждая секунда казалась вечностью.

А потом постепенно безмолвие разрушилось. Сердце Дориана билось в унисон с шагами за углом – настал миг, которого он ждал всю свою жизнь. Человек, о котором у него сохранились лишь смутные воспоминания, который положил его хворое тельце в стеклянный гроб, который спас ему жизнь и спас бы весь мир, его отец обогнул угол и зашагал к нему мерным шагом.

Дориану ужасно хотелось броситься к нему бегом, обнять и рассказать обо всем-обо всем, что он сделал, как он его спас – точь-в-точь, как отец спас Дориана почти сотню лет назад. Ему хотелось, чтобы отец знал, что он вырос сильным, таким же сильным, как был отец, что он оправдал те жертвы, на которые отец пошел ради него. Но Дориан не тронулся с места. Одной из причин тому были пистолеты-пулеметы, хоть и далеко не главной. Холодный, пронзительный взгляд отца будто разбирал его по косточкам, анализируя, сопоставляя и складывая фрагменты головоломки.

– Папа, – прошептал Дориан.

– Здравствуй, Дитер. – Отец говорил по-немецки, и голос у него был безжизненный, сугубо деловой.

– Мне следует многое тебе рассказать. Меня пробудили в тысяча девятьсот семьдесят...

– Семьдесят восьмом. Здесь время идет медленнее, Дитер. Тебе сорок?

– Сорок два, – поправил тот, изумленный тем, что отец уже совершил этот мысленный скачок.

– На дворе две тысячи тринадцатый год. Здесь же прошло семьдесят пять дней. По дню за год. Временной коэффициент триста шестьдесят к одному.

Мысли у Дориана скакали галопом, пытаясь поспеть за отцовскими. Ему хотелось сказать что-нибудь глубокомысленное, дать отцу понять, что он тоже достаточно умен, чтобы решить загадку, но единственное, на что он сподобился, так это пролепетать:

– Да. Но почему?

– Мы нашли их гибернационную камеру. В точности такую, как мы и подозревали, – сообщил отец, поворачиваясь, и зашагал по коридору. – Вероятно, Колокол также искажает время внутри сооружения, генерируя ровно столько энергии, сколько необходимо для поддержания их спячки. Должно быть, эта спячка несовершенна. Вероятно, они продолжают стареть, хоть и не столь быстро. А может, это ради их машин, несомненно, претерпевающих определенный износ что ни год. Так или иначе, замедление времени помогает им совершить скачок через века. Мы также обнаружили еще кое-что. Атланты оказались не теми, кем мы их считали. Истина куда более причудлива, чем нам мнилось. На объяснения уйдет какое-то время.

– Дети несут... – Дориан указал на рюкзаки.

– Взрывчатку. Да. Умный ход. Как я понимаю, они смогли миновать Колокол? – на лету подхватил Конрад.

– Да. Есть еще женщина, которая тоже смогла пройти, – Кейт Уорнер. Это дочь Патрика Пирса. Я уж боялся, что она до них доберется. Но теперь это роли не играет. Время у нас на исходе.

Конрад сверился с показаниями счетчиков на задней стороне рюкзаков.

– Осталось около двух часов. Эта женщина их действительно нашла, но она у нас в руках. Мы поместим их в катакомбы. И вернемся, если потребуется доделать дело.

– Нам надо уходить сразу же после этого. Отсюда до ворот тридцать минут ходу. – Наклонившись к детям, Дориан перешел на английский. – Снова привет. Я же сказал, что Кейт будет здесь. Вам понравилась первая игра?

Оба мальчика просто смотрели на него. Они глупы как пробки, подумал Дориан.

– Теперь мы сыграем в новую игру. Вам это понравится? – Дориан подождал, но оба мальчика промолчали. – Ладно... Молчание – знак согласия. Теперь будем бегать наперегонки. Вы быстро бегаєте?

Мальчики кивнули.

Глава 131

Дэвид смотрел, как два нацистских солдата углубляются в катакомбы, таращась на трубы. Оба были в толстых свитерах, но без касок; они из морской пехоты Кригсмарине и наверняка весьма искусны в рукопашном бое. Чтобы одолеть их, Дэвид и Патрик должны непременно заставить их врасплох. Дэвид поднял руку, чтобы объясниться жестами, но Патрик уже подавал ему знаки: ждем, пока они не пройдут.

Дэвид попытался присесть пониже, но ногу обожгло болью. Просто чудо, что ему вообще удалось присесть. Мазь действительно работает. Мазь... А вдруг они ее учуют? Патрик скорчился рядом между двумя другими трубами в «банановой грозди», ближайшей к двум слоняющимся без дела солдатам. Еще две секунды.

Один из них вдруг остановился. Неужто учуял?

Над укрытием Дэвида и Патрика из труб вырвались клубы белого тумана, привлёкшие внимание солдат. Они перебросили свои пистолеты-пулеметы из-за спин в боевое положение, но Дэвид с Патриком уже вскочили, набросившись на них.

Сила броска Дэвида повергла избранного им противника на землю, и Вэйл ударил основанием ладони тому в лоб. Голова солдата с хрустом врезалась в металлический пол, и от нее начала расплзаться лужа крови.

В четырех футах от них Патрик боролся со вторым солдатом. Более молодой противник, навалившись на него, выхватил нож и тужился вонзить его Патрику в грудь. Подскочив к нему, Дэвид рывком стащил его с Пирса, пинком выбил нож из руки солдата и придавил его к земле. Патрик отреагировал мгновенно, подскочив к нему и прижав нож к горлу нациста. Тот прекратил сопротивление, молча капитулируя, но Дэвид продолжал крепко прижимать его руки к полу.

Вэйл немецким не владел, но прежде чем он успел раскрыть рот, Патрик уже начал допрос пленного по-немецки.

– Wiewiele Männer?

[25]

– Vier

[26]

.

Патрик переместил нож от горла нациста к его левому указательному пальцу.

– Zwölf!

[27]

– вскрикнул тот.

– Herr Kann?

Солдат просто кивнул. Лицо его покрылось крупными каплями пота.

– Töten Sie mich schnell

[28]

, – попросил он.

Но Патрик продолжал допрос, пока Дэвид все так же удерживал солдата на полу.

– Schnell, – взмолился тот.

Патрик полоснул его ножом по шее, и кровь хлынула ручьем, стремительно унося с собой жизнь.

Уронив нож рядом с покойным, Патрик повалился на пол. Из раны у него на груди капала кровь.

Дэвид переполз через труп, соскреб остатки черного месива со своих почти заживших ран на плече и ноге и втер его в рану Пирса. Старик поморщился.

– Не тревожьтесь, через пару часов будете как огурчик, – ухмыльнулся Дэвид. – А может, и раньше.

Патрик сел.

– Если у нас будет пара часов, – он жестом указал в том направлении, откуда пришли солдаты. – Теперь никаких сомнений, мы в Антарктиде. – Дыхание вырывалось из его груди частыми, коротким вздохами.

– А сколько у нас времени?

Патрик поглядел на убитых солдат.

– Двенадцать. Теперь десять. Канн с ними. Если они доберутся до этого зала, то последует геноцид, а вслед за тем, наверное... будут... очень скверные новости для человечества.

Дэвид начал обыскивать трупы, собирая оружие и все, что может пригодиться.

– Они сообщили что-нибудь еще?

Патрик озадаченно поглядел на него.

– Видели они кого-нибудь еще? – с надеждой в голосе растолковал Дэвид.

До Патрика дошло, что он имел в виду.

– Нет. Они никого не видели. Они пробыли здесь почти три месяца, что сходится, если они прибыли в районе тридцать восьмого года. Год за день, месяц за каждые два часа. Они сказали, что только что обнаружили этот зал, и один человек побежал докладывать об этом.

Отдав Патрику один из пистолетов-пулеметов, Дэвид протянул ему руку, чтобы помочь встать.

– Тогда нам надо поторопиться.

Крепко ухватившись за руку Вэйла, Пирс кое-как вскарабкался на ноги и оглянулся на труп солдата, который едва не одолел его.

– Послушайте, Вэйл, я не был солдатом уже двадцать пять лет...

– Ничего, сдюжим, – успокоил его Дэвид.

Глава 132

Маршируя вслед за отцом, Дориан держал детей за плечи.

Уж таков ход вещей: все может развернуться на сто восемьдесят градусов в мгновение ока. Они с отцом, воссоединившись, направляются, чтобы закончить свой великий труд – спасение рода человеческого. И все его жертвы, все его решения... Он был прав.

И вдруг впереди загрохотали выстрелы.

Дэвид срезал обоих солдат, стоявших на часах перед дверью, даже не дав им шанса нажать на спусковые крючки. Слева от него еще один немец выбежал из-за угла, веером поливая очередями металлическую стену рядом с ним, но Патрик всадил ему прямо в грудь три пули одну за другой, быстро уложив его на пол.

Дэвид посмотрел в другой конец коридора. Чисто. Развернулся и припустил трусцой, чтобы нагнать Патрика, осторожно подбирающегося к углу, из-за которого выскочил третий солдат.

– Я пойду вперед, – безапелляционно заявил Вэйл. Осторожно выглянул – и тут же мимо его головы свистнула пуля.

– Я вас прикрою, – выдохнул Пирс, высовывая свой автомат за угол и делая несколько выстрелов.

Выскочив в коридор, Дэвид тут же прицелился в немца, прижавшегося к смежной стене, всадив ему две пули одну рядом с другой в грудь. Четверо долой. Остались пятеро плюс Канн. Шансы по-прежнему не ахти. И они лишились элемента внезапности. Ладно, не всё сразу.

Патрик уже стоял рядом с ним, и они оба разглядывали двустворчатую дверь, из которой этот солдат, должно быть, и вышел. Они заняли позиции по обе стороны от двери, и Пирс манипулировал со стеклянной панелью, пока двери не разъехались, открыв взгляду помещение с двенадцатью стеклянными трубами, содержащими... обезьянолюдей?

Дэвид тряхнул головой. Надо сосредоточиться. Патрика это зрелище, похоже, тронуло куда меньше. Он быстро ступил в помещение, поводя автоматом из стороны в сторону. Дэвид последовал за ним. Внутри не было ни души.

А затем Дэвид ощутил, как кто-то приближается к ним сзади. Резко развернувшись, вскинул автомат, чтобы открыть огонь...

Кейт. Она пряталась за пультом управления.

Едва успев отдернуть палец от спускового крючка, он уронил руку с автоматом вдоль туловища и двинулся к ней, готовый сграбастать ее в объятия. Но едва они сблизились, как глаза Кейт встретились с глазами Патрика.

– Папа? – Она отвернулась от Дэвида.

Старик застыл на месте, и лицо его выражало нечто среднее между угрызениями совести и недоверием.

– Катерина...

С бегущей по щеке слезой Кейт подошла к нему и сжала его в объятьях. Патрик с кряхтением тоже обнял дочь.

– Ты жив, – отстранившись, выговорила она и наморщила нос. – И ты ранен. И... ой, что за запах...

– Я в порядке, Катерина. Я... О боже, как же ты на нее похожа! – Его глаза наполнились слезами. – Я так тревожился, но я знаю, ты... это... для меня прошло всего несколько недель...

Кейт кивнула. Похоже, она уже сообразила, что к чему. Стоя в сторонке, Дэвид смотрел на нее восхищенным взором, чувствуя некоторую неловкость. Кейт протянула руку, и Вэйл, подойдя, обнял ее, прижавшись лицом сбоку к ее голове. Она жива. В этот момент это было для него важнее всего на свете. Она покинула его в Гибралтаре, но зато она жива. Пустота в его душе снова заполнилась.

– А как ты... – отпустив его, начала Кейт.

– Гибралтар, – пояснил ее отец. – Дверь в камере, которую я нашел, оказалась порталом, ведущим в Антарктиду, в это большое сооружение. Там есть другие люди. Нам нужно...

– Да, – подхватила Кейт. – Они захватили детей. Дориан заставил их надеть рюкзаки с ядерными бомбами.

В задумчивости оглядевшись, Дэвид сказал:

– Тут есть зал с трубами, тянущийся на многие мили. Бьюсь об заклад, именно туда они и направились. – У него в голове начал складываться план. Больше он не допустит, чтобы Кейт подвергалась опасности. – Ты оставайся...

– Нет, – решительно тряхнула головой женщина, подошла к убитому рядом с дверью зала, взяла у него автомат и с вызовом посмотрела на Дэвида. – Я иду. И на этот раз вооружена. Я не спрашиваю.

Вэйл лишь тяжело вздохнул.

Патрик переводил взгляд с Кейт на Дэвида.

– Как я понимаю, это продолжение затянувшейся дискуссии?

– Ага. Неделька выдалась та еще... – Дэвид переключился на Кейт. – Ты туда не пойдешь.

– Здесь я оставаться не могу. Сам знаешь.

Но Вэйл не сдавался, лихорадочно подыскивая контраргумент.

Патрик переводил взгляд с одного на другую, будто сообразив, что между ними разыгрывается что-то недосказанное.

– Если мы не остановимся, вот что случится: я не буду в безопасности нигде, в этом зале в том числе. Тебе нужна моя помощь. Нам нужно вытащить этих детей и убраться из этого сооружения. Ни один из вас двоих их не знает.

Тут она права, понял Дэвид. Но мысль отправить ее туда испытывать судьбу казалась ему невыносимой.

– Ты должен позволить мне отправиться с вами, Дэвид. Я знаю, чего ты боишься. – Кейт вглядывалась в его черты, ожидая реакции. – Мы должны это сделать. Прошлое есть прошлое.

Вэйл медленно склонил голову в знак согласия. Страх не отступил, но как-то изменился. Понимание, что она принимает риск, что она верит в него и будет рядом с ним, как партнер, все переменяло.

Подойдя к Кейт, Дэвид вручил ей пистолет.

– «Люгер» заклинивает гораздо реже. Он заряжен и готов к стрельбе. Просто прицелься и стреляй. В нем восемь патронов; тебе более чем достаточно. И держись позади нас.

Глава 133

Дориан поднял руку, чтобы пятеро солдат, идущие за ним, остановились. Осторожно выглянул из-за угла. Двое убитых, по одному с каждой стороны двери. Они выходили или входили? Хочется надеяться, выходили. Он снова высунул голову, теперь чуть дальше. Еще труп, в углу коридора – бежал в их сторону. Значит, выходили.

– Чисто, – сообщил Дориан, и солдаты вместе с его отцом рассыпались по коридору, осматривая убитых.

А Слоун наклонился к детям.

– Ой, – он обеими руками привлек мальчиков, чтобы они не смотрели на трупы. – Не обращайтесь на них внимания, они просто играют в мертвых. Это еще одна игра. А теперь время бежать. Помните, мчитесь во весь дух. Первый, кто добежит до конца зала, получит огромный приз!

Его отец манипулировал стеклянной панелью рядом с гигантскими двустворчатыми дверями. Они беззвучно распахнулись, и

Слоун подтолкнул детей туда в тот самый миг, когда прогремели первые выстрелы. Двое из пятерых человек рухнули на месте. Дориан прыгнул рыбкой, заслоняя отца собой, но слишком поздно. Пуля уже попала Конраду в руку, повергнув его на землю.

Дориан торопливо оттащил отца назад, за дверь, а трое уцелевших солдат ретировались за вторую сторону дверного проема. Разорвав рукав рубашки отца, Слоун быстро осмотрел рану. Старик оттолкнул его руки.

– Ранение поверхностное, Дитер. Не надо патетики. Сохраняй хладнокровие.

Вытащив пистолет, он выглянул из-за двери. Пули тут же зарикошетили о металл у него над головой.

Дориан прижал его к стене.

– Папа, ступай назад тем путем, которым я пришел. Один из нас должен выбраться. Я тебя прикрою.

– Мы должны остаться...

Дориан поднял отца на ноги.

– Я их прикончу и тут же последую за тобой.

Вытолкнув его в коридор, он дал из пистолета-пулемета длинную очередь, пока тот не щелкнул, израсходовав весь магазин.

Его отец покинул коридор. Дориан спас его.

И привалился спиной к стене, с застывшей на лице улыбкой от уха до уха.

Глава 134

– Надо идти в обход, – оглянулся Дэвид на Патрика. – Мимо них не пройти. Для этого нужно или численное превосходство, или гранаты.

– Этот коридор должен быть связан с тем, где мы вошли в катакомбы. Дети бежали. Может, мы сумеем их догнать, – сказал Пирс.

Вэйл огляделся по сторонам, будто в поисках другого пути.

– Согласен. Вы двое ступайте. А я задержу здесь Слоуна и его людей.

– Дэвид, не надо! – Кейт сунула голову между ними.

– Именно так мы и сделаем, Кейт. – В бесстрастном голосе Дэвида прозвучала холодная, бесповоротная решимость.

Кейт долгий момент смотрела ему в глаза, а потом отвела взгляд.

– А как быть с бомбами?

– У твоего папы есть план на этот счет, – указал Дэвид головой на Пирса.

Лицо Патрика мало-помалу озарилось пониманием.

– Правда? – обернулась к нему Кейт.

– Да, правда. А теперь пошли.

Кейт вслед за отцом выскользнула через другой вход в катакомбы в тот самый миг, когда дети пробежали через проход перед ними.

– Ади! Сурья! – крикнула Кейт во весь голос.

Мальчики прервали свой спринт настолько резко, что чуть не попадали. Подбежав к ним, Кейт посмотрела на таймер на рюкзаке. 00:32:01. 00:32:00. 00:31:59.

– Как ты собираешься отключить?..

– Доверься мне, Катерина, – ответил отец, таща ее за руку.

С той стороны, откуда они пришли, донесся треск автоматной очереди. Дэвид. Сражается с остальными – в одиночку. Кейт ужасно хотелось вернуться к нему, если бы не дети и не бомбы. Отец снова потянул ее за руку, и женщина обнаружила что переставляет ноги одну за другой, быстро шагая прочь от перестрелки.

Глава 135

Дэвид услышал крик Кейт, зовущей детей, и рискнул бросить взгляд за угол. А вдруг нацисты тоже его слышали? Солдаты у двери ретировались в огромный зал. Нельзя позволить им добраться до Кейт. Дэвид бросился к двери и нажал на спуск – пусто. Бросил автомат, забрал последний у убитого нациста и дал очередь по двоим бегущим, завалив обоих. Остался только один, не считая Дориана.

Последний солдат выглянул из-за угла, и Дэвид пригвоздил его короткой очередью прямо в лоб. Это была западня. Бегущие были приманкой; Дориан надеялся, что Дэвид запаникует и бросится очертя голову в катакомбы вслед за ними, став для стрелка легкой мишенью.

Остался один – Дориан. Дэвид не слышал никаких шагов. Где-то далеко в катакомбах захлопнулись двери. Кейт, Патрик и дети покинули их. Надо было отступать и следовать за ними, но Дэвид

остановился прямо перед дверью. Чтобы догнать их, придется бежать во весь дух, но он застыл как вкопанный. 11 сентября осталось далеко в прошлом. У него есть Кейт. И есть Иммари, которым надо дать бой. И пандемия.

Где может находиться Слоун? Засел где-то глубоко в катакомбах – прячется, выжидая, следя за входом. Вполне можно его чуточку пересидеть. Или... Дэвид мотнул головой, словно хотел вытрясти из нее эту мысль. Попятился на пару шагов, все еще держа пистолет-пулемет наготове, и когда никто не появился, отвернулся от двери и бросился по коридору что есть мочи.

Первые пули прошли Дэвиду спину навывлет, выйдя из груди, отбросив его к стене, а затем ничком на пол. Новая очередь потрянула его распластавшееся на полу тело, изрешетив ноги.

Шаги. Рука, переворачивающая его навзничь.

Дэвид нажал на спусковой крючок пистолета дважды. Пули прошли ухмылку на лице Дориана, вынося через затылок мозг и осколки костей и украсив потолок алыми и серыми брызгами.

Изогнув губы в блаженной улыбке с оттенком горечи, Дэвид испустил свой последний вздох.

Глава 136

Приладив шлем к диковинному толстому, негибкому комбинезону, Конрад ждал, когда портал откроется. Металлические ворота расступились с громким лязгом, явив взгляду громадный ледяной собор, очень похожий на тот, который он пересек почти три месяца – или семьдесят пять лет – назад. Если это тот самый, то снаружи, над самым входом висит Колокол. Когда Конрад проходил под ним со своими людьми, Колокол с той стороны сооружения даже не моргнул. Но они же сами и включили Колокол изнутри; теперь-то он это знал.

Системы управления внутри сооружения очень сложные, и Конрад со своими людьми пытался получить доступ к системе, по их мнению, управляющей губернией. Но наткнулся на метеорологический спутник. Вообще-то Канн завалил спутник где-то над Америкой – вероятно, в Нью-Мексико, как ему показалось. Но как бы там ни было, своими действиями он запустил какую-то процедуру

противодействия проникновению. Она заблокировала системы от них и активировала Колокол, истребивший людей на его субмарине.

С тех пор ни одна из систем не работала. Вплоть до сего дня.

Конраду оставалось только гадать, убрали ли Колокол снаружи. А может, возобновление деятельности систем управления означает, что он деактивирован. Есть и еще одна возможность: быть может, Колокол атакует только людей, пытающихся проникнуть внутрь, а не выйти оттуда.

Если же Колокол еще включен, придется пошевеливаться, чтобы побыстрее убраться прочь от него.

Канн сделал осторожный шаг из камеры обеззараживания. Зрение понемногу приспособлялось к темноте, и теперь Конрад различил созвездие пушистых огоньков, будто крохотные звездочки сияющих в огромном сугробе под исковерканной металлической клеткой.

И еще кое-что – металлическая корзина, висящая на толстом тросе. Да, вот он, путь к спасению, даже если Колокол активирован.

Канн сделал еще шаг, покинув входные ворота. Высоко над ним вырел рокот, раскатившийся по огромному пространству и эхом отозвавшийся в комбинезоне Конрада – быть может, даже в самих костях.

Это Колокол с громовым раскатом пробудился к жизни.

Глава 137

Кейт подергала рюкзак, висящий на плечах Ади. Тот наконец соскользнул. 00:01:53. Обернулась к Сурье. Черная слизь проедает лямки и на его рюкзаке. Они почти отделились. Выпутав мальчонку из лямок, отец толкнул его к Кейт, указав на вторую из шести дверей.

– Ступай, Катерина. Об этом я позабочусь.

– Нет! Скажи мне. Как? – Она вглядывалась в его черты, гадая, как же он обезвредит бомбы.

Он со вздохом указал подбородком на дверь.

– Когда атланты покидали сооружение в Гибралтаре, они настроили портал как односторонний аварийный люк, ведущий в сооружение в Антарктиде. Но здешнее сооружение было заглушено,

потому-то я и не мог вернуться обратно. Однако если я прав, активация здешних систем позволит

атлантам

пройти через него обратно. У тебя чистейшая атлантская ДНК. Ты прошла внутриутробное развитие в трубах. Для тебя портал сработает. Теперь слушай, это важно: когда окажешься с той стороны, ты будешь уже в Гибралтаре, в центре управления. Ничего там не трогай. Ты должна оставить портал открытым, чтобы я мог последовать туда за тобой. Мне же нужно закрыть портал... раз и навсегда. Нельзя допустить ее взрыва здесь, в Антарктиде.

Кейт уставилась на него, пытаясь охватить сказанное умом.

– Когда выберешься с той стороны, ты должна подняться на поверхность как можно быстрее. У тебя будет около трехсот шестидесяти минут – шесть часов. Здешняя минута равняется тремстам шестидесяти тамошним. Ты меня поняла? – твердо спросил отец.

Из глаза Кейт скатилась слезинка. Она наконец поняла. Обняла отца на три долгих секунды, но когда хотела отстраниться, обнаружила, что отец крепко держит ее в объятьях. И снова охватила его руками.

– Я наделал так много ошибок, Катерина. Я пытался защитить тебя и твою мать... – Горло у него перехватило, и голос пресекся.

Кейт чуть отклонилась назад, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Я читала дневник, папа. Я знаю, почему ты так поступил, пошел на все это. Я понимаю. И люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Глава 138

Конрад ощутил, как по мере нарастания басовитого набатного рокота Колокола над головой на лбу выступают крупные капли пота.

На забрале шлема проступило изображение, будто миниатюрная версия человека, заключенная в стекло, – седовласый старик в своем кабинете за большим письменным столом со знаменем Иммари за спиной. На стене висела политическая карта мира, но какая-то неправильная, вся наперекосяк. А лицо человека... Конрад узнал его.

– Мэллори! – вскрикнул Конрад. – Помоги...

– Разумеется, Конрад. В корзине лежит шприц. Сделай себе инъекцию.

Конрад затопал вперед, отчаянно пытаясь добраться до корзины. Дважды упал, потом еще раз. Сообразил, что бежать в этом комбинезоне невозможно, и неуклюже заковылял вперевалку, стараясь двигаться с максимально возможной скоростью, а гул Колокола над головой все набирал громкость с каждой секундой.

– Что в шприце?

– Средство, над которым мы работаем. Тебе стоит поторопиться, Конрад.

Наконец добравшись до корзины, он схватил металлический футляр.

– Подымай меня, Мэллори. Выброси этот научный эксперимент из головы.

– Мы не можем пойти на такой риск. Сделай себе инъекцию, Конрад. Это твой единственный шанс.

Открыв футляр, он добрую секунду разглядывал большой шприц, а Колокол тем временем бил всем громче. Теперь по лицу сбегал уже не только пот. Конрад поймал в стекле шлема алое отражение. Сколько еще времени в запасе? Схватив шприц, Конрад снял с иглы полупрозрачный колпачок, напоминающий жесткую резину, и всадил ее себе в руку прямо через комбинезон. Должно быть, в футляре имелся какой-то подогреватель, но жидкость, вливающаяся ему в жилы, все равно была ледяной.

– Готово, теперь поднимайте.

– Боюсь, мы не можем этого сделать.

Конрад ощутил липкую влагу на руках. Это не пот. Колокол грохотал все громче. Конрад почувствовал какую-то странную внутреннюю слабость.

– Что ты со мной сделал?

Мэллори с довольным видом развалился в кресле.

– Помнишь, как устроил мне экскурсию по лагерю, где вы экспериментировали с Колоколом? Это было в начале тридцатых, не помню, когда именно; зато запомнил твою речь от слова до слова – ту, что ты произнес перед работниками, чтобы убедить их делать эти ужасные вещи. Я ломал голову, как ты это провернешь. Ты сказал:

«Это чудовищная работа, но эти люди отдают свои жизни ради того, чтобы мы изучили Колокол во имя спасения и очищения рода людского. Их жертва необходима. Их жертву будут помнить. Единицы умрут во имя выживания многих». – Мэллори покачал головой. – Я был весьма впечатлен, просто-таки очарован тобой тогда. Но это было до того, как ты загнал меня в трубу на сорок лет, до того, как ты отнял у меня жизнь. Я был верен. Я играл вторую скрипку невесть сколько лет, и поглядите-ка, как ты мне отплатил. Второго шанса я тебе не дам.

– Ты не можешь меня убить. Я

Иммари

. Этого никогда не поддержат... – Конрад упал на колени, чувствуя, как Колокол бьет прямо у него в сердце, разрывая его в клочья изнутри.

– Ты вовсе не Иммари, Конрад. Ты научный эксперимент. Ты необходимая жертва... – Мэллори пошелестел какими-то бумагами, потом что-то сказал кому-то за рамкой экрана. Чуть-чуть помолчал, выслушивая ответ. – Хорошие новости, Конрад. Мы принимаем данные телеметрии от скафандра. Они должны дать нам все необходимое. У нас есть зародыш с устойчивой активацией гена Атлантиды – на самом деле это ребенок Дитера и дочери Патрика. Вот такая ирония. В общем, беда в том, что нам нужен геном из того же генетического фонда

до

активации гена Атлантиды. В идеале – одного из родителей. Нам также требовалось отследить и протестировать этот геном под воздействием Колокола, чтобы понять, какие конкретно гены и эпигенетические факторы тут задействованы. Как ты помнишь, демонтаж Колокола требует грандиозных усилий, да притом остается проблема энергоснабжения. – Мэллори непринужденно взмахнул в воздухе ладонью. – Так что мы решили оставить этот Колокол действующим, подготовить шприц со средством для отслеживания генов и ждать, пока ты выйдешь. Я никогда не был так же силен в речах, как ты, зато прекрасно ориентируюсь в том, кто как поступит. А ты, Конрад, очень предсказуем.

Отплевываясь кровью, Канн повалился ничком на лед.

– Пожалуй, пора проститься, мой старый друг. Как я сказал, твою жертву будут помнить.

Едва Мэллори договорил, как в его кабинет вбежал человек. Выслушав его, Крейг вытаращился на него в полнейшем недоумении.

– Гибралтар?! Когда?!

Глава 139

Дверь портала скользнула в сторону, и Кейт затаила дыхание. Все оказалось в точности как и сказал отец – центр управления с уймой стеклянных панелей. Но отнюдь не безлюдный: внутри, покачиваясь на табурете, сидел часовой с глянцевым журналом в руках.

При виде Кейт и двух мальчиков он мгновение просто таращился на нее, а потом вернул табурет на все четыре ножки и поспешно вскочил. Журнал с обнаженной девицей на обложке порхнул на пол, а часовой схватил прислоненную к стене автоматическую винтовку и направил ее на Кейт.

– Не шевелитесь, доктор Уорнер! – беспрекословно приказал он, а затем приблизил плечо ко рту и проговорил: – Здесь Миллз, зал номер семь. Они у меня, Уорнер и оба пацана. Прошу помощи.

Не прошло и десяти секунд, как в помещении оказались еще двое охранников. Обыскали всех троих, быстренько обхлопав их со всех сторон. Пряча в карман отобранный у Кейт пистолет, старший группы ухмыльнулся и бросил:

– Пойдемте с нами.

Глава 140

Мэллори Крейг расхаживал из угла кабинета в угол, дожидаясь новостей. И поднял глаза, как только вошел работник Иммари.

– Мы получили биометрические данные от скафандра Канна. Доктор Чанг их анализирует, но говорит, что ему нужно тело.

– Отлично, добудьте ему тело. Что у нас по Гибралтару?

– У них Уорнер и двое детей.

– Кто именно из Уорнеров? – вскинулся Мэллори.

– Женщина.

Мэллори никак не мог сообразить, что же он упустил.

– Хотите, чтобы мы...

– Еще кто-нибудь выходил?

– Нет.

Усевшись за стол, Крейг принялся лихорадочно что-то строчить на бумаге. Дописав, он встал, вложил письмо в конверт и надписал адрес.

– Нужно срочно доставить это.

– А как быть с доктором Уорнер?

Мэллори задумался, глядя в окно. Неужели Вэйл и ее отец погибли в катакомбах?

– Держите женщину там. Необходимо ее допросить. И утройте охрану этой комнаты. Скажите, что я уже в пути.

Глава 141

Держа мальчиков поближе к себе, Кейт следовала за охранниками по вьющимся коридорам.

И вдруг позади них знакомый голос приказал:

– Стоять!

Кейт и охранники повернулись к человеку, тоже сопровождаемому двумя бойцами. Оба были одеты в мундиры с флагами, каких Кейт видеть еще ни разу не доводилось. Под каждым флагом были две заглавных буквы в квадрате: [Ш].

– Дальше ее забираю я, – заявил Мартин Грей.

– Никак нет, сэр. Приказ председателя Крейга, – старший из конвоиров Кейт выступил вперед, словно вступая в противоборство с Мартином и его людьми.

Кейт чуть не охнула при виде Мартина: волосы всклокочены, бороду он вообще, похоже, не брил... целые месяцы? Наверное, и не мылся столько же. Длинные волосы и борода в сочетании с диким, изнуренным выражением глаз являли резкий контраст с чистотой и вкрадчивостью его голоса.

– Я понимаю. Вы получили приказ, капитан, и должны его выполнить. Вот только прежде чем вы их заберете, мне необходимо взглянуть на детей. Это экстренная научная необходимость.

И, не дожидаясь ответа охранника, Мартин ступил вперед, присев перед детьми на корточки. Охватил их руками и прижал к себе, зажимая им глаза и уши, когда дульные вспышки и грохот выстрелов заполнили тесный коридор.

Трое солдат, конвоировавших Кейт, рухнули на пол, а Мартин подхватил детей на руки и поспешно вышел из коридора.

Доктор Уорнер припустила за ним бегом.

– Мартин, мы должны отсюда выбраться как можно скорее.

Телохранители Мартина замыкали процессию, торопливо бежавшую по сумрачным коридорам.

– Это сильное преуменьшение, Кейт... – Вдруг Мартин остановился как вкопанный. – Постой, ты это о чем?

– В этом зале меньше чем через два часа будет ядерная бомба, – сообщила женщина.

Мартин бросил взгляд на бойцов.

– В батискаф!

Телохранители провели их по серии коридоров, окончившейся в круглой комнате, сделанной из металла, отличающегося от использованного для атлантической конструкции. Эта секция сооружения оказалось новой. И сотворенной человеческими руками. Посреди комнаты в большую круглую трубу, напомнившую Кейт канализационный люк, уходила стальная лесенка.

– Что происходит, Мартин? Что с тобой стряслось?

– Я ждал здесь, прячась почти два месяца в надежде, что вы с отцом выйдете. Поговорим в батискафе. Забирайся. Крейг, наверное, уже на пути сюда.

Глава 142

Патрик ступил через портал в зал центра управления. В помещении оказалось никак не менее дюжины охранников, а сзади, у них за спинами, маячило знакомое лицо. На сей раз в виде исключения Патрик был искренне рад увидеть человека, устроившего ему экскурсию по этим тоннелям почти сотню лет назад. Человека, перекроившего всю его судьбу. Человека, который мог позволить Иммари спокойно умереть в 1978 году, когда пробудился, но вместо того избравший отстроить эту чудовищную организацию заново.

Слова Мэллори Крейга, сказанные так много лет назад, снова зазвучали в памяти Пирса. Звонок. Приманка. Ловушка. «Патрик. Произошел несчастный случай...»

Крейг кивнул человеку в белом халате, вооруженному шприцем.

– Возьмите образец.

Подняв пистолет, Патрик нацелил его на человека в белом халате, заставив того застыть в полушаге. Губы Пирса изогнулись в тонкой усмешке.

– Мэллори. Значит, это все-таки правда... Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю

[29]

Выражение лица Крейга переменилось.

– Я не так уж и кроток, как ты думаешь...

– А ты можешь выдержать ядерный взрыв? А два?

Глава 143

Один за другим Кейт, Мартин, дети и гвардейцы Мартина спустились по лесенке в батискаф. Тридцать минут спустя батискаф уже совершал восхождение к поверхности из глубин Гибралтарской бухты. Внутри миниатюрного судна не было отсеков, как в подлодках. Как только он всплыл на поверхность моря, Мартин распорядился бойцам:

– Направление в Атлантический океан, и следите за скоростью, проливы патрулируют, – и жестом пригласил Кейт следовать за ним вверх по другой стальной лесенке, ведущей на овальную обзорную палубу наверху рубки батискафа.

Подойдя к сплошному стальному фальшборту, Кейт оперлась о перила рядом с Мартином. Ветер стал холоднее, причем намного холоднее, чем вчера в Гибралтаре. Сколько же она пробыла в катакомбах? Изменилось и еще что-то. А вот. Весь Гибралтар погружен во тьму.

– Почему в городе не горит свет? – поинтересовалась Кейт.

Мартин обернулся. Его небритый, неухоженный вид до сих пор слегка тревожил Кейт.

– Он эвакуирован.

– Почему?

– Это протекторат Иммари.

– Протекторат?

– Тебя не было два месяца, Кейт. Мир за это время переменялся.

И отнюдь не к лучшему.

Кейт продолжала обшаривать взглядом береговую черту. Во тьму погрузился не только Гибралтар, но и берег Северной Африки. Погасли все искрящиеся огни, которые она видела с балкона в ту ночь, когда Дэвид подхватил ее...

Какое-то время Кейт стояла, ни слова не говоря. И наконец увидела какие-то огоньки, движущиеся вдоль берега.

– Огни в Северной Африке...

– В Северной Африке нет огней.

– А вон же... – указала Кейт на мерцающие огоньки.

– Это чумная баржа.

– Чумная?!

– Чума Атлантиды, – растолковал Мартин с тяжким вздохом, и вид у него внезапно стал еще более изнуренным. – К этому всему мы еще подойдем. – Опершись о перила, он устремил взгляд в сторону Гибралтара. – Я надеялся увидеться с твоим отцом снова. Но это... именно такой кончины он себе и желал. – Чуть помолчав, он продолжил, не дожидаясь ответа Кейт. – Твой отец терзался сильнейшими угрызениями совести. В смерти твоей матери он винил только себя. И за то, что привел Иммари в город атлантов. Так что смерть во спасение твоей жизни, во спасение атлантов, ради того, чтобы не допустить Иммари до портала, который он отыскал, не допустить их до сооружения в Антарктиде... это ему было бы по душе. Он хотел умереть в Гибралтаре. Твоя мать скончалась в Гибралтаре.

И тут, будто по сигналу, в воздух взмыл циклопический столб воды, пронизанной светом, и акустический удар, сотрясший небосвод, эхом отозвался у Кейт в груди.

– Нужно спуститься вниз, – Мартин обнял ее за плечи. – Волна скоро докатится и сюда. Нужно срочно погружаться.

Кейт бросила назад один прощальный взгляд. И в свете взрыва увидела, как рушится Гибралтарская скала, – но не вся. Последний осколок уцелел, возносясь над морем, как клык.

Глава 144

– Сэр, мы так и не получили данных из Гибралтара, – доложил лаборант, входя в кабинет доктора Чанга.

– Взрыв оборвал передачу?

– Нет. Передача даже не начиналась. Они так и не получили образец крови Пирса. Но зато удача пришла, откуда не ждали. Крейг оставил письмо. Он не позволил Пирсу похоронить тело Хелены Бартон по веской причине: на самом деле Крейг сохранил его на случай, если оно может когда-нибудь пригодиться. Оно находится в ячейке в Сан...

– Вы получили образец?

Лаборант кивнул.

– Мы уже проводим его через симуляцию с зародышем и данными, полученными от Канна. Мы пока не уверены, что это сработает, поскольку...

– И когда же наконец мы будем об этом знать? – Чанг швырнул планшет на стол.

– Быть может... – Тут у лаборанта зазвонил телефон. – Вообще-то уже.

Он устремил на доктора восторженный взгляд.

– Мы нашли ген Атлантиды.

Эпилог

Открыв глаза, Дэвид заморгал, пытаясь прояснить зрение. Все представлялось каким-то искаженным. Белая дымка. Изгиб стекла. Он в трубе. Зрение понемногу приспособливалось, словно он пробудился от глубокого сна. Теперь Вэйл увидел собственное тело. Он совершенно обнажен. Кожа у него гладкая – слишком уж гладкая. От ран на плече и ноге не осталось и следа, равно как и от шрамов на руках и груди в тех местах, где пылающие обломки рушащихся зданий впились в него много лет назад.

Белый туман мало-помалу рассеивался, и теперь Дэвид смог выглянуть из трубы. Слева от него в огромный зал вливался свет. Свет из коридора... коридора, где он бросился в отступление и Дориан подстрелил его.

Убил

его. Дэвид напряженно вглядывался туда. Вон он. Его недвижимое тело, лежащее в луже крови. А напротив – еще одно.

Дэвид отвел взгляд от этой сцены, пытаясь постичь ее. Справа, сколько видел взор, сверху и снизу, справа и слева, тянулись трубы. И все в них спали.

Кроме него.

Нет, вот еще один.

Еще одна пара глаз осматривала окружающее пространство. Прямо напротив него. Дэвид хотел склониться поближе, чтобы заглянуть в эти глаза, но не смог даже пальцем шелохнуть и замер в ожидании. Облако тумана рассеялось, и Дэвид узрел глаза и лицо в другой трубе.

Дориан Слоун.

Послесловие автора

Привет – и спасибо, что прочли.

«Ген Атлантиды» – мой первый роман, и я надеюсь, что он вам понравился.

Этот роман – по большей части плод трудов, любви и истинного познания. На его написание ушло два года и долгий путь, окончившийся здоровенным томом у вас в руках.

Самое главное, что я вынес из всего этого процесса, это то, как важны для меня вы, мои читатели. Я извлек грандиозную пользу из откликов, присланных мне очень многими читателями до вас, и я призываю вас написать мне напрямую все, что вы думаете: ag@agriddle.com. Мудрые, великодушные и добрые слова, которые я получил от огромного множества из вас, радикально изменили направление моей карьеры.

Сейчас, когда я пишу эти слова десять месяцев спустя после первой публикации «Гена Атлантиды», роман заработал почти шесть тысяч рецензий на Amazon

[30]

. Эти рецензии принесли мне известность. Я новичок, совершенно неизвестный писатель, да притом независимый автор. Без этих рецензий вы могли бы никогда не узнать о моей работе. Я не прошу вас писать рецензию на «Ген Атлантиды» – наверное, рецензий ему уже хватает. Я прошу о другом: когда в следующий раз прочтете книгу неизвестного автора, рецензий на которую маловато, если сумеете – напишите свою. Эта рецензия может переменить чью-то жизнь.

Так что же подстерегает Кейт Уорнер, Дэвида Вэйла и Дориана Слоуна дальше?

«Чума Атлантиды» уже вышла в свет!

Узнайте подробности: AtlantisGene.com/Next

Еще раз спасибо за чтение,

Джерри

P. S.: На веб-сайте также есть раздел «Fact vs. Fiction behind The Atlantis Gene»

[31]

, где подробно рассматривается научная и историческая подоплека романа.

Благодарности

С чего же начать?

Пожалуй, с дома. Анне – за все. И особенно за чтение первого черновика и бесценные предложения. И вообще за то, что прожила со мной последние два года, пока я ломал голову, не выдаю ли на-гора пустую породу и почему бутылка «Балвени»

[32]

всегда пуста (как выяснилось, в ней вовсе не было микроскопической трещинки). Я люблю тебя.

По моим представлениям, мать каждого молодого человека, пишущего роман, заслуживает его огромной благодарности, но в моем случае даже более того. Мне очень повезло с родителями, поддерживавшими все мои начинания, и матью, двадцать лет преподававшей восьмым классам английский (гм, теперь это именуется словесностью) в средней школе Крест в Шелби, Северная Каролина. Спасибо, мама, за то, что прочла мою рукопись, проведя выдающуюся редакторскую работу, и за то, что всегда верила в своих детей, как в стенах класса, так и вне их.

Дальше список людей, которых я хотел бы поблагодарить, становится весьма пространным, и я рискую кого-нибудь пропустить. Идти на такую возможность мне не хочется, так что все, кто приложил руку к этому моему первому роману и помогал мне по пути, – всем вам я говорю спасибо.

Примечания

1

Кригсмарине (нем.

Kriegsmarine) – военно-морской флот; официальное название германских военно-морских сил в эпоху Третьего рейха.

2

ADI-R (Autism Diagnostic Interview-Revised), ADOS 2 (Autism Diagnostic Observation Schedule, 2-я редакция) – стандартизированные диагностические процедуры для выявления аутизма.

3

Сурья – в индуизме бог солнца.

4

Крейгслист (www.craigslist.org) – букв

. «список Крейга», сайт электронных объявлений, пользующийся популярностью на Западе. Для нашей страны есть доски объявлений в Москве и Санкт-Петербурге.

5

Денисовский человек – предположительно вид (или подвид) вымерших людей, известный по фрагментарному материалу, обнаруженному в Денисовой пещере на Алтае.

6

Инвестиционный банк, размещавшийся в «башнях-близнецах».

7

VPN (Virtual Private Network) – виртуальная частная сеть.

8

190 см.

9

Jiffy Lube – крупная сетевая автосервисная компания. По-видимому, подразумевается приобретение франшизы.

10

ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство.

11

Амелия Эрхарт – одна из первых женщин-пилотов. По официальной версии, первой из женщин пересекла Атлантический океан на самолете, хотя на самом деле б

о

ольшую часть пути она проделала в роли пассажира.

12

Тут автор сильно заблуждается. К подсемейству гоминин относят также вполне здравствующих шимпанзе и горилл.

13

Намек на типично британские имя и фамилию – подразумевается, что и акцент.

14

Это не так. Обладатель первой группы крови с отрицательным резус-фактором не является универсальным донором (хотя несколько десятков лет назад данная точка зрения была общепринята).

15

А вернее, Rosetta Stone – программа для изучения иностранных языков. Названа в честь Розеттского камня – плиты, найденной в 1799 г. в Египте возле небольшого города Розетта, с выбитыми на ней тремя идентичными по смыслу текстами, в том числе двумя на древнеегипетском языке (начертанными древнеегипетскими иероглифами и египетским демотическим письмом) и одной на

древнегреческом языке. Сопоставление этих текстов положило начало расшифровке египетских иероглифов.

16

Речь идет о так называемой «вендетте Хэтфилдов и Маккоев» – двух кланов, проживавших на границах штатов Западная Вирджиния и Кентукки. Их вражда стала легендарной. В частности, о ней был снят мини-сериал «Хэтфилды и Маккой».

17

У нас шире распространена японская версия этого слова – «дзен».

18

Это не ошибка, а образец применения старой орфографии.

19

Минерал пирит, мелкие чешуйки которого часто принимают за золото, отчего по-английски его также называют попросту «золотом дураков» (fool's gold).

20

Цитата приводится в переводе С. С. Аверинцева.

21

Человек разумный разумный – подвид, выделяемый из вида Homo sapiens, чтобы отделить его от подвида Homo sapiens neanderthalensis (человек разумный неандертальский).

22

К сожалению, автор уже забыл, что уничтожил эту фотографию вместе с Джошем в самом начале, хотя сам же напомнил об этом в 81-й главе.

23

Меня зовут Дитер Канн
(нем.)

24

Стоять!
(нем.)

25

Сколько человек?
(нем. искаж.)

26

Четверо

(нем.)

.

27

Двенадцать!

(нем.)

28

Убейте меня побыстрее

(нем.)

.

29

Мф. 5:5.

30

На момент выхода в свет настоящего издания их уже порядка 10 000.

31

«Ген Атлантиды: факты и вымысел».

32

«Балвени» (Balvenie) – изысканный односолодовый шотландский виски, выпускаемый одноименной винокурней.

А. Дж. Риддл

Чума Атлантиды

Все в этом романе – вымысел, не считая тех мест, где все взаправду.

Посвящается неустрашимым душам, рискующим открывать для себя неизвестных авторов

Пролог

70 000 лет назад

Близ нынешнего Сомали

Открыв глаза, ученая тряхнула головой в попытке прояснить сознание. Корабль активировал процедуру ее пробуждения. «Почему?»

Обычно процесс пробудки проходил более спокойно, если только... Густой туман в трубе немного рассеялся, и она увидела на стене мигающий красный огонек – сигнал тревоги.

Труба открылась, и внутрь хлынул холодный воздух, заструившись вокруг, пощипывая кожу и выгоняя последние язычки белого тумана. Ступив на ледяной металлический пол, ученая нетвердой походкой направилась к пульту управления. Взрыв от панели, искрящиеся зеленые и голубые волны, будто бьющие фонтаном стайки красочных светлячков, охватили ее ладонь. Она пошевелила пальцами, и настенный дисплей отреагировал. Да, гибернация длиной в десять тысяч лет закончилась на пятьсот лет раньше срока. Ученая бросила взгляд на две пустых трубы позади себя, а затем – на последнюю, где находился ее спутник. Эта труба уже запустила процедуру пробуждения. Ученая быстро заработала пальцами в надежде остановить процесс, но опоздала.

Его труба с шипением открылась.

– Что стряслось?

– Пока не знаю.

Она вывела на дисплей карту мира и ряды статистических данных.

– У нас популяционная тревога. Быть может, ситуация вымирания.

– Источник?

Она вывела в центр карты небольшой островок, изрыгающий чудовищный шлейф черного дыма.

– Супервулкан близ экватора. Глобальная температура резко понизилась.

– Какие подвиды пострадали? – поинтересовался ее товарищ, выходя из своей трубы и ковыляя к пульту управления.

– Только один – восемь тысяч четыреста семьдесят второй. На центральном материке.

– Это огорчительно, – заметил он. – Они были весьма многообещающими.

– Да, были, – согласилась ученая, отталкиваясь от пульта; теперь она могла держаться на ногах самостоятельно. – Я бы хотела это проверить.

Напарник бросил на нее вопросительный взгляд.

– Просто хочу взять образцы.

*

За четыре часа они успели переместить циклопический корабль через полпланеты, и теперь ученая в камере обеззараживания застегивала последние пряжки легкого скафандра. Затем надела шлем и выпрямилась, ожидая, когда дверь откроется.

– Проверка аудио, – произнесла она, включив в шлеме систему связи.

– Аудио в порядке, – сообщил ей коллега. – Также принимаю видео. Выход разрешен.

Двери распахнулись, явив взгляду белый песчаный пляж, но уже в двадцати футах от полосы прибоя песок был скрыт толстым слоем пепла, тянущимся до самого скалистого гребня.

Ученая бросила взгляд в пасмурное, затянутое пеплом небо. Взвешенные в атмосфере частицы пепла со временем выпадут на землю, и солнечный свет вернется, но к тому времени многим обитателям планеты, и подвиду 8472 в том числе, будет уже все равно.

Взобравшись на вершину гребня, ученая оглянулась на черную громадину корабля, лежащего на песке, будто механический кит-переросток. Планета казалась хмурой и неподвижной, словно те из миров, которые довелось исследовать ученой, где жизнь только-только начинала зарождаться.

– В последний раз признаки жизни отмечены за гребнем, азимут двадцать пять градусов.

– Поняла, – отозвалась ученая, чуть меняя направление, и энергично зашагала.

Впереди показалась большая пещера за каменистой пустошью, где слой пепла был куда толще, чем на пляже. Ученая продолжила путь к пещере, но двигаться стала медленнее. Подошвы ботинок скользили по пеплу и камням, словно она шагала по стеклу, усеянному измельченными перьями.

Перед самым устьем пещеры ученая вдруг ощутила под подошвой не пепел и не камень. Плоть и кость. Нога. Ученая отступила на шаг и замерла, позволяя дисплею в шлеме отрегулировать изображение, и спросила:

– Ты это видел?

– Да. Выполняю обработку и вывожу к тебе на дисплей.

Сцена вошла в фокус. Их здесь оказались десятки – тела, наваленные друг на друга, вплоть до самого входа в пещеру. Истощенные черные останки сливались с окружающими камнями, а усеявший их пепел придавал тонким, узловатым конечностям сходство с выступающими над землей корнями исполинского дерева.

На удивление, трупы оказались совершенно неповрежденными.

– Невероятно. Ни малейших признаков каннибализма. Эти выжившие знали друг друга. Они могли быть членами племени с общим нравственным кодексом. Полагаю, они шли сюда, к морю, в поисках укрытия и пропитания.

Коллега переключил дисплей ее скафандра на отображение инфракрасной части спектра, подтвердившей, что все они мертвы. Его невысказанное сообщение гласило: «Давай быстрее».

Наклонившись, ученая извлекла маленький цилиндрик.

– Делаю отбор образца.

Поднеся цилиндрик к ближайшему телу, она подождала, пока прибор возьмет пробу ДНК. Покончив с этим, выпрямилась и произнесла деловым тоном:

– Посадочный модуль Альфа, научный журнал экспедиции, официальная запись. Предварительные наблюдения подтверждают, что подвид восемь тысяч четыреста семьдесят два подвергся инциденту на уровне вымирания. Предполагаемая причина: извержение супервулкана и последовавшая за ним вулканическая зима. На момент внесения записи вид эволюционировал приблизительно сто тридцать тысяч местных лет. Произвожу попытку взять образец у последнего из оставшихся в живых.

Повернувшись, она зашагала в пещеру. Фонари по обе стороны шлема вспыхнули, освещая сцену внутри. У стен кучками лежали тела, но инфракрасный дисплей не выявил признаков жизни. Ученая принялась пробираться дальше. Через несколько метров тела кончились. Ученая посмотрела вниз: следы. Но насколько они свежие? Она двинулась в глубь пещеры.

Дисплей шлема показал тлеющее на стене карминное пятнышко, выдающее признаки жизни. Она свернула за поворот, и багровая искорка вспыхнула разноцветьем желтых, оранжевых, голубых и зеленых переливов. Кто-то выжил.

Ученая быстро поманипулировала управлением дисплея, переключив его на нормальный режим отображения. Выжившее существо оказалось самкой. Ребра ее противоестественно выпирали, натянув черную кожу так, что казалось, та вот-вот прорвется от частого, неглубокого дыхания. Живот под ребрами оказался не настолько ввалившимся, как можно было предположить. Ученая снова включила инфракрасный режим, подтвердивший ее подозрения: самка беременна.

Ученая взялась было за другую цилиндрическую пробирку, но вдруг застыла. Позади нее послышались шаги – тяжелые, шаркающие, словно кто-то тащился по камням, едва переставляя ноги.

Она повернула голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как в узкий проход, пошатываясь, ступает массивный уцелевший самец – почти на двадцать процентов выше останков других самцов, которых она видела, и более широкоплечий. Вождь племени? У него ребра торчали куда чудовищнее, чем у самки. Он вскинул руку, загородив глаза от слепящего света, исходившего от фонарей на шлеме ученой, и устремился прямо на нее, держа в руке какой-то предмет. Ученая схватилась за свой парализующий жезл, попятившись прочь от самки, но мощный самец продолжал надвигаться. Ученая активировала жезл, но, не дойдя до нее, самец свернул в сторону, буквально рухнув у стены рядом с самкой, и отдал ей то, что держал в руке, – гнилой, с прозеленью кусок мяса. Та яростно впиалась в него зубами, а самец, закрыв глаза, оперся затылком о каменную стену.

Ученая мучительно старалась выровнять учатившееся дыхание.

– Альфа Посадочный один, – четко прозвучал в шлеме встревоженный голос ее напарника, – наблюдаю аномальные жизненные показатели. Ты в опасности?

Ученая принялась лихорадочно манипулировать пультом управления, отключая датчики и видеотрансляцию скафандра.

– Никак нет, Посадочный два. – Она помолчала. – Возможно, аппаратный сбой. Перехожу к сбору образцов у последних известных уцелевших особей подвида восемь тысяч четыреста семьдесят два.

Достав пробирку, она присела рядом с могучим самцом на корточки и прижала цилиндр к сгибу локтя его правой руки. Но едва металл коснулся кожи, как самец протянул к ней другую руку, положив ладонь ученой на предплечье и легонько сжав его – на большее у

умирающего сил уже не осталось. Самка рядом с ним закончила поглощать тухлятину – наверное, свою последнюю трапезу – и устремила в пространство взор почти угасших глаз.

Пробирка прогудела, сигнализируя, что полна, затем еще раз, но ученая не убрала ее, сидя в полнейшем оцепенении, сама не понимая, что с ней происходит. Затем ладонь самца соскользнула с ее запястья, и голова его безвольно скатилась по стене к плечу. Не успела ученая сообразить, что творит, как уже подхватила самца, закинув его на одно плечо, а самку на другое. Экзоскелет скафандра без труда принял их вес на себя, но за пределами пещеры поддерживать равновесие на усыпанном пеплом скалистом гребне стало труднее.

Десять минут спустя ученая пересекла пляж, и двери корабля расступились перед нею. В корабле она уложила тела на две каталки, сбросила скафандр, быстро покатила уцелевших гуманоидов в операционную и, искоса оглянувшись через плечо, сосредоточилась на рабочей станции, прогнав несколько симуляций и принявшись подгонять алгоритмы.

– Что ты делаешь? – вдруг прозвучал голос у нее за спиной.

Она даже не услышала, как дверь открылась, и в испуге стремительно обернулась. Ее спутник стоял в проеме двери, озирая комнату. На лице его отразилось замешательство, а затем тревога.

– Неужели ты?..

– Я... – она лихорадочно соображала и сказала первое, что пришло в голову: – Я провожу эксперимент.

Часть I

Секреты

Глава 1

Район Орхидеи

Марбелья, Испания

Доктор Кейт Уорнер смотрела, как женщина бьется в конвульсиях, натягивая ремни, удерживающие ее на импровизированном

операционном столе. Судороги стали еще сильнее, и кровь хлынула у нее изо рта и ушей.

Помочь этой женщине Кейт ровным счетом ничем не могла, и именно это терзало ее более всего. Даже за время учебы в медицинской школе и резидентуры Кейт так и не привыкла к смерти пациентов. И надеялась, что не привыкнет никогда.

Шагнув вперед, она взяла умирающую за левую руку и стояла так, пока агония не закончилась. Женщина испустила последний вздох, и голова ее упала набок.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь перестуком капель крови, которая стекала со стола на пластик, застилающий пол. В толстый пластик была укутана вся комната, раньше служившая массажным кабинетом в корпусе спа. Из всех помещений курорта она больше всего походила на операционную. Кейт пользовалась столом, на котором еще три месяца назад нежились богатые туристы, чтобы проводить эксперименты, которых пока и сама не понимала.

Над головой послышалось негромкое жужжание электродвигателя, и крохотная видекамера повернулась от женщины к Кейт, словно подсказывая: давай отчет.

Сдернув маску с лица, она бережно положила руку женщины ей на живот.

– Чума Атлантиды, образец Альфа – четыреста девяносто три: результат отрицательный. Субъект Марбелья – две тысячи девятьсот восемнадцать.

Кейт посмотрела на женщину, пытаясь подобрать ей имя. Подопытные обычно оставались неназванными, но Кейт все равно придумывала имя каждому из них. Уж наказать-то ее за это никто не сможет. Может, думают, что, умалчивая имена, они облегчают ей работу. На самом деле ничуть. Никто не заслужил участи стать просто номером и умереть безымянным.

Кейт откашлялась.

– Имя субъекта Мария Ромеро. Время смерти пятнадцать четырнадцать по местному времени. Предположительная причина смерти... Причина смерти та же, что и у последних тридцати человек на этом столе.

С громким шлепком стащив с себя резиновые перчатки, Кейт швырнула их на покрытый пластиком пол рядом с растущей лужей

крови, повернулась и взялась за ручку двери.

Но тут со щелчком включился громкоговоритель под потолком:

– Ты должна сделать вскрытие.

– Сам и делай! – бросила Кейт испепеляющий взгляд на камеру.

– Ну пожалуйста, Кейт.

Ее держали почти в полном неведении, но одно Кейт было известно наверняка: она им нужна. У нее обнаружился иммунитет к Чуме Атлантиды, так что она идеально подходила для проведения их опытов. Она занималась этим уже не первую неделю – с тех самых пор, как приемный отец Мартин Грей доставил ее сюда. В конце концов Кейт начала требовать объяснений, но ее лишь кормили обещаниями, и никаких откровений пока не последовало.

Откашлявшись, она с напором бросила:

– На сегодня я закончила, – и распахнула дверь.

– Стой! Я знаю, что ты ждешь ответов. Просто возьми образец, и мы поговорим.

Кейт осмотрела металлическую тележку, ожидающую у входа в комнату, в точности как уже тридцать раз перед этим. В голове у нее промелькнула одна-единственная мысль: нужен рычаг воздействия. Взяв комплект для забора крови, Кейт вернулась к Марии и вонзила иглу в сгиб ее локтя. После остановки сердца эта процедура всегда отнимает больше времени.

Когда пробирка заполнилась, Кейт извлекла иглу, вернулась к тележке и поместила пробирку в центрифугу. Прошло две-три минуты, пока пробирка раскручивалась. За спиной Кейт громкоговорители изрекли приказ, но она и так знала, что к чему. Посмотрела на остановившийся барабан центрифуги, вынула пробирку и, сунув ее в карман, зашагала по коридору.

Обычно по окончании работы Кейт навещала мальчиков, но сегодня требовалось сделать кое-что другое. Войдя в свою тесную комнатку, она плюхнулась на «кровать». Комната больше напоминала тюремную камеру – ни единого окна, голые стены и железная койка со средневековым матрасом. Наверное, прежде здесь проживала какая-нибудь уборщица, хотя человеческими подобные жилищные условия можно счесть лишь с большой натяжкой.

Наклонившись, Кейт принялась шарить на ощупь в темноте под койкой. Наконец, отыскав бутылку водки, она сграбастала ее за

горлышко и извлекла на свет. Взяв бумажный стаканчик с тумбочки, дунула внутрь, чтобы очистить его от пыли, плеснула туда изрядную порцию и залпом опрокинула в себя.

Отставив бутылку, она разлеглась на постели, протянула руку за голову и нажала на кнопку, чтобы включить радио – ее единственный источник сведений об окружающем мире, – хотя почти не верила тому, что слышала.

Радиорепортажи описывали мир, спасенный от Чумы Атлантиды чудесным лекарством – Орхидеей. Как только вспышка болезни достигла глобальных масштабов, развитые страны закрыли границы и объявили военное положение. Сколько человек умерло от пандемии, Кейт так и не услышала. Всех выживших, сколько бы их ни было, согнали в Районы Орхидеи – громадные лагеря, где люди цеплялись за жизнь, принимая свою ежедневную дозу Орхидеи – лекарства, которое удерживало чуму в узде, но не излечивало от нее окончательно.

Кейт десять лет отдала клиническим исследованиям, в последнее время посвященным поискам средства от аутизма. За один день лекарство не разработаешь, сколько бы денег в это ни вкладывали и как бы срочно оно ни требовалось. Орхидея наверняка выдумка. А если так, то как же окружающий мир выглядит на самом деле?

Кейт видела лишь отдельные проблески. Три недели назад Мартин спас ее и двоих мальчиков из программы по исследованию аутизма от верной гибели в циклопическом сооружении, погребенном под Гибралтарским заливом. Кейт и мальчики сумели бежать в гибралтарское сооружение – как она теперь предполагала, представлявшее собой затерянный город Атлантиды – из аналогичного комплекса в двух милях под поверхностью Антарктиды. Ее биологический отец Патрик Пирс прикрыл их ретираду в Гибралтар ценой собственной жизни, взорвав две ядерные бомбы, которые уничтожили древние руины и низвергли обломки в пролив, практически перекрыв его. А Мартин спешно увез их в батискафе за считанные минуты до взрыва. Судну едва хватило энергии, чтобы, проманеврировав среди обломков, дотянуть до Марбельи в Испании – курортного городка приблизительно в пятидесяти милях к северу вдоль побережья от Гибралтара. Бросив батискаф в гавани, они проникли в Марбелью под покровом ночи. Мартин сказал, что это ненадолго, так что Кейт даже толком не огляделась. Знала лишь, что

они вошли в охраняемый комплекс, где с той самой поры ее с мальчиками и содержали в здании спа на положении узников.

Мартин сказал Кейт, что они могут внести свой вклад в проводящиеся здесь исследования – попытку найти лекарство от Чумы Атлантиды. Но с самого прибытия она почти не виделась с ним – да и с кем бы то ни было вообще, не считая работников, приносящих еду и инструкции по работе.

Кейт повертела пробирку в руках, гадая, что в ней столь важного для них и когда за ней придут. И кто придет.

Бросила взгляд на часы. Скоро вечерняя сводка новостей. Ее Кейт никогда не пропускала, твердя себе, что просто хочет знать о происходящем на свете, но истина обстояла куда проще. На самом деле ей хотелось услышать вести лишь об одном-единственном человеке – Дэвиде Вэйле. Но такое сообщение не поступало – да и вряд ли поступит. Из катакомб в Антарктиде было только два пути – через ледяные ворота там же в Антарктиде или же через портал в Гибралтар. Выход в Гибралтар ее отец закрыл раз и навсегда, а выход в Антарктиде стережет войско Иммари. Живым Дэвида они ни за что не выпустят. Кейт постаралась выбросить эту мысль из головы, когда раздался голос диктора.

Вы слушаете Би-би-си, голос триумфа человечества в семьдесят восьмой день Чумы Атлантиды. К этому часу мы приготовили для вас три специальных репортажа. Первый – о группе из четырех рабочих с морской нефтяной платформы. Они провели в море три дня без пищи, чтобы обрести безопасность и спасение в Районе Орхидеи города Корпус-Кристи, Техас. Второй специальный репортаж подготовил Хьюго Гордон, посетивший грандиозное предприятие по производству Орхидеи под Дрезденом в Германии и опровергающий зловещие слухи, что производство лекарства, борющегося с чумой, сокращается. И завершится час дискуссией за круглым столом. В ней примут участие четверо видных членов Королевского общества, предсказывающих появление лекарства уже через недели, а не месяцы.

Но для начала – репортаж об отваге и несгибаемости из Южной Бразилии, где вчера борцы за свободу одержали решительную победу

над партизанскими войсками из Аргентины, находящейся под контролем Иммари...

Глава 2

Центр по контролю заболеваемости

Атланта, Джорджия

Доктор Пол Бреннер потер веки. Он сидел за компьютером и не спал уже двадцать часов. Мозги начали закипать, и это сказывалось на работе. Умом он понимал, что нуждается в отдыхе, но никак не мог заставить себя прерваться. Экран компьютера ожил, и Пол решил, что проверит почту, а потом непременно позволит себе подремать – часок от силы.

1 НОВОЕ СООБЩЕНИЕ

Взявшись за мышку, он щелкнул по сообщению, чувствуя прилив свежих сил...

ОТ:

Марбелья (OD-108)

ТЕМА:

Результаты Альфа-493 (Субъект MB-2918)

Текста в сообщении не было, только видеоролик, сразу же начавший воспроизводиться. Экран заполнила доктор Кейт Уорнер, и Пол заерзал в кресле. Какая роскошная женщина! От одного лишь ее вида Полу становилось не по себе.

«Чума Атлантиды, образец Альфа-493... результат отрицательный».

Когда воспроизведение закончилось, Пол снял трубку телефона.

– Организуйте конференцию... Всех... Да, сейчас.

Пятнадцать минут спустя он сидел во главе стола для совещаний, глядя на двенадцать экранов перед собой с двенадцатью лицами

ученых из разных уголков мира.

Пол встал.

– Я только что получил результат испытаний образца Альфа-четыреста девяносто три. Отрицательный. Я...

Ученые загомонили, вразнобой посыпались вопросы и обвинения. Одиннадцать недель назад, когда эпидемия только началась, эта группа была профессиональной, цивилизованной... сосредоточенной.

Теперь же господствующим чувством стал страх. И вполне заслуженно.

Глава 3

Район Орхидеи

Марбелья, Испания

Ей снился все тот же сон, и это доставляло Кейт безмерное наслаждение. У нее даже сложилось ощущение, что она уже почти способна им управлять, как видеороликом, который можно перематывать туда-сюда и просматривать снова и снова по собственному произволу. Он стал для нее теперь единственной отрадой.

Она лежит в постели в Гибралтаре, на втором этаже виллы, буквально в двух шагах от моря. Прохладный бриз врывается сквозь открытые двери веранды, вздымая тонкие льняные занавески и позволяя им тут же опасть. Бриз будто вдыхает и выдыхает в такт с прибоем и с медленными, долгими вздохами лежащей в постели Кейт. Идеальная минута всеобщей гармонии, словно все сущее живет в унисон, словно бьется единое сердце.

Она лежит на спине, глядя в потолок и не осмеливаясь смежить веки. Дэвид спит рядом с нею, повернувшись ничком. Его мускулистая рука покоится у нее на животе, прикрывая собой большую часть шрама. Кейт хочется коснуться его руки, но она не решается из страха, что любое действие положит конец этому сну.

Она чувствует, как рука чуть смещается. И это едва приметное движение разбивает сцену вдребезги, как землетрясение, а потом рушит стены и потолок. Содрогнувшись в последний раз, комната

уходит во тьму, обратившись в темную тесную «келью», которую Кейт занимает в Марбелье.

Комфорт мягкой королевской кровати ушел в небытие, и Кейт вновь ощутила, что лежит на комковатом матрасе узкой койки. Однако... рука осталась на месте. Но не рука Дэвида. Чужая. Она двигалась, пробираясь по животу Кейт. Женщина оцепенела. Рука охватила ее, похлопала по карману, а затем отыскала ладонь, сжатую в кулак, пытаясь вытащить пробирку. Кейт схватила вора за запястье, вывернув его изо всех сил.

Неизвестный взвыл от боли, а Кейт подскочила, дернула за цепочку выключателя потолочной лампочки и воззрилась на...

Мартина.

– Значит, они подослали тебя.

Приемный отец Кейт барахтался на полу, стараясь встать на ноги. Ему было далеко за шестьдесят, и последние два месяца легли на его плечи тяжким бременем. Он заметно осунулся, но голос его оставался мягким, по-отцовски ласковым.

– Знаешь, порой ты все излишне драматизируешь, Кейт.

– Зато я не вламываюсь в чужие спальни и не шарю у людей по карманам под покровом тьмы. – Она приподняла пробирку. – Зачем она вам нужна? Что здесь происходит?

Потирая запястье, Мартин поглядел на нее, прищурившись, словно единственная лампочка, раскачивающаяся под потолком, ослепила его. Повернувшись, он взял со столика в углу мешок и протянул его Кейт.

– Надень это.

Кейт перевернула предмет, оказавшийся вовсе не мешком, а мягкой широкополой шляпой. Должно быть, Мартин изъял ее из пожитков у кого-то, отдохавшего в Марбелье.

– Зачем? – поинтересовалась Кейт.

– А просто довериться ты мне не можешь?

– Очевидно, не могу, – она взмахом указала на кровать.

– Чтобы скрыть твое лицо, – голос Мартина прозвучал бесстрастно, холодно, по-деловому. – Снаружи выставлена охрана, и если часовые увидят твое лицо, то упекут тебя в кутузку, а может, и того хуже – пристрелят, едва завидев. – С этими словами он вышел из комнаты.

Мгновение поколебавшись, Кейт направилась следом, сунув шляпу под мышку.

– погоди! С какой стати им стрелять в меня?

Куда ты меня ведешь?

– Ты хочешь получить ответы?

– Да, – Кейт немного помешкала. – Но перед уходом я хотела бы поведать мальчиков.

Посмотрев на нее долгим взглядом, Мартин кивнул.

Чуть приоткрыв дверь в комнатушку мальчиков, Кейт заглянула в щелку и увидела, что они заняты тем же, что и девяносто девять процентов времени, – пишут на стенах. Большинство семи- и восьмилетних мальчиков рисовали бы динозавров и солдатиков, но Ади и Сурья создали фреску из уравнений и математических символов, раскинувшуюся уже почти от стены до стены.

Эти два индонезийских ребенка по-прежнему выказывали множество характерных признаков аутизма. Оба ушли в свою работу с головой, и ни один не заметил, как в комнату вошла Кейт. Ади, балансируя на стуле, поставленном на один из столов, тянулся вверх, исписывая одно из немногих чистых мест на стене.

Бросившись к нему, Кейт сняла Ади со стула. Он же, размахивая карандашом в воздухе, выдал протестующую тираду, слов которой Кейт разобрать не могла. Поставив мальчика на пол, она перенесла стул на законное место – перед столом, а не на нем.

Потом, присев на корточки, взяла мальчика за плечи.

– Ади, я же тебе говорила: не строй пирамид из мебели и не забирайся на них.

– У нас кончилось место.

Кейт обернулась к Мартину.

– Раздобудь им что-нибудь для письма.

Тот уставился на нее с недоумением.

– Я серьезно.

Мартин удалился, и Кейт снова сосредоточилась на мальчиках.

– Вы не голодны?

– Нам приносили сэндвичи.

– Над чем вы работаете?

– Мы не можем тебе сказать, Кейт.

– Верно. Это совершенно секретно, – с серьезным видом кивнула она.

Вернувшийся Мартин вручил ей два больших блокнота с желтыми линованными листами. Потянувшись, Кейт взяла за руку Сурью, чтобы наверняка привлечь его внимание, и приподняла блокноты.

– Теперь будете писать только здесь, ясно?

Кивнув, оба мальчика взяли блокноты и пролистали их, проверяя каждую страницу – не написано ли там что-нибудь. Наконец, удовлетворившись результатом, они прошли к своим столам, уселись на стулья и тихо возобновили работу.

Взрослые, не говоря ни слова, удалились из комнаты, и Мартин повел Кейт по коридору.

– Думаешь, разумно позволять им продолжать в том же духе? – спросил он.

– Хоть они и не подают виду, но они напуганы. И сбиты с толку. Они в восторге от математики, и она отвлекает их сознание от происходящего вокруг.

– Да, но не вредит ли им подобная одержимость? Не станет ли им от этого хуже?

– Хуже, чем что? – Она вдруг остановилась.

– Ну, Кейт...

– Самые успешные люди на планете одержимы чем-то – чем-то таким, в чем мир нуждается. Мальчики нашли продуктивное занятие, которое им по душе. Это им на пользу.

– Я только имел в виду... что если нам придется их перевести, это будет губительно для них.

– А мы их куда-то переводим?

Мартин со вздохом отвел взгляд.

– Надевай свою шляпу.

Сопроводив Кейт по очередному коридору, он провел картой-ключом через считыватель на двери в конце коридора, распахнул ее, и солнечный свет почти ослепил Кейт. Вскинув руку к глазам, она постаралась идти в ногу с Мартином.

Мало-помалу взор ее прояснился. Они вышли из одноэтажного здания прямо на берег у края владений курорта. Справа над пышной зеленью тропических деревьев и прежде такой ухоженной территорией возносились три побеленных высотных здания курорта. Блистательные башни отеля разительно контрастировали с сетчатым забором высотой в двадцать футов, увенчанным колючей проволокой и протянувшимся по периметру всей территории. При свете дня складывалось впечатление, что курорт превратили в тюрьму. Вот только для чего забор – чтобы не пускать людей наружу или внутрь? Или и то и другое?

И с каждым шагом сильный смрад, наполняющий воздух, становился все более одуряющим. Что это? Болезнь? Смерть? Может, что-то еще. Отыскивая источник запаха, Кейт оглядела территорию у основания башен. Ряд длинных белых тентов накрывал столы, где люди орудовали ножами, обрабатывая что-то. Рыбу. Вот откуда запах – но лишь отчасти.

– Где это мы?

– В гетто Орхидеи Марбельи.

– В районе Орхидеи?

– Люди зовут это гетто, но, в общем-то, да.

Чтобы не отстать, Кейт припустила трусцой, придерживая шляпу рукой. Один лишь вид этого места и забора сразу же заставил ее воспринять слова Мартина всерьез.

Она оглянулась на покинутое здание спа. Его стены и крышу покрывала тусклая серая обшивка. При первом же взгляде на нее Кейт решила, что это свинец, но в голове подобная картина не укладывалась – маленькое серое здание, обшитое свинцом, у самого берега в тени блистательных белоснежных башен.

Идя вместе с Мартином по дорожке, Кейт смогла лучше осмотреть лагерь. В каждом здании, на каждом этаже стояли по два-три человека, которые выглядывали из стеклянных дверей, но на балконах не было ни души. А затем Кейт увидела почему: вдоль металлической рамы каждой двери иззубренным серебристым шрамом тянулся сварной шов, плотно запечатавший все выходы.

– Куда ты меня ведешь?

– В госпиталь, – Мартин указал на одноэтажное здание впереди. Раньше «госпиталь» явно был большим прибрежным рестораном на

территории курорта.

На другом конце лагеря, за белыми башнями, к воротам с рычанием подкатила и остановилась колонна шумных дизельных грузовиков. Кейт чуть задержалась, чтобы понаблюдать за ними. Грузовики были старыми, и их груз скрывали хлопающие полотнища брезента, накинутые сверху. Водитель головной машины прокричал что-то охранникам, и ворота распахнулись, чтобы впустить колонну.

Кейт обратила внимание на голубые флаги, развевающиеся на сторожевых вышках по обе стороны от ворот. Сначала ей показалось, что это флаги ООН – голубой рисунок с чем-то белым посередине; но белый символ в центре оказался не земным шаром в обрамлении оливковых ветвей, а орхидеей. Белые лепестки были симметричны, а вот красный узор, расходящийся от центра, оказался неровным, как лучи солнца, выглядывающего из-за темной луны во время солнечного затмения.

Грузовики затормозили перед самыми воротами, и солдаты начали вытаскивать людей – мужчин, женщин и даже нескольких детей. Руки у каждого были связаны, и многие отбивались от стражников, крича что-то по-испански.

– Собирают выживших, – почему-то шепотом сообщил Мартин, словно его могли услышать с такого расстояния. – Находиться снаружи противозаконно.

– Почему? – И тут же Кейт осенило. – Значит, есть другие выжившие – те, кто не принимает Орхидею?

– Да. Но... они не такие, как мы предполагали. Сама увидишь.

Он прошел с ней остаток пути до ресторана, перемолвился парой слов с охранником, и они направились внутрь – в выстеленную пластиком камеру обеззараживания. Сопла разбрызгивателей сверху и по бокам, открывшись, оросили их мелкодисперсными брызгами слегка щипавшей жидкости. Уже во второй раз Кейт порадовалась, что на ней шляпа. В углу пластиковой камеры миниатюрный светофор сменил свет с красного на зеленый, и Мартин протиснулся между занавесами выхода, замешкавшись перед самым порогом.

– Шляпа тебе не понадобится. Тут все знают, кто ты такая.

Стаскивая шляпу с головы, Кейт впервые окинула взглядом все просторное помещение, прежде служившее обеденным залом. И с трудом поверила собственным глазам.

– Что это?

– Мир совсем не таков, как описывают по радио, – негромко произнес Мартин. – Вот истинный облик Чумы Атлантиды.

Глава 4

В двух милях под оперативной базой Иммари «Призма»

Антарктида

Дэвид Вэйл не мог оторваться от созерцания собственного трупа. Тот лежал в коридоре, в луже собственной крови, устремив невидящий взгляд распахнутых глаз в потолок. Рядом лежал другой труп – его убийцы Дориана Слоуна. Тело Слоуна представляло собой исковерканное месиво; последнюю пулю Дэвид выпустил в упор. Время от времени ошметки бойни шлепались с потолка, будто медленно разваливающаяся пиньята.

Дэвид отвел взор от этой сцены. Ширина вмещающей его стеклянной трубы была не больше трех футов, и от клубившихся в ней ключев густого тумана она казалась еще теснее. Поглядел вдоль циклопического вместилища на мили и мили других труб, нагроможденных от пола до потолка настолько высоко, что не было видно ни конца, ни края. В этих трубах туман был гуще, скрывая находящихся внутри. Единственный, кого он мог разглядеть, находился напротив. Слоун. В отличие от Дэвида, по сторонам он не глядел. Слоун уставился на Дэвида ненавидящим взглядом, совершенно не шевелясь, если не считать время от времени вздувавшихся на челюстях желваков.

Мельком заглянув в горящие глаза убийцы, Дэвид в сотый раз принялся изучать собственную трубу. В учебке ЦРУ ему ничего подобного не объясняли – как выбраться из гибернационной трубы в сооружении возрастом два миллиона лет в двух милях под поверхностью льдов Антарктиды. Был, конечно, курс по побегам из труб в сооружениях возрастом в миллион лет, но как раз тот день он прогулял. Дэвид усмехнулся собственной неуклюжей шутке. В кого бы он там ни превратился, памяти не утратил – да и чувства юмора, раз уж на то пошло. Как только эта мысль отлетела, он вспомнил

неотрывный взгляд Слоуна и позволил улыбке угаснуть, уповая, что туман скрыл ее от врага.

Почувствовав на себе взгляд еще пары глаз, Дэвид окинул каверну взглядом сверху донизу. Пусто, но Вэйл не сомневался, что кто-то там есть. Попытался наклониться вперед, силясь заглянуть дальше в коридор с трупами. Ничего. Но когда он начал озираться по сторонам, что-то его насторожило. Слоун. Он больше не таращился на Дэвида, и Вэйл проследил направление его взгляда. Между их трубами стоял человек. Во всяком случае, выглядел человеком. Откуда он пришел – изнутри или снаружи сооружения? Не атлант ли он? Кем бы он ни являлся, но роста в нем было немало – шесть футов с гаком; и одет в безукоризненный черный костюм, напоминающий армейский мундир. Белая, чуть ли не прозрачная кожа лица была гладко выбрита, белоснежной была и густая копна волос на голове – пожалуй, чуть великоватой для его тела.

Человек постоял там минуту, переводя взгляд с Дэвида на Слоуна и обратно, будто игрок, обходящий конюшню и сопоставляющий двух чистокровных скакунов перед важным забегом.

Затем безмолвие нарушил ритмичный звук, эхом раскатившийся по каверне, – шлепки босых подошв по металлическому полу. Глаза Дэвида обратились к источнику звука. Слоун. Он вышел. И во всю прыть, на какую был способен, заковылял к трупам – и оружию рядом с ними. Дэвид оглянулся на атланта в тот самый миг, когда его собственная труба тоже открылась. Выпрыгнув, Дэвид на почти не слушающихся ногах побрел вперед. Слоун был уже на полпути к оружию.

Глава 5

Район Орхидеи

Марбелья, Испания

Импровизированное больничное крыло было поделено на две секции, и Кейт пыталась понять, что же такое видит. В середине помещения одна за другой выстроились узкие койки, будто в военном полевом госпитале. На них, стена и содрогаясь в конвульсиях, лежали

люди – одни уже умирали, а другие то впадали в беспамятство, то снова приходили в сознание.

Мартин зашагал в глубь зала.

– Эта чума отличается от вспышки тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Под первой вспышкой Мартин подразумевал пандемию испанской инфлюэнцы, прокатившуюся по планете в 1918 году. Согласно приблизительным оценкам, она убила пятьдесят миллионов человек и инфицировала миллиард. Кейт и Дэвид открыли то, что Мартину и его работодателям-Иммари было известно почти сотню лет, – что чуму вызвал древний артефакт, который ее отец помог извлечь из сооружения атлантов в Гибралтаре.

В голове у Кейт роились вопросы, но, глядя на ряды коек с умирающими, она сумела выдавить лишь:

– Почему они умирают? Я думала, Орхидея остановила распространение чумы...

– Остановила. Но мы наблюдаем падение ее эффективности. По нашим прикидкам, в течение месяца все станут невосприимчивы к Орхидее. Некоторые из умирающих хотят принять участие в клинических испытаниях. Это и есть люди, которых ты видела.

Кейт подошла ближе к одной из коек, задумчиво глядя на людей.

– Что будет, когда Орхидея перестанет действовать?

– Без Орхидеи почти девяносто процентов этих инфицированных умрет в течение семидесяти двух часов.

Кейт не поверила. Что-то в цифрах не сходилось.

– Не может быть. Уровень смертности в восемнадцатом...

– Был намного ниже, это правда. Это одно из отличий нынешней чумы. А когда начали поступать выжившие, мы обнаружили и другие отличия.

Замолчав, Мартин кивнул на ряды полузакрытых камер вдоль стены обеденного зала. Люди в них казались здоровыми, но большинство жались друг к другу, не глядя наружу. Что-то в них было очень неправильное, хоть Кейт и не могла определить, что именно. Она сделала шаг в их сторону.

– Не приближайся к ним, – поймал ее за руку Мартин. – Похоже, эти уцелевшие значительно... деградировали. Словно все связи у них в

мозгах перепутались. У одних хуже, у других лучше, но это регрессивное состояние.

– Такое случается со всеми выжившими?

– Нет. Такого рода вырождение переживает примерно половина.

– А вторая? – Кейт почти страшилась ответа.

– Следуй за мной.

Мартин быстро переговорил с охранником в другом конце зала, и, когда тот отступил в сторону, они прошли в обеденный зал поменьше. Окна здесь были забиты досками, и все помещение до последнего дюйма было разгорожено на большие камеры, кроме узкого прохода посередине.

Мартин остановился.

– Вот остальные выжившие – те, кто учинил неприятности в лагере.

В тесном помещении содержали, должно быть, сотню выживших, но царила гробовая тишина. Никто не шевелился. Каждый из них стоял, устремив на Кейт и Мартина холодный, бесстрастный взгляд.

– Никаких существенных физических перемен не наблюдается, – продолжал Мартин вполголоса. – Во всяком случае, мы их не выявили. Но изменение связей мозга они тоже претерпевают. Они становятся умнее. Как и при деградации, результаты варьируются, но некоторые индивидуумы демонстрируют способности к решению логических задач, выходящие за всякие рамки. Некоторые становятся чуть сильнее. И еще один эффект: сочувствие и милосердие будто угасают. Опять же, степень варьируется, но все выжившие вроде бы претерпевают коллапс социализации.

В этот момент, как по команде, толпы по обе стороны комнаты расступились, открывая взору бурые надписи на стенах позади них. Они начертали их собственной кровью.

Орхидее не остановить Дарвина.

Орхидее не остановить Эволюцию.

Орхидее не остановить Чуму.

На другой стороне комнаты было написано:

Чума Атлантиды = Эволюция = Участь человечества.

В следующей камере надпись гласила:

Эволюция неизбежна.

Только дураки сражаются с судьбой.

– Мы не просто сражаемся с чумой, – прошептал Мартин. – Мы сражаемся с выжившими, не желающими исцеляться, расценивающими это как следующий шаг человечества или начало с чистого листа.

Кейт просто стояла, не зная, что сказать.

Развернувшись, Мартин повел ее прочь из комнаты, обратно в главный зал больницы, а оттуда через другой выход в помещение, вероятно ранее служившее кухней, но теперь превращенное в лабораторию. Полдюжины ученых, сидя на табуретах, работали с аппаратурой, установленной на стальных столах. Все они, подняв головы, посмотрели на Кейт, один за другим прервали работу и принялись глазеть, переговариваясь вполголоса. Приобняв ее, Мартин бросил через плечо: «Продолжайте» – и торопливо повел Кейт дальше через кухню. В тесном коридорчике за кухней он внезапно остановился перед очередной дверью, набрал на небольшом пульте код, и дверь с шипением распахнулась. Они ступили внутрь, и, как только проем за ними закрылся, Мартин протянул руку:

– Образец.

Кейт нашарила в кармане пластиковую пробирку. Он открыл ей только половину правды – ровно столько, сколько требовалось, чтобы получить желаемое. Женщина качнулась на пятках назад.

– А почему на этот раз воздействие чумы отличается? Почему не происходит то же, что в восемнадцатом году?

Сделав несколько шагов в сторону, Мартин рухнул в кресло перед ветхим деревянным столом. Должно быть, здесь располагался кабинет администратора ресторана. Из окна открывался вид на двор. Стол был уставлен незнакомым оборудованием. На стене висели шесть больших

компьютерных дисплеев, которые отображали карты, графики и бесконечно бегущие текстовые строки, будто биржевые тикеры.

Мартин потер виски и пошелестел бумагами на столе.

– Чума другая, потому что мы другие. Человеческий геном изменился незначительно, но наши мозги работают совершенно иначе, чем сотню лет назад. Мы обрабатываем информацию быстрее. Мы днями напролет читаем электронную почту, смотрим телевизор, поглощаем информацию в Интернете, не можем оторваться от своих смартфонов... Нам известно, что на активацию гена может повлиять образ жизни, диета и даже стресс, а это напрямую влияет на то,

как

патогенные факторы воздействуют на нас. Данный момент нашего развития – в точности то, чего дожидался тот, кто создал Чуму Атлантиды. Словно ее подгоняли под такой момент времени, когда человеческий мозг созреет настолько, чтобы им можно было воспользоваться.

– Воспользоваться для чего?

– В том-то и вопрос, Кейт. Ответ мы не знаем, но располагаем кое-какими подсказками. Как ты видела, нам известно, что Чума Атлантиды воздействует прежде всего на мозговые связи. У небольшой группы выживших она словно укрепляет их. У других уцелевших она эти связи путает. Остальных же убивает – очевидно, тех, от кого нет никакой пользы для нее. Чума преобразует человечество на генетическом уровне – фактически биоформируя нас до некоего желательного результата.

– Вам известно, какие гены служат для чумы мишенью?

– Нет, но мы близки к определению. Согласно нашей рабочей гипотезе, Чума Атлантиды – просто генетическая модификация, пытающаяся манипулировать геном Атлантиды. Она пытается довершить изменения в мозговых связях, начатые семьдесят тысяч лет назад введением Чумы Атлантиды – первого Большого Скачка Вперед. Но мы не знаем, какова конечная цель. Это второй Большой Скачок Вперед, вынуждающий нас развиваться, – а может, это грандиозный шаг назад, крупномасштабный регресс в человеческой эволюции?

Кейт попыталась осознать сказанное. А за окном у самой вышки вдруг вспыхнула массовая драка. Вереница людей рассыпалась, и группа бросилась на охранников. Кейт подумала, что это та же группа, которую недавно привезли, но наверняка сказать не могла.

Мельком бросив взгляд за окно, Мартин снова переключил внимание на Кейт.

– Бунты – обычное дело, особенно когда доставляют новую группу, – он протянул руку. – Мне действительно нужен этот образец, Кейт.

Она опять окинула комнату взглядом – оборудование, экраны, графики на стенах...

– Это ведь твои исследования, не так ли? Это ведь ты был голосом в комнате. Я работала на тебя.

– Мы все работаем на кого-нибудь...

– Я же сказала, что мне нужны ответы.

– Ответ – «да». Это мои исследования.

– Зачем? Зачем лгать мне? – Кейт не сумела скрыть горечи в голосе. – Я бы помогла тебе и так.

– Знаю, но ты бы задавала вопросы. Я страшился этого дня – страшился сказать тебе правду, сказать, что я содеял, поведать тебе о состоянии мира. Хотел уберечь тебя от этого еще... хоть ненадолго, – Мартин отвел взгляд. В этот момент он казался намного старше своих лет.

– А Орхидея? Это ведь ложь, не так ли?

– Нет. Орхидея настоящая. Она останавливает чуму, но лишь выигрывает время – и мало-помалу сдает позиции. У нас проблемы с производством, и люди теряют надежду.

– Вы не могли разработать ее из ничего, вот так сразу, – заявила Кейт.

– Ты права. Орхидея была запасным планом – сказать по правде, планом твоего отца. Он заставил нас поверить, что чума будет выпущена на свободу, и искать лекарство на случай, если это произойдет. Мы трудились над ней десятки лет, но не добились реального прогресса, пока не нашли лекарство от ВИЧ.

– погоди, а разве есть лекарство от ВИЧ?

– Я все тебе расскажу, Кейт, клянусь. Но мне нужен этот образец. И нужно, чтобы ты вернулась в свою комнату. Команда САС

[1]

прибудет за тобой завтра. Тебя отвезут в Англию, подальше от опасности.

– Что? Никуда я не поеду. Я хочу помочь.

– И сможешь. Но мне нужно знать, что ты в безопасности.

– В безопасности от чего? – осведомилась Кейт.

– От Иммари. Они ввели войска в Средиземноморский регион.

В радиорепортажах, которые слышала Кейт, говорили в основном о том, что силы Иммари потерпели поражение в странах третьего мира, и она об этом почти не задумывалась.

– А Иммари представляют угрозу?

– Несомненно. Они уже захватили бóльшую часть Южного полушария.

– Ты шутишь?

– Ничуть, – покачал головой Мартин. – Ты не понимаешь. Когда грянула Чума Атлантиды, в течение двадцати четырех часов были инфицированы свыше миллиарда человек. Правительства, не рухнувшие в тот же день, объявили военное положение. Затем Иммари взялись за зачистку планеты. Они предложили новаторское решение: общество выживших, – но только быстро эволюционирующих, которых они называют «избранными». Они начали с Южного полушария, со стран с высокой плотностью населения близ Антарктиды. Они контролируют Аргентину, Чили, Южную Африку и дюжину других государств.

– Что...

– Они сколачивают армию для вторжения в Антарктиду.

Кейт смотрела на него во все глаза. Репортажи Би-би-си казались такими позитивными... Сама того не сознавая, она выудила пробирку из кармана и отдала ее Мартину.

Взяв ее, тот развернулся вместе с креслом и надавил на кнопку контейнера, похожего на термос с прикрепленным сбоку небольшим дисплеем, напоминающим спутниковый телефон. Верхушка контейнера откинулась, и Мартин опустил пластиковую пробирку внутрь.

Схватка в лагере за окном все разгоралась.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась Кейт.

– Выгружаю наши результаты в Сеть, – он оглянулся через плечо.

– Мы – лишь одна из нескольких площадок. По-моему, мы близки к успеху, Кейт.

Стекло окошка задребезжало от взрывов в лагере, и женщина ощутила волну жара даже сквозь стены. Мартин настучал что-то на клавиатуре, и дисплеи переключились на виды лагеря, а затем побережья. Экран заполнила эскадрилья черных вертолетов. Мартин встал за долю секунды до того, как здание содрогнулось, и сбил Кейт с ног. В ушах зазвенело, и она почувствовала, как Мартин прыгнул к ней, заслоняя своим телом от обломков, посыпавшихся с потолка.

Глава 6

В двух милях под оперативной базой Иммари «Призма»

Антарктида

Дориан почти добрался до трупов – и оружия – в коридоре за циклопическим вместилищем, когда услышал за спиной топот босых ног Дэвида по полу. Он уже собирался метнуться вперед, когда Дэвид сделал ему подсечку, отчего Дориан рухнул ничком на пол. Воздух наполнил пронзительный скрип голой кожи, заскользившей по холодному полу.

Они остановились в луже подсыхающей крови вокруг трупов – их собственных мертвых тел. Дориан оказался в чуть более выгодном положении, чем его преследователь. Приподнял свое перемазанное кровью тело с пола ровно настолько, чтобы захватить локтем Дэвиду в лицо.

Вэйл отшатнулся, и Слоун воспользовался открывшейся возможностью. Извернувшись, он сбросил с себя Дэвида и поспешил к пистолету, валяющемуся на расстоянии шести футов. До него было необходимо добраться; это его единственный шанс. Хоть Дориан ни за что не признался бы в этом вслух, Дэвид – один из лучших рукопашных бойцов, каких он встречал. Это схватка не на жизнь, а на смерть, и Дориан знал, что без пистолета окажется обречен.

Он почувствовал, как ногти Дэвида впиваются ему сзади в бедро за долю секунды до кулака, врезавшего по крестцу. Боль прошла его насквозь от спины до живота и взмыла в грудь. Тошнота скрутила внутренности узлом. Дориан уже давился рвотным позывом, когда на него обрушился второй удар – выше и прямо по позвоночнику. Охватившая его боль почти отступила, потому что он тут же перестал чувствовать собственные ноги. Дориан рухнул на пол, а Дэвид забрался на него сверху, готовясь добить ударом по голове.

Упершись ладонями в окровавленный пол, Слоун каждой унцией сил, какие только смог собрать, толкнулся вверх, резко запрокидывая голову. И попал напрямиком в челюсть Дэвида, выводя его из равновесия.

Он рухнул обратно на пол и пополз вперед по-пластунски, отталкиваясь локтями и скользя телом по крови. Схватил пистолет и перевернулся на спину как раз в тот момент, когда Дэвид приземлился на него. Дориан вскинул пистолет, но Вэйл схватил его за запястья. Уголком глаза Слоун заметил, как атлант подходит ближе, наблюдая за ними без особого интереса, будто зритель собачьих боев, не сделавший ставку в этом раунде.

Дориан пытался думать – надо как-нибудь вернуть себе преимущество. Расслабив руки, он позволил им упасть на пол. Дэвид рухнул вперед, но хватку не ослабил. Вывернув пистолет в правой руке, Дориан нацелил его на атланта и нажал на спусковой крючок.

Выпустив левую руку Слоуна, Вэйл отчаянно потянулся к пистолету, зажатому в правой. Сложив пальцы левой руки клином, Дориан вонзил его Дэвиду под дых, парализуя его диафрагму. Хватая воздух ртом, Вэйл качнулся назад. Вырвавшись из его хватки, Дориан вскинул пистолет и сделал единственный выстрел Дэвиду в голову. А затем повернул пистолет и палил в атланта, пока магазин не опустел.

Глава 7

В двух милях под оперативной базой Иммари «Призма»

Антарктида

Атлант взирал на Дориана с видом праздного любопытства. Пули Дориана просто прошли сквозь него. Взгляд Слоуна обратился к другому пистолету неподалеку.

– Хочешь повторить попытку, Дориан? Валяй. Я подожду. Времени у меня хоть отбавляй.

Он оцепенел. Эта тварь его знает. И не боится.

Атлант подступил ближе к Слоуну. Он стоял в луже крови, но ни одна капля не пристала к его стопам.

– Я знаю, ради чего ты прибыл сюда, Дориан, – он, не мигая, уставился на Слоуна. – Ты прибыл сюда, чтобы спасти отца и убить врага, обезопасив свой мир. Ты только что убил своего единственного в этом месте врага.

Перестав смотреть на чудище, Дориан окинул взглядом помещение в поисках чего-нибудь, годящегося на роль оружия. К ногам вернулась чувствительность, он встал и попятился от атланта, не сводя с него глаз. Тот одарил Дориана улыбкой, но не сделал ни единой попытки тронуться с места.

«Надо выбирать, – лихорадочно соображал Слоун. – Что мне требуется? Скафандр». В его скафандре ушел отец. Скафандр Кейт был поврежден, но может быть, удастся его починить. Скафандры детей чересчур малы для него, но, вероятно, их материал сгодится на заплату для скафандра Кейт. Нужна защита всего-навсего от пары минут мороза – столько потребуется, чтобы добраться до поверхности и отдать приказ об атаке.

Повернувшись, он пулей бросился по коридору, но двери захлопнулись у него перед носом и со всех остальных сторон тоже, перекрыв все выходы.

Атлант материализовался перед Дорианом.

– Ты сможешь уйти лишь тогда, когда я скажу, что ты можешь идти, Дориан.

Слоун уставился на него со смесью вызова и потрясения на лице.

– Так что, Дориан? Простым способом или трудным? – Атлант подождал и, когда Дориан не ответил, невозмутимо кивнул. – Быть по сему.

Слоун ощутил, как воздух утекает из комнаты, оставляя лишь вакуум. Все звуки угасли, и в грудь его будто ударили кулаком. Разинув рот, он тщетно попытался сделать хоть один вдох. Рухнул на

колени. Перед глазами заплясали черные пятна. И пол взмыл навстречу Дориану, низринувшемуся во тьму.

Глава 8

Район Орхидеи

Марбелья, Испания

Сбросив с себя Мартина, Кейт быстро осмотрела его, оценивая ранения. Из рассеченной кожи на затылке текла кровь. Кейт подумала, что у него легкое сотрясение мозга, но, к ее удивлению, Мартин сощурился, несколько раз мигнул и вскочил на ноги. Он осмотрел комнату, и Кейт сделала то же самое. Большинство компьютеров и аппаратуры на столе было уничтожено.

Подойдя к шкафу для посуды, Мартин вынул оттуда спутниковый телефон и два пистолета, тут же вручив один Кейт.

– Имтари попытаются закрыть лагерь, – сообщил он, принимаясь укладывать рюкзак. Мельком осмотрев похожий на термос прибор на столе, сунул его в рюкзак вместе с несколькими блокнотами и компьютером. – Они захватывали острова в Средиземном море, прощупывая периметр и проверяя, могут ли и будут ли Нации Орхидеи давать им отпор.

– И могут?

Здание перестало трястись. Кейт хотела обработать рану на голове Мартина, но он бегал по комнате слишком быстро.

– Нет. Альянс Орхидеи едва держится. Все их ресурсы – в том числе и военные – посвящены производству Орхидеи. Помощь не придет. Нужно убираться отсюда.

Он поставил на стол яйцеобразный прибор и повернул его верхушку. Прибор затикал.

Кейт попыталась собраться с мыслями. Мартин уничтожает кабинет. Они сюда не вернуться. И сразу же вспомнила о здании спа и мальчиках.

– Нужно забрать Ади и Сурью.

– Кейт, у нас нет времени. Мы за ними вернемся – вместе с подразделением САС, уже направляющимся сюда.

– Я их не брошу. Ни за что, – заявила женщина с бесповоротной решимостью, не распознать которую Мартин не мог. Он удочерил Кейт, когда той было шесть, сразу же после исчезновения биологического отца, и знал ее достаточно хорошо, чтобы понимать, что рассчитывать на компромисс не придется.

Мартин тряхнул головой, изобразив нечто среднее между замешательством и недоумением.

– Отлично, но будь готова воспользоваться этим, – указал он на пистолет. Затем настучал на клавиатуре код, чтобы выйти из кабинета, задержавшись ровно настолько, чтобы выпустить Кейт, после чего тут же ввел код снова, запирая дверь снаружи.

Коридор был заполнен дымом, возле дверей кухни бушевал пожар, и в дыму слышались крики.

– А другого выхода нет?..

– Нет. Только через камеру обеззараживания, – сказал Мартин, опережая ее. Он поднял пистолет. – Мы побежим. Стреляй в любого – в любого, кто попытается тебя остановить.

Кейт опустила взгляд на оружие в своей руке, и в этот момент ее охватил страх. Она еще ни разу не стреляла из пистолета и сомневалась, что способна застрелить хоть кого-нибудь. Взяв у нее пистолет, Мартин оттянул затвор и чем-то щелкнул.

– Это несложно. Просто направь на цель и нажми спуск.

Повернувшись, он опрометью бросился в кухню, заполненную огнем и дымом.

Глава 9

В двух милях под оперативной базой Иммари «Призма»

Антарктида

Дориан прищурился и разглядел размытый силуэт. Он никак не мог глубоко вдохнуть – лишь делал мелкие, порывистые вдохи,

вызывавшие ощущение, будто он тонет. Все тело ныло. Попадающий в легкие воздух буквально ранил их.

Фигура вошла в фокус. Атлант – стоящий над ним, наблюдающий, ожидающий... чего?

Дориан попытался заговорить, но никак не мог набрать в грудь достаточно воздуха. Испустив какой-то скрежещущий клеткот, он закрыл глаза. Воздуха стало чуточку больше. Слоун открыл глаза.

– Чего... ты хочешь?

– Я хочу того же, что и ты, Дориан. Я хочу, чтобы ты спас человечество от вымирания.

Слоун, щурясь, глядел на него.

– Мы не те, за кого ты нас принимаешь, Дориан. Мы ни за что не причиним тебе вреда, как родители не причинят вреда своему ребенку, – он кивнул. – Это правда. Мы создали вас.

– Чепуха, – выплюнул Дориан.

Атлант покачал головой.

– Человеческий геном куда сложнее, чем вам сейчас известно. Мы порядком намучились с вашей лингвистической функцией. Судя по всему, нам еще предстоит потрудиться.

Дориан уже был в состоянии нормально дышать и сел. Чего хочет этот атлант? Что еще за шарады? Он явно управляет этим кораблем. «Зачем я ему нужен?»

Атлант тут же ответил, словно Дориан произнес это вслух.

– Не беспокойся о том, что мне нужно, – в другом конце комнаты распахнулись массивные двери. – Следуй за мной.

Поднявшись на ноги, Дориан на мгновение задумался. «А какой у меня выбор? Он может прикончить меня, когда вздумается. Подыграю в этой шараде, дождусь подходящего шанса».

– Ты меня изумляешь, Дориан, – говорил атлант, ведя Слоуна по тускло освещенному металлически-серому коридору. – Ты разумен, и тем не менее тобой управляют ненависть и страх. Поразмысли об этом логически: мы прибыли сюда на космическом корабле, использующем физические законы, которых ваша раса еще не открыла. Вы копошитесь на этой крохотной планетке в крашенных алюминиевых банках, сжигающих разжиженные останки древних рептилий. Ты действительно думаешь, что сможешь одолеть нас в бою?

Рассудок Дориана обратился к трем сотням ядерных боеголовок, выстроившихся вокруг корабля.

– Думаешь, мы не знаем, что такое ядерная бомба? – повернулся к нему атлант. – Мы расщепили атом задолго до того, как вы расщепили палку. Этот корабль мог бы выдержать силу всех ядерных боеголовок на этой планете. Вы добились бы лишь того, что растопили лед на этом материке, затопили планету и покончили с цивилизацией. Будь рационален, Дориан. Если бы мы хотели убить вас, вы были бы мертвы. Вы были бы мертвы уже десятки тысяч лет назад. Но мы спасли вас и с тех самых пор направляли по верному пути.

Должно быть, атлант лжет. Он что, пытается отговорить Дориана от нападения?

– А ты по-прежнему не веришь, – улыбнулся атлант. – Пожалуй, удивляться тут нечему. Мы запрограммировали вас подобным образом – выживать, атаковать все, что угрожает вашему выживанию.

Дориан проигнорировал его слова. Вытянув руку, он подошел ближе и провел рукой сквозь атланта.

– Тебя тут нет.

– Ты видишь мой аватар.

Дориан огляделся по сторонам. И впервые ощутил проблеск надежды.

– А где ты?

– До этого мы дойдем.

Дверь перед ними открылась, и атлант вошел внутрь.

Дориан осмотрел комнатку. На стене висели два легких скафандра, а на скамейке под ними стоял блестящий серебристый чемоданчик. В голове у Слоуна начал мало-помалу складываться план побега. «Его здесь нет. Он – проекция. Могу ли я его отключить?»

– Я же тебе сказал, что мы можем сделать это простым способом или трудным, Дориан. Я тебя отпускаю. Теперь надевай скафандр.

Слоун посмотрел на скафандр, потом окинул взглядом комнату, лихорадочно отыскивая, чем бы воспользоваться. Дверь захлопнулась, и Дориан ощутил, как воздух выходит. Схватился за скафандр и принялся его натягивать. План окончательно сформировался. Дориан взял шлем под правую подмышку, и атлант указал на серебристый чемоданчик.

– Возьми чемоданчик.

Слоун посмотрел на него.

– Что...

– С разговорами покончено, Дориан. Бери чемоданчик и не открывай его. Что бы ни случилось, не открывай.

Взяв чемоданчик, Дориан последовал за атлантом из комнаты вдоль по коридорам, обратно на открытое пространство, где по-прежнему лежали трупы. Захлопнувшиеся двери теперь стояли нараспашку, и перед ним раскинулся обширный мавзолей. Дориан взглянул на открытую трубу, из которой вышел Дэвид. Оба – и он, и Дориан... «воскресли» в трубах после смерти. Вернется ли Дэвид еще раз? Если да, это может сулить беду.

– А как насчет... – указал Дориан на пустую трубу Дэвида.

– О нем я позаботился. Он не вернется.

Тут Слоуну в голову пришла другая мысль: различия во времени. Отец пробыл внизу восемьдесят семь лет, но внутри прошло всего лишь восемьдесят семь

дней

. Колокол на периметре образовал купол растяжения времени. Один день внизу равнялся году снаружи. Какой же год сейчас там? Сколько времени он провел в трубе?

– А какой год...

– Я дезактивировал устройство, которое вы называете Колоколом. Прошло всего два месяца. А теперь ступай. Повторять не буду.

Ни слова не говоря, Дориан двинулся по коридору. Перед ним тянулся тоненький кровавый след – оставленный отцом. К облегчению Слоуна, капельки крови с каждым шагом становились все меньше и меньше и в конце концов совсем исчезли. «Скоро мы снова будем вместе и покончим с этим». Мечта всей его жизни снова оказалась в пределах досягаемости.

В длинной камере обеззараживания он увидел порванный скафандр Кейт и два маленьких скафандра, в которых были дети из ее лаборатории.

Подойдя к воротам портала, Дориан надел шлем и застыл в ожидании с чемоданчиком под мышкой правой руки.

Три треугольные створки ворот портала повернулись, расходясь в стороны, Дориан торопливо шагнул к ним и, уже переступая порог, отшвырнул чемоданчик в сторону.

Невидимое силовое поле – твердое, как стальная стена, врезалось в него, толкнув обратно в камеру.

– Не забудь свой багаж, Дориан, – проговорил голос атланта в его шлеме.

Дориан подхватил блестящий чемоданчик. «Разве у меня есть выбор? Оставлю чемодан перед входом. Без разницы».

Выйдя из корабля, он помедлил, озираясь по сторонам. Картина практически не изменилась с тех пор, как он входил в этот портал: ледяная каверна с высоким потолком, груда ледяной крошки с исковерканной металлической корзиной наверху, ворох стального троса и десятифутовый круглый колодец, возносящийся на две мили к поверхности. Впрочем, обнаружилось и кое-что новое – посреди каверны, прямо под колодцем лежали на стальной платформе три ядерные боеголовки, соединенные жгутами проводов. Один за другим на них вспыхивали крохотные огоньки, сообщавшие, что боеголовки приведены в боевую готовность.

Глава 10

Район Орхидеи

Марбелья, Испания

Кейт последовала за Мартином через горящую кухню в открытый обеденный зал, где расположилось главное крыло больницы. Разрушения оказались куда значительнее, чем она могла представить. Половина дальней стены была взорвана, и люди сплошным потоком бежали из здания, уклоняясь от падающих обломков, топча больных и тех, кто слишком медленно двигался.

Устремившись в толпу, Грей принялся прокладывать дорогу локтями. Кейт с трудом за ним поспевала. Проворство Мартина поразило ее, особенно учитывая рану на его голове.

Они выбрались из здания, и Кейт впервые увидела лагерь – вернее, то, что от него осталось. У забора, где стояли сторожевые

вышки, полыхали мощные пожары. От колонны грузовиков и джипов валили толстые столбы белого и черного дыма. От ядовитого месива горящей резины и пластика у Кейт перехватило горло, и она закрыла нос и рот сорочкой. Белые башни отеля казались невредимыми, но из основания каждой текли нескончаемые вереницы людей.

Территорию отеля заполнили толпы, метавшиеся во все стороны, лихорадочно ища выход или укрытия от взрывов, грохотавших каждые две-три секунды. Толпы напоминали стада в саванне, удирающие от невидимого хищника, каждый член которых просто реагировал на движения окружающих.

Мартин окинул взглядом периметр, отыскивая выход.

Кейт бросилась мимо него прямо к облицованному свинцом зданию спа. В одном его конце горел небольшой пожар, но в остальном оно ничуть не пострадало от нападения. За спиной у нее прогрехотал взрыв в кабинете Мартина.

Подбежав к двери здания спа, Кейт подняла пистолет, чтобы выстрелить в замок, но Грей уже догнал ее.

– Побереги патроны.

Он провел бейджиком через считыватель, и замок со щелчком открылся. Они бегом бросились по коридору. Распахнув дверь в комнату Ади и Сурьи, Кейт испытала огромное облегчение, увидев, что оба мальчика сидят за своими столами в противоположных концах комнаты и строчат в блокнотах, позабыв обо всем на свете.

– Мальчики, надо идти.

Оба проигнорировали ее.

Подойдя к Ади, Кейт подхватила его. Несмотря на худобу, весил он добрых сорок пять фунтов, и Кейт пришлось поднатужиться, чтобы удержать мальчонку, забившегося у нее в руках и отчаянно тянувшегося к своему блокноту. Поставив его на пол, Кейт вручила ему блокнот, и он тут же успокоился. В другом конце комнаты Мартин последовал ее примеру с Сурьей.

Они чуть ли не силком вывели мальчиков из здания, и на этот раз Грей повел Кейт через лагерь, в бурлящее скопище людей. Впереди вспыхнула перестрелка, заставив толпы броситься врассыпную. Позади разбегающихся людей Кейт увидела испанские войска, сражающиеся с выжившими – и теми, кого она видела в тюремных

камерах, и новыми, которых доставили только что. В вышине голубой флаг Орхидеи, охваченный огнем, корчился, развеваясь на ветру.

Пошарив в рюкзаке, Мартин выудил зеленое яйцо с рукояткой и вручил его Кейт.

– Твоя рука крепче моей, – сказал он. – Если испанцы проиграют, нам не выбраться. – Он выдернул чеку, и, сообразив, что это такое, Кейт едва не выронила массивный предмет. Мартин поддержал ее ладонь горстью, сжав пальцы Кейт вокруг гранаты. – Бросай!

Безумная толкотня вокруг усилилась; люди врезались в Кейт, в итоге вырвав ручонку Ади из ее ладони и сбив малыша наземь. Они его затопчут. Кейт метнула гранату к воротам, где гремела перестрелка, и вклинилась в толпу, подхватив Ади на руки в тот самый миг, когда волна жара и раскат взрыва сотрясли скопище.

Как только дым рассеялся, людская масса устремилась в обратном направлении, хлынув к воротам. Кейт, Мартин и мальчики позволили течению увлечь себя и уже миновали ворота, когда стрельба возобновилась – теперь у них за спинами.

Задняя часть курорта выходила на небольшую дорогу, которая ответвлялась от основного шоссе. При виде открывшегося зрелища Кейт остановилась как вкопанная – настолько оно было поразительным. Брошенные автомобили заполонили шоссе, сколько видел глаз. На обеих полосах дороги вереница машин резко обрывалась у въезда в Район Орхидеи. Дверцы стояли нараспашку, а улицы усеивала разбросанная одежда, гниющая пища и предметы, опознать которые Кейт не могла. Люди ехали сюда в поисках безопасности, в поисках спасительного лекарства. Если Кейт, Мартин и мальчики сядут в одну из машин, они смогут быстро выбраться отсюда.

Грей, словно прочитав ее мысли, покачал головой.

– Весь бензин слили уже давным-давно. Нужно добраться до Старого города. Это наш единственный шанс.

Они продолжили движение вместе с толпой, но с каждым шагом сплоченная масса народа становилась все жиже по мере того, как семьи и одиночки откалывались от нее, беря собственный курс прочь от побережья и гибели в Районе Орхидеи. Мартин по-прежнему шел во главе; мальчиков они с Кейт продолжали тянуть за собой за руки.

За шоссе улицы пестрели приметами типичного испанского курортного городка – пляжными магазинчиками, сетевыми супермаркетами и отелями. Все они пустовали, и большинство витрин было разбито. Солнце уже почти закатилось, а перестрелка вдали хоть и спорадически вспыхивала, но заметно шла на убыль.

Продолжая путь, Кейт вдруг ощутила, как на нее волной накатывает новое ощущение – чуть сладковатый запах тлена. Разлагающиеся трупы. Сколько же их там? Слова, сказанные прежде Мартином, эхом раскатились у нее в голове: девяносто процентов умирают в течение семидесяти двух часов. Сколько же человек умерли, прежде чем организовали Район Орхидеи? Что предстоит обнаружить за его оградой?

Они в молчании прошагали еще пару кварталов, и облик улиц переменился. Асфальт уступил место булыжным мостовым, и облик зданий тоже переменился. Магазины стали меньше и своеобразнее. Улицы запестрили арт-хаузами, кафе и сувенирными лавками, где продавались ремесленные поделки. Они пострадали куда меньше, чем магазины вдоль главного проспекта, но признаки погромов – выгоревшие дома, брошенные автомобили и мусор – были видны и здесь.

У белой стены с железными коваными воротами – вероятно, воротами Старого города – Мартин остановился отдышаться. Прилив адреналина, подстегивавший его в лагере, иссяк, и Кейт подумала, что выглядит он изнуренным, как никогда – будто алкоголик наутро после пирушки. Опершись ладонями о колени, Грей длинно, натужно вздыхал.

Обернувшись, Кейт внимательно оглядела оставшееся позади побережье. Старый город Марбельи был расположен на холме, и картина отсюда открывалась просто невероятная. Без столбов дыма от вида заката над Средиземным морем и белоснежными песчаными пляжами могло бы захватить дух. Сквозь дым проглядывала дюжина черных силуэтов – приближающаяся эскадрилья вертолетов.

Схватив Ади и Сурью за руки, Кейт повернулась, чтобы бежать прочь, но Мартин остановил ее вытянутой рукой. Крепко ухватив женщину за плечо, он отстранил ее и мальчиков за спину, заслоняя их своим телом от чего-то. Выглянув поверх его плеча, Кейт увидела, от чего именно.

На улице перед ними на перекресток вышли двое волков. Животные мгновение постояли, прислушиваясь, потом медленно повернули головы к Кейт, Мартину и мальчикам. Мгновение тишины и неподвижности, казалось, затянулось на целую вечность. Затем Кейт услышала мягкие шлепки лап по каменной мостовой. К первым двум волкам присоединились двое, потом еще один, а затем еще трое – общим числом восемь, и все застыли посреди улицы, уставившись на людей.

Самый крупный волк, отделившись от стаи, двинулся к ним, не сводя глаз с Мартина. Второй облезлый зверь следовал за ним по пятам.

Они остановились в нескольких футах от Грея, внимательно его разглядывая. У Кейт затряслись руки, а ладони, сжимающие ладошки мальчиков, взмокли.

За их спинами все нарастал тяжелый рокот вертолетов.

Глава 11

В двух милях под оперативной базой Иммари «Призма»

Антарктида

Дориан поднял руки, позволив чемоданчику грохнуться на слежавшуюся ледяную крошку. А чего он еще ожидал от коллег-Иммари? Он ведь только что вышел в скафандре атлантов, неся таинственный чемоданчик. Он сам бы уже щелкнул выключателем детонаторов.

Забрало шлема было зеркальным, и видеть лицо Дориана они никак не могли. Требовалось как-то связаться с ними, найти какой-нибудь способ передать послание. Он оглядел ледяной зал в поисках чего-нибудь подходящего. Нацарапать сообщение на льду не представлялось возможным – тот слишком крепко смерзся. Дориан принялся выводить буквы рукой в воздухе: Д-О-Р-И-А-Н. На бомбах вспыхнул второй комплект огоньков. Слоун выписал буквы снова. Без толку. Он окинул взглядом пещеру, в отчаянной надежде найти что-нибудь...

У стены, почти погребенное под ледяным сугробом, лежало тело. Бросившись к нему, Дориан принялся сбивать лед вокруг, пытаясь откопать его. Может, удастся включить рацию скафандра... Он стер наледь со шлема и тотчас же в шоке отшатнулся. Отец! Лицо обрамляли ручьи замерзшей крови. Холод сохранил его безупречно. Его убили – бросили тут у Колокола. Почему? Кто? Дориан сидел, уставившись на труп отца. На бомбы ему теперь было наплевать.

Со стороны колодца по всей пещере раскатился лязг стали, врезавшейся в лед. Дориан обернулся. Там стояла ожидавшая его клетка. Огоньки на бомбах не погасли, но остановили свое продвижение.

До конца освободив тело отца из-под льда, Дориан поднял его на руки и зашагал к корзине. Бережно положил отца на пол и встал над ним. Корзина начала возноситься к поверхности.

Глава 12

Старый город

Марбелья, Испания

Теперь Кейт разглядела, что эти восемь животных вовсе не волки, а собаки – истощенные, отчаявшиеся...

Высвободив дрожащую руку из ладошки Ади, Кейт сунула ее в карман за пистолетом. И как только достала его, сначала крупный вожак, а затем его одичавший прихвостень оскалили зубы и зарычали. Ощетинив шерсть на загривках, оба пса припали к земле, изготовившись к прыжку.

Ладонь Мартина легла Кейт на запястье, и он мягким, неспешным движением заставил ее убрать оружие обратно в карман. Сам он смотрел вперед, но избегал встречаться взглядом с собаками.

Звери мало-помалу будто сдулись. Ощетиненная шерсть снова легла грязными колтунами, белые зубы в клочьях пены скрылись, глаза снова стали мигать. А затем они развернулись и затрусили обратно к стае, скрывшейся с улицы без единого звука.

– Они собираются в стаи, – тряхнул головой Мартин, – но они просто рыщут в поисках пропитания. А здесь хватает еды, которая

годится для них, но неприемлема для нас.

Рокот вертолетов уже почти накрыл их, и Кейт увидела одинокий прожектор, кромсающий небо над головой. Что они ищут?

Мартин взял Сурью за руку, и Кейт с Ади поспешила за ним следом.

– В паре кварталов отсюда есть церковь. Она недалеко от точки нашего randevu, – сообщил он. – Если сумеем продержаться до утра, то встретим команду САС в точке эвакуации.

Кейт зашагала шире, чтобы не отставать от Мартина. С каждым шагом последние проблески дневного света угасали. Над головой бороздили небо уже три прожектора.

Кейт остановилась. Вертолеты что-то сбрасывали. Они с Мартином нырнули в ближайший переулок, когда на них посыпались бомбы. Одна большая взорвалась футов в сорока у них над головами, и вниз хлынули... листки бумаги, запорхавшие со всех сторон. Кейт схватила один из них. Листовка. Вертолеты сбрасывают агитационные материалы. Текст на страничке был на испанском, но перевернув лист, она нашла английский перевод.

Народ и узники Андалусии!

Мы услышали ваш призыв.

Свобода уже на подходе.

«Иммари Интернейшнл» идет к вам, дабы вернуть вам основополагающее право на свободу, попранное Блоком Орхидеи.

Выступая с нами заодно, верните себе право жить и умирать по собственному выбору.

Ваши диктаторы упразднили ваше право избирать собственное правительство.

Разложите на крышах простыни, чтобы показать планете свой выбор.

Мы пришли с миром, но не станем чураться и войны.

Кейт оглядела горизонт. Листки сыпались с вертолетов, накрывая город пеленой. Очевидно, Иммари стряпают «выборы». И что дальше? Сделают спутниковые фотографии, чтобы показать миру, оправдывая свое вторжение?

Кейт вдруг сообразила, что Мартин уже снова зашагал по улице, изо всех сил торопясь к церкви. Сунув листовку в карман, женщина заспешила следом.

Позади воздух наполнил рокот очередной эскадрильи вертолетов. На этот раз они сбрасывали что-то другое. Что-то на парашютах... солдат? Десантников?

Мартин искоса оглянулся на вертолеты, и на краткий миг Кейт заметила в его взгляде страх.

Их головокружительная эскапада с побережья и стремительный темп с той самой поры наверняка взвинтили его артериальное давление выше крыши – что отнюдь не идеально для человека с ранением головы. Кейт видела кровь, сочащуюся из рассеченной кожи у него на затылке. Требовалось обработать рану как можно скорее.

Они продвигались той же рысью. Квартал за кварталом Старого города пролетали мимо, почти сливаясь в смазанную пелену.

Впереди медленно опускался парашют, беззвучно покачиваясь туда-сюда.

Мартин и Кейт застыли, остановив мальчиков рядом с собой. Скрыться им было некуда, но... на стропах парашюта висел не человек, а металлическая бочка.

Она с лязгом опустилась на булыжник мостовой, секунду покачалась, а затем затычка в ее донце выскочила, и из отверстия на улицу потянулся зеленый газ.

Мартин дал Кейт знак отступать.

– Они пустили в ход газ. Надо закрыться в доме.

Ученые осмотрели каждое здание в квартале, выискивая магазин с уцелевшими окнами, но все фасады выглядели одинаково: цепи на дверях и витрины давным-давно разбиты. Ади уже не успевал, и Кейт пришлось тащить его за руку. Оба мальчика устали. Остановившись, Кейт взяла Ади на руки. Увидела, что Мартин поступил точно так же с

Сурьей. Далеко ли они сумеют унести детей? Впереди на перекресток выплыло зеленое облако газа.

Нужно выиграть хоть немного времени. Поставив Ади на землю, Кейт бросилась к одной из простыней, валявшихся на улице. Оторвала четыре полоски. Укутала рты и носы мальчиков и отдала одну полоску ткани Мартину.

В переулках справа и слева от них поднимались клубы газа. Та же картина была на перекрестках впереди и позади. Подхватив Ади на руки, Кейт вслед за Мартином шагнула в газовое марево.

Глава 13

Окрестности оперативной базы «Призма»

Антарктида

Дориан спокойно ждал, пока корзина поднималась в полнейшей темноте. Слабый свет ледяной каверны внизу давно угас, а наверху не было ни солнца, ни искусственного освещения, лишь непроглядный мрак.

Дориан присел на корточки над телом отца, ломая голову над тем, что надо будет сделать, когда корзина поднимется на поверхность, – и что сделают те, кто там находится.

Отправить вниз корзину – прозорливый ход. Они предположили, что Дориан – вражеский боец. Всегда лучше сражаться на поле боя по собственному выбору, когда вся твоя армия под рукой. Вниз по колодцу Иммари могли отправить лишь горстку солдат, а спустившись на дно, имели все шансы наткнуться на подоспевшее воинство атлантов. Подкрепление вниз в мгновение ока не отправишь, так что все переброшенные туда войска можно сразу списывать в расход – или хуже того: их могли захватить живыми и выжать из них разведанные о численности подразделений и оборонительных ресурсах Иммари.

Дориан не сомневался только в одном: его выведут из строя, как только корзина покажется на поверхности.

Он лежал в корзине навзничь, плечом к плечу с мертвым отцом. Наблюдал и ждал. Прожекторы на платформе наверху пронзили тьму лучами света, стали ярче и наконец обрели форму.

Корзина рывком остановилась, слегка покачиваясь на ветру. Дориан услышал скрип снега под подошвами бросившихся к нему людей, а затем его кольцом окружили солдаты, целившие из автоматических винтовок.

Не доносилось ни звука, и секунду-другую ничего не происходило. Они выжидали действий с его стороны. Дориан не шевелился. Наконец один солдат, выйдя вперед, связал ему руки и ноги, а затем двое других подняли Слоуна и его отца и понесли их к базе. Вся площадка была залита ярким светом, показывающим, во что превратилась база. Ближайшая секция осталась в точности такой, какой запомнилась Дориану: гигантской белой гусеницей, протянувшейся на длину футбольного поля и изогнувшейся с обоих концов. Но теперь гусениц стало больше – по меньшей мере, три десятка их протянулись вдаль, сколько видел глаз. Сколько же здесь расквартировано войск? Дориан надеялся, что достаточно. Он разыщет убийцу отца и заставит его ответить за свое злодеяние, но сначала следовало разобраться с угрозой, затаившейся внизу.

Солдаты вошли в просторную камеру обеззараживания, и распылительные головки на потолке включились, оросив Дориана и охраняющих его солдат. Когда поток жидкости иссяк, они отнесли его и швырнули на стол.

Ближайший солдат отомкнул защелки шлема Дориана и снял его. Все застыли, как громом пораженные.

– Я бежал. А теперь развяжите меня. Они проснулись. Нужно атаковать.

Глава 14

Тренировочный лагерь Иммари «Камелот»

Кейптаун, Южная Африка

Раймонд Сандерс наблюдал за гребнем: первые солдаты уже перевалили за него. Они бежали на предельной скорости – около тридцати пяти километров в час – и притом несли двадцатисемкилограммовые рюкзаки. Вдали над горами Южной

Африки поднималось солнце, но Сандерс не отводил глаз от растущего войска суперсолдат, тренирующихся внизу.

– Время? – не оборачиваясь, поинтересовался он у своего помощника Косты.

– Четырнадцать двадцать три, – покачал тот головой. – Просто невероятно.

Сандерс подивился этому результату. Чем жестче их гоняешь, тем сильнее становятся солдаты.

– Однако мы несем потери, – сообщил Коста.

– Сколько?

– Шестеро. Эта когорта начиналась с двухсот человек.

– Причина?

Коста пошелестел страницами.

– Четверо рухнули замертво во время вчерашнего марш-броска. Мы проводим вскрытия. Вероятно, сердечный приступ или инсульт. Еще двое скончались ночью. Также ожидают вскрытия.

– Три процента – невелика цена за такие преимущества... А что насчет прочих когорт?

– Улучшения есть, но пятой когорте они и в подметки не годятся.

– Завязываем с остальными режимами. Но продолжайте тестирование, – распорядился Сандерс.

– Те же когорты?

– Нет. Начнем со свежими силами. Я не хочу, чтобы предыдущие тренировочные режимы испортили результаты. У научной команды есть новая программа?

– Полно, – кивнул Коста.

– Хорошо...

– Но я должен сказать, сэр. Они выходят на плато. Мы уже перевалили далеко за точку убывающего роста. Это ведь люди, а не цифры в электронной таблице, которые можно подкорректировать. Такое впечатление, что...

– Они по-прежнему прогрессируют. Становятся сильнее, быстрее, сообразительнее. Последние когнитивные тесты прошли куда лучше, чем предыдущие.

– Это так, но рано или поздно нам придется решить, что они уже достаточно хороши. Не можем же мы вечно отодвигать финишную черту. Муры...

– Впечатление такое, что ты хотел сказать «мурыжить», Коста. Я точно не помню, но сдаётся мне, что здесь я командир, а ты канцелярский помощник, – Сандерс нарочито сурово покачал головой. – Есть только один способ выяснить это раз и навсегда. Если я велю включить тебя в следующую когорту и это произойдет, тогда бац – и ответ у нас в кармане.

Мучительно сглотнув, Коста указал за окно, на ряды палаток почти бескрайнего лагеря.

– Я просто стараюсь помочь, и... Я что хотел сказать... У нас есть почти миллион солдат. И приемлемый тренировочный режим, доводящий их силы почти до пика возможного. При этом неизвестно, сколько времени у нас в запасе.

– Но мы знаем, что второй попытки не будет. Армия, которую мы посылаем в катакомбы, – единственная, которую мы куда-либо пошлем. Или она одержит верх, или нас ждет полнейшая неопределенность. Мне этого бы не хотелось, а тебе? Ты можешь или выполнять мои приказы, или составить им компанию в палатках там внизу. А теперь доложи, что у нас с Южной Испанией.

Коста взял очередную папку.

– Мы захватили главные города Андалусии: Севилью, Кадис, Гранаду и Кордову. Мы также взяли под контроль все крупные прибрежные города, включая Марбелью, Малагу и Альмерию. Работаем с новостными информагентствами, чтобы заставить их опубликовать нашу информацию. Наши агенты доносят, что они уже колеблются. Если они поймут, что у нас есть шанс, то могут начать уклоняться от поддержки Орхидеи. Скоро узнаем. Наши десантные войска продвигаются к побережью.

– Альянс Орхидеи как-нибудь на это отреагировал?

– Пока никак. Особого сопротивления мы не ждем. «Часовая башня» сообщает, что Союзники могут столкнуться со снижением производства Орхидеи во Франции и Северной Испании. Нации – члены Альянса паникуют.

Момент был угадан идеально; Сандерс при всем желании не смог бы спланировать лучше.

Дверь открылась, и вошел генерал Иммари.

– Сэр...

– Мы тут делом заняты, – огрызнулся Сандерс.

– Портал в Антарктиде открылся.

Сандерс молча уставился на него.

– Вышел Дориан Слоун. При нем был чемоданчик. Он говорит...

– Где он сейчас? – ничего не выражающим тоном осведомился Сандерс.

– Его вытащили на поверхность. Он находится в главном конференц-зале, его вводят в курс текущей ситуации.

– Что за пургу вы тут несете?!

– Он высокопоставленный член Совета Иммари, – озадаченно поглядел на него генерал.

– А теперь слушайте меня очень внимательно, генерал. Это

я

высокопоставленный член Совета Иммари. А Дориан Слоун пробыл в этом сооружении почти одиннадцать недель. Нам неизвестно, чем он там занимался, но я вам гарантирую, что ничем хорошим для нас. Мы должны исходить из предположения, что его перепрограммировали и промыли мозги, и дать ему под зад коленкой.

– Что надо...

– Воспользуйтесь контингентом агентов «Часовой башни» на месте. Пусть скажут Слоуну, что хотят ему что-то показать. Отведут в одну из научных лабораторий. Усыпят. Потом пусть доставят в одно из помещений для допросов и крепко привяжут к креслу. Не стоит его недооценивать. Бог ведает, что там с ним сотворили. Выставьте часовых перед дверью... – Сандерс на минутку задумался. – Говорите, с ним был чемоданчик? Где он?

– Слоун оставил его на дне шахты. Говорит, что считает его опасным. Что мы не должны его открывать.

Сандерс еще немного поразмыслил. Первым делом он подумал, что в чемоданчике бомба. Быть может, Слоун на самом деле считает так же. Если его поднять, он может уничтожить весь лагерь, а может, и чего похуже. Но есть и другая альтернатива: что Слоун оставил его внизу, потому что ему или атлантам чемоданчик нужен там. Может, он необходим армии атлантов снаружи, чтобы выйти из катакомб? Может, он служит какой-либо иной цели? Возможно, он должен расплавить лед, чтобы освободить корабль? Сандерс нуждался в ответах. Нельзя

оставлять чемоданчик там, но и нельзя перемещать, пока неизвестно, что в нем находится.

– Какого рода научный персонал находится внизу?

– Минимальный. Мы эвакуировали почти всех, когда проводили перегруппировку войск для атаки.

– Отправьте всех, кто есть, в шахту. Выясните, что в чемоданчике. Но не открывайте. Пошлите кого-нибудь из тех, кому неизвестен наш оборонительный потенциал. Когда выяснится, что там, звоните мне напрямую.

Кивнув, генерал замер в ожидании.

– На этом всё.

Когда тот удалился, Сандерс снова обернулся к Косте:

– Отменяйте испытания. Началось. Придется выступить на войну с той армией, какая есть. И у меня такое ощущение, что нам понадобятся еще войска. Ускорьте зачистку Андалусии. Что у нас с транспортом?

– Мы все еще пытаемся собрать флот.

– Так пытайтесь усерднее. Необходимо перебросить в Антарктиду миллион человек, и как можно скорее.

Глава 15

Вы слушаете Би-би-си, голос триумфа человечества в этот семьдесят девятый день Чумы Атлантиды.

Би-би-си удалось подтвердить многочисленные сообщения о том, что Иммари вторглись в континентальную Европу. Вторжение началось вчера в сумерках, когда вертолеты и беспилотные летательные аппараты выпустили ракеты по городам Южной Испании. Количество жертв на данный момент неизвестно.

Очевидцы по всей испанской провинции Андалусия сообщают, что главными мишенями агрессии Иммари были Районы Орхидеи. Политологи уже не одну неделю назад предупреждали, что Иммари начнут поглощение уязвимых наций Европы и Азии. Судя по всему, свою кампанию они начали с Южной Испании.

Доктор Стивен Маркус, эксперт мозгового треста «Вестерн Сенчури»

[2]

, сказал ранее: «Истинная конечная цель Иммари никому не известна, но один факт не вызывает сомнения: они формируют войска. Вам незачем формировать войска, если они не нужны для самозащиты или для нападения на врага. Трудно поверить, что Альянс Орхидеи способен предпринять контратаку какого-либо рода».

Слабость Альянса Орхидеи возбудила по всему миру опасения, что вторжение Иммари в Андалусию может служить лишь прелюдией к крупномасштабному нападению на материковую Европу – нападению, отразить которое Альянс Орхидеи не способен.

Дженет Бауэр, специалист по производству Орхидеи, соглашается с этой оценкой. «Союзники и так прилагают все силы к поддержанию производства Орхидеи. Вести войну они не в состоянии. Даже если бы они хотели этого, практические аспекты поставок Орхидеи на линии фронтов для поддержания жизни солдат делают это невозможным. Формирование союзнических войск из выживших после болезни представляет собой совершенно иной круг проблем, а именно лояльность. Большинство выживших и сохранивших интеллектуальное здоровье находятся в стане сочувствующих Иммари, а их вынуждают жить в Районах Орхидеи – что они считают тюремным заключением – уже почти три месяца».

По мнению экспертов, Иммари просто зондируют почву по краям Европы, а захватывая провинции, которые Союзники не в силах защитить, проверяют решимость Альянса и волю народа. По сути, Иммари прощупывают пульс Европы.

Доктор Маркус развил эту точку зрения: «Это азбучный принцип военной стратегии: агрессор делает крохотный шаг, переступая черту, и ждет результата. Столкнется ли он с соглашательством – или с сопротивлением? Его следующий шаг определит наша реакция. Почувяв слабость, он сделает еще шаг, а за ним еще...»

Многие полагают, что подобным следующим шагом может стать Германия. Мисс Бауэр согласна: «Германия здесь – настоящий трофей. Это ключ ко всему материку. Германия производит семьдесят процентов всей Орхидеи в Европе. Если войска Иммари войдут в Германию, игра для Европы будет проиграна. Вместе с Германией падет и весь континент».

Справедливости ради, мы согласились зачитать текст заявления Иммари по поводу этого нападения:

«Иммари Интернейшнл» вчера предприняла массированную спасательную экспедицию в Южной Испании. Почти три месяца народ Андалусии вынужден был жить в концентрационных лагерях, принимая лекарства против воли. В основу “Иммари Интернейшнл” положена идея создания единого глобального общества. Мы начинали с торговли, объединяющей мир. Мы до сих пор храним эти традиции, но отчаянное положение наций, навязанное миру Орхидеей, вынудило нас ступить на новый путь к глобальной свободе. Мы противники насилия, но будем защищать народы мира от гнета и любых мер, попирающих их свободное волеизъявление».

Би-би-си хочет, чтобы наши слушатели помнили: в вооруженных конфликтах мы не встаем ни на чью сторону. Мы сообщаем вам новости и будем это делать и впредь, кто бы ни вышел победителем или побежденным.

Глава 16

«Иммари-один»

Над югом Атлантического океана – на пути в Антарктиду

Раймонд Сандерс отвернулся от иллюминатора самолета и ответил на звонок спутникового телефона.

– Сандерс.

– Мы только что получили донесение от команды, исследовавшей чемоданчик. Он пуст.

– Пуст? – Этого Сандерс не ожидал. – Откуда они знают?
– Воспользовались портативной рентгеновской установкой. А еще сказали, что, судя по весу, он не может содержать ничего, кроме воздуха.

Сандерс откинулся на спинку кресла.

– Сэр?

– Я все еще здесь, – отозвался он. – Еще что-нибудь?

– Да. Они считают, что чемоданчик может излучать какого-либо рода радиацию.

– И что это означает? Это...

– Команда не знает, сэр.

– А рабочая гипотеза? – спросил Сандерс.

– У них нет ни одной.

Прикрыв глаза, Сандерс потер веки. Что бы ни было внутри, находящимся в сооружении требовалось, чтобы чемоданчик находился снаружи.

– Слоун бросил чемоданчик прямо за порталом. Возможно ли, чтобы он был нужен атлантам для выхода, что он служит там какой-то цели?

– Полагаю, возможно. Вот только не представляю, как им проверить эту гипотезу. Штат ученых и оборудования на месте весьма ограничен.

– Ладно... Давайте изыдем оттуда чемоданчик. Пусть положат его в свинцовый ящик, или что еще может заблокировать излучение, и доставят в наше головное исследовательское учреждение, где мы сможем получить полноценные ответы.

– Кого к нему приставим?

Сандерс немного поразмыслил.

– Кто там из ученых все время перестраховывался, Чанг?

– Он на чумной барже в Средиземном море...

– Нет, не тот. Ядерщик.

– Чейз?

– Да. Пусть он посмотрит чемоданчик. Вели ему докладывать все, что удастся выяснить, непосредственно мне.

Старый город

Марбелья, Испания

Зеленый газ уже сгустился, как туман, и Кейт видела всего на пару метров вперед, следуя за Мартином в надежде, что он знает, куда идет, и скоро удастся найти убежище. Грей перестал осматривать витрины магазинов и спешил во весь дух, неся Сурью на руках. Голова Ади покоилась у Кейт на плече, и она крепко обнимала мальчика обеими руками. Каждые две-три секунды он легонько дергался от приступов кашля.

Газ ел глаза, оставлял во рту металлический привкус. Кейт ломала голову, что это такое, что оно с ними делает.

Шедший впереди Мартин внезапно свернул направо, в тесный дворик. В конце его виднелось белое здание церкви, и Грей трусцой припустил к тяжелой деревянной двери. Приближаясь, Кейт оглядела витражные окна. Их впавшие в отчаяние граждане Марбельи не побили.

Мартин распахнул дверь, и Кейт с мальчиками ринулись внутрь. Он захлопнул дверь, когда первые клубы газа уже начали просачиваться внутрь.

Поставив Ади на пол, женщина практически рухнула, совершенно изнуренная, слишком измотанная, чтобы оглядеть собор. Собрав последние силы, она стащила повязки с лиц Ади и Сурьи и наскоро осмотрела обоих. Мальчики устали, но в остальном были в полном порядке.

Повернувшись, Кейт добрела до ближайшей деревянной скамьи и вытянулась на ней. Пару минут спустя подоспел и Мартин, склонившись над ней с протеиновым батончиком и бутылкой воды. Кейт взяла и то и другое, немного поела и выпила, а затем веки ее медленно смежились, и она погрузилась в сон.

*

Ожидая, когда защищенный чат откроется, Мартин смотрел на спящую Кейт.

Окно чата развернулось, и в нем выскочила текстовая строка.

Станция 23.ДК>

Статус?

Станция 97.МБ>

Жуть. Вторжение Иммари в Марбелью идет полным ходом. Я в западне. При мне Кейт, а также Бета-1 и Бета-2. Пока в безопасности. Ненадолго. Прошу немедленной эвакуации. Не могу ждать. Текущая точка: храм Св. Марии.

Станция 23.ДК>

Момент.

Станция 23.ДК>

Донесение полевой группы от Сейчас-2 часа: под Марбельей. На город идет газовая атака, но газ рассеивается. Будем в точке randevu в 09.00 по местному.

КОНЕЦ ДОНЕСЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЕ: группу составляют 5 хорошо вооруженных солдат в испанской военной форме.

Откинувшись на спинку скамьи, Мартин перевел дух. Быть может, шанс у них все-таки есть. Он бросил взгляд на Кейт. Та ворочалась и морщилась. Ей снился кошмар, и жесткая деревянная скамья лишь усугубляла дело, но Мартин больше не мог ничем ей помочь. Кейт требовался отдых.

*

Кейт видела сон, но все казалось ей чистейшей явью. Она снова была в Антарктиде, в катакомбах Атлантиды. От мерцающих серых стен и бусинок огоньков вдоль пола и потолка ее бросало в дрожь. Вокруг царило безмолвие, и она была одна-одинешенька. Шагам вторило гулкое эхо, пугая ее. Кейт глянула вниз. Она оказалась обута в ботинки и одета в какую-то форму. А где Дэвид? Отец? Мальчики?

– Эгей! – позвала она, но откликнулось лишь эхо ее собственного голоса, раскатившееся в холодной пустоте.

Слева от нее разошлись створки огромной двери, из которой в сумрачный коридор пролился свет. Ступив через порог, женщина оглядела помещение. Оно было ей знакомо. Кейт уже бывала здесь

прежде. Тут находилась дюжина труб, поставленных вертикально, и каждая вмещала человеческого предка, образчик одного из людских подвидов. Но теперь занята была лишь половина труб. Куда же девались тела?

– Мы берем новые анализы.

Кейт стремительно обернулась, но прежде чем успела разглядеть лицо, образ померк.

Глава 18

Оперативная база Иммари «Призма»

Антарктида

Дориан узнал это помещение – ту самую комнату для допросов, где он удерживал Кейт Уорнер, прежде чем та сбежала. Кто-то дополнил обстановку креслом для допросов, которое вполне могло служить раньше зубокабинетом, но с толстыми ремнями для ног, запястий и груди. Солдаты пристегнули его настолько туго, что он едва мог вздохнуть. Головокружение от газа никак не проходило. С какой стати его же люди обратились против него? Не открылся ли портал снова? Не вышел ли оттуда другой Дориан Слоун с другой историей? Или другим чемоданчиком? Не взорвался ли чемоданчик, который вынес Дориан?

Долго ждать ответов ему не пришлось. Дверь открылась, и в комнату вошел подтянутый мужчина с двумя бойцами спецназа Иммари по бокам. Дориан узнал его. Как там его?.. Сэнфорд? Андерс? Ах да, Сандерс. Точно. Руководитель среднего звена из «Иммари Кэпитал». Выражение лица Сандерса тотчас поведало Дориану, что к чему: это борьба за власть. От этого откровения Слоун тотчас расслабился. В борьбе за власть он отлично разбирался.

Дориан сделал неглубокий вдох, но его визави заговорил первым:

– Давненько не виделись, Дориан. Как ты?

– На это у нас нет времени...

– И верно. Атланты, – понимающе кивнул тот. – Просыпаются. Выходят. Мы как раз этим занимаемся.

– Внизу есть что-то управляющее кораблем изнутри. Нужно уничтожить его снаружи.

Сандерс подошел поближе к Дориану, внимательно разглядывая его, как под лупой.

– Что они с тобой сделали? В смысле, выглядишь ты просто замечательно. Почти как новенький. Гладкая кожа. Твой прежний издерганный, замученный, измочаленный вид как рукой сняло.

Так вот в чем заключался план Сандерса: унижить Дориана, показать тем, кто смотрит сквозь стекло, что Сандерс держит все под контролем, а Дориан не представляет угрозы. Силясь податься вперед, Слоун напряжился так, что грудной ремень врезался в кожу, и практически выплюнул:

– Слушай меня очень внимательно, Сандерс. Ты сейчас меня освободишь, и мы обо всем забудем. А если нет – клянусь, я тебя выпотрошу и буду пить твою кровь, глядя, как ты дышаешь.

Сандерс отдернул голову, вскинув брови, какое-то время удерживая это выражение, а потом громко расхохотался.

– Боже мой, Дориан, что они с тобой учудили? Ты даже более сумасшедший, чем раньше. Кто бы мог подумать, что такое возможно? – Отойдя от Слоуна, он обернулся, вновь посерьезнев. – А теперь я хочу, чтобы ты выслушал меня очень внимательно, потому что так будет

на самом деле

. Ты останешься пристегнутым к этому креслу, где будешь извиваться и верещать новую бредятину. Потом мы впрыснем тебе кое-что, после чего ты поведаешь нам все, что там произошло, и когда мы с тобой покончим, то швырнем твое беспомощное тело в эту дыру, где ты замерзнешь насмерть, – и такая смерть будет куда лучше той, которую учинил мой предшественник твоему чокнутому папуле.

На лице Слоуна отразился шок.

– Да, это мы... Ну, что я могу сказать, Дориан? Порой смена руководства бывает brutальной. Вот, сейчас покажу, что я имею в виду, – Сандерс обернулся к одному из спецназовцев. – Несите спецсредства, приступим.

Дориана охватила ледяная ярость – прозрачная, расчетливая ненависть, сфокусировавшая рассудок в лазерный луч. Он окинул взглядом ремни на руках и груди. Ни те, ни другие порвать казалось невозможно. Легче переломать себе запястья. Он дернул назад левый ремень. Тот даже не шелохнулся. Дориан ощутил, как руку прошила мучительная боль. Он чуть не сломал большой палец. Потянул сильнее, почувствовав, как большой палец выскакивает из сустава. Боль схлестнулась в рассудке Дориана с яростью. Ярость победила.

Сандерс взялся за ручку двери.

– Ну что ж, прощай, Дориан.

Вытянув шею, один из спецназовцев шагнул к Слоуну. Неужели понял, что тот затеял?

Дориан отдернул левую руку, вложив в рывок всю силу до последней капли. Костяшки указательного пальца и мизинца хрустнули и выскочили вниз, под средний и безымянный пальцы, позволив руке выскользнуть из ремня. Но кисть при этом жестоко пострадала – пользоваться можно будет только двумя средними пальцами. Будет ли этого достаточно? Протянув руку, он уцепился за ремень, впившийся в правую руку. Среднему и безымянному пальцам едва хватило сил прижать язычок ремня к ладони. Но все-таки удалось. Боль просто оглушала. Он дернул – и ремень отстегнулся. Солдат ринулся к нему. Рванув ремень с груди, Дориан молниеносно сел, выбросил правую руку вперед, ударив основанием ладони спецназовцу в нос, и тут же развернулся, бросившись в сторону как раз вовремя, чтобы схватить Сандерса за ноги.

Путы на ногах Дориана удержали его в кресле, но он сумел повергнуть Сандерса на пол и подтащить к себе. Почувствовав, как зубы впиваются в его шею, Сандерс вскрикнул. Хлынувшая кровь залила все лицо Слоуна и пол, оросив белую поверхность алым за считанные секунды. Дориан оттолкнул от себя Сандерса как раз вовремя, чтобы увидеть, как второй спецназовец выхватывает пистолет и делает два выстрела Дориану прямо в голову.

Глава 19

Храм Святой Марии Воплощения

Марбелья, Испания

Кейт пробудилась от щелканья клавиш, по которым кто-то лихорадочно барабанил. Она подняла руку, чтобы протереть слипающиеся глаза, и тут же почувствовала, как болит все тело. Наконец сказались отчаянное бегство из Района Орхидеи и сон на деревянной скамье. Впервые с той поры, как Мартин привез ее в Марбелью, она вдруг затосковала по узкой койке в здании спа и тихой жизни затворницы, которую там вела.

Кейт села и огляделась. В церкви царил мрак, разгоняемый лишь огоньками двух свечей, горящих посреди прохода, и сиянием экрана ноутбука, озаряющим лицо Мартина. Поглядев на нее, тот поспешно захлопнул ноутбук, вынул что-то из рюкзака и начал пробираться к ней.

– Голодная? – спросил он.

Кейт покачала головой, взглядом отыскивая в сумрачном соборе мальчиков. Они комочками свернулись друг возле друга на следующей скамье, завернувшись в несколько слоев белых простыней, сброшенных с вертолетов. Вид у них был совершенно безмятежный. Должно быть, когда она отключилась, Мартин вернулся на улицу за простынями. Кейт вновь сосредоточила внимание на нем.

– Я хочу закончить наш разговор.

С преисполненным ужаса лицом Мартин отвернулся и достал из рюкзака еще два предмета.

– Отлично, но сначала мне нужна еще одна вещь. Вообще-то, на самом деле две. – Он показал набор для забора крови на анализ. – Мне нужна проба твоей крови.

– Думаешь, я имею к чуме какое-то отношение?

Мартин кивнул.

– Если я прав, ты – весьма существенный фрагмент головоломки.

Кейт хотелось спросить, какой именно, но ее больше терзал другой вопрос.

– А что второе?

Мартин протянул ей круглый пластиковый флакончик с бурой жидкостью.

– Нужно, чтобы ты покрасила волосы.

Кейт уставилась на протянутые руки Мартина.

– Отлично. Но я хочу знать, кто меня ищет, – она взяла набор для анализа, и Мартин помог ей управиться.

– Все.

– Все-все?

Мартин отвел глаза.

– Да. Альянс Орхидеи, Иммари и все гибнущие правительства в промежутке между ними.

– Что?! Почему?

– После взрывов на объекте в Китае «Иммари Интернейшнл» сделала заявление, утверждающее, что ты произвела теракт и выпустила чуму, оружейный штамм гриппа – продукт собственных исследований. У них был видеоматериал – разумеется, настоящий. И он пребывал в полнейшем соответствии с предыдущим заявлением индонезийского правительства, объявлявшим о твоей причастности к терактам в Джакарте и осуществлению незаконных исследований на детях, страдающих аутизмом.

– Это ложь, – невыразительным голосом проронила Кейт.

– Да, это ложь, но СМИ раструбили ее, а многократно повторенная ложь входит в подсознание, и подсознание делает ее реальностью. Изменить подсознательное впечатление крайне трудно. Когда чума стала глобальной, всем захотелось взвалить вину на кого-нибудь. Ты была кандидатом номер один, и по множеству причин лучшим кандидатом.

– Лучшим кандидатом?

– А ты сама подумай. Предположительно душевнобольная женщина, работая в одиночестве, создает вирус, чтобы заразить весь мир и достичь собственных бредовых целей. Это пугает куда больше, чем альтернативы: организованный заговор или, что того хуже, естественное событие, которое могло стрястись где угодно и когда угодно. Все эти альтернативы – непреходящие угрозы. Миру не нужны непреходящие угрозы. Ему нужен сумасшедший одинокий террорист, желательно погибший. А еще лучше – пойманный и наказанный. Мир доведен до отчаяния; поимка и казнь злодея становятся выигрышным

очком в игре, давая каждому капельку надежды, что удастся выкарабкаться из всего этого.

– А как же истина? – проговорила Кейт, отдавая ему пробирку со своей кровью.

Мартин опустил ее в термос.

– Думаешь, кто-нибудь в нее поверит? Что Иммари раскопали под Гибралтаром ветхозаветное сооружение возрастом в сотню тысяч лет и устройство, охранявшее его вход, спровоцировало глобальную пандемию? Это правда, но слишком надуманно даже для беллетристики. Воображение большинства людей весьма ограничено.

Кейт потеряла переносицу. С самого окончания учебы она занималась исследованиями аутизма, надеясь сделать мир лучше. А теперь стала врагом общества номер один... Просто фантастика.

– Я тебе не говорил, потому что не хотел тебя тревожить. Ты все равно не сможешь ничего с этим поделать. Я вел переговоры, чтобы выторговать для тебя безопасное передвижение и неприкосновенность. И добился сделки два дня назад.

– Какой сделки?

– Британцы согласились тебя принять, – сообщил Мартин. – Мы встретимся с их командой через пару часов.

В этот момент Кейт невольно бросила взгляд на мальчиков, спящих на скамейке.

– Мальчики отправятся с тобой, – поспешно добавил Мартин.

При известии, что у Грея был план, что скоро они окажутся в безопасности, половина страха и напряжения будто схлынула.

– А почему Британия?

– Я бы предпочел Австралию, но мы слишком далеко. Великобритания ближе и, наверно, столь же безопасна. Континентальная Европа, скорее всего, падет перед Иммари. Британцы же будут держаться до самого конца. Им уже не впервой. Там ты будешь в безопасности.

– И что же ты даешь им в обмен?

Встав, Мартин протянул ей флакон краски для волос.

– Давай, пора тебе заняться внешностью.

– Ты обещал им лекарство. Вот что ты даешь в обмен на мою безопасность.

– Кто-то же должен получить лекарство первым, Кейт... А теперь за дело. Времени у нас не так уж и много.

Глава 20

Научно-исследовательский городок корпорации «Иммари»

Окрестности Нюрнберга, Германия

Доктор Найджел Чейз смотрел через широкое панорамное окно в чистую комнату. Таинственный серебристый чемоданчик вертикально стоял на столе, поблескивая и отражая яркие огни комнаты. Команда из Антарктиды доставила странный чемоданчик час назад, и Найджел пока ничего не узнал.

Настало время провести какие-нибудь эксперименты и начать строить догадки. Доктор осторожно двинул джойстик. Роботизированный манипулятор в чистой комнате резко дернулся, едва не сбив чемоданчик со стального стола. Ему ни за что этого не освоить. Словно дурацкий автомат в гастрономе, куда бросаешь четвертак и пытаешься выудить мягкую игрушку. С ним тоже ничего не получается. Найджел утер пот со лба и минутку поразмыслил. Может, чемоданчик и не надо поворачивать... Можно просто пододвинуть манипулятором оборудование.

– Хочешь, я попробую? – предложил его лаборант Харви.

Найджел обожал свою сестру Фиону, но почти столь же страстно жалел, что взял ее сына Харви к себе лаборантом. Но ей хотелось выставить Харви из дому, а ему для этого нужна была чертова работа.

– Нет, Харви. Впрочем, спасибо. Сбегай для меня за колой лайт, ладно?

Пятнадцать минут спустя Найджел уже переставил оборудование, а Харви с его колой лайт еще не вернулся.

Чейз запрограммировал компьютер начать цикл радиационной бомбардировки и уселся в кресло, глядя сквозь окно в ожидании результатов.

– Кола лайт закончилась, я проверил все автоматы в здании, – Харви протянул ему банку. – Я принес тебе обычную колу.

Секунду Найджел раздумывал, сказать ли Харви, что логичнее было принести другой легкий напиток, но парнишка из кожи вон лез, а это дорогого стоило.

– Спасибо, Харви.

– Есть что-нибудь?

– Нет, – сказал Найджел, вскрывая банку и отпивая карамельную жидкость.

Компьютер подал сигнал, и на экране вспыхнуло диалоговое окно.

Входящие данные

Быстро отставив напиток, Найджел подался вперед и всмотрелся в экран. Если приборы не врут, ящик испускает нейтрино – субатомные частицы, возникающие вследствие радиоактивного распада и ядерных реакций на солнце и в атомных реакторах. Откуда они могут быть здесь?

Потом показания нейтрино замигали красным и сошли к нулю.

[3]

– Что случилось? – полюбопытствовал Харви.

Найджел задумался. Не реагирует ли чемоданчик на радиацию? Может, это какой-то сигнал вроде мигающего огня маяка в ночи? Или SOS, знаменитая морзянка субатомных частиц?

Найджел по профессии был инженером-ядерщиком и занимался в основном системами ядерной энергетики, хотя и ему довелось чуток поработать с ядерными боеголовками в восьмидесятых и на энергоустановках подводных лодок в девяностых. Физика элементарных частиц выходила далеко за рамки его епархии. Отчасти ему хотелось привлечь другого специалиста, разбирающегося в физике элементарных частиц, но что-то ему мешало так поступить.

– Харви, давай изменим режим облучения, посмотрим, как отреагирует чемодан.

Час спустя Найджел допил третью банку колы и принялся выхаживать из угла в угол. Частицы из последнего пакета, испущенного чемоданчиком, могли быть тахионами. Тахионы – сугубо теоретическое предположение, главным образом потому, что движутся

они быстрее света, что, согласно специальной части теории относительности Эйнштейна, невозможно. Кроме того, эти частицы, предположительно, делают возможными путешествия во времени.

– Харви, давай попробуем новый режим.

Найджел принялся программировать компьютер, пока парень орудовал джойстиком и роботизированным манипулятором, управляясь с ним на диво хорошо. «Может, видеоигры и вообще молодежь на что-нибудь и годятся», – подумал Чейз.

Закончив программировать радиационный протокол, он увидел, как устройство поворачивается в чистой комнате. У Найджела возникла гипотеза: возможно, чемоданчик манипулирует частицами-хамелеонами – гипотетическими скалярными бозонами, масса которых зависит от окружения. В космосе хамелеоны будут иметь малую массу, а в земном окружении большую, что делает их обнаружимыми. Если это правда, Найджел оказался на грани открытия основы темной материи – и даже силы, стоящей за расширением Вселенной.

Но частицы-хамелеоны составляли лишь половину его гипотезы. Вторая половина заключалась в том, что чемоданчик – коммуникационное устройство, которое направляет их, подсказывая, какого типа частицы ему нужны, чтобы сделать то, для чего он предназначен. Чемоданчик запрашивал конкретные субатомные частицы. Но зачем они ему? Являются ли они «ингредиентами» для строительства чего-либо или же комбинацией, его отпирющей? Найджел предположил, что нашел ключ – режим облучения, необходимый чемоданчику. Может, это какой-то затеянный атлантами тест на интеллект, проверка сообразительности... Вполне разумно. Математика – язык Вселенной, а субатомные частицы – пресловутая скрижаль, подобие космического папируса. Что же этот ящик пытается поведать?

Компьютерный экран засветился. Массированный выход: нейтрино, кварки, гравитоны и даже частицы, еще не описанные.

Найджел посмотрел сквозь окно. Чемоданчик менялся. Серебристый блеск потускнел, на нем стали вспухать крохотные кратеры, словно полированная поверхность обращалась в песок. Затем крупинцы песка, немного подрожав на месте, двинулись к центру, где образовалась темная воронка. Она начала пожирать чемоданчик

изнутри. Затем тот окончательно захлопнулся, и комната наполнилась светом.

Здание взорвалось во вспышке белого света, мгновенно поглотившего шесть офисных небоскребов вокруг себя, прежде чем распространиться на целые мили, вырывая деревья с корнем и опалая землю. Затем свет мгновенно угас, сжавшись в точку, его породившую.

Мгновение ничто не нарушало ночную темноту и покой, а потом с земли вознеслась тоненькая паутинка света, будто фосфоресцирующая струна, раскачиваемая на ветру по мере подъема. Из световой паутины проклюнулись усики, сплетавшиеся между собой в сеть, и сеть свилась столь плотно, что стала сплошной стеной света, которая изогнулась дугой. Световые врата беззвучно мерцали в ожидании.

Глава 21

Храм Святой Марии Воплощения

Марбелья, Испания

Кейт сидела на краю чугунной ванны, как на насесте, дожидаясь, пока впитается краска для волос.

Мартин настоял на том, чтобы лично проследить за этой процедурой, словно Кейт могла попытаться отвертеться от этой работы. Знание, что весь мир жаждет твоей крови, – странный, но непреодолимо побудительный мотив к изменению внешности. Однако... логическая, сверхрациональная часть ее рассудка буквально кричала: «Если тебя разыскивает весь мир, сколько волосы ни крась, тебя это не спасет». С другой стороны, делать все равно было нечего, а вреда это не могло принести. Кейт накрутила прядь своих теперь уже каштановых волос, гадая, завершилась ли трансформация.

Мартин сидел напротив нее на кафельном полу, вытянув ноги и привалившись спиной к деревянной двери ванной. Он печатал на компьютере, периодически прерываясь, чтобы поразмыслить о чем-то. Кейт было интересно, чем он занят, но пока она решила эту тему не затрагивать.

В голове у нее роились другие вопросы. Она даже не знала, с чего начать, но одно из сказанного Мартином до сих пор беспокоило ее: что

чума заразила миллиард человек в течение двадцати четырех часов. В это было трудно поверить – особенно учитывая, что Мартин и его сотрудники тайно готовились к вспышке заболевания десятилетиями.

Она деликатно кашлянула.

– Миллиард инфицированных в течение двадцати четырех часов?

– Мм-гм, – пробормотал Мартин, не отрывая взгляда от ноутбука.

– Это невозможно. Никакой патоген не распространяется настолько быстро.

Он посмотрел на нее.

– Это правда. Но я тебе не лгал, Кейт. Ни один известный патоген не распространяется настолько быстро. Однако эта чума – дело другое... Послушай, я тебе все скажу, только подожди, пока мы окажемся в безопасности.

– Безопасность – отнюдь не главная моя забота. Я хочу знать, что происходит на самом деле, и еще хочу хоть что-нибудь сделать. Скажи мне, что ты скрываешь. Рано или поздно я все равно выясню. Позволь хотя бы услышать это из твоих уст.

Помедлив добрую минуту, Мартин наконец закрыл ноутбук и горько вздохнул.

– Ладно. Первым делом ты должна узнать, что Чума Атлантиды куда сложнее, чем мы думали. Мы только сейчас разобрались в механизме ее действия. Самой большой загадкой был Колокол.

При упоминании о нем Кейт пробрала дрожь. Иммари открыли Колокол в Гибралтаре в 1918 году. Таинственный прибор был установлен на сооружении атлантов, которое отец Кейт помогал Иммари раскапывать. Как только Колокол освободили от земли, тот выпустил в мир испанскую инфлюэнцу – самую смертоносную пандемию в современной истории. Иммари со временем окопали Колокол со всех сторон, чтобы извлечь его для изучения. Дориан Слоун, глава службы безопасности Иммари, использовал трупы последних жертв Колокола, чтобы рассеять семена Чумы Атлантиды по всему миру, воссоздавая вспышку в попытке выявить людей с генетической сопротивляемостью Колоколу. Своей окончательной задачей он ставил создание армии, чтобы атаковать атлантов, создавших Колокол.

– Я думала, вы знали, как он работает и на какие гены воздействует, – заметила Кейт.

– Мы тоже так думали. Но совершили две критические ошибки. Первая заключалась в том, что наша выборка была слишком мала. Вторая – что мы исследовали тела, входившие в прямой контакт с Колоколом, без переноса. Сам Колокол не выделяет инфекционный агент – ни вирусов, ни бактерий. Он излучает радиацию. Наша рабочая гипотеза заключалась в том, что радиация Колокола вызывает мутацию эндогенного ретровируса, по сути реактивируя древний вирус, который затем трансформирует носителя, манипулируя генами и эпигенетическими маркерами. Мы полагаем, что этот древний вирус – ключ ко всему.

Кейт остановила его, подняв руку. Ей требовалось время, чтобы все осознать. Если это правда, гипотеза Мартина просто невероятна. Она указывает совершенно новый тип патогена и даже новый патогенез – радиоактивный, а потом вирусный. Возможно ли такое?

Ретровирусы – просто вирусы, которые могут вводить ДНК в геном носителя, меняя его на генетическом уровне. Они – своего рода «обновление компьютерного программного обеспечения». Когда человек подцепляет ретровирус, он, по сути, получает впрыскивание ДНК, меняющее геном в некоторых из его клеток. В зависимости от природы введенной ДНК обретение вируса может оказаться и благом, и бедой, а может и никак не повлиять, – а поскольку геном каждого человека совершенно индивидуален, результат почти всегда будет неопределенным.

Ретровирусы существуют с одной целью – произвести как можно больше собственной ДНК. И в этом они хороши. Фактически вирусы составляют большую часть всего генетического материала на планете. Если собрать всю ДНК человечества, всех остальных животных и даже всех растений – каждой невирусной формы жизни на планете, – общая сумма ДНК все равно будет меньше, чем вся вирусная ДНК на Земле.

Вирусы эволюционируют не затем, чтобы навредить своим носителям, – на самом деле они

зависят

от живых существ, благодаря которым воспроизводятся, и именно этим и занимаются: находят подходящего носителя и спокойно воспроизводятся, пока носитель не умирает от естественных причин. Эти резервуарные хозяева, как называют их ученые, по сути, носят

вирус без каких-либо симптомов. Например, клещи носят пятнистую лихорадку Скалистых гор; мыши-полевки – хантавирус; москиты – вирус Западного Нила, тропической лихорадки и лихорадки денге; свиньи и куры – гриппа.

Люди фактически являются резервуарными хозяевами бесчисленных бактерий и вирусов, которые пока не были даже классифицированы. Около двадцати процентов генетической информации в одном только носу не соответствует ни одному из известных или каталогизированных организмов. В кишечнике от сорока до пятидесяти процентов всей ДНК принадлежат бактериям и вирусам, которые еще не дождалась классификации.

Даже в крови до двух процентов ее массы составляет некая «биологическая темная материя». Во многих отношениях эта темная материя, этот океан неведомых вирусов и бактерий – самый дальний рубеж.

Почти все вирусы безвредны, пока не сменят тип носителя – вид жизни, отличающийся от их естественных носителей. Тогда вирус комбинируется с совершенно новым геномом, вызывая новую, неожиданную реакцию – болезнь.

В этом и заключается величайшая угроза со стороны вирусов. Но Мартин говорил не об инфекционных вирусах, проникающих в человеческий организм извне. Он описывал активацию бывшей инфекции, латентный набор вирусной ДНК, пребывающей в спячке внутри самого организма. Это похоже на заражение вирусом от самого себя – этакий троянский конь внутри ДНК, который вдруг пробудился и начал сеять в организме разрушения.

Подобные человеческие эндогенные ретровирусы, как их называют, по сути, представляют собой «вирусные окаменелости» – останки былых инфекций, изменивших геном носителя. Они встроились в наследственную информацию ДНК носителя и передались последующим поколениям. Недавно ученые открыли, что до восьми процентов всего человеческого генома составляют эндогенные ретровирусы. Эти окаменевшие свидетельства былых вирусных инфекций присутствуют и у наших ближайших генетических родственников, живых и вымерших: шимпанзе,

неандертальцев и денисовцев. Они были заражены многими из тех же вирусов, что и мы.

Кейт начала прокручивать эту идею в голове. Эндогенные ретровирусы считались инертными, по сути, представляющими собой часть большой группы «мусорной ДНК» в геноме каждого. Эти ретровирусы незаразны, но влияют на экспрессию генов. Недавно ученые начали рассматривать возможность, что эндогенные ретровирусы могут играть роль в таких аутоиммунных заболеваниях, как волчанка, рассеянный склероз, синдром Шегрена и даже рак. Если вирус, стоящий за Чумой Атлантиды, – эндогенный ретровирус, это может означать...

– Ты говоришь, что инфицировано уже все человечество. Что мы инфицированы с самого дня рождения, что вирус, стоящий за Чумой Атлантиды, уже часть нашей ДНК. – Она помолчала. – Колокол и трупы из него лишь активировали латентный вирус.

– Вот именно. Мы считаем, что вирусные компоненты Чумы Атлантиды были добавлены к человеческому геному десятки тысяч лет назад.

– Ты считаешь, что это было преднамеренное деяние, что кто-то или что-то внедрило этот эндогенный вирус – Чуму Атлантиды, – зная, что в один прекрасный день он активируется? – спросила Кейт.

– Да. Я считаю, что Чума Атлантиды была запланирована давным-давно. Я считаю, что Колокол – просто механизм активации для окончательной трансформации человечества. Атланты пытаются спровоцировать либо очередной Большой Скачок Вперед –

последний

скачок вперед, – либо грандиозный скачок назад, откат к точке до введения гена Атлантиды.

– Вы обнаружили вирус, вызывающий чуму?

– Нет, и это нас сдерживает. На самом деле мы считаем, что могут быть задействованы два эндогенных ретровируса, словно в организме разыгралась некая вирусная война. Эти два вируса борются за контроль над геном Атлантиды – возможно, чтобы изменить его радикально и окончательно. У девяноста процентов инфицированных вирусная война сокрушает иммунную систему и влечет смерть.

– Как испанка.

– Совершенно верно. И как раз этого мы и ждали: традиционной биологической вспышки, передаваемой обычными путями – через телесные жидкости, воздушно-капельным путем и так далее. К этому мы готовились.

– И как готовились?

– Сформировали группу – в основном из государственных служащих и ученых. В последние двадцать с лишним лет мы тайно трудились над лекарством. Орхидея была нашим главным оружием против чумы – самая передовая терапия, смоделированная по образцу лекарства от ВИЧ.

– Какого еще лекарства от ВИЧ?

– В две тысячи седьмом году человек по имени Тимоти Рэй Браун, впоследствии ставший известным как Берлинский пациент, был излечен от ВИЧ. У Брауна диагностировали острый миелоидный лейкоз. Его ВИЧ-положительный статус осложнял лечение. Во время химиотерапии ему пришлось бороться с сепсисом, и врачам пришлось испробовать менее традиционные подходы. Его гематолог доктор Геро Хюттер решился на терапию стволовыми клетками – полную трансплантацию костного мозга. Хюттер неустанно перебирал одного подходящего донора костного мозга за другим в поисках специфической генетической мутации – CCR5-Дельта 32. CCR5-Дельта 32 наделяет клетки иммунитетом к ВИЧ.

– Невероятно.

– Да. Поначалу мы думали, что мутация Дельта 32, должно быть, возникла во время эпидемии Черной смерти в Европе – примерно от четырех до шестнадцати процентов европейцев имеют как минимум один такой набор. Но мы проследили еще дальше. Мы грешили на оспу, однако потом нашли образцы ДНК бронзового века, содержащие ее. Происхождение мутации – загадка, но одно ясно наверняка: пересаженный костный мозг с CCR5-Дельта 32 излечил и лейкемию, и ВИЧ Брауна. После трансплантации он перестал принимать свои антиретровирусные препараты и больше никогда не показал ВИЧ-положительных анализов.

– И это помогло с синтезом Орхидеи? – поинтересовалась Кейт.

– Это был грандиозный прорыв, открывший уйму разных направлений для исследований. На самом деле CCR5-Дельта 32 защищает носителей не только от ВИЧ, но и от оспы, и даже от

Y. Pestis

– бактерии, вызывающей чуму. Мы сфокусировались на ней. Конечно, тогда мы не вполне предвидели сложности Чумы Атлантиды, но усовершенствовали Орхидею настолько, что она останавливала симптомы. Мы даже близко к ее выпуску не подошли, когда вдруг началась вспышка. Орхидея не вполне была способна излечивать болезнь, но выбора у нас не осталось. В чуме есть какой-то элемент, выделить который мы не могли. Еще один фактор. Но... мы считали, что можем использовать Орхидею. Нашей целью стало сдерживание. Если бы мы смогли поддержать инфицированных и подавить симптомы, то смогли бы остановить болезнь, выиграть немного времени, чтобы выделить эндогенные ретровирусы, вызвавшие чуму и манипулирующие геном Атлантиды – истинным источником. Вот почему твоя работа была столь... интригующей.

– Я все равно не могу понять, откуда такая скорость распространения, – радиация?

– Мы тоже сначала не могли понять. В первые же часы вспышки произошло нечто неожиданное. Чума прорывалась через все карантинные барьеры, которые мы перед ней выставили. Кейт, это было похоже на лесной пожар, ничего подобного мы никогда не видели. Инфицированные индивидуумы, даже пребывая в изоляции, могли заражать других с расстояния свыше трехсот ярдов.

– Не может быть.

– Мы сначала думали, что у нас какие-то проблемы с карантинными процедурами, но такое происходило по всему миру.

– Каким образом?

– Мутация. У кого-то где-то был эндогенный ретровирус – другой древний вирус, погребенный в геноме. Когда его активировали, весь мир пал за считанные часы. Миллиарды людей оказались инфицированы в течение двадцати четырех часов. Как я сказал, наша выборка была слишком мала, чтобы выяснить это; мы просто не могли узнать о другом эндогенном ретровирусе. Честно говоря, мы все еще разыскиваем его.

– Не понимаю, как это могло сказаться на скорости распространения.

– Нам потребовалась не одна неделя, чтобы догадаться. Все наши протоколы сдерживания – по всей планете, – десятилетия планирования, все развалилось в первые же дни. Чуму Атлантиды было не удержать. Стоило лишь ей попасть в страну, как она охватывала все население. То, что мы открыли, казалось, невозможно вообразить. На самом деле инфицированный излучает новую радиацию, а не просто носит радиацию Колокола в своих тканях. Мы считаем, что второй эндогенный ретровирус на самом деле включает гены, заставляющие организм изменить радиацию, которую он излучает.

Кейт пыталась переварить услышанное. Радиацию излучает любой человеческий организм, но она подобна шуму, помехам, субатомному эквиваленту потоотделения.

– Каждый активированный, – продолжал Мартин, – становится радиационным маяком, активирующим и заражающим всех вокруг – даже находясь в палатке биозащиты. Тебя может заразить человек, находящийся в миле от тебя и никоим образом с тобой лично не контактирующий. Никаких протоколов на подобные случаи нет. Вот почему государства всей планеты заражены всеобщей инфекцией – они никак не могли ее остановить. Главной заботой стал контроль за населением, чтобы Иммари и выжившие не захватили мир. Правительства начали создавать Районы Орхидеи и сгонять в них уцелевших людей.

Перед мысленным взором Кейт всплыло здание, облицованное свинцом, где она проводила эксперименты.

– Так вот почему вы обшили здание свинцовыми пластинами – чтобы остановить радиацию...

Мартин кивнул.

– Нас тревожила другая мутация. Откровенно говоря, мы тут вне своей стихии. Речь в данном случае идет о квантовой биологии – субатомных частицах, манипулирующих человеческим геномом. Это взаимопересечение биологии и физики. Оно выходит далеко за рамки наших представлений, будь то физика или биология. Мы лишь чуть копнули поверхность неведомого и поняли, что порядком отстали, но за последние три месяца узнали немало нового. Нам было известно,

что ты и мальчики обладаете иммунитетом к чуме, поскольку выжили в Китае. Мы пытались выделить ретровирус, способный вызывать радиацию. Более всего мы боялись, что эта радиация от участников исследований – от новой мутации – сможет просочиться в лагерь, подорвав эффективность Орхидеи. Если бы это случилось, уже ничто не встало бы на пути чумы. Эффективность Орхидеи падает, но мы в ней нуждаемся; нам требуется еще немного времени. По-моему, мы близки к созданию лекарства. Остался последний фрагмент головоломки. Я думал, он здесь, в Южной Испании, но я заблуждался... насчет нескольких вещей.

Кейт кивнула. Снаружи послышался какой-то рокот, словно раскаты грома вдалеке. Но какая-то мелочь по-прежнему не давала ей покоя. Будучи ученым, Кейт понимала, что верным обычно оказывается самое простое объяснение.

– А каким образом вы настолько быстро разобрались, что есть и другой эндогенный ретровирус? Что внушило вам такую уверенность, будто в деле замешаны два ретровируса? Почему не один? Один вирус может провоцировать разные последствия – распространение и развитие, запуск радиации...

– Действительно... – Мартин помолчал, словно ломая голову, что сказать. Кейт хотела открыть рот, но Грей, остановив ее поднятой рукой, продолжил: – Дело в кораблях. Они разные.

– Каких кораблях?

– Кораблях атлантов – в Гибралтаре и Антарктиде. Когда мы нашли сооружение в Антарктиде, то предположили, что оно будет приблизительно того же возраста и конструкции, что и сооружение в Гибралтаре.

– А это не так?

– Ни единого совпадения. Теперь мы считаем, что корабль в Гибралтаре – посадочный модуль, подобие планетарной шлюпки. А корабль в Антарктиде – космическое судно, весьма мощное.

Кейт попыталась сообразить, какое это имеет отношение к чуме.

– Вы считаете, шлюпка отчалила от антарктического судна?

– Так мы предполагали, но радиоуглеродное датирование опровергает это предположение. Гибралтарский корабль старше антарктического и, что важнее, пробыл на Земле не в пример дольше – вероятно, на сотню тысяч лет.

– Не понимаю, – призналась Кейт.

– Насколько мы можем судить, технологии в обоих кораблях сходные; в обоих есть Колоколы, но они относятся к разным периодам времени. Я полагаю, корабли принадлежали разным группировкам атлантов, которые воевали между собой. Полагаю, эти две группировки пытались манипулировать человеческим геномом для каких-то своих целей.

– Чума – их оружие для нашего биоформования?

– Такова гипотеза, – кивнул Мартин. – Она выглядит безумной, но это единственное осмысленное объяснение.

Грохот снаружи стал громче.

– Что это? – спросила Кейт.

Минутку послушав, Мартин вдруг встал и поспешно вышел.

Подойдя к раковине, Кейт поглядела на себя в зеркало. Лицо ее заметно осунулось, щеки ввалились, а темные, явно крашенные волосы придавали готический облик. Включив воду, Кейт принялась смывать с пальцев коричневые следы краски, не услышав за шумом воды возвращения Мартина. Он привалился к косяку, стараясь отдышаться.

– Смывай эту дрянь с волос. Надо идти.

Глава 22

Храм Святой Марии Воплощения

Марбелья, Испания

Быстро разбудив мальчиков, Кейт начала подталкивать их к выходу из церкви. Мартин уже нетерпеливо дожидался во дворе с тяжелым рюкзаком на плечах и лицом, омраченным тревогой. Поглядев через двор, Кейт поняла причину его переживаний. По улице мчался нескончаемый людской поток. Обезумевшая толпа, не разбирая дороги, с топотом бежала по булыжной мостовой. Эта сцена напомнила Кейт быков, несущихся по улицам Памплоны.

В углу двора у белой стены церкви валялись два дохлых пса. Мальчики отчаянно пытались зажать уши.

Поспешив им навстречу, Мартин взял Ади за руку.

– Их мы понесем.
– Что происходит? – выдавила Кейт, поднимая Сурью на руки.
– Очевидно, газ предназначался для собак. Иммари сгоняют всех в кучу. Нам надо поторопиться.

Кейт вслед за Мартином устремилась в людской поток. Теперь, когда газ не перекрывал обзор, Кейт заметила, что тесные улочки завалены хламом падения Марбельи – обгорелыми остовами автомобилей, крадеными, а потом брошенными товарами наподобие телевизоров и опрокинутыми столами и стульями покинутых кафе на улицах и в переулках.

Над домами, выстроившимися вдоль улицы, поднималось солнце, и Кейт прищурилась, стараясь защитить глаза от слепящих бликов. Мало-помалу она приспособилась, и топот превратился для нее лишь в фоновый шум, сопровождающий пробежку на рассвете.

Кто-то врезался Кейт в спину, едва не сбив ее с ног, но Мартин схватил ее за руку и поддержал, продолжая двигаться вперед. Позади них сквозь толпу пробивалась новая группа беглецов, мчавшихся еще быстрее и обгонявших бегущую трусцой массу. Кейт заметила, что вокруг есть больные – день без Орхидеи, и симптомы Чумы Атлантиды уже проявились вновь. Вид у них был панически-безумный.

Мартин указал на переулок в десятке метров впереди, сопроводив жест какими-то словами, но Кейт не расслышала их за шумом и просто последовала за Греем, держась поближе к домам, обрамляющим главную улицу. Они едва успели нырнуть в переулок, как крохотную брешь, оставленную ими в людской массе, уже заполнили новые тела.

Мартин упорно продвигался вперед, и Кейт изо всех сил старалась поспевать за ним.

– Куда мы идем? – спросила она.

Остановившись и тяжело дыша, Грей уперся ладонями в колени. Для своих шестидесяти он находился в куда худшей форме, чем Кейт, и она понимала, что долго он такой темп не удержит.

– На север. К горам. Дурачье, – пропыхтел Мартин. – Их гонят, как стадо. Мы уже близко к точке рандеву. Пошли.

Снова подняв Ади, он зашагал дальше по тесному переулку.

По мере их продвижения на восток, к покинутой части города, гул бегущей толпы у них за спинами понемногу начал затухать. То тут, то

там в пустых с виду зданиях слышались шумы и шорохи людского присутствия.

– Им остается только бежать или прятаться, – кивком указал Мартин на дома.

– А что умнее?

– Прятаться. Вероятно. После зачистки города Иммари перебросят свои войска в следующий населенный пункт. Во всяком случае, так они поступали в других странах.

– Если скрываться безопаснее, то почему бежим мы?

– Мы не можем рисковать, – Мартин посмотрел на нее. – А САС тебя вытащит.

Кейт встала как вкопанная.

– Вытащит
меня?

– Я не могу отправиться с тобой, Кейт.

– Что ты хочешь этим...

– Меня тоже разыскивают. Если Иммари пробились на север, там будут контрольно-пропускные пункты. Если меня схватят, то будут высматривать тебя. Я не могу рисковать и выдать тебя. А еще... мне надо кое-что отыскать.

Не успела Кейт запротестовать, как поперечную улицу впереди заполнил рев дизельных двигателей. Добежав до конца переулка, Мартин присел на корточки за углом здания, выудил из рюкзака зеркальце и выставил его за угол, повернув так, чтобы видеть улицу. Кейт пристроилась у него за спиной. По улице медленно полз большой грузовик с зеленым брезентовым тентом над кузовом, вроде тех, которые привезли выживших в лагерь. По бокам от него цепью шли солдаты в противогазах. Они переходили от двери к двери, прочесывая дома. А за их спинами на улице вспухало облако газа.

Кейт начала говорить, но Мартин, торопливо встав, молча указал на узкий проход между зданиями ближе к середине переулка. И они в прежнем надрывном темпе устремились в тесный провал.

Через несколько минут лихорадочного бегства узкий коридор вывел их в более просторный переулок, вливающийся в открытый променад с большим каменным фонтаном.

– Мартин, ты должен идти с нами...

– Тихо! – отрезал Мартин. – Это обсуждению не подлежит, Кейт.

Немного не дойдя до променада, он остановился, снова достал из рюкзака зеркальце и начал посылать солнечные зайчики. Ему тут же ответили такие же сполохи света по ту сторону площади.

Мартин обернулся к Кейт, и в этот миг площадь содрогнулась от взрыва. В воздух взметнулась туча пыли. В ушах у Кейт зазвенело, она почти ослепла от пыли. Почувствовала, как Мартин хватается за руку, в свою очередь, схватила Ади и Сурью, и все вместе они ступили в клубящийся на площади хаос.

Сквозь оседающую пыль Кейт увидела, как из боковых улиц и переулков хлынуло войско Иммари. Солдаты в испанской полевой форме – несомненно, эвакуационная команда САС, которой подавал сигналы Мартин, – укрывшись за массивным каменным фонтаном, открыли огонь по Иммари. Не прошло и пяти секунд, как грохот гранат и автоматных очередей стал просто оглушительным. Двое из солдат САС упали. Остальных окружили превосходящие силы Иммари.

Мартин потянул Кейт за собой, увлекая ее к улице на северной стороне площади. Но едва они добрались до нее, как людская волна, вырвавшаяся из поперечного переулка, хлынула навстречу Кейт, Мартину и мальчикам.

Кейт оглянулась на площадь. Треск последних выстрелов умолк, оставив после себя лишь раскаты грома – топот людской стены, несущейся прямо на них. Солдаты САС были мертвы – двое лежали в воде фонтана, покрасневшей от их крови, а еще двое распростерлись ничком на булыжной мостовой.

Глава 23

Старый город

Марбелья, Испания

Кейт не могла оторвать глаз от солдат Иммари позади. Она ожидала, что они ринутся через променад, чтобы схватить ее, Мартина и обоих мальчиков, но они почему-то ничего не сделали. Вместо этого они просто околачивались на улицах и в переулках, выходящих на площадь, расхаживая перед массивными грузовиками: одни курили, другие говорили по радио, и все держали автоматы на изготовку, дожидаясь неизвестно чего.

Кейт обернулась к Мартину:

– Чего они...

– Это зона погрузки. Они просто ждут, когда люди сами на них выйдут. Пошли, – он ринулся в узкую улочку, устремляясь прямо навстречу надвигающейся толпе.

Поколебавшись, Кейт бросилась следом. Толпа была уже в сотне метров, и расстояние стремительно сокращалось.

Мартин подергал ближайшую дверь магазина на первом этаже, но та была заперта.

Метнувшись через улицу, Кейт рванула дверь кафе. Та даже не шелохнулась. Женщина привлекла мальчиков к себе. Толпа была уже в пятидесяти метрах. Кейт попробовала дверь особняка рядом с магазином. Тоже заперто. Толпа сомнет ее вместе с мальчиками через считанные секунды, втопчет их в пыль. Может, удастся, поставив мальчиков перед собой, втиснуть их в дверной проем, заслонив собой... Подтолкнув их вперед, она замерла в ожидании.

Услышала, как сзади подбегает Мартин, намереваясь защитить ее собственным телом, как она уже загородила мальчиков своим.

Толпа была уже в тридцати ярдах. Несколько беглецов оторвались от массы, устремляясь вперед с решительными, холодными взорами. На Кейт, Мартина и мальчиков они даже не взглянули, промчавшись мимо с непрошибаемым равнодушием.

В окне второго этажа кто-то отвел кисейную штору. В окне показалось лицо ровесницы Кейт – темноволосой, с оливковой кожей. Поглядев вниз, она встретилась взглядом с Кейт. Прошло мгновение, и выражение тревоги на лице женщины сменилось... озабоченностью? Кейт хотела окликнуть ее, но та уже скрылась.

Она втиснула мальчиков в дверной проем.

– Стойте спокойно. Это очень важно.

Мартин оглянулся на надвигающееся скопище.

А затем дверь перед ними, щелкнув, распахнулась, отчего Кейт, Мартин и мальчики повалились на пол. Мужчина поднял их на ноги, а женщина из окна второго этажа тем временем захлопнула дверь. Раскатистый топот ног уже пробивался сквозь окна и двери.

Мужчина и женщина повели их в глубь дома, в гостиную с большим камином, но без окон. Странное место озаряли свечи, и глаза Кейт не сразу приспособились к полумраку.

Мартин что-то затараторил по-испански. Кейт принялась осматривать мальчиков, но они вырывались и отбивались от ее рук. Оба уже почти дошли до ручки – перевозбудились, устали, не понимали, что происходит... Как же ей быть? Больше они этого не вынесут. «Можем ли мы здесь прятаться?» Точь-в-точь как сказал Мартин: или бежать, или прятаться.

Расстегнув рюкзак, висящий на плечах у Грея, она достала оттуда два блокнота и карандаши и отдала их мальчикам. Схватив канцелярские принадлежности, Ади и Сурья забились в уголок. Им требовалось хоть какое-то подобие нормы, нечто знакомое, чтобы обрести опору и успокоиться.

Мартин бурно жестикулировал, так что Кейт никак не могла застегнуть рюкзак, и все повторял одно слово –
túnel

. Переглянувшись, хозяева поколебались, но все-таки кивнули и дали Мартину нужный ответ. Он оглянулся на Кейт.

– Мальчиков нужно оставить.

– Ни в коем случае...

Он отвел ее к камину и заговорил вполголоса:

– Чума отняла у них сыновей. Они возьмут мальчиков. Если Иммари будут придерживаться предыдущего протокола зачистки, семьи с маленькими детьми трогать не станут – если те принесут присягу. Призывают только подростков и бездетных взрослых.

Кейт огляделась, мысленно подыскивая контрдоводы. На каминной доске красовалась фотография хозяев, которые стояли на пляже, положив руки на плечи двум улыбающимся мальчикам примерно одного возраста с Ади и Сурьей. Да и цвет волос и кожи у них был приблизительно такой же.

Кейт перевела взгляд с семейной четы на мальчиков. Те тихонько трудились в углу возле запаса свечей, ссутулившись над своими блокнотами. Кейт прищурилась и попыталась собраться с мыслями.

– Они не говорят по-испански...

– Кейт, да они вообще почти не разговаривают. Эти люди будут заботиться о них, как сумеют. Это наш единственный козырь. Ты только подумай: мы спасем сразу

четыре

жизни, – он указал на взрослых. – Если мальчиков поймают с тобой или со мной, то сразу же поймут, кто они такие. Мы только подвергаем их излишнему риску. Так необходимо поступить. Мы за ними вернемся. И потом, их нельзя взять с собой туда, куда мы направляемся. Это будет... труднее.

– А куда мы...

Но Мартин не дал ей договорить, быстро сказал что-то хозяевам, и все трое вышли из гостиной.

Кейт за ними не последовала, вместо этого подойдя к мальчикам в углу и заключив их в объятия. Те начали сопротивляться, но через минуту успокоились. Поцеловав каждого в макушку, Кейт их наконец отпустила.

Дожидавшиеся за порогом супруги провели Мартина и Кейт по узкому коридору в тесный кабинет с большим дубовым письменным столом и книжными шкафами от пола до потолка. Подойдя к шкафу у дальней стены, мужчина принялся сбрасывать тяжелые тома на пол. Жена к нему присоединилась, и скоро полки опустели. Поднатужившись, мужчина отодвинул шкаф от стены, нажал на кнопку рядом со шкафом, и секция стены со щелчком ушла вглубь. Он толкнул эту секцию, и она, повернувшись, открыла взорам грязный каменный тоннель.

Глава 24

Старый город

Марбелья, Испания

Кейт всегда ненавидела тоннели. Влажные каменные стены будто сочились черной слизью, липшей к коже на каждом углу, а поворотов было столько, что и не сосчитать. Какое-то время назад она шепотом поинтересовалась у Мартина, знает ли тот, куда направляется, но Грей в ответ лишь торопливо шикнул, что Кейт восприняла как «нет». Но куда ж им еще податься? Мартин шел впереди с яркой светодиодной панелью в руке, освещавшей тоннель ровно настолько, чтобы не позволить им врезаться лбами в склизкую каменную стену.

Спустя некоторое время тесный туннель вывел их в круглый зал, от которого в трех направлениях расходились новые коридоры. Остановившись, Мартин поднес световую панель к лицу.

– Ты голодная?

Кейт кивнула. Сняв со спины рюкзак, Мартин откопал в нем протеиновый батончик и бутылку воды.

Сжевав батончик, женщина отхлебнула воды, а потом спросила вполголоса:

– Ты ведь даже не представляешь, куда направляешься, не так ли?

– Вообще-то не совсем. На самом деле я не уверен, что туннель вообще куда-нибудь ведет.

Кейт поглядела на него с любопытством.

Поставив световую панель на землю, Мартин глотнул воды.

– Как и большинство старинных городов Средиземноморья, Марбелья тысячелетиями являлась перекрестком человеческих войн. Греки, финикийцы, карфагеняне, римляне, мусульмане – и этим список далеко не исчерпывается. Марбелья сотни раз подвергалась разграблению. Я знал, что в древних купеческих домах в Старом городе должны быть подземные ходы. Богачи пользовались ими, чтобы избежать бесчинств, творящихся в каждом городе, захваченном неприятелем. Некоторые тоннели – просто потайные убежища. Кое-какие из ходов могут вести за город, хотя лично я сомневаюсь. В лучшем случае они связаны с новой канализационной системой города. Но, по-моему, здесь мы в безопасности. Хотя бы на время.

– Иммари не станут обшаривать катакомбы?

– Сомневаюсь. Они прочесывают дом за домом, да и то спустя рукава. Главным образом ищут смутьянов и тех, кто не попался в

расставленные ими сети. Полагаю, худшее, с чем мы рискуем здесь столкнуться, – это крысы и змеи.

Кейт поежилась, представив, как невидимая змея ползет по ней в темноте. А при мысли о сне здесь, в окружении змей и крыс... Она вскинула руки в умоляющем жесте.

– О некоторых подробностях ты мог бы и умолчать.

– А, правда... Извини, – он взялся за рюкзак. – Еще есть будешь?

– Нет, но все равно спасибо. А что теперь? Сколько нам тут ждать?

Мартин минутку поразмыслил.

– Исходя из размеров Марбелли, я бы сказал, пару суток.

– А что происходит наверху?

– Всех гребут в кучу и делают предварительную сортировку.

– Сортировку?

– Сначала от тех, кто выжил, отделяют умирающих и деградирующих. Каждого выжившего ставят перед выбором: присягнуть Иммари на верность или отказаться.

– А если откажутся?

– То их поместят к умирающим и деградировавшим.

– А что будет...

– Иммари эвакуируют все население. Всех присягнувших, а вместе с ними и остальных они сажают на чумную баржу, направляющуюся на одну из их оперативных баз. К пункту назначения прибывают только присягнувшие, – подхватив световую панель, Мартин приподнял ее, чтобы видеть лицо Кейт. – Это важно. Если нас поймают и ты встанешь перед выбором, ты обязана будешь присягнуть. Обещай мне, что присягнешь.

Кейт кивнула.

– Это всего лишь слова. Главное сейчас – выжить.

– А ты тоже принесешь присягу?

Мартин опустил световую панель на землю, и тьма снова заполнила разделяющее их пространство.

– Я – дело другое, Кейт. Им известно, кто я такой. Если нас схватят, нам придется разделиться.

– Но ты присягнешь?

– Для меня это не вариант, – Мартин зашелся кашлем, будто заядлый курильщик. Кейт тут же задумалась, что именно витает в

воздухе этих катакомб и чем они дышат. Грей тряхнул головой. – Я однажды уже присоединился к ним. Это была величайшая ошибка в моей жизни. Со мною все обстоит иначе.

– Это же просто слова, – укорила его Кейт.

– Туше́, – проворчал Мартин. – Это трудно объяснить...

– А ты попробуй, – женщина сделала еще глоток воды. – Времени у нас хоть отбавляй.

Грей снова закашлялся.

– Надо вывести тебя на свежий воздух, – сказала Кейт.

– Воздух тут ни при чем, – сунув руку в рюкзак, Мартин выудил белый футлярчик.

В тусклом свете Кейт увидела, как он сунул в рот белую пилюлю, напоминающую цветок с тремя большими лепестками в форме сердца и красным кружком посередине. Орхидея.

От шока у Кейт перехватило дыхание.

– Ты...

– Не обладаю иммунитетом, да. Не хотел тебе говорить. Знал, что ты будешь волноваться. Если нас схватят, я окажусь в лагере для умирающих. Если это случится, ты должна будешь завершить мои исследования. Вот, – он вручил ей небольшую тетрадку, извлеченную из рюкзака.

Кейт без интереса отложила ее в сторону.

– Сколько еще пилюль у тебя осталось? – осведомилась она.

– Достаточно, – сухо отозвался Мартин. – За меня не тревожься. А теперь отдохни. Я посторожу первым.

Глава 25

Старый город

Марбелья, Испания

– Кейт! Проснись!

Кейт открыла глаза. Мартин стоял над ней. В призрачном свете светодиодной панели женщина увидела написанную у него на лице тревогу.

– Пошли, – проговорил Грей, поднимая ее на ноги. Взяв рюкзак, он вручил его Кейт, а сам что-то достал оттуда... Пистолет. – Надевай рюкзак. Держись позади меня. – И с этими словами он повернулся к дальнему концу круглого зальчика.

Кейт ничего не увидела, но... услышала. Шорох шагов. Нацелив пистолет на входной проем, Мартин опустил другую руку и беззвучно выключил свет. Воцарилась непроглядная тьма.

Медленно потянулась секунда за секундой. Шаги становились все громче. Судя по звуку, приближались двое. В проеме забрезжил свет, мало-помалу разгораясь, обретая форму и размер. Фонарь. Он пересек порог за полсекунды до владельца – бородатого тучного мужчины, почти заслонившего собой более юную женщину, шагавшую за ним по пятам.

При виде Мартина, направившего на него пистолет, толстяк выронил фонарь и отпрянул, сбив женщину с ног.

Грей стремительно преодолел разделяющее их расстояние. Заслонившись руками, толстяк что-то затараторил по-испански. Мартин, поглядев сперва на него, а потом на женщину, вступил с ним в беседу на испанском. Закончив разговор, Мартин еще секунду-другую разглядывал их, словно оценивая услышанное, и обернулся к Кейт.

– Возьми фонарь. Они говорят, в катакомбы запустили собак, а следом идут солдаты.

Кейт схватила фонарь, а Мартин взмахом пистолета дал мужчине и женщине знак подниматься и идти в другой коридор – тот самый, через который пришел вместе с Кейт. Те повиновались, как арестанты под конвоем, и все четверо в молчании устремились туда быстрым шагом.

Коридор вывел их в другой круглый зал, где они обнаружили еще шестерых. После недолгих торопливых переговоров они тоже влились в отряд Кейт и Мартина, тут же снова тронувшийся в путь.

Кейт все ломала голову, как же им быть при встрече с собаками и солдатами. Ее пистолет лежал в рюкзаке, и Кейт почти помимо воли начала подумывать, не достать ли его. Но прежде чем она успела на это решиться, туннель вдруг окончился в громадном прямоугольном зале с высоким потолком. Выхода из него не было.

Внутри уже находились две дюжины человек, которые повернули головы к вошедшей группе Кейт и Мартина.

Толстяк у Кейт за спиной что-то закричал. Обернувшись, она увидела, что он разговаривает по карманной рации. «Что за...»

Дальняя стена вдруг взорвалась, швырнув в зал комья земли, обломки и невидимую взрывную волну. Кейт всем телом почувствовала удар о пол тоннеля. В зал хлынул свет, воспламенив сиянием клубящуюся пыль. В пролом повалили солдаты Иммари, принявшись выволакивать людей из сокрушенного каменного зала. Толстяк с женщиной и полдюжины остальных им помогали.

В ушах у Кейт зазвенело, а от ошеломляюще яркого света голова пошла кругом, желудок комом подкатил под горло.

Кейт увидела, как один из солдат сунул в карман пистолет Мартина, поднятый с земли, потом подхватил и вынес его самого. Затем другой солдат схватил ее. Кейт отбивалась, но тщетно. Ее сцапали. Сцапали их всех.

Глава 26

Открыв глаза, Дориан посмотрел через широкую стеклянную панель. Он вовсе не в трубе, как в прошлый раз. «Где я? Неужели я мертв, на этот раз по-настоящему?» Должно быть, спецназовец выстрелил ему в голову. Дориан посмотрел вниз. На нем оказалась форма – в точности такая же, как была на атланте. Изображение сфокусировалось. Большое окно выходило в космос. Нижнюю его половину заполнила собой сине-зеленая планета. Могучие машины ползали по ее поверхности, бороздя грунт и вздымая в атмосферу тучи красной пыли. Да нет, какой там грунт – они двигали горы.

– Геологическая партия прибыла, генерал Арес. Тектонические плиты в Северном полушарии не будут доставлять проблем еще четыре тысячи лет. Оставить их?

Дориан обернулся и посмотрел на того, кто это произнес. Он стоял рядом со Слоуном в отсеке, должно быть служившем наблюдательной палубой космического корабля. Дориан услышал собственный голос:

– Нет. Через четыре тысячи лет они сами с ними управятся. Расквартировывайтесь.

Он повернулся обратно к окну и в стекле увидел собственное отражение, но смотревший на него человек оказался вовсе не

Дорианом; он был атлантом – более юной версией. Его роскошная золотисто-белая шевелюра была гладко зачесана назад.

Стекло исчезло, а воздух и сила тяжести изменились. Вдали взорвалась бомба, и Дориан понял, что находится в большом городе, но вовсе не на Земле – это он сообразил тотчас же. Форма каждого здания казалась уникальной. Они сверкали, будто возведены были только вчера из какого-то невиданного материала. Здания соединяли между собой переходы, пересекавшие город, будто паутина, опутавшая искрящиеся кристаллами жеоды. Затем одно из зданий рухнуло, и воздушные мостики, связывавшие его с соседними зданиями, оборвались, будто руки, отпустившие падающее тело. Прогремел еще взрыв, и рухнуло еще одно здание.

Солдат рядом с Дорианом, деликатно кашлянув, негромко осведомился:

– Начинать, сэр?

– Нет. Пусть это немного продлится. Покажем миру, с какого рода людьми мы сражаемся.

Еще взрыв – и горизонт потемнел, снова сменившись чернотой и прозрачностью космического пространства. Теперь Дориан стоял на другой наблюдательной палубе – на планете. Нет, на луне. Планету он видел справа от себя, но космос являл взгляду куда более впечатляющее зрелище. Целая армада кораблей приблизилась к пылающей белой звезде – сотни, а то и тысячи кораблей. От такого зрелища перехватывало дыхание. Дориан почувствовал, как волоски на руках встают дыбом от пробежавших по коже мурашек. В голове крепко засела одна-единственная мысль: «Я победил».

Слоун попытался сфокусировать зрение, но образ от него ускользал. Он находился где-то в другом месте, на планете, шагал по длинной бетонной дорожке к циклопическому монолитному сооружению. Он шел в гордом одиночестве, но дорожку с обеих сторон обступали толпы, многие толкались и работали локтями, только бы поглядеть на него. У основания каменного монумента, перед темным отверстием входа, его дожидались женщина и двое мужчин. Дориан все не мог разобрать надпись, высеченную над входом, но каким-то образом знал, что она гласит: «Здесь лежит наш последний солдат».

– Мы приняли решение, – шагнув вперед, заговорила женщина. – Тебя ждет долгая дорога вечности.

Дориан понимал, что женщина работает на камеру, возглашая слова, которые войдут в историю. Она его предала.

– Каждый человек заслуживает право на смерть, – ответил он.

– Легенды не умирают.

Дориан обернулся и на долю секунды задумался, не обратиться ли в бегство. Так его и запомнят – по его последним действиям. Он вошел в гробницу, миновал каменный фасад и ступил в судно. Мерцающее серое марево стен отразило бусинки огней, сияющих у пола и потолка. Последние лучи солнца угасли в оставшемся позади тоннеле, и свет внутри исполинского зала перестроился. Ряды труб нескончаемо уходили вдаль, сколько видел глаз. Все они были пусты. Первая труба в ряду с шипением медленно открылась, и Дориан зашагал к ней. Быть по сему.

Едва закрывшись, труба тут же открылась вновь, и Дориан выбежал из усыпальницы. Темное небо со всех сторон озарили сполохи. Поморгав, он обнаружил, что стоит посреди пустынной улицы в другом паутинном городе. Взрывы казались куда обширнее прежних. Рушился буквально весь город, и Дориан увидел корабли, нисходящие с небес.

А потом он снова оказался в бескрайнем зале с трубами. Теперь все они были заняты. Слоун побежал по длинному коридору. В ужасе увидел, как атланты, его народ, пробуждаются, с криком выскакивают из труб и погибают. Поток людей казался бесконечным. Как только умирал один, в трубе формировалось новое тело на смену, и бесконечный цикл смертных мук повторялся заново. Бросившись к пульта управления, Дориан принялся манипулировать с язычками белого и зеленого света, омывшими его ладонь. Надо остановить последовательность возрождения, положить конец их адским пыткам. Они могут никогда не проснуться, но он в состоянии обеспечить их безопасность. Он солдат. Это его работа... его долг.

Слоун отошел от пульта управления, и снова оказался на наблюдательной палубе корабля. Внизу проплывала синяя, зеленая и белая планета. Земля. Небеса ее были чисты, а земля внизу хранила девственную неприкосновенность. Ни городов, ни цивилизации. «Чистый холст. Шанс начать заново».

Дориан обернулся и снова увидел усыпальницу, но не зал с трубами. Он находился в помещении поменьше, всего с двенадцатью трубами, и все они были пусты. Дориан моргнул, и в центральной трубе появилось тело – доисторический человек. Он снова моргнул, и появился другой человеческий предок.

Комната померкла, а он оказался под открытым небом, на вершине горы. Обзор искажал изгиб стекла – забрало шлема. На нем был легкий скафандр наподобие того, который дал ему атлант, и стоял он на металлической колеснице, парившей чуть выше черты леса.

Солнце стояло высоко в небе, и лес под ним был зеленым и густым, нарушаемым только скальными уступами, нисходящими в долину, будто ступени исполинской лестницы.

Вдоль гребней пещерные люди сражались деревянными и каменными орудиями. Теперь Дориан разглядел, что это два разных биологических вида. Один вид был помельче, зато орудия у его представителей были лучше. Они накатывались на крупных противников волнами, швыряя в них копья, и общались между собой грубыми гортанными звуками, координируя свои атаки.

Солнце катилось по небу, и долина заполнилась бойцами. Война неистовствовала, и резня была почти поголовной. Кровь текла по земле, марая белые и серые камни. Дориан все парил над ними в колеснице, наблюдая и выжидая.

Затем солнце над долиной закатилось и почти так же быстро взошло, и в долине воцарился покой. На дне трупы громоздились в таком множестве, что Дориан не мог различить земли. Над массовым побоищем роились мухи. В небе кружили стервятники. На скалистых гребнях победители с телами, изукрашенными алыми и черными красками сражения, потрясали в воздухе копьями и каменными топорами, молча глядя вниз. Крупный мужчина – вождь, как заключил Дориан, – ступив вперед, зажег факел. Потом, проговорив какие-то слова – вернее, издав варварский клекот, – швырнул факел вниз, в долину. Стоящие на гребне последовали его примеру, и огненный дождь воспламенил в долине подлесок, а за ним деревья и трупы.

Дориан с улыбкой включил рекордер шлема. «Подвид 8472 выказывает выдающиеся способности к организованному ведению военных действий. Он – вполне логичный выбор. Истребляет другие

генетические линии». И впервые ощутил надежду, глядя на этих примитивных воинственных существ.

Дым заполнил долину и медленно начал взвиваться кверху, поглощая лес, а за ним и гребень. Отряд ликующих победителей скрылся в дыму, черно-белыми клубами вздымающемся вверх вокруг Дориана. Столб дыма поглотил его, а когда рассеялся, Слоун снова взирал из трубы в антарктическом зале – том же самом судне, которое существовало еще на родной планете атлантов. Его мысли снова принадлежали ему, да и тело тоже.

Новое. Очередное.

Атлант стоял, безмятежно наблюдая за ним. Дориан вглядывался в его лицо, рассматривал гриву белых волос на голове. Это он был на корабле, в сновидении Дориана. Но было ли это сновидением?

Труба открылась, и Слоун вышел.

Глава 27

В двух милях под оперативной базой Иммари «Призма»

Антарктида

Дориан взирал на атланта добрую минуту. Затем оглянулся по сторонам и сказал:

– Ну ладно. Ты привлек мое внимание.

– Ты не разочаровываешь меня, Дориан. Я показал тебе крах моего мира и происхождение твоего вида – и этим просто привлек твое внимание?

– Я хочу знать,
что
видел.

– Воспоминания, – ответил атлант.

– Чьи?

– Наши. Твои и мои. Воспоминания из моего прошлого, воспоминания из твоего будущего, – атлант зашагал прочь от него, к устью зала, где распростерлись трупы Дориана и Дэвида.

Слоун последовал за ним, прокручивая в голове все сказанное. Каким-то образом он знал, что это правда. События – его воспоминания – были истинными. Но как?

Ведя Дориана по металлически-серому коридору, атлант снова заговорил:

– Ты – человек особенный. Ты всегда знал, что ты не такой, как все, что у тебя есть высшее предназначение.

– Я...

– Ты – это я, Дориан. Меня зовут Арес. Я солдат, самый последний солдат моего народа. Благодаря странной причуде судьбы ты унаследовал мои воспоминания. Все это время они пребывали в спячке в глубине твоего сознания. Я узнал о них только тогда, когда ты вошел в это судно.

Дориан с прищуром поглядел на атланта – Ареса, – не зная толком, что на это сказать.

– В глубине души ты знаешь, что это правда. В тысяча девятьсот восемнадцатом году умирающего семилетнего мальчика поместили в трубу в Гибралтаре. Пробудившись в тысяча девятьсот семьдесят восьмом, ты уже был не тот, что прежде. И изменило тебя отнюдь не время. Ты был одержим ненавистью, ты жаждал мести, рвался сколотить армию, дабы разбить врага человечества и отыскать своего отца. Ты был проникнут осознанием своего предназначения – сражаться за будущее своего племени. Именно ради этого ты сюда и прибыл. Ты даже знал, что должен сделать, – преобразить племя людское на генетическом уровне.

Ты

знал все это потому, что это знал

я

. Таково было мое стремление. Ты обладал моими воспоминаниями. Ты обладал моей силой. Ты обладал моей ненавистью и моими мечтами. Дориан, в этой Вселенной есть враг, более могущественный, нежели ты в состоянии вообразить. Мой народ являлся самой передовой расой в известной Вселенной – а этот враг сокрушил нас всего за сутки. Он придет и за вами. Это лишь вопрос времени. Но ты можешь одержать над ним верх – если хочешь совершить то, что надлежит.

– То есть?

Обернувшись к Дориану, Арес заглянул ему в глаза.

– Ты должен позаботиться о том, чтобы генетическая трансформация твоего вида завершилась.

– Зачем?

– Ты знаешь зачем.

В голове у Дориана пронеслось: «Чтобы создать собственную армию».

– Вот именно, – подтвердил Арес. – Мы ведем войну. А на войне выживает сильнейший. Я направлял вашу эволюцию с одной-единственной целью – выживание. Без окончательных генетических изменений людям здесь не выжить. Никому из нас.

В недрах сознания Дориана засело понимание, что это правда, он всегда знал, что это правда. И теперь все вдруг обрело смысл: его амбиции, его слепое, безрассудное стремление преобразить человеческий род, одолеть невидимого врага... Впервые в жизни все стало четко и ясно. Он обрел покой. Нашел

тот самый

ответ. И сосредоточился на непосредственной задаче.

– Как нам построить свою армию?

– С помощью чемоданчика, который ты вынес. Он излучает радиационную сигнатуру, которая завершит процесс. Мутировавший вирус, который он выпустит, не остановить даже Орхидее. Сейчас, пока мы тут говорим, новая волна инфекции распространяется от участка вспышки в Центральной Германии. Скоро вирус охватит весь мир. Окончательный катаклизм произойдет в ближайшие дни.

– Если это правда, что нам осталось сделать? Ты явно крепко держишь ситуацию в руках.

– Ты должен позаботиться, чтобы никто не нашел лекарства. Там есть наши враги. Потом ты должен освободить меня. Вместе мы сможем взять под контроль выживших. Мы способны одержать победу в битве за эту планету. Это наш народ. Это воинство, которое мы бросим против древнего врага. И, наконец, выиграем эту войну.

Дориан кивнул.

– Освободить тебя. И как?

– Чемоданчик служит двум целям. Он излучает радиацию, которая делает Орхидею неэффективной, а заодно уже создал портал, ведущий к моему местопребыванию, – искусственную червоточину, мостик сквозь пространство и время.

Атлант остановился, и Дориан сообразил, что они находятся перед дверью комнаты, где был чемоданчик и два скафандра. Дверь скользнула в сторону, явив взорам опустевшую комнату, где остался только последний скафандр.

Без единого слова войдя в комнату, Слоун принялся надевать скафандр.

– Ты должен сделать еще кое-что, Дориан. Ты должен привести женщину, которая была здесь. Ты должен найти ее и взять с собой через портал.

Натянув ботинок, Дориан поднял голову.

– Женщину?

– Кейт Уорнер.

– А она-то здесь при чем?

Атлант вывел его из комнаты и зашагал по коридору.

– При всем, Дориан. Она – ключ ко всему. Очень скоро она получит определенную информацию – код. Этот код – ключ к моему освобождению. Ты должен захватить ее

после

того, как она получит код, и привести ко мне.

Слоун кивнул, но мысли его неслись галопом. Откуда атлант это знает?

– Я знаю, потому что прочел ее мысли точно так же, как читаю твои.

– Это невозможно.

– Это невозможно только с вашими

научными знаниями. То, что вы зовете геном Атлантиды, на самом деле является совершенным образчиком биологии и квантовой техники. Он использует физические принципы, которые вы еще не

открыли. Он был направляющей дланью вашей эволюции. Ген наделен множеством функций, но одна из них – включить в вашем организме ряд процессов, управляющих радиацией.

– Радиацией?

– Каждый человеческий организм излучает радиацию. Ген Атлантиды превращает этот поток помех в организованное поле данных – непрерывный поток данных о ваших воспоминаниях и физических изменениях, вплоть до клеточного уровня. Он подобен кумулятивному резервному копированию с передачей данных на центральный сервер каждую миллисекунду.

Они стояли у входа в зал, заполненный, казалось, нескончаемыми рядами труб.

– Когда это судно получает сигнал о смерти и подтверждает, что дальнейших передач не будет, оно собирает новое тело – точную копию, вплоть до последней клеточки и самого последнего воспоминания.

– Так это место...

– Реанимационный корабль.

Дориан попытался уложить это в голове.

– Так они все мертвы?

– Они умерли очень давно. И я не могу пробудить их, да и не стану. Ты же сам видел. Их гибель оказалась скверной, в мире, не знавшем насильственной смерти настолько давно, что и не упомнишь. Но мы с тобой можем их спасти. Они рассчитывают на тебя, Дориан.

Слоун поглядел на ряды труб совершенно новым взглядом. «Мой народ». А другие есть?

– А как насчет корабля в Гибралтаре? Это тоже реанимационный корабль?

– Нет. Это нечто иное. Научное судно. Для местных исследований. Оно не способно к путешествиям в дальнем космосе. Это посадочный модуль – модуль Альфа прибывшей сюда научной экспедиции. В нем находятся восемь реанимационных капсул. Экспедиции – работа опасная, и с учеными порой происходят несчастные случаи. Как тебе известно, реанимационные камеры также обладают способностью к лечению. Воскрешение работает только для атлантов. И радиус у него ограничен. Ядерные взрывы в Гибралтаре, скорее всего, уничтожили

тамошние капсулы. Воскресить тебя могут только эти трубы. Но если ты удалишься отсюда более чем на сотню километров, то не родишься. Система не делает копии, если не будет располагать обновленными данными – это правило Прометея. Если выйдешь в мир, снова станешь смертным. Если умрешь, то умрешь навсегда, Дориан.

– А почему он не... – Слоун поглядел на тело Дэвида.

– Для него я реанимацию отключил. О нем можешь не беспокоиться.

Дориан бросил взгляд вдоль коридора, ведущего наружу.

– Меня уже арестовывали. Мне не доверяют.

– Они видели, как ты умер, Дориан. Когда ты выйдешь отсюда снова – воскресший, с воспоминаниями о том,

что

с тобой случилось, – больше никто не встанет у тебя на пути.

Слоун помешкал секунду-другую. Остался один последний вопрос, но задавать его Дориану не хотелось.

– Что? – спросил Арес.

– Мои воспоминания... наши воспоминания...

– Они придут со временем.

Дориан кивнул.

– Значит, до скорого свидания.

Глава 28

Дэвид Вэйл открыл глаза. Он опять стоял в трубе, но в другом месте – не в кажущемся бескрайним зале подо льдами Антарктиды. Эта комната оказалась миниатюрной – площадью не более двадцати футов на двадцать.

Зрение приспособилось, и комната вошла в фокус. В ней обнаружили еще три трубы – все пустые. Большую часть дальней стены занимал большой экран, расположенный над высокими консолями наподобие панелей управления, которые Дэвид видел в сооружениях атлантов в Гибралтаре и Антарктиде. Под ним на полу валялся скомканный легкий скафандр. В обоих концах комнаты было по закрытой двери.

«Что это? Что со мной стряслось?» Дэвиду комната показалась не похожей на те, что были в Антарктиде, больше напоминая научную лабораторию в Гибралтарском сооружении, которое отец Кейт описывал в своем дневнике. Может, это научная лаборатория? «Если так, почему я здесь? Ради какого-то эксперимента?» И, кроме того, он продолжал недоумевать, почему продолжает пробуждаться в этих трубах всякий раз, когда Дориан Слоун его убивает. Он уже столько раз был расстрелян насмерть, что в голове не укладывалось, но сейчас требовалось сосредоточиться на более неотложном вопросе: как выбраться из трубы? И, будто по подсказке, труба с шипением открылась, и тонкие язычки серого и белого тумана, скользнувшие в комнату, рассеялись.

Дэвид помедлил, окидывая окружение оценивающим взглядом и ожидая, когда невидимый тюремщик сделает следующий ход. Ничего не дождавшись, он ступил в комнату, не без труда управляя почти не слушающимися ногами. Чтобы не упасть, оперся о пульт управления. Под ним лежал легкий скафандр. Шлем покоился у стены позади пульта управления. Теперь Дэвид смог разглядеть, что скафандр поврежден. Наклонившись, он повертел его в руках. Того же типа, что и в голографических роликах, увиденных в Гибралтаре. Атланты надели их, когда вышли из корабля и спасли неандертальца от ритуального пожертвования близ Гибралтарской скалы.

Дэвид принялся изучать скафандр более внимательно. На торсе громадная прореха. Последствие выстрела? Материал выглядел разорванным, но не обугленным. Что это означает? В видеороликах, которые он видел, корабль в Гибралтаре взорвался после того, как громадная волна цунами выбросила его на берег, а потом снова утащила в море. Иммари предположили, что взорвался ряд метановых карманов на дне моря, расколов корабль на несколько частей.

От взрыва пострадал один из атлантов, а другой унес его (или ее) через дверь – предположительно в Антарктиду.

Неужели это скафандр одного из двух атлантов из Гибралтара? Встав, Дэвид принялся обыскивать комнату в поисках других подсказок. На небольшой скамье позади пульта управления лежала какая-то аккуратно сложенная одежда.

Дэвид заковылял к скамье. Ноги уже немного отошли, но еще не на все сто процентов. Он разложил сверток, оказавшийся черным военным мундиром. Поднес к тусклым, напоминающим светодиоды огонькам, которые горели у пола и потолка. Мундир блестел и, казалось, отражал свет, словно картина звездной ночи. Дэвид повернул его, и костюм снова переменялся, подстраиваясь под огни и стены позади себя. Какой-то активный камуфляж. Вся верхняя часть – китель мундира – была гладкой, без каких-либо знаков различия, кроме воротника. Справа на нем виднелась квадратная эмблема:

[Ш]

. «Иммари Интернейшнл». Это мундир армии Иммари.

Слева на петлице поблескивал серебряный дубовый листок – символ ранга подполковника.

Дэвид швырнул мундир обратно на скамейку. Несмотря на наготу, он предпочел бы остаться в чем мать родила, чем надевать на себя этот мундир.

Подойдя к пульту управления, Вэйл взмахнул над ним рукой. Отец Кейт научился пользоваться пультами управления атлантов. Возносящийся от них голубой и зеленый свет начинал взаимодействовать с его рукой, но этот пульт управления остался темным и мертвым. Дэвид прижал к нему пальцы, но никакой реакции не добился.

Он оглянулся на заднюю дверь, посмотрел на переднюю. Нет ничего хуже, чем чувствовать себя крысой в клетке. Подошел к ближайшей двери и постоял там секундочку, но та не распахнулась. Провел ладонью над панелью рядом с ней. Ничего. Прижал обе ладони к серому металлу и надавил, но тот не шелохнулся. Дверь оказалась крепко-накрепко задраена, словно в переборке подводной лодки.

Дэвид опробовал ту же процедуру у противоположной двери – результат оказался тот же. Он в западне. Сколько воздуха у него в запасе? Долго ли он продержится, прежде чем испустит дух от голода?

Вэйл молча уселся на скамейку, оставшись один на один со своими мыслями. Как бы он ни старался, они неизменно обращались к Кейт. Интересно, где она сейчас? Дэвид в душе возносил молитвы, чтобы она находилась в безопасности.

Он думал об их единственной совместной ночи в Гибралтаре, насколько иначе он себя чувствовал в тот момент. А потом, пробудившись, обнаружил, что ее и след простыл. За это Дэвид ее простил; она лишь старалась спасти его. Но он допустил другую ошибку: снова позволил ей скрыться из виду в Антарктиде, когда остался позади, чтобы сдержать Дориана и его людей.

Дэвид решил, что больше подобному случиться не позволит. Если ему удастся покинуть стены этой комнаты, он непременно найдет Кейт, где бы она ни находилась в пределах того, что уцелело от планеты, – и больше никогда не спустит с нее глаз.

Глава 29

Марбелья, Испания

Кейт пришла в себя в темной тесноте полуприцепа, до отказа набитого людьми, стиснутыми как сельди в бочке по пути на рыбный рынок у пристани. Во всяком случае, воняло именно так – потом и рыбой. Люди кашляли и толкались локтями, потому что прицеп беспрестанно подбрасывало на ухабах. Должно быть, грузовик гнал на всем ходу по тряским улицам Марбельи.

Кейт хотела найти Мартина, но едва видела на пару футов перед собой. Она удовольствовалась тем, что тихо села у стены в наименее стесненной передней части прицепа, вдали от двустворчатых дверей в конце.

Грузовик сбросил ход, на несколько секунд остановился и покатил дальше – на сей раз едва ли не ползком. Потом затормозил настолько резко, что его пневматические тормоза громко взвизгнули. Через пару секунд ворчание двигателя смолкло.

На пассажиров прицепа волной накатилась паника. Все вскочили на ноги и бросились к дверям за долю секунды до того, как те открылись.

Свет заходящего солнца показал сцену снаружи. Кейт застыла посреди людей, огибающих ее слева и справа, глядя на преобразившуюся картину.

Два голубых флага Орхидеи, висевшие на ограде, превратились в обугленные обрывки. Имтари оставили их висеть – вероятно, в

качестве символа, знака своего триумфа. А свои черные флаги повесили по обе стороны от ворот лагеря. Солдаты Иммари в черных мундирах вышагивали на сторожевой вышке наверху – единственной избежавшей полного уничтожения.

Теперь прицеп стремительно пустел. Кейт мысленно отыскивала какой-нибудь план действий. Сбросила рюкзак с плеч, расстегнула молнию. Внутри обнаружилась плотная подкладка. Огнеупорная и водонепроницаемая? Кейт осмотрела содержимое: пистолет, ноутбук, спутниковый телефон, тетрадка Мартина и смахивающий на термос аппарат, куда он поместил пробу. Кейт достала пистолет. С помощью оружия ей отсюда не вырваться; по правде говоря, она сомневалась, что вообще сумеет воспользоваться каким бы то ни было оружием. Требовался другой план, а если ее поймают с пистолетом... Кейт засунула его в темный угол. Остальное снаряжение нужно сохранить – Мартин берег его; должно быть, оно необходимо для поисков лекарства.

А еще Мартин сказал ей, что будет дальше: Иммари проведут полную сортировку. Умиравших бросят умирать. Выжившие должны будут либо присягнуть, либо погибнуть.

Ей придется сделать выбор.

Глава 30

Центр по контролю заболеваемости

Атланта, Джорджия

Доктор Пол Бреннер расхаживал перед экранами, занимающими всю стену. Карту мира, отображенную на них, усеивали красные точки – по одной на каждый Район Орхидеи. И над каждой точкой значилось число: процент неэффективности Орхидеи для данного района. В момент вспышки заболевания Орхидея не действовала примерно в 0,3 % случаев заражения. Теперь эти показатели упорно карабкались вверх. В одном районе Германии в это самое время от чумы умирал почти один процент обитателей. Неужели Орхидея в конце концов теряет эффективность?

Они уже стали свидетелями временной, локальной недейственности Орхидеи, но это было проблемой фармацевтической, производственной. Теперь же ситуация стала глобальной. Если это из-за очередной... Полу претило даже мысленно произнести слово «мутация», но если это она...

– Откатите-ка назад, – распорядился Бреннер. – Покажите коэффициент неэффективности Орхидеи час назад, два часа назад. И пошагово дальше, пока цифры не стабилизируются.

Пол смотрел, как показатели постепенно снижаются, а потом и вовсе останавливаются.

– Остановите здесь.

Он посмотрел на время, подошел к своему рабочему месту в большом конференц-зале и принялся перелистывать папку бумаг. «Что же в это время произошло?» Может, Иммари выпустили мутировавший вирус, устойчивый к воздействию Орхидеи? Таков был их план – во всяком случае, это вполне рабочая гипотеза. Пол акцентировал внимание на заметках по поводу действий Иммари. Одна из них привлекла его внимание. Проверил время. Очень близко. Пробежал глазами текст.

Для служебного пользования

Подозревается ядерный взрыв в научно-исследовательском городке корпорации «Иммари» под Нюрнбергом, Германия

Причина (наиболее вероятная гипотеза): производственная авария; срабатывание экспериментального вооружения, разрабатываемого в рамках программы перспективных видов вооружения «Иммари Рисеч».

Пол знал, что «Иммари Рисеч» работает над различными перспективными видами вооружения. Но момент... Он прочел остальную часть текста.

Альтернативные объяснения:

(1) Полагают, что Иммари доставили некий предмет с базы в Антарктиде для исследований в Германии; не исключена взаимосвязь.

(2) Иммари могли уничтожить объект намеренно, чтобы воспрепятствовать Союзникам в его захвате после вторжения в Южную Испанию.

Пол сделал глубокий вдох. Он не сомневался в двух вещах: во-первых, что Орхидея начала терять эффективность сразу по всей планете, а во-вторых, что началось это одновременно с происшествием у Иммари. Сколько же времени осталось в запасе? Сутки, от силы двое? Можно ли что-то предпринять за столь короткое время?

– Собирайте группу на проводе, – велел Пол.

Самое время уповать на чудо.

Глава 31

Дэвид Вэйл потерял счет тому, сколько раз перепробовал двери и панель управления. Он даже вошел обратно в трубу и постоял там, в надежде, что это активирует какие-нибудь пути эвакуации. С момента, когда он пришел в сознание, комната ничуть не переменилась. Дэвид чувствовал, как слабеет. Наверно, протянет еще несколько часов, и все.

Требовалось сделать какой-нибудь ход. Вэйл подошел к поврежденному скафандру атлантов, комом валявшемуся на полу. Может, если его надеть... Подняв скафандр, Дэвид свесил штанины вниз. Они едва доставали ему до лодыжек. В Дэвиде шесть футов и три дюйма, да притом он широкоплечий, а владелец скафандра был не выше шести футов и довольно щуплым – наверное, женщина. Бросив скафандр на пол, Дэвид посмотрел на другой костюм – новехонький, с иголки, мундир подполковника Иммари.

Он сел на скамейку рядом с костюмом. Это оставалось единственным, что он не испробовал. «А есть ли у меня выбор?» Неохотно натянул брюки, потом ботинки. Встав, поднял китель на вытянутых руках, подержал его перед собой. Каждая из четырех стеклянных труб в комнате показала его искаженное отражение. Свежих пулевых ранений на груди и плече как не бывало. Да и старые шрамы на груди тоже как корова языком слизала – ожоги от здания,

рухнувшего от взрывов 11 сентября и похоронившего Дэвида под собой, рубец от ножевой раны чуть ниже ребер, полученной во время операции под Джакартой, и рябины от шрапнели из Пакистана. Просто новый человек. Но взгляд остался тем же самым – пристальным, но не жестким.

Вэйл провел ладонью по своим коротким белокурым волосам, вздохнул и долгую секунду разглядывал китель – последний предмет мундира. Натянул китель на себя, и тот блеснул, подстраиваясь под свет.

Дэвид гадал, очнется ли он опять в трубе, если умрет. Будто прочитав его мысли, вдоль первой трубы пробежала тоненькая трещина. От нее под всеми углами начали разбегаться более мелкие трещинки, множась и распространяясь, будто клетки, делящиеся в чашке Петри. Остальные трубы последовали ее примеру, и в конце концов четыре прозрачных трубы так затуманились от трещин, что стали молочно-белыми. Затем их чуть тряхнула серия негромких хлопков, и крохотные осколки стекла посыпались внутрь.

Вскоре на месте четырех труб высился ряд конических кучек стекла, блестящего в резком свете, будто груды бриллиантов.

«Пожалуй, вот и ответ на вопрос», – подумал Дэвид. Что бы там ни случилось за пределами этой комнаты, на воскрешение здесь рассчитывать не придется.

Дверь справа от него с шипением отделилась от стены и распахнулась. Подойдя к порогу, Дэвид выглянул. Сколько видел глаз, перед ним тянулся узкий, тесный коридор. Световые бусинки у пола и потолка едва освещали его.

Он тронулся в путь по длинному коридору, и дверь комнаты с трубами закрылась за ним. В коридоре не оказалось ни одной двери, и он был куда теснее, чем переходы, виденные Дэвидом прежде. Может, это спасательный ход или технический тоннель? Через несколько минут коридор окончился, упершись в большую овальную дверь. Едва Дэвид приблизился, как она открылась, показав круглую комнатку – наверное, кабину лифта. Ступив внутрь, Вэйл застыл в ожидании. Ощущения движения не было, но возникло впечатление, будто платформа поворачивается.

Прошла минута, и дверь с содроганием отворилась. Хлынувший внутрь воздух толкнул Дэвида к задней стенке, но эта сила быстро

рассеялась.

Воздух был сырой, явно подземный. За дверью царила непроглядная темнота, хоть глаз выколи. Дэвид переступил порог. Стены были каменными, но гладкими – этот тоннель явно пробурила машина. «Где я?» Вокруг царил холод, но отнюдь не мороз. Это явно не Антарктида... Гибралтар?

Тоннель шел в гору – по-видимому, под углом в двадцать градусов. Может, он ведет к поверхности? Света в конце тоннеля не наблюдалось. Возможно, впереди просто был поворот.

Расставив руки в стороны, Дэвид двинулся вперед, ведя кончиками пальцев по стенкам штольни в надежде, что уловит любые изменения. Стены не менялись, зато воздух с каждым шагом становился теплее и суше. Но в конце по-прежнему царила тьма. А затем по телу Дэвида волной пробежало электричество, будто статический заряд, потрескивающий и покалывающий кожу.

Холодный, темный тоннель окончился, и Дэвид оказался в гористой местности. Стояла ночь, и звезды над головой ярко сияли – настолько ярких звезд он не видел ни разу в жизни, даже в Юго-Восточной Азии. Если это Европа или Северная Африка – значит, световое загрязнение прошло. А если так... Вдали, за ближайшим горным гребнем, тишину ночи потревожили звуки стрельбы и грохот взрывов. Дэвид бросился вперед, запнулся о неровную поверхность скалы и ухватился за край гребня, чтобы не упасть.

Слева от него горы стремительно сбегали к береговой линии, уходящей вдаль. Вэйл силился понять, что видит перед собой – зрелище напоминало столкновение двух миров, пришедших из разных времен.

На полуострове с длинной гаванью расположилась какая-то постапокалиптическая «крепость» – а может, армейская база из будущего. Полуостров, выдающийся в море минимум на пять километров, соединялся с сушей перешейком в сотню метров шириной – идеальное бутылочное горлышко для обороны базы от атак с берега. Там возносилась громадная стена, высившаяся над выжженной пустыней. Полчища конников атаковали стену, крича и стреляя. Выглядело это почти как средневековое нападение на замок – замок из далекого будущего. Дэвид подошел ближе к краю, изумляясь

происходящему и пытаюсь разглядеть получше. Передние всадники метнули что-то в стену.

Прогремел мощный взрыв, и от стены взметнулось грибовидное пламя, заставив Вэйла отшатнуться и ярко озарив местность вокруг крепости. По ту сторону узкой полоски моря Дэвид увидел могучий утес, вздымающийся высоко над водой. Гибралтарская скала. Он в Северном Марокко, по ту сторону Гибралтарского пролива. На полуострове расположился автономный испанский город Сеута. А может, располагался, прежде чем кто-то превратил его в крепость. Следы города еще виднелись, но...

У себя за спиной Дэвид услышал рев двигателя грузовика и обернулся как раз в тот момент, когда включился прожектор, полностью ослепивший его. Свет взрыва выдал его кому-то находившемуся в горах.

– Не двигаться! – рявкнул сверху мужской голос.

Дэвид спрыгнул с гребня, и тут же по камням забарабанили пули. Попятившись на заплетающихся ногах, он уперся спиной в поверхность скалы в том месте, где вышел, и принялся лихорадочно нашаривать вход в тоннель. Тот исчез. Дверь, через которую он вышел, пропускала только в одну сторону – а может, это было какое-то силовое поле, и с виду, и на ощупь напоминающее окружающие скалы.

Сзади послышался топот сапог. Обернувшись, Вэйл увидел, как солдаты Иммари высыпали на скальный уступ и окружили его.

Глава 32

Тренировочный лагерь Иммари «Камелот»

Кейптаун, Южная Африка

Дориан стоял у высокого окна. Войска Иммари, рассеянные внизу, сворачивали лагерь и направлялись к гавани и ожидающим там кораблям.

Отрядом солдат распорядилась женщина, наделенная... осанкой, что ли, подумал Дориан, и чем-то еще, но подобрать для этого определение ему никак не удавалось.

– Коста! – окликнул он своего нового адъютанта, трудившегося за письменным столом позади него.

Поспешив к Дориану, толстый коротышка встал рядом с ним у окна.

– Да, сэр?

– Кто эта женщина?

Коста взгляделся вниз.

– Которая...

– Вон там, – указал Дориан, – блондинка с... поразительной внешностью.

Коста замялся.

– Я... я не знаю, сэр. Она что, не справляется с обязанностями? Я могу приказать понизить ее...

– Нет-нет. Просто выясните, кто она такая.

– Есть, сэр, – Коста все мешкал. – Остальные корабли уже на подходе. Мы все еще стараемся собрать побольше обмундирования для холодной погоды...

– Оно нам не понадобится.

– Сэр?

– В Антарктиду мы не пойдём. Мы отплываем на север. Нам предстоит схватка за Европу.

Часть II

Правда, ложь и предатели

Глава 33

Флот Иммари

Близ побережья Анголы

Дориан провел пальцем вдоль голой спины Йоганны, по ее попке и дальше по ноге. Красота. Безукоризненность.

Когда он поднял палец, женщина заворочалась, а потом подняла голову и откинула с глаз золотистые волосы.

– Я что, храпела? – смущенно поинтересовалась она.

Дориану очень нравился ее акцент – голландский, как он думал. Может, ее родители были первым поколением переселенцев в Южную Африку? Спросить ее означало бы выказать личную заинтересованность. Слабость. Слоун пытался внушить себе, что она скучная и поверхностная, что она не заслуживает его интереса, что она лишь одна из множества девиц на этом корабле, да и во всем флоте, коли уж на то пошло. Но... что-то в ней было. Дело не в разговорах. Изрядную часть времени она проводила в своей каюте, лежа там нагишом, перелистывая старые журналы светской хроники, отсыпаясь или ублажая его.

Дориан откатился от нее.

– Если бы ты храпела, тебя бы тут не было.

– Ты хочешь... – изменившимся тоном произнесла она.

– Когда я захочу секса, ты об этом узнаешь.

И тут же, как по команде, раздался негромкий стук в стальную дверь каюты.

– Войдите! – громко сказал Дориан.

Дверь слегка приоткрылась, и в щелку втиснулся Коста, но едва он увидел Дориана и женщину на кровати, как резко развернулся и бросился обратно.

– Да ради бога, Коста, неужели ты никогда не видел двух голых людей? Стой. Какого черта тебе надо?

– Все будет готово к трансляции обращения к испанским пленным через час, сэр, – сообщил Коста, по-прежнему не глядя на Дориана. – Отдел общественных связей хотел бы пробежаться по тезисам.

Встав с постели, Слоун натянул штаны. Девушка тоже подскочила, отыскала свитер и с улыбкой протянула ему. Избегая встречаться с ней взглядом, Дориан швырнул свитер на кресло перед письменным столом.

– Я напишу собственные тезисы, Коста. Зайди за мной, когда будет пора.

*

Дориан слышал, как Йоганна извивается в постели, пытаясь привлечь его внимание, но игнорировал ее. Ему надо было сосредоточиться, найти верный посыл. Это обращение сыграет важную роль – оно задаст тон для дальнейшего продвижения в Европу, для всего того, что последует за ним.

Нужно преподнести свои цели как нечто большее, нежели простое выживание, банальный эгоизм. Необходимо выдать им решение о присоединении к Иммери как нечто возвышенное – решение присоединиться к движению. Декларация независимости, начало с чистого листа. Свобода от Орхидеи... и что? Что у испанцев было на злобу дня? Что наболело? Какая «чума» терзала их до Чумы Атлантиды? На что мир охотно откликнется?

Слоун набросал на странице:

Чума = глобальный капитализм: дарвиновская сила, остановить которую нельзя; она просачивается в каждую нацию, отсеивая слабых и отбирая сильных.

Орхидея = вливания Центрального банка: легкие деньги, липовая панацея, которая не устраняет первопричины, а только подавляет симптомы, продлевая мучения.

Текущая пандемия = как очередной глобальный финансовый кризис: неуправляемая, неизлечимая, необратимая. Неизбежная.

Это может сработать. Впрочем, решил Дориан, стоит подать это в более сдержанном тоне.

«Арес прав», – подумал он. Чума – величайшая возможность перестроить человечество. Единое человеческое общество без классов, без трений. Армия, трудящаяся как один человек ради общей цели – безопасности.

Йоганна сбросила простыню, выставляя ему на обозрение свое впечатляющее тело.

– Я передумала.

«Ты передумала?» – удивился Дориан. Прежде всего тому, что она вообще о чем-то думала. А теперь еще и переменила свою «мысль». Представил, что последует дальше. Наверно, реплика о потенциальном разрыве «звезд», о которых Дориан никогда и не слышал, или «как ты думаешь, это платье мне бы пошло?». Будто это платье выставлено на продажу в интендантском складе корабля.

– Очаровательно... – проворчал Дориан, возвращаясь к работе.

– Я поняла, что ты мне больше нравился, когда ничем другим не занимался, кроме как спал,пил и трахал меня.

Испустив вздох, Дориан отложил авторучку. Речь может и подождать.

Глава 34

Сортировочный лагерь Иммари

Марбелья, Испания

Кейт стояла в очереди, озирая лагерь, раздумывая, пытаюсь отыскать какой-нибудь выход. Район Орхидеи лежал в руинах, превратившись в пепелище, почти не похожее на приморский курорт, которым он был до чумы, и даже на временное пристанище, каким показал его вчера Мартин. Пожары на месте сторожевых башен и автопарка еще дымились, посылая к небесам тонкие столбы черного дыма, будто змей, ползущих вверх по белым башням отеля. Заходящее солнце пылало над Средиземным морем алыми и оранжевыми красками. Очередь Кейт в молчании продвигалась к морю, будто овцы на бойню.

Солдаты Иммари занимались именно тем, что предсказывал Мартин: отделяли овец от козлиц. Больных направляли к ближайшей башне, где часовые с автоматами и электрохлыстами загоняли их в двери. Кейт ломала голову, что с ними сделают дальше. Оставят там умирать? Без Орхидеи эти люди будут мертвы через трое суток. Мартин затерялся где-то в группе. Кейт не видела его с того самого момента, когда их захватили в плен, и все обшаривала толпу взглядом в надежде отыскать его.

– Шаг вперед! – гаркнул солдат.

Может, Мартина уже загнали в башню, а может, он где-нибудь позади. Кейт никак не могла оторвать глаз от башни, где содержали больных. Как поступят с башней через пару дней, когда она будет битком набита мертвыми? А что произойдет, когда Марбелью эвакуируют? Мысленным взором Кейт увидела, как взрывы сотрясают основание здания и оно рушится на землю. Нужно как-нибудь вытащить оттуда Мартина. Она...

– Пошевеливайтесь!

Кто-то схватил ее за руку и потащил вперед. Другой схватил за шею, ощупывая лимфоузлы. Потом отшвырнул ее влево, к очередному человеку – не солдату, а, скорее всего, врачу, который провел у Кейт во рту вдоль щеки длинной ватной палочкой и засунул ее в пластиковую пробирку со штрихкодом. Множество таких пробирок уже были выстроены в очередь к большому аппарату. Образцы ДНК. Они секвенируют геномы выживших. Крашенные волосы и чумазый вид после катакомб внушали Кейт некоторую надежду, что солдаты ее не узнают: сейчас она ни капельки не походила на себя двадцать четыре часа назад. Но если у них есть образец ее ДНК и они его сопоставят, то смогут узнать, кто она такая.

В этот миг охранник с другой стороны схватил ее за запястье и сунул руку Кейт в круглое отверстие другого аппарата. Запястье прошила острая боль, но прежде чем женщина успела вскрикнуть, все прекратилось. Охранник крепко толкнул ее в спину, и Кейт оказалась лицом к лицу с очередным солдатом, который принялся водить вдоль ее тела ручным металлоискателем.

– Чисто, – сказал он, толкая Кейт в толпу по другую сторону техников и аппаратуры.

Она мгновение постояла на месте, гадая, что делать дальше. Группа чуть расступилась, и Кейт увидела два знакомых лица – мужчины и женщины, которые вели их по катакомбам прямо в руки захватчиков, лоялистов Иммари, помогавших схватить ее и Мартина.

К ней подошел еще субъект – белый пузанчик среднего возраста без малейшего намека на загар.

– Всё в порядке. Всё уже позади! – проговорил он истерично-взвинченным тоном. – Вы – выжившая. Мы спасены!

Кейт оглянулась на техников, потом бросила взгляд себе на запястье, где вокруг черного штрихкода пламенел багровый рубец.

– Откуда вы знаете...

– Что вы выжившая? У вас не было идентификатора Орхидеи – импланта.

«Импланта?» Об этом Мартин ничего не говорил.

Слабонервный будто угадал замешательство Кейт.

– А вы не знали об имплантах?

– Я была... оторвана от жизни.

– О боже мой! Дайте угадать... вы были в отпуске, и когда грянула чума, скрывались? Я тоже!

– Ага, что-то типа того, – медленно кивнула Кейт.

– Вот дела!.. С чего же начать? Ну, импланта у вас нет, значит, вы не попадались к ним в руки и вам не приходилось терпеть принудительное лечение. Вы просто не поверите. После вспышки заболевания испанское правительство объявило военное положение. Взяло ситуацию под контроль и согнало всех – в смысле, всех, кто остался в живых, – в огромные концентрационные лагеря. И заставило всех принимать лекарство – эту Орхидею, которая оттягивает чуму, но не излечивает ее. Подсадили каждому имплант – какой-то биотехнологический прибор, синтезирующий лекарство из аминокислот самого организма, или что-то вроде того. Во всяком случае, так утверждалось. Кто знает, что он там вытворял... Но у вас его нет, и вы, несомненно, выжившая. Теперь для нас всё в полном ажуре. Иммари освободили Марбелью. Ходят слухи, что подобное разыгрывается по всей Южной Испании. Они наведут здесь порядок, и мир вернется к норме.

Кейт снова окинула толпу взглядом. Теперь она увидела, что новоприбывших делят на две категории. Ее собственная группа оказалась намного меньше – заведомо выжившие. Вторая же группа явно была больше – скорее всего, в нее попали те обитатели Района Орхидеи, которые не выказывали признаков инфекции. Пробы ДНК, штрихкоды... на Кейт снизошло понимание. Иммари каталогизируют всех и каждого, проводя собственные исследования, пытаясь выделить эндогенные ретровирусы, контролирующие ген Атлантиды. Такова их цель – увеличить размер выборки. Освобождение дает побочный эффект. Ширма. Или это дополнительный результат?

В памяти эхом раздались слова Мартина: «Обещай, что присягнешь...» Нет, Кейт не станет присягать после того, что они сотворили. Продолжают творить. Что она сможет сделать, если присягнет? Рано или поздно ее отыщут. Отсрочить этот момент невозможно. И кроме того, она не понимала, как может спасти Мартина. Будь у нее выбор, она бы предпочла умереть, зная, что не приносила лживых клятв, ни на миг не склонилась перед врагом.

Пространство позади Кейт озарил яркий свет. Солдаты скрепили вместе ряд белых простыней, сделав уличный экран наподобие летнего

кинотеатра. На экране появился грубый деревянный стол перед стальной переборкой. Капитанский стол на корабле? Перед камерой прошел человек с суровым и лишенным тени эмоций лицом, повернулся и уселся за стол, выпрямившись, словно аршин проглотив.

Кейт невольно напряглась. Во рту у нее вдруг пересохло.

– Меня зовут Дориан Слоун.

Эхо этих слов мало-помалу утихло, и Кейт осталась наедине с единственной мыслью: «Если Дориан жив, значит, Дэвид погиб». Доказательство этого бесстрастно взирало на толпу с экрана десять футов высотой и двадцать футов шириной. «Если Дориан жив, значит, Дэвид погиб». И эта беспощадная однозначность поведала Кейт, какие большие надежды она питала. Слезы наполнили глаза, но женщина сморгнула их. Сделала глубокий вдох, борясь с желанием утереть глаза. Остальные вокруг нее тоже утирали слезы, но совсем по иной причине. Люди в толпе аплодировали, обнимались и ликовали. Некоторые лица оставались суровыми, как у Кейт, а многие просто устремили взгляды в землю или прочь от экрана. Среди ликующих воплей и угрюмых взглядов Дориан продолжал чеканить, даже не догадываясь о них:

– Я пришел к вам не как освободитель, не как спаситель и не как вождь. Я человек, стремящийся выжить, личность, старающаяся спасти как можно больше жизней. Я просто оказался в уникальном положении. Как председатель совета директоров «Иммари Интернейшнл», я контролирую ресурсы, способные сыграть решающую роль. Иммари располагает подразделением безопасности, частной разведывательной службой, природными ресурсами, компаниями связи, транспортными организациями и, что самое главное, одной из самых передовых глобальных научно-исследовательских групп во всем мире. Короче говоря, мы в состоянии оказать кое-какую помощь в эти трудные времена. Но наши ресурсы ограничены. Мы вступаем только в сражения, в которых способны одержать победу. Но мы не повернемся спиной ни к этим сражениям, ни к нашей ответственности перед человечеством. Мы спасем все жизни, какие сумеем. Поглядите на свой жребий. Поглядите, что дали вам правительства мира.

Мы столкнулись с беспрецедентной угрозой в ходе человеческой эволюции. С поворотным пунктом. Потопом. Мы стоим по пояс в

крови тех, кто не в состоянии выжить в этом новом мире. Правительства приковали вас к этим людям, не способным плыть в стремнинах этого потопа. Они обрекли вас на утопление. Мы же предлагаем вам путь вперед, протягиваем руку со спасательного плота. Мы предлагаем вам выбор. «Иммари Интернейшнл» хватило отваги сделать то, что надлежит, спасти жизни тем, кому возможно, и предложить покой и облегчение мук тем, кому помочь мы не в силах. Вот что я пришел предложить вам сегодня – жизнь, новый мир, построенный выжившими. В обмен мы не просим ни о чем, кроме вашей преданности и помощи в построении нового мира. Нам потребуется вся доступная помощь, все трудоспособные индивидуумы, которых нам удастся найти. Истинный вызов ждет нас впереди. Мы ищем лишь возможности сыграть свою роль в грядущем катаклизме, и я прошу вас сейчас: присоединяйтесь к нам или воздержитесь. Если вы воздержитесь, мы не причиним вам вреда. Мы доставим вас к тем, кто не согласен с нами, дабы вы могли поискать свое собственное решение. Мы не жаждем кровопролития; у мира и без того довольно крови на руках.

Противники называют нас империей. Они распространяют ложь в отчаянной попытке удержать власть. Посмотрите, как они распорядились этой властью: построили мир с двумя классами наций – страны третьего мира и страны первого мира. И позволили капитализму попираť граждан каждой нации – и первого, и третьего мира, разграничивая нас сообразно нашей экономической ценности. Место человека в обществе определялось тем, сколько мир готов был платить за то, что он производил изо дня в день. Эта чума – просто биологический эквивалент тех же программ, которые они веками использовали, чтобы разделять нас.

«Иммари Интернейшнл» предлагает предельно простое решение: один мир с одним народом, где все трудятся вместе. Если вы предпочитаете старый мир, если вы предпочитаете Орхидею, если предпочитаете сидеть в концлагерях, дожидаясь панацеи, которая никогда не появится, предпочитаете дожидаться жизни или смерти, можете ждать дальше. А можете выбрать жизнь, справедливый мир, шанс построить нечто новое. Выбирайте сейчас. Если вы не хотите сопричастности к Решению Иммари, оставайтесь, где есть. Если же хотите поддержать нас, помочь нам спасти как можно больше жизней,

шагните вперед, к людям, держащим транспаранты «Иммари Интернейшнл». Люди за столом опросят вас, узнают, какие умения вы можете предложить, как вы можете помочь собратьям по людскому племени.

Толпа вокруг Кейт начала рассеиваться. На месте остался лишь каждый десятый. А может, и меньше.

Как ни противно было Кейт это признать, но Дориан произнес речь, способную убедить всякого, кто не знает, как выглядит ситуация на самом деле. Язык у него был подвешен что надо; уж кто-кто, а она это очень хорошо знала. И пока женщина стояла там, глядя, как люди сбегаются к солдатам Иммари, перед мысленным взором Кейт пронесся ряд образов. Отец – погиб в попытке предотвратить бойню, затеянную Иммари. Мать – скончалась от чумы, которую те выпустили в мир. Дэвид – погиб от руки Дориана. А теперь и Мартин, ее приемный отец, скоро станет их последней жертвой. Он принял немало трудных решений и пошел на многие жертвы – по большей части ради нее, ради ее безопасности. Он так долго пытался ее защитить...

И покинуть его Кейт просто не может. Да и не покинет, что бы ни случилось. Она завершит его исследования.

Кейт пощупала рюкзак, висящий на плечах. Может, там и вправду ключ к созданию лекарства?

Она сделала шаг вперед. Еще один. Она будет подыгрывать – до тех пор, пока придется. Именно так поступал ее отец. Но он подставил Иммари спину, и они погребли его в шахте под Гибралтаром. Кейт слабину не даст.

Она влилась в растущую массу людей, которые толкались и галдели вокруг столов.

– А, вот вы где!

Кейт обернулась. Мужчина среднего возраста, говоривший с ней прежде.

– Привет, – отозвалась Кейт. – Извините, что была не слишком разговорчива прежде. Я... не знала толком, на чьей вы стороне. Оказывается, я выжившая.

Окрестности Сеуты

Северное Марокко

Сквозь тьму ночи и сияние огней по периметру Дэвид видел громадную военную базу впереди лишь мельком.

Окрестности ее тоже представляли собой загадку. Колонна из трех джипов катила по полю, которое Вэйл иначе как застывшей лавой назвать не мог. Тут и там от бугристого, обугленного грунта поднимались язычки дыма. Запах подтверждал наихудшие опасения Дэвида. Имтари вырыли ров вокруг этой части города, а затем сожгли ее и сровняли пепелище с землей, оставив голую открытую местность, которую врагу придется преодолеть для атаки. Умно. Радикально, позверски, но умно.

Зрелище напоминало ему что-то – какую-то лекцию, что ли... На миг он вдруг вновь оказался в Колумбийском университете, еще до того, как мир переменился, рухнув Дэвиду на голову в самом буквальном смысле. Голос профессора гулко раскатывался по аудитории:

– Римский император Юстиниан повелел сжечь трупы. Это было в середине шестого столетия, прошу заметить. Западная Римская империя пала перед готами, разграбившими Рим и захватившими правление над ним. Восточная же империя, строившаяся вокруг Константинополя, ныне Стамбула, обладала в цивилизованном мире огромным могуществом, являя для своего времени величайший метрополис на Земле. Она властвовала над Персией, Средиземноморьем и каждой страной, до которой могла доплыть ее армия. Чума, пришедшая в пятьсот сорок первом году нашей эры, навеки все преобразила. Столь губительного морового поветрия мир не видел ни до, ни после того. Улицы города покраснели от крови, источаемой телами. Трупов было так много, что Юстиниан повелел сбрасывать трупы в море. Но все равно их было слишком много. У самых городских стен римляне рыли громадные братские могилы, каждая из которых вмещала семьдесят тысяч человек. Погребальные костры пылали сутками...

«История повторяется», – подумал Дэвид. Если это случилось в Сеуте, то как выглядит остальной мир? Чума, выпущенная на свободу

«Протоколом Тоба», предотвращению которого Дэвид посвятил последние десять лет жизни, всю бесчинствовала. Он проиграл. Сколько человек умерли? Почти против воли его мысли сосредоточились на одном человеке – Кейт. Выбралась ли она в Гибралтаре? И если да, где она сейчас? В Южной Испании? Здесь, в Марокко? Она – иголка в стоге сена, но если удастся пережить встречу с надвигающимся левиафаном, Дэвид спалит стог дотла, чтобы отыскать ее. Придется поджидать своего часа, шанса бежать. Сидя на заднем сиденье джипа, он проводил взглядом последнюю выжженную полосу.

Колонна сбросила скорость перед стальными воротами посреди гигантской стены. По обе стороны от ворот висело по черному флагу. Как только ворота открылись, чтобы пропустить джипы, порыв ветра подхватил флаги, и они развернулись:

[Ш].

«Иммари Интернейшнл». Высокую белую стену, вздымающуюся в высоту как минимум футов на тридцать, тут и там марали черные подпалины – несомненно, следы штурма вражеской кавалерии. Стена в черную полосу с воротами смахивала на зебру, разинувшую пасть, чтобы проглотить колонну. Флаги развевались на ветру, будто уши. «Во чрево чудовища», – подумал Дэвид, когда они проехали под стеной, и ворота за ними быстро закрылись.

Восемь солдат, которые задержали его в горах, связали ему руки и привязали к поясу. Дэвид молча ехал на заднем сиденье джипа, беззвучно снося тряску – порой до безобразия – поездку из гор. Прокрутил в голове ряд сценариев побега, но каждый из них обрывался на том месте, где он выпрыгивал из джипа, ломая себе уйму костей и полностью лишаясь боеспособности.

Теперь же Дэвид принялся извиваться на сиденье, вертясь влево-вправо, рассматривая внутреннее устройство базы, отыскивая возможность бежать. В пределах высоких стен солдаты Иммари торопливо пополняли запасы башен, испещривших стены. Масштаб поразил Дэвида. Какова же здесь численность личного состава? Как минимум тысяча человек вдоль стены, обращенной к суше. И наверняка еще столько же у стен, выходящих к морю. А кроме стены,

башен и широких подъездных путей, вдоль улицы выстроились дома, выглядевшие по большей части незанятыми, но время от времени попадались на глаза солдаты, входившие или выходившие из дверей.

По обеим сторонам от дороги тянулись три вспаханных полосы, а через каждые двадцать футов из земли торчал деревянный столб наподобие телефонного, только покороче. На каждом из них в нескольких футах друг от друга висели по два бугорчатых мешка. Поначалу Дэвид принял их за гигантские осиные гнезда.

Впереди замаячила другая побеленная стена, почти точь-в-точь такая же, как наружная, и тогда Дэвид сразу понял, что это такое: огневой мешок. Если врагам Иммари удастся прорваться через внешнюю стену, в этой промежуточной зоне их покрошат в капусту. Вспаханная почва вдоль грунтовой дороги наверняка скрывала мины, и Дэвид тут же предположил, что мешки, висящие на столбах, набиты гильзами от снарядов, металлоломом, гвоздями и другим хламом, способным при взрыве изрешетить всякого оказавшегося между стенами.

Древняя крепость подверглась и другим современным усовершенствованиям. На каждой из сторожевых башен стояли мощные пулеметы, определить модель которых Дэвиду не удалось. Нечто новое? Крыши с многих домов сняли, и Дэвид предположил, что внутри находятся зенитные батареи, установленные на гидравлических подъемниках, готовые подняться и открыть огонь по любому вражескому летательному аппарату. Хотя вряд ли у всадников отыщется хоть один самый захудалый самолет.

Солдаты снова переговорили по радио, и ворота внутренней стены распахнулись. Эта стена казалась не так обуглена, как наружная, но несколько зебровых полосок все же тянулись от земли до ее верха. Пока они въезжали во внутренние ворота, Дэвид почувствовал, что шансы совершить побег сходят на нет. «Вырубай ближайшего охранника и беги» здесь не прокатит. Надо сосредоточиться...

За внутренними воротами вдоль очередной улицы – уже без минных полей и импровизированных фугасов – выстроились дома и магазины. Улица эта больше напоминала причудливое древнее поселение. Здесь на глаза попадались не только солдаты, но и люди в штатском. Здесь явно располагалась главная жилая секция базы.

За вторым рядом домов и магазинов возносилась очередная стена – уже каменная и куда более старая. Распахнулись очередные ворота. Город раскрывался прямо как русская матрешка, где внутри одной куклы скрывается другая.

Сеута, вероятно, строилась так же, как прочие городки вдоль Средиземного моря. Тысячи лет назад обитатели этого места, несомненно, построили на берегу небольшую деревушку. Постепенно эта деревушка разрослась до торгового поста, принося процветание поселенцам и не слишком щепетильным оппортунистам – ворами и пиратами. Дальнейший рост коммерции и преступности привел к постройке первой городской стены, но городок продолжал век за веком расти, обзаводясь все новыми крепостными стенами для защиты новых граждан.

Здесь здания были куда древнее, и на глаза не попадалось ни единого штатского – только солдаты да нескончаемые штабеля артиллерийских орудий, боеприпасов и прочего. Имтари готовились к войне, и здесь явно находился крупный центр снабжения. А еще – цитадель города. Судить его будут здесь.

Дэвид обернулся к солдату, сидящему в джипе позади него.

– Капрал, я знаю, что вы следуете приказаниям, но вы должны освободить меня. Вы совершаете большую ошибку. Вывезите меня за городские ворота и отпустите. Никто об этом не узнает, а вы сможете избежать суда трибунала за препятствование тайной операции.

Юноша поглядел на Дэвида, поколебался и поспешно отвел взгляд.

– Не могу, полковник. Согласно действующему приказу мы должны арестовывать или убивать всех за стенами города.

– Капрал...

– Мы уже на подъезде, сэр. Вам придется говорить с майором, – молодой солдатик отвернулся.

Джип въехал во двор, который вмещал целый автопарк джипов. Колонна остановилась, солдаты вытащили Вэйла из машины и отконвоировали его внутрь здания, провели по нескольким коридорам и наконец поместили в камеру с толстыми железными решетками и крохотным окошком высоко наверху.

*

Стоя посреди камеры с руками, по-прежнему связанными и привязанными к поясу, Дэвид ждал. Через какое-то время послышались звонкие шаги по каменному полу и показался солдат. На его безукоризненно отглаженном черном мундире виднелась единственная серебряная шпала на плече. Лейтенант. Он встал лицом к лицу с Вэйлом, но держась на безопасном расстоянии за решеткой. В отличие от капрала в джипе, этот солдат не выказал ни малейшего колебания.

– Назовитесь.

Дэвид шагнул ему навстречу.

– А вы разве не хотели сказать: назовитесь, подполковник ?

По лицу солдата пробежала тень нерешительности, и он медленно проговорил:

– Назовитесь, подполковник.

– Вас проинформировали о тайной операции здесь, в Марокко, лейтенант?

Глаза у лейтенанта забегали. Сомнение.

– Нет... Меня не уведомили...

– А знаете почему? – Дэвид приподнял свои связанные руки. – Не отвечайте. Вопрос риторический. Вас не уведомили, потому что – совершенно верно – операция это тайная. Секретная

. Если вы отметите мое присутствие здесь, то моя операция будет провалена. Равно как и ваши шансы на повышение или какие-либо серьезные задания, кроме прополки картофеля. Вам ясно?

Дэвид выждал минутку, давая этим словам достучаться до рассудка молодого человека, и продолжил, несколько смягчив тон:

– На данный момент я не знаю вашего имени, а вы не знаете моего. Это хорошо. На данный момент это просто недоразумение, глупая ошибка рядового состава патруля периметра. Если вы освободите меня и предоставите джип, все будет забыто.

Лейтенант мгновение помедлил, и Дэвиду показалось, что он собирается что-то достать из кармана – вероятно, ключи, – когда вдруг снова послышалось цоканье подковок по камням, и в коридоре показался другой военный – майор. Офицер старшего командного состава поглядел на лейтенанта и перевел взгляд на Дэвида, словно поймав их на горячем. Выражение лица его казалось кротким, почти бесстрастным, разве что чуточку ближе к легкой заинтересованности, как подумалось Дэвиду.

При виде майора лейтенант вытянулся в струнку и доложил:

– Сэр, его нашли среди холмов близ Джебель-Мусы. Отказывается назвать себя, а у меня никаких приказов о назначении или переводе.

Дэвид пристально вглядывался в майора. Да, он узнал этого человека. Волосы у него отросли, щеки ввалились, но взгляд остался в точности такой же, какой Вэйл увидел несколько лет назад на фотографии, приколотой скрепкой к ксерокопии рапорта о выполнении боевой задачи. Оперативник написал рапорт от руки аккуратными печатными буквами, словно каждая буква и слово были у него на счету. Этот майор являлся оперативником «Часовой башни» – членом тайной оперативной группы, в которой работал Дэвид. Недавно Вэйл узнал, что на самом деле «Часовая башня» находилась под контролем Иммари. Этому майору может быть известно, кто такой Дэвид. Но если нет... Так или иначе, если Дэвид не разыграет концерт, с ним покончено.

Он подошел к железным прутьям решетки. Лейтенант попятился, положив ладонь на кобуру. Майор с места не двинулся, только медленно повернув голову.

– Вы правы, лейтенант, – произнес Дэвид. – Я не подполковник. Как и человек, стоящий рядом с вами, – не майор... – Не давая лейтенанту даже словечка вставить, Дэвид повел дальше: – Я сообщу вам об этом «майоре» кое-что еще, чего вы не знаете. Два года назад он с успехом осуществил покушение на высокопоставленного террориста по имени Омар аль-Кусо. Застрелил его в сумерках с расстояния почти в два километра, – Дэвид кивком указал на майора. – Я помню это, потому что, когда читал рапорт об операции, еще подумал, что это невообразимая меткость.

Майор вытянул шею, потом пожал плечами и впервые отвел взгляд.

– По правде говоря, мне просто повезло. Я уже дослал второй патрон, когда вдруг понял, что аль-Кусо уже не встанет.

– Я... не понял, – пробормотал лейтенант.

– Само собой разумеется. Наш таинственный гость только что описал засекреченную операцию «Часовой башни», откуда следует, что он либо начальник отделения, либо главный аналитик. Сомневаюсь, чтобы аналитики посещали спортзал так же часто, как присутствующий здесь подполковник. Освободить его.

Открыв камеру, лейтенант развязал запястья Дэвида, после чего снова обернулся к майору.

– Должен ли я...

– Вы должны прикинуться ветошью и не отвечать, лейтенант, – развернувшись, майор зашагал по коридору. – Следуйте за мной, подполковник

Идя за ним по каменному коридору, Дэвид мог лишь гадать, углубляется ли он еще дальше в западню или почти выбрался из нее.

Глава 36

Оперативная база Иммари в Сеуте

Северное Марокко

Выйдя с Дэвидом из здания гауптвахты, майор повел его через двор, в котором располагались бараки. Дэвид услышал шорохи внутри их. Он задумался – кого здесь держат?

Майор, казалось, не замечал интереса Вэйла. Он посмотрел на бараки и произнес:

– Варвары, дожидаящиеся перевозчика.

Слова майора озадачили Дэвида. В греческой мифологии «перевозчик» переправляет души умерших через реки Стикс и Ахерон в преисподнюю. Дэвид решил не придавать этому внимания. На повестке дня были куда более животрепещущие загадки.

Остаток пути до большого здания в центре внутреннего города они прошагали молча.

Дэвид быстро окинул взглядом кабинет майора, не желая выдавать излишнюю заинтересованность, но несколько вещей бросились ему в глаза. Во-первых, было чересчур просторно. Здесь точно располагался кабинет командира базы. А во-вторых, аскетичность. Стены, ободранные до белого гипсокартона, и практически ничего больше: черный флаг Иммари в углу, простой деревянный письменный стол с вертящимся металлическим креслом за ним и два складных стула напротив.

Усевшись за стол, майор достал из верхнего ящика стола пачку сигарет и быстро прикурил одну от спички. Держа горящую спичку, он вопросительно посмотрел на Дэвида.

– Курите?

– Бросил, когда началось. Подумал, что через несколько недель все запасы выйдут.

Взмахнув рукой, майор затушил спичку и бросил ее в пепельницу.

– Я рад, что не настолько умен.

Присаживаться к столу Дэвид не стал, предпочитая соблюдать дистанцию. Подойдя к окну, он устремил взгляд на улицу в надежде, что майор как-нибудь проговорится, дав Вэйлу лазейку.

Выпустив в разделяющее их пространство тучу дыма, майор с расстановкой, будто взвешивая каждое слово, проговорил:

– Я Александр Рукин.

Подполковник

...

«Хорош», – отметил про себя Дэвид. Строго по делу, без дураков. Никаких лазеек. «От чего же мне плясать?» Комната. Майор – командир настолько большой базы? Маловероятно. Но Дэвид чувствовал, что в данный момент офицеров старше по званию здесь нет.

– Мне сказали, что, если мы вступим в контакт, командира базы уведомят о моем присутствии.

– Может, и уведомили, – Рукин снова затянулся сигаретой. Дэвид ощутил в воздухе какую-то перемену. «Он что, меняет подход?» – Он в

Южной Испании, возглавляет вторжение. Он задействовал почти всех поголовно. У нас тут остался практически скелетный состав. Нашего начальника, полковника Гарротта, шлепнули два дня назад. Тупоголовый сукин сын устроил турне, обходя каждую сторожевую башню по очереди и обмениваясь рукопожатиями, будто он новоизбранный мэр пекла. Берберский снайпер снял его с одного выстрела. Мы предположили, что стрелок залег среди холмов, потому и усилили патрули. И прочесали периметр. А теперь мне нужно знать, зачем вы здесь.

Да, Рукин выкладывает ему бесполезные подробности в уповании, что Дэвид ответит взаимностью, поведаст свою историю, совершит ошибку.

– Я здесь по делу.

– Что...

– Это засекречено, – отрезал Дэвид, поворачиваясь лицом к Рукину.

«Сколько времени у меня в запасе? Примерно час, прежде чем он выяснит, что я самозванец? В лучшем случае сумею выиграть какое-то время».

– Свяжитесь с командованием. Если у вас есть допуск, вам сообщат.

– Вы же знаете, что не могу.

– Почему это?

– Из-за взрыва, – Рукин все прочел по лицу Дэвида. – А вы не знали?

– Очевидно, нет.

– Кто-то взорвал субъядерный боеприпас в штабе Иммари в Германии. Так что пока никто не связывается с командованием, тем более ради подтверждения тайных операций.

Дэвид не сумел скрыть своего изумления. Впрочем, это та самая лазейка, в которой он нуждался.

– Я... был в пути, без связи.

– Из?

Внимание, проверка.

– Ресифи, – сообщил Дэвид.

Рукин подался вперед.

– В Ресифи нет отделения «Часовой башни»...

– Мы были в процессе запуска, когда началась чистка аналитиков.

Потом вспыхнула чума. Я едва вырвался. И с того момента был на спецзадании.

– Интересно. Это действительно интересная история

, подполковник. А вот реальность: если вы не скажете мне, кто вы такой и зачем здесь находитесь,

сию же секунду,

я буду вынужден держать вас в камере, пока не смогу установить вашу личность. И пусть мне будет пусто, если не смогу.

Дэвид уставился на него.

– Вы правы. Это... оперативная секретность. Старая привычка. Возможно, я проработал оперативником «Часовой башни» чересчур долго... – Затем Дэвид изложил историю, которую продумывал с момента пересечения первых ворот. – Я здесь затем, чтобы помочь обеспечить безопасность этой базы. Вы же знаете, как важна Сеута для нашего дела. Меня зовут Алекс Уэллс. Если штаб уничтожен, удостоверить мою личность может кто-нибудь из управления спецопераций.

Рукин набросал в блокноте несколько строк.

– До той поры я буду вынужден подвергнуть вас домашнему аресту под охраной. Вы меня понимаете, подполковник?

– Понимаю, – кивнул Дэвид. «Какое-то время я выиграл». Вот только хватит ли его, чтобы выбраться отсюда? Среди мыслей Вэйла господствовала лишь одна: надо найти Кейт. А для этого ему требовалась информация. – У меня будет одна... просьба. Как я сказал, я был в пути, и хотел бы, чтобы вы ввели меня в курс последних дел. Разумеется, не касающихся вопросов секретности.

Откинувшись на спинку металлического кресла, Рукин впервые с момента их встречи расслабился.

– Ходят слухи, что Дориан Слоун вернулся. Естественно, за порогом антарктического сооружения его тут же арестовали. Но, говорят, при нем был чемоданчик. Дебилы из руководства притащили

этот чемоданчик в штаб, и тот разнес здание. Сдается мне, дарвинизм во всей красе.

– А что случилось со Слоуном?

– Вот это самое странное. Байка гласит, что на допросе он прикончил охранника и вырвал глотку председателю Сандерсу. Потом, слушайте сюда, его убили – бац-бац в голову в упор. А час спустя он выходит из сооружения. Совершенно новое тело – вместе со всеми его воспоминаниями. А на нем ни царапинки.

– Не может быть...

– И это еще не всё. Иммари в отчаянии городят эту мистическую историю вокруг него. И она работает. Его боготворят. Конец света, мессия, восторженные словеса... здесь, в Сеуте, и всех прочих местах, над которыми развевается флаг Иммари. Даже тошно.

– А вы не верите?

– Я верю, что весь мир спустили в сортир, а «Иммари Интернейшнл» – единственный кусок дерьма, оставшийся на плаву.

– Тогда... будем уповать на то, что оно не тонет. Майор, я немного подустал от путешествия.

– Еще бы.

Рукин вызвал двух солдат и приказал им сопроводить Дэвида на квартиру и выставить перед ней круглосуточный пост.

*

Александр Рукин раздавил сигарету и уставился на слова, написанные на странице.

Дверь открылась, и вошел его заместитель, капитан Камау.

– Вы купились на его историю, сэр? – неспешно пробасил высокий африканец.

– Еще бы. Она почти такая же настоящая, как пасхальный кролик.

– Закурив очередную сигарету, Рукин заглянул в пачку. Осталось три штуки.

– Кто он такой?

– Понятия не имею. Но явно не так-то прост. Профи. Может, один из наших, а может, один из них.

– Хотите, чтобы я этим занялся?

– Будьте так любезны, – Рукин протянул ему листок бумаги. – И приставьте к нему неусыпную охрану. Проследите, чтобы он не видел ничего, кроме того, что Союзники и так видели с воздуха.

– Есть, сэр, – Камау изучал листок. – Подполковник Алекс Уэллс? Рукин кивнул.

– Не уверен, что имя липовое, но уж больно оно смахивает на «Артур Уэллсли».

– Уэллсли?

– Герцог Веллингтон. Разбил Наполеона в битве при Ватерлоо. Не забивайте себе голову.

– Если это липа, так почему бы нам не взять его прямо сейчас? Допросить?

– Вы хороший солдат, Камау, но в разведывательной работе ни черта не понимаете. Нам нужно знать, с чем мы имеем дело. Он может вывести нас на рыбку покрупнее или «засветить» более серьезную операцию. Порой мелкую рыбу используют для ловли на живца.

Майор раздавил сигарету. Уж что-что, а ждать он умеет.

– Подкиньте ему девицу. Поглядим, может, с девицей у него язык развяжется, – он снова бросил взгляд на пачку. – И раздобудьте мне курица.

– Запасы вышли еще вчера, сэр, – Камау помолчал. – Но я слышал, лейтенант Шоу выиграл в карты немного сигарет вчера ночью.

– Правда? Как жаль, что их украли... Некоторые не умеют проигрывать с достоинством.

– Я прослежу, сэр.

*

Дэвид потер веки. В двух вещах сомневаться не приходилось: что майора Рукина его история не провела и что силой оружия дорогу отсюда не пробить. Вэйл решил отдохнуть, а потом попытаться снять часовых, поставленных у двери. А что дальше, он пока не придумал.

Его размышления прервал негромкий стук в дверь.

– Войдите! – Дэвид встал.

Порог переступила изящная женщина с распущенными черными волосами и светло-карамельной кожей, быстро закрыв дверь за собой.

– С поклоном от майора Рукина, – негромко проронила она, не поднимая глаз.

Девушка была настоящей красавицей. Чем больше Дэвид видел этот мир, тем меньше тот ему нравился.

– Вы можете идти.

– Прошу вас...

– Ступайте, – упорствовал Дэвид.

– Прошу вас, мистер. Если вы меня прогоните, будет беда.

Мысленным взором Дэвид увидел, как девушка садится ему спящему на грудь, чтобы полоснуть лезвием ножа ему поперек горла.

С Рукина станется. Идти на такой риск нельзя.

– Беда будет, если вы останетесь. Ступайте. Повторять не стану.

Она вышла, больше даже не пикнув.

Снова стук, на сей раз более настойчивый.

– Я сказал не...

Дверь распахнулась, и на пороге показался высокий африканец. Кивнув обоим часовым, он вошел, плотно закрыв дверь за собой.

В голове у Дэвида пронеслась единственная мысль: «Игра окончена».

– Камау, – шепнул он.

– Привет, Дэвид.

Глава 37

Оперативная база Иммари в Сеуте

Северное Марокко

Добрую минуту Дэвид и Камау просто стояли и смотрели друг на друга, не обмолвившись ни словом.

Наконец Вэйл нарушил молчание:

– Ты пришел отвести меня к майору?

– Нет.

– Ты сказал ему, кто я такой?

– Нет. И не скажу.

В голове у Дэвида застрял единственный вопрос: на чьей он стороне? Нужен был какой-нибудь способ выведать приверженность Камау, не выдав собственную.

– Почему ты ему не сказал?

– Потому что ты не сказал. Думаю, ты сделал так не без причины, хоть и не знаю, какой именно. Три года назад ты спас мне жизнь в Аденском заливе.

Дэвид вспомнил эту операцию: объединенная ударная группировка нескольких отделений «Часовой башни» совместно потрудились, чтобы ликвидировать пиратский картель. Камау тогда был оперативником из отделения в Найроби. Ему, искусному бойцу, в тот день просто не повезло. Команда Камау взяла на абордаж второй из трех пиратских кораблей, но оказалась в ничтожном меньшинстве: оценить количество бойцов на каждом из кораблей было невозможно. Команда Дэвида, зачистив свое судно, поспешила на помощь команде Камау – слишком поздно для многих из ее членов.

– Я ни разу не видел человека, равного тебе в схватке, – продолжал Камау. – И за все прошедшее время тоже. Если, сохранив секрет твоей личности, я смогу оплатить долг перед тобой, я его сохранию. И помогу тебе, если хочешь – и если ты тут, чтобы совершить то, что я думаю.

Не ловушка ли это, озадачился Дэвид, чтобы заставить его раскрыться? В душе он, однако, понемногу склонялся к тому, чтобы довериться Камау. Но прежде требовалось собрать больше сведений.

– Как ты сюда угодил?

– Три месяца назад схлопотал осколок в ногу. «Часовая башня» дала мне отпуск на поправку, и мне хотелось выбраться из Найроби. Семья у меня в Танжере. Там я и выздоравливал потихоньку, когда разразилась чума. Она выкосила весь город за считанные дни. Я пробрался сюда. Всем оперативникам «Часовой башни» дали звания и должности в армии Иммари. Мне присвоили звание капитана. Начальников отделений сделали подполковниками, потому-то майор Рукин отчасти и поверил твоей байке. Северная Африка – опасное место для одиночек, даже для военных. Я нашел здесь убежище, другого выбора у меня просто не было.

– Что это за место?

– А ты не знаешь? – озадаченно уставился на него Камау.

Дэвид сосредоточил на нем все свое внимание. Следующий ответ раскроет, откуда здесь Камау и во что он на самом деле верит.

– Я хочу услышать это от тебя.

Камау распрямил плечи.

– Это гнусное местечко. Преддверие ада. Перерабатывающий центр. Место, куда привозят выживших из Африки и с островов Средиземноморья. А скоро и из Южной Испании.

– Выживших... – с недоумением проронил Дэвид. Потом до него дошло. – А, после чумы!

Камау поглядел на него еще более озадаченно.

– Я... выпал из жизни на какое-то время. Мне нужно, чтобы ты ввел меня в курс.

Камау поведал ему о глобальной пандемии и крушении наций по всей планете. О возникновении Районов Орхидеи и генеральном плане Иммари. Вэйл внимательно слушал. Сценарий воистину казался кошмарным.

– Выживших доставляют сюда, – повторил Дэвид. – И что с ними делают дальше?

– Отделяют сильных от слабых.

– Что делают со слабыми?

– Отправляют обратно на чумных баржах. И сбрасывают в море.

Дэвид уселся за стол, пытаясь совладать с ужасом. «Зачем?!»

Камау будто прочел мысли Дэвида.

– Иммари формируют армию. Величайшую в истории человечества. Ходят слухи, что это из-за чего-то найденного в Антарктиде. Но слухов слишком много. Говорят, что Дориан Слоун вернулся. Что его невозможно убить. То, что сказал тебе Рукин, правда – вчера в штаб-квартире Иммари в Германии произошел взрыв. Поговаривают о тотальной войне, но у Союзников другая проблема. Говорят, их чудо-лекарство Орхидея больше не работает, что по миру покатила новая волна смертей. Люди думают, что это конец.

Дэвид потер виски.

– Ты сказал, что догадываешься, зачем я здесь.

Камау кивнул.

– Ради уничтожения этого места, ведь так?

Не успели эти слова прозвучать, как Дэвид уже принял решение. Не такова ли мера война – биться за правое дело, даже если оно обречено? Что еще может он сделать? Ему отчаянно хотелось разыскать Кейт, но удирать он не станет, тем более от этого. Лучше погибнуть в бою. На самом деле это уже входило у него в привычку. Дэвид старался не думать о пробуждении в трубах, о том, что он собой представляет. Главное – то, что происходит здесь и сейчас.

– Да. Я здесь ради уничтожения этого места. Ты сказал, что поможешь мне?

– Помогу.

Дэвид вглядывался в Камау, до сих пор решая, стоит ли ему доверять.

– А почему ты не попытался раньше? Ты пробывал здесь...

– Два месяца, – Камау принялся расхаживать из стороны в сторону. – До прибытия сюда я даже не догадывался о плане Иммари. Как не знал и о том, что «Часовая башня» – их тайное оперативное подразделение. Узнав правду, я испытал потрясение и ужас.

Дэвиду это чувство было знакомо. Он позволил Камау продолжать.

– Я оказался в Сеуте, как в мышеловке. Мир охватило отчаяние. Я знал лишь, что выжившие добрались сюда и нашли здесь убежище. Я не представлял... что ради выживания пойду на сделку с дьяволом. Разнести базу я был просто не в состоянии. У меня не оставалось выбора. До вчерашнего дня здесь были расквартированы почти сто тысяч солдат Иммари.

– А сейчас?

– Около шести тысяч.

– Сколько из них будут биться на нашей стороне?

– Немногие. Свою жизнь я бы доверил не более чем дюжине из них. А нам придется просить их отдать свои жизни.

Дюжина человек против шести тысяч. В лучшем случае их ждет сокрушительный разгром. Чтобы изменить расклад, нужен какой-нибудь рычаг, точка опоры.

– Что тебе требуется, Дэвид?

– Сию минуту – отдохнуть. Сможешь держать Рукина от меня подальше, чтобы не разнюхал, что я такой?

– Да, но не очень долго.

– Спасибо. Возвращайся в шесть ноль-ноль, капитан.

Кивнув, Камау удалился.

Дэвид забрался в постель. Впервые с того момента, как вышел из трубы, он чувствовал себя уверенным и крепко стоящим на ногах. И знал почему: теперь у него появилась цель – миссия, которую надо осуществить, и враг, которого надо победить. Приятное чувство. Сон пришел быстро.

Сортировочный лагерь Иммари

Марбелья, Испания

Солдаты Иммари сопроводили Кейт и остальных присягнувших выживших к одной из белых башен курорта, поселив в каждой комнате по два человека. Солнце уже давно закатилось, но Кейт все смотрела из-за стеклянной двери, откатывающейся в сторону, точь-в-точь как еще вчера смотрели обитатели лагеря Орхидеи.

В Средиземном море не было ни огонька. Кейт ни разу не видела его таким черным. Лишь за морем угадывалось призрачное зарево какого-то города в Северном Марокко.

– Тебя устроит эта кровать? – спросила ее соседка по комнате, указывая на кровать рядом с Кейт, возле окна.

– Разумеется.

Соседка разложила свои вещи на другой двуспальной кровати и теперь проводила в номере тщательный обыск. Кейт даже вообразить не могла, что же она ищет.

Кейт хотела открыть рюкзак и найти что-нибудь полезное, но была слишком изнурена – и физически, и умственно. Сунув рюкзак под одеяло, она забралась в постель и позволила сну поглотить себя.

*

Это было вовсе не сооружение атлантов, это Кейт поняла мгновенно. Окружение куда больше напоминало виллу в средиземноморском городе – скажем, в Старом городе Марбельи. Коридор с мраморными полами вел к арочной деревянной двери. У Кейт возникло ощущение, что, если ее открыть, произойдет нечто важное, на нее снизойдет некое откровение.

Она сделала шаг.

Справа от нее были две двери. За ближайшей из них послышался шорох.

– Эй?

Движение прекратилось.

Подойдя к двери, Кейт медленно толкнула ее.

Дэвид.

Голый по пояс, сидя на краю громадной кровати со скомканными простынями, он расшнуровывал свои высокие черные ботинки.

– А, вот и ты наконец.

– Ты... жив.

– Очевидно, в последнее время убить меня стало трудновато, – он поднял голову. – Подожди-ка. Ты думала, что больше не свидишься со мной. Ты поставила на мне крест.

Кейт закрыла дверь за собой.

– Я никогда не ставлю крест на тех, кого люблю.

*

Кейт проснулась с диковинным ощущением, помня весь сон до последнего мгновения, словно побывала там на самом деле. Дэвид... Жив ли он? Или рассудок просто тешит себя ложной надеждой? Нужно на что-то переключиться. Мартин. Побег. Вот что сейчас главное.

Первые лучи солнца только-только заглянули в комнату, а у соседки сна уже не было ни в одном глазу.

Открыв рюкзак, Кейт принялась в нем копаться. Отыскала тетрадку и начала чтение с первой страницы.

Мартин оставил там послание лично для нее.

Дражайшая моя Кейт!

Если ты читаешь это – значит, нас схватили. Именно этого я больше всего и боялся последние 40 дней. Я четыре раза пытался вытащить тебя. Но слишком поздно. Я все надеялся, что каждый из 30 пациентов, скончавшихся во время наших исследований, приведет нас к созданию лекарства. Но наше время истекло. С момента исчезновения твоего отца 29-5-87 я каждую минуту думал только о твоей безопасности. С моим будущим покончено.

Исполни мою последнюю волю – спасайся. Покинь меня. Только об этом я и прошу.

Я горжусь женщиной, которой ты стала.

Мартин

Кейт закрыла тетрадку, потом снова открыла и перечитала послание Мартина – совершенно ясное и недвусмысленное. И очень трогательное. Но она чувствовала – здесь таится что-то еще. Взяв из рюкзака карандаш, обвела все цифры. Вместе они гласили:

4043029587

Телефонный номер. Кейт резко села в постели.

– Чего там? – поинтересовалась соседка.

Кейт настолько ушла в собственные мысли, что почти не слышала ее.

– Э... а... кроссворд.

Отложив книгу, соседка перекатилась на кровати, выказывая внезапную заинтересованность.

– А можно взять, когда закончишь?

– Извини, я его исписала, – развела Кейт руками.

Насупившись, соседка выбралась из постели и, ни слова не говоря, тяжело затопала в ванную. Щелкнул замок.

Выудив из рюкзака спутниковый телефон, Кейт набрала номер.

В трубке раздался один гудок, потом что-то щелкнуло, и тотчас же затараторил женский голос с американским акцентом, по манере произношения которого Кейт сразу поняла, что это запись:

– Преемственность. Статус следует далее. Запись произведена в двадцать два пятнадцать по времени Атланты, семьдесят девятый день чумы. Испытание четыреста девяносто восемь: результат отрицательный.

Испытание 498. Какое последнее испытание проводила она сама, когда скончалась Мария Ромеро? Что значилось на пробирке, которую вымаливал у нее Мартин и чей результат он загрузил в цилиндр наподобие термоса? 493? Значит, с того момента провели еще пять испытаний – очевидно, в других местах.

– Статус сети: отсутствует. Для вызова оператора нажмите ноль. – Последовала небольшая пауза, после чего голос в трубке сменился. – Преемственность.

Unsere Situation ist...

Дальше то же самое сообщение повторялось по-немецки. Кейт нажала на клавишу нуля. Из ванной послышалась возня.

Если соседка увидит спутниковый телефон, то немедленно донесет о нем и Кейт подвергнут допросу. Военные изложили «кодекс чести» для башни выживших: все «члены» обязаны сдать все оружие и электронику. Обыскивать их не стали – очевидно, затеянная Иммари промывка мозгов предусматривала видимость того, что они добровольные члены, а не пленники, и насильственные обыски разрушили бы эту иллюзию. Тем не менее Иммари объявили о суровых последствиях любых признаков инакомыслия. Всякий, попавшийся с чем-нибудь подозрительным, чем-нибудь блестящим, острым или снабженным выключателем, будет тотчас переведен в другую башню – к тем, кто отказался присягнуть.

Кейт запихнула телефон под подушку, где соседка по комнате его не увидит, если вдруг выйдет из ванной, и наполовину засунула туда голову, прислушиваясь к аппарату.

Ответившая женщина быстро проговорила:

– Код доступа?

Кейт потребовалась добрая секунда, чтобы переварить вопрос.

– Я...

– Код доступа.

– Не знаю, – не сводя глаз с двери, прошептала Кейт.

– Назовитесь, – то ли с озабоченностью, то ли с подозрением потребовала женщина.

– Я... я работаю с Мартином Греем.

– Позовите его к телефону.

Кейт на миг задумалась. Ей бы и хотелось отмолчаться, выудить больше информации, но как? И время, и возможности у нее на исходе. Остается лишь выложить свою ситуацию и попросить о помощи, иного выбора попросту нет.

Замок двери ванной щелкнул.

Кейт спрятала телефон за подушку и только тогда сообразила нажать кнопку отбоя.

Переведя взгляд, она увидела, что соседка по комнате пристально наблюдает за ней.

Кейт постаралась переключить внимание на тетрадку, которую держала в другой руке, и невинным тоном поинтересовалась:

– Чего?

– Ты с кем-то разговаривала?

– Сама с собой, – Кейт приподняла тетрадку. – Это помогает мне с орфографией. С правописанием у меня просто беда.

«И с враньем тоже», – добавила она про себя.

На лице соседки промелькнуло подозрение, но она промолчала, вернувшись на свою кровать и снова углубившись в чтение.

Следующие три часа прошли в безмолвии. Кейт лежала в постели, погружившись в раздумья, ломая голову, как вытащить Мартина. Соседка читала, время от времени заливаясь смехом.

Как только раздался сигнал к завтраку, она проворно подскочила и бросилась к двери, но на пороге задержалась:

– Ты идешь?

– Пережду, пока очередь рассосется, – отозвалась Кейт.

Как только дверь закрылась, она снова набрала тот же номер.

– Код доступа?

– Это снова я. Я работаю с Мартином Греем.

– Пригласите доктора Грея...

– Не могу. Нас разделили. Нас захватили Иммари.

– Какой у вас код доступа?

– Послушайте, мне он неизвестен. Нам нужна помощь. Он держал меня в неведении, я ничего не знаю, но если нам не окажут помощь, Мартин через несколько часов умрет.

– Представьтесь.

Кейт вздохнула.

– Кейт Уорнер.

В трубке воцарилось молчание, и Кейт подумала, что связь прервалась. Посмотрела на дисплей телефона. Отсчет времени разговора продолжался.

– Алло! – Она подождала. – Алло!

– Не кладите трубку.

Раздались два гудка, а следом за ними мужской голос – молодой, звонкий, энергичный:

– Доктор Уорнер?

– Да.

– Это Пол Бреннер. Я работал с Мартином какое-то время. Фактически говоря, я был... Я читал все ваши отчеты, доктор Уорнер.

Где вы сейчас?

– В Марбелье. В Районе Орхидеи. Иммари захватили и его, и город.

– Мы знаем.

– Нам нужна помощь.

– Телефонистка сказала, что вас с доктором Греем разлучили.

– Да.

– У вас есть доступ к рабочим записям доктора Грея?

Кейт посмотрела на рюкзак. Этот вопрос заставил ее занервничать.

– Я... могу получить к ним доступ. А что?

– Мы полагаем, что у него есть кое-какие материалы исследований, которые нам отчаянно нужны.

– Что ж, а нам

отчаянно

нужно убраться отсюда к чертям, так что давайте заключим сделку.

– Мы не можем помочь...

– Почему? А как насчет НАТО? Не можете ли вы прислать сюда каких-нибудь командос, чтобы вытащить нас, или типа того?

– НАТО больше не существует. Послушайте, дела обстоят куда сложнее...

– Так расскажите.

– Орхидея больше не действует на чуму. Люди умирают – и так повсеместно. Президент умер несколько часов назад, а вскоре за ним последовал и вице-президент.

– Кто же возглавляет правительство?..

– Президентский пост занял спикер палаты, но затем на него совершили покушение. Подозревали, что он сочувствует Иммари. Ходят слухи, что за дело взялся Объединенный комитет начальников штабов, и его председатель именуется себя чрезвычайным президентом. Он рассматривает план... Доктор Уорнер, нам необходимы эти данные.

– Почему Орхидея отказывается?

– Очередная мутация. Послушайте, мы считаем, что Мартин работал над чем-то, но нам неизвестно, над чем именно. Мне нужно

поговорить с ним.

Открыв тетрадку, Кейт принялась просматривать страницу за страницей, но не могла понять, что у нее перед глазами.

– Доктор Уорнер?

– Я здесь. Вы можете нас вытащить?

Длинная пауза.

– Мы не можем никого послать в Район Орхидеи, но если бы вы сумели выбраться... Я посмотрю, что в моих силах сделать, чтобы организовать транспорт. Но, согласно нашим источникам, Иммари планируют эвакуировать Южную Испанию сегодня поздно ночью – по крайней мере, выживших.

Кейт бросила взгляд на стеклянную дверь. Солнце уже почти взошло. День предстоял долгий.

– Я вам перезвоню. Будьте наготове.

Глава 39

Оперативная база Иммари в Сеуте

Северное Марокко

Дэвида разбудил сигнал тревоги – чуть ли не самый громкий из всех, какие он слышал за всю жизнь. А самый громкий был в Лэнгли, штат Вирджиния, в 2003 году – сирену поднесли к самому его уху, заставив почти нагишом выпрыгнуть из кровати. Тренеры-инструкторы из ЦРУ выгнали его, полуголового, из казармы, забросив в леса Северной Вирджинии.

– В лесу находятся шестеро снайперов. У тебя есть время до сумерек, чтобы вернуться в казармы. Они стреляют шариками с краской, и если на тебе окажется хоть пятнышко, ты нам не подойдешь.

Его вытолкнули из фургона прямо на ходу, и снова Дэвид их увидел, когда солнце садилось за одноэтажным зданием казармы.

С того вечера он больше никогда не спал в одном белье, не считая единственного раза – легкого недосмотра, момента слабости, когда потерял бдительность в Гибралтаре в компании Кейт.

Сейчас за дверью слышалась лавина шагов. Вэйл занял позицию в углу, по диагонали от двери, пребывая в готовности напасть на любого вошедшего. Неужели Рукин проведаль? Нашпиговал комнату «жучками»? Тогда он слышал все...

Замок лязгнул, но дверь не распахнулась. В щель просунулись две черных руки с растопыренными пальцами, показывающими, что ладони пусты. Их обладатель крикнул, чтобы быть услышанным сквозь грохот ног у него за спиной:

– Это Камау!

– Заходи! И закрой дверь, – откликнулся сидевший на корточках Дэвид и тут же быстро, бесшумно ступая босыми ногами, переместился в другой угол, не просматривающийся из двери.

Войдя в комнату, Камау захлопнул за собой дверь и обратил взгляд в угол, откуда раздался голос Дэвида, но тотчас же повернулся к другому углу, обратив лицо к Вэйлу.

– Мы атакованы, – сообщил он.

– Кем?

– Мы не знаем. Майор вызывает тебя.

Дэвид вслед за Камау вышел в коридор, забитый солдатами, которые спешили на свои позиции и не обращали на Дэвида и Камау ни малейшего внимания.

На улице перед жилым крылом внутренний двор цитадели так и бурлил деятельностью. Вэйл хотел задержаться, провести тактическую рекогносцировку, но Камау поторапливал его, трусцой устремляясь к высокой башне.

Они взбежали по хлипкой металлической лесенке, но перед последней лестничной площадкой Камау схватил Дэвида за локоть.

– Они тоже не знают, что происходит. Он тебя проверяет.

Кивнув, Вэйл последовал за Камау на командный пункт. Тот превзошел самые смелые ожидания Дэвида: восьмигранный, каждая вторая стена представляла собой окно от пола до потолка, обеспечивающее отличный обзор лагеря во всех направлениях. Остальные четыре стены занимали компьютерные дисплеи, показывающие карты, графики и данные, смысла которых Дэвид еще не начал понимать.

В центре двое техников сгорбились над столами и компьютерными дисплеями. Чуть обок от них стояло единственное

кресло, занятое майором.

– Развернуть батареи четыре и пять. Огонь по готовности, – он развернулся к Дэвиду. – Вы об этом знали.

– Я не знаю даже, что это.

– Самолеты сбросили свой груз, – подал голос один из техников. Майор пригляделся к Дэвиду.

За боковым окном орудия на севере быстро развернулись и открыли огонь во тьму. Казалось, снаряды тотчас угодили в цель, вспухая вереницей воздушных взрывов. Пылающие обломки самолетов градом посыпались в воду.

– Семь целей – семь попаданий, – доложил другой техник.

Дэвид подивился средствам противовоздушной обороны. Он не очень разбирался в системах «земля – воздух», но увиденное только что превосходило все ему известные.

С воздуха эту базу не взять.

Техник, только что выпустивший заградительную стену ракет ПВО, выстучал что-то на клавиатуре и покачал головой.

– На радаре чисто. Это была единственная эскадрилья.

Майор встал и подошел к окну.

– Я видел только семь взрывов. Почему по нас ничего не попало? Неужели ракеты промазали?

– Не долетели, сэр.

За западным окном взмыл фонтан воды и ярко полыхнуло.

– А это еще что за черт? – требовательно спросил Рукин.

Техники принялись работать со своими компьютерами. Второй, встав, указал на один из экранов.

– Не думаю, что целью являлись мы, сэр. По-моему, они расставляли мины в проливе. Как я понимаю, обломок одного из самолетов при падении задел мину.

Майор постоял минутку, глядя на воду в том месте, где взорвались обломки самолета.

– Дайте мне флот председателя. Ему надо изменить курс, – сказал он, взмахом руки отсылая Дэвида и Камау прочь.

Из командного центра Дэвид смог взглянуть на бараки, где слышал возню по пути. Они были забиты людьми, сгрудившимися в темноте, – должно быть, две или три тысячи человек. «Варвары, ожидающиеся перевозчика», – сказал Рукин. «Кто же мог так с ними поступить?»

Обратно в жилое крыло Камау и Дэвид шли в молчании. Вернувшись в комнату, Вэйл знаком велел Камау остаться.

– Что это было?

– Эскадрилья Королевских ВВС. Мы уже давно не видели ни единого их самолета. Вскоре после вспышки заболевания они попытались захватить базу, прежде чем Иммари спалили город и установили зенитные батареи. Мы думали, у британцев закончилось реактивное топливо.

– Зачем они сбросили мины?

– Дориан Слоун направляется сюда, ведя главный флот Иммари на север. Они собираются вторгнуться в Европу. Как я понимаю, британцы заминировали пролив, чтобы отрезать флот от Средиземного моря.

– Насколько далеко Слоун?

– Главный флот еще в нескольких днях пути. Я только что читал доклад, где говорится, что Слоун совершил вылет вдоль побережья и возглавляет флотилию, идущую в авангарде. У него явно что-то на уме. Он может прибыть прямо сегодня ночью.

Дэвид кивнул. Слоун. Здесь. Захват Сеуты до его прибытия может спасти куда больше жизней, чем предполагал Дэвид, – если удастся убить или захватить Слоуна. И он только что видел средство для осуществления этой задачи.

– Что это за орудия?

– Рельсотроны, – сообщил Камау.

– Не может быть!

– Это секретная программа разработки вооружений «Иммари Рисеч».

Дэвид знал, что армия США экспериментировала с технологией рельсового разгона масс, но до активного применения рельсотронов дело пока не дошло. Главная проблема заключается в энергии. Рельсотроны потребляют уйму электричества, чтобы разогнать снаряд

до сверхзвуковой скорости – свыше шести тысяч двухсот километров в час.

– А где они берут энергию?

– У них специальная солнечная электростанция, несколько комплексов зеркал неподалеку от гавани.

– Дальнобойность?

– Не в курсе. Знаю лишь, что во время вторжения в Южную Испанию они вели огонь по целям в Марбелье и даже Малаге – на удалении свыше сотни километров.

Невероятно. Орудия в Сеуте вполне способны уничтожить любой приближающийся флот, а то и всю армию Иммари в Южной Испании. Нельзя ли пустить их в ход...

Камау будто прочел его мысли.

– Даже если мы захватим башню командного пункта, направить орудия внутрь базы невозможно.

Дэвид кивнул.

– А что это за всадники?

– Пережившие чуму. Берберы. С крахом цивилизации они вернулись к своим исконным корням. В остальном наши разведданные о них крайне скудны.

– Сколько их там?

– Неизвестно.

В голове у Дэвида начал мало-помалу складываться план.

– А Рукин? Что он собой представляет?

– Жесток. Компетентен.

– Грешки?

– Только курение... и женщины.

Дэвид снял свой армейский китель Иммари. При упоминании о женщинах ему сразу вспомнилась девушка, приходившая к нему в комнату. И тотчас же перед мысленным взором вспыхнул вытеснивший ее образ Кейт. Он попытался отогнать его, но должен был знать... Это было рискованно, однако Дэвид решился задать вопрос, вертевшийся на языке с самого прибытия в Сеуту.

– Ты не видел рапортов о женщине по имени Кейт Уорнер?

– Не меньше тысячи. Она самая разыскиваемая особа на свете.

Страх потрянул Дэвида как удар тока. Этого он не ожидал.

– Кто ее разыскивает?

- Все. Иммари, Альянс Орхидеи...
- Предполагаемое местонахождение?
- Иммари оно неизвестно. Во всяком случае, нас не уведомили.

Дэвид кивнул. Быть может, Кейт еще жива. Он надеялся, что она скрывается где-нибудь далеко, вне досягаемости Иммари. О том, чтобы ее разыскать, нечего было и думать, даже если он отправится на поиски прямо сейчас. А ведь его еще ждет работа здесь.

– Ладно, раздобудь мне какую-нибудь штатскую одежонку. И лучшего коня, какого сумеешь.

Глава 40

Чумная баржа «Предначертание»

Средиземное море

– Все чисто. Можете приступать, – капитан повернулся к двум подчиненным. – И проверьте, нет ли у доктора Чанга и доктор Януса трупов, от которых пора избавиться.

Старший из двоих кивнул, и оба удалились с мостика.

На нижней палубе они принялись натягивать костюмы, которые каждый раз надевали.

– Ты когда-нибудь задумывался о том, что мы делаем? – спросил младший.

– Стараюсь не думать.

– По-твоему, это нехорошо?

Старший лишь молча поднял на него глаза.

– Они же люди, только больные.

– Правда? Ты ученый? Я – нет. Уборщикам платят не за то, чтобы думали.

– Да, но...

– Не надо. Не кумекай

по этому поводу. Ты спас там мою задницу. Моя жизнь в твоих руках. Ежели перекумекаешь чего не то, нам обоим кранты. И, что главное, кранты

мне

. Если отморозки с верхней палубы нас и не грохнут, то чокнутые из командного центра уж наверняка. У нас тут только один шанс – делать свою работу. Так что заткнись и одевайся.

Младший отвел взгляд, потом снова принялся затягивать ремни, время от времени поглядывая на старшего.

– Что ты делал до чумы?

– Ничего, – ответил старший.

– Безработный? Я тоже. Как почти все мои ровесники в Испании. Едва-едва получил работу подменного учителя...

– Я сидел.

Молодой человек помолчал, потом любопытствовал:

– За что?

– Я был в тюрьме, где не спрашивают, за что тебя упекли. И не заводят друзей. Совсем как тут... Слушай, пацан, я тебе растолкую совсем по-простому: миру хана. Непонятно только, кто выживет. Остались две группы: те, что с огнеметами, и те, кого поджаривают. Ты сейчас держишь огнемет. Так что заткнись и радуйся. И не заводь друзей. Почем знать, кого тебе придется еще спалить на этом свете...

Дверь открылась, и в комнатку вошел ученый, прозванный командой доктором Дулиттлом, хотя настоящая его фамилия была Янус. С застывшим, как маска, лицом, он даже не удостоил присутствующих взглядом. Двое лаборантов втокнули каталки с мешками для трупов и так же быстро удалились.

– Это все? – спросил старший.

– Пока что, – коротко проронил доктор, ни к кому в частности не обращаясь. Повернулся, чтобы ретироваться, но едва он хотел переступить порог, как младший поинтересовался:

– Есть какой-нибудь прогресс?

Мгновение помешкав, доктор Янус бросил:

– Это зависит... от того, что вкладывать в понятие «прогресс», – и вышел.

Младший повернулся к старшему.

– Как ты думаешь...

– Клянусь, еще раз скажешь «думаешь», и я спалю тебя самолично. Пошли.

Надев шлемы, они вскарабкались по лестнице и открыли двери в трюм с деградирующими и выжившими, которые отказались принести присягу. И через считанные секунды в море начали падать трупы.

Глава 41

Сортировочный лагерь Иммари

Марбелья, Испания

Из окна шестого этажа Кейт смотрела на территорию курорта. Ее и остальных выживших разместили в башне, ближе всех расположенной к морю. Среднюю башню солдаты забрали себе, а самую дальнюю от моря и ближайшую к воротам до отказа набили мертвыми и умирающими. Мартин там. Кейт гадала, в какой он группе – мертвых или умирающих? Она взирала на эту башню, на четверых часовых, болтавшихся перед входом, кутивших, смеявшихся и читавших журнальчики.

Ожидание хуже пытки, но ничего другого ей не осталось. Нужно тянуть время, пока не настанет подходящий момент. Шанс вытащить его будет только один.

Отвернувшись от окна, она уселась на кровать. В другом конце комнаты ее соседка лежала в постели, читая старую книгу.

– Что ты читаешь? – любопытствовала Кейт.

– Она.

– Она?

Перекатившись по кровати, женщина продемонстрировала Кейт обложку.

– «Она: история приключения». Хочешь почитать, когда я дочитаю?

– Нет, спасибо, – отозвалась Кейт, беззвучно добавив: – Приключений у меня сейчас и без того хватает.

– Что?

– Ничего.

По лагерю раскатилось рычание двигателей мощных грузовиков у ворот, и Кейт, вскочив с кровати, поглядела сквозь стекло. Она ждала, надеялась, и вот, наконец – доставили новый груз. Иммари непрерывно

подвозили людей – наверное, из сельской местности в окрестностях Марбельи. Похоже, этот бывший Район Орхидеи – их главный перевалочный пункт в этом регионе. Каждые пару часов очередной караван подвозил новую партию пленников – и больных, и здоровых, и войска заодно. Замешательство. Час неразберихи. Лазейка. Кейт побежала к двери.

– Ты куда? Через двадцать минут проверка комнат... – окликнула соседка, но она не остановилась, устремившись вниз по лестнице.

На первом этаже женщина зашла за стойку регистрации и принялась искать план этажей. Есть ли в этом здании то, что ей нужно? Что сказать, если часовой ее остановит или хотя бы узнает, что она покинула комнату? Поголовную проверку проводят дважды в сутки, и неизвестно, что будет, если кого-нибудь недосчитаются – такого еще не случалось.

Заодно в стойке регистрации нашелся предмет, необходимый ей в первую очередь, – бейджик на имя Хавьера Медины, «Варгас Рисортс». Ничего, сойдет. Ей был нужен только бейдж. Если ее станут проверять – считай, уже попалась.

Кейт миновала магазинчик сувениров и, к своему великому облегчению, увидела, что угол здания за ним занимает ресторан. Миновав полутемный обеденный зал, она через двустворчатые двери из нержавеющей стали проникла в кухню. Смрад там стоял почти невыносимый. Зажав нос двумя пальцами, Кейт углубилась дальше. Темно, чересчур темно. Вернувшись к дверям, чтобы подпереть их табуретом в приоткрытом положении, она продолжила поиски.

В углу Кейт нашла как раз то, что требовалось, – китель шеф-повара. Развернув его, обнаружила, что тот замаран спереди зелеными и красными мазками. Придется его перелицевать, чтобы сработало. Взяв мясницкий нож со стола, она убрала руку с носа, чтобы перекрыть одеяние, после чего вывернула и надела китель. Приколов бейджик Хавьера к только что выкроенному лацкану, взглянула на свое отражение в полированной стальной дверце холодильника – белый китель с болтающимся бейджиком, темные волосы, стянутые в конский хвост, ввалившиеся щеки и бледная кожа. В голове застряла единственная мысль: «Черта лысого эта затея выгорит». Глубоко вздохнув, она провела ладонью по волосам. «И на кой черт я все это затеяла?»

Но что ж еще оставалось? Покинув кухню, Кейт стремительно зашагала обратно к стойке регистрации. Сквозь стеклянную дверь-вертушку в вестибюль вливались лучи солнца. По ту сторону скучали двое часовых. «Надо снять это шмотье и сейчас же вернуться в номер». Кейт тряхнула головой. Что с ней сделают, если поймают? Но поворачивать с полпути нельзя. Надо что-то делать. Нельзя же сидеть сложа руки, когда Мартин умирает, когда умирает весь мир... Она должна рискнуть. Другого шанса не выпадет.

Толкнув вертящуюся дверь, Кейт вышла наружу. Часовые, прервав болтовню, уставились на нее. Она быстро прошла мимо, и они ее окликнули. Обернувшись, Кейт сделала им ручкой и пошла чуточку быстрее. Не слишком, не настолько, чтобы возбудить подозрения. Пустились ли они в погоню? Оглядываться нельзя; оглянувшись еще раз, она себя выдаст.

Уголкем глаза Кейт поймала отблески над водой, изумившие ее. Из номера берег виден не был. Она задержалась ровно настолько, чтобы посмотреть. Сверкающий белизной циклопический корабль двигался медленно, но направление движения не оставляло ни малейших сомнений в пункте его назначения – Марбелья. С виду он казался почти как... ну да, круизный лайнер, только с большими артиллерийскими орудиями на носу и корме. Не это ли чумная баржа? Если так, то выживших – и Кейт в том числе – всей толпой погрузят туда. Необходимо добраться до Мартина, пока судно не прибыло в гавань.

Впереди, у места разгрузки грузовиков, образовалась громадная очередь. Люди подходили к столам и сортировщикам, точь-в-точь как вчера Кейт. Будут ли им проигрывать речь Дориана? Вроде вечернего фильма в летнем кинотеатре? Гнев, вспыхнувший при мысли о Слоуне, немного укрепил ее решимость.

Кейт пристроилась за мужчиной и женщиной, которые, кашляя, ковыляли к зданию для больных.

Четверо часовых непринужденно болтали между собой, полностью игнорируя нескончаемый поток больных в здание. Но стоило Кейт приблизиться к вертящейся двери, как один из часовых, бросив на нее взгляд, наморщил лоб и шагнул вперед.

– Эй, что вы...

Приподняв бейджик Хавьера, Кейт выставила его вперед, не позволив ему отстегнуться от импровизированного лацкана.

– О-официальное дело, – пролепетала она, поспешно ныряя в вертящуюся дверь.

«Официальное дело?» Боже, ее схватят. Вертящаяся дверь вытолкнула ее в вестибюль, и как только зрение приспособилось к полумраку, Кейт окинула взглядом открывшееся зрелище. И оказалась совершенно не готова к нему.

Она чуть было не попятилась, но сзади подпирали люди, входившие в здание нескончаемым потоком.

Тела были повсюду – мертвые, умирающие, плачущие, кашляющие и представляющие весь спектр переходных состояний. Так выглядит мир без Орхидеи. И такое разыгрывается по всей Южной Испании, а если Пол Бреннер не соврал, то и по всей планете. Сколько человек умерло в первый же день? Миллионы? Миллиард? Но сейчас не до того, нужно было сосредоточиться.

Кейт видела, как люди входят в здание, но даже не догадывалась, сколько же их здесь. В одном лишь вестибюле, в этом тесном пространстве, сгрудились сотни человек. А сколько их в здании? Несколько тысяч? Здесь тридцать этажей. Мартина тут нипочем не отыскать.

Позади нее в вертящуюся дверь протиснулся один из стражников. Понял. И идет за ней.

Кейт пулей рванула через вестибюль на лестницу. Если здание собираются уничтожить, то когда этого ждать?

Выбросив эти мысли из головы, она заспешила вверх по лестнице, оказавшейся относительно свободной. Какой этаж попытать? Внизу распахнулась дверь, ведущая на лестницу.

– Стоять! – рявкнул охранник с первого этажа.

Вопреки здравому смыслу Кейт выглянула поверх перил, и глаза их встретились. Солдат бегом бросился вверх по лестнице.

Кейт открыла дверь четвертого этажа и...

Коридор был забит сидящими и лежащими людьми. Многие уже скончались. Едва завидев ее, какая-то женщина ухватилась за край белого кителя.

– Вы пришли нам помочь?

Покачивая головой, Кейт попыталась вырваться из хватки женщины, но остальные тоже сгрудились вокруг нее, выкрикивая что-то наперебой.

Дверь у нее за спиной открылась снова, и проем заполнила фигура охранника с автоматом на изготовку.

– Ладно, поворачивайте оглобли. Прочь от нее.

Окружающие попятились от Кейт.

– Чтобы вы тут делаете? – спросил охранник у нее.

– Я... собираю образцы.

Солдат выглядел озадаченным. Сделав шаг вперед, поглядел на бейджик. Ее липовый бейджик. И недоумение сменилось изумлением.

– Повернитесь. Руки на затылок.

– Она со мной, – небрежно встрял другой солдат, со спокойным видом появляясь с лестницы, – куда более высокий и мускулистый, чем преследователь Кейт, и, как ей показалось, говоривший с легким британским акцентом.

– А ты еще что за гусь?

– Адам Шоу. Прибыл с грузом из Фуэнхиролы.

Более мелкий солдат затряс головой, будто хотел прояснить ее.

– У нее поддельный бейдж.

– Разумеется. Хочешь, чтобы эти люди узнали, кто она такая? Думаешь, им известно, как выглядит настоящее удостоверение «Иммари Рисеч»?

– Я... – Тот смерил Кейт взглядом с головы до ног. – Мне придется доложить об этом.

– Валяй, – отозвался рослый, ступая ему за спину, а затем быстро схватил за голову и шею и сильно дернул, так что треск разнесся по всему коридору. Охранник упал на пол, а находившиеся в коридоре люди – во всяком случае, живые – бросились врассыпную, оставив Кейт наедине с таинственным солдатом.

Тот посмотрел на нее.

– Приходить сюда было крайне глупо, доктор Уорнер.

Глава 42

Оперативная база Иммари в Сеуте

Северное Марокко

Майор Александр Рукин поправил снайперскую винтовку. Сквозь прицел он видел, как загадочный подполковник приближается верхом к биваку берберов. Тот выехал в цивильном платье, словно это могло ему помочь.

По поводу цели своей отлучки подполковник говорил очень уклончиво, а Рукин возражал ровно настолько, чтобы это выглядело правдоподобно. Если честно, то именно такой возможности Рукин только и ждал. Он подсунул в одеяние подполковника трекер и «жучок» и будет в точности знать, где тот побывает и что скажет. А еще за подполковником следует команда наружного наблюдения – просто на случай, если он решит смазать лыжи. Это тоже его разоблачило бы. Так или иначе, скоро Рукин узнает, что за птичка этот «Алекс Уэллс».

Осадив коня, подполковник спешил, подняв руки вверх.

Навстречу ему, что-то крича, выбежали трое берберов с автоматическими винтовками, но подполковник хранил неподвижность. Окружив, берберы стукнули его по голове и поволокли в шатер.

– Господи, – покачал головой Рукин. – Я-то думал, у этого придурка припасен план получше этого... – Уложив винтовку в футляр, он отдал ее Камау. – Я бы сказал, что больше мы таинственного подполковника не увидим.

Кивнув, Камау бросил последний взгляд в сторону палаточного городка, прежде чем последовать за майором к лестнице, ведущей с крыши вниз.

*

– Я пришел, чтобы помочь вам, – стоял на своем Дэвид.

Сорвав с него остатки одежды, берберские воины унесли лохмотья прочь из шатра, оставив Дэвида наедине с вождем.

– Не надо нам лгать. Ты пришел сюда, чтобы помочь себе. Ты нас не знаешь. Тебе нет до нас дела.

– Я...

– Не говори нам, кто ты. Я хочу это видеть собственными глазами.

По знаку вождя человек, стоявший у входа в шатер, коротко кивнул и поспешно удалился, но вскоре вернулся с небольшим

джутовым мешком. Он закрыл клапан входа, погрузив помещение в практически полную темноту, разгоняемую только пляшущим огоньком свечи, и швырнул мешок Дэвиду на колени.

Тот протянул руку к мешку.

– Не стоит.

Вэйл поднял глаза, а потом ощутил, в чем дело. Мышца, палец, скользящий по его предплечью. Потом канат, скользящий вверх по его бедру. Змеи. Глаза уже почти приспособились к тусклому свету, и Дэвид с первого же взгляда понял, с кем имеет дело, – две египетские кобры. Один укус – и он покойник. Смерть наступит самое позднее через десять минут.

Дэвид старался контролировать свое дыхание, но проигрывал сражение. Почувствовал, как мышцы напрягаются, и похоже, змеи на это отреагировали. Та, что на руке, быстро поползла наверх – к плечу, шее, лицу. Дэвид сделал еще один неглубокий вдох. Дышать полной грудью не стоило – движение могло их встревожить. Он медленно выпустил воздух через нос, сосредоточив внимание на том месте, где дыхание касалось кончика носа, созерцая это ощущение и отсутствие других чувств. При этом Дэвид смотрел прямо перед собой, на темное пятно на полу. Он снова ощутил щекотку, на сей раз в районе ключицы, но думал только о дыхании, об ощущении движения воздуха в районе кончика носа. И совсем не чувствовал змей.

Боковым зрением он смутно отметил, что вождь направляется к нему.

– Ты боишься, но контролируешь свой страх. Ни один разумный человек не ходит по свету без страха. Освободиться от него дано только тем, кто в силах с ним совладать. Ты – человек, живший среди змей и учившийся скрываться. Ты человек, способный лгать, способный поведать ложь так, будто сам в нее верит. Это очень опасно. В данный момент больше для тебя, чем для меня.

Повинуясь кивку вождя, дрессировщик змей осторожно подполз к Вэйлу, чтобы забрать пресмыкающихся.

Взгляд вождя был устремлен на пленника.

– А теперь можешь солгать мне или сказать правду. Выбирай мудро. Мне довелось повидать немало лжецов. И похоронить немало лжецов.

Дэвид поведал ту историю, которую пришел сюда поведать, а когда закончил, глаза вождя были обращены в сторону, словно в раздумьях над его словами.

Вэйл же принялся мысленно перелистывать возможные вопросы вождя, заранее готовя ответы на них. Но вопросов не последовало. Вождя уже и след простыл.

В палатку вбежали три человека, схватили Дэвида и поволокли его к общинному костру в центре импровизированной деревушки. По мере продвижения вокруг собирались члены племени. Почти у самого костра Дэвид исхитрился встать на ноги и сбросил человека, державшего его правую руку, но у того, кто стоял слева, хватка оказалась крепче. Вэйл сильно ударил его в лицо, и тот, выпустив руку, без звука рухнул на песок. Дэвид развернулся, но на него набросились еще трое воинов, прижав к земле собственным весом и держа его за руки. Потом над ним навис кто-то еще. Вождь... с чем-то дымящимся в руке, раскаленным до оранжевого свечения – то ли мечом, то ли копьем. Метнувшись вперед, пылающая сталь впилась в грудь Дэвида. Тело прошила волна жгучей боли, ноздри забил смрад горячей плоти и волос. Вэйл изо всех сил постарался сдержать рвотные позывы, когда его глаза закатились и сознание отлетело.

Глава 43

Сортировочный лагерь Иммари

Марбелья, Испания

Кейт оказалась в безопасности – по крайней мере, на время. Высокий британский солдат по имени Адам Шоу убил другого охранника и... он знал, как ее зовут.

– Кто вы такой? – спросила Кейт.

– Я – пятый член команды САС, заброшенной сюда, чтобы вытащить вас.

– Пятый...

– У нас возникли небольшие разногласия по поводу тактики. Я настаивал, что после вторжения Иммари в Марбелью мы должны изменить свои планы. Четверо других и слушать меня не хотели.

Кейт посмотрела на его мундир.

– Как вы...

– Сейчас царит большая неразбериха. Уйма новых лиц. Мы изучали организацию армии Иммари весьма дотошно. Мне известно достаточно, чтобы прикинуться своим. Найти форму было легко. Просто пришлось прикончить одного из них. Кстати, – он наклонился к покойному солдату, – помогите мне раздеть его.

– Зачем? – уставилась Кейт на покойника.

– Вы серьезно? Хотите выйти отсюда вот в этом? Любой идиот увидит, что вы просто покромсали китель шеф-повара, а если не увидит, то учует за километр. Вы прямо ходячая компостная куча.

Подняв плечо, Кейт как бы ненароком попыталась понюхать белую куртку. Да уж, свежей ее не назовешь. Очевидно, ошеломительный смрад на кухне на время отбил ей чутье.

Шоу отдал ей китель убитого, стащил с него брюки и тоже протянул Кейт.

Женщина замялась.

– Отвернитесь.

– Давайте угадаю, Кейт, – усмехнулся тот. – Две сиськи красивой формы, противоестественно плоский живот и подтянутые ноги. Это я уже видел, принцесса. У меня был Интернет до чумы.

– Ну, моего тела в Интернете не было, так что отвернитесь.

Покачав головой, Адам повернулся к Кейт спиной. Кейт показалось, что он проворчал что-то об «американских ханжах», но она пропустила его слова мимо ушей, натягивая мундир. Тот оказался великоват, но вполне мог сгодиться.

– Что теперь?

– Теперь я завершу свое задание – доставлю вас в Лондон. Вы завершите исследования, найдете лекарство от этого кошмара, и мир будет жить долго и счастливо. Я сфотографируюсь с королевой и так далее и тому подобное. При условии, что вы не сморозите еще какую-нибудь глупость, все будет в порядке.

Обойдя убитого стражника, Кейт встала лицом к лицу с Шоу.

– Здесь есть человек по имени доктор Мартин Грей. Он мой приемный отец, и именно он заключил сделку с вашим правительством. Мы должны разыскать его и забрать отсюда.

Шоу повел Кейт из коридора на лестницу.

– Если он здесь, то либо уже мертв, либо умирает. Мы ему помочь не сумеем. Мое задание – вы, а не он.

– А теперь и он. Без него я не уйду.

– Значит, просто не уйдете.

– А вы не выполните свое задание. Аудиенция у королевы вам не светит.

– Я пошутил, – фыркнул он. – А это всерьез.

– И это тоже, – кивнула Кейт. – На кону человеческая жизнь.

– Нет, Кейт, на кону миллиард жизней.

– Но никто из них не растил меня.

Тяжело вздохнув, Шоу указал на убитого часового в коридоре.

– Трое других скоро отправятся его искать. Нам надо выбираться из здания.

Кейт мгновение поразмыслила над словами солдата.

– Похоже, с этим вам придется как-то справиться...

Она подумала еще немного. Обыскать все здание не удастся; нужна какая-то отправная точка. Куда бы направился Мартин? Ему известна и планировка здания, и процедура вторжения Иммари. Кейт тут же подумала о сейфе отеля. Сможет ли он выдержать падение здания? Нет, тогда Мартин окажется в нем, как в ловушке, и еды ему не хватит – если предположить, что кто-нибудь станет разбирать завалы, что весьма сомнительно... Еда? Ну конечно!

– Когда закончите с часовыми, приходите за мной на кухню.

– На кухню?

– Мартин там, – она направилась к лестнице.

– Подождите, – забрав у часового портупею с кобурой, он нацепил ее на Кейт. – Носите пистолет, но постарайтесь не использовать.

– Почему?

– Хотя бы потому, что это привлечет внимание. А если вы затеете стрельбу по кому-нибудь вооруженному, скорее всего, он окажется лучшим стрелком, чем вы.

– Откуда вы знаете, что я не снайпер-любитель?

– Я читал ваше личное дело, Кейт. Будьте осторожны, – с этими словами Шоу устремился вниз, одним махом перескакивая чуть ли не целые пролеты. И, прежде чем Кейт успела откликнуться, оказался на нижней площадке.

Женщина последовала за ним в собственном темпе. Люди, находившиеся в вестибюле, бросились от нее врассыпную, стараясь держаться подальше.

Сквозь стеклянную вращающуюся дверь она увидела, как Шоу разговаривает с тремя часовыми, размахивая руками, а они смеются.

Кейт направилась в ресторан, аналогичный тому, что располагался в другой башне, разве что оформленный несколько иначе. Он оказался в таком же затрапезном виде, что и предыдущий. Здесь обнаружили люди, но куда меньше, чем Кейт ожидала. Как только ее шаги послышались из холла, они принялись расползаться.

Кейт толкнула двери кухни, но те не открылись. Толкнула снова, но безрезультатно. Заглянула сквозь овальное окно внутрь.

Мартин сидел на полу, привалившись спиной к шкафчику из нержавеющей стали за стойкой. У его ног лежала груда пустых бутылок от воды. Жив он или мертв, понять было невозможно.

Глава 44

Оперативная база Иммари в Сеуте

Северное Марокко

Часовой подрегулировал бинокль в надежде лучше разглядеть всадника. Конь с базы, тот самый, которого взял подполковник. Но всадник в тюрбане бедуина. Часовой забил тревогу.

*

Пять минут спустя часовой стоял вместе с остальными в оцеплении периметра, когда всадник остановился перед городскими воротами и медленно поднял руки вверх. Он взялся за намотанную на голову красную ткань и развернул ее.

Часовой обернулся к остальным.

– Ложная тревога. Это подполковник, – и снова посмотрел на всадника. Что-то в нем изменилось.

*

Войдя в офицерский салон, Дэвид направился напрямик к майору. Тот, отложив карты, откинулся на спинку стула и улыбнулся.

– Могучий всадник вернулся! Мы думали, дикари уже вами отобедали.

Не спрашивая разрешения, Вэйл взял стул от соседнего стола и вклинил его между двух стульев за майорским столом, бесцеремонно раздвинув их в стороны без единого слова. Затем распахнул рубашку, показав обожженную, воспаленную кожу.

– Они пытались. Но мое мясо для них слишком пахуче, – Дэвид оглядел сидящих за столом. – Нам бы остаться с глазу на глаз.

Майор кивнул, и те неохотно поднялись, напоследок заглянув в свои карты и швырнув их на стол с недовольным ворчанием, будто каждому пришел выигрышный расклад.

– Я могу решить вашу берберскую проблему.

– Слушаю, – произнес Рукин.

– Верните дочь вождя, и набеги прекратятся.

– Кого? – склонил майор голову к плечу.

– Девушку, которую вы присылали в мою комнату.

– Чушь собачья.

– Это правда.

– Это какой-то подвох.

– Ему нужна только эта девушка. Вождь смягчится, прекратит штурм, черт подери... да он даже поможет нам отвадить другие племена. Он назначил время и место для атаки. Уж он их попотчует. Но сначала хочет получить дочь и остальных женщин.

– Это невозможно. Я не могу их отдать.

– Почему это?

– Прежде всего... – Рукин словно пытался оправдаться, пустившись в рассуждения. – Освобождение женщин только придаст им сил. Вождь продемонстрирует женщин как знак собственного могущества и нашей слабости – нашей капитуляции. И это только половина дела. Мне нужны эти женщины для... поддержания боевого духа

. Они – чуть ли не единственная утеха, которую я могу дать людям в этом медвежьем углу. Стоит им выйти за городские стены, и я схлопочу мятеж.

– Люди могут прожить и без секса, им уже доводилось. А вождь прекратит атаки... Послушайте, у меня было задание – обеспечить безопасность Сеуты до прибытия председателя Слоуна. Я дал вам возможность это сделать. Можете отвергнуть ее, но если всадники примутся палить наудачу по вертолетам Слоуна, когда он прибудет, вам придется за это ответить.

Угроза Слоуну и риск низвергнуться в столь критический момент на Рукина вроде бы подействовали. Тон его переменялся.

– Вы уверены, что атаки прекратятся?

– Однозначно.

– Как? Я имею в виду, смысл всех этих атак, которые продолжались месяц за месяцем, заключался лишь в том, чтобы вернуть ее?

– Да. Ну, вообще-то атаки устраивали, только чтобы испытать вас. Проверить крепость стен. Вы видели едва ли десятую долю их сил. Есть и другие лагеря. Они только искали способ взять базу. Пленных они брать не будут.

– И он бы рискнул ими всеми ради одной девки?

– На что только не идут родители ради спасения жизни собственного ребенка...

Рукин поглядел в сторону, подыскивая слова. Дэвид его опередил.

– Мы отдадим девушку, а они помогут нам завернуть другие племена. Это обезопасит базу, развязав нам руки и дав возможность сосредоточиться на предстоящей миссии, нашей роли в глобальном плане Иммари. Если же мы не готовы, если мы сражаемся ради удержания стен города... покатаются головы. Но только не моя. Я свое задание выполнил. Я дал вам способ обезопасить Сеуту.

Встав, Дэвид зашагал прочь. В офицерском салоне повисла гробовая тишина, все взгляды были устремлены на него и на майора.

– А если я освобожу женщин... – подал голос последний, – эту дочку... Вы действительно думаете, что, когда этот вождь увидит, что мы сделали с его дочерью, он не ринется в атаку прямо с места?

– Не ринется.

– Он...

– Клятвенно обещал мне на глазах у всего племени. От этого зависит его честь. Стоит ему нарушить клятву, пусть даже данную врагу, и он лишится доверия своего народа, а этого он себе позволить

не может. Кроме того, вы заблуждаетесь. Месяц за месяцем вождь возносил молитвы о том, чтобы увидеть ее снова, чтобы она оказалась жива. Увидев ее, он будет без ума от радости. Все остальное станет несущественно. – Развернувшись, Дэвид направился к выходу. – Выбор за вами, майор.

Глава 45

Сортировочный лагерь Иммари

Марбелья, Испания

Кейт снова двинула рукояткой пистолета по стеклу, и оно наконец разбилось. Осколки полетели в кухню, и их звон распугал людей, еще оставшихся зале. Они поспешно ретировались, оставив Кейт в одиночестве.

Стволom выбив острые стеклянные зубья, застрявшие в раме, она попыталась дотянуться до металлического бруска, который Мартин продел сквозь ручки двери. С натугой потянулась, ощутила, как оставшиеся осколки впиваются в руку, и резко отпрянула. Взяв в руку пистолет, потянулась снова – и на этот раз успешно. Толкнула изо всех сил, и брусок упал на землю с громким лязгом.

Пройдя сквозь двери, Кейт бросилась к Мартину. Он был жив, но весь пылал от жара. Кейт обхватила его голову руками. Щеки Грея покрывали темные пятна. Кожа его казалась обжигающе горячей.

Кейт приподняла ему веки. Глаза закатились, вместо зрачков виднелась лишь млечная желтизна. Желтуха. Отказ печени. Какие еще органы пострадали?

– Мартин! – Кейт тряхнула его, и дыхание Мартина участилось.

Веки его дрогнули, чуть приоткрываясь, но, увидев Кейт, он отпрянул и неистово закашлялся.

Женщина похлопала его по карманам, отыскивая футляр с пилюлями Орхидеи. Ничего другого она сделать не могла, но футляра при нем не обнаружилось. Мартин снова зашелся кашлем, выгнув спину и повалился на пол, съехав со шкафчика, а Кейт сразу увидела футляр – у него за спиной, возле шкафчика.

Она поспешно открыла его. Одна таблетка. Снова поглядела на Мартина, тихо кашляющего на полу. Он ограничил дозу лекарства, рассчитывая, что его надольше хватит.

Двустворчатые двери кухни распахнулись, и Кейт быстро оглянулась. На пороге с мешком в руках стоял Шоу.

– Тьфу ты, будь оно неладно! – буркнул он, поглядев на Кейт с Мартином.

– Помогите мне его поднять, – распорядилась женщина, стараясь усадить Грея прямо.

– С ним покончено, Кейт. Мы не сможем вытащить его отсюда в таком виде.

Взяв бутылку с водой, она заставила Мартина проглотить последнюю пилюлю.

– Что вы планировали?

Шоу швырнул мешок к ее ногам, и Кейт увидела в нем еще один армейский мундир Иммари.

– Я думал, мы сможем выйти отсюда на своих двоих, – покачал он головой. – Прокатило бы, выгляди он получше. Солдаты Иммари не могут быть настолько больными, Кейт. С ним мы втроем станем ходячими мишенями.

Повернув голову, Мартин попытался что-то сказать, но слова скомкались в невнятный клекот. Горячка сжигала его изнутри. Взяв мундир, Кейт утерла с лица больного пот.

– Будь он в порядке, что вы сделали бы, покинув здание? В чем состоит план?

– Следовать за толпой – выжившими. Попасть на чумную баржу до Сеуты, где находится главный сортировочный центр Иммари...

– Что?! Нам же надо
убраться прочь
от Иммари.

– Мы не можем. Отсюда пути нет. Они выжигают периметр вокруг стен Района Орхидеи – почти на полкилометра.

Мысли Кейт тотчас обратились к мальчикам и супружеской чете в Старом городе.

– А Старый город жгут?

– Нет, – озадаченно поглядел на нее Шоу. – Только оборонительный периметр вокруг лагеря. Собираются сделать его новым приемным центром. В общем, к ночи огонь будет полыхать у стен, а чумная баржа окажется здесь. Это единственная дорога отсюда.

Кейт приняла решение.

– Тогда я на нее сяду.

Шоу открыл было рот, но Кейт резко оборвала его:

– Я не спрашиваю. В моей комнате лежит рюкзак. Знаете, где это?

Он кивнул.

– Принесите его мне. Результаты исследований в нем. Потом найдите... – Надо было попробовать как-то задержать развитие заболевания. Обычно с любым другим вирусом лучше всего действуют противовирусные средства и терпение. Но если эта болезнь ведет себя так же, как в 1918 году, иммунная система Мартина перегружена. Его организм уничтожает сам себя. – Принесите стероиды.

– Стероиды?

– Таблетки, – Кейт взялась припоминать европейские названия. – Преднизолон, кортизон, метилпреднизолон...

– Ладно, картина ясна.

– А еще нам нужна еда. Когда погрузка начнется, заберем его отсюда. Скажем, что это пьяный солдат.

– Ужасная идея, – вздернул Шоу подбородок, но, приглядевшись к Кейт и увидев, насколько она серьезна, просто развернулся и пошел прочь. У дверей он приостановился, указав на лежащий поперек нее металлический брус. – Суньте это снова в дверь, пока я буду ходить. И ни гугу.

Глава 46

Головной флот Иммари Альфа

Близ Зеленого Мыса

Ступив на мостик, Дориан скривился оттого, что все офицеры, включая и капитана корабля, побросали свои занятия, чтобы отдать ему честь.

– Бога ради, хватит уж козырять! Следующего моряка, который отдаст мне честь, я разжалую в матросы нулевого класса, – он не знал, существует ли такой ранг, но взгляды присутствующих сообщили ему, что сказанное они уяснили. Дориан отвел капитана в сторону. – Никаких новостей об операции «Творение»?

– Нет, сэр.

В данном случае отсутствие новостей – сама по себе новость скверная. Раз оперативники ничего не сообщают – значит, план Дориана по поимке Кейт Уорнер буксует на месте. Может, стоит переменить курс действий?

Атлант дал понять совершенно недвусмысленно: надо дожидаться, когда она добудет код.

– Будут новые приказания, сэр?

Слоун отвернулся.

– Нет... Придерживайтесь курса, капитан.

– Еще одна вещь, сэр.

Дориан поглядел на него.

– Сводка из Сеуты. Сообщают, что британцы заминировали Гибралтарский пролив. Мы не сможем в него войти.

Дориан со вздохом прикрыл глаза.

– Вы уверены?

– Да, сэр. Туда направили несколько кораблей. Надеялись найти проход и провести нас, но бриты закупорили его на совесть. Впрочем, мы считаем, что это добрая весть.

– Добрая весть?

– Они не стали бы минировать пролив, если бы планировали встретить нас у побережья Испании.

В логике капитану отказать было трудно. В голове у Дориана начали складываться варианты, но сначала он хотел выслушать мнение капитана.

– Варианты?

– Два. Идем на север, пытаемся обогнуть Британские острова и найти порт на севере Германии. Оттуда можно с боем пробиться на юг. Но я бы не советовал. Именно этого британцы и хотят. Должно быть, у них маловато реактивного топлива – скорее всего, оно на исходе. Зато подлодки и половина эсминцев атомные; если выживших достаточно, чтобы укомплектовать их, они могут выставить приличную флотилию.

У британского побережья, комбинируя морской и воздушный флот, они могут без труда разбить нас.

– А вариант номер два?

– Встать на рейде близ Марокко, переправить вас в Сеуту на вертолете, а дальше вы пойдете по Средиземному морю на кораблях, которые собрали там.

– Риски?

– Ваш флот потеряет в размере – меньше военных кораблей и меньше вышколенных войск, сколько уж нам удастся переправить на пяти вертолетах. Пришвартуетесь в Северной Италии и оттуда двинетесь в Германию. Наземные наблюдатели сообщают, что Районы Орхидеи по всей Европе эвакуируются. Царит сущее столпотворение. Как только доберетесь до Италии, проблем у вас не будет.

– А почему бы не пролететь всю дорогу? Наверняка можно найти какой-нибудь авиалайнер.

– Кое-какая ПВО в континентальной Европе сохранилась, – покачал головой капитан, – а боеприпасов им хватит на годы. Они сбивают каждый неопознанный самолет – что ни день по несколько штук.

– Значит, идем в Сеуту.

*

Когда Дориан вернулся в свою каюту, Йоганна не спала. Растянувшись голышом в кровати, она по каким-то непонятным Дориану причинам читала старый журнал светской хроники.

Усевшись на кровать, Слоун стащил сапоги.

– Ты же читала это уже раз двадцать! Вот тебе новости: все эти идиоты на том свете, и все, что они делали, совершенно не имеет значения – и не имело даже до чумы.

– Это напоминает мне, каким мир был раньше. Словно погостила в нормальном мире...

– Думаешь, тот мир был нормальным? У тебя еще меньше мозгов, чем я думал.

Отшвырнув журнал, Йоганна прильнула к нему, ласково целуя его обнажившийся из-под рубашки торс.

– Трудный день в конторе, сэр Ума Палата?

Дориан отпихнул ее.

– Если б ты знала меня лучше, то не стала бы так со мной разговаривать.

Она невинно улыбнулась, и эта улыбка резко контрастировала с жестким выражением его лица.

– Тогда хорошо, что я не знаю тебя лучше. Зато... я знаю, как тебя развеселить.

Глава 47

Оперативная база Иммари в Сеуте

Северное Марокко

Стоя на сторожевой башне, Дэвид настраивал бинокль в ожидании, когда начнется сражение. Части Иммари медленно преследовали племена берберов уже добрых три часа. С высоты Дэвиду была хорошо видна устроенная ими западня – ряд тяжелых артиллерийских орудий и укрепленные оборонительные позиции по ту сторону высокого гребня, возносящегося над тесной долиной. Скоро берберы перевалят через противоположный гребень и спустятся в долину – и тогда начнется большое сражение. Иммари победят, перебив или захватив каждого бербера в долине.

– Как дела у племен?

Обернувшись, Дэвид увидел Камау, стоящего позади него на платформе.

– Не очень. Почти угодили в мышеловку Иммари. А что у нас?

– Одиннадцать человек.

Вэйл кивнул.

– Я могу раскинуть сеть пошире, но риск при этом возрастет.

– Нет. Придется обойтись одиннадцатью.

Несколько часов спустя над пепелищем города Сеуты раскатился грохот тяжелой артиллерии. Встав, Дэвид подошел к перилам башни и поднес бинокль к глазам. Истребление в долине было почти поголовным. В дальнем конце группа всадников скакала вверх по склону к расположенным там большим орудиям, но Иммари перестреляли лошадей под ними, а потом скосили их самих автоматными очередями. Шедшие следом туземцы валились, как

снопы. Дэвид опустил бинокль к боку, после чего вернулся на скамейку и принялся ждать.

С заходом солнца процессия Иммари приблизилась к наружным воротам. Вэйл наблюдал за ними со сторожевой башни. Рукин подъехал первым, и, когда его джип уже проезжал в ворота, они с Дэвидом обменялись взглядами. Майор чуть заметно осклабился, но Вэйл просто смотрел на него.

*

Дэвид сидел в своей комнате, ожидая. Осталось лишь немного вздремнуть, прежде чем грянет последний бой. Следующая пара часов решит и его собственную судьбу, и судьбу нескольких миллионов человек.

Глава 48

Сортировочный лагерь Иммари

Марбелья, Испания

Кейт заставила Мартина съесть еще кусочек шоколада – часть скудного «фуршета», который удалось раздобыть Шоу. Поднесла бутылку с водой к губам Мартина; тот принялся жадно пить и все никак не мог напиться.

Шоу стоял в углу с выражением, ясно говорившим: «Все это пустая трата времени, которая может стоить нам жизни». Кейт уже достаточно хорошо его изучила.

Она подбородком указала на двустворчатые металлические двери. Закатив глаза, Шоу поплелся прочь.

– Мартин, мне нужно спросить тебя про записи. Я их не понимаю.

Он покачал головой из стороны в сторону, опираясь затылком о дверцу.

– Ответы... мертвы. Умерли и похоронены. Нет среди живых...

Кейт утерла с его лба свежую испарину.

– Умерли и похоронены? Где? Не понимаю.

– Найди поворотные пункты. Когда геном меняется. Мы искали... нет в живых. Мы проиграли. Я проиграл.

Закрыв глаза, Кейт потерла веки, раздумывая, не дать ли ему еще стероидов. Ей нужны ответы. Но есть и риски. Она взяла пузырек преднизолона.

Двери кухни приоткрылись, и в щель просунулась голова Шоу.

– Началось. Пора трогаться.

Кивнув в знак согласия, Кейт помогла солдату поставить Мартина на ноги и вывести его из здания. Пройдя вертящуюся дверь, она чуть не застыла как вкопанная при виде лагеря. Из башни выживших нескончаемым потоком текли люди. Над невиданными ордами раскачивались пальмы. Охранники размахивали фонариками, направляя поток в нужном направлении. У берега высился громадный круизный лайнер, и люди по двум широким трапам восходили на него, будто на Ноев ковчег.

– Дальний трап, – вполголоса сообщил Шоу и поволок Мартина туда.

За дальним трапом – местом посадки лоялистов Иммари, как заключила Кейт, – присматривали четверо часовых.

Корабль уже стал хорошо виден. Некогда шикарный лайнер теперь сильно обветшал; у Кейт даже возникли сомнения, что он вообще способен держаться на воде.

Шоу быстро переговорил с часовыми, что-то на тему «перебрал сиропы от кашля» и «завтра будет как стеклышко».

К облегчению Кейт, контрольно-пропускной пункт они миновали без проблем, влившись в толпы народа, взбирающегося по трапу. Наверху беглецы попали в коридор со стенами по обе стороны, но открытый небу и залитый светом луны. Коридор напоминал загон для скота на ярмарке штата или на родео. Начался кропотливый, шаг за шагом, путь к середине корабля. Шоу двигался впереди. Дважды им пришлось останавливаться, чтобы дать отдышаться Мартину, прислонив его к стене, а поток людей, протискиваясь мимо них, толкался дальше. Потом начали встречаться двери, ведущие в квадратные отсеки вдоль коридора, и люди мало-помалу набивались в каждое помещение.

– Нужно спуститься на нижнюю палубу и найти каюту. Верхние помещения к утру превратятся в пекло. Ему придется скверно, – Шоу указал на Мартина.

В конце коридора они спустились по лестнице на несколько пролетов, затем протолкнулись в очередную вереницу коридоров и брели по ним, пока не нашли пустую каюту.

– Оставайтесь здесь, помалкивайте и держите дверь на запоре. Я постучусь тремя сериями по три, когда вернусь, – сказал Шоу.

– А вы куда?

– Раздобыть запасы, – ответил он, захлопнув дверь, прежде чем Кейт успела отозваться хоть словом. Она задвинула щеколду, заперев за ним дверь.

В каюте царил непроглядный мрак. Кейт шарила по стенам в поисках выключателя, но ничего не нашла. Вытащила из рюкзака световую панель, включила ее, и тесную комнатку залил свет. Мартин, тяжело дыша, лежал у стены. Кейт помогла ему вскарабкаться на нижнюю койку. Две двухъярусные кровати и небольшой шкаф посередине говорили, что здесь явно располагался кубрик для членов команды.

Вытащив спутниковый телефон, Кейт посмотрела на дисплей. «Нет сигнала». Чтобы закончить телефонный разговор, придется подняться вверх. Ей нужны ответы. В разговоре с Мартином никакого толку добиться не удалось. «Генетические поворотные пункты. Ответы... умерли и похоронены».

Кейт, ощущая себя выжатой как лимон, растянулась на койке напротив Мартина. Она только на минуточку прикроет глаза, чтобы поразмыслить...

Время от времени женщина слышала кашель Мартина. Неизвестно, сколько прошло времени, но Кейт показалось, что могучее судно пришло в движение. И через некоторое время сон сморил ее.

*

Босые ноги Кейт ступали по мраморному полу почти бесшумно. Впереди виднелась сводчатая деревянная дверь в конце длинного коридора. Справа обнаружили две точно такие же двери. Первая оказалась открыта – та самая, за которой она видела Дэвида. Кейт заглянула внутрь. Пусто. Подошла ко второй двери справа и толчком открыла ее. Круглую комнату заливал свет из распахнутых окон и стеклянных дверей, выходящих на террасу. Внизу раскинулось синее море, но в нем не было ни единого судна, только полуостров с тремя горами, поросшими лесом, и вода за ним до самого горизонта.

Обстановка в комнате была скудная – лишь чертежный стол из стали и дуба. Дэвид сидел за ним на старом табурете.

– Что ты чертишь? – поинтересовалась Кейт.

– План, – ответил он, не поднимая головы.

– Чего?

– Захвата города. Спасения жизнью, – Вэйл приподнял тщательно прорисованный чертеж лошади из дерева.

– Разве можно захватить город с помощью деревянной лошади?

Положив чертеж, Дэвид продолжил трудиться над ним.

– Такое уже бывало...

– Ага, правда, – усмехнулась Кейт.

– В Трое.

– Ах, да. По-моему, Брэд Питт был там великолепен.

Покачав головой, Дэвид стер на чертеже несколько линий.

– Как и прочие эпические повествования, это считали простой выдумкой, пока не нашли научного подтверждения того, что Троя существовала. – Сделав несколько последних штрихов карандашом, Дэвид отстранился, внимательно разглядывая чертеж. – Кстати, я на тебя сержусь.

– На меня?

– Ты покинула меня. В Гибралтаре. Ты мне не верила. Я мог бы тебя спасти.

– У меня не было выбора. Ты был ранен...

– Ты должна была мне доверять. Ты недооценивала меня.

Глава 49

Оперативная база Иммари в Сеуте

Северное Марокко

Налив себе изрядную порцию виски, майор Рукин осушил бокал и рухнул в кресло перед круглым столом у кровати. Неспешно расстегнул китель и, когда тот распахнулся, налил себе еще порцию, ничуть не меньше прежней. Денек выдался долгий, но хотелось надеяться, что иметь дело с этими окаянными туземными варварами за стенами больше не придется. С плеч долой – и слава богу. Вырезать их

под корень было бы идеально; убить часть, а остальных взять в плен тоже сгодится. На базе с самого начала отчаянная нехватка прислуги. А раз уж речь о прислуге... где она? День был очень долгим и напряженным, недурно бы разрядиться...

Майор сбросил с плеч пропитанный потом китель и тряс руками, пока тот, соскользнув, не упал комом возле кресла. Налил третью порцию – уже не так аккуратно, расплескав немного на стол, выпил и наклонился, чтобы развязать шнурки. Ноги гудели, но виски уже начал действовать, и дискомфорт в конечностях мало-помалу пошел на убыль.

Раздался громкий стук в дверь.

– Чего?

– Это Камау.

– Входи.

Камау распахнул дверь, но порога не переступил. Рядом с ним стояла высокая, изящная женщина, видеть которую Рукину до сих пор не доводилось. Хорошо. Новая девка. Камау расстарался что надо – женщина слегка старше, чем обычно хотелось Рукину, но сейчас он был как раз в настроении попробовать чего-нибудь свеженького. Разнообразие придает жизни остроту. Что-то в ней было этакое. Осанка. Взгляд – сила, но без строптивости. Уверенность. Ни малейшего страха. Ничего, она получит свое...

– Годится, – Рукин встал.

Чуть заметно кивнув, Камау подтолкнул девушку и со щелчком закрыл за ней дверь.

Женщина уставилась на майора, не озаботившись осмотреть его обширные апартаменты.

– Говоришь по-английски?

Наморщив лоб, она слегка покачала головой.

– Нет, ваша шайка-лейка ни бум-бум, так ведь? Неважно. Сделаем это, как пещерные люди.

Поднятой ладонью он велел ей оставаться на месте, а сам зашел ей за спину, стащил платье с плеч и развязал тесемки на талии.

Одеяние беззвучно упало на пол, и Рукин развернул девушку, чтобы осмотреть...

Она оказалась совсем не такой, как он предполагал. Мускулистой. Слишком уж мускулистой, а руки и ноги ее покрывали шрамы – ножевые ранения, следы пуль, еще какие-то... может, от стрел? Ни в какие ворота. Не нужны ему тут напоминания о сражении. Тряхнув головой, он шагнул к столу, чтобы взять рацию. «А ее обратно в бараки».

Но, ощутив крепкую ладонь на своей руке, ошарашенно оглянулся. И наткнулся на взгляд ее глаз. Дерзкий. Ее уверенность полыхнула огнем. Она что, поняла, что ее отвергли? Рукин повернулся, оценивая ее заново.

И пока его губы расплывались в улыбке, другая рука женщины взмыла, сжимаясь в кулак, и врезалась ему в живот чуть ниже диафрагмы, моментально вышибив из него дух. Майор упал на колени, хватая воздух ртом, отчаянно пытаясь втянуть его в легкие. И в тот же миг нога нападающей врезалась ему в левый бок чуть ниже ребер, опрокинув его на бок и погнав виски волнами вверх по глотке наружу через рот и нос. Давясь блевотиной, Рукин захлеб тянул воздух, чувствуя, как алкоголь обжигает с каждым отчаянным вздохом. Он захлебывался пламенем, живот пекло от ударов и неистовых рвотных позывов.

Она обошла его – осторожно, неспешно, ни на секунду не спуская с него глаз. В уголках рта у нее играл намек на улыбку, глаза смотрели с прищуром.

«Она упивается этим. Хочет полюбоваться, как я умираю», – подумал Рукин. Повернулся и начал ползти в сторону двери. Если только удастся набрать в грудь воздуха, можно будет криком позвать на помощь. Если бы только добраться до двери...

Ее нога обрушилась ему на спину, впечатав майора в твердый пол и переломав нос. Рукин чуть не потерял сознание.

Он почувствовал, как ее ладони сжали его запястья и потянули руки назад, пока нога по-прежнему крепко прижимала спину посередине. Она же разорвет его пополам! Ему хотелось закричать, но из груди не вырвалось ни звука, кроме звериного рычания. Правое плечо хрустнуло, и обрушившаяся волна боли едва не привела к беспомощности. Он бы с радостью отключился, но алкоголь притупил

боль, удержав его в сознании. Хрустнуло левое плечо, и ассасинка потянула обе неестественно вывернутые руки за спину.

Рукин услышал, как она идет прочь, и проникся надеждой, что за пистолетом. Смерть стала бы благословенным избавлением. Но вместо этого раздался треск отрываемого скотча. Она крепко-накрепко смотала запястья у него за спиной, каждым своим прикосновением обрушивая на него волну жгучей боли.

Майор уже почти отдышался и выгнулся, отталкиваясь от пола, чтобы крикнуть, но она залепила ему рот скотчем, обмотав рулон вокруг головы несколько раз. Потом спеленала ему ноги от коленей до лодыжек, подняла на ноги и чуть ли не швырнула вперед спиной к стене. Сначала накатила боль, потом Рукин часто-часто задышал, сопя носом от невыносимой боли в плечах, прижатых к стене.

Мгновение женщина смотрела на него, а потом направилась к столу. Ее нагое мускулистое тело чуть изгибалось с каждым неспешным шагом. Поглядев на бутылку со спиртным, она достала пистолет из кобуры на портупее Рукина.

«Давай!» – подумал он.

Выбросив магазин, женщина оттянула затворную раму. Патрон не выпал. Рукин никогда не досылал первый патрон в патронник. Снова вставив магазин, она дослала патрон.

«Давай же!»

Женщина отложила пистолет на стол и села, скрестив ноги и глядя на него.

Рукин закричал сквозь залепивший рот скотч, но она не придала этому ни малейшего значения. Взяв рацию, поворотом ручки наверху сменила канал и поднесла микрофон ко рту.

– Пламя очищает все.

Прошла пара минут. Издали донесся громкий взрыв, потом другой, третий, будто раскаты грома. Начался штурм стен.

Глава 50

Чумная баржа «Предначертание»

Средиземное море

Устав дожидаться Шоу, Кейт спустила ноги с койки. Нужно подняться наверх, чтобы сделать звонок. Она бросила взгляд на Мартина. Оставлять его здесь одного нельзя. Подняв его, помогла добраться до двери. Открыла и выглянула. В коридоре чисто.

Они кое-как добрались до узких дверей лифта. Кейт нажала на кнопку, и несколько секунд спустя лифт, звякнув, остановился и открыл двери, показав тесную кабинку. На какую кнопку нажать? Выбрав кнопку первого яруса, Кейт принялась ждать.

Двери распахнулись. Перед лифтом стояли два человека в белых халатах – надо полагать, врачи – с планшетами в руках, продолжавшие какую-то беседу.

Один был китайцем, другой европейцем. Врач-китаец, сделав шаг вперед, вытянул шею и поинтересовался:

– Доктор Грей?

Кейт оцепенела. Она переступила порог лифта одной ногой и хотела уже юркнуть обратно, но китаец быстро приближался. Европейец шагал за ним по пятам.

– Вы знаете этого человека? – осведомился он.

Мартин стоял все так же апатично, но поднял голову.

– Чанг... – чуть слышно прошелестел его голос.

Пульс Кейт участился.

– Я... – начал Чанг и осекся. Повернулся к коллеге: – Я работал с этим человеком. Он... член исследовательской команды Иммари, – он посмотрел на Кейт долгим взглядом. – Следуйте за мной.

Кейт посмотрела вдоль коридора налево и направо. В обоих концах маячили часовые.

Она в ловушке. Чанг уже двинулся вперед по узкому коридору, а европейский ученый смотрел на Кейт, склонив голову к плечу. Женщина пристроилась вслед за Чангом.

Коридор вывел их в просторную кухню, переделанную в исследовательский комплекс. Стальные разделочные столы приспособили в качестве операционных. Помещение смутно напомнило Кейт кухню в Районе Орхидеи, где Мартин в смежном кабинете поведал ей правду о чуме.

– Помогите мне уложить его на стол, – попросил Чанг.

Европейец подошел ближе, чтобы осмотреть Мартина.

Мартин медленно повернул голову и взглянул на Кейт. Лицо его ровным счетом ничего не выражало, и он не обмолвился ни словом.

Чанг встал между вторым ученым и Кейт с Марином.

– Будьте любезны... оставьте нас на минутку. Мне нужно с ними переговорить.

Когда тот ушел, Чанг повернулся к Кейт:

– Вы ведь Кейт Уорнер, не так ли?

Она замялась. Тот факт, что он заподозрил это и не сдал ее... наверное, ему стоило довериться.

– Да. Можете ему помочь? – кивнула она на Мартина.

– Сомневаюсь. Но могу попытаться, – открыв стальной шкафчик, Чанг достал шприц.

– Что это?

– Вакцина, над которой мы работаем. Орхидея по версии Иммари. Средство пока экспериментальное и действует не на каждого, – он пристально взглянул на Кейт. – Оно может его убить. Или оттянуть неизбежное на пару дней. Хотите, чтобы я его впрыснул?

Кейт поглядела на Мартина, на его умирающее тело. И кивнула.

Сделав шаг вперед, Чанг сделал укол и тут же бросил взгляд на дверь.

– Что такое? – насторожилась Кейт.

– Ничего... – пробормотал Чанг, вглядываясь в Мартина.

Глава 51

Оперативная база Иммари в Сеуте

Северное Марокко

Дэвид смотрел на одиннадцать человек, стоящих в оружейной.

– Джентльмены, наше дело безнадежное. Но правое. Эта база – врата ада и мира, который хотят построить Иммари. Если мы ее уничтожим, то дадим народам Европы возможность дать отпор. Однако... мы проигрываем и по числу, и по вооружению и, кроме того, находимся в сердце вражеской территории. На нашей стороне три вещи: элемент внезапности, боевой дух и правое дело. Если мы увидим рассвет, то победим. Сегодняшняя ночь решит и нашу участь,

и участь миллионов других. Бейтесь доблестно и не бойтесь смерти. Есть вещи похуже смерти – жизнь, за которую стыдно.

Он кивнул Камау, и тот, выступив вперед, принялся раздавать приказания.

Вскоре после того, как рослый африканец закончил, рация в углу под треск помех нарушила молчание:

– Пламя очищает все.

– Пора, – сказал Дэвид.

*

Дэвид и Камау поднялись по металлической лесенке вместе с тремя своими людьми. Оперативный центр управления базы разместился на вершине башни в центре цитадели, подальше от стен, на безопасном расстоянии от нападения атакующих, зато достаточно высоко, чтобы видеть происходящее невооруженным глазом – а еще лучше в бинокль. Умно придумано. Командиры базы не хотели полагаться на камеры, наблюдателей и донесения с поля боя – каждый из упомянутых источников может отказать или принести дезинформацию. Они хотели видеть все собственными глазами.

Помедлив на лестничной площадке, Дэвид посигналил фонариком во тьму, давая знак полкам берберских воинов, которые ждали за дальней стеной.

Когда последняя вспышка угасла в ночи, он продолжил восхождение вверх с командой, следующей по пятам. Помещение наверху башни осталось таким же, как он запомнил – нечто среднее между диспетчерской центра управления воздушным движением и мостиком крейсера. Четыре офицера оперативного отдела сидели за пультами управления, глядя на ряды плоскоэкранных мониторов и время от времени стуча по клавишам. В углу исходил ароматным паром кофейник.

При виде Дэвида ближайший техник развернулся, встал и нервно козырнул, словно толком не зная, как отнестись к внезапному посещению. Трое остальных один за другим последовали его примеру.

– И вам того же, джентльмены, – отозвался Дэвид. – День выдался долгий, и, как вы уже могли слышать, майор Рукин одержал среди холмов великую победу. Он там внизу празднует, получая по заслугам, – Дэвид совершенно искренне улыбнулся. – Сделайте перерыв. Присоединяйтесь к нему в офицерской столовой. Там еда, выпивка... и

трофеи. Новоприбывшие. А на вахту встанем мы, – Дэвид указал на своих людей.

Бормоча благодарности, техники поспешно покинули посты. Приказ подполковника – идеальный предлог, чтобы избавиться от несения наряда.

Как только они ретировались, их места за пультами заняли солдаты Дэвида. Вэйл с подозрением посмотрел на экраны.

– А вы действительно разбираетесь в работе этих штук?

– Так точно, сэр. Когда меня только-только перевели, я пару месяцев нес дневные вахты.

Камау обошел комнату, вручив каждому солдату по чашке кофе, после чего присоединился к Дэvidу. Оба постояли с минуту, глядя в ночь. Вэйла порадовало, что африканец не проронил ни слова. Спустя пару минут Камау просто поднял свои часы: двадцать два ноль-ноль. Дэвид включил рацию.

– Всем постам доложить.

Один за другим люди отзывались, и их позывные под треск помех раздавались в наушнике Дэвида. Он дождался, когда последний фрагмент мозаики ляжет на свое место. Все взяли позывные в честь героев Троянской войны; было единодушно решено, что Дэвида следует называть Ахиллом.

– Ахилл, здесь Аякс. Троянцы в банкетном зале. Мы начинаем пир.

Код «начать пир» означал, что всех заперли и пустили газ.

– Вас понял, Аякс.

С этими словами Вэйл покинул башню КП, спустился на первую площадку и снова посигналил фонариком. К моменту его возвращения на командный пункт вдоль всего периметра уже грохотали взрывы. Над внешней стеной возносились столбы пламени и дыма. Трое сидящих за пультами лихорадочно манипулировали компьютерами и радио.

Экраны показывали происходящее. На стены волна за волной накатывали всадники. Автоматические пулеметы на башнях косили их, как траву, но неустанные атаки продолжались.

– Башня-два запрашивает разрешение на применение рельсотрона.

Камау бросил взгляд на Дэвида.

Рельсотроны причинят войску берберов изрядный ущерб. Однако санкция на их использование будет очень убедительной для гарнизона, докажет, что базе грозит опасность.

Дэвид указал на снайперскую винтовку, висящую на плече Камау.
– Сними их после первого выстрела.

Подойдя к командирскому креслу, он включил микрофон.

– Башня-два, это подполковник Уэллс. Майор передал командование мне. Даю добро на рельсотрон «дельта», огонь по готовности.

Отключив рацию, он ждал. Рельсотрон метнул в ночь огненную стрелу, и в воздух взмыл гейзер земли вперемешку с кровью, оставив на том месте, где секунду назад были люди и лошади, лишь черную тучу. После этого на миг все будто стихло. Дэвид надеялся, что берберы не прекратят штурм. Это необходимо для его планов.

Снизу, с лестничной площадки, один за другим быстро прогрохотали три выстрела. Рельсотрон замолк.

Дэвид снова щелкнул тумблером микрофона на панели управления.

– Батальоны один, два и три, перейти в зону один. Повторяю, батальоны один, два и три, здесь компункт Сеуты, внешняя стена под угрозой, перейти в зону один и занять позиции.

Почти сразу Дэвид увидел движение в цитадели и кольце отчуждения за ее пределами. Подошвы затопали по земле, наружные ворота распахнулись, и из них выехали грузовики. Берберы продолжили штурм, и бой закипел с новой силой.

– КП, здесь Башня-один. Башня-два выведена из строя, повторяю, Башня-два выведена из строя.

– Вас понял, Башня-один, – ответил один из людей Дэвида. – Мы в курсе. Подкрепление на подходе.

Прошла минута после приказа Дэвида, и площадь под стеной заполнили солдаты Иммари – почти четыре тысячи человек. Именно этот момент – единственную их возможность захватить базу – Дэвид и поджидал. Его руки слегка дрожали, и в этот момент он гадал, способен ли на подобное. Что, если нет? Теперь обратного пути нет.

Техники оглянулись на него, прекрасно зная, что последует. Наконец, один из них негромко проронил:

– Ждем вашего приказа, сэр.

Массовое убийство. Гибель четырех тысяч человек – солдат. Вражеских солдат. «Монстров», – твердил себе Дэвид. Но они не могут быть монстрами. Просто люди по ту сторону линии фронта, оказавшиеся настолько невезучими, что обстоятельства сделали их его врагами.

Дэвиду только-то и требовалось, что сказать нужные слова. Техник нажмет на кнопки, мины под стеной встанут на боевой взвод, доморощенные фугасы сдетонируют, и воцарится пекло. Тысячи солдат – людей – погибнут в мгновение ока.

– Приказа не будет, – отрезал Дэвид.

Все были просто ошеломлены – кроме Камау. Его лицо осталось маской, не выдавшей ни намека на чувства.

Дэвид ступил вперед, к головному пультау.

– Покажите мне, какие кнопки надо нажать.

Это бремя, которое придется носить до конца жизни; и взваливать такую ответственность он может – и должен – только на себя. Техник показал ему последовательность команд, и Дэвид запомнил ее. Ввел коды, и кольцо под стеной превратилось в крошечный ад, словно крепостной ров вместо воды наполнили кровью. По радио раздались отчаянные вопли, и один из техников поспешно его выключил.

Дэвид включил свою рацию.

– Аякс, здесь Ахилл. Наружная стена пробита. Вскрывают коня.

– Вас понял, Ахилл, – ответил солдат.

Экраны переключились на тюремные крылья. Трое из солдат Дэвида побежали по их коридорам, открывая камеры, освобождая берберов, захваченных в плен, и вооружая их. Битва за цитадель и Сеуту началась.

– Открыть ворота, – приказал Дэвид. – И установите связь.

Он тяжело опустился в «капитанское кресло».

– Связь установлена, – через плечо бросил техник.

– Флот Иммари Альфа, это командный пункт Сеута. Мы атакованы. Повторяю, мы атакованы. Наружная стена прорвана. Нам нужна незамедлительная поддержка с воздуха.

– Вас понял, командный пункт Сеута. Минутку.

Только этих слова Дэвид и ждал. Слоун – на одном из кораблей флота, а характер его Дэвиду известен: он возглавит налет лично. При всех своих недостатках Слоун все-таки никогда не избегал сражения.

– Командный пункт Сеута, здесь флот Альфа. Сообщаем: стараемся организовать поддержку с воздуха. Ожидаемое время прибытия пятнадцать минут.

– Вас понял, флот Альфа. Ожидаемое время прибытия пятнадцать минут. Командный пункт Сеута – конец связи.

Лишь окончательно убедившись, что связь прервана, Дэвид отдал техникам последние приказания.

– Только выждите, пока они глубоко войдут в зону обстрела. У нас нет права на ошибку.

– Даже если они откроют огонь...

– Даже если они пустят в ход все, что у них есть. Ждите. И не наводите рельсотроны на цель, пока они не будут готовы открыть огонь. Кто-нибудь с земли может их предупредить. Завалив эти вертолеты, мы сможем переменить ход истории, – Дэвид подошел к Камау, стоявшему у двери. – Служить с вами было честью для меня, джентльмены. А сейчас мы должны выиграть немного времени.

Он уже протянул руку к двери, когда техник окликнул его:

– Сэр, у нас входящий объект...

– С воздуха?

– Чумная баржа. В миле с небольшим от нас. Идет из Марбельи. Только что запросили разрешение на швартовку и прислали манифест.

Дэвид развернулся к Камау:

– Почему мы об этом не знали?!

– Корабли приходят и уходят, как им вздумается, без графика, – покачал тот головой. – Они могут дожидаться много дней, бросив якорь на рейде, так что это погоды не делает.

Он прошел через комнату к клавиатуре. По большому экрану побежали строки манифеста.

Дэвид обвел взглядом комнату.

– Что на борту? Вооружение? И, раз уж об этом речь, что такое, черт возьми, чумная баржа?

– Это старый круизный лайнер, – отозвался Камау, не отрываясь от компьютера. – Вооружение минимальное – два орудия пятьдесят четвертого калибра на носу и корме. Но... он несет все оккупационные войска, освободившиеся после вторжения в несколько городов Южной Испании. – Он встал. – Почти десять тысяч штыков – плюс новые рекруты из числа тех, кто присягнул Иммари на верность. Кто знает,

сколько их там... На борту может быть двадцать тысяч вражеских бойцов. За время рейса наверняка были случаи деградации, но так близко к Сеуте... они уже наверняка за бортом.

Дэвид потер лоб.

– Как скоро они будут здесь?

– Минут через пять-десять.

Выбора не осталось. Подкрепление из двадцати тысяч бойцов, хлынувших из гавани в цитадель сзади...

– Достаньте его, – распорядился Дэвид. – Любой ценой. Затопите.

Он схватил свой автомат и выбежал из дверей, а Камау следовал за ним по пятам.

Когда рельсотроны дадут залп вдоль гавани – по кораблю Иммари, – войска Иммари, оставшиеся в цитадели, сразу же поймут, что их предали. Последнее сражение за Сеуту начнется через считанные секунды.

Добравшись до нижней площадки лестницы, Дэвид и Камау увидели всполохи выстрелов батарей вдоль гавани. исполинский круизный лайнер взорвался, потом переломился и вспыхнул над водой ровным, спокойным заревом, будто погребальный костер.

*

Коста ворвался в комнату как оглашенный, на этот раз не ретировавшись при виде наготы Дориана и женщины.

– Сэр, Сеута атакована. Просят поддержки с воздуха.

Дориан встал, оделся и покинул каюту еще до того, как женщина успела открыть глаза.

Глава 52

Головной флот Иммари Альфа

Близ Танжера, Марокко

Дориан шагал по тесному коридору. В распахнутый люк виднелась погруженная во мрак палуба. На взлетной площадке ворчали двигателями четыре вертолета. Позади них стояли солдаты, дожидаясь его, чтобы вылететь и принять бой.

Впервые с момента пробуждения в той трубе в Антарктиде Дориан чувствовал себя нормальным. Чувствовал себя самым собой. Солдатом, отправляющимся на войну. Он вернулся в родную стихию.

Матросы высовывались из поперечных коридоров в надежде поглядеть на него хоть одним глазком – председателя последней империи человечества, умершего и воскресшего, стоящего выше простых смертных, – то ли бога, то ли дьявола.

Услышав шлепки босых ног по металлу, он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть Йоганну, которая бежала к нему изо всех сил. Она прыгнула, и он ее подхватил.

Обвив Дориана руками, женщина поцеловала его, а он просто стоял – сначала неподвижно, как камень, но потом неспешно обнял ее одной рукой, затем другой и ответил на поцелуй.

Коридор разразился свистом и улюлюканьем.

Ставя ее на пол, Дориан почувствовал, что улыбается. Торопливо погасив улыбку, он снова двинулся по коридору и через люк к ожидающим бойцам и вертолетам.

*

Мартин открыл глаза. В голове прояснилось. Способность мыслить вернулась к нему. Кейт рядом. Он в лаборатории или в больнице. Над ним склонился человек. Мартин его знает. Память вернулась; он говорил с этим человеком с помощью видеоконференций. Он – врач, исследователь из Китая, проводивший исследования с помощью Колокола. Доктор...

– Чанг, – хрипло проговорил Мартин.

– Как вы себя чувствуете?

– Ужасно.

Послышался смех Кейт, и она подошла ближе.

– Ну, хотя бы ты знаешь, как себя чувствуешь. Это уже существенный прогресс.

Мартин улыбнулся ей в ответ, гадая, на что она пошла ради его спасения. Неужели рисковала собственной жизнью? Он надеялся, что нет. Это была бы невосполнимая утрата. Ему нужно было сказать ей так много, так много она должна узнать...

– Кейт...

Корабль вдруг содрогнулся, и Мартина швырнуло через всю комнату. Он врезался в стальной холодильник, и взор его заволкло

темными пятнами.

Глава 53

Под Сеутой

Северное Марокко

Дориан смотрел на лесные просторы, проносящиеся внизу. Сквозь ветровое стекло вертолета далеко впереди виднелись какие-то вспышки, будто светлячки в ночи. Скоро их ждет бой, а там и скорая победа.

Он надел шлем.

– Проверка связи, ударная группа Дельта, здесь генерал Слоун.

Все четыре вертолета отозвались на вызов.

Дориан расслабился, откинувшись на мягкую спинку сиденья, продолжая любоваться сполохами и гадая, что сейчас делает Йоганна, что на ней надето, что она читает...

Что с ним происходит? Привязанность. Расхлябанность. Слабость. Надо будет избавиться от нее по возвращении.

*

Первые пули прошили металлический настил как раз в тот момент, когда Дэвид и Камау добрались до конца лестницы.

Они встали спина к спине, чуть касаясь друг друга лопатками, чтобы знать, где находится другой, и открыли огонь, поворачиваясь вправо-влево. Вниз со звоном посыпались пустые гильзы.

Пехота Иммари повалила из казарм вокруг башни командного пункта, и Дэвид с Камау опрокидывали солдат волна за волной, но те все прибывали. Группа солдат Иммари, заняв скрытые позиции по всему двору, открыла сосредоточенный огонь по двум своим врагам.

Дэвид начал боком отходить к зданию напротив башни командного пункта в надежде найти там укрытие. Камау последовал его примеру.

– Ахилл, здесь Аякс, – раздалось в наушнике Вэйла. – Мирмидоняне со мной. Мы приближаемся к вашей позиции.

– Вас понял, Аякс, – ответил Дэвид. – И чем скорее, тем лучше.

Он выпустил еще одну очередь, и автомат с сухим щелчком смолк. Быстро перезарядив его, Вэйл снова открыл огонь.

*

Ночное небо потрясли три мощных взрыва, и над водой вознеслось пламя, в отсветах которого стало видно абрис сеутской базы.

– Что это еще за чертовщина? – осведомился Дориан.

– Скорее всего, очередной залп из рельсотронов по осаждающим, – предположил пилот.

– Скорее всего, нет, идиот! Горит над водой. Кто же это стрелял?

– Атакующие туземцы? – полувопросительно сказал пилот.

Мысли Дориана неслись стрелой. Эти варвары воюют верхом. Станут ли они атаковать приближающуюся чумную баржу? Маловероятно. Что-то тут не то...

– Ударная группа Дельта, сохранять текущую позицию, повторяю, воздержитесь от атаки на Сеуту.

Вертолеты летели в ночь, на полном ходу приближаясь к горячей базе и загадочному костру в воде.

Дориан ухватил пилота за плечо.

– Давай вниз. Вниз!

Пилот подчинился, и вертолет, клюнув носом, резко начал снижаться.

– Ударная группа...

Головной вертолет взорвался, и два шедших следом тотчас же охватило пламя. Осколки забарабанили по вертолету Дориана. Винты застопорились, и машину закрутило. Кабину заполнил дым, и Слоун ощутил жар, идущий от пламени на крыше. Деревья вдруг рванулись навстречу, и он почувствовал, как протянувшиеся к нему ветки хлещут его кубарем летящее тело, покинувшее вертолет.

*

Выпустив из автомата последнюю пулю, Дэвид выхватил пистолет. Противник подступал слишком быстро, сдержать его казалось невозможно. Развернувшись, Камау вступил в бой рядом с ним, срезав шеренгу солдат, выбежавших из казарм. Возникало ощущение, что они бесконечны.

Пистолет Дэвида щелкнул вхолостую. Больше ни одного магазина в запасе. Заслонив его собой, Камау продолжил вести огонь.

Вэйл включил рацию.

– Аякс, здесь Ахилл. Троянцы вот-вот накроют нашу позицию.

Камау врезался в него спиной, сбив Дэвида с ног. Тот слышал, что Аякс что-то отвечает в наушнике, но не разобрал ни слова. Подхватив автомат Камау, он продолжил стрелять лежа, потом поднялся на колено. Сколько еще патронов в запасе?

Вэйл оглянулся на Камау, извивавшегося на земле. Попытался перевернуть товарища в надежде увидеть, куда его ранили.

*

Кейт силилась подняться с пола, но корабль содрогался слишком сильно. От визга гнущейся стали заложило уши. Она нащупала рюкзак у себя на спине, дабы убедиться, что он не потерялся, подползла к Мартину и втащила его к себе на колени.

Корабль снова содрогнулся, и ее швырнуло через всю комнату. Ученый – Чанг – поймал ее, прервав падение.

– Вы целы? – крикнул он.

Включилась система пожаротушения, и по всему кораблю задребезжал сигнал тревоги.

Дверь распахнулась, и в нее вбежал Шоу.

– Пошли, нужно добраться до шлюпок!

За ним по пятам следовал ученый-европеец, в ужасе окинувший комнату взглядом и крикнувший Чангу:

– Наши исследования!..

– Бросьте их! – рявкнул Чанг.

Он и Шоу подхватили Мартина, и Кейт последовала за ними.

*

Сзади над Дэвидом засвистели пули, и он развернулся, чтобы открыть ответный огонь, но увидел Аякса с берберами. Те бросились мимо него, сминая солдат Иммари.

Оттащив Камау к стене здания, Вэйл перевернул его. Крови не было. Камау поглядел на него, трясая головой.

– Попали в жилет, Дэвид. Просто вышибли из меня дух.

Аякс с командиром берберов сошлись на их позиции.

– Как ситуация? – осведомился Вэйл.

– Мы почти захватили контроль над цитаделью, – доложил Аякс. – Они начинают сдаваться, но несколько подразделений бьются до последнего.

– Пойдем со мной, – сказал Дэвид, помогая Камау встать на ноги, и они вместе вошли в казармы.

На улице перестрелка мало-помалу заканчивалась. Ее дробный треск время от времени раскалывали взрывы гранат. Остановившись перед большой дверью, Дэвид вежливо постучал.

– Это Ахилл.

Дверь открылась, и за ней оказалась вождь берберов в синем платье, державшая в руках пистолет. Она знаком пригласила их зайти.

Связанный по рукам и ногам майор Рукин с кляпом во рту валялся на полу. На лице Дэвида появилась кривая усмешка. Майор бился в своих путах, вопя сквозь кляп.

– Вы намерены сдержать свое слово? – повернулся Дэвид к вождю.

– Да, так же, как вы сдержали свое. Сдавшимся вреда не причинят, – вождь поглядела на то место на груди Дэвида, где поставила огненное клеймо. – Истинный вождь никогда не нарушит обещания, которое дала своему народу.

Подойдя к майору, Вэйл сдернул кляп.

– Дурак ты...

– Заткнись, – оборвал его Дэвид. – Сеута в наших руках. Остался лишь вопрос о том, сколько именно солдат Иммари сложат головы сегодня. Если вы пройдете на командный пункт вместе с вождем, которая сейчас присутствует здесь... – Дэвид выдержал паузу, чтобы насладиться ошеломленным выражением лица майора. – Да-да, совершенно верно, она вождь. И, кстати, это была ее дочь. У берберов женщины издревле правили племенами. Знакомство с историей и культурой порой может пригодиться. Даже на войне. Если вы проследуете с ней и прикажете оставшимся войскам капитулировать, то можете спасти немало жизней. Если же откажетесь, это весьма порадует ее и ее соплеменников, уверяю вас.

– Да кто вы такой? – настойчиво спросил Рукин.

– Это неважно, – отмахнулся Дэвид.

– В подобных войнах люди вроде вас не побеждают, – презрительно усмехнулся Рукин. – Этот мир – не место для славных парней

Глава 54

Чумная баржа «Предначертание»

Средиземное море

Кейт смотрела, как Шоу открывает очередную дверь. Он уже собирался переступить порог, когда пламя охватило коридор впереди.

– Назад! – гаркнул Шоу, захлопывая дверь.

Кейт оглянулась. В конце коридора плавал дым, перекрывая видимость. Огонь пожирал корабль, мало-помалу настигая и душа их.

Они оказались в западне.

Над головой послышался грохот рушащихся обломков. Кейт ощутила жар, пышущий от потолка. Их ждет смерть или в завале, или от огня, или от удушья. Бежать некуда – они глубоко в недрах корабля.

Схватив ее за руку, Шоу открыл дверь и повел еще глубже в корабль.

– Мы не можем идти...

– Замолчите, – бросил он, рывком распахивая дверь каюты и практически зашвыривая Кейт внутрь. Чанг помог Мартину зайти следом. Последним был второй ученый.

– Мы не можем тут оставаться... – начала было Кейт, но Шоу уже выскочил, захлопнув за собой дверь.

Женщина дернула за ручку, но та не поддавалась: Шоу запер их.

*

Во дворе цитадели базы почти воцарился покой, хотя там и тут перестрелки между солдатами Иммари и берберами все еще продолжали вспыхивать. Дэвид шагал следом за вождем и тремя ее людьми, один из которых тащил Рукина за руку, на каждом шагу причиняя ему боль.

Справа пылал в воде огромный транспортный корабль. Время от времени на нем что-то взрывалось.

«Это жертвы войны», – пытался внушить себе Дэвид. Камау сказал, что все они вражеские бойцы – солдаты Иммари или рекруты из новообращенных, принесших присягу, – лоялисты. Альтернативы попросту не было.

*

Кейт слышала три взрыва, прозвучавшие один за другим. В каюте царила непроглядная темень и тишина, изредка нарушаемая кряхтением или кашлем Мартина, Чанга и ученого-европейца.

Потом послышался лязг снаружи, и дверь распахнулась как раз в тот момент, когда Кейт к ней подбежала. Шоу тут же вцепился ей в руку и потащил за собой.

Женщина оглянулась в надежде, что Мартин идет по пятам, но ничего не увидела. Сгустившийся дым жег глаза и забивал легкие, как вата.

Она зашлась кашлем, перегибаясь пополам, но Шоу неумолимо волок ее дальше, словно хотел оторвать руку.

Возле пересечения со следующим коридором тьма и дым пошли на убыль. Кейт слышала и ощутила мощное пламя, прежде чем увидела его.

Пожар полыхал с одной стороны коридора, дотягиваясь до потолка и подбираясь к противоположной стене. А по ту сторону пламени виднелось открытое пространство. Корабль разваливался на куски, и Шоу с помощью гранат расчистил путь на волю. Вид был такой, будто некая циклопическая тварь откусила корабль сбоку, оставив рваную дыру.

Шоу потащил Кейт в огонь.

*

Дэвид стоял, привалившись к дверному косяку оперативного центра на верхушке башни.

Один из берберов сорвал скотч со рта Рукина и толкнул майора к микрофону.

Рукин смерил взглядом вождя, потом Дэвида и, наконец, заговорил в микрофон:

– Вниманию всех войск Иммари. Говорит майор Александр Рукин. Я приказываю вам немедленно сдаться. Сложите оружие сию же секунду. Сеута пала...

Пропуская слова Рукина мимо ушей, Дэвид озирает картину бойни, запечатленную на экранах – вокруг базы, за стенами и на воде.

«Что я натворил?» – спросил он себя. И сам же ответил: «То, что должен был». Камау встретился с ним взглядом и коротко, едва заметно кивнул.

*

Кейт зажмурилась, устремляясь в огонь на буксире у Шоу, а затем обнаружила себя у края коридора. Стен с обеих сторон вдруг не стало, и они падали...

Она жестко приземлилась на ступни, колени подломились, и Кейт покатилась по палубе. Шоу уже поднимался на ноги. Этот парень – суперсолдат какой-то. Над собою Кейт увидела Мартина, Чанга и того европейца, спрыгивающих из объятых пламенем дыры на палубу ярусом ниже. Они рухнули как на раз на то место, откуда она откатилась секунду назад. Все трое остались живы, но Кейт заподозрила, что без сломанных костей не обошлось. Сбросив рюкзак, женщина поползла к ним, но в этот момент взрыв над головой взметнул обломки корабля в воздух. Те градом посыпались им на головы. Кейт свернулась калачиком, пытаясь уберечься.

Шоу вздернул ее на ноги.

– Надо прыгать! – и указал вниз, на воду.

Кейт лишь глаза вытаращила: до воды футов двадцать, не меньше. А на самой воде полыхал грандиозный костер, обрамляющий судно.

– Ни. За. Что.

В ответ на это он молча схватил ее рюкзак и швырнул за борт, а потом ухватил Кейт за запястье и чуть ли не волоком потащил к перилам. Она лишь снова зажмурилась и сделала глубокий вдох.

*

Взяв у солдата пластиковый стаканчик с кофе, Дэвид поблагодарил его и, прихлебывая напиток, окинул взглядом окружавшие комнату экраны. Разоруженные солдаты Иммари плелись колоннами в цитадель. Они станут новыми обитателями барачков.

Двое техников сделали наезд на горящую чумную баржу, оценивая ущерб и степень разрушения, пытаясь решить, надо ли стрелять по ней еще.

Один из экранов показал, как взрывы вспороли бок корабля. В образовавшуюся прореху солдат Иммари вытащил из пламени женщину, толкнув ее вниз на палубу. Она свернулась калачиком, потом тот же солдат встал над ней снова.

Дэвид оцепенел. Волосы у нее были темные... но лицо ее казалось ему знакомо. Не может этого быть. И все-таки это Кейт. Может, у него просто поехала крыша? Все тревоги сражения и

принятые им решения в конечном итоге подточили устои реальности. Не видит ли он то, что хочет видеть?

Он увидел, как Кейт дерется с солдатом Иммари, потом тот швырнул ее в воду – скорее всего, навстречу смерти.

Дэвид бросился к техническому посту.

– Отмотайте-ка этот кусок назад.

Кадры замелькали вспять.

– Стоп!

Дэвид склонился ближе. Не осталось никаких сомнений: это Кейт. И без пяти минут покойный солдат Иммари, швырнувший ее вниз, как тряпичную куклу, а потом сбросивший за борт.

Развернувшись, Дэвид сказал вождю:

– До моего возвращения командуете вы. Не стреляйте по этой чумной барже, что бы ни случилось.

Через считанные секунды он уже сбегал по лестнице.

– Дэвид! Помощь не нужна? – только и успел что крикнуть вслед Камау.

Глава 55

Бывшая оперативная база Иммари в Сеуте

Северное Марокко

В гавани Дэвид осмотрел имеющиеся суда. Уйма рыбацких баркасов, но только парочка моторных яхт. «Какие же тут приоритеты?» – пытался прикинуть Дэвид. Запас хода или скорость? В идеале – и то и другое, но в какой пропорции? Вот стоит яхта «Сансикер 80». Дэвид стал вспоминать ее характеристики. Он сам размышлял о покупке такой же пару лет назад. «Длина двадцать четыре с половиной метров, крейсерская скорость двадцать четыре узла, а то и все тридцать, – подумал он. – Запас хода где-то триста пятьдесят морских миль». Но в конце причала высилось настоящее пугало – сорокаметровый «Сансикер». Если повезет, в заднем отсеке у него даже найдется мини-подлодка.

– Берем большую моторную яхту, – кивком указал он Камау.

Пару минут спустя сорокаметровая яхта уже выходила в Средиземное море, навстречу пылающему в ночи круизному лайнеру.

*

Руки и ноги Кейт начали уставать. Она с трудом удерживала голову над водой. Корабль продолжал дымиться, каждые несколько секунд изрыгая в воду горящие, раскаленные обломки, грозившие утопить ее.

Но деваться было некуда: над водой пылала широкая стена огня, держа их в заточении в узком кольце чистой воды у самых бортов корабля.

Все тело у Кейт ныло, легкие пылали от каждого вдоха.

Шоу поплыл за каким-то предметом – плавающим обломком – и отбуксировал его к Кейт и троим остальным.

– Хватайтесь. Придется переждать огонь, а потом поплывем к берегу.

*

Дэвид вглядывался в замерший круизный лайнер, который пылал в воде, словно лесной пожар. Судно понемногу обрушивалось внутрь, время от времени в разных местах гремели взрывы. Топливные баки, питавшие турбинные двигатели, были пробиты, и топливо полыхало вокруг корабля ошеломительным полукругом. Люди прыгали со всех палуб – несомненно, некоторые навстречу смерти – и исчезали в воде по ту сторону полосы огня. Дэвид не видел, как они смогут оттуда выбраться. Плыть сквозь огонь казалось невозможно, как и пронырнуть под огненным полем – уж больно оно было широкое.

Оставалось лишь уповать, что Кейт пережила падение и ждет его по ту сторону.

Спустившись в трюм, Дэвид осмотрел подлодку, открыл ее и проверил показания приборов. Кислорода нет. И что теперь? Ждать, пока пламя угаснет? А если Кейт вдруг ранена?

– Дэвид, что тебе нужно?

– Кислород.

*

Кейт заметила что-то под водой за долю секунды до того, как оно сцапало Шоу и утащило под воду.

Сначала Кейт подумала, что это акула или какое-нибудь иное морское чудовище, но тут Шоу вынырнул, отчаянно замахав руками.

Потянулся назад, нащупал край плавающего обломка и вцепился в него что есть сил. Тварь вознеслась из воды, осыпая ударами туловище Шоу, впечатывая его в обломок. Это оказался человек, как теперь увидела Кейт, притом невероятно сильный, бугрящийся мускулами. На нем была маска и несколько баллонов для воздуха на спине. Шоу бился отважно, вкладывая в удары всю силу до капли, но монстр был чересчур силен. Один из его ударов попал Шоу в лицо, а инерция заставила того стукнуться головой о твердую доску. Потеряв сознание, Шоу обмяк, а нападающий схватил и потащил его под воду.

Кейт рванулась следом, вклинившись посередине. Одной рукой толкнула маску аквалангиста, а второй схватила Шоу, пытаясь вырвать его из рук неприятеля.

Монстр сорвал с себя маску.

– Какого черта ты творишь?!

Дэвид.

Кейт оцепенела. Эмоции переполнили ее. Конечности словно онемели, и она захлебнулась морской водой.

Отпустив Шоу, Дэвид протянул руки к Кейт. Посмотрел ей в глаза долгим взглядом и едва лишь открыл рот, чтобы что-то сказать, как кулак Шоу угодил ему в лицо, отправив Дэвида под воду. Шоу ринулся следом, но Кейт, не теряя головы, снова встряла между ними.

– Мальчики, мальчики! – Она ладонями растолкала их в разные стороны.

– Ты его защищаешь?! – вскинулся Дэвид.

– Он спас мне жизнь, – парировала Кейт.

– Он сбросил тебя за борт.

– Ну, это, э... дело
запутанное

.

– Хм... как скажешь, – уставился на нее Дэвид. – Мы отсюда сматываемся, – сняв один из баллонов со спины, он сунул его Кейт. – Возьми.

– А с ними как быть? – указала Кейт на Мартина, Чанга и еще одного ученого.

– А они здесь при чем?

– Они идут с нами, – настойчиво заявила Кейт.

Покачив головой, Дэвид принялся натягивать лямки акваланга Кейт на плечи.

Увернувшись от него, она отплыла в сторону.

– Я не брошу Мартина и остальных.

– Ладно, вы трое... – Вэйл бросил ледяной взгляд на Шоу. – Можете воспользоваться баллоном коллективно.

– Кейт, мне надо с тобой поговорить. Дело срочное, – подал голос Мартин. Он с трудом удерживал голову над водой.

– Мне кислород не понадобится, – встрял европейский ученый. – Я могу плыть и без него.

Все головы повернулись к нему.

– Я очень хороший пловец, – пояснил он.

Дэвид перебросил другой баллон Шоу.

– Ладно, у вас тут целая комиссия собралась, разберетесь как-нибудь. А мы пошли, – он взял Кейт за руку.

– Подожди, – остановила она его. – Мартин был ранен. И болен. Возьми лучше его, Дэвид.

– Нет, – он подплыл к ней. – Я не спущу с тебя глаз. Больше никогда.

Кейт услышала стон Шоу где-то позади, но время для нее будто застыло. Она почувствовала, как кивает.

– Ради бога, – не выдержал Шоу. – Мартина возьму я. А вы заберите ученого, все равно много кислорода он не потребует. А вы... – указал он на европейца. – Наверное, справитесь самостоятельно.

Европейский ученый нырнул под воду. Мартин было запротестовал, но Шоу сгреб его в охапку и нырнул. Дэвид надел маску на Кейт, и они тоже нырнули, но женщина тут же выскочила обратно на поверхность.

– Что еще? – спросил Дэвид.

– Чанг.

Дэвид огляделся.

Доктор Чанг подгребал к ним.

– Я уж думал, вы меня бросите.

«Он спас Мартину жизнь», – подумала Кейт.

– Мы и не думали вас бросать, – она указала на Дэвида. – Возьмите его за руку.

– Вы переоцениваете зону моего комфорта.

– Ой, да бросьте! – Она схватила Чанга, а сама как можно крепче сжала руку Дэвида, и все трое нырнули.

Первой очередью дышать воспользовалась Кейт, затем Чанг. Похоже, Дэвид нуждался в кислороде гораздо меньше, чем они двое.

Ни Шоу с Мартином, ни европейца Кейт не видела. Казалось, пламя над головой будет тянуться вечно. Она посмотрела сквозь стекло маски вверх. Огонь над водой выглядел потрясающе, ничего подобного она еще ни разу не видела. Красно-оранжевые цветы расцветали над водой, разворачивались и увядали, словно в покадровой съемке.

Чанг бултыхался рядом с ней, изо всех сил зажмурил глаза. Должно быть, топливо попало в воду.

Дэвид тащил их за собой. Он надел ласты, и теперь его мощные ноги толкали группу вперед сквозь воду.

Вскоре огненное поле закончилось, и Кейт увидела над водой черноту ночи. Вэйл направил их вверх, и Чанг, выскочив на поверхность, начал захлеб хватать воздух ртом.

Кейт заслонила ладонью от россыпи ярких огней, ослепивших ее. Рядом с огнем дрейфовало еще одно судно – белая яхта с темными окнами высотой в целых три этажа. Кейт понимала, что наверняка существует какой-то морской термин вместо «трех этажей», но именно так для нее выглядела эта яхта – как трехэтажный белый кондоминиум с выдающимися спереди и сзади площадками палуб.

Дэвид повлек их с Чангом к яхте. На кормовом транце стоял огромный чернокожий мужчина. Наклонившись к воде, он схватил Кейт за обе руки и без труда поднял на судно.

Женщина принялась выпутываться из лямок рюкзака, а африканец тем временем поднял Чанга за одну руку и поставил рядом с ней.

Дэвид начал карабкаться вверх по лестнице.

– Мы что, первые?

Африканец кивнул.

Остановившись, Дэвид схватил маску Кейт и был уже на полпути вниз по лестнице, когда из воды вынырнула голова.

Европейский ученый.

– Двоих других не видели? – окликнул его Дэвид.

– Нет. – Тот утер воду с лица. – У меня глаза были закрыты. В воде топливо.

Казалось, он никак не может отдышаться. Кейт отчаянно хотела переговорить с Дэвидом, но его уже и след простыл: он уже снова погрузился в черную воду.

Потянулись секунды, казавшиеся часами.

– Я Камау.

Кейт обернулась к чернокожему.

– Кейт Уорнер.

Он удивленно вскинул брови.

– Ага, я то и дело это вижу, – она снова отвернулась к воде.

Вынырнула другая голова. Шоу. Мартина с ним не было. Кейт подошла к фальшборту.

– Где Мартин?

– А его здесь нет?! – Шоу резко развернулся в воде. – Он испугался, решил, что тонет... Я думал, он меня опередил. Я ни черта не видел. – И он снова нырнул.

Кейт воззрилась на стену огня. Если Мартин вынырнул посреди этого пекла...

Она ждала. Почувствовала, как ей на плечи накинули одеяло. Пробормотала что-то в знак благодарности, не потрудившись посмотреть, кто о ней позаботился.

Из воды выскочили две головы, и один человек подтащил другого к судну: Дэвид вытащил Мартина. Голова Грея оказалась сильно обожжена, он почти впал в беспамятство.

Дэвид поднял Мартина на борт и уложил его на белую кожаную кушетку в салоне. Чанг, бросившись к Грею, начал осматривать полученные им травмы. Камау принес аптечку первой помощи, и Кейт принялась копаться в ней.

Вода снова расступилась.

– Ну что, он у вас? – крикнул Шоу.

– Да! – отозвалась Кейт.

Как только Шоу ухватился за лестницу, Дэвид крикнул Камау:

– Уводи нас отсюда!

Кейт и Чанг не отходили от Мартина, пока не перевязали ему голову как следует и дыхание его не стабилизировалось.

– Он поправится, – сказал Чанг. – Дальше я могу обойтись сам, Кейт.

Взяв женщину за руку, Дэвид повел ее на нижнюю палубу, крепко сжимая ее бицепс ладонью. Кейт, мокрая, как мышь, была совершенно измучена, но вид Вэйла, осознание того, что он жив, удивительным образом вдохновили ее, доставили невыразимый восторг.

Закрыв дверь, Дэвид задвинул щеколду.

– Нам надо
поговорить,
– не оборачиваясь, произнес он.

Глава 56

Северное Марокко

Дориан пришел в себя от жгучей боли в боку.

Он повернулся и взвыл, только усугубив этим движением свои ощущения. То, что ранило его, оставалось в теле, впиваясь и перемещаясь внутри, будто раскаленный нож.

Слоун сорвал шлем и наклонился посмотреть, что же его ранило.

Древесный сук пронзил его насквозь чуть выше таза, прямо под нижним краем бронежилета. Дориан осторожно расстегнул бронежилет. Это движение прошило его новой волной боли, и пришлось остановиться. Отбросив жилет, он задрал майку.

Сук прошел всего в паре дюймов от бока. Чуть дальше – и он проткнул бы печень.

Скрипя зубами, Дориан принялся медленно, методично вытаскивать щепку. Покончив с этим, он осмотрел рану. Кровотечение есть, но все будет в порядке. Прямо сейчас у него есть более серьезные проблемы.

Даже на фоне ночного неба ему видны были три дымовых столба, которые поднимались от деревьев, где догорали останки вертолетов его эскадрильи.

Сеута осталась без поддержки с воздуха – вся авиация передислоцирована в Южную Испанию, – но те, кто штурмует базу, явно не знают нехватки в сухопутных войсках. Отправят ли их сюда?

Он поднялся на ноги.

Вопли – с места крушения. Инстинкты взяли верх. Схватив шлем и бронежилет, Дориан побежал к пылающим обломкам.

Вертолет поджег лес. Неистовствующий лесной пожар встал огненной стеной, сквозь которую ничего нельзя было разглядеть. Вопли стали громче, но слов Дориан разобрать не мог.

Он надел бронежилет, затем шлем и побежал по периметру пожара, ища проход внутрь. С противоположной стороны стена огня была не такой густой, но ясно увидеть вертолет по-прежнему не представлялось возможным. Зато, пожалуй, можно было прорваться сквозь пламя.

Вытащив пистолет, Дориан швырнул его на землю вместе с запасными магазинами. Заодно положил рядом свой спутниковый телефон. Затем, сунув ладони под жилет, подступил к краю пожара. Ботинки, жилет и шлем были огнеупорными, но эта термостойкость не могла оказаться бесконечной, и, кроме того, жилет покрывал далеко не все части тела.

Сделав глубокий вдох, Дориан очертя голову ринулся в огонь. Ногами он громко топал по земле. Огонь нещадно обжигал со всех сторон. Слоун задержал дыхание и... прорвался через пламя на поляну. И сразу же увидел, что произошло, – три вертолета рухнули близко друг от друга, и их пожары слились в один, образуя огненное кольцо. Каждый был объят пламенем. Из них ничего и никого уже нельзя было вытащить, да и крики доносились не изнутри.

Раздалась новая серия криков. Развернувшись на месте, Дориан увидел их источник. Черные доспехи Иммари делали пилота практически невидимым на фоне темной земли и непроглядной черной ночи, даже несмотря на свет от огня.

Дориан подбежал к нему. Нога пилота была согнута под неестественным углом, сбоку на ней зияла глубокая рана. Пилот уже перевязал бедро, и это спасло ему жизнь, но Дориан засомневался, что подобной помощи хватит. Отползти от пылающего вертолета он еще ухитрился, но встать или тем более бежать уже не мог.

– Помогите! – простонал он.

– Заткнись, – рефлекторно отреагировал Дориан из-за темного забрала шлема.

Что делать? Пилот уже потерял слишком много крови, а медикаментов нет. Слоун автоматически потянулся к кобуре, но тут же вспомнил, что оставил пистолет по ту сторону огня. «Заканчивай страдания этого несчастного и двигай дальше. Враг может подоспеть с минуты на минуту, чтобы обыскать территорию. Из-за него прикончат и тебя». Но Дориан не мог так поступить, не мог заставить себя бросить этого человека, покинуть собственного солдата в огненном пекле. Наклонившись, он взял раненого за руку.

– Спасибо, сэр, – тяжело дыша, выговорил пилот.

Дориан мгновение помедлил, потом встал, сходил за его шлемом и вернулся.

– Надень. Пойдем сквозь огонь.

Слоун собрался с духом, чтобы снова вынести боль, и взвалил раненого на плечо. Рана в боку неистовствовала, вгрызаясь в него, пронзая насквозь. Казалось, его вот-вот разорвет на части.

Подбежав к краю пламени, Дориан набрал полную грудь воздуха и нырнул в огонь. На этот раз он двигался гораздо медленнее, зато вкладывал в каждый шаг всю энергию до последней унции.

Наконец выбравшись из огня, он сбросил раненого на землю и тут же рухнул рядом. Ветер относил огонь прочь. На какое-то время они оказались в безопасности.

Дориан задыхался, от боли его буквально выворачивало наизнанку. Муки стали невыносимыми. Он даже не мог определить, где болит. Уголком глаза заметил пистолет, магазины и телефон рядом. Можно прервать мучения пилота, если удастся дотянуться... Дориан попытался встать, но боль и изнеможение навалились на него тяжким гнетом, приковав к земле и вынудив лежать спокойно.

Пилот подполз к Слоуну и принялся что-то делать. Дориан хотел спихнуть его, но пилот упирался. Ноги прошила новая волна боли. Этот человек пытается его. Дориан начал лягаться, но противник навалился на ноги всем телом. Боль взмыла цунами, накрывая его с головой. Образ леса померк.

*

Когда Дориан очнулся, было еще темно, но пожар на месте крушения вертолетов уже угас, оставив после себя лишь дымящееся пепелище. И боль. Но способность двигаться к нему вернулась. Рядом спал пилот.

Дориан сел, корчась от боли при каждом движении. Обожженные ноги превратились в омерзительное кровавое месиво. Расшнурованные, расплавленные ботинки валялись рядом. Подошвы стали совсем гладкими в тех местах, где резина расплавилась, стекая ему на ноги. Пилот снял с него ботинки, чем, скорее всего, спас Дориану ступни. Долго ли остывает расплавленная резина? Если бы ботинки остались на нем, Слоуну вряд ли довелось бы снова стоять на своих двоих.

Рядом с обугленными ботинками Дориана стояли совершенно целые, неповрежденные сапоги.

Слоун снова поглядел на храпящего пилота. Тот оказался бос. Дориан приложил подошвы его ботинок к своим стопам. Несколько маловаты, но сойдут. Смотря насколько далеко придется идти. Как раз это и предстояло выяснить.

Он подполз ближе к своему пистолету и спутниковому телефону. Снова поглядел на пилота, обдумывая следующий ход. Края рваной раны на ноге пилота побурели, выказывая явные признаки инфекции.

Дориан набрал номер.

– ЦОУ

[4]

флота.

– Это Слоун.

– Сэр, мы...

– Молчать! Дайте капитана Уильямса.

– Генерал...

– Капитан, какого черта я застрял в лесу, в тылу у врага?

– Сэр, мы посылали две спасательные миссии. Обе сбили. Вы находитесь глубоко в их секторе обстрела.

– Я не желаю слушать, сколько раз вы облажались

, капитан. Перешлите на мой телефон топографическую карту с указанием их радиуса обстрела.

– Есть, сэр. Мы думали, Сеута могла отправить наземные патрули к вашему местопребыванию...

Дориан отложил телефон, изучая карту и игнорируя капитана. Из нынешнего местоположения можно было добраться до ближайшей точки randevу за пределами радиуса обстрела Сеуты часа за три. Дориан поглядел на свои обожженные ноги. Скорее уж часа за четыре. Путь будет нелегким, но он справится.

Пилот снова всхрипнул, чем привлек внимание Дориана. Он с досадой поглядел вниз. Что же делать? Пистолет и магазины маячили рядом, молча предлагая решение.

Мысленно взвешивая альтернативы, Слоун отвел взгляд. Каждый рассмотренный вариант наталкивался на одну и ту же простую мысль, холодную и окончательную: «Не будь дураком. Ты же знаешь, что это надо сделать». И впервые в жизни Дориан мог наделить этот голос лицом – Арес. Впервые в жизни он чувствовал свои собственные, истинные мысли, мысли человека, которым он был до первой вспышки, до того, как отец поместил его в трубу. Этот момент стал микрокосмом всех когда-либо принятых им решений – схваткой между его эмоциональной,

человеческой

натурой и этим жестоким, холодным голосом. Арес. Он всегда был движущей силой, таившейся на втором плане, невидимой, постоянно понукающей Дориана, формирующей его мысли. Слоун никогда в полной мере не осознавал, какая схватка идет в нем самом, вплоть до этого момента. Арес снова крикнул: «Не будь слабаком! Ты особенный. Ты должен выжить. Весь твой биологический вид зависит от тебя. Он – всего лишь один из солдат, сложивших голову за свое дело. Не позволяй его жертве омрачить твое суждение».

Дориан поднес телефон к губам.

– Капитан, я только что переслал вам координаты.

Посмотрел на пилота, потом на свои обожженные ноги – ноги, на которых он еще был способен ходить.

– Сэр?

Мысли Дориана мотало туда-сюда, будто утлую лодчонку в бурном море. Теперь голос звучал твердо. «Этот мир построен не для

слабых. Дориан, ты разыгрываешь величайшую шахматную партию в истории. Не рискуй королем ради спасения пешки».

– Я здесь, – сообщил Слоун. – Я буду на точке эвакуации через...

«Не...»

– ...восемь часов. Имейте в виду, со мной еще один выживший. Если нас не окажется по указанным координатам, прикажите спасательной команде углубиться в лес и искать нас по азимуту сорок семь градусов.

В тот же миг голос исчез, замолк. Мысли Дориана стали его собственными. Он обрел свободу. Он стал... другим или просто человеком, которым должен был стать с самого начала? Голос в трубке прервал эти размышления.

– Вас понял, генерал. Бог в помощь.

– Капитан!

– Сэр?

– В моей каюте девушка, – произнес Дориан.

– Да, сэр. Она здесь...

– Скажите ей... что я в порядке.

– Есть, сэр, прослежу...

Дориан дал отбой.

И снова повалился на землю. Он вдруг почувствовал, что голоден. Необходимо было поесть; ему потребуется вся его сила, особенно учитывая дополнительный вес, который предстоит тащить. Придется заняться охотой.

Вдали послышался басовитый рокот. Гром? Нет. Топот копыт лошадей, несущихся сквозь лес.

Глава 57

Где-то у побережья Сеуты

Средиземное море

Изрядную часть последнего часа Кейт и Дэвид не обменялись ни словом, и это наполняло ее радостью. Они просто лежали обнаженные на простынях королевской кровати посреди каюты, обшитой деревянными панелями.

Обстановка казалась ей просто нереальной; они будто лежали в шикарном гостиничном люксе, а мир снаружи был лишь дурным сном. Она чувствовала себя уверенной и свободной впервые с тех пор... с тех пор, как себя помнила.

Щека Кейт покоилась у Дэвида на груди. Ей нравилось слушать его сердце, смотреть, как его грудь вздымается и опадает с каждым вздохом. Она провела пальцем по красным рубцам ожога на груди. Он выглядел так, будто Дэвида заклеили.

– Это новый, – негромко произнес Вэйл. – Цена деревянного коня в этом свихнувшемся мире, – голос его был совершенно серьезен.

Это что, шутка? Приподнявшись на локте, Кейт заглянула ему в глаза, надеясь найти ответ, но Дэвид не смотрел на нее.

Он как-то изменился. Стал жестче. Отдалился. Кейт ощутила это, когда они занимались любовью. Он был не так ласков, как тогда в Гибралтаре.

Она снова опустила голову ему на грудь, отчасти спрятав лицо.

– У меня был сон про деревянного коня. Ты чертил...

Дэвид отстранил ее от себя.

– Я сидел за чертежным столом...

Она в шоке нерешительно кивнула.

– Да... на веранде с видом на голубой залив и поросший лесом полуостров...

– Не может быть... – прошептал Дэвид. – Каким образом?

Слова Мартина эхом прозвучали у Кейт в памяти: «Мы полагаем, что ген Атлантиды связан с квантовыми биологическими процессами. Субатомные частицы переносятся быстрее скорости света...»

Кейт перелила Дэвиду свою кровь, но это не могло изменить его геном, не могло наделить его геном Атлантиды, и тем не менее какая-то связь между ними возникла.

– Полагаю, это имеет отношение к гену Атлантиды – он активирует какую-то квантовую биологическую связь...

– Ладно, на этом и остановимся. Больше никакой научной абракадабры. Нам с тобою надо поговорить.

– Так говори, – Кейт отодвинулась. – Официальное приглашение тебе не требуется.

– Ты меня бросила.

– Что?!

– В Гибралтаре. Я тебе верил...

– А можно тебе напомнить, что в тебя стреляли –
трижды

? Киган собирался убить тебя.

– Вовсе нет.

– Я пошла на сделку с ним...

– Ничего подобного. Я был ему нужен. Он хотел, чтобы я убил Слоуна. Он манипулировал нами обоими. Ты должна была прийти ко мне...

– Серьезно? Дэвид, ты едва ноги передвигал. Киган сказал мне, что в доме яблоку негде упасть от его людей – агентов Иммари. И они ведь

были

его людьми, не так ли?

– Были...

– И что бы ты сделал? Ты был окружен...

– Я бы не стал тебе врать. Я не стал бы с тобой спать и сбегать среди ночи.

Кейт охватила ярость, и она не без труда взяла себя в руки.

– Я никогда тебе не лгала...

– Ты мне не верила. Ты мне не сказала...

– Я спасла тебе жизнь, – встав, Кейт тряхнула головой. – Что сделано, то сделано. И закончено.

– И ты поступила бы так же снова?

Кейт сдержала желание ответить.

– Отвечай!

Она уставилась на него, и Дэвид посмотрел на нее волком. Он так переменялся. И все же он тот самый, кого она...

– Да, Дэвид. Я поступила бы так же снова. Ты здесь. И я здесь. Мы оба живы...

Ей хотелось сказать еще кое-что, но она не могла этого сделать, пока он смотрел этим ледяным мертвенным взглядом.

– Я не потерплю под своим командованием человека, который мне не доверяет.

– Под твоим командованием?!
– взорвалась Кейт.

– Именно так.

– Что ж, вот и прекрасно, потому что я отнюдь не рвусь вступить в армию или в другую чертовщину, что ты тут затеял.

Послышался стук в дверь, и для Кейт он показался благословенным, как глоток воды для умирающего. Она открыла рот, но Дэвид перебил ее:

– Неподходящий момент...

– Это Камау. Дело срочное, Дэвид.

Отбросив простыни, Дэвид и Кейт взяли свои вещи и оделись, повернувшись друг к другу спинами. Вэйл бросил на нее холодный вежливый взгляд и, когда Кейт кивнула, открыл дверь.

– Дэвид... – начал Камау.

– Что...

– Насчет старика.

– Что с ним?

– Он мертв.

Дэвид оглянулся на Кейт. Лицо его мигом переменялось, непримиримость как рукой сняло. Женщина увидела симпатию и того самого человека, которого полюбила. Ликование вспыхнуло в душе, вопреки боли, причиненной словами Камау. И только потом нахлынул шок: да, лицо у Мартина было обожжено, но пострадал он не так уж и сильно. Неужели лекарство Чанга от чумы внезапно прекратило действовать? Что же Кейт делать без него? Она так ни разу его и не поблагодарила. Какие последние слова она ему сказала?

– Спасибо, что... сказал нам, – промолвил Вэйл.

– Ты должен прийти сейчас же, Дэвид. И вооружись.

– Зачем?

Камау оглянулся, чтобы убедиться в отсутствии чужих ушей.

– По-моему, кто-то его убил.

*

Мартин мирно покоился на белом кожаном диване в помещении верхней палубы.

Присутствовали все: Кейт, Дэвид, Камау, Шоу и двое ученых, Чанг и европеец, наконец-то представившийся как доктор Артур Янус. Кейт смотрела на Мартина добрую минуту, прежде чем пересечь комнату и опуститься рядом с ним на колени. Она пыталась обуздать нервы. Мартин практически заменил ей отца. Он не очень годился для этого, но искренне старался. И почему-то от этого Кейт становилось еще тяжелее. Она пыталась собрать разбегающиеся мысли. Нужно было взять себя в руки и сосредоточиться.

Слова Камау все звучали в голове: «По-моему, кто-то его убил».

Никаких следов борьбы она не обнаружила. Проверила его ногти. Ни кожи, ни крови. Несколько синяков и ушибов, но относительно давних, полученных во время бегства с чумной баржи. Когда Камау доставал его из воды, Мартин выглядел точно так же. Кейт посмотрела на африканца, спрашивая взглядом: «Ты уверен?»

Тот лишь едва заметно кивнул.

Кейт ощупала шею Мартина. Да... Чуть подвигала его голову, проверяя, насколько свободно та движется. Кто-то сломал ему шею... У Кейт перехватило дыхание. Тот, кто это сделал, находится в этой комнате и в эту самую секунду смотрит на нее.

– Кейт, искренне сочувствую насчет Мартина, честное слово, – начал Шоу. – Но нам пора покинуть судно и трогаться в путь. Здесь вам угрожает опасность.

Неужели Шоу тоже это заметил? Знает ли он?

– Она никуда не пойдет, – отрезал Дэвид.

– Нет, пойдет, – стоял на своем Шоу. – Сейчас же сообщите, куда вы нас везете, и я позабочусь, чтобы кто-нибудь нас эвакуировал.

Пропустив его слова мимо ушей, Дэвид шагнул к Кейт.

– Эй, я с вами разговариваю! – Шоу схватил его за руку.

Резко развернувшись, Вэйл толкнул его, так что Шоу чуть не упал на палубу.

– Еще раз прикоснешься ко мне хоть пальцем, и я вышвырну тебя за борт.

– Зачем ждать? Можете попробовать прямо сейчас.

Камау шагнул вперед, встав за спиной у Дэвида, чтобы дать Шоу понять, что их будет двое против одного.

– Ладно, хватит тестостероном мериться, – Кейт бросилась между мужчинами, схватила Дэвида за руку и потащила прочь.

Глава 58

Северное Марокко

– Спасибо, сэр, что спасли меня, – поблагодарил пилот.

Отрезав ножом кусок жареного мяса, Дориан начал уплетать его за обе щеки.

– Не стоит об этом упоминать. Я серьезно. Никому ни слова.

– Есть, сэр, – помявшись, ответил пилот.

Какое-то время они ели в молчании, пока лучшие куски не оказались съедены.

– Это напоминает мне, как мы ходили с папой в поход, когда я был мальцом.

Дориану хотелось, чтобы этот мягкотелый недоносок или заткнулся, или вырубился. Снова посмотрел на его рану, на признаки инфекции. Он определенно останется без ноги... если вообще дотянет до утра. И что-то в этой мысли заставило Дориана ответить:

– Мой отец не увлекался... походами как таковыми. – Пилот открыл было рот, но Дориан продолжил: – Он был военным. И очень этим гордился. И своим участием в «Иммари Интернейшнл», конечно, хотя, когда я был маленьким, это больше напоминало эдакий социальный клуб, общественную обязанность. С головой это дело поглотило его уже позже. Чуть ли не единственное, что мы с ним делали вместе, – ходили на военные парады. На первом же я понял, кем хочу стать, когда вырасту. При виде солдат, марширующих стройными шеренгами, печатая шаг под ритм музыки у меня в груди.

– Изумительно, сэр. Вы уже тогда знали, что хотите стать солдатом?

В тот вечер Дориан сказал отцу: «Я хочу маршировать на фронт, папа. Пожалуйста, купи мне трубу. Я буду лучшим трубачом в кайзеровской армии». Возродившись в трубах, Дориан избавился от шрамов на ногах и ягодицах, но до сих пор помнил, какую порку ему тогда задал ему отец. «Вот как мир поступает с трубачами, Дитер».

– Да. Знал даже тогда. Солдатом...

Но когда он узнал это, когда стал тем, кем стал? В тот день 1986 года, когда вышел из трубы. Он стал другим. Стал Аресом. Правда. Теперь это так очевидно. Но...

– Минуточку. Сэр, вы сказали кайзеровской армии?

– Да. Это... долгая история. А теперь набери в рот воды и отдохни. Это приказ.

*

Дориан бодрствовал полночи, проспав всего пару часов, но проснувшись, почувствовал себя невероятно посвежевшим. На востоке уже проглядывали первые лучи солнца, и лес мало-помалу оживлялся.

Проснулся Дориан с уже оформившейся идеей. И почему это не пришло ему в голову раньше? Но, чтобы появился шанс на успех, действовать надо было быстро.

Слоун подполз к пилоту. Дыхание у того было учащенным и поверхностным. Рана продолжала сочиться кровью, впитывающейся в дерн и расползающейся черно-бурой лужей вокруг него. Время от времени он вздрагивал.

Отойдя от него в сторонку, Дориан присел на камень и некоторое время прислушивался, стараясь определить направление. И когда проникся полной уверенностью, проверил пистолет и тронулся в путь.

*

Из кустов Дориан хорошо видел двух берберов. Один спал на земле; второй – скорее всего, командир – в шатре. Дориан практически не сомневался, что их всего двое: к дереву неподалеку были привязаны только две лошади.

Возле догорающего костра лежал большой мачете. Дориан решил воспользоваться им. Стрельба привлечет внимание, а это здесь совершенно ни к чему. Двое же дрыхнувших берберов хлопот не доставят.

*

Дориан прищипорил лошадь, скакавшую через лес. В лагере нужно будет первым делом сделать звонок, перенести время эвакуации. Насколько быстро они с пилотом смогут добраться до места верхом? А

лучше спросить: сколько тот еще протянет? Хотелось бы Дориану знать. Это и был крайний срок. Лошади спасут его пилоту жизнь. Он снова пришпорил лошадь, и та ускорила. Вторую Дориан держал за повод, и она не отставала. Изумительные животные.

В лагере Дориан спешил еще до того, как лошадь успела остановиться.

– Эгей! Подъем!

И бросился к спутниковому телефону.

Пилот не отозвался ни звуком.

Дориан остановился. «Нет!» Обернулся. И с первого же взгляда все понял, но все равно подбежал к товарищу. Прижал два пальца к его шее. Ощутил, что кожа остыла, задолго до того, как понял, что пульса нет, но все равно держал пальцы еще добрую секунду, глядя на закрытые глаза.

Ярость захлестнула его. Он едва не пнул труп. Ему хотелось рухнуть на колени и съездить покойнику по физиономии – за то, что умер, что связал его по рукам и ногам, что... да за всё. Дориан встал, и лошади вздыбились, отпрянув от него. Одна заржала и шарахнулась. Глупые вонючие твари. Слоун повернулся, чтобы ударить одну из них, но обе были вне досягаемости. Не имеет значения. Он загонит одну до смерти и оседлает вторую, чтобы она кончила тем же.

Бросился к спутниковому телефону.

– ЦОУ флота.

– Дайте капитана Уильямса.

– Назовитесь.

– А как, по-вашему, кто это может быть, черт возьми?! Часто ли в последние дни вам звонят по ошибке? Дайте Уильямса, или я разорву вас в клочья, когда выберусь из этой адской дыры!

– М-минуточку, с-сэр.

Прошло две секунды.

– Уильямс...

– Изменение графика. Я буду в районе посадки менее чем через час.

– Мы можем прибыть туда...

– Менее чем через час! Час, и не больше. За это время можно успеть напечатать фотографии, так что лучше тащите свою задницу сюда, будь вам пусто! Если мне придется добираться своим ходом,

продолжительность вашей жизни катастрофически сократится, капитан.

Дориан услышал, как капитан гаркнул, чтобы заводили вертолеты.

– Мы... будем на месте, сэр.

– А девушку...

– Мы обеспечили ее всем, что пожелает...

– Избавьтесь от нее.

– Вы хотите...

– Мне плевать, куда она отправится, но чтобы к моему возвращению ее не было.

Дориан прервал связь, оседлал ближайшую лошадь и ударил ее пятками по ребрам что есть сил.

Глава 59

Где-то близ побережья Сеуты

Средиземное море

– Это Шоу его прикончил, – бесстрастно произнес Дэвид.

Съежившись, Кейт бросила взгляд на закрытую дверь их каюты.

– Говори тише.

– Зачем? Он знает, что сделал это. И в курсе, что я знаю.

Кейт посмотрела Дэвиду в глаза. Он рассердился не на шутку. Это сквозило в каждом его движении, слышалось в голосе, но Кейт, кроме того, почувствовала это и где-то внутри себя, словно его сознание принадлежало и ей. Гнев исходил от него, подобно дыму, просачиваясь в нее, как зной, источаемый асфальтовым шоссе. Она ощущала, как гнев отравляет ее, как сама внутренне ограждается от Дэвида, подсознательно готовясь к очередной схватке. Все завертелось, выходя из-под контроля. Надо положить этому конец – вот только как за это взяться? «Начну с Дэвида», – решила Кейт, нуждаясь в нем, желая его. Она не сможет справиться без него...

не станет

делать это без него.

Вэйл выхаживал по комнате, погружившись в мысли – в сумрачные раздумья, чувствовала Кейт. Она выставила руку и дождалась, пока Дэвид на нее наткнется. Без единого слова направила и усадила его на кровать, а сама опустилась перед ним на колени.

– Я хочу, чтобы ты поговорил со мной. Поговоришь? – Она взяла его лицо в ладони.

Дэвид по-прежнему смотрел вниз, избегая встречаться с ней взглядом.

– Я свяжу кабельными стяжками их всех, Камау тоже, просто для перестраховки. Высадим их где-нибудь – неважно где. Останется больше продуктов для нас двоих. А потом мне понадобится связаться с британцами и американцами, – он тряхнул головой. – Флот Слоуна находится у побережья Марокко. Почему до сих пор не нанесли удар? Чего они ждут? Мы могли бы покончить с этой войной. Может, у них кончилось топливо? У них есть столько атомных субмарин, что их можно солить. Уберем их, потом примемся подгрести лагерь Иммари и судить врагов по законам военного времени прямо на месте. Не церемонясь.

– Дэвид...

Он по-прежнему смотрел в сторону.

– Я понимаю, это звучит жестоко, но другого пути просто нет. Может, все происходит именно ради этого, вся эта чума. Высочайшее испытание. День Вознесения, когда каждый выказывает свою истинную натуру. Ты же должна была видеть, что они творят, Кейт. Да, это испытание, возможность очистить мир от лишенных нравственного начала, ценностей, сострадания к собратьям.

– Люди в отчаянии, они не в себе...

– Нет, по-моему, чума проявляет их истинную

сущность, показывает, помогут они сирым и обездоленным или отвернутся, отринув сородичей, обрекая их на гибель. И теперь мы знаем, кто они. Мы соберем всех Иммари и тех, кто им сочувствует, и сотрем их с лица земли. После этого мир станет лучше. Он станет миром в обоих смыслах, где людям будут небезразличны чужие горести. Ни войн, ни голода, ни...

– Дэвид. Дэвид. Это не ты.
И тогда он впервые взглянул на нее.

– Что ж, быть может, это
новый
я. Это вроде шутки для посвященных.

Кейт скрипнула зубами. Ей хотелось съездить его по самодовольной физиономии.

– Ты говоришь прямо как один мой знакомый. Он хочет сократить народонаселение, устранить людей, не вписывающихся в его представления об идеальном человеке.

– Что ж... может, идея Слоуна и верна, просто он не слишком удачно ее выражает. Это тоже шутка.

Кейт почувствовала, что того и гляди лопнет от злости. Закрывает глаза. Нужно повернуть спор в другое русло, перенаправить, подтолкнуть его так, чтобы Дэвид сам узрел, что с ним стряслось, почему он переменялся. Сфокусироваться на фактах. Она услышала, как Вэйл бормочет на заднем плане:

– В смысле, если проблема с подлодками, они могли бы просто запустить крылатые ракеты, если они...

– Я знаю, почему они не атакуют флот Иммари.

– Погоди, что?

– Я тебе скажу, но ты должен сказать, что с тобой случилось.

– Со мной? Ничего. Просто очередной день в конторе.

– Я серьезно.

– Что ж, поглядим... с чего же начать... Слоун убил меня – вообще-то, даже дважды. – Он задрал рубашку. – Видишь, шрамов больше нет.

Кожа оказалась гладкой, как у новорожденного. Прежде Кейт этого не заметила, когда они... Ей пришлось стиснуть волю в кулак, чтобы не отпрянуть от него.

Кто
же он?

– Я... не поняла.

– Тогда нас уже двое. Ты слышала достаточно?

– Скажи мне
всё

.

– Ладно. После второй смерти Дэвида Вэйла я, конечно, очнулся в загадочном сооружении атлантов, что, знаешь ли, весьма и весьма логично. Выход оттуда был только один, как у крысы в лабиринте. Упомянутый лабиринт вышвырнул меня среди холмов над Сеутой... – Он уставился в пространство, словно вспоминая. – Это было ужасно. Выжженная пустыня. Все мои страхи, всё, что я пытался предотвратить: Иммари, «Протокол Тоба», – оказалось прямо передо мной. Мой полный провал. В этом зрелище было что-то сюрреалистическое. Патруль Иммари схватил меня, доставил внутрь базы. Затем я увидел, что это, что они там творят.

– И решил дать им бой, – кивнула Кейт.

– Нет. Не сразу, и стыжусь этого. Очень стыжусь. Первым делом я хотел удрать из лагеря и найти тебя. – Он посмотрел на нее, и на долю секунды Кейт увидела человека, которого полюбила. Он был сильным и уязвимым, он был... Дэвидом.

Он отвел взгляд.

– Но я не представлял, где ты, даже не знал, с чего начать. Вот тогда-то я и решился вступить в схватку и захватить базу.

– Дэвид, это как-то тебя переменяло.

– До сегодняшнего дня я убил сотни человек – дьявол, да я даже не знаю, сколько именно. Большинство из них были негодьями, которые пытались прикончить меня или мою тогдашнюю команду – ну, пожалуй, за исключением тех, кого я подстрелил из снайперской винтовки, но общий принцип тот же. Сеута – дело другое. Совсем не то что выполнять приказы.

Я

составил план, подрядил под него людей, а когда пробил час, нажал на кнопку, убившую тысячи солдат и ввергшую это место в состояние войны. Это была моя бойня, и я считал ее справедливой, считал, что они этого заслужили. И хотел положить схватке конец.

Ощутил порыв, пылающий во мне огнем. Я хотел большего. Хотел истребить их всех под корень, сейчас же, пока мы можем.

Кейт поняла все. И как покинула Дэвида в Гибралтаре, и его решение сражаться в Сеуте. За ночь его раны не исцелятся, и гнев в ближайшее время не утихнет. Но есть просвет, щелочка, в которую можно проскользнуть, чтобы вытащить его. Дэвид заерзал на кровати. Сейчас он уязвим, и Кейт ощутила, что следующие ее слова решат не только, что будет с «ними», но и участь множества других людей. И негромко промолвила:

– Дэвид, мне нужна твоя помощь.

Он повернул голову, но не отозвался ни звуком.

– В ближайшие сорок восемь часов умрет девяносто процентов мирового населения.

– Как?

– Чума мутировала. В Германии был взрыв...

– Это Слоун. Он вынес чемоданчик из сооружения в Антарктиде.

– То, что находилось в этом чемоданчике, эмитировало радиационную сигнатуру, прокатившуюся по всему земному шару. Эта радиация преобразила чуму. Теперь защиты от нее нет. Орхидея отказывает. Каждая нация на планете стоит перед угрозой распространения инфекции и смерти. Все рушится. Но, по-моему, лекарство можно отыскать. Мартин работал над ним вместе с подпольным консорциумом «Преемственность». Туда входят люди из центров борьбы с заболеваниями. По-моему, он стоял на пороге открытия лекарства. У меня есть его записи, но мне нужна твоя помощь.

– Ты считаешь...

– Есть и еще кое-что. Я должна это сказать. Я влюблена в тебя, Дэвид, и мне жаль, что я причинила тебе боль, покинув тебя в Гибралтаре. Я раскаиваюсь, что не сказала тебе о Кигане. Я раскаиваюсь, что не верила тебе. Больше такое не повторится. Что бы ни случилось, отныне и впредь мы закончим это с тобой вместе. И для протокола: мне дела нет до того, сколько раз ты умирал и какие шрамы у тебя имеются или отсутствуют.

Дэвид поцеловал ее в губы, и поцелуй оказался в точности таким же, как в Гибралтаре. Кейт буквально физически ощутила, как ярость

покидает его, словно поцелуй открыл какой-то предохранительный клапан, который сбросил давление, грозившее разорвать его в клочья.

Когда они разомкнули объятия, Дэвид посмотрел на нее, и взгляд его снова стал мягким.

– И еще одно: я буду выполнять твои приказы.

– Вообще-то... по-моему, будет лучше, если какое-то время приказы будешь отдавать ты. Я вроде как... начал делать отъезд, как видеочасть, взглянул чуть шире, вспомнил, что наговорил... – Дэвид покачал головой. – Не самые здравые речи из тех, что срывались у меня с языка, да и вообще не очень здравые. И только ты понимала, что происходит. Думать будешь ты, а я буду стрелять.

– Это я могу.

Встав, Дэвид обвел каюту взглядом.

– Таинственное убийство в круизе и обратный отсчет глобального апокалипсиса. Ад второго свидания.

– Да уж, с тобой не соскучишься.

– Просто пытаюсь поддерживать твой интерес. И так, с чего же ты хочешь начать: с чумы или с убийцы Мартина?

– Я думаю...

Внезапно судно потеряло ход. Кейт показалось, оно вот-вот остановится.

– Что происходит?

– Не знаю. – Обняв ее за плечи, Дэвид направил Кейт через комнату. Указал на коридор, ведущий к короткой лесенке и шикарной хозяйской ванной у ее основания. И вручил пистолет. – Оставайся там. Запри дверь. Я...

Она снова поцеловала его.

– Будь осторожен. Это мой первый тебе приказ.

Глава 60

Головной флот Иммари Альфа

Близ Танжера, Марокко

Дориан вошел на мостик. Быстро повернувшись, члены команды вытянулись в струнку.

– Смирно!

– У вас для меня сообщение, – коротко бросил Слоун капитану.

Капитан протянул ему сложенный листок, и Дориан развернул его.

Уорнер у меня.

Код у нее.

Прошу переброски.

Ее хорошо охраняют.

На яхте близ Сеуты.

Место назн. неизвестно.

Будьте готовы.

Дориан поразмыслил над возможностями. Если бы эти чертовы британцы не заминировали пролив, туда можно было бы добраться. Сеуту контролируют берберы, а Северное Марокко тоже сильно урезало имеющиеся у него варианты.

– Мы отправили за ними корабли из Фуэнхирола, – сообщил капитан.

– Расчетное время перехвата? – осведомился Дориан.

– Неизвестно.

– Как это
неизвестно
?

– Они идут на скорости почти в тридцать узлов. У нас нет достаточно быстрых кораблей для перехвата.

Дориан покачал головой.

– Но если они сбросят ход или остановятся, мы их настигнем. Или, если они где-нибудь причалят, мы их там и запрем.

– Известите наш источник. И дайте мне карту радиуса обстрела Сеуты. Мне нужно знать, как облететь их орудия.

Глава 61

Где-то близ побережья Сеуты

Средиземное море

Дэвид выжидал у двери их с Кейт каюты, прислушиваясь в надежде различить хоть звук, хоть какой-то намек на происходящее на корабле. Двигатели остановились, и стотридцатифутовая яхта скользила по воде почти бесшумно. Дэвид бросил взгляд через окна от пола до потолка, выходящие на балкон.

И попятился от двери. Если некто, убивший Мартина, захватывает корабль, он наверняка затаился перед хозяйской каютой, подстергая его.

Дэвид вышел на балкон. Других судов поблизости не наблюдалось. Даже огни Сеуты померкли, так что яхту освещал только свет луны.

Пробравшись по балкону вперед, Вэйл заглянул в салон – гостевое пространство за спальней. Пусто.

Миниатюрные лампы в нишах мерцали, освещая шикарные помещения для приемов и трапез.

Главная палуба была отведена исключительно под хозяйскую каюту и столовую. Каюты экипажа и гостей расположились на нижней палубе.

Если удастся остаться в живых ближайшие минут пять, надо будет перевести Кейт вниз, в каюту без балкона и с меньшим числом окон. Там держать оборону будет проще. С другой стороны, можно завалить хозяйский балкон, перекрыв боковые подступы к хозяйской спальне. Какой вариант обеспечит большую безопасность? Впрочем, с этим можно было разобраться и позже.

В этот момент он услышал шаги на самой верхней палубе над головой. Там расположились рубка корабля, просторная гостевая каюта, а также кокпит.

Быстро покинув хозяйскую каюту, Дэвид бросился вверх по лестнице, выставив пистолет перед собой.

В верхнем салоне было пусто.

Из рубки доносились голоса. Вэйл бесшумно шагнул к ней.

Внутри стоял доктор Янус с тем же бесстрастным выражением лица, не выдавшим даже намека на озабоченность при виде Дэвида и его оружия. Дэвид обвел помещение взглядом. Камау и Шоу, стоя у левого борта, спорили между собой. Обернувшись к Вэйлу, они прервали спор и уставились на него.

– Дэвид... – начал Камау.

Тот лихорадочно соображал. Чанг.

– Где Чанг?

– Мы его не видели...

Дэвид бросился из рубки обратно через верхний салон. И уже подбежал к лестнице, когда дверь туалетной комнаты салона открылась, и оттуда неспешно появился Чанг, вроде бы погруженный в беседу с самим собой.

Дэвид развернулся, по-прежнему держа пистолет перед собой, и одолел разделяющее их расстояние за пару шагов.

Чанг чуть не отскочил обратно в туалетную, вскинул руки и даже затрясся.

– Я... извините, я не знал, смывать ли... а потом почувствовал, что корабль остановился... я...

Камау, Шоу и Янус вошли обратно в салон. Африканец заговорил первым:

– У нас кончилось горючее.

Дэвид опустил пистолет к боку, но по-прежнему крепко держал его в руке.

– Это невозможно. У нас было полбака, когда мы вышли из гавани в Сеуте.

– Это правда, – признал Камау. – Но в топливопроводе дыра. Все вытекло.

Дэвид уставился на этих четверых. Один из них убил Мартина, а теперь перерезал топливопровод. Ему требовалось, чтобы судно остановилось. Ради чего? Чтобы его вытащили?

– Могут быть и другие повреждения, – заметил Шоу. – В рубке пулевые отверстия.

Камау кивнул, подтверждая его слова.

«Пулевые отверстия», – подумал Дэвид. Была ли яхта обстреляна солдатами с чумной баржи или во время перестрелки в Сеуте? Не исключено...

В голове у Вэйла сложился план. Нужно устранить утечку топлива, прежде чем двинуться дальше, но размер пробоины – и то, прорезана ли она или просто пробита пулей, – может выдать убийцу.

– Где был каждый из вас только что?

– Я был на камбузе, готовил еду, – сообщил Янус.

– Я был в рубке, – сказал Камау. – Проверить уровень топлива мне в голову не пришло, но как только я увидел показания приборов, то заглушил двигатели.

– Я... – промямлил Чанг, – ...пользовался удобствами.

Шоу, кашлянув, расправил плечи.

– Вообще-то я собирался постучать к вам в дверь и потребовать выдать мне доктора Уорнер. И теперь вынужден настаивать на этом требовании, особенно в свете сложившихся обстоятельств...

Дэвид надеялся, что кто-нибудь из ученых видел Камау, надеялся, что у того окажется алиби. Вэйлу отчаянно хотелось вывести его за рамки подозрений. Главными подозреваемыми для него были Шоу и Чанг – именно в таком порядке.

– Сдайте мне свое оружие.

– Я... безоружен...

– Я говорю не с вами, доктор Чанг, – Дэвид уставился на Камау и Шоу. Ни тот ни другой не шелохнулся.

– Дэвид, в Средиземном море есть пираты, – возразил Камау. – Мы должны быть вооружены...

– Это приказ.

Кивнув, Камау бросил взгляд на Шоу и протянул свой пистолет рукояткой вперед.

– Ну, мне вы приказывать не можете, и я не уступлю...

– Сдайте мне свое оружие, или я пристрелю вас на месте, Шоу. Можете рискнуть, – Дэвид подступил к нему еще на шаг, поднимая пистолет на уровень груди.

Чертыхнувшись, тот заворчал что-то под нос, но пистолет отдал. И направился прочь из салона.

– Вы останетесь здесь, все вы, – Дэвид кивнул Камау. – Принеси мне мою снайперскую винтовку и наши автоматы.

Он понимал, что ни Камау, ни Шоу оружие не потребуется, чтобы прикончить его или Кейт, но мысль, что им придется пойти в рукопашную, придавала Дэвиду чуть больше уверенности. Если дойдет до рукопашной с любым из них, в своих шансах Вэйл был вполне уверен.

*

Кейт напряженно пыталась расслышать, что творилось наверху. Время от времени слышались шаги, но никакой стрельбы не было. Добрый знак. Она уже подумывала, не покинуть ли ванную, чтобы достать спутниковый телефон и позвонить в «Преемственность». Ей хотелось выяснить, сколько времени у них в запасе, какова ситуация. И тут услышала, как замок наружной двери – двери каюты – со щелчком открылся.

Она хотела окликнуть Дэвида, но тут же прикусила язык. Вошедший человек пробирался через каюту, бесцеремонно обыскивая ее.

Послышался стук в дверь ванной.

– Кто...

– Это Дэвид.

Кейт с облегчением открыла дверь.

– Что случилось?

– Мы теряем топливо.

– Теряем?..

– Либо это чья-то диверсия, либо одна из пуль перебила топливопровод. Я думаю, все же диверсия, – Дэвид повел ее в каюту. В той все было перевернуто кверху дном.

– Что ты искал?

– Сейф, – он указал на настенный сейф с кодовым замком. Тот был закрыт, но портативный сейф поменьше – в котором могло храниться большое ожерелье – стоял распахнутым, и внутри лежали несколько стволов и магазинов. Дэвид закрыл его и отдал ключ Кейт. – Сейчас вооружены только мы с тобой. И больше никто. Нужно решить, что делать дальше. Будь начеку. Один из них – не тот, за кого себя выдает. Их дальнейшие действия могут выдать оборотня.

Глава 62

Где-то близ побережья Сеуты

Средиземное море

Дэвид отвел Кейт по лестнице на верхнюю палубу, где их дожидались остальные. Камау и Шоу были на ногах, беспокойно расхаживая из угла в угол; Чанг и Янус сидели и смотрели за окно.

Вэйл устремил взгляд на Камау.

– Сколько топлива у нас осталось?

– Меньше четверти бака.

– Надолго хватит?

– Зависит от скорости...

– До берега дотянем?

Камау замялся, заставив Дэвида занервничать.

– Если мы заделаем пробоину, думаю, да, но нет никаких гарантий, что на берегу удастся добыть топлива.

– Здесь мы неподвижная мишень, – заметил Шоу. – Этот шикарный лайнер – самая аппетитная приманка во всем Средиземном море. Пираты нагрянут через считанные часы, к рассвету уж наверняка.

Дэвиду хотелось ему возразить, но... это была правда. В постчумном мире для переживших первую вспышку и избежавших лап Иммари и Районов Орхидеи моря оказались куда безопаснее суши. Уйма народу пережидают чуму на судах, раскиданных по всему Средиземному морю. Выжившие могут ловить рыбу и собирать дождевую воду – в каких угодно количествах, если размер судна это позволяет. Стотридцатифутовая моторная яхта могла стать безупречной приманкой, притягательной для пиратов, как мед для мух.

Не дождавшись ответа Дэвида, Шоу продолжал:

– Кейт, мне нужно воспользоваться вашим спутниковым телефоном. Я устрою, чтобы мое правительство организовало нашу переброску отсюда по воздуху через считанные часы. Скоро мы будем в Лондоне. Там вы сможете продолжить свои исследования и, хочется надеяться, спасете многие жизни.

Чанг и Янус встали одновременно.

– Мы бы хотели к вам присоединиться...

– Никто никуда не полетит, – отрезал Дэвид.
– Мы проводили собственные исследования, – заявил Чанг.
– Какого рода? – поинтересовалась Кейт.
– Поиски лекарства, – пояснил Янус. – Мы были близки к созданию радикального лекарства – или, самое меньшее, альтернативы Орхидее. Мы работали втайне, замалчивая свои результаты от Иммари.
– Средство, которое вы дали Мартину, – предположила Кейт.
– Да, – подтвердил Чанг. – Это был наш последний прототип. Его эффективность далека от ста процентов, но попытаться все же стоит.
– Можно мне с тобой переговорить? – шепнула Кейт Дэвиду на ухо.

*

Спустившись палубой ниже, она обернулась к Вэйлу и категорически заявила:

– Ты знаешь, что Шоу прав.

Дэвид уставился за окно. Вариант Шоу – их лучший шанс. Брать Кейт обратно в Сеуту нельзя. Там все знают, кто она такая. То, что она стала брюнеткой, не обманет ровным счетом никого. А если весть о том, что она в Сеуте, разлетится, штурмовать базу ринется весь мир.

Дэвид задумался, что же будет делать в Лондоне он сам. Скорее всего, его объявили в розыск, но это он уж как-нибудь уладит.

Однако если Шоу убил Мартина, если он перерезал топливопровод, чтобы подстроить все это, то получится, что Дэвид сам поднес ему Кейт на блюдечке.

– Дай мне поразмыслить об этом, – буркнул Вэйл, по-прежнему не глядя на женщину.

– Дэвид, да о чем тут думать?! Поехали с нами.

– Просто... дай мне пару часов. Давай прежде починим судно.

Вэйл думал, что Кейт будет настаивать, но она на миг отвела глаза, а затем кивнула.

– А пока ты будешь этим занят, я хочу поработать с Чангом и Янусом. Хочу показать им записи Мартина. Они написаны шифром, взломать который мне не удалось.

Дэвид не мог не улыбнуться. В Джакарте Мартин отправил ему зашифрованное послание, которое и запустило всю цепочку событий последних месяцев. Старик пытался предупредить Дэвида, но ему и его команде не удалось вовремя расшифровать сообщение.

– Мартин обожал шифроваться, – Дэвид задумался над тем, что из этого вытекало. Это определенно должно было поспособствовать его делу: Кейт может продвинуться в работе над лекарством, пока он будет ломать голову, что же делать.

– Просто проследи, чтобы они не делали никаких телефонных звонков, – предупредил он.

*

Последний час Кейт провела, обсуждая записки Мартина с докторами Чангом и Янусом. Оба внимательно слушали, время от времени поднимая руки и задавая вопросы.

Когда доктор Уорнер закончила, они представили собственные исследования, но для начала вкратце рассказали о себе. Оба встали, когда их представляли группе.

Кейт подумала, что история доктора Чанга очень похожа на историю Мартина. Шень Чанг, доживший до шестидесяти одного года, вступил в «Иммари Рисеч» сразу же после медицинской школы. Он был влюблен в исследовательскую работу, в открывающиеся возможности, но скоро узнал правду об Иммари. На протяжении всей своей карьеры Чанг пытался положить конец самым страшным зверствам Иммари, но в конечном итоге, как и Мартин, оказался в западне и проиграл.

– Мне нужно кое-что вам сказать, доктор Уорнер. И я пойму, если вы после этого откажетесь работать со мной. Я был руководителем научной программы в комплексе Иммари в Кино. Я был на работе, когда вас поместили в Колокольный зал.

Последовало долгое молчание. Наконец Кейт сказала:

– Сейчас мы трудимся по одну сторону. Давайте сосредоточимся на насущной работе, на поисках лекарства.

– Мне бы очень этого хотелось. И еще одно. Вы... кажетесь мне очень знакомой. Я все думаю, не встречались ли мы.

Кейт взглядела в его лицо.

– Нет... не думаю.

– А... Ну что ж, память у меня уж не та, что прежде, доктор Уорнер.

– Зовите меня просто Кейт. Вы оба.

Когда Чанг закончил, своей историей поделился Янус. Доктор Артур Янус был эволюционным биологом и вирусологом,

интересовавшимся вирусной эволюцией – исследованиями мутаций и адаптации вирусов.

– Я был в командировке от Всемирной организации здравоохранения в Алжире, когда грянула чума, – поведал Янус. – Я едва выбрался. Добрался до Сеуты. Иммари отсортировали меня там и поместили на чумную баржу, назначив ассистентом доктора Чанга.

– Но с того момента как раз я играл роль ассистента, – рассмеялся доктор Чанг. – В нашей команде гений – это доктор Янус. Только благодаря ему мы добились прорыва.

Каждый принялся отнекиваться от заслуг.

После этого они описали свои исследования и свой подход. Кейт была просто потрясена. Эти люди подошли к чуме с другой стороны: искали сходные черты с эпидемиями прошлого и пытались найти кого-нибудь с природной сопротивляемостью болезни – скажем, вследствие генетической аномалии, обеспечившей иммунитет к чуме.

Янус приготовил чаю и раздал его всем, и теперь они сидели, прихлебывая горячий напиток и говоря по очереди. После того как каждый высказывался, все некоторое время молчали, обдумывая услышанное.

Напрямую несогласия никто не высказывал. Все это так мило, подумала Кейт. Благодаря непринужденной атмосфере коллегиальности сосредоточиться на работе, на гипотезах оказалось не в пример проще.

Но, несмотря на все эти любезности, работа над записками Мартина не продвинулась ни на йоту.

Сейчас они сфокусировались на одной странице, содержавшей некое подобие шифра:

ПИЕ = Иммару?

535...1257 = Второй Тоба? Новая система доставки?

Адам => Потоп/Падение А\$ => Тоба 2 => КБУ

Альфа => Пропущена Дельта? => Дельта => Омега

70 ТЛ => 12,5 ТЛ => 535...1257 => 1918...1978

Мутация Альфы – локализация традиции Атлантиды?

Гипотезы выдвигали и тут же коллективно их отбрасывали. Кейт начала опасаться, что запас свежих идей у них иссяк.

Время от времени из машинного отделения внизу доносился лязг, за которым неизменно следовала яростная перепалка Шоу и Дэвида. Она кончалась лишь после того, как Камау произносил своим низким баритоном один и тот же рефрен, перекрывавший хор проклятий и лязг: «Джентльмены, умоляю!»

Кейт гадала, останется ли что-нибудь от двигателя, когда они закончат.

В общем, все смахивало на кабацкую драку в трюме и книжный клуб на верхней палубе.

После очередного захода интенсивного грохота и последнего «джентльмены, умоляю!» со стороны Камау снизу поднялся Дэвид, перепачканный смазкой.

– Почти закончили, – сообщил он. – Но на этом хорошие новости заканчиваются. У нас недостаточно топлива, чтобы дотянуть до берега.

Кейт кивнула. Она уже обдумала план Шоу – обратиться за помощью к своему правительству, – но решила, что время для него еще не пришло. Дэвид был до сих пор на взводе. А что делать, если нагрянут пираты? Сбегать в свою каюту, раздать оружие и уповать на то, что удастся дать отпор? И что убийца Мартина во время перестрелки не поймают на мушку ее или Дэвида?

Дэвид направился к камбузу – наверное, чтобы помыться.

Янус поставил свою чашку.

– Больше всего меня озадачивает вот этот момент – «ПИЕ = Иммару?» Прямо союз математических констант с культурологией. Может, оно должно сбить со следа злонамеренных читателей? Этакая маскировка. Мы должны подумать, не пропустить ли его...

– Что вы сказали? – переспросил Дэвид, появляясь с камбуза.

– Я...

Вэйл схватил листок с шифром Мартина рукой, испачканной в смазке. Кейт попыталась выхватить листок.

– Дэвид, ты его пачкаешь...

– Ты знаешь, что это означает? – спросил тот у Кейт.

– Нет. А ты?
– Да.
– Что именно?
– А всё. Я знаю, что означает это всё. Это не научные пометки.
Это исторические ссылки.

Глава 63

Где-то близ побережья Сеуты

Средиземное море

Посмотрев на Кейт и двоих ученых, Дэвид перечитал шифр Мартина.

ПИЕ = Иммару?

535...1257 = Второй Тоба? Новая система доставки?

Адам => Потоп/Падение А\$ => Тоба 2 => КБУ

Альфа => Пропущена Дельта? => Дельта => Омега

70 ТЛ => 12,5 ТЛ => 535...1257 => 1918...1978

Мутация Альфы – локализация традиции Атлантиды?

Прав ли он? Да, Дэвид ничуть в этом не сомневался. Но начнет он не с первой части – уж больно она... фантастическая, чтобы поверил даже он сам.

– Ты не хочешь вымыть руки? – взмолилась Кейт.

– Это не Великая хартия вольностей... – Дэвид опустил страницу.

– Для меня – великая. И она может содержать ключ к поиску средства против чумы.

В этот момент Дэвиду пришло в голову, что она мила, как никогда. Кейт сидела в белом клубном кресле в шикарном салоне верхней палубы, двое других ученых сидели рядом на смежной кушетке. На

кофейном столике перед ними стояли три белые фарфоровые чашки, наполненные красно-коричневым чаем. Вся эта сцена выглядела гротескной, будто посиделки после сытной трапезы в пентхаузе в Дубае.

Вернув страницу, Дэвид вернулся на камбуз и намылил руки, продолжая думать о шифре. Да, он прав. Снизу, из машинного отделения, время от времени доносился стук и лязг. Шоу и Камау почти закончили работу. А что потом? Дэвиду предстояло продумать следующий шаг. У его решения будет критическая роль, и он чувствовал лежащее на плечах бремя. Стоит ему ошибиться, и он сыграет на руку тому, кто убил Мартина и вывел из строя судно...

Вэйл вернулся в салон.

– Ребят, вы вправду не знаете, что все это значит? Вы не водите меня за нос?

– Нет.

Ученые скептически посмотрели на него, и Дэвид не удержался от улыбки.

– Вы хотите сказать, что навалились на шифр всем своим ученым миром, но понадобился ваш недостойный слуга, студент-недоучка, не дотянувший до степени доктора философии, чтобы распутать эту головоломку?

– Я не знала... В самом деле, доктора философии...

– По европейской истории в Колумбийском...

– А почему ты бросил учебу? – поинтересовалась Кейт. Скептицизм ее явно пошел на убыль.

– По... по состоянию здоровья. В сентябре две тысячи первого года.

Вообще-то оказаться погребенным под зданием после террористической атаки и год провести на физической реабилитации – не слишком типичное «состояние здоровья», но Дэвид не знал, как еще это описать. Тот день перевернул всю его жизнь, его карьеру. Он тотчас же отказался от академической жизни, но так и не отрекся от своей любви к истории.

– А, верно... – тихонько проронила Кейт.

– Я же говорил тебе, что люблю историю, – Дэвид не был уверен, что она припомнит слова, давным-давно сказанные им в Джакарте.

– Да, говорил, – все еще мрачно произнесла Кейт.

Вэйл помедлил секундочку, чтобы собраться с мыслями. Его гипотеза сводилась к тому, что шифр представляет собой схематическое представление об истории человечества, ее главных поворотных точках. Но... начнет он с того, в чем совершенно уверен.

– Первым делом о главном: ПИЕ – вовсе не Пи, помноженное на Е, и вообще не имеет отношения к математике. Это этническая группа.

На него смотрели с полнейшим непониманием.

– ПИЕ означает «протоиндоевропейцы». Они якобы были одной из важнейших древних групп в мировой истории.

– Прото... – начала Кейт. – Ни разу о них не слышала.

– Я тоже, – подхватил доктор Чанг.

– И я таких не знаю, – поддержал их доктор Янус.

– Они не очень хорошо известны. Ирония в том, что они являются прародителями практически каждого жителя современной Европы, Ближнего Востока и Индии. Фактически говоря, половина мирового народонаселения являются

прямыми потомками

протоиндоевропейской группы.

– Откуда вы знаете? – подался вперед Янус. – Генофонд...

Дэвид остановил его поднятой ладонью.

– У нас, историков, есть другой инструмент, ничуть не менее важный, чем генофонд. Он передается из поколения в поколение. Мы можем отмечать в нем изменения с ходом времени и отслеживать его распространение по миру, его изменения в разных местах.

Ни один из троих ученых не попытался даже высказать догадку.

– Язык, – пояснил Дэвид. – Мы знаем, что почти каждый обитатель Европы, Ближнего Востока и Индии говорит на языке, произошедшем от общего исконного языка – протоиндоевропейского, на котором говорила единственная группа – протоиндоевропейцы – около восьми тысяч лет назад. Мы полагаем, что эти люди жили либо в Анатолии, либо в евразийских степях – нынешней Турции или Юго-Восточной России.

– Занимательно... – пробормотал Янус, поглядывая в окно.

– Дэвид, это интересно, но я никак не возьму в толк, при чем здесь чума? – деликатно заметила Кейт.

Янус глянул на Дэвида, потом на Кейт.

– Согласен, но лично я бы предпочел услышать об этом побольше.

Дэвид одарил Кейт взглядом, красноречиво гласившим: «Ну, хотя бы кто-то здесь меня ценит».

– У меня два вопроса, – продолжал Янус. – Первый: откуда вы знаете, что сказанное соответствует истине?

– Ну, мы даже не догадывались о ПИЕ до тысяча семьсот восемьдесят третьего года, когда британского судью по имени Уильям Джонс откомандировали в Индию. Джонс был блестящим ученым и лингвистом, знал греческий и латынь и принялся изучать санскрит – главным образом, чтобы познакомиться с исконными индийскими законами, многие из которых были написаны на санскрите. Джонс сделал замечательное открытие: санскрит и древние западные языки оказались смутно похожими. Это было совершенно неожиданно. Продолжая сравнивать санскрит, греческий и латынь, Джонс сообразил, что все они происходят от одного древнего языка. Это три языка, разделенные тысячами миль и тысячами лет развития, и все же они развились от общего корня, который мы теперь зовем протоиндоевропейским языком. Джонс был настоящим ученым и принялся раскапывать эту загадку вглубь. Открытие его шокировало. Другие языки тоже оказались протоиндоевропейскими, и не только мертвые, но и все крупные коренные языки на просторах от Индии до Великобритании. Латынь, древнегреческий, древнескандинавский, готский – все они произошли от протоиндоевропейского языка. Список современных языков весьма обширен. Все германские языки, включая норвежский, шведский, датский, немецкий, английский...

Янус поднял руку и негромко проговорил:

– Вы не будете столь любезны, чтобы уделить нам еще минуточку, я бы хотел услышать побольше о ПИЕ. Вы сказали, от него произошли и другие языки?

– О да, уйма. Все романские языки – итальянский, французский, португальский, испанский... посмотрим... все славянские языки – русский, сербский, польский... Что еще... балканские языки. Конечно, греческий; греки были потомками ПИЕ. Санскрит, как я упомянул; хинди, фарси, пушту. А еще была уйма вымерших языков ПИЕ: хеттский, тохарский, готский... Говоря по правде, ученые, работая ретроспективно, смогли даже реконструировать

протоиндоевропейский язык. И это фактически является фундаментом всего, что нам известно об этих предках. У них были слова, обозначающие лошадь, колесо, земледелие, животноводство, снежные пики гор и небесного бога... – Дэвид помолчал, не зная, что еще добавить. – В общем, мы знаем, что ПИЕ были крайне высокоразвиты для своего времени – то, что они обладали лошадьми, колесами, орудиями и сельским хозяйством, делало их влиятельной силой в регионе, и их потомки завоевали мировое господство от Европы до Индии. Как я уже сказал, сегодня примерно половина планеты говорит на протоиндоевропейских языках. Во многих смыслах они являют собой утерянную цивилизацию. – Дэвид снова остановился, потом посмотрел на Януса. – Вы сказали, у вас два вопроса?

Янус пребывал в глубоких раздумьях. Через секунду он понял, что все в комнате его ждут.

– Ах, да. Я... хотел бы знать... где они сейчас.

– Вот это настоящая загадка. Мы даже толком не знаем, где искать. Все, что нам о них известно, основано на реконструкции языка и мифах, а именно мифологии, которую они передали потомкам вместе со своим языком. Таков инструментарий историка – язык, предания и артефакты. В данном случае артефактов не так уж много, только их язык и мифы.

– Мифы? – переспросил Янус.

– Здесь мы опять-таки реконструируем прошлое, исходя из общих для всех культур мифов – в ряде случаев один и тот же рассказ появляется с незначительными изменениями. Само собой, имена меняются, но структура повествования та же самая. Одним из них является вера, что было два прародителя человечества – братья, в некоторых случаях двойняшки или даже близнецы. Для индусов это Ману и Йемо; у германцев есть предания о Маннусе и Имире. Эти мифы со временем были вплетены в историю. Для римлян это Рем и Ромул; для иудеев – Каин и Авель. Другой общий миф – о Великом Потопе – появляется в том или ином виде в каждой культуре ПИЕ. Но самое ошеломительное, что самый общий миф – об эпическом сражении, которое кончается гибелью змея, обычно в виде какого-нибудь дракона.

– Похоже, у доктора Грея были какие-то догадки по поводу того, кем являлись ПИЕ, – Чанг приподнял листок. – Что это означает: ПИЕ

= Иммару? Я не знаком с Иммару.

Дэвид поглядел на Кейт. «Сказать им?»

Та не колебалась.

– Иммару – это группа монахов в Тибетских горах, скорее всего, прекратившая свое существование. После инцидента в Китае, где Дэвид едва не погиб, они спасли нас.

Чанг поморщился, и Вэйл подумал, что он скажет что-нибудь – например, попросит прощения, – но Кейт продолжала:

– Я говорила с несколькими монахами. Самый юный – Мило – ухаживал за нами, а старый монах Цянь показал мне древний артефакт – гобелен. Он верил, что это исторический документ, передававшийся из поколения в поколение на протяжении многих тысячелетий. На нем изображены четыре потопа. Первым был огненный потоп; полагаю, речь шла о катастрофическом извержении Тоба, произошедшем семьдесят тысяч лет назад и изменившем человеческий вид. Гобелен показывал, как бог спасает умирающую группку людей. Бог дал им свою кровь. Полагаю, это изображение являлось аллегорией, символизирующей генную терапию, которую атлант провел этим умирающим людям. Этот ген – ген Атлантиды – помог крохотной группке людей пережить последовавшую вулканическую зиму.

Доктор Чанг энергично закивал.

– Это соответствует предположению Иммари, что ген Атлантиды был введен семьдесят тысяч лет назад и что он вызвал изменения в мозговых связях – катаклизм, поставивший человеческий род в сторону от прочих гомининов.

– Цянь также сказал мне, что на самом деле Иммари – это группа раскольников из числа Иммару, фракция монахов, отделившаяся тысячи лет назад. Иммари надоели аллегории и миф. Они хотели искать ответы в науке и археологии, – сообщила Кейт.

– Может, и так, но никаких комментариев я дать не могу, – поведал доктор Чанг. – Я не поднимался по служебной лестнице достаточно высоко, чтобы узнать настоящую историю Иммари. Ее надежно стерегли и присвоили ей собственный мифологический статус. Доктор Грей должен был знать историю – он являлся членом Совета, одним из трех верховных руководителей. Вы думаете, именно поэтому он включил пометку об Иммару и ПИЕ? Они имеют какое-то отношение к чуме?

Кейт поразмыслила над вопросом.

– Я знаю, что Мартин что-то искал. Он сказал мне: «Я думал, они здесь, в Южной Испании, но я заблуждался». Может, он пытался проследить историю Иммару и протоиндоевропейцев, чтобы найти предмет... Может, он у них, – тут ей в голову пришла другая мысль. – У Иммару есть кое-что – ковчег. Второй потоп, изображенный на гобелене, изображал наводнение. В нем бог возвращается и велит людям смириться и двигаться в глубь суши, но многие отказались, проигнорировав предупреждения. Однако Иммару блюли веру. Они вняли предупреждению и отнесли большой ковчег в горы.

– Что было внутри? – спросил Дэвид.

– Я не знаю...

– И не спросила?

– Цянь не знал.

– Ну... как он выглядел?

– Большой простой ящик, который они несли на шестах.

– А что было на остальной части гобелена? – Дэвид надеялся, что это прольет немного света на шифр Мартина. Первые два изображения подтвердили догадку Вэйла. Он приблизился к тому, чтобы разгадать сообщение.

– Третьим потопом был кровавый. Глобальный апокалипсис. Четвертым – потоп света. Наше спасение. Цянь сказал, что эти события еще не произошли.

– Ты думаешь, чума и есть кровавый потоп? – спросил Дэвид.

– Полагаю, да.

– Ты говорила Мартину о гобелене?

– Да.

Дэвид кивнул.

– Гобелен – это хронология. Она ведет летопись главных поворотных пунктов в человеческой истории. Я считаю, что шифр – тоже летопись, временная шкала, которую Мартин создавал, чтобы расшифровать гобелен и выявить специфические события прошлого – события, играющие ключевую роль в поисках лекарства от чумы.

– Любопытно, – пробормотала Кейт.

– Bravo! – похвалил Янус.

– Поддерживаю, – подхватил Чанг.

Дэвид откинулся на спинку кресла. Именно такова была цель Мартина, теперь он в этом не сомневался. Неразгаданной осталась другая тайна: кто убил его и почему? Это сделал кто-то из людей на судне. Не один ли из ученых – ради исследований Мартина?

Топот по тонкому ковру прервал его раздумья, и, обернувшись, Дэвид увидел Шоу, влетевшего в комнату.

– Мы готовы. Надо принять решение... – Он окинул комнату взглядом, впервые обратив внимание на присутствующих. – Что за чертовщина? Долбаная чайная церемония?

– Мы обсуждаем записи Мартина, – Кейт указала на листок на кофейном столике.

Шоу схватил его.

Бросившись следом, Дэвид выхватил листок из рук Шоу.

– Не надо. Ты его испачкаешь.

И положил страничку обратно на столик. Выражение лица Кейт говорило: «Трудно вести дела с варварами, не так ли?»

– Вы что, издеваетесь?! – вспылил Шоу. – Мы посреди...

Дэвид медленно повернул голову к нему, готовясь к схватке, но тут его внимание привлекло призрачное мерцание на горизонте. Мгновение он вглядывался, потом встал и подошел к окну. Да, огни в ночи. Судно. Даже два. И идут прямым курсом сюда.

Глава 64

От Тибета до Тель-Авива

Сбросив тяжелый рюкзак, Мило подошел к краю скального уступа. Девственно зеленое плоскогорье в Западном Тибете раскинулось до горизонта, где другой горный кряж вознесся навстречу заходящему солнцу. Безмятежный живописный пейзаж напомнил ему монастырь. В памяти тут же всплыли картины и события, пережитые там. Иного дома он и не знал. Он стоял на другом скальном уступе, глядя, как внизу деревянные здания пылают, рушатся и катятся под гору, оставляя после себя лишь обугленные подпалины на поверхности скал...

Мило прогнал эту сцену из головы, отказываясь думать о ней. В памяти эхом прозвучали слова Цяня: «Разум, обитающий в прошлом,

строит темницу, исхода из которой нет. Управляй своим разумом, или он будет управлять тобой, и ты никогда не пробьешься сквозь стены, которые он возводит».

Очистив сознание, Мило вернулся к рюкзаку. Он разобьет лагерь здесь, чтобы снова тронуться в путь, едва забрезжит рассвет, как делал день за днем до этого. Достал палатку, а затем ловушки для животных и карту, с которой сверялся каждый вечер. Он думал, что находится где-то близ области Кашмир в Северной Индии или Пакистане, а может, где-то на востоке Афганистана, но в действительности не представлял, где находится, и не видел ни одной живой души, так что и спросить было не у кого. Цянь оказался прав: «Ты пройдешь долгий и одинокий путь. Но у тебя будет все, в чем ты нуждаешься».

На каждый из вопросов Мило Цянь быстро находил ответ. Пища? «Твари лесные будут единственными твоими спутниками, они же тебя и пропитают». Углубившись в лес, как и во все прежние вечера, Мило принялся расставлять силки. По пути он подкреплялся орехами и ягодами. Обычно он потреблял достаточно, чтобы поддержать энергию до богатого животным белком завтрака.

Когда силки были заряжены, он поставил палатку, расстелил одеяло, сел и сосредоточился на дыхании, ища внутренний покой. Мало-помалу тот пришел, и воспоминания и мысли покинули сознание. Мило смутно осознавал, что солнце закатилось за дальний хребет, накинув на гору завесы тьмы.

Вдали послышался щелчок одной из расставленных им ловушек. Завтрак теперь обеспечен, уж это наверняка.

Мило забрался в палатку, где в углу ожидали два последних предмета, которые дал ему Цянь. Две книги. Первая была озаглавлена «Гимны умирающего», но, к изумлению Мило, внутри не оказалось никаких песен, только три незатейливых рассказа.

Первый повествовал об отце, пожертвовавшем собой ради спасения дочери. Второй – о мужчине и женщине, которые странствовали через бескрайнюю пустыню, чтобы отыскать сокровище, оставленное им предком и воплощавшее единственную надежду на исцеление своего умирающего народа. В последней части был рассказ о незнатном человеке, сразившем великана и ставшем царем, но отрешившемся от власти, дабы вернуть ее народу.

«Эта книга – наставление к нашему будущему», – указал Цянь на книгу.

Мило пребывал в нерешительности. «Как же можно написать будущее?»

«Оно записано в нашей крови, Мило. Война всегда одна и та же, меняются только имена и места. На сей земле есть демоны. Они живут в наших сердцах и умах. Это история нашей борьбы, хроника прошлой войны, коей суждено повториться. Прошлые и наша природа предупреждают наше будущее. Прочти ее. Выучи хорошенько».

«А экзамен будет?»

«Будь серьезен, Мило. Жизнь – экзамен, который мы сдаем каждый день. Ты должен быть бдителен. Ты должен оказаться в нужном месте, когда в тебе будут нуждаться».

«Кто?»

«Ты встретишь их довольно скоро. Они доберутся сюда и будут нуждаться в нашей помощи и сейчас, и еще больше – в будущем. Ты должен быть готов».

Мило поразмыслил минуту об услышанном. Почему-то это взволновало его. Он ощутил, что наполняется чувством своего предназначения. «Что я должен делать?»

«Их преследует большой дракон. Передышка их будет краткой. Дракон отыщет их и дохнет на нас огнем. Ты должен построить небесную колесницу, дабы та унесла их прочь. Они должны выжить».

«Погодите, так есть дракон? Он летит сюда?!»

«Мило, это метафора, – покачал головой Цянь. – Я не знаю, что придет, но мы должны быть готовы. А ты должен снарядиться в путешествие после этого».

Следующие недели Мило посвятил постройке корзины – для колесницы, которая унесет этих людей прочь от дракона. Он думал, это лишь отвлекающий ход, выдуманный Цянем, чтобы Мило отвлекся, занявшись делом, и не приставал к старшим монахам. Но потом они явились – доктор Кейт и мистер Дэвид – в точности как и предсказывал Цянь. Мистер Дэвид был точь-в-точь как при первой встрече – на пороге смерти. Но доктор Кейт исцелила его.

Второе предсказание Цяня тоже сбылось. Дракон прилетел по воздуху, изрыгая пламя, и доктор Кейт с мистером Дэвидом едва ускользнули. Мило снова оказался на вершине горы, глядя на корзину,

которую построил. Она свисала с громадного воздушного шара, одного из множества, что уплывали к горизонту, прочь от пылающего внизу монастыря. Старые монахи ведали, о чем толкуют. Они взяли только одного юного монашка – Мило. Они не стали убегать от своей участи. «Так написано», – сказал Цянь. Но кто это написал?

Мило открыл вторую книгу – «Первые племена человечества. История». Эту книгу он понимал еще меньше. Она была написана на древнем языке, который Цянь заставил его выучить. Мило с восторгом выучился английскому, но это был совершенно другой язык – куда более трудный. А текст... что же он означает?

«Твое странствие начнется, когда ты узнаешь ответ», – говорил Цянь.

«Если вы знаете ответ, почему бы просто не сказать мне? – с улыбкой спросил Мило. – Мы могли бы сэкономить время, и я бы поскорее улетел на шаре...»

«Мило! – Цянь устало оперся о стол. – Странствие и есть цель. Поиск ответов, достижение понимания и есть часть твоего странствия. И срезать путь никак не удастся».

«А-а, понятно».

Ко времени, когда Мило добрался до того, что осталось от Тель-Авива, он думал, что постиг книги. Он изменился – из-за того, что повидал, из-за того, что делал, чтобы выжить.

Послушник нашел рыбацкий баркас, который, как ему показалось, мог бы его взять.

– Чего тебе надо, малец?

– Подвезти, – ответил Мило.

– Куда направляешься?

– На запад.

– Есть что дать в обмен?

– Только свою готовность усердно трудиться. И... величайшую историю, которую ты когда-либо слышал.

Рыбак с подозрением оглядел его с головы до ног.

– Ладно, забирайся на борт.

Глава 65

Где-то близ побережья Сеуты

Средиземное море

Дэвид вглядывался в две цепочки огней на воде еще добрую секунду, а потом крикнул:

– Камау!

Через считанные мгновения высокий африканец, блестящий от пота и смазки, появился в салоне.

– Заводи, – велел Дэвид.

– Куда? – воскликнул Шоу.

Вэйл обернулся к нему.

– Гаси весь свет на судне, – а Камау он сказал, указывая за окно: – Давай прочь от этих огней. На полном ходу.

– Иисусе! – буркнул Шоу, выбегая из салона. Огни на борту начали гаснуть один за другим.

Взяв в рубке бинокль, Дэвид навел его на огни над водой. Но едва навел на фокус, как суда погасили огни. В лунном свете Вэйл не мог различить на бортах никаких опознавательных знаков, не мог даже определить тип судов, но одно казалось несомненным: они погасили огни в ту же секунду, что и Шоу у них на борту.

Дэвид почувствовал, как яхта рванула вперед.

– Они погасили огни... – сообщил Шоу, вернувшись в салон.

– Я видел.

– Они преследуют нас.

Проигнорировав его, Дэвид сказал Камау, который стоял в дверях:

– Принеси карту. И отметь наши координаты.

– Дай мне сделать звонок, Дэвид. Мое правительство может вытащить нас отсюда по воздуху. Это наш единственный выход. И ты это знаешь, – заявил Шоу.

Вернувшись с картой, Камау расстелил ее на кофейном столике, накрыв записки Мартина, и указал на точку в воде между Испанией и Марокко:

– Мы здесь.

Дэвид лихорадочно соображал.

– Отлично, – с напором заявил Шоу. – Я скажу. Мартина убили.

Взгляды всех присутствующих обратились на него.

– Мы все это знаем. В этой комнате три доктора и три солдата; мы все прекрасно знаем, что он был убит. И убил его один из нас. Это не я и не Кейт. Так что я предлагаю следующее: Кейт запрется в хозяйской каюте со всеми стволами. А мы, пятеро джентльменов, останемся здесь на верхней палубе до прибытия бойцов САС. Это гарантирует безопасность Кейт. – Он подчеркнуто уставился на Дэвида. – Что является для нас первоочередной задачей, как я понимаю.

Язык телодвижений Кейт, пусть и едва заметных, сообщил Дэвиду: «Недурная идея». Идея

действительно

была недурна, если только Шоу можно доверять. Но если Мартина убил он, эта же затея превращается в безупречную западню. Разоружи каждого, позвони своему работодателю – и бери Кейт голыми руками.

– А это что? – указал Дэвид на крохотную точку на карте.

– Остров Альборан, – сообщил Камау.

– Ты в Сеуте говорил, что Иммари взяли острова Средиземного моря под свой контроль.

– Да. Альборан тоже. Это маленький аванпост.

– Насколько маленький?

– Крошечный. Весь островок по площади не наберет и десятой части квадратного километра. Где-то... акров пятнадцать-двадцать. Там есть маяк с казармой, гарнизон – человек шесть. Вертолетная площадка с двумя большими вертолетами. Обороны почти никакой... – Тут он словно прочел мысли Дэвида. – Но... захватить его силами всего двух человек будет затруднительно, – он почти непроизвольно стрельнул глазами на Шоу.

– Система обороны? – осведомился Дэвид.

– Имеется. Несколько постоянных огневых точек. Придется нащупывать. Аванпост служит главным образом для воздушной поддержки кораблей Иммари, попавших в беду, – спасательные операции, отпор пиратам.

– Вертолеты дальней дистанции?

– Да, определенно. Была дискуссия, не отрядить ли их на поддержку вторжения в Южную Испанию, но решили не трогать.

Дэвид кивнул. Если удастся захватить аванпост на Альборане, долететь можно будет куда угодно.

– Шутите?! – наконец не выдержал Шоу. – У вас есть возможность убраться отсюда по воздуху, а вы выбираете атаку на аванпост Иммари? Это же нелепо.

Дэвид сложил карту.

– Так и поступим. Это не дискуссия, – он вручил карту Камау. – Проложи курс.

Шоу стоял как громом пораженный.

– Дэвид... – начала Кейт.

Вэйлу было достаточно одного лишь ее вида «мне надо с тобой поговорить». Он последовал за Кейт в каюту.

Она аккуратно прикрыла за ним дверь.

– Извини, но я думаю, мы должны...

– Я хочу, чтобы ты верила мне, Кейт. Позволь мне это сделать, – Дэвид застыл в ожидании.

Она медленно кивнул.

– Ладно.

– Мы доберемся до Альборана часов за пять, если только преследователи не нагонят нас раньше. Нужно понять, кто убил Мартина, прежде чем мы окажемся там.

– Согласна. Но я хочу, чтобы прежде мы разгадали остаток шифра Мартина, а потом я позвонила бы в «Преемственность» и передала, что мы выяснили. Если... на Альборане произойдет что-нибудь скверное, то хотя бы результаты наших исследований будут у них. Надеюсь, они найдут лекарство.

Это были условия ее сделки: Дэвид поможет ей в работе над лекарством, а она поддержит его план – и доверится ему. Взаимообмен, компромиссы, доверие. Это перерастает в настоящие отношения. «В этом я знаю толк. Это мне нравится».

– Ладно, – кивнул Вэйл.

*

Дориан перекатился по кровати.

– Войдите!

Дверь каюты открылась, и туда бочком протиснулся сконфуженный матрос с запечатанным конвертом в руке.

Выхватив его, Слоун вскрыл конверт.

Где вы, черт возьми?

Уорнер почти взломала шифр.

Следуем на остров Альборан.

Расч. вр. 5 часов.

Будьте там.

Будьте готовы.

Глава 66

Средиземное море

Когда Дэвид и Кейт вернулись в салон, двое ученых дожидались их, сидя рядом на белой кожаной кушетке. Лица их казались безмятежными, словно мир не умирал от глобальной пандемии, а их самих не обвинили только что в убийстве. Дэвид не мог не подивиться им, даже не зная, завидует он или искренне восхищается их самообладанием.

– Мы готовы продолжить. Конечно, если вы настроены, – сказал Янус.

Кейт и Дэвид уселись в клубные кресла возле кушетки.

Теперь обшитую деревянными панелями, сверкающую стеклом и хрусталем комнату освещали лишь три свечи на кофейном столике, и обстановка научной конференции сменилась легкомысленным настроением вечеринки с ночевкой.

Дэвид перевернул листок с шифровкой Мартина на кофейном столике лицом к остальным, словно доску уиджи.

[5]

Все уделили минутку, чтобы перечитать запись.

ПИЕ = Иммару?

535...1257 = Второй Тоба? Новая система доставки?

Адам => Потоп/Падение А\$ => Тоба 2 => КБУ

Альфа => Пропущена Дельта? => Дельта => Омега

70 ТЛ => 12,5 ТЛ => 535...1257 => 1918...1978

Мутация Альфы – локализация традиции Атлантиды?

– Несколько вещей по-прежнему ставят меня в тупик, – сказал Дэвид. – Я считаю, что первые две строки – просто заметки, одна о ПИЕ. Как уже обсуждалось, я уверен, что Мартин считал, будто Иммару и есть ПИЕ – протоиндоевропейцы – или, по меньшей мере, их потомки. В другой заметке упоминаются события в пятьсот тридцать пятом году и в тысяча двести пятьдесят седьмом. Я знаю, что это, и через минутку объясню. Затем три строки хронологии – шкалы времени, охватывающие и сопоставляющие события с тибетским гобеленом, который Кейт видела в монастыре Иммару. Но я считаю, что хронология Мартина может быть неполной. Давайте пройдем ее шаг за шагом.

Дэвид указал на слово «Адам».

– Адам, Альфа, семьдесят ТЛ.

– В исследованиях, – пояснила Кейт, – альфа означает первого индивидуума в клинических испытаниях – первого получившего экспериментальную терапию.

– Да, – сказал Дэвид. – Я думаю, «Адам» и есть первый человек, получивший ген Атлантиды. Это событие в гобелене потопа огня – и первое важное событие в хронологии Мартина. Далее идет «Потоп, Падение А\$», двенадцать с половиной тысяч лет назад. Я считаю, А\$ – сокращенно Атлантида. Итак, «Потоп, падение Атлантиды». Когда я был в сооружении атлантов в Гибралтаре, то обнаружил помещение с некоторым количеством... голофильмов. Я считаю, что они показывали это событие – падение Атлантиды у подножия Гибралтарской скалы. В фильме корабль атлантов парил чуть выше

воды, а потом сел на берег неподалеку от доисторического мегалитического сооружения. Из корабля вышли двое атлантов в скафандрах и прервали доисторический племенной ритуал, спасая неандертальца. Как только они вернулись на корабль, приливная волна погнала его на сушу, уничтожив древний город. А когда вода потащила корабль обратно в море, его потрясли взрывы, уничтожив корабль.

– Где он и лежал погребенным почти тринадцать тысяч лет, до тысяча девятьсот восемнадцатого года, когда мой отец помог Иммари отыскать его, – сказала Кейт.

– Именно. Меня озадачивает пометка «Пропущена Дельта?»...

– Дельта означает изменения, – заметила Кейт. – «Пропущена Дельта»... Значит, изменений не было?

– Если мы сопоставим фрагменты шифра Мартина, гобелен и то, что я видел в ту ночь в Гибралтаре... В первых двух наводнениях на гобелене атланты взаимодействуют с людьми непосредственно. Спасают их или предупреждают. Это подразумевает непосредственные взаимоотношения.

Кейт откинулась на спинку кресла.

– А что, если атланты каким-либо образом направляли человеческую эволюцию? Как в эксперименте с периодическим вмешательством – и это вмешательство не произошло двенадцать с половиной тысяч лет назад из-за взрыва корабля – падения Атлантиды.

– Полагаю, так Мартин и думал, – в этот момент Дэвид сообразил, что у него может быть и другой фрагмент головоломки.

В Антарктиде, когда Вэйл оказался в трубе, атлант выпустил Дориана первым – дал ему фору. Атлант наблюдал, как Дэвид и Дориан сражаются насмерть, словно знал исход заранее и просто ждал, когда победит его ставленник – Дориан.

В Антарктиде Дэвид умер во второй раз. Но, в отличие от первой смерти, он возродился уже в другом месте. Вэйл очнулся в сооружении атлантов в Гибралтаре – в секции возле базы Джебель-Муса в Марокко. Кто-то заставил его возродиться там. Еще один атлант? Дэвид заметил второй поврежденный скафандр на полу камеры воскрешения. Попытался вспомнить голофильм. Во время событий ни один скафандр не оказался поврежден, в этом он был уверен.

И все же факт оставался фактом: другой атлант возродил Дэвида – после того как Дориан и атлант в Антарктиде убили его.

Другая фракция? Один явно хотел его смерти. Другой спас.

Теперь Вэйл уверился в двух вещах: во-первых, что атланты ведут некое подобие гражданской войны. А во-вторых, что он ни в коем случае не скажет ни Кейт, ни двум другим ученым, что с ним стряслось.

– У меня есть гипотеза, – восторженно воскликнул Дэвид. – Мне кажется, то, чему я стал свидетелем – катастрофа Атлантиды, – не являлось природным феноменом. По-моему, это было нападение.

– Чье? – спросил Чанг.

– Не знаю, – ответил Вэйл. – Но что, если существовали две фракции атлантов или нашелся предатель, устроивший на корабле диверсию, которая прервала какое-то вмешательство? В смысле, окиньте широким взглядом историю человечества. Все крупные дела произошли за последние тринадцать тысяч лет – сельское хозяйство, города, письменность, да что ни назови! Народонаселение в этот же период стремительно выросло. Это совпадает с концом ледникового периода и наступлением тепла, но...

– Я нахожу вашу гипотезу «пропущенного вмешательства» интригующей, – подался вперед Янус. – Однако вижу в ней одну прореху. Следующий шаг в хронологии: «Пятьсот тридцать пять... тысяча двести пятьдесят семь, Тоба два, Дельта» – это означает, что изменения произошли тогда – то есть недавно. А судя по видео, о котором вы упомянули, корабль был уничтожен.

– Я думаю, те два атланта должны были погибнуть в Гибралтаре, – кивнул Дэвид. – Это единственное напрашивающееся объяснение. Думаю, тот, кто их убил, способствовал перемене в пятьсот тридцать пятом году.

Янус кивнул.

– Что ведет меня к заключению: если некие атланты вмешались в пятьсот тридцать пятом году – очередная дельта, как вы говорите, – где же они? Если они в состоянии управлять человеческой эволюцией, где же они прячутся?

Дэвид поразмыслил над вопросом. Ответа он не нашел, и, по правде говоря, вопрос оказался очень хорош. Факт был в том, что он накидал столько идей, что теперь поневоле встал в оборонительную позицию, словно должен набрасывать все новые и новые возможности,

лишь бы подкрепить свои догадки. Дэвид почувствовал, что немного напрягся, словно готовился к сражению.

Доктор Чанг поставил чашку на стол.

– Я тоже считаю этот вопрос обоснованным. Однако я хотел бы услышать больше о фактическом событии – Тоба два, разыгравшемся в пятьсот тридцать пятом – или в тысяча двести пятьдесят седьмом году? Может, доктор Грей сомневался в дате?

Вопрос отрезвил Дэвида, заставив его собраться с мыслями.

– Нет. Не думаю. По-моему, это начало и конец периода, отмеченного двумя специфическими событиями.

– Какого периода? – поинтересовался Янус.

– Темные века в Европе.

– А эти два... события?

– Вулканы и чума, – поведал Дэвид. – Одно послужило толчком к Темным векам, а второе вывело Европу из них. Есть весомые свидетельства, что первая вспышка – в пятьсот тридцать пятом году – была связана с мощным извержением вулкана близ горы Тоба в Индонезии. – Он на секунду задумался. – Можно считать это своего рода

Второй катастрофой Тоба

– Я бы услышала о Второй катастрофе Тоба, – вставила Кейт.

Дэвид улыбнулся. И это он говорит ей о вулкане, предрешившем участь человечества.

– Эта гипотеза не является общепринятой, – эхом повторил он ее же слова, сказанные в Джакарте, когда она впервые поведала ему о гипотезе катастрофы Тоба.

– Тушэ, – признала Кейт.

– Вот что нам известно: в пятьсот тридцать пятом году средняя температура по всей планете резко снизилась. Мы говорим о зиме продолжительностью восемнадцать месяцев – суровой, трудной зиме почти без проблеска солнечного света. Так она описывается в исторических документах. Это фактически самое суровое климатическое явление в документированной истории. В Китае снег выпал в августе. По всей Европе посевы погибли, и воцарился голод.

– Вулканическая зима.

– Да. Об этом гласят исторические свидетельства по всей Азии и Европе. Пробы льда подтверждают это, как и годовые кольца деревьев из Скандинавии и Западной Европы также показывают значительное снижение темпов роста деревьев в годы с пятьсот тридцать шестого по пятьсот сорок второй. Но во мрак человечество погрузила отнюдь не многолетняя зима, а последовавшая за ней чума – самая пагубная пандемия в известной истории.

– Юстинианова чума, – прошептала Кейт. – По уровню смертности это была самая губительная катастрофа в задокументированной истории. Но я не вижу, каким образом она может быть связана с извержением вулкана. И еще, постой, скажи-ка снова, откуда ты обо всем этом знаешь?

– Может, тебе и трудно поверить, но я был
вот настолечко

от степени доктора философии. Моя диссертация посвящена истокам и последствиям Темных веков в Европе, – Дэвид посмотрел на нее долгим взглядом и театрально пожал плечами. – За этой симпатичной мордашкой и осиной талией скрывается нечто большее, знаешь ли.

Кейт тряхнула головой с выражением то ли смущения, то ли недоверия на лице.

– Признаю свою ошибку. Продолжай, пожалуйста.

– Вот что нам известно: за время эпидемии вымерло до трети населения Восточного Средиземноморья. Восточная Римская империя была буквально опустошена. Ее столица Константинополь, город с полумиллионным населением, после чумы насчитывал едва ли сотню тысяч человек. Чуму называли в честь римского императора Юстиниана. Трудно преувеличить губительность этой чумы. Ничего подобного мир еще не видел. Некоторые жертвы умирали не один день. Другие же заболели и гибли через считанные минуты. На улицах трупы просто складывали штабелями. Повсюду витал запах смерти. В Константинополе император приказал предавать мертвых морю, – мысли Дэвида переключились на Сеуту, он сосредоточился. – Но их было слишком много. Трупы представляли в античных городах

опасность. Так что император повелел рыть братские могилы за городом. Там тела сжигали тысячами. Летописи гласят, что после трехсот тысяч счет вести перестали.

Ни один из ученых не произнес ни слова. Дэвид отхлебнул воды и продолжил:

– Для историка эта чума примечательна не своей смертоносностью, а тем, как она перекроила всё. Во многих отношениях мир, который мы населяем, был сформирован непосредственно событиями шестого столетия.

– Что ты имеешь в виду? – уточнила Кейт.

– После чумы мы видим угасание сверхгородов в Античном мире. Древняя Персия, некогда сверхгосударство, рушится. Восточная Римская империя была почти готова вновь присоединить свою западную половину – тот самый «Рим», который у всех на слуху, – но после этой пандемии она оказалась в осаде и едва не разрушилась. Со временем она стала Византийской империей. Мы видим подобные крушения по всему миру – могучие империи угасают, а их место занимают племена варваров. Главный урок, который можно почерпнуть из Юстиниановой чумы, заключается в том, что самые целостные цивилизации, наиболее развитые, наладившие международные торговые связи и выстроившие сверхгорода, пострадали более всего. А в наилучшем положении оказались изолированные, незамысловатые общества. Возьмите Британию шестого века – вот замечательный пример. Во время чумы в Британии доминировали романо-британцы. Судя по артефактам, мы знаем, что они торговали с разными нациями вплоть до Египта – кстати, именно там впервые и обнаружилась чума; точнее, там она впервые отмечена в письменных документах.

– Не понял, – вклинился доктор Чанг.

– Торговые пути разносят чуму. Британцы были в состоянии войны с несколькими германскими племенами, поселившимися на западном побережье острова. Во время эпидемии в середине шестого столетия эти племена являлись довольно разобщенными и считались варварскими. Никто с ними не торговал, а британцы по большей части не желали вступать в браки с их представителями. Зато после вспышки заболевания эти племена перехватили инициативу, распространившись по Британии и со временем захватив господство над ней. Основными

среди них были племена англов и саксов. Фактически, есть мнение, что легенда о короле Артуре представляет собой компиляцию сказаний о британских рыцарях, сражавшихся против англосаксонских захватчиков. Люди в Британии и по всей планете говорят на английском – языке, который относится к германским, – и этим мы обязаны чуме. А заодно и триумфу англов и саксов после нее. И не только в Британии, такое случалось по всему миру – развитые цивилизации, имевшие города и высокую плотность населения и наладившие торговые маршруты, рухнули в один момент. Зато варвары за их стенами поднялись, устроив нашествие, и бóльшую часть времени просто продвигались вперед. Если варварские захватчики устанавливали собственное правительство, то спустя столетие им давала отставку новая шайка кочевых грабителей. Это был настоящий конец эпохи, времени великих городов и цивилизаций. Темные века, пришедшие следом, тянулись очень долго – почти тысячу лет. Это оказался величайший откат прогресса вспять за всю историю. Фактически Темные века окончились лишь после очередной крупной вспышки...

– погоди, – остановила его Кейт. – Вынуждена признать свое полнейшее невежество по этой части. Я генетик. Я просто не могу понять, каким образом вулкан и вулканическая зима связаны с Юстиниановой чумой.

– Часть исторической науки посвящена изучению артефактов и выявлению закономерностей. Одна из закономерностей, имеющих отношение к эпидемии, заключается в том, что она началась в Северной Африке, перешла в Египет, а оттуда началось ее взрывное распространение по Восточному Средиземноморью. Как только она докатилась до Константинополя, остальной современный мир начал падать, как костяшки домино, благодаря торговым судам, разносившим чуму по всему миру. До сих пор ведутся споры, но многие историки считают, что чума прибыла в Европу на баржах с зерном из Северной Африки и изначально разносчиками заболевания выступали крысы, водившиеся на этих баржах.

– Дэвид говорит чистую правду, – подхватил доктор Янус. – Величайшая ирония заключается в том, что быстрое изменение климата не имеет ни малейшего отношения к погоде. В процессе дестабилизации экосистем опасность заставляет вступать в контакт

организмы, обычно не взаимодействующие между собой. Нам известно, что большинство эпидемий возникало, когда дикие животные, являющиеся резервуарными хозяевами безвредного для них, но потенциально смертоносного патогена, вынуждены были покинуть свою естественную среду обитания. После этого второго «извержения Тоба» экосистемы по всей планете дестабилизировались. Если теория доктора Грея верна, она невероятно интересна. В Древнем мире было очень трудно организовать глобальное генное изменение. Чума – идеальное средство доставки, но остается одна большая проблема.

– Распространение, – подхватила Кейт.

– Именно, – подтвердил Янус. – Мир крайне разобщен. Посетить все культуры и распространить болезнь было невозможно. Вулкан, застлавший небеса планеты золой, глобальная система доставки – идеальный вариант. Вулкан вызывает зиму, в некоторых местах засуху, а потом чудовищные ливни. Рост растений практически сходит на нет, потом возобновляется. В таких местах, как Северная Африка, популяции грызунов просто-таки процветают. Происходит взрыв рождаемости. Увеличившаяся популяция ищет новые территории, поскольку существующая экосистема не способна поддержать их возросшую численность. Некоторые из этих крыс, выступающие носителями чумы, пробираются туда, где живут люди. В то время как у крыс к чуме иммунитет – они резервуарные хозяева, – у блох на их боках такого иммунитета нет. Так что блохи гибнут, и механизм гибели заставляет их распространять заболевание. Блохи, инфицированные чумой, буквально умирают от голода. Чумные бактерии размножаются у них в кишечнике, лишая возможности усваивать питательные вещества. Обезумев, блохи перепрыгивают с крыс на любых других хозяев, которых могут найти, перенося болезнь на людей. Разумеется, крысы и блохи, путешествующие у них на спинах на полном пансионе, распространяли чуму тысячелетиями.

Гениальность,

если позволительно употребить здесь этот термин, этой эпидемии заключалась в генетической модификации чумной бактерии, которая, как мне кажется, разносилась вулканом. Выпавший пепел изменил бактерию, живущую в крысах, а не вызвал пандемию среди людей.

Человеческая пандемия просто выдохлась бы и закончилась. Я считаю, что пометка доктора Грея: «Второй Тоба? Новая система доставки?» – говорит о его собственной неуверенности в этом вопросе. Опираясь на свои исследования, работу, выполненную нами с доктором Чангом, мы можем подтвердить, что имела место новая система доставки, крайне остроумная. Тот, кто сумел модифицировать штаммы бактерий, сосуществовавших с крысами, обеспечил множество последовательных вспышек, устойчивую генетическую трансформацию. Она пребывала в латентном состоянии в резервуарных хозяевах – в данном случае крысах, – дожидаясь подходящего момента.

– Это соответствует историческим хроникам, – согласился Дэвид.
– Первая волна заболеваемости началась около пятисот тридцать пятого года, но последовали и другие, куда более сильные. Мы даже вообразить не можем, какую они собрали дань. Вспышки чумы продолжались двести лет. Умерли до половины всех жителей Европы. Затем, где-то после семьсот пятидесятого года, вспышки прекратились вплоть до тысяча двести пятьдесят седьмого года, который указан в следующей части записки Мартина. В тысяча двести пятьдесят седьмом году произошло извержение другого вулкана, снова в Индонезии. Это недавние открытия, но мы уверены, что вулкан Самалас на острове Ломбок извергся с невероятной силой. Воздействие оказалось даже больше, чем от извержения Тамбора в тысяча восемьсот пятнадцатом году, которое повлекло так называемый «год без лета». На спилах деревьев можно увидеть то же самое в тысяча двести пятьдесят седьмом году – вулканическую зиму, длившуюся более года. Чумные крысы вернулись, и чума вновь разгулялась по Европе. По поводу того времени почти семьсот лет спустя исторические хроники еще более ясны. Эта вспышка произошла практически идентично последней, но получила большую огласку и освещение в исторических документах. В Европе ее называли «Черной смертью». Но это все та же чума...

– Бубонная чума, – вставила Кейт.

– Вот именно, – подтвердил Дэвид. – Та же самая чума спустя тысячелетие вернулась, чтобы посеять такое же опустошение...

– Стоп, – подняла ладонь Кейт. – Черная смерть началась в Европе около тысяча триста сорок восьмого года – почти сто лет спустя после этого извержения...

– Это правда, – отозвался Дэвид. – Послушай, вот история: в тысяча двести пятьдесят седьмом году мощное вулканическое извержение, в покоем до странности месте и с тем же результатом, что в шестом веке, вызывало вулканическую зиму и голод, охвативший всю Европу. Я могу лишь предположить, что чума вернулась, но на этот раз с отличием – какой-то иммунитет...

– ССР-пять Дельта тридцать два, – произнесла погруженная в раздумья Кейт.

– Что?

– Мартин упоминал об этом. Он выявлен примерно у шестнадцати процентов европейцев. Это мутация, делающая их невосприимчивыми к ВИЧ, оспе и прочим вирусам. А возможно, и к бактерии, вызывающей чуму.

– Любопытно, – прокомментировал Дэвид. – Одна из величайших загадок в истории – происхождение Черной смерти. Мы убеждены, что эпидемия в шестом веке, Юстинианова чума, распространилась по Восточному Средиземноморью через Африку. Но Черная смерть была другой. Тот же сценарий – вулкан, чума, – но на сей раз, как мы полагаем, Черная смерть пришла из Центральной Азии. Мир, обеспеченный

Рах Mongolica

[6]

дал монгольским полчищам, базировавшимся в Центральной Азии, возможность разнести болезнь вдоль Шелкового пути. Во время осады монголами Каффы

[7]

в Крыму монгольские захватчики забрасывали заразные трупы катапультной в город через стены.

– Серьезно? – не поверила Кейт.

– Эй, это было довольно изобретательно для того времени. Назовем это средневековым биологическим оружием. После Каффы

чума быстро распространилась по всей Европе. Историки предположили, что причиной столетнего запаздывания являлась миграция из Азии, но может быть, дело в...

– Мутации, – договорила Кейт.

– Возможно, – Дэвиду хотелось вернуться к известным фактам, покинув зыбкую почву домыслов. – В последующие годы от Черной смерти умерло от тридцати до шестидесяти процентов всего населения Европы. В Китае умер каждый третий. Фактически потребовалось сто пятьдесят лет, чтобы мировое население вернулось к тому же уровню, что был накануне Черной смерти. Но, боюсь, на этом мои знания исчерпываются. В общем, я не знаю, куда ведет хронология. Знаю лишь конкретные свидетельства и даты.

– Тут я могу пролить свет, – взял слово доктор Чанг. – Как уже упоминал доктор Янус, наша рабочая теория заключалась в том, что текущая чума просто активирует прошлые вспышки, пытаясь завершить генетическую трансформацию, оставшуюся завершенной лишь наполовину. Мы пытались выделить эти прошлые вспышки, чтобы лучше понять, как изменился человеческий геном, – он указал на Дэвида. – Мистер Вэйл, вы были правы насчет связи между эпидемиями чумы. Несколько лет назад группа исследователей открыла, что причиной Юстиниановой чумы послужила

Yersinia pestis,

или

Y. pestis,

– бактерия, вызывающая бубонную чуму. Это открытие оказалось очень интригующим: две самые губительные пандемии в документальной истории – Юстинианова чума и Черная смерть – обе оказались бубонной чумой. Мы полагаем, что в обоих случаях имеем дело с генетическими мутациями бактерии

Y. pestis

. Мы прибегли к помощи Иммари, чтобы собрать доказательства. Они добыли образцы от жертв чумы обеих вспышек. Мы секвенировали эти геномы, а также образцы

Y. pestis

обеих эпох. У нас также имеются образцы испанской инфлюэнцы тысяча девятьсот восемнадцатого года. Были обнаружены некоторые

общие генетические последовательности. Мы считаем, что они связаны с Чумой Атлантиды. Исходя из записок доктора Грея и результатов текущей дискуссии, полагаю: наши данные являются ключевым фрагментом головоломки, ключом к поиску лекарства. К сожалению, они оказались утрачены с гибелью чумной баржи.

– Доктор Чанг, вынужден попросить у вас прощения, – вдруг выпрямился на кушетке Янус.

Чанг озадаченно оглянулся на него.

– Я никогда не доверял вам до конца, – признался Янус. – Меня к вам прикомандировали. Вы активно участвовали в исследованиях, но до сих пор я опасался, что вы можете быть лоялистом Иммари, стремящимся изъять результаты моих исследований. Я утаивал от вас многое из того, что выяснил, – он продемонстрировал флешку. – Но я сохранил все на этом накопителе. Вкупе с исследованиями, которые мы проводили вместе. Всё здесь, и я полагаю, это покажет изменения генома, которые искал доктор Грей, – эту Дельту-два – корневую генетическую структуру Чумы Атлантиды.

Чанг посмотрел на флешку.

– Главное, что вы сберегли данные. На вашем месте, пожалуй... я бы поступил точно так же. Однако требуется еще один, последний фрагмент – Омега. Для меня данная буква символизирует завершающую точку – последствие генетического преобразования. Пометка «Тысяча девятьсот восемнадцать... тысяча девятьсот семьдесят восемь», похоже, указывает, что доктор Грей считал, что оно могло произойти в эти годы. «КБУ» в первой строке мне ни о чем не говорит. Мистер Вэйл, есть ли еще какие-либо исторические упоминания?

Дэвид размышлял о «КБУ» с того самого момента, как увидел шифр, но ничего не мог придумать.

– Нет. Не берусь предположить, что это означает.

– Я знаю, что такое, – вступила в разговор Кейт. – «КБУ» – мои инициалы. Катерина Бартон Уорнер. Думаю, я и есть Омега.

Глава 67

Где-то близ побережья Сеуты

Средиземное море

Сквозь окно вертолета Дориан смотрел на проносящуюся внизу воду. Солнце блестело на темной глади, будто маяк, указывающий ему путь.

Он думал о белой двери света в Германии. Куда она ведет? В иной мир? В иное время?

Слоун включил микрофон в шлемофоне.

– Ожидаемое время прибытия?

– Часа три – три с половиной.

Удастся ли им добраться до места раньше Кейт с ее свитой? Если только впритык.

– Вызовите аванпост.

Минуту спустя Дориан уже говорил с командиром гарнизона острова Альборан.

*

Лейтенант Иммари на острове Альборан дал отбой и оглянулся на четверых солдат, которые играли в карты и курили.

– Поставьте-ка кофе. Надо протрезвиться. К нам гости.

*

Дэвид пытался переварить слова Кейт: «Я и есть Омега».

В комнату вплыл Шоу со словами:

– Я поставил кофе... – и уставился на них. – Что-то стряслось?

Вид у вас такой, будто привидение увидели.

– Мы работаем, – огрызнулся Дэвид.

– Я с удовольствием выпью кофе, – развеяла напряженность Кейт.

– Спасибо, Адам.

– Конечно, – отозвался Шоу. – Доктор Чанг? Доктор Янус?

Дэвид заметил, что его в кофейную переключку англичанин не включил. Ну и хорошо.

– О да, буду весьма обязан, – пробормотал доктор Чанг, все еще погруженный в раздумья.

Доктор Янус уставился за окно с непроницаемым выражением лица. Сообразив, что все его ждут, он быстро проронил:

– Нет, спасибо.

Шоу вернулся с двумя чашками кофе и замешкался у окна, по диагонали за спиной Дэвида. Вэйл не видел его, но знал, что англичанин там. А вот это уже нехорошо.

Янус заговорил первым:

– Я ничуть не сомневаюсь в том, что вы сказали, Кейт. Хочу дать это понять с самого начала. Однако я желал бы пересмотреть наши ключевые предпосылки и исследовать несколько... возможностей.

Дэвиду показалось, что Кейт немного напряглась, но она лишь отхлебнула кофе и кивнула.

– Первое предположение, – продолжил Янус, – что этот тибетский гобелен являлся документом, запечатлевшим взаимодействие атлантов с людьми, в частности, их вмешательство ради спасения людей семьдесят тысяч лет назад – путем введения гена Атлантиды, изменившего человеческие мозговые связи и участь человечества, а затем их предупреждение людям перед Великим Потопом. Остальная часть гобелена, как мы полагаем, изображает события грядущего. По этому поводу у меня есть вопрос, но пока что я о нем умолчу.

Наше второе предположение заключается в том, что записка Мартина являет собой хронологию, попытку расшифровать прошлое, обозначить поворотные точки, которые могут подвести нас к созданию лекарства от чумы.

Третье и последнее предположение сводится к тому, что эта хронология обозначает недостающую дельту – точку, в которой вмешательство атлантов в человеческую эволюцию не удалось – где-то в районе Великого Потопа и падения Атлантиды. Мистер Вэйл высказал гипотезу, что к этому событию привела схватка между двумя фракциями атлантов. Сказав все это, я бы постулировал, что Омегой – последствием всех вмешательств атлантов в эволюцию человечества – являются пережившие Чуму Атлантиды. В частности, стремительно эволюционирующие. Разве это не тот итог, к которому стремились атланты? Это наиболее очевидный выбор. Как ученый я всегда в первую очередь рассматриваю простейшее объяснение, прежде чем исследовать более... экзотические возможности.

Дэвиду аргументация Януса показалась убедительной. Он хотел заговорить, но Кейт его опередила:

– Тогда почему Мартин поставил в хронологию мое имя прямо над Омегой?

– Для меня это вопрос, – признался Янус. – Полагаю, это выявит рассмотрение мотивов Мартина. Нам известно, что все, что он делал: все его исследования, его сделки, его компромиссы, – преследовало одну цель: защитить вас. Я считаю, что таков же его мотив и здесь. Он хотел, чтобы, если его записки обнаружат, читатель отыскал бы вас и позаботился о вашей безопасности, чтобы вы были под рукой для их расшифровки, рядом с тем, кто разрабатывает лекарство.

Дэвид кивнул. Это казалось убедительным.

– Закономерность представляется логичной, – отозвался Чанг. – Однако в моем восприятии есть проблема с хронологией. Семьдесят ТЛ: Адам, введение гена Атлантиды. Двенадцать с половиной ТЛ: падение Атлантиды, пропавшая дельта. Пятьсот тридцать пятый и тысяча двести пятьдесят седьмой годы: второй Тоба, два извержения и последующие вспышки бубонной чумы, начало Темных веков, потом их конец, сменившийся эпохой Возрождения. Далее тысяча девятьсот восемнадцатый год: Колокол, артефакт атлантов, спровоцировавший испанскую инфлюэнцу. А в этом году следующая вспышка из-за Колокола. Чума Атлантиды. Мартин напутал с датами: тысяча девятьсот восемнадцать... тысяча девятьсот семьдесят восемь. Вместо семьдесят восьмого должен стоять этот год – текущая вспышка и порождает Омегу.

– Это было бы логично, – поддержал Янус.

– Когда ты родилась? – спросил Дэвид. – Э-э, я спрашиваю из чисто научных побуждений.

– Умница, – промолвила Кейт. – Я родилась в семьдесят восьмом году. Однако... зачали меня в восемнадцатом.

– Что?! – почти в один голос воскликнули Янус с Чангом.

Дэвид услышал, как Шоу покидает свое место у него за спиной, чтобы встать перед группой, впервые проявив интерес к беседе.

– Это правда, – заявила Кейт. – Мартин – мой приемный отец. Мой биологический отец был горным инженером и офицером армии США во время Первой мировой войны. Иммари наняли его для проведения раскопок в сооружении атлантов под Гибралтаром. Он сделал это в обмен на согласие отдать ему руку моей матери. То, что он раскопал – Колокол, – и послужило причиной эпидемии испанки. Ирония заключалась в том, что болезнь унесла жизнь моей матери. Но сооружение, которое откопал отец, содержало комнату с четырьмя

трубами. Он обнаружил, что они являются целительными и гибернационными камерами. И поместил мою мать – и меня в ее утробе – в одну из труб, где мы пребывали до семьдесят восьмого года – года моего рождения.

*

Доктор Артур Янус откинулся на спинку дивана. «Это может все изменить».

*

Слова Кейт шокировали доктора Шэня Чанга, хоть он уже и знал о Колоколе и гибернации; эта часть его ничуть не удивила.

В 1978 году Шэнь был рядовым исследователем в проекте, затеянном «Иммари Интернейшнл». Однажды утром ему позвонил Говард Киган – человек, о котором он до той поры не слышал. Киган сказал, что он – новый глава организации Иммари и ему требуется помощь Шэня, что Шэнь будет щедро вознагражден, что ему больше никогда не придется тревожиться о финансировании исследований и что он совершит невероятное дело – дело, которое спасет мир, – но никогда не сможет никому об этом поведать.

Шэнь согласился. Киган отвел его в комнату с четырьмя трубами. В одной находился маленький мальчик, впоследствии ставший известным как Дориан Слоун. Во второй находился Патрик Пирс, который и нашел трубы, как сказал Киган. В последней трубе была беременная женщина.

– Мы извлечем ее последней, и вы сделаете все, что в ваших силах, ради ее спасения, однако главный приоритет для вас – ребенок.

Шэнь еще ни разу в жизни не был так напуган. То, что произошло дальше, отпечаталось у него в памяти навечно. Он помнил, как держал ребенка, ее глаза... глаза Кейт Уорнер, сейчас смотревшие прямо на него. Невероятно.

*

Адам Шоу удивился рассказу Кейт. «Дело-то куда круче, чем я думал; да и

она

круче, чем я думал. Но я доставлю ее живой и невредимой, что бы ни случилось».

*

Наконец Кейт не выдержала:

– Может, хоть кто-то что-нибудь скажет?

– Да, – начал Янус. – Я бы хотел пересмотреть свои предшествующие оценки. Теперь я верю, что вы действительно

Омега. И... это кое-что меняет. Начать хотя бы с моего понимания работы Мартина. Я больше не думаю, что его записи были банальной хронологией. Это лишь половина дела. Шифр Мартина скрывает куда больше. Это путевая карта по исправлению человеческого генома – по корректировке проблем с геном Атлантиды, по созданию жизнеспособного гибрида человека и атланта, нового биологического вида, первым представителем которого являетесь вы. Последовательность Мартина начинается с введения гена Атлантиды – с Адама, затем отслеживает интерференции, пропущенную коррекцию в момент Потопа, последовавшие за этим Темные века... и кончается вами, Кейт, – индивидуумом со стабильным, функционирующим геном Атлантиды, благодаря трубе, спасшей вам жизнь, и экстраординарному появлению на свет. Но... на первый план выходит реальный, практический вопрос: что делать теперь? У нас есть исследования, мы поняли записи Мартина. Нужно найти лабораторию...

– Я не сказала еще кое-что, – перебила его Кейт. – Мартин являлся одним из основателей консорциума под названием «Преемственность». Это группа исследователей со всего мира. Они годами вели эксперименты, отыскивая лекарство. В Марбелье у Мартина была исследовательская площадка... – В голову ей пришла внезапная мысль. – Я работала в здании, экранированном свинцовыми пластинами. Проводила серию экспериментов, а Мартин периодически брал у меня образцы ДНК.

– Как вы думаете, он экспериментировал на вас или на подопытных? – поинтересовался доктор Чанг.

Теперь у Кейт не осталось ни капли сомнений.

– И то и другое. Мартин сказал мне, что считает меня ключом ко всему. Увидев шифр, Омегу... да, я поняла это. «Преемственность» располагает всеми его результатами. Я связывалась с ними.

На лице Дэвида отразился испытанный шок.

– Что такое? – спросила у него Кейт.

– Ничего, – тряхнул он головой и устремил взгляд на Чанга с Янусом. – Думаю, надо отправить «Преемственности» результаты наших исследований и обсудить все высказанные теории с ними.

– Я согласен, – доктор Янус вынул флешку из кармана.

Чанг кивнул.

Глава 68

Где-то близ острова Альборан

Средиземное море

Звонок в «Преемственность» оказался интригующим.

Кейт почувствовала, что наконец-то смогла понять эксперименты, частью которых являлась в Марбелье.

Годами «Преемственность» разрабатывала алгоритм под названием «Симфония генома». Принцип в том, что при генной терапии определенного генома или внедрении в него ретровируса алгоритм «Симфонии» способен предсказать экспрессию гена. Эти предсказания в сочетании со знаниями о том, где эндогенные ретровирусы атлантов погребены в нашем геноме, позволяют предсказать реакцию индивидуума на Чуму Атлантиды и оказанную ему терапию.

Исследования Чанга и Януса, выявившие изменения генома от двух вспышек чумы в начале и конце Средних веков, оказались недостающим фрагментом – во всяком случае, на это надеялась «Преемственность».

Кейт смотрела, как доктор Янус манипулирует компьютером, загружая данные исследований в «Симфонию». Он гений. Кейт еще не встречала его ровесников, так ловко управляющихся с компьютером.

– Что сейчас? – спросила она в спутниковый телефон, переключенный в режим громкой связи.

– Сейчас подождем, – ответил доктор Бреннер. – Алгоритм поработает и выдаст возможные варианты лечения. Затем мы испытаем их и будем уповать на везение. Если мы отыщем эффективную терапию, то сможем быстро запустить ее в массовое производство. Описывал ли Мартин наши генные импланты?

– Я с ними не знаком, – вставил доктор Янус.

– По сути, мы имплантируем подкожный биотехнологический прибор, проводящий каждому индивидууму персонализированную терапию. Импланты находятся на беспроводной связи с сервером в каждом из Районов Орхидеи.

Это откровение потрясло Кейт.

– Я думала, импланты – для слежения... А разве Орхидея не обеспечивает терапию?

– И да, и нет, – поспешно сказал Бреннер. – Импланты обеспечивают материальный контроль – то есть аппарат слежения, играющий жизненно важную роль. Поскольку человеческий геном довольно разнообразен, мы поняли, что каждую терапию необходимо чуточку индивидуализировать, подстроить...

Кейт кивнула. Самое передовое решение – имплантированный биотехнологический прибор, доставляющий каждому индивидуальное генетическое лечение. Это на десятилетия опередило все используемые методы. Жаль только, что для достижения такого прорыва потребовалась угроза Иммари и чумы.

– Если нужную терапию осуществляет имплант, тогда зачем вообще давать каждому Орхидею? – полюбопытствовал доктор Янус.

– По трем причинам. На ранних этапах мы обнаружили, что импланты не способны обеспечить действенную терапию для каждого. Имплант вырабатывает противовирусное средство из ферментов и белков в теле хозяина – по сути, выполняя сложную «кройку и шитье», чтобы создать необходимую терапию. Но с одним лишь имплантом процесс был действен примерно для восьмидесяти процентов носителей. Так что мы даем имплантам своеобразный вирусный шок – пресловутую глыбу вирусной глины, из которой они могут лепить терапию. Вот что находится в пилюлях Орхидеи – вирусный шок.

– Очень интересно... – Янус погрузился в глубокие раздумья.

– А другие причины есть? – поинтересовалась Кейт.

– О, да, – ответил Бреннер. – Я слишком увлекся научной подоплекой. Второй причиной была скорость. Мы знали, что новую терапию нужно будет развернуть быстро: о производстве нового лекарства не могло быть и речи, а это решение, разумеется, продуктивно. Мы понимали, что, по сути, получаем базовую терапию с

возможностью тысяч микронастроек, которые будут вносить импланты, что заставит ее работать в масштабах планеты.

– А последняя причина?

– Надежда. Люди ежедневно принимали Орхидею... мы чувствовали, что нужно дать им нечто зримое и осязаемое, нечто вещественное, нечто знакомое и понятное – лекарство от болезни. А теперь, я надеюсь, вы предоставили нам недостающий фрагмент – формулу, которую мы должны передать имплантам. Сейчас «Симфония» обрабатывает ваши данные. Если допустить, что она найдет корректирующую терапию, мы сможем развернуть ее в глобальных масштабах по всему Альянсу Орхидеи за считанные часы.

Все ученые в небольшом салоне закивали. Дэвид и Шоу переглянулись.

Натянутую обстановку нарушил доктор Бреннер.

– Я еще кое-что не сказал вам, доктор Уорнер.

– Что? – спросила Кейт по громкой связи, не трудясь отключить динамик.

– Руководство Орхидеи приказало нам пустить в ход программу эвтаназии.

– Я не...

– Нам отдан приказ, – продолжал Бреннер. – Если Орхидея перестанет действовать либо Иммари окажутся весомой угрозой, мы будем обязаны послать имплантам команду отмены, чтобы как можно скорее прервать мучения умирающих. Тогда в мире останутся только пережившие Орхидею, фундамент для спасения Альянса. Пока что эти приказы нами игнорировались. Мы были сосредоточены на своих исследованиях и надеялись, что руководство не дойдет до воплощения плана в жизнь. Но до нас дошли слухи, что, если мы не исполним программу эвтаназии, союзные войска могут взять «Преемственность» под свой контроль и сделать это за нас.

Кейт тяжело осела на белой кушетке.

Никто не произнес ни слова.

– Вы можете задержать программу эвтаназии? – спросила Кейт напрямую.

– Можем попытаться. Но... будем надеяться, что терапия заработает.

*

Оставшись в хозяйской каюте наедине с Кейт, Дэвид буквально заорал на нее:

– Ты хочешь сказать, что все это время поддерживала с глобальным консорциумом открытую связь?!

– Да. А что?

– Перезвони им. И вот что скажи...

*

Кейт позвонила на номер «Преемственности». «Доктор Бреннер?.. Нет, все в порядке. Мне нужно одолжение. Необходимо связаться с британской разведкой и узнать, известен ли им офицер по имени Адам Шоу. А также не могли бы вы сделать запрос во Всемирную организацию здравоохранения о некоем докторе Артуре Янусе?.. Да, вы нам очень поможете... Отлично. Перезвоните мне, как только будете знать. Это очень важно».

*

Повесив трубку, доктор Пол Бреннер перечитал имена. Шоу и Янус. Что творится на борту этого судна? Не грозит ли Кейт опасность?

Он действительно сильно к ней привязался. Неделями наблюдал ее на видео, а потом поговорил лично. И теперь надеялся, что с нею все будет в порядке. Пол взял трубку и набрал номера своих контактов в ВОЗ и британской разведке. И тот и другой обещали перезвонить, как только получат ответы.

Полу оставалось сделать еще один звонок, как он надеялся, но надо было подождать результатов от «Симфонии».

Покинув кабинет, он двинулся по коридору здания Центра по контролю заболеваемости. Атмосфера здесь царил гнетущая; все перетрудились и внутренне выгорели. Общий настрой был довольно унылым, и не без причины: они не продвинулись в создании лекарства от чумы ни на йоту, и впереди не виделось ни одного луча света – пока полчаса назад не позвонила Кейт.

Сколько времени потребуется «Симфонии»? Если вообще можно найти лекарство по данным исследований, присланных Кейт и ее командой...

Стеклянная стена центра управления Орхидеи расступилась, чтобы пропустить его. Все лица в перепрофилированном конференц-зале обратились к вошедшему. Сцена напоминала читальный зал

общежития колледжа, где студенты проторчали шестьдесят дней кряду – расставленные как попало столы для совещаний были завалены ноутбуками, стопками бумаг, картами, отчетами в пятнах от кофе и полупустыми пенопластовыми стаканчиками.

Выражение лиц поведало Полу все, что ему хотелось знать.

Четыре больших экрана на стенах подтвердили это. Мигающий красный текст сообщал: «Одна терапия найдена».

Этот текст появлялся на экранах и раньше, и ликование каждый раз было чуточку более сдержанным, чем в предыдущий. Но теперь атмосфера изменилась. Команда тесно обступила Пола, все возбужденно загомонили о новых данных и о том, что делать дальше. Исследовательские площадки предлагали и отвергали одну за другой.

– Испытаем здесь, в нашей собственной когорте, – решил Пол.

– Вы уверены?

– У нас есть люди, которые не могут ждать, – он бросил взгляд на таймер обратного отсчета программы эвтаназии. Осталось меньше четырех часов.

Но прежде чем запускать это по всей планете, ему хотелось убедиться. Надо сделать телефонный звонок.

*

По пути обратно в свой кабинет Пол задержался у импровизированного изолятора. Встал у постели сестры. Дыхание ее было неглубоким, но Пол понял, что она его узнала. Она протянула ему руку.

Шагнув вперед, он взял сестру за руку. Пальцы ее совсем ослабели.

– По-моему, мы нашли его, Элейн. Ты поправишься.

Он ощутил чуть заметное пожатие.

*

Пол снял трубку. Несколько минут спустя его соединили с Ситуационным центром в Белом доме.

– Господин президент, у нас есть новая терапия. Мы настроены чрезвычайно оптимистично. Я прошу вас отложить программу эвтаназии.

Где-то близ острова Альборан

Средиземное море

– Долго еще? – требовательно спросил Дэвид.

– Бреннер сказал, что свяжется со мною при первой же возможности. У «Преемственности» и так забот полон рот...

– Мы будем у острова Альборан через три часа. Когда мы туда доберемся, мне придется вооружить Шоу и Камау и что-нибудь предпринять по поводу ученых. Нам нужно выяснить, кто из них убил Мартина и вывел из строя судно.

Кейт уселась на кровать, понимая, что, если начнут обсуждать убийцу, все это перерастет в очередную потасовку. А цапаться ей сейчас не хотелось – тем более с Дэвидом и тем более в этот момент. Стащив с себя сорочку, Кейт бросила ее на кресло.

Глаза Дэвида загорелись. Сняв кобуру, он накрыл ее подушкой. Стащил с себя рубашку, за ней брюки. Приблизился к Кейт, и она поцеловала его в живот. Повалив ее на постель, Дэвид забрался сверху.

На миг весь окружающий мир померк. Кейт не думала ни о чуме, ни об Иммари, ни о записках Мартина, ни об убийце на борту. Дэвид. Он воплощал все, чего она жаждала, казался единственным на свете, что играло для нее роль.

*

Было жарко, как в аду, но Дэвид не потрудился отрегулировать кондиционер.

Он перекатился на кровати. Они с Кейт лежали рядом, обнаженные, мокрые от пота с ног до головы. У Вэйла дыхание успокоилось раньше, но никто не проронил ни слова.

Время замерло. Оба смотрели в потолок. Дэвид не знал, долго ли это продолжалось, но Кейт повернулась к нему и поцеловала его в шею чуть ниже подбородка.

Это ощущение вернуло его к действительности, и Дэвид задал вопрос, думать о котором избегал с момента звонка доктору Бреннеру:

– Думаешь, сработает? Думаешь, «Преемственность» может просто взять исследования Януса и Чанга и просто... ну, не знаю, «собрать вместе», как Триединство, и чудом получить лекарство?

– Какое Триединство?

– Ты серьезно?

– Что?

– Это из «Зельды», – растолковал Дэвид. – Ну, знаешь, Линк добывает Триединство, чтобы спасти принцессу Зельду и Хайрул.

[8]

– Ни разу не видела.

– Это, гм... видеоигра, а не кино.

«Как она может этого не знать?» Это потрясло Дэвида куда больше, чем шифр Мартина. Но... эта дискуссия подождет до другого раза. Она, наверное, не знает даже разницы между «Звездными войнами» и «Звездным путем». Видимо, ему предстоит порядком потрудиться, если, конечно, обоим удастся пережить ближайшие несколько часов.

– Ладно, не забивай себе голову насчет Зельды. Мой вопрос был о том, сработает ли эта штука. Как ты думаешь?

– Должна. Мы делаем все, что можем.

Дэвид улегся обратно и снова уставился в потолок. Какую мысль он хотел донести? Он и сам не знал. И вдруг испугался. Дурные предчувствия. И дело вовсе не в сражении, уже замаячившем на горизонте. Дело в чем-то другом, в ощущении, которое он пока не мог толком нащупать.

Кейт снова села.

– А откуда тебе так много известно о яхтах? – Она явно пыталась сменить тему.

– В Джакарте у меня была одна.

– Вот уж не знала, что у секретных агентов хватает досуга на праздное времяпрепровождение вроде катания на яхтах, – сказала она не без игривости.

– Яхта была не для праздного времяпрепровождения, уверяю тебя, – улыбнулся Дэвид. – Но могла бы. Это был элемент плана побега, если мне таковой понадобится. И она очень пригодилась, если ты не забыла.

– Что-то не припоминаю, хотя хотела бы, – Кейт принялась разглаживать простыню ладонью.

Она права, теперь Дэвид вспомнил. Во время допроса Иммари накачали ее наркотиком. О спасательной операции и побеге она почти ничего не помнит.

– А что ты с ней сделал? – поинтересовалась Кейт.

– С яхтой? Отдал джакартскому рыбаку, – он с улыбкой поглядел в сторону. – Но скорлупка была славная.

В этот момент его вдруг заинтересовало, где катер теперь, вывезли Харто свою семью с острова Ява на один из тысяч крохотных необитаемых островков в Яванском море. Там у них был бы шанс выжить. Харто может рыбачить, а его семья – заниматься собирательством. Там чума до них не доберется, а Иммари не станут морочить себе голову ради пары человек на Богом забытом островке. Если дела так пойдут и дальше, они могут оказаться последними людьми на земле... Может, миру это и пойдет на пользу, если землю унаследуют простые люди, жившие по-человечески девяносто девять процентов ее истории.

– Где ты научился судовождению? Или просто на лету схватываешь?

– У отца. Он ходил со мной под парусами, когда я был пацаном.

– Вы часто с ним разговариваете?

Дэвид неуютно поерзал в постели.

– Нет. Он умер, когда я был еще мальцом.

Кейт хотела ответить, но Дэвид ее перебил:

– Не волнуйся, это было давным-давно. В восемьдесят третьем. В Ливане. Мне было семь.

– Бомбардировка казарм морской пехоты?

Дэвид кивнул. Взгляд его пропутешествовал к мундиру Иммари с серебряным дубовым листком чина подполковника.

– Ему было тридцать семь, и он уже стал подполковником. Мог бы дойти до бригадного генерала, а то и повыше. Ребенком я мечтал об этом. Мысленно видел себя стоящим в мундире корпуса морской пехоты с генеральскими звездами на плечах... Что забавно, я по сей день вижу собственный образ, который рисовал так много лет назад. Изумительно, как ясны мечты, когда ты ребенок, и какой запутанной жизнь становится после... Как одна амбиция обращается в сотни желаний и подробностей – большинство из которых связаны с тем, чего ты хочешь или кем хочешь стать.

Кейт вдруг отвернулась, глядя куда-то в сторону.

Может, она таким способом дает ему больше свободы? Дэвид не знал, но ему нравилось чувствовать Кейт под боком, чувствовать прикосновение ее кожи и тепло ее тела.

– В день похорон мать пришла домой и положила на каминную доску сложенный флаг. Он пролежал там следующие двадцать лет в треугольном деревянном футляре, покрытом уймой слоев лака и со стеклянным окошком. Рядом она поставила две фотографии: его крупным планом в мундире и их вместе – где-то в тропиках, где они были счастливы. В тот день дом был полон народу. Гости твердили одно и то же. Я ушел в кухню, достал самый большой черный мешок для мусора, какой смог разыскать, и набил его своими игрушками – пустив туда всех солдатиков, танки и все, что имело хоть отдаленное отношение к армии. Потом ушел в свою комнату и играл в «Нинтендо» следующие года три.

Кейт ласково поцеловала его в лоб у линии волос.

– Зельда?

– Я добыл Триединство пару миллионов раз, – поглядев на Кейт, он улыбнулся. – Потом в какой-то момент проникся искренним интересом к истории. Перечитал все, что попадалось мне в руки. В частности, военную историю. Особенно европейскую и ближневосточную. Мне хотелось знать, каким образом мир стал таким. А может, я думал, что профессия учителя истории – самая безопасная на свете, самое далекое на планете место от настоящих сражений. Но когда грянуло одиннадцатое сентября, единственное, чего мне хотелось, – это стать солдатом. Мой мир словно опрокинули с ног на голову, и я хотел отмщения, но мне хотелось делать единственное дело, для которого считал себя пригодным; дело, указанное мне судьбой с самого начала, но которого я страшился. Может, от судьбы не уйдешь... Что бы ты ни делал, тебе не изменить своей истинной натуры, таящейся в глубине души, пусть даже умершей и погребенной, но все равно движущей тобой все это время.

Кейт не отозвалась ни словом, и Дэвид был ей за это благодарен. Она просто крепче прижалась к нему телом, спрятав лицо в ложбинке между его головой и плечом.

Уже позже Вэйл ощутил, что дыхание ее замедлилось, и понял, что Кейт спит.

Поцеловал ее в лоб.

И когда губы его разомкнулись, вдруг ощутил, до какой степени истощен. Интеллектуально – от обсуждения записей Мартина; физически – от близости с Кейт; а эмоционально – от откровений перед ней, которыми он еще не делился ни с кем.

Достав пистолет из-под подушки, Дэвид положил его рядом с собой, чтобы был под рукой. Бросил взгляд на дверь. Если она откроется, он непременно услышит. Если за ними кто-нибудь придет, небольшая фора у него будет. Он лишь прикрывает глаза на секундочку...

Глава 70

Открыв глаза, Дэвид понял, что снова оказался на средиземноморской вилле. Кейт стояла рядом. В конце коридора виднелась сводчатая деревянная дверь. Две распахнутые двери справа от них наводняли тесное пространство светом.

Дэвид узнал и двери, и комнаты за ними – там он видел Кейт.

«Это ее сон. Я в нем», – подумал Вэйл.

Дойдя до конца коридора, она протянула руку к двери.

– Не надо, – сказал Дэвид.

– Я должна. Ответы за ней.

– Не делай этого, Кейт...

– Почему?

Дэвид был напуган и здесь, во сне, знал почему.

– Я не хочу ничего менять. Я не хочу тебя терять. Давай останемся здесь.

– Пойдем со мной, – она распахнула дверь, и свет затопил коридор.

Он ринулся следом, проскочил сквозь дверь...

Дэвид сел в постели, тяжело дыша, отчаянно хватая воздух ртом.

Он сбросил с себя Кейт, но ее это не разбудило.

Он повернул ее голову лицом к себе.

– Кейт!

Пот лил с нее ручьем. Но пульс едва прощупывался. Она вся так и пылала. И была без сознания.

«Что же делать? Позвать одного из докторов? Им нельзя доверять». Его охватил такой безграничный ужас, какого он еще не

знал. Дэвид прижал Кейт к груди.

*

К изумлению Кейт, дверь вывела ее наружу.

Она обернулась, чтобы взглянуть на дверь, но увидела нависший над ней могучий корабль. Она стояла на пляже, а корабль навалился на берег. Каким-то образом Кейт знала, что это:

посадочный модуль Альфа

. То, что примитивные гуманоиды этой планеты назовут Атлантидой.

Поглядела вниз. На ней был надет легкий скафандр.

Небо над головой было темным, затянутым пеплом. Сначала Кейт подумала, что сейчас ночь, но потом разглядела солнце в зените, тускло проглядывающее сквозь тучи пепла.

«Не может быть, – подумала Кейт. – Это катастрофическое извержение Тоба семьдесят тысяч лет назад».

Голос эхом раскатился у нее в шлеме: «В последний раз признаки жизни отмечены за гребнем, азимут двадцать пять градусов».

«Поняла», – услышала она собственные слова и энергично зашагала по усеянному пеплом пляжу.

И за гребнем увидела их – черные тела, валяющиеся на земле от долины до самого устья пещеры.

Преодолев это расстояние, она вошла в пещеру.

Инфракрасный датчик в ее костюме подтвердил: все они мертвы.

Она уже простилась с надеждой, когда на дисплее вспыхнул единственный язычок алого. Выживший. Она подошла ближе.

За спиной послышались шаги. Обернувшись, она увидела крупного самца, невероятный образчик физического развития, несшегося на нее с чем-то в руке.

Она ухватила за парализующий жезл, но самец прервал свой бросок, рухнув рядом с самкой и отдав ей что-то – кусок тухлого мяса. Она яростно впила в него зубами.

Теперь Кейт разглядела, что самка несет и другой признак жизни. Плод. Двести сорок семь локальных суток с момента зачатия.

Самец без сил привалился к стене пещеры. Не вождь ли он этого племени? Возможно. Эти двое умрут здесь, в этой пещере, и это станет

концом их биологического вида.

«Моего вида тоже, – подумала Кейт. – Они представители моего племени, быть может, самые последние. Одним-единственным генетическим изменением я могу их спасти. Я не могу смотреть, как они умирают. И не буду».

И прежде чем сама поняла, что творит, взвалила обоих гомининов на плечи. Экзоскелет скафандра и компьютеризированное распределение веса позволили ей без труда поднять ношу. Они были слишком слабы, чтобы сопротивляться.

На корабле она ринулась с ними в лабораторию.

Они казались слишком юными для полной генетической модификации. Это убило бы их. Она приняла решение: дать им генетический прекурсор. Это их спасет. Но и повлечет проблемы. Она будет здесь, чтобы помочь им, направить на путь, устранить проблемы. В ее распоряжении все время на свете, во всей Вселенной. Она выпестует их. Полная активация придет позже, когда они будут готовы.

– Что ты делаешь? – раздался мужской голос у нее за спиной.

Пришел ее напарник. Мысли понеслись стрелой. Что же ему сказать?

– Я...

Он стоял на пороге, и свет вливался в лабораторию у него из-за спины. Лица его Кейт не видела. Надо выяснить, кто он такой. Встав, она пошла ему навстречу, но лица его все равно не видела.

Кейт понимала, что он ждет ее ответа. «Я должна ему что-нибудь сказать. Пущу в ход правду, но перелицевав ее».

– Провожу эксперимент, – сказала она, подходя к нему. Схватила его за плечо, но свет по-прежнему скрывал его лицо.

*

Дэвид снова вытер испарину с лица Кейт. «Ну, всё, надо звать доктора. Я не позволю ей умереть у себя на руках».

Он уложил ее на постель, но тут Кейт ухватилась за него и резко вздохнула. Набрала полную грудь воздуха – и веки ее трепетно поднялись.

Дэвид вглядывался ей в лицо, пытаясь понять, что происходит.

– Что случилось, черт побери? Я выбежал в дверь, но...

– Это сделала я, – выдохнула Кейт.

– Что?

– Тоба. Семьдесят тысяч лет назад. Я спасла умирающих людей.
«Бредит», – подумал Дэвид.

– Пойду позову докторов.

Крепко схватив его за запястье, Кейт отрицательно затрясла головой.

– Я в порядке. Я вовсе не рехнулась. Это не просто сны. Это воспоминания. – Она наконец отдышалась.

– Мои
воспоминания.

– Я не...

– В тысяча девятьсот семьдесят восьмом году я не просто родилась из трубы – я была возрождена . Происходящее куда более серьезно, чем мы осознавали.

– Ты...

– Я – ученая, давшая нам ген Атлантиды. Я – одна из атлантов.

Часть III Эксперимент Атлантиды

Глава 71

Где-то близ острова Альборан

Средиземное море

Дэвид пытался осознать то, что сказала Кейт.

– Ты...

– Атлант, – упорствовала Кейт.

– Послушай, я...

– Просто выслушай, ладно? – Ее дыхание наконец восстановилось.

Раздался стук в дверь. Дэвид схватился за пистолет.

– Кто там?

– Камау. Уже Ч минус час, Дэвид.

– Понял. Что-нибудь еще?

Пауза.

– Нет, сэр.

– Скоро выйду, – крикнул Вэйл в дверь и обернулся к Кейт: – Что, черт возьми, происходит?

– Теперь я помню, Дэвид. Это как наводнение, будто рухнула плотина. Воспоминания. С чего же начать...

– Откуда у тебя взялись эти воспоминания?

– Из труб. Иммари считали их лечебными капсулами. Но это лишь половина дела. Они и вправду лечат, но главное их назначение – воскрешать атлантов.

– Воскрешать?

– Если атлант умирает, он возвращается в трубу со всеми своими воспоминаниями, имевшимися у него в момент смерти. Ген Атлантиды представляет собой нечто большее, нежели мы считали. Это выдающийся образчик биотехнологии. Он заставляет тело эмитировать излучение, некое подобие субатомного потока данных. Воспоминания, клеточная структура – все это собирается и реплицируется.

Дэвид просто стоял на месте, не зная, что на это сказать.

– Ты мне не веришь.

– Верю, – ответил он. – Честное слово, я тебе верю. Верю, что все сказанное тобой чистая правда. – Вэйл мысленно обратился к собственному воскрешению, возрождению – и в Антарктиде, и в Гибралтаре, – чувствуя, что она в нем нуждается. Она переживала нечто такое, что он даже не начал постигать. – Если кто-нибудь на свете тебе и верит, так это я. Ты слышала мою историю – о возрождении. Но давай все по порядку. И начнем сначала: как ты могла получить воспоминания атланта?

Кейт утерла пот со лба.

– В Гибралтаре корабль был поврежден, почти уничтожен. Последнее, что я помню, – это как вошла обратно в корабль. Во время взрыва я потеряла сознание, а мой напарник... он меня подхватил. Что случилось после, я не знаю. Должно быть, я умерла. Но не возродилась. Должно быть, корабль отключил функцию воскрешения –

либо из-за полученных повреждений, либо потому, что не было выхода. А может, ее выключили – скажем, мой напарник... – Кейт покачала головой. – Я почти вижу его лицо... Он меня спас. Но каким-то образом в трубу я не вернулась. В девятнадцатом году мой отец поместил в трубу Хелену Бартон – мою мать. Я родилась в семьдесят восьмом. Труба запрограммирована на возвращение атланта в тот миг, когда он умер. Она выращивает зародыш, имплантирует воспоминания, затем вскармливает зародыш до стандартного возраста...

– Стандартного возраста?

– Примерно мой нынешний...

– Атланты не стареют?

– Стареют, но отменить процесс старения легко с помощью пары простых генетических изменений. Старение – это просто запрограммированная клеточная смерть. Но для атлантов отмена старения – табу.

– Не стареть – табу?

– Это воспринимается, как... ох, трудно объяснить, но что-то вроде

жадности до жизни

. Погоди, это не совсем правильно. И это, и еще признак неуверенности в себе: отказ от старения означает, что ты цепляешься за незавершенную юность, словно не готов двигаться дальше. Отказ от смерти означает, что жизнь не завершена, что ты ею недоволен. Но определенным группам дозволено отключать старение, поддерживая стандартный возраст; и исследователи дальнего космоса – одна из таких групп.

– Значит, атланты... – Дэвид поколебался. – Ты... космический исследователь?

– Не совсем. Извини, я употребляю не те слова... – Женщина схватилась за голову. – Ты не посмотришь, нет ли в ванной чего-нибудь от головной боли?

Дэвид вернулся с упаковкой адвила, и Кейт проглотила четыре таблетки всухую, прежде чем Вэйл успел опротестовать такую дозировку. «Она же врач. Мне ли судить?»

- Мы двое были научной командой...
- Зачем вы прибыли?
- Я... не помню, – она потеряла виски.
- Значит, ученые. А какого рода? На чем вы специализировались?
- На антропологии. Какой там ближайший термин? Мы были эволюционными антропологами. Изучали человеческую эволюцию.
- Что ж в этом опасного? – тряхнул головой Дэвид.
- Исследовать первобытные миры всегда опасно. На случай внезапной гибели в поле было запрограммировано наше возрождение, чтобы мы смогли продолжить работу. Но что-то с моим возрождением пошло не так. В моем случае труба имплантировала память, но не могла развить меня – мое нерожденное тело оказалось в ловушке в теле матери. Эти воспоминания таились в подсознании десятилетиями до сегодняшнего дня, когда я достигла стандартного возраста, – Кейт без сил повалилась на кровать. – На все, что я когда-либо делала, меня побуждали эти подсознательные воспоминания. Вот откуда мое решение сначала стать врачом, а потом исследователем. Мое решение разрабатывать генную терапию для аутистов – просто проявление моего стремления откорректировать ген Атлантиды.
- Откорректировать?
- Да. Семьдесят тысяч лет назад, когда я ввела ген Атлантиды, человеческий геном был не готов к нему.
- Не понял.
- Ген Атлантиды крайне замысловат. Это своего рода ген выживания и коммуникации.
- Коммуникации... Наши общие сны?
- Да. Вот как мы смогли достичь этого – подсознательного общения с помощью субатомных частиц, излучения, которым обменивается наш мозг. Все началось, когда ты был в Северном Марокко, а я – в Южной Испании. Это потому, что у нас обоих есть ген Атлантиды и мы связаны. Люди не смогли бы воспользоваться этой «связью» еще тысячи лет. Я дала людям ген Атлантиды, чтобы они смогли выжить. Аспект выживания был единственной целью. Но он вышел из-под контроля.
- Кто?
- Люди, эксперимент... Нам приходилось вносить периодические генетические модификации – изменения гена Атлантиды, – она

кивнула в ответ на собственные мысли. – Для внесения модификаций мы использовали ретровирусную генетическую терапию – да, вот именно: эндогенные ретровирусы в человеческом геноме, вот что это такое – окаменелые останки былых генных терапий, которые мы задавали людям, последовательные накопительные модернизации.

– Кейт, я по-прежнему не понимаю.

– Мартин был прав. Это невероятно. Гениально.

– Я...

– Хронология Мартина показывает модификации гена Атлантиды – двенадцать тысяч пятьсот лет назад они не закончились.

– Верно...

– Его «пропущенная Дельта» и «падение Атлантиды» означают уничтожение нашего корабля и кончину моей научной команды. Конец изменений, вносимых нами в человеческий геном.

– Значит, отсюда следует...

– Что изменения продолжались. В человеческую эволюцию вмешивался еще кто-то. Твоя гипотеза совершенно верна. Существовали две фракции.

*

Дориан закрыл глаза. Он никогда не мог уснуть перед боем. До острова Альборан, до захвата Кейт в плен и доставки ее к Аресу остались считанные часы пути. Когда он освободит атланта, то, наконец, узнает, кто же он на самом деле. Дориану было не по себе. Что ему предстоит узнать?

Слоун пытался представить Ареса. Да, вот он, смотрит на него искаженным образом, отраженным в кривизне стекла – пустой трубе...

Дориан отступил на шаг. Перед ним полукругом стояла дюжина труб. В четырех находились то ли приматы, то ли люди. Сказать трудно.

Двери позади него с шипением распахнулись.

– Тебе не следовало сюда являться!

Дориан узнал этот голос, но не мог поверить собственным ушам. Медленно повернулся.

Перед ним стояла Кейт. На ней было одеяние вроде его собственного, но несколько иное. На нем был мундир, на ней – скорее комбинезон работника стерильного исследовательского комплекса.

При виде труб глаза Кейт широко распахнулись.

- Ты не имеешь права брать их...
- Я их защищаю.
- Не лги мне.

– Ты

подвергла их опасности. Ты дала им часть нашего генома. Ты недооцениваешь ненависть наших врагов. Они будут охотиться, выискивая всех нас до последнего.

- Вот почему тебе ни в коем случае не следовало являться...
- Ты – последняя из моего народа. Как и они.
- Я подвергла воздействию только один подвид, – сказала Кейт.
- Да. Я понял это, когда взял образцы. Теперь этому виду грозит вечная опасность. Тебе нужна моя помощь.

Глава 72

Где-то близ острова Альборан

Средиземное море

Подойдя к раковине, Кейт умылась, словно это могло избавить ее от липкой паутины, облепившей сознание, и помочь вспомнить. Она чувствовала ответы, истину во всей ее полноте, схоронившуюся в укромных уголках памяти, у самых кончиков пальцев, но все равно недостижимую.

Когда она вернулась, Дэвид ждал ее в каюте, уже надев бронежилет. Его лицо выражало полную боевую готовность, которую Кейт уже узнавала шестым чувством.

- Откуда ты знаешь, что существовали две фракции атлантов?
- Просто знаю. И корабли. Мартин был прав. Они принадлежали двум разным группам.
- В Антарктиде целые мили труб. Кого они содержат? Еще ученых? Солдат? Армию?

Закрыв глаза, Кейт потеряла веки. В памяти царил суший кавардак, и все же ответы были где-то там.

- Я... не могу вспомнить. Вряд ли они были исследователями.

– Значит, солдатами.

– Нет... Быть может... Просто дай мне немного времени. У меня весь мозг прямо огнем горит.

Присев на кровать, Дэвид обнял ее рукой за плечи. Пару минут оба сидели в молчании. Наконец, он сказал:

– Высадка меньше чем через час. Надо вычислить убийцу.

Кейт кивнула.

– Мои подозреваемые – Шоу и Чанг, именно в таком порядке, – сообщил Вэйл.

– Тогда давай начнем с конца, – предложила Кейт. – С мотива. Кто мог хотеть смерти Мартина – и зачем вообще кому-то потребовалось его убивать?

– Мартин был близок к созданию лекарства, это нам известно из его записей.

– Значит, тот, кто хотел помешать ему найти лекарство, является нашим главным подозреваемым, – заключила Кейт. – Чанг и Янус хотели найти лекарство. Как мне кажется, это снимает с них подозрения. Нам известно, что для Иммари помешать созданию лекарства – задача первостепенной важности. На этом судне лишь один человек был лояльным солдатом Иммари, когда все началось, – Камау.

– Это не он, – парировал Дэвид.

– Откуда такая уверенность?

– В Сеуте он спас мне жизнь.

– Быть может, он получил такое задание – спасти тебя и идти следом, чтобы найти меня.

Дэвид тяжело вздохнул.

– Дальше. Чанг тоже был лоялистом Иммари, когда все началось, – Кейт увидела, что Дэвид не на шутку рассердился. – Дьявол, да он главный массовый убийца на этом судне. Скольких он убил в Китае? Сотни, тысячи?

– Сомневаюсь, что он сумел бы сломать Мартину шею, – заметила Кейт.

– Живому, может, и нет, но что... что, если Чанг уже убил Мартина? Ты сказала, что он впрыснул ему на чумной барже какое-то лекарство. Что, если лечение убило Мартина, а Чанг сломал ему шею

после того,
чтобы скрыть это?

– Эту гипотезу мы проверить не можем. Провести вскрытие здесь не удастся. Камау – самый подходящий подозреваемый. Он обученный убийца.

– Я тоже. Как и Шоу.

– Ты не упомянул Януса.

– Я только... не думаю, что это он. Не знаю почему.

– Шоу спас мне жизнь в Марбелье, – сообщила Кейт.

– Быть может, он получил такое задание.

– Он
действительно
получил такое задание...

– От
Иммари

, – уточнил Дэвид. – Есть и другой мотив. Забудь о лекарстве. Что, если Мартин знал оперативников САС и знал, что Шоу не был одним из них?

Слова Вэйла заставили Кейт прикусить язык.

– Ты сказала, что Шоу очень уверенно ориентировался в лагере Иммари.

– Судя по твоим словам, ты тоже сориентировался довольно быстро.

– Тушэ, – тряхнул Дэвид головой.

Но Кейт хотелось сказать кое-что другое, прежде чем дискуссия, спор или то, во что все это выльется, не покатило дальше.

– Послушай, я не знаю, кто убил Мартина и что нам делать. Знаю лишь одно: что бы ты ни решил, я тебя поддержу.

– Только этого мне и надо, – Дэвид поцеловал ее в пылающий лоб.

*

Все собрались на верхней палубе яхты. Дэвид вручил Камау автомат и пистолет. Такой же автомат висел у Вэйла на плече.

Шоу переводил взгляд с Дэвида на Камау и обратно.

– Меня ты не вооружаешь...

– Заткнись, – прервал его Вэйл. – Мы прибудем к острову Альборан через двадцать пять минут. Вот что мы сделаем...

Когда Дэвид закончил излагать свой план, Шоу лишь головой покачал.

– Вы нас всех угробите. Кейт...

– Именно так мы и поступим, – с напором отозвалась она.

*

В рубке корабля Дэвид кивнул Камау, и тот включил радиостанцию.

– Аванпост острова Альборан, мы – офицеры Иммари, уцелевшие в сражении за Сеуту. Просим разрешения причалить.

Аванпост отозвался, осведомившись о звании Камау и его личном номере Иммари. Тот ответил быстро и спокойно, стоя к Дэвиду спиной. Наконец сообщил:

– Нам дают добро на швартовку.

– Отлично. Продолжаем.

Глава 73

Остров Альборан

Дэвид отрегулировал резкость бинокля. Остров Альборан уже показался впереди. Восходящее солнце озарило крохотную каменную площадку, возносящуюся из Средиземного моря, площадью меньше городского квартала. В дальнем конце виднелся простой двухэтажный дом из камня и бетона, видом более всего напоминающий средневековую тюрьму. В центре острова возвышался маяк.

На другом конце располагалась вертолетная площадка с тремя застывшими в ожидании винтокрылыми машинами.

Причал обнаружился у подножия двадцатифутового утеса, вдающегося в море. Дэвид чуть изменил курс судна, направив его к причалу.

– Тут что, держать эскадрилью из трех «Еврокоптеров Х3» в порядке вещей?

– Нет, – покачал головой Камау. – Обычно только один. Они получили подкрепление. Возможно, от основного флота Иммари или

оккупационных войск из Южной Испании.

Дэвид взвесил последствия такого оборота событий. Каждый вертолет способен нести дюжину человек. В здании в ожидании атаки могли прятаться сорок бойцов. Чересчур много.

Он мысленно внес поправки в свой план.

*

Пришвартовав яхту у причала, Камау принялся взбираться по лестнице, ведущей с утеса на поверхность острова.

Солдат на причале не обнаружилось, и наверху лестницы он остановился, озирая пустынный пейзаж – сплошь камни да песок. Здесь тоже солдат не оказалось, только стелющаяся над землей пыль. В полусотне ярдов дальше высился маяк. Его башня чернела на фоне восходящего солнца черным силуэтом, будто тропа тьмы, ведущая в неизвестность.

Камау вышел из тени, демонстрируя, что он не вооружен, – это могло спасти ему жизнь. Руки он держал по бокам.

По мере приближения к военному объекту совершенно безоружным Камау чувствовал, как по коже бегает мурашки, но альтернатив не было.

Вдруг гроыхнул выстрел, и пыль взметнулась в трех футах от его ног.

Остановившись, Камау поднял руки.

На крыше здания показались трое снайперов.

Семеро солдат, выбежавших из здания, окружили Камау.

– Назовитесь! – рявкнул один из них.

Не опуская рук, Камау ответил спокойным тоном:

– Как я понимаю, вы получили мое сообщение. Дайте мне оружие, нужно штурмовать судно сейчас же. Я у них на подозрении.

Солдат заколебался.

– Сколько человек на борту?

– Двое обученных, хорошо вооруженных солдат. Они на верхней палубе, ждут моего возвращения. Трое ученых внизу, каждый заперт в отдельной каюте. Они не вооружены. Объект – женщина. Она не должна пострадать.

Солдат Иммари что-то проговорил в рацию, из здания вышли еще трое солдат, присоединившихся к семерым, стоящим вокруг Камау.

– Дайте мне оружие...

– Молчать. Оставайтесь здесь, – отрезал солдат. – С вами разберемся позже, – он знаком велел людям следовать за ним и двинулся прочь, уводя семерых и оставив двух солдат охранять Камау. Теперь на крыше было только двое; скорее всего, один из снайперов присоединился к штурмовому отряду.

Камау стоял на месте, по-прежнему чуть приподняв руку, и смотрел, как солдаты добрались до края скальной платформы и по лестнице сбежали на причал.

Его внимание было приковано к судну.

Пять секунд, десять, пятнадцать секунд, двадцать...

Причал содрогнулся от мощного взрыва, пославшего вдоль утеса вверх огненную вспышку. Взрывная волна швырнула Камау и обоих солдат на землю. Перекатившись, он одним ударом послал ближайшего из них в нокаут. Второй уже успел подняться на колени, и Камау бросился к нему. Тот попытался встретить его кулаком, но Камау сумел войти с ним в клинч, швырнул противника головой о землю и почувствовал, как тотобмяк.

Даже не осмотревшись, он сорвал у солдата с пояса гранату и метнул на крышу здания, надеясь ликвидировать снайперов, прежде чем те успеют вернуться на позиции. Сорвал вторую гранату и кинул вслед за первой – просто на случай, если промахнулся. Оба взрыва почти одновременно прогремели в тот момент, когда он забросил третью гранату в здание прямо сквозь стеклянную филенку передней двери.

Схватив автоматическую винтовку солдата, Камау побежал к зданию. Надо добраться туда, найти укрытие возле окна. Если граната взорвется до этого момента, то осколки стекла и металла изрешетят его, как дуршлаг.

*

Дэвид быстрее заработал ногами. Ласты толкали его вперед, и он волей-неволей залюбовался рифами, которые окружали остров Альборан. При других обстоятельствах Вэйл бы с удовольствием задержался здесь надолго и нырял бы целыми днями напролет. Но сейчас стоило поторопиться. Дэвид прибавил ходу, попутно стараясь составить в голове карту в попытке оценить, насколько далеко удалось уйти. Если всплыть слишком рано, возле здания аванпоста, снайперы на крыше запросто его снимут.

Наконец он решил подняться к поверхности. Быстро сбросил акваланг и маску. Не считая ножа, никакого оружия при нем не было.

Подойдя к поверхности скалы, Вэйл застыл в ожидании. Ему хотелось выглянуть, чтобы узнать, насколько близко он подобрался к вертолетам, но рисковать Дэвид не посмел.

Он ждал.

Тяжело ухнул взрыв, и Дэвид мгновенно перешел к действию. Подтянулся на плоскую пыльную площадку и во весь дух рванул в сторону вертолетов. До них было добрых шестьдесят ярдов.

Со стороны аванпоста докатилось еще два взрыва.

*

Кейт снова перехватила рукоять пистолета, чувствуя себя с ним в руках очень неловко. Крохотная надувная шлюпка яростно раскачивалась на волнах.

– Как бы там ни было, я ужасно сожалею об этом, коллеги.

– Целиком понимаю, – подхватил доктор Янус.

– Поддерживаю, – присоединился доктор Чанг. – Это было единственное разумное решение.

Шоу что-то проворчал под нос. Кейт удалось разобрать только богохульства; наверно, он радовался, что она не расслышала его реплики.

Вдали крохотный островок тряхнуло взрывом, и Кейт увидела, как обломки стотридцатифутовой яхты дождем посыпались в Средиземное море.

К собственному изумлению, при виде охваченного огнем судна Кейт испытала чувство утраты. Несмотря на стресс и тревоги во время путешествия, время, проведенное в каюте с Дэвидом, было ей дорого. Что сулит им будущее?

*

Дэвид почти добрался до тройки вертолетов, когда увидел Камау, появившегося на крыше здания.

Вэйл остановился как вкопанный, повернулся к зданию и застыл в ожидании.

Камау вскинул снайперскую винтовку к плечу, направив ее на Дэвида и вертолеты, и провел ей влево-вправо несколько раз. Затем ослабил хват винтовки и просигналил Дэвиду: все чисто.

Этого Вэйл не ожидал. Он предполагал, что у вертолетов останется на посту хоть один часовой. Слоун не оставил бы вертолеты без охраны. Теперь Дэвид не сомневался: Дориана здесь еще нет.

Командир базы бросил все свои ресурсы на захват судна. Или...

Добежав до первого вертолета, Дэвид быстро заглянул внутрь, затем метнулся между двумя другими. Во всех оказалось пусто. Камау был прав: здесь никого.

Почему? Неужели вертолеты заминированы? Требовалось выяснить, в какой из машин больше всего топлива. Дэвид подобрался к двери ближайшего вертолета и заглянул внутрь. Никаких признаков растяжки. Он ухватился за ручку и начал ее поворачивать.

*

Камау бегом устремился через здание, отыскивая запасные емкости с топливом. И нашел их в кладовой первого этажа. Схватил две канистры и вышел на улицу. Дэвид уже дожидался его там.

– Слоуна не видать?

Камау покачал головой.

– Должно быть, это авангард – проверка, не собьют ли их рельсотроны. Слоун ни за что не станет рисковать жизнью. Нужно поторопиться; он не мог сильно отстать, – Дэвид умолк, обдумывая что-то. – Ты взрывчатки внутри не видел?

– Видел.

– Неси. Оставим Слоуну сюрприз.

*

Пять минут спустя Дэвид сидел в вертолете, спокойно глядя, как остров Альборан уплывает прочь. Впереди развернулась водная гладь, и Камау подправил курс вертолета. Спасательную шлюпку с Кейт и троими мужчинами немного отнесло течением, но все равно найти ее было нетрудно.

Они следовали процедуре, которую Дэвид изложил на яхте: Кейт и сумку с оружием и компьютерным оборудованием подняли первыми, а за ними последовали Янус, Чанг и Шоу – именно в таком порядке.

Когда все оказались на борту, Камау спросил Дэвида через шлемофон:

– Куда?

Откровенно говоря, Вэйл понятия не имел. Но... на север, в Испанию, путь был закрыт; на юг, в Марокко, – тоже, как и на запад, в

Атлантику.

– На восток. И держись пониже.

Глава 74

Остров Альборан

Дориан увидел два столба жирного дыма задолго до того, как показался сам крошечный островок Альборан.

Пилот остановил головной вертолет Дориана, зависнув в полукилометре от острова, давая возможность всем находящимся в эскадрилье из вертолетов рассмотреть аванпост.

У причала пылала могучая яхта. Камень и бетон двухэтажного здания и примыкающего к нему маяка тоже были охвачены яростным огнем. Дориан разминулся с ними не так уж сильно. Максимум на час.

– Сэр, – сказал пилот, – смахивает на то, что пирушка прошла без нас.

Этот человек явно страдает «синдромом компульсивной констатации очевидного» – недуга, распространяющегося среди окружающих Дориана со скоростью морового поветрия.

– Весьма наблюдательно. Вам бы в аналитики пойти, – проворчал Дориан, ломая голову, что же делать дальше.

– Bravo-лидер, здесь Bravo-три. У нас топлива только сорок процентов. Прошу разрешения сесть и дозаправиться...

– Не разрешаю, Bravo-три! – рявкнул Дориан в микрофон.

– Сэр? – обернулся к нему пилот его собственного вертолета. – У нас тоже менее пятидесяти процентов...

– Группа Bravo, удерживать дистанцию от аванпоста. Bravo-три, подпали-ка ближайший вертолет.

Соседний вертолет пустил ракету, которая разнесла один из двух вертолетов, оставшихся на посадочной площадке острова, в пух и прах. Через долю секунды весь остров содрогнулся от второго, куда более мощного взрыва.

– Они заминировали вертолеты? – спросил пилот.

– Да. Снимите и второй, – распорядился Дориан. – Где здесь ближайший источник топлива?

– В Марбелье или Гренаде. Оккупационные войска докладывают, что оба региона зачищены...

– Они отправились на восток.

– Откуда вы...

– Оттуда, что они знают, что мы летим следом, и больше им лететь некуда, – Дориан переключил внимание на своего адъютанта Косту, сидевшего напротив. – У нас тут есть поблизости чумные баржи – к востоку?

Коста лихорадочно застучал по клавишам ноутбука.

– Да, но она вот-вот пришвартуется в Картахене.

– Разверни. Вели им следовать на юг, на перехватывающий курс с нами.

– Есть, сэр.

– От него ни слова? – осведомился Дориан. Последнее сообщение гласило: «Остров Альборан. Быстрей». Неужели он в опасности?

– Нет, сэр, – Коста посмотрел из окна на пылающий остров. – Он мог пасть в бою...

– Больше даже не заикайся мне об этом, Коста.

*

Доктор Пол Бреннер спал на диване в своем кабинете, когда дверь вдруг распахнулась, грохнувшись о стену и перепугав его до смерти.

Подскочив с дивана, Пол начал нашаривать на кофейном столике свои очки. Его потряхивало, мысли путались. Эти часы сна были лучшими за... достаточно долгое время.

– Что...

– Вы должны это видеть, сэр, – голос лаборанта дрожал.

Волнение? Испуг? Пока Пол отыскивал очки, того уже и след простыл.

Бреннер трусцой припустил следом по коридору Центра по контролю заболеваемости в сторону изолятора. Перед ним стояли ряды кроватей под пластиковыми шатрами. Пол лишь смутно видел, что находилось внутри. Больше всего его напугало то, чего он

не

увидел. Ни движения, ни огоньков, ни ритмичного «бип, бип, бип».

Он прошел дальше в комнату. Отдернул пластиковый занавес ближайшей кровати. Кардиомонитор молчал и даже не светился, потому что был выключен. Лежавший под ним пациент был неподвижен. Вытекавшая из его рта кровь замарала белые простыни.

Пол медленно перешел к постели сестры. То же самое.

– Коэффициент выживаемости? – безжизненным тоном осведомился он у лаборанта.

– Ноль процентов.

Пол на негнущихся ногах побрел из больничного крыла, страшась каждого шага и заставляя себя двигаться дальше. Он чувствовал себя опустошенным, напрочь лишенным надежды. Таким Бреннер не чувствовал себя с самого начала вспышки, с той поры, как Мартин Грей пригласил его в Женеву двадцать лет назад и сказал, что нуждается в помощи в работе над проектом, который может спасти человечество.

В зале Центра управления Орхидеи стеклянные двери разошлись снова. Экраны, отображавшие результаты поисков алгоритма «Симфонии» пару часов назад, сейчас показывали карту мира, залитую красным цветом статистики смертности по всей планете.

На лицах находящихся в зале людей отражался тихий ужас оттого, что показывали экраны. Ступившего в зал Пола встретили угрюмые взгляды. Сейчас к нему обратилось меньше лиц, чем в прошлый раз. Некоторые члены команды выжили в чуме, как и он, обладая иммунитетом. Но для большинства Орхидея оставалась единственной надеждой на выживание, и теперь она им изменила. Эти члены команды уже в изоляторе. Или в морге.

Оставшиеся, которые обычно толпились вокруг столов или спорили, сейчас сидели тихо, с черными мешками под глазами. Столы были уставлены пластиковыми стаканчиками с недопитым кофе.

Руководитель команды встал и откашлялся. Он начал говорить, когда Пол вошел в зал, но Пол не слышал ни слова, сосредоточив внимание на карте, будто в транс, словно она притягивала его.

Район Орхидеи Бостон: подтвержденная смертность среди всего населения 22 %.

Район Орхидеи Чикаго: подтвержденная смертность среди всего населения 18 %.

Он пробежал взглядом статистику.

В Средиземноморье чуть южнее Италии один остров светился зеленым, как единственный выбитый или неисправный пиксел.

Пол коснулся сенсорного экрана, и масштаб увеличился.

Мальта

Район Орхидеи Валлетта: подтвержденная смертность 0 %.

Район Орхидеи Виктория: подтвержденная смертность 0 %.

– Что это такое? – спросил Пол.

– Надувательство, – крикнул один из аналитиков.

– Мы не знаем, – докинул другой.

Стоявший руководитель команды поднял руки.

– У нас растущие показатели смертности по всему миру, сэр.

– А Мальта не доложила? – спросил Пол.

– Доложила. У них нет смертей.

– Мальтийский орден опубликовал заявление, утверждающее, что рыцари ордена «обеспечивают убежище, уход и утешение в сей темный час кризиса и войны, как делали прежде», – подал голос другой аналитик.

Пол снова уставился на карту, не зная, что сказать.

– Мы думаем, – начал руководитель команды, – что они пытаются поддержать легенду о рыцарях-госпитальерах или, хуже того, привлечь трудоспособных индивидуумов помочь им содержать остров.

– Интересно... – пробормотал Пол.

– Все остальные докладывают на данный момент о смертности от пятнадцати до тридцати процентов. Мы полагаем, в некоторых местах с цифрами что-то путают. Ватиканский Район Орхидеи заявляет о двенадцати процентах; район Шанхай-Альфа показывает тридцать четыре процента, а Шанхай-Бета примерно вполовину меньше...

Пол побрел к двери. Мысли его неслись стрелой, наскакивая одна на другую.

– Сэр? Есть ли другая терапия?

Пол обернулся к аналитику, гадая, поместил ли Белый дом в команду человека, отчитывающегося перед своим начальством, способного дать добро или зарубить новое лечение, информатора, подсказывающего Вашингтону, не перейти ли к поглощению «Преемственности» и программе эвтаназии.

– Есть... кое-что еще, – заявил Бреннер. – Я как раз над этим работаю. Это имеет отношение к Мальте. Мне нужно, чтобы вы связались с директорами районов Виктория и Валлетта. Узнайте все, что сможете.

В этот момент в зал вбежала ассистентка Пола.

– Сэр, президент на проводе.

Глава 75

Над Средиземным морем

В большом вертолете было спокойно, и Дэвид чувствовал благодарность по отношению к легкой вибрации, которая помогла Кейт уснуть сразу после посадки на борт. Он сидел, выпрямившись и глядя в окно. Камау, который вел вертолет, и Шоу находились спереди, в кокпите, Янус и Чанг сидели напротив Дэвида. Вид у обоих был изнуренный и безразличный.

Кейт приникла к Дэvidу, положив голову ему на плечо, и он боялся шелохнуться. Пистолет находился у него под правым бедром, чтобы можно было пустить его в ход при малейшей необходимости.

Теперь, с Кейт, спящей у него на плече, пистолетом в руке и четырьмя подозреваемыми прямо перед ним, Дэвид впервые с момента убийства Мартина чувствовал себя более-менее спокойно. Да и мысль о том, что лекарство найдено, тоже помогала.

Дыхание Кейт было ровным и спокойным, не в пример тому мучительному моменту на яхте, когда ее бросало в жар от кошмаров. Дэвид гадал, где она пребывает, что ей снится... или вспоминается.

– Хочу похвалить вас, мистер Вэйл, – негромко, чтобы не разбудить Кейт, проговорил Янус. – Мне нечасто приходится изумляться прозорливости, подобной той, что была выказана вами на

судне. Ваши познания в истории весьма... незаурядны. Я принимал вас за простого вояку.

– На этот счет не волнуйтесь. Такое происходит то и дело, – Дэвид заподозрил, что Янус к чему-то подбирается, разогревает его, как подозрительного субъекта, располагающего ценной информацией, но не мог предположить, куда ученый клонит.

– Для меня осталась только одна загадка.

Дэвид приподнял брови, чтобы лишний раз не подавать голос, рискуя разбудить Кейт.

Янус приподнял шифровку Мартина, чтобы Дэвид взглянул на нее еще раз.

ПИЕ = Иммару?

535...1257 = Второй Тоба? Новая система доставки?

Адам => Потоп/Падение А\$ => Тоба 2 => КБУ

Альфа => Пропущена Дельта? => Дельта => Омега

70 ТЛ => 12,5 ТЛ => 535...1257 => 1918...1978

Мутация Альфы – локализация традиции Атлантиды?

– Последняя строка шифра Мартина: «Мутация Альфы – локализация традиции Атлантиды?» Что, по-вашему, она означает? – Янус сложил листок обратно. – Мне также любопытно, почему Мартин включил сверху упоминание о ПИЕ. Оно кажется... ненужным, если наша теория о том, что лекарство заключено в геноме Кейт и переживших две эпидемии бубонной чумы в прошлом, верна.

Дэвид не мог не признать, что тот попал в точку.

– Может, это маскировка или ложная ниточка, чтобы сбить с толку того, кто найдет записки.

– Да, возможно. Но у меня есть другая гипотеза. Что, если мы прозевали фрагмент – очередной генетический поворотный пункт? Альфа. Адам. Введение гена Атлантиды.

Дэвид поразмыслил над этим предположением.

– Быть может... но найти трупы умерших от чумы в шестом и тринадцатом веках нелегко, а они миллионами погребены по всей Европе. Вы же говорите о единственном теле, погребенном где-то в Африке семьдесят тысяч лет назад... Его найти более чем невозможно.

– Это правда, – со вздохом согласился Янус. – Я упомянул об этом лишь потому, что вы оказались наиболее прозорливым в отношении записок. Как ни странно, ваше историческое образование представляется тут более уместным, чем мое научное, – он бросил взгляд за окно вертолета. – Я вот все ломаю голову, нашел ли его Мартин. Не отыскал ли он каким-то образом останки Адама, не оставил ли где-нибудь в этой записке подсказки?

Дэвид задумался над его словами. Может, там было что-то еще?

– Опять же, – продолжил Янус, – следует принять во внимание намерения Мартина. Очевидно, он знал, что Кейт – фрагмент генетической головоломки, но его первостепенной целью являлся обмен лекарства на ее безопасность. Если Мартин распознал все фрагменты, быть может, он обозначил последнюю подсказку – местонахождение Адама – только для нее.

– Вот только подсказки нет. Ни дат, ни мест. Только «Мутация Альфы – локализация традиции Атлантиды». Мы даже не знаем, о какой

традиции

может идти речь.

– Да, однако у меня есть гипотеза. Если рассмотреть тибетский гобелен, являющийся, как мы все согласились, ключом к шифру Мартина и хронологии, то в этом изображении имеется весьма явное указание на традицию – Ковчег, который дикари несут в горы во время потопа и падения Атлантиды.

Дэвид непроизвольно кивнул. Как же он не увидел этого прежде? И что это означает? Какое отношение Адам имеет к традиции? И что внутри ящика – Ковчега?

– Да... это интересно... – пробормотал он.

– И последнее замечание, мистер Вэйл. Первая строка шифра: «ПНЕ = Иммару?» Как вы думаете, почему Мартин туда ее поместил?

– Чтобы направить нас к гобелену?

– Да, но Кейт уже знала об этом. Быть может, это ниточка, ведущая к чему-то? Она кажется... излишней. Ее можно убрать, и хронология ничуть не пострадает. Она не добавляет никакой дополнительной информации, как и последняя строка. Если, конечно, это реальные подсказки, ведущие нас к Адаму и этой традиции, каким-то образом раскрывающей секреты «эксперимента Атландиты».

Чанг поднял глаза, будто очнувшись ото сна.

– Вы думаете...

– Я думаю, – заявил Янус, – что и это еще не всё. Я как раз гадаю, нельзя ли разбудить Кейт, чтобы спросить ее мнение. Похоже, вся загадка сводится к ней.

Дэвид невольно обнял Кейт покрепче.

– Мы не станем ее будить.

Янус быстро окинул ее взглядом.

– Ей нехорошо?

– Она в порядке, – отрезал Вэйл самым громким тоном, на какой осмелился с самого начала беседы. – Она нуждается в отдыхе. Давайте и мы все устроим перекур.

– Очень хорошо, – кивнул Янус. – Могу я поинтересоваться, куда мы летим?

– Я скажу, когда доберемся.

Глава 76

Кейт подумала, что этот сон гораздо живее, чем остальные. Нет, не сон... воспоминание. Войдя в шлюзовую камеру, она остановилась в ожидании. Корабль назывался «Посадочный модуль Альфа».

Надетый на ней скафандр слегка раздулся, когда вокруг него закружился воздух.

Массивные двери раздвинулись, открыв пляж и скальный утес, уже виденный прежде. Толстый покров черного пепла, ранее устилавший землю, бесследно исчез.

Голос в шлеме прозвучал совершенно отчетливо, и Кейт чуть подскочила, услышав его.

– Рекомендую взять колесницу. Идти далековато.

– Поняла, – ответила Кейт. Ее голос звучал иначе – как механический, лишенный эмоций.

Подойдя к стене, она поднесла руку к панели. Оттуда появилось облачко синего света, и Кейт движениями пальцев принялась им манипулировать. Стена открылась, и в камеру вплыла колесница, зависнув над полом.

Ступив на нее, Кейт взялась за пульт управления. Колесница развернулась и стремительно вылетела из камеры, но женщина почти не ощутила движения – устройство создавало некое поле, не дававшее инерции воздействовать на нее.

Колесница двигалась над пляжем, и Кейт взглянула наверх. Небо было ясным – ни следа пепла. Солнце ярко сияло, и она увидела за скалами, обступившими пляж, пышный ковер зеленой растительности.

Мир исцелялся. Жизнь возвращалась.

Сколько же времени прошло с той поры, как она провела терапию – генетическую технологию, которую люди назовут геном Атлантиды? Годы? Десятилетия?

Колесница приподнялась, чтобы обогнуть скалистый гребень.

Кейт любовалась зеленым девственным ландшафтом. Джунгли возвращались, восставая из пепла, будто новый мир, созданный с чистого листа, – обширный сад, разбитый, словно убежище для первых людей.

Вдалеке в воздух поднимался столб черного дыма. Колесница устремилась вперед, и на горизонте показалось селение. Его выстроили у подножия высокой скальной стены для лучшей защиты от ночных хищников. Стойбище было организовано так, чтобы вход в него оставался только один, и он бдительно охранялся. Хибарки и шалаши образовывали полукруг, а самые большие пристраивались прямо к поверхности стены в глубине стойбища. Полыхающий общинный костер тоже помогал не подпускать хищников.

Кейт знала, что добывать огонь люди научатся позже, а на этом этапе развития они могли только поддерживать огонь, порожденный природными силами наподобие молний. Поддержание костра жизненно важно для стойбища – и ради защиты, и для приготовления пищи, которая поможет их мозгам развиваться.

Вокруг костра стояли четверо самцов, подбрасывая дрова, подправляя его и заботясь, чтобы он не ослабевал ни на миг. Огонь поднимался из квадратного каменного очага. Окружившие полыхающее пламя большие валуны образовывали стену, которая

удерживала детей на расстоянии. А детей здесь было множество – возможно, целая сотня – бегающих, играющих и общающихся между собой.

– Популяция растет, – заметил ее напарник. – Нужно что-нибудь сделать. Надо ограничить размер племени.

– Нет.

– Бесконтрольно они...

– Мы не знаем, что будет, – стояла на своем Кейт.

– Мы лишь усугубим для них все...

– Я собираюсь осмотреть альф, – сообщила Кейт, меняя тему. Стремительный рост популяции – предмет озабоченности, но проблемой он не станет. Эта планета невелика, но ее размера вполне достаточно для куда большей популяции – если они окажутся миролюбивыми. На этом и следовало сосредоточиться.

Колесница опустилась, и Кейт сошла. Дети по всему стойбищу, прервав игры, уставились на нее. Многие направились к ней, но родители, бросившись вперед, толкнули их на землю. И сами пали ниц, прижавшись лицом к земле и раскинув руки.

Голос ее напарника стал еще мрачнее.

– Это крайне скверно. Они принимают тебя за бога...

Кейт пропустила его слова мимо ушей.

– Направляюсь в стойбище.

Она знаком велела людям подняться, но они остались распростертыми. Подойдя к ближайшей женщине, Кейт поставила ее на ноги, и тогда поднялись все, бросившись к Кейт и толпясь вокруг нее, когда она двинулась к костру в центре стойбища.

Хижину вождя женщина опознала с первого же взгляда – та была больше и украшена мамонтовыми бивнями. У входа на страже стояли двое мускулистых мужчин. При ее приближении они отступили в сторону.

Внутри в углу сидели пожилые мужчина и женщина. Альфы. Они выглядели очень древними и морщинистыми. Они так до конца и не оправались после того, как едва не умерли от голода в пещере. Трое самцов сидели вокруг каменной платформы в центре хижины, обсуждая нечто напоминавшее карту или чертеж. Все трое встали. Самый рослый шагнул навстречу Кейт, но старик, поднявшись на трясущиеся ноги, взмахом руки отослал его прочь, поклонился Кейт, а

затем повернулся и указал на стену. Там в цепочку вытянулась серия примитивных рисунков. Шлем тут же перевел их:

До Небесного Бога была лишь тьма. Небесный Бог переделал человека по образу своему и сотворил для него новый мир, щедрый и плодородный. Небесный Бог вернул солнце и обещал, что оно будет сиять до тех пор, пока человек будет жить в образе Бога и защищать Его царство.

Миф о творении. Удивительно точный. Их интеллект совершил Большой Скачок Вперед, достигнув самоосознания и умения решать задачи, к чему они были прежде не способны. И свой новообретенный интеллект они направили на величайший вопрос из всех: «Как мы здесь появились? Кто мы? Кто нас создал? Каково наше назначение?»

Впервые они осознали тайны, окружающие их существование, и начали нащупывать ответы, как и все развивающиеся виды. В отсутствие абсолютных ответов они записывали интерпретации собственных верований о том, что произошло.

– Это крайне опасно, – в голосе напарника уже прозвучала тревога.

– Может, и нет...

– Они не готовы к этому, – беспрекословно провозгласил напарник.

Они слишком юны для мифологии, но если их умы уже дошли до такого, последующая за тем религия окажется мощным оружием.

– Мы можем это поправить. Это... может спасти их.

Партнер промолчал.

Это молчание навалилось на Кейт тяжким бременем. Было бы куда легче, если бы он заспорил. Молчание же требовало, чтобы она подкрепила свое заявление.

– Мы должны положить эксперименту конец сейчас же, пока это не усугубило дело для них, – произнес партнер, теперь мягким тоном.

Кейт заколебалась. Развивать религию настолько рано действительно опасно. Она может развращать. Эгоистичные члены племени могут воспользоваться ею для собственной выгоды, манипулируя другими. Ее можно использовать в качестве оправдания и даже фундамента для всякого рода зла. Но при правильном

употреблении она может оказаться невероятной силой цивилизации. Светочем.

– Мы можем помочь им, – настаивала Кейт. – Поправить это.

– Как?

– Дадим им нравственный кодекс. Внедрим в предания уроки, этику.

– Это их не спасет.

– Прежде подобное работало.

– Только до поры до времени. Что случится, когда они перестанут верить? Простыми историями их умы не смогут насытиться надолго.

– Будем решать эту проблему, когда она возникнет, – парировала Кейт.

– Нас может здесь не оказаться, чтобы вести их за ручку. Мы не можем решать все их проблемы.

– Почему же нет? Мы их сотворили. Часть нас

сейчас находится в них. Это наша ответственность. А помощь им может быть важнейшей вещью из всего, что мы можем сделать. Отправиться домой мы определенно не имеем права.

Теперь слова Кейт заставили его умолкнуть. Уступить на время. Расхождение во мнениях было ей не по душе, но она знала, что должна делать.

Подняв руку, женщина набрала команду на пульте. Корабельный компьютер быстро проанализировал графический лексикон дикарей. Тот оказался грубоват, но компьютер без труда составил словарь. Кейт протянула руку, и на каменную стену из нее пролился свет. Спроецированные ею символы выстроились чуть ниже строк, начертанных туземцами.

Пожилой альфа кивнул. Двое самцов бросились прочь из хижины и вернулись с двумя большими зелеными листьями, наполненными густой бордовой жидкостью. Сначала Кейт подумала, что это растертые ягоды, но потом осознала,

что

находится в листьях. Кровь.

Самцы принялись расписывать кровью серые каменные стены, копируя символы, спроецированные скафандром Кейт.

*

Открыв глаза, Кейт обнаружила себя снова в вертолете вместе с Дэвидом. Дверь была открыта, внизу сверкало бликами море. Дыхание бриза наполнило ее легкие, и только тогда Кейт почувствовала, как они пылают. Утерла со лба пленку испарины. Дэвид не сводил с нее глаз.

Он указал на наушники с микрофоном, висящие посреди салона. Схватив гарнитуру, Кейт быстро надела ее. Дэвид, наклонившись, щелкнул тумблером.

– Сейчас мы на приватном канале, – сообщил он.

Кейт невольно бросила взгляд на Чанга и Януса, которые сидели напротив.

– Что стряслось? – спросил Дэвид, сосредоточив внимание исключительно на ней, игнорируя ученых, продолжавших сидеть с непроницаемым видом.

– Не знаю.

– Скажи мне.

– Не знаю, – Кейт снова утерла пот, ливший с нее ручьем. – Накатывают воспоминания; теперь я не могу их удержать. Я их отпускаю... такое впечатление, будто они... берут верх... по-моему, не знаю. Боюсь, что я теряю... часть себя.

Дэвид внимательно разглядывал ее, словно не зная, что сказать.

Кейт попыталась собраться с мыслями.

– Быть может, я достигла возраста, когда терапия атлантов, или что там творит труба... восстановление памяти захватывает сознание и...

– Ничто ничего не захватывает. Ты останешься в точности такой, какой и была.

– Есть что-то еще. По-моему, мы упустили какой-то момент.

Дэвид перевел взгляд на двоих ученых.

– Что?

– Не знаю.

Кейт закрыла глаза, но на сей раз воспоминания не пришли. Только сон.

Глава 77

Над Средиземным морем

Проснулась Кейт от вибраций на бедре. И первым делом наткнулась на взгляд Дэвида.

Вытащив вибрирующий телефон из кармана, посмотрела на номер. Региональный код 404. Атланта, штат Джорджия. Центр по контролю заболеваемости. «Преемственность». Пол Бреннер. Она ответила на звонок, и понимание разбило скорлупу сонного оцепенения. Кейт слушала. Пол Бреннер откровенно паниковал. Тараторил, набрасывая фразы, которые били по ней, как тяжелые кулаки. «Испытания провалились. Альтернативных терапий нет. Программа эвтаназии санкционирована. Вы можете помочь?»

– Минутку, – проговорила она в трубку и выпрямилась, обращаясь к Дэвиду, Чангу и Янусу. – Не сработало.

– Это не всё, Кейт. Есть еще фрагмент генетической головоломки, – произнес Янус. – Нам нужно немного времени.

– У нас есть кое-что, – передала Кейт в трубку. Выслушав ответ, кивнула. – Ладно, хорошо. Что? Ладно, нет, мы... – Она подняла глаза на Дэвида. – Далеко мы от Мальты?

– Мальты?

Кейт кивнула.

– Часа два, может, чуть меньше на предельной скорости.

– В районах Орхидеи на Мальте смертность нулевая. Там что-то происходит.

Дэвид не сказал ни слова. Просто пробрался мимо Чанга и Януса на сиденье напротив Кейт и начал говорить с Шоу и Камау в кокпите – прокладывая курс к Мальте, как заключила Кейт.

Женщина потеряла голову. Она странно себя чувствовала. Как будто стала более... отстраненной, бесстрастной, онемевшей. Почти как робот. Кейт полностью управляла собственным сознанием; просто воспринимала все происходящее, словно это происходило с кем-то другим. Опасность крайне сильна – истребление девяноста процентов человеческого рода... и все же у нее было ощущение, что она просто участвует в научном эксперименте, исход которого неизвестен, но

лично на ней не скажется. «Что со мною происходит?» Ее чувства, ее эмоциональная сердцевина будто ускользали прочь.

Вернувшийся Дэвид плюхнулся на сиденье рядом с Кейт.

– Мы можем добраться до Мальты за два часа.

Поднеся телефон к уху, женщина возобновила беседу с Полом. «Мы собираемся проверить это... Не можете ли вы их задержать?.. Мы не знаем, что там... Делайте, что сможете, Пол... Еще не кончено».

Закончив разговор, она переключила внимание на ученых.

Но Янус заговорил, прежде чем она успела раскрыть рот.

– Это же было здесь все время, прямо у нас под носом, – он указал на страницу с шифром Мартина. – «Мутация Альфы – локализация традиции Атлантиды».

МАЛЬТА

.

Дэвид тут же бросился просматривать шифр с изменившимся лицом. Что это, вина?

Кейт прервала паузу.

– Мартин искал это, чем бы оно ни было, очень давно. Он думал, что оно находится в Южной Испании, но сказал мне, что ошибся насчет местонахождения. Должно быть, после этого он и добавил пометку насчет Мальты.

– А вы знаете, что это такое? – спросил Янус. – Традиция Атлантиды?

Кейт лишь покачала головой.

Дэвид прижал ее к себе.

– Узнаем через пару часов, – однако выражение его глаз говорило нечто иное: «Помнишь ли ты?» Закрыв глаза, Кейт попыталась сосредоточиться.

*

Шелест скафандра под давлением воздуха в шлюзе был очень узнаваем.

– Поселений уже два, – голос в шлеме Кейт прозвучал очень отчетливо.

– Поняла.

– Передаю координаты первоначального поселения.

Шлем Кейт отобразил карту. Их корабль «Посадочный модуль Альфа» по-прежнему находился близ побережья Африки, где она провела операцию по внедрению гена Атлантиды.

Летучая колесница беззвучно ожидала посреди камеры. Двери медленно разошлись, показав пейзаж по другую сторону. Взойдя на колесницу, Кейт понеслась прочь от корабля.

Мир стал еще зеленее. Сколько же времени прошло?

В стойбище она поняла, насколько много его прошло. Хижин стало раз в пять больше, чем прежде. Минула жизнь не меньше чем поколения.

Да и природа стойбища изменилась. Периметр патрулировали мускулистые воины, облаченные в одеяния из ткани, с боевой раскраской на лицах. Обернувшись к подплывающей Кейт, они принялись угрожающе потрясать своими копьями.

Она взялась за парализующий жезл.

Но пожилой мужчина, заковыляв к воинам, принялся кричать на них. Кейт с изумлением прислушалась. Их языковой прогресс просто поразителен: они уже развили сложную лингвистическую структуру, хотя слова, употребляемые в данный момент, были скорее «неформальными».

Опустив копьё, воины попятились от нее.

Опустив колесницу, Кейт вошла в стойбище.

В этот раз поклонов и раболепствования не было.

Впереди показалась хижина вождя. Простой шалаш трансформировался в храм с каменными стенами, пристроенный прямым углом к поверхности скалы.

Кейт зашагала к нему.

Селяне выстроились по обе стороны, толкаясь и пытаясь рассмотреть ее получше.

Стражники у порога храма расступились, и она вошла.

На алтаре в конце сумрачного, похожего на пещеру зала лежало тело. Перед ним полукругом стояли коленапреклоненные чернокожие люди.

Кейт подошла к ним. Они обернулись.

Уголкем глаза она заметила, что к ней пробирается пожилой самец. Альфа. Кейт изумилась тому, что он прожил так долго. Лечение дало выдающиеся результаты.

Кейт оглянулась на мертвое тело, потом прочла символы над алтарем.

Здесь лежит второй сын нашего вождя. Срезан в поле братским племенем, взалкавшим плода нашей земли

.

Кейт быстро дочитала остаток текста. Похоже, старший сын вождя образовал собственный клан – группу кочевников, рыскающих по округе в поисках пропитания. Младший же обосновался в полях, где его племя занималось охотой и собирательством. Этого сына считали преемником отца, следующим вождем. Его нашли мертвым в поле, а деревья и кусты были обобраны дочиства. Он пал первой жертвой набегов старшего брата, и они боялись, что их станет куда больше. И готовились к войне.

– Мы должны это остановить, – сказал голос партнера у нее в шлеме.

– Остановим.

– Война отточит их умы, улучшит их технологии. Это катастрофа...

– Мы предотвратим ее.

– Если мы перевезем одно из племен, – сказал партнер, – то не сможем контролировать геном.

– Решение есть, – ответила Кейт.

Подняв руку, она спроецировала на стену символы.

Вы не станете воздавать недостойным. Вы покинете это место. Ваш Исход начинается сейчас

.

*

Открыв глаза, Кейт встретила взгляд Дэвида.

– Что?

– Ничего. – Она утерла со лба пот. Воспоминания начали быстрее менять ее. Брали верх. Она становилась более той, кем была в далеком прошлом, и менее – женщиной, полюбившей Дэвида. Она подвинулась ближе к нему.

«Что я могу поделаться? Я хочу остановить это. Я открыла дверь, но смогу ли я ее закрыть?» Ощущение было такое, будто кто-то держит ее мертвой хваткой и силком вливает воспоминания в глотку.

*

Кейт стояла в другом храме. На ней был скафандр, а люди вокруг сгрудились около другого алтаря.

Кейт посмотрела в дверной проем храма. Природа была пышная, но не такая плодородная, как в Африке. Где же они? Может, в Леванте?

Кейт подошла ближе.

На алтаре лежал каменный ящик; она уже видела его прежде – на тибетском гобелене, в изображении Великого потопа, когда восставшие воды поглотили берег, смывая города Древнего мира. Иммару унесли этот саркофаг в горы, она в этом не сомневалась. Не это ли сокровище, ждущее их на Мальте?

Поднявшись с земли, члены племени обратили к ней лица.

Теперь Кейт увидела в альковах, примыкающих к главным коридорам храма, дюжину членов племени, преклонивших колени в медитации, ищущих внутреннего покоя.

Они станут Иммару, горными монахами, которые унесли Ковчег высоко в горы, сберегли свою веру и постарались вести жизнь праведного самоотречения.

Кейт зашагала по проходу.

– Ты знаешь, что надо сделать, – подал голос ее напарник.

– Да.

Толпа у алтаря расступилась, и Кейт, поднявшись по ступеням, заглянула в каменный саркофаг.

Там лежал альфа – основатель и вождь племени – недвижимый, холодный, наконец упокоившийся. Его лицо заострилось, обретя смутное сходство с тем, каким оно было в тот день, когда Кейт впервые увидела его в пещере, когда он принес своей спутнице кусок тухлятины, а сам привалился к стене, чтобы умереть. Тогда она взвалила его на плечо и спасла ему жизнь. Повторить это она не в силах.

Кейт повернулась к столпившимся перед алтарем. Зато она может спасти

их

– Это опасно.

– Альтернативы нет, – отрезала Кейт.

– Мы можем завершить этот эксперимент здесь и сейчас.

Кейт непроизвольно тряхнула головой.

– Не можем. Теперь пути назад для нас нет.

Закончив модификацию, она сошла с алтаря. Служки затолпились вокруг, устремившись куда-то мимо саркофага, принесли каменную крышку и возложили ее на гроб.

Кейт смотрела, как они вырезают на стенке Ковчега ряды символов.

Шлем перевел их:

Здесь лежит первый из нашего племени, переживший тьму, видевший свет и последовавший на праведный зов.

*

Кейт открыла глаза.

– Я знаю,

что

находится на Мальте,

что

защищали Иммару.

«Не говори», – призывал взгляд Дэвида.

– Это часть лекарства? – оживился Янус.

Чанг подался вперед.

– Быть может, – ответила Кейт. И повернулась к Дэвиду: – Далеко еще до Мальты?

– Уже нет.

*

Дориан выудил спутниковый телефон из кармана.

Направление восток. Назначение Мальта. Где вас черти носят?

Он пересек палубу чумной баржи и забрался в вертолет.

– Полетели.

Глава 78

Кейт стояла в огромном командном центре. Дальнюю стену занимали голографические дисплеи, которые она еще не видела. Карты показывали человеческую популяцию на каждом материке.

В углу комнаты замигал сигнал тревоги.

Приближалось судно.

Бросившись к пульту управления, ее напарник начал манипулировать появившимся облаком синего света.

– Это один из наших, – сообщил он.

– Как?

Пятьдесят тысяч местных лет назад Кейт и ее напарник приняли передачу: их планета, родная планета атлантов, погибла – насильственной смертью за одни сутки. Откуда могут взяться выжившие? Неужели сигнал бедствия с родной планеты был ошибочным? Кейт с напарником последовали призыву сообщения, скрыли свою научную экспедицию, решив, что они – последние представители себе подобных, которые остались одни во Вселенной, затерянные и одинокие, двое ученых, которым уже не суждено вернуться домой. Неужели они заблуждались?

– Судно представляет собой спасательную шлюпку, – напарник повернулся к ней. – Реанимационный корабль.

– Им нельзя сюда, – встрепелась Кейт.

– Слишком поздно. Они уже садятся. Намереваются похоронить корабль под ледяной шапкой южного полярного материка. – Продолжая работать с пультом управления, напарник вдруг как-то напрягся. «Он что, нервничает?»

– Кто на корабле? – спросила Кейт.

– Генерал Арес.

Испуг прошел Кейт, как удар электрического тока.

*

Сцена изменилась. Кейт стояла на другом корабле – не посадочном модуле. Это судно казалось исполинским. Стеклянные трубы протянулись перед ней на целые мили.

В пространстве раскатилось эхо шагов.

– Мы последние, – раздался голос из сумрака.

– Зачем вы сюда прилетели? – спросил ее напарник.

– Ради защиты Бакена. И я читал ваши протоколы исследований. О гене выживания, который вы вживили дикарям. Я нахожу это... весьма многообещающим, – владелец голоса ступил на свет.

Дориан.

Кейт едва не отшатнулась. Генерал Арес оказался Дорианом. Как? Она собралась с мыслями. Лицо его не было похоже на лицо Слоуна, но у Кейт возникло непреодолимое ощущение, что внутри этого человека находится именно Дориан. Или как раз наоборот? Возможно, Арес находится в Дориане, и Кейт ощутила эту стихию, узрев ее в чистейшем проявлении? Глядя на Ареса, Кейт не могла не видеть Дориана.

– Здешние обитатели – не ваша забота, – заявил ее напарник.

– Как раз напротив. Они – наше будущее.

– Мы не имеем права...

– Вы не имели права менять их, но что сделано, то сделано, – возразил Дориан. – Вы подвергли их опасности в тот момент, когда дали им часть нашего генома. Наш враг будет охотиться за ними, как охотился за нами, вплоть до самого края Вселенной, куда бы они ни скрылись. Я хочу спасти их, позаботиться о безопасности. Мы предоставим им развитие, и они станут нашей армией.

Кейт покачала головой.

Дориан обратил взор на нее.

– Вам следовало послушать меня раньше.

*

Бесконечные ряды труб померкли, и Кейт оказалась в другом помещении того же сооружения. Здесь перед нею полукругом выстроилась всего дюжина стеклянных труб, поставленных вертикально. Это помещение она уже видела прежде – в Антарктиде, где встретилась с Дэвидом и отцом.

В каждой трубе находился отдельный человеческий подвид.

Дверь позади нее открылась.

Дориан.

– Ты... проводишь собственные эксперименты, – сказала Кейт.

– Да. Но я сказал тебе, что не могу сделать этого в одиночку. Мне нужна твоя помощь.

– Ты вводишь себя в заблуждение.

– Без тебя они умрут, – сказал Дориан. – И все мы. Их участь – это наша участь. Война неизбежна. Либо ты дашь им генетическое оснащение, в котором они нуждаются, либо они погибнут. Наша участь предначертана. Я здесь ради них.

– Ты лжешь.

– Тогда оставь их на погибель. Не делай ничего. Посмотри, что случится... – Он умолк в ожидании. Не дождавшись от Кейт ни слова, продолжил: – Они нуждаются в нашей помощи. Их трансформация дошла только до половины. Ты должна завершить то, что начала. Иного пути нет, как и обратной дороги. Помоги мне. Помоги им.

Кейт подумала о своем напарнике, о его протестах.

– Второй член вашей маленькой экспедиции – дурак. Только дурачье сражается с судьбой.

Молчание Кейт послужило сигналом – и для нее, и для Дориана. Ее нерешительность будто придала ему сил.

– У них уже начался раскол. Я отобрал кандидатов, провел собственные эксперименты. Но у меня нет опыта и специальных знаний. Ты мне нужна. Мне нужны твои исследования. Мы можем их преобразить.

Кейт растаяла, ощутив себя в плену его чар. Точь-в-точь как уже было прежде – с

нею

прежней, в Сан-Франциско. Она пыталась рассуждать рационально, пыталась подумать о сделке, но мыслями перенеслась к пережитому в Гибралтаре, а затем в Антарктиде, когда он загнал ее в угол. История повторяется. Те же актеры исполняют другую пьесу с той же самой развязкой, только на иных подмостках. Вот только разыгралось все это давным-давно, в другой жизни, в другую эпоху...

– Если я тебе помогу, – сказала она, – то мне нужна уверенность, что моя команда никоим образом не пострадает.

– Даю тебе слово. Я присоединюсь к вашей экспедиции – как советник по безопасности. Есть дополнительные шаги, которые все вы должны предпринять, чтобы скрыть наше здесь присутствие. И вы запрограммируете свои воскрешающие трубы на мою радиационную

сигнатуру – просто на случай, если со мной случится что-нибудь... злополучное.

*

Дориан опер голову о подголовник вертолетного кресла и прикрыл глаза. Это не было сном. Это не было воспоминанием. Он просто оказался там, в прошлом.

Кейт тоже была там – сначала против него, затем помогала ему. Он взял ее исследования, воспользовался ими и предал ее, когда она стала ненужной.

Спустя века они снова разыгрывали тот же сценарий, борьбу за преобразование рода людского – она выступает за них, а он старается создать армию, чтобы встретить превосходящего противника.

Кто же прав?

Слоун ощутил нечто большее: Кейт вспоминает эти события одновременно с ним, словно они подключены к одной сети, и каждый принимает сигналы, воспоминания из прошлого, понукающие их стремиться навстречу некоему предопределению. Именно так она получит код. Как и планировал Арес. Неужели он запрограммировал это заранее?

При виде Кейт Дориан испытал прилив сил. Те же страхи, та же уязвимость. В точности как раньше. Тогда у него было могущество, и оно появится у него снова. У нее есть исследования и сведения, в которых он нуждается. И скоро

он

их получит. Она просто должна вспомнить...

Но произошло не только это. Дело еще во фрагменте информации

—

коде,

который она должна вспомнить. Арес знал это. Дориан идет по пятам за Кейт, а она вот-вот вспомнит остальное, вспомнит код, который ему так необходим. Он рассчитал время просто безукоризненно. Скоро он схватит Кейт и отберет последний ее секрет, то, что она ценит больше всего на свете, – и ее поражение станет окончательным.

Глава 79

Где-то близ Мальты

Средиземное море

На горизонте показались вершушки обоих больших островов Мальты.

В последние шестьсот лет за этот крохотный архипелаг, насчитывающий всего сто двадцать две квадратные мили суши, захватчики всякого рода бились больше, чем за любой другой уголок на всей планете.

Во время Второй мировой войны ни в одном другом месте на Земле не упало столько же бомб на квадратный фут, как на Мальте. Немецкие и итальянские ВВС сровняли ее с землей, но британцы держались крепко.

В некоторых городах наподобие Рабата жители ушли под землю, живя в каменных комнатах, связанных милями тоннелей. Эти катакомбы вошли в легенды. В эпоху Римской империи там хоронили мертвых, но во время Второй мировой войны они же спасли жизнь множеству жителей Мальты.

Почти за четыре столетия до того, как люфтваффе превратили Мальту в ад на земле, на ее пороге объявился другой дьявол – Османская империя. В 1563 году султан Сулейман Великолепный привел сюда свой флот, состоявший из практически двухсот кораблей с пятьюдесятью тысячами сабель на борту – на тот момент это было величайшее войско в мире.

Последующие месяцы вошли в историю как Великая осада Мальты, изменив ход событий в мировом масштабе. Осада обернулась невообразимо жестокой схваткой, одним из самых кровавых сражений в истории человечества. Согласно оценкам, за время сражений было выпущено сто тридцать тысяч пушечных ядер. Погиб каждый третий обитатель Мальты. Рыцари-госпитальеры вместе с разношерстным воинством из примерно двух тысяч солдат из Испании, Италии, Греции и Сицилии удерживали остров четыре месяца, пока османский флот, потеряв погибшими десятки тысяч человек, не повернул, чтобы отплыть на родину.

Многие историки сходятся в том, что, если бы турки захватили Мальту в 1565 году, они могли бы без труда завоевать Европейский материк, помешать приходу эпохи Возрождения и навсегда изменить участь мира.

Жители Мальты бились не на жизнь, а на смерть. Но не защищали ли они что-либо еще, кроме собственных жизней?

Дэвид бросил взгляд на листок. «Мутация Альфы – локализация традиции Атлантиды».

Что же там такое на Мальте? Какое-нибудь древнее сокровище? Какое оно может иметь отношение к чуме, опустошающей мир?

Вэйл был историком. Он верил в факты – истину, по крупице собранную из множества источников, подтвержденную очевидцами, в идеале имеющими различное образование и мотивацию.

Сокровища – приманка для дураков. Как и мистические предметы. Ковчег Завета. Святой Грааль. Дэвид не верил ни в тот, ни в другой. Военная история всегда более надежна. Полководцы подсчитывают своих и чужих убитых. И истина лежит где-то посередине между суммами, которые называют «обеими сторонами».

А истина состоит в том, что веками за Мальту бились бесчисленные воинства, но покорялась она редко.

*

Теперь воспоминания стали четче, и Кейт была уже почти в состоянии их контролировать, словно переносясь во времени назад и вперед.

Она снова оказалась одета в скафандр атлантов и находилась в примитивной хибаре, состоящей из одной комнаты. Кейт поглядела на дверь хижины. Климат будто бы изменился. Было сыро, дождливо, а растительность буйствовала, словно в тропиках. Это не Средиземноморье. Наверное, они в Южной Азии.

Три женщины, сидя на земле, лихорадочно над чем-то трудились. Подойдя, Кейт взглянула на их работу. Тибетский гобелен. «Они создают предупреждение на случай, если мы потерпим крах», – подумала она.

Атланты –
она

сама – дали его людям в качестве запасного плана.

Теперь она это знала.

Кейт вышла из хибарки под открытое небо. Поселение выглядело кочевническим – словно его возвели наспех и скоро покинут.

В центре высился импровизированный храм. Кейт направилась к нему. Стражи по обе стороны входа расступились, и она вошла внутрь. Каменный ковчег оказался там. Вокруг сидели монахи, скрестив ноги и склонив головы.

Заслышав ее шаги, один из них поднялся и поспешил навстречу.

– Наводнение уже скоро, – сказала Кейт.

– Мы готовы. Завтра мы выступаем в горы.

– Вы предупредили остальные поселения?

– Мы разослали весточку, – он по-прежнему не поднимал голову.

– Но нашим предупреждениям не вняли. Сказали, что они владеют сим миром. И не боятся воды.

*

Примитивный храм исчез, сменившись сталью и стеклом стен, по большей части занятых голографическими дисплеями.

Кейт стояла в центре управления «Посадочного модуля Альфа», рядом с напарником, глядя на карту мира.

Береговая черта по всей Южной Азии колебалась. Воды потопа наступали, навечно меняя облик материка, затопляя прибрежные поселения, некоторые из которых будут утрачены навсегда.

Голограмма переключилась на спутниковую съемку группы людей, взбирающихся в горы, прочь от подступающего наводнения. Они несли каменный саркофаг, который Кейт недавно видела, – Ковчег.

Напарника Кейт не видела по-прежнему, зато уголком глаза наблюдала за Дорианом, который стоял, будто аршин проглотил, и поглядывал на дисплей лишь со слабым намеком на интерес.

– Это не так уж и плохо, – заметил Слоун. – Сокращение населения позволит нам консолидировать геном, а быть может, заодно устранил и некоторые другие проблемы.

Отвечать Кейт не хотелось. Дориан был прав, но она знала решение и ужасалась ему. «Проблемы», которые он оставил недосказанными, за последние десять тысяч лет усугубились – неконтролируемая агрессия, склонность к войнам, к упреждающему

устранению любых предполагаемых угроз. Эта нарастающая тенденция – фундаментальная дисфункция гена выживаемости: логичный человеческий ум понимает, что ресурсы окружающей среды не безграничны, что при нынешнем уровне развития техники текущее место обитания может поддержать лишь ограниченное число людей. И жаждет гарантий, что выживет

их

народ,

их

генетическая линия. Решением стала война – устранение любых соперников за конечное число ресурсов. Но их гонка к геноциду разыгрывалась чересчур стремительно, будто с чьей-то подачи, словно кто-то намеренно работал против них.

В глубине рассудка Кейт маячила другая возможность: это сделал Дориан. Неужели он предал ее? Взяв исследования, которые она ему предоставила, и модифицировав их? От напарника свое сотрудничество с Дорианом/Аресом она утаила, зная, что тот не согласится, но альтернативы не видела. Человеческим туземцам потребуются все генетические преимущества, какие они смогут получить, – если рассказ Дориана и его мнение о противнике правдивы.

«Что же еще я могла сделать?» – спросила себя Кейт. Она выбрала единственный логичный курс действий.

Голографическое изображение начало меняться. По карте разливался красный цвет – данные о смертности.

Ее напарник обернулся к пульту управления.

– Популяционные тревоги.

– Мы должны вмешаться, – заявил Дориан.

– Нет. Не на таких уровнях, – отрезал ее напарник. – Следуем собственному же локальному прецеденту – только в случае риска вымирания.

Кейт кивнула. Их «прецедент» был создан семьдесят тысяч лет назад, когда она решила предоставить ген Атлантиды людям в той пещере, когда их подвид балансировал на грани вымирания.

Она хотела заговорить, но голографическая стена запылаха сигналами тревоги.

Популяционная тревога: подвид 8471: риск вымирания 92 %.

Кейт отследила местонахождение. Сибирь. Денисовцы. Там наводнение до них добраться не могло. Что происходит?

На экране вспыхнула другая тревога, в другом месте.

Популяционная тревога: подвид 8473: риск вымирания 84 %.

Этот подвид ограничен пределами Индонезийского архипелага. Хоббиты. Подвид, который станет известен как *homo floresiensis*

. Что толкает его популяцию к гибели? Наводнение в сочетании с агрессивными людьми, поселившимися на островах относительно недавно? Кейт уже знала историю. Они вымрут. Какой это год? Она посмотрела на голограмму, мысленно пересчитывая систему датировки атлантов.

Это воспоминание примерно тринадцатитысячелетней давности. И тут же ее осенило: она вот-вот станет свидетельницей падения Атлантиды. Увидит, что случилось на самом деле. Пропущенную дельту.

Началась третья популяционная тревога.

Популяционная тревога: подвид 8470: риск вымирания 99 %.

Неандертальцы. Гибралтар.

Ее напарник бросился к панели и начал лихорадочно манипулировать над ней. Повернулся к Дориану.

– Это ты сделал!

– Сделал что? Это же

ваш

научный эксперимент. В конце концов, я просто военный советник. Доктора, не позволяйте мне путаться у вас под ногами.

Напарник помолчал, ожидая реплики Кейт.

– Расставим приоритеты. Спасем тех, кого можем, – сказала она.

Он поманипулировал панелью, и Кейт ощутила, как корабль поднимается. Карта отследила их траекторию. Корабль летел над Африкой, устремляясь к Гибралтару.

Дориан стоял как статуя, глядя на нее.

Ее напарник прошел к двери, потом остановился.

– Ты идешь?

Кейт погрузилась в раздумья. Три сигнала тревоги о вымирании – причем одновременно. Что это значит?

Неужели Дориан истребляет все остальные подвиды? Не испытывает ли он свое оружие, положив эксперименту конец? Значит, он уже получил то, что хотел? Не предал ли он ее? Или тут замешано что-то другое?

Может, это работа их врага?

Случай? Чистейшее совпадение?

И то и другое возможно, но крайне маловероятно.

Скоро Кейт узнает правду.

Напарник повернулся к ней спиной.

И еще один вопрос занимал ее ум: кто он?

Ей нужно было видеть его лицо, узнать личность своего союзника.

Ей нужны были ответы.

Она пыталась собраться с мыслями.

– Да, я иду.

*

Доктор Пол Бреннер смотрел на лоскутное одеяло экранов в зале Центра управления Орхидеи. Смертность росла прямо на глазах.

Район Орхидеи Будапешт: подтвержденная смертность среди всего населения 37 %.

Район Орхидеи Майами: подтвержденная смертность среди всего населения 34 %.

Циферблат обратного отсчета в углу показывал

1:45:08

.

Меньше двух часов до почти полного вымирания человечества. Или, по крайней мере, до следующей стадии человеческой эволюции.

После программы эвтаназии останутся две группы людей – эволюционирующие и деградирующие. Впервые за тысячелетия появится два отдельных подвида людей. Пол понимал, что этой ситуации скоро придет конец, в точности как прежде, – останется один подвид. И уж наверняка не менее развитый.

Выжившие завладеют миром, а генетически отсталых – устранят.

Глава 80

Вы слушаете Би-би-си, голос триумфа человечества в этот восемьдесят первый день Чумы Атлантиды.

Это спецвыпуск новостей.

Лекарство, леди и джентльмены.

Лидеры Альянса Орхидеи, включающего Америку, Великобританию, Германию, Австралию и Францию, объявили, что наконец-то нашли средство, излечивающее от Чумы Атлантиды.

Более своевременно это объявление прозвучать не могло. Би-би-си располагает секретными отчетами и со всей планеты получает свидетельства очевидцев, которые утверждают, что в некоторых Районах Орхидеи уровень смертности уже достиг сорока процентов.

Эти сообщения были изложены в лаконичных заявлениях, и главы правительств отвечают отказом на любые просьбы об интервью, оставляя экспертам и специалистам одни только домыслы на предмет таинственного лекарства – и, в частности, как его можно выпустить за один раз.

Директора нескольких Районов Орхидеи, высказываясь на условиях анонимности, настаивают на том, что существующие

фабрики по производству Орхидеи уже наладили выпуск нового лекарства и его раздача начнется через считанные часы.

Вы слушали спецвыпуск новостей Би-би-си.

Глава 81

Кейт, одетая в скафандр, снова оказалась в шлюзовой камере. Быстро оглянулась, чтобы посмотреть на напарника. На нем тоже был скафандр.

– Беспилотники отыскивали только одного уцелевшего.

«Один уцелевший. Невероятно. Слишком... удобно».

– Ясно, – ответила Кейт.

И обернулась. Дориан тоже стоял там. Но без скафандра.

– Вы двое ступайте. Я присмотрю за кораблем.

Кейт вглядывалась в его лицо, пытаясь проникнуть в мысли. Ее напарник закончил пристегивать полевое снаряжение.

Дориан поспешно ретировался, и насосы начали откачивать воздух.

Летучие колесницы выплыли из стен, и Кейт с напарником, оседлав их, вылетели из посадочного модуля.

От открывшегося зрелища прямо занимался дух: доисторическое поселение, окруженное каменными монументами, будто амфитеатр под открытым небом, обращенный к огромному каменному очагу, вздымающему к небесам геенну огненную.

Несколько человек вели неандертальца к общинному костру, но при появлении колесниц отпустили его и попятились.

Ее напарник подхватил неандертальца, впрыснул ему седативное средство и бросил поперек колесницы. Развернувшись, они устремились к кораблю.

– Я ему не верю, – по приватному каналу сообщил напарник.

«Я тоже», – подумала Кейт. Но промолчала. Если Дориан предал их и подстроил это, то часть вины лежит на ней. Она провела все исследования, которые ему требовались.

*

Дориан смотрел, как внизу проносятся сверкающие воды Средиземного моря. Изнуренный недосыпанием, он еле сдерживался,

чтобы не задремать.

Теперь воспоминания буквально осаждали его, словно фильм, который приходится смотреть против воли. Начиная прокручиваться новая сцена, и он не мог отвернуться, не мог скрыться. От собственного рассудка не убежать. Вертолет и штурмовая команда Иммари, сидящая напротив, растворились, и вокруг него возникла комната.

Дориан прекрасно знал это место – сооружение в Гибралтаре.

Он стоял в центре управления, глядя, как Кейт со своим напарником спешат на спасение дикаря.

Дурачье.

Добродушные слизняки.

«Почему они не могут принять неизбежное?» Их наука и нравственность закрыли им глаза, не позволяя узреть истину, несокрушимую реальность: в этом мире и окружающей его Вселенной места хватит лишь для одной разумной расы. Ресурсы имеют свойство истощаться. Это должны оказаться

мы

. Мы сражаемся за собственные жизни. Этих ученых запомнят, как соvrащенных нравственностью. Ах, кодекс, который мы дали дикарям, – дескать, надо хранить мир, поддерживать ложь, что сосуществование возможно... В среде с ограниченными ресурсами и неограниченным ростом населения один вид должен восторжествовать над остальными.

Дориан поманипулировал пультом управления, программируя бомбы.

Покинув центр управления, он бегом бросился по коридору.

Повороты быстро промелькнули мимо, и Дориан оказался в комнате с семью дверями. Он активировал дисплей своего шлема и принялся ждать. Кейт и ее напарник как раз входили в корабль.

Дориан сдетонировал первую бомбу – погребенную на дне моря. Взрыв погнал на корабль приливную волну, швырнувшую его в глубь суши. Как только воды отхлынули, потащив его обратно в море, Слоун запустил остальные бомбы. Они разорвут корабль – «Посадочный модуль Альфа» – на части.

Сам Слоун прошел через одну из семи дверей и понял, что уже находится в Антарктиде, в собственном корабле. «Скоро я освобожу свой народ, и мы отвоюем Вселенную».

Проходя мимо пульта управления, он подхватил плазменную винтовку.

И вернулся в центр комнаты с семью дверями.

У них есть только один путь спасения, единственная дорога из Гибралтара. И он будет ждать.

*

Кейт смотрела, как напарник укладывает неандертальца в трубу.

– Арес нас предал. Он работает против нас.

Она промолчала.

– Где он?

– Что мы должны...

В шлеме у нее вспыхнул сигнал тревоги.

Приближалась приливная волна.

– Он взорвал бомбу на дне моря...

Ударная волна врезалась в корабль, швырнув Кейт о переборку.

Тело прошило болью. С ней происходило что-то еще.

Она теряла контроль. Воспоминания стали уж чересчур реальными.

Кейт мучительно попыталась сосредоточиться, но все почернело.

*

Просунув голову между Камау и Шоу в кокпит вертолета, Дэвид окинул взглядом показавшуюся внизу Валлетту, столицу Мальты. Узкая гавань Валлетты буквально казалась забита судами, которые покрывали каждый дюйм воды, лучами расходясь в море. По брошенным судам тек бесконечный поток людей, пользуясь ими, как понтонным мостом к берегу. С высоты они выглядели, будто муравьи, выходящие из гавани. Достигнув суши, четыре людских ручья вливались в единую толпу, заполонившую центральный проспект Валлетты, по прямой ведущий в Район Орхидеи. Лучи восходящего солнца брызнули из-за купола высокого здания, и Дэвид загородил глаза ладонью.

Почему они стремятся сюда? Что здесь может их спасти?

Вертолет вздрогнул, и толчок швырнул Дэвида на заднее сиденье.

– У них противоздушные ракеты!

– Уводи нас! – гаркнул Дэвид, схватил Кейт и прижал ее к себе. Казалось, она впала в ступор, взгляд у нее был совершенно отсутствующий.

*

Кейт открыла глаза. Ее снова тряхнула взрывная волна, но на сей раз иная, вовсе не приливная. Она снова находилась в вертолете, с Дэвидом. Он смотрел на нее.

Что с нею происходит? Сейчас она чувствовала себя по-другому. Те воспоминания, что она узнала, преобразили ее каким-то неопишуемым образом. Человечество было... экспериментом. Не причастен ли к нему и Дэвид?

– Что? – спросил он.

Кейт лишь покачала головой.

– Ты в порядке? – настойчиво спросил он.

Закрыв глаза, она опять затрясла головой, не желая смотреть реальности в лицо.

*

Пристегнув Кейт к сиденью вертолета, который выписывал виражи и кренделя в воздухе, уклоняясь от взрывов, Дэвид крепко прижал ее к себе. Мальта, как и в прошлом, держала оборону, и весьма надежную.

Здесь принимают беженцев, прибывших морем, а не по воздуху.

Вэйл схватил спутниковый телефон.

– Вызывай «Преємственность», – велел он Кейт. – Скажи им, что мы в вертолете Иммари, но мы друзья. Пусть велят Мальте прекратить огонь по нам. Нам нужно сесть.

Он увидел, как Кейт открыла глаза, мельком оглядела его, а потом не без труда набрала номер. И через секунду начала торопливый разговор с Полом Бреннером.

*

Бреннер повесил трубку. Кейт и ее команда на Мальте.

– Дайте мне директора Района Орхидеи Валлетта, – распорядился он.

*

Дориан увидел вдали воздушные взрывы. Валлетта наносила удары по приближающемуся летательному аппарату.

Он включил микрофон на шлеме.

– Найдите нам судно с беженцами.

– Сэр?

– Выполняйте. По воздуху мы до острова не доберемся.

Спустя десять минут они зависли над рыболовным траулером. Дориан проследил, как его люди по тросам десантировались на корабль и поднимали оружие. Экипаж и пассажиры корабля отступили в надстройку судна.

Спрыгнув на палубу, Слоун скользящей походкой направился к испуганно сгрудившимся людям.

– Вам не причинят вреда. Нам лишь нужен попутный транспорт до Мальты.

*

Дэвид почувствовал, как вертолет коснулся посадочной площадки, и бережно отвел волосы с лица Кейт.

– Идти сможешь?

Он подумал, что слишком уж она горячая. «Что с ней происходит? Я не могу ее потерять, когда всё уже почти позади».

Кейт кивнула, и Дэвид помог ей выбраться из вертолета, потом обхватил рукой за плечи и повел прочь с площадки.

Враг шагал за ними по пятам – Чанг, Янус или Шоу. Кто именно, Вэйл не знал. Но зато знал, что Камау тоже идет сзади, и он-то прикроет ему спину. Сейчас главное – Кейт.

– Доктор Уорнер! – поприветствовал их вышедший навстречу мужчина в очках с дизайнерской оправой и мятом костюме. – Доктор Бреннер проинформировал нас о ваших исследованиях. Мы здесь, чтобы помочь...

– Отведите нас в больницу, – ответил Дэвид, не зная, что еще сказать. Кейт нуждалась в помощи.

*

Он не мог поверить собственным глазам. Больница была оснащена по последнему слову техники, но умирающие лежали повсюду, и никто ими даже не интересовался.

– Что здесь происходит? Почему вы не лечите этих людей? – спросил Дэвид у директора района.

– Нет необходимости. Беженцы прибывают сюда больными, но поднимаются на ноги через считанные часы.

– Без лечения?

– Их спасает вера.

Дэвид бросил взгляд на Кейт. Ей явно стало легче. Бисеринки пота больше не выступали у нее на лбу.

– Ты в это веришь? – спросил он, отведя ее в сторонку.

– Я верю тому, что вижу, но не знаю, как это происходит. Нам нужно разыскать источник. Добудь мне какие-нибудь письменные принадлежности.

Дэвид взял большой блокнот с одного из прикроватных столиков. Кейт принялась что-то торопливо набрасывать.

Вэйл снова поглядел на директора Района Орхидеи, следившего за ними зорко, как коршун. В углу больничного крыла Янус устанавливал компьютер Кейт и сборник образцов – уже виденное ею прежде устройство, похожее на термос. Камау и Шоу стояли рядом с ними, поглядывая друг на друга с таким видом, словно ждали только гонга, чтобы ринуться в поединок.

Кейт отдала свой грубый набросок директору.

– Мы ищем вот это. Каменный саркофаг...

– Я...

– Я знаю, что он здесь. И уже очень давно. Группа под названием Иммару спрятала его здесь тысячи лет назад. Отведите нас к нему.

Директор покосился в сторону, сглотнул, а потом отвел их в сторонку от остальных, чтобы не услышали.

– Я ни разу его не видел. Я не знаю, что это...

– Нам нужно его разыскать, – заявил Дэвид.

– В Рабате. Ходят слухи, что мальтийские рыцари ушли там в катакомбы.

*

Дориан присоединился к варварским ордам, которые вливались в мальтийскую столицу. Боже, ну и смердит от них! Тащат своих недужных, толкаются и пихаются в надежде побыстрее доставить их в безопасное место...

На голову он накинул колючее одеяло, скрывшее его внешность, и старался не вдыхать гнилостную вонь, которая окружала его со всех сторон. Можно было считать это страданиями ради правого дела.

Вдали, за больницей, с земли взлетел вертолет Иммари, тут же устремившийся в глубь суши.

Дориан повернулся к десантнику, шедшему рядом.

– Они направились дальше. Найдите нам вертолет. Нужно сматываться отсюда.

Глава 82

Мальта

Из окна вертолета Дэвид мог окинуть взором весь крохотный городок Рабат. Тот был совсем не таким, как он ожидал.

Рабат оказался заброшенным, совершенно пустынным, словно каждая живая душа бежала отсюда, в чем есть, побросав пожитки. Когда разразилась чума, люди поспешили в один из двух Районов Орхидеи на Мальте – либо в Викторию, либо в Валлетту.

Дэвид взглянул на лица Януса и Чанга. Непроницаемые. Бесстрастные. Через промежуток между вертолетными сиденьями он видел отражения лиц Шоу и Камау в стекле. Суровые. Сосредоточенные. Они будут в Рабате вшестером, без единой души вокруг, и убийца Мартина сделает свой ход, посягнув на Кейт, на лекарство или на что он еще нацелился.

Дэвид снова выглянул из окна, и мысли его обратились к истории, найдя убежище в том, что он знал лучше всего.

Рабат был расположен по другую сторону от Мдины, старой столицы Мальты – города, по мнению историков, основанного еще до 4000 года до н. э. Саму Мальту впервые заселили таинственные кочевники, прибывшие сюда с Сицилии около 5200 года до н. э.

В XX веке археологи нашли мегалитические храмы, расставленные по обоим крупным островам Мальты – в общей сложности одиннадцать храмов, и семь из них ЮНЕСКО объявила объектами мирового наследия. Настоящие чудеса света. Некоторые ученые полагают, что это древнейшие самостоятельные сооружения на планете. Но при том неизвестно, кто выстроил их и зачем. Они датируются 3600 годом до н. э., а то и раньше. Возраст сооружений – история самой Мальты – аномалия, факт, совершенно не вписывающийся в современное понимание истории человечества.

Темные века Древней Греции длились только до 1200 года до н. э.

Первые цивилизации и первые города в таких местах, как Шумер, восходят только к 4500 году до н. э. Аккадия была основана около 2400 года до н. э., а Вавилон, предположительно, в 1900 году до н. э. Даже Стоунхендж, ближайший к ним мегалитический монумент – по крайней мере, по характеру, – был, как полагают, вознесен около 2400 года до н. э., то есть через тысячу с лишним лет после

того, как некая таинственная группа выстроила величественные храмы на уединенных Мальтийских островах. Объяснения для мегалитических мальтийских сооружений не существует; их история и история людей, их построивших, затерялась в веках.

Историки и археологи до сих пор спорят о том, где родилась цивилизация. Многие доказывают, что поселения появились в долине Инда нынешней Индии или долине Желтой реки нынешнего Китая, но единодушно сходятся в том, что цивилизация, понимаемая как функционирующие постоянные человеческие поселения, была основана около 4500 лет назад где-то в Леванте или более широком регионе Плодородного Полумесяца

[9]

– в тысячах миль от Мальты.

Однако остатки первобытных поселений в Плодородном Полумесяце расположены далеко друг от друга и почти разрушены. Они являют собой разительный контраст с неоспоримыми, сравнительно впечатляющими и технически совершенными каменными строениями на Мальте, которые могли им предшествовать. Здесь процветала изолированная цивилизация, возводившая монументы некой высшей силе, но странным образом исчезнувшая без следа, не оставив после себя никакой истории, кроме храмов, где вершились ее богослужения.

Первыми поселенцами на Мальте, оставившими исторические свидетельства, являлись греки, за которыми последовали финикийцы около 750 года до н. э. Триста лет спустя вслед за ними на Мальту прибыли карфагеняне, но их правление быстро окончилось с появлением в 216 году до н. э. римлян, завоевавших острова за несколько коротких лет.

За время римского правления на Мальте губернатор выстроил свой дворец в Мдине. Почти тысячу лет спустя, в 1091 году, Мальту завоевали норманны, навечно преобразив город. Скандинавские захватчики выстроили фортификационные сооружения и вырыли широкий ров, отделяющий Мдину от ближайшего города – Рабата.

Но, пожалуй, самой стойкой легендой о Мдине стало предание о святом Павле. В 60 году от Рождества Христова апостол Павел жил там после крушения его корабля на Мальте.

Павел направлялся в Рим – против своей воли. Человек, которого после вознесут в качестве апостола, состоял под судом как политический смутьян. Корабль Павла попал в неистовый шторм и разбился у мальтийских берегов. Все находившиеся на борту благополучно доплыли до суши – в общей сложности двести семьдесят пять человек.

Предание гласит, что мальтийские жители радушно встретили и Павла, и остальных спасшихся. По словам святого Луки:

Спасшись же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит.

Иноплеменники оказали нам немалое человеколюбие, ибо они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас...

[10]

Повествование от Луки рассказывает, что, когда был разожжен огонь, Павла укусила ядовитая змея, но ничего дурного с ним не случилось. Островитяне же узрели в этом знак, что он человек особенный.

Согласно преданию, апостол нашел убежище в пещере в Рабате и предпочел вести убогое существование под землей, нежели принять роскошества, которые предлагали ему окружающие.

Зимой же Публий, римский губернатор Мальты, пригласил Павла в свой дворец. Пребывая там, апостол исцелил отца Публия от серьезного недуга. Тогда Публий обратился в христианство и сделался первым епископом Мальты. На самом деле Мальта являлась одной из первых римских колоний, обращенных в христианство...

– Где надо приземлиться? – спросил голос Камау в наушниках, прервав грезы Дэвида.

– На площади, – ответил тот.

– У церкви Святого Павла?

– Нет. Катакомбы чуть дальше. Посади нас на площади. Дальше я поведу пешком.

Ему требовалось сосредоточиться. Некая таинственная группа поселилась на Мальте, и с той поры мир сражался за этот крошечный островок на протяжении тысяч лет. Легенды о чудесных исцелениях, свидетельства в виде мегалитических каменных храмов, предшественник возникновения цивилизации на планете, а теперь еще и нечто на Мальте, которое спасает беженцев от чумы... Как сложить это все вместе?

– Идти можешь? – обернулся он к Кейт, как только вертолет коснулся земли.

Та кивнула.

Дэвиду пришло в голову, что женщина выглядит... отстраненной. Может, она не в себе? Он испытал неудержимое желание обнять ее, но Кейт уже покинула вертолет, и оба ученых, шаркая, выбрались из своих кресел, последовав за ней.

Шоу и Камау присоединились к ним.

– Я-то думал, что катакомбы находятся под церковью Святого Павла, – заметил Янус.

– Нет, – прокричал Дэвид, пытаясь перекрыть рокот вертолетного винта. И поглядел на церковь Святого Павла – каменное строение, возведенное в XVII веке поверх пещеры – грота Святого Павла, где проживал апостол.

Как только группа удалилась от затихающего рокота вертолета, он пояснил:

– Катакомбы чуть дальше впереди. По санитарным соображениям, римляне не позволяли своим гражданам хоронить мертвых в пределах городских стен столицы Мдины. Они вырыли обширную подземную сеть катакомб – погребальных камер – здесь, в Рабате, недалеко от городских стен...

Дэвида так и подмывало продолжать лекцию – историк в его душе не мог устоять перед подобным искушением. В рабатских катакомбах упокоились тела христиан, язычников и иудеев, которые лежали бок о

бок, будто члены единого братства – акт религиозной терпимости, почти неслыханной в римские времена, когда преследование властями религиозных лидеров было в порядке вещей.

В то самое время, когда семьи язычников, иудеев и христиан клали своих возлюбленных усопших на вечное упокоение в соседних погребальных камерах в катакомбах римской Мальты, человек по имени Савл из Тарса, иудей и римский гражданин, рьяно преследовал первых последователей Иисуса. Он яростно радел искоренить зарождающуюся христианскую церковь в колыбели, но впоследствии обратился в христианство по пути в Дамаск – уже после смерти Иисуса на кресте. Савл из Тарса стал известен как апостол Павел, и катакомбы в Рабате переименовали в его честь...

Дэвид потрянул головой, сосредоточившись на ближайшей задаче.

Пройдя по очередному переулку, они остановились перед каменным зданием, доска на котором гласила:

ДЕПАРТАМЕНТ МУЗЕЕВ

КАТАКОМБЫ

СВ. ПАВЛА

Янус толчком распахнул кованые ворота, а затем тяжелую деревянную дверь, и вся группа вошла в вестибюль музея.

В просторном зале с мраморными полами царил тишина, жутковатое спокойствие. Стены украшали плакаты, фотографии и художественные полотна. Стеклянные витрины наполняли каменные изделия, а несколько коридоров, ведущих от главного зала, были заставлены артефактами поменьше, опознать которые Дэвид отсюда не мог. Все взгляды обратились на него.

– Что теперь? – поинтересовался Чанг.

– Устроим здесь лагерь, – решил Вэйл.

Едва он это сказал, как Камау расчистил стол, поставил свою дорожную сумку и принялся сортировать оружие – пистолеты, штурмовые винтовки и бронежилеты.

Бросившись к Кейт, Янус протянул руку к рюкзаку.

– Вы позволите?

Та с рассеянным видом отдала ему рюкзак, и Янус начал расставлять исследовательскую станцию. Он включил компьютер и подключил его к похожему на термос аппарату, который Мартин дал Кейт для извлечения образцов ДНК. Положил спутниковый телефон на стол.

– Не позвонить ли нам в «Преемственность»? Доложить о своем статусе?

– Нет, – возразил Дэвид. – Позвоним, лишь когда будет о чем докладывать. Нет смысла... выдавать наше местонахождение.

Он бросил взгляд на телефон. Один из членов команды как раз этим и занимается – выдает их местонахождение. Дэвид взял телефон со стола и отдал его Кейт.

– Не выпускай его из рук.

Стоя в паре футов от Камау, Шоу наблюдал, как тот сортирует оружие и бронежилет. Дэвид уставился на него, и оба какое-то время мерились взглядами.

Шоу не выдержал первым. Разболтанной походкой он подошел к одному из столиков, стоящих по бокам лестницы, которая вела в катакомбы, поднял сложенный буклет и принялся его читать.

– Что теперь, Дэвид? – как бы между прочим полюбопытствовал Шоу. – Будем ждать, пока сюда забредет средневековый рыцарь, и спросим у него, не видал ли он древний каменный гроб?

– Хочу напомнить, что ситуация не терпит отлагательств... – встрял Янус в попытке снять напряженность.

– Заходим, – решил Дэвид.

Камау воспринял его слова как руководство к действию. Он застегнул свой бронежилет и протянул другой Дэвиду.

– Это же иголка в стоге сена, – возразил Шоу, приподнимая буклет. – Сеть весьма обширна. Обычно для публики открыто лишь несколько катакомб, но этот...

прибор

может быть где угодно. Туннели растянулись на многие мили.

Дэвид попытался понять выражение лица Кейт. Оно не отражало никаких эмоций, казалось почти ледяным. Неужели у нее очередная ретроспекция?

– Мне кажется, мы должны разделиться, – заявил Янус. – Так мы сможем увеличить охват.

– Не будет ли это... опасно? – робко поинтересовался Чанг.

– Мы можем разойтись двойками – в каждой группе один солдат и один ученый, – предложил Янус.

Дэвид обдумал его предложение. И второй вариант – оставить кого-нибудь здесь, в музее, рядом с катакомбами, где они легко смогут прийти на помощь. Оба варианта не являлись блестящими.

– Ладно, – согласился Дэвид. – Шоу и Чанг, отправляетесь первыми, – Дэвид хотел поставить двух подозреваемых вместе, заставить их удалиться первыми, уйти подальше от остальной группы. – Затем пойдут Камау и Янус. Мы с Кейт будем замыкающими.

– Мы ни черта не представляем, что там такое, – выкрикнул Шоу. – Безоружным я туда не пойду. Можешь застрелить меня, если хочешь, Дэвид...

Подойдя к столу, Вэйл взял тактический боевой нож и метнул его Шоу острием вперед. Тот поймал нож за рукоятку, сверкнув глазами.

– Ты вооружен. Идешь первым, или я действительно пристрелю тебя. Только попробуй.

Помедлив секунду, Шоу развернулся и двинулся вниз по лестнице, а Чанг и четверо остальных по пятам проследовали за ним.

Глава 83

Катакомбы Св. Павла

Рабат, Мальта

В катакомбах было темно и пахло затхлостью. Музейное освещение не работало, но светодиодные фонари то и дело выхватывали из темноты блеск музейных витрин и таблички там, где экскурсии задерживались и читали сведения о камерах.

Минут через десять тоннель разветвился.

– Встречаемся в вестибюле через час, что бы ни случилось. Если ничего не найдете, поворачивайте назад, – распорядился Дэвид. – Попробуйте составить карту своего маршрута.

– Разумеется, мамуля. Вернемся через час и принесем домашнее задание, – огрызнулся Шоу, развернулся и повел Чанга по темному коридору.

Кейт, Дэвид, Камау и Янус молча двинулись дальше. Через пять минут они дошли до новой развилки. Камау и Янус направились по новой дороге.

– Удачи, Дэвид, – сказал Камау.

Янус кивнул Кейт и Дэвиду.

– И вам тоже, – ответил Вэйл.

Какое-то время они с Кейт шли, не обмениваясь ни словом. Наконец, сочтя, что они вышли за пределы слышимости, Дэвид остановился.

– Скажи мне все, что знаешь о происходящем здесь. Что спасает людей от чумы на Мальте?

– Не знаю. В прошлом я видела Ковчег, но понятия не имею, что с ним случилось. Я видела, как Иммару уносят его в горы, но что было дальше, не знаю.

– Здесь есть мегалитические храмы, которым исполнилось почти шесть тысяч лет, – это древнейшие известные руины на свете. Ходят легенды о чудесных исцелениях в римский период, когда святой Павел высадился на Мальте. Не могли Иммару принести Ковчег на хранение именно сюда?

– Это возможно, – согласилась Кейт с рассеянным видом.

– Как он может лечить этих людей?

– Не знаю...

– А что там внутри?

– Тело Адама, нашего альфы – первого человека, которому мы дали ген Атлантиды. В данный момент – только его кости.

– Как его мощи могут исцелять людей?

– Я... я не знаю. Мы что-то сделали с ним в прошлом. Я была там, но не смогла увидеть этого. Не смогла даже разглядеть лица своего напарника. Человеческий геном расщеплялся – у нас возникли трудности с проведением эксперимента.

– Эксперимента...

Кейт кивнула, но углубляться в тему не стала.

– Дэвид, со мною что-то происходит. Мне трудно сосредоточиться. И еще кое-что. Дориан был там.

– Здесь?..

– Нет. Он был там, в прошлом. По-моему, он обладает памятью другого атланта – воина по имени Арес, заявившегося на Землю после научной экспедиции.

Дэвид застыл как громом пораженный.

– Как?

– Он был с экспедицией в Гибралтаре. Трубы перепрограммировали на его радиационную сигнатуру. Когда Дориана поместили туда после вспышки испанской инфлюэнцы, он должен был пробудиться уже с воспоминаниями, в точности как я получила воспоминания ученой.

– Невероятно, – шепнул Дэвид. Его мало-помалу охватывал новый страх, медленно воцаряясь в душе. Дориан знает о прошлом – возможно, даже больше, чем Кейт. И это дает ему тактическое преимущество.

– В чем заключается твой план, Дэвид?

Вздвогнув, Вэйл вернулся к действительности, в сумрачный каменный тоннель.

– Находим то, что здесь есть, смотрим, не можем ли воспользоваться этим, чтобы найти лекарство, а потом убираемся отсюда ко всем чертям.

– А остальные?

– Один из них – убийца и предатель. Мы бросим их здесь. Необходимо оторваться от них. Это единственный способ обезопасить тебя.

*

Кейт последовала за Дэвидом через тоннель.

Катакомбы напомнили ей каменные коридоры, по которым Мартин вел ее под Марбельей. По правде говоря, и сам городок Рабат сильно напоминал Марбелью.

Кейт казалось, что воспоминания маячат почти в пределах досягаемости – завершение ее прежней жизни, остаток истины о случившемся в Гибралтаре. И в то же время ей казалось, что если она позволит им всплыть, то остатки ее собственной личности испарятся.

И она лишится Дэвида. Величайшим злом здесь ей представлялось то, что раскрывают воспоминания, но Кейт понимала, что Дэвид прав: в других тоннелях рыскал убийца.

Глава 84

Центр по контролю заболеваемости

Атланта, Джорджия

Доктор Пол Бреннер медленно открыл дверь частной палаты своего племянника в больнице.

Мальчик лежал неподвижно. Пола охватила паника.

Прошла секунда, и грудь Мэтью слегка приподнялась.

Вдох.

Пол тихонько прикрыл дверь за собой.

– Дядя Пол! – окликнул Мэтью, поворачиваясь, и закашлялся.

– Привет, Мэтт. Я на минутку в гости.

– Где мама?

– Твоя мать... еще помогает мне кое в чем.

– Когда я смогу ее увидеть?

Пол оцепенел, не зная, что сказать.

– Скоро, – рассеянно проронил он.

Сев, Мэтью снова зашелся кашлем, оросив свою ладонь крошечными брызгами крови.

Пол смотрел на капельки крови, начавшие медленно стекать по руке мальчика, сливаясь в алые ручейки.

Мэтью посмотрел на них и вытер ладонь о рубашку.

Пол схватил его за руку.

– Не вытирай, просто... погоди, я позову медсестру.

Поднявшись, Бреннер поспешно выбежал из палаты. Услышал, как Мэтью окликает его, но быстро зашагал по коридору. Он не мог смотреть, не мог задержаться в комнате еще хоть на секунду. «Я, наконец, ломаюсь, теряю рассудок», – подумал он.

Ему хотелось скрыться в своем кабинете, запереть дверь и переждать, пока все завершится, пока с миром не будет покончено.

– Доктор Бреннер, вам сообщение... – поднялась ему навстречу ассистентка.

Он лишь отмахнулся на ходу.

– Никаких сообщений, Клара.

– Это из Всемирной организации здравоохранения, – сообщила она, поднимая два листочка. – И еще из британской разведки.

Выхватив у нее листочки, Пол пробежал их взглядом. Перечитал еще раз. Повернулся и побрел в кабинет, по-прежнему не отрывая взгляда от листков. «Что это значит?»

Закрыв за собой дверь, он поспешно набрал номер Кейт Уорнер. Сеть без единого гудка тут же переключила его на автоответчик. Спутниковый телефон то ли был отключен, то ли находился вне зоны приема.

– Кейт, это Пол... э-э, Бреннер, – ну, конечно, она и так знает, какой Пол. Почему-то он занервничал, даже просто оставляя ей сообщение. – Слушай, я получил известие от своего контакта в ВОЗ. У них никаких сведений о докторе Артуре Януса. Из британской разведки тоже есть новости. Там не слышали ни о каком агенте по имени Адам Шоу. Они проверили даже секретные материалы... – Он помолчал, не зная, что добавить. – Надеюсь, вы живы и здоровы, Кейт.

*

Хлопнув дверцей вертолета, захваченного его спецкомандой, Дориан уставился на то, как осаждающие Валлетту орды становились все меньше и меньше.

– Место назначения, сэр? – оглянулся на него пилот.

Дориан вытащил телефон. Никаких сообщений.

– Они полетели на запад, – крикнул он в ответ. – Надо высматривать их вертолет. Сначала попробуем города.

*

В катакомбах Святого Павла, расположенных под городом Рабат, Камау сопровождал Януса. Высокий африканец с автоматом шел первым. Луч фонаря, который он примотал к стволу, был едва в состоянии осветить широкий тоннель. И сияние фонаря Януса за спиной не очень-то помогало.

– Вы откуда родом, мистер Камау? – вполголоса поинтересовался ученый.

– Из Африки, – помешкав, сказал тот.

– Из какой части?

Очередная пауза, словно Камау не хотел отвечать.

– Из Кении, под Найроби. Теперь нам следует...

– Рядом с колыбелью современного человечества. По-моему, весьма подобающе, что в нашу экспедицию, разыскивающую единственного африканца, изменившего историю, направившего человечество на его путь, входит представитель Восточной Африки.

Камау развернулся, направив луч фонаря Янусу в лицо.

– Надо хранить молчание.

– Ладно, ладно, – ученый вскинул руки, чтобы защитить глаза.

*

В другом уголке катакомб доктор Чанг шел чуть впереди Шоу. Британский солдат заставил того идти первым.

– Для безопасности, – пояснил он.

Остановившись, Чанг развернулся, направив фонарь в лицо Шоу.

– Вы записываете наш путь? – спросил он.

– И бросаю хлебные крошки, доктор. Ступайте.

Фонарь освещал лицо Шоу лишь наполовину, и в этот миг Чанг подумал, что этот тридцатилетний мужчина на мгновение будто стал моложе.

И это лицо – это юное лицо – было знакомо Чангу. Где и когда он его видел?

Годы, десятилетия назад... Сразу же после того, как он извлек Кейт из тела матери, из трубы...

В его воспоминании возник Говард Киган, директор «Часовой башни» и один из двух членов Совета Иммери, сидел за массивным дубовым столом в своем кабинете. Чанг нервно ерзал в кресле напротив него.

«Я хочу, чтобы вы дотошно осмотрели мальчика, которого извлекли из трубы. Его зовут Дитер Канн, но теперь мы зовем его Дорианом Слоуном. У нас возникли проблемы с... акклиматизацией».

«А он...»

«Это вы мне скажите, что с ним не так, доктор, – нацелил Киган палец на Чанга. – Не проглядите ничего. Просто проведите полный медосмотр и возвращайтесь сюда, понятно?»

Окончив осмотр, ученый вернулся в кабинет Кигана, заняв то же место перед колоссальным столом, открыл свой блокнот и принялся зачитывать отчет. «Физически вполне здоров. На два сантиметра выше средней нормы для своего возраста. Несколько свежих синяков. Пара крупных шрамов, тоже недавних

... —

Чанг поднял глаза. — Вы подозреваете, что над ним издеваются?»

«Нет, Господи, помилуй, доктор! Это он задира. Какого черта с ним не так?»

«Боюсь, что я не...»

«Послушайте меня. Шестьдесят лет назад, когда он отправился в эту трубу, он был милейшим ребенком на свете. А когда вышел, стал коварным, как чертов змей. Буквально на грани социопатии. Эта труба что-то сотворила с ним, доктор, и я хочу знать, что именно».

Чанг сидел без движения, не зная, что сказать.

Боковая дверь кабинета с грохотом распахнулась, и в нее вбежал Дориан.

«Выйди, Дориан! Мы здесь работаем».

Вслед за Дорианом вбежал другой мальчик, с ходу налетев на него. И выглянул из-за плеча Дориана. Вот оно, это лицо...

Оба мальчика ретировались, закрыв тяжелую дверь за собой.

Откинувшись на спинку кресла, Киган сжал переносицу двумя пальцами.

Молчание стало для Чанга невыносимым.

«А второй мальчик...»

«Что? — подался вперед Киган. — А, это мой сын Адам. Я воспитываю Дориана, как его брата, в надежде дать ему ощущение стабильности, семейного тепла. Собственная семья Дориана мертва. Но... я смертельно боюсь, что мрак Дориана, его болезнь, заразит Адама, испортит его. А это и вправду

болезнь, доктор. С ним что-то очень не в порядке».

Чанг перенесся обратно в каменный коридор, воспоминание угасло, вернулся тусклый свет. Он поглядел на Адама Шоу, ту половину лица, которая была видна. Да, это он. Сводный брат Дориана. Сын Кигана.

– Чего? – спросил Шоу.

– Ничего, – Чанг попятился на шаг.

– Вы что-то слышали? – Шоу поступил к нему в упор.

– Нет... я... – Чанг лихорадочно подыскивал слова, какую-нибудь отговорку. «Думай. Скажи что-нибудь».

Шоу медленно улыбнулся.

– Вы ведь помните меня, не так ли, Чанг?

Ученый оцепенел. «Почему я не могу пошевелиться?» Его будто укусила какая-то невидимая змея, и парализующий яд разбежался по всем уголкам организма.

– Я все гадал, вспомните ли вы. Очень жаль. Мартин тоже меня вспомнил...

– Помогите! – крикнул Чанг за долю секунды до того, как Шоу выхватил нож из-за пояса и резко полоснул Чанга по горлу, рассекая трахею и забрызгав кровью каменную стену. Ученый повалился на землю, булькая кровью, хватаясь за перерезанное горло, тщетно силясь вдохнуть.

Вытерев окровавленный нож о грудь Чанга, Шоу переступил через умирающего, положил взрывчатку на пол, взвел детонатор и бегом бросился в глубь тоннеля.

*

Услышав звук, Камау остановился. Похоже, что это был на крик о помощи. Он обернулся к Янусу. У того в руках что-то было. Оружие?

Камау вскинул винтовку.

Яркий свет ослепил его, опалив чувства. В голове возник звук... как вибрация, будто там загудел какой-то камертон. Камау рухнул на колени. Что Янус творит с ним? Казалось, голова у него распухла, словно мозг готовился взорваться изнутри.

Янус прошел мимо него, не обронив ни слова.

*

Услышав крик о помощи, Дэвид застыл как вкопанный. Кто это был? Убийца сделал свой ход.

Крик раздался где-то близко. Смежный тоннель? Пересекающийся?

– Дэвид... – прошептала Кейт.

– Тс-с-с. Продолжай движение, – Вэйл устремился вперед первым, перейдя на бег. Прежде он останавливался у каждого проема, поводя стволом влево-вправо.

Теперь же важнее всего была скорость, требовалось убраться от источника звука как можно дальше, найти безопасную, легко обороняемую позицию.

Впереди тоннель упирался в большую погребальную камеру с каменным столиком, вырезанным прямо из скалы.

Дэвид замедлил бег, ломая голову, как быть. Повернуть обратно?

Он остановился, охваченный странным чувством, от которого по спине побежали мурашки. Хотел было повернуться, но тут из тьмы раздался голос:

– Не двигайтесь!

Глава 85

Катакомбы Св. Павла

Рабат, Мальта

Дэвид поднял руки, чувствуя на себе взгляд Кейт, следовавшей его примеру и сейчас гадавшей, развернется ли он, чтобы выстрелить в мужчину, который стоял сзади. Вэйл и хотел бы, но не знал, кто там и сколько их.

Молчание нарушил другой голос, знакомый Дэвиду:

– Опустите оружие. Они – те, кого мы ждем.

Дэвид и Кейт медленно обернулись, устремив взгляды на молодого человека, выступившего из мрака тоннеля.

– Мило, – шепнула Кейт.

– Привет, доктор Кейт, – Мило кивнул Вэйлу. – Мистер Дэвид. Пойдемте со мной.

Повернувшись, Мило повел их по туннелю. А по бокам от них двинулись два тяжеловооруженных воина – мальтийские рыцари, как заключил Дэвид.

Тоннель вывел их в квадратный каменный зал, размерами сильно превосходивший прочие погребальные камеры. По периметру стояла дюжина стражей с оружием на изготовку.

В конце зала на чуть приподнятом алтаре высился каменный гроб. Кейт бросилась к нему, на ходу сбрасывая рюкзак.

– Вы не можете мне поднять крышку? – повернулась она к одному из воинов.

Мило кивнул им, и четверо стражей, выпустив винтовки из рук, направились к гробу.

– Мило, а ты-то как сюда попал? – поинтересовался Вэйл.

– Это долгая история, мистер Дэвид, но скажем просто... что я не хотел бы делать этого снова.

– Да, понимаю, о чем ты.

У алтаря Кейт наклонилась над каменным саркофагом, начав работать над чем-то. Подойдя, Дэвид встал рядом и заглянул в гроб. В призрачном свете он смог различить там лишь кости одного человека.

Рядом Кейт манипулировала каким-то незнакомым Дэвиду аппаратом, который достала из рюкзака. Он знал, что Кейт берет генетическую пробу, но не представлял, как именно.

Вэйл повернулся к людям, стоящим в зале вокруг алтаря. Мило молча стоял в центре. Дэвиду пришло в голову, что юноша разительно переменялся со времени их первой встречи в тибетском монастыре. Стал зрелым и уравновешенным.

– Ты получила то, что требовалось? – оглянулся Дэвид на Кейт.

Та кивнула.

– Мило, – сказал Дэвид, – нам нужно подняться обратно на поверхность, к нашему компьютеру, где мы сможем обработать пробу. – Он помолчал. – Мы подозреваем, что здесь может находиться убийца.

– Здесь вам ничто не грозит, мистер Дэвид, – Мило кивком указал на воинов. – Они издревле охраняют это место. И могут обеспечить вашу безопасность на пути из катакомб.

Несколько воинов отделились от отряда и дожидались у проема тоннеля, ведущего на поверхность. Дэвид и Кейт двинулись следом за

ними.

*

Уголком глаза Дориан заметил на земле вертолет, принадлежавший Иммери.

– Там! – указал он на вертолет. – Они где-то близко.

*

Как только первые лучи солнца озарили тоннель, Дэвид вдруг осознал, что больше не слышит шагов стражей за спиной. Оглянулся, но воинов и след простыл. «Добавим это к списку загадок», – покачал он головой.

На поверхности Кейт бегом бросилась к компьютеру, поставила рюкзак и принялась быстро работать.

Дэвид проверил магазин винтовки, как делал всегда, когда нервничал, и начал расхаживать из угла в угол, не отводя глаз от входа.

– И что теперь? – окликнул он Кейт через плечо.

– Нужно выгрузить этот новый набор данных в «Преемственность» и уповать, что он позволит найти терапию.

– Это надолго?

Она потерла лоб и посмотрела на экран.

– Не знаю...

– Почему?

– Ну, мои мозги в данный момент выжаты, – волком глянула на него Кейт, – а последний заход делал Янус. Он разбирается в этом куда лучше, чем я.

Дэвиду потребовалась добрая секунда, чтобы отвести взгляд от тоннеля.

– Ладно, ладно. Я просто подумал... что на повестке дня у нас спешка.

Напряженную обстановку рассеяла чирикающая трель.

– Что это?

Кейт вытащила из кармана спутниковый телефон.

– Это голосовая почта.

Положив телефон на стол, она продолжила печатать и вглядываться в компьютерный экран.

– Слушай сам, если хочешь. Как я слышала, на повестке дня у нас спешка

, так что мне надо работать.

Дэвид бросил взгляд на телефон, потом развернулся обратно к тоннелю и поднял оружие, мысленно отметив, что нельзя давить на Кейт, когда она работает, и не стоит говорить нелепые фразы, которые она сможет пустить в ход против него же.

Глубоко в пещере, в недостижимой для света тьме, послышались шаги – тихие, осторожные, словно кто-то приближался к входу – кто-то, не желающий оказаться услышанным.

Дэвид жестом привлек внимание Кейт, поднес палец к губам и подкрался к устью тоннеля, заняв позицию рядом с ним. Нацелил винтовку, полностью готовую к выстрелу. Это наверняка Шоу, и он будет наготове.

*

Подавшись в кокпит, Дориан посмотрел на вертолет Иммари, стоящий на площади внизу.

– Сесть рядом? – осведомился пилот.

– Конечно. С равным успехом можно послать эсэмэску, сообщающую, где мы. Или фальшфейер зажечь.

– Сэр? – пилот сглотнул.

– Сядь где-нибудь еще. Они могли устроить засаду рядом с вертолетом. Проведем разведку пешим порядком.

Дориан снова проверил телефон. Никаких сообщений. Почему? Неужели Адам погиб?

Он надеялся, что нет. Эта утрата окажется непоправимой. Самый последний член семьи, самый близкий ему человек. Брат. Единственный на свете, кому Дориан доверил захват Кейт Уорнер. И он где-то в Рабате, Слоун чувствовал это. Но почему? В чем дело? Дориан не сомневался: история могла бы дать подсказку, поведать о значении Рабата, но кому какое дело? Копаться в истории – ненужная возня.

– Кто-нибудь из вас знает историю Рабата? Какие-нибудь важные культурные достопримечательности?

Солдаты обернули к нему пустые лица.

– В древние времена римской столицей являлась Мдина, – сообщил пилот по внутренней связи. – До них здесь были также финикийцы и греки.

«И кто это забивает голову таким бесполезным дерьмом?» – подумал Дориан.

– Очень интересно... Но мы ведь не в Мдине, а? Что тут, в Рабате?

– Здесь хоронили мертвых.

– Что?

– Римляне были помешаны на санитарии. И безопасности. Строили стены вокруг своих городов и не позволяли хоронить мертвых внутри. Рабат был пригородом...

– Да на черта мне это знать? Давай дальше!

– Там находились погребальные камеры. Древние. Катакомбы Святого Павла.

Дориан поразмыслил об этом. Да, это именно то, ради чего могли явиться сюда Дэвид и Кейт – трупы, древние генетические ниточки, ведущие к лекарству. Сколько тысяч лет они были погребены под этим древним городом, в каменных норах, которыми пользовались веками? Не спрятал ли кто-нибудь античный труп среди этих погребальных камер, замаскировав его, спрятав на виду у всех? Неважно. Дориану нужна была только Кейт, код, знания, таящиеся в ее рассудке.

*

Из тьмы медленно проступил силуэт. Дэвид положил палец на спусковой крючок и выбрал свободный ход в готовности открыть огонь.

Из тоннеля с поднятыми руками появился человек.

Янус.

– Слава богу, – поднялась от стола Кейт. – Мне нужна ваша помощь.

Янус приблизился к ней. Дэвид инстинктивно повел стволом следом за ним.

– Нашли? – с ходу поинтересовался ученый.

– Да...

– Ковчег с тибетского гобелена? Он был здесь? Все это время? Альфа? Адам? – сыпанул вопросами Янус.

Кейт кивнула.

– Экстраординарно... – пробормотал тот, глядя на компьютер. – Вы позволите?

– Конечно, пожалуйста, – Кейт отступила в сторону.

– Где Камау? – окликнул Дэвид через плечо.

– После крика мы разделились.

– Он жив?

– Искренне надеюсь, что да, – бросил Янус, печатая на компьютере и переводя взгляд туда-сюда.

Прошла минута. Дэвид не отводил глаз от входа в тоннель, а Кейт и Янус всматривались в экран компьютера.

– Это она, – кивнул ученый, – точка отсчета, первый человек, получивший ген Атлантиды. Если мы скомбинируем его геном с геномами тех, кто умер от бубонной чумы и пережил вспышку испанки, все обретет смысл. Полагаю, этот набор данных позволит выделить все эндогенные ретровирусы. Это оно, Кейт.

Схватив спутниковый телефон, женщина подключила его к компьютеру и застучала по клавишам.

– Выгружается.

Янус зашагал от компьютера к входу в тоннель.

– Вам нельзя туда идти, – предупредил Дэвид.

– Боюсь, я вынужден, – Янус повернулся к Дэвиду. – Для такого ученого, как я, это возможность века. Первый человек совершенно нового племени, генетический катаклизм, с которого все и началось – история, наука... Несмотря на риск, я должен увидеть это собственными глазами.

– Оставайтесь здесь...

Но Янус ускользнул в тоннель, прежде чем Дэвид успел его задержать.

Отключив спутниковый телефон от компьютера, Кейт быстро набрала номер. Дэвид занял позицию между ней и выходом из тоннеля.

«

Пол, я только что послала новый набор данных. Да... Что?.. Нет, я не прослушала сообщение».

Глаза Кейт широко распахнулись.

– Нет... я... спасибо, что дали знать. Перезвоните, когда получите данные, – она прервала связь. – Янус и Шоу. Оба липовые.

Из туннеля послышались приближающиеся шаги. Дэвид вскинул автомат, приготовившись стрелять, но силуэт, обрисовавшийся во тьме, остановился.

Глава 86

Катакомбы Св. Павла

Рабат, Мальта

Кейт вглядывалась в устье тоннеля, пытаясь рассмотреть, кто идет. Человек остановился, подняв руки.

Камау.

Он так и стоял у входа в тоннель, отгораживаясь от света, будто захлебывался им.

– Ты в порядке? – спросил Дэвид.

– Я... ничего не вижу.

Бросившись вперед, Дэвид помог Камау выбраться из тоннеля и пройти до стула у длинного стола, за которым сидела Кейт. Он выглядел дезориентированным и обессиленным.

– Что случилось? – спросил Дэвид.

– Янус ослепил меня каким-то световым оружием. На время я просто отключился.

– Он мог подтасовать данные, – обратил Дэвид взгляд на Кейт.

Та открыла рот, но тут же захлопнула его, когда спутниковый телефон на столе завибрировал. Схватив его, она поспешно ответила.

«Один результат?.. Нет. По-моему, вы обязаны... Согласна, Пол. перезвоните мне, когда будете знать».

Она дала отбой. Единственная терапия. Их последний шанс. Но...

– Они нашли одну терапию, – сообщила она. – И запускают ее. Альтернатив у них просто нет, – она уставилась на Дэвида. – Нам надо поговорить с Янусом.

Дэвид подошел к Камау.

– Как у тебя с глазами?

– Уже лучше, но все еще как в тумане.

«Пыжится перед командиром», – подумала Кейт.

Дэвид вложил ему в руки автомат, лежавший на столе.

– Стреляй в любого, кто выйдет из тоннеля.

Он повернулся к Кейт.

– Бьюсь об заклад, Чанг – покойник. Внизу остались только Шоу и Янус. Нам известно, куда подался Янус. Я верну его обратно, – и снова обратился к Камау: – Когда я подойду к входу, то прежде чем выйти, крикну: «Ахилл выходит».

Камау кивнул.

Дэвид тут же скрылся во тьме тоннеля.

Подойдя к столу, Кейт взяла пистолет и провела пальцем по надписи, выгравированной сбоку: «ЗИГ ЗАУЭР».

– Вы умеете им пользоваться? – раскатился по залу бас Камау.

– Я очень быстро учусь.

*

Адам Шоу положил очередной пакет взрывчатки в альков каменного тоннеля. Куда же идти дальше? Надо было сделать карту обратного пути в вестибюль музея; казалось, этим тоннелям просто нет конца. Откуда-то издали донеслось эхо шагов. Он мгновенно выключил фонари и ушел глубже в погребальную камеру, отходящую от тоннеля. Резиновая рукоятка ножа негромко скрипнула под пальцами, когда Адам извлек его из ножен.

Шедший нес фонарь. Свет становился ярче с каждой секундой.

Затаившись, Шоу ждал. Погребальная камера была невелика – примерно шесть на десять футов, одна из множества отходящих от главного тоннеля.

Адам мысленно подстраивался под шаги, понимая, что у него будет лишь доля секунды, чтобы совершить бросок и устранить жертву.

Ближе.

Ближе.

В проеме показалась фигура.

Янус.

Шоу позволил ему пройти и тихо выпустил воздух из легких. Но позади Януса слышались еще шаги. Камау?

Они ведь были вместе.

Шоу оцепенел.

Дэвид.

Преследует Януса.

Затем и Вэйл скрылся. Шоу вздохнул с облегчением. В глубине души он был готов признать, хоть и не без скрипа, что в рукопашной

Вэйл мог бы его одолеть, даже если на стороне Адама оказался бы элемент внезапности. Прежде чем отправиться в эту миссию, Шоу прочел личное дело Дэвида и его характеристику из «Часовой башни». Он подыскивал способ прикончить его с той самой секунды, когда впервые увидел, как Дэвид вынырнул из вод Средиземного моря и впечатал его в тонущие обломки чумной баржи, в буквальном смысле показав, каков он в рукопашном поединке.

Но теперь о Вэйле можно было не беспокоиться: тот во весь дух рванул глубже в тоннель, прочь от Кейт, которую Дэвид ставил превыше всего на свете, покинув ее на произвол Шоу, дав ему возможность завершить свою миссию и отомстить Дэвиду.

Выбравшись из погребальной камеры, Адам повернул налево, устремившись по указанному Вэйлом пути к Кейт.

*

Янус бежал во весь дух. Впереди засиял теплый свет фонарей, освещавших каменный зал.

Конечно, он охраняется, если верить истории.

Вынув квантовый кубик из кармана, Янус замедлил шаг. Ковчег, находившийся в конце зала, уже показался впереди. Изумительно. Точь-в-точь такой же, как был.

Двое стражей выступили из-за каменных стен, преградив путь.

Янус активировал куб, залив помещение ослепительным светом. Подрегулировал его, увеличивая мощность.

Двое стражей рухнули, следом послышался звук падения других тел в зале.

Переступив порог, Янус оглядел сцену. Шестеро вооруженных до зубов европейских солдат и кто-то еще – подросток азиатской наружности в церемониальных одеждах.

Подойдя к Ковчегу, Янус заглянул внутрь.

Вот он. Первый. Они его сберегли. Поведали его историю. Спустия столько лет... Это выдающийся вид. Они превзошли все ожидания. Но это никак не влияло на то, что предстояло сделать. Ученый повторил себе, что лишен выбора.

Взяв бедренную кость альфы, он поднял ее и изо всех сил ударил ею о стенку каменного гроба.

Оттуда вывалился кристалл микросхемы, тут же исчезнувший под осевшим на него серым прахом.

Янус сунул руку в гроб, сметая пыль в поисках кристалла.

На его поиски ушел не один месяц. Это был последний фрагмент. Когда он пропал...

Янус поднес кристалл к свету, чтобы взглянуть на образчик техники, имплантированной им с напарницей почти семьдесят тысяч лет назад. Небольшой радиационный имплант давал им возможность вносить изменения в человеческий геном в течение десятков тысяч лет. Каждый раз, когда они программировали новый радиационный режим, тот менял геном людей, находившихся в пределах досягаемости импланта, меняя курс человечества. Устройство было древнее, и его источник энергии почти иссяк, что сильно снизило радиус. Янус гадал, сумеет ли его отыскать. Но перед лицом нынешней чумы устройство сработало, как и было запланировано, запустив аварийную программу, активирующую ген Атлантиды и спасающую тех, кто собрался вокруг. Очень жаль, что пришлось умереть столь многим, чтобы Янус смог отыскать его. Но без этого прибора ничто не сможет встать на пути последней генетической трансформации, которую он уже запустил.

В этот момент ученым овладело любопытство. Активировав модуль памяти импланта, он начал просматривать прокручивающиеся данные телеметрии. Записи импланта начинались с племени, которое они изменили. Оно унесло ковчег из тропических краев в горы, через пустыню, а потом – на корабль. Затем они приплыли сюда, на Мальту, где и остались в надежде, что уединенный остров убережет их до той поры, когда Янус с напарницей вернутся. Но они так и не вернулись, и защита острова оказалась сугубо временной.

Варвары, добравшись до острова, привезли с собой то, что изолированное племя почти позабыло, – насилие. Иммару пали перед агрессорами – точно так же, как народ самого Януса пал перед иной кровожадной расой. История повторилась. Неужели он направлял их неправильно? В мире, слишком цивилизованном, чтобы драться, королями становятся последние варвары.

Варвары, унаследовавшие Мальту, принялись обследовать оставленные Иммару мегалитические храмы. Глубоко внутри одного из них, где был спрятан ковчег с телом альфы, они претерпели изменения от радиации импланта. Сначала это произошло с финикийцами, а затем с греками, потеснившими их с Мальты.

Греческие захватчики унесли генетические выгоды с собой на родину, где изменения в мозговых связях процветали веками.

Окружающая среда в Греции культивировала умы, как никогда прежде. Нескольким просвещенным индивидуумам удалось добраться до кое-чего – коллективной памяти, погребенной в подсознании. Коллективная память возникла в виде мифа – предания о высокоразвитом городе под названием Атлантида, затонувшем у побережья Гибралтара. Теперь Янус увидел это: имплант подкинул коллективную память в уповании, что цивилизованное общество отыщет корабль и придет на спасение к Янусу и его напарнице. В каком-то смысле имплант и состряпанный им миф об Атлантиде тоже спасли его. Греки оказались первыми, кто постиг историю Атлантиды, записал ее и разнес о ней весть, но в последующих столетиях рассказ об Атлантиде угнездился в закоулках умов всего человечества.

Янус увидел, как греков постигла та же участь, что и финикийян до них. Греки стали еще более цивилизованными и в процессе утратили способность противостоять могучей армии у себя под стенами – римлянам.

В годы, последовавшие за тем, как римляне поглотили Грецию и прибыли на Мальту, их империя совершила рывок вперед, а вместе с нею и цивилизация. Римляне строили дороги, устанавливали законы, а также создали календарь, используемый по сей день. Человечество достигло вершин развития. Экспансия Рима представлялась нескончаемой, но каждый раз, когда он расширял свои рубежи, оборонять эти рубежи становилось все труднее. Со временем Рим тоже пришел в упадок и был повержен в прах варварскими племенами, которые проскользнули через плохо обороняемые границы и поселились на его землях.

Когда Рим пал, супервулкан близ экватора в нынешней Индонезии изрыгнул огонь и пепел. Последний, падая вниз, принес с собой величайшую в задокументированной истории пандемию, ставшую известной впоследствии как Юстинианова чума, а также новую волну генетических изменений. Торговля застопорилась вплоть до полной остановки, а вместе с ней прекратился и людской поток через Мальту. Радиация импланта не могла оказать воздействие на достаточное количество выживших, чтобы переломить ход событий. Мир откатился

обратно к первобытному существованию и замер в ожидании надежды и разрешения.

Последовала тьма. Почти тысячу лет не было великих цивилизаций. Мальта и весь род людской искали путь на ощупь. На этом фоне исторгся очередной вулкан и снизошла Черная смерть.

Беженцы высадились на Мальте, и имплант запустил новую волну радиации и генетических изменений. Выжившие отплыли с Мальты на родину, предотвратив последнюю человеческую трансформацию, задуманную Аресом, и дав толчок эпохе Возрождения.

После этого имплант пребывал в бездействии – вплоть до Чумы Атлантиды. Глобальный отказ Орхидеи наконец реактивировал его, выдав местонахождение и позволив Янусу отыскать кристалл.

Теперь ученый смог постичь весь ход истории после падения Атлантиды. Крошечный имплант внутри Ковчега и люди, которых он защитил, повели войну против тьмы и генетических изменений, которые Арес обрушил на них с пеплом и чумой, пришедшими в шестом и четырнадцатом веках, а затем и с Чумой Атлантиды.

На протяжении тысячелетий люди цеплялись за жизнь. Сражались. Жизнестойкость у вида 8472 оказалась выдающейся. А теперь его история пришла к концу. Но люди будут в безопасности. В этом Янус не сомневался.

Бросив кристалл в гроб, ученый раздавил его.

И услышал за спиной шаги, вдруг затихшие.

Обернувшись, Янус обнаружил Дэвида, который стоял во входной арке, держа примитивное оружие, стреляющее твердыми метательными элементами.

Янус потянулся за квантовым кубом.

– Не надо, Янус. Клянусь, я вас пристрелю.

– Ну-ну, мистер Вэйл. Разве так поступают по отношению к тому, кто спас вам жизнь?

Глава 87

Центр по контролю заболеваемости

Атланта, Джорджия

Пол Бреннер вошел в центр управления «Симфонии». Настроение в комнате царило восторженное. Два мигающих слова в центре экрана гласили:

ОДИН РЕЗУЛЬТАТ

Они нашли новую генную терапию от Чумы Атлантиды. Новую надежду.

– Выполняйте, – сказал Пол. – Пускайте в ход по всем районам. Загрузите данные во все наши филиалы.

Промчавшись по коридору, он буквально ворвался в больничную палату племянника.

Мальчик лежал без движения. Даже головы не повернул. Сознание в нем едва теплилось.

«Но время еще есть», – подумал Пол.

*

А в вестибюле у входа в катакомбы Святого Павла Кейт отодвинулась от стола, ломая голову над тем, что еще может сделать.

Силуэт, вылетевший из тоннеля, буквально размазался от скорости. Кейт обернулась, но тот был чересчур стремителен. Он сшиб Камау со стула. Штурмовая винтовка с лязгом заскакала по камням, а двое мужчин покатались по полу, прямо в одну из стеклянных витрин музея. Камау бил напавшего человека, но Кейт видела, что он дезориентирован, слеп и растерян. Ему не выдержать.

Женщина двинулась вперед, поднимая пистолет.

Они яростно извивались на земле. Кейт пыталась поймать второго на мушку. В душе она понимала, что это Шоу, но противилась подобной мысли, не желая, чтобы та оказалась правдой. Она уже пережила предательство со стороны человека, которому верила, и поклялась, что такое больше не повторится. Шоу спас ее в Марбелье. Но...

Напавший человек поднялся с ножом в руке, оставив Камау лежать. По белому мраморному полу растекалась кровь. Камау дернулся пару раз и затих.

Убийца повернулся лицом к Кейт.

Шоу.

Кейт хотела нажать на спусковой крючок, но просто оцепенела. И не смогла.

Шоу выхватил пистолет у нее из рук.

– Это не для тебя, Кейт. Радуйся этому.

Дверь в другом конце вестибюля распахнулась, и через порог шагнул Дориан Слоун. Четверо солдат, следовавшие за ним по пятам, развернулись веером, заняв позиции в вестибюле; двое встали по бокам от входа в тоннель.

– Где вас черти носили? – вскинулся Шоу.

– Остынь, – небрежным тоном бросил Дориан. – Пробки на дорогах, – он окинул помещение взглядом. – А Вэйл?

– В тоннелях, – ответил Адам.

Дориан кивнул солдатам по бокам от входа.

– Нет, – возразил Шоу. – Выход только один, – вынув из кармана маленькую коробочку, он нажал на кнопку. В туннеле забухали взрывы, будто приближающиеся раскаты грома. – То есть никакого выхода, – повернулся он к Дориану.

– Рад видеть тебя, братец, – улыбнулся Слоун.

*

Дэвид услышал взрывы прежде, чем ощутил их спиной. А затем рухнул потолок.

Периферийным зрением Вэйл заметил Мило, безжизненно лежащего у стены, и метнулся к парнишке, накрывая его собственным телом.

Камни сыпались со всех сторон, грохот отдавался в ушах. Тело Мило под ним казалось совсем хрупким. Выживет ли он?

Очередной камень ударил Дэвида по корпусу, и он скривился от боли. И еще один – по ноге. Боль была жуткая, но Вэйл не шевельнулся, застыв и ожидая, когда все закончится.

И все действительно закончилось, но совсем не так, как он ожидал. Его накрыло куполом света, вознесшимся над головой и загородившим от падающих камней. Но Дэвид по-прежнему не шевелился.

*

– Я не стану тебе помогать, – волком посмотрела Кейт на Дориана. – У нас уже есть лекарство.

Ухмылка Слоуна стала шире, будто ему был известен какой-то секрет.

– Ох, Кейт, ты никогда не разочаровываешь... Да плевал я на лекарство с высокой горки. Я здесь ради кода в твоей голове.

– У меня нет...

– Будет. Ты вспомнишь, и тогда мы получим все, что требуется.

Один из людей Дориана схватил ее и силком потащил прочь из вестибюля музея.

Глава 88

Катакомбы Св. Павла

Рабат, Мальта

Дэвид почувствовал, как чья-то рука, ухватив за плечо, перекатывает его лицом кверху. В каменном зале воцарилась темнота и тишина. Было темно, хоть глаз выколи.

Но мало-помалу разгораясь, зал наполнило желтое сияние.

Свет, казалось, исходил от ладони неизвестного. Он держал там что-то – небольшой искрящийся куб.

Дэвид взглянул ему в лицо. Янус. Это он заслонил Дэвида от падающих камней с помощью кубика.

–

Кто

вы такой, черт возьми? – прохрипел Дэвид.

– Следите за выражениями, мистер Вэйл.

– Вы серьезно?

Выпрямившись, Янус негромко проговорил:

– Я один из двух ученых, прибывших сюда очень давно ради изучения гомининов этой планеты.

– Атланты, – Дэвид кашлянул.

– Те, кого вы называете атлантами, да.

Дэвид взглянул в лицо Януса. Да, оно знакомо ему. Он уже видел Януса. В Антарктиде, много дней назад, пребывая в трубе, Дэвид

видел это лицо, глядевшее на него из другого конца зала. А потом оно исчезло.

– Так это были вы в Антарктиде...

– Да, хотя и не во плоти. То, что вы видели в Антарктиде, являлось моим аватаром, дистанционным отображением.

Дэвид сел.

– Вы меня спасли. Почему?

– Боюсь, мне надо идти, мистер Вэйл.

– Подождите. – Встав, Дэвид бросил взгляд на винтовку, размышляя, стоит ли хватать ее. Нет. Янус уже вывел из строя солдат своим кубиком. И может сделать то же самое с Дэвидом. Кроме того, он спас ему жизнь – уже дважды. – А лекарство, что вы отправили в «Преемственность», – оно фальшивое, не так ли?

– Оно настоящее...

– Лечит ли оно чуму?

– Оно излечивает источник хворей человечества.

Дэвиду не понравились ни эти слова, ни выражение лица Януса, ясно говорившее: разговор окончен.

Ученый сосредоточил внимание на кубике в своей ладони. Приблизив ладонь другой руки к свету, который излучал куб, он принялся шевелить пальцами, будто программируя его.

Дэвид оценил ситуацию. Кто-то установил здесь мины и подорвал их; это вовсе не бомба, взорвавшаяся сверху. Во время Второй мировой войны немцы и итальянцы без счета бросали бомбы на эти катакомбы, но не смогли заставить их рухнуть. Это Шоу. Он завалил выход из катакомб. И хочет захватить Кейт. А может, он уже передал ее в руки Дориана?

– Кейт у Шоу, – сказал Дэвид.

– Да, полагаю, что так, – отозвался Янус, не поднимая глаз.

– У нее воспоминания вашей напарницы.

– Что?! – Янус казался потрясенным, впервые выказав на глазах у Дэвида какое-то чувство.

– Воспоминания начали приходить несколько дней назад, поначалу во сне, а потом и наяву, и остановить она их не могла.

– Не может быть...

– Она сказала, что к вашей экспедиции присоединился третий – воин. Она тайно сговорила с ним изменить геном. Сказала, что его

звали Арес.

Янус стоял молча, как громом пораженный.

– Воспоминания Ареса достались Дориану. Он захватил Кейт – именно в этом заключалось задание Шоу. Теперь я в этом уверен. На базе Иммари в Сеуте ходили слухи, что Дориан вынес из строения в Антарктиде какой-то чемоданчик, и тот создал некую дверь. Он заберет Кейт туда. Она в опасности.

– Если вы говорите правду, мистер Вэйл, в опасности все мы, до единого. Если они доберутся до портала, если Кейт попадет в руки Ареса, гибель ждет всех до последнего на этой планете и многих сверх того.

Глава 89

Катакомбы Св. Павла

Рабат, Мальта

Дэвид подошел к Янусу на расстояние вытянутой руки. Мягкий желтый свет кубика освещал их лица снизу, будто они сидели у костра.

– Помогите мне спасти ее, – попросил Дэвид.

– Нет, – резким, не терпящим возражений тоном отрезал Янус. –
Это
вы
поможете
мне
спасти ее.

– Что...

– Вы даже не представляете, во что впутались, мистер Вэйл. Это куда крупнее...

– Так поведайте мне. Поверьте, я готов к ответам.

– Сначала вы должны присягнуть, что будете следовать моим приказам – будете делать,
что

я скажу и
когда
я скажу.

Дэвид уставился на него.

– Я заметил, что в ситуациях, когда на кон поставлено очень многое, вы предпочитаете – а точнее, требуете

– быть во главе, – продолжил Янус. – У вас не ладится с выполнением приказов и принятием рисков, особенно когда на кону жизни, в частности, жизнь Кейт. Это ответственность. Это не ваша вина. Вероятно, это последствия вашего прошлого...

– Я проходил курс психоанализа, спасибо. Послушайте, если вы пообещаете сделать все, что в ваших силах, ради ее спасения, я выполню все, что вы прикажете.

– Поверьте, я сделаю все, что в моей власти. Но боюсь, что наши шансы оставляют желать лучшего. Каждая секунда на счету, мистер Вэйл. И начинаем мы сейчас же.

Встав, Янус протянул руку, и сияющий куб, вылетев из ладони, нырнул в каменную стену. От места их соприкосновения повалила пыль.

Дэвид только рот раскрыл. Куб углублялся в тоннель, вгрызаясь в камень, будто лазер.

Вэйл коснулся стены. Та была гладкой – в точности как в сумрачном тоннеле, который вывел его из сооружения в Гибралтаре. «Тут я точно не на своей территории», – подумал он.

– Так вот как вы это сделали...

– Этот маленький квантовый куб вытащил меня из немалого числа передрыг в моих странствиях.

Дэвид оглянулся на пыль, вылетающую из гладкого тоннеля.

– Ага... ну, тогда хвала квантовым кубикам...

Мило на полу шевельнулся. Подойдя к нему, Дэвид опустился на колени.

– Он поправится?

– Да.

Дэвид перекатил Мило на спину.

– Как ты себя чувствуешь?

Тот медленно открыл глаза.

– Расплющенным, – он закашлялся, и Дэвид помог ему сесть.

– Успокойся, мы отсюда выберемся.

– Мы? – переспросил Янус.

– Да. Здесь мы его не бросим... – Дэвид вдруг осекся и тряхнул головой. К этой новой парадигме командования надо еще привыкнуть.

– Вернее, со всем моим уважением, подаю на ваше рассмотрение предложение, чтобы мы взяли его с собой. Он член Иммару. Он нашел Ковчег до нас. Его знания могут оказаться полезны, и он может нам помочь.

Подойдя ближе, Янус внимательно оглядел подростка.

– Невероятно. Столько лет спустя... Сколько же вас осталось?

– Только я, – поднял глаза Мило.

– Жаль, – проронил Янус. – Да, пожалуйста, присоединяйтесь к нам...

– Мило.

– Рад знакомству, Мило. Меня зовут Артур Янус.

Мило отвесил самый любезный поклон, на какой сподобился в сидячем положении.

У выхода из зала куб все глубже вгрызался в новый тоннель в каменных катакомбах. Излучаемый им желтый свет мерк по мере продвижения кубика все дальше. Дэвид попытался мысленно прикинуть, сколько времени может потребоваться кубу, чтобы достичь поверхности, и, что важнее, удастся ли вовремя добраться до Кейт.

*

Как только вертолет взлетел, Кейт прекратила отбиваться от Шоу и охранников по бокам. Куда ей было бежать? Она в западне, пока машина не сядет. А что потом? Может, удастся улизнуть от них?

Ее крепко-накрепко пристегнули к сиденью, для надежности связав руки на запястьях кабельными стяжками.

Кейт устала на Дориана, сидящего напротив. Похоже, он добился совершенства в полуулыбке-полуухмылке, не сходящей с его губ. Он словно говорил: «Я знаю кое-что, а ты – нет. Тебя ждет нечто

скверное, и, когда это случится, уж тогда-то я буду лыбиться во весь рот».

Кейт хотелось ударить его. Шоу, сидящий рядом с Дорианом, безмятежно смотрел в вертолетное окно, будто мальчишка, восхищенный своим первым полетом по воздуху.

– Ты убил Мартина.

– Ты

, – буркнул он.

– Ты сломал ему шею...

– Он начал умирать, как только Орхидея отказала. Ты лишь продлила его муки, Кейт.

Ложь.

– Зачем, Адам?

Он впервые отвел взгляд от пейзажа за окном.

– Я знал, что если он очнется, то узнает меня, разоблачит. Я надеялся, что он умрет без моей помощи, но от лечения Чанга ему стало лучше. Когда ты удалилась, чтобы... присоединиться к Дэвиду, мне впервые выдался шанс. Я сделал то, что должен был, – чтобы осуществить свою миссию. Ничего личного.

– Не слушай его, Кейт, – подался вперед Дориан. – Мы же оба знаем, что это дело личное. Уже... сколько там, семьдесят тысяч лет, а? – Он ослабился. – Это ведь твое главное слепое пятно, не так ли? Люди. Ты никогда не умела в них разбираться. Ты чертовски умна, но никогда не могла понять, что тебя вот-вот предадут не по-детски. Вот что мне в тебе нравится. Просто умора.

Закрыв глаза, Кейт приказала себе не реагировать. Ощутила, как в душе закипает гнев. И как ему всегда удается задеть ее за живое? Он всегда легко ей манипулировал. Этот монстр словно знал каждую ее кнопку. Он давил на них, будто между делом, и каждый раз ухмылялся, в точности зная, как она отреагирует.

Она пыталась взять себя в руки, пыталась отгородиться от него. Во тьме раздался голос: «Он нас предал».

Кейт открыла глаза. Она оказалась в стальной комнате с четырьмя стоячими трубами. В одной застыл неандерталец. Она снова была в Гибралтаре, в камере, которую ее отец нашел в 1918 году. Это было

последнее воспоминание, до сих пор ускользавшее из-под пальцев. Лицо Дориана, его слова активировали эту память.

«Ты меня слышишь?» – снова окликнул голос.

В шлеме Кейт появилась видеокартинка. Голова в точно таком же шлеме – Янус. Он был вторым членом научной команды атлантов, ее напарником.

«Ты меня...»

«Я тебя слышу», – отозвалась Кейт, оперлась о стол в центре комнаты и повернулась лицом к Янусу. Надо ему сказать.

«Я... – пролепетала она. – Да, Арес предал нас...»

Корабль тряхнуло очередным взрывом.

«...но ему помогла я, – видеоизображение Януса внутри ее шлема исчезло, и перед глазами осталась лишь зеркальная поверхность его шлема. Очевидно, Янус не хотел, чтобы Кейт видела его реакцию. – Он сказал мне, что хочет помочь. Обеспечить безопасность для них. Для нас всех», – торопливо добавила она.

«Он воспользовался тобой – и твоими исследованиями. Должно быть, ему нужна генная терапия, чтобы построить свою армию».

Янус подошел к панели управления и принялся быстро манипулировать.

«Что ты делаешь?» – спросила Кейт.

«Арес попытается захватить первичный корабль. Ему нужен транспорт для армии. Я заблокировал его».

Кейт кивнула. На дисплее ее шлема побежали строки команд. И каждая будто пробуждала новые воспоминания, приносила понимание. Корабль, в котором они находятся сейчас, – просто посадочный модуль. Они прибыли сюда на куда более крупном научном корабле, способном к космическим путешествиям. Протокол предписывал им оставлять минимум следов и минимальную видимость. Проводя эксперименты на поверхности планеты, в корабле они не нуждались и не хотели, чтобы его кто-либо увидел. Они скрыли его на обратной стороне единственной луны этой планеты, схоронив очень глубоко. Двери портала на посадочном модуле открывали мгновенный доступ к кораблю, если бы им понадобилось, но теперь команды Януса заблокировали корабль – он будет закрыт для любого дистанционного управления, будь то из Гибралтара или Антарктиды. Теперь на корабль не попасть ни им, ни Аресу – во всяком случае, через двери портала.

Янус продолжал манипулировать пультом управления.

«Установлю заодно кое-какие ловушки на случай, если Арес каким-либо образом доберется до корабля».

Кейт смотрела на бегущие перед глазами команды. Корабль содрогнулся от нового взрыва, куда более яростного, чем предыдущий.

Янус помедлил.

«Корабль ломается. Его разорвет на части».

Кейт просто стояла на месте, не зная, что делать.

«Арес уже осуществил свою терапию? Уже трансформировал их?»

Кейт пыталась собраться с мыслями.

«Не знаю. Не думаю».

Янус лихорадочно манипулировал пультом. Кейт увидела замелькавшие ряды последовательностей ДНК. Компьютер прогонял симуляции.

«Что ты делаешь?» – спросила она.

«Корабль будет уничтожен. Дикари найдут его. Я модифицирую устройства растяжения времени по периметру так, чтобы они эмитировали радиацию, которая откатит все наши терапии обратно. Они станут такими же, как и прежде, до первой терапии».

Вот оно что – Колокол являлся попыткой Януса запустить все генетические интервенции атлантов вспять. Вот только в этом воспоминании, тринадцать тысяч лет назад, когда Янус программировал Колокол, он смотрел не тот геном. Дикари, как он назвал их, нашли корабль лишь в 1918 году, когда отец Кейт откопал его под Гибралтарским проливом. Янус не рассчитывал на такую отсрочку, на задержку с поиском Колокола, на генетические изменения, которые произойдут за этот период. А Кейт знала, что грядут два очень больших изменения – «дельты» из хронологии Мартина, две вспышки чумы в шестом и тринадцатом столетиях. Да, должно быть, это были вмешательства Ареса, внедрение терапии, которую помогла ему создать Кейт... Почему это произошло так поздно? Почему он выжидал двенадцать тысяч лет? Где он находился? И где был Янус? Живой, здесь, в прошлом, он же находился там и в будущем...

Корабль снова содрогнулся, швырнув Кейт в стену. Голова ее ударилась о шлем, и тело обмякло. Она ничего не видела. Только

услышала шаги. Голос Януса эхом раскатился в шлеме, но разобрать слова она не смогла. Лишь почувствовала, как он подхватывает ее на руки и куда-то несет.

Глава 90

Катакомбы Св. Павла

Рабат, Мальта

Включив фонарь, Дэвид в упор взглянул на Януса.

– Ответы. Я хочу знать, с чем мы тут имеем дело.

Атлант бросил взгляд на круглый каменный тоннель, медленно прорезаемый парящим кубиком.

– Очень хорошо. У нас есть немного времени. Задавайте свои вопросы.

«С чего же начать?» – задумался Дэвид.

– Вы спасли меня. Как и почему?

– Как – за пределами вашего научного понимания...

– Ну, упростите это до моего примитивного мозга гоминина, очевидно не усовершенствованного даже за семьдесят тысяч лет вмешательства атлантов.

– Ясно. «Как» несколько связано с «почему». Начну с этого. А еще мне надо будет дать вам небольшой ретроспективный экскурс. Я уже говорил прежде, что на самом деле вы видели в Антарктиде не меня. Только мой аватар. Есть ли у вас догадки почему?

– Вы были в Гибралтаре.

– Да. Очень хорошо, мистер Вэйл. Ваш доктор Грей действительно разгадал изрядную часть истории атлантов на этой планете. Прочитав его хронологию, я испытал немалый шок. Она оказалась довольно точной, несмотря на пробелы в его знаниях и то, что он многого не знал.

– А именно?

– То, что он описал, как «Падение А\$», – падение Атлантиды, уничтожение нашего корабля близ побережья Гибралтара. Это была диверсия. Как вам известно, нас было двое. Ученые, путешествующие

по галактикам ради изучения человеческой эволюции на несметных человеческих планетах.

– Невероятно, – пробормотал Дэвид.

– Этот мир, ваш вид – вот что невероятно. Наш вид стар. Давным-давно мы обратили свое внимание на другие миры, в частности, на все планеты, вскармливающие человеческую жизнь. Это стало нашей идеей фикс

. Для экспедиции особую важность играл один вопрос из всех: откуда мы появились?

– Эволюция...

– Это только биологический процесс. Тут замешано нечто большее; ваша наука откроет это в один прекрасный день. Вам уже известно, что Вселенная будто бы способствует появлению человека. На самом деле Вселенная жестко запрограммирована на это. Если любую из констант хоть немного изменить – гравитацию, силу электромагнетизма, размерность пространства-времени, – человеческая жизнь не зародится. Есть только две возможности: либо человеческая жизнь возникает благодаря поддержке законов Вселенной по случайному стечению обстоятельств, либо альтернатива: Вселенная создана, чтобы взлелеять человеческую жизнь.

Дэвид взвесил заявление Януса.

– Первым делом мы подумали, что это простой случай; что мы существуем благодаря тому, что являлись одной из бесконечного множества биологических возможностей вселенных, существующих в мультивселенной. Наша гипотеза заключалась в том, что мы существуем, потому что должны существовать в некой вселенной, учитывая, что возможных вселенных бесконечно много, а мы – лишь конечный возможный исход. Мы существуем в этой Вселенной, потому что только наш разум способен осознавать ее.

– Ага... – Дэвид даже не представлял, что еще сказать.

– Затем мы сделали открытие, изменившее наши представления, заставившее усомниться в исходных посылах. Мы открыли квантовую сущность, субатомную материю, пронизывающую всю Вселенную. Это оказалось величайшим открытием в нашем существовании. Все пришли к консенсусу в том, что эта квантовая

сущность – просто очередная универсальная константа, нечто такое, что должно существовать в нашей Вселенной, чтобы она дала начало человеческой жизни. Но группа ученых начала углубленно исследовать эту загадку. На протяжении тысяч лет мы постигали сию квантовую сущность, но наткнулись на стену...

– Ладно, я на лопатках, – Дэвид поднял руку. – Признаюсь: я понятия не имею, что такое квантовая сущность.

– Вы знакомы с квантовой запутанностью?

– Э-э... нет.

– Очень хорошо. Позвольте мне просто сказать: мы открыли, что все люди связаны через квантовую сущность. Некоторые члены нашего общества с особенно сильной связью могут даже использовать это соединение для общения на расстоянии.

В памяти Дэвида вспыхнули его общие с Кейт сновидения.

– Вы находите, что в это трудно поверить, мистер Вэйл?

– Нет... Вообще-то, я верю. Продолжайте.

– Эту квантовую сущность, связывающую всех людей, мы называем Сущностью Начал. Изучение ее сотворения, нашего сотворения – великий труд. Мы называем это «Тайной Начал». Мы верим, что Сущность Начал оказывает влияние на всю Вселенную, что это и исток, и конечный пункт назначения человеческого сознания.

Мило кивнул.

– Это история творения, которую вы нам поведали.

– Да, – ответил Янус. – Ваши умы достигли столь высокого развития очень быстро. Вы жаждали ответов, в частности, о своем существовании. Мы дали вам единственные ответы, которыми располагали, хотя и модифицировали их так, чтобы вы смогли понять их. И мы дали вам кодекс – нравственный прообраз: практики, приближающие нас к Сущности Начал и, как мы обнаружили, улучшающие связь, теснее сплачивающие людей между собой и с гармонией, которую сулит Сущность Начал. Мы также подчеркивали, что ценна каждая человеческая жизнь; каждый человек связан с Сущностью Начал и может еще немного приоткрыть покров тайны. – Янус помолчал. – Однако с течением времени изрядная часть нашего послания оказалась утрачена.

– Некоторые еще веруют, – поведал Мило.

– Да, ясно. В конечном итоге наша миссия здесь потерпела фиаско, но начиналась она очень многообещающе. За все годы нашего исследования Тайны Начал мы ни разу не встречали вида, подобного вашему. Мы ведем мониторинг всех человеческих миров. Вы, как историк, мистер Вэйл, должны это оценить. Три с половиной миллиона лет назад на этой планете относительно незначительное геологическое событие вызвало катаклизм, который напрямую привел к возникновению человечества. Столкновение двух тектонических плит подняло морское дно там, где ныне находятся Западные Карибы, образуя Панамский перешеек. Атлантический и Тихий океан впервые оказались разделены, что помешало смешению их вод в больших масштабах. Это запустило цепную реакцию событий, которые привели к ледниковому периоду, до сих пор не закончившемуся. В Западной Африке джунгли начали отступать. В этот период ряд видов высших приматов жил на деревьях. В последующие годы пышные джунгли мало-помалу уступили место саваннам, вынудив приматов спуститься с деревьев на травянистые равнины. Источники их вегетарианской диеты по большей части исчезли. Многие погибли, но небольшая группа пошла по иной тропе – адаптировалась. Они рискнули выйти на обширные равнины и начали отыскивать новые источники пропитания. Впервые они отведали мяса, и это изменило их мозги. Как и охота. Эти приматы, доисторические специалисты по выживанию, стали умнее, чем любые приматы до них. Со временем они начали изготавливать примитивные каменные орудия и охотиться группами. Эта схема – климатический сдвиг, почти полное вымирание в стремительно меняющемся окружении, а затем отскок и адаптация – будет красной нитью тянуться через весь марш вашего вида к его текущему состоянию. Мы прибыли сюда изучать вас, когда вы находились еще в младенческом возрасте, надеясь, что виды со столь головокружительным взлетом, эволюционно говоря, смогут рассказать о Тайне Начал что-нибудь новое... Мы придерживались всех обычных мер предосторожности. Мы поставили Бакен, следующий по орбите планеты.

– Бакен?

– Колпак – чтобы не дать никому увидеть ваше развитие и не позволить вам увидеть другие человеческие миры. То, что вы называете парадоксом Ферми – факт, что населенных миров должно

быть множество, но вы не обнаружили ни одного, – на самом деле результат работы Бакена. Он фильтрует свет, который вы можете видеть, и свет, излучаемый вашей планетой в сторону тех, что находятся за пределами колпака. Мы выполнили и все остальные процедуры. Погребли свой корабль...

– В Антарктиде? – уточнил Дэвид.

– Нет. Это другой корабль. Я скоро объясню. Свои космические корабли мы, как правило, прячем в местном поясе астероидов или, в данном случае, на Луне – для большей безопасности, просто на случай, если зонд проскользнет мимо Бакена. Вселенная – опасное место, и у нас нет желания привлечь внимание к нашим подопытным или к себе самим. Мы передислоцировали свой посадочный модуль на поверхность планеты и остались здесь. После этого действовали обычным порядком, точь-в-точь как на других планетах: собирали пробы, анализировали результаты и уходили в анабиоз, пробуждаясь лишь через регулярные интервалы, чтобы повторить процесс. Однако сто тысяч лет назад нас разбудил досрочный сигнал бедствия. Наша родная планета была атакована. Вскоре вслед за тем последовало другое сообщение – она пала перед врагом невообразимой мощи. Нам было велено оставаться на экранированной планете ради собственной же безопасности. Мы полагали, что наш враг будет преследовать уцелевших атлантов в самых дальних закоулках Вселенной, чтобы истребить всех под корень. Мы боялись, что Армагеддон распространится на всех людей, на все человеческие миры. Следующее событие вам хорошо известно. Семьдесят тысяч лет назад в нынешней Индонезии произошло извержение супервулкана, изрыгнувшего пепел в небо и вызывавшего вулканическую зиму, которая поставила ваш вид на грань вымирания. Популяционная тревога пробудила мою напарницу и меня от анабиоза. Сбывались наши величайшие опасения. Мы думали, что являемся последними представителями собственного вида – двое ученых, которым не суждено вернуться на родину. При этом мы наблюдали за гибелью одних из последних людей, которых наш враг еще не нашел. Так что моя напарница приняла судьбоносное решение...

– Наделить нас геном Атлантиды.

– Да. Она сотворила это, не известив меня. Утверждала, что это эксперимент – дескать, можно наделить вас геном выживания и

посмотреть, как пойдут дела. Дело было уже сделано, и я спустил все на тормозах. Но приблизительно через двадцать тысяч лет после того, как она внедрила ген Атлантиды, прибыл другой корабль с нашей планеты. Он приземлился в Антарктиде, где и оставался с той поры подо льдом. На судне находятся последние наши люди.

– Это гробница?

– Своего рода. Но куда больше. Это реанимационный корабль. На нашей планете каждому позволено жить сто лет. Имеются исключения, например, для исследователей дальнего космоса наподобие меня. Мы достигли высот в медицинской науке, но несчастные случаи все равно случаются. В подобных случаях наши граждане возрождаются в подобных кораблях.

– Так вот кто они... – протянул Дэвид. – Мертвые атланты?

– Да. Зверски убитые, когда была атакована наша родная планета. Все, кроме одного. Время от времени наши граждане голосуют за архивацию того, кто совершил великие деяния. Это высочайшая честь. Лицом, архивированным в этом корабле, являлся генерал Арес. Он – реликт прошлого, которое мы оставили позади. Он был сохранен в качестве напоминания. Он – один из самых знаменитых наших солдат. Во время атаки он каким-то образом увел корабль с нашей родной планеты. И привел сюда.

– А остальные в антарктическом корабле... они не могут проснуться? Покинуть трубы?

– Могут. Однако теперь мы вид, чуждый насилия. Атака на наш мир, жесткость, резня... трубы способны исцелить только физические раны. Люди в Антарктиде могут пробудиться, но они сохраняют свои воспоминания, вплоть до последней мучительной секунды смерти. Пробуждать их слишком жестоко. Их сознание устроено несколько иначе, чем ваше. Психологически перенесенная ими травма чересчур велика. Они не могут убежать от воспоминаний о том, что с ними случилось. Они существуют в состоянии нескончаемого чистилища, не способные ни окончательно умереть, ни заново воскреснуть.

Дэвид не поверил бы такому, но испытал это на себе – смерть и возрождение в трубе. Дориан убил его выстрелом, и он очнулся в новом теле, в точности воспроизводившем первое.

– Так вот что случилось со мной, вот как я пробудился в трубе после того, как Дориан убил меня... Так же, как люди с вашей родной

планеты.

– Да.

– Как это работает? Воскрешение?

– Научная подоплека довольно сложная...

– А вы упростите – для меня. Я хочу понять, – Дэвид снова бросил взгляд на кубик, еще не скрывшийся из виду. – Время у нас есть.

– Очень хорошо. Образчик генетической технологии, который вы назвали геном Атлантиды, на самом деле осуществляет несколько функций. Наиболее уместная в данном случае – это организация радиации организма в поток данных. Каждый человеческий организм излучает радиацию. Ген Атлантиды превращает излучения в клеточную схему, информацию о вашем организме, включая и клетки мозга, содержащие воспоминания вплоть до секунды вашей смерти.

– Когда Дориан убил меня во второй раз, я очнулся в Гибралтарском корабле. Как?

– Вот тут наши истории и пересекаются, мистер Вэйл. Когда реанимационный корабль прибыл сорок тысяч лет назад, мы уже наделили людей геном Атлантиды. Арес оказался крайне заинтересован. Он видел в людях возможность построить новую армию, дать врагу отпор. Настаивал, что ген Атлантиды подверг вас опасности, сделал мишенью для нашего неприятеля. Он убедил мою напарницу. Она вступила с ним в сговор у меня за спиной, модифицировав терапию в поисках способа увеличить ваши способности к выживанию. Я заметил эти изменения и проникся подозрениями. Я понимал, что ваш вид прогрессирует слишком быстро, но, разумеется, мы еще ни разу не вмешивались в развитие других видов подобным образом. Я не знал, чего следует ожидать. И даже вообразить не мог, что она меня предаст. Но я знаю, почему она так поступила: чувство вины за то, что она совершила на нашей родной планете, акт, повлекший наше отвержение.

– Что...

– Эта история подождет другого раза. Здесь, на Земле, Арес располагал тем, в чем нуждался, – окончательной генной терапией для создания собственной армии. Он попытался уничтожить посадочный модуль и нас вместе с ним – вот что случилось у побережья Гибралтара. Корабль развалился на части. Мы предположили, что на

следующем этапе он попытается завладеть нашим космическим кораблем – тот был необходим ему для транспортировки своей армии. Я заблокировал корабль, чтобы никто не смог попасть туда ни с посадочного модуля, ни из Антарктиды. Я также установил ряд сигнальных устройств и контрмер. Но наш посадочный модуль у побережья Гибралтара быстро разваливался. Моя напарница пострадала и потеряла сознание. Я перенес ее в единственное место, куда можно было отправиться.

– В Антарктиду.

– Да. И Арес меня поджидал. Он выстрелил и убил ее. Разумеется, Арес отключил воскрешение в Антарктиде для нас обоих. Таков был его план. Меня он тоже ранил выстрелом в грудь, но я попятился через портал. И появился в другой части посадочного модуля в Гибралтаре.

Мысли Дэвида неслись стрелой. Да. В комнате, где он возродился во второй раз, валялся поврежденный скафандр.

– Скафандр на полу...

– Мой, – кивнул Янус. – Скрывшись в этом отсеке, я первым делом изолировал посадочный модуль от Антарктиды, чтобы защитить себя. Затем я сумел добраться до трубы – одной из тех, где возродились вы. Исцелившись, я подвел итоги. Я оказался в отчаянном положении. Обломок корабля, в котором я находился, уже скрылся под водой, причем далеко от берега. Если бы я вышел из него, то захлебнулся бы задолго до поверхности, а о воспроизведении кислородного баллона мне нечего было и думать, – он посмотрел на Дэвида. – Воспроизвести форму подполковника Иммари для вас оказалось куда проще.

– Как вы...

– До этого я еще дойду, – Янус поднял ладонь. – Итак, я был в западне. И в одиночестве. Моя напарница погибла, и, к моему изумлению, первым делом мои мысли обратились к ней. Воскрешение являлось строго регулируемой технологией. Смертную последовательность, переданную излучением гена Атлантиды, фальсифицировать невозможно, как оно и должно быть: только вообразите последствия, если пробудившись, вы обнаружите, что обзавелись дубликатом. Сначала я попытался воскресить ее принудительно, обмануть систему, заставив думать, что она умерла. Истинная смертная последовательность была передана кораблю в

Антарктиде, и Арес удалил ее. Моя стратегия сводилась к тому, чтобы сфабриковать ее смерть на компьютере в моем осколке, запустив ее возрождение в части корабля ближе к берегу, уповая, что она сможет освободиться и остановить Ареса. Чего я только не перепробовал! Но потерпел фиаско. Однако тринадцать тысяч лет спустя я добился своеобразного успеха. В тысяча девятьсот восемнадцатом году Патрик Пирс поместил свою умирающую жену в трубу, а вместе с нею и находившуюся в утробе Кейт. Должно быть, тогда-то компьютер и выполнил последовательность воскрешения, но ребенок созрел не так, как это сделал бы нормальный воскресительный эмбрион – его ограничивало тело матери. Однако как только ее извлекли из матери, Кейт начала расти, а теперь, судя по всему, к ней вернулась и память. Все это время воспоминания моей напарницы пребывали в сознании Кейт в латентном состоянии. Замечательно...

– А как воспоминания Ареса достались Дориану?

– Я же сказал, что был в отчаянии, – потрянул головой Янус. – Я перепробовал все на свете. Должно быть, санкционировал любое

воскрешение. Арес присоединился к нашей экспедиции, и мы располагали его радиационной сигнатурой и воспоминаниями. Но... воспоминания должны были кончаться за тысячи...

– Дориан тоже умирал в Антарктиде дважды, если верить донесениям. Арес мог восполнить пробелы.

– Да... это возможно. Арес мог легко добавить дополнительные воспоминания, даже показать их Дориану во время его возрождения там. Что же до Кейт, воспоминания в недоступных закоулках сознания могли оказывать некоторое влияние, направлять ее решения, будто подсознательные подсказки. – Янус принялся ходить туда-сюда. – Она стала генетиком, заикленным на изучении аномалий мозговых связей. Подсознательно она нащупывала способ стабилизации гена Атлантиды и завершения своей работы. Вот такая история, – Янус погрузился в глубокие раздумья, будто мысленно пребывая где-то далеко.

– Ну... а что же случилось с вами? – полюбопытствовал Дэвид, не зная, что еще сказать.

– Ничего. Тринадцать тысяч лет ничего со мной не происходило. Я думал, мои попытки освободить и возродить погибшую спутницу провалились. Моим последним вариантом было покончить с собой в собственном отсеке, запрограммировав воскрешение в другом. Но сделать это я не мог. Я видел, что стало с моими товарищами, умершими насильственной смертью, с людьми в трубах в Антарктиде, застрявшими в вечном чистилище. Так что я вошел в трубу и пребывал там тринадцать тысяч лет, ожидая каких-либо перемен.

Дэвид мгновенно понял, о какой «перемене» идет речь. В Антарктиде Вэйл встал на пути у Дориана и его людей, позволив Кейт с отцом бежать оттуда. Ее отец взорвал в Гибралтаре два ядерных боеприпаса, уничтожившие обломок посадочного модуля, который он откопал.

– Ядерные взрывы.

– Да. Они сдвинули отсек, в котором я застрял, ближе к Северной Африке. А именно к Марокко и Сеуте. Я немедленно активировал свою связь с кораблем. Увидел, что произошло в Гибралтаре, а затем подключился к Антарктиде и просмотрел тамошние ролики. Я понял, что вы пожертвовали своей жизнью ради спасения мужчины, женщины и двух мальчиков. Другой человек, впоследствии оказавшийся Дорианом, был далеко не столь галантен. Вы соблюдали Кодекс Гуманизма, наши этические нормы. Вы проявили уважение к человеческой жизни. Я знал Ареса и понимал, что случится дальше. Вы с Дорианом были врагами. Арес заставил вас сражаться насмерть, чтобы взять победителя. Я решил загрузить ваши данные. Мне пришлось явить свой аватар – на мгновение, чтобы засечь вашу радиационную сигнатуру. Остальное вам известно. После смерти вы очнулись в части корабля, которая служила мне темницей. Я запрограммировал трубы на самоуничтожение – чтобы вы наверняка двинулись дальше, выйдя наружу.

– Зачем? Что я, по-вашему, мог сделать?

– Спасти жизни. Я видел, что вы за человек. Я знал, что

вы сделаете. А вы не ограничились этим, совершив нечто большее, – вы привели меня к лекарству.

– Вы не могли об этом знать, – заметил Дэвид.

– Не мог. И понятия не имел. Впервые за тринадцать тысяч лет моя часть корабля приблизилась к земле. Я смог освободиться. Мир, который я обнаружил, поверг меня в ужас, особенно Иммари. Однако я ученый и прагматик. В тот момент о «Преемственности» я даже не догадывался. Насколько я мог видеть, Иммари занимались самыми продвинутыми генетическими экспериментами. Вот я и присоединился к ним, чтобы воспользоваться их знаниями, найти лекарство.

– А ваше лекарство – оно ведь было фикцией, не так ли?

– Оно настоящее.

– Что оно делает? – не унимался Дэвид.

Янус устремил взгляд на каменный гроб, стоящий у самой границы мягкого желтого сияния кубика.

– Оно корректирует ошибку, действие, предотвратить которое в давние времена я не сумел.

– Говорите прямо.

Янус проигнорировал приказ Дэвида, продолжая просто смотреть на гроб.

– Альфа являлся последним фрагментом, которого мне не доставало. Прямо не верится, что вы спасли его на протяжении стольких веков.

– Последний фрагмент чего?

– Терапии, которая откатит назад все наши генетические модификации – все, включая и ген Атлантиды. Люди, оставшиеся на этой планете, станут такими же, какими были, когда мы их нашли.

Глава 91

Где-то близ побережья Италии

Дориан знал, что последним ударом ранил Кейт прямо в сердце. Она так уязвима, ею так легко манипулировать. Он мог бы играть на ней, как на рояле.

Глаза Кейт были закрыты, но Дориан знал, что сейчас она думает о нем.

Он оперся затылком о подголовник и будто провалился в колодец, не в силах удержать воспоминания. Вертолет перед его глазами померк.

Он стоял в комнате с семью дверьми. И держал винтовку.

Дверь открылась, и оттуда выбежал человек в легком скафандре, неся кого-то на руках. Дориан выстрелил в обмякшее тело. Выстрел разорвал его на куски, швырнув обоих к дверям.

Оставшийся в живых извивался, стремясь удержать труп. Слоун пересек разделяющую их дистанцию, поднимая винтовку. Фигура поднялась. Дориан выстрелил, попав прямо в центр груди скафандра, но мишень выбежала в другую дверь. Скрылась.

Дориан подумал, не броситься ли вдогонку. Подбежал к панели управления и начал манипулировать пальцами. Нет. Враг оказался в той части корабля в Гибралтаре, откуда не сбежишь. Что ж, поделом ему – вечность в гробнице на дне морском.

Дориан орудовал над пультом, программируя одну из дверей порталов, чтобы перенестись на корабль ученых для дальнего космоса. Генетическую терапию, необходимую ему для завершения трансформации, он уже получил. А когда в его руках окажется и корабль, то он сможет отомстить за свой народ.

Панель управления вдруг перестала откликаться. Дориан уставился на нее. Ученые заблокировали свое судно. Очень умно. Они довольно сообразительны, но не лучше его.

Он вышел из комнаты с рядами дверей и двинулся по коридору. Этот коридор показался Дориану знакомым. Он уже видел его прежде. Дверь с шипением распахнулась.

Та самая комната. Сейчас там висели три скафандра, а на скамье стояли три чемоданчика.

Надев скафандр, он взял два чемоданчика. Из комнаты направился в лабораторию. Запрограммировал чемоданчики, потом взял серебристый цилиндр со средством окончательной терапии.

И покинул корабль.

Снаружи оказался ледяной собор – точь-в-точь такой же, каким Дориан видел его прежде.

Поставив чемоданчик, он постучал по нескольким местам на предплечье, где в скафандр была встроена панель управления. Чемоданчик медленно преобразился. Он словно растаял, а потом

серебристо-белая жидкость сплава закружилась на земле и начала вздыматься вверх, покачиваясь туда-сюда, будто кобра, появляющаяся из корзины. Серебристый столб разделился на два отростка, сомкнутые наверху. Одно за другим начали тянуться щупальца, пока светящаяся дверь не оказалась завершена. Дориан инстинктивно угадал, что это – ворота, ведущие прямо в точку пространства, которой ему требовалось достичь.

Дориан ступил через порог.

И оказался на вершине горы. Нет, не просто горы. Вулкана. Приливные волны жидкой лавы пылали и бурлили внизу. На окужающих его островах раскинулся тропический эдем.

Подержав цилиндрик на вытянутой руке, Дориан выронил его в кипящее лавовое месиво.

Что это было?

Его рассудок будто подготовил ответ заранее. «Запасной план. Если я провалюсь – если окажусь в плену на судне ученых, – генетическая трансформация все равно произойдет». Рано или поздно вулкан извергнется, взметнув средство высоко в воздух, откуда оно прольется на весь мир.

Второй чемоданчик образовал вторую дверь, и Дориан шагнул в нее. И вышел на мостике корабля ученых. Конечно, тот был закопан, но это легко исправить.

Слоун подошел к пульту управления, включая системы корабля одну за другой. Повернул голову.

Неужели...

Воздух... утекает. Да, это отчетливо ощущалось.

Дориан понимал, что идет на риск, что ученый может попытаться поймать его в ловушку или прикончить, но выбора просто не было, пришлось рискнуть. Все равно ожидание ничего бы не принесло. Он попытался сосредоточиться на текущем кризисе.

Сколько времени у него в запасе?

Он бегом бросился с мостика, мысленно перебирая варианты.

Шлюпочная палуба. Нет. Все равно податься некуда. Корабль на добрых две сотни метров под поверхностью, а то и глубже. Сколько там по инструкции?

Есть ли на борту портативные порталы? Позволено ли ученым их использовать? Если и да, ему нипочем их не отыскать.

Космические скафандры. Да, в скафандре должен быть кислород. Дориан чувствовал, что атмосфера становится все более разреженной с каждой секундой. Остановился и прижал ладонь к стене, активируя карту корабля. Космические скафандры. Где они должны быть? Рядом со шлюзом.

Дыхание стало хриплым.

Он сглотнул, но никак не мог проглотить комок до конца.

Принялся работать с картой. Нужен другой вариант. Медотсек. Он рядом.

На заплетающихся ногах двинулся по коридору. Двери разошлись, и он ввалился внутрь.

Перед ним выстроился ряд из шести сверкающих стеклянных труб.

Пополз на четвереньках.

Сколь подобающе,
пронеслось в голове.

Провести целую вечность в трубе глубоко под поверхностью – таков мой рок, и от него не уйти. Я ни за что не дождусь смерти, никогда не исполню предначертанное. Моя армия никогда не восстанет, а я никогда не успокоюсь.

Труба открылась.

Он заполз внутрь.

*

Дориан снова оказался в вертолете. Ветер дул ему в лицо, и рокот винтов пульсировал в ушах.

Впервые все обрело смысл. Разрозненные фрагменты уложились в целостную картину.

Портал в Германии. Он ведет к кораблю, к Аресу. Блестяще.

Кейт. У нее воспоминания атлантической ученой. Она может разблокировать корабль и освободить Ареса. Вместе Арес и Дориан смогут завершить свою работу на Земле и доставить войско на последнюю войну. И затем последует победа.

Дориан уставился на Кейт. Она сидела напротив него, закрыв глаза.

Слова Ареса эхом зазвучали в его рассудке. «Она – ключ ко всему. Но ты должен подождать. Очень скоро она в какой-то момент получит определенную информацию – код. Этот код – ключ к моему освобождению. Ты должен захватить ее после того, как она получит код, и привести ко мне».

Дориан подивился гению Ареса. Накатило осознание, чувство преклонения перед планом атланта. Он ощутил... благоговение. Слоун наконец понял, что нашел равного. Нет, превосходящего себя. Но значение Ареса куда больше. Теперь Дориан постиг: Арес выстроил весь процесс отчасти ради него – чтобы взрастить самого Дориана. Эта головоломка в Антарктиде, его стремление отыскать Кейт. Словно Арес... обучал Дориана. Но даже более того. Атлант был для него не просто наставником. Дориан несет в себе часть Ареса, его воспоминания и, кроме того, его стремления, нереализованные мечты.

Отец. Это куда более уместный термин. Вот кто такой для него Арес.

И скоро они снова будут вместе.

Дориан пытался вообразить их воссоединение, пытался представить, что скажет он, что ответит Арес. А после... чему еще Аресу осталось научить его? Что предстоит Дориану узнать о себе? Теперь он это понимал. Вот каково его истинное стремление – наконец разгадать величайшую тайну из всех: как он стал тем, кем является.

Арес и ответы ждут его по ту сторону портала. И скоро он до них доберется.

Глава 92

Центр по контролю заболеваемости

Атланта, Джорджия

Открыв дверь, Пол Бреннер подошел к постели племянника.

– Как ты себя чувствуешь?

Мальчик посмотрел на него. Хотел заговорить, но не смог произнести ни слова. «Что с ним происходит?» – недоумевал Пол.

Проверил жизненные показатели. Всё в норме. Физически мальчик поправлялся очень быстро.

Пол потер виски. «Что со мной не так? Почему у меня мысли путаются?» Сознание будто заволокло туманом, густым месивом, вырваться из которого казалось невозможно.

*

Дэвид пытался уложить в голове сказанное Янусом.

– Вы толкаете нас обратно в каменный век? Вы...
регрессируете
нас?

– Я обеспечиваю вашу безопасность. Вы что, ни слова не поняли из сказанного мною? За моим народом охотится невообразимо могущественный враг. Внутри вас есть какая-то часть нас. Регресс, обратная эволюция – единственный ваш шанс. Это спасет ваш вид.

– Это если считать, что мы останемся тем же видом...
Послушайте, мы обратно не вернемся. Я это не приму.

– Я уважаю это, мистер Вэйл. Именно за это я вас и выбрал – вы сражаетесь за себе подобных, жертвуете собой ради них. Следуете Кодексу Гуманизма. В данный момент он вас предает. Вы только что услышали историю своей планеты и собственного вида. Те приматы, которые слезли с деревьев и искали пропитания в саваннах, сделали это в стремлении выжить. Спросите у шимпанзе и горилл, что они думают по поводу своего решения остаться на деревьях. Там легче, но те, кто рискнул отправиться на поиски, избрав трудный путь, на самом деле стали сильнее, адаптировались и эволюционировали – те немногие, которые выжили. Племена, шедшие к морю во время Тобы, – тоже выжившие. Это и определяет характер вашего вида. Вот как вы переживете это испытание. Куб прошел насквозь... – Янус кивнул в сторону тоннеля.

Дэвид схватил фонарь.

– Этот разговор не окончен.

– Окончен, и давным-давно, мистер Вэйл.

*

Дэвид повел Януса и Мило к лучам солнца, заглядывающим в устье тоннеля. Сияющий желтый кубик завис перед только что проделанным входом.

Вэйл переступил порог первым. Повел по комнате стволом штурмовой винтовки. Ни единого движения. В углу растеклась лужа крови. Дэвид медленно двинулся к ней, заранее страшась того, что увидит.

Камау. С ножевой раной в груди.

Наклонившись, Дэвид прижал пальцы к шее друга. И ощутил холод его кожи еще до того, как понял, что пульса нет. Но все держал и держал руку на месте, ожидая и отказываясь верить.

Янус и Мило просто смотрели – очевидно, ни тот ни другой не знали, что сказать.

Наконец Дэвид встал и подошел к компьютеру Кейт. Закрыв его и сунул вместе с остальным оборудованием в рюкзак.

– Пора двигаться.

Выйдя из здания, Вэйл повел группу обратно к площади. Их вертолет пропал без следа.

– Есть план? – обернулся он к Янусу. – Раньше их в Германию не попасть – слишком уж они нас опередили.

– Есть альтернатива, – сказал Янус. – Если мы доберемся туда вовремя.

– У рыцарей есть самолет, – сообщил Мило. – Вы сможете поднять его в воздух, мистер Дэвид?

– Я могу поднять в воздух что угодно, – ответил Вэйл.

Вот с посадкой порой бывали проблемы, но об этом он упоминать не стал. Незачем их тревожить.

*

Дориан смотрел, как море внизу сменилось сушей. Италия. В ближайшее время они долетят до Германии и вскоре вслед за тем достигнут портала.

Чума подмяла континентальную Европу под себя. НАТО быстро скукожилось, отдав свои ресурсы на гуманитарную деятельность. Теперь никто не сможет встать на пути у Дориана.

*

Открыв глаза, Кейт встретила взгляд Слоуна. И сама посмотрела на него в упор. Больше она его не боялась. Она узнала, кто он и кто она сама. История больше не повторится.

– Все в порядке, Кейт? – саркастически поинтересовался Дориан.

– У меня – замечательно, – в тон ему ответила женщина.

Полчаса спустя вертолет коснулся земли, и Слоун вытащил Кейт наружу.

Вокруг сверкающего портала, испускающего пучки белого света в холодную безмолвную ночь, стояло кольцо бронетранспортеров.

Они миновали бронетранспортеры, и Кейт увидела на земле мертвых солдат. Жертвы чумы. Должно быть, немецкое правительство отправило войска обследовать портал, но они заболели. А те, кто не умер, вероятно, бежали.

Дориан потащил Кейт к сияющему portalу.

– Держись вплотную за мной, – крикнул он шедшему позади Шоу.
– Сразу вслед за нами он закроется.

Как только брат поравнялся с ними, они втроем переступили порог – и оказались в другом месте.

На взгляд Кейт, все это напоминало коридоры в антарктическом мавзолее. Но здесь коридоры оказались куда уже. Она узнала это место. Это ее корабль – звездолет дальнего следования, доставивший их с Янусом сюда.

Кейт попыталась перевести дух, но обнаружила, что не может набрать в грудь воздуха. Дориан сверкнул на нее глазами, но прежде чем успел сказать хоть слово, воздух снова начал поступать. Неужели корабль опознал Кейт? И возвращается к жизни ради нее? Да, именно так.

Дориан дернул ее за руку, потащив по тускло освещенному коридору.

На развилке он помедлил, будто припоминая, куда идет. Или уже ходил?

– Сюда, – решил он.

Мягкое свечение бусинок вдоль пола и потолка будто стало ярче. Нет, просто ее зрение приспособилось к полумраку, сообразила Кейт.

Очередная перемена мало-помалу упрочивалась. Она начала приспособливаться. Последнее воспоминание о своей смерти в Антарктиде от руки Ареса – или Дориана – преобразило ее.

Кейт всегда испытывала трудности в общении с другими. Она никогда не «схватывала» людей в полной мере. Отчаянно желала обрести сносные личные отношения, но это никогда не давалось ей само собой, превращаясь в настоящий труд.

Она даже предположила, что именно эти неутоленные желания толкнули ее к исследованиям аутизма, к поискам панацеи для людей, лишенных мозговых связей, необходимых для понимания хитросплетений социального взаимодействия и словесных аллюзий. Теперь она осознала, что истинные мотивы лежали куда глубже.

Дориан оказался прав: проницательностью она не отличается. Ее легко обвести вокруг пальца. Но теперь речь пошла о стратегии, а история ей уже известна. Как и игроки. Теперь она знала, как все будет разворачиваться дальше. Она умнее его и потому победит.

Глава 93

Под Сеутой

Дэвид довел скорость самолета до предела, поскольку на этот раз можно было не бояться, что топлива не хватит.

На горизонте показалась Сеута. Включив радио, Дэвид начал переговоры с наземными службами. Рельсотроны могли запросто сбить самолет на землю, а он не знал, какой прием их ждет. Но альтернатив просто не было.

Ответ поступил молниеносно.

– Посадка разрешается, мистер Вэйл.

Приземление Дэвида оказалось, мягко говоря, ухабистым, но нареканий ни от одного из пассажиров он не услышал. Они на земле и живы. Как и Кейт, насколько он понимал. «Не всё сразу».

Как только Дэвид, Янус и Мило покинули самолет, на взлетной полосе показалась колонна автомобилей. Дэвид тут же инстинктивно ухватился за свою штурмовую винтовку.

Колонна остановилась, и дверца головного «хамви» распахнулась. Оттуда выбралась вождь берберов – та самая, что не так давно заклемила его своим тавром, а после помогла захватить базу, – и неспешно зашагала ему навстречу с улыбкой на лице.

– Я-то уж думала, что больше тебя не увижу...

– Взаимно.

– Ты вернулся, чтобы вернуть себе командование? – посерьезнела она.

– Нет. Просто перевалочный пункт по пути. Мне нужен джип.

*

Пятнадцать минут спустя Дэвид сломя голову гнал к холмам, где вышел на днях, когда покинул корабль атлантов в мундире Иммари.

– Я не знаю, где вход, – крикнул он сидевшему сзади Янусу.

– Я подскажу вам дорогу, – отозвался тот.

Они ехали целую вечность, как показалось Дэвиду. Склон стал круче, каменные насыпи – коварнее. С каждой уходящей секундой ему казалось, что шансы спасти Кейт утекают, как песок сквозь пальцы.

Наконец Янус постучал его по плечу:

– Остановите здесь.

Вэйл затормозил у следующей отвесной скалы. Не успела машина полностью остановиться, как Янус уже выпрыгнул из нее и целеустремленно устремился вперед. Дэвид и Мило едва поспевали за ним.

– Какой план, Янус? – крикнул Дэвид ему вслед. Во время полета ученый отказался раскрыть какие-либо подробности своего плана, и от этого Дэвиду было не по себе.

– До этого мы еще дойдем, – через плечо бросил атлант.

Он свернул за угол, а когда Вэйл последовал его примеру, ученого уже и след простыл. Дэвид повернулся вокруг своей оси, высматривая хоть какой-нибудь ориентир. Поверхность горы слева казалась похожей на ту, откуда он вышел, но уверенности в этом у него не было.

– Эй! – окликнул Дэвид, подбежал к скале и потрогал ее, ощутив лишь твердость камня. Он начал ходить взад-вперед. Мило же просто стоял на месте, будто чего-то дожидаясь.

– Янус! – рявкнул Вэйл. Янус его предал. Так вот каким был его план с самого начала...

Янус появился прямо из монолитной скалы, и тут же каменная поверхность у него за спиной исчезла.

– Мне требовалось отключить силовое поле. Следуйте за мной.

– А-а. Ну, вы могли хоть... – покачав головой, Дэвид увязался за Янусом по вырезанному кубом тоннелю – тропе, прежде выведшей Вэйла наружу. Они воспользовались тем же лифтом, что и Дэвид прежде.

Во время пребывания здесь Вэйла все двери были закрыты. Теперь же они распахивались при приближении их троицы.

Янус резко свернул влево, приведя их в комнату с четырьмя дверьми.

– Что теперь? – осведомился Дэвид.

– А теперь подождем. Если я прав, Кейт поймет, что делать. Она не только освободит трубу, где находится Арес, но и откроет весь корабль. Это и станет нашим шансом. У нас будет очень-очень короткий промежуток времени, чтобы успеть выполнить то, что необходимо.

Янус изложил остаток своего плана, и Дэвид просто кивнул. Тут он ничего не понимал; не оставалось ничего другого, как слепо довериться ученому.

Дэвид повернулся к Мило, протягивая ему свой пистолет. Посмотрев на оружие, послушник сделал шаг назад.

– Мило, если из этой двери выйдет кто-либо, кроме нас, ты должен их застрелить.

– Я не могу, мистер Дэвид...

– Ты должен...

– Я знаю, что должен сделать это, чтобы выжить. Но во мне этого нет. Я знаю, что, когда придет время, я не смогу нажать на спусковой крючок. Я не смогу отнять чужую жизнь. Во время странствия к Ковчегу на Мальте я многое постиг. И самое важное, кто я на самом деле. Мне жаль огорчать вас, мистер Дэвид, но я не могу лгать вам и не стану притворяться тем, кем не являюсь.

– Поверь, Мило, я вовсе не разочарован, – кивнул Дэвид. – И надеюсь, мир никогда не даст тебе повода перемениться... – На миг он подумал о себе, о своей учебе в старших классах, еще до того, как оказался погребен под тем зданием и ступил на путь возмездия.

Янус подошел к стене. При его приближении открылась панель. Взяв еще один желтый кубик, он начал шевелить пальцами в окружившем его свете. Потом вернулся к Мило, чтобы отдать артефакт ему.

– Это куб, аналогичный тому, который я использовал в катакомбах под Мальтой. Он не отнимет жизнь, но выведет из строя каждого находящегося в радиусе его действия – и тебя тоже, Мило. Разумеется, на атлантов это не подействует. Но, возможно, даст тебе немного времени до подхода союзников.

– Еще какое-нибудь навороченное оружие есть? – поинтересовался Дэвид.

– Ничего пригодного. Просто следуйте плану. И двигайтесь за моим кубом. – Подобравшись вплотную к двери портала, Янус поднял кубик, готовясь отпустить его.

– Я хочу получить лекарство от чумы, прежде чем мы туда пойдем.

– Я же сказал вам, мистер Вэйл, эта дискуссия окончена. Вы и Кейт обладаете геном Атлантиды в чистом виде. Вы оба уцелеете, не претерпев никаких изменений.

– Это неприемлемо.

– Ваше одобрение для этого и не требуется.

*

Дориан остановил Кейт перед двустворчатой дверью, поработал с панелью, и двери открылись.

В комнате обнаружили семь труб. В центральной находился Арес. Взгляд его глаз, холодный и немигающий, следовал за каждым их движением.

Дориан посмотрел на него долгим взглядом.

– Освободи его, – бросил он, не потрудившись обернуться к Кейт.

Подняв связанные руки, она пошевелила пальцами.

– Сначала освободи меня.

– Справишься и так, – Дориан наконец повернулся к ней.

– Не смогу. Работать со связанными руками с системой невозможно, – указала она на панель. – Развяжи меня, и я его выпущу... – Она помолчала. – В чем дело? Боишься, что вы вдвоем не справитесь со мной? Или даже втроем?

Дориан кивнул Шоу, и тот, вытащив боевой нож, перерезал кабельную стяжку.

Кейт подошла к панели управления, чувствуя на себе неотступный взгляд Ареса.

Ее следующий шаг определит и ее собственную участь, и участь многих других.

Теперь воспоминания прояснились, и самыми яркими оказались воспоминания о людях, а не о местах. Янус. За тысячи лет они изучили сотню планет. Он остался все тем же. Она же где-то по пути

изменилась. Стала чуть более сострадательной, более вдумчивой и порывистой. И жаждала быть с кем-то, похожим на нее, – наделенным интеллектом

и чувствами

. С кем-то вроде Дэвида.

Но одна черта Януса выделялась у нее в памяти среди всех прочих: он был умнейшим человеком из всех, кого она знала. И рассчитывала на это. Окошко, которое она приоткроеет, не даст ни малейшего зазора на ошибку.

Кейт принялась манипулировать облаком синего света, вознесшимся над панелью.

Вокруг нее начал загораться свет, и другие пульта, пробуждаясь к жизни, озарились огнями.

Труба раздвинулась, и Арес вышел наружу.

– Отличная работа, Дориан.

*

– Дэвид, пора!

Дверь портала открылась, и Янус бросился в нее, Вэйл следовал по пятам.

Ученый метнул кубик в коридор, и тот полетел прочь, желтым шлейфом света отмечая свой путь.

Куб найдет Кейт, и Дэвид проводит ее обратно к portalу. Янус обещал Вэйлу, что позаботится о корабле. Позволить судну попасть в руки Дориана или Ареса нельзя ни в коем случае.

Дэвид припустил за кубиком, слыша удаляющийся топот ботинок Януса в другом коридоре.

*

Как только Арес вышел из трубы, Кейт через комнату бросилась на Дориана. Атака застала его врасплох. Удар кулака Кейт угодил ему прямо в челюсть, отбросив к стене, по которой он сполз на пол. Женщина набросилась сверху и тут же почувствовала руки Шоу, схватившие ее и потащившие назад. Но отвлекающий маневр удался. Смогла ли она выиграть достаточно времени? Ответом послужил полыхнувший в комнате ослепительный желто-белый свет.

*

Дэвид заработал ногами изо всех сил, мчась по коридору. Впереди светящийся кубик метнулся в комнату и вспыхнул. Вэйл услышал вопль – и еще поднажал.

*

Завопив от боли, Шоу повалился на пол рядом с Кейт и Дорианом и забился в конвульсиях.

Кейт вскочила на ноги и метнулась за дверь, но тут чьи-то руки схватили ее. Она попыталась вырваться, но крепкие руки развернули ее вокруг оси.

Дэвид.

– Пошли, – бросил он и во весь дух побежал по коридору.

*

В ушах у Дориана звенело, перед глазами плавали круги. Кто-то резко поднял его. Панель на противоположной стене взорвалась. Что происходит?

Он ощутил, как корабль трянуло.

Дав Дориану пощечину, Арес приподнял его подбородок.

– Соберись, Дориан. Янус активирует самоуничтожение. Надо убираться, – он поднял Слоуна и потащил из комнаты.

Уголкем глаза Дориан заметил оставшегося там Шоу, бьющегося в муках. И схватился за косяк.

– Адам!

Арес потянул его прочь, и двустворчатые двери закрылись.

– Придется бросить. Не будь дураком, Дориан, – и потащил его по коридору.

Очередной взрыв поверг их на пол.

Подскочив, Дориан бросился обратно к комнате, где до сих пор кричал Шоу.

Схватив Слоуна за плечи, Арес припечатал его к стене.

– Я тебя не покину. Если ты его не бросишь, то погубишь и нас обоих, и всех оставшихся внизу. Выбирай, Дориан.

Дориан затряс головой. Его брат, единственный родной человек... Такое решение выше его сил.

Руки трясли его за плечи, снова шарахнули о стену.

– Выбирай!

Дориан почувствовал, что отворачивается от Шоу, от единственного на свете человека, к которому питал искреннюю

привязанность. А потом они с Аресом бросились бежать. Очередной взрыв. Им ни за что не успеть.

*

Янус ввел в корабль последние последовательности и отступил назад, глядя на дисплей, показывающий, как отсеки корабля взрываются, заполняясь вакуумом. Скоро громадный корабль превратится в обугленный остов.

Но она будет в безопасности.

Это единственное, что важно, – единственная причина его прибытия сюда, да и на все остальные из сотни планет.

Корабль снова содрогнулся. Скоро смерть придет за ним. Он наконец совершил это – отдал свою жизнь ради ее спасения, совершил то, чего страстно жаждал каждый день на протяжении тринадцати тысяч лет в той камере под Гибралтарским заливом. Сейчас это было так легко, так просто... Янус знал, почему: он больше никогда не пробудится, никогда не возродится. Он никогда не очнется с воспоминанием о смерти, никогда не столкнется с той же нескончаемой пыткой, какую пережили люди в воскрешающем корабле Ареса. Он умрет, зная, что спас единственного человека, который был ему небезразличен. В этот момент ученый понял историю отца Кейт. Его самопожертвование в Гибралтаре. И Мартина. Быть может, подвид 8472 прошел дальше, чем предполагал Янус. Но даже в таком случае скоро это не будет играть никакой роли. Очередной взрыв прошил мостик дрожью, и Янусу пришлось ухватиться за пульт, чтобы удержаться на ногах.

«Сколько времени у меня в запасе?»

Быть может, хватит, чтобы поправить одну последнюю ошибку. Активировав антенную решетку дальней связи корабля, он откашлялся и выпрямился во весь рост.

– Меня зовут доктор Артур Янус. Я ученый и гражданин давным-давно павшей цивилизации...

*

Двустворчатые двери впустили их в комнату с тремя порталами. Арес вызвал из панели облачко света. Дориан впал в ступор. Атлант протащил его через портал ровно в тот момент, когда взрыв вспорол стены.

Запнувшись, Слоун ступил в комнату, которую уже видел прежде, – ту самую, с семью дверями. Согнувшись и оперевшись ладонями в колени, Арес тяжело задышал.

Наконец он выпрямился.

– Вот видишь, Дориан. Они делают тебя слабым. Цепляют за сердце. Удерживают на месте. Пытаются удержать от свершения того, что необходимо сделать, чтобы выжить, – и вышел из комнаты.

Дориан механически последовал за ним. Он будто смотрел на себя со стороны. Но никаких чувств сейчас не испытывал. Никакой реакции.

У входа в зал с бесконечными рядами труб Арес помедлил.

– Теперь ты готов, Дориан. Мы их спасем. Теперь это твой народ.

Глава 94

Под Сеутой

Кейт влетела через арку портала за секунду до того, как сзади появился Дэвид. Портал за ними закрылся.

Мило бросился к ней, помогая подняться.

– Вы не пострадали, доктор Кейт?

– Я в порядке, Мило. Спасибо.

Она бросилась к панели рядом с дверьми портала. Да, связь с кораблем прервалась; он был уничтожен. Янус потрудились на славу. Едва завидев Дэвида одного, Кейт поняла, в чем состоял их план. Янус проявил доблесть.

Увидев Вэйла, она убедилась, что огонь, тот кусочек собственной души, тот язычок пламени, который она бережно раздувала, еще на месте. И надо пошевеливаться, чтобы он продолжал теплиться.

Кейт вызвала схему корабля – вернее, того отсека, где они были заточены. Там обнаружился медотсек, одна из их лабораторий. Да, это можно сделать. Кейт принялась программировать процедуру – генную терапию, которая обратит вспять процесс воскрешения, перестроивший связи ее мозга. Она утратит воспоминания атлантки, зато снова станет собой. Ее пальцы стремительно порхали над панелью.

Дэвид сел. Какое-то время он таращился на дверь портала, а затем подбежал к Кейт.

– Янус должен быть здесь...

– Он не придет.

Она почти нашла решение. Лаборатория недалеко. В паре ярусов.

– Он дал нам фальшивое лекарство.

Кейт внесла последние пару модификаций...

– Эй! – Дэвид одной рукой взял ее за руку; в другой он держал ее рюкзак. – Терапия, которую он дал «Преимственности», откатывает все изменения обратно. Скоро нас ждет ретроспектива «Флинтстоунов», – он посмотрел на Кейт. – Я принес твой компьютер. Сможешь это поправить?

– Да, – подняла она взгляд. – Но если я это сделаю, у меня не будет времени поправить себя.

– Поправить? – Дэвид с недоумением вглядывался ей в лицо. – Не понимаю.

– Возрождение. Воспоминания. Я сползаю к пропасти. Через пару минут последние стадии процесса возрождения завершатся. Я перестану быть...

собой

.

Дэвид выронил рюкзак, и тот упал у ног.

– Что ты хочешь делать? – Голос Кейт прозвучал механически. Она ждала.

– Я знаю, чего хочу, – и это ты. Но я знаю тебя – женщину, которую люблю. Я знаю, какой выбор ты сделаешь, – жертвенный путь. Мне пришло в голову то, что ты напомнила мне пару дней назад, в каюте на яхте в Средиземном море. Ты напомнила мне, кто я на самом деле, а теперь я напоминаю тебе, кто ты на самом деле. Это мой долг перед тобой, чего бы ни хотелось лично мне.

Кейт вглядывалась в него. Перед мысленным взором вспыхнула картина: его иррациональная кровожадность, и как она вернула его, напомнив о том,

что

стоит на кону. То же самое происходило здесь, кроме того, что она стала чересчур уж рациональной, чересчур бесстрастной. Знала, чего хочет, и знала, что на кону. Но если она спасет себя, если сотрет воспоминания, то, покинув это сооружение, вернется в первобытный мир, населенный людьми, которых отказалась спасти. Бесчисленные смерти лягут бременем на ее совесть. Она станет такой же, как люди в тех трубах в Антарктиде, ее вечно будут преследовать призраки прошлого. Ей ни за что не убежать от этого мгновения, от этого решения.

Выбор прост: или она, или они. Спасти людей, страдающих от фальшивого лекарства, которые Янус подсунил «Преемственности», – или спасти себя. Но все далеко не так просто. Если она предпочтет спасти себя, то никогда уже не будет прежней. А вот если спасет их, то рискует утратить последнюю частичку себя самой, последнюю ниточку, удерживающую ту личность, которой она была, которой она стала.

И в этот момент Кейт наконец поняла Мартина. Все трудные решения, которые ему приходилось принимать, жертвы, на которые ему приходилось идти, бремя, тяготившее его все эти годы. И почему он так отчаянно старался удержать ее вдали от этого мира.

Кейт почувствовала, как берет рюкзак и достает компьютер. Вызвав программу «Преемственности», она принялась быстро печатать. И сразу увидела, что именно сделал Янус. Он был очень умен. Все это время он искал ген Атлантиды в чистом виде. Часть корабля с базой данных исследований целиком погибла, а их космический корабль был заблокирован, так что тамошняя база данных тоже оказалась недоступна. И найти тело альфы являлось для Януса единственной возможностью.

Это было изумительно: сейчас она видела в картах генома все эндогенные ретровирусы до единого – и те, что внедрили они с Янусом, и остатки изменений, внесенных Аресом/Дорианом – не без ее помощи. Словно собираешь головоломку, которая никак не давалась тебе в детстве, но сейчас, повзрослев, располагаешь и знаниями, и интеллектуальными способностями, чтобы разобраться с нею за минуту. Мартин оказался прав. Вторжение в геном в Средние века вызвало его изменения с радикальными негативными последствиями.

И эти изменения пагубно сказались на терапии отката, которую Янус пытался запустить с помощью Колокола.

И сейчас впервые женщина мысленно видела все изменения, будто сияющие огни в грудe мусора. Теперь она могла выбрать их, выстроить и добиться иных конфигураций с иными результатами. Кейт принялась работать с компьютером, прогоняя различные сценарии.

База данных «Симфонии» – собрание миллиардов секвенированных геномов, собранных в Районах Орхидеи по всему миру, – была последним фрагментом. Какая жалость, что потребовалось поставить мир на грань уничтожения, чтобы добиться столь невероятного свершения...

Истинный вызов заключался в том, что Кейт должна была стабилизировать все генетические изменения – и внесенные ею вместе с Янусом, и подстроенные Аресом. По сути, она создала терапию, которая синхронизирует всех: и умирающих, и деградирующих, и стремительно эволюционирующих, породив единый стабильный геном. Гибридный атланточеловеческий геном.

После почти получаса трудов экран озарило сообщение:

Определена одна целевая терапия

Кейт внимательно изучила ее. Да, это сработает.

Ей бы следовало ощутить эйфорию, гордость или хотя бы облегчение. Ради этого мгновения она трудилась всю жизнь – будучи и атланткой, и человеком. Она наконец создала терапию, которая увенчает труды всей ее жизни, генетическую терапию, которая спасет род человеческий, исправив все прошлые ошибки. Тем не менее ощущение было такое, будто она просто завершила научный эксперимент, пришла к выводу, который заранее предвидела, прогнозировала,

предвкушала

всю свою жизнь. Вместо радости в душе царил холодный, равнодушный интерес к результату. Возможно, атланты чувствуют радость не так, как люди. Может, такой она была для них и четыре миллиона лет назад.

Вот это и окажется ее следующей задачей: поправить себя, вернуться к прежней личности. Любопытно, какие шансы на успех есть у этого эксперимента.

Кейт схватила спутниковый телефон.

– Нам надо подняться на поверхность.

Она вслед за Дэвидом выбралась из корабля. На склоне холма лишь мельком бросила взгляд на расположенную внизу Сеуту – черную, обугленную равнину, ведущую к мощной стене, усеивали конские трупы вперемешку с людскими. Земля за стеной была запятнана алым цветом после устроенной Дэвидом бойни. Последние обломки чумной баржи плавали в гавани, медленно дрейфуя в сторону берега.

Эта сцена... Да, она приняла правильное решение, даже если из-за него придется пожертвовать последней частичкой себя. Больше Кейт в этом не сомневалась.

Подключив спутниковый телефон к компьютеру, она отправила результаты в «Преємственность». А как только данные были выгружены, отключилась и набрала номер Пола Бреннера.

Тот ответил быстро, но говорил как-то вяло, рассеянно. Самые элементарные вещи приходилось повторять ему по несколько раз. Кейт поняла, что произошло: Пол уже пустил в ход подложное лекарство Януса – в своей собственной когорте. «Преємственность» теперь стала нулевой отметкой для излучения регрессивной терапии Януса, и та уже заразила Пола. Но помочь ему Кейт никак не могла, уповая лишь на то, что он найдет ее результаты и сумеет вспомнить, что надо делать.

Она завершила звонок. Теперь лишь время покажет...

*

Дориан вошел в сумрачную пещеру.

– И что теперь?

– Теперь будем сражаться, – бросил Арес, не отрывая взгляда от миль стеклянных труб.

– У нас нет корабля, – возразил Дориан.

– Верно. Мы не можем дать им бой там, но зато можем привести их сюда. Я ведь похоронил это судно в Антарктиде отнюдь не без причины, Дориан.

Глава 95

Центр по контролю заболеваемости

Атланта, Джорджия

Пол Бреннер оперся о стену. Сосредоточиться было трудно. Куда все подевались?

Коридоры опустели. В кабинетах тоже никого не наблюдалось. Они все от него попрятались. Надо их найти.

Нет. Надо сделать что-то другое. Она что-то ему послала. Та красotka на видео...

Стеклянные двери раздвинулись. Экраны внутри вспыхнули.

ОДИН РЕЗУЛЬТАТ

Один результат. Результат чего? Испытаний. Он начальник испытаний.

Испытаний чего? Лекарства. От чумы. Он заражен. Лекарством. Нет, тут что-то не так... Как он может быть заражен лекарством? Что-то не то.

Он оглядел зал. Пусто. Кофейные чашки разбросаны по всему полу. На столе и стульях заляпанные бумаги.

Сев, Пол пододвинул клавиатуру к себе.

Вспышка озарения вдруг принесла полную ясность. «Один результат».

Он печатал, пока не начало сводить пальцы.

Надпись на экране изменилась.

Передача новой терапии всем Районам Орхидеи...

Глава 96

Вы слушаете Би-би-си, голос триумфа человечества в этот первый день

после

Чумы Атлантиды.

Би-би-си стало известно, что первоначальные сообщения о дезориентации и затуманенном сознании, связанные с лекарством от Чумы Атлантиды, были лишь временными побочными явлениями лекарства.

Районы Орхидеи по всей планете сейчас докладывают о стопроцентном излечении, избавляющем от необходимости дальнейшего приема Орхидеи.

Мировые лидеры приветствуют этот революционный прорыв, приводя цифры своих исторических инвестиций в медицинские исследования и твердя о своей непоколебимой решимости придерживаться неизменного курса в эти темные времена.

Также в новостях по этой теме источники внутриразведывательного сообщества сообщают, что гражданам наций, находящихся под управлением «Иммари Интернейшнл», приказано покинуть прибрежные области. Население уцелевших регионов Южной Африки, Чили и Аргентины направляется в свои горные районы, взяв с собой только пищу и воду.

Доктор Филлип Морно из треста «Вестерн Сенчури» заявил по этому поводу:

«Они проиграли. Они делали ставку на то, что чума пойдет своим чередом, к гибели человечества. А мы прошли через нее, как делали это всегда. Весьма примечательно, что, как только дела у нас пошли в гору, они в буквальном смысле удрали в горы».

Более осторожные наблюдатели предполагают, что ход Иммари может оказаться частью более обширного плана – возможно, начала контрнаступления.

Мы будем держать вас в курсе по мере поступления подробностей.

Глава 97

Центр по контролю заболеваемости

Атланта, Джорджия

Пол Бреннер тяжело брел по коридорам «Преемственности», чувствуя себя так, будто только-только начал оправляться после тяжелой простуды. Но теперь он хоть был в состоянии мыслить и знал, что должен сделать. И страшился этого, страшился ответа.

Подходя к раздвижным стеклянным дверям, ведущим в центр управления, он увидел молодую женщину-аналитика, которая сидела там, уставившись в экран. Столы по-прежнему стояли как попало, а кофейные стаканчики и скомканные бумаги усеивали все вокруг.

Пол направился к дверям. Как только они разъехались, аналитик оглянулась на него со смесью изумления и надежды во взоре. Или облегчения? Это застало Пола слегка врасплох.

– Можете идти домой, – сказал он.

Она встала.

– Я знаю... Я не думаю, что должна... быть одна.

Пол кивнул.

– А остальные?

– Наверно, ушли. Некоторые... еще здесь.

«В морге», – мысленно досказал Пол, подошел и выключил большой экран.

– Пойдем. В моем доме тоже пусто.

Они вместе вышли из центра управления, и у палаты племянника Бреннер попросил ее подождать. Толкнул дверь, собираясь с духом перед тем, что может увидеть...

– Дядя Пол!

Племянник повернулся в кровати. Глаза у него сверкали, но когда он попытался приподняться, мышцы не послушались, и он повалился обратно на постель.

Бросившись к кровати, Пол положил ладонь мальчику на плечо.

– Не напрягайся, малыш.

– Вы меня подлатали, да? – улыбнулся ему мальчик.

– Нет. Другой доктор. Она намного умнее, чем я. Я был просто курьером.

– А где мама?

Наклонившись, Бреннер подхватил мальчика на руки и направился из палаты.

– Сейчас просто отдыхай.

– Куда мы идем?

– Домой.

Пол подождет, пока мальчик окрепнет, прежде чем сказать ему правду.

Пока не окрепнут они оба.

*

Кейт давно уже закрыла ноутбук и подобралась к самому краю скального уступа.

Дэвид стоял рядом, немного позади, и молча ждал. Он будто чувствовал, что ей требуется немного свободы, но все равно не хотел упускать ее из виду.

Вместе они наблюдали с вершины горы, как солнце скрывается за Атлантическим океаном. Последние его лучи протянулись к горе, отбрасывая длинные тени на кровавый пейзаж перед Сеутой. Кейт понимала, что по ту сторону пролива то же самое происходит в Гибралтаре, где тень отбрасывает Гибралтарская скала.

Когда настала ночь, Кейт наконец произнесла:

– Что будет теперь? С нами?

– Ничего не меняется.

– Я

изменилась. Я уже не тот человек...

– Чем лишний раз подтвердила для меня, что ты все та же. У нас

все будет отлично. Я могу и подождать, – он подошел к краю уступа, чтобы заглянуть ей в глаза. – Я никогда не отступаю от тех, кого люблю.

И как только его слова прозвучали, Кейт вдруг поняла, что самая важная ее часть никуда не делась. Она стала не совсем собой, но некая

часть прежней Кейт осталась, так что все казалось поправимым. Она улыбнулась.

Дэвид пытался понять выражение ее лица.

– Что? – развел он руками. – Хватил лишку?

– Нет, – взяла она его за руку. – Мне это по душе. Пошли. Посмотрим, чем занят Мило.

И уже у самого входа в тоннель сказала:

– Думаю, ты прав. У нас все будет отлично.

Эпилог

Обсерватория Аресибо

Аресибо, Пуэрто-Рико

Доктор Мэри Колдуэлл подвигала мышкой туда-сюда, чтобы пробудить компьютер. Экран осветился, отобразив данные, собранные за ночь. Радиотелескоп за ее окном достигает тысячи футов в диаметре – величайший одноапертурный телескоп в мире. Он утоплен в землю и выглядит почти как гладкая серая тарелка, поставленная на высокогорном плато с видом на зеленые, поросшие лесами горы вокруг.

Первые лучи солнца поверх гор заглянули в тарелку. Мэри никогда не упускала возможности полюбоваться этой картиной, но сейчас она была уже не та – главным образом из-за понесенных утрат.

До чумы в обсерватории работала дюжина исследователей; теперь же остались только трое. Аресибо годами теряла штат из-за урезания бюджета. Чума же довершила дело.

И все же Мэри приходила на смену ежедневно, как делала уже шесть лет. Больше податься ей было некуда, да она и не хотела. Мэри знала, что правительство США со дня на день отключит подачу энергии, но решила оставаться до конца, пока не погаснет последняя лампочка. И уж тогда отправится в широкий свет поглядеть, какая там найдется работа для астронома.

Она бы убила за чашку хорошего кофе, но он закончился несколько недель назад.

Мэри переключила внимание на компьютер. Там было что-то... Она щелкнула по одному из каналов данных. И тут же во рту у нее пересохло. Она провела анализ, потом еще раз. Оба подтвердили, что сигнал упорядочен. Это не случайная космическая фоновая радиация.

Это послание.

Нет, даже больше того: это момент, которого она ждала всю свою жизнь.

Мэри бросила взгляд на телефон. Она мысленно репетировала эту сцену уже двадцать лет, с той самой поры, когда впервые решила стать астрономом. Первым делом хотела позвонить в Национальный научный фонд. Но она звонила им раз в неделю с самого начала эпидемии. И ответа не дождалась. Еще она звонила в Международный институт космических исследований – с тем же самым результатом. Кому же звонить? В Белый дом? Да кто ей поверит? Ей нужна помощь, кто-нибудь, способный проанализировать передачу. В Институт SETI

[11]

в Маунтин-Вью, штат Калифорния? К ним она еще не обращалась... Быть может...

В кабинет шаткой походкой забрел Джон Бишоп, еще один из ученых, занятых в проекте. Обычно он оставался трезвым не дольше часа после пробуждения.

– Джон, я кое-что обнаружила...

– Пожалуйста, скажи, что капельку кофе.

– Это не кофе...

Послесловие автора

Спасибо за чтение.

Последние восемь месяцев со времени публикации «Гена Атлантиды» были какими-то нереальными, изнурительными, восхитительными во всех мыслимых и немыслимых комбинациях.

Надеюсь, «Чума Атлантиды» оправдает ожидания. Я хотел без спешки написать лучший роман, на какой способен.

Очень многие из вас были достаточно добры, чтобы написать отзывы на «Ген Атлантиды», и я буду вечно благодарен за это. Эти

отзывы помогли пролить свет на мой труд, а я очень усердно трудился, чтобы заслужить внимание. Кроме того, я многое узнал из этих отзывов, и многие слова ободрения были несомненным источником моего вдохновения во время написания нового романа.

Если у вас найдется время написать отзыв, я буду искренне благодарен и с нетерпением жду вашего отклика.

Меня очень волнует третья, и последняя, книга моей трилогии. Подробности вы сможете узнать на моем веб-сайте AGRiddle.com. На сайте также есть раздел «Fact vs. Fiction»,

[12]

где рассматривается научная и историческая подоплека «Чумы Атлантиды» (AGRiddle.com/atlantis-plague/facts).

Еще раз спасибо за прочтение и наилучшие пожелания, Джерри.

А. Дж. Риддл

PS: Как всегда, можете без стеснения писать мне (ag@agriddle.com) по поводу любых идей или откликов. Я отвечаю на каждое письмо, хотя порой лишь через несколько дней.

Благодарности

Уму непостижимо, скольких людей мне надо поблагодарить.

Первое, что узнал о письме, – это что просто писать гораздо проще (чем «быть писателем»). Я обожаю писать, но быть писателем – боже, сколько же на это уходит времени!

Есть растущая группа людей, помогавших мне сосредоточиться на работе и стараться изо всех сил в те часы, когда я печатаю, расхаживаю и думаю (вот как все выглядит, когда я пишу).

Дома Анна следит, чтобы я регулярно мылся и поддерживал некие социальные функции (что помогает, когда пишешь характеры неатлантов). И теперь она впуталась в эту загадочную писательскую авантюру, взвалив на себя корректуру, маркетинг и практически все

остальное, кроме составления предложений одного за другим (должен же я как-то оправдывать свое содержание).

Я также хочу поблагодарить:

свою мать за руководство и ободрение, как всегда;

Дэвида Гейтвуда, моего особого стороннего редактора, за то, что провернул эту рукопись быстрее, чем квантовый кубик;

Кэрол Дюбберт, моего выпускающего редактора, за абсолютно профессиональную правку и предложения;

Хуана Карлоса Барке за воистину блестящее оригинальное графическое оформление «Гена Атлантиды» (а скоро и «Чумы»).

И наконец, две группы людей, с которыми я так и не встретился.

Первая – вы. Читатели, продержавшиеся до авторского послесловия и благодарностей, посещавшие веб-сайт, подписавшиеся на почтовую рассылку, написавшие отзывы на Amazon, а порой и приславшие мне весточку после переворачивания последней страницы.

Получать письма от вас последние восемь месяцев было просто-таки неопишущим опытом, который мне никогда не забыть. Это была самая стоящая часть всей затеи. Я просто не могу выразить, насколько благодарен вам за поддержку моих трудов в самом начале моей карьеры.

И: моим бета-читателям. Извините, что не подошел к этому раньше, но хочу поблагодарить вас от всей души. Вас: Андреа Синклер, Аннет Уилсон, Кристин Гертейн, Дейв Ренисон, доктор Эндрю Вилламанья, Дрю Аллен, Джейн Эйлин Маркони, Джо О'Бэннон, Джон Шмидт, Джозеф ДеВу, Маркл Колман, Ричард Чех, Скип Фолден, Стив Босен, Тед Хаст, Тим Роджерс и Тина Уэстон.

И многие другие, здесь не перечисленные.

Примечания

1

САС – специальная авиадесантная служба Великобритании, аналог российских ВДВ.

2

«Вестерн Сенчури» (Western Century Insurance Services) – крупная американская страховая компания.

3

Здесь и далее: соответствие описываемых автором процессов реальным физическим законам остается на его совести.

4

ЦОУ – центр оперативного управления.

5

Доска уиджи, или «говорящая доска», хорошо знакома читателю по фильмам, где на спиритических сеансах с ее помощью общаются с духами.

6

Автор, введенный термином в заблуждение, ставит телегу впереди лошади. Рах Mongolica вовсе не договор, а термин, обозначающий влияние монгольского нашествия на цивилизацию, то есть речь идет о последствиях, а не предпосылках.

7

Древнее название Феодосии.

8

Все изложенное происходит в игре «The Legend of Zelda» для приставки Nintendo. Триединство (Triforce) – магический артефакт. Линк – главный герой игры. Хайрул – королевство, где происходят события.

9

Регион на Ближнем Востоке, где в зимние месяцы выпадает много осадков. Отличается плодородной почвой. Простирается от низовий Нила до Персидского залива, формой напоминая полумесяц.

10

Деян. 28:1.

11

Некоммерческая научно-исследовательская организация, занимающаяся поисками внеземного разума.

12

«Факты и вымысел».

А. Дж.

Риддл

Зов Атлантиды

Землю постигла чудовищная катастрофа. В результате использования технологий древней цивилизации атлантов человечество поразил страшный вирус – Чума Атлантиды. Прежде чем утихнуть, вирус унес несколько миллиардов жизней. К катастрофе причастна группа людей, называющих себя Иммери и направляемых атлантом по имени Арес. Их цель – оставить лишь избранных для основания новой цивилизации. Впрочем, самому Аресу нет никакого дела до людей – он решает свои задачи, крайне далекие от судеб Земли. Атлант мечтает возродить свою расу, давным-давно почти полностью уничтоженную инопланетными захватчиками. Но на его пути стоит человек, переживший чуму и постигший древние знания Атлантиды. Кейт Уорнер – последняя надежда землян...

Моим родителям,

научившим меня никогда не сдаваться

Все в этом романе – вымысел, не считая тех мест, где все взаправду

Пролог

Обсерватория Аресибо

Аресибо, Пуэрто-Рико

Последние сорок восемь часов доктор Мэри Колдуэлл каждую секунду, не похищенную сном, посвящала изучению сигнала, принятого радиотелескопом. Она была изнурена, восхищена и уверена в одном: он упорядоченный, это признак разумной жизни.

Позади нее Джон Бишоп, другой исследователь, прикомандированный к обсерватории, налил себе еще выпить. Он прошел через скотч, бурбон, затем ром и весь прочий алкоголь, пока не остался лишь персиковый шнапс. Джон пил его неразбавленным: смешивать было попросту не с чем. Делая первый глоток, Бишоп скривился.

Было девять утра, и его отвращение к спиртному продлится еще минут двадцать, до третьей порции.

– Тебе мерещится, Мар, – изрек он, отставляя пустой стакан и сосредотачиваясь на том, чтобы наполнить его вновь.

Мэри коробило оттого, что он зовет ее «Мар». Никто никогда не называл ее так. Было в этом прозвище что-то неопрятное. Но Джон – единственная ее компания, и они пришли к своего рода взаимопониманию.

После вспышки болезни, когда люди по всему Пуэрто-Рико умирали десятками тысяч, они в обсерватории оказались практически в изоляции, и Джон без отлагательств попытался ее закадрить. Мэри отшила его. Вторая попытка последовала два дня спустя. После этого Бишоп совершал поползновения уже ежедневно, все более и более агрессивно, пока Мэри не саданула его коленом по яйцам. Это несколько укротило его, заставив переключиться на выпивку и ехидные реплики.

Встав, Мэри подошла к окну с видом на пышные зеленые пуэрто-риканские холмы и леса. Единственный признак цивилизации здесь – параболическая антенна, утопленная в плато среди холмов и направленная прямо в зенит. Радиотелескоп в обсерватории Аресибо – крупнейший радиотелескоп в мире, триумф человеческой техники. Он символизирует синтез наук, отлившийся в пик человеческого созидания, угнездившийся посреди первобытного пейзажа, олицетворяющего прошлое человечества. И теперь он свершил свою высочайшую миссию. Контакт.

– Он настоящий, – отрезала Мэри.

– Откуда ты знаешь?

– На нем указан наш адрес.

Оторвавшись от своего пойла, Джон поднял взгляд.

– Нам надо сматываться отсюда, Мар. Вернуться к цивилизации, к людям. Тебе сразу полегчает...

– Я могу это доказать. – Отвернувшись от окна к компьютеру, Мэри нажатием нескольких клавиш вызвала сигнал на экран. – В нем две последовательности. Что означает вторая, я не представляю, признаю. Уж слишком она сложна. Но первая составлена из элементарных повторов: включено-выключено. 0–1. Двоичные числа.

– Биты.

– Именно. Но есть и третий код – разделитель. Он появляется после каждого восьмого бита.

– Восемь бит. Один байт. – Джон отодвинул бутылку в сторону.

– Это код.

– Чего?

– Еще не знаю. – Мэри прошла обратно к компьютеру, чтобы проверить, как продвигается дело. – До завершения анализа осталось меньше часа.

– Это может быть случайным совпадением.

– Не может. Первая часть, уже расшифрованная, представляет собой наш адрес.

Громко расхохотавшись, Джон снова схватился за выпивку.

– На минуточку ты меня надула, Мар.

– Если бы ты собирался послать сигнал на другую планету, что бы ты поставил в начале? Адрес.

Кивнув, Джон плеснул в стакан еще шнапса.

– Угу, только не забудь почтовый индекс.

– Первые байты содержат два числа: 27 624 и 0,00001496.

Джон промолчал.

– Ну, подумай, – призвала его Мэри. – Какая единственная константа неизменна во всей Вселенной?

– Гравитационная постоянная?

– Гравитационная постоянная – константа, но ее значение зависит от кривизны пространства-времени и от взаимной близости тяготеющих объектов. А нужен общий знаменатель, который известен любой цивилизации, на любой планете, независимо от ее массы и местонахождения, во всей Вселенной.

Джон просто вертел головой, словно надеялся высмотреть ответ.

– Скорость света. Это универсальная константа. Она никогда не меняется, где бы ты ни находился.

– Верно...

– Первое число – 27 624 – это расстояние до Земли от центра Галактики в световых годах.

– Это расстояние может относиться к десяткам планет...

– Второе число – 0,00001496 – точное расстояние от Земли до Солнца в световых годах.

Джон добрую минуту таращился в пространство перед собой, после чего убрал бутылку и полупустой стакан с глаз долой. И вперил взгляд в Мэри.

– Это наш билет.

Мэри приподняла брови.

– Продадим это. – Джон откинулся на спинку кресла.

– За какие шиши? По-моему, все супермаркеты уже позакрывались.

– Ну, думаю, бартер еще никто не отменил. Нам нужна защита, приличное питание и вообще все, чего мы когда-либо хотели.

– Это величайшее открытие в истории человечества. Мы не станем его продавать.

– Это величайшее открытие в истории человечества – в момент его величайшего отчаяния. Сигнал – это надежда. Отвлекающий фактор. Не будь душой, Мар.

– Хватит называть меня Мар!

– Когда разразилась чума, ты удалилась сюда, потому что хотела заниматься любимым делом, пока не пробьет твой час. Что до меня, то я прибыл сюда, потому что знал, что здесь самый большой склад спиртного в пределах пешей ходьбы, а еще был уверен, что сюда же нагрянешь ты. Да, я запал на тебя с того самого момента, когда приземлился в Сан-Хуане. – Он вскинул ладони, прежде чем Мэри успела вставить хоть слово. – Я вовсе не к тому. Я к тому, что тому миру, который ты знаешь, пришел конец. Люди в отчаянии. Они действуют, исходя из личных интересов. Для меня главное – секс и алкоголь. Для людей, которым ты собираешься звонить, речь идет об удержании власти. Ты даешь им средство достижения этой цели – надежду. Когда ты ее предоставишь, то больше не будешь им нужна. Это не тот мир, который ты помнишь. Он пережует тебя и выплюнет, Мар.

– Мы не станем ничего продавать.

– Дура ты. Этот мир не щадит идеалистов.

У Мэри за спиной раздался писк компьютера. Анализ завершился.

Прежде чем она успела посмотреть результаты, по коридору перед кабинетом прокатился шум, донесшийся с противоположного конца здания. Кто-то барабанит в дверь? Мэри и Джон переглянулись. Оба застыли.

Стук становился все громче, пока в конце концов его не оборвал звон бьющегося стекла, разлетающегося по полу.

А затем – медленные шаги.

Мэри двинулась было к двери кабинета, но Джон поймал ее за руку.

– Оставайся здесь, – шепнул он, беря бейсбольную битку, которую привез с собой во время вспышки эпидемии. – Запри дверь. Если они здесь – значит, с едой на острове напряженка.

Мэри потянулась к телефону, зная, кому позвонить теперь. Трясущимися руками она набрала номер единственного человека, способного их спасти, – своего бывшего мужа.

Часть I

Взлет и падение

Глава 1

Посадочный модуль «Альфа»

На глубине 1200 футов ниже уровня моря

Близ северного побережья Марокко

Дэвида Вэйла уже тошнило от выхаживания из угла в угол тесной спальни в полнейшем неведении, когда Кейт вернется – и вернется ли вообще. Он то и дело бросал взгляд на окровавленную подушку. Поток, начавшийся с пары капель десять дней назад, разросся до реки, протянувшейся с подушки до середины постели.

– Я в порядке, – твердила Кейт каждое утро.

– Куда ты ходишь каждый день?

– Мне просто нужно немного времени. И пространства.

– Времени и пространства для чего? – не унимался Дэвид.

– Чтобы поправиться.

Но лучше ей не становилось. Каждый день, когда Кейт возвращалась, ей было хуже. Каждая ночь приносила все более чудовищные кошмары, испарину и такие кровотечения из носа, что Дэвид начал опасаться, что их ничем не остановишь. Он обнимал ее,

проявлял терпение, ожидая, надеясь, что женщина, которая спасла ему жизнь, которой он сам спас жизнь две недели назад, перевалит через какую-то грань и чудом оправится. Но она каждый день лишь ускользала еще чуточку. А сейчас еще и запаздывала. Прежде она не опаздывала ни разу...

Дэвид посмотрел на часы. Опаздывает на три часа.

Она может находиться в любом месте громадного корабля атлантов, занимающего шестьдесят квадратных миль и погребенного близ гористого побережья Северного Марокко, прямо напротив Гибралтара.

Последние четырнадцать дней, пока Кейт отсутствовала, Вэйл посвятил изучению работы систем корабля. И пока с учебой не закончил. Кейт активировала систему голосового управления, чтобы помочь Дэвиду с командами, которые ему пока не удалось освоить.

– «Альфа», каково местонахождение доктора Уорнер? – спросил Дэвид.

– Эта информация засекречена, – раскатился по тесному помещению бестелесный компьютерный голос посадочного модуля «Альфа».

– Почему?

– Вы не являетесь старшим членом исследовательского штата.

Очевидно, атлантские компьютерные системы не чужды констатации очевидного. Дэвид сел на кровать рядом с пятном крови. «Каковы приоритеты? Мне нужно знать, все ли с ней в порядке». Тут ему в голову пришла идея.

– «Альфа», ты можешь отобразить мне показатели жизнедеятельности доктора Уорнер?

Стенная панель напротив небольшой кровати осветилась, и Дэвид быстро прочел числа и графики – те, что мог понять.

Артериальное давление: 92/47

Частота сердечных сокращений: 31

«Она страдает. Или хуже того – умирает. Что с ней случилось?»

– «Альфа», почему показатели жизнедеятельности доктора Уорнер отклоняются от нормы?

– Эта информация засек...

- Засекречена. – Дэвид пинком послал кресло в стол.
- Исчерпывается ли на этом ваш запрос? – осведомился «Альфа».
- Ни в малейшей степени.

Дэвид шагнул к двустворчатой двери, с шипением распахнувшейся. На пороге помедлил, потом вернулся и взял пистолет. Просто на всякий случай.

*

Вэйл маршировал по тускло освещенным коридорам уже почти десять минут, когда вдруг услышал шорох и заметил фигуру, движущуюся в тени. Остановившись, замер в ожидании, страстно желая, чтобы зрение побыстрее приспособилось к слабенькому свечению огоньков вдоль пола и потолка. Быть может, атлантам требуется меньше света, а может, корабль – обломок корабля, который они занимают – работает в режиме энергосбережения. Так или иначе, от этого инопланетный корабль кажется даже более таинственным.

Фигура выступила из тени.

Мило.

Дэвид удивился, обнаружив тибетского подростка так глубоко в корабле. Мило – единственная живая душа на этом корабле, кроме Кейт и Дэвида, но большую часть времени он проводит за его стенами. Спит под открытым небом, рядом с наклонной штольной, ведущей из погребенного корабля к вершине горы, где берберы оставляют для них продукты. Мило обожает спать под звездами и вставать вместе с солнцем. Дэвид часто заставал его сидящим, скрестив ноги, в состоянии медитации, когда они каждый вечер вместе с Кейт выходили наружу, чтобы отобедать в его компании. В последние две недели Мило был их замполитом, но сейчас Дэвид даже при этом тусклом свете отчетливо различил на лице юноши отпечаток озабоченности.

– Я ее не видел, – произнес Мило.

– Звякни мне по интеркому корабля, если увидишь. – Дэвид снова зашагал в бодром темпе.

Мило пристроился по пятам за ним, энергично топоча, чтобы не отставать. Уступая в росте на целый фут мускулистому Вэйлу, по сравнению с его шестью футами и тремя дюймами Мило казался совсем малышом. Вместе они напоминали великана с юным приспешником, несущихся через сумрачный лабиринт.

– Мне не понадобится, – пропыхтел Мило.

Дэвид оглянулся на него.

– Я буду с вами.

– Ты должен вернуться наверх.

– Вы же знаете, что не могу, – возразил Мило.

– Она рассердится.

– Если она во благополучии, меня это нимало не огорчит.

«Та же история», – подумал про себя Дэвид. Они зашагали в молчании, и единственным звуком был топот подошв Вэйла по металлическому полу да более мягких шажков Мило.

Остановившись перед широкой двустворчатой дверью, Дэвид активировал настенную панель. Дисплей отобразил:

Вспомогательный медицинский отсек 12

Это единственный медицинский отсек в их части корабля, и Дэвид был почти уверен, что именно туда Кейт уходит каждый день.

Он погрузил ладонь глубже в зеленое облако света, появившееся из стенной панели, поработал пальцами несколько секунд, и двери с шипением открылись.

Вэйл быстро пересек помещение.

В центре находились четыре медицинских стола. Голографические дисплеи занимали все стены помещения – пустого помещения. Может, она уже ушла?

– «Альфа», можешь сообщить мне, когда этим отсеком пользовались в последний раз?

– Последний раз этим отсеком пользовались в день миссии 9.12.38.28, стандартная дата 12.39.12.47.29...

– Сколько локальных дней назад? – затряс головой Дэвид.

– Девять миллионов сто двадцать восемь тысяч...

– Ладно, хорошо. Есть ли другие медицинские отсеки в этой части корабля?

– Никак нет.

«Куда же еще она могла направиться?» Может, есть и другой способ ее отыскать...

– «Альфа», можешь показать мне, какие отсеки корабля в настоящий момент потребляют больше всего энергии?

Стена осветилась, и материализовалась голографическая модель корабля. Светились три отсека: ковчег 1701-Д, вспомогательный медицинский отсек 12 и адаптивная исследовательская лаборатория 47.

– «Альфа», что такое адаптивная исследовательская лаборатория 47?

– Адаптивная исследовательская лаборатория может быть сконфигурирована на ряд биологических и прочих экспериментов.

– Как адаптивная исследовательская лаборатория 47 сконфигурирована в настоящий момент? – Дэвид собрался с духом, чтобы выслушать ответ.

– Эта информация засекречена...

– Засекречена, – пробормотал Вэйл. – Верно...

Мило протянул ему протеиновый батончик.

– Для похода.

Дэвид повел парня обратно в коридор, где вскрыл упаковку, откусил изрядный кус коричневой плитки и принялся молча жевать. Это вроде бы немного утолило его недовольство.

*

Вэйл резко остановился, и Мило едва не врезался ему в спину.

Присев на корточки, Дэвид разглядывал что-то на полу.

– Что там? – поинтересовался Мило.

– Кровь.

После этого Вэйл пошел быстрее, а следы крови на полу от нескольких капель дошли до длинных ручейков.

У двустворчатой двери адаптивной исследовательской лаборатории 47 Дэвид поманипулировал пальцами в зеленом свете стеной панели. Ввел команду открывания шесть раз, и каждый раз на дисплее вспыхивало все то же сообщение:

Недостаточно прав доступа

– «Альфа»! Почему я не могу открыть эту дверь?

– У вас недостаточно прав доступа...

– Как мне пройти за эту дверь?

– Вы не можете, – в голосе «Альфы», раскатившемся по коридору эхом, прозвучала безапелляционная окончательность.

Мгновение Дэвид и Мило просто стояли.

Потом Вэйл негромко проговорил:

– «Альфа», покажи мне показатели жизнедеятельности доктора Уорнер.

Стенной дисплей трансформировался, и на нем появились числа и графики:

Артериальное давление: 87/43

Частота сердечных сокращений: 30

Мило повернулся лицо к Дэвиду.

– Падает, – сообщил Вэйл.

– Что теперь?

– Теперь подождем.

Мило сел, скрестив ноги и закрыв глаза. Дэвид понял, что он ищет безмятежности, и в этот момент пожалел, что не способен на то же самое – на время выбросить все из головы. Его мысли затуманил страх. Вэйлу отчаянно хотелось, чтобы дверь с шипением распахнулась, но при том страшился узнать, что случилось с Кейт, какой эксперимент она проводит, что творит с собой.

*

Дэвид уже почти заснул, когда вдруг зазвучала тревога. Коридор заполнил громовой голос «Альфы»:

– Экстренная медицинская ситуация субъекта. Состояние критическое. Выполняется обход прав доступа.

Широкие двери исследовательской лаборатории разошлись.

Вэйл бросился внутрь, протирая глаза и пытаясь понять, что видит.

– Ого, – раздался у него за спиной благоговейный выдох Мило.

Глава 2

Посадочный модуль «Альфа»

На глубине 1200 футов ниже уровня моря

Близ северного побережья Марокко

– Что это? – спросил Мило.

Дэвид обвел взглядом исследовательскую лабораторию.

– Без понятия.

Помещение оказалось просторным – не меньше сотни футов в длину и пятидесяти в ширину, но в отличие от медицинского отсека столов здесь не было. Фактически единственными предметами, стоявшими на полу, были два стеклянных резервуара, каждый не менее десяти футов в диаметре. Внутри них теплился желтый свет, и сверху вниз возносились искрящиеся белые элементы. Правый резервуар был пуст. В левом находилась Кейт.

Она парила в паре футов над землей, раскинув руки в стороны. На ней была та же простая одежда, в которой она покинула сегодня утром спальню, но было добавлено нечто новое – серебристый шлем, закрывающий не только голову, но и лицо до самого подбородка. Ее волосы, недавно покрашенные в каштановый цвет, ниспадали из-под шлема ей на плечи. Небольшое смотровое стекло над глазами было черным и напрочь скрывало, что с ней. Единственным намеком на происходящее был ручеек крови, сбегаящей из шлема по шее и расплывавшейся пятном на ее серой футболке. Пятно разрасталось с каждой секундой.

– «Альфа», что... здесь происходит? – спросил Дэвид.

– Уточните.

– Что это за... эксперимент? Процедура?

– Симуляция реанимации памяти.

Что это означает? Не эта ли симуляция ей вредит?

– Как я могу это остановить?

– Вы не можете.

– Почему нет? – Вэйл начал терять терпение.

– Прерывание процедуры реанимации памяти приведет к кончине субъекта.

Мило обернулся к Дэвиду со страхом во взоре.

Вэйл взглядом обшаривал помещение. Что же делать? Нужна какая-нибудь подсказка, какой-нибудь отправной пункт... Он

запрокинул голову, пытаясь привести мысли в порядок. С потолка на него взирала одинокая полусфера из черного стекла.

– «Альфа», у тебя есть видеотелеметрия в этой лаборатории?

– Так точно.

– Начни воспроизведение.

– Уточните диапазон дат.

– Начни с секунды, когда доктор Уорнер вошла сегодня.

Из левой стены хлынула волна света, медленно сформировавшая голограмму лаборатории. Резервуары были пусты. Двустворчатая дверь распахнулась, и в помещение вошла Кейт. Направилась к правой стене, тут же осветившейся, и начала пролистывать ряды экранов, заполненных текстом и символами, понять которые Дэвид не мог. Женщина стояла спокойно, только глаза ее бегали влево-вправо, читая, охватывая взглядом экраны, каждый из которых задерживался менее секунды.

– Круто, – шепнул Мило.

Дэвид почувствовал, как попятился на шаг. В этот момент до него отчасти дошло, что стало с Кейт, какая пропасть разверзается между мощью ее рассудка и силами его ума.

Две недели назад Кейт нашла лекарство от Чумы Атлантиды – глобальной пандемии, унесшей миллиард жизней в самом начале эпидемии и без счета во время своей последней мутации. Чума расколола мир надвое. Коэффициент выживаемости был невысок, но сумевшие выжить менялись на генетическом уровне. Некоторые из выживших от Чумы выиграла – стали сильнее и умнее. Остальные деградировали, откатываясь к первобытному состоянию. Мировое народонаселение сплотилось вокруг двух противостоящих лагерей – «Альянса Орхидеи», стремившегося остановить и вылечить чуму, и «Иммари» Интернейшнл, посеявшей чуму и выступавшей за то, чтобы дать генетической трансформации идти своим путем. Кейт, Дэвид и команда солдат и ученых остановили чуму и сорвали план «Иммари», выделив фрагменты лекарства – эндогенные ретровирусы, оставленные былыми вмешательствами атлантов в человеческую эволюцию. Ретровирусы, по сути, представляют собой вирусные окаменелости, генетические ниточки Ариадны, ведущие к случаям модификации человеческого генома атлантами.

В последние часы Чумы, когда ежеминутно умирали миллионы человек, Кейт нашла способ примирения всех вирусных окаменелостей и уничтожения болезни. Ее терапия создала стабильный унифицированный атланточеловеческий геном, но за этот прорыв она заплатила дорогой ценой.

Это знание пришло из подавленных воспоминаний, находившихся в подсознании Кейт, – воспоминаний одной из ученых-атлантов, проводивших генетические эксперименты над человечеством на протяжении тысяч лет. Воспоминания атлантки дали ей возможность излечить Чуму, но притом отняли изрядную часть ее человеческого естества – ту часть Кейт, которая была именно Кейт, а не ученой из Атлантиды. Поскольку часы тикали и Чума разлеталась по планете, Кейт предпочла сохранить знания атлантки и уничтожить заразу, вместо того чтобы, избавившись от воспоминаний, сохранить собственную личность.

Она сказала Дэвиду, что, пожалуй, сможет исправить ущерб, причиненный воспоминаниями атлантки, но дни шли за днями, и Вэйлу мало-помалу стало ясно, что эксперименты Кейт не удаются. С каждым днем ей становилось хуже, но обсуждать ситуацию с Дэвидом она отказывалась. Он чувствовал, как она ускользает прочь, а теперь, глядя на воспроизведение, видя, как Кейт мгновенно считывает экраны, понял, насколько сильно недооценил ее разительную трансформацию.

– Она читает настолько быстро? – спросил Мило.

– Более того. По-моему, она учится настолько же быстро, – прошептал Дэвид.

Он ощутил, как в его душе поднимается страх иного рода. Вот только потому, что Кейт изменилась настолько сильно, или потому, что понял, на сколько порядков она его превосходит?

«Начнем с простого», – подумал он.

– «Альфа», как доктор Уорнер может управлять тобой, не пользуясь ни голосовым, ни тактильным вводом?

– Девять локальных дней назад доктору Уорнер был установлен нейронный имплант.

– Установлен? Как?

– Доктор Уорнер запрограммировала меня провести хирургическое вмешательство для внедрения импланта.

Еще одна вещь, не всплывавшая во время их ежевечерней беседы типа «Милая, что ты делала сегодня на работе?»

Мило стрельнул глазами на Дэвида, изогнув губы в полуулыбке.

– Я тоже такой хочу.

– Без меня. – Вэйл сосредоточился на голофильме. – «Альфа», увеличить темп воспроизведения.

– Коэффициент?

– Пять минут в секунду.

Мельтешение экранов преобразилось в сплошные волны, будто мутно-белая вода, плещущаяся туда-сюда в черном аквариуме. Кейт не шелохнула ни мышцей.

Пробегала секунда за секундой. Затем экран погас, и женщина уже парила в сияющем желтом резервуаре.

– Стоп, – приказал Дэвид. – Вернуть телеметрию к моменту перед самым входом доктора Уорнер в круглый... чего оно там.

Дэвид смотрел, затаив дыхание. Экран с текстом выключился, и Кейт прошла в глубину комнаты чуть позади резервуаров. Стена разъехалась, Кейт взяла серебристый шлем, а затем прошла к резервуару, открывшемуся ей навстречу. Ступила внутрь, надела шлем и, как только стекло резервуара схлопнулась, вознеслась в воздух.

– «Альфа», возобнови ускоренное воспроизведение.

Круглое помещение осталось тем же, за одним-единственным исключением: из-под шлема Кейт начала медленно сочиться кровь.

В последнюю секунду вошли Дэвид и Мило, а затем на экране вспыхнули три слова:

Конец телеметрии

– И что теперь? – обернулся Мило к Дэvidу.

Дэвид перевел взгляд с экрана на резервуар с Кейт. Потом на пустой.

– «Альфа», могу ли я присоединиться к... эксперименту доктора Уорнер?

Панель в глубине комнаты отъехала, открыв взору единственный серебристый шлем.

– Это плохая идея, мистер Дэвид, – вытаращил глаза Мило.

– У тебя есть идеи получше?

– Вы не должны этого делать.

– Ты же знаешь, что должен.

Стеклянный резервуар повернулся, стекло его разошлось. Вэйл ступил внутрь, нахлобучил шлем, и исследовательская лаборатория для него исчезла.

Глава 3

Зрению Дэвида потребовалась пара секунд, чтобы приспособиться к яркому свету, лучащемуся в пространстве. Прямо перед ним на прямоугольном дисплее вспыхнул текст, который он пока не мог разобрать. Это место напомнило Дэвиду вокзал с табло отправлений-прибытий, вот только нигде не было видно ни входа, ни выхода из циклопического пространства – только прочный белый пол и сводчатые колонны с сияющим между ними светом.

– Добро пожаловать в архивы воскрешения, – прогрехотал голос «Альфы», раскатившись эхом. – Объявите вашу команду.

Ступив ближе к табло, Дэвид начал читать.

Дата памяти (Целостность) Воспроизведение

=====

12.37.40.13 (Нарушена) Завершено

13.48.19.23 (Полноценные) Завершено

13.56.64.15 (Нарушена) Завершено

Далее дюжина строк – все завершены. Последняя запись гласила:

14.72.47.33 (Нарушена) Выполняется

– «Альфа», какие у меня варианты?

– Вы можете открыть архивированную память или присоединиться к выполняющейся симуляции.

«К выполняющейся». Кейт будет там. Если она ранена... или атакована... Дэвид огляделся по сторонам. Он совершенно безоружен, выступить на ее оборону не с чем. Впрочем, не играет роли.

– Присоединиться к выполняющейся симуляции.

– Уведомить существующих членов?

– Нет, – инстинктивно ответил Вэйл. Элемент неожиданности может обеспечить некоторое преимущество.

Залитый светом вокзал и табло померкли, сменившись куда более тесным и темным помещением. Мостиком космического корабля. Дэвид стоял в глубине. По стенам овальной комнаты, сплошь покрывая их, бежали тексты, графики и изображения. В передней части две фигуры стояли перед широким обзорным экраном, глядя на планету, парящую на фоне черноты космоса. Вэйл мгновенно узнал обоих.

Слева стоял доктор Артур Янус, второй член исследовательской команды атлантов. Он помог Дэвиду спасти Кейт от Дориана Слоуна и Ареса в последние часы Чумы Атлантиды, но Вэйл по-прежнему питал к Янусу смешанные чувства. Этот блестящий ученый создал подложное лекарство от Чумы Атлантиды, стирившее семьдесят тысяч лет человеческой эволюции, возвращая род людской к тому состоянию, в котором тот пребывал до внедрения гена Атлантиды. Янус утверждал, что откат человеческой эволюции назад – единственный способ спасти человечество от невообразимого врага.

К ученой, стоявшей рядом с Янусом, Дэвид столь же противоречивых чувств не испытывал, только любовь. В отражении на фоне черных участков космоса на экране Дэвид различал мелкие черты прекрасного лица Кейт. Она внимательно сосредоточилась на изображении планеты. Дэвид видел это выражение лица множество раз. Он почти забылся, любуясь, но резкий голос, раздавшийся сверху, вернул его к действительности.

– Этот регион находится под военным карантинном. Покиньте его немедленно. Повторяю: этот регион находится под военным карантинном.

Его перебил другой голос, похожий на голос «Альфы»:

– Курс эвакуации сконфигурирован. Выполнить?

– Никак нет, – отрезала Кейт. – Сигма, заглушить уведомления военных буев и удерживать синхронную орбиту.

– Это безрассудство, – заявил Янус.

– Я должна знать.

Дэвид подступил ближе к экрану. Планета походила на землю, но цвета были иными – океан слишком зеленый, облака слишком желтые, суша – сплошь красные, коричневые и охряные оттенки. Никаких

деревьев. Только круглые черные кратеры, испещрившие голый ландшафт.

– Это могло быть естественным явлением, – заявил Янус. – Рядом комет или полем астероидов.

– Могло, но не было.

– Ты не...

– Не было. – Обзорный экран совершил наезд на один из метеоритных кратеров. – К каждому кратеру ведет ряд дорог. Там были города. Это нападение. Может, нападающие захватили поле астероидов и воспользовались обломками для кинетической бомбардировки. – Обзорный экран снова преобразился. Руины города посреди пустынного ландшафта обрели четкие очертания. Видны стали рассыпающиеся небоскребы. – А о тех, кто находился за пределами больших городов, они позволили позаботиться последствиям катастрофы. Здесь могут быть ответы, – в голосе Кейт прозвучала непререкаемая решимость. Эти интонации были Дэвиду знакомы. Ему уже довелось несколько раз

испытать
их на себе.

Очевидно, Янусу тоже. Он понурил голову.

– Возьми посадочный модуль «Бета». Без ковчегов он обеспечит тебе более высокую маневренность.

Повернувшись, ученый направился к двери в глубине мостика.

Дэвид внутренне подобрался, но Янус его не видел. «А Кейт видит?»

Она направилась было следом за Янусом, но остановилась и уставилась на Дэвида:

– Тебя здесь быть не должно.

– Что это, Кейт? Снаружи с тобой что-то происходит. Ты умираешь.

Доктор Уорнер сделала еще два длинных шага к выходу.

– Здесь я не могу тебя защитить.

– Защитить меня от чего?

Она сделала еще шаг.

– Не следуй за мной. – И устремилась за порог.

Дэвид ринулся следом.

И оказался под открытым небом. На поверхности планеты. Развернулся, пытаюсь...

Кейт. Одета в легкий скафандр, она впереди него шагала к разрушающемуся городу. Позади них среди красной каменистой пустыни стоял небольшой черный корабль.

– Кейт! – позвал Дэвид, бросаясь к ней.

Она застыла.

Землю тряхнуло раз, потом другой, сбив Вэйла с ног. Небо разверзлось, и сквозь него вторгся красный объект, ослепив Дэвида и окатив его волной удушающего жара. Ощущение было такое, будто к нему несется докрасна раскаленная кочерга размером с астероид.

Он попытался встать, но трясение почвы снова сбilo его с ног.

Пополз, чувствуя, как жар сверху и под ним испепеляет его.

Кейт будто воспарила над трясущейся землей. Она скакнула вперед, подгадывая свои приземления под содрогания земли, швырявшие ее вверх и вперед, к Дэвиду.

Она накрыла его, и Вэйл пожалел, что не может разглядеть ее лицо сквозь зеркальное забрало шлема.

Он почувствовал, что падает. Ноги его коснулись холодного пола, и голова врезалась в стекло. Резервуар. Исследовательская лаборатория.

Стекло разошлось, и Мило бросился вперед, вскинув брови и разинув рот:

– Мистер Дэвид...

Вэйл посмотрел вниз. Тело его не было обожжено, но взмокло от пота. А из носа сбегали струйки крови.

Кейт.

Чувствуя, как трясутся руки и ноги, Дэвид рывком поднялся и заковылял к ее резервуару. Стекло разошлось, и женщина рухнула, будто марионетка с обрезанными веревочками.

Вэйл подхватил ее, но у Кейт не хватало сил, чтобы стоять. Они повалились на холодный пол, и Кейт упала Дэвиду на грудь.

Вэйл ухватил пальцами ее горло. Пульс был слабый, но прощупывался.

– «Альфа»! Ты можешь ей помочь?

– Неизвестно.

- Почему неизвестно? – крикнул Дэвид.
- У меня отсутствует текущий диагноз.
- Что за чертовщина нужна для его получения?

Открылась круглая панель, и в комнату въехал плоский стол.

- Полное диагностическое сканирование.

Мило бросился вперед, чтобы подхватить Кейт за ноги, а Дэвид взял ее под мышки, собрав все силы, чтобы поднять ее на стол.

Ему показалось, что стол возвращается к своему месту в стене мучительно медленно. Круглое отверстие перекрыло темное стекло, и, заглянув внутрь, Дэвид увидел, как от ног Кейт к ее голове пробегают голубые огоньки.

Экран в стене озарился, отобразив единственную надпись:

ВЫПОЛНЯЕТСЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОЕ СКАНИРОВАНИЕ...

- Что происходит? – спросил Мило.
 - Я... Мы... – Дэвид тряхнул головой. – Понятия не имею.
- Экран изменился.

Первичный диагноз:

Нейродегенерация вследствие синдрома воскрешения

Прогноз:

Летальный

Ожидаемый срок жизни:

4–7 локальных суток

Неотложные проблемы:

Субарахноидальное кровоизлияние
Церебральный тромбоз

Рекомендуемые действия:

Хирургическое вмешательство

Оценка успеха хирургического вмешательства:

39 %

С каждым прочитанным словом окружающее все больше омрачалось для Дэвида. Чувства угасали. Он почувствовал, как протягивает руку и опирается о стеклянный резервуар. Уставился на экран.

Слова «Альфы» обрушились на него, опалив, как раскаленный метеор, рухнувший на планету.

– Произвести рекомендованную хирургию?

Дэвид будто со стороны слышал собственный голос, отвечающий «да», и смутно осознал, как Мило обнимает его рукой за плечи, хотя сам едва достает до них макушкой.

Глава 4

В двух милях под поверхностью Антарктиды

Вопли служили для Дориана единственным ориентиром в пути через темные коридоры корабля. Уже не первый день искал он их источник. Но при его приближении они неизменно обрывались, и появлялся Арес, чтобы заставить Дориана покинуть сооружение атлантов, занимающее двести пятьдесят квадратных миль под ледяной корой Антарктиды, и отправиться на поверхность, обратно к подготовке последнего сражения – тяжкого труда, выходящего за рамки его понимания.

Раз Арес здесь, проводит все свое время в помещении с воплями – значит, события разворачиваются там, в этом Дориан не сомневался.

Вопли оборвались. Слоун замер как вкопанный.

Исторгся новый крик, и Дориан свернул за угол, потом за другой. Вопли доносились из-за двустворчатой двери прямо перед ним.

Прислонившись к стене, Слоун застыл в ожидании. Ответы. Арес обещал ему ответы, правду о его прошлом. Как и Кейт Уорнер, Дориан

был зачат в другое время – еще до Первой мировой войны, затем спасен от испанской инфлюэнцы трубой атлантов и пробужден в 1978 году с воспоминаниями атланта.

Дориану достались воспоминания Ареса, и эти подавленные реминисценции понукали его всю жизнь. Слоун видел их лишь проблесками: сражения на суше, на море, в воздухе и – величайшие из всех – баталии в космическом пространстве. Дориан алкал знать, что случилось с Аресом, его историю, свое прошлое, свое происхождение. Больше всего на свете он жаждал понять себя, понять подноготную всей своей жизни.

Дориан утер еще одну струйку крови из носа. Теперь носовые кровотечения участились, как и головные боли вкуче с кошмарными сновидениями. Что-то с ним происходит. Он выбросил это из головы.

Двери распахнулись, и оттуда вышел Арес, ничуть не удивившийся при виде Слоуна.

Дориан тужился разглядеть что-нибудь в помещении. Там на стене висел человек. От ремней, врезавшихся ему в вытянутые руки, и от ран на груди и ногах ручьями струилась кровь. Двери закрылись, и атлант ступил в коридор.

– Ты огорчаешь меня, Дориан.

– Взаимно. Ты обещал мне ответы.

– Ты их получишь.

– Когда?

– Скоро.

Слоун в один шаг одолел разделяющую их дистанцию.

– Сейчас же.

Арес выбросил выпрямленную ладонь вперед, ударив Дориана в горло, отчего тот повалился на землю, хватая воздух ртом.

– Ты сможешь отдать мне еще только один приказ в жизни, Дориан. Ты понял? Будь на твоём месте кто-нибудь другой, я вообще не потерпел бы подобной выходки. Но ты – это я. Настолько, что даже сам не представляешь. И я знаю тебя лучше, чем ты сам. Я не сказал тебе о твоём прошлом, потому что это помрачит твои суждения. Нам предстоит работа. Знание истины в полном объёме подвергнет тебя риску. Я полагаюсь на тебя, Дориан. Через пару мимолетных дней мы будем контролировать эту планету. Уцелевшие остатки человеческого

рода – рода, хочу тебе напомнить, который я помог сотворить, помог спасти от вымирания – будут членами-учредителями нашей армии.

– С кем мы сражаемся?

– С врагом невообразимой силы.

Слоун поднялся на ноги, но держался на приличном отдалении.

– У меня весьма живое воображение.

Атлант возобновил свою стремительную ходьбу. Человек последовал за ним, держа дистанцию.

– Они одолели нас за одни сутки, Дориан. Только вообрази. Мы были самой развитой расой во всей известной Вселенной – даже более развитой, чем утраченные цивилизации, которые мы нашли.

Они достигли перекрестка, где громадные ворота открывали вход в ангар с милями труб, вмещающих уцелевших атлантов.

– Они – все, кто остался.

– По-моему, ты говорил, что они не смогут пробудиться, что их травмы от атак слишком сильны, так что им нипочем не оправиться.

– Так и есть.

– У тебя кто-то есть. Кто он?

– Он не один из них. Из нас. Он – не твоя забота. Твоя забота – грядущая война.

– Грядущая война, – пробормотал Слоун. – Численный перевес не на нашей стороне.

– Придерживайся курса, Дориан. Поверь. Через пару коротких дней эта планета будет нашей. Тогда мы развернем грандиозную кампанию, войну ради спасения всех человеческих планет. Этот враг – и твой враг тоже. Люди обладают нашей ДНК. Этот враг рано или поздно придет и за вами. Вам не спрятаться. Но вместе мы можем сражаться. Если мы не поднимем свою армию сейчас, пока окно не закрылось, то потеряем всё. Участь тысяч миров покоится на твоих плечах.

– Верно. Тысяч миров. Я бы хотел указать то, что

считаю рядом ключевых проблем.

Личный состав.

На Земле уцелело с пару миллиардов человек. Они слабы, больны и голодают. Таков наш призывной контингент – подразумевая, что мы

вообще сможем захватить планету, а я даже в этом не уверен. Так что в нашей «армии» будет от силы пара миллиардов – и не обязательно сильных. Причем я говорю с большой натяжкой. Против силы, правящей Галактикой... Извини, но не нравятся мне наши шансы.

– Тебе бы надо быть умней, Дориан. Думаешь, эта война будет напоминать ваши примитивные представления о звездных войнах? Металлические и пластиковые корабли парят в космосе, паля друг по другу лазерами и бризантными снарядами? Я тебя умоляю! Думаешь, я не рассмотрел нашу ситуацию? Ключ к нашей победе отнюдь не в числе. Я составил этот план сорок тысяч лет назад. Ты же занят им всего три месяца. Верь мне, Дориан.

– Дай мне основания.

– Ты в самом деле думаешь, будто можешь подтолкнуть меня к ответам, которых жаждет твое сердечко, Дориан? – усмехнулся Арес. – Хочешь, чтобы я утешал твою душу, вернул тебе ощущение целостности и безопасности? Вот зачем ты прибыл в Антарктиду с самого начала, не правда ли? Чтобы разыскать своего отца? Открыть правду о своем прошлом?

– Ты так меня третируешь – и это после всего, что я для тебя сделал?

– Ты сделал это для себя, Дориан. Задай мне вопрос, который действительно хочешь задать.

Слоун покачал головой.

– Валяй.

– Что происходит со мной? – Он воззрился на Ареса. – Что ты со мной сделал?

– Теперь мы наконец-то тронулись с места.

– Со мной что-то не так, правда ведь?

– Разумеется. Ты человек.

– Я не это имел в виду. Я умираю. Я это чувствую.

– Со временем, Дориан. Я спас твой народ. У меня есть план. Мы установим в этой Вселенной непреходящий мир. Ты даже не представляешь, как труднодостижим он был. – Атлант подступил ближе к человеку. – Есть правды, которые я не могу тебе открыть. Ты не готов. Имей терпение. Ответы придут. Важно, чтобы я помог тебе постичь прошлое. Твое недопонимание может нас погубить, Дориан.

Ты важен. Я могу сделать это без тебя, но не хочу. Я долго ждал, когда рядом со мной встанет кто-нибудь вроде тебя. Если твоя вера достаточно сильна, нет предела тому, что мы способны свершить.

Развернувшись, Арес повел Слоуна прочь от перекрестка, прочь от бесконечного зала с трубами, к выходному порталу. Дориан следовал за ним в молчании. В его рассудке разгоралась война: слепо повиноваться или бунтовать? Они облачились в скафандры, не обменявшись ни словом, и пересекли ледяную каверну за пределами корабля, где висел Колокол.

Дориан помешкал, и взгляд его обратился к расщелине, где он нашел отца – замороженного, скованного льдом внутри космического скафандра, павшего жертвой Колокола и своего подручного-«Иммари», который его предал.

Арес ступил в металлическую корзину.

– Главное – будущее, а остальное неважно, Дориан.

Они в молчании поднимались по темной вертикальной шахте, пока корзина не остановилась наверху. По плоской поверхности льда вытянулись ряды мобильных жилищ, будто бесконечный поток белых гусениц, зарывшихся в снег.

Дориан, росший в Германии, а затем в Лондоне, наивно считал, что знаком с морозами. Суровый климат Антарктиды не сравнится ни с чем.

Когда Слоун с Аресом зашагали к центру оперативного управления, штабисты «Иммари», одетые в толстые белые парки, сутились между жилищами; кто-то салютовал, кто-то не видел их, пригнувшись от ветра.

За похожими на гусениц жилищами вдоль периметра тяжелая техника и строительные бригады заканчивали возведение «Антарктической крепости», как ее прозвали. Две дюжины рельсовых орудий, направленных на север, молча застыли в ожидании атаки, в неизбежности которой «Иммари» не сомневались.

Ни одна армия Земли не была готова сражаться здесь даже до чумы. А уж после – и подавно. Авиация против рельсотронов – просто пшик. Успеха не принесла бы даже мощная сухопутная атака с поддержкой артиллерии с моря. Мысли Дориана обратились к

нацистам, преемникам его отца, и их глупой зимней кампании в России. «Альянс Орхидеи» ждет та же участь, если – а вероятнее, когда
– они высадутся здесь.

В центре оперативного управления солдаты поприветствовали Дориана и Ареса, выстроившись вдоль коридоров по стойке смирно. В ситуационной комнате атлант обратился к начальнику оперативного управления:

– Мы готовы?

– Так точно, сэр. Мы обезопасили активы по всему миру. Потери минимальны.

– А поисковые команды?

– На месте. Они все достигли указанной глубины бурения по периметру. У двух-трех были сложности из-за воздушных карманов под толщей льда, и мы отправили поисковые команды. – Начальник помолчал. – Однако они ничего не обнаружили. – Он выстучал на клавиатуре команду, и на экране появилась карта Антарктиды, испещренная красными точками.

«Что он ищет? – озадачился Дориан. – Другой корабль? Нет. Мартин наверняка знал бы. Что-то еще?»

Арес воззрился на Слоуна, и в этот момент человек вдруг ощутил то, чего не чувствовал уже давным-давно, даже в коридоре внизу, когда Арес ударил его, – страх.

– Вы спустили устройства, которые я предоставил? – осведомился атлант.

– Да, – кивнул начальник.

Арес прошел в переднюю часть комнаты.

– Выведите меня на общий вызов по базе.

Нажав несколько клавиш, начальник кивнул.

– Отважные люди, трудящиеся во имя нашего дела, шедшие на жертвы и не покладавшие рук ради нашей цели, знайте: день, который мы готовили, настал. Через несколько минут мы предложим «Альянсу Орхидеи» мир. Надеюсь, он будет принят. Мы стремимся к миру на Земле, дабы получить возможность подготовиться к окончательной войне с врагом, коему мир неведом. Это испытание пока впереди. Сегодня же я благодарю вас за службу и прошу не терять веры в

грядущие часы. – Арес сосредоточил внимание целиком на Дориане. – И пока ваша вера будет испытываться на прочность, помните: дабы построить новый, лучший мир, сперва надо набраться дерзости разрушить старый.

Глава 5

Атланта, Джорджия

Перевернувшись на бок, доктор Пол Бреннер уставился на часы.
5.25.

Будильник зазвонит через пять минут. Тогда Пол выключит его, встанет и соберется – попусту. Нет больше никакого рабочего места, куда надо поспеть, никакой работы, которую надо сделать, никакого списка неотложных дел, по которому надо пройтись. Есть лишь надломленный мир, нащупывающий путь, и последние четырнадцать дней этот путь не имел к нему никакого отношения. Казалось бы, можно выспаться как никогда, но что-то этому мешало. Пол почему-то просыпался чуть раньше половины шестого, перед звонком будильника – в готовности, полный предвкушения, словно сегодня все переменится.

Отбросив одеяло, Бреннер зашаркал в хозяйскую ванную и принялся умываться. Он никогда не принимал утром душ, стремясь побыстрее попасть на работу, оказаться там первым, чтобы дать фору подчиненным. После работы Пол всегда направлялся в спортзал. Такое окончание дня помогало ему дома расслабиться, отвлечься. Или попытаться. Что при такой работе трудновато. Что ни день, либо обнаруживалась вспышка той или иной болезни, либо возникало подозрение таковой, либо надо было разгрести бумажные завалы. Руководить отделом глобального выявления заболеваний и экстренных мероприятий Центра профилактики и контроля заболеваемости США – дело непростое. И риск заражения – лишь полбеда.

А еще надо было хранить секретность. Последние двадцать лет Пол работал с глобальным консорциумом, готовясь к самой истребительной вспышке – пандемии, пришедшей в облике Чумы Атлантиды. Тогда-то и окупались все эти годы тяжких трудов. Глобальная рабочая группа «Преемственность» обуздачу и в

конечном итоге отыскала лекарство благодаря ученой, с которой ему не довелось встретиться лично – доктору Кейт Уорнер. Очень многое в Чуме Атлантиды по-прежнему оставалось для Пола загадкой, но одно он знал наверняка: с нею покончено. Ему бы следовало быть вне себя от восторга, но Бреннер чувствовал лишь внутреннее опустошение. Он будто лишился цели, оказавшись вдруг не у дел.

Покончив с умыванием, Пол провел ладонью по своим коротким черным курчавым волосам, чуть всклокоченным после сна. В зеркале он увидел пустую просторную кровать и на миг задумался, не вернуться ли ко сну.

К чему готовиться? Чума позади. Делать больше нечего.

Нет. Это не совсем так. Она его ждет.

Его постель пуста, но дом – вовсе нет. До его обоняния уже донесся аромат готовящегося завтрака.

Пол двинулся вниз по лестнице крадучись, чтобы не разбудить своего двенадцатилетнего племянника Мэтью.

В кухне послышался лязг сковородки.

– Доброе утро, – прошептал Бреннер, переступая порог кухни.

– Доброе, – отозвалась Натали, переворачивая сковороду, чтобы вывалить омлет на тарелку. – Кофейку?

Кивнув, Пол уселся за круглый столик в эркере с видом на покатый двор.

Натали поставила тарелку с омлетом рядом с большой миской мамалыги. Довершал меню бекон, покрытый фольгой, удерживающей тепло. Пол молча расставил тарелки и разложил приборы. До Чумы он обычно смотрел телевизор, жадно заглатывая завтрак, но так – в компании – ему нравилось куда больше. Компании у него не было давным-давно.

– У Мэтью опять был кошмар, – сообщила Натали, поперчив свою кашу.

– Правда? Я ничего не слышал.

– Я утихомирила его около трех. – Она отведала омлета с кашей и еще чуть подсолила их. – Вам бы следовало поговорить с ним о матери.

Пола ужасала одна лишь мысль об этом.

– Поговорю.

– Что вы собираетесь делать сегодня?

– Не знаю. Подумывал, не наведаться ли на склад. – Он указал на кухонную кладовую. – Через пару недель у нас могут кончиться продукты. Лучше пополнить запасы сейчас, пока Районы Орхидеи не опустеют и продукты не начнут разлетаться.

– Хорошая мысль. – Она помолчала, словно желая сменить тему. – У меня есть друг по имени Томас. Примерно моего возраста.

Пол вопросительно поднял брови: «И какого же это?»

– Для протокола: тридцать пять лет, – чуть улыбнулась она, отвечая на безмолвный вопрос, и тут же уткнулась обратно в тарелку, снова посерьезнев. – Его жена умерла от рака два года назад. Он был раздавлен. Увешал весь дом ее фотографиями. И никак не шел на улучшение, пока не поговорил о ней. Для него это было ключом к продвижению вперед.

«Значит ли это, что ее муж умер? От Чумы Атлантиды? Раньше? Это она хочет мне поведать?» Пол собаку съел в расшифровке ретровирусов, да и вообще в любых лабораторных исследованиях, коли уж на то пошло. А вот люди, особенно женщины... они так и остались для него настоящей загадкой.

– Да, согласен. Для каждого, кто... потерял кого-нибудь, по моему, поговорить об этом очень благотворно.

Натали подалась вперед, но в этот миг в другом конце кухни затрещал сигнал тревоги, погубив настроение... Нет, не тревога, а всего лишь звонок телефона – стационарного телефона Пола.

Встав, он снял трубку.

– Пол Бреннер.

Послушал, несколько раз кивнув, попытался вклинить вопрос, но на том конце дали отбой, прежде чем он успел промямлить хоть слово.

– Кто это был?

– Администрация, – пояснил Пол. – Выслали за мной автомобиль. В Районах Орхидеи какая-то проблема.

– Думаете, Чума мутировала? Очередная волна инфекции?

– Возможно.

– Хотите, чтобы я поехала с вами?

Натали оказалась единственным уцелевшим членом исследовательского штата «Преемственности» – команды, координировавшей глобальные усилия по излечению Чумы Атлантиды. Прежде она была исследователем и трудилась в

лаборатории Центра профилактики и контроля заболеваемости. Вряд ли она сможет сделать какой-нибудь ценный вклад в расследование, но почему-то Полу хотелось, чтобы эта женщина была рядом. Но есть и более важная проблема.

– Мне нужно, чтобы кто-нибудь побыл здесь с Мэтью. Я не могу просить вас...

– Вам не придется. Мы будем здесь, когда вы вернетесь.

Поднявшись наверх, Бреннер быстро оделся. Ему хотелось вернуться к прерванному разговору с Натали, но притом он не мог не признаться себе: одеваться на работу, быть нужным, вынужденным куда-то идти было приятно. Снаружи донесся гудок клаксона. Выглянув из окна, Пол увидел черный седан с тонированными стеклами. Его двигатель, работающий на холостом ходу, изрыгал в холодный предрассветный сумрак облака выхлопных газов.

У передней двери Пол сдернул с плечиков в гардеробе свой плащ. В противоположном конце прихожей на столике стояло свадебное фото Бреннера с женой в рамочке. Бывшей женой. Она ушла четыре года назад.

«Так вот что она думает? Что моя жена умерла?»

Конечно. Столько снимков до сих пор развешано по всему дому...

Пол ощутил непреодолимый порыв перед уходом расставить все точки над «і».

– Натали!

– Минуточку! – откликнулась она из кухни.

Пол снова бросил взгляд на свадебную фотографию, и последний разговор с женой снова ожил у него в памяти...

«Ты слишком много работаешь, Пол. Ты всегда будешь работать слишком много. Так не пойдет».

Бреннер сидел на диване, в десяти футах от места, где стоял сейчас, уткнув взгляд в пол.

«Завтра утром перевозчики приедут за моими вещами. Я не хочу никаких скандалов».

Никаких скандалов и не было. Правду говоря, он и по сей день не таил на нее никакой обиды. Жена перебралась в Нью-Мексико, и они не поддерживали связь годами, но фотографии со стен Пол не снял. Ему это даже в голову не приходило. И впервые он об этом пожалел.

– На случай, если вас не покормят, – вторгся в его воспоминания голос Натали.

Пол принял у нее коричневый бумажный пакет и указал на фото на столике:

– Насчет моей жены...

Гудок раздался снова, длинный и требовательный.

– Мы можем поговорить, когда вы вернетесь. Будьте осторожны.

Пол потянулся было к ней, но замялся и вместо того протянул руку к двери, распахнул ее и зашагал к машине. Из нее вышли двое морских пехотинцев, и ближайший распахнул для него дверцу. Не прошло и нескольких секунд, как машина отъехала.

Обернувшись, Бреннер поглядел через заднее стекло на свой двухэтажный кирпичный дом, жалея, что не смог пробыть там чуточку дольше.

Глава 6

Район Орхидеи Бета

Атланта, Джорджия

Пол Бреннер смотрел из окна конференц-зала на четвертом этаже, пытаясь постичь происходящее. Вдоль улиц вытянулись длиннейшие очереди. Медицинский персонал вел первичный отсев, снимая показания и направляя людей в разные здания, откуда те выходили совершенно изнуренными, будто после полного медосмотра.

– И что вы думаете, Пол?

Обернувшись, он увидел стоящего на пороге нового министра обороны Терранса Норта. В прошлом Норт был морским пехотинцем, и хотя был одет в сшитый по фигуре темно-синий костюм, все равно выглядел военным со своим худощавым лицом и прямой осанкой. Пол несколько раз встречался с Нортом на видеоконференциях во время Чумы Атлантиды, но лицом к лицу – ни разу. В жизни он оказался куда импозантнее, чем на экране.

– Даже не пойму, что я вижу, – указал Пол на улицу внизу.

– Подготовку к войне.

– Войне с кем?

– С «Иммари».

– Не может этого быть. Европейцы сокрушили их в Южной Испании. Они разгромлены, а Чума излечена. Они нам не угроза.

Закрыв за собой дверь, Норт включил большой экран конференц-зала.

– Вы говорите об организованных военных действиях. О войне, напоминающей войны минувшего.

– О чем это вы толкуете?

– О новом типе конфликта. – Норт поработал на своем ноутбуке, и на экране появился ряд видеороликов. Вооруженные силы в черной форме без знаков различия атаковали различные промышленные сооружения и склады. Мест Пол не узнавал, но это явно не военные базы.

– Это продуктовые хранилища, – пояснил Норт. – Они почти не охранялись, поскольку правительства Орхидеи национализировали запасы провизии в первые же дни эпидемии. На последнем видео производственный комплекс «Арчер Дэниел Мидленд» в Декейтере, штат Иллинойс. Отряды милиции «Иммари» захватили его и дюжину прочих крупных предприятий пищевой промышленности неделю назад.

– Они хотят уморить нас голодом?

– Это лишь часть их плана.

– А вы не можете их отбить?

– Конечно же, можем. Но они уничтожат склады, если мы атакуем. Это ставит нас в трудное положение. Мы не можем отстроить предприятия пищевой промышленности достаточно быстро.

– Вы можете привлечь людей для приготовления провизии...

– Мы рассматривали такую возможность. Вот зачем вы здесь.

– А зачем я здесь?

– Я собираюсь разложить перед вами всю мозаику до последнего фрагмента, Пол, чтобы вы приняли информированное решение.

«Решение о чем?» – озадачился Бреннер.

Норт снова поработал на клавиатуре. Появился скан помятого документа.

– Это распространяемый «Иммари» манифест. Он предрекает скорый крах человечества. Судный день, когда грянет катаклизм. И призывает всех, кто хочет выживания человеческого рода, сплотиться

под знаменами «Иммари». Излагает стратегию. Первым шагом будет захват запасов провизии – всего, от гигантских перерабатывающих предприятий до ферм. Второй – сети энергоснабжения.

Пол хотел было задать вопрос, но Норт перебил его:

– Они захватили контроль над восьмьюдесятью процентами наших угольных ресурсов.

– А зачем уголь?

– Он по-прежнему производит свыше сорока процентов американской электроэнергии. Без угля электростанции скоро заглохнут. Ядерные и гидроэлектростанции остаются в игре, но захват ТЭЦ нас доконает.

Пол кивнул. Должен быть еще какой-нибудь вирусный или биологический компонент. Энергия и продукты... он здесь не из-за них.

– А нет ли в манифесте третьего этапа?

– Погодите. «Иммари» сулят, что откликнувшиеся на их зов получат помощь – нападение такого масштаба, какого мир еще не видывал. Обещают, что «Альянс Орхидеи» будет раздавлен за одни сокрушительные сутки.

– Ядерное нападение?

– Мы так не думаем. Эти объекты бдительно охраняются. К тому же это слишком очевидно. Это нечто выходящее за рамки привычных представлений. У нас есть одна ниточка. Спутники. Вчера ночью мы потеряли связь со всеми спутниками, контролируемые «Альянсом Орхидеи», равно как и с Международной космической станцией. Частные спутники также не отвечают. Первые спутники вошли в атмосферу сегодня утром. Последние из них сгорят и рухнут на землю к ночи.

– Кто-то сбил их?

– Нет. Их взломали. В управляющие программы проник очень хитроумный вирус. Мы слепы. Единственным основанием так поступить для них могла быть лишь готовность атаковать. Катаклизм, нападение «Иммари» или чего оно там, скоро начнется.

– Думаете, атака может быть биологической? Очередная эпидемия?

– Не исключено, – подтвердил Норт. – Правду сказать, мы даже не догадываемся. Президент хочет, чтобы мы были готовы ко всему.

Тут в конференц-зал вошел один из членов штаба Норта.

– Сэр, вы нам нужны.

Министр обороны оставил Пола в одиночестве размышлять над увиденным. Если атака будет биологической, Бреннер представляет собой вполне логичный выбор, чтобы возглавить глобальный отпор. Он начал внутренне готовиться к этому. Перед его мысленным взором проносились разнообразнейшие сценарии. Мало-помалу мысли его обратились к Натали и Мэтью. Надо перевезти их в «Преемственность»...

Дверь открылась, и в зал медленно вошел Норт.

– Началось.

Глава 7

Штаб-квартира Центра профилактики и контроля заболеваемости

Атланта, Джорджия

Шагая по коридорам «Преемственности», Пол испытывал какое-то диковинное чувство. В этой части Центра профилактики и контроля заболеваемости США он с командой консорциума бился против глобальной пандемии, тянувшейся восемьдесят одни сутки и стоившей жизни почти двум миллиардам человек. Восемьдесят одни сутки сна на диване в кабинете, непрерывного питья кофе, шумных перебранок, психических срывов, в конце концов завершившихся одним-единственным триумфом.

Теперь по этим коридорам ходили совершенно другие люди – солдаты, работники Министерства обороны и прочие не известные Полу личности.

Министр обороны Норт дожидался его в главной ситуационной комнате «Преемственности». Стеклопакетные двери разошлись, пропуская Бреннера, и снова сошлись у него за спиной, и двое мужчин остались наедине. Экраны, покрывающие дальнюю стену, показывали ту же картину, что и четырнадцать дней назад, когда Пол уходил, – статистику смертности по Районам Орхидеи всей планеты, колебавшуюся в пределах от двадцати до сорока процентов. Везде, кроме одного места – Мальты. Последний элемент лекарства доктор

Уорнер и ее команда отыскивали именно там. Этот район светился зеленым, и рядом парила надпись «Уровень смертности 0 %».

Норт присел за один из столиков на роликах.

– Один из членов моей команды только что забрал Натали и вашего племянника, Пол. Они скоро будут здесь.

– Спасибо. Я связался с членами моего штата – кто остался. Как только они будут здесь, начну обзванивать своих зарубежных партнеров.

– Замечательно. Мне известно, что они сию минуту ведут аналогичные беседы. Итак, первым делом – главное. Нам нужен ваш код доступа к программе управления «Преемственностью» корневого уровня.

– Мой код доступа? – нахмурился Пол.

Взяв ручку, Норт небрежно кивнул:

– Угу.

– Зачем?

– Мне сообщили, что только ваши коды могут загнать в импланты Орхидеи новую терапию.

– Это правда, – подтвердил Бреннер. В голове у него в полную мощь затрещивал сигнал тревоги.

– В целях безопасности, Пол. Вы – своего рода критическая точка. Если вы погибнете, эти коды будут утрачены вместе с вами – а значит, в практическом отношении, и вся «Преемственность» как таковая. Если мы не сможем ввести новую терапию, вся система гроша ломаного не стоит. Нам требуется подстраховка.

– У нас есть подстраховка. Коды доступа есть у двух человек – одного из команды, кого я назначу, и у меня. Личность этого человека никому не известна.

По соображениям безопасности.

Только представьте, что было бы, если бы «Иммари» узнали коды доступа «Преемственности». Они покончили бы с нами за считанные часы.

– И кто же этот второй человек?

Встав, Пол двинулся прочь от Норты, выражение лица которого теперь переменялось. Второй хранитель мертв – умер в числе многих

членов штата в последние часы чумы. Бреннер намеревался назначить нового хранителя кода, когда уцелевший персонал прибудет, но теперь заколебался.

– Больше ничего касательно кода я сообщить не могу. Но даю вам слово, что доступ к «Преемственности» мы не утратим.

Норт тоже встал.

– Мы так и не закончили разговор в Районе Орхидеи. Официально мы находимся в состоянии войны. И разрабатываем способы связи с нашими военными флотами. Но если они потеряют связь с Пентагоном на продолжительное время, им отдан действующий приказ атаковать. Бомбы посыплются на главный штаб «Иммари» в Антарктиде очень скоро. Они эвакуировали свои объекты в Кейптауне, Буэнос-Айресе и других городах, но за ними будут охотиться. Тревожит нас не лобовая стычка с «Иммари». Нас беспокоит грядущая война у нашего порога. По нашим оценкам, силы «Иммари» здесь, в США, составляют сорок тысяч – может, чуть больше или меньше. Этого достаточно, чтобы перехватить нашу цепочку пищевого снабжения и подорвать нашу энергосеть, но больше они ничего сделать не смогут.

– Вот именно.

– Я читал ваше личное дело, Пол. Вы человек с головой. Хороший ученый. Я же был хорошим солдатом. Мне потребовались целые годы, чтобы сориентироваться в политике. Это совсем другая игра. Впрочем, вам это известно. Здесь, в Центре профилактики и контроля заболеваемости США, вы входили в верхушку руководства. Вы играли в эту игру. Вы же видите, куда это ведет.

– Очевидно, я не так сообразителен, как вам кажется.

– Они перекроют снабжение Районов Орхидеи энергией и продуктами, чтобы заставить нас их распустить. Когда мы это сделаем, «Иммари» примутся обращать усталые, голодные массы, которые хлынут оттуда, на свою сторону. Они обратятся с возванием к миллионам человек, которых мы отпустим. Начнется идеологическая война. Их пропаганда против нашей. Мы будем сражаться не против армии «Иммари». Мы будем сражаться против их идей. Это сведется к искоренению государства всеобщего благосостояния. «Иммари» хотят построить глобальное государство с людьми, которые могут постоять за себя, которые не будут зависеть от государства. Многим эта идея по душе. Они не хотят возвращения прежнего миропорядка. А с нашей

стороны – простая реальность: мы не в состоянии давать отпор ополчению и в то же время заботиться о тех, кто слишком слаб, чтобы сражаться. Запасов инсулина в США хватит на десять дней. Антибиотиков практически не осталось; теперь мы используем их лишь в самых крайних случаях. Мы сжигаем трупы за пределами Районов Орхидеи, но не успеваем. При такой плотности населения в каком-нибудь Районе Орхидеи уже наверняка гуляет новый супермикроб, резистентный к антибиотикам.

– С супермикробами мы управимся. Именно ради этого и существует «Преемственность».

– Это лишь малая толика того, с чем мы столкнулись. Даже без угрозы «Иммари» нас подстерегает гуманитарная катастрофа глобальных масштабов. Мы должны перестроить мир, а нам требуется прокормить слишком много ртов. У нас имеется возможность. Мы можем избавиться от некоторых из наших, о которых не в состоянии позаботиться,

и в то же самое время

убедить сочувствующих «Иммари» одуматься. Это наш единственный козырь. И ключ ко всему – «Преемственность» и импланты «Орхидеи». Мы должны сколотить собственную армию – из сильных членов наших рядов.

– Я... мне нужно время, чтобы подумать... – сглотнул Пол.

– Время – единственное, чего у нас нет, Пол. Мне нужны эти коды. Напоминаю вам, что Натали и ваш племянник у меня.

Бреннер невольно попятился.

– Я... я хочу знать, в чем состоит план.

– Коды! – Норт бросил взгляд на солдат за стеклянной дверью.

Пол воспринял это как угрозу. Присев за стол, он негромко проронил:

– Как я понимаю, вы уже пытались взломать коды?

– Уже больше недели. АНБ

[1]

утверждает, что через пару дней они войдут в систему, но, когда спутники вырубились, мы решили обратиться к вам. Мы бы искренне

хотели получить эти коды легким путем.

Пол кивнул, прекрасно понимая, каким будет трудный путь

. Постаравшись выбросить мысль о пытках из головы, Бреннер сосредоточился на том, что будет, если он выдаст коды. Вырисовывалось две возможности. Первая: Норт – агент «Иммари» и воспользуется кодами, чтобы погубить несметное множество людей. И вторая: Америка и «Альянс Орхидеи» вот-вот совершат величайшую ошибку в истории человечества. А вину за нее, скорее всего, взвалят на Пола. Необходимо разузнать побольше. Ему нужно время, чтобы составить план.

– Ладно. Послушайте, я безвылазно сидел дома две недели. Я понятия не имел о происходящем. Согласен, нас приперли к стенке. Я передам вам коды, но должен предупредить, что программа «Преемственности» снабжена множеством уровней безопасности, включая ловушки и протоколы, гарантирующие, что посылать новые терапии на импланты, вживленные каждому жителю Районов Орхидеи, может только персонал «Преемственности». Я вам нужен. Теперь я понимаю, с какой угрозой мы столкнулись. Все, о чем я прошу, – чтобы все решения принимались при моем участии.

Сев, Норт пододвинул к себе клавиатуру.

– Полагаю, мы сдвинулись с мертвой точки.

Изображение на экране сменилось рядами статистических данных. Некоторые из них Пол узнал.

– Вы провели медосмотр...

– Да, коротенький. Мы проделали полномасштабную инвентаризацию всего человечества – всех находящихся под эгидой «Орхидеи».

– С какой целью?

– Тут два списка. Тех, кого мы можем спасти, то есть годных в строй или к нестройной. И негодных.

– Ясно.

– Нам нужно применить программу эвтаназии к списку негодных, и без промедления.

– Народ этого не поддержит. Начнутся бунты...

– Мы намерены возложить вину на «Иммари». Они захватили провизию и электроэнергию. И это не натяжка. Если они захватят «Преемственность», именно так и поступят – гуманно умертвят слабых. Гибель миллионов вдохновит выживших встать против угрозы «Иммари». И отнимет у них выигрышный аргумент – устранение государства всеобщего благосостояния. Избавившись от слабаков, мы дадим то же самое, что могут и они. Мир, которого жаждут сочувствующие «Иммари», окажется у них под носом. – Норт подвинулся ближе к Полу. – Нажатием всего нескольких клавиш мы выиграем эту войну еще до ее начала, еще до катастрофы. А теперь я жду вашего ответа.

Пол бросил взгляд за стеклянные двери. Его персонал уже начал прибывать, но часовые отфутболивали людей прочь. Путь из этой комнаты отрезан.

– Понимаю, – сказал Пол.

– Хорошо. – Норт дал знак часовому, и в комнату вошел тощий юноша с ноутбуком. – Этот молодой человек работал с базой данных «Преемственности». Он последует за вами, Пол. Он будет следить – и делать записи, включая ваш код доступа. Разумеется, для подстраховки.

– Разумеется.

Бреннер начал печатать на клавиатуре, а его новый «ассистент» бдительно наблюдал за ним.

Пару минут спустя Пол открыл главную программу управления «Преемственностью» и начал вводить соглядатая в курс.

– Фактически программа эвтаназии представляет собой заранее запрограммированную терапию...

Через пятнадцать минут Бреннер ввел свой последний код авторизации, и на главном экране замигала надпись:

Программа эвтаназии передается подмножеству популяции

– А теперь я хочу побыть в кабинете один, – вставая, проронил он.

– Разумеется, Пол. – Норт обернулся к одному из солдат: – Сопроводите доктора Бреннера в его кабинет. Заберите его компьютер и телефон и позаботьтесь, чтобы у него были любая еда и напитки, какие он только пожелает.

У себя в кабинете Пол сел на диван, уставившись в пол. Хуже он не чувствовал себя еще ни разу в жизни.

Глава 8

Штаб-квартира Центра профилактики и контроля заболеваемости США

Атланта, Джорджия

Пол Бреннер в сотый раз посмотрел на часы, встал с дивана и подошел к окну. Тройное кольцо военной техники, оградившее башню Центра профилактики и контроля заболеваемости, застыло в неподвижности; некоторые солдаты стоя курили, но большинство просто сидели в своих машинах или привалившись к мешкам с песком.

Вдруг в приемной его кабинета послышались крики. Дверная ручка с лязгом задержалась, а затем кто-то принялся колотить в прочную деревянную дверь.

– Бреннер, отпирите сейчас же! – Голос у Норта осип, но был достаточно силен, чтобы внушить Полу страх.

«Он жив». Пол снова посмотрел на часы.

– Три секунды, Бреннер! Или мы откроем эту дверь сами.

Пол оцепенел.

За дверью послышалось что-то вроде «цельтесь пониже, он нужен нам живой». Загрохотали выстрелы, по комнате разлетелись щепки, и дверь распахнулась.

Через порог на подгибающихся ногах ступил Терранс Норт, держась за грудь.

– Ты пытался меня убить!

– Вам надо в лазарет...

– Не надо играть со мною, Пол. – Норт дернул головой в направлении солдат: – Взять его!

Схватив Бреннера за руки, солдаты поволокли его в коридор.

В ситуационной комнате «Преемственности» юный компьютерный гений молча смотрел, как Норт припер Бреннера к стене и медленно процедил ему в лицо:

– Останови это сейчас же, или, клянусь, прикажу солдатам тебя расстрелять.

Пол не мог поверить, что этот человек еще в состоянии держаться на ногах. Здоровая сердечно-сосудистая система Норта сохранила ему жизнь гораздо дольше, чем предполагалось. Ум Бреннера лихорадочно нашаривал какой-нибудь способ выиграть время.

Периферийным зрением он увидел Натали, входящую в холл вместе с Мэтью. Попытался отвести взгляд, но опоздал – Норт уже заметил их.

– Сначала я казню пацана. Можешь полюбоваться. – Министр хватал воздух ртом. Выпустив Пола, он повалился грудью на стол, тяжело дыша. – Майор...

Сглотнув, Пол обернулся к троем военным:

– Стоп. Майор, полагаю, вы присягали защищать эту страну от врагов и внешних, и внутренних. Именно это я и сделал. Тридцать минут назад министр принуждал меня использовать «Преемственность», чтобы казнить миллионы наших собственных граждан.

– Он лжет!

– Он не лжет, – возразил тощий программист. – Мне Норт отдал такой же приказ. Я тоже его не выполнил. Коды доступа я взломал несколько дней назад. Но врал, что нет.

Министр покачал головой, глядя на Пола с омерзением:

– Дурак. Ты погубил нас всех... Когда придут «Иммари», они перебьют нас поголовно.

Солдаты медленно опустили винтовки. Пол вздохнул, глядя, как Терранс Норт в агонии валится на пол и выпускает дух. В самый первый раз Бреннер отнял у человека жизнь – и надеялся, что в последний.

*

Потирая виски, Пол смотрел из окна, когда расщепленная дверь кабинета со скрипом отворилась.

Вошедшая Натали минутку постояла рядом с ним, глаза на военное оцепление вокруг здания, и наконец спросила:

– Чем я могу помочь?

– Мы в сложном положении. Зависит от того, что Белый дом предпримет дальше. Морпехи в «Преемственности» последуют за

майором Томасом, в настоящий момент поддерживающим меня, но если администрация прикажет атаковать здание, долго нам не продержаться.

– Так что...

– Нужно забрать Мэтью отсюда. Да и вы мне здесь тоже не нужны.

– Как? Куда же нам податься?

– Районы Орхидеи небезопасны. Как и города. Пожалуй, раз на то пошло, то и доро́ги. У моей бабушки есть хижина в горах Северной Каролины. – Пол отдал ей карту с прочерченным маршрутом. – Берите Мэтью и нескольких морпехов и отправляйтесь туда как можно скорее. Здесь кладовые по-прежнему почти полны. Берите продукты и воду, сколько сможете забить в джип, и уезжайте, пока гром не грянул.

– А как же...

– Вам звонок, сэр, – заглянула в дверной проем секретарша Пола Сьюзен.

Пол замялся. А вдруг это «тот самый» звонок: сдавайся или становись к стенке?

– Это...

– Это ваша бывшая жена.

Его тревога уступила место изумлению.

На лице Натали отразилось даже большее изумление.

Пол поднял палец.

– Да, моя бывшая жива и, ну,
и

я не общался с ней много лет. – Он обернулся к Сьюзен: – Скажи, что я не могу говорить...

– Она говорит, что это важно. Она явно напугана, Пол.

Выйдя в приемную, ученый взял трубку и замешкался, не зная, с чего начать. Наконец буркнул:

– Бреннер. – Это прозвучало куда жестче, чем он намеревался.

– Привет, это... м-м... Мэри, я... извини, что звоню...

– Ага, Мэри, сейчас... в самом деле момент неподходящий.

– Я кое-что обнаружила, Пол. Радиотелескоп поймал сигнал. Упорядоченный. Какой-то код.

– Что еще за код?

Когда разговор окончился, Пол повесил трубку и поглядел за окно, на солдат, ожидающих перед зданием. Нужно покинуть Атланту, а то и страну, и если код настоящий, это может изменить ситуацию в корне. Он может иметь отношение к заговору Атлантиды, хотя Пол пока не понимал, какое именно. Момент его появления – как раз тогда, когда чума была излечена – отнюдь не случайность.

– Майор, если только мы сможем отсюда выбраться, сумеете ли вы раздобыть мне самолет? – обратился он к морпеху.

*

Три часа спустя Пол стоял в кабинете Мэри, пытаясь вникнуть в то, что она рассказывала.

– Стоп, – поднял он ладонь. – Так это один код или два?

– Два, – ответила женщина. – Но это может быть одно и то же послание, зашифрованное в двух разных форматах...

– Больше ни слова, Мар! – Джон Бишоп, коллега Мэри, положил ладонь ей на запястье, вперив взгляд в Пола. – Сперва перетрем по делу.

– Что?

– Мы хотим десять миллионов долларов. – Джон помолчал. – Нет, сто миллионов! – Он нацелил указательный палец на стол. – Seriously. Сто «лимонов», сию же секунду, или мы удалим эту штуку.

– Он что, под градусом? – озадаченно поглядел Пол на Мэри.

– Еще под каким!

Пол коротко кивнул морпеху, и тот вместе с другим военным выволок лежащего и вопящего Джона из комнаты.

Теперь, когда они остались наедине, выражение лица Мэри изменилось.

– Пол, я благодарна тебе за приезд, честное слово. И удивлена. Вообще-то я просто надеялась выбраться отсюда.

– Выберемся. Так что же это за код? – Он указал на экран.

– Первая часть двоичная. Просто числа – местоположение Земли относительно центра Галактики и нашей Солнечной системы.

– А вторая?

– Пока не знаю. Это последовательности из четырех чисел. В первой только две цифры – ноль и один, включено и выключено. По-

моему, вторая последовательность может быть фотографией или видео.

– Почему?

– СМΥК. Циан, маджента, желтый, черный. Это точный способ передать изображение высокого разрешения или видео

[2]

. Изображение может быть посланием или даже вселенским приветом. Или инструкцией, как передать ответное сообщение.

– Угу. Или вирусом.

– Это возможно. Об этом я не подумала. – Мэри прикусила губу. – В первой части сообщения двоичный код поддавался расшифровке. Это показывает, что мы освоили двоичную арифметику, что мы можем хранить СМΥК-изображение как компьютерный файл, но я не вижу, как это может...

– Нет, я имел в виду настоящий вирус, ДНК-вирус. АТГЦ. Аденин, тимин, гуанин и цитозин – вот четыре нуклеиновых основания, образующих ДНК. Или РНК, если тимин заменить урацилом. Этот код может быть геномом. Может быть, целой формой жизни или генной терапией.

– О! – подняла брови Мэри. – Ага. Может быть. Это... интересная гипотеза.

– А может, их ДНК составлено из других нуклеиновых оснований... – Пол в глубокой задумчивости побрел прочь.

– А ты... думал об этом, прежде чем решил прилететь сюда? – оглянулась Мэри.

– Нет.

– Тогда...

– Я думаю, этот сигнал может быть связан с Чумой Атлантиды, а может, и с войной, которая могла уже начаться, пока мы тут говорим.

– О. – Мэри помолчала. – Ого.

– Нам нужно кое с кем поговорить. Вероятно, она единственный человек на земле, способный сказать нам, что делать.

– Замечательно. Давай позвоним...

– Спутниковые телефоны больше не работают.

– Неужели?

– Нам придется отправиться к ней. Во время последнего нашего разговора она была в Северном Марокко.

*

В тысяче двухстах футах ниже уровня моря, близ побережья северного Марокко Дэвид Вэйл сидел за металлическим столиком, уставившись на мигающие слова на стенной панели.

Хирургическая операция выполняется...

Таймер обратного отсчета отщелкивал секунду за секундой.

3.41.08

3.41.07

3.41.06

3.41.05

Но Дэвид был в состоянии думать лишь об одном числе. 39 %. 39 % вероятности, что Кейт переживет хирургическое вмешательство.

Глава 9

Оперативная база «Иммари» «Призма»

Антарктида

Арес сидел в глубине ситуационной комнаты с Дорианом и начальником оперативного управления, когда к ним подошел аналитик.

– Сэр, пришел ответ китайцев.

– И?..

– Они говорят: «Не может быть мира с врагом, покушающимся на плотину «Три ущелья»

[3]

. Китайская стена удерживала варварских захватчиков не одно столетие. В этот раз будет то же самое...»

– Довольно, – поднял руку Арес. – Для справки: простого «нет» было бы достаточно.

– Вообще-то, сэр, мы рассматриваем это как вступление к переговорам, возможно, обозначение переговорной позиции – намек на то, что им требуется, чтобы вступить в диалог. Если мы отдадим плотину «Три ущелья», то может быть...

– Хватит болтать. Вы повергаете всех слушающих в ступор. Это было требование
безоговорочной
капитуляции.

– Разумеется, сэр, – кивнул аналитик.

*

Несколько минут спустя аналитик вернулся. На сей раз, избегая встречаться взглядом с Аресом, он положил листок перед Дорианом.

– Американский ответ, сэр.

И удалился, прежде чем Слоун успел поднять на него глаза.

Схватив листок, Дориан прочел единственное слово. Уголки рта его искривились. «Глупцы.

Нет.

Храбрые глупцы».

Он отдал листок Аресу.

– «Дудки», – прочел тот единственное слово. – И что же сие означает?

– Это историческая аллюзия.

Арес воззрился на Дориана.

Слоун усмехнулся, наслаждаясь тем, что на этот раз для разнообразия ответ замалчивает он, решив отплатить Аресу его собственной монетой.

– Боюсь, ты недостаточно ориентируешься в истории, чтобы понять.

– Пожалуй, ты мог бы облагодетельствовать меня уроком истории, Дориан. Если только я не прошу слишком многого.

– Вовсе нет. Мы ведь на одной стороне. Как тебе известно, для нас категорически важно делиться информацией друг с другом. Ты разве не согласен?

Арес тарашился на него.

– Так, поглядим... В тысяча девятьсот сорок четвертом году, во время Второй мировой войны при сражении в Арденнах, Сто первая воздушно-десантная дивизия оказалась осаждена в бельгийском городке Бастонь под обстрелом тяжелой артиллерии немцев. Она получила от немецкого командования требование о капитуляции. Люди изголодались, устали, у врага было подавляющее огневое превосходство. Положение было безнадежным, но ответ был лаконичен: «Дудки!»

Арес продолжал тарашиться с выражением нетерпеливого ожидания.

– Немцы забросали город снарядами, практически сровняв его с землей. Но американцы держались. Менее недели спустя к ним пробилась Третья армия Паттона. Союзники одержали в войне победу.

– И что же это означает, Дориан? – Атлант стиснул зубы.

– Это означает, что они готовы биться до последнего.

– Быть посему. – Арес направился к двери. – Твое племя крайне глупо, Дориан.

«Да, – мысленно согласился Слоун. – Но они доблестные глупцы». Эта разница была важна для него. И в этот миг он ощутил необъяснимую гордость таким ответом при всем его безумии.

*

Дориан почти задремал, когда в ситуационной комнате затрещонил сигнал тревоги.

– У нас гости, – доложил один из техников. – Свыше сотни самолетов.

Громадный экран в центре комнаты переключился на карту Антарктиды и Атлантического океана вокруг. В синем море, почти у самой белой дуги вокруг базы «Иммари» пульсировали светло-зеленые точки. Флот «Альянса Орхидеи», состоящий в основном из

американских, британских, австралийских, японских и китайских авианосцев и эсминцев, подбирался все ближе к этой черте, но ни одно судно не пересекло ее. Более мелкие желтые точки, обозначающие самолеты, помигивая, тянулись к белому континенту.

– Все корабли еще вне сектора обстрела рельсотронов, сэр. Самолеты только что вошли. Дать залп?

– Когда они смогут открыть по нам огонь? – осведомился Арес.

– Через пять минут.

– Запустите беспилотники, – распорядился атлант.

– Беспилотники? – обернулся к нему Слоун.

– Терпение, Дориан.

Изображение изменилось. Три из мелких зеленых точек отделились от флота, двинувшись на юг, через белую черту.

– Три эсминца идут на сближение. – Техник помолчал, изучая изображение. – Мы можем накрыть их головной батареей рельсотронов, сэр.

– Через какое время эсминцы смогут открыть огонь по нашим орудиям?

Техник поработал с клавиатурой.

– Двадцать минут. От силы тридцать.

– Не обращайтесь на них внимания, – приказал Арес.

Прошло две минуты, за которые никто и словом не перемолвился. Дориан чувствовал зависшее в комнате гнетущее напряжение.

От флота отделилась другая группа желтых точек – целые сотни, будто песок в песочных часах, падающий сквозь линию огня к белой материковой массе и базе «Иммари».

– Вторая волна самолетов. На этот раз триста... нет, четыреста. – На лице техника промелькнула тревога. – Они запустили крылатые ракеты. Нам надо...

– Не стрелять!

Дориан вытаращился на Ареса. Что он задумал? Рельсотроны в состоянии перестрелять самолеты, но не их груз. Если первая волна самолетов выпустит ракеты, база «Иммари» будет практически беззащитна. И даже если удастся пережить первый залп и сбить эти самолеты, энергетический ресурс рельсотронов ограничен, а на перезарядку уходят многие часы. Нужно открывать огонь сейчас же.

– Покажите телеметрию беспилотников, – велел Арес.

Правая часть огромного экрана превратилась в мозаику картинок, показывающих видео американских, индийских и британских самолетов вдалеке. Три видеоблока были просто черными прямоугольниками.

– Три беспилотника сбили.

Два головных самолета выпустили ракеты.

– Атакующие ракеты, – повернулся техник к Аресу и Дориану. – Нацелены на батареи рельсотронов. Мы могли бы...

– Довольно, – поднял ладонь Арес. – Разворачивайте беспилотники. Продолжайте вести запись. – Пройдя в переднюю часть комнаты, он остановился перед группой. – Эту войну развязали они. А теперь мы ее закончим – самым гуманным образом из возможных, одним сокрушительным ударом, который отнимет у них всякую волю к борьбе.

Дориан шагнул к нему. «О чем это он толкует?»

Арес что-то выстучал на консоли у себя на запястье. Телеметрия беспилотников показала результат. Лед раскололи циклопические расселины, заполненные светом, и дальнюю правую часть экрана залила чернота.

Сотни желтых точек на карте, изображавших самолеты, погасли.

Карта мигнула и застыла.

Дориан уставился на нее, наконец-то осознав правду. Так вот зачем все эти буровые, зачем эти устройства, которые погребал Арес... Он расплавил лед по периметру Антарктиды, за пределами базы «Иммари», ближе к флоту. И беспилотники. Фотографии и видео. Он попытается использовать их как доказательство, что начал войну и спровоцировал потоп как раз «Альянс Орхидеи». Поверит ли этому мир? Сколько льда расплавил атлант? На мир хлынул потоп эпических масштабов.

Арес назвал это «гуманным способом». Дориан этого мнения отнюдь не разделял.

Глава 10

Посадочный модуль «Альфа»

На глубине 1200 футов ниже уровня моря

Близ северного побережья Марокко

– Есть хотите? – поинтересовался Мило.

– Нет. – Дэвид и сам не знал, правда это или нет.

Парень кивнул.

– Ты ступай, – проронил Вэйл глухим голосом, уткнув взгляд в пол. – Прихвати чего-нибудь на обратном пути. Может, она будет голодна, когда все закончится...

– Разумеется.

Дэвид даже не заметил, как Мило удалился. Вроде как моргнул, а юноши уже нет. Он лишь смутно осознавал, что сидит за металлическим столиком, возносящимся из пола в адаптивной исследовательской лаборатории, где они с Мило нашли Кейт. Два стеклянных резервуара высились посреди помещения, а рядом с ними мигали огоньки в цилиндрическом алькове, где таинственный корабль проводил Кейт хирургическую операцию.

Взор Дэвида потупился, комната померкла, а цифры табло обратного отсчета будто продвигались вперед неровными скачками.

3.14.04

2.52.39

«Что со мною происходит?»

Уронив голову на стол, Дэвид поглядывал на табло лишь время от времени.

2.27.28

Вернувшийся Мило сидел за столом, разложив перед собой ряд пакетов. Задал вопрос. Потом другой.

2.03.59

1.46.10

1.34.01

1.16.52

0.52.48

0.34.29

Мило сидел молча.

Встав, Дэвид принялся выхаживать по комнате, не сводя глаз со счетчика.

0.21.38

0.15.19

0.08.55

Хирургическая операция завершена.

Слова эти помигали минутку, а затем сменились новыми. При их виде Дэвид с облегчением перевел дыхание, а Мило бросился к нему в объятия.

Вероятность выживания: 93 %.

Послеоперационные реанимационные процедуры инициированы.

Поддерживается искусственная кома.

Время до завершения: 2.14.00.

Дэвид не учел, что может быть и послеоперационный период, ведь еще ни разу прежде любимого им человека не оперировал античный инопланетный корабль атлантов. Надо бы после запостить это в блог – для всех остальных, кто может пройти через подобное. Его ухмылка стала шире. Вскруживший ему голову восторг дошел до полной дурашливости. Надо бы собраться с мыслями...

– «Альфа», что последует за послеоперационными процедурами?

– Процедура будет завершена.

Дэвид бросил взгляд на армейские пайки «Иммари» и вдруг понял, что голоден как волк. Схватив ближайший пакет, вскрыл его.

– Ты ел?

– Вас ждал.

– Налегай, – тряхнул головой Дэвид. – Должно быть, оголодал совсем.

Мило набил рот из ближайшего пайка, даже не прочитав этикетку.

– Подогреть не хочешь? – осведомился Вэйл.

Перестав жевать, парень с набитым ртом проговорил:

– А вы разве свою еду не холодной кушаете?

– Я-то да. Но это просто старая привычка.

– Потому что ваши враги могли бы увидеть огонь?

– Ага. А собаки могут учуять запах пищи. Лучше съесть ее холодной, быстро, а потом закопать остатки и передислоцироваться, если удастся.

– Мне нравится кушать свою еду, как вы, мистер Дэвид.

Оба умяли по два пайка.

Вэйл уже не замечал отсчета времени. Настроение совсем поменялось благодаря уверенности, что Кейт будет жить, хоть он и не знал, долго ли. Прогноз «Альфы», результат первоначального сканирования, составлял от четырех до семи местных суток. Они пересекут этот мост вместе. А пока ему довольно знать, что он снова сможет с нею говорить, будет держать ее в объятиях...

На него нахлынули воспоминания – мысли, которые он не допускал до своего сознания во время операции, словно рассудок загнал все воспоминания о ней на недостижимую глубину. День, когда они встретились, как они спорили в Индонезии за считанные часы до того, как он спас Кейт. Тяжелые ранения, полученные им в Китае. И тогда уже Кейт спасла его, практически вернув с того света.

Они шли друг ради друга на настоящие самопожертвования, ставили на кон все, когда ставки были предельно высоки. Это и есть любовь по определению.

В этот момент Вэйл понял: все, что Кейт делала в последнее время, было призвано защитить

его

. Но от чего?

Когда круглый тамбур распахнулся, Дэвид и Мило, как один, бросились туда.

И тут же расступились, давая дорогу выезжающему плоскому столу.

Открыв глаза, Кейт уставилась в потолок... в недоумении?

Но при виде Дэвида и Мило выражение ее лица изменилось. Она улыбнулась.

Мило переводил взгляд с Кейт на Дэвида и обратно.

– Я очень рад, что вы живы-здоровы, доктор Кейт. А теперь... мне нужно сделать кое-что наверху, – и поклонившись, он ретировался.

Проницательность юноши немало подивила Дэвида. Мило не уставал изумлять его.

Кейт села. Лицо ее посвежело, от кровотечения не осталось и следа, кожа ее буквально сияла. Дэвид заметил крохотный участок прямо за ухом, где «Альфа» сбрил ее волосы, чтобы получить доступ к мозгу.

Кейт поспешно прикрыла это место своей темной прядью и повернула голову, чтобы заслонить его.

– Как ты меня нашел?

– По энергопотреблению.

– Умно.

– А как же иначе. – Присев на жесткий столик, Дэвид обнял Кейт.

– Ты не сердисься...

– Нет.

– Почему? – с прищуром поглядела на него Кейт.

– У меня есть скверные новости. – Дэвид перевел дыхание. – «Альфа» сделал скан перед операцией над тобой. У тебя неврологическое расстройство, не помню, как называется. Ожидаемая продолжительность жизни... «Альфа» мог и ошибаться, но сказал, что от четырех до семи суток.

Кейт не выказала ни тени эмоций.

– Ты знала?

Она лишь молча смотрела на него.

Спрыгнув со столика, Дэвид встал лицом к лицу с ней.

– И давно?

– Разве это важно?

– Давно?

– Наавтра после Чумы.

–

Уже две недели?!

– воскликнул Дэвид.

– Я не могла тебе сказать. – Соскользнув со стола, Кейт двинулась к нему через разделяющую их дистанцию.

– Почему?

– У меня осталось всего несколько дней. Если б ты знал, каждый день был бы для тебя сущей мукой. Так лучше. Внезапно. Когда меня не станет, ты сможешь двигаться дальше.

– Я не собираюсь двигаться дальше.

– Ты должен. Вот в чем твоя беда, Дэвид. Когда случается что-нибудь скверное, ты отказываешься двигаться дальше...

– Что с тобой происходит? Что это такое? – Он указал на резервуары. – Почему ты умираешь?

– Это сложно, – потупилась Кейт.

– А ты растолкуй. Я хочу услышать это – от начала и до конца.

– Это ничего не изменит.

– Это рассказать ты мне обязана. Расскажи.

– Ладно. Меня зачали в восемнадцатом году. Моя мать умерла от пандемии испанской инфлюэнцы, патоген которой мой отец, помимо своего ведома, выпустил в мир, когда откопал корабль атлантов, заваленный у побережья Гибралтара. Он поместил меня в трубу, где я оставалась, пока не родилась в семьдесят восьмом. А чего я долго не знала – и узнала лишь пару недель назад, – что эти трубы использовались для воскрешения ученых-атлантов в случае внезапной смерти.

– И ты одна из этих ученых.

– Что-то вроде того. Биологически я ребенок Патрика Пирса и Хелены Бартон, но обладаю

некоторыми

из воспоминаний одной из ученых экспедиции атлантов. И еще я не знала, что Янус...

– Второй член исследовательской группы атлантов.

– Да. Янус стер часть воспоминаний своей напарницы. Я получила лишь некоторые из них. Напарницу Януса убил Арес.

– Другой атлант.

Кейт кивнула:

– Полководец. Беженец с их уничтоженной родной планеты. Тринадцать тысяч лет назад у побережья Гибралтара он пытался уничтожить корабль ученых – этот самый корабль. Но тот лишь

раскололся пополам. Янус оказался в западне в отсеке, оказавшемся на марокканской стороне Гибралтарского пролива. Он жаждал воскресить свою напарницу, но у него был секрет, который я постигла лишь две недели назад.

– То есть?

– Он хотел возродить ее без некоторых воспоминаний.

– Испорченные файлы воскрешения.

– Да. Думаю, они о том, что она что-то натворила. Полагаю, это воспоминания о событиях, происходивших на родине атлантов, а может, в их экспедиции.

– К чему же скрывать эти воспоминания от его напарницы?

– Потому что они необратимо повредили ей, преобразили ее.

– А почему ты не знала об этих воспоминаниях прежде? Почему только сейчас?..

– По-моему, ее воспоминания присутствовали всегда, подстегивая меня, влияя на мои суждения. Мое решение стать исследователем аутизма, мое стремление изолировать ген Атлантиды – все это обретает смысл в свете этих подавленных воспоминаний. Но я думаю, они были активированы Чумой Атлантиды. Я смогла увидеть подавленные воспоминания только после последней вспышки.

Дэвид кивнул, побуждая Кейт продолжать.

– Атланты изолировали гены, управляющие старением. У исследователей дальнего космоса они отключены. Процесс воскрешения берет зародыш, затем имплантирует воспоминания и возвращает его до примерно моего нынешнего возраста.

– Затем ты выходишь из трубы, готовая начать с того места, где прервалась, – подхватил Дэвид.

– Правильно. Но со мной такого не случилось. Я была зародышем, плененным внутри тела собственной матери. Я получила воспоминания атланта – те, которые Янус хотел мне вернуть, но труба не могла развить меня до стандартного возраста. Я родилась, как человек, и жила человеческой жизнью. Я накопила свои собственные воспоминания. – Она улыбнулась. – В части их фигурируешь ты. А затем грянула Чума Атлантиды. Полагаю, излучение заново запустило процесс воскрешения, эволюционные компоненты. Этот процесс пытается перезаписать накопленные мной воспоминания, но дает сбой. В процесс воскрешения встроена отказоустойчивость. Если мозг

поврежден или воскрешение не удастся, труба уничтожает биологические ткани и утилизирует их. И начинает заново.

– Но ты не в трубе.

– Совершенно верно. Но прошитый процесс тот же самый. Мой мозг, а конкретно мои височные доли завершат работу через несколько дней – от четырех до семи, – а затем мое сердце остановится и я умру.

– А ты не воскреснешь?

– Нет. Трубы в этой части корабля уничтожены.

Перед мысленным взором Дэвида встала картина, как четыре трубы растрескиваются и рассыпаются по полу кучей белого праха.

– Так лучше. Если б я воскресла, то была бы в том же самом возрасте, с теми же самыми воспоминаниями и с тем же самым неврологическим расстройством. Исход был бы тот же самый. Я бы умирала несметное число раз.

– Чистилище. Как у атлантов в Антарктиде.

– Уж лучше так, – кивнула Кейт. – Я умру здесь и больше не воскресну. Очень мирно и покойно.

– Черта лысого!

– Тут я ничего не могу поделать.

– Так к чему же это все? – указал Дэвид на стеклянные резервуары.

– Я пыталась получить доступ к утраченным воспоминаниям в надежде, что они могут скорректировать мое состояние.

– И?.. – во все глаза уставился на нее Дэвид.

– От них ни следа. Должно быть, Янус их удалил. В толк не возьму, как именно – насчет хранения памяти воскрешения действуют строжайшие регламенты. Возможно, компьютерное ядро было повреждено во время теракта. Некоторые воспоминания испорчены. Я надеялась отыскать какие-нибудь подсказки на предмет врага, уничтожившего мир Атлантиды, врага, который однажды может явиться и на Землю. Это лучшее, чем я могла занять оставшееся у меня время.

– Неправда!

– А что я должна делать, по-твоему?

– Уйти.

– Я не могу...

– Я не стану смотреть, как ты умираешь тут, в лаборатории, плавая в сосуде, как какая-то подопытная крыса. Пойдем со мной...

– Не могу.

– Можешь. Послушай, я вырос на маленькой ферме в Северной Каролине. У меня примерно половина степени доктора философии по средневековой европейской истории, и я отличный стрелок. Вот примерно и все обо мне. Все это настолько далеко за рамками моего понимания, что теряется где-то за горизонтом, но я пройду эту дорогу до самого конца, куда бы она ни завела, – если только мы будем вместе. Я люблю тебя. По правде говоря, ты единственное существо, которое я люблю на всей этой планете. Мы можем уйти отсюда. Я могу позаботиться о тебе. Ты можешь умереть как человек. Мы можем насладиться временем, оставшимся у тебя, прожить каждый день на всю катушку.

– Не знаю...

– Да о чем тут думать?!

Кейт отступила от него.

– Я не собираюсь удирать, чтобы увянуть и умереть. Я хочу сражаться. Я собираюсь продолжать. Я сделаю, что могу, чтобы помочь людям. Вот почему я стала ученым. Вот чему я посвятила свою жизнь и не отступлюсь в свой последний час ради парочки дней комфорта. Вот чему я хочу посвятить свои последние часы.

– А умереть с достоинством? Провести оставшееся время со мной?

– Этого я тоже хочу.

– Я могу вытащить тебя отсюда силком, если тебе будет от этого легче.

– Я тебя не боюсь, – улыбнулась Кейт.

Не удержавшись, Дэвид тряхнул головой и расплылся в улыбке.

– Хочу тебе напомнить, что я вышколенный убийца.

– Я боюсь только необученных убийц.

Он почти помимо воли рассмеялся.

– Невероятно. Послушай, единственное, о чем я прошу, – это чтобы ты обдумала возможность уйти отсюда. «Иммари» разбиты. Чума излечена. Ты отдала довольно. Утро вечера мудренее. Давай поговорим об этом поутру, и надеюсь, мы уйдем вместе.

Дэвид двинулся к дверям.

– Ты куда?

– Мне нужно на свежий воздух.

*

Пол смотрел на бурлящие тучи в иллюминатор, гадая, ураган это или всего лишь сильная буря. Налетел дождь – сперва порывами, а затем сплошной пеленой воды, толкавшей самолет вниз, заливая двигатели и швыряя Пола, Мэри и троих военных туда-сюда.

Самолет вильнул и снова ухнул вниз, подбросив Пола так, что ремень безопасности больно врезался в живот. Он почувствовал, как ладонь Мэри ложится на его руку, и крепко ее пожал, гадая, удастся ли им дотянуть до Марокко.

Глава 11

Посадочный модуль «Альфа»

На глубине 1200 футов ниже уровня моря

Близ северного побережья Марокко

Если прежде в уединении нуждалась Кейт, то теперь настал черед Дэвида.

Шагая по тесным коридорам корабля и поднимаясь на лифте в сырую темную штольню, ведущую на поверхность, он старался не думать, но помимо воли мысли его то и дело обращались к неизбежному решению: остаться или уйти.

Решение остается за Кейт, и каким бы оно ни было, Дэвид понимал, что останется с ней рядом до самого конца, несмотря ни на что.

И только уповал, что конец этот придет не здесь – в этом холодном, темном, чуждом месте. Ему представлялось, как они сидят рядышком у камина в доме его родителей – он читает, она задремывает в его объятиях, как они отсыпаются чуть не до полудня, не спеша никуда и ни ради кого, и все им до лампочки. Они это заслужили. Они свой долг выполнили.

Полнейшую тьму круглой штольни нарушал лишь блеклый свет звезд, и в конце концов Дэвид вышел из нее на залитый лунным светом

склон горы. На поддонах у входа стояли несколько ящиков припасов, некоторые коробки были вскрыты и частично опустошены Дэвидом и Мило, питавшимися этими пайками. Берберы, контролирующие Северное Марокко, регулярно их снабжали, чувствуя себя в долгу перед Дэвидом, который помог им захватить базу «Иммари» в Сеуте. Вдали переливалась огнями обширная база. Прожекторы на сторожевых башнях обшаривали своими лучами периметр. Дальше сияли огоньки административных и жилых зданий.

Из-за сияния луны и ярких огней базы Дэвид едва не прозевал Мило, сидевшего за самым дальним ящиком.

Подросток сидел, скрестив ноги и закрыв глаза. На миг Вэйлу показалось, что тот спит, но тут юноша медленно открыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Тебе бы стоило поспать, Мило.

– Я бы с радостью. Но мой рассудок отказывается сотрудничать. – Он встал. – А доктор Кейт? Она будет жить?

– Толком не знаю...

– Пожалуйста, поведайте мне.

– Она говорит, что не поправится. Говорит, «Альфа» выдал правильный диагноз.

Мило отвел взгляд.

– И вы ничего не можете сделать?

– Порою не остается ничего иного, как наслаждаться оставшимся у нас временем. В этом нет ничего дурного.

После этого ни тот ни другой не обменялись ни словом. Просто лежали навзничь, глядя на звезды.

Так прошел час, а может, и больше. Дэвид утратил счет времени. Он уже задремывал, когда Мило вдруг нарушил молчание.

– Вы останетесь здесь?

– Надеюсь, нет.

– А куда?

– В Америку.

– В ваши края?

– Угу. В Северную Каролину. Где я вырос. Если она поедет.

– Я хочу увидеть Америку, – обернулся к нему Мило. – Вот почему я выучил английский.

– Ты должен обязательно туда съездить.

До слуха Дэвида донесся треск сломавшейся вдалеке ветки. Насторожившись, он прислушался. Больше не донеслось ни звука.

– Мило, это радио еще у тебя? – прошептал Вэйл.

– Да, – юноша похлопал себя по боку.

– Ступай вниз. И не выходи, пока я тебя не вызову.

Мило прищурился, потом кивнул и бесшумно скользнул с терраски у вершины холма обратно в темную штольню.

Дэвид скрылся за ближайшим ящиком, взявшись за кобуру. Шаги смолкли, но кто-то здесь еще есть. Вэйл чувствовал это кожей.

*

Добравшись до их с Дэвидом спальни, Кейт почувствовала себя вымотанной до предела. Она даже не представляла, то ли это последствия хирургического вмешательства, то ли суток экспериментов напролет. А может, из-за того, что наконец-то избавилась от секрета, который так долго таила от Дэвида... Она рухнула на кровать совсем рядышком со струйкой крови, засохшей на подушке и простыне. Медленно стянула простыни и наволочку, швырнула их на кровать каюты через коридор напротив и постелила свежие простыни.

И уснула, едва голова ее коснулась подушки.

*

Еще не открывая глаз, Кейт сразу же поняла, что постель пуста. Узкие койки команды не предназначены для двоих, и в них куда теплее, когда и она, и Дэвид в постели. И все же, протянув руку, коснулась пустого места там, где должен был лежать он.

И в этот миг пришла к решению.

Она проведет свои последние дни с Дэвидом там, где он захочет. Это и ради него, и ради себя самой.

Женщина закрыла глаза снова, и пришедший сон был лучшим с тех пор... как она себя помнила.

*

Ожидание оказалось скверной стратегией. Дэвид заключил, что человеку на опушке известно его приблизительное местонахождение и что тот может быть не один.

Он уже собрался было метнуться к следующему ящику, когда в ночи разнесся зычный, знакомый Дэвиду голос:

– Приятно видеть, что твои инстинкты не притупились.

Поднявшись, Дэвид увидел появившуюся на опушке Соню – вождя берберского племени, контролирующего сейчас Сеуту. Лицо у нее было довольное.

– Могла бы сообщить о своем приходе.

– Как и ты, я предпочитаю фактор внезапности.

Дэвид улыбнулся, оценив ее упоминание о его внезапной атаке и захвате базы «Иммари» – опираясь на помощь ее самой и ее племени.

– По-моему, вы прямо-таки завалили нас припасами, – указал он на ящики.

Шаловливая улыбка Сони померкла.

– В свете грядущего – нет.

Дэвид бросил взгляд в сторону базы. Да, огней больше, чем требуется для обычного ночного дозора. Они готовятся к атаке.

– Когда?

– Со дня на день. Быть может, даже завтра. Если шпионы правы, контратака «Иммари» будет глобальной. Война на всех материках.

– Как? Я думал, с ними покончено.

– Они консолидировали свои силы. И привлекают новых приверженцев. Начали захватывать электростанции и продуктовые склады по всей планете.

– Это что, шутка?

– Многие не хотят возвращения прежнего миропорядка. И альтернатива «Иммари», их мировоззрение многим импонируют.

Дэвид снова оглядел базу.

– Но вы готовитесь не к обороне базы. Вы планируете атаку.

– «Иммари» перебрались в горные области, – кивнула Соня, – пытаются занять высоты, где смогут продлить сражение. Испанцы планируют потеснить их к морю, в сектор обстрела наших рельсотронов. Мы можем прикончить их, вынудить сдаться – при условии, что сумеем удержать здесь позиции.

– Хороший план, – кивнул Вэйл.

– Это часть более обширного плана. «Альянс Орхидеи» обдумывает последнее наступление, чтобы покончить с «Иммари» раз и навсегда. – Она указала на самолет, стоящий на взлетной полосе. – На заре я отправляюсь в Америку. Я буду представителем Северной Африки.

– Представителем на чем?

– На всемирном военном совете.

Дэвид начал догадываться, к чему она подбирается.

– Прими мои поздравления, – бросил он, отворачиваясь.

– Я надеялась...

– Что я буду заправлять в Сеуте в твое отсутствие.

– Ты мог бы спасти немало жизней – снова.

Взгляд Дэвида задержался на темном коридоре, ведущем к кораблю и Кейт.

– Не могу.

– Из-за женщины, ради спасения которой ты сюда и прибыл?

– Да. Она больна. Я ей нужен.

– Смотреть, как страдает любимый человек, – худшая пытка на свете. Если останешься здесь, тебе надо забрать припасы вниз. Я не знаю, сколько продлится наступательная операция.

– Мы подумывали провести ее последние дни в Америке. – Дэвид оглянулся на взлетную полосу, на самолет, который он собственноручно пилотировал от Мальты до Сеуты. – Но если ты берешь самолет...

– Я вас подброшу, – улыбнулась Соня. – Это самое малое, чем я могу отплатить за то, что ты сделал для моего народа.

– Буду весьма признателен.

Пошел дождь, и оба уставились в пространство. Ливень будто набирал силу с каждой секундой.

– Похоже, зарядило по-крупному, – заметил Дэвид.

Соня резко повернула голову, словно что-то услышала.

Вэйл подобрался к ней поближе, заняв оборонительную стойку.

Она прижала палец к наушнику.

– К нам летит самолет. Американский военный транспорт запрашивает разрешение на посадку. Человек на борту называет себя доктором Полом Бреннером. Он хочет говорить с доктором Уорнер. Говорит, что она может подтвердить его личность.

Дэвид поразмыслил над этим требованием. Он ни разу не встречался с Полом Бреннером и не представлял, как может удостоверить его личность. В свете надвигающейся войны не исключена возможность, что на том конце может быть самозванец-«Иммари», уповающий проскользнуть на самолете мимо рельсотронов и нанести удар по базе.

– Спроси его, как доктор Уорнер излечила чуму.
Несколько секунд спустя Соня передала ответ Бреннера:
– Он говорит, это вопрос с подвохом. Он не знает. Знает только, что она что-то нашла на Мальте и передала это ему в «Преемственность». Он хотел бы задать ей тот же самый вопрос.
– Спроси его, не за этим ли он прилетел.
– Нет, – сказала Соня. – Он говорит, это связано с кодом на радиоспутнике, что это может иметь отношение к находкам в Гибралтаре и Антарктиде.
Вэйл нахмурился. Дождь уже полил как из ведра.
– Хочешь, чтобы мы дали ему от ворот поворот?
– Нет, – возразил Дэвид. – Пускай садится. Но стерегите его. Пусть его приведут сюда несколько человек. Внутрь не пускайте. – Почему-то ему казалось, что лучше к кораблю никого не подпускать. – Я выведу Кейт наверх.

Глава 12

Посадочный модуль «Альфа»

На глубине 1200 футов ниже уровня моря

Близ северного побережья Марокко

Дэвид на цыпочках прокрался в спальню, хоть это и не требовалось, и уселся на стул перед столиком лицом к кровати.

– Я же вижу, что ты не спишь.
– И откуда это тебе всегда известно? – Кейт села в постели.
– Ты чуть усмехаешься, будто скрываешь что-то. Шпион из тебя вышел бы просто ужасный.

Кейт задержала эту хитрую усмешку, которая ему так нравится, еще на пару секунд. А потом она погасла, и в комнате вдруг будто воцарился вакуум.

– Я приняла решение.

Дэвид потупил взгляд.

– Северная Каролина звучит привлекательно.

– Так и будет. И мы будем там счастливы.

– Я знаю. Понимание, что времени у меня осталось немного, дало мне возможность увидеть перспективу, напомнило о том, что важно. Это ты. Но у меня... две просьбы.

Вэйл ощутил, как под ложечкой чуточку засосало.

– Валяй, выкладывай.

– Первая – насчет тех двух мальчиков, которых взяли из моей лаборатории. Я оставила их у одной четы в Испании, когда «Иммари» оккупировали Район Орхидеи в Марбелье. После... когда я уйду, найди их и позаботься об их безопасности и чтобы они ни в чем не знали недостатка.

– Позабочусь. А вторая просьба?

Когда Кейт закончила изложение, Дэвид уставился на нее, раскрыв рот.

– Ничего себе задачка!

– Я пойму, если ты скажешь «нет».

– Я говорю «да». Я это сделаю, даже если это будет стоить мне жизни.

– Надеюсь, что нет.

*

По сравнению с полетом и посадкой самолета поездка в джипе по ухабам марокканских гор показалась Полу увеселительной прогулкой. Они с Мэри расположились на заднем сиденье, а двое марокканских бойцов сели спереди. Они заставили военный эскорт Бреннера остаться у самолета, и военные просто-таки испепеляли берберов взглядами, сжимая в руках винтовки, и это так напоминало картины Второй мировой войны, что Полу от них стало куда более не по себе, чем от чудовищного ливня и отчаянной езды.

Вдали раздался раскат грома, едва не оглушивший Пола.

Он оглянулся, но дождь застил происходящее. Однако та малость, которую удалось разглядеть, ужаснула его. Из океана вознеслась двадцатифутовая волна, хлынувшая на широко раскинутую военную базу. И еще одна. Она что-то несла. Пол вгляделся. Это похоже... на круизный лайнер. Судно закружилось на гребне волны, будто пластиковая игрушка, выброшенная на берег прибоем. И врезалось в базу, сокрушая все на своем пути.

Во рту у Пола пересохло.

Вода залила грунтовую дорогу, и взбирающийся в гору джип забуксовал, теряя сцепление.

– Сбросьте газ! – крикнул Бреннер.

Солдат вскинул винтовку, нацелив ее на Пола, и что-то крикнул. А водитель лишь надал ходу, и Бреннер знаками велел Мэри пристегнуться.

Не прошло и пяти секунд, как волна настигла джип и снесла его со слякотной дороги.

*

– И что же заставило тебя передумать? – поинтересовался Дэвид.

– Так, посмотрим... – Кейт сняла с себя сорочку. – По-моему, это могла быть часть насчет наслаждения оставшимся у нас временем.

Вэйл поцеловал ее, и она потянулась к его рубашке.

– Ты был очень убедителен, знаешь ли.

– Ладно... – Дэвид уже хотел было стащить рубашку, но остановился. – Погоди. Чуть не забыл. Пол Бреннер здесь.

– Что?!

– Ага, уж и не знаю, чего это ради. Нужно подняться наверх, поговорить...

Вдруг корабль содрогнулся, швырнув Дэвида через каюту в переборку. Кейт приземлилась на него сверху.

И тут же принялась ощупывать его голову – нет ли крови.

Широко распахнув глаза, Дэвид сильно потрянул головой. Слух и чувства вернулись к нему, и он снова смог собраться с мыслями.

– Я в порядке.

– По кораблю ударила взрывная волна, – проинформировала Кейт.

– Что? Откуда ты...

– Через свой нейроимплант.

Корабль снова содрогнулся, но на этот раз Вэйл был готов, одной рукой крепко уцепившись за столик, укрепленный на стене, а второй подхватив Кейт.

– Землетрясение? – крикнул Дэвид, перекрывая грохот.

– Нет. По-моему, это мины, которые британцы заложили в проливе. Что-то отбросило их вниз.

Корабль снова потрянуло, еще сильнее прежнего.

– Они уничтожают корабль, – сообщила Кейт. – «Альфа» не откликается.

– Пошли. – Дэвид помог ей подняться, и они начали пробираться по темным коридорам, пытаясь отыскать дорогу наружу.

*

Пол отвел волосы с лица Мэри, чтобы отыскать кровоточащую рану. Женщина открыла глаза, и он инстинктивно отпрянул.

– Я цела, – сообщила Мэри, устремив взгляд на пустые передние сиденья. – А солдаты?

– Нету. Вылетели.

Вода уже заливала пол автомобиля. Пол отстегнулся, а затем отстегнул ремень Мэри.

– Пол, что это?

– Без понятия.

– Ураган?

– Возможно, – согласился он в чаянии, что эта ложь ее успокоит.

Но по реакции Мэри сразу понял, что провести ее не удалось. Значит, она еще кое-что помнит с той поры, как была за ним замужем.

– Пошли, надо выбраться на высокое место.

Женщина схватила сумку со своим ноутбуком.

– Оставь его, Мэри.

– Не могу...

– Он все равно намок и будет лишь путаться под ногами. Надо идти.

Бреннер вытащил Мэри из джипа на дорогу, где на них стеной обрушился порыв ветра с дождем, сбив с ног и немного прокатив по слякоти, пока не утих.

Поднявшись на ноги, Пол впервые целиком охватил взглядом хаос, воцарившийся внизу, где считанные секунды назад была Сеута. Но увидев выражение лица Мэри, смог взять себя в руки настолько, чтобы схватить ее и, развернув, гаркнуть:

– Беги!

Глава 13

Теперь взрывы гремели куда реже, но Дэвид и Кейт все равно передвигались с осторожностью.

– Из-за чего это могло случиться? – спросил Вэйл.

– Например, цунами могло отбросить мины к кораблю.

В памяти Дэвида тут же ожил разговор с Соней. Цунами, да именно в момент глобального наступления «Иммари»? В совпадения он не верил.

– Это дело рук Ареса с Дорианом.

– Каким образом?

– Они расплавили льды Антарктиды. На том корабле есть какое-нибудь вооружение?

– Нет. Постой. Есть аварийные мины для астероидов и комет.

– Они могут расплавить лед?

– Несомненно. Кометы состоят в основном из льда.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю. – Чуть придержав шаг, Кейт на секунду задумалась. – Я знаю это, потому что она знала. Жуть какая...

Пассаж насчет комет выскочил как-то сам собой, будто собственные воспоминания. Прежде, когда она занималась излечением Чумы, ей приходилось сосредотачиваться на науке; вспоминать знания своей атлантической половинки ей удавалось лишь с трудом.

– Давай двигаться, – напомнил Дэвид.

Они побежали по коридорам, время от времени останавливаясь, чтобы опереться о переборки, когда корабль сотрясали взрывы.

На поверхности Дэвид мгновенно ощутил, насколько скверный оборот приняли дела. Уже должно было рассвети, но до сих пор царил почти непроглядная темень, а над головой не видно было ни единой звездочки. И звуки гибели и разрушения: грохот волн, разбивающихся о скалы под ногами, рушащихся вдали зданий и раскаты грома отдавались эхом в небесах и в груди.

Минутку они постояли, мигом окоченев от секущих струй дождя.

Дэвид наклонился к Кейт и крикнул едва слышно за всем этим гулом:

– Спускайся. Я мигом за тобой.

Он выбежал на террасу, миновав поддоны с припасами. У подножия горы на уровне моря разваливающиеся руины некогда могучей крепости Сеуты подвергались самому мощному штурму за всю свою историю.

База почти полностью скрылась под водой; над ней возвышались лишь несколько зданий, да и те стремительно рушились.

Реактивный самолет, который должен был унести их прочь, валялся кверху брюхом в нескольких сотнях футов от взлетной дорожки, тоже скрывшейся под водой.

Дождь сек лицо, и Дэвиду пришлось прикрыться, чтобы хоть что-то видеть.

Периферийным зрением он заметил какое-то движение. Мило и Соня. Они подбежали к нему, и все трое укрылись под деревьями на опушке. Ветер набирал напор, вынудив каждого ухватиться за дерево и держаться изо всех сил, чтобы устоять на ногах.

– Я поднялся поискать вас! – крикнул Мило.

– Молодец, сообразил, – отозвался Дэвид.

Соня наклонилась к его уху:

– Похоже, мы недооценили своего противника.

– Еще как!

За спиной Вэйл услышал нарождающийся шорох всасывания, будто поглотивший весь воздух вместе со звуками. Дождь почти прекратился. Сквозь тьму стала видна вздымающаяся стена воды, несущаяся к горе. Она накроет всю гору, унося с собой всё – и всех.

*

Пол почувствовал, как холодная вода подымается по ногам все выше, будто обратный отсчет времени, оставшегося до их с Мэри гибели.

Он попытался работать ногами быстрее, но это было все равно, что заниматься аэробикой на мелком месте горного озера.

Мэри начала отставать.

– Мне надо передохнуть, – пропыхтела она, склоняясь, чтобы отдышаться.

Пол прикинул расстояние до вершины горы. Ярдов двести, а то и триста.

Дождь почти перестал. Быть может, этому чудовищному шторму пришел конец. Но вода все поднималась, дойдя уже почти до коленей. Если она в конце концов спадет – может быть, удастся доплыть до суши, останавливаясь для отдыха на вершинах деревьев и плавающих обломках из Сеуты.

Но если вода накроет гору, единственное, что остается, – это соорудить плот из чего подвернется и попытаться высадиться на сушу

дальше в глубь материка. Но где же образуется новая береговая черта? В милях или даже сотнях миль от нынешней?

Вдруг из-за гребня докатился такой звук, будто сама Земля сделала глубокий вдох. Пол ощутил, как поднялся ветер в сторону моря.

– Пошли, – схватил он Мэри за руку и потащил ее к гребню, изо всех сил переставляя ноги в воде, поднявшейся до коленей. Это было единственное, что Бреннер мог сделать, увидев стену воды, катящуюся по морю.

На миг ему показалось, что Мэри собирается отпустить его руку, но она только уцепилась за нее еще крепче.

Пол бросил взгляд с горы в долину – та уже совсем затоплена. Можно броситься назад, погрузиться под воду, попытаться уцепиться за что-нибудь. Но что безопаснее? Бреннер не имел ни малейшего понятия.

Или можно добежать до вершины горы. Если волна накроет ее...

Он принял решение.

Потянул Мэри за руку, и она последовала за ним быстро, как могла, не говоря ни слова.

Поднажал, чувствуя, как ее силы убывают одновременно с его собственными.

В конце концов Мэри упала в воду, и Пол рывком вздернул ее на ноги.

– Не останавливайся, – проговорил он, обхватывая ее рукой вокруг талии, и почти понес, а ее шагающие ноги продолжали барахтаться в воде.

Впереди лес кончился и показался прогал. Не вершина горы, но...

Там мелькнули движущиеся фигуры, направляющиеся к скальному козырьку.

– Помогите! – крикнул Пол, выпустил Мэри, и она плюхнулась в воду на четвереньки. Он бросился вперед, размахивая руками в воздухе. – Эй!

Люди остановились, потом двое из них бросились к нему, рассекая воду с молниеносной быстротой. Мужчина был высокий, выше шести футов, и атлетически сложенный. Военный. Как и женщина, хоть и стройная, с темно-карамельной кожей.

Мужчина уперся плечом в живот Пола, взвалил его на себя, придерживая за ноги, и бегом бросился обратно к прогалине, лишь малость замедлив ход под добавочным весом. Бреннер заметил, как женщина точно таким же образом подняла Мэри и устремилась за ними по пятам.

Тощий подросток-азиат с коротко стриженными черными волосами выхватывал из больших ящиков, стоящих на прогалине, какие-то мелкие пакеты.

– Пора уходить, Мило, – окликнул его мужчина.

Он поставил Пола на ноги, а женщина отпустила Мэри. Затем их спасители бегом устремились к отвесной скале и... исчезли.

Азиатский юноша остановился перед ней и замахал рукой:

– Пойдемте! – после чего повернулся и прошел сквозь камень.

Бросившись за ним, Пол и Мэри тоже прошли сквозь стену – явно какую-то голограмму.

За ней было темно хоть глаз выколи, не считая крошечного желтого огонька в конце тоннеля, напоминающего прожектор далекого поезда.

– Пошли! – позвал голос впереди.

Пол снова схватил Мэри за руку, и они побрели сквозь тьму на подкашивающихся от усталости ногах.

Грохот нахлынувшей волны был просто оглушитель. Бреннер почувствовал себя будто в жерле пушки, из которой только что выпалили. Удар отбросил его и Мэри к левой стене. Они скатились на землю, а вода ринулась поверх них. Штольня уходила под углом вниз. Ее зальет...

Пол снова ощутил чьи-то руки и вдруг оказался на поверхности, пролетев через штольню на плече военного.

Желтый свет стал ярче, плеск воды громче, впереди разошлись двери, и они пятеро покинули штольню, оказавшись в каком-то лифте. Незнакомец нажал что-то на панели, двери быстро закрылись, но в лифте все равно осталось футов три воды. Впрочем, казалось, военному и дела до этого нет. Свет в лифте мигнул, кабина несколько раз дернулась. Возможно, отказывает электричество.

Пол привалился к стене, пытаясь оценить полученные травмы. Болело везде, все мышцы саднило, так что выделить какую-то конкретную хворь было затруднительно.

– Я Пол Бреннер, – сказал он, ни к кому в частности не обращаясь.
– Я предполагал такую возможность, – откликнулся военный. – А я Дэвид Вэйл.

– Спасибо вам за наше спасение... дважды.

– Нет проблем. – Мужчина поглядел на воду. – Я просто делал свое дело.

– А я Мило, – улыбнулся Полу подросток.

Двери лифта распахнулись, излив воду в сухой коридор, где стояла женщина. Бреннер узнал ее моментально. Он видел ее месяцами на видео клинических исследований во время Чумы Атлантиды, несколько раз разговаривал с ней по телефону, но до этой секунды ни разу не видел Кейт Уорнер лично.

Глава 14

Пол развернул хрустящие, сухие простыни, предоставленные Кейт, и начал стаскивать свои насквозь промокшие брюки и рубашку. Швырнул вещи на узкую койку и подушкой промокнул воду с тела. Он так вымок, что казалось, будто ему теперь никогда не просохнуть.

– Ты знал об этом?

Мэри, все еще облаченная в мокрую насквозь одежду, устремила на него пристальный взгляд, не обращая внимания на чистый комплект вещей, оставленный для нее на столе. Они находились вдвоем в тесной спальне, и голос ее заполнил собой все пространство.

– Да.

– Когда мы еще были женаты?

Пол понял, куда она клонит.

– Мне было известно об этом уже двадцать лет...

– Ты... знал об инопланетном корабле, погребенном под Гибралтаром, на протяжении двадцати лет, в том числе на протяжении всего нашего брака, и ни словечком не обмолвился об этом своей жене-астроному, сутками напролет искавшей хоть крошечку, хоть тень следа внеземной жизни?

– Мэри...

– Такое предательство и недоверие...

– Я принес присягу, Мэри. Я знал о существовании судна, но до сих пор ни разу в нем не бывал. Я ничего о нем не знал. И по-

прежнему не знаю. Моя роль в консорциуме «Преемственность» сводилась к борьбе с Чумой.

– А они как-то взаимосвязаны?

– Да. Чуму посеяло это судно, его сторожевое устройство. Оно было извлечено в тысяча девятьсот восемнадцатом году. – Пол примолк, увидев, что Мэри начала раздеваться. – Я подожду снаружи.

– Останься. Я хочу услышать это, пока мы с тобой один на один.

– Я мог бы...

– Да тут ничего такого, чего ты еще не видел, Пол.

Но Бреннер все равно отвернулся и почти физически ощутил, как Мэри улыбается его стеснительности.

– Так, значит, Чуму устроили те, кто строил этот корабль? – переспросила она.

– Да. Атланты проводили генетические эксперименты, направляя человеческую эволюцию в течение семидесяти тысяч лет – с самого момента катастрофического извержения Тоба, едва не повлекшего полнейшее вымирание человечества. Мы полагаем, что испанская инфлюэнца восемнадцатого года – результат ошибки с их стороны, и была вызвана излучением одного из их устройств, прозванного Колоколом. Кейт Уорнер – женщина, с которой ты только что познакомилась, – излечила чуму. Она дочь ветерана Первой мировой войны, нашедшего Колокол. Во время испанки он поместил ее мать, умершую во время эпидемии, в воскрешающую трубу в другой части этого судна. Родилась Кейт в семьдесят восьмом году. Ее отец бесследно пропал в восьмидесятых. Доктор Мартин Грей удочерил ее. Он был организатором и председателем совета директоров группы «Преемственность». Меня он завербовал в начале девяностых на конференции, в которой я принимал участие. Грей умер во время чумы.

– Ты доверяешь этим людям?

Пол оглянулся.

– Да. Ну, если точнее, то Кейт, а после спасения на горе, сказал бы, и остальным тоже.

– По-твоему, мы должны поделиться с ними тем, что нам известно?

– Несомненно. Тут все переплетено – «Преемственность», Чума, все то, над чем я всегда трудился...

Мэри на минутку примолкла.

– В таком случае, я бы сказала, оно того стоит.

Пол проводил взглядом Мэри, проследовавшую через двустворчатые двери в коридор.

Он тоже не сомневался, что оно того стоит – вплоть до этого мгновения.

*

Кейт просматривала результаты полного диагностического обследования, проведенного кораблем, когда Пол и Мэри вошли в конференц-зал в сухой одежде, которую она им дала.

Дэвид, Соня и Мило сгрудились в торце высокого стола, сортируя армейские пайки, оружие и боеприпасы. Первым делом Пол обратился к Дэвиду:

– Еще раз спасибо за наше спасение.

– Нет проблем.

– Мы хотели бы поделиться с вами кое-какими сведениями, ради которых, собственно, мы сюда и прибыли, – сообщил Бреннер, кивнув Мэри.

Представившись, та вкратце поведала о себе, что она радиоастроном, специализировавшийся на поиске и анализе признаков существования внеземной жизни.

– Около двух недель назад радиотелескоп поймал упорядоченный сигнал. Шифр.

– Это невозможно! – воскликнула Кейт.

– Я убедилась лично.

– У вас есть копия сигнала?

– Да. – Мэри продемонстрировала флешку. – Он состоит из двух частей. Первая часть – двоичная последовательность – состоит из двух чисел: точное местоположение Земли. Вторую часть составляет код из четырех значений.

Кейт попыталась получить доступ «Альфы» к бакену в надежде удостовериться в наличии сигнала.

Дэвид будто понял, что она делает, посмотрев на нее с выражением, словно говорившим: «Удели внимание нашим гостям».

Но не успела она и рот раскрыть, как встрял Пол:

– Почему вы сказали, что это невозможно?

– Двое ученых-атлантов, прибывших сюда сто пятьдесят тысяч лет назад, чтобы изучать пралюдей на этой планете, в рамках стандартной процедуры установили бакен, фильтрующий видимый нами свет и блокирующий все передачи на Землю и с Земли.

Заметив, что Мэри готова вот-вот расплакаться, Кейт осведомилась:

– Что стряслось?

– Ничего... просто моя душа коллапсирует, как нейтронная звезда,
– ответила Мэри.

Кейт сочла подобную метафору чересчур надуманной.

– А зачем они поставили бакен? Зачем эта игра в прятки? – полюбопытствовал Пол.

– Для защиты. Ученым было известно о ряде угроз, имеющих в Галактике...

– Какого рода... – начал было Дэвид, но Кейт его оборвала:

– Не знаю. Этого в моих воспоминаниях нет.

Прежде чем кто-либо успел поинтересоваться, доктор Уорнер растолковала, что по причуде судьбы родилась в 1978 году с воспоминаниями одной из ученых-атлантов – только теми, которые другой ученый, доктор Артур Янус, хотел оставить ей при воскрешении.

– Итак... – произнесла Мэри. – Эти ученые или вы...

– Только ученые, – поправила ее Кейт. – Я лишь видела воспоминания о том, что они сделали.

– Да, действительно. Бакеном они защищали нас или себя?

– И то и другое.

– Тогда как же пробился этот сигнал?

Кейт воспользовалась своей связью с «Альфой», чтобы подключиться к бакену. Орбитальная станция связи записала входящий сигнал и позволила ему пройти. Но обнаружилось кое-что и более удивительное.

– Это правда, две недели назад была передача. Исходящая. Послание, отправленное с бакена.

– Кем? – спросил Дэвид.

– Должно быть, Янусом, – предположила Кейт. – Когда вы с ним вошли в корабль атлантов, чтобы спасти меня. Когда Дориан спас Ареса.

– Ты видишь его передачу? – осведомился Дэвид.

– Нет. Должна бы, но доступ к сообщению отсюда ограничен. Почему – не знаю. Не исключено, что повреждения, полученные кораблем, повредили интерфейс.

– А что за другой сигнал? – поинтересовалась Мэри.

Кейт попыталась получить доступ к бакену, но и он был ограничен. Однако...

– Это послание атлантов.

– Как такое может быть? – удивился Дэвид.

– Не может.

Кейт разъяснила, что родина атлантов погибла пятьдесят тысяч лет назад и все выжившие в той войне искали убежища здесь, на Земле, под укрытием бакена, где враг не смог бы их отыскать. Сюда беженцев доставил генерал Арес, полководец атлантов. Арес присоединился к этим двоим ученым, тайно сговорившись с напарницей Януса контролировать человеческую эволюцию. В конечном итоге он предал ученых, убив напарницу Януса, а самого Януса ранив и заточив в ловушке.

– Значит, Янус передал сообщение кому-то – предположительно атлантам, – резюмировал Дэвид, – и, судя по всему, получил ответ – вот почему тот миновал бакен.

– Да, – согласилась Кейт.

– Есть какие-нибудь мысли по поводу того, от кого оно или что в нем? – спросил Дэвид.

– Нет, – проронила погружившаяся в размышления Кейт.

– Может, это союзники? – высказала догадку Соня. – Помощь?

– Планете она не помешала бы. – И Пол перешел к изложению своего приключения в группе, когда американское правительство пыталось воспользоваться «Преемственностью» для истребления людей, которых считало обузой – слишком слабым, чтобы сражаться или хотя бы постоять за себя. – Как я понимаю, остальные государства рассматривают тот же самый сценарий. Надо думать, всемирный потоп лишь сделает эту необходимость еще более настоятельной.

– Тут поневоле задумаешься, на чью сторону вставать в этой войне, – вымолвил Дэвид.

– Вот уж действительно...

– Какова наша ситуация здесь? – осведомился Вэйл у Кейт.

– Отчаянная. Корабль по большей части отключился. Главное компьютерное ядро накрылось. У нас есть аварийное энергоснабжение и связь, только благодаря этому я и получила доступ к бакену. Мы получили пробоины в корпусе по всему периметру. Штольня, ведущая на вершину горы, полностью затоплена.

– Если предположить, что хоть маковка горы еще возвышается над уровнем моря, нам придется ее проплыть...

– Нет, – ответила Кейт на невысказанный вопрос, прочтя его по лицу Дэвида, – кислородных баллонов тут нет. Есть уйма легких скафандров, но они в этих отсеках, – она вызвала на экран карту, – а те уничтожены взрывами.

– Мы в ловушке, – подытожил Дэвид.

– Почти. В другом конце корабля есть портал.

– Аналогичный тому, что в другой части, который был связан с кораблем в Антарктиде?

– Да. Этот портал предположительно может доставить нас в два пункта назначения – в Антарктиду или на бакен. Но доступ в Антарктиду отрезан с того конца.

– Все равно отправляться туда слишком опасно, – заметил Дэвид.

– Согласна. Арес узнает об этом в ту же секунду, когда мы переступим порог портала. Но мы можем отправиться на бакен. И если доберемся туда, то сможем увидеть сообщения и послать ответ.

– Идея мне нравится, – одобрил Дэвид. – Куда лучше, чем захлебнуться.

– Мне тоже. Но с проникновением в портал могут возникнуть... небольшие проблемы.

Глава 15

Оперативная база «Иммари» «Призма»

Антарктида

Через большое панорамное окно жилого отсека Дориан наблюдал, как команда «Иммари» разбирает белые сооружения в форме гусениц вкупе с остальной антарктической крепостью. Приказ Ареса свернуть

лагерь оказался почти таким же сюрпризом, как и его решение о том, как с ним поступить – попросту сбросить в океан.

Уже не первый час бригады рабочих разбирали рельсотроны, здание и все прочее, грузили части в целую эскадрилью самолетов на ледяной взлетно-посадочной полосе, чтобы те сбросили их в море.

«Зачем?» – недоумевал Дориан. Бессмыслица какая-то: сперва все это выстроить, а потом пошвырять в море.

Арес приказал Слоуну эвакуировать остатки личного состава в горы Южной Африки, где будет организован новый генеральный штаб «Иммари».

У него за спиной группка руководителей среднего звена, кретинов и ученых спорили по поводу деталей. Не видя смысла попусту терять время, Дориан уклонился от разговора еще в самом начале. Все их планирование коту под хвост. Они попросту выполняют распоряжения Ареса. Тот запланировал такую последовательность событий тысячи лет назад и не потрудился поделиться своими планами ни с одним из участников, не считая достойным даже Дориана.

– Если Панамский перешеек под водой, Атлантический и Тихий океаны снова объединились. Все наши модели неправильны. Глобальные морские течения...

«Их модели», – с усмешкой подумал Дориан.

– Более серьезен вопрос об оси. Нам известно, что вес льда на Южном полюсе наклоняет Землю. Если потеря его массы достаточна, ось сдвинется. Экватор переместится...

– Что приведет к дальнейшему таянию льда.

– Да. Возможно, вплоть до полного. Это может быть основанием для полной эвакуации.

– Не следует ли нам вызвать побольше персонала?

– Он не говорил...

– Это подразумевается нашими полномочиями. Возможна полная эвакуация с максимально возможной скоростью.

К Дориану подошел техник.

– Генерал Арес просил, чтобы вы присоединились к нему на корабле.

Слоуну отчаянно хотелось поведать «владыке Аресу», куда засунуть свои приглашения, но он просто направился прочь из комнаты.

*

Пятнадцать минут спустя он оказался в двух милях под поверхностью, внутри обширного корабля атлантов, в помещении, не виденном до сих пор ни разу. Стоя у терминала, Арес пробежал глазами текст на языке, Дориану совершенно недоступном.

– Я знаю, что ты мною недоволен, Дориан.

– Салютую твоему пристрастию к преуменьшениям.

– Я сегодня спас немало жизней.

– Правда? Не сомневаюсь, моя примитивная арифметика землянина не может даже свечку держать вашей продвинутой атлантской математике, но я считаю миллионы трупов, плавающих в ядовитом супе по всей планете,

утраченными

жизнями. Но чего там – это всего лишь я, твоя ничтожная пещерная ручная зверюшка...

Дориан ощутил, что Аресу хотелось дать ему нагоняй, дать сдачи, как тогда в коридоре, но атлант сдержался. «Я ему зачем-то нужен», – подумал Слоун.

– Я не открыл тебе свой план, потому что ты попытался бы меня остановить.

– Нет. Я бы тебя прикончил.

– Попытался бы. Вряд ли стоит говорить, что я спас вам жизнь – снова.

– Снова?

– Я учитываю свои генетические вмешательства, которые в первую голову и привели к формированию вашего вида. А теперь о деле. Мы правим миром, Дориан. Мы победили. Теперь мы сколотим армию и завоюем будущее. Там враг. Он рано или поздно найдет эту планету, это лишь вопрос времени. Вам не выжить, если мы не будем работать рука об руку. Мы можем спасти выживших в этом наводнении. Мы можем повести свой народ прочь с планеты, навстречу врагу, заставить его врасплох, завоевать свое право на существование во Вселенной. – Развернувшись, он зашагал прочь, давая Дориану время на осознание сказанного.

Когда Арес заговорил снова, голос его зазвучал вкрадчивее:

– Не сверши я того, что свершил сегодня, погибель на этой планете постигла бы каждого. Сегодня мы пожертвовали жизнями, но на войне необходимо жертвовать жизнями ради победы, а вы должны победить, чтобы уберечь свою цивилизацию и свой образ жизни. Проигравшие не пишут историю. Их сжигают, хоронят и забывают.

– Это вы начали там войну.

– Война там началась тысячи лет назад; ты просто не в состоянии узреть линии фронтов. Они простерлись на всю Галактику, пролегая через каждую человеческую планету.

– А что тебе надо от меня?

– Ты должен сыграть свою роль, Дориан. Ты всегда ведал о том. Когда мы разгромим своего врага, ты сможешь вернуться сюда и делать с этим миром что заблагорассудится.

– Ух ты! Так позволь же отвесить тебе низкий поклон за то, что ты истребил миллионы моих братьев-людей и даровал мне нашу долбаную планету. Ты очень помог.

– Ты все еще не ухватываешь размаха событий, в которые вовлечен, Дориан, – вздохнул Арес. – Но скоро постигнешь. Очень скоро.

– Как ни тешит меня это постапокалиптическое ободрение, в душу мою поневоле закрадывается подозрение, что я здесь только потому, что тебе от меня что-то требуется. И это единственная причина моего здесь пребывания.

– Я никогда не лгал тебе, Дориан. Я умалчивал кое-что от тебя – ради твоего же блага. Ты здесь потому, что у нас проблема.

– У нас или у тебя?

– Мои проблемы – твои проблемы. По душе это тебе или нет, тут мы заодно.

В другом конце помещения вспыхнул экран, показав что-то вроде темно-серой космической станции.

– Что это?

– Бакен.

– Какой еще бакен?

– Это специализированное устройство связи. Их используют наши исследовательские команды и военные. Они маскируют планеты, блокируя все входящие и исходящие сообщения и свет, по сути, скрывая все, что происходит на этой планете. Этот бакен обращается вокруг Земли последние сто пятьдесят тысяч лет. Только потому-то и не погибли все мы до единого.

– И в чем же проблема?

– Проблема в том, что наши враги пытаются вывести его из строя. И если им это удастся, если этот бакен будет уничтожен или отключен, они будут здесь через считанные дни – и перебьют всех нас до последнего.

Дориан взгляделся в парящую на орбите серую станцию.

– Слушаю.

Арес подступил ближе к Слоуну.

– Давай попробуем сделать это по-твоему. Что бы ты хотел знать?

– Почему сейчас?

– Сообщение было отправлено четырнадцать дней назад.

– Янусом?

– Он воспользовался своими кодами доступа, чтобы отправить сообщение, когда находился на корабле ученых дальнего следования как раз перед тем, как уничтожил его.

– Сообщение нашему врагу?

– Сомневаюсь. Я не могу посмотреть его сообщение, но подразумеваю, что его перехватили наши враги. Скорее всего, им известен приблизительный регион пространства, откуда оно пришло, но не конкретная планета. Они отправили свой ответ на все подозрительные планеты, подстроив адреса так, чтобы получатель думал, будто оно предназначено исключительно для него. И лишь ждут ответа или выключения одного из бакенов. У вас есть выражение на сей счет?

– Ага. Закидывание удочки.

– Они закидывают удочку, – произнес Арес.

– Так в чем проблема? Если мы только не ответим и не отключим...

– Проблема в том, что кто-то только что попытался получить доступ к бакену с посадочного модуля «Альфа» – корабля ученых близ побережья Марокко. Того, что от него осталось.

- Кейт и Дэвид.
- Полагаю, что да. Если я прав, они уже на пути к бакену. Там есть портал с доступом из той части корабля, где они оказались в заточении.
- В заточении?
- Сейчас они должны были полностью уйти под воду.
- И если они доберутся до бакена...
- Они могут либо отправить ответное сообщение, направленное к источнику, либо просто отключить бакен. Если они это сделают, наши враги будут здесь через считанные дни. Ты должен помешать им попасть на бакен.
- Но у них же фора.
- Да. Раз ты не можешь перехватить их в посадочном модуле «Альфа», отправляйся за ними на бакен. Портал в модуле «Альфа» настроен на отпечаток твоего гена Атлантиды.
- Задание?
- Убить. Живые они нам не нужны. Не испытывай судьбу, Дориан. Ставки слишком высоки.
- Почему бы нам не связаться с бакеном отсюда? У нас тоже есть портал. Я мог бы их поджидать.
- Здешние порталы не настроены на бакен, только порталы кораблей ученых. Доступ строго ограничен. Но ты обладаешь моими воспоминаниями и моими генами доступа. Ты можешь последовать за ними. Бакен – самый распоследний рубеж обороны, где ты можешь их остановить. Эта миссия предрешит нашу общую участь, Дориан.

Глава 16

Кейт подыскивала подходящие слова, когда Дэвид, потерев брови, заявил:

- Извини, но когда я слышу «У нас могут возникнуть проблемы», это почти всегда – то есть в девяноста девяти и девяти десятых процента всех случаев – означает, что мы глубоко в заднице.
- Я... так далеко не зайду, – отозвалась Кейт, снова вызывая на экран план-схему корабля. – В нормальных условиях мы бы добрались до порталной комнаты по внешним коридорам. Но они затоплены.
- А как насчет этого большого зала посередке? «Ковчег 1701-Д».

– В этом и состоит
потенциальная
проблема – в прохождении через него.

– А что это?

– «Ковчег» означает «замкнутая экосистема». Семнадцать ноль один – планета, где был взят образец, а Д обозначает размер – самый крупный. Этот ковчег достигает пяти миль в длину и трех в ширину.

– Что значит замкнутая экосистема?

– Самодостаточная. Атланты собирали их на планетах, которые посетили, почти как сувенирные снежные шары. Посадочные модули – в данном случае посадочный модуль «Альфа» – доставляют ковчег-машины на поверхность, где те изучают планету и собирают данные. Потом машина комплектует поднабор видов планеты и создает сбалансированную биосферу. Цель – собрать экзотические виды, которые граждане Атлантиды могли бы захотеть увидеть, когда ковчег будут выставлены на родной планете.

– То есть это подобие разъездных зверинцев, – прокомментировала Соня.

– Да. Ученые использовали их, чтобы заручиться поддержкой. Науку трудно финансировать даже на планете атлантов.

– По-моему, ключевыми тут выступают слова «экзотические виды», – поднял руку Дэвид.

– Да. И это одна из наших проблем, – сообщила Кейт.

– А остальные?

– Обычно, когда ковчег заканчивает сбор коллекции, посадочный модуль доставляет его обратно в космический корабль для хранения. Однако этот ковчег еще не был отправлен, когда корабль подвергся диверсионному нападению. Предположительно ковчег могут поддерживать себя бесконечно долго – источник питания у них свой, не зависящий от посадочного модуля, а компьютер ковчега постоянно снимает показания, своими вмешательствами восстанавливая равновесие биосферы.

– Значит, если мы войдем, он может попытаться... отбалансировать нас? – поинтересовался Дэвид.

– Если мы пройдем достаточно быстро, эта проблема нам не грозит.

– Значит, все дело в скорости?

– Да. В общем, это одна из проблем, но отнюдь не главная. Этот ковчег изрядно побросало туда-сюда – один раз тринадцать тысяч лет назад, когда посадочный модуль раскололся пополам из-за вероломной диверсии Ареса, потом снова девять месяцев назад, когда мой отец уничтожил вторую половину корабля близ Гибралтара, что отшвырнуло эту половину к Марокко, и сегодня, когда корабль потрепали мины. Невозможно предугадать, как выглядит местность внутри него. Некоторые виды могли погибнуть, другие – мутировать, не говоря уж о местности, которая может оказаться непролазными делями.

Пол переводил взгляд с Кейт на Дэвида.

– Извините, но это звучит с каждой секундой все более и более жутко.

– Давайте-ка сдадим назад, – снова потер брови Вэйл. – Что собой представлял этот ковчег, когда был собран? И умоляю, скажи, пожалуйста, поконкретнее, что там за экзотические существа.

– Ладно. – Кейт набрала в грудь побольше воздуха. – Планета семнадцать ноль один, по сути, представляла собой обширные дождевые джунгли, вроде амазонских.

– Змеи внутри есть? – быстро спросил Дэвид.

– Определенно.

– Ненавижу змей.

– Они в нижних строках рейтинга хищников, – поведала Кейт. – Согласно журналам исследований планета семнадцать ноль один находилась в системе двойной звезды, то есть у нее было два солнца.

И Дэвид, и Мэри одарили ее взглядами, красноречиво говорившими: «Мы знаем, что такое система двойной звезды». Пол с встревоженным видом потупился. Лицо Сони хранило бесстрастное, совершенно непроницаемое выражение, а Мило, являя разительный контраст всей компании, расплылся в улыбке до ушей, будто ребенок, с нетерпением ожидающий похода в парк аттракционов.

– В ковчеге сутки длинные, – сообщила Кейт. – Солнце светит около двадцати часов. При взаимоперекрытии двух проходящих в зените

солнц в середине дня там очень светло и жарко. Ночь длится около пяти часов. Вот тогда-то дела могут обернуться... опасно.

– Экзотические твари? – догадался Дэвид.

– Да. Ученые ни разу не видели ничего подобного хищникам с планеты семнадцать ноль один. Это летающие рептилии, охотящиеся по ночам, но диковинными их делает то, чем они заняты долгими днями. Они распластаются на вершинах гор и вбирают солнечный свет. Их тела покрыты чешуей, по сути представляющей собой фотоэлементы. В течение дня они заряжаются, собирая солнечную энергию, питающую их клетки ночью. Эту энергию они используют, чтобы маскироваться, становясь практически невидимыми.

– Круто! – выдохнул Мило.

– Можем мы там пройти за один день? – напрямую спросил Дэвид.

– Сомневаюсь. Если местность там такая же, как на семнадцать ноль первой, то заросли очень густы. Нам придется прорубать путь, остановившись на ночлег хотя бы раз, а то и дважды.

– Насколько они умны?

– Очень умны. У них есть социальная структура, они охотятся стаями и быстро адаптируются.

– Можно с тобой поговорить?

*

Оставшись наедине с Кейт в спальне, Дэвид сказал:

– Ты
наверняка
меня разыгрываешь.

– С чего это вдруг?

– Мы жили по соседству со снежным шариком с «парком юрского периода» уже две недели, а ты даже не потрудилась об этом упомянуть?

– Ну, я не... думала, что этот вопрос всплывет.

– Невероятно.

Присев на кровать, Кейт отвела пряди волос за уши.

– Ну ладно, извини. В смысле, неужели ты никогда не задавался вопросом, почему посадочный модуль так велик? Шестьдесят

квадратных миль!

– Нет, Кейт, на самом деле я ни разу не удосужился поразмыслить, почему посадочный модуль так велик. – Вэйл принялся расхаживать из угла в угол. – Я себя чувствую как Сэм Нилл в «Парке юрского периода», когда до него доходит, что клетка раптора открыта.

Кейт поневоле задалась вопросом, какая же это часть мужского мозга поставила эту сцену из фильма выше прочих жизненных подробностей, сочтя ее достойной хранения. Может, ответ на него есть где-нибудь в исследовательской базе данных атлантов. Только этим она и смогла удержать себя, чтобы не ринуться расследовать этот вопрос.

– А какой-нибудь другой ковчег есть?

– Да, – подтвердила Кейт. – На корабле их было два – один по другую сторону для равновесия, потому-то семнадцать ноль один-Д и был пристыкован. Но второй, уничтоженный тринадцать тысяч лет назад, пуст. Он должен был содержать земную замкнутую экосистему.

– Экспозицию кудлатых мамонтов и клыкастых саблезубых кошечек?

– Что-то типа того, – сухо откликнулась Кейт.

– Извини, денек выдался нелегкий. – Дэвид помассировал веки. – Начиная с твоих новостей и до... я-то думал, Дориан и Арес связаны по рукам и ногам...

– Если мы сможем попасть на бакен и обратиться за помощью к тому, кто отправил это сообщение, мы можем обратить ситуацию себе на пользу. Есть и еще проблема. – Увидев на лице Дэвида негодование, Кейт торопливо добавила: – Но я думаю, это мы можем уладить. Двери доступа в ковчег заклинены. «Альфа» не может их открыть.

– Почему?

– Толком не знаю. То ли ковчег запирает их, препятствуя проникновению извне, то ли что-то другое...

Вэйл молча кивнул.

– Что ты хочешь делать? – поинтересовалась она.

– Выбора у нас нет. Мы захватили сверху провизии сколько могли, но надолго ее не хватит. Придется пытаться добраться до бакена – и ради собственного спасения, и ради спасения всех на свете. Взорвем двери ковчеха и попытаем судьбу внутри.

*

Тридцать минут спустя Дэвид и Соня разместили у двери, ведущей в ковчег 1701-Д, последние заряды.

– Это половина того, что в нашем распоряжении, – сообщила Соня. – Если этого не хватит, выбраться нам не удастся.

– Пересечем этот мост, когда доберемся до него, – отрезал Вэйл.

Установив таймер, они отступили.

Эхо грохота оглушало даже вдали от взрыва. Шестерка осторожно приблизилась к клубящимся, расплзающимся тучам пыли, оседающей в коридорах по обе стороны от двери ковчега. Бусинки света вдоль потолка и пола смутно проглядывали сквозь пыль, служа путеводными ориентирами.

При первом взгляде на дверь ковчега Дэвид испытал было облегчение: взрывчатка проложила путь внутрь. Но на этом добрые вести исчерпывались.

Глава 17

«Мой мир гибнет», – подумал Дориан, глядя, как над морем формируются, неистовствуют и так же быстро угасают бури и штормы.

Полет уже не первый час напоминал катание на русских горках: самолет то рушился вниз, проваливаясь в темную неизвестность, то вдруг взмывал, и в иллюминаторы сиял солнечный свет. Дориан и шестеро солдат были пристегнуты крепко-накрепко, и ни один не проронил ни слова с самого момента взлета. Трех из них примерно через час стошнило. Двое до сих пор давились сухими спазмами примерно каждые четверть часа, когда турбулентность особенно донимала. Остальные трое смотрели прямо перед собой, скрипя зубами.

Ну, по крайней мере, он хоть знает теперь, на кого можно положиться, когда дойдет до драки. А до нее дойдет очень скоро. Где-то в глубинах бескрайнего моря, захватывающего все большую и большую часть планеты, его подстерегает Дэвид Вэйл.

Дориан дважды почти прикончил Дэвида – один раз в Пакистане, потом снова в Китае, а затем

совсем

прикончил его, тоже дважды – оба раза на судне атлантов в Антарктиде. В первый раз Вэйл воскрес в Антарктиде, прямо напротив Дориана, благодаря гену Атлантиды, которым наделила Дэвида Кейт. Вэйл был сильнее, зато Дориан сообразительнее. А вернее, более готов делать такое, на что Дэвид не способен. Вэйл не приспособлен к выживанию. Его нравственный компас – его ахиллесова пята. Дориан убил его и во второй раз, но Дэвид воскрес в сооружении атлантов близ побережья Марокко.

Сегодня разыграется их окончательный конфликт.

Но Кейт Уорнер головастее их обоих. Она намного умнее и располагает знаниями, которых у Дориана нет. В этом и заключается их преимущество – в силе Дэвида и мозгах Кейт. Но на стороне Слоуна элемент неожиданности. И кое-что еще – готовность делать все, что необходимо, ради спасения своего народа. Он – поступь человеческой истории, воплощенной в одном человеке. Выживший, пошедший наперекор судьбе, делавший то, от чего другие, вроде Кейт и Дэвида, шарахались как от огня. Он – соль и квинтэссенция выживания человечества.

Но все-таки в темном закутке сознания у него затаилась тревога перед последним противостоянием с Дэвидом. Это станет истинной проверкой, способен ли Дориан победить.

Если он справится, то возьмет на мушку Ареса. Этот атлант – змей позорный, манипулятор. Ему нельзя доверять ни на йоту. Придется оставить его на потом, когда Дориан визнает всю правду, особенно о «враге», перед которым Арес так мандражирует.

– Сэр, мы над зоной выброски, – доложил голос пилота в наушниках у Слоуна.

Дориан выглянул в узкий иллюминатор. Куда ни погляди – сплошь вода.

Поразительно. То, что он видит сейчас, раньше было марокканским побережьем.

– Сбросить зонд, – приказал он.

Взяв планшет, Слоун наблюдал данные телеметрии на полиэкране, показывавшем справа новый профиль морского дна, а слева – видеотрансляцию. Дориан узнал вершину горы, полностью ушедшую под воду, и начал выстукивать пальцами по планшету,

управляя зондом. Несколько секунд спустя показался и корабль атлантов – посадочный модуль «Альфа», погребенный глубоко на дне.

– Пометить, – распорядился Дориан.

После погружения надо будет найти вход в кессонную камеру.

– Приготовиться к прыжку! – крикнул он шестерым солдатам.

На следующем заходе люди посыпались из самолета, падая к угольно-черному морю с предельной скоростью, образовав своими телами стрелы, прижав руки к бокам, закинув дыхательные маски за спины. И едва они достигли поверхности, последний шторм вдруг утих и проглянуло солнце, залив светом их вход в водное неведомое.

Нырнув в воду, Дориан тотчас же развернулся, высматривая подчиненных. Одного из них отнесло в сторону, и он напоролся на камни прямо под поверхностью. Теперь его изломанное тело медленно погружалось в подсвеченную тьму.

Остальные пятеро развернулись веером темных силуэтов, четко очерченных солнцем.

– Построиться за мной, – приказал Слоун через интерком.

Когда солдаты поплыли к нему, он оглядел темную воду внизу. В пространстве плавало что-то еще. Не обломки.

Вдруг подводное безмолвие расколосось. Взрыв, а потом извержение белых пузырей охватило его, брякнув Дориана о склон затопленной горы. Он покатился по скале, пытаясь ухватиться за что-нибудь, и наконец остановился. Инстинктивно ухватился за кислородный баллон, но тот оказался цел и невредим. Он в безопасности. Дориан повернулся, вглядываясь в воду. Хаос прояснился. Четверо из его людей все еще плавали в бездне. Они вызывали его по радио, давали отбой и застывали в ожидании приказов.

– Не двигаться, – сказал Слоун. – Я проведу вас вокруг мин.

Одного за другим он направлял своих людей сквозь воду, используя верхнюю точку, чтобы высматривать подозрительные объекты. Больше терять людей он себе позволить не может. Когда они благополучно добрались до корабля внизу, Слоун устремился за ними, старательно избегая всего мало-мальски похожего на мины.

Тьма постепенно погасила последние лучики света, пробивавшегося сверху, и высматривать темные контуры мин

становилось все труднее. Дориану приходилось руководствоваться лишь памятью и узким лучом света от фонаря в шлеме.

Впереди он увидел зависших в воде четверых солдат. Сорок футов. Тридцать. Двадцать.

На месте. Пульт управления шлюзом оказался аналогичным имевшемуся в Антарктиде. Как только Дориан приблизился, двери открылись, и он вместе с подчиненными устремился туда из тьмы.

Шлюз откачал воду, и Слоун, сбросив гидрокостюм, подошел к панели управления. Появилось зеленое облачко знакомого света. Дориан поманипулировал в нем пальцами, и на дисплее вспыхнула надпись:

Генерал Арес
Доступ разрешен

Дориан извлек план корабля.

Тот был сильно поврежден – то ли ядерным взрывом, устроенным Патриком Пирсом, отцом Кейт Уорнер, то ли минами. Целые отсеки подверглись декомпрессии и были затоплены. Корабль работал на аварийном энергоснабжении и, что куда важнее, в порталную комнату остался только один путь.

– Ковчег семнадцать ноль один-Д, – указал Дориан на карте. – Южный вход. Вот наш пункт назначения. – Он загнал в патронник своей автоматической винтовки первый патрон. – Стрелять на поражение.

Глава 18

Дэвид перепачкался в земле с головы до ног. Мышцы его сперва ныли, а теперь уже пылали, но он продолжал копать, выбрасывая землю с камнями лопата за лопатой вниз по тоннелю, где Мило, Мэри и Кейт выносили породу ведро за ведром.

Остановившись, он потрогал плечо и обернулся к Соне.

– Устрой перерыв, – сказала она.

– Я могу пройти еще...

– И тогда будешь изнурен, и я буду изнурена, и Пол будет изнурен, и всем нам придется ждать. – Отобрав у него лопату, она принялась

вкапываться в утрамбованную землю, сохраняя уклон кверху, способный, как они надеялись, вывести их на поверхность – внутрь ковчега.

Кейт была права: содержимое замкнутой экосистемы за последние тринадцать тысяч лет переместилось, и отнюдь не в их пользу. Дверь оказалась глубоко под землей, съехавшей на одну сторону. Насколько глубоко, оставалось лишь гадать. Дэвид уже начал прикидывать, надолго ли им хватит провизии и что делать, если они не узрят дневного света ковчега в ближайшее время.

В своей с Кейт спальне он рухнул на стул перед металлическим столиком и принялся за обе щеки уплетать паек, который оставила для него Кейт. Живот у него совсем подвело. Он отрывался от еды лишь затем, чтобы перевести дыхание.

Вошедшая Кейт бросила на стол еще один паек.

– Я не стану есть твой рацион, – заявил Дэвид.

– Я тоже.

– Тебе потребуется сила.

– Тебе она нужна больше, – возразила Кейт.

– Мне бы она не потребовалась, если б ты раздобыла квантовый кубик вроде того, который Янус давал Мило для работы.

– Мы это уже проходили. Лакуны в моих знаниях. Здоровенные.

– Да я так, к слову, – выставил Дэвид вилку, будто обороняясь. Он доел первый паек и устался на второй. – Я чувствую себя, будто Патрик Пирс, прокладывающий тоннель под Гибралтарским проливом.

– Чересчур мелодраматично. Не понимаю, почему вы не воспользовались взрывчаткой.

– У нас ее маловато. Чтобы пробиться внутрь, я израсходовал половину запаса. И этого едва-едва хватило. Вторая половина нам еще понадобится – конечно, если мы дойдем до другого конца.

Кейт вскрыла второй паек.

– Ешь, или он пропадет.

И удалилась, прежде чем Дэвид успел отозваться хоть словом. Испустив тяжкий вздох, Вэйл принялся за еду. В следующий раз он отстоит две смены подряд, сколько бы Соня его ни останавливала.

Но тут дверь распахнулась, и в нее вбежал улыбающийся до ушей Мило.

– Мистер Дэвид! Мы вышли на поверхность.

*

– Привал! Можно утолить жажду, – объявил Вэйл, останавливая вереницу из шести человек, пробивавшихся сквозь плотные джунгли. Все тут же достали фляги; некоторые приложились к ним основательнее других. Все они были измучены трехчасовым переходом, по большей части в гору.

Дэвид отдал мачете Полу, вставшему во главе отряда, чтобы прорубать дорогу через густые зеленые, красные и лиловые растения и лианы, заплетающие пространство между деревьями, накрывающими их сверху плотной лиственной кровлей, спасающей от изрядной части излучения искусственного солнца. Точнее, в данном случае, двух солнц.

Дэвид вглядывался в тени на земле, пытаясь определить, сколько еще часов дневного света у них в запасе. **НОЧЬ БУДЕТ ОПАСНОЙ**, сказала Кейт.

– Как там мы назвали этих летающих невидимых рептилий? – спросил у нее Дэвид.

– Экзадоны.

– Нападут ли они на нас, если мы разобьем лагерь здесь? В чаще леса?

– Не знаю. Возможно.

Дэвид ощутил, что Кейт чего-то недоговаривает.

– Говори уж.

– Они предрасположены к нападению на любые новые биологические виды в своем ареале. Это эволюционное приспособление, метод их обучения. И одна из причин интереса ученых к ним.

– Замечательно.

Сняв рюкзак, Вэйл повесил через плечо за спину свою снайперскую винтовку.

– Ты куда?

– Заберусь-ка я на дерево.

*

От вида, открывшегося с макушки дерева над лиственным кровом джунглей, просто занимало дух. Арены, подобной ковчегу, Дэвиду видеть еще не доводилось. Он посидел там пару минут, просто наслаждаясь зрелищем. Свод купола имитировал небеса с плывущими

облаками, пышущие жаром. Посередине циклопического помещения джунгли обрывались, уступая место просторно раскинувшейся зеленой равнине где-то с миллю шириной и чуть большей длины, дальше опять шел лесок поменьше; здесь местность становилась более каменистой и шла под уклон к самому выходу. Дэвид с облегчением отметил, что выход не завален. Весь нижний слой почвы целиком сдвинулся в их сторону. На самом деле им даже придется строить какую-нибудь лестницу или насыпь, чтобы добраться до двери. Ее тоже придется взрывать, но есть и положительный аспект: потребуется меньше взрывчатки, что дает им малую толику, которую можно будет использовать здесь.

Зеленую равнину с трех сторон окружали джунгли, но ее правый край заканчивался неспешной широкой речушкой. Стадо крупных четвероногих животных, напоминающих гиппопотамов, купалось в ней, заходя с берега, примыкающего к равнине. Над заводью всю правую сторону ковчега покрывала отвесная скальная поверхность.

Там-то, на одной из высочайших террас на поверхности скалы, Дэвид и углядел впервые экзадонов. Он насчитал одиннадцать особей, недвижно, с закрытыми глазами распростершихся на скалах. Они напоминали птеродактилей с телами из серебристого стекла, блистающими под солнцем. Большинство экзадонов были серебристо-стеклянными, кроме двоих, покрытых яркой радужной чешуей, будто красочные витражи. Дэвид мысленно отметил, что надо бы поинтересоваться у Кейт на этот счет. Размах их крыльев он оценил футов в двенадцать, но с такого расстояния никаких подробностей разглядеть не мог.

Первое солнце уже клонилось к закату, и опушка леса отбрасывала две отчетливые тени – одна указывала на открытую равнину и последнюю полосу джунглей перед выходом, а вторая протянулась в лес, откуда они пришли. Вот и все их варианты.

Если ночь настанет, пока они будут пересекать равнину, экзадоны истребят их на раз.

*

– Что ты видел? – осведомилась у него Соня.

Она продолжала прорубать путь, пока Дэвид занимался разведкой, и он был рад этому. Она в полной мере заслужила звание вождя, а может, и сверх того: именно под ее предводительством племя

берберов, составленное из бойцов и старейшин остатков многих разрозненных племен, одержало победу над «Иммари» в Сеуте. Она – воплощение зачинателя свершений.

Дэвид изложил ей ситуацию, и теперь все шестеро стояли в тенистой чаще, ожидая решения. Дэвиду их группа представлялась разношерстной компанией супергероев.

Мило, Мэри и Кейт несли большие рюкзаки с провизией и какими-то заморочками, которые доктор Уорнер смутно описала как экспедиционное снаряжение ученых. Дэвиду оно казалось шкатулкой с сюрпризом под конец дня – если им только удастся дожить до него.

Самым сомнительным звеном оставались Пол и Мэри. Они были изнурены еще по прибытии, и Дэвид с Соней давали Полу самые короткие вахты с лопатой и мачете.

Бреннер будто ощутил взгляды, устремленные на него и Мэри.

– Мы угонимся. Я согласен, что мы должны добраться до дальнего леса как можно быстрее.

– При пересечении равнины рюкзаки возьмем мы с Соней, – улыбнулся Мило, ликуя от возможности оставить рюкзак при себе. Энергия у этого юноши просто-таки неисчерпаема.

– Укроемся на дальней опушке в надежде, что экзодоны нас не заметят, – продолжил Дэвид.

Примерно час спустя, вырубив последние кусты и лианы, удерживавшие их в джунглях, они ступили на равнину. Мэри и Кейт сбросили рюкзаки, и все шестеро тронулись через зеленую равнину к маячащим вдали деревьям. Каждый то и дело поглядывал на скалистый обрыв справа, где затаились хищники, которые с наступлением ночи поднимутся на крыло, став невидимками, чтобы отправиться на охоту. Еще ни разу в жизни Дэвид так не страшился наступления ночи.

– Я могу взять рюкзак, – сказала Кейт, поравнявшись с ним.

– Да ерунда! – В глубине его сознания затаился вопрос о том, как эти условия сказываются на ней, не больно ли ей, не ухудшают ли усилия ее прогноз. От четырех до семи земных суток. Вэйл постарался выбросить мысль об этом из головы. – А почему два раскрашены во все цвета радуги? – кивнул он на экзодонов.

– Это их позиция в цикле прайда. Когда пропитания в избытке, цвета проявляются. Когда жить и охотиться легко, члены своры

фокусируются на спаривании, стараются выделиться. Но некоторые экономят энергию, предпочитая не тратить ее на раскраску. Когда цикл заканчивается, более яркие гибнут первыми, а сохранившие энергию могут обставить их на охоте и вывести из игры. Видимо, недавно популяция сократилась.

– Значит, это выжившие. Лучшие охотники.

– Ага. И, наверное, они голодны.

– Фантастика.

По мере продвижения привалы для утоления жажды становились все чаще и чаще, но пили все меньше и меньше, все усерднее стараясь отдышаться и массируя мышцы ног, а некоторые, сбросив рюкзаки, растягивались на траве для отдыха.

Процессию каждый раз возглавляли Дэвид и Соня, стараясь задать самый высокий темп, на какой была способна группа. И достигли опушки дальнего леса как раз к закату второго солнца.

Дэвид провел их поглубже в джунгли, где деревья росли плотнее и подлесок стал гуще.

– Разобьем лагерь здесь.

Открыв первый рюкзак, Кейт извлекла черный прямоугольный ящик. Из него вознесся знакомый голубой свет, и она поманипулировала в нем пальцами.

Считанные секунды спустя ящик начал разворачиваться пластина за пластиной, сложив квадратный пол размером футов двенадцать на двенадцать, а затем выдвинулся небольшой тамбур. Пластины продолжали разворачиваться – теперь кверху, образуя стены без окон, в конце концов образовавшие наверху гладкий полусферический купол. Передняя часть... палатки, как заключил Дэвид, представляла собой мерцающий черный портал. Он сунул голову внутрь. Изумительно. Забрался внутрь, и Кейт последовала за ним. В дальнем левом углу возносилась королевская кровать, наличествовал даже столик с табуретом возле правой стены.

– Недурно, – отметил Дэвид.

Кейт устроила палатку для Мило и Сони. Вэйл еще ни разу не видел, чтобы Мило проявлял такое проворство.

Сунув руку в свечение, чтобы сконфигурировать саморазворачивающееся жилище для Пола и Мэри, Кейт вдруг замешкалась.

– Я могу настроить на две двухспальные кровати или на одну пошире.

Пол поморщился.

Мэри отвела глаза, но поспешно сказала:

– Пожалуй, две кровати... наверное, с нас станется...

Кейт кивнула, и считанные секунды спустя палатка начала разворачиваться.

Дэвид улегся на кровать, образованную каким-то адаптивным пористым материалом, сродни той, что была у них в посадочном модуле. Блаженство прямо-таки райское, но он заставил себя сесть. Позволить себе уснуть Вэйл, увы, не мог. Время бежит просто неумолимо.

Присев на кровать рядом, Кейт улыбнулась ему.

– Эти атланты аскетизмом не отличались, – заметил Дэвид.

– Наводит на юношеские воспоминания?

– Типа того.

– Ты был бойскаутом?

– Пытался. Но отсеялся.

– Я-то думала, ты никогда не отказываешься от того, что любишь, – подпустила она шпильку, обратив против Дэвида его же слова.

– Ну, от скаутского движения я был не в восторге. У нас же не было лагерного снаряжения атлантов. Я отвалил после Мыбувера [4]

– Какого еще Мыбувера? – Взяв банку сливок, Кейт снова села рядом с ним на кровать.

– Это... несущественно... Эй, постой, это еще что?

– Снимаю с тебя штаны.

– Погодите, дамочка, не знаю, как там с лагерным бытом в ваших краях...

– Очень смешно. Это местное противовоспалительное средство для твоих ног...

– Ого, вы умеете умаслить мужика, но мне придется остановить тебя на этом месте. – Сев, Дэвид взял пистолет и постарался говорить непринужденным тоном: – Сейчас вернусь.

– Ты куда?

– Надо позаботиться кое о чем. Я сейчас.

Не дав Кейт шанса задержать его, Вэйл вышел и стремительно покинул лагерь. Уже подобравшись к опушке, он вдруг услышал, что кто-то почти беззвучно следует за ним.

Обернувшись, Дэвид увидел Соню с винтовкой, закинутой за спину.

– Ты должна вернуться.

– Ты должен прекратить отдавать мне приказания. Давай с этим покончим. Мы оба знаем, что надо сделать. Или они, или мы.

Глава 19

Дориан шагал по темным металлическим коридорам корабля атлантов, нацелив винтовку вперед и повесив на шею ботинки, связанные шнурками.

Четверо его подчиненных тоже шлепали по полу босиком, стараясь не издавать звуков, которые могут эхом раскатиться по пустым коридорам, погруженным в почти непроглядную темень.

Дориан так и не мог решить, дает ли это им преимущество или наоборот.

Дэвид может подстергать за любым поворотом. Грядущая схватка будоражила Слоуна, вселяя в его душу и восторг, и ужас одновременно. Это станет финалом, окончательной схваткой с Вэйлом. Если он проиграет и Кейт с Дэвидом доберутся до бакена, его мир рухнет.

Дориан пытался определить местонахождение Кейт и Дэвида, но корабельный компьютер почти отключился. Слоун не мог понять, то ли это из-за повреждений, то ли из-за мер энергосбережения. Если это связано с энергопитанием, не стоит идти на риск засветиться, активируя системы корабля. Но как только удастся сбить Дэвида и Кейт с рук, он непременно это сделает. Это открывает новую возможность, о которой Дориан раздумывал по пути сюда – получить ответы. Корабль атлантов опознал его как Ареса. Возможно, он располагает сведениями или о плане Ареса, или о враге, которого тот так страшится. А если и не удастся выведать всю правду, то, может

статься, удастся сместить баланс власти и взять ситуацию на Земле под свой контроль. Быть может, это последняя надежда человечества...

Двое солдат, шедших головной заставой, вдруг задержались.

Они пришли ко входу в ковчег 1701-Д, и тот оказался совсем не таким, как предполагал Дориан. В коридоре высились груды черной земли, а на месте дверей ковчега зиял черный провал, обрамленный искореженным металлом. Должно быть, их взрывали.

Неужели Дэвид воевал здесь с кем-то?

Дориан знаками приказал подчиненным обуться и построиться позади него.

На цыпочках подкравшись ко входу в ковчег, он осторожно заглянул туда. На него пахло сырым теплым воздухом, и Дориан был озадачен тем, что увидел, – большие зеленые и лиловые растения. Какая-то биосфера. Может, это аэропнная лаборатория? Оранжерея? Он-то предполагал, что этот громадный зал – хранилище или очередной запасник труб воскрешения...

Пораскинув умом, Дориан выбрал одного из солдат и направил его первым в тесный земляной тоннель – скорее всего, прямо в ловушку. Потерять одного человека Слоун еще может себе позволить: тогда против Дэвида он выступит с тремя другими. Соотношение сил вполне приемлемое.

Но никакой западни не обнаружилось, только густые закатные джунгли. Дэвид и Кейт прорубили сквозь них тропу. Это облегчит их поимку.

*

Вэйл взгляделся в поверхность скалы прямо впереди. Теперь там виднелись только цветастые радужные экзодоны. То ли другие уже пустились в полет, то ли включили свой камуфляж, готовясь отправиться на охоту, как только угаснут последние лучи солнца.

Идеальные хищники. Луны не будет, так что никакая тень не выдаст их в ночи, так что они могут наносить удары, где и когда пожелают. Дэвид лишь уповал, что для этого они слишком ленивы.

– Надо действовать быстро, – сказала Соня.

– Согласен. – Вэйл подрегулировал прицел, наводя оружие на цель.

– Думаешь, сработает?

– Скоро узнаем.

Вытянувшись на траве рядом с ним, Соня открыла огонь в тот же миг, что и Дэвид. Через считанные секунды неспешные воды реки покраснели от крови.

*

С вершины дерева Дориан услышал треск выстрелов, но ему потребовалось несколько секунд, чтобы отыскать их источник: Дэвида и африканку – почти идеально замаскированных – на противоположной опушке, по ту сторону равнины, залегших пластом. По кому они палят?

А потом Дориан увидел их – могучих бестий, чуть поменьше слонов, но без хоботов – поднимающихся из грязи между равниной и рекой. Они ревели, заливаясь кровью.

«У них что, провизия кончилась? С чего бы им охотиться? – недоумевал Слоун. – Теперь из-за собственного безрассудства они сами станут дичью».

Дориан съехал с дерева вниз.

– Они на опушке по ту сторону равнины. Быстрее, мы можем застать их врасплох, – бросил он.

Вытянувшись цепочкой за ним в затылок, все ринулись по тропе.

*

Опустившись на кровать, Мэри закрыла глаза. Еще ни разу в жизни она не чувствовала себя такой усталой. Ну разве что после распаковки вещей, когда они с Полом переехали в Атланту. Ее вещи, да его вещи, да еще таскать все это вверх-вниз по лестницам было совершенно изматывающе.

К чему это ей вспомнилось? Просто от усталости? Заодно это было время ликования и неведения о будущем.

Шифр. Скоро они все узнают.

Она протянула руку через узкое пространство, разделяющее кровати, и вложила ее в ладонь Пола.

– Что-то не так? – приподнялся он.

– Я рада, что ты прилетел за мной и забрал меня из Пуэрто-Рико.

– Я тоже. Наверное, сейчас там все под водой.

И тут за стенами палатки послышалась ружейная стрельба.

*

Мило был чересчур возбужден, чтобы уснуть или хотя бы поесть. Он сидел, скрестив ноги, в палатке, сотворенной доктором Кейт из

ящичка. Это было очередное чудо, и ему хотелось насладиться каждой секундой путешествия. Он не сомневался, что ему тоже уготована роль.

*

С каждой прошедшей секундой Кейт все больше проникалась уверенностью, что проведет последние часы с Дэвидом. Здесь и сейчас, на исходе жизни, вдруг стало отчетливо ясно, что воистину важно для нее, без чего не обойтись. Отношения. Любовь. Как она прожила свою жизнь. Кто она на самом деле. И не могла дождаться, когда же он придет.

Кейт уже дремала, когда загремели первые выстрелы.

*

Дэвид начал по-пластунски отползать от опушки, ровно настолько, чтобы скрыть свою позицию, но так, чтобы по-прежнему были видны крупные животные, бьющиеся в грязи, ревущие в предсмертных муках от пулевых ранений. Соня присоединилась к нему.

– Или они, или мы, – негромко проронил он.

– Как всегда, – ответила женщина.

Дэвид ждал в надежде, что экзодоны слетятся, польстившись на легкую добычу.

Увидев, что на закате крупные животные у реки погружаются в грязь, Дэвид сформулировал гипотезу: экзодоны охотятся по ночам, пользуясь главным образом инфракрасным зрением, выискивая тепло и движение. Мокрая грязь маскирует крупных зверей от экзодонов, уравнивая экосистему, кроме случаев, когда один отобьется ночью от стада или, в данном случае, заревет и поднимется из своего укрытия от боли.

Дэвид высматривал хоть проблеск. Ну, вот-вот...

От ближайшей из воющих зверюг вдруг взмыли алые фонтаны, словно ее полоснули по боку три громадных мясницких ножа. Она каталась и металась по грязи во все стороны – быть может, врожденный защитный инстинкт. В воздух взмывали большие и малые комья грязи; некоторые упали обратно, но многие, остановившись, повисли в воздухе.

Из пустоты возникли крылья, потом длинные хвосты и головы с острыми рогами. Дэвид увидел покрытых грязью экзодонов во всей их

красе, разрывающих двух громадных животных на части. Вторая часть жуткого зрелища обеспокоила его еще больше: три летающих чудища волокли другое раненое животное прочь. Переломали ему ноги и прижали его к земле, вонзив в него свои острые когти. Теперь Дэвид понял, что они пытаются выманить остальных животных, залегших в грязи и вынужденных наблюдать, как погибают сородичи.

Дэвид уповал, что они смогут удержаться, остаться в безопасности, не покинут грязи.

Экзадоны оказались умнее, чем он думал, – и куда свирепее.

Дэвид пополз по-пластунски назад, Соня следовала рядом.

Когда кровавая сцена у реки совсем скрылась из виду, они поднялись и легкой трусцой поспешили в лагерь.

Первая пуля зацепила Дэвида за плечо. Вторая впилась в тоненькое деревце в трех футах от него, расколов ствол, осыпав Вэйла щепками и швырнув его на землю. Он смутно осознал, что Соня, открыв ответный огонь, вцепилась в него и тащит в укрытие.

*

Дориан увидел, как Дэвид упал, но продолжал вести огонь, не желая идти на риск.

Женщина начала отстреливаться, но она там одна, а их пятеро.

Женщину и Дэвида можно запросто отрезать, даже выманить. Лагерь наверняка прямо в конце тропы, которую они прорубили в лесу.

Дориан хотел выпустить последние пули лично. Ему хотелось подвести итоговую черту.

Он приказал двоим из своих людей остаться на скальном уступе.

– Продолжайте вести огонь по Вэйлу и женщине. Не давайте им поднять головы. Я захвачу лагерь, а потом – их позицию.

Двоих других Дориан повел через равнину. Женщина несколько раз выстрелила по ним, но попала лишь в белый свет, потому что стреляла вслепую.

На вершине гребня Слоун впервые увидел бойню у реки. Крылатые монстры, запятнанные грязью и кровью, драли крупных животных в клочья, конвульсивно содрогавшихся среди грязи и крови, ужаснув даже Дориана. Что это за место?

Он заработал ногами энергичнее. Вот уже почти дошел до прогалины. Когда он откроет огонь по лагерю, Дэвиду и этой бабе не

останется ничего иного, как перейти в наступление. Они сами придут к нему в руки.

Глава 20

Кейт разбудил треск коротких автоматных очередей. Она прислушалась. Источников два. Сзади и спереди. Стреляют друг по другу.

Спрыгнув с кровати, она схватила свой рюкзак и, выскочив из палатки, обнаружила, что Мило, Пол и Мэри уже выбрались из своих палаток.

– Собирайтесь! – бросила им Кейт. Перебегая от палатки к палатке, она быстро набирала на панели управления каждой команду на упаковку.

Уже совсем стемнело, хоть глаз выколи; из темноты доносился треск ружейного огня, шелест толстых листьев и веток леса и звериный рев вдалеке, от которого у Кейт по коже побежали мурашки.

Она попыталась сосредоточиться на деле. Они вчетвером на ощупь собирали вещи, пока палатки складывались самостоятельно.

– Что теперь? – спросил Пол у Кейт.

Им осталось только одно.

– Прятаться, – решила доктор Уорнер.

*

Дэвид начал приходить в себя. Некоторые щепки пробили комбинезон атлантов, но бóльшую их часть тот отразил.

Группа валунов за их спинами приняла новый град пуль, брызнув каменной крошкой и пылью.

Вэйл принялся шарить в рюкзаке. Чем бы воспользоваться?

Да.

Собрав в кучку немного хвороста и сухой листвы из подлеска, Дэвид чиркнул спичкой и развел огонь.

– Не дай ему погаснуть, – сказал он и вытащил из рюкзака гранату. – И прикрой меня.

Пригибаясь пониже, Вэйл во весь дух побежал в сторону экзадонов у реки.

*

Дориан с двумя бойцами почти дошел до просвета в линии деревьев, когда солдат справа от него взмыл в воздух, вопя от боли. Кровь била из него фонтанами, и его лежащие ноги сбили Слоуна на землю. На несколько секунд он завис в воздухе над самой землей, потом отчаянно забился, марая кровью...

Одну из тварей.

Дориан выпустил очередь, прошившую и чудовище, и его собственного бойца, а потом повел автоматом из стороны в сторону.

На зеленое разнотравье рухнули еще два выродка, мерцавшие и мельтешившие своей чешуей, будто зеркальцами. Это машины или звери? Из них течет кровь. Они живые. И могут становиться невидимыми.

Внезапно прерия будто изверглась к небесам.

На краю равнины взорвалась граната. Взмыл фонтан грязи, обозначив контуры еще полдюжины или поболее тварей, и массивные животные, барахтавшиеся в грязи, ринулись прочь, отвлекая на себя ярость облепленных грязью горгулий.

На том конце поля один из бойцов, стрелявших по Дэвиду со скального уступа, с криком оторвался от земли. Другой развернулся и драпанул к оставшемуся позади лесу, но его тоже подхватили, подняли и исполосовали. Его вопли оборвались через считанные секунды пребывания в когтях тварей.

Дориан развернулся, отыскивая взглядом...

На краю поля, где залегли Дэвид с бабой, зарделось пламя, разгораясь с каждой секундой.

«Чудовища охотятся, ориентируясь на тепло тела. Дэвид пытается их ослепить», – подумал Дориан.

И тут же у себя за спиной увидел спасение.

– В пещеру. Живо! – указал он последнему из своих бойцов.

*

Схватив очередную палку, Дэвид зажег ее от костра и зашвырнул в поле. Трава высотой по колено была зеленой, но он уповал, что у земли находится достаточно сухого былья, чтобы загореться. Или хотя бы подлесок вдоль опушки займется. Им всего-то и нужна полоска огня.

*

Кейт ощутила, как джунгли вокруг нее меняются. Они будто пришли в движение – каждый листок, каждая ветка и дерево закопошились мелкими тварями, устремившимися в бегство от невидимого врага. Затем раздался взрыв, и Кейт учуяла запах дыма. Что случилось? И тут она осознала новую опасность. Здесь, в замкнутом пространстве, они могут задохнуться. Ей хотелось лишь одного – бежать к огню и разыскать Вэйла. Но если она так сделает, Дэвид будет взбешен. Кейт знала и это, и что надо делать.

Она оглянулась на Пола, Мэри и Мило:

– Надо торопиться. Если мы не доберемся до выхода...

Ступив вперед, Пол взял мачете из руки Кейт.

– Моя очередь идти первым. Отдохните.

*

Дориан медленно карабкался вверх по каменистому склону. Воздух уже заполнился дымом, и луч его лазера прочерчивался в нем, как красная нить, мечущаяся во тьме ночи. Стоит ей чуть прерваться, и он нажмет на спуск. Это единственный шанс попасть в одну из тварей, сделавших заход на него.

Но ни одна из них не осмелилась. Дориан с бойцом добрались до устья пещеры футов четырех диаметром. Сунув голову внутрь, Слоун на долю секунды включил фонарь. Чисто. И достаточно глубоко.

– Собери камней, – приказал он солдату. – Я буду прикрывать. Нужно перегородить вход, чтобы они не увидели тепло наших тел.

Через несколько минут горка камней лежала в пещере у самого входа. Вдвоем они забрались внутрь и целиком заложили вход камнями. Тут они в безопасности, если только не задохнутся.

Дориан привалился к стене напротив солдата. Ему показалось, что тот как-то всхрапывает. Уснул, что ли? Дориан не мог припомнить, блевал ли этот боец в полете. Остается уповать, что остался один из лучших. Его помощь в схватке с Дэвидом и воительницей очень понадобится.

Мысли Дориана обратились к пещере, и в голову вдруг закрался вопрос: что за тварь могла бы здесь жить?

Боец захрипел снова.

– Эй, дыши носом!

Храп преобразился в сдавленный сип.

Дориан пнул бойца по ноге. Мышцы напряжены. Слишком уж напряжены. Дориан потыкал их носком ботинка. Да и тонковата конечность, не больше восьми дюймов в хвате. Солдат куда крупнее. И кожа гладкая, почти скользкая...

Осознание снизошло на Дориана за секунду до того, как второй толстый шланг обвился вокруг его шеи, проскользнув между затылком и стеной, и обмотал его целиком, крепко прижав руки к туловищу и свалив его на землю. Громадная змея сжимала его, и Слоун ощутил, как воздух покидает легкие.

Глава 21

Дэвид и Соня пробирались сквозь джунгли спина к спине, по очереди обшаривая их красным лучом прицела снайперской винтовки, выписывая им овалы и высматривая признаки появления экзодонов. Дым настигал их, а вместе с ним и усталость, но они все пробивались вперед фут за футом.

*

Кейт не могла надивиться на Мило. Тот был полон такой неиссякаемой энергии, какой видеть ей до сих пор не приходилось. Ему пришлось обмотать тряпками ладони, сжимавшие мачете. Мозоли – единственное, что мешало ему рубить растение за растением и лиану за лианой, казавшиеся Кейт нескончаемыми.

У них за спинами в джунглях слышался гул бегства тварей древесных и земных.

Пол, Мэри и Мило оглянулись на нее.

– Прячьтесь.

*

Дориан чувствовал, как жизнь покидает его с каждым порывистым вздохом. Змея обвила его от шеи до коленей, сжимая свои кольца с каждой секундой.

Сил у него осталось на один рывок. Извернувшись, он перекатился на бок, скорчился, скрипя зубами, а затем откинулся что есть сил, врезавшись спиной в стену пещеры.

Змея не выпустила его, но мышцы ее конвульсивно содрогнулись, ослабив хватку на долю секунды. Только этого Слоуну и не доставало. Выхватив из-за пояса нож, он вслепую нанес удар.

Пасть змеи сомкнулась на предплечье Дориана, сокрушая его. Но этот укус стал ее промашкой. Слоун перехватил нож другой рукой и нанес удар снова, пронзив голову змеи вместе с собственным предплечьем. Не обращая внимания на боль, он втыкал клинок все глубже, зазубренной тыльной стороной лезвия раздирая башку мерзкой гадины в клочья. Выдернув клинок, нанес еще удар, на сей раз слабее, и объятия змеи обмякли.

Он схватился за рюкзак, поспешно шаря в нем на ощупь, не выпуская ножа в готовности к очередному нападению. Нащупал цилиндр и чиркнул им о камень. Фальшфейер озарил тесное пространство, исторгая клубы дыма.

Дориан лишь мельком разглядел бойца, прежде чем того заволокло дымом, но взгляд у того был остекленевший, безжизненный. Змея вскинулась, извиваясь, выпустила человека и, вскользь задев Слоуна, ретировалась в глубь пещеры, подальше от огня и дыма.

Бросившись вперед через труп другой змеи, Дориан ощупал шею солдата. Пульс едва прощупывался. Ему нужен был воздух.

Слоун подполз к груде камней, которую они навалили у входа в пещеру, и растолкал ее. Снаружи бушевало пекло. Поле посреди этой кунсткамеры ярко полыхало, резко контрастируя с клубящимся над ним черным дымом.

Дориан выволок спутника из пещеры, уложив его на камни. Жить будет, хотя долго ли еще, Слоун не представлял.

Подхватив его, Дориан метнулся к алькову в скале, худо-бедно подходившему в качестве оборонительной позиции. Положив солдата в сторонке, выудил оба рюкзака и соорудил новую груду камней. Потом, забившись в расщелину, вытащил солдата следом, прикрывшись его телом, как щитом. Если тот испустит дух, то хотя бы послужит маскировкой. А если горгульи ринутся в нападение, сыграет роль заслона от их когтей. Дориан принялся нагромождать вокруг камни в надежде, что те перекроют хоть часть тепла, исходящего от их тел.

Он схватил винтовку, но не потрудился водить лазерным прицелом туда-сюда. Змея израсходовала всю его энергию до капли. Слоун чувствовал себя изнуренным почти до той же степени, что и при каждом разговоре с Аресом. Атлант зацапал его – зацапал весь род людской, – будто давеча змея в пещере: беззвучно, исподволь, во тьме

сдавлив его удушающими объятиями в надежде выдавить из него всю жизнь до капли, чтобы потом пожрать его бездыханный труп.

Дориан смотрел, как огонь поглощает последнюю траву. И пока пламя угасало, озаряя тьму рдеющими углями, он ощутил, что в душе его занимается новый костер.

*

При виде Вэйла, пробирающегося сквозь лес по вырубленной ими тропе, душу Кейт омыла волна облегчения.

– Дэвид! – позвала она, покидая укрытие и бросаясь к нему в объятия.

Он с кряхтением чуть вывернул голову.

Ранен. Ладони Кейт начали обшаривать его, отыскивая, откуда сочится кровь.

– Я в порядке. Просто щепки.

Дэвид оглядел остальных членов группы.

– Надо поднажать, – сказал он и вместе с Соней пошел во главе. Остальные потянулись следом.

*

Два часа спустя группа увидела выход из ковчега 1701-Д.

Осталась лишь одна проблема: он находился почти в двадцати футах от земли.

Дэвид подошел к тому месту, где последняя темная полоска земли касалась твердого композитного материала стен ковчега. Почва здесь оказалась жирной. Странно.

Группа сосредоточилась на двух неотложных задачах: доставить взрывчатку к двери ковчега, а затем – конечно, при условии, что удастся пробиться сквозь нее – вытащить всех отсюда. Они наскоро обменялись идеями о том, как добраться до двери; в частности, как срубить дерево, по которому можно вскарабкаться. «Воспользуемся мачете; нет, это отнимет слишком много времени». – «Использовать немножко взрывчатки; нет, слишком рискованно: чтобы пробиться, она может потребоваться вся без остатка. Если ее не хватит, мы можем здесь застрять». – «Расстрелять дерево; нет, нам нужны патроны для обороны от Дориана и экзодонов, а шум может навлечь беду».

Наконец они сошлись на самом архаичном – без пуль и гранат, но зато и без шума – способе доставить взрывчатку к двери ковчега.

Дэвид встал в основании. Соня встала ему на плечи, старательно удерживая равновесие и вытянув вверх обе руки, на ладони которых опирался стопами Мило. Она немного тряслась от напряжения, пока парень тянулся вверх, прикрепив заряд к двери и нажав на кнопку, чтобы активировать его.

Соня позволила Мило упасть в ее подставленные руки, и Дэвид от удара резко крикнул. Потом она спустила юношу и тут же спрыгнула сама. Все поспешили укрыться, в тревоге дожидаясь результатов надвигающегося взрыва.

Когда пыль осела, они увидели тусклое аварийное освещение коридора по ту сторону и с ликующими воплями бросились обниматься. Дэвид стиснул в объятиях Кейт, потом налетевшего на них Мило. Мэри оказалась в объятиях Пола, и Вэйл резко кивнул Соне, позволившей себе изогнуть губы в чуть заметной улыбке.

Они снова выстроили людскую пирамиду, на сей раз ради переброски команды наверх: сперва Мило, за ним Мэри, Кейт, Пол и Соня, велевшая остальным держать ее, а сама взявшаяся за лямки трех рюкзаков и спустившая их Вэйлу. Прыгнув с разгона, он ухватился за лямки и, упираясь ногами в стену, поднялся достаточно высоко, чтобы дотянуться до руки Сони. Она подтянула Дэвида к себе, а остальные вытащили их обоих.

*

Дориан пробудился от грохота взрыва. Его моментально охватил страх: спать он вовсе не собирался. И тут же в него ткнулась голова солдата.

– Сэр? – хрипло прошептал тот.

– Оставайся здесь.

Подбежав к краю карниза, Дориан направил в сторону взрыва прицел винтовки.

Дверь. Выход. Команда Дэвида проложила путь отсюда. На глазах у Слоуна эта команда, на самом деле насчитывавшая шесть человек – ни одного из которых Дориан и в глаза не видел, кроме Кейт, – забралась наверх и скрылась.

Он со вздохом оглядел ковчег. Тот притих, а в дальнем углу, где джунгли примыкали к выходу, выглянуло солнце. На противоположном утесе растянулись две заляпанные грязью птицы, принимая солнечные ванны.

Дориан задумался, останутся ли они там, пока светит солнце. Если да, то путь ему вслед за Кейт и Дэвидом открыт.

*

Вслед за Кейт вся команда рысцой припустила по коридору прочь от устья ковчега и подстерегающей за ним опасности.

В порталной комнате доктор Уорнер поманипулировала зеленым световым облачком и направилась к сводчатой двери.

– Все готово.

– Ты можешь ее закрыть? Помешать Дориану увязаться следом? – осведомился Дэвид.

– Нет. Корабль переключился в аварийный режим. Это последний путь эвакуации. Отключить его невозможно.

Вэйл кивнул. Один за другим Мило, двое воинов и трое ученых прошли сквозь белый мерцающий световой проем в бакен атлантов.

Часть II

Бакен Атлантиды

Глава 22

Когда Мэри Колдуэлл вышла из портала, ее сердце едва не остановилось. Пол был жемчужно-белым, стены – матово-серыми, но внимание ее более всего на свете захватило панорамное окно прямо перед порталом. За ним висела Земля – бело-голубой и зеленый мраморный шар на фоне черного холста.

Это зрелище довелось видеть немногим из людей – только астронавтам. Они были героями, шедшими на риск, дабы узреть все это, приумножить знания человечества, рискуя собственными головами. В детстве Мэри мечтала об этом мгновении, о путешествии в космос и великое неведомое, но это всегда представлялось ей чересчур рискованным, так что Мэри удовольствовалась карьерой астронома в чаянии внести свой вклад, пусть и прочно стоя обеими ногами на земле. Хотя на самом деле всегда стремилась именно к этому.

А здесь и сейчас поняла: что бы ни случилось в будущем, умрет она счастливой.

*

В голове у Пола Бреннера застряла единственная мысль: «Мы в глубокой заднице». Примерно то же самое он чувствовал что ни день с самой вспышки Чумы Атлантиды, но на сей раз несколько по-иному. Сейчас он чувствовал себя малость выбитым из колеи. Его конфронтация с Террансом Нортон, его убийство едва не заставили его слететь с катушек. Бегство наперегонки с наводнением в Марокко, потом вся эта жуть в странном местоположении на корабле атлантов, а теперь еще и это – пребывание на орбите Земли с видом на нее сверху вниз...

Он привык пытаться сдерживать неудержимое и управлять неуправляемым – вирусами, – и знает правила этой игры: патогены, биология, политика.

Здесь же ему уцепиться просто не за что.

Бреннер почти непроизвольно оглянулся на Мэри, стоящую рядом. Такой он ее не видел... давным-давно.

*

Увиденное только упрочило Мило в убеждении, что он здесь не без причины, что ему уготовано сыграть свою роль. Вид планеты, которую он в детстве считал невообразимо просторной, почти бескрайней, нынче же уменьшенной до размера мячика, парящего в безграничной Вселенной, напомнил Мило о том, как мал он сам, как ничтожна отдельная жизнь – всего лишь капелька в человеческом море, исчезающая в мгновение ока, оставив по себе лишь мимолетно расходящиеся по воде и угасающие круги.

Он верил, что эта капля может содержать яд, а может – и панацею от всех недугов века, представляющего собой лишь тончайший слой воды на поверхности краткого мгновения. Сам Мило не воин, не вождь и не гений. Он обвел взглядом своих спутников, находя все эти качества в них. Но зато он может им помочь. Ему суждено сыграть свою роль. В этом он не сомневался.

*

Дэвид внимательно оглядел тесное помещение, в которое вывел их портал, и пробежался по единственному кольцевому коридору, держа винтовку наизготовку и поводя стволом вправо-влево. Ни души.

Похоже, жилая зона бакена представляет собой одноэтажное пространство наподобие тарелки.

Портал, из которого они только что вышли, занимает всю внутреннюю секцию, будто круглый ствол лифтовой шахты в центре высотного здания.

Дэвид сделал еще круг, снова начиная от устья портала и панорамного окна, двинувшись по часовой стрелке. В общей сложности на бакене оказались четыре каюты наподобие келий экипажа на посадочном модуле (одна узкая кровать, столик и закрытая сантехническая кабинка, которую Дэвид просто звал про себя «душем», но по сути представлявшая собой акустический гигиенический агрегат без воды, зато с разноцветными стробоскопическими огнями); на задней стороне, противоположной portalу, обнаружили две большие комнаты – по-видимому, лаборатории; а последнее помещение, слева от панорамного окна, оказалось хранилищем, заполненным серебристыми ящиками, содержащими заодно парочку космических скафандров.

Вернувшись к portalу после второго обхода бакена, Вэйл застал остальных членов группы все стоящими там, зачарованно уставившись в окно. Надо заставить их переключиться на более актуальные задачи. Они физически и интеллектуально изнурены, но Дэвиду все равно хотелось взять этих взрослых людей за плечи, тряхнуть хорошенько и крикнуть: «Да придите же в себя, люди! Сосредоточьтесь! Убийцы, преследующие нас, могут подоспеть с минуты на минуту!»

Мило подобное еще простительно. Дэвид даже вообразить не мог, что было бы, если бы он сам в юности оказался на космической станции и узрел Землю. Наверное, штаны себе обмочил бы.

На лице Кейт застыло знакомое Дэвиду отсутствующее выражение: она с помощью своего импланта общалась с судном атлантов. При виде Вэйла отсутствующее выражение ее лица сменилось тревогой. Тогда и он встревожился. Чрезвычайно встревожился.

– Это единственный выход? – указал Дэвид на портал.

– Да, – подтвердила Кейт.

Эти слова заставили встрепенуться Соню.

– Заграждение или засада?

Дэвид тут же провел мысленную инвентаризацию увиденного на станции имущества. Маловато, чтобы загородить портал полностью. Крайне недостаточно.

– Засада, – решил он, кивнув в направлении четырех жилых ячеек.
– Устроим ее по эту сторону портала.

Вместе с Соней направившись к кладовке, он принялся вытаскивать серебристые ящики, выстраивая их штабелем перпендикулярно portalу, чтобы выпущенные ими пули летели в сторону кладовой и, как надеялся Дэвид, в Дориана и всех его уцелевших людей. Вэйл не знал, безопасно ли это, но Слоун, скорее всего, пройдет через дверь, паля перед собой во все стороны, так что...

Тут Кейт схватила его за руку.

– Нам надо поговорить.

– Я побуду на часах первой, – заявила Соня, устраиваясь за ящиками.

Кейт потянула Дэвида в ближайшую каюту.

– Кают еще три, всем по одной, – сообщил он. Осталось еще четыре человека, а кают только три, но они уж как-нибудь разберутся.

*

Повалившись на узкую койку, Пол принялся стаскивать с себя комбинезон атлантов. Дверь открылась, и вошедшая Мэри поставила свой рюкзак у порога.

Пол думал, что Мэри займет каюту с другой женщиной.

– Я могу поселиться вместе с Мило.

– Нет. Всё в порядке.

– Но ты же не хочешь...

– Извини. Соня... как-то пугает меня.

– Ага, меня тоже, – кивнул Пол.

*

«Ну, хоть какие-то хорошие новости», – подумал Дориан. Боец, которого змея едва не прикончила, мог передвигаться самостоятельно и оказался не из числа блевотников, так что, возможно, ему достался лучший из первоначальной шестерки. Как бы там ни было, другого у него все равно нет.

Болтливостью этот субъект по имени Виктор не отличался. Впрочем, на этом хорошие новости и исчерпывались.

Через несколько часов марша сквозь джунгли Виктор наконец спросил:

– Какой у нас план, сэр?

Остановившись, Дориан хлебнул воды из фляги и протянул ее бойцу. Впереди уже замаячил развороченный металл на месте выхода, взорванного Дэвидом.

– Нырнуть в кроличью нору и закончить дело.

*

– У нас проблема, – с места в карьер выложила Кейт, едва дверь закрылась.

Дэвид присел к столику, наконец позволив навалившейся усталости взять свое.

– Ты не будешь любезна больше не говорить подобного, даже если мы будем по уши в дерьме? От этой фразы меня коробит куда больше, чем от самих проблем.

– А что я должна говорить, по-твоему?

– Ну, не знаю. Скажем, «нам надо принять решение».

– Нам надо принять решение.

Дэвид улыбнулся, явив Кейт усталый облик безоговорочной капитуляции, тотчас же смягчивший ее.

– Сообщение Януса – совсем не то, что мы думали.

Дэвид выжидательно огляделся.

Включив экран над столом, Кейт воспроизвела передачу Януса.

– А вот это, – сказал Вэйл, – действительно очень–
очень
серьезная проблема.

Глава 23

Сидя за столиком, вмонтированным в серую стену, Дэвид пытался охватить своим истощенным умом сообщение Януса.

– Проиграй-ка его еще разок.

Сидя на краешке узкой койки у него за спиной, Кейт с помощью своей нейронной связи с бакеном включила воспроизведение видео.

– Что ты собираешься делать? – поинтересовалась она.

– Мы должны поделиться этим с группой.

Не видя ни единого разумного образа действий, Дэвид считал, что принимать решение следует коллективно.

*

Вэйл обошел станцию, собрав всех в большой лаборатории в задней части бакена. Кейт запрограммировала двери не закрываться, и теперь стояла в открытой комнате вместе с Мило, Мэри, Полом и Соней. Дэвид сменил последнюю, рассудив, что она тоже должна увидеть ролик собственными глазами. Сам он сидел на импровизированном блокпосту у портала, нацелив винтовку поперек линии входа в сторону пустой кладовой.

Не дожидаясь начала показа, Пол встал перед экраном, обратившись к Кейт:

– Извиняюсь, но можно мне сперва кое-что сказать? Я просто... не уверен, что здесь вообще можно стрелять. – При этом он старательно избегал встречаться взглядом с Дэвидом.

– Согласна, – тихонько подхватила Мэри.

Соня напряжинилась.

– Если Дориан Слоун войдет через эту дверь, я в него стреляю!

Конец дискуссии, – крикнул в ответ Дэвид.

– Ну, это... – деликатно кашлянув, проямлила Мэри. – Мне кажется, что лучше бы выстроить ящики перед порталом. Тогда мы будем знать, если кто-то войдет в него, и вы откроете стрельбу в портал – таким образом пули хотя бы полетят в другой корабль.

– Вы подразумеваете, – вступила Соня, – что портал перешлет пули? Если нет, они пройдут через механизм портала прямо посерединке, и мы окажемся здесь в ловушке, что куда хуже быстрой смерти от декомпрессии, следующей из другого допущения. Столь совершенный космический корабль наверняка выдерживает удары извне. Хотя я и не специалист по этой части, но уверена, что в космосе летает уйма камней от малых до великих, некоторые из которых движутся весьма стремительно. Было бы логично предположить, что конструкция этого бакена также должна противостоять нарушению целостности изнутри, а если и нет, то быстро ликвидировать пробойны.

– Об этом я... э-э... не подумала, – зарделась Мэри.

– Тут много о чем надо подумать, – произнесла Соня. – У нас у всех рассудки на грани истощения своих возможностей. Слишком

много неизвестных. Конечно, – обернулась она к Кейт, – если только эти неизвестные не известны.

– О, совершенно неизвестны, – ответила Кейт. Ее память атланта зияла лакунами, и она не представляла, на что способен бакен, в том числе и выдержит ли он перестрелку.

– Вы сказали, будет кино? – деликатно встрял Мило.

– Да. Типа того. – Кейт активировала большой экран, воспроизведение пошло, и все пятеро отступили, образовав полукруг перед экраном.

Янус стоял на мостике корабля атлантов, на котором он и его коллега добрались до Земли, а потом спрятали на обратной стороне Луны, похоронив под тысячами футов лунного грунта.

– Меня зовут доктор Артур Янус, – со стоическим выражением лица начал Янус. – Я – ученый и гражданин давно погибшей цивилизации. Много лет назад мы совершили величайшую ошибку и дорого за нее заплатили – жизнями чуть ли не всех членов нашего общества. Уцелевшие представители нашего племени укрылись здесь, на этой планете, затаившись в ожидании. И мы повторили свою ошибку.

Корабль содрогнулся, и панели мостика у Януса за спиной мигнули, загорелись и совсем погасли.

– Я обращаюсь к вам, уничтожившие наш мир, те, кому мы причинили кривду: прошу вас, не распространяйте свою месть на обитателей этой планеты. Они – тоже жертвы.

Мостик охватило пламя, и через секунду видеоролик оборвался.

– Да уж, вот... – начал Пол. – Посланием союзникам это не назовешь.

Мэри прикусила губу.

– А откуда нам знать, что отклик – полученное мной послание – отправлен в ответ на это сообщение? И известно ли вам, что содержится во входящем послании?

– Нет, – сказала Кейт. – Правду говоря, то, что вы получили, входило в передачу. Порой бакен ретранслирует входящие сигналы, но не в данном случае. – Картинка на экране сменилась, показывая журнал входящих и исходящих сообщений. – Вот исходящее сообщение Януса, отправленное с главного судна четырнадцать дней назад. Странность в том, что он направил его на квантокомм-бук...

– Квантокомм?

– Это типа ретранслятора, который атланты использовали для коммуникационного трафика на большие расстояния. Отправка информации через пространство – не проблема; просто нужно свернуть пространство, создав временную «кротовую нору», а для этого нужна энергия. Буйки образуют эти кротовины на крайне малую долю секунды и передают данные. По Галактике раскиданы миллионы буйков, образующих резервированную сеть.

Все, кроме кивнувшей Мэри, уставились на нее в полнейшем недоумении.

– И что ж тут такого? – полюбопытствовал Пол.

– А то, что отсюда следует, что Янус замаскировал источник сигнала, прогнав его через такую уйму буйков, что я даже не могу отследить отсюда места назначения. Он явно не хотел, чтобы получатели знали, откуда сообщение пришло.

– Но они каким-то образом его отследили, – заметила Соня.

– Может, да, а может, и нет, – возразила Кейт, выделив следующую строку в регистрационном журнале. – Ответ пришел через двадцать четыре часа после ухода сообщения. Оно было снабжено кодом доступа атлантов, так что бакен его пропустил. Что кажется мне странным, так это то, что он не содержит сообщения в формате и кодировке атлантов. Это сообщение очень... «земное» – содержание его куда более примитивно, чем следовало бы ожидать. Компьютер атлантов даже не смог его прочесть.

– Как будто отправитель знал, что атланты прячутся на менее развитой планете... – начал было Пол.

– Это наживка! – перебил его Дэвид криком со своей позиции у портала.

– Согласна, – откликнулась Соня. – Если послание было адресовано заклятому врагу и тот не сумел отследить место его отправления, то мог разослать липовые послания всем подозрительным мирам в чаянии выманить нас из укрытия.

– В надежде, что мы отзовемся, выдадим свое местонахождение, а еще лучше – отключим бакен, чтобы они смогли рассмотреть во всех подробностях, что творится на Земле.

– На ней есть наш адрес, – сказала Мэри, но быстро добавила: – Впрочем, пожалуй, они могли послать персонифицированные

послания на все планеты.

Кейт отметила про себя, что подобное осознание далось этой женщине с болью, словно только что умерла надежда, которую она лелеяла так давно.

Пол потер виски и побрел в сторону.

– Я слишком устал, чтобы думать. Очевидно, ответить мы не можем – по крайней мере, пока, – и отключить бакен тоже не можем. Янус явно был уверен, что враги атлантов еще там. Что же нам осталось? Что нам делать? – Он бросил взгляд в сторону портала.

– Согласна, – поддержала Соня. – Мы в западне.

Глава 24

Закрыв глаза, Кейт помассировала веки. Женщина устала до смерти, и от того, что последний час сидела за столом в каюте, тарась в экран, вымоталась еще больше. И все же... она не могла отделаться от ощущения, будто что-то упустила из виду. А может, просто выдавала желаемое за действительное, в своем отчаянном стремлении втемяшив себе в голову, будто выход из ловушки, в которой они застряли, все-таки есть...

Дверь открылась, и через порог ввалился Дэвид, засыпающий прямо на ходу.

– Как поработал, милый? – улыбнулась Кейт.

Он едва сумел добрести до койки, прежде чем рухнуть на нее.

– Как охранник в супермаркете атлантов.

– Озорные детишки нашалили в ресторанном дворике? – склонилась над ним Кейт.

– Администраторша уволила меня за то, что уснул на работе.

Кейт принялась стаскивать с него грязную тунику.

– Ну, уволить тебя не могут, – с наигранной заботливостью заворковала она. – Без тебя этому бакену атлантов никак не обойтись. Но ты перепачкаешь всю постель.

Собрав его штаны и ботинки, она сунула их в установленный в углу дезинфектор одежды. Дэвид следил за ней одними глазами, не шевеля ни единым мускулом.

– Как это работает? Я имею в виду стиралку атлантов. А вообще-то... не говори. Мне плевать.

Кейт вручила ему бесформенный мягкий пакет, потом открыла колпачок на конце и поднесла его к губам Дэвида.

– Что это?

– Обед. – Она выдавила немного геля ему в рот.

Сев, Дэвид выплюнул оранжевую жижу на стену.

– О боже, это ужасно! Что за... Что я вам такого плохого сделал, дамочка?

– В самом деле? – склонила Кейт голову к плечу и съела немного жижи. – Это просто предварительно ферментированные аминокислоты, триглицериды...

– На вкус как понос, Кейт.

– Неужели ты пробовал...

– Только что. Это ужасно. Как ты можешь это есть?

Кейт этот вопрос тоже озадачил. Ей смесь показалась почти безвкусной. Может, это из-за того, что она меняется, становится более... атлантической? Женщина выбросила эту мысль из головы.

– Я не стал бы этого есть, даже будь это моя последняя трапеза. Я лучше помру с голоду.

– Какой пафос!

– Что у нас там осталось? – указал Дэвид на рюкзак.

Открыв его, Кейт принялась перебирать сухпайки.

– Тушеная говядина, курица-барбекю с черной фасолью и картофелем, макароны-чили...

Дэвид повалился обратно в постель.

– Ой, скажи мне какую-нибудь сальность.

– Ты чокнутый, – ткнула его Кейт кулачком в грудь.

– Тебе это по вкусу, – ухмыльнулся он.

– Да. Значит, и я чокнутая.

– Я съем то, что тебе по вкусу, – сказал Вэйл.

– Не думай, будто я еще способна отличать одно от другого.

Дэвид на миг сдвинул брови, а затем его улыбка померкла, когда до него дошло, что Кейт имела в виду.

Схватив пакет не глядя, он вскрыл его и начал поглощать содержимое за обе щеки.

Кейт хотелось, чтобы он ел помедленнее, дав выделиться большему количеству пищеварительных ферментов, чтобы пища лучше усвоилась, выделив ему больше полезных калорий от трапезы.

Именно ради этого она и хотела его накормить более насыщенным питательными веществами гелем атлантов. Но... у людей свои нужды.

Дэвид игриво ущипнул ее за нос, пытаясь прогнать дурное настроение.

– Кровь из носу больше не идет.

– Не-а.

Вэйл вдруг застыл, не донеся вилку до рта.

– Это из-за экспериментов, не так ли? Из-за симуляций.

– Ага.

Дэвид доел остатки пайка.

– Когда «Альфа» сказал, что тебе... осталось от четырех до семи дней... Он не был уверен в твоём здоровье – в диагнозе. Он не знал толком, сколько экспериментов ты над собой произведешь. Ни одного означает семь дней, правда?

– Ага.

– Хорошо, – проронил Дэвид. – Семь дней лучше четырех.

– Согласна, – тихонько молвила Кейт.

– Ладно, давай поговорим о...
решении

.

– Каком еще решении? – Она приподняла брови.

– Насчет длинного паса.

Кейт терпеть не могла спортивные метафоры.

– У нас есть длинный пас?

Он приподнялся на локте.

– Ну, знаешь, пас через все поле наудачу в четвертом периоде. Мы как раз в нем, Кейт. И оба знаем это. Ты сказала, этот бакен подключен к несметному числу квантовых буйков. В моем представлении, у нас только один ход: послать SOS. Скажем... ну, не знаю, «наша планета атакована превосходящими силами инопланетных оккупационных войск». – Он помолчал. – Ничего себе. Я пытался изобразить это чрезмерно панически и пафосно, но на самом деле это верно на все сто процентов.

Кейт озарило. Вот оно. Дэвид продолжал говорить, выдыхаясь с каждым словом – утомление и объединение быстро отнимали у него

силы.

– То бишь, ага, какие-нибудь негодяи это прочтут. Может, они и покажутся, но может быть, каким-нибудь галактическим добродеем будет не начхать, и, вообще, мы в заднице, если сделаем это, в заднице, если не сделаем...

Кейт толкнула его на кровать.

– Отдохни. Ты только что подал мне идею.

– Какую идею?

– Скоро вернусь.

– Разбуди меня через час, – подал Дэвид голос ей вслед. Да ни за что она не разбудит его через час. Ему нужен отдых. Если Кейт права, ему потребуется быть на самом пике формы.

Возле каюты она встретила Соню и Мило, составивших гарнизон импровизированной крепости, обок сияющего белизной портала. Наверное, впервые в жизни Мило не улыбнулся Кейт, угрюмо кивнув ей с видом, говорившим: «Дело серьезное. Мы тут несем караульную службу».

Кивнув в ответ, доктор Уорнер прошла мимо и чуть ли не бегом устремилась в кабину связи в задней части бакена. Там она вызвала журнал трансляций, но на сей раз ввела иной диапазон дат – около тринадцати тысяч лет назад.

Даты побежали по экрану, и Кейт прямо не поверила собственным глазам.

*

Дориан протянул руку Виктору:

– Я тебя подтяну. Надо торопиться.

Солдат карабкался на дерево, приставленное к выходу из ковчега, примерно вдвое дольше Дориана. Этому имбецилу нипочем не выиграть Олимпийские игры.

Слоун рывком вздернул бойца в темный коридор, и они снова тронулись вперед. Дориан радовался, что сюрной хаммам, битком набитый змеями, летающими невидимками и бог весть кем еще, наконец остался позади.

Хотел забаррикадировать дверь, чтобы ни одна тварь оттуда не выбралась, но времени на это не было.

Вдвоем они медленно пробирались по коридору, снова босиком, как на пути к ковчегу, осторожно, чтобы ни звуком не выдать своего

местонахождения.

Дориан без проблем признал тот факт, что Дэвид силен и умен. Вполне в его духе отправить Кейт на бакен, а самому остаться здесь на страже, поджидая, чтобы захлопнуть капкан.

Если Кейт уже отправила сообщение или отключила бакен, Дориан опоздал. Эта мысль давила на него несносным бременем, как пресловутая тяжесть мира, покоящегося на его плечах, но торопиться со штурмом он попросту не мог. Если шанс еще не упущен, только он может им помешать. Если он потерпит поражение, то вместе с ним и весь мир, ради которого он пожертвовал столь многим.

В одном Арес был несомненно прав: Дориану еще предстоит сыграть свою роль.

Его зрение уже приспособилось к темноте, видя все дальше и дальше, несмотря на тусклое аварийное освещение.

Впереди показалась ожидающая порталная комната.

Перед порогом они с Виктором помешкали, обменявшись сигналами, а затем бросились внутрь, обводя помещение стволами винтовок. Ни души.

Дориан поработал с зеленым облачком над панелью, и серебряная арка портала ожила.

Виктор сделал шаг к ней.

– Подожди! – скомандовал ему Слоун. – Надо проявлять осторожность.

*

Мэри и Пол лежали на узкой постели, оба глядя в потолок.

– Я чересчур перенервничал, чтобы уснуть, – сказал Пол.

– Я тоже.

– Почему-то и в душ мне тоже не хочется.

– И со мною то же самое, – ответила Мэри.

– Почему бы это? Думается, это из страха находиться в душе в момент, когда начнется штурм, когда поднимется стрельба. Может, из-за того, что надо раздеться. Вроде как не хочется, чтобы тебя застрелили голым.

– Угу. Определенно из-за наготы.

– И чувства вины. Знаешь, когда все будет позади, если инопланетяне доберутся сюда, не хочется, чтобы они записали в бортовой журнал. – Изменив голос, Пол заговорил на манер

компьютера: – «Этот человечешко был в чем мать родила, когда его мир полетел в тартарары. Он тер левое бедро, когда другой злой человек вторгся и убил его команду, что привело к концу. Он также не смог отмыть спину».

Мэри рассмеялась:

– Мы откровенно бредим, – и перекадилась к нему, сунув лицо ему под мышку. – Не могу выбросить этот шифр из головы.

– Что именно?

– Зачем посылать две части? Если это наживка, так почему бы не испробовать что-нибудь более прямолинейное? Просто двоичный код.

Пол улыбнулся.

– Сложное зашифрованное послание не производит впечатления приманки.

– Это вроде теста, чтобы поглядеть, сможем ли мы его решить.

– Или шифр нужен для того, чтобы больше никто не мог его прочесть. Или решить.

– Любопытно... – пробормотал Пол.

Тут дверь распахнулась, и на пороге вырос Мило. Улыбаясь во весь рот, он поднял брови на лоб.

– У доктора Кейт важные вести!

*

Когда группа собралась в большой кабине связи в задней части бакена, Кейт сообщила:

– Возможно, я нашла решение.

– Решение чего? – уточнила Соня.

– Как выбраться с этого бакена.

Глава 25

Кейт вывела на большой экран в коммуникационном отсеке журналы трансляций. Собравшиеся продемонстрировали весь спектр возможных реакций. Мило улыбнулся. Лицо Сони осталось непроницаемым. Мэри прищурилась, вникая. Пол занервничал, словно результаты сейчас сообщат ему, сколько осталось жить.

Дэвид, охранявший портал, вытянул шею, стараясь через центральный цилиндр заглянуть на экран хоть одним глазком.

– Это журнал трансляций примерно тринадцатитысячелетней давности, – пояснила Кейт. – Это точный момент гибели Атлантиды – сразу после диверсии Ареса против посадочного модуля «Альфа» близ побережья Гибралтара. Во время этой диверсии корабль раскололся пополам, и Янус оказался в западной половине, отброшенной в сторону Марокко.

– Той, которую мы только что покинули, – подхватила Мэри.

– Да. Нам известно, что напарница Януса погибла в результате этой диверсии тринадцать тысяч лет назад. Он отчаянно пытался воскресить ее в одной из труб в другой половине, что близ Гибралтара. В последние дни Чумы Атлантиды я узнала, что его попытка воскресить напарницу отчасти удалась: ее воспоминания достались мне. Последние две недели я пыталась получить доступ к этим воспоминаниям... в надежде, что смогу...

Кейт встретила взглядом с Дэвидом. Потом повернулась к экрану и продолжала:

– Я пыталась получить доступ к этим воспоминаниям, но они были стерты из хранилища данных посадочного модуля «Альфа». Теоретически подобное невозможно – воскрешение, особенно хранение данных памяти, должно следовать жесткому регламенту атлантов. Но пару минут назад я узнала, что на самом деле Янус не удалил эти воспоминания. Система воскрешения ему не позволила бы. Так что он взял те воспоминания, которые считал нужным скрыть от напарницы, и переслал их на бакен. Потом разделил их на три части и переслал на три другие бакена, удалив с этого. Копии остались на посадочном модуле, но поскольку в сети бакенов были другие активные копии, Янус смог переместить их в архивное хранилище. Как только они оказались там, он физически повредил массив хранения данных. А заодно дезактивировал активный канал обмена данными с бакеном – вот почему мы не могли увидеть отправленное им послание и сигнал, который Мэри получила с посадочного модуля: отключением канала связи с бакеном Янус гарантировал, что копии воспоминаний не могут быть восстановлены через сеть бакенов.

– Соня! – позвал из холла Дэвид. – Подмени-ка меня.

Та без единого слова покинула кабину связи, и, едва обогнув поворот, Вэйл впери в Кейт пристальный взгляд.

– Ни в коем случае!

– Ты даже не знаешь, что я собираюсь сказать.

– Знаю. И ответ – нет.

Пол и Мэри вдруг крайне заинтересовались, что происходит на полу у их ног. Почти неизменная улыбка Мило погасла.

– Ты дашь мне закончить?

Скрестив руки на груди, Дэвид прислонился спиной к дверному косяку.

Кейт вывела на большой экран карту сети бакенов, отобразившую подобие тысяч взаимоперекрывающихся паучьих тенет.

– Атланты развернули эти маскирующие бакены по всей Галактике – нарождающиеся человеческие миры, исследовательские участки и военные карантинные зоны – везде, где находилось что-нибудь такое, что они хотели скрыть от глаз находящихся в сфере действия бакена.

– Невероятно, – проговорила Мэри, зачарованно приближаясь к экрану.

– И куда это нас ведет? – Пол переводил взгляд с Кейт на Дэвида и обратно.

– Мы можем воспользоваться порталом, чтобы переместиться на любой из этих бакенов.

Мило просиял.

Пол переместился за спину Мэри – возможно, чтобы подхватить ее, если вдруг упадет в обморок.

– Это кажется... – проронил он, – весьма неопределенным.

– Рулетка атлантических бакенов, – презрительно фыркнул Дэвид.

– Другого выбора у нас нет, – резко парировала Кейт.

– А нам хоть
что-нибудь

известно о местах назначения бакенов? Ты сказала, что хранилище данных этого бакена было затерто, верно? Значит, эти бакены могут быть повреждены или даже выходить в открытый космос. Могут находиться в центре боевых действий – или под наблюдением этого заклятого врага. Стоит нам только переступить их порог, как они захватят нас и выяснят местонахождение Земли. И конец игре. Да мало ли что может пойти наперекосяк, существует

миллион всяких возможностей. Я с ходу могу назвать добрую сотню, а с фантазией у меня не фонтан.

Пол наконец перестал переводить взгляд с Кейт на Дэвида и обратно.

– А есть ли вероятность, что бакен назначения отключен? Что портал выбросит нас в открытый космос? Или в вакуум?

– Нет, – ответила Кейт. – Если между порталами устанавливается связь – значит, на том конце работоспособный бакен.

– А можем мы заслать какой-нибудь зонд? – поинтересовалась Мэри. – Чтобы одним глазком взглянуть, что происходит на том конце?

– Такого оборудования у нас тут нет, – покачала головой Кейт, – а возвращаться за ним в посадочный модуль, по-моему, слишком рискованно.

– Кто-нибудь из нас может просунуть туда голову, – предложил Дэвид, – чтобы поглядеть, не отстрелят ли ее. Вообще-то, бакенная рулетка тут определенно самый подходящий термин.

Кейт пропустила его шпильку мимо ушей.

– Есть основания полагать, что три бакена, на которые Янус разослал воспоминания, вполне безопасны.

– Основания? – язвительно переспросил Дэвид.

– Янус был гением. Что бы он ни делал, он заранее продумывал. – Кейт поглядела на Вэйла: – И ты это знаешь.

– Быть может, но он столь же продуманно пытался откатить назад семьдесят тысяч лет человеческой эволюции. Он был не таким уж большим фанатом современного человечества.

– Это правда, но мы не знаем,
почему
он хотел так поступить. Ответы хранятся там.

– И на самом деле весь сыр-бор ради этого. Сокращение семи дней до четырех, а то и меньше, ради парочки ответов.

– Дэвид, нам просто некуда идти. Если Янус выбрал эти три бакена не без причины, они могут быть частью его резервного плана – его последней попытки спасти нас.

– А может, он выбрал три бакена, находившиеся на грани уничтожения – пытался ликвидировать эти воспоминания...

– Не думаю, чтобы он так поступил.

– Резюме такое: если мы пройдем через портал, это может стать нашим концом, а если мы выдадим местонахождение Земли, – то и концом человечества. Это огромный риск, Кейт.

*

Дориан мысленно взвесил несколько вариантов штурма портала: бросить сквозь него фальшфейер, отправить первым Виктора – и, наконец, более скрытный подход.

Вытащив из-за пояса нож, он опустился перед порталом на колени и медленно сунул клинок в световую арку там, где купол смыкался с темным металлическим полом. Провел ножом вдоль всех четырех футов нижнего края портала, старательно избегая касаться пола или сторон, понимая, что звук может насторожить врага.

Нож не встретил ни малейшего сопротивления. Значит, дверь не забаррикадировали. По крайней мере, снизу. Дориан быстро продолжил проверку периметра портала, проведя клинком вдоль сторон и дотянувшись до верха арки высотой чуть более восьми футов.

– Они его не загородили, – сообщил он Виктору.

Пару минут спустя Слоун прислонился к стене, держа на плечах Виктора. Тот покачнулся, потом выравнялся, опершись ладонью о стену.

– Осторожно, – рыкнул Дориан. – Помни. Не мешкай.

Виктор погрузил лицо в свет лишь на пару дюймов в самом верху арки и тотчас же его отдернул. Глаза у него были вытаращены.

– Они все стоят вокруг и спорят.

– Все шестеро?

– Ага.

– Вооружены?

– Мужчина и африканка.

– Прекрасно. – Это их шанс. На лучшее Дориан и надеяться не мог. Не придется обыскивать бакен, никто не прячется, подстерегая их в засаде. Он бросился за своей винтовкой, лежавшей на полу посреди комнаты. – Виктор, быстро!

*

Полу подумалось, что они топчутся на месте. Группа перенесла дискуссию – теперь переросшую в перебранку – в зону портала, предположительно ради того, чтобы Дэвид нашел поддержку в лице Сони, действительно принявшей его сторону, выступив против атлантической бакенной рулетки.

– Предложи мне вариант получше, – потребовала Кейт. – Да вообще любой.

– SOS, – нашелся Дэвид.

– Он гарантированно выдаст местонахождение Земли. Гарантированно.

– А нам будет гарантирован еще день жизни.

– Не обязательно, – парировала Кейт. – Негодяйская команда быстрого реагирования может сидеть на прослушке.

– По-моему, мы топчемся на месте, – встрял Пол.

– Кажется, я что-то видела, – наклонившись к нему, вполголоса произнесла Мэри.

– Что?

– В портале.

В этот миг портал мигнул.

– Ты его перепрограммировала? – поглядел Дэвид на Кейт.

– Первое место назначения Януса. Я туда и сразу обратно...

– Нет. Если кто и пойдет...

Дэвид резко обернулся. Мило и след простыл.

Потом события разворачивались настолько стремительно, что Пол и уследить не мог.

Вэйл ступил к portalу, но Кейт схватила его за руку. Он обернулся к ней.

Соня пробежала через портал, потом Дэвид отбросил руку Кейт, ступил внутрь, и Кейт бросилась следом, оставив Мэри и Пола стоять там с разинутыми ртами.

*

Свет портала померк за долю секунды до того, как Дориан успел в него ступить.

– В чем дело? – опешил Виктор.

Аварийные протоколы посадочного модуля «Альфа» должны были поддерживать связь портала активной, чтобы единственный

аварийный выход сохранял работоспособность. Дориан поработал с панелью управления, и та вспыхнула словами:

Связь с порталом назначения прервана.

Он попытался восстановить связь.

Портал назначения занят.

«Занят?!» Может, враг начал вторжение на бакен. Или... Слоун принялся лихорадочно манипулировать панелью, неустанно повторяя попытки восстановить связь с порталом бакена.

*

Мэри настороженно шагнула в направлении портала.

Тут поверхность лучезарной арки пробило лицо, выдвинувшееся всего на пару дюймов.

Мило.

Глаза его были закрыты, черты искажены болью.

– Спасайтесь!

Мэри схватила Пола за запястье, впившись в него ногтями.

Но Мило тут же распахнул глаза и расплылся в ухмылке:

– Я просто пошутил. Пойдемте. Всё в порядке.

*

Как только связь портала восстановилась, Дориан бегом бросился через него и принялся обыскивать небольшую космическую станцию. Никого.

Они отправились на другой бакен. Дурачье. Какие там подстерегают опасности? Знают ли они? Или им наплевать?

Пройдя в кабину связи, Слоун активировал регистрационные журналы. Он выяснит их местонахождение за считанные минуты. Осталось лишь уповать, что удастся остановить их вовремя.

Глава 26

Мило новый бакен показался очередным чудом. И ведь команду привел сюда он, отправившись первым. Инстинктивно он знал, что это действие было его предназначением с самого начала. Парень

чувствовал, что если б не ступил в портал в ту самую секунду, случилось бы что-нибудь ужасное. Может, он никогда не узнает, что именно. Но повернувшись к своим спутникам, Мило ощутил что-то неладное.

*

Это совсем другой бакен, мгновенно понял Дэвид. Станция, укутывающая Землю, просто научный бакен – полы жемчужно-белые, стены матово-серые, вся обстановка минималистическая и клиническая.

Этот бакен выглядел более военным – темным и суровым, с черными полами и стенами. Да к тому же повидавшим виды, чуть ли не обветшавшим. Там, где в предыдущем бакене напротив портала зияло широкое панорамное окно, здесь же находилось лишь относительно маленькое промышленное окошко, смотревшее в черноту космоса, где мерцало несколько звезд, но ничего особенно не цепляло глаз.

Подняв винтовку, Дэвид начал обыскивать станцию. Соня следовала за ним по пятам, прикрывая ему спину.

Планировка обоих бакенов оказалась сходной – тарелка с порталом посередине. Однако здесь имелась еще и лестница, и два этажа, больше комнат и снаряжения. И здесь тоже не было ни души.

Вэйл ощущал едва уловимое движение. Может, бакен вращается?

Он вернулся к portalу, где к ним тем временем присоединились Пол и Мэри.

– Больше никогда так не делай! – схватил Дэвид Мило за плечи.

– Это должен был сделать я.

– Что?

– Я самый ненужный, – пояснил Мило с полупоклоном.

– Ты не ненужный.

– Я не ученый и не воин. Я...

– Ты ребенок.

– Нет, вовсе нет.

– Впредь будешь входить последним.

– Почему?

– Потому, – отрезал Дэвид, тряхнув головой. – Ты... поймешь, когда повзрослеешь. – Эти слова прозвучали для его собственного слуха как-то ирреально, ведь он слово в слово повторил то, что

родители талдычили ему невесть сколько раз, а сам он всегда думал, что это убогие отговорки.

– Я хочу понять это сейчас, – заявил Мило.

– Ты из нас всех должен подвергаться опасности в последнюю очередь.

– Почему?

Испустив тяжкий вздох, Дэвид тряхнул головой.

– Поговорим об этом позже. Просто... ступай пока в свою комнату, Мило.

Произнося это, Вэйл мысленно застонал. Он видел, что Кейт с трудом удерживает улыбку, когда Мило потащился к жилым отсекам.

Дэвид кивнул Соне, принявшейся устраиваться на часах перед порталом, и, приобняв Кейт одной рукой за плечи, повел ее к спальне.

– Ох уж эти подростки, – сказала она, когда дверь закрылась.

– Тобой я тоже недоволен, – отрубил Дэвид. – Это ты открыла ему дверь.

– Я же не представляла, что он туда войдет.

– Сперва о главном: может ли Слоун последовать за нами сюда?

– Да. Но найти нас ему будет трудновато.

– Насколько трудно?

– Один шанс из тысячи. – Кейт помолчала. – Разве что он отличается весьма недюжинным умом.

Дэвиду это пришлось очень не по душе. Дориана Слоуна он ненавидел. Изрядную часть своей жизни Вэйл посвятил отысканию Слоуна ради наказания, но при этом, не кривя душой, признавал: враг умен.

– В том-то и проблема.

Тут дверь открылась, и в проем просунул голову Пол.

– Я очень-очень извиняюсь, – поморщившись, проговорил он, – но вы оба должны это видеть.

Кейт и Дэвид последовали за ним обратно к portalу, где остальные уже стояли спинами к ним, глядя в маленькое окно.

Вэйл понял, что этот бакен действительно вращается. Пейзаж за окном изменился.

В центре сцены ослепительно пылало солнце, но дыхание у Дэвида занялось от вида плоской россыпи обломков, протянувшейся от бакена почти до раскаленной звезды. Останки космических

кораблей – тысячи, а то и миллионы кусков. Дэвиду пришло в голову, что если бы в космосе уничтожили сотню планет размером с Землю, обломки все равно заняли бы меньшую площадь, чем все эти разбитые корабли. Кружащие в пространстве остовы были по большей части черными или серыми, но там и тут в россыпь вкраплялись белые, желтые и голубые искорки. Обломки сталкивались между собой, и на долю секунды между ними проскакивали дуги иссиня-белого света, будто молнии. Если же охватить взглядом это сверкающее темное поле обломков целиком, то оно напоминало асфальтовую мостовую в космосе, ведущую прямо к солнцу.

Если другие застыли в оцепенении при виде Земли с предыдущего бакена, то теперь настала очередь Дэвида. Для воина и историка это зрелище обрело воистину трансцендентальный смысл.

Он ощутил, как отчасти внутренне надломился. Может, дело было в масштабах увиденного, в понимании, насколько ничтожна пылинка человечества в бескрайних просторах Вселенной, а может, просто в очевидном доказательстве, что в ней есть настолько могучие силы, походя уничтожающие целые миры. В чем бы ни состояла причина, что-то в нем в этот миг переменялось.

Кейт была права.

Они не могут прятаться. Или поджидать подходящего момента.

Шансы на выживание ничтожно малы.

Надо идти ва-банк сейчас же. Это их единственная надежда.

Глава 27

Дориану хотелось расстрелять компьютер бакена. И Кейт Уорнер заодно. За пару минут, пока портал был отключен от посадочного модуля «Альфа», она успела связаться с тысячей других бакенов. Все записи были привязаны к одному временному интервалу, не позволяя Дориану отследить, насколько долго портал был подключен к каждому бакену. Она могла подключиться к 999 бакенам за первую секунду, а остальное время потратить на доступ к их истинному пункту назначения. Они могут пребывать в любом из тысячи мест, включенных в запись.

Слоун принялся выхаживать по комнате из угла в угол. Как же их отыскать? За что ухватиться? Он проверил: записи видеонаблюдения

отсутствуют. Телепортация на другой бакен была рискованным шагом. То, что Дэвид и Кейт отважились на скачок, ошеломило даже Дориана.

Как они вообще выбрали место назначения? Наугад? Наверняка нет. Может, ей что-то известно? Должно быть... но что именно? За что она могла ухватиться? Кейт располагает воспоминаниями одной из ученых-атлантов. Не это ли послужило ей зацепкой? Может, она помнит что-то такое, что могло им помочь? Какого-нибудь союзника? Эта мысль поселила в душе Дориана тень сомнения. Если им известно больше, чем ему...

Он лихорадочно манипулировал компьютером. Да! На бакене имелась резервная копия памяти воскрешения. И в ней значилось три позиции: Януса, его напарницы, помеченная как удаленная, и... Ареса.

«Могу ли я просмотреть память воскрешения?» – запросил Дориан у компьютера.

Вам открыт доступ только к вашим собственным воспоминаниям, генерал Арес.

Бакен опознал его как Ареса. «Как мне их посмотреть?» – снова запросил Дориан у компьютера.

В комнате сбоку открылась дверца.

Переговорную кабину можно сконфигурировать как симулятор памяти воскрешения.

Слоун ступил в квадратную клетушку. Стены и пол ярко сияли, отчего казалось, будто кабинка сотворена из света и практически безгранична. Дориан заморгал, и все сменилось чем-то вроде железнодорожного вокзала. Над ним висело большое незаполненное информационное табло.

– Задайте дату воспоминаний, – громогласно пророкотал компьютерный голос.

«Дату воспоминаний», – подумал Дориан. С чего же начать? На самом деле он не имел ни малейшего понятия об этом. И, минутку помолчав, сказал:

– Покажи мне самое мучительное воспоминание Ареса.

Железнодорожный вокзал исчез, и Слоун увидел собственное отражение в вогнутом стекле, – но лицо принадлежало не ему, а Аресу. Выглядело оно почти так же, как в Антарктиде, однако черты были несколько иными. Не такими зачерствевшими.

Поначалу Дориану показалось, что он находится в очередной трубе, но радиус изгиба был чересчур велик. Он огляделся. Лифт. Остальная часть отражения показала его наряд – синий мундир со знаками различия на левой стороне груди.

Текли секунды, лифт поднимался, и Слоун ощутил, как его собственные мысли и присутствие понемногу тают. Теперь в лифте стоял только Арес; Дориан же просто наблюдал, переживая все как наяву. В этом воспоминании он был Аресом.

*

Лифт затрясся, потом неистово вздрогнул, отбросив Ареса к задней стене. Вокруг закружились слова и звуки, и он с трудом удерживался в сознании.

Размытые образы и неясные звуки слились воедино, оказавшись человеком, кричавшим ему на ухо:

– Командир, они нас перехватили! Разрешите примкнуть к главным силам флота?

Арес приподнялся, и в этот миг двери лифта разъехались, а корабль снова содрогнулся. Он стоял на мостике, где заднюю стену занимал изогнутый обзорный экран. Дюжина атлантов в мундирах по всей комнате с криками указывали на терминалы.

На экране четыре больших корабля удирали от сотен круглых темных объектов, мало-помалу настигавших их и стрелявших по ним. Темные сферы сошлись вокруг замыкающего корабля, сокрушая его в шар желтого сияния и синих вспышек.

– Примкнуть к главным силам, сэр?

– Никак нет! – гаркнул Арес. – Спустить спасательные шлюпки! И рассеять их на большом расстоянии.

– Сэр?

– Выполняйте! Когда мы отойдем от шлюпок, прикажите вспомогательным судам сбросить свои гравитационные мины, а всем кораблям – выпустить астероидные заряды.

На экране из уцелевших кораблей эскадры посыпались тысячи маленьких дисков; горстка из них столкнулась с шарами, теснящими

корабли. Взрывы раскололи сферы на куски, но их было слишком много.

«Мы погибаем ради защиты нашего флота», – подумал Арес, когда экран заполнился светом и испепеляющий жар, вспоровший судно, накрыл его с головой.

Он открыл глаза. Он стоял в крохотном прямоугольном кораблике с единственным окном, показывавшим вздымающуюся волну света – следы битвы, которую он только что вел.

Он оказался на одной из спасательных шлюпок: его аварийный эвакуационный признак портировал его на шлюпку вместе с девятью другими – старшим помощником с его собственного корабля и капитанами и старпомами с других кораблей эскадры. Все они стояли в своих медицинских капсулах. Несколько человек высунули головы, оценивая обстановку.

Волна докатилась до них, и вспышка палящего жара, боли и силы, сокрушающей кости во прах, снова прошла Ареса.

Он открыл глаза. Очередная спасательная шлюпка. Волна отдалилась. Эвакуационный признак портировал их на следующую шлюпку, когда волна уничтожила предыдущую. Арес не потрудился съежиться, когда волна начала накатывать. Он смотрел и ждал, внутренне собираясь. Сила, жар и боль снова омыли его, и он оказался в третьей спасательной шлюпке. На пятой он уже начал страшиться волны.

На десятой он уже не мог открыть глаз. Время словно исчезло. Была лишь пульсирующая волна муки и пустоты. Затем суденышко потрянуло, но жар и боль не пришли. Он открыл глаза. Шлюпка кувырчалась в космосе. Она вращалась, и Арес узрел, как гравитационная волна – уже не такая сильная – катится прочь, всколыхнув крохотные пятнышки света отдаленных звезд.

Арес закрыл глаза, гадая, иницирует ли спасательная шлюпка искусственную кому или просто позволит ему умереть, даже не зная, что предпочел бы сам. И толком не понял, что именно последовало за этим, но испытал лишь небытие, бездну времени без чувств и мыслей.

Заскрежетал металл открывающихся дверей шлюпки. Внутри ворвался воздух, и на него обрушился свет, рая взор.

Арес был внутри корабля, в громадном грузовом отсеке. Вокруг, тарашась, стояли десятки офицеров. Медицинский персонал в бело-

голубых одеяниях бросился на платформу шлюпки, выжидающе кивая ему.

Оттолкнувшись от алькова медицинской капсулы, Арес ступил наружу. Ноги у него подкашивались, и он изо всех сил пытался устоять, но опустился на пол. Почувствовал, как охватывает голени руками, сворачиваясь клубочком, и повалился на бок. Санитары подняли его на каталку и вывезли из шлюпки. Остальные девять офицеров остались в своих альковах с закрытыми глазами.

– Почему вы не забираете моих офицеров?

Санитар прижал к его шее какой-то прибор, и Арес потерял сознание.

Глава 28

Когда воспоминание Ареса закончилось, Дориан обнаружил себя снова в лучезарной комнате белого света внутри бакена, обращаемого вокруг Земли. Как и Арес прежде, он лежал на полу, свернувшись клубочком, трясаясь всем телом. Из носа у него бежала кровь, под горло подкатывала тошнота. Пульс участился, и кровь из носа потекла сильнее, словно его собственный страх высасывал из его тела всю кровь до последней капли.

Слоун мучительно боролся с подступающим беспамятством. Что это воспоминание с ним сотворило? Уже не первую неделю Дориан видел воспоминания Ареса. Во время Чумы Атлантиды он видел диверсию атланта на посадочном модуле «Альфа», равно как и события, формировавшие человеческую эволюцию последние тринадцать тысяч лет. Он знал, что Арес открыл ему эти воспоминания, позволил ему видеть то, что нужно ради спасения Ареса.

В последовавшие за этим недели начались носовые кровотечения и ночная испарина. Слоун то и дело пробуждался от кошмаров, тут же развеивавшихся...

Дориан задумался, не прикончит ли его высвобождение этих воспоминаний из-под спуда. А, собственно, есть ли у него выбор? Он должен узнать всю правду о прошлом Ареса, и ему отчаянно хотелось увидеть эти подавленные воспоминания, державшие в узде всю его жизнь, эти химеры, населяющие его подсознание.

Он огляделся. Казалось, у комнаты нет ни начала, ни конца; Дориан не мог припомнить, где тут дверь, но это не играло никакой роли, потому что покидать ее Слоун не намеревался.

В одном эти воспоминания не оставили сомнений: враг есть. Об этом Арес не солгал.

Впрочем, что-то тут не сходилось. В воспоминаниях у Дориана сложилось отчетливое впечатление, что атлант не был военным – во всяком случае, в то время. Сражение с сотнями сфер казалось импровизацией: астероидные заряды, гравитационные мины – это больше смахивало на орудия горной разведки, а вовсе не на оружие. Ни экипажи, ни корабли не были ни созданы, ни хотя бы подготовлены для сражения.

С помощью голосовых команд Дориан реактивировал симуляцию памяти воскрешения. И на симулированном железнодорожном вокзале загрузил следующее воспоминание, начинавшееся с того места, где прервалось прежнее.

*

Арес открыл глаза. Он лежал в постели лазарета.

Пожилой врач поднялся из кресла в углу и подошел к нему.

– Как вы себя чувствуете?

– А моя команда?

– Мы над ними работаем.

– Статус? – спросил Арес.

– Неопределенный.

– Поведайте мне, – приказал Арес.

– Каждый из них в коме. Физиологически они в прекрасной форме. Они бы должны очнуться, но ни один не может.

– Почему они не приходят в себя?

– Мы не знаем. Наша рабочая гипотеза заключается в том, что ваш порог физиологической боли, вашей ментальной выносливости выше.

Арес устался на белую простыню, покрывающую его.

– Как вы себя чувствуете?

– Хватит спрашивать меня об этом. Я хочу увидеться с женой.

Врач отвел глаза.

– В чем дело?

– Совет флота должен вас опросить...

– Сперва я увижусь с женой.

Врач бочком двинулся к двери.

– Охрана вас сопроводит. Я буду здесь, если понадобится.

Арес осторожно спустил ноги с постели на пол, гадая, не подведут ли его конечности, но на сей раз они держали атланта вполне надежно.

На столе покоился сложенный стандартный рабочий комбинезон. Ареса чуточку удивило отсутствие его мундира экспедиционного корпуса с рангом и знаками различия. Развернув тонкое одеяние, он неохотно облачился.

Стоявшие у двери охранники сопроводили его в аудиторию. За высоким столом в центре, перед подиумом, сидели дюжина адмиралов, а позади них занимали кресла еще две сотни граждан в разнообразных мундирах со знаками различия. Не знакомый Аресу адмирал велел ему предоставить полный отчет о миссии.

– Меня зовут Тарген Арес, я строевой офицер Седьмого экспедиционного флота. Текущая должность... – Перед его мысленным взором вспыхнуло видение его погубленной эскадры. – Моей последней была должность капитана корабля «Гелиос» и командира эскадры Седьмого экспедиционного флота группы «Сигма». Наше задание заключалось в захвате одной из сфер, в настоящее время именуемых «стражами».

– И вам это удалось?

– Да.

– Мы бы хотели сопоставить ваш рапорт с бортовыми журналами кораблей и телеметрией, полученной со спасательной шлюпки.

Гигантский черный экран у Ареса за спиной засветился, показав капитана на мостике его уничтоженного корабля. Экран показывал парящую в пространстве одиночную сферу.

Видео показало, как его четыре корабля преследуют сферу, а потом она преследует их.

– Как вы выманили ее из сторожевой черты?

– Мы изучали черту не одну неделю. Наша рекогносцировка охватила восемьдесят световых лет, подтвердив рабочую гипотезу, что сторожевая сеть полностью окружает изрядную полосу нашей Галактики. Сферы равноудалены друг от друга, как паутина, но они движутся, надвигаясь на нас. Они не представляют непосредственной

угрозы, но если этот темп движения сохранится, в отдаленном будущем, приблизительно через сто тысяч лет, «стражи» достигнут нашей солнечной системы.

По залу прокатился ропот.

– Как вы захватили сферу?

– Мы заметили, что время от времени они нарушают строй, но быстро возвращаются. Мы установили корреляцию этих событий с периодически попадавшимися космическими зондами – обычно древними островами, оставленными вымершими цивилизациями. Большинство питались солнечной энергией и подавали примитивные универсальные приветствия. Всякий раз сферы перехватывали зонды, проводили анализы, а затем уничтожали их. На инструктаже перед миссией нам сообщили, что «стражи» атакуют любой корабль, пытающийся пересечь сторожевую черту. Но ни один из кораблей ни разу не был уничтожен, так что уничтожение зондов показалось нам любопытным. Мы должны были воспринять это как предупреждение. Мы создали собственный зонд, воспроизводивший простой двоичный код. И воспользовались им, чтобы выманить сферу прочь.

Экран показал, как сфера преследует эскадру, настигая небольшой объект, летящий перед нею. Этот эпизод сменился куда более поздним, когда корабли окружили сферу, потом несколько монтажных последовательностей, в которых сферы уничтожались.

– Несколько попыток захватить сферу не удались. Наконец, мы сумели взять одну, хотя в процессе захвата мы вывели ее из строя.

На экране появился грузовой отсек корабля Ареса, стоявшего под нависшей над ним громадной черной сферой. Корабль содрогнулся, и Аресу пришлось опереться о стену.

– Это начало атаки. Дюжина сфер открыла огонь по «Гелиосу» плазменными зарядами. Мы сумели их обогнать. Линейные стражи казались довольно примитивными. Они куда медленнее наших кораблей. Полетное задание предписывало нам радиомолчание, и мы его поддерживали. Но через несколько часов открылись стабильные червоточины и прибыли новые «стражи». Сотни новых «стражей». Они были куда более... совершенными. И агрессивными.

Экран у него за спиной воспроизвел сражение.

– Почему вы не портировались к флоту?

– Из страха. Я боялся, что приведу этих новых «стражей» к Седьмому флоту, а со временем – и к родине. Я рассудил, что наша утрата оправдана. Те же опасения я питал по поводу передачи наших данных флоту. Я задействовал спасательные шлюпки в надежде, что командующие офицеры смогут выжить и мы сумеем доставить эти разведанные обратно. Я надеялся, что гравитационные мины уничтожат флот «стражей», а вызванная ими волна отбросит шлюпки за пределы обнаружения «стражами», опоздавшими к участию в боестолкновении. Я рассеял шлюпки так, чтобы в случае уничтожения одной наши эвакуационные признаки портировали нас на следующую в цепочке. Я не был уверен, что это сработает, но уповал, что шлюпки смогут донести хотя бы наши журналы и телеметрию.

– В этом отношении мы считаем вашу миссию успешной, Арес. Доставленные вами разведанные могут спасти нас в этой войне.

– Войне?!

Аудитория застыла в безмолвии.

– Меня проинформируют о последствиях моей миссии?

– Да. Частным образом. Это сделает лицо, чрезвычайно желающее вас увидеть.

Глава 29

Конвой сопровождал Ареса в большую каюту – куда более шикарную, чем была его капитанская на «Гелиосе». Его обхаживали, как члена адмиралтейства. Он попробовал терминал данных в надежде получить ответы, но тот был отключен. Что же от него скрывают?

Экспедиционному флоту было известно о «стражах» свыше сотни лет, но сферы считали просто реликтами давно исчезнувшей цивилизации – скажем, научными бакенами, исследующими звездные феномены.

Они явно оказались чем-то куда большим.

Дверь открылась, и через порог ступила его жена Мира. Из ее покрасневших глаз струились слезы.

Арес бросился было к ней, но застыл в полушаге, уставившись на ее округлившийся живот и пытаясь постичь, что это значит.

Одолев разделяющее их расстояние, жена крепко обняла Ареса. Он ответил ей объятиями. В голове у него роился миллион вопросов,

но победила одна простая мысль: «Я жив, и она здесь».

Они перешли к кушетке, и Мира заговорила первой:

– Я узнала сразу после вашего отлета. Я подавала несколько запросов на кратковременную отмену приказа о радиомолчании, но мне отказали.

– Я отсутствовал лишь одну десятую года.

Она сглотнула.

– Они хотели, чтобы обо всем тебе сказала я. На самом деле ты отсутствовал семь десятых года. Ты пропал без вести; через пять десятых года пришли к выводу, что вы погибли при исполнении долга. Мы с почетом похоронили тебя.

Арес уставился в пол. Отсутствовал более полугода? Что же с ним случилось? Он должен был покинуть медицинскую капсулу в спасательной шлюпке, когда волна прошла, как только черед портирований от одной спасательной шлюпки к другой прервалась. Но сознание не вернулось к нему. Время словно исчезло, и его разум был отлучен от реальности.

– Не понимаю.

– Врачи думают, что часть твоего рассудка практически отключилась – это случилось со всеми офицерами. Остальные по-прежнему пребывают в вегетативном состоянии, но физически они в полном порядке. Врачи очень беспокоятся за тебя. Они хотят, чтобы я... оценила тебя.

– На предмет чего?

– Любых ментальных изменений. Считают, что переживания изменили тебя – психологически.

– Как?

– Толком никто не знает. Считают, что переживания могли повысить порог толерантности к боли твоего рассудка и даже привести к постоянным изменениям в твоих мозговых связях, сделав тебя способным ко всякого рода... не хочу этого повторять. Врачи встревожены.

– Со мною всё в порядке. Я тот же, что и прежде.

– Вижу. Я им скажу. И даже если есть... осложнения, мы их поправим – вместе.

Что-то в нем переменилось. Арес ощутил в душе медленно вскипающую ярость.

– После того как ты пропал, – нарушила жена воцарившееся неловкое молчание, – меня перевели на «Пилос». Вели поиски две десятых года. Потом последовали похороны, но я убедила капитана позволить мне взять несколько исследовательских клиперов для продолжения поисков. Я использовала свой отпуск. По-моему, медперсонал флота считал, что если я буду заниматься поисками достаточно долго, пока не успокоюсь, это будет во благо моему здоровью и беременности.

– Это ты меня нашла?

– Нет. Наверное, я бы вообще тебя не нашла. В бескрайнем космическом пространстве при отключенном аварийном маяке шлюпки...

– Мне пришлось его выключить.

– Знаю. Иначе «стражи» нашли бы тебя.

– Не понял.

– Я нашла нечто иное. Мои сканеры дальнего радиуса показали обширные изменения в порядках «стражей». Их ряды распались. Они отступают. Мы полагаем, что ты пробил брешь в строю, и кто-то попытался прорваться в нее. «Стражи» бьются против них. Адмиралтейство и Глобальный Совет считают, что враги «стражей» могут оказаться нашими союзниками, если мы сумеем с ними объединиться.

Вынув из сумочки планшет, жена вручила его Аресу.

– То, что я узнала о рядах «стражей», убедило командование флота отправить все экспедиционные флоты на этот участок черты сфер. Каждый корабль искал тебя, задействовав зонды. Совместные рекогносцировки выявили, что брешь в ряду «стражей» разрастается. – Она вызвала изображение. – Вот почему.

Увиденное чуть не заставило Ареса отшатнуться. Поле боя, усеянное обломками тысяч кораблей, простерлось вокруг массивной звезды.

– Что...

– Это поле боя, где наши потенциальные союзники пытаются прорваться. И это не всё. Они пытались связаться с нами. Наши зонды поймали сигнал. Он довольно примитивен – двоичный код, а за ним группы из четырех чисел. Мы все еще работаем над ним. Мы считаем, что эта армия пошла на огромные жертвы, чтобы пробить брешь в

строю – они сосредоточились на том месте, которое ты прорвал, где ты увлек сферы прочь от строя. Весь флот держит курс туда. Завтра мы будем на месте.

– Какова ваша миссия?

– Вступить в контакт. Узнать, приобрели ли мы союзников и как можем помочь им в борьбе со «стражами».

– Что нам еще известно?

– Немногое. «Стражи» уничтожили все наши зонды, но мы получили одно изображение. – Жена поманипулировала с планшетом, и появилось зернистое изображение парящего в пространстве обломка корабля. Арес взгляделся в круглую эмблему, изображающую змею, пожирающую собственный хвост.

– Змея...

– Мы зовем их Змеиным Войском.

– Они люди?

– Исходя из размеров коридоров, которые видны на разрезе, это возможно. И их код читабелен для нас. Скоро мы его расшифруем.

Глава 30

Чтобы отвести взгляд от обширного поля обломков, протянувшегося от военного бакена до пылающей звезды, Дэвиду пришлось собрать всю свою волю. Зрелище было захватывающее. Загадка того, что здесь стряслось, что могло уничтожить тысячи, а то и миллионы кораблей, наполняла его разум вариантами – и страхом. Стоило ему увидеть это поле, как изменилось все его восприятие ситуации, а может, и всей жизни.

Он обернулся. Пол, Мэри, Мило и Соня ждали, но он смотрел только на Кейт, на лице которой выражение ужаса сменилось замешательством, пока она пыталась вникнуть в его чувства.

– Ладно, – сказал Дэвид. – Кейт говорит, пока мы здесь в безопасности. Воспользуемся этой возможностью, чтобы получить то, что нам нужно.

И встретил усталые, обреченные взгляды. Секунды шли, а ни единой догадки о том, что «им нужно», не прозвучало.

– Отдых, – пояснил Дэвид. – Все будут есть, спать и принимать душ – и больше ничего на ближайшие восемь часов.

Соня бросила взгляд на портал.

– На сей раз стоять на часах не придется, – сообщил Дэвид. – А портал забаррикадуем. На этом бакене запасов хватает с лихвой. Сделаем второй эшелон баррикад в коридорах по обе стороны портала. Это с лихвой упредит нас, если Слоун прорвется. – Он помолчал, давая время всем уяснить его слова. – Ну ладно, расходимся. Соня, будь добра, помоги мне строить баррикады. Мило, ты тоже.

Парень улыбнулся, но тут же посерьезнел, пристроившись вслед за Соней и Дэвидом и с кряхтением помогая им перетаскивать тяжелые серебристые ящики из кладовых вверх по лестнице к portalу.

Когда баррикады были достроены и все разошлись по каютам, Дэвид положил ладонь Мило на плечо.

– Мило...

– Я знаю, я...

– Дай мне договорить. Я говорил тебе прежде: поймешь, когда повзрослеешь. Мои родители то и дело твердили мне подобное, когда был ребенком. – Он взглянул в выражение лица Мило. – Я знаю, что ты не ребенок, но такое взрослые всегда говорят детям, когда сами чего-то не понимают, а такое случается сплошь и рядом. Но здесь не тот случай. Никто из нас не хотел, чтобы ты шел в портал раньше нас, потому что мы ни за что не подвергли бы твою жизнь опасности прежде собственных.

– Почему?

– Потому что мы взрослые и ты нам дорог. У нас была возможность повзрослеть и стать теми, кто мы есть. У тебя же еще вся жизнь впереди, и она намного важнее наших. Это не стратегическое решение – здесь речь о добре и зле, и решениях, с которыми предстоит жить. Если бы мы поставили свои жизни выше твоей, никто из нас не смог бы с этим жить. Понимаешь?

– Да, – тихонько проронил юноша.

– Могу я на тебя положиться, Мило?

– Можете, мистер Дэвид. Во всем.

*

Когда Вэйл вошел в каюту, Кейт сидела за письменным столиком, чеша в затылке.

– Я знаю, что ты сердисься на меня, – сказала она.

– Вовсе нет.

Женщина удивленно приподняла брови.

– Ну ладно, сердился. Но больше нет.

– Правда?

– Вид этого поля обломков, этого места заставил меня кое-что понять.

Кейт ждала, все еще не избавившись от подозрений.

– Если этот сигнал и в самом деле от потенциального противника, который примерно представляет, где находится Земля, нам нужно сделать решительный ход, чтобы найти помощь. Конечно, если на Земле еще осталось кого спасать.

Кейт потупилась.

– Согласна. Что ты хочешь делать?

Дэвид начал стаскивать с себя одежду.

– Прямо сейчас я хочу отдохнуть. Потом составим план вместе. Я хочу перейти к атакующей игре. Все это время, начиная с минуты, когда я узнал, что ты больна, я мешкал, пытаюсь не потерять тебя и оставшееся у нас время. Я был напуган. Я по-прежнему напуган, но думаю, что нам нужно пойти на риск, если у нас есть хоть шансик перебархтаться через это.

– Ты был прав насчет одной вещи, – вставила Кейт.

– Ага?

– Мы должны насладиться тем временем, какое у нас осталось.

*

Пол не помнил, как уснул, – слишком уж он устал. Открыв глаза, Бреннер насторожил уши.

Выйдя из душа, Мэри небрежным жестом прикрыла грудь.

Поспешно зажмурившись, Пол попытался утихомирить вдруг засбоивший пульс.

– Душ тут просто суперчумовой.

– Угу, – пробормотал он, не открывая глаз. – Типа одноместного танцпола диско без воды.

Пол услышал, как Мэри достает одежду из корзины, натягивает ее и садится в кресло.

– Ага. А мне напомнил турбосолярий.

Сев, Бреннер с любопытством поглядел на нее.

– Посетила разок, – будто оправдываясь, развела она руками. – В колледже, как раз перед весенними каникулами. Чтобы не обгореть на

солнце. И, наверное, из-за давления одноклассников, потому что другие девочки...

– Я не осуждаю. – Пол вскинул ладони. – В смысле, с точки зрения здоровья это небезопасный способ загара. Но немножко солнца каждый день вполне благоприятно для здоровья. Коротковолновый ультрафиолет преобразует холестерин кожи в прекурсор витамина Д, который на самом деле гормон, а не витамин. Причем необходимый. Сезонные аффективные расстройства, аутоиммунные заболевания, некоторые разновидности раковых – все это зависит от уровня витамина Д в организме.

– Правильно. Ну, я просто сказала, что, знаешь ли, не изменилась... Я не начала загорать или одеваться по-другому. Впрочем, это мне все равно до лампочки. Выбор кавалеров в Аресибо, Пуэрто-Рико, был отстойный.

– Да уж надо думать. Я и не думал, что ты изменилась хоть на йоту.

– В каком это смысле?

Пол кашлянул.

– Я... ты в точности такая, какой я тебя помнил.

Мэри поглядела на него с прищуром.

– В хорошем смысле, – добавил Бреннер.

Последовавшая за этим пауза показалась Полу затянувшейся часа на три-четыре.

– Ты по-прежнему пашешь как вол? – поинтересовалась Мэри.

– Все время. Особенно последние пару лет.

– Я тоже. Это единственное место, где я счастлива. – Опершись локтем о столик, женщина провела ладонью по волосам. – Но, по моему, с каждым годом все меньше и меньше.

– Знакомое чувство. Несколько лет назад, после...

Мэри кивнула.

– Ты так и не женился?

– Я? Нет. А другой астроном, которого я встретил... он, вы двое...

– Нет. Боже, да ни за что. Я ни с кем не встречалась. – Она минутку помолчала. – В твоей жизни есть женщина?

– Вообще-то нет, – нарочито небрежным тоном бросил Пол. «Вообще-то нет?»

– О, – Мэри выглядела удивленной.

– В смысле, я живу кое с кем, но...

Мэри чуть откачнулась.

– Нет, ты не о том подумала.

– Верно.

– Она просто пришла со мною домой однажды после работы.

– Я так и предполагала, что с тобой случится что-то подобное. –

Мэри отвела взгляд в сторону.

– Нет, я вовсе не то имел в виду...

Мэри принялась покусывать нижнюю губу; эту ее привычку Пол знал очень хорошо, как и многие другие. Он кашлянул.

– На самом деле все очень просто. У нас был ребенок...

Мэри только рот разинула.

– Ну, это не мое дитя. То есть теперь мое. Мой то есть. Он – не оно. Его зовут Мэтью.

– Мэтью – хорошее имя.

– Да, конечно, замечательное, замечательное имя. Но Мэтью не мой биологический отпрыск... ну, генетически мы связаны, но он...

– По-моему, нам пора отдохнуть.

*

Кейт неподвижно лежала рядом с Дэвидом, погружившись в раздумья, не в состоянии уснуть. Против ее собственной воли рассудок неустанно корпел над тем, что она знала, отыскивая подсказку, какую-нибудь ниточку, которая поможет распутать этот клубок. Женщина нутром чуяла, что упустила какую-то деталь, ключ, лежащий где-то рядом, – да нехватишь...

Дэвид немного похрапел, но скоро перестал. Кейт подивилась способности этого человека спать – даже в состоянии непосредственной опасности, в котором они оба пребывали большую часть времени своего знакомства. Ей казалось, что Дэвид способен просто отключить мозг по команде и спать, когда надо. Благоприобретенная ли это способность? За годы сражений с врагом на невидимом фронте. Или он таким родился? Она столько о нем не знает... И никогда не узнает. Просто не осталось времени, чтобы узнать.

От этой мысли Кейт испытала легкие угрызения совести по поводу того, что должна вот-вот совершить. Отчасти ей хотелось разбудить Дэвида, но еще больше ей хотелось, чтобы он отдохнул.

Выбравшись из постели, женщина набросила одежду и тихо выскользнула из комнаты, направившись по темному, зловещему коридору военного бакона в рубку связи.

С чего начать? Янус: он выбрал этот бакен отнюдь не без причины. Почему же? Что в нем такого особенного? Здесь разыгралось сражение. Может, атлантская копия Кейт была его свидетельницей?

Архив памяти выдал ответ: нет.

На самом деле воспоминания, сохраненные здесь Янусом, начинались через тысячи лет после того, как здесь разместили бакен. Двойник Кейт даже ни разу здесь не бывала.

Решив сдать назад, она запросила компьютер об исторических записях, имеющих отношение к полю обломков.

Вся информация, связанная с полем Змеиной битвы, засекречена согласно Акту о гражданской безопасности.

«Поле Змеиной битвы. Засекречено».

Тридцать минут компьютерных поисков не принесли больше ни крупицы информации. Кейт фактически осталась на том же месте, с какого начала. На этом бакене нет никаких сведений, даже намеков на информацию. Неужели это намеренно? Для защиты против любых врагов, которые сюда проникнут и попытаются получить доступ к ядру данных? Не теми же ли мотивами руководствовался и Янус? Отправил воспоминания сюда, потому что здесь больше ничего не узнаешь? Это был бы дальновидный ход. А он был дальновиден...

Кейт хотела уже покинуть рубку, когда экран вдруг померк, и на нем замигал красный прямоугольник. Надпись белыми печатными буквами гласила:

ВХОДЯЩЕЕ СООБЩЕНИЕ

Кейт ухватилась за стол, чтобы не потерять сознание.

Глава 31

Переживание воспоминаний Ареса было для Дориана пыткой, но еда атлантов оказалась ничуть не лучше.

Они с Виктором сидели в кладовой на серебристых ящиках, поглощая оранжевый гель, который атланты считали «пищей».

– Жуткая дрянь, – заметил Виктор.

– Весьма наблюдательно, – проворчал Дориан, доедая содержимое своего пакета.

– Что будем делать?

– Наверное, расчехлим их новое блюдо в книге отзывов.

Виктор посмотрел на него с недоумением. Вообще-то Слоун уже начал думать, что этот боец уродился с таким выражением лица.

– Вы куда? – спросил Виктор, увидев, что Дориан выходит в коридор.

– Делать домашнее задание, – отрезал тот, закрывая за собой двери рубки связи.

Слоун страшился мысли о следующем воспоминании, но выбора у него не было. Узнать правду об Аресе, о врагах по ту сторону бакена – единственная надежда планеты. Он должен это сделать. А Дориан никогда не отворачивался от того, что должен. Ступив в кабину связи, он возобновил поток воспоминаний Ареса там же, где прервался.

*

Пробудил Ареса стандартный флотский сигнал опасности. Капитан слышал его множество раз – чаще всего, когда команда проводила эксперимент, либо когда внутри или снаружи корабля случалась беда. В последний раз он слышал этот сигнал, когда на его эскадру набросились сотни сторожевых кораблей. Они уничтожили его корабли и всех людей под его началом до единого.

Сев, Арес упер ступни в холодный металлический пол. Понял, что взмок, хотя вовсе не от жары. Это страх. Что-то с ним неладно...

Он мучительно пытался встать, но тело ему не повиновалось, давая отчаянный отпор.

Динамик системы громкой связи звякнул, и спокойный голос принялся повторять:

– Всей команде явиться на аварийные посты.

«Аварийные посты». Каждый член команды знает свой пост. Тренировки проводят не реже раза в пять дней. Безопасность в экспедиционном флоте прежде всего, и впервые за всю свою карьеру Арес оказался не у дел. Поста нет – и точка. Он больше не капитан корабля, не командир эскадры и даже не член командования. Он

просто офицер без должности и в данный момент даже не догадывается, что происходит.

Надев свой стандартный рабочий комбинезон, Арес бросился в коридор, где вокруг него роились представители всех служб. Он пытался спросить, что происходит, но все лишь сбрасывали его руку и продолжали свой путь, игнорируя его.

Арес принялся пробираться сквозь толпу, стремясь пробиться к лифту.

На мостике, увидев экран, он застыл как вкопанный.

Громадное поле боя простерлось до звезды... то самое, которое показывала ему Мира, но оно вовсе не было недвижимым, так и бурля действием. Первый и Второй экспедиционные флоты атлантов заняли позиции у дальнего его края – в общей сложности семьдесят три корабля. Но куда больший флот завис прямо над черным полем обломков. Громадные корабли – некоторые размером с весь флот атлантов – маячили над ним, загораживая огромные участки светила и отбрасывая длинные тени на относительно миниатюрные суда атлантов – сплошь исследовательские корабли.

Запуская свои первые суда для исследований глубокого космоса, атланты вооружили их. Но десятилетия сливались в века, век шел за веком, а никакие враги все не встречались, и все труднее и труднее становилось оправдать затраты средств и места, уходивших на вооружение кораблей. Одни считали свой первобытный период вооруженных кораблей смехотворным, другие – позорным. И все мало-помалу пришли к выводу, что любая раса, достаточно высокоразвитая, чтобы странствовать в космических пространствах, должна быть цивилизованной.

Стоя на мостике, воззрившись на циклопический флот, нависший над кораблями атлантов, Арес понял, как глубоко они заблуждались, как были глупы. То были военные корабли, машины истребления – точь-в-точь как сферические «стражи».

– Воспроизведите еще раз, – распорядился капитан со своего места у высокого стола в центре мостика.

Офицеры и техники по всему мостику вперили взгляды в экран. Арес ступил вперед, остановившись за спиной капитана, и пристально взгляделся в обзорный экран. Увидел, как картинка обнулилась, и тайм-код в верхнем правом углу показал более ранний момент. Они

смотрели запись, телеметрию от флотов, находящихся у поля Змеиной битвы. «Должно быть, мы еще в пути», – подумал Арес.

Из громкоговорителя раздался голос адмирала Первого флота:

– Флот, уведомляем вас, что получили сигнал от Змеиной армии. Сейчас мы работаем над его расшифровкой, но продублировали передачу, чтобы подтвердить получение сообщения, как мы надеемся, несущего весть дружбы.

Изображение на экране начало прокручиваться вперед. Позади Змеиного флота открылась червоточина, и через нее посыпались новые корабли – все одной формы и размера. На миг они помешкали у портала, а затем начали кружить, стыкуясь между собою конец к концу и образуя кольцо. Или змею? Затем образовалось второе кольцо внутри первого, потом еще – пока не появилось семь плотно свитых колец, будто бублик, заслоняющий солнце. Арес увидел мерцание и понял, что они собирают солнечный свет. Громадная солнечная батарея, поглощающая энергию.

Записанный голос адмирала зазвучал снова:

– Флот, уведомляем вас, что первая часть сигнала двоичная. Данное местоположение в космосе и другой регион, в настоящее время не нанесенный на карты. Возможно, это Змеиная планета. Вторая часть, как мы полагаем, последовательность ДНК – возможно, вирус. Она недостаточно длинна для полного человеческого генома.

На экране несколько маленьких корабликов отделились от большого корабля в самом сердце Змеиного флота, неспешно направившись к флагману Первого флота.

– Флот, у нас гости. Внутренние сканы не дают информации. Повторяю, они либо блокируют наши сканы, либо внутри кораблей ничего нет. Будьте на приеме. Всем кораблям сохранять позиции.

«Дурачье», – подумал Арес. Адмирал перестраховывается, рассудив, что дать бой они не могут. Так почему же не удрать? Арес счел это неправильным. Его жена находилась на «Пилосе» – корабле исследовательского класса, входившем во Второй флот. Он ждал, надеясь услышать, как адмирал отдает приказ об эвакуации флота.

Черные кораблики остановились на полпути между Змеиным флотом и флотом атлантов.

– Флот, мы отправляем буксиры, чтобы привести первые несколько кораблей. Это может быть какого-либо рода предложение

мира или послание. Перехожу на прием.

Буксиры втащили несколько суденышек в ближайший корабль исследовательского класса, а затем видеожурнал перескочил вперед; за время паузы ничего не произошло.

Арес обвел мостик взглядом. Все выстукивали записи и работали на своих постах, некоторые беседовали.

– Продолжайте воспроизведение, – приказал капитан. – Всем внимательно следить. Любая деталь может иметь значение.

– Что произошло? – спросил у него Арес.

– Мы потеряли контакт с Первым и Вторым флотами – сразу же после того, как они вступили в контакт со Змеиными кораблями.

– Это нападение, – твердо заявил Арес.

– Нам это неизвестно. Это может быть неисправностью систем связи. Может быть, «стражи» перекрыли связь. Может, звездная аномалия. Что угодно. Мы выдвигаем все свои корабли к полю Змеиной битвы.

– Вы известили Совет?

– Да.

– Они объявили эвакуацию?

– Нет. Они решили воздержаться от объявлений, пока мы не будем наверняка знать, что происходит.

– Глупцы. Это может быть началом вторжения. Мы должны разделить свой флот, вызвать все горнодобывающие и грузовые суда и эвакуировать как можно больше граждан.

– А если это просто недоразумение? Эвакуация тоже будет стоить жизней. Паника нас парализует – и это в самый неподходящий момент. Это решено.

– Дайте мне корабль, – потребовал Арес.

– Беспочинно уволить командира во время кризиса, чтобы дать вам корабль? Я не поверил психологическому рапорту, когда прочел его, Арес. Но с каждой секундой он выглядит все более достоверным. Мы достигнем поля Змеиной битвы через считанные минуты...

Арес молнией бросился с мостика в лифт. В голове у него проносились сценарии и варианты. Он должен добраться до «Пилоса», до жены, а потом улизнуть.

Коридоры все еще были заполнены людьми, но такого столпотворения, как прежде, уже не было.

Он находился в двадцати футах от порталного отсека, когда корабль содрогнулся от первого взрыва, швырнувшего Ареса в стену коридора. Половину лица засадило, и он с трудом удержался в сознании. Ребра и запястье прошила пульсирующая боль. Арес перекатился на спину и остался на полу, пока корабль скакал, потом стабилизировался и затрясся, когда системы компенсации ускорений включились – и не справились. Когда сотрясения прекратились, Арес на подкашивающихся ногах добрался до порталного отсека и принялся быстро манипулировать пультом. Если удастся портироваться на «Пилос», то уж жену он отыщет.

Он активировал канал, но экран отобразил:

Действует протокол блокировки портала

Флот самоизолировался. Умный ход. Зато Арес оказался в западне.

Он бегом бросился по коридору к дверям шлюпочной палубы. Те открылись, показав просторный, глубокий ангар, где десять маленьких суденышек валялись как попало, а некоторые разбились о переборки ангара. Но один посадочный модуль по-прежнему стоял ровно и ничуть не пострадал. Поднявшись на его борт, Арес активировал процедуру запуска. Надел один из трех космических скафандров в надежде сэкономить немного времени. Каждая секунда может быть на счету. Бредя обратно в кокпит, он впервые смог бросить взгляд через открывающиеся двери шлюпочной палубы.

Скрипящие двери медленно явили взгляду ужас и масштаб бойни. Оба флота атлантов – и Первый, и Второй – были разбиты, рассыпались, уплывали в поле обломков, присоединяясь к миллионам разбитых кораблей, лежавших перед ним во прахе.

Обломки флота, с которым Арес только что прибыл к полю битвы, пролетали перед шлюпочной палубой, рушась в общую круговерть. Обломки его корабля в огне и вспышках света присоединились к остальным, но вскоре и они угасли, в точности как Первый и Второй флоты. На глазах у Ареса корабли беззвучно сталкивались, озарялись пламенем вспышек, а затем темнели, когда отсеки через зубчатые изломы выбрасывали в пространство воздух, предметы и его товарищей.

Но зрелище уничтожения флотов атлантов блекло по сравнению с битвой, бушевавшей над самым полем обломков. На дальней стороне, перед самым светилом, кольцо Змеиных кораблей кружилось, и гигантская искусственная червоточина зияла в центре бело-голубым светом, на что требовалось невообразимое количество энергии. Казалось, с каждой секундой прибывает новый Змеиный флот. Все корабли были одинаковой формы и размеров, из центра портала словно выплывала единая циклопическая колонна сцепленных кораблей – чудовищная металлическая змея, выползающая из дыры в пространстве.

Вокруг осциллирующей змеи сверкали вспышки света. Арес повысил четкость изображения. И увидел эмблемы на бортах судов. Змея, пожирающая себя. И понял, кто с нею сражается. Сторожевые сферы. Тысячи сфер, сыплющихся через индивидуальные червоточины, исчезающие в ту же секунду, как те попадали в зону боя. Боевым строем сферы врезались змее в бок, будто шрапнель, срывая корабли слой за слоем. Спираль змеиного флота раскручивалась, но центральное ядро не размыкалось; вырванные куски тут же заращивались другими кораблями, заменявшими уничтоженные звенья.

Темп прибытия сфер нарастал; они мало-помалу брали верх над Змеиным флотом, тесня грандиозную колонну назад. Арес увидел их цель – кольцо перед солнцем, питающее червоточину энергией.

От этой сцены у него затеплилась надежда. Быть может, победитель смилостивится над тем, что осталось от флота атлантов. Арес пропанорамировал обзорным экраном посадочного модуля, чтобы увидеть периферию сражения. И надежда тут же угасла. Сферы впивались в останки кораблей атлантов, дрейфующие в пространстве, испарывая все обитаемые отсеки навстречу вакууму. Арес подрегулировал фокусировку изображения. Змеиные корабли стреляли по спасательным шлюпкам, убивая всех уцелевших. Две исполинские армии бились между собой – и обе истребляли атлантов.

Здесь нет союзника, с которым можно сомкнуть ряды. Нет надежды. Бремя истины, гнет безнадежности начали душить Ареса в его космическом скафандре.

К действительности Ареса вернул взрыв, вспоровший шлюпочную палубу. Его посадочный модуль отлетел, уплыв в космос, в крошево обломков флота и поле Змеиной битвы, простершееся до солнца.

Рассудок Ареса медленно оценил ситуацию. Никакого выхода. Никакой надежды. И все же его снадало одно-единственное желание. «Миры. Я ее увижу. Мы будем похоронены здесь вместе».

Он взялся за управление. Когда его крохотное суденышко будет разнесено вдребезги, станет очередной песчинкой на черном пляже, протянувшимся к солнцу, – лишь вопрос времени.

Арес сохранял сосредоточенность, управляя маневрами маленького посадочного модуля, виляя среди дрейфующих остовов кораблей, медленно пробираясь к «Пилосу». Тот распался на три больших обломка и, несомненно, на тысячи мелких. Арес ломал голову, где смотреть. В рубке связи, на ее рабочем посту? Или в каюте? Обломки приняли решение за него: рубки связи больше не было.

Он причалил посадочный модуль к обломку, вмещавшему половину жилых отсеков.

Покидая воздушный шлюз, Арес смутно осознавал, как иррационально поступает. Его логичный ум отключился; он будто отошел в сторонку, наблюдая и жалея Ареса, проплывавшего через темные коридоры, выхватывая фонарем шлема предметы, дрейфующие мимо. Электроснабжение корабля отказало полностью, не работали даже искусственная гравитация и аварийное освещение. Системы жизнеобеспечения наверняка отключены. Даже если она в своей каюте...

Арес решил побыть там какое-то время, паря вместе с нею, в окружении ее вещей и слепых экранов, отражающих их вдвоем.

Дверь в каюту Миров открылась. В пространстве безжизненно вращался одинокий космический скафандр. Он повернулся, и Арес увидел за стеклом забрала лицо. Ее лицо. Протиснувшись через дверь, он столкнулся с женой и сжал ее в объятиях.

Ее шепот раздался в его шлеме – слабый, но контролируемый:
– Арес...

Атлант обнял Миру еще крепче.

– Ты умница. Догадалась надеть скафандр. – Жена не обняла его в ответ. У нее что, кончается воздух? Она на грани беспамятства? – Мы выберемся отсюда.

И тут же ее руки впились в его запястья, ошарашив Ареса своей силой.

– Мы должны остаться.

Не слушая, Арес вытащил Миру из комнаты и толкнул по коридору. Она была в шоке, отбивалась от него всю дорогу, пока они летели, уклоняясь от тел, ящиков и вещей, пересекавших их путь. В шлюз Арес втолкнул ее первой. Так она и лежала в шлюзовой камере посадочного модуля, совершенно изнуренная и обессиленная.

Бросившись к ней, Арес принялся помогать ей снять костюм.

Тут же взвыла тревога камеры обеззараживания посадочного модуля, и дверь начала закрываться.

Арес выскочил как раз перед тем, как она захлопнулась. Ринувшись обратно к двери, он заглянул через окошко в камеру. На экране рядом с ним вспыхнули слова:

Биологическая угроза! Инициирован карантин

Арес включил переговорное устройство.

– Мира!

Медленно встав, она обернулась к нему. В ярком белом свете камеры ее лицо впервые стало видно достаточно ясно. Кожа ее стала пепельной, чуть ли не серой. На коже змеились тоненькие синие кровеносные сосуды, и Аресу показалось, что под кожей что-то копошится.

На экране появился полный скан ее организма.

Обнаружен ксенобиологический патоген. Разновидность неизвестна

А под надписью появились две кнопки: «Отключить карантин» и «Стерилизовать камеру».

Арес почувствовал, как невольно попятился.

– Открой камеру, Арес. Все в порядке. Это не то, что ты думаешь. Кольцо спасет нас.

Его взгляд обратился к скану. «Она больше не беременна».

– Они устранили новообразование, Арес. Открой дверь. Ты увидишь. Они делают это ради нашего спасения.

Он отступил на шаг, потом на другой, внутренне занемев. Корабль трянуло. Почему он трясется?

Арес оказался на полу, глядя вверх. Карантин. Корабль под огнем.

Доковыляв до кокпита, он увидел, что его посадочный модуль взяли на мушку три сторожевых корабля, стрелявших по кормовому отсеку.

Где находится Мира.

Надо спасти ее. Надо...

Следующая серия взрывов расколола корабль пополам. По экранам побежал список аварийных процедур, перечисляющий загерметизированные переборки и отключенные системы. Когда передняя часть посадочного модуля развернулась вокруг оси, Арес увидел, что «стражи» разрывают в клочья оторванную хвостовую секцию, включая и камеру обеззараживания, где находилось единственное любимое им существо во Вселенной.

Его «стражи» игнорировали. А ее истребляли безжалостно.

Он рухнул в кресло, не в силах отвести глаз. И в полной готовности ждал, что все это вот-вот закончится.

Глава 33

Яркий свет переговорной кабины показался Дориану обжигающим солнцем, безжалостно впивающимся в него, просачивающимся прямо сквозь закрытые веки, кувалдой гвоздящим по голове. Воспоминания Ареса об утрате на поле Змеиной битвы разверзло в душе Слоуна целую пропасть, и сам он затерялся где-то на ее дне.

Перекатившись на живот, Дориан оттолкнулся руками и устался на растущую лужу крови, капающей на сияющий белый пол. Воспоминания его отравляют. Или он уже умирает?

Слоун чувствовал медленно подползавшую болезнь уже не первую неделю, но теперь опасность явно обострилась.

Он попытался собраться с мыслями. И снова память Ареса подняла больше вопросов, чем дала ответов. Змеиная армия явно чем-

то инфицировала жену Ареса, а «стражи» атаковали Змеиную армию – и инфицированных атлантов.

Не одна ли из этих сторон – либо Змеи, либо «стражи» – и была грандиозным войском, в конечном итоге погубившим родину атлантов? Дориан хотел было активировать очередное воспоминание, но заколебался. Нет ли более удачного способа выяснить необходимое? Какого-нибудь такого, который не будет убивать его еще капельку каждый раз, когда он попытается подглядеть? Это было бы идеально. Слоун не представлял, сколько еще путешествий в прошлое Ареса способен пережить. А теперь у него уже есть отправная точка.

Выйдя в рубку связи, он задействовал компьютер, затребовав информацию о поле Змеиной битвы. Но на каждый вариант запроса экран отвечал красным мигающим предупреждением:

Информация засекречена согласно Акту о гражданской безопасности

Атланты старательно вымарали все сведения, имеющие отношение и к «стражам», и к Змеиной армии. Фактически говоря, стерли даже всю телеметрию и данные зондов глубокой космической разведки, проходивших через этот район космоса. Но... имелся бакен, обращавшийся вокруг этого поля боя. И когда запись появилась на экране, челюсть у Дориана буквально отвисла. Кейт связала здешний портал с порталом этого бакена двадцать часов назад. Это был лишь один из тысяч бакенов в лихорадочных метаниях Кейт, но... ничего себе совпадение.

Дориан начал вышагивать из угла в угол, мысленно перелистывая факты. Кейт и Дэвид знали о сигнале на Землю – передаче, так ужаснувшей Ареса. И прибыли сюда, на бакен, чтобы ответить на него или даже отключить бакен, позволив отправителю отыскать Землю.

Но что-то здесь заставило их воздержаться, пересмотреть свой план. Они ничего не передали и не отключили бакен. Может, узнали что-нибудь о враге? И отправились на бакен у поля Змеиной битвы, чтобы узнать больше или провести переговоры с союзником вдали от Земли, где ошибочное решение окажется не столь пагубным?

Резня из воспоминаний Ареса по-прежнему стояла у Дориана перед глазами как живая. Атлант страшился и Змеиной армии, и

«стражей» вполне оправданно.

Стоун выбрал запись бакена у поля Змеиной битвы. Журнал содержал лишь две записи: вчерашнюю связь с порталом и передачу данных около тринадцати тысяч лет назад.

«Любопытно». Что в этой дате такого особенного? Янус. Он оказался в ловушке приблизительно в это время – в результате диверсии Ареса на посадочном модуле ученых у побережья Гибралтара. Не послал ли Янус весточку потенциальному союзнику? Призыв о помощи? Это возможно.

Дориан запросил дату. В этот день с бакена было три передачи. Может быть, Янус старался увеличить шанс достучаться до помощи?

Кейт была здесь, увидела нечто напугавшее ее, а затем набралась храбрости пройти через портал – на бакен где-то во Вселенной, состояние которого даже вообразить невозможно. Должно быть, выигрыш с той стороны просто грандиозен. И она должна была питать определенную уверенность, что непосредственная угроза там не подстерегает.

Хлебные крошки Януса. Дориан понял, что это – воспоминания. Кейт играла в ту же самую игру, что и он: пыталась раскрыть прошлое атлантов и узнать истину об их врагах и союзниках. Ее команда отправилась на один из этих трех бакенов. И скорее всего, они еще там. Дориан запечатлел адреса бакенов в памяти каленым железом. Теперь все решает время.

*

– Попридержи коней, – сказал Дэвид, оглядел рубку связи и всех собравшихся в ней. Он прав: Кейт выкладывала свои откровения чересчур быстро для всех – разве что за исключением Мэри, пребывавшей чуть ли не в трансе.

– Это передача – идущая с поля боя, – пояснила доктор Уорнер.

– Каким образом? – спросил Дэвид.

– Должно быть, исходит от обломков. – Она активировала экран, быстро прокрутив сообщение, словно кто-нибудь мог его прочесть. – Оно в точности такое же, как полученное Мэри на Земле – двоичная последовательность чисел и тело, составленное четверичным кодом.

– Это то же самое сообщение? – поспешно уточнила Мэри.

– Не знаю, – призналась Кейт. – Однако в том же самом формате.

– Так что, самое меньшее, отправитель тот же самый, – резюмировал Пол.

Кейт кивнула.

– Что нам известно? – спросил Дэвид. – В смысле, ты сказала, что информация об этом месте засекречена.

– Да. – Доктор Уорнер сосредоточила внимание на Вэйле. – И я проверила: ученая, напарница Януса, ни разу здесь не бывала. На самом деле у нее нет и тени воспоминаний о Змеиной армии.

– И все же Янус отправил передачу кому-то в последние секунды своей жизни, а затем послал воспоминания своей напарницы сюда – на поле боя, где ни разу не бывал, где сигнал, диковинно напоминающий ответ на его сообщение, транслировался на протяжении тысяч лет... – Дэвид поскреб в затылке. Что-то тут не сходится. Что он упускает? Что-то здесь не то. – Они поставили эти бакены в этих местах, чтобы их никто не мог найти, правда?

– Правда, – подтвердила Кейт. – Или чтобы скрыть от взоров то, что внутри.

Да, именно так. У Дэвида не осталось ни малейших сомнений.

Наверху, прямо над ними, раздался какой-то стук, нарушив тишину.

Взгляд Вэйла молниеносно обратился к Кейт:

– Портал!

– Это не я, – огрызнулась она.

– Запри дверь, – бросил Дэвид, бегом устремляясь из рубки связи. Соня следовала за ним по пятам.

С нижнего этажа на верхний, где разместился портал, складские помещения и каюты, вела единственная лестница. На нижнем этаже размещались рубка связи и ряд небольших кладовых.

Вариантов у Дэвида было два – плохой и еще хуже: или подняться по лестнице и столкнуться с Дорианом и всеми его уцелевшими людьми, или остаться здесь в уповании напасть на них из засады, когда те спустятся.

Быстро сделав выбор в пользу засады, Вэйл знаком велел Соне занять позицию в одной из кладовых, а сам быстро двинулся к другой. Они откроют огонь по Дориану с этих двух закрытых позиций, дождавшись, когда он дойдет до подножия лестницы.

Дэвид услышал со стороны лестницы металлический лязг, будто от катящихся банок консервов. Уж конечно, Слоун не настолько глуп, чтобы... Через проход Дэвид увидел Соню, выглянувшую из дверного проема. По ступенькам в узкий коридор вприпрыжку скатились три черных цилиндра. Светошумовые гранаты.

Дэвид развернулся, спрятавшись за дверной рамой, зажав уши и крепко-крепко зажмурившись. Через долю секунды вспышка и грохот поглотили его зрение и слух. Все происходило как в замедленном кино. Вэйл оттолкнулся от стены, широко открыл рот и заморгал, пытаясь вернуть восприятие.

Выглянул. Соня. Взрыв совершенно ошарашил ее. Она брела вперед, прямо в коридор.

По лестнице, перескакивая по три ступеньки разом, сбегал человек, открывший огонь по Соне прямо на бегу.

Вскинув винтовку, Дэвид выстрелил по нему, но слишком поздно.

Соня упала, залившись кровью. Стрелок скатился на пол напротив нее, задержавшись в конвульсиях, спазматически стиснув палец на спусковом крючке и поливая пулями все вокруг, в том числе и лестничную клетку.

Маленький предмет рикошетом отлетел от стены лестничной клетки, потом другой. Они заскакали и покатались. Дэвид вытаращил глаза. Гранаты!

Попятившись, он споткнулся о ящик и упал навзничь. Сел как раз вовремя, чтобы через узкий дверной проем увидеть залитый кровью коридор, где безжизненно простерлись Соня и солдат Дориана. Мгновение царил мертвая тишина. Затем... образовалась оранжевая стена огня, потрескивая, сверкая, удерживая взрыв гранаты. Силовое поле.

Дверца кладовой захлопнулась, и инерция отбросила Дэвида к задней стенке. Искусственная гравитация в помещении отпустила свою хватку, и он медленно воспарил вверх вслед за серебристыми ящиками.

Происходящее казалось жутким беззвучным сном. Кружась в воздухе, Дэвид уставился через окно на военный бакен. Комната оказалась вовсе не кладовой. Атланты просто использовали ее для хранения припасов. На самом же деле она оказалась спасательной капсулой, теперь уплывавшей в обширное поле обломков, чтобы

присоединиться к миллионам других останков былых проигранных сражений. Он просто смотрел из иллюминатора, и это зрелище и безмолвие наполняли его душу ощущением гротескности и беспокойства. И печалью. Слоун доберется до Кейт и остальных. Дэвид проиграл. Это его окончательное поражение. И он больше никогда не увидит Кейт.

Глава 34

Кейт ждала в рубке связи вместе с Мило, Полом и Мэри, прислушиваясь к грохоту перестрелки, сменившемуся взрывами. Настенный экран полыхнул красными надписями:

Декомпрессия неизбежна
Инициированы протоколы локализации

И замигало единственное слово:

Эвакуация

Кейт произвела инспекцию состояния бакена. Его разорвало надвое. Силовые поля не допустили внутрь космический вакуум, но поддерживать их долго бакен не в состоянии. Все спасательные капсулы остались по ту сторону силового поля, и бакен их сбросил.

Выбора у нее не осталось. Она быстро набрала адрес портала следующего бакена в цепочке, по которой Янус отправил воспоминания. Загрузив воспоминания с текущего бакена на портативное ядро памяти, направилась к двери.

– Пойдем, – сказала она, собравшись с духом и старательно разыгрывая отвагу. – Держитесь за мной.

За распахнувшимися дверями на полу лежали мертвые – Соня и какой-то солдат. В душе Кейт горе схлестнулось с радостью: Дэвида среди них не оказалось. Шанс еще есть.

Светящееся оранжевое силовое поле скрывало от взгляда вид космоса и расположенного за ним поля обломков.

Кейт огляделась. Выход только один – по лестнице. Переступив лужи крови и тела убитых, она взошла на первую ступеньку.

Мгновение поколебалась, прикидывая, не взять ли автомат. На секунду задержав взгляд на винтовке убитого солдата, Пол вырвал ее у трупа и прошел вперед, заняв позицию впереди Кейт.

– Ты умеешь этим пользоваться? – шепнула она.

– Вообще-то не очень, – пожал тот плечами. – А ты?

– Тоже не очень.

Они постояли еще секунду. Сверху не доносилось ни звука. В глубине души Кейт еще надеялась, что Дэвид вот-вот выбежит из-за угла, заглянет на лестничную клетку и скажет: «Все чисто. Пошли!»

Но он так и не появился. Кейт крадучись двинулась вверх по металлической лестнице. Остальные шли следом, только Пол занял место обок нее.

От внезапно взывшей сирены аварийной эвакуации у Кейт едва не подкосились ноги, отчего она непременно скатилась бы по лестнице кубарем.

Наверху лестницы она увидела светящийся портал, а в отражении стеклянного окошка напротив него – солдата, лежащего в коридоре по ту сторону портала. Но не Дэвида. Она посмотрела в окно, на растущее на глазах поле обломков. Осколки бакена медленно проплывали мимо.

Она застыла как вкопанная, не в силах пошевелиться.

Ощутила ладонь Пола на своей руке.

– Надо идти, Кейт, – сказал он.

Мысли у нее едва ворочались, но Кейт заставила себя добрести до портала и сделать шаг.

*

Местом назначения портала оказался не бакен, это Кейт поняла мгновенно. Оно оказалось просторным, огромным, совсем непохожим на тесные утилитарные бакены.

Она с Полом, Мэри и Мило стояла в громадном помещении с окном, вытянувшимся на добрую сотню футов в ширину и полсотни в высоту.

От пейзажа за окном вся группа буквально бездыханно застыла в зачарованном молчании. От ужаса. Кейт вид Земли внушал благоговейный трепет. Поле Змеиной битвы ее ужасало, но было отдаленной, давно миновавшей опасностью. Это же место было полно жизни.

Черные сферы тянулись ряд за рядом – недвижно, огоньками, зависшими чуть выше, будто автомобили, выстроившиеся на ночной парковке.

Посреди ряда, над штабелями застывших сфер в пространстве протянулся длинный цилиндр без конца и края. Проходя сквозь него, сферы выходили из него с другой стороны, став крупнее и завершеннее. Эта сборочная линия для сфер производила их тысячами штук в секунду. А может, и миллионами – смотря насколько далеко простирается производственный цилиндр. Сквозь ряды проходили громадные корабли, стыковавшиеся с цилиндром. Корабли снабжения? Выгружают минералы и сырье для производства?

Это не бакен. Это завод в космосе. Завод, производящий армаду сфер.

Невообразимых масштабов.

Совершив над собой усилие, Кейт собралась с мыслями. Остаться здесь нельзя.

Она практически не сомневалась, что военным, лежавшим в коридоре последнего бакена, был Дориан. Она думала, что он мертв. Надеялась. Но не могла отделаться от мыслей о Дэвиде, гадая, нельзя ли вернуться, чтобы помочь ему хоть чем-нибудь. Этим она бы поставила под удар все их жизни. А Дэвид, возможно, уже погиб. Надо взять себя в руки. «Что же мне известно?»

Дориан нашел последний бакен, вычленив его из тысяч других в ее переборе для отвода глаз. Легко найти его он мог лишь в том случае, если обнаружил передачу Януса.

Нужно двигаться, перебраться в какое-нибудь безопасное место. Может, третий бакен обеспечит им убежище...

Активировав портативное ядро данных, Кейт загрузила воспоминания, пересланные сюда Янусом.

Запрограммировала портал на конечный пункт назначения.

Ступила в него, а остальные беспрекословно последовали за ней.

*

Едва оказавшись в третьем и последнем бакене, на который Янус передал воспоминания, Кейт мгновенно поняла, что дело неладно. Жара. Все вокруг буквально пылало огнем. И это был очередной военный бакен.

Она бросила взгляд в окно, показавшееся крохотным по сравнению с видом с завода.

Внизу виднелась мертвая планета, красная и скалистая. Поверхность испещрили черные подпалины. Кейт узнала это место. Да. Она уже бывала здесь прежде – в последнем воспоминании, извлеченном на посадочном модуле «Альфа», когда Дэвид ее спас. Эта мысль вызвала новый приступ горя, но Кейт выбросила ее из головы. Янус пытался стереть память о том, что случилось на этой планете. В ее воспоминаниях эта планета была под военным карантином. Напарница Януса отправилась в посадочном модуле «Бета» на поверхность, чтобы расследовать...

– По-моему, отсюда надо убираться, – подал голос Пол.

Все уже взмокли, и никто не отходил далеко от портала в уповании, что найдется другое место назначения.

Кейт связалась с бакеном. Да. Он располагал адресом – локальным, совсем близко. Посадочный модуль «Бета» все еще на поверхности. Она запрограммировала другую процедуру подключений бакена – на сей раз десять тысяч – просто на случай, если Слоун каким-то образом сюда доберется. Если она права и Слоун не знает о посадочном модуле «Бета» на поверхности, они будут в безопасности. Другого пути у них нет.

Она шагнула через портал, а Пол, Мэри и Мило за ней.

Вокруг них бусинки напольных и потолочных огоньков посадочного модуля «Бета» стали ярче – корабль вокруг них пробуждался от спячки.

– Мы здесь в безопасности? – поинтересовался Пол.

– По-моему, да. – Кейт огляделась. Корабль казался невредимым. Нейроподключение сообщило ей, что сейчас все его системы активированы. Она сосредоточилась на воспоминаниях. Они кончались тем, что она была снаружи, и на пламенном ударе. – Однако наружу не выходите.

И отошла от остальных, не добавив больше ни слова. В омертвелом оцепенении добрела до жилого отсека, выбрала каюту наобум и уселась на кровать, устремив пустой взгляд в пространство. Каютка была точь-в-точь такой же, как та, которую они с Дэвидом делили на посадочном модуле «Альфа».

Женщина свернулась в постели калачиком, но сон бежал от нее.

*

Дориан перекатился на спину, всей душой желая, чтобы аварийная сирена бакена заткнулась. Ему было и так вполне очевидно, что нужно эвакуироваться.

«Штурм» пошел совсем не так, как он планировал. В этом Слоун винил два обстоятельства. Во-первых, Виктор продолжал стрелять и после смерти, да еще и во все стороны. Этот имбецил даже умереть не мог достойно. Он со своей хаотичной пальбой заставил Дориана отступить и швырнуть гранаты в отчаянной попытке прикончить врага. Не сработало. Бакен со своими силовыми полями отразил ударную волну обратно через лестничную клетку в тесное пространство на втором этаже, отшвырнув Дориана в стену. Дальше он ничего не помнил, но знал наверняка: он цел, оружие при нем, а Кейт с компанией скрылась.

Зато... Слоун знал, куда они отправятся. У нее всего два варианта. Подойдя к portalу, он принялся манипулировать с панелью. Есть прорыв: прежде чем пройти, Кейт не проделала хаотический перебор порталов. «Поспешишь – людей насмешишь», – подумал Дориан. Теперь он может последовать за ними.

Оглянувшись, Слоун вдруг впервые узрел поле Змеиной битвы собственными глазами. Невероятно. Как же Арес выжил?.. Но эта загадка подождет. Дориан ступил в портал.

Нескончаемая сборочная линия «стражей» сразу же вселила в него страх. Он инстинктивно вскинул винтовку, но тут же остановился, вдруг сообразив, что это портал атлантов – у сборочного конвейера «стражей». Может, они выпускают сферы для борьбы со «стражами», которых он видел? Или атланты одолели армию «стражей»? Значит, теперь это их армия? Или те подобрались к ним вплотную, уничтожив их родную планету?

«Сосредоточься на непосредственной задаче», – подумал он. Быстро обыскал завод. Пусто. Обрато на поле Змеиной битвы Кейт с дружкой вернуться не могла. Дориан прижал их к ногтю. Он набрал в портале адрес последнего пункта назначения и сделал шаг.

Его тут же обдало жаром, а вид из иллюминатора подтвердил, что бакен падает в атмосферу планеты. Причем все быстрее и быстрее.

Дориан бегом бросился по темным металлическим коридорам военного бакена, быстро обыскав оба этажа. Ни души.

На экране в рубке связи мигало красное предупреждение:

Нисходящая орбита. Вход в атмосферу неизбежен.
Эвакуация

Дориан проверил компьютер. На этот раз Кейт была осторожнее. Десять тысяч порталных вводов. Десять тысяч возможностей. Связь с порталами выцедила последние капли энергии бакена. Он падал все быстрее. Надо убираться отсюда.

Дориан снова шагнул через портал обратно в единственное место, которое считал безопасным.

И устоялся на сборочный конвейер «стражей». Он в западне, но, наверное, здесь найдутся ответы. Глядишь, что-нибудь да пригодится.

*

Кейт сидела, бездумно устремив взор на стену перед узкой постелью невесты сколько времени.

Вдруг дверь открылась, и в нее вошел Пол.

– Ты должна это видеть.

И повел ее обратно на мостик – тесный отсек с несколькими рабочими станциями и местом человек на пять. Маленький экран показывал раскаленный уголек, движущийся сквозь тучи.

– Это бакен? – спросил Пол.

– Да, – ответила Кейт.

И увидев бакен, пылающий в небесах, осознала, что теперь они в настоящей мышеловке. Посадочный модуль «Бета» предназначен для крейсирования между кораблем и поверхностью планеты. Как и его портал. Покинуть эту планету им не светит.

– О чем ты думаешь, Кейт? – спросила Мэри.

– Пожалуй, сделаем длинный пас.

Часть III

Повесть о двух мирах

Глава 35

Дориан снова обыскал завод «стражей». Тот оказался по-настоящему пуст, причем давненько. Слоуну эта циклопическая база в

открытом космосе показалась похожей на больницу – разве что не клиническую и не стерильную; здесь все было по-промышленному сурово, утилитарно и точно. По четырехэтажному комплексу разбегалась симметричная сеть широких коридоров, ведущих в помещения со странным оборудованием и механизмами. Дориан предположил, что они принадлежали прототипам «стражей». Это напоминало мастерскую. Собственно говоря, это и была мастерская – место, где «стражей» модифицировали, пересматривая технологический процесс сборочного конвейера «следующей модели». Испытательная лаборатория.

Все терминалы распознавали его как генерала Ареса, и все двери распахивались перед ним беспрепятственно.

Дориан рассматривал имеющиеся у него варианты действий. Они сводились либо к портированию обратно на бакен, обращающийся вокруг Земли, и возвращению к Аресу за помощью, либо к разборке остальных воспоминаний генерала. Дориану казалось, что смерть подстерегает его на обеих тропинках, но одна из них сулит ответы, а может быть, и возможность разгадать тайну Ареса и изменения участи Земли. Так что решение далось ему легко.

Загрузив ядро данных с воспоминаниями Ареса в переговорную кабину, он ступил внутрь.

*

Для Ареса время было подобно реке, неудержимо утекающей прочь, унося последние песчинки его эмоционального ядра. С каждым часом, каждой минутой, каждой секундой он становился все бесчувственнее.

Атлант наблюдал, как Змеиная армия бьется со «стражами», так и роившимися в бреши. Казалось, черные сферы «стражей» умножаются в числе экспоненциально. Но змея росла быстрее. Черное кольцо Змеиных кораблей, взнуздавших энергию звезды, образовало внутри иссиня-белый портал, почти затмевавший солнце, не считая узенького кольца желто-оранжевого пламени, выглядывавшего у него по краям, будто при солнечном затмении. Циклопическая ехидна, вливавшаяся через портал, сбрасывала наружную оболочку по мере того, как «стражи» срезали ее части – корабли, – вовлекая их в бой. Сферы вгрызались в становой хребет гадины и в корабли, разделявшиеся,

раздирая их в крохотные черные и серые клочки, сыпавшиеся на поле обломков, будто зола на шоссе.

Жар сражения перекачивался туда-сюда, змея становилась шире, вытягивалась, а потом снова усыхала, когда новая волна сфер пожирала ее бока, вынуждая сжиматься, возвращаясь к прежним размерам. Наконец ехидна прорвалась. Ее голова образовала новое кольцо по другую сторону поля боя, и там сформировался еще один портал. Циклопическая змея ползла сквозь поле сечи – нескончаемая процессия кораблей, передвигающихся между двумя порталами. Уцелевшие сферы испарились, явно проиграв сражение.

На голод Арес внимания не обращал. Желание утолить его даже не возникало.

Он смотрел, как маленькая группа Змеиных кораблей рыскает среди обломков. Кого они ищут – уцелевших атлантов, чтобы ассимилировать их? Или соплеменников, новообращенных атлантов? Как Мира назвала их? Кольцо. Мысль о ней, о том, что они сотворили с нею и его нерожденным ребенком, пронзила Ареса болью, напомнив, что еще не все его чувства отмерли. Он отвел взгляд от Змеиных кораблей, отказываясь смотреть.

Арес думал, что все «стражи» скрылись, но вдруг осознал, что один завис поблизости от его корабля, будто глядя на него, заглядывая ему прямо в душу.

А Арес смотрел на «стража» совершенно бесстрастно, с единственной мыслью: «Давай же!»

В сфере разверзлась щель, и она двинулась вперед, поглотив корабль Ареса.

Воцарилась непроглядная темень. Арес плавал в пространстве в своем космическом скафандре, испытывая лишь смутный намек на любопытство о том, что ему суждено.

*

Свет, расколовший тьму, был ослепителен. Арес вскинул руку, чтобы заслонить глаза. Осколки посадочного модуля, прежде вмещавшего его, разлетелись от сдавшей назад сферы.

Зрение Ареса немного приспособилось к темноте, и через иллюминатор кокпита он смог с трудом разглядеть эскадру сторожевых сфер, но дух у него занялся не от этого зрелища, а от вида колоссального корабля. Три отдаленные звезды проливали довольно

света, чтобы он различил его форму, но не детали. Корабль был продолговатым, и Арес принялся ломать голову, что же это такое – корабль управления «стражами», носитель или завод.

Несколько мелких сфер прицепились к останкам его судна и потащили его к ожидающему суперкораблю. В борту того раскрылся отсек, и «стражи» втолкнули его судно внутрь.

Когда ворота отсека захлопнулись, прилив искусственной гравитации швырнул Ареса на пол. На миг ему показалось, что удар лишит его сознания, но космический скафандр смягчил встряску.

Вскарабкавшись на ноги, он побрел наружу – в громадный пустой зал. Тот был освещен, и искусственная гравитация вроде бы соответствовала стандартной для атлантов, что Арес нашел диковинным, несколько тревожащим совпадением. Скафандр сообщил ему, что воздух пригоден для дыхания, но Арес решил пока не снимать шлем.

В конце отсека распахнулись двустворчатые двери, и он вышел в тесный коридор с серо-металлическими стенами и бусинками огня вдоль пола и потолка.

На мгновение Арес замешкался, не зная, идти ли вперед или ретироваться на свой корабль. Верх взяло любопытство. Он побрел дальше по коридору, окончившемуся большим перекрестком. Влево и вправо уходили два других коридора, а прямо перед ним находилась большая двустворчатая дверь. Двери распахнулись, явив взору утробу корабля – куда более обширную, чем отсек, где приземлился его корабль.

Арес медленно двинулся вперед, попутно гадая, не направляется ли в какую-нибудь ловушку. Содержимое зала его озадачило. Стекланные трубы, ряд за рядом, уходили от пола во тьму наверху, простираясь вдаль сколько видел глаз. Каждая труба выглядела достаточно просторной, чтобы вместить одного атланта.

– Можете снять свой скафандр.

Обернувшись, Арес впервые увидел того, кто захватил его в плен.

Глава 36

Арес переводил взгляд с хозяина корабля на нескончаемые ряды стекланных труб. Человек – во всяком случае, выглядело это существо

человеком – стоял на пороге зала в проеме двустворчатых дверей, и огни коридора сияли вокруг него светозарным ореолом.

– Что это? – поинтересовался атлант, не осмеливаясь снять скафандр.

– Ты уже знаешь.

Арес оглянулся на трубы. «Стазис-камеры. Для дальних космических путешествий. Неужели это корабль-колония?»

– Да.

Арес непроизвольно попятился на шаг. «Оно может читать мои мысли».

– Да, оно может. Твой организм излучает радиацию, которую этот корабль способен улавливать, позволяя мне видеть ее как упорядоченный поток данных.

– Кто вы?

– Я такой же, как и ты, не считая того, что мертв уже миллионы лет.

Арес попытался привести мысли в порядок. И задал первый же вопрос, пришедший в голову:

– Так вы... не здесь? Не живы?

– Нет. Ты зришь мой аватар, отражающий то, каким я был. Моя раса вымерла давным-давно. Змеиная армия – все, что осталось после нас.

– Вы – один из них?

– Нет. И никогда не был. Я лишь один из тех, кого они истребили на своем марше сквозь время. Очень давно мой мир совершил грандиозную ошибку. Мы искали окончательный ответ, истину о своем происхождении и назначении во Вселенной. И избрали для этого порочные орудия – науку и технику. Методы, недоступные твоему рассудку. В своем стремлении к высочайшему знанию мы сотворили технологии, в конечном итоге поработившие нас, отнявшие у нас остатки человечности, прежде чем мы поняли, что она ускользает от нас. Наша цивилизация раскололась. Сопротивлявшихся ассимилировали. Осталась лишь Змеиная армия. Ее члены зовут себя Кольцом. Они верят, что воплощают предназначение Вселенной и начало новой – Кольцо, простирающееся сквозь пространство и время. Они верят, что однажды их Кольцо охватит все человеческие миры, связав все человеческие жизни до единой, – и, сотворив это, взнуздают

силу, которую зовут Первозданной Сущностью и которая даст им возможность сотворить новую Вселенную, с новыми законами, где уничтожить их будет невозможно.

Арес со вздохом стащил с себя скафандр. Все это выходило далеко за рамки его понимания, и он решил, что если бы призрак человеческого прошлого хотел его смерти, его бы тут даже не было.

– А от меня вы чего хотите? – бесцветным голосом осведомился Арес.

– Спасения. Возможности исправить ту кривду, которую мой народ чинит твоему прямо сейчас.

В темном пространстве между ними вознеслось голографическое изображение. Там возникла родная планета Ареса, перед которой кольцо черных кораблей формировало портал, исторгавший толстый канат Змеиных кораблей. Конец каната словно растрепался, осыпая поверхность планеты Ареса кораблями, будто черными слезами.

Тысячи сторожевых кораблей бились с ехидной, но, как и на поле Змеиной битвы, проигрывали сражение. Родина атлантов была обречена.

– В свои последние дни, осознав свое безрассудство, мы создали то, что вы зовете «стражами», в уповании спасти другие человеческие миры от нашей ошибки. Как ты узрел, в Змеиной войне «стражи» в чудовищном меньшинстве. И в качестве последнего оплота мы избрали стратегию сокрытия человеческих миров.

– Сторожевую черту.

– Да. Она образует барьер, своего рода сеть бакенов, окутывающих ваше пространство, не позволяющих Змеиной армии узреть миры, взлелеявшие человеческую жизнь. Эта черта также препятствует гиперпространственным тоннелям пересечь ее.

На Ареса снизошло озарение:

– А я создал в сторожевой черте брешь, позволившую Змеиной армии прорваться...

– Да. Но таков уж обычай круга.

В душе атланта всколыхнулся гнев.

– Вы могли нас предупредить!

– Мы пытались. Много раз, много лет. Но предупреждения о катастрофе не так действенны, как память о катастрофе.

– Память?

Аватар подошел к трубам.

– Ты отведешь этот ковчег на свою планету. Радиацию, которая передает ваши мысли, можно использовать и для передачи клеточных макетов ваших организмов. Сторожевой флот, окружающий этот корабль, доставит тебя на орбиту. Змеиный вирус, биотехнология, которую они используют для ассимиляции, имеет одно ограничение – субъект должен покориться. Их методики ошеломительны, но в больших популяциях отдельные доблестные души способны им противостоять. Непокорных ехидна истребляет. Этот корабль будет улавливать их радиационные сигнатуры, возрождая их. Они станут твоим народом. На них ты отстроишь свою цивилизацию. Они зрели Змеиный ужас. Им введома опасность. Дабы принять свет, нужно узреть тьму.

*

Стоя на мостике воскрешающего ковчега, Арес смотрел, как бело-голубые волны гиперпространства угасают и на экране вырисовывается его планета.

Корабль содрогнулся, принимая огонь. Змеиная осада планеты Ареса почти сомкнула свои челюсти. Большие темные корабли застили свет от каждого континента. «Стражи» бились с ними, но мало-помалу сдавали позиции.

Арес взирал, как ковчег прорывается через колоссальное поле боя, принимая огонь, но не отвечая на него. Каждый раз, когда фаланга Змеиных кораблей прорывала боевой строй «стражей», появлялись новые сферические корабли, отражавшие их натиск.

Аватар повел Ареса с мостика обратно в зал, и оба молча наблюдали, как трубы заполняются атлантами.

Болтанка усиливалась с каждой секундой, и наконец фигура обернулась к Аресу:

– Пора.

Арес ступил к ближайшей трубе, и туман медленно поглотил его. Исход его народа вот-вот завершится, и все они окончат путь на новой родине. Аватар поведал ему, что корабль заодно растягивает время. Переход сюда – сущий пустяк по сравнению с временем, прошедшим вовне.

Наконец аватар вернулся, и труба открылась. Выйдя, Арес вслед за ним отправился на мостик. Обзорный экран показывал девственную

планету – зеленую, синюю и белую.

– А если Змея найдет нас?

– Мы установили новую сторожевую черту и поставили бакен на орбите этой планеты. Он оградит вас. Но гарантии нет. Мы почти исчерпали возможности помочь вам. Мы показали тебе угрозу и спасли тебя. Я могу предложить тебе один последний дар – человеческий кодекс. Он гарантирует, что вы не повторите нашей ошибки.

Аватар все толковал, делясь философией своего народа – калькой мирного существования.

– Простая жизнь согласно кодексу – все, чего мы просим в ответ за спасение остатков твоего народа. В пределах новой сторожевой черты находится множество человеческих миров, менее развитых, чем ваш. Когда-нибудь они тоже рискнут выглянуть вовне, ища ответов, тревожа новую сторожевую черту. Твой народ может засвидетельствовать опасность по ту сторону черты, спасая бесчисленные жизни на бесчисленном множестве миров. Распространяйте человеческий кодекс – и сможете жить здесь в безопасности. Это ключ к вашему общему выживанию.

Арес подумал о своих последних мгновениях наедине с женой, о том, что с нею сотворили, и о родной планете, об облепивших ее черных кораблях, об избиении миллиардов. Попытался обуздать вспыхнувшую изнутри ярость, но не преуспел.

– Чудовище, порожденное вами, истребляет мой народ, а вы еще выдвигаете требования?

– Мы предлагаем руководство, тропу к безмятежности и покою. Возможность помешать другим повторить вашу ошибку, испытать ту же участь.

Арес сосредоточил внимание на маленькой группе «стражей», паривших рядом с ковчегом. «Мы не будем прятаться и молиться, уповая, что враг как-нибудь сам собой рассосется. Мы будем сражаться». И с секундным запозданием сообразил, что аватар способен читать его мысли.

– Ты совершаешь собственную грандиозную ошибку.

– И это говорит покойник, миллионами лет наблюдающий резню на человеческих мирах?

– Твой страх и ненависть выдают тебя.

Арес проигнорировал аватара. В голове у него уже начал складываться план.

– Помни нашу историю, – подступил к нему ближе аватар. – Техника, выстроенная нами, поработила нас. Остерегайся, Арес: ценою вашей безопасности может быть ваша свобода. А то и ваше существование.

– Вам известно, что я думаю: вы проигрываете в этой войне настолько давно, что ничего другого и не знаете. И даже не в состоянии вспомнить, каково чувствовать себя человеком – только поэтому вы могли допустить такое множество убийств на моей планете. Для вас это большущая арифметическая задачка. Но для меня они были людьми, и жизнь каждого была на счету. Довольно с нас вашей

помощи

. Теперь мы постоим за себя сами.

– Быть посему, Арес. – Аватар с печальным выражением лица медленно померк.

Добрую минуту атлант стоял в одиночестве темного зала, уставившись на нескончаемые ряды труб, вмещающих его народ. Скоро эти люди пробудятся. Они – всё, что осталось у Ареса, и уж он позаботится об их выживании любой ценой.

*

Сидя в спасательной капсуле, Дэвид видел, как силовые поля в бакене на поле Змеиной битвы мигнули и рассеялись. Атмосфера вырвалась в космос рывком, обрушившим бакен в поле обломков. Кувыркаясь и сталкиваясь, осколки заняли лакуны поля. Дэвид чувствовал, как масса поля притягивает и его собственную спасательную капсулу, и понимал, что скоро его тело застрянет здесь на веки вечные.

Он думал о Кейт. Как она проведет свои последние дни? У него было только одно желание: увидеть ее снова, пусть хоть на секундочку. Мысленным взором Вэйл видел ее такой, какой видел в последний раз, – стоящей перед экраном и растолковывающей какие-то научные премудрости, почти недоступные его пониманию. А что он сказал ей напоследок? «Запри дверь». Дэвид улыбнулся необычайной

уместности этих слов. Их последнее взаимодействие оказалось в точности таким же, как изрядная часть их совместного времяпрепровождения. Время было драгоценностью. А сейчас у обоих оно почти истекло, остались считанные часы.

И тут он постиг кое-что еще: что на самом деле страшился жизни без нее. И уверенность в том, что столкнуться с этой проблемой не придется, принесла ему диковинное ощущение успокоения.

Над полем обломков вдруг разверзлась расселина, будто иззубренный иссиня-белый разрыв в ткани пространства. Выскользнув из нее, одинокий корабль быстро двинулся через поле, направляясь напрямиком к спасательной капсуле Дэвида.

Быть может, гибель бакена заставила корабль отправиться для выяснения обстоятельств и уже на месте обнаружить, что он оказался в затруднительном положении?

Когда корабль приблизился, Дэвид разглядел эмблему на носу – кольцо. Нет, змея, заглатывающая собственный хвост...

Глава 37

Дориан лежал на полу, источая пот всеми порами. Последнее воспоминание далось тяжелее прежних. Но остановиться он не мог, нутром чуя, что подошел к разгадке вплотную. Корабль – ковчег – тот самый, который Арес похоронил подо льдами Антарктиды. Неужели Змеинная армия нашла атлантов снова? Не она ли была тем могучим врагом, которого страшился Арес?

Пройдя в колоссальный цех, Слоун поглядел на конвейеры, производящие «стражей» тысячами. Или «стражи» предали его?

Подкрепившись, Дориан собрался с духом, дабы узреть окончательную истину.

*

В дни, следовавшие за приземлением ковчега на новой планете атлантов, народ Ареса подтвердил все, что сказал аватар. Возрожденные, вышедшие из воскрешающего судна, были полны целеустремленности и огня, спаянные единством, равного которому Аресу видеть прежде не доводилось. Они были единым народом, сплоченным единой целью – разгромом Змеинной армии. Этому они

отдавали всю свою энергию до капли. А технологии ковчега и «стражей» довершали остальное.

Вокруг ковчега выросли первые поселения, затем города, а там и цивилизация. Краеугольным камнем их законов стал рассказ аватара, его предостережение об опасности необузданного развития техники. Арес отверг требования аватара, но знал, что его народ будет достаточно глуп, чтобы проигнорировать тот факт, что развитая цивилизация, не сдерживающая развитие техники, рано или поздно непременно перерастет в Змеиный мир, будь она ассимилирована или нет. Антизмеиные законы наложили запрет на любые инновации, ведущие к аномалиям, и борьба против неконтролируемых технологий стала всеобщей мантрой.

На церемонии ратификации Арес стоял на подиуме, крича толпе:

– Мы и есть величайший собственный враг! Змея таится в нас самих! Мы должны остерегаться себя самих, как остерегаемся нашего врага по ту сторону сторожевой черты!

Дальше воспоминания пошли вспышками. Арес стоит на корабле на орбите, глядя на сборочный завод «стражей», дрейфующий близ новой родины атлантов.

– Этого мало.

Он стоит на другом заводе, глядя на новый сборочный конвейер «стражей», протянувшийся в космос настолько далеко, что конца не видно.

– Мало.

Воспоминания проплывали мимо одно за другим. Другие заводы. Новые «стражи». Поступь инноваций замедляется. Он стоит в комнате, добиваясь для своего дела расширения штата исследователей и конструкторов. Но сам он в него уже не верит. Его собственный огонь угас. С помощью свойств труб, исцеляющих организм и замедляющих ход времени, он перескакивал века вплоть до момента, когда автоматические горнодобывающие корабли и роботизированные заводы производили столько «стражей», что атланты и сосчитать не могли.

Участники Исхода, возродившиеся в трубах, прожили долгие жизни, подобно Аресу предпочитая использовать трубы для поправки здоровья. Но их всех уже не стало, потому что они давным-давно утратили волю к жизни. Некоторые дотянули до восьмисотого дня

рождения, горстка – до тысячного, но в конечном итоге все, кроме него, встретили истинную смерть вне пределов досягаемости воскрешающих труб, чтобы больше не вернуться.

Арес оказался в беспредельном одиночестве, став последним из основателей, последним представителем своего племени, видевшего резню Змеиной армии воочию, племени работающих граждан, построивших их новый мир.

Тысячелетиями после гибели старого мира в ковчеге ежегодно устраивали бдения. Потом церемонии стали проводить каждое десятилетие, дальше – каждое столетие, а в конце концов и вовсе забросили.

Каждый раз, пробуждаясь в своей трубе ради посещения собраний Совета, Арес чувствовал себя все более чуждым в собственном мире. Его народ предался сибаритству и праздности, обратив взоры к искусству, науке и развлечениям. Заводы «стражей» пребывали в запустении, целиком отданные в распоряжение роботов. Змеиная угроза обратилась в пресловутое пугало для детишек, страшилку на ночь, даже не имеющую отношения к действительности.

Его самого считали реликтом, экспонатом темной главы ветхозаветной старины, эпохи крайней паранойи и милитаристской истерии.

Он провозгласил Совету, что хочет встретить истинную смерть, и тот неохотно согласился.

Предательство явилось в виде публичного провозглашения назавтра: Совет проголосовал за его архивацию, чествуя его служение и вечную память о жертвах, на которые пошел он сам и прочие участники Исхода.

К его резиденции явился караул, за спинами которого толпились операторы новостей.

Вдоль пути к усыпальнице ковчег выстроились люди, дети и взрослые толкались локтями в чаянии глянуть на него хоть одним глазком. Надпись на доске фасада гласила: «Здесь лежит наш последний солдат».

Остановившись перед порогом, Арес обратился к председателю Совета:

- Каждый человек заслуживает право на смерть.
- Легенды не умирают.

Ему хотелось протянуть руки и стиснуть пальцы вокруг ее глотки. Но вместо того он ступил внутрь и зашагал по коридорам, которые впервые узрел в день падения старого мира, и вошел в трубу.

Замедление времени спасло его от мук отсчета утекающих эпох, но ничто не могло избавить Ареса от ощущения пустоты и одиночества.

У входа в циклопический зал появились люди, бросившиеся к его трубе бегом.

Выйдя из трубы, Арес без единого слова последовал за ними. Быть может, они передумали. Надежда – почти чуждое ему чувство – шевельнулась в его душе.

Покинув усыпальницу ковчега, они молча двинулись в ночь. Вдали маячил город, равного которому Арес еще не видел. Небоскребы, связанные сетью воздушных мостиков, возносились до небес, а в ночных небесах разворачивалась голографическая реклама, будто демоны, выплясывающие пред ликом луны.

Внезапно один из мостиков рассек взрыв. Другой полыхнул между зданиями, воспламенив оба. Огонь перепрыгивал с башни на башню, отчаянно стараясь перегнать системы пожаротушения. И снова взрыв.

– Что это? – спросил Арес.

– У нас новый враг, генерал.

Глава 38

Арес едва узнавал мир, на который привел свой погибающий народ и который помог выстроить. Он был чистеньким и сверкающим, но запруженным толпами, и население его во гневе выстроилось вдоль улиц, теснясь, толкаясь, напирая, размахивая плакатами и крича:

«Змеиные ограничения = рабство»

«Эволюция = свобода»

«Настоящий Змей – Арес»

В зале Совета группка имбецилов описала прискорбное состояние возлюбленного мира Ареса. Интеллектуальная дискриминация раздробила общество атлантов, расколов его на две фракции –

интеллектуалов и рабочих. Интеллектуалы представляли около 80 % всего населения, насколько мог судить Арес, посвящавших свое время созданию порождений своего разума – искусства, исследований и прочих видов деятельности, смысла которых Арес не постигал, да и не потрудился поинтересоваться их назначением. Остальные 20 % населения – рабочие – зарабатывали на жизнь собственными руками и устали от этого, устали от мизерных зарплат и государства всеобщего благосостояния, неизменно державшего их в состоянии граждан второго сорта.

Суть проблемы заключалась в том, что образование достигло предела развития прирожденного интеллекта. Оба класса по разным сторонам демаркационной линии осознавали, что интеллектуалы всегда будут интеллектуалами, равно как и их дети, а рабочие – наоборот. Браки между классами стали крайне редкими, потому что никто из интеллектуалов не хотел идти на риск, что его потомки угодят в низший класс без надежды на возвращение.

Экономический и социальный раскол все углублялся. Ради поддержания мира предпринимались различные соглашения и сделки. Но в конце концов попытки компромисса провалились, и насилие стало для рабочих единственным средством ведения переговоров.

Экран показал нарастание волнений фракции рабочих, эскалацию протестов до бунтов, хаотических нападков, а там и до организованного терроризма, унесшего тысячи жизней.

Арес вертел эту проблему в голове так и эдак, почти не слушая Номос, председателя Совета.

– Суть проблемы в наших силах поддержания правопорядка.

– А что с ними не так? – поинтересовался Арес.

– У нас их нет уже триста лет. Преступлений было очень мало, и гражданский надзор в сочетании с системами глобального наблюдения привели к тому, что правонарушителей всегда задерживали. Здесь – дело другое. Эти люди готовы отдать жизнь за свое дело – чтобы их дети не терпели таких же лишений, как они.

– Более серьезная проблема заключается в том, – подал голос другой член Совета, – что новые силы правопорядка надо набирать из числа рабочих, а им доверять мы не можем. Они могут свергнуть правительство, захватив полную власть. Полагаю, именно этого-то мы

все и боимся, хоть я и единственный, кто осмелился произнести это вслух.

Воцарилось молчание.

Наконец Номос нарушила его:

– Арес, решение, к которому мы пришли, ради которого пробудили вас... проконсультироваться о смягчении Змеиных ограничений.

Арес не сумел подавить свой гнев.

– Эти законы созданы отнюдь не без причины, ради спасения нас от себя самих.

– Мы лишь рассматриваем небольшое смягчение двух из трех ограничений, – подняла руку Номос, – снимающее запрет с генной инженерии – лишь раз, чтобы обеспечить рабочим интеллектуальное равенство. А во-вторых, мы снимем запрет с робототехники, позволим простым служебным дроидам взять на себя весь физический труд. Эти перемены позволят создать единое жизнеспособное общество...

– Если вы, дурачье, откроете в этом мире ларец генной инженерии и робототехники, – вскочил Арес, – вы гарантируете, что мы станем Змеиным миром рано или поздно – даже без вторжения. Это неминуемо. Именно так Змеиная пагуба и возникла в первую голову. Мы просто повторим ошибки предшественников, и поддержать этого я не могу. Погрузите меня обратно в сон, а еще лучше, позвольте мне умереть по-настоящему. Видеть это свыше моих сил.

– А что бы сделали вы?

– Наша проблема крайне проста, – сказал Арес. – Двадцать процентов нашего народа убивают остальных. От них надо избавиться.

*

Генерал оглядел армию обучающихся новобранцев. Если б бакен на орбите не скрывал его планету от окружающей Вселенной, они стали бы посмешищем для всего космоса.

Совет был прав: вербовка сил безопасности из числа рабочих была сущей благоглупостью. Арес предпочел интеллектуалов, вписывавшихся в схему: модели – точеные, мускулистые и натасканные выглядят бесстрашными независимо от собственных способностей; танцоры и акробаты – они двигались с грациозностью и точностью, но не были способны сражаться даже ради спасения собственных жизней; и спортсмены – они прекрасно сосредоточены и

спокойно чувствуют себя в беснующихся толпах, но наверняка скиснут, когда люди начнут умирать.

Арес смотрел, как они тренируются. Это не армия, и никогда ею не станет. Но благодаря мундирам и муштре смахивает на нее хоть отчасти, а только это ему и требовалось.

Арес тосковал о временах экспедиционного флота, но тот пал очередной жертвой Змеиных ограничений. Исследование космоса может вести к неведомым опасностям, а то и к величайшему риску из всех – снова быть обнаруженными Змеиной армией.

Мысль об этом напомнила ему о собственной роли в миссии, повлекшей этот конец – его захват сферического «стража», образовавший брешь в черте, которая позволила циклопической ехидне выползти и портироваться к изначальной родине атлантов. Он ни за что не допустит повторения этой ошибки.

Атланты мечтали о едином обществе на единственной планете, под защитой бакена и колоссальной армии «стражей», образовавших стену в космосе вокруг нее; планета атлантов, преисполненная мира и изобилия, простирающихся в вечность. Эта мечта опиралась на отказ от трех искусств – легкой работы роботов, ложных достижений генной инженерии и обаяния исследований дальнего космоса.

Арес вдруг заметил, что рядом с ним стоит Номос, но промолчал в надежде, что эта дурища ответит тем же. И, как обычно, его ждало разочарование.

– Они с каждым днем все больше походят на армию, – заметила Номос, еще больше уронив мнение Ареса о собственном интеллекте.

– Да, они сыграют свою роль расчудесно.

*

Арес не знал, когда ожидать следующей атаки, но это и не играло особой роли. Будущее для него было предрешено, как уравнение, ответ которого известен заранее.

Спал он редко, а если сон и приходил, то лишь прерывистый. Он сидел за письменным столом в апартаментах, которые ему отвели, перебирая письма, написанные ему женой, просматривая ее видеозаписи и проигрывая в голове нескончаемые сценарии в рассуждении о том, как бы все могло быть, сложись все иначе. Но правда заключалась в том, что он просто играл свою роль, как многие поступали до него и будут поступать после. Аватар был прав – теперь

Арес это знал. Атлант гадал, сколько же раз тот видел, как миры возносятся и повергаются во прах. Тысячу? Миллион? Больше?

Аватар отстаивал простое существование, жизнь по общему кодексу. Аресу представлялось, что на этих планетах каждый гражданин – и интеллектуал, и рабочий, и каждую жизнь ценят и уважают. Они правы.

И еще Арес размышлял над собственными словами, сказанными тогда: «Мы будем сражаться».

Но не было никакого могущественного врага, чтобы с ним сразиться, только беспомощные жертвы. Не было зловещей угрозы у порога, которая сплотила бы его народ. Змеинная армия так и не пришла, а в отсутствие угрозы его люди утратили волю к борьбе. На самом деле, едва отведав насилия впервые за тысячу лет, тут же бросились выводить из анабиоза его – окаменелость почти забытого прошлого, возвращенную для борьбы с угрозой варварства.

Нет, они не хотят биться. Такова темная сторона человеческой сущности: без конфликта, без вызова внутренний огонь угасает, а без пламени общество впадает в стагнацию и медленно сползает по наклонной. Есть только одно решение проблем его мира – вырезать раковую опухоль.

Арес ужасался этого. Но это хотя бы конфликт, вызов, причина для его существования. Может быть, только это и удерживало его в живых...

Подойдя к окну, он любовался городом, который они выстроили, – одним из тысяч, покрывших почти всю поверхность планеты до последнего дюйма. Они очень дотошно спланированы. В отличие от городов старого мира, где он вырос, эти метрополисы объединили природу со сталью и стеклом в этакое полотно искусства и функциональности.

Из своих апартаментов на 147-м этаже Арес смотрел вниз на зелено-коричневые леса, поля и сады, покрывающие верхушки зданий. Ниже от здания к зданию протянулась, как паутина, сеть переходных мостиков. По мостикам двигались люди и капсулы, будто колония насекомых, пробирающихся по лабиринту из стекла и металла, искрившихся светом, и каждый огонек тщательно регулировался для оптимизации красоты и функциональности. Некоторые здания венчали

громадные теплицы, пышную растительность которых по ночам освещали и культивационные огни, и свет города.

Как столь развитая цивилизация может быть столь ущербной – вплоть до самой сердцевины?

И тут город подбросило взрывами. Мостики затряслись и развалились. Здания рушились.

Целые районы охватили огонь и дым, застилая полотно света, стекла и стали.

Дверь за спиной Ареса распахнулась.

– Взрывы в секторах четыре и шесть, генерал.

Быстро одевшись, Арес выступил во главе своей новообразованной армии, не доходя до боевой зоны самую малость. Гроыхнул еще взрыв, и волна вопящих, улепетывающих горожан хлынула в их сторону.

Солдат рядом с Аресом, деликатно кашлянув, негромко осведомился:

– Начинать, сэр?

– Нет. Пусть это немного продлится. Покажем миру, с какого рода людьми мы сражаемся.

Глава 39

Кейт проснулась в поту, с ощущением ломоты во всем теле, но худшая боль была отнюдь не физической. Каждое движение давалось с трудом, будто конечности налились свинцом. Кое-как выкарабкавшись из постели, она натянула одежду.

Покинув каюту, доктор Уорнер обнаружила, что настроение у остальных ненамного лучше. Впервые за все время знакомства Кейт увидела на лице Мило искреннюю печаль. Взор у него был потуплен. Пол и Мэри казались огорошенными, как после своего отчаянного бегства вверх по горе в Марокко, когда впервые увидели посадочный модуль «Альфа» всего-то пару дней назад.

Но вообще-то вид этой тройцы заставил Кейт встрепенуться, укрепившись духом. Они в ней нуждаются. Ради них она должна быть сильной, и это знание дало ей новое ощущение силы.

– Это еще не конец, – начала она. – У меня есть план.

– Правда? – спросил Пол, нечаянно выдав, насколько удивлен.

– Да. – Кейт повела их из кают-компания на мостик, где активировала экран и показала панораму окружающего пейзажа с обгоревшими руинами города. – Я уже говорила, что выходить наружу нельзя. Я видела эту планету в одном из воспоминаний ученой из расы атлантов. Она приземлилась здесь на этом корабле, а потом рискнула выйти. Полагаю, она была убита здесь какой-то группой, охраняющей планету. Она могла быть воскрешена. Это может быть одной из причин того, что Янус стер воспоминание, и, может статься, как раз оно стало причиной моей...

– Болезни, – со страхом в голосе досказал Мило. – Ни в коем случае, доктор Кейт!

– Я должна. – Доктор Уорнер настроила экран так, чтобы он показывал атмосферу в месте входа бакена – полосу белизны, как единственное уцелевшее свидетельство. – Теперь, когда бакена не стало,

мы здесь в ловушке

. Это скверная новость. Но у нас есть несколько вариантов. Аппаратура связи этого посадочного модуля до сих пор цела и невредима. А сам он полностью работоспособен. Мы можем поднять его на орбиту.

– И насколько далеко в нем можно улететь? – любопытно спросил Пол.

– К сожалению, недалеко. Посадочный модуль лишен способности генерировать червоточины, не может передвигаться в гиперпространстве. Но мы можем отправить передачу, попытаться позвать на помощь. Раз бакена больше нет, эта планета как на ладони.

– И, очевидно, хорошо охраняется, – заметил Пол. – Во всяком случае, охранялась раньше.

– Вот именно, – подтвердила Кейт. – И с этого-то я и хочу начать. На этом корабле есть адаптивная исследовательская лаборатория, точно как в посадочном модуле «Альфа». Я использовала портативное ядро данных, чтобы извлечь все воспоминания, которые Янус хотел утаить от своей напарницы. Я собираюсь поискать каких-либо указаний на то, что собой представляет эта планета и как мы можем получить помощь. – Она сделала знак Полу и Мэри: – Я

запрограммировала эти терминалы на обучение вас системам атлантов. Много времени обучение у вас не займет: Дэвид и Мило освоились всего за пару дней. – Это произошло не так, как хотелось Кейт, но она предпочла опустить это обстоятельство. – Когда сможете управлять кораблем, пожалуйста, начните сравнивать два сигнала – полученный Мэри на Земле и тот, что с поля Змеиной битвы. Это наша вторая надежда – выяснить, что это такое.

– А я? – спросил Мило.

– Ты поможешь мне. Последись за моими жизненными показателями, пока я буду в камере воскрешения. Если что-нибудь пойдет неладно, позовешь Пола и поможешь ему управиться с медицинскими системами корабля.

– Не нравится мне это, – покачал головой Мило. – Дэвид это не одобрил бы.

– Мы с Дэвидом говорили как раз перед... как отправились сюда. Увидев поле Змеиной битвы, он понял, что мы в отчаянном положении, что должны рисковать, если хотим обрести надежду. Это одна из наших возможностей. А вторая – сигнал. Таков наш план.

Кейт повела Мило с мостика, и хотя подросток больше не протестовал, она видела, что его ужасает то, чем может кончиться путешествие Кейт в гигантский желтый резервуар – точь-в-точь такой же, как тот, в котором они с Дэвидом обнаружили ее несколько дней назад. Напустив на себя браваду, Кейт собралась с духом, чтобы войти в резервуар снова, но как только оказалась внутри, стоя на виртуальном железнодорожном вокзале и глядя на табло, теперь заполненное полным перечнем воспоминаний ученой из расы атлантов, ощутила вздымающуюся волну страха. Что произойдет в воспоминаниях? Что это сотворит с ней вовне? Но выбора все равно нет.

Выбрав первое воспоминание – самое раннее из удаленных Янусом, – Кейт загрузила его.

Железнодорожный вокзал исчез, и она обнаружила себя стоящей в научной лаборатории. Стоящий перед нею Янус возбужденно говорил, указывая на проекцию планеты на стене. Окно во всю стену слева от нее являло взору обширный город, мерцавший в ночи огнями. Здания связывала сеть подвесных мостиков, и город бурлил жизнью. На миг Кейт была захвачена его очарованием в плен, но чувство это быстро

рассеялось, уступая место пониманию. Она инстинктивно угадала, что это такое – новая родина атлантов. И сразу многое узнала о себе. Свою работу. Свои желания. Это воспоминание отличалось от прочих. В тех Кейт обладала некоторым контролем над собственными мыслями, хотя действовать могла только ученая. Но не здесь.

Здесь она обрела полный доступ к мыслям ученой из расы атлантов, мешавшимся с ее собственными и теснившими их прочь. Кейт исчезла, стала просто зрительницей – видящей, чувствующей и переживающей прошлое ученой из расы атлантов. Звали ее Изидой, и ее жизнь начала разворачиваться перед взором Кейт вне ее контроля. Напоследок, еще осознавая себя, Кейт успела задуматься, что будет с ней самой, когда Изиду в воспоминании постигнет смерть, как было на Земле тринадцать тысяч лет назад, но о грядущей смерти знала только Кейт.

*

Янус снова прокрутил последовательность изображений планет.

– На всех этих мирах обитают гоминиды.

– Или обитали, – возразила Изида.

– Это правда, исследования стары, как Исход, но если постулировать, что не было никаких популяционных коллапсов, эти планеты по-прежнему должны поддерживать человеческую жизнь. Фактически говоря, на некоторых из них должны успеть вырасти высокоразвитые цивилизации, а то и эволюционировать так, что и вообразить трудно. Ты только подумай. Эволюционному генетику такая возможность выпадает раз в жизни, а то и вовсе не выпадает. – Янус выдержал эффектную паузу. – И никого я так не хотел бы видеть рядом с собой, как тебя, Изида.

Она отвернулась от него к окну с видом на город.

– Я ценю это, Янус. И это невероятная возможность, но мне трудно пуститься в космос, когда наш собственный мир в подобном положении.

– Я знаю твои чувства по поводу дебатов о труде.

– Дебатов о равенстве, – поправила его Изида.

– Совершенно верно, – кивнул Янус. – Дебатов о равенстве, – повторил он мантру сторонников рабочих, слова, которые он и прочие проинтеллектуалы никогда не произносили в частной обстановке.

Не дождавшись ответа Изиды, ученый продолжил натиск:

– Дебаты о равенстве утрясутся с нами или без нас. Мы же можем вершить историю, отстаивать дело атлантов. Мы зовем этот проект «Происхождение».

– Он нипочем не проскочит мимо Змеиных ограничений.

– Это может измениться.

– Что ты узнал?

– Просто слухи, но поговаривают о смягчении ограничений ради завершения бунта рабочих... дебатов о равенстве, – поспешно поправился он.

– Любопытно.

– Все складывается одно к одному, Изида. Мы уже переоснащаем исследовательский флот.

– Ты шутишь?!

– Ни в коем случае. Я понимаю, корабли уже староваты...

– И ими не пользовались с тех самых пор, как они картографировали новую сторожевую черту сразу же после Исхода.

– Они чудесно справятся. Мы их испытали. А со временем построим и новые.

Изида покачала головой, по-прежнему терзаясь сомнениями.

– А не можем мы потолковать завтра, после твоей речи на Форуме?

– Разумеется.

*

Правду говоря, Изида сочла предложение Януса неотразимым. В самом деле, такая возможность предоставляется не чаще раза в жизни. Но повернуться спиной к дебатам о равенстве, буйствующим на родной планете, было для нее невыносимо.

Она подумала о своей завтрашней речи – исследования, которые она представит, могут повлиять на ход дебатов, изменить курс развития общества. Ставки очень высоки, и Изида уже сейчас, выходя из здания на воздушную эстакаду, чувствовала, что нервы начинают пошаливать. Она обожала передвигаться от здания к зданию по ночам. Стекланные коридоры создавали ощущение полета над городом, и порой она, не в силах сдержаться, смотрела на него во все глаза.

Вдали вырос огненный плюмаж, и долю секунды спустя здание рухнуло, за ним другое. Воздушные мостики вдали порвались, и по паутине переходов словно пробежала рябь от каскада взрывов,

покатившихся в ее сторону волной. А от нее до земли было больше тысячи футов.

Изида нерешительно переводила взгляд со входа на выход. Последний оказался ближе, и она бросилась к нему во весь дух. Здание впереди содрогнулось, мостик закачался, пол потрескался, а на голову посыпались потолочные плитки.

Прикрыв голову вскинутыми руками, Изида наконец покинула подвесной мостик. Лифты здания не функционировали, так что ученая втиснулась в толпу на лестнице, отчаянно стремившуюся побыстрее покинуть здание.

На нижнем этаже вооруженные люди в масках погнали их в сумрачную зону ожидания, время от времени покрикивая, чтобы они пошевеливались, и подталкивая тех, кто выбивался из колонны.

Когда людской ручеек иссяк, один из погонщиков, ступив вперед, сказал:

– Больше вы не граждане. Больше вы не члены элиты, увековечившей интеллектуальный феодализм, угнетавший нас тысячи лет. Вы – средство, орудия революции. Вы получите номера. Теперь вы – заложники движения за равенство.

Глава 40

В течение последних трех часов Арес кружил по больнице, беседуя с гражданами, получающими медицинскую помощь после ожогов, переломов и осколочных ранений. Небольшое учреждение было переполнено. В коридорах творился хаос, люди носились во всех направлениях. Арес же своим спокойствием являл собой утес посреди бури. Вид бойни подготовил его к тому, что надо сделать, подтвердив, что он совершил правильный выбор.

Один из сотрудников больницы проводил его из главного здания в смежное, прежде служившее офисным, но теперь перепрофилированное в импровизированную психиатрическую лечебницу.

Граждане в каждой комнате казались Аресу одинаковыми – растениями.

– Они страдают от синдрома воскрешения, – пояснил врач.

О таком Арес еще ни разу не слышал. Сопровождающий прочел это по его лицу.

– В ваше время такого диагноза попросту не было. Вероятно, как и самого синдрома. Сознание пациента не в состоянии примириться с жизнью после воскрешения, а точнее, его мозг не в состоянии интегрировать определенные воспоминания – в данном случае о насильственной смерти. Этот синдром начал превалировать, когда наш образ жизни изменился. Мы полагаем, отчасти в этом повинен сдвиг эмоционального спектра наших граждан. Фактором риска выступает и повторное воскрешение. Некоторые из этих пациентов погибли в первой волне террористических актов, не выказав ни малейших симптомов синдрома воскрешения. Но на сей раз они возродились в почти кататоническом состоянии. Так или иначе, но все это может приобрести характер пандемии само по себе.

Арес кивнул, гадая, будет ли вообще кто-нибудь из его народа способен к воскрешению еще через пару тысяч лет.

Тут наушник Ареса включился, и заместитель доложил ему:

– Сэр, у нас новый оборот. Террористы захватили заложников.

«Наконец-то мы сдвинулись с мертвой точки», – улыбнулся генерал.

*

Изида была напугана, но не настолько, как окружающие. «Это настроит против рабочей фракции весь мир», – подумала она. И это положит восстанию истинный конец, станет последней каплей, заставив граждан прибегнуть к радикальным мерам. Изиде оставалось лишь догадываться, что это будут за меры. Но тут она шагнула вместе с очередью вперед и выбросила вырисовывающиеся сценарии из головы.

– Твой номер двадцать девять триста восемьдесят три, – сказал мужчина. – Какой у тебя номер?

– Двадцать девять триста восемьдесят три, – ответила Изида.

Поодаль от очереди двое мужчин спорили.

– Ты роешь нам могилу.

– Я спас нас, Ликос. Я сделал то, на что у тебя кишка была тонка.

Второй – Ликос встретился с Изидой взглядом и застыл, будто узнав ее.

Человек в маске, раздающий номера, дал знак подойти следующему в очереди, а Изиде сказал:

– Двигайся, двадцать девять триста восемьдесят три.

Изида зашаркала вперед, присоединившись к стоявшей впереди группе, но Ликос, остановив ее, отвел к человеку, с которым спорил.

– Вот о чем я говорю, – сказал он, указав на Изиду. – Ты знаешь, кто это?

– Конечно. Заложница. Какой у тебя номер, заложница?

Изида открыла было рот, но Ликос перебил ее:

– Не отвечайте. Ее зовут доктор Тритея Изида. Она эволюционный генетик...

– Уж извини, среди моих знакомых не так много эволюционных генетиков... – поднял ладони оппонент Ликоса.

– Она создала генную терапию, которая даст нашим людям возможность делать все то же, что умеют интеллектуалы.

Вождь повстанцев промолчал, и Ликос продолжал:

– Завтра она представляет результаты своих исследований перед полным Форумом, во всяком случае планировала, пока мы не взяли ее в заложники. Она была сторонницей нашего дела. – Ликос пристально взглянул на нее. – Надеюсь, будет и дальше и примет наши извинения за варварские методы некоторых из членов нашего движения. – Он замолчал, ожидая ее ответа.

– Я... да. Принимаю.

– Теперь мы вас отпустим, – продолжал Ликос. – И надеюсь, вы все-таки произнесете эту речь завтра.

– Непременно, – кивнула Изида.

Ликос повел ее прочь.

– Если только ее послушают после того, что мы тут натворили! – крикнул им вслед другой.

Ликос повел ее по коридорам, не заговаривая с часовыми, а просто кивая им и проходя мимо. Когда они остались перед зданием один на один, миновав последний пост, он сказал:

– Я искренне сожалею о случившемся с вами. Мы выпустили ситуацию из-под контроля. Пожалуйста, передайте это, будете ли вы читать свой доклад или нет. Что-то надо делать. Эти методы характерны лишь для ничтожного меньшинства из нашей массы. Мы готовы идти на любые жертвы, которые придется понести.

*

Совет уже пребывал в полнейшей панике, и это весьма порадовало Ареса. Только этого он от них и хотел.

Говорила Номос, и Арес уселся во главе стола, по большей части пропуская ее слова мимо ушей.

– Революционеры просто вытерли ноги об эти ваши войска.

– Они не способны сражаться, – подхватил другой член Совета.

– Совершенно верно, – ответил Арес, вставая.

– И каково же ваше решение, генерал? – спросила одна из женщин.

– Услышите об этом завтра на Форуме.

Еще один член Совета грохнул кулаком о стол для совещаний:

– Я хочу слышать это сейчас! До завтра мы можем и не дожить.

Рассмотрим все варианты, дамы и господа. Не можем ли мы создать патоген, выборочно воздействующий только на рабочих? Обойтись малой кровью и велеть стражам бомбардировать оккупированные зоны?

В комнате поднялся гам, и Арес тихонько выскользнул за дверь. Как ни странно, уверенность, что сражение неминуемо, подействовала на него лучше всякого снотворного.

Глава 41

Назавтра на Форуме Арес сидел в председательской ложе, молча глядя, как оратор за оратором поднимаются на центральный подиум и кричат свои воззвания трем тысячам зрителей в аудитории и еще десяткам миллиардов по всему миру. О таком моменте мечтает каждый политик – ситуация, которая скажется на грядущих поколениях. Одно голосование, гарантирующее, что их запомнят, что их ничтожные имена и лица внесут в исторические летописи и обессмертят. Они пихались локтями, чтобы оказаться в лучах прожекторов, чуть ли не спотыкались друг о друга, обеими руками цепляясь за каждую секунду славы. Половину времени потратили на споры о самом времени – сколько осталось у текущего оратора, сколько хватил лишку предыдущий и сколько выделяется нынешнему переливчателю из пустого в порожнее. Это зрелище не оставляло никаких сомнений по тому поводу, отчего распалось согласие.

Но экстренность ситуации возбудила внимание всех сторон и вдохновила уйму радикальных решений.

Дебаты бушевали весь день, а Арес все хранил молчание. Ему хотелось представить свое решение последним. Это будет окончательное решение.

На открытии вечерней сессии на трибуну поднялась какая-то ученая. Ее выступление было запланировано на более ранний час, но она не явилась. Совет списал ее в число множества поборников рабочих, пошедших на попятный в свете вчерашней эскалации насилия, но ученая – Изида – очевидно, передумала. Несколько представителей уступили ей свое время, и она использовала это время на описание глобального исследовательского проекта, секвенировавшего геном каждого атланта. Изида подробно изложила, как изолировала гены, управляющие эволюцией, поставившей вид атлантов особняком от геномов прочих гоминидов, собранных экспедиционным флотом самого Ареса в период, прозванным эпохой освоения, предшествовавший гибели их первой родины.

Изида утверждала, что этим фундаментальным геномом Атлантиды можно манипулировать, чтобы привести всех атлантов к состоянию когнитивного равенства. Ее предложение сводилось к простой генной терапии, и, к смятению Ареса, представители на Форуме начали объединяться вокруг него.

Встав, генерал подошел к пюпитру в своей ложе.

Все остальные голоса стихли, и на его микрофоне загорелся зеленый огонек. Ощущение было такое, будто и огни вокруг померкли, что остались только он да Изида, стоящая внизу на сцене. Огромный экран у нее за спиной заполнял изображение ДНК, и его вид помог Аресу укрепиться духом, убедив в собственной правоте.

– То, что вы описываете, будет катастрофой, – возгласил он. – Аномалией. Нам известен только один мир, одна раса, отважившаяся на подобное предприятие. И остался от них лишь громадный змей, стремящийся обвиться вокруг Вселенной и удушить каждую человеческую жизнь до смерти.

– Мы можем это контролировать. Мы говорим лишь о незначительной модификации, – возразила Изида.

– А что потом? Даже если вы добьетесь успеха, всегда найдется кто-то, кто окажется умнее других. Всегда кто-то будет быстрее

других. Кто-то привлекательнее окружающих. Кому же из них откажете вы в генетическом равенстве? Кто будет это решать? Кто примет окончательное решение, не являюсь ли я генетически неполноценным и не нуждаюсь ли в коррекции? Быть может, пробудившись еще через десять тысяч лет, я буду нуждаться в обновлении, но захочу остаться таким же, какой есть. И каковы же мои генетические права?

– Мое решение строится на добровольной основе.

Аудитория взорвалась, и Арес улыбнулся. Он загнал ее в угол. Эти люди хотят радикального решения раз и навсегда. А добровольность решения кажется некоторым вроде подфутболивания консервной банки на дороге, просто оттягивающей неизбежное.

– А мое решение не добровольно, – заявил Арес.

Из лож и балконов раздались крики, все в унисон кричали в отключенные микрофоны: «Что за решение?»

– Я привел наш народ на эту планету. Вместе с другими основателями Исхода я сформулировал нашу мечту о единой планете, простирающуюся в вечность. Антизмеинные законы были написаны, чтобы защитить нас от себя самих, и нарушать их нельзя. Недопустимо. – Арес игнорировал отдельные выкрики. – Но нашу мечту о едином народе на одной планете реализовать в мире невозможно. А я не желаю видеть войну внутри собственного народа. Я не стану ее вести, и мне совершенно очевидно, что больше никто на это не способен. Нашей повестью станет повесть о двух мирах. У нас есть средства завтра решить свой раздор, наделить равенством и возможностями каждого гражданина. Флот кораблей, построенных нами в годы после Исхода, существует по сей день. Это научные, транспортные и горнодобывающие суда. Как вам известно, мы нанесли на карту каждую планету в пределах новой сторожевой черты. Многие из них могут стать новой родиной для рабочего класса. Они могут выстроить там собственный мир, если только будут придерживаться Змеиных ограничений. Мы не можем позволить им стать угрозой ни для себя, ни для нас.

Быстро посыпались вопросы, и Арес так же быстро сыпал ответами. Горнодобывающие корабли можно сконфигурировать для терраформирования, преобразования новой планеты в райский сад, избавленный от природных катаклизмов и космических угроз.

Доставят колонистов на новую планету транспортные корабли, доставлявшие штат и детали к сборочному конвейеру «стражей». Дебаты быстро перекинулись на то, как окрестить отлетающих атлантов, причем часть ораторов настаивали, что «изгнанники» – вполне корректный термин, поскольку это принудительное переселение. Термин «сепаратисты» рассматривали, но сочли чересчур конфронтационным. Наконец одобрили «колонисты», хотя правила ясно говорили, что одним из условий, которых колонисты должны придерживаться, будет Змеиное ограничение, гласящее, что они ни в коем случае не должны покидать свою планету для исследований или колонизации.

Когда главные вопросы были решены и дебаты переключились на мелкие детали, вроде того, какие округа следует эвакуировать в первую очередь и что разрешить каждому взять с собой в дорогу, Арес тихонько удалился.

– Свой голос я передаю вам, – сказал он Номос.

Его разбудили среди ночи, что генерал счел ироничным по отношению к человеку, которому позволили проспать десять тысяч лет, за которые довели его планету до точки.

– Мы почти пришли к соглашению, – сообщила Номос. – Нам нужен компромисс. Большой блок голосующих хочет смягчить ограничения на исследования. Они требуют использования части научных кораблей для исследований дальнего космоса.

– Чего это ради?

– Они зовут это проектом «Происхождение». Простое исследование примитивных гоминидов.

Арес повертел эту идею в голове. Это может создать проблемы.

– Ладно. При двух условиях. Первое: вокруг некоторых планет обращаются военные бакены. К ним приближаться нельзя. Приблизившись, они погибнут. Второе: они получают только один корабль. Мы не можем рисковать, разрешив сотням кораблей дефилировать по всей Галактике.

Снова Ареса разбудили через несколько часов. Второй Исход, названный Актом равенства атлантов, был официально одобрен с минимальным перевесом.

День подписания Указа о высылке был худшим за тридцать пять лет жизни Изиды. Она мысленно проигрывала ситуацию снова и снова, представляя, какие могла использовать аргументы, чтобы звучать более убедительно, представить данные как-то иначе, чтобы взять верх над Аресом на Форуме.

Мир вокруг нее менялся, и отнюдь не к лучшему. После голосования больше всего советники боялись мести со стороны рабочего населения – но она не последовала, во всяком случае против интеллектуалов. Стратегия Ареса оказалась вполне жизнеспособной. Вожди рабочей революции безотлагательно выпустили заложников и даже обратили взоры на собственные ряды, пресекая любые протесты рабочих против принудительного переселения. Методы их были brutальны, а освещение в СМИ – беспощадно. Политические лидеры закрывали на это глаза. Жалкая горстка интеллектуалов продолжала свои протесты, по-прежнему лелея надежду на единое общество. Воду мутили в основном граждане городов, не затронутых бунтами и террористическими актами. Жертвы, сумевшие пережить резню, молча подсчитывали дни, остававшиеся до изгнания.

Через неделю после голосования Ликос посетил Изиду в лаборатории, к ее великому изумлению, принеся благодарности. После этого они виделись регулярно, и каждый раз она ждала новой встречи все с большим нетерпением.

Со своей стороны ученая всякий раз рассказывала о подвижках. Ограничения на автоматизированные технологии несколько смягчили, чтобы облегчить переходный процесс для интеллектуалов после изгнания.

С каждым визитом предметов для разговора оставалось все меньше, но Изида по-прежнему ждала встреч с нетерпением, страшась дня, когда корабли придут, чтобы принять рабочих на борт и увезти их навеки.

Именно во время одной из таких бесед, когда Ликос описывал, как вожди оппозиции кодифицируют критерии принадлежности к рабочим, у Изиды и сформировался план.

– Они опираются на доход, тип работы и даже на то, кем были твои родители, – поведал Ликос.

– А экспрессию генов они учитывают?

– Нет.

– А они определили планету для переселения?

– Да. Генерал Арес и его команды уже терраформируют ее. Но я не знаю, где она, – ответил Ликос.

– Можешь выяснить?

– Возможно.

Изида поделилась с ним своим планом, и, когда она закончила, Ликос долго молчал.

– Просто поразмысли об этом, – попросила Изида.

Назавтра ее посетил Янус.

– Я передумала. Я с радостью присоединюсь к проекту «Происхождение».

Она чувствовала легкие угрызения совести из-за того, что ее энтузиазм питал совершенно иной источник, но это можно как-нибудь утрясти и после.

*

Арес взирал из иллюминатора своего исследовательского корабля на раскинувшуюся внизу голубую, зеленую и красную планету, по поверхности которой ползали могучие машины, разгребавшие землю и вздымавшие в атмосферу тучи красной пыли. Машины терраформирования передвигали горы, создавая рай для изгнанников-атлантов.

– Геологическая партия прибыла, генерал Арес. Тектонические плиты в северном полушарии не будут доставлять проблем четыре тысячи лет. Оставить их?

– Нет. Через четыре тысячи лет они сами с ними управятся. Займитесь жильем. – Борьба с глобальной катастрофой может подтолкнуть их эволюцию. Это было бы опасно. Арес хотел, чтобы они жили тут, не зная забот. В этом заключалась суть его плана.

В день переезда генерал смотрел на флот транспортных кораблей с лунной наблюдательной площадки. Корабли приблизились к пылающей вдали белой звезде, и от вида целого флота у него прямо занялся дух. Он почувствовал, как волоски на руках встают дыбом от пробежавших по коже мурашек. В голове крепко засела одна-единственная мысль: «Я победил».

*

Проект «Происхождение» стартовал через неделю после того, как вернулся флот, доставивший Изгнанников. Церемонию запуска обставили с шиком. Ученые мужи и политики превозносили экспедицию как открытие новой эпохи исследований атлантов – при строжайшем соблюдении антизмеиных законов. Команда ученых будет изучать человеческую жизнь по всей Галактике, на планетах в пределах новой сторожевой черты, наконец раскрыв секреты эволюции и самой Загадки Происхождения. Многие верили, что эти откровения могут дать новые указания на то, как Змеиное Кольцо подобралось к Первозданной Сущности и как его можно одолеть. Команде дана возможность проводить исследования, оказавшиеся под запретом, о которых тысячами лет даже не заговаривали. Янус был прав в одном: проект – идеальная возможность для Изида продолжить свои исследования. Но истинные ее мотивы заключались в ином.

Впервые совершая экскурсию по колоссальному научному кораблю, Изида просто остолбенела. Масштабы древнего судна потрясли воображение. Он вместил сотни научных лабораторий, а в центре находились два гигантских ковчега, способных вместить целые экосистемы исследуемых планет. Корабль был построен в годы после Исхода, чтобы провести полное обследование звезд и планет в пределах сторожевой черты. Большую часть беготни выполняли зонды и исследовательские беспилотники, но за ними следовала большая научная команда на корабле, изучавшая миры, способные повлиять на безопасность атлантов. Циклопические ковчеги они использовали, чтобы доставлять целые фрагменты миров для изучения специалистами на новой родине атлантов.

Хотя в научных целях ковчеги использовались в ветхозаветном прошлом, во времена Изида и Януса они могли послужить для развлечения. Граждане шумно приветствовали возможность посетить иные миры, не покидая поверхности родной планеты. При каждом отлете проекта «Происхождение» поднималась новая волна домыслов на тему, что же они доставят обратно. Внимание публики способствовало привлечению поддержки и средств на продолжение проекта, и Изида понимала, что это служило одним из аргументов в пользу ковчегов. А вторым, как она подозревала, было желание Ареса и Совета, чтобы ученые время от времени являлись отметиться. Каждый раз, когда они возвращались домой, команда из пары дюжин

специалистов из различных областей, включающих микробиологию инфекционных заболеваний, нанотехнологии и психологию, подвергала каждого из ученых дотошному обследованию. Но ничего вредоносного они домой не приносили. Да и интерес к ковчегам, доставленным ими обратно, с каждым возвращением угасал. Мало-помалу все планеты стали для них на одно лицо, и Янус с командой с каждым путешествием принимались искать все более экзотические образчики флоры и фауны в отчаянной попытке вновь возбудить интерес публики. Но их попытки были заранее обречены на провал. С каждым возвращением толпы, собиравшиеся поглядеть на ковчеги, становились все меньше.

С годами и данные стали тоже выглядеть одинаково, и отличия каждого нового вида гоминидов на новых планетах возбуждали все меньше интереса.

Со временем безразличие публики заразило и команду ученых.

Начинали они с командой из пятидесяти специалистов, тщательно отсортированных из тысяч претендентов. Для отбора Янус привлек Изиду, и она сочла себя очень везучей: многие кандидаты были куда опытнее ее и имели больше прав участвовать в экспедиции. Но ею двигали куда более мощные мотивы, чем ими... и совершенно иные.

От пятидесяти человек команда усохла до двадцати, потом до десяти, пяти, и в конце концов остались только двое – Янус и Изида. Винить их тут было не в чем. Ученые выросли на густонаселенной планете, в гуще социальной жизни. Мучительная изоляция дальних космических экспедиций, годы анабиоза и повторение одних и тех же экспериментов раз за разом изнурили ученых. А те, кому не прискучили исследования, вождедали возвращения на родную планету атлантов, где начался новый интеллектуальный ренессанс. Противостоять манящему зову новой эпохи единого целостного общества могли лишь Янус с Изидой. В конце концов они оказались в одиночестве – и оба были рады этому, хотя и по разным причинам.

– Такое впечатление, будто мы последние два человека во Вселенной, – промолвил Янус. На обзорном экране у него за спиной появилась планета 1632 – шар с мраморными переливами пурпура, красноты и белизны, выраставший по мере приближения корабля к нему.

– Да, – отозвалась Изида. – Идеальный способ провести наши исследования.

Янус собирал свои образцы на 1632-й в одиночестве, не перекинувшись с Изидой почти ни словом за время их трехнедельного исследования. Изида понимала, что причинила ему душевную рану, но это лучше, чем ложь. Ложь она прибегала на самый крайний случай, когда без нее не обойтись, и понимала, что этот момент наступит очень скоро.

Когда они уже входили в свои стазис-камеры, Янус наконец разбил лед.

– Увидимся на следующей планете, Изида.

Она кивнула; труба закрылась, и ее окутал туман.

Как раз следующей планеты – 1701-й – она и дожидалась. Та была как раз в пределах нужной дальности.

Выйдя из трубы, Янус уже был собой прежним. Для каждого из них прошло всего несколько секунд, но снаружи пролетело два года. Колокола, растягивающие время, в обоих концах корабля в сочетании со стазис-камерами делали скачки сквозь время и пространство легкими, как послеобеденная дрема.

– Со времени первоначального исследования тут развились кое-какие экзотические виды, – заметил Янус. – Давай возьмем посадочный модуль «Альфа». Может быть, найдется что-нибудь для ковчега...

– Согласна, – ответила Изида, активируя собственный терминал и прокручивая информацию в надежде найти благовидный предлог улизнуть. – Высланные вперед зонды также обнаружили признаки окаменелостей на седьмой планете. Я бы хотела взять посадочный модуль «Дельта», чтобы добыть образцы.

Неохотно согласившись, Янус добавил:

– Давай периодически поддерживать радиокontakt.

– Конечно.

Изида выбрала посадочный модуль «Дельта» по двум причинам: это единственный корабль, способный к гиперпространственным переходам малого радиуса, да вдобавок на нем есть плот воскрешения.

У границы Солнечной системы она совершила прыжок, которого дожидалась двадцать три года, – к колонии Изгнанников.

Обзорный экран внутри посадочного модуля «Дельта» показал, что цивилизация делает свои первые неуверенные шажки. Поселения были еще чересчур малы, чтобы увидеть их с орбиты, но при большом увеличении она увидела на обзорном экране фермы в окрестностях простых городов. Изгнанники неспешно создавали собственную утопию, не похожую на сложившуюся на их родной планете.

Изида вступила в радиоконтакт, договорилась о встрече и приземлилась на поверхности планеты. Спустила плот воскрешения перед самой посадкой, а затем встала перед посадочным модулем в ожидании.

Модуль приземлился в скалистой местности в нескольких милях от небольшого поселения. Через несколько минут из-за уступа скалы показался Ликос. Его юношеское лицо стало более суровым и обветренным, но черты по-прежнему лучились обаянием, которое Изида находила неотразимым.

Не думая, не проронив ни слова, она пересекла разделявшее их расстояние и обняла его, едва не повалив на землю.

– Эй, – сказал он, отстраняя Изиду, чтобы оглядеть ее, – ты не постарела ни на день!

– Стазис-камеры творят чудеса. – Изида кивком указала на прямоугольную конструкцию в нескольких футах от них. – Сам увидишь.

– Что это? – Ликос скептически оглядел конструкцию.

– Плоты воскрешения. Большие корабли спускают их, когда оказываются в опасности. Если экипаж гибнет, то воскресаает на нем и может дожидаться спасения.

– Это напоминает мне старый мир, – покачал Ликос головой. – Здесь жизнь проще.

Изида уловила в его интонациях какие-то странные нотки. Колебания? Страх?

– Наш план тебе понравился?

– Нет... Дело такое. Мы строим тут нечто славное. Когда мы говорили... тогда я думал, что изгнание равноценно крушению. Но тут мы сплотились. Есть и единство, и смысл.

– Они никуда не денутся.

– Для меня прошло больше двадцати лет. Растолкуй мне снова.

Изида извлекла контейнер.

– Это ретровирус. Просто выпусти его где угодно. В идеале – в густонаселенном районе.

– Смахивает на арсенал бунта, – заметил он, беря серебристый цилиндр.

– Не будет никакого террора или болезней. Этот вирус воссоединит наш народ, Ликос. Мы сможем жить вместе на одной планете – любой из нас. Один мир. Один народ.

– Как он работает? – приподнял он брови. – Растолкуй попроще.

– Мои исследования изолировали гены, нажимающие на рычаги эволюции. Я зову их геном Атлантиды, хотя на самом деле это набор генов, и его активация играет критическую роль. Терапия модифицирует ген Атлантиды у каждого на этой планете.

– Мы изменимся?

– Медленно. Я периодически буду снимать показания и вносить коррективы, если что-нибудь пойдет не так. Изменения будут незаметны. Это незначительные преобразования в мозговых связях, прежде всего в зонах переработки информации, коммуникации и решения задач. Эта терапия повысит потенциал каждого на этой планете. Когда-нибудь это назовут актом, объединившим наш народ сызнова. – Изида ждала, но Ликос не отозвался ни словом. – Ты мне веришь?

– Целиком и полностью, – без колебаний сказал Ликос.

– Тогда увидимся через несколько минут. – Она улыбнулась. – Или десять тысяч лет по местному времени.

Вернувшись на орбиту, Изида не удержалась, чтобы не поглядеть, как Ликос идет обратно к деревушке с серебристым цилиндром в руках. И уже перед тем, как тень ночи протянулась по планете, накрыв скалистую местность, где притаился плот воскрешения, Ликос вернулся к нему с пустыми руками и вошел внутрь.

Изида испустила вздох облегчения, ощутив трепет предвкушения. Затем открыла червоточину и вернулась на планету 1701, к главному кораблю.

Моментально заметив ее прилив энергии, Янус не преминул высказаться:

– Должно быть, удачно слетала.

– Да.

– Я тоже. Загрузил ковчег Д. Ты не согласишься. – Он вызвал на экран ряд изображений. – Это летающие рептилии с фотосинтетическим кожным слоем. А ночью, когда охотятся, становятся невидимыми.

– Впечатляет.

Они немного потолковали об экспозиции на родной планете, как надо будет охранять экскурсантов и как это может вновь разжечь интерес к проекту, а то и вдохновить новую группу ученых рискнуть отправиться с ними.

Наконец Янус спросил:

– Готова к планете семнадцать двадцать три?

Изида кивнула, они снова вошли в свои стеклянные трубы, туман закружился, и время полетело.

Глава 43

Сигнал тревоги сразу сказал Изиде, что дело неладно. Труба открылась, и туман рассеялся. Как обычно, ученая вышла из трубы прежде Януса. Вприпрыжку доковыляв по холодному металлическому полу до панели управления, она начала манипулировать появившимся зеленым облаком света, пытаясь определить, что пошло не так.

– Что, гиперпространственный тоннель схлопнулся? – спросил Янус, продирая глаза и бредя к пульту, чтобы присоединиться к Изиде.

– Нет. Мы прибыли к планете семнадцать двадцать три.

В тесном пространстве раскатилось голосовое сообщение из громкоговорителя:

– Эта планета находится под военным карантином. Эвакуируйтесь немедленно.

Изида и Янус бегом бросились на мостик. Обзорный экран показал планету внизу, выглядевшую совсем не так, как на кадрах, сделанных исследовательским зондом тысячи лет назад. На месте роскошного зелено-коричнево-белого мира раскинулась пустыня. Поверхность суши испещрили черные кратеры. Океаны были слишком зелеными, облака – слишком желтыми, земля – слишком красной, коричневой и охряной.

– Курс эвакуации сконфигурирован, – пророкотал голос корабля на мостике. – Исполнять?

– Ответ отрицателен, – отрезала Изида. – «Сигма», заглуши уведомления военных буев и удерживай геосинхронную орбиту.

– Это безрассудство, – возразил Янус.

– Эта планета была атакована.

– Это не доказано.

– Мы должны расследовать это обстоятельство.

– Это могло быть природным явлением, – не сдавался Янус. – Рядом комет или поясом астероидов.

– Не было.

– Ты не...

– Не было. – Изида увеличила изображение одного из ударных кратеров на весь обзорный экран. – К каждому кратеру ведет ряд дорог. Там стояли города. Это было нападением. Возможно, нападающие позаимствовали астероиды из пояса и воспользовались ими для кинетической бомбардировки. – Обзорный экран снова изменился; на нем появились руины города в пустыне с разваливающимися небоскребами. – И позволили негативным последствиям для экологии позаботиться обо всех, кто находился за пределами мегаполисов. Там могут быть ответы, – в голосе Изиды прозвучала непререкаемая решимость.

Янус понурил голову.

– Возьми посадочный модуль «Бета». Без ковчегов он обеспечит тебе более высокую маневренность.

*

Изида опустила модуль «Бета» у самой окраины города, рассудив, что среди руин могут быть следы взрывчатки или любые другие опасности. Если посадочный модуль будет уничтожен, ей нигде будет возродиться, и ее жизнь оборвется навсегда. Посадка за пределами города – единственная верная ставка.

Надев космический скафандр, она вышла из посадочного модуля, направившись прямо к руинам.

По пути Изида вертела загадку 1723-й в голове так и эдак. Первичное обследование выявило два подвида гоминидов, состоявших в тесном родстве. Их эволюционный прогресс вполне соответствовал типичному для прочих гоминидов в атлантском регионе космического пространства, так что их сочли ничем не примечательными.

Но что-то все-таки здесь случилось. Прогресс, эволюция вдруг пошли полным ходом. Они совершили грандиозный скачок вперед, и выросла высокоразвитая цивилизация – лишь затем, чтобы подвергнуться бомбардировке, обратиться во прах. Эта мысль ее опечалила. Эта планета могла быть тем, чего вожделем новая родина атлантов, – миром-собратом. Ее открытие вновь разожгло бы интерес к исследованиям космоса. Но кто-то явно знал об этой планете или открыл ее уже после коллапса – на орбите разместили военный бакен атлантов.

Оставались только две возможности. Либо результаты предварительного исследования были неверны и планета к тому моменту уже была опустошена, – либо цивилизация 1723-й вознеслась и пала в течение этого промежутка времени, а какая-то организация атлантов узнала это и предпочла утаить истину.

Изида шагала уже почти два часа, когда в наушниках раздался тревожно-взволнованный голос Януса:

– Приближается корабль. – Он помолчал. – Это сторожевая сфера.

Изида ждала, глядя в небо, будто ожидая, что «страж» вот-вот прорвет пелену облаков.

– Она просто просканировала наш корабль, – сообщил Янус. – И движется дальше. Изида, по-моему, тебе надо убираться отсюда.

– Поняла. – Ученая направилась к посадочному модулю.

– Сфера что-то выпускает. Этот объект входит в атмосферу. Это кинетическая бомбардировка...

Сигнал связи сменился треском помех, а затем совсем оборвался. Изида увидела, как пылающий объект прорывает тучи у нее над головой, будто раскаленная кочерга, пронзающая небеса. Изида бросилась было бегом, но остановилась. Что толку? И просто стояла, ожидая, гадая, зачем «стражу» стрелять по планете или по ней.

Жар усиливался, и она упала на землю, скорчившись клубочком. Боль охватила ее, кожа покрылась испариной на пару секунд, почти тотчас же испарившейся в жарком, как топка, скафандре. Конец не заставил себя ждать, и в следующий миг она открыла глаза, глядя сквозь округлость стекла воскрешающей трубы в посадочном модуле «Бета».

*

Кейт открыла глаза. Она тоже находилась в посадочном модуле «Бета», на той же планете, тысячи лет спустя после воспоминания. Доктор Уорнер тоже смотрела сквозь округлость стекла трубы, но только в резервуаре желтого света в исследовательском отсеке.

Она лежала на полу, и голова ее покоилась у Мило на коленях. Резервуар, где она парила, глядя – переживая – воспоминания Изиды, стоял нараспашку с лужей крови на полу. Ее крови. Смерть Изиды на планете за стенами модуля тысячи лет назад казалась реальной и принесла урон, инстинктивно поняла Кейт. Она была почти не в состоянии двигаться.

Пол и Мэри склонились над ней, и страх на их лицах подтвердил ее догадку.

Глава 44

Когда Кейт открыла глаза снова, она лежала навзничь на металлическом столе. Женщина узнала этот стол. На таком же она пришла однажды в себя в посадочном модуле «Альфа» сразу после хирургической операции.

На нее с тревогой смотрел Пол.

– Ты была на волосок, Кейт. «Бета» говорит, твой расчетный срок жизни меньше суток.

– Я видела, что здесь случилось, – садясь, проговорила доктор Уорнер и только сейчас заметила, что Мэри и Мило тоже в комнате. И обратилась ко всем троем, пересказывая, что видела на родине атлантов, как раскололось их общество.

– А почему «страж» атаковал на этой планете Изиду? – поинтересовалась Мэри.

– Не знаю, – призналась Кейт. – Думаю, это покажет следующее воспоминание. – И прочла дурные предчувствия у них на лицах. – Я должна. Мы это уже обсуждали. А с шифром прогресс есть? – сменила она тему.

– Если можно так это назвать...

Подойдя к стенной панели, Пол вызвал изображение, напоминавшее один кадр телевизионных помех, только в цвете. Кейт изумило, как ловко Бреннер работал с панелью, и она поневоле

задумалась, сколько же пробыла в резервуаре. Но как бы там ни было, он сильно вырос в ее глазах.

– Это изображение – перевод четверичного кода в СМΥΚ. Мы пробовали RGB – красный, зеленый, синий – с нулевым конечным признаком, но получилось еще хуже. Мы также исключили видео и ряд других сценариев.

– Дежурная шутка, – вступила Мэри, – что это одна из тех картинок, в которых начинаешь видеть изображение, если долго всматриваешься.

– Но сколько мы на нее ни таращились, она ни капельки не меняется, – досказал Пол. – Рабочая гипотеза сводится к тому, что это геномная последовательность. По моей прикидке, это ретровирус.

– Бьюсь об заклад, ты прав, – сказала Кейт. – Это может быть какого-то рода терапией, меняющей мозговые связи, даже позволяющей общаться на расстоянии. Или работать как квантовый маяк в подпространстве.

– Создавая квантовомеханическую запутанность, – подхватила Мэри.

– Да, – согласилась Кейт. – Мы впрыскиваем вирус, и ответный сигнал приходит к тому, кто его отправил.

– Ты знаешь, что это? – спросил Пол.

– Нет. Но... – Доктор Уорнер подумала о ретровирусе, который Изида приготовила для Изгнанников, о «стражах» и войне Змеи с атлантами. – По-моему, я на грани разгадки. Это может быть в следующем воспоминании.

И прежде чем кто-либо успел запротестовать, Кейт потащила всех из адаптивной исследовательской лаборатории по коридору в медицинскую, по пути объясняя системы геномного синтеза и снова дивясь тому, как Пол схватывает все буквально на лету.

Когда последовательность была загружена, «Бета» повела отсчет сборочной фазы. Менее чем через три часа они получают сигнальную версию ретровируса, а Кейт надеялась, что за это время узнает всю правду о мире Атлантиды.

Вернувшись к резервуару, она надела серебристый шлем и снова погрузилась в воспоминания, которые Янус пытался стереть.

*

Посадочный модуль «Бета» яростно заскакал от землетрясения после столкновения, но, к облегчению Изида, остался цел и невредим. Когда толчки прекратились, двери отсека воскрешения распахнулись, и в них вбежал Янус. «Должно быть, портировался на посадочный модуль сразу после столкновения», – подумала Изида. Вообще-то подобный риск не в его духе.

Труба открылась, и Изида вышла на подкашивающихся ногах. Янус протянул руки, чтобы подхватить ее, но та отмахнулась:

– Я в порядке.

– Надо уходить.

Он повел ее к portalу, и оба ступили на главный корабль. Янус быстро набрал адрес следующего места назначения и открыл гиперпространственное окно еще до того, как они успели добраться до своих стазис-камер.

– Почему «страж» атаковал меня? – спросила Изида.

– Не знаю. Может, на эту планету вторглась Змеиная армия.

– Это невозможно, – возразила Изида. – Ей пришлось бы прорвать сторожевую черту. Если так, она добралась бы до нашей родины давным-давно. Руины на семнадцать двадцать третьей очень древние.

– Мы должны доложить об этом.

– Слишком рискованно. И потом, нам приказано не приближаться ни к каким планетам, находящимся в карантине военных бакенов.

«Приказано Аресом», – мысленно уточнила Изида, на миг задумавшись об этом.

– Что, если «стражи» неисправны? – предположил Янус.

– Маловероятно. По-моему, кто-то запрограммировал «стражей» на уничтожение обитателей семнадцать двадцать третьей.

– Это мощное обвинение.

– Это была мощная цивилизация.

После этого они не обменялись ни словом. Мысли Изида обратились к планете Изгнанников и Ликосу, лежащему в стазис-камере плота воскрешения. И тут же она решила изменить свой план, вернуться туда раньше, чем обещала, – просто на всякий случай.

– Давай возьмем паузу на обдумывание. А пока двинемся дальше. Какое там у нас место назначения?

– Планета двадцать три девятнадцать.

Изида вызвала сведения обследования, сосредоточившись на местоположении 2319-й. Она находилась слишком далеко от планеты Изгнания; добраться до нее в посадочном модуле «Дельта» не удастся. Изида провела в базе данных поиск планет, которые бы подошли.

– А как насчет девятнадцать восемнадцатой? Во время предварительного обследования на ней было три вида гоминидов. Было бы любопытно провести сравнительное эволюционное исследование.

Янус на минутку задумался.

– Да. Согласен.

Как только 1918-я показалась на экране, Изида поняла, что сделала правильный выбор. Планета была третьей в своей солнечной системе, имела единственную необитаемую скалистую луну и недавно претерпела значительное глобальное изменение климата. Между двумя небольшими материками в северном и южном полушариях вознесся перешеек, разделивший огромный океан планеты на два более мелких водоема, изменив морские течения и ареалы обитания нескольких видов приматов на центральном материке. Несколько подвидов гоминидов выбрались из своих первобытных ареалов в джунглях на равнины. Перемены в среде обитания и питания вызвали перманентные изменения их геномов.

– Теперь я фиксирую четыре генетически индивидуализированные популяции гоминидов, – сообщил Янус. – Присваиваю номера по каталогу. Это будут подвиды восемьдесят четыре шестьдесят восемь, восемьдесят четыре шестьдесят девять, восемьдесят четыре семьдесят и восемьдесят четыре семьдесят один.

Они посвятили еще несколько часов предпосадочному обследованию. Бакен, маскирующий планету, сохранял полную функциональность и успешно прошел все проверки систем. Согласно протоколу они начали принимать меры по погребению своего основного корабля глубоко под поверхностью темной стороны луны планеты.

– Я бы хотел спуститься на посадочном модуле «Альфа», – заявил Янус. – Конечно, это перебор, но ковчег В пуст, а там, по-моему, может наклюнуться возможность.

Изида согласилась; для ее целей требовался только посадочный модуль «Дельта».

На поверхности планеты они взяли пробы ДНК и провели ряд экспериментов, сопоставляя полученные данные с данными предварительного обследования.

– Прогресс изумительный, – резюмировал Янус. – И разнообразие.

– Действительно. Я бы хотела провести долгосрочное исследование. – Дождаясь ответа Януса, Изида изо всех сил старалась скрыть тревогу. – Сомневаюсь, что кто-нибудь на родине будет против. В последнее время они как-то не очень по нам скучают.

– Согласен. И долгосрочное сравнение было бы интересным. Предлагаемый интервал отбора проб?

– Скажем, десять тысяч лет.

Янус сопоставил свежие данные с первоначальными.

– Это должно пойти на славу, – улыбнулся он. – Посоветую научному совету в ближайшее время нас не ждать.

Подготовившись, оба ученых удалились в свои стазис-камеры. Уже перед входом Изида выставила собственный таймер на пять тысяч лет. Пробудившись, она портируется обратно на главный корабль и возьмет посадочный модуль «Дельта», чтобы наведаться на планету Изгнания, – просто на всякий случай.

Но процедура пробуждения через пять тысяч лет так и не наступила.

Изида снова пришла в себя из-за тревоги – срочного зашифрованного сообщения. Проверила журнал анабиоза. Прошло всего 3482 года. Они с Янусом бегом бросились в рубку связи посадочного модуля «Альфа».

Первое сообщение было срочной информационной сводкой о нападении на их родную планету. В памяти Изиды тотчас же вспыхнуло нападение «стража», убившего ее на планете 1723.

– Смотри, – сказал Янус, – тут есть директива «стражам», приказывающая всем сферам, не занятым в черте, собираться к родной планете.

Изида выхаживала по рубке туда-сюда.

– Должно быть, Змеиное вторжение, – прошептал Янус.

– Тогда мы и здесь в опасности.

– Верно. Но и улететь не можем.

После они поели, не перекинувшись почти ни словом. Мысли Изиды обратились от собственной родины к планете Изгнания.

Снова прозвучал сигнал связи, и оба снова бросились в рубку связи.

Новое послание было еще короче. Их мир погиб. Им приказывали просто скрыться и ждать дальнейших указаний.

– Значит, мы остались одни-одинешеньки, – промолвил Янус, но вместо печали в его голосе Изида уловила нотки удовлетворения.

Глава 45

Силы почти вернулись к Дориану. Часы, проведенные в переговорной кабине в переживании прошлого Ареса, взимали с него все более тяжкую дань. Слоун сидел, уставившись на сборочный конвейер «стражей», протянувшийся в черноту пространства. Он вплотную подошел к разгадке подноготной Ареса, включая и его мотивы, и причины прибытия на Землю, и чего тот хотел от человечества.

Дориана впечатлило то, как ловко атлант разделался с бунтом на родной планете. Не так эффектно, как устроенный Аресом на Земле потоп и чума до него, но тем не менее Арес зарекомендовал себя искусным воином.

Войдя в кабину, Дориан загрузил последние воспоминания Ареса.

*

После Изгнания генерала снова охватило чувство глубочайшего опустошения. Он снова оказался в мире, где для него места не было. Он был чужаком в мире, созданном его собственными руками. Ирония ситуации не ускользнула от его внимания, но Арес знал, что поступил как должно. Подобное красной нитью проходило сквозь все его бессвязное существование. Вокруг быстро воплощалась в жизнь интеллектуальная утопия, к которой его мир стремился испокон веков.

А пока окружающий мир стремительно менялся, Арес оставался все тем же, обратившись в настоящий реликт – человека вне времени и не у дел. Не осталось никаких сражений, которые он мог бы вести, никаких грандиозных кампаний, никакого смысла существования.

Он снова потребовал дозволения умереть – и снова в его требовании отказали. Генерал снова прошагал длинную дорогу до

усыпальницы, вмещающей древний корабль воскрешения. На сей раз празднество было еще пышнее, в толпах яблоку негде было упасть, шум стоял оглушительный, вспышки камер слепили.

За этим последовало небытие. Лишь изгиб стекла и язычки тумана в трубе да едва уловимое журчание утекающего времени.

Корабль вокруг него содрогнулся. «Землетрясение?» – удивился Арес. Не может быть. Никакой тектонической аномалии попросту не дали бы развиваться.

Его труба открылась, и Арес выбежал из древнего ковчега. Темное небо озаряли дальние сполохи и опускающиеся большие треугольные корабли. В раскинувшемся перед ним городе загрохотали взрывы. Подвесные мостики рвались, здания рассыпались. Рушился весь мегаполис.

Его обдало жаром, накатила какофония звуков, совершенно дезориентировав его. Время будто застыло, как в кошмарном сне. Мир, ради которого Арес принес столько жертв, рушился, обращался во прах у него на глазах в палящих сполохах под раскаты грома. Грохот сотрясал его до самой сердцевины, и Арес невольно попятился. С этой ситуацией

совладать

было не в его власти. В этот момент он ощутил себя совершенно бессильным, одиноким перед неведомой силой, врагом, равного которому он не видел.

Перед самым ковчегом приземлился корабль, и оттуда посыпались солдаты в масках, окружившие его.

«Солдаты. Здесь».

Арес пытался постичь происходящее. Не может этого быть. «Стражи»...

Выступив вперед, один из солдат спроецировал в пространство между собой и Аресом голограмму неистового сражения, бушевавшего в космосе вокруг планеты атлантов. Десятки тысяч сторожевых сфер вели безнадежный бой, проигрывая его, точь-в-точь как прежде, вокруг первой родины атлантов. Для Ареса история разыгрывалась сызнова. Обломки сторожевых сфер медленно формировали новое поле обломков, протянувшееся к солнцу.

Другие корабли Арес не узнавал. Это были не Змеиные корабли – куда меньше и лучше приспособленные для сражения со сторожевыми сферами, будто были построены именно с этой целью.

Человек снял свой шлем. Ликос.

Арес узнал вождя мятежников. Арес вел с ним переговоры во время восстания и считал его самым благоразумным человеком в этой крайне безрассудной, варварской фракции.

– Вы предали нас, – изрек Ликос.

– Вовсе нет, – огрызнулся генерал. – Почему вы напали на нас?

– Вы нанесли удар первыми, Арес. Отзовите «стражей». Это все, чего мы хотим.

Арес начал мысленно перелистывать возможности, отбрасывая вариант за вариантом в поисках выхода. В голове у него начал складываться план.

– Хорошо, – сказал он. – Система управления «стражами» расположена в ковчеге. Я отключу их, и тогда мы сможем поговорить, как поправить дело.

Ликос смерил его взглядом с головы до ног.

– Я буду тебя сопровождать – чтобы ты сдержал слово.

Вдвоем они молча зашагали по величественному храму, вместившему ковчег. Проходя по обширному залу, Арес вдруг осознал, где в его плане затаился изъян. Трубы заполнялись только что погибшими видными гражданами. Корабль воскрешения был настроен на возрождение важнейших граждан в случае всеистребительной катастрофы, обеспечивая цивилизации атлантов точку восстановления.

Заполнялось все больше и больше труб. Некоторые открывались, и безжизненные тела мешками вываливались из них прямо на пол. «Синдром воскрешения», – подумал Арес. Шок, причиненный смертью, оказался губительным для них, как для немногих во время рабочих бунтов. Сколько же времени прошло? Тысячи лет? Атланты настолько увязли в утопическом существовании, что психика всех граждан без исключения не смогла вынести мук насильственной смерти. Они погибли все до единого.

Трубы продолжали заполняться и открываться, исторгая бездыханные тела атлантов одно за другим.

Нужно остановить процедуру воскрешения, положить конец их адским мукам. Им никогда не прийти в сознание. Но он может

обеспечить их безопасность. Он солдат. Это его работа... его долг.

Это сознание воспламенило его душу пониманием цели. Собранным.

Арес бросился вперед, прикончив Ликоса одним ударом. И побежал по коридорам к мостику ковчега, где отключил цикл возрождения, позаботившись, чтобы его народ оставался в стазисе, но не выходил из труб.

Вызвав программу управления «стражами», он дал сферам инструкцию сражаться с кораблями Изгнанников, чтобы помочь ему бежать.

Глава 46

Арес долго стоял на мостике ковчега, глядя, как бело-голубые волны гиперпространства вздымаются и пробегают по обзорному экрану. Древний реликт работал как часы, перепрыгивая от одного гравитационного колодца планеты к другому за долю секунды, проскальзывая в гиперпространство, все более удаляясь от поля битвы родины атлантов.

Арес подивился, что архаичный корабль до сих пор функционировал. Их благодетели строили даже не на века, а на тысячелетия, и Арес гадал, не мог ли аватар, предоставивший ковчег ему настолько давно, заранее знать, что такое случится, а то и планировать подобное.

Генерал не видел аватара со времени Исхода, когда тот осудил действия Ареса, назвав их чудовищным предательством. Тот пропустил его слова мимо ушей, очертя голову ринувшись выполнять собственный план обеспечения безопасности своего народа. И теперь этот план вышел боком. Он отчасти повинен в уничтожении своего мира, и эта мысль терзала его неустанно.

Погрузившись в глубокие раздумья, Арес топал по темным металлическим коридорам, мысленно снова и снова проигрывая в памяти беседу с аватаром, особо выделяя отдельные фразы.

«Мы позволили своему обществу расколоться. Змеиная армия – все, что осталось после нас».

Арес понимал, что его народ повторил ту же ошибку. Общество атлантов раскололось, но Арес принял меры – антизмеиные законы.

В зале, вместившем тысячи труб, протянувшихся во тьму, генерал задержался у трубы, принявшей Ликоса. Взгляд мятежника был суров. Скоро Арес узнает секреты, таящиеся в его рассудке. Процесс воскрешения запечатлел его воспоминания, и генерал может их посмотреть.

В одной из адаптивных исследовательских лабораторий Арес вошел в желтый свет внутри большого стеклянного резервуара и смотрел пролетающие перед глазами воспоминания Ликоса.

Увидел, как тот поднимается на борт судна флота Изгнания и отправляется с родины атлантов на колонизируемую планету, где вместе со своим народом принимается строить убогое, зато прочное общество, опирающееся на фермерство и тяжелый труд. Проходили годы, поселения росли, избирали вождей, и Ликос стал светочем для собственного народа.

Арес увидел, как однажды он взбирается в горы. Его ждал посадочный модуль с одного из научных судов и стоявшая перед ним учена, в которой Арес узнал Изиду.

Арес увидел их разговор и как Ликос взял контейнер. После того как содержимое контейнера было выпущено, Ликос забрался в трубу в плоте воскрешения, и время потекло, прерываясь через регулярные интервалы.

Изгнанники образовали клику вождей, ведавших истину об ускорении эволюции и время от времени информировавших Ликоса. На месте деревень выросли села, преобразившиеся в поселки, города, а там и мегаполисы, своим величием способные поспорить с мегаполисами на родине атлантов.

Аресу этот марш цивилизации представлялся такой цейтраферной киносъемкой растения, пробивающегося из земли, растущего и распускающегося изысканным многокрасочным цветком.

В следующем воспоминании Ликос бросился прочь из трубы, покинул плот воскрешения и промчался по скальному уступу к обрыву на склоне, где узрел рдеющие угли, проносящиеся по небу и рушащиеся на города. Пепел и пламя застили горизонт.

Хоть Арес и не был готов признаться в этом, но в глубине души осознавал, что в этой бойне отчасти виноват и он сам. В годы после Исхода генерал запрограммировал «стражей» атаковать любые виды, поднявшиеся выше планки, не обладая геном Атлантиды в чистом

виде. Изида не первой изолировала сущность, делавшую атлантов генетически обособленными; в годы после Исхода научные команды брали образцы генов у бесчисленного множества видов гоминидов, изолируя гены, управлявшие эволюцией атлантов. Результаты Арес использовал для выявления любых потенциальных врагов.

Аватар предупредил генерала в тот самый миг, когда этот план сформировался у него в мозгу, осудив это как предательство, но Арес считал свой план оправданным – всего лишь навсего способом выживания. Любая высокоразвитая цивилизация станет для атлантов угрозой. Она может прорвать сторожевую черту, точь-в-точь как атланты в эпоху экспедиций, а то и похуже – напав на новую родину атлантов напрямую. Либо повторить Змеиную ошибку, позволив своей технике взять над ними верх, подчинить их цивилизацию себе. В пределах новой сторожевой черты есть место только для одной высокоразвитой расы, и Арес запрограммировал «стражей» истреблять любые развивающиеся виды, лишённые гена Атлантиды, – любую созревшую цивилизацию, кроме атлантов.

Через воспоминания Ликоса генерал узрел, как «стражи» исполняют свою программу, устраивая кинетические бомбардировки планеты Изгнания подобно многим другим, стирая с ее лица города и меняя климат планеты, чтобы наверняка добить всех выживших.

Но воспоминания Ликоса показали, что Изгнанники отчаянно бились за выживание на своей изувеченной планете. Раса, которую помогла создать Изида, оказалась жизнестойкой и решительной. Они ушли под землю, возводя в недрах города, инфраструктурой не уступавшие мегаполисам, прежде возносившимся на поверхности. Терапия Изиды создала расу, наделенную стремительно развивающимся интеллектом и кое-чем куда более опасным – бескомпромиссным стремлением выжить. Они преодолевали вызов за вызовом. Они воспроизвели технологию воскрешения атлантов, и их вожди пользовались ею, чтобы перескочить через века, готовя бегство из пустыни, в которую обратился их мир. И преуспели. Из-под земли вознеслись тысячи кораблей, вступившие в бой со «стражами», появившимися в космосе, постепенно выиграли стычку и совершили прыжок прочь.

Сферы охотились за ними неустанно, и война между Изгнанниками и «стражами» то разгоралась, то угасала несколько

тысяч лет кряду. В конце концов флот Изгнанников добился достаточного перевеса, чтобы совершить отчаянный рывок к родине атлантов в надежде принудить своих бывших гонителей отозвать «стражей», терзавших и избивавших их десятки столетий.

Арес увидел, как Ликос сажает свой треугольный корабль у самых стен античной усыпальницы, вместившей ковчег, где он со своими солдатами и нашел Ареса, – и воспоминания двух человек объединились.

Генерал вышел из желтого резервуара. Он лишь отчасти виноват в гибели своего мира. Остальная вина на Изиде – и она же послужит ключом к радикальному повороту событий.

В зале с трубами воскрешения Арес остановился перед двустворчатой дверью. Какая ирония – драконовские меры, принятые атлантами ради собственной защиты, в конечном итоге взлелеяли врага, низвергнувшего их самих... А они в своем стремлении к мирной, культурной цивилизации стали психологически неспособными даже дать сдачи.

Арес гадал, как ему исцелить свой народ, да и можно ли исцелить его вообще. Но пока перед ним стояли куда более серьезные проблемы. Флот Изгнанников боеспособен и растет. Скоро он окончательно возьмет верх над «стражами», а затем найдет ковчег. Времени в обрез. А когда «стражей» не станет, сюда хлынет Змеиная армия, искореняя и Изгнанников, и атлантов.

Вариантов у него наперечет. Требуется новое оружие, технология, которая нанесет последний удар.

Изида. Она – ключ ко всему.

Глава 47

Кейт смотрела из желтого резервуара, собираясь с духом перед последним нырком в прошлое Изиды. Следующие воспоминания откроют правду о пребывании атлантов на Земле и, как она надеялась, подскажут способ остановить Ареса.

*

Изиде казалось, что годы после сигнала бедствия с родины едва тащатся. Сколько раз они с Янусом ни пробуждались в своих трубах, никаких новостей все не было. Единственным свидетельством течения

времени были показатели подвидов гоминидов, которых они прибыли сюда изучать. Ученые увидели, как первоначальные популяции распространяются по миру, развиваются, адаптируются, угасают и расцветают несметное число раз. Их журналы регистрировали прогресс, и они впали в единственную знакомую им рутину: анализ данных, планирование новых экспериментов и время от времени выход вовне ради их проведения. Янус оставался отстраненным, бесстрастным, не выказывая по отношению к Изиде своего чувства. Даже в этих обстоятельствах она не отвечала ему взаимностью. Но менялась, все более привязываясь к нарождающимся на планете видам. Быть может, на ней сказалась трагедия на родной планете или время, проведенное с Ликосом, но что-то в ней словно пробудилось, породив неудержимый эмоциональный катаклизм. Однако выхода для него не было. Она бросила все силы в науку, ожидая своего часа и надеясь на поступление новостей.

На центральном материке возникла новая группа гоминидов, и ей присвоили новый номер по каталогу – подвид 8472. Особи быстро развивались, выказав незаурядные способности к изготовлению орудий и общению.

– За ними надо присматривать, – сказал Янус.

– Согласна.

Они поместили новый подвид, как и другие, и проверяли численность его популяции всякий раз, когда вместе с Янусом пробуждались после очередного цикла анабиоза.

Пробудила их тревога, и Изида быстро нашла ее источник: супервулкан на острове близ экватора планеты изверг в атмосферу облако пепла, понизившее температуру на нескольких материках. Вулканическая зима повлияла на новый подвид крайне губительно, и он оказался на грани вымирания.

Выбравшись взять образцы у последних двух выживших, Изида приняла роковое решение. В пещере, глядя на уцелевших, она не могла просто смотреть, как они умирают. Она могла спасти их. Насколько знала ученая, удар по родине атлантов мог быть одной из множества атак на сотни человеческих популяций по ту сторону новой сторожевой черты. Она не могла смотреть, как этот вид уходит в небытие – тем более что ее исследования могли его спасти.

Доставив уцелевших на посадочный модуль «Альфа», Изида подвергла их терапии модифицированной версией гена Атлантиды, созданного ею для Изгнанников.

Обернувшись, она обнаружила, что Янус стоит в исследовательской лаборатории.

– Что ты делаешь?

– Я... провожу эксперимент.

– Какого рода?

– Модифицирую несколько генов, управляющих связями мозга. Полагаю, я могу дать им более высокий шанс на выживание. Это мои исследования...

– Нельзя.

– Мы должны, – настаивала Изида. – Они могут быть последними представителями своего племени. Мы не можем смотреть, как они вымирают.

Янус продолжал протестовать, но в конце концов уступил при условии, что они будут внимательно наблюдать за ходом эксперимента.

Несколько циклов анабиоза прошли без инцидентов. Изида и Янус наблюдали, как популяция подвида растет и выбирается с центрального материка, продвигаясь географически и интеллектуально, демонстрируя просто-таки головокружительный прогресс, и Изида чувствовала гордость, все возраставшую наравне с опасениями Януса.

– Ситуация может выйти из-под нашего контроля, – твердил тот.

– Не может.

– Мы должны консолидировать и контролировать геном. Во время интервалов нашего анабиоза могут возникнуть мутации. Мы можем пробудиться посреди враждебной высокоразвитой цивилизации.

На этот раз уступила Изида. Они поместили в мощи альфа-особи радиационный маячок и позаботились, чтобы первое племя держало их при себе.

Несколько циклов спустя их пробудила очередная тревога – к планете приближался корабль.

– Это генерал Арес, – поведал Янус. – В ковчеге.

Арес похоронил корабль под толстой ледяной шапкой, покрывающей материк на южном полюсе, и Янус с Изидой портировались к нему.

Генерал, ожидавший их в порталльной комнате, заговорил без расшаркиваний, вперив в Изиду пылающий яростью взор:

– Ты истребила наш народ!

– Мы все это время торчали здесь, – огрызнулся Янус.

Арес активировал стенную панель, и на ней возникла голограмма, воспроизводящая воспоминания Ликоса. Они трое смотрели, как Изида высадилась на планете Изгнания и передала генную терапию. После этого цивилизация Изгнанников начала стремительно прогрессировать, пока ее едва не истребили «стражи». Затем Изгнанники мало-помалу восстали из пепла и вознеслись в космос, где их подстерегали «стражи». А последний эпизод показал, как Изгнанники берут новую родину атлантов в осаду, губя бесчисленное множество ее обитателей.

Изида ощутила, что колени у нее подкашиваются. Ее попытка воссоединить всю расу атлантов привела к ее гибели, к войне невообразимого размаха.

Она не могла вымолвить ни слова, вдруг лишившись голоса.

Зато в голосе Януса зазвенела сталь:

– Это фальсификация.

– Отнюдь. Ликос у меня в трубе. Он подтвердит.

Как ни старалась Изида скрыть свою реакцию на эту весть, это ей не удалось. Чувства вдруг нахлынули с сокрушительной силой, и ей отчаянно хотелось броситься прочь из рубки связи. Выражение ее лица не ускользнуло от внимания Януса, и его реакция выказала больше эмоций, чем Изида видела на его лице за всю жизнь. И от этого сердце ее облилось кровью почти так же сильно, как при просмотре голофильма.

– Воспоминания настоящие, – тихонько проронила Изида.

– Раз так, – Янус в упор посмотрел на Ареса, – значит, это ты

натравил «стражей» на собственный народ. Ты и привел к краху.

– «Стражи» построены для защиты нас от любых угроз.

– Изгнанники угрозы не представляли. Они были просто высокоразвитой цивилизацией. Мы видели и другую, на другой планете, также подвергнутую бомбардировке. Станешь отрицать?

– Не стану, – отрубил Арес. – Я защитил нас от несметного множества угроз. Если бы не я, мы бы уже давно погибли. А их угрозой сделала ее терапия. Если бы она не изменила их геном, их бы не тронули.

Изида по-прежнему стояла в оцепенении.

– Чего же ты хочешь от нас? – спросил Янус.

– Я прочел ваши исследовательские журналы. Вы произвели аналогичные генетические изменения здешних человеческих видов.

– Да, – согласился Янус. – Чтобы предотвратить их вымирание.

– Что ж, ваш последний научный эксперимент едва не повлек наше вымирание

. Я присоединяюсь к вашей маленькой экспедиции, чтобы история не повторилась.

Изиде казалось, что спор Ареса и Януса затянулся на долгие часы. В конце концов ученый сдал позиции. Прежде чем покинуть ковчег, Изида обернулась к Аресу:

– Я бы хотела увидеть Ликоса.

– Полагаю, вы двое виделись достаточно. А кроме того, военнопленным свидания не положены.

Глава 48

В недели, последовавшие после прибытия Ареса, жизнь Изиды и Януса почти вернулась в нормальную колею. Они вели свои эксперименты, как и прежде, вот только теперь при них неотлучно присутствовал Арес, вечно заглядывая им через плечо и не говоря почти ни слова. Как и Янус. Если он и высказывался, то исключительно по делу, и в его действиях уже не было энтузиазма, страсти к работе, которой он посвятил всю свою жизнь. Это вкупе с сознанием, что она учинила собственным единоплеменникам, повергало Изиду в бездну темного отчаяния. С каждым прошедшим днем ей все больше казалось, что стены посадочного модуля и крохотная планетка, на которой они застряли навечно, наваливаются на нее, стискивая удушающим бременем. Изида чувствовала себя застрявшей в ловушке и совершенно одинокой.

Часто, оборачиваясь, она встречала устремленный на нее ледяной взор Ареса, но тот не подходил к ней и не говорил ни слова.

Однажды, когда Янус был на полевой вылазке, Арес вызвал ее. Изида неохотно портировалась на ковчег воскрешения, в глубине души лелея надежду: «Он передумал. Он позволит мне увидеться с Ликосом». Выполнила указание корабля явиться во вспомогательный стазис-отсек. Вполне логично было предположить, что Ликоса держат там, отдельно от основного стазис-отсека. Надежда ее разгоралась.

Двери распахнулись, и у Изида прямо челюсть отвисла. Там полукругом стояла дюжина труб, и во всех содержались разные гоминиды.

– Просто хотел привлечь твоё внимание. Я знаю, что ты питаешь слабость к варварам.

– Ты не имел права захватывать их! – резко обернулась к нему Изида.

– Они в опасности. На самом деле благодаря тебе им угрожает самая большая опасность во Вселенной. Рано или поздно Змеиная армия ассимилирует их. Если только «стражи» не найдут эту планетенку и не искоренят их прежде. Разумеется, при условии, что Изгнанники не найдут нас всех...

– Ты заблуждаешься...

– Тебя там не было, Изида. Тебе надо было видеть флот Изгнанников, уничтожавший наш мир. Они дикари. Дикари с невероятными дарованиями, но без сдерживающих факторов. Чудовища, порожденные твоей терапией. Жертвы твоих экспериментов. В точности как подвид восемьдесят четыре семьдесят два.

– Чего тебе надо от меня?

– Я хочу дать тебе шанс, Изида. Шанс искупления.

Не услышав в ответ ни слова, Арес продолжал:

– У нас есть возможность устранить причиненный вред, снова объединить наш народ и спасти этих людей.

– Как?

– Мы можем направить их эволюцию. Мы можем создать то, что положит этой войне конец.

Изиде отчаянно хотелось воспротивиться, выбежать из комнаты и больше не возвращаться, но искушение устранить причиненный ущерб

было непреодолимым. Она решила хотя бы выслушать Ареса. Вреда от этого не будет. И негромко молвила:

– Слушаю.

– Я взял генетические образцы, но не обладаю познаниями, требуемыми, чтобы сконструировать необходимые мне биологические виды. А ты это можешь. Я же располагаю сведениями, в которых ты нуждаешься, – информацией о том, как «стражи» засекают ДНК и Змеиный вирус, информацией, которую я таил от нашего народа со времени Исхода. – На экране в другом конце помещения появилась цепочка ДНК. – Это Змеиный вирус, заразивший экспедиционный флот атлантов перед Исходом. Это ключ. С моей информацией и твоим знанием генной инженерии мы можем преобразить ход событий во Вселенной. – Арес подступил к ней ближе. – Виды, которые мы создадим, восстановят наш народ. Отказавшись, ты воистину погубишь всех нас.

Арес будто знал все ее кнопки наперечет и играл на них, как на музыкальном инструменте. Он сулил единственное, ради чего Изида была готова на все, – искупление. Шанс воссоединить народ и снова сделать Изгнанников безопасными. Изида твердила себе, что ради хороших деяний иногда необходимо работать с плохими людьми, но украдкой задавалась вопросом, не кривит ли душой ради самооправдания.

В последующие годы Изида тайно сотрудничала с Аресом, снова держа свою работу в секрете от Януса, который наверняка выступил бы против, как справедливо предсказывал Арес. Изида понимала, что генерал замалчивает какую-то информацию, выдавая ей ровно столько сведений, сколько необходимо для завершения нужных ему экспериментов. И вечно твердил, как мантру, что информация о «стражах» и Змее предназначена только для узкого круга лиц и раскрытие подробностей Изиде подорвет безопасность несчетного количества миров.

Она понимала, что ей отведена роль пешки, но не видела иного выхода, не видела никаких альтернатив. Шли годы, а Изида все не могла набраться духу поговорить с Янусом начистоту, не в силах предать его снова.

Цикл за циклом она удалялась в свою камеру анабиоза в чаянии, что Арес сдержит слово и при следующем ее пробуждении объявит,

что подвид 8472 готов и воссоединение атлантов не за горами.

Но вместо того пробудилась от сигнала тревоги. Как только экран рядом с камерой анабиоза запылал сигналами популяционной угрозы, Изида постигла масштабы вероломства Ареса. По всему земному шару человеческие подвиды вымирали буквально на глазах – три сразу, кроме подвида 8472, послужившего орудием Ареса.

Если Янус и понял правду, то сказать об этом не пожелал. А сделал то, что Изида и предполагала: бросился спасать кого мог, – подвид 8470, который впоследствии назовут неандертальцами. Посадочный модуль «Альфа» опустился у побережья района, позже названного Гибралтаром, и Янус с Изидой, облачившись в скафандры, вышли и унесли последнего живого неандертальца.

Когда они оказались на корабле, тот затрясся от взрывов, расколовших судно пополам, яростно швыряя Януса и Изиду. Поместив неандертальца в анабиозную трубу, они устремились на мостик.

– Арес нас предал, – наконец нарушил молчание Янус.

Изида не находила слов для ответа. Секунда тянулась за секундой, и она решила, что Янус осознал правду во всей полноте, но не обмолвился ей ни словом, сосредоточив внимание на панели управления. Заблокировал посадочный модуль, затем активировал процедуры на случай вторжения чужаков на их космическом корабле, чтобы Арес оказался в ловушке, если вздумает им воспользоваться. Затем посадочный модуль потряс новый взрыв, яростно впечатавший Изиду в стену. Она подняла глаза, балансируя на грани беспомощности. Янус пересек комнату и опустился рядом с ней на колени, поглядев ей в лицо. Сквозь прозрачное забрало шлема она видела тончайшие оттенки эмоций. Боль. Стрдание. Горечь сознания предательства. Изида отчаянно хотела признаться, сказать ему все, попросить прощения. Но не могла издать ни звука. Янус поднял ее – экзоскелет его скафандра без труда совладал с ее весом – и бросился бегом по коридорам посадочного модуля и без остановки в портал, выйдя в ковчег. Последнее, что запомнила Изида, это как Арес выстрелил в нее – и она умерла, выскользнув из рук Януса.

*

Кейт взмокла от пота. Каждый вздох давался с болью, она захлебывалась воздухом, будто утопленница. Теперь она видела все

воспоминания – и те, с которыми родилась, и те, которые Янус пытался от нее утаить. А остальное она знала. В тот день в ковчеге воскрешения Арес стрелял в Януса, но убить не сумел. Ученый вернулся через портал на посадочный модуль «Альфа», разбитый и затонувший у побережья Гибралтара, – и безвыходно застрял в обломке близ Марокко. Он отчаянно пытался воскресить свою напарницу в другой части посадочного модуля «Альфа», но без ее сигнала смерти корабль повиноваться отказывался. Янус пытался годами, перепробовав на стазис-камерах уйму разных подходов.

Когда же он наконец сдался, то перепрограммировал корабельные устройства замедления времени на излучение радиации, которая откатит генетические изменения, внесенные Аресом и Изидой, в уповании вернуть человечеству геном, который обезопасит его от «стражей», Изгнанников и Ареса.

После Янус просто ждал. Посадочный модуль пролежал на дне тринадцать тысяч лет, пока группа «Иммари» Интернейшнл не начала раскопки в районе близ Гибралтарского залива в надежде найти легендарный город Атлантида Платона. Компания наняла горного инженера по имени Патрик Пирс, раненного во время Первой мировой войны. Добравшись до устройства замедления времени, впоследствии названного Колоколом, его команда выпустила на волю пандемию испанской инфлюэнцы, погубившую миллионы жизней. Пирс поместил свою умирающую жену в одну из найденных труб, и находившийся в ее утробе плод родился в 1978 году, оказавшись девочкой. Пирс назвал ее Кейт Уорнер, и тридцать пять лет, вплоть до последней вспышки Чумы Атлантиды, она носила в себе часть воспоминаний Изиды, не ведая о том. Застрявшие в подсознании фрагменты руководили ею всю жизнь. Она стала генетиком, специализировавшимся по мозговым связям, посвятив жизнь созданию терапии, устранявшей когнитивные отклонения. Всю свою жизнь Кейт пыталась подправить ген Атлантиды, чтобы завершить работу Изиды и исполнить ее желание искупить свою ошибку. Теперь Кейт наконец получила все знания, необходимые, чтобы совершить это.

Она открыла глаза. Ощутила спиной холодное дно резервуара и обнимающие ее плечи теплые руки Мило. Кровь капала у нее из носа в набежавшую внизу лужу.

– Вам больно, доктор Кейт.

– Ничего страшного. Я знаю, что надо делать.

Глава 49

Дориан чувствовал, как жизнь утекает у него между пальцев. Он лежал навзничь в переговорной кабине, устремив взгляд в потолок и мысленно перебирая воспоминания и все, что знал, в надежде предугадать следующий ход Ареса.

Генерал убил Изиду в тот же день, когда устроил диверсию на посадочном модуле «Альфа», но Януса убить не сумел. Годами ученый пытался воскресить Изиду, от безысходности заслав все данные воскрешения, кроме собственных, в трубы отсека, оказавшегося у побережья Гибралтара. Когда Колокол, смонтированный на посадочном модуле «Альфа», спровоцировал испанскую инфлюэнцу, отец Дориана – ведущий член «Иммари» – поместил его в одну из труб, где тот и оставался вплоть до 1978 года. Дориан пробудился изменившимся, не осознавая воспоминаний Ареса, погребенных в подсознании и вечно понукавших его. Вся ненависть Ареса, все негодование на Изиду постоянно присутствовали там, в недрах сознания Слоуна. Всю свою жизнь Дориан страшился невидимого врага, грандиозной угрозы, к которой считал человеческий род генетически неприспособленным. А теперь знал, что это правда. Змеиная армия, Изгнанники, «стражи» – все это источники угрозы. Как и сам Арес. Он хотел использовать человечество для своих собственных целей, оно играло в его плане ключевую роль, хотя какую именно, Дориан по-прежнему не понимал.

После диверсии на корабле в Гибралтаре Арес выпустил ретровирус, который Изида помогла ему разработать, используя супервулкан в Индонезии в качестве средства доставки. Затем генерал портировался на корабль ученых, но контрмеры Януса превратили для него корабль в мышеловку. Арес воспользовался своей связью с ковчегом, погребенным подо льдами Антарктиды, чтобы явиться в облике аватара, вступившего в контакт с Дорианом, когда тот, спустя свыше тридцати лет после своего второго рождения из трубы и тринадцать тысяч лет после вероломной диверсии Ареса на корабле научной команды, наконец вошел в ковчег. Дориан вынес из ковчеха воскрешения в Антарктиде кейс. Его радиация довершила

генетическую трансформацию человечества в последние дни Чумы Атлантиды, а чемоданчик портала привел Дориана на главный корабль ученых, где он и спас Ареса.

В последовавшие за этим недели генерал наломал дров на планете, устроив потоп и толкнув народы на гражданскую войну. Дориан был уверен только в одном: так армию не строят. Арес намеренно подрывает силы человечества. Но почему? В качестве какой-то приманки? Или у него более далеко идущие планы? Бессмыслица какая-то...

Вскарабкавшись на ноги, Слоун побрел прочь из светозарной переговорной кабины. Вышел на открытую площадку с высокими стеклянными окнами, открывающими вид на колоссальный сборочный конвейер. Цилиндр, производящий сторожевые сферы, протянулся в черноту космоса без конца и края. Конвейер, производивший тысячи «стражей» ежеминутно, остановился, но сфер было много, как никогда. Дориан подошел ближе к окну. Небо озаряли крохотные синеватые вспышки, будто тысячи светлячков в ночи. Червоточины открывались и закрывались, каждая доставляла одного «стража», и они ежесекундно прибывали тысячами. Весь небосвод заполнили черные объекты, заслонившие все звезды, и темноту нарушали только вспышки, провозглашавшие об их прибытии.

Что-то происходит. Они собираются здесь в ожидании чего-то.

Направившись в рубку связи, Дориан подключился к базе данных позиционирования «стражей». Все системы опознавали его как генерала Ареса, не утаивая от него ни бита информации. Слоун изучил карту. Сторожевая черта, защищавшая этот регион пространства от Змеиного флота, распадалась. Большие группы «стражей» покидали строй, собираясь к заводу. На краю старой черты, где был военный бакен у поля Змеиной битвы, массировался Змеиный флот, образуя зону сосредоточения войск. На экране корабли были просто россыпью точек, но во рту у Дориана сразу пересохло. Носом хлынула кровь, и он утер ее, гадая, сколько времени у него в запасе и сможет ли он сделать ради спасения собственного мира хоть что-нибудь.

*

Натали пробудил хлопок двери. Выскользнув из-под одеяла, она прокралась к окну, слыша скрип холодных деревянных половиц у нее под ногами.

Три из четырех джипов заводили двигатели. Свет их фар на миг заглянул в окно, пока они сдавали задом по грунтовке, обсаженной соснами, ведущей к проселку, уходящему в горы Северной Каролины. Натали оглянулась на кровать. Мэтью еще спал, свернувшись под толстыми одеялами клубочком.

Она направилась было к двери спальни, но ноги совсем оокоченели. Натянув туфли и свитер, Натали вышла.

Майор Томас сидел у огня, потягивая кофе и слушая радио.

– Что происходит?

– Это по поводу снабжения, – ответил он. – Кофе?

Кивнув, она уселась в деревенское кресло напротив него лицом к огню.

– У нас что, закончились запасы?

– Нет. Пока нет. Но у правительства – да, – он указал на радиоприемник, и Натали на минутку прислушалась, пока он наливал ей кофе.

Вещает радиостанция правительства Соединенных Штатов. Все граждане, годные к военной службе, должны явиться в ближайшие пожарные депо. Наше правительство и наши запасы провизии атакованы милицией повстанцев. Если вы получили военную подготовку, вы сейчас особенно нужны для защиты американской родины. Явитесь немедленно в ближайшее пожарное депо для получения дальнейших указаний. Вас обеспечат питанием, и вы сможете спасти жизни...

Томас повернул ручку старинного приемника, приглушив звук.

– Со вчерашнего вечера призывы стали более отчаянными. Должно быть, бои стали более ожесточенными. Я так думаю, милиция «Иммари» одержала ряд побед.

– А вы не пойдете?

– Нет. Лишь вопрос времени, когда сюда кто-нибудь наведается.

Натали тяжело вздохнула, не находя слов.

– И потом, я предпочитаю быть здесь, а не где-либо еще.

*

На мостике ковчега воскрешения Арес смотрел, как последние глыбы льда соскальзывают с взлетающего древнего корабля, рушась

обратно на материк Антарктиды.

Пока судно возносилось сквозь атмосферу, он озирает планету, погубленную его руками. Повсюду неистовствовали циклопические бури, и береговая черта обратилась в ядовитые болота затонувших городов.

Искушение для врага будет непреодолимым. Пребывание Ареса на этой планетенке пошло не совсем так, как запланировано, но сейчас он вернулся в колею, и ничто не сможет его удержать.

Архаичный ковчег покинул атмосферу, и генерал нацелился на дрейфующий бакен, одним выстрелом уничтожив его. Теперь эта уязвимая планетка будет у Змей как на ладони. Скоро они будут здесь, и тогда грянет последнее сражение.

Набрав место назначения ковчеха, Арес распахнул гиперпространственный тоннель. Секунду постоял на мостике корабля, глядя, как по экрану пробегают синие, белые и зеленые волны, будто обратный отсчет времени до встречи с судьбой.

Наконец он покинул мостик и зашагал, печатая шаг, по темным металлическим коридорам к камере, в которой проводил изрядную часть времени в последние пару недель.

На лице и груди Ликоса, крепко привязанного ремнями к стене, запеклась кровь. На Ареса он даже не посмотрел.

– Хочу поблагодарить тебя за помощь, – изрек генерал.

Ликос даже бровью не повел, глядя прямо перед собой.

Активировав стенной экран, Арес воспроизвел видео, которое вытянул из Ликоса пытками – сигнал бедствия, обращенный к флоту Изгнанников.

Пленник приподнял голову ровно настолько, чтобы видеть.

– Сколь подобающе, – глумился Арес. – Вы с Изидой помимо воли уничтожили обе наши цивилизации. А теперь ты поможешь мне все исправить. Теперь уже скоро.

Арес направился было к двери, но Ликос остановил его.

– Ты нас недооцениваешь.

– Нет. Я недооценил тебя однажды, но это в последний раз. Мне нужно было уничтожить вас на родине, когда тебе подобные начали убивать наших собственных граждан. В этом и состояла наша ошибка – что мы пошли на мировую, переселив вас. Мы оставили вас в покое, и вы отплатили нам, вернувшись на родину и устроив резню.

– У нас не было выбора. Мы лишь хотели остановить «стражей».

Арес переключил изображение. Экран показал гиперпространственное окно, через несколько секунд исчезнувшее, сменившись колоссальным заводом в пространстве и флотом «стражей».

Ликос не сумел скрыть свой ужас.

– Я недооценил твой народ. Я строил новую армию «стражей» сорок тысяч лет. Новые «стражи» приспособлены для борьбы с вашими кораблями. Я отозвал все силы из сторожевой черты. На флот Изгнанников обрушатся все «стражи» до последнего. Вам не победить. Я только что передал твой сигнал бедствия.

На экране большие группы сторожевых кораблей начали прыгать прочь.

– Все будет кончено через считанные часы, – сказал Арес.

– А Змеиная армия...

– На нее у меня свои планы. Я просто хотел, чтобы ты был в курсе происходящего. Я оставил тебя в живых, чтобы ты мог посмотреть. Я покажу тебе обломки, когда все будет позади.

И Арес зашагал прочь, не обращая внимания на крики Ликоса. Намеченный час почти пробил. Арес заранее предвкушал ошеломительное чувство триумфа, блаженства успешного свершения. Но в душе у него было так же темно и холодно, как в коридорах, по которым он шествовал.

В зале с трубами и последними представителями своего народа генерал помедлил. Годами он винил Изиду и Ликоса, но Изиду уже убил, а Ликоса покарал. Скоро он завершит возмездие всему народу Ликоса. Но пустота не уходила...

Когда процедура стыковки завершилась, Арес, покинув ковчег, двинулся через древний завод «стражей». На смотровой палубе он замешкался, мгновенно ощутив опасность. Кто-то там был. Кто-то там есть. Упаковки от пайков атлантов были разбросаны по всему полу. И засохшие следы крови.

Арес зашел за угол, идя по кровавому следу. Тот обрывался у рубки связи. Генерал открыл ее.

В углу лежал Дориан. Глаза его были полузакрыты. На лице у него запеклась кровь, как у Ликоса. Арес поглядел на переговорную кабину. Слоун добрался до его воспоминаний. Неужели все видел?.. А,

неважно. Он помешал Кейт Уорнер связаться со Змеиной армией, пока Арес не совершил свою эскападу. Он сыграл свою роль в последний раз и теперь совершенно бесполезен.

– Ты лгал мне, – слабым голосом промямлил Дориан. – Предал меня. Всех нас.

– Ну и что же ты собираешься по этому поводу предпринять, Дориан?

Слоун раскрыл ладонь. Из нее выкатился металлический предмет, остановившийся под столом, вне поля зрения. Сделав шаг вперед, Арес сообразил, что это, за секунду до того, как оно сработало. Граната.

Глава 50

Последнее, что помнил Дэвид, – это появление на поле боя в космосе корабля с эмблемой змеи и захват его спасательной капсулы с военного бакена. Должно быть, после этого он потерял сознание. Или его усыпили.

Очнулся он в мягкой постели, в хорошо освещенной комнате с голыми белыми стенами. То ли тюремная камера, то ли больничная палата, а скорее – нечто среднее. Единственной приметной чертой помещения было небольшое панорамное окно с видом на космос. От этого зрелища кровь у него в жилах застыла. Вдаль, сколько видел глаз, простирались кольцо за кольцом, напоминавшие кольца Сатурна, только составленные из сцепленных кораблей. Змеиных кораблей. Сколько ж их там? Миллионы? Миллиарды? А он стоял на корабле в центре этих колец – так сказать, в утробе левиафана.

Дверь скользнула в сторону, и, к изумлению Дэвида, внутрь вошло существо, выглядевшее человеком с кротким выражением молодежавого лица и светлыми волосами, стянутыми в конский хвостик. Дэвид оценил его возраст лет в сорок.

– Вы пробудились, – произнес посетитель.

– Да. – Вэйл замялся, не зная, с чего начать. Они спасли его? Или захватили в плен? Он решил начать с нейтрального вопроса, а там уж как пойдет: – Где я?

– Внутри первого кольца.

– Первого кольца?

– До этого мы еще дойдем. Наше понимание ваших обычаев общения весьма ограничено, но вы, вероятно, гадаете, как меня называть.

– Ага...

– Двести сорок седьмой. – Человек протянул руку, и Дэвид неохотно пожал ее. – Да, имя диковинное, но мы в именах не нуждаемся и потому должны что-нибудь изобретать, когда сталкиваемся с кем-либо наподобие вас. Я был звеном номер двести сорок семь в первом кольце, и теперь это практически все, что у меня есть... э-э... имяобразного.

– Ясно. Что ж, а я Дэвид Вэйл.

247-й отступил, вскинув руки.

– Знаю. Я знаю о вас все. И о вашем народе. Вы вызвали тут изрядный переполох.

Дэвид прищурился, не зная, что сказать.

– Видите ли, мы нашли вас на древнем поле боя, где однажды вступили в контакт с расой, которую вы называете атлантами. Самое же диковинное тут то, что у вас есть часть их ДНК, часть нашей ДНК, а

еще

часть новой ДНК – очень экзотические генетические компоненты, последовательности, которых нам прежде видеть не доводилось. А мы-то думали, что повидали все, – улыбнулся 247-й.

Дэвид хранил молчание, но в мозгу у него зазвенел тревожный набат. Что-то здесь не так. Это существо – не то, чем выглядит. И тут же, опираясь на собственную выучку, Вэйл понял, что происходит, – допрос.

– Ой, не стоит так думать, – поднял брови 247-й. – Я вовсе не допрашиваю вас... О, ладно, позвольте растолковать. Ваше тело эмитирует радиацию, которую мы можем считывать, так что я не читаю ваши мысли как таковые. Ваше сознание транслирует их мне. – Он снова улыбнулся. – Тут я ничего не могу поделать.

– А чего вы хотите от меня?

– Ничего. Абсолютно ничего. На самом деле мы хотим

вам
помочь.

- В чем помочь?
- Присоединиться к Кольцу.
- Я из неприсоединившихся.

– Знаю, – благодушно произнес 247-й. – Повторю, я знаю о вас все. Я видел вашу память. Но о Кольце вы не знаете ничего. Мы предлагаем вам шанс спасти миллионы, а то и миллиарды ваших соплеменников... – 247-й помолчал. – Но давайте смотреть фактам в лицо – на самом деле вас волнует судьба только одного человека.

Противоположная стена преобразилась в видеозэкран, показывавший все так, как видели глаза Дэвида. Появилась спальня с французскими окнами, ведущими на небольшую веранду с видом на море. Гибралтар.

Кейт лежала в постели, глядя на него ласковым зовущим взором.

– Мы можем спасти ее, – сказал 247-й.

Вэйл непроизвольно спросил, каким образом, услышав собственный голос будто со стороны.

– Ее организм сломлен, но в Кольце это роли не играет. Кольцо существует вне пространства и времени. Каждое звено вечно. Мы превзошли примитивную биологию, может и она. И вы. Вы можете быть вместе вечно, жить нескончаемой жизнью. И даже более того. Мы создали Кольцо, чтобы получить доступ к квантовой ткани, которую зовем Первозданной Сущностью. Мы верим, что, когда задействуем каждую форму жизни во Вселенной, каждое звено, связующее с Первозданной Сущностью, мы обретем над сущностью полный контроль, что сделает нас воистину вечными и всемогущими. Мы – Кольцо, опоясывающее пространство и время, и мы неудержимы. Присоединяйтесь к нам.

– Я вам нужен.

– Мы хотим, чтобы вы были с нами. Хотим вам помочь.

Противоположная стена трансформировалась снова, показав поле Змеиной битвы, где последние осколки бакена обрушились на равнину обломков. Кольца кораблей вращались перед солнцем, генерируя белоголубые порталы. И между ними двигалась нескончаемая череда кораблей.

– Этот флот направляется к вашей планете. Это один из скрытых миров, которые мы пытались отыскать очень давно. Аналогичные корабли направляются на каждую планету в пределах сторожевой черты. И сама эта черта – артефакт моей собственной цивилизации, мира, сотворившего первое кольцо. Наш мир раскололся. Некоторые люди цепляются за прошлое, за свое примитивное смертное существование, точь-в-точь как вы сейчас. Они создали «стражей», чтобы выиграть время для других человеческих миров, но теперь «стражи» морально устарели. Они отступают. Они уже давно отступают. Каждый раз, когда они формируют новую сторожевую черту, то меньше последней, и каждый раз мы прорываем ее.

– Ваш флот собирается напасть на мою планету?

– Мы предпочитаем термин «освободить».

Дэвид внимательно разглядывал этого человека, существо – или что оно там такое.

– Что будет с нами?

– Это зависит от вас. Сражаться с нами вы не можете. Ваш мир лежит в руинах. Поглядите на страдания, на то, что вы сотворили сами с собой. Мы можем положить конец их страданиям. Подумайте о своей жизни.

Стена изменилась снова. Дэвид увидел монтаж сцен собственной жизни, формирующихся и уходящих в затемнение, марш воспоминаний, по большей части печальных. Вот он ребенок на похоронах отца, убегающий в свою комнату в поисках покоя и уединения в это темное время. Вот он аспирант, бегущий к зданиям 11 сентября; вот они рушатся, погребая его. Его мучительное выздоровление. Поступление в ЦРУ. Вот он на волосок от смерти и начинает все сызнава, поступив в «Часовую Башню». Вот он сражается с Дорианом. Захватывает базу «Иммари» в Сеуте. Потоп на Земле. И наконец – его ретирада в посадочном модуле и путешествие на бакен.

– Вы всегда были на стороне проигравших, Дэвид. Вы всегда тщетно бились, повинуюсь велениям сердца. Для разнообразия послушайте разума. Присоединяйтесь к нам. Вы нужны Кейт.

– А я нужен вам?

– Нам – нет. Нам никто не нужен. Кольцо неизбежно. Но если вы присоединитесь, это поможет нам ассимилировать ваш народ. Как я сказал, мы еще не видели вам подобных. Вы – совершенно новый вид, и мы полагаем, что вы имеете какую-то особую связь с Первозданной Сущностью. Мы считаем, это даже может преобразить то, как мы ведем дела здесь, – широко улыбнулся 247-й. – Позвольте объяснить. Ваше тело состоит из атомов, квантово-механически перепутанных с атомами всех, с кем вы когда-либо вступали в контакт. Все эти атомы также связаны с квантовой силой, которую мы зовем Первозданной Сущностью. Наши технологии превосходят ваше понимание, но если вы примете свою роль в качестве звена Кольца, мы сможем воспользоваться вашим доступом к Первозданной Сущности, а затем сможем получить доступ к тем, с кем связаны вы. К Кейт. К остальным вашим соплеменникам. Это эффект домино. Если наша теория верна, Кольцо мгновенно распространится через вашу квантово-механическую перепутанность.

– Так вот что вам нужно – мой доступ к этой вселенской сущности. Моя душа.

– Что за нелепая терминология... – недовольно поморщился 247-й.

– Но это правда.

– Да.

– А если я откажусь?

– Мы всегда предпочитаем легкий путь, Дэвид. Мы занимаемся этим испокон веков. Если вы откажетесь, мы все равно попытаемся ассимилировать вас. Если не сумеем, убьем вас. Затем, когда наши корабли придут к вашей планете, они убьют всех остальных. Мы убиваем всех, кого не можем ассимилировать. В этой Вселенной есть место только для одного высокоразвитого вида, и эта раса – Кольцо. Будьте благоразумны, Дэвид. Подумайте о Кейт. Чего хотела бы она. Если вы присоединитесь к Кольцу, по прибытии эти корабли будут собирать звенья. В противном случае будет бойня. Кейт тоже умрет. Как и вы.

– То есть присоединяйся – или прощайся с жизнью?

– Таков порядок Вселенной, Дэвид, признаёте вы это или нет. Итак, каково же решение?

Вэйл поглядел за окно на почти бесконечную череду колец. Отсюда уже не вырвешься. Для Дэвида это решение отразило убеждения, двигавшие им всю жизнь. Он верил, что каждый заслуживает права быть непохожим на других. Свободу, за которую он бился всю жизнь. На одной чаше весов лежали свобода и гибель, на другой – Кейт и ассимиляция, и на обеих – участь целого мира. Но Дэвид считал, что его мир бился слишком упорно, чтобы принять ассимиляцию. Человечество не для того столько претерпело, чтобы стать парой звеньев в бесконечной цепи. Решение далось ему легко.

– Мой ответ будет «нет».

Белые стены комнаты растворились до черноты. Удобная постель преобразилась в жесткий металлический стол. Дэвид был пристегнут к нему. Человеческая наружность 247-го уступила место серой коже, под которой копошились крохотные машины.

– Быть посему.

Дэвид ощутил, как в шею ему впивается игла.

Глава 51

Мэри в глубоком раздумье выхаживала по темным металлическим полам медицинской лаборатории посадочного модуля «Бета», когда на настенном экране красными печатными буквами вспыхнуло уведомление.

– Готов, – пробормотала она. И только тогда осознала, что боялась момента, когда корабль закончит строить ретровирус на основе сигнала, который она получила несколько дней назад. Почему? Это достижение венчает ее карьеру. Если вирус – средство связи с чужой цивилизацией, этот прорыв оправдывает всю ее карьеру, каждое принятое ею решение.

Пол, положивший голову на руки и пребывавший где-то между мечтаниями и дремой, поднял лицо. Мэри расплылась в улыбке, увидев то, чего не мог увидеть он сам.

– Что?

Лизнув подушечку большого пальца, женщина потерла ему лоб.

– Ты пишешь на собственном лбу.

Пол швырнул ручку на стол.

– А-а... Спасибо. – И обратил взгляд к экрану. – Значит, готов.

– Как это действует? – поинтересовалась Мэри.

– Входишь в медицинскую капсулу, и «Бета» проводит терапию.

Точно так же, как другой отсек оперировал Кейт. Если что-нибудь пойдет не так, она постарается спасти тебя.

– А ты не пройдешь терапию? – спросила Мэри.

– Нет. Ну... не планировал. Это твое открытие. Я думал, ты захочешь быть первой.

– Хотела – пару дней назад. Я бы ухватилась за такую возможность обеими руками. Первый контакт, кульминация всех моих трудов. Но я кое-что поняла. Я ринулась в работу после того, как мы... пошли разными дорогами. Я была одержима работой, потому что больше ничего у меня не осталось. Я искала чего-то, и это что-то не имело ровным счетом никакого отношения ни к инопланетянам, ни к сигналам радиотелескопов.

– Я прекрасно понимаю, о чем ты. Но если Кейт не проснется в этом своем сосуде, это наш единственный способ выбраться отсюда. В противном случае мы застряли.

– Знаю. А ты что думаешь? Поговори со мною, Пол. Что тебе подсказывает чутье?

Бреннер отвел взгляд.

– Я знаю, сколько этот сигнал значит для тебя, Мэри, скольким ты пожертвовала за годы своей карьеры. Если спрашиваешь, что чувствует мое нутро, то я просто не верю в дружелюбных инопланетян, транслирующих ретровирусы в космос. Я знаю, что варианты у нас исчерпаны, но считаю, что надо обождать.

Мэри улыбнулась. Она чувствовала безмерную усталость, страх до потери пульса и, как ни странно, такое счастье, какого не ощущала давным-давно.

– Согласна. А уж если я хочу ждать, то ни с кем, кроме тебя.

– Та же история. – Пол встретился с ней взглядом.

– Мы наверняка найдем чем заняться, пока ждем.

*

Пол не знал, долго ли они с Мэри пробыли у себя в комнате, да и не интересовался. Он разобрался, как запереть дверь и выключить

свет, а ничего другого и не требовалось.

Мэри спала рядом под наполовину сползшей простыней. Пол смотрел в потолок. Его обычно напряженно работающее сознание было заполнено пустотой и полнейшим удовлетворением.

В темноте эхом раскатился стук в металлическую дверь, и Бреннер сел. Мэри проснулась через несколько секунд. Оба торопливо оделись и открыли дверь. На пороге стоял Мило.

– Доктор Кейт пришла в себя. Она больна.

В адаптивной исследовательской лаборатории доктор Уорнер снова лежала на твердом столе, выдвинутом из овальной медицинской капсулы. Экран на соседней стене отображал показатели ее жизнедеятельности.

Времени у нее осталось всего ничего. Пол пробежал взглядом журнал хирургии. Мило поместил ее в капсулу по окончании последнего сеанса в резервуаре. Корабль сделал все, что мог, но ситуация безнадежна. У нее в запасе не больше часа.

– Пол... – едва слышно прошепестел ее голос.

Бреннер склонился к ложу.

– Ретровирус...

– Что это?

– Змеиный вирус.

Мэри и Пол обменялись взглядами, говорившими: «Мы были на волосок».

Кейт закрыла глаза, и данные на экране сменились журналом связи. Она отправила сообщение на какую-то планету – вероятно, воспользовавшись своей нейросвязью с кораблем. Пол предположил, что ее местоположение Кейт узнала в симуляциях памяти.

– Изгнанники, – промолвила доктор Уорнер. – Они – наша единственная надежда. Я могу их спасти.

«

Изгнанники?» Пол уже хотел было спросить, о чем речь, но Кейт быстро все объяснила – по-прежнему чуть слышным шепотом. Описала раскол цивилизации атлантов, произведенные Изидой генетические изменения Изгнанников, сделавшие их мишенью антизмеиной программы «стражей».

– Скоро они будут здесь, – сказала Кейт. – Надеюсь. Если я умру, ты должен завершить мою работу, Пол.

Бреннер посмотрел на цепочки ДНК на экране, пытаясь ухватить суть.

– Кейт, я... это безнадежно. Я не понимаю и половины всего этого.

Корабль вдруг тряхнуло, и экран переключился на внешний обзор. На орбите зависла добрая сотня сторожевых сфер, стрелявших по планете. По посадочному модулю «Бета».

Глава 52

Пол почувствовал, как рука Мэри скользнула к нему в ладонь. На обзорном экране адаптивной исследовательской лаборатории посадочного модуля «Бета» они видели, как падающие объекты горят в атмосфере, несясь прямо на них.

Странное спокойствие, которое они ощущали в спальне, снова снизошло на него. Он ничего не мог поделать, но ощущал предельный покой, словно что-то надломившееся в душе вдруг исцелилось.

Первая кинетическая бомба упала примерно в миле от посадочного модуля. Через секунду ударная волна швырнула Пола, Мэри, Мило и Кейт в дальнюю стену. На экране в воздух взметнулась пыль и осколки руин мертвого города.

Сквозь тучу пыли Пол разглядел прибытие новой эскадры. Корабли в ней были треугольными, и, едва покинув иссиня-белый портал, они развернулись боевым строем и атаковали «стражей», тысячами треугольников мечась между сферами, стреляя, разнося черные объекты вдребезги, обрушивая их осколки в атмосферу дождем.

Зрелище этого сражения, даже искаженное пыльной пеленой, было самым потрясающим, что Пол видел за свою жизнь. Он почти забыл о кинетических бомбах, рушащихся на них.

Из коридора снаружи послышался громовой топот.

Бреннер обернулся к двери, заслонив собой Мэри и Мило. Кейт, лежавшая в нескольких футах от них, впала в беспамятство.

Пол изготовился, и в этот миг через порог хлынула толпа пришельцев – солдат в боевых доспехах от макушек до пят. Лица их

скрывали шлемы, но они явно были гуманоидами. Бросившись вперед, бойцы что-то впрыснули каждому. Пол пытался отбиваться, но конечности отказались ему повиноваться. На периферии зрения за клубилась тьма, стремительно поглотившая его.

*

В себя Пол пришел уже в другом месте, на мягкой постели в светлой комнате. Он быстро оглядел окружение: на стенах пейзажи в рамках, комнатные растения, круглый столик с графином воды, зона отдыха, письменный стол с деревянной столешницей на металлических ножках. Почти как в гостиничном номере. Встав, Бреннер вышел из спальни в гостиную. За рядом окон были видны боевые порядки флота, насчитывающего тысячи треугольных кораблей.

Двустворчатые двери с шипением распахнулись, и в комнату вошел человек, бесшумно ступая по тонкому ковру, – выше Пола, с точеным лицом, гладкой кожей и коротко подстриженными на армейский манер черными волосами. Двери закрылись, и человек выступал что-то на предплечье. Может, запер двери?

– Я Персей.

К изумлению Пола, он произнес это на чистом английском языке.

– Укол, который вам сделали, дает вам возможность понимать наш язык.

– Ясно. А я Пол Бреннер. Спасибо за спасение.

– Пожалуйста. Мы получили ваш сигнал.

– Я его не посылал.

Персей переменялся в лице.

– Не посылали?!

– Ну,

я

не посылал. Его послала женщина, что была с нами, – больная.

– Над ней мы работаем, – кивнул Персей. – Возникли дебаты из-за подозрения, что сигнал может быть ловушкой, очередным липовым сигналом бедствия. Вот почему мы так задержались.

– Понимаю. – Пол понятия не имел, о чем идет речь. До него только-только начало доходить, что он говорит с инопланетянином на

инопланетном корабле. Волнение его усиливалось с каждой секундой. Он попытался взять небрежный тон: – Женщину зовут доктор Кейт Уорнер. Она может вам помочь.

– Чем?

– Она ученая и видела воспоминания ученой расы атлантов, Изиды. Она может избавить вас от угрозы со стороны «стражей».

– Не может быть, – скептически скривился Персей.

– Это правда. Она разработала генную терапию, которая заставит «стражей» игнорировать вас. Эта терапия спасет вас.

– Одна ученая уже говорила это Изгнанникам прежде, давным-давно, – холодно усмехнулся Персей. – А тогда мы были в куда лучшем положении. Да и момент подгадан очень курьезно. Несколько часов назад новый флот «стражей» атаковал наши корабли. Теперь мы обитаем в космосе. Мы пытались осесть на десятках планет, но «стражи» всегда отыскивали нас. Мы стали кочевниками, вечно пребывающими в бегстве. Новый флот «стражей», появившийся сегодня, беспощаден, а число их кажется безграничным. Они умеют сражаться с нами, словно построены для борьбы именно с нами, а не со Змеиной армией. Они одерживают верх над нами в каждом бою. Мы считаем, что это последнее наступление, которое истребит нас. Так что вы можете понять мою подозрительность. Ученая предлагает генную терапию, которая может нас спасти? Именно в день нашей кончины?

Пол сглотнул ком в горле.

– Доказать свои слова я не могу. Я не могу помешать вам убить меня, но сказанное мною – чистая правда. Вы можете мне поверить, и тогда у всех нас будет шанс выжить, можете отвернуться – и все мы погибнем. Так или иначе, в моей группе есть еще одна женщина. Она не больна. Мы с нею... я бы хотел увидеться с нею перед смертью.

Персей вглядывался в него добрую минуту.

– Вы либо гениальный лжец, либо превосходный агент. Следуйте за мной.

Пол шагал за ним по пятам по коридорам, совершенно непохожим на переходы корабля атлантов – хорошо освещенным и заполненным людьми, спешившими от двери к двери. Некоторые на ходу смотрели на экраны своих планшетов, другие торопливо перебрасывались репликами. Полу все это очень напомнило Центр профилактики и

контроля заболеваемости США в день вспышки эпидемии. Кризисная ситуация.

– Это флагман Второго флота. Мы координируем оборону гражданского флота.

Персей ввел Пола в помещение, напоминавшее клинику или исследовательскую лабораторию. Сквозь широкое стеклянное окно он увидел Кейт, лежавшую на столе. Над ее черепной коробкой колдовали несколько роботизированных манипуляторов.

– У нее синдром воскрешения, – сообщил Персей.

– Да. Она рисковала жизнью, чтобы увидеть воспоминания ученой из расы атлантов. Именно так она узнала о вашем народе и генной терапии. – Шагнув вперед, Пол поглядел сквозь окно. – Вы сумеете ее спасти?

– Мы не знаем. Мы изучаем синдром воскрешения уже десятки тысяч лет, с самой осады родины. Предприняв атаку, мы предполагали, что все погибшие просто воскреснут после боя. Мы ставили цель найти пост управления «стражами», отключить их, а затем отстроить свою исконную родину вместе с гражданами, вернувшимися из труб воскрешения. Во время вторжения мы узнали, что синдром воскрешения проявился у ста процентов убитых нами. Вернуться не мог ни один из них. Теснимые «стражами», мы не могли никого спасти на собственной планете. Мы ушли с пустыми руками, но синдром воскрешения изучали с тех самых пор. Мы надеялись, что в один прекрасный день сможем воссоединиться с согражданами и исцелить их. Мы работали над терапией, опираясь на данные, загруженные во время осады, и на компьютерные модели. Сработает ли она, мы даже не догадываемся. Она – альфа

[5]

для нашей терапии, – кивнул он на окно, за которым на операционном столе лежала Кейт.

– Тогда все наши надежды только на нее.

Когда шею Дэвида пронзила игла, комната Змеиного корабля померкла, и он обнаружил, что стоит в земляной яме. «Это иллюзия». Эта мысль вызвала ливень, хлынувший в яму, пропитывая землю. Она мгновенно раскисла, обращаясь в грязь, налипая на ноги и засасывая его в трясину. Вода все прибывала, образуя лужу, поднимающуюся с каждой секундой.

Дэвид добрался до стенки, с трудом вытаскивая ноги из тяжелой черной грязи. «Это не на самом деле».

Он вцепился пальцами в стену. Та не успела промокнуть и была достаточно суха. Руки удержались, и Вэйл начал взбираться к поверхности рывок за рывком. Он карабкался часами, не представляя, сколько именно. Сквозь тучи проглянул блеклый лучик солнца, медленно пополз через яму, пока не скрылся из виду, напоминая о себе лишь тенями. А Дэвид все карабкался. Должно быть, глубина ямы была не меньше сотни футов, но он не сдавался, чувствуя неисчерпаемую энергию.

Дождь не прекращался, но и Вэйл тоже не уступал. Склоны, за которые он цеплялся, мало-помалу размокали, и каждую зацепку для рук приходилось копать все дальше. Он швырял в яму горсть грязи за горстью, пока не добирался до твердой земли, затем подтягивался. Вода прибывала, но он карабкался быстрее. Горсть за горстью, Дэвид все копал и карабкался. Он почти добрался до верха, когда склон начал оползать. Комья грязи капали, катились, падали на него, а затем поток грязи поглотил Вэйла, накрыв с головой, увлекая в воду. Черная грязь облепила его с головы до ног, своим добавочным весом увлекая в бездну. Дэвид всю работу делал руками, сгребая грязь с тела, пытаясь освободиться. Мышцы рук и ног пылали, а вслед за ними запылали и легкие. Он утопал.

Но не сдавался, молотя руками и лягаясь. И наконец вырвался на поверхность воды ровно настолько, чтобы хлебнуть воздуха, прежде чем опять уйти под воду с головой. Почувствовал, что если утонет, если сдастся, если позволит своей воле надломиться, то Кольцо захватит его, его душу, а за ним утащит и каждого, кого он знал и любил. Кейт. Эта мысль придала ему энергии, и голова Дэвида снова вынырнула на поверхность. Он вдохнул воздуха, яростно молотя руками. Грязь летела во все стороны, но дождь все лил и лил.

Раскинув руки и ноги, Вэйл плавал на поверхности, подставив лицо дождю.

Теперь он постиг: убежать не удастся. Покориться – единственный способ выжить. Но он не спасует. Им придется его утопить.

*

Дориан открыл глаза и наткнулся взглядом на изгиб стекла и титаническую каверну ковчега воскрешения.

Воскрешение восстановило его физически, но не исцелило, Слоун чувствовал болезнь всем нутром. «Сколько у меня осталось? Пара часов?»

Прямо напротив из другой трубы на него таранился ледяным взором Арес.

Их трубы открылись одновременно, и они, выйдя, встали друг напротив друга, не дрогнув. Эхо их шагов раскатилось далеко под сводами, мимо миль труб, громоглаголющих от пола до потолка. Когда последний отголосок утих, Арес жестко отчеканил:

– Крайне глупый поступок, Дориан.

– Убить тебя? На самом деле, по-моему, это самое умное, что я сделал за многие годы.

– Ты чего-то недодумал. Оглядишься. Здесь тебе меня не убить.

– Еще как убить...

Бросившись вперед, Дориан ударил Ареса, прикончив его одним ударом. Этого атлант не ожидал, а Слоун сражался, как загнанный в угол дикий зверь. Труп генерала мягко шмякнулся на черный металлический пол, залившись кровью.

Дориан попятился обратно в трубу. Та обнулит счетчик времени, устранив все его болячки, кроме синдрома воскрешения – единственного недуга, трубам воскрешения не подвластного.

Он смотрел, как белые клубы заполняют трубу напротив. Время шло. Сколько именно, Дориан не знал, но когда клубы рассеялись, в трубе стоял новый Арес.

Она открылась, и Дориан ринулся вперед, прикончив атланта снова.

Цикл повторился двенадцать раз; на полу перед трубой уже валялось двенадцать трупов, все принадлежавшие Аресу. Дориан сражался, как человек, которому нечего терять, инстинктивно угадывая

каждое движение генерала – благодаря воспоминаниям, которые скоро отнимут у Дориана жизнь.

После тринадцатого воскрешения Арес, едва выйдя, упал на колени и воздел руки.

Слоун остановился.

– Я могу вылечить тебя, Дориан! – Арес поднял глаза. И когда понял, что тот остановился, встал с колен и продолжал: – Ты страдаешь от синдрома воскрешения – воспоминаний, которые твой разум не может переработать. Как и их умы, – он охватил широким жестом зал с тысячами труб. – Исцелить их – моя цель. Ради этого я принес столько жертв. Ты видел эти жертвы, и от этих воспоминаний и заболел. Я исцелю тебя, Дориан. Ты мне как сын, ты мне ближе всех. Я ждал тысячи лет, когда кто-нибудь проявит себя передо мною, как ты. Ты можешь убить меня, но мы можем и жить – вместе.

По ту сторону горы трупов возникла голограмма. В космосе разыгрывалась битва: тысячи, а то и миллионы сфер, извергаясь из бреши, кромсали ряды треугольных кораблей.

– Наши «стражи» сражаются с Изгнанниками, Дориан. Они победят. Я готовился к этой войне очень давно. Когда Изгнанников не станет, мы унаследуем эту Вселенную. Все свершится за одни-единственные сутки. Моя месть. Наша месть. Мы можем разделить ее.

Дориан приблизился к голограмме. Сферы побеждали, истребляя треугольные корабли Изгнанников флот за флотом, каждый раз перепрыгивая к новой армаде.

– Как ты меня излечишь? – негромко спросил Слоун.

– Ты вернешься в трубу. Мне нужно время, чтобы найти лекарство. Но я тебя вылечу.

– А что будет с Землей?

– Это прошлое, Дориан. Земля – лишь камешек в нашем море.

– Покажи мне. Покажи мне мой мир.

– Это больше не твой мир.

Метнувшись вперед, Дориан снова прикончил Ареса.

Выйдя из трубы в четырнадцатый раз, атлант моментально активировал голограмму, показавшую Землю, окруженную Змеиными кораблями. Треугольные корабли сражались с ними, но проигрывали.

– Изгнанники бьются против Змеиной армии? – приподнял брови Дориан.

– Да. Дурачье. Они сражаются за все человеческие миры. Кольцо поперло, как я и думал, как только отозвал сторожевую черту. Это часть моего плана, Дориан.

– Мы – оружие.

– Да. Помнишь ту ученую, что ты видел, Изиду? Я поделился с ней Змеиной генетической информацией. Она создала своего рода антивирус. Вот что такое на самом деле ген Атлантиды, полученный человечеством. Более изощренной технологии выживания Вселенная еще не знала. Погляди, что она сотворила с вашим миром. Ни одна цивилизация еще не развивалась настолько стремительно. Я скомбинировал то, что сотворила Изида, что она дала Изгнанникам, со Змеиным вирусом. Это и есть известный тебе ген Атлантиды. Вот что вы такое. Ваше желание ассимилироваться, стремление стать единым сплоченным обществом, движущимся к одной цели, достижению некой вселенской силы – это ваш фатальный изъян и спасение нашего народа. Когда ехидна ужалит, ваш народ отравит ее.

– В каком это смысле?

– Они ассимилируют, Дориан. Они ассимилировали мою жену, весь мой народ перед гибелью нашего мира и нашим Исходом. Кто-то будет сопротивляться, а когда такое происходит, змея впивается крепче, пытаясь перехватить их канал связи с Первозданной Сущностью. Предложат сладкий плод – нечто такое, чего этот человек отчаянно жаждет. Потом охватят его пламенем, наполнят страхом. И всякий раз будут предлагать фальшивое спасение. Если же человек сопротивляется, гадина инициирует принудительную ассимиляцию. Его ДНК проникнет в ехидну, уничтожая ее изнутри. Нужен всего-навсего один человек.

– Так вот что ты делаешь. Это твоя армия.

– Да. Мне требовалась одна-единственная душа, обладающая волей для сопротивления. Бедствия множат силы. Я уничтожил ваш мир в надежде сотворить единственную душу, обладающую волей, позволяющей пережить змеиную ассимиляцию. И еще мне хотелось, чтобы ваш мир выглядел для Змеиной армии легкой поживой – миром, полным душ на краю пропасти. Беззащитных. Не способных к сопротивлению.

Дориана охватило безразличие. Чудовищность ситуации начала доходить до него.

– Возвращайся в свою трубу, Дориан. Жди моего следующего хода. Я исцелю тебя, как исцелю всех в этом зале. Все, что я делал, было ради тебя и них. Я защищу тебя. Я спасу тебя.

Слоуну отчаянно хотелось отступить в трубу, чтобы подождать, когда Арес – отец, которого у Дориана никогда не было, по которому он тосковал, – придет и спасет его, исцелит его. Он сделал шаг назад. Слева лежала груда кровавых тел, заслонившая собой протяженность труб.

– Давай, Дориан. Я вернусь за тобой.

Слоун сделал еще шаг назад.

Арес кивнул.

Дориан остановился.

– Ты уже лгал мне прежде.

Потянулась секунда за секундой, и Слоун ощутил, как его охватывает страх. Паранойя. Незажившие раны. Перед его мысленным взором проносились образы. Отец, порюющий его, когда он был совсем маленьким ребенком, распекающий его, уходящий, возвращающийся, когда Дориан заболел испанкой, помещающий его в трубу. Слоун увидел себя пробуждающимся в трубе, изменившимся. Свою ненависть, свою тоску, свое стремление отыскать ковчег воскрешения. Там он нашел отца, но тот снова выскользнул у него между пальцев, убитый приспособлением атлантов – Колоколом. И на каждом шагу Арес предавал его.

Заметив его колебания, генерал торопливо заговорил:

– Прежде ты был не в курсе. Ты не знал масштабов того, с чем мы столкнулись. Ты бы просто не понял.

В душе Дориана всколыхнулась ненависть.

– Больше всего ты боялся, что проведешь в этой гробнице вечность, не имея возможности умереть, вовеки увязнув в чистилище.

Арес стиснул зубы.

– Ты предавал меня слишком много раз.

Рванувшись вперед, Дориан опять убил врага.

Когда число трупов выросло до сотни, Слоун подождал, но труба больше не наполнилась серым туманом. Больше Арес не появлялся.

Дориан прошел по коридорам на мостик корабля. Панели подтвердили его подозрение: Арес отключил собственное воскрешение. За пару секунд до соевой смерти он воспользовался своей

нейросвязью с кораблем, чтобы предотвратить возвращение, а с ней и очередную смерть от руки Слоуна. Он ушел без возврата.

Дориан победил. На минуту его охватило ликование. Он превзошел свою немезиду. Он лучше. А затем реальность настигла его. У него осталось несколько коротких часов. Стоя у широких окон фабрики «стражей», он увидел, как последние сферы совершают скачок прочь.

Он был пешкой; он сыграл свою роль. Он убил своего врага – Ареса. И теперь чувствовал пустоту. Никто не придет за ним, никто его не вылечит. Никто его не любит. И в глубине души Дориан знал, что это правильно. Он не заслужил любви – ни на йоту. Он прожил исковерканную жизнь, полную ненависти, и теперь, с уходом последнего врага, у него не осталось ровным счетом ничего. Ненависть ядовита, как змеиный укус, она незримо текла по его жилам, убивая изнутри. Избавиться от нее можно только одним способом...

Слоун вернулся обратно в ковчег. В зале с трубами поглядел на высокую груду трупов. На мостике отключил собственное воскрешение, а затем тяжело потащился к шлюзу. В кессоне обеззараживания затрещивал сигнал тревоги, когда автоматика не обнаружила на нем скафандра.

Дориан отключил ее.

Три треугольных створа, образующие дверь, повернулись, распахиваясь перед ним, как некогда в Антарктиде. Тогда он думал, что за этим порогом его ждет судьба. Сейчас он подумал точно так же, когда вакуум космического пространства высосал его из шлюза и он испустил свой последний вздох. Его мертвое тело поплыло через пустую стражестроительную верфь.

Глава 54

Дэвид недвижно дрейфовал в воде. Солнце восходило и закатывалось. Дождь приходил и уходил, и уровень воды то поднимался, то опускался. Всякий раз, ощутив спиной землю, Вэйл подходил к стене и карабкался ступень за ступенью, пока снова не начинался дождь и стены, обратившиеся в склизкую грязь, не смывали его в лужу, где ему снова приходилось биться, чтобы вырваться,

сражаясь за каждый вдох. Но он не сдавался. Эти муки истерзали его тело до последнего дюйма, ныл каждый мускул, легкие пылали, но Дэвид все не сдавался.

А затем солнце зашло навсегда, и воцарилось ничто.

Когда Дэвид открыл глаза снова, то обнаружил, что лежит на том же металлическом столе, что и после фарса 247-го. Ремни были распущены, и он сел. Через окно увидел корабли Кольца, только выглядели они теперь по-другому. Прежде они упорядоченно вращались. Теперь звенья распались. Кучки кораблей безжизненно дрейфовали в пространстве, как попало сталкиваясь друг с другом.

Дэвид был в этой унылой комнате один.

Он подошел к незакрытой двери. Коридор был пуст. Вэйл зашагал по мрачному коридору. Все двери стояли нараспашку, словно была инициирована процедура эвакуации.

У третьей двери он увидел трупы, сваленные в углу. Все точно-точно как 247-й – с серой кожей и стеклянистыми, овальными змеиными глазами. Но крошечные бусинки, копошившиеся у 247-го под кожей, исчезли. Тела были лишены жизни напрочь.

«Что здесь произошло? И как мне отсюда вырваться?»

*

Кейт сразу же поняла, что находится уже не в посадочном модуле «Бета». Роботизированные манипуляторы, зависшие над ней, и освещение операционной были очень... неатлантскими. Скорее человеческими или земными. Ярко и светло.

Она села. У нее за спиной перед стеклянной стеной стояли несколько человек.

– Как вы себя чувствуете? – раздался голос из громкоговорителя.

– Живой... – На самом деле она чувствовала куда больше. Она чувствовала себя исцеленной.

Ученые-Изгнанники отвели ее в конференц-зал, где изложили ей суть проведенной над нею процедуры. Время, потраченное на изучение синдрома воскрешения, окупилось, и Кейт надеялась, что сумеет им отплатить.

Кейт чувствовала новый прилив энергии, уверенности в своих силах. Но в глубине души таилась печаль. Дэвид. Она изгнала мысль о нем из сознания. Она получила воспоминания Изиды, все до единого. И в них решение всех проблем. Когда ученые и командование флота

Изгнанников собрались в большом конференц-зале, Кейт встала перед экраном, занимавшим дальнюю стену, и представила результаты исследований – и проведенных ею самой, и увиденных во времена Изида. Описала генную терапию – ретровирус, который сделает Изгнанников невидимыми для флота «стражей».

– После терапии они будут воспринимать вас как атлантов, – завершила Кейт.

– Мы такое уже слышали, – отозвался Персей.

– Знаю. Видела. Но здесь другой случай. Теперь я знаю обе стороны. Я знаю всю правду – и о генах, контролирующих ген Атлантиды, и о радиации, которую он излучает. «Стражи» нацелены на эту радиацию. Если она не соответствует ожидаемой норме атлантов, они атакуют. Изида этого не знала. В противном случае она ни за что не модифицировала бы вас. По поводу случившегося она терзалась очень и очень сильными угрызениями совести.

Комитет отпустил ее, и Кейт ждала за дверью, в тревоге выхаживая туда-сюда. Через пару минут из-за угла вышли Пол, Мэри и Мило. Последний так стиснул ее в объятиях, что Кейт едва не испустила дух, но жаловаться не стала. Кивки Пола и Мэри сказали ей, как они рады видеть, что она опять здорова. А еще Кейт ощутила, что между ними что-то возникло, отчего обрадовалась за них обоих и еще больше опечалилась о себе.

– Как общая атмосфера? – поинтересовался Пол.

– Толком не знаю, – ответила Кейт. – Но знаю одно: их решение предопределяет их собственную участь. А заодно и нашу.

*

Майор Томас вручил Натали еще чашку кофе.

– Я перешел на бескофеиновый, – сообщил он. – Надеюсь, вы не против.

– Хороший выбор.

Оба прислушались к радио. Содержание передач изменилось. Вместо призыва к боеспособным явиться в пожарные депо теперь транслировали сводки боев, ведущихся по всей Америке. Сообщали о триумфах американских войск, но некоторые места вообще не упоминали, и Натали боялась худшего – что некоторые города и штаты захвачены милицией «Иммари».

Поступило и другое сообщение: звонивший утверждал, что видел в телескоп на небе какие-то темные объекты. Но ведущий просто высмеял его в отчаянной попытке отвлечь внимание публики от происходящего.

*

Кейт все еще расхаживала перед дверью, когда оттуда высунул голову Персей:

– Мы вас ждем.

Войдя, она снова встала во главе деревянного стола для переговоров.

– Мы приняли решение, – возгласил Персей, – применить вашу терапию в одной эскадре наших кораблей – почти проигравшей бой. Это уже проводится.

– Спасибо. – Кейт хотела обнять его, но сперва надо сделать еще одно заявление. – У меня есть одна просьба.

Ответом ей послужило неловкое молчание.

– Чтобы вы спасли мой мир.

– Уже пытаемся. – Экран за спиной Персея показал Землю. Сотня больших Змеиных кораблей сражалась с множеством миниатюрных треугольных корабликов Изгнанников. – Однако проигрываем.

– Я хочу там быть, – сказала Кейт. – Я знаю, что мы проигрываем, но я хочу быть там на случай, если смогу чем-нибудь помочь.

Персей кивнул.

– Эскадра подкрепления отбывает через несколько минут. Я составлю вам компанию. И, полагаю, команда ученых тоже захочет присоединиться – на случай, если у них возникнут вопросы о терапии от «стражей».

*

Когда на обзорном экране показалась Земля, Кейт подступила ближе к нему. Пол, Мэри и Мило предпочли отправиться с ней и теперь стояли плечом к плечу в рубке связи корабля Изгнанников. Почти час их корабль дрейфовал в ожидании за пределами зоны военных действий. Удача склонялась то в одну, то в другую сторону. Корабли Изгнанников были рассчитаны на боевые действия против сторожевых сфер и со Змеиной армией тягаться не могли.

Наконец Кейт побрела в каюту, которую ей отвели.

Даже если бы Изгнанники могли взять верх и спасти Землю от Змеиной армии, ее соплеменники по-прежнему под ударом: угроза со стороны «стражей» остается. Человечеству пришлось бы присоединиться к флоту Изгнанников и жить кочевой жизнью.

Но если Землю ждет гибель, а терапия Кейт успешно нейтрализует угрозу со стороны «стражей», то Кейт, Мило, Мэри и Пол все равно останутся среди Изгнанников одни. Доктор Уорнер поняла, что при любом исходе обречена на одиночество без Дэвида. И даже задумалась, стоило ли это все таких усилий, но, сидя на краю постели в погруженной в темноту каюты, знала, что стоило. Она сделала все, что могла, то, что считала правильным. И гордилась этим.

Глава 55

Кейт почти протоптала ковер каюты до дыр, когда двери наконец распахнулись.

– Работает! – сообщил Персей. – Сторожевые сферы выходят из боя с нашими кораблями.

– Хорошая новость, – с облегчением вздохнула Кейт.

– А скверная новость в том, что тут мы проигрываем. И сюда направляется еще один Змеиный флот. Когда он прибудет, нам придется отступить.

– Вы можете спасти кого-нибудь на поверхности?

– Нет, – покачал головой Персей. – Сожалею. Мы просто не приспособлены ни для боев со Змеиными кораблями, ни для планетарной эвакуации. Наши корабли рассчитаны лишь на оборонительные действия против «стражей».

Он все мешкал, стоя у двери, и женщина чувствовала, что ему хочется сказать что-нибудь еще, но ни сказать, ни сделать он ровным счетом ничего не может.

Наконец, усевшись в кресло, Кейт негромко проронила:

– Спасибо. Я знаю, что вы старались.

Персей еще помедлил на пороге, но ушел ни слова не говоря. А Кейт все сидела, не зная, что делать, что вообще можно сделать.

Обе створки двери с шипением распахнулись, и в каюту вошли Пол, Мэри и Мило. Они все слышали, поняла Кейт по выражениям их лиц.

– Что ты хочешь делать? – спросил Пол.

– Сомневаюсь, что мы можем так уж много сделать, – ответила доктор Уорнер.

Тут дверь снова распахнулась, и вошел взволнованный Персей:

– Вы должны это видеть!

*

Дэвид наконец-то нашел центр управления Змеинового корабля – круглый зал с несколькими сотнями экранов, показывавших Змеиные флоты у сотен планет. Змеиные суда безжизненно дрейфовали, а треугольные корабли истребляли их один за другим.

Что-то заразило каждое звено Кольца, разорвав его, будто змее отрубили голову. Это была хорошая новость.

А плохая заключалась в том, что он оказался в мышеловке.

*

Стоя на мостике корабля Изгнанников, Кейт смотрела, как Змеиные корабли дрейфуют вокруг Земли.

– Не может это быть связано с вашей терапией, устранившей угрозу со стороны «стражей»? – осведомился Персей.

– Нет, не думаю. – Правду сказать, Кейт понятия не имела. – Ну, может быть...

– В чем же дело? – не унимался Персей.

– Не знаю. – Кейт мучительно пыталась постичь причину. Что-то убило Змеиную армию изнутри. Арес. Его оружие. Исследования Изиды. И тут все сошлось, и на Кейт снизошло озарение. – Это мы. Человечество. Мы – абсолютное антизмеиное оружие. Наша ДНК, ген Атлантиды, Чума – все было ради этого момента. Когда Змеиная армия ассимилировала нас, наша ДНК стала антивирусом. Она их и убила.

– Это невозможно, – возразил Персей.

– Почему?

– Они так и не добрались до поверхности вашей планеты, чтобы ассимилировать хоть кого-нибудь.

Бессмыслица какая-то. Кейт не сомневалась в своей правоте.

– Мы решили не испытывать судьбу. Командование приказало уничтожить Змеиные корабли.

– Пожалуй, это мудро, – пробормотала доктор Уорнер, погружившись в раздумья, гадая, как же они могли ассимилировать...

Дэвид! Когда военный бакен на поле Змеиной битвы был уничтожен, они сразу смогли увидеть, что там происходило. И если захватили его тело...

– Я знаю, что случилось, – заявила Кейт. – Они пытались ассимилировать одного из членов нашей команды. Его зовут Дэвид Вэйл, и мы должны его отыскать.

– Что вы предлагаете?

– Он на одном из Змеиных кораблей. Нужно начать поиски...

– Вы с ума сошли? – вскинул руки Персей. – Мы даже не представляем, сколько было этих кораблей. Миллионы, а то и миллиарды. И это может быть только временной передышкой или ловушкой. Мы не можем идти на такой риск ради одной жизни.

– Можете. Вы сделаете это, потому что я знаю еще одну вещь, которая вам нужна.

Персей посмотрел на нее скептически.

– Местонахождение завода «стражей» – их центра управления. И если я права, ковчег воскрешения, на котором находятся уцелевшие атланты, а также один из ваших соплеменников – Ликос.

Персей стоял на мостике, обдумывая слова Кейт. И наконец сказал:

– Изложу это Высшему Совету. Но даже если он согласится на поиски, то может сперва пожелать найти это место.

Кейт кивнула в знак согласия. И только тогда сообразила, насколько гениален был план Януса. Он распределил воспоминания между тремя местами, которые могут раскрыть всю правду – полем Змеиной битвы, заводом «стражей» и посадочным модулем, застрявшим на разоренной планете. Это был резервный план на самый крайний случай, его меры против Ареса. Кейт надеялась, что и в этот распоследний раз он сработает.

*

– Совет согласен, – доложил Персей. – Но с условиями. Перед уничтожением Змеиных кораблей их будут сканировать на предмет признаков человеческой жизни. Если признаков нет, корабль расстреливают. А если обнаружится человеческая жизнь, отправят роботизированный абордажник для проверки. При малейших подозрениях будет открыт огонь. Если робот найдет человека, мы

доставим его в условиях жесточайшего карантина и подвергнем дотошному обследованию.

Подбежав к нему, Кейт стиснула его в объятиях.

*

Потянувшиеся за этим часы были самыми долгими в ее жизни. Она смотрела, как треугольные корабли Изгнанников направляют Змеиные суда на курс к солнцу. Уплывающие к пылающей звезде черные объекты уменьшались прямо на глазах. Кейт понимала, что то же самое происходит вокруг сотен, а то и тысяч миров, и уповала, что ни на одном из этих кораблей Дэвида нет.

Пол, Мэри и Мило составили ей компанию в каюте, но никто не обменялся ни словом. Настроение царило как в предоперационном покое больницы. Все были там ради Кейт, но сказать было нечего.

*

В Змеином центре управления Дэвид смотрел, как треугольные корабли систематически истребляют Змеиный флот. Из сотен экранов Змеиные корабли по-прежнему показывали лишь считанные. Уничтожение было полномасштабным. На центральном экране, показывавшем кольца кораблей вокруг того, на котором находился сам Дэвид, вспыхнул портал, и оттуда появился флот треугольных кораблей.

Времени они зря не теряли, прицельными выстрелами разрывая кольца Змеиных кораблей. Волна разрушения катилась прямо к Дэвиду. Оставались считанные секунды.

Глядя, как приближается треугольный флот, Вэйл внутренне приготовился к неизбежному концу, в глубине души гадая, не очередная ли это иллюзия. Испытание. Головной треугольный корабль вдруг остановился, и Дэвид осознал, что затаил дыхание.

*

Кейт встала навстречу вошедшему Персею.

– По-моему, мы что-то нашли, – сообщил он. – Одна сигнатура жизни в центральном Змеином кольце.

– А он...

– Сейчас его подвергают ряду проверок, но выглядит он здоровым.

*

Дэвид в ожидании сидел в камере обеззараживания, ломая голову, что же делать. Если его спасение – очередная Змеиная иллюзия, то что здесь наживка? Как ему разрушить ее, подобно яме? Надо сопротивляться. Он собрался с духом. «Все это иллюзия. Что бы на меня ни обрушили, я не сдамся».

Двери распахнулись, и Вэйл увидел Кейт, стоящую в ярко освещенном коридоре с белоснежными стенами. Распушенные темные волосы рассыпались по плечам, лицо сияет, взгляд искрится. Она здорова, жизнерадостна – совсем как прежде, когда он встретился с ней впервые, когда полюбил ее. Дэвид застыл столбом, не в силах шелохнуться.

Бросившись вперед, она обняла его. Вэйл почувствовал, что Мило тоже присоединился к этим объятиям. И решил, что если это Змеиная иллюзия, то враг победил. Все было слишком реально, и больше сопротивляться Дэвид не мог.

Отстранившись, Кейт заглянула ему в глаза:

– Ты в порядке?

– Теперь – да.

*

На фабрике «стражей» Кейт и Дэвид остановились перед широким окном с видом на сборочный конвейер. Сторожевые сферы возвращались в огромных количествах. Сколько ж их там? Наверное, миллионы.

– Что вы будете с ними делать? – поинтересовалась Кейт у Персея.

– На эту тему мы еще спорим. Хотим использовать часть для уничтожения уцелевших Змеиных кораблей. Это может сократить процесс на многие годы. А после либо пустим их на слом, либо сохраним на случай появления новых угроз.

Персей повел их по коридорам завода. Дорогу к ковчегу отмечал ручеек засохшей крови.

Внешние ворота распахнулись, и Кейт вспомнила, как увидела их в первый раз – в двух милях подо льдами Антарктиды.

В камере обеззараживания она помедлила. Затем сорвала с себя скафандр, бросив его рядом с двумя маленькими скафандрами Ади и Сурьи.

В ковчеге команды Изгнанников прочесывали каждый дюйм античного судна.

– Ликоса нашли? – спросила Кейт.

– Да. Его раны еще лечат, – сообщил Персей.

– Можно с ним повидаться?

Согласившись, Персей повел их по сумрачным металлическим коридорам в большое помещение, где медицинские техники устанавливали оборудование.

– Ликос, – сказал Персей, – это доктор Кейт Уорнер. Она создала терапию, которая нейтрализовала «стражей» и помогла отыскать тебя.

– Мы перед вами в долгу, доктор Уорнер.

– Вовсе нет. Я хочу, чтобы вы знали: я просто закончила работу, начатую Изидой. Она весьма и весьма сожалела о случившемся. Если бы она знала правду, то делала бы все совершенно иначе.

– Как и все мы, пожалуй, – кивнул Ликос. – Что было, то прошло.

– Согласна. – Доктор Уорнер окинула взглядом оборудование. – Вы собираетесь лечить атлантов?

– Да, – подтвердил Персей. – Мы полагаем, лечение, с помощью которого мы избавили вас от синдрома воскрешения, должно помочь и им. Скоро узнаем.

– А что потом?

– Вообще-то мы подумываем о возвращении на историческую родину. На поверхности планеты Изгнания все разрушено, а возвращаться обратно под землю нам как-то не с руки. Мы думаем, что можем все начать с чистого листа.

Кейт улыбнулась, подумав, что начало с чистого листа пришлось бы Изиде очень по душе.

– Есть еще одна вещь, понять которую без вашей помощи мы не можем.

Персей повел Кейт и Дэвида в колоссальный зал с рядами труб. Почти у порога зала высилась груда трупов. Все принадлежали Аресу.

– Мы их еще считаем. Причиной смерти по большей части послужил удар тупым предметом, в нескольких случаях удушение. Бортовой журнал показывает, что он отключил собственное воскрешение.

– Других трупов не нашли? – осведомился Дэвид.

– Один. Снаружи. – Персей показал планшет. Мертвое тело Дориана Слоуна парило в пространстве на фоне сборочного конвейера «стражей».

Дэвид поглядел на Кейт.

Она думала о ненависти, сведавшей и Дориана, и Ареса, о вещах, которые они натворили – и на родине атлантов, и на Земле. Думала о родной планете, начинающей с чистого листа, и об атлантах, воссоединяющихся и отстраивающих вместе свою цивилизацию заново.

– Ваше мнение? – спросил Персей.

– Полагаю, что посеешь, то и пожнешь.

Эпилог

Атланта, Джорджия

Пол смотрел, как Мэри ходит по их общему дому, разглядывая его со смесью изумления и веселья.

– Ты так и не снял фотографии?

– Я, э-э... нет.

– По-моему, мы должны их снять.

– Конечно, я мог бы...

– Повесим новые снимки.

– Новые снимки – это хорошо, – одобрил Пол. Лучшей идеи он не слышал уже давно.

Тут передняя дверь распахнулась, и племянник Мэтью бегом бросился прямо к Полу, сжав его в объятиях. Пол обнял мальчика в ответ изо всех сил.

Следом вошли Натали с майором Томасом. Вид у них был усталый, но оба радостно улыбались.

Пол представил всех друг другу.

– Мы с Мэри как раз обсуждали, что делать дальше.

– Мы тоже. – Натали бросила взгляд на майора Томаса. – Собираемся явиться в городское бюро по оказанию помощи, выяснить, чем мы можем быть полезны.

Они попрощались, и Мэри с Полом начали снимать фотографии. Аккуратно извлекли старые из рамок и сложили их на дно ящика

комода. Но рамки, подаренные им на свадьбу, оставили.

*

Кейт то ли малость оглохла, то ли начала приспособливаться к неумолчному грохоту молотка и визгу электроинструментов. А ведь этот тарарам от неустанных строительных работ Дэвида был единственным звуком на мили вокруг. Не было ни оживленного городского шума, ни гула самолетов, ни рева стадиона. Дом его родителей расположился на большом земельном участке с красивым двором в окружении деревьев, зеленее которых она еще не видела.

Теперь Кейт гадала, насколько ей понравится такой быт. Она никогда не жила вне городов, но, к собственному удивлению, нашла, что деревенская жизнь ей по нраву. Может, просто из-за компании. Через окно кухни она увидела Мило, играющего с Ади и Сурьей, ставшего для них старшим братом. Он вознамерился через пару месяцев уехать, и Дэвид с Кейт заранее страшились этого дня. Но он наметил грандиозные планы.

Вошел Дэвид – потный, с посветлевшими от меловой пыли волосами и карандашом за ухом. Кейт его вид очень понравился.

– Ну и что у нас сегодня – режим разрушения или строительства?

Налив себе стакан воды, Дэвид между глотками проговорил:

– Вообще-то, сноса, а не разрушения, но – да, капитальный снос.

– С гулькин нос? Может, мне тебя так и звать: капитан Снос? Или ты предпочтешь полковник Снос?

Допив, Вэйл поставил стакан на кухонный стол и сграбастал ее в объятия.

– Ой, по-моему, нам обоим известно: в армии этой женщины я ничтожный рядовой.

Кейт попыталась оттолкнуть его.

– Эй, ты же потный и грязный.

– Да, я такой.

Тут зазвонил телефон, и Дэвид убрал одну руку, чтобы снять трубку. Кейт еще отбивалась от другой, но он сам отпустил ее после нескольких секунд разговора.

Вэйл быстро переговорил, задав несколько вопросов, выслушивая ответы и с каждой секундой становясь все серьезнее.

Повесив трубку, он поглядел на Кейт:

– Его нашли.

А Кейт уже начало казаться, что этот звонок не раздастся никогда. Вытянув это обещание у Дэвида в Марокко, она думала, что умирает и не доживет до этого дня. И теперь ощутила страх, потому что еще не распростилась с надеждой.

*

Вертолет завис над самой водой.

– Мы на месте, – сообщил голос пилота у Дэвида в наушниках.

Кейт поглядела на воду, потом на Вэйла. Наклонившись, он поцеловал ее, потом натянул подводную маску и прыгнул за борт.

На миг Дэвид завис у самой поверхности, озирая затопленный Сан-Франциско.

Индикаторы на предплечье показывали его местонахождение, и он начал погружаться. Спустившись до малоэтажного здания, осторожно, чтобы не порезаться о стекло, заплыл через разбитое окно внутрь и неспешно двинулся по коридорам, освещая дорогу налобным фонарем. Все двери стояли нараспашку – здание явно покидали впопыхах. Лаборатории «Иммари» являли взгляду собрание диковинного оборудования и всяких штук, о назначении которых Дэвид не имел ни малейшего представления. Зато был весьма хорошо знаком с тем, что искал. И в одной из центральных лабораторий наткнулся на четыре трубы, которые Патрик Пирс извлек из посадочного модуля «Альфа» под Гибралтарским заливом почти век назад. Это были те самые трубы, в которых находились Кейт, ее отец Патрик Пирс и двое других, ставших их врагами, – Дориан Слоун и Мэллори Крейг. Всех четверых пробудили в 1978 году, и с той поры все трубы пустовали, кроме одной, куда Дориан поместил младенца, отнятого у Кейт. Во всяком случае, так утверждал Слоун в комнате для допросов в Антарктиде много месяцев назад. Кейт и Дэвид до сих пор не знали, не выдумал ли Дориан это, чтобы помучить Кейт, или младенец существует на самом деле, но в Марокко Дэвид поклялся отыскать этого ребенка, пусть даже ценой собственной жизни.

Подплыв ближе, он посветил в первую трубу, тая надежду. Луч света прошел ее насквозь. Пусто. Вторая – пусто. Третья – пусто. В четвертой луч уперся в серо-белые клубы. Дэвид затаил дыхание. Клубы расступились, явив взору младенца. Мальчик блаженно парил с закрытыми глазами, раскинув ручки и ножки. Вэйл с облегчением выдохнул.

*

Вернувшись на армейскую базу США на новом побережье Калифорнии, Дэвид сразу ощутил тревогу Кейт.

– По прикидкам, трубы удастся извлечь за пару недель, – сообщил он. – У них независимый источник питания, но все равно надо проявлять осторожность.

– Я думала... как же нам быть.

– Я тоже. Думаю, нашему сыну нужен братик или сестренка примерно его возраста. – Он приподнял брови. – Обещаю закончить дом до твоего второго триместра.

– По рукам.

От автора

Вы добрались! В смысле, до конца трилогии. А вот я пару месяцев сомневался, что мне это удастся. Я довольно долго мучился по поводу того, куда же эта книга должна привести.

Предысторию атлантов я задумал не один год назад и всегда намеревался поведать эту историю в последней книге, но после выхода в свет «Чумы Атлантиды» вроде как занервничал.

Третья книга во многом отличается от первых двух (бóльшая часть действия разыгрывается вне Земли, и в ней меньше о нашей науке и истории и больше о нашем возможном будущем и мифах, движущих нами).

В конце концов я решил написать роман, который хотел бы прочесть сам, в уповании, что фанаты, которым понравились первые две книги, придут от нее в восторг.

Надеюсь, она доставила вам наслаждение, но пойму, если это не совсем то, чего вы хотели или ожидали.

Я, типа, вмазал по мячу изо всей дури.

В данном случае мне хотелось написать книгу, которую маленькая кучка фанатов

полюбит,

а не роман, который просто понравится большой группе читателей.

В роли читателя я предпочитаю как раз такой подход. Я хочу быть рискованным автором, который попадает либо в «молоко», либо прямо в «яблочко». Жизнь слишком коротка для попаданий вокруг да около.

За последний год я много узнал о литературном труде, а еще больше – о жизни. Быть писателем – это не как два пальца об асфальт. Но уж теперь я намерен держать марку. И надеюсь, что вы меня не покинете.

Джерри

P. S. Если хотите знать, когда я выпущу новую книгу, можете подписаться на мой список рассылки, посетив мой веб-сайт www.AGRiddle.com

.

Письма я разошлю, только когда выпущу новую книгу.

Благодарности

Свой вклад в этот роман внесли очень многие, и я должен сказать им огромное спасибо. А именно:

Анне. Без тебя я ни за что не сумел бы донести эту книгу до рук читателей настолько быстро, а моя жизнь была бы куда менее здоровой и приятной. Я люблю тебя и ценю каждый день с тобой.

Кэрол Дюбберт, Силви Делезей и Лизе Вайнберг – моим альфа-редакторам – за абсолютно изумительную корректуру, редактуру и предложения. Спасибо еще раз. Вы вылавливали такое, что я сам нипочем бы не заметил, и помогли мне увидеть, что нуждается в доработке.

Хуану Карлосу Барке за изумительную оригинальную иллюстрацию для обложки. С вами было приятно работать над этой серией, и благодарен, что вы оживили мои миры и пригласили в мои книги людей.

Лучшей группе бета-читателей, каких только может пожелать любой автор. Вы все сделали этот роман намного лучше, чем он был, и я вам благодарен. Вы: Фрэн Мейсон, Синди Предегаст, Линда Уинтон, Линн Макгайверон, Эмили Чин, Скип Фолден, Дейв, Джейн

Маркони, Эн-Джей Фритц, Терри Дейгл, Майора Хэнсон, Джефф Бейкер, Шон Керкер, Мишель Дафф, Кристен Миллер, Дуэйн Спеллисэси, Вирджиния Макклейн, Викки Гиббинс, Брайан Пьюззо, Стиве Низ, Дженнифер, Рон Уоттс, Келли Махоуни, Ли Эймс, Робин Коллинз, Сандей Мойлан, Никита Пухальски, Пол Джеймисон, Теодора Ритиген и Кэти Рейган.

Майку Кону, Джеймсу Дженкинму, Джареду Уортхэму, Кейти Белфорд, Марко Виллануэве, Майклу Шекелзу, Джону Сканлону и Донне Фицджеральд – за ваши пытливые умы.

И последнему по счету, но не по значению из моих читателей – тебе, где бы ни был, когда бы это ни было: спасибо тебе за чтение моих первых литературных трудов. Эта трилогия в равной степени была для меня и работой, и удовольствием, и я искренне надеюсь, что она доставила вам удовольствие. Удачи и доброго пути.

Сноски

1

АНБ

– Агентство национальной безопасности США.

2

Редакция подчеркивает, что изложение и интерпретация научных фактов, а также не вполне научные домыслы целиком находятся в сфере ответственности автора.

3

Плотина «Три ущелья» – самая мощная в мире гидроэлектростанция.

4

У бойскаутов это сокращение означает «Мы будем верными разведчиками». В оригинале *Webelos*, что звучит столь же нелепо.

5

Термин из сферы IT-индустрии. Подразумевается непроверенная пробная версия.